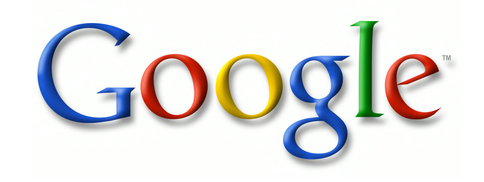
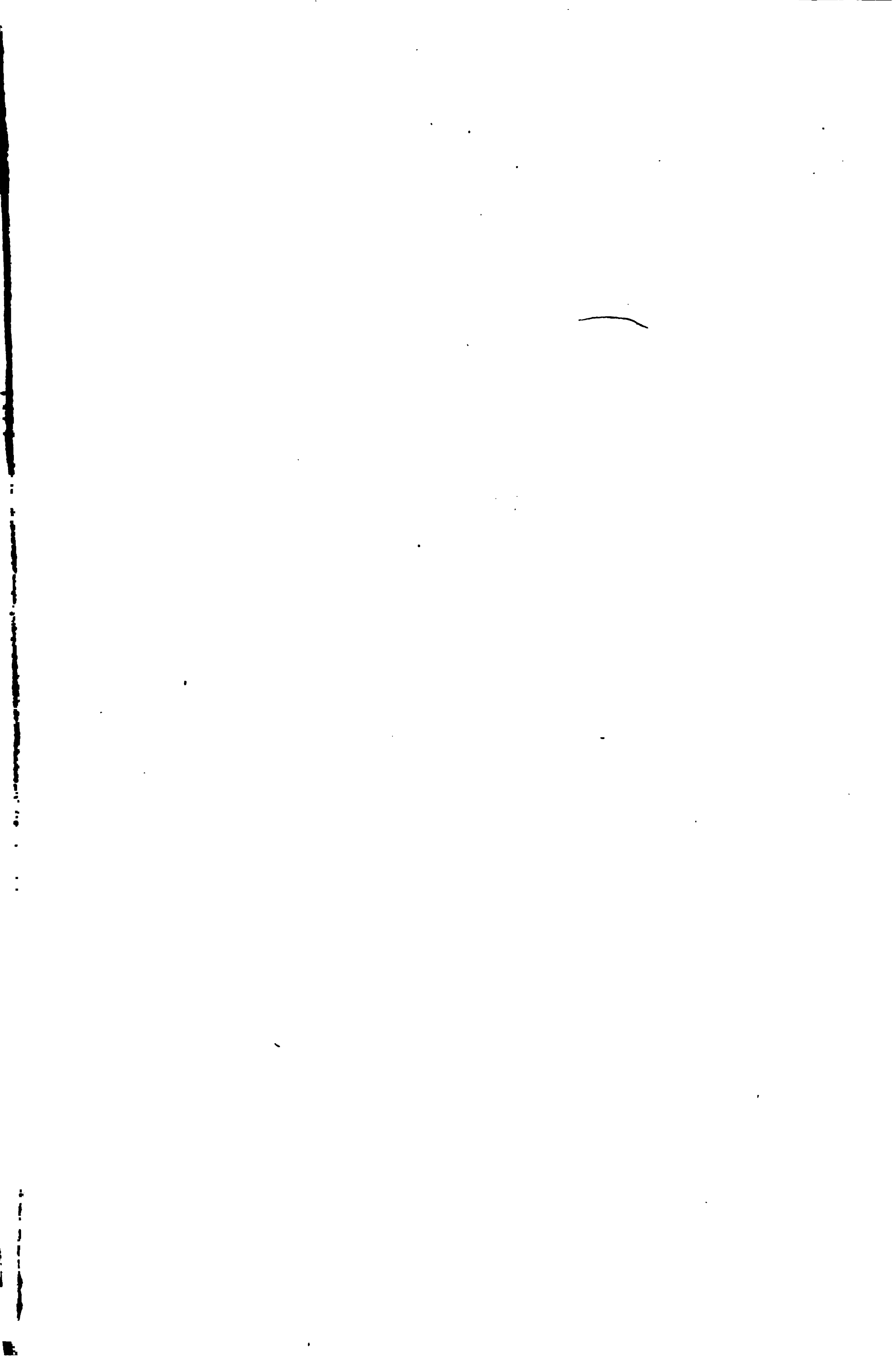
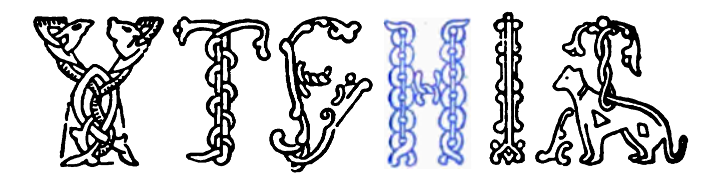

Google



Чтенія
въ Историческомъ обществѣ
Нестора Лѣтописца.
Книга семнадцатая.
Кіевъ 1903.
Е. Пазухин.



ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Р. К. Лубковскаго. Б.-Владимірская улица, № 49.
1903

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*

Содержаніе XVII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

ОТДѢЛЪ I.

Вып. 1.

Вып. 2.

I.

Стр.

Вып. 4.

ОТДѢЛЪ III.

Вып. 1, 3 и 4.

ОТДѢЛЪ IV.

Вып. 3 и 4.

ОТДѢЛЪ V.

Вып. 1.

Вып. 3.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вып. 1—4.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Кіевская Старина“,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

въ 1904 году

(22-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

будетъ издаваться по прежней программѣ и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. Журналъ выходитъ книгами, въ 14 и болѣе листовъ, въ началѣ каждаго мѣсяца, заключая въ себѣ статьи, представляющія изслѣдованія по исторіи, литературѣ и этнографіи юга Россіи, а равно цѣнные матеріалы, касающіеся той же области; сверхъ того, будутъ печататься русскія и малорусскія беллетристическія произведенія, а также библіографическія извѣстія о книгахъ и журнальныхъ статьяхъ, касающихся юга Россіи.

Подписная цѣна *10 руб.* въ годъ съ доставкою и пересылкою, а на мѣстѣ—*8 руб. 50 коп.;* за-границу—*12 руб.* Разсрочка допускается по соглашенію съ Редакціей. Отдѣльныя книги журнала по *1 руб.*

Подписка принимается въ Редакціи журнала *„Кіевская Старина“* (Троицкая площадь, Народный Домъ), въ книжной торговлѣ Редакціи „Кіевской Старины“ (Безаковская, № 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ Редакціи и въ книжной торговлѣ „Кіевской Старины“.

Редакторъ-издатель *В. Науменко.*

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ апрѣля по октябрь 1902 г. включительно.

X. Засѣданіе 28 апрѣля 1902 г.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій**, по случаю исполнившагося 2-го апрѣля этого года 50-лѣтія существованія Центральнаго Архива для древнихъ актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской при университетѣ св. Владиміра, изложилъ „*Исторію учрежденія Центральнаго Архива*“ (войдетъ въ настоящую книгу „Чтеній“).

б) Д. чл. **А. І. Степовичъ** сообщилъ о новомъ трудѣ по исторіи Чешской литературы: *Písemnictví české slowem i obrazem od najdávnějších dob až po naše časy. Píše d-r Václav Flajšhans. Nakladatele Grosman i Svoboda v Praze. 25 выпусковъ, 766 стр. 1901 г.*

Обстоятельное и цѣлесообразное изложеніе исторіи литературы какого-нибудь культурнаго народа — дѣло, какъ извѣстно, большой трудности, потому что въ концѣ-концовъ отъ автора требуется ни болѣе ни менѣе, какъ обнаружить, можно сказать, святая святыхъ народной души, раскрыть ея сокровеннѣйшіе тайники и глубочайшія чувствованія, повѣдать міру народные идеалы, воплощенные въ изящнѣйшихъ твореніяхъ художественнаго слова. А такой трудъ не всегда и не всякому подъ силу. Онъ не только требуетъ множества подготовительныхъ работъ, расчищающихъ путь изслѣдователю всѣхъ этихъ мелочныхъ разысканій, кропотливыхъ занятій по изданію и обслѣдованію памятниковъ,

монографій, но въ своей успѣшности обусловленъ въ сущности еще едва-ли не важнѣйшимъ обстоятельствомъ, а именно, наличностью у автора созидательнаго, проникновеннаго дарованія, которое позволило бы ему не только овладѣть всѣмъ наличнымъ матеріаломъ, но и извлечь изъ него все, что помогло бы ему наилучше выполнить указанныя задачи. Въ самомъ дѣлѣ, можно прекрасно овладѣть предметомъ и всею его литературою и не быть въ состояніи написать дѣйствительно дѣльную и цѣлесообразную исторію литературы, разъ у изслѣдователя не имѣется въ наличности вышеуказанной проникновенной способности осмыслить и правдиво освѣтить собранный матеріалъ и по немъ возсоздать идеальный образъ души народной. Вотъ причина, почему такъ мало книгъ, которыя можно было бы по всей справедливости назвать дѣйствительными „исторіями литературы“. Сплошь и рядомъ мы встрѣчаемъ плохія книги въ этой области, неуспѣхъ которыхъ обусловленъ или жалкимъ состояніемъ предварительной разработки данныхъ, отсутствіемъ монографій и т. п. или недостаткомъ у авторовъ вышеуказанной созидательной способности.

При отсутствіи наличности указанныхъ требованій, когда однакоже въ обществѣ существуетъ спросъ на книги по исторіи литературы, добросовѣстные изслѣдователи обыкновенно стараются ограничивать свою задачу и съуживать кругъ поставленныхъ ими вопросовъ. Они или даютъ чисто библіографическаго характера труды по эпохамъ либо въ азбучномъ порядкѣ писателей; таковы, напримѣръ, труды Юнгмана и І. Иречка по исторіи чешской литературы, при чемъ главною заботою и цѣлью изслѣдователей является опредѣленіе *наличности* всей литературы,—отмежевываютъ себѣ опредѣленныя эпохи (древнюю, среднюю либо новую; таковъ, напримѣръ, извѣстный трудъ Ягича, излагающій древнюю пору исторіи хорватской литературы, или Бочковскаго, задавшагося цѣлью обстоятельно изложить новый періодъ чешской литературы). Иные изъ изслѣдователей, отчаяваясь въ возможности одолѣть весь предлежащій, часто

еще и мало разработанный, матеріалъ, ограничиваются разсмотрѣніемъ только самыхъ яркихъ теченій и важнѣйшихъ данныхъ исторіи литературы и изложеніемъ дѣятельности лишь ея вожаковъ и руководителей, опуская всѣ подробности и различныя мелкія данныя. Только такимъ путемъ имъ обыкновенно удается написать не недоконченныя, хотя и солидныя работы, каковыми были, напримѣръ, извѣстные труды І. Добровскаго или К. Сабины по исторіи чешской литературы, а болѣе или менѣе цѣльные доведенные до конца очерки исторіи литературы, удовлетворяющіе такъ или иначе запросамъ читающаго общества, если не требованіямъ чистой науки; такъ поступилъ, напримѣръ, какъ извѣстно, г. К. Тифтрункъ, авторъ наиболѣе распространенной книги — исторіи чешской литературы. Наконецъ, четвертые, къ которымъ принадлежитъ и авторъ разсматриваемой нами книги, желая составить тоже цѣльные и законченные очерки, берутъ предметъ болѣе съ внѣшней, такъ сказать, его стороны и пишутъ уже не столько исторію литературы народа, составить которую они не берутся, не чувствуя въ себѣ достаточно силъ, а также и по недостаточности предварительной разработки данныхъ, сколько исторію, если можно такъ выразиться, книги у народа; они слѣдятъ за внѣшними историко-литературными судьбами его и, желая оживить свое, по необходимости сухое, изложеніе, обыкновенно вводятъ въ него множество наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ лучшихъ произведеній изящной словесности, снимковъ съ рукописей, автографовъ и т. п. и, наконецъ, портретовъ, изображающихъ писателей въ извѣстные моменты ихъ жизни или въ извѣстныхъ условіяхъ работы и т. п. Только при помощи такихъ пріемовъ книги ихъ дѣлаются удобочитаемыми и становятся достояніемъ общества.

Именно къ этому послѣднему указанному нами разряду историко-литературныхъ работъ и относится названная книга г. Флайшганса. Составлена она, соотвѣтственно задачѣ автора, вполнѣ цѣлесообразно и можетъ служить недурнымъ образцомъ для всѣхъ подобнаго рода трудовъ, кстати сказать,

отсутствующихъ въ нашей литературѣ, гдѣ извѣстная новѣйшая книга г. Полевого, изданная Марксомъ, далеко не отвѣчаетъ своему назначенію, такъ какъ при общей скудости изложенія она полна еще всевозможныхъ промаховъ и ошибокъ (напримѣръ, въ изложеніи почти совершенно обойдены южнорусскія думы).

Обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ. Говоря на страницахъ 9—11 о чехизмахъ въ старо-славянскихъ книгахъ, какъ послѣдствіи литературной дѣятельности свв. славянскихъ учителей Кирилла и Меѳодія на чехоморавской почвѣ, авторъ не указываетъ однако ни одного примѣра такихъ чехизмовъ, что между тѣмъ было бы далеко неизлишне и для читателей очень поучительно, такъ какъ удовлетворило бы и требованіямъ бо́льшей доказательности сужденій и живости, наглядности изложенія. Въ статьѣ г. Соболевскаго въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ" за 1900 г. (кн. 1—2, стр. 150—218) собранъ довольно обильный и любопытный матеріалъ по этому вопросу. Правда, присутствіе въ древнеславянскихъ переводахъ книгъ Священнаго Писанія значительнаго количества западно-славянскихъ, въ частности чехоморавскихъ, словъ и выраженій и разныхъ фонетическихъ особенностей давно уже было извѣстно ученымъ; но, кажется, г. Соболевскій первый рѣшился заняться этимъ вопросомъ съ болѣе строгой фактическою основательностью и опредѣлить болѣе или менѣе точно наличность западнославянскихъ языковыхъ стихій въ древне-церковнославянскомъ языкѣ священныхъ книгъ; его работа, правда,—лишь попытка, но попытка, прочищающая путь новымъ изслѣдователямъ и въ этомъ отношеніи имѣющая, на нашъ взглядъ, важное значеніе. Привести нѣсколько данныхъ изъ нея автору разбираемой книги очень не мѣшало бы. Кстати, изъ пропусковъ въ статьѣ г. Соболевскаго укажемъ слѣдующіе:

Стѣнь—umbra, несомнѣнно чехизмъ; срв. современное чешское *stin*.

Скврьна—macula, sordes; срв. чеш. *Skorna*.

Пакы—rursus, sicque. Не можетъ ли это слово быть приведено къ современному чешскому *pak?*

Нынѣ—modo. Это слово и теперь еще употребительно въ чешскомъ народномъ языкѣ (nyni), гдѣ оно, конечно, исконнаго происхожденія, а не заимствовано, какъ въ русскомъ, и др.

Среди прекрасно сдѣланныхъ снимковъ, напримѣръ гласованной псалтири XIII в., хранящейся въ Пражскомъ музеѣ Чешскаго королевства, пѣсни о Божьемъ тѣлѣ XIII в., принадлежащей Пражской университетской библіотекѣ, Постиллы Петра Хельчицкаго. Подѣбрадской псалтири, хранящейся въ Дрезденѣ, съ превосходнымъ заставочнымъ цвѣтнымъ рисункомъ на золотомъ полѣ (снимки эти вполнѣ передаютъ всю внѣшность снятыхъ листковъ отъ формата и величины до краски буквъ), находимъ и снимокъ съ знаменитой Краледворской рукописи, которую авторъ, убѣжденный защитникъ, счелъ возможнымъ ввести въ свое изложеніе (37—45 стр.), оставивши совершенно въ сторонѣ—и справедливо—Зеленогорскую рукопись. Можетъ быть, было бы осторожнѣе перенести это изложеніе съ древняго времени въ XIX-й вѣкъ, когда произошло нѣсколько необычное открытіе памятника... но, во всякомъ случаѣ, врядъ ли можно упрекать автора за сдѣланное, въ виду того, что вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ названнаго памятника далеко еще не рѣшенъ ни въ ту, ни въ другую сторону: если защитники его находятся не въ особенно завидномъ положеніи, то врядъ ли лучше себя чувствуютъ и противники... Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вкратцѣ прослѣдить новѣйшую исторію спора, начиная съ 1885—6 гг., чтобы имѣть право сдѣлать вышеуказанное утвержденіе безъ особенныхъ натяжекъ. Обозрѣніе вопроса до 1880 г. см. въ книгѣ А. Стороженка: „Очеркъ литературной исторіи Зеленогорской и Краледворской рукописи“ (Кіевъ, 1880 г.) Если бы позволяло время и мѣсто, мы могли бы предложить вкратцѣ важнѣйшія данныя этого новѣйшаго спора, чтобы нагляднѣе показать читателю, въ какой мѣрѣ г. Флайшгансъ былъ

вправѣ распорядиться съ Краледворскою рукописью именно такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, т. е. ввести ее въ свое изложеніе, не взирая на обильную возраженіями литературу ея противниковъ...

Справедливость требуетъ признать, что Флайшгансъ съ большимъ безпристрастіемъ изложилъ вкратцѣ ходъ и сущность споровъ о подлинности Краледворской рукописи (42—45 стр.); его спокойное изложеніе чрезвычайно правдиво и близко къ истинѣ; въ немъ очень искусно указаны и сильныя и слабыя стороны въ доводахъ обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Въ изложеніи выдающихся литературныхъ явленій и дѣятельности писателей новаго времени соблюдены авторомъ, сколько мы могли судить, вообще довольно цѣлесообразныя и правильныя пропорціи и перспективы. Кажется, однакоже, что Юлій Зейеръ, котораго самъ Флайшгансъ на 719 страницѣ приравниваетъ, быть можетъ, едвали справедливо, къ Святополку Чеху и Ярославу Верхлицкому, заслуживалъ большаго вниманія, чѣмъ то, которое оказано ему въ книгѣ на какихъ-нибудь четырехъ страницахъ (С. Чеху посвящено болѣе 10 стр., а Я. Верхлицкому болѣе 8). Дѣятельность молодаго, сравнительно, поэта-реалиста І. С Махара (род. 1864 г.) тоже заслуживала бы нѣсколько болѣе пространнаго разсмотрѣнія, а то о такихъ замѣчательныхъ его произведеніяхъ, какъ „Zde by mêly kvêst ruozê“ (1894 г.) и спеціальная поэма „Magdalena“ (1894 г. 2-е изданіе 1900 г.) сказано лишь нѣсколько словъ (русскій отзывъ о ней см. въ моей книжкѣ „Славянскія Извѣстія“, Воронежъ, 1897 г. 156—8 стр.). Равнымъ образомъ незаслуженно обиженъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи и такой выдающійся представитель чешскаго романтизма, какъ К. Маха, чья поэма—произведеніе, отличающееся замѣчательною творческою силою—навсегда останется однимъ изъ характернѣйшихъ поэтическихъ воплощеній байронизма на чешко-славянской литературной почвѣ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ одномъ чисто внѣшнемъ обстоятельствѣ, нѣсколько неудобномъ для широкой публики: я говорю о значительномъ количествѣ факсимиле авторскихъ подписей, находящихся подъ изображеніями писателей; эти подписи иногда такъ неразборчивы, что нуждались бы въ общепонятной транскрипціи (что иногда и дѣлается, но далеко не часто).

Это обстоятельство бываетъ тѣмъ непріятнѣе, что изображенія писателей находятся часто не на тѣхъ страницахъ на которыхъ предложено изложеніе ихъ литературной дѣятельности, такъ что и это послѣднее иногда не можетъ помочь читателю въ отгадываніи личности писателя съ неразборчивою подписью, не снабженною печатнымъ текстомъ. Равнымъ образомъ, кажется, было бы нелишнимъ, если бы составитель книги, которая, конечно, получитъ широкое распространеніе и въ болѣе обширныхъ кругахъ читающаго общества, приложилъ ко многимъ неразборчивымъ снимкамъ съ древнихъ и старинныхъ памятниковъ, недоступныхъ для обыкновенной публики, ихъ современныя транскрипціи, а при латинскихъ текстахъ и переводы; иначе любознательность многихъ почтенныхъ любителей можетъ остаться не удовлетвореннною. Таковы, напримѣръ, снимки, сдѣланные для приложеній на отдѣльныхъ листахъ съ латинской грамоты короля Владислава I, 1160 г., № 6—начала „Rady otce synovi“ Смиля Фляшки изъ Пардубицъ, № 7—снимокъ легенды о св. Юріи по рукописи XIV-го в. и мн. др.

Сводя все вышесказанное въ одно, мы должны признать, что въ общемъ цѣль, поставленная себѣ г. Флайшгансомъ въ составленной имъ книгѣ, достигнута имъ вполнѣ, и его прекраснымъ трудомъ чешская литература вправѣ гордиться. Народъ, поддерживающій и окупающій подобныя книги, не взирая на свою сравнительную малочисленность, смѣло можетъ глядѣть въ глаза загадочному будущему...

По поводу вопроса о Краледворской рукописи произошелъ обмѣнъ мнѣній между референтомъ и А. В. Стороженкомъ.

в) Д. чл. **И. М. Каманинъ** представилъ въ своемъ чтеніи „Состояніе и дѣятельность Кіевскаго Центральнаго Архива въ истекшія 50 лѣтъ (1852—1902 гг.) его существованія“ (будетъ напечатано въ настоящей книгѣ „Чтеній“).

Въ закрытой части засѣданія постановлено присоединить къ числу депутатовъ отъ Общества Нестора-лѣтописца на XII-й Археологическій Съѣздъ въ г. Харковѣ въ августѣ 1902 г. еще двухъ членовъ Общества: Е. Н. Мельникъ и В. З. Завитневича.

XI. Засѣданіе 12 мая 1902 г.

Настоящее засѣданіе было посвящено чествованію памяти извѣстнаго русскаго писателя *В. А. Жуковскаго* по случаю истеченія 50-лѣтія со дня его смерти (12 апрѣля 1852 г.) По этому поводу

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** разъяснилъ „*Основную мысль поэзіи Жуковскаго*“ (будетъ напечатано въ настоящей книгѣ „Чтеній“).

б) Д. чл. **А. М. Лобода** прочелъ сообщеніе „*О народности въ поэзіи Жуковскаго*“ (будетъ напечатано также въ настоящей книгѣ).

По затронутому референтомъ вопросу о бардахъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и дополненій Н. П. Дашкевичъ.

XII. Засѣданіе 26-го мая 1902 г.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій** сообщилъ „О командировкѣ его въ г. Полтаву и Миргородскій уѣздъ для осмотра старинныхъ церквей“ (будетъ напечатано въ настоящей книгѣ „Чтеній“).

Замѣчанія по поводу этого чтенія были сдѣланы А. А. Дмитріевскимъ, Н. П. Дашкевичемъ и В. А. Чаговцемъ.

б) За отсутствіемъ д. чл. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго** г. предсѣдатель представилъ его „*Отчетъ о поѣздкѣ въ г. Глуховъ*“.

I.—Въ виду незначительности какъ въ количественномъ, такъ, особенно, въ качественномъ отношеніи, памятниковъ

Украинской старины, обнаруженныхъ экскурсіей 1900 г. въ Кіевской губ., въ 1901 г. мной совершены двѣ поѣздки въ Черниговскую и Полтавскую губ.

Недостатокъ времени не позволилъ расширить поѣздку на значительное число пунктовъ. Пришлось ограничиться лишь двумя, гдѣ можно было предполагать присутствіе значительнаго числа памятниковъ старины. Таковымъ для Черниговской губ. было г. Глуховъ, одно время столица Малороссіи; въ Полтавской же губ. осмотрѣны памятники старины г. Полтавы.

Во время настоящей экскурсіи, какъ и во время предыдущей, главный матеріалъ для наблюденій дали памятники церковной старины.

Изъ Глуховскихъ церквей заслуживаютъ вниманія въ настоящее время лишь двѣ: соборная церковь св. Тройцы— по сохранившейся въ ней цѣнной утвари, и Николаевская— наиболѣе древняя.

Соборная церковь св. Тройцы. Нынѣшнее зданіе церкви въ архитектурномъ отношеніи не представляетъ ничего интереснаго: это неуклюжая постройка конца XVII ст.

Но за то церковная утварь какъ этой церкви, такъ и переданная сюда изъ другихъ церквей, представляетъ значительный художественный интересъ.

1) На первомъ мѣстѣ нужно поставить евангеліе Московской печати 1698 г. въ великолѣпномъ серебрянномъ окладѣ, сдѣланномъ въ Москвѣ, въ 1704 году (*таб. 1 и 2*). Евангеліе подарено въ церковь св. Троицы Глуховскимъ сотникомъ Алексѣемъ Туранскимъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ слѣдующая надпись по листамъ: „Самъ Христосъ реклъ препа (у Филарета — „про ня“) свтѣйшими своими оусты: вѣруяй во мене и во еvліе, аще и умрет, жив будет и вся вѣрующему во благое бывает поспѣше(ст)вуемо. З якою вѣрою еще и дѣлъ не имѣючи оправъдающих мя азъ многогрѣшный рабъ Бжий Алеѯѣй Михайловичъ Туранскій на той час сотникъ Глуховскій властимъ своимъ коштомъ и накладомъ сие еvгліе справилъ и подалъ до

храму ст. живоначальной Тройцы, соборной Глуховской за здравие и отпущеные грѣховъ своихъ и малжонки своей Мрии и потомства ншего мл. Алексѣя, мл. Демяна, Вассю, мл. Анны, мл. Анастасію в живихъ; а за преставлшихся Михаила, Васси, зде почивающихъ и прочихъ родителей. Сіе еvгліе волно в потомный час якъ власное свое уховай Бже убожества где хотя и обернути. А роблено оное еvглие на Москвѣ року от нароженія Сна Бжия ѧѱ҃д феврал л҃, ваги в немъ гривен к҃: д҃, дано от работы рублей р҃."

Все это написано полууставомъ киноварью. Далѣе, чернилами скорописью: „В том Ia помененый руку подписую Алеѯѣй Михайловичъ (Григоревъ) Турянскій сотникъ войска Его црского пресвѣтлого влчтва запорозского Глуховский рукою власною".

На оборотѣ перваго листа помѣщены вирши, сочиненныя самимъ Туранскимъ; подъ виршами подпись: „Composuit haec carmina Ąlexiy Turansky auditor eloquentiae in Lyceo doctae Palladis Mohileano Kiioviensis"... Вирши слѣдующаго содержанія: „Посесоръ сего Еvглия".

Алфа и омега Синъ Предвѣчное Слово
Любве рады члвка претворивый в ново.
Едема паденыемъ во грѣсѣхъ лежаща
Крайнымъ сошествием обновивій тляща.
Сыя еуглская намъ изрече слова
Вѣруяй в не наслѣдытъ цръствыя Хрства.
Мракомъ смерты не оумретъ. Будет живъ во вѣки
И разлучшися тѣломъ зде со чловѣки
Храмина дши его лечъ не разорится
Адъскими сѣты на ономь свѣтѣ не вдержися
И азъ многогрѣшный сыя в немъ слишащи
Ложити коштъ на оно поне красно зращы
Оцѣнывши до храму Тройчески надаты.
В сѣмъ сот четвертомъ году его справоваты
И дай азъ тѣми слови бывши оутверженный
Чаяныемъ вѣры правой буду возведенный

Тамъ идѣже агглстии славословятъ лики
У престола предстояще всѣхъ тварей владики
Равно на судъ со всѣми будучи позванный
Адомъ да не буду азъ грѣшный там порванный
Не удержимъ зоставши адовими сѣты
С гражданы небесними сподоблюся пѣты
Крѣпкому вся держащу единому Бгу
Ісусу честь сполне воспиаты многу.
Славяще в тріехъ лицехъ Едыного Бга
К нему грѣшну да будитъ мнѣ певна дорога.

Окладъ евангелія (55 стм. высоты и 38½ стм. ширины), повидимому, представляетъ собой лучшій образецъ работы подобнаго рода того времени.

На лицевой сторонѣ (*таб. 1*), въ центрѣ—круглый образокъ св. Троицы, по угламъ—четыре евангелиста. Поле кругомъ украшено рельефнымъ растительнымъ орнаментомъ, въ завиткахъ котораго помѣщено еще 13 меньшихъ образковъ. Всѣ образки исполнены на финифти. Но особую достопримѣчательность оклада составляетъ небольной финифтяный медальонъ, помѣщенный ниже центральнаго образка, съ погруднымъ портретомъ Петра I, Кнеллеровскаго типа [1]).

Нижняя часть оклада *(таб. 2)* заключаетъ на гладкомъ полѣ четыре угловыхъ образка съ изображеніями святыхъ и центральный съ изображеніемъ Богородицы; всѣ образки въ ажурныхъ рамкахъ; они, повидимому, были украшены финифтью, въ настоящее время не сохранившеюся. Подъ образкомъ Богоматери помѣщенъ небольшой финифтяный медальонъ съ изображеніемъ сердца, проткнутаго мечемъ и двумя стрѣлами и съ четырьмя буквами по сторонамъ: А. Т. С. Г. (Алексѣй Туранскій Сотникъ Глуховской).

2) Другое старинное евангеліе, хранящееся въ Троицкой церкви, перешло сюда изъ несуществующей уже Михай-

---

[1]) См. Ровинскій, Подробн. Словарь, т. III, рис. 1541.

ловской церкви. Евангеліе Московской печати 1681 г. въ прекрасномъ серебряномъ окладѣ, длиной 45½ стм. а шириной 29 стм. *(таб. 3 и 4).* Окладъ и этого евангелія Московской работы.

Подарено евангеліе Михаиломъ Миклашевскимъ; объ этомъ говоритъ нижеслѣдующая надпись по листамъ: „Сия Еvглія словеси Гдня словеса ч(с)та, благовѣстія стыхъ четырехъ еvглистовъ справлена в царствующемъ градѣ Москвѣ при державѣ пресвѣтлѣйших великих гдрей црей и великих князей Іоанна и Петра Алеѯѣевичовъ и при реиментарствѣ ясне велможного его мл. пна Іоанна Мазепи гетмана войскъ запорозких власнимъ коштомъ до того и охочимъ накладомъ его млти пна Михаила Миклашевского, а надана до црквы свтого архистратига Хрстова Михаила патрона своего в градѣ Глуховѣ на вѣчныя лѣта за спасеніе и отпущеніе грѣховъ своихъ и панѣ малжонки своей Іоулияни Миклашевской и за в Богу преставшихся прародителей и кревных своихъ и малжонки Матроны и потомъства. Якого свтого еvглія нѣхто не повинен от мененного храму отдалити кроме лекгатора. В такомъ теды оферованю вышмененной особы свѣдомы будучи я Маѯимъ Софоновичъ свщеникъ свто никольскій глуховскій и Алеѯѣй Турянскій з многимы гражданамы подписались. Въ роху идучомъ а҂хпи априля ді дня.

Кромѣ евангелій, въ Троицкой церкви заслуживаютъ вниманія еще четыре старинныхъ потира.

3) Потиръ *(таб. 5, а)* высотой 30½ стм., внизу, по ободку, надпись: „Сей келѣхъ отмѣнили парохвияне до Успения пресвятыя Бцы у Глуховѣ до зановой церкви † за стране Алексѣя Заруцкого“.

4) Потиръ *(таб 5, б),* высотой 30 стм., на подставкѣ, въ средней части, полукругами надпись: „Року а҂хп мця януарія л дня преставися преосвященный архиеппъ Климентій Прикопскій и Мармарынскій; пмяни Гди дшу раба своего в црствіи нбномъ“.

5) Потиръ *(таб. 6, а)*, высотой 35 стм., съ эмалевымъ изображеніемъ распятія (на крестѣ — I. N. R. I.), безъ надписи.

6) Потиръ *(таб. 6, б)*, высоты 32³/₄ стм.: внутри подставки надпись: „Сей потир до церкви сто михайловской глуховской надала вдовствующа сотнѣкова Криска Нѣкиѳорова сопственом коштом своим року 1738 Ѳеодора“.

Николаевская церковь. Постройка церкви относится, по всей вѣроятности, къ XVII ст. Церковь каменная, трехкупольная, носитъ всѣ признаки мѣстнаго архитектурнаго стиля [1]. Предметовъ старинной церковной утвари въ церкви сохранилось довольно много.

1) Евангеліе московской печати 1681 г. Записи нѣтъ, но въ „Историко-статист. описаніи Черниговск. епархіи“ Филарета (кн. 7, стр. 280) говорится, что это евангеліе „подарено въ 1674 г. гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ“.

Серебряный окладъ евангелія *(таб. 7 и 8)*, длиной 28¹/₂ стм., также, повидимому, Московской работы конца XVII ст.; объ этомъ свидѣтельствуетъ большое сходство его оклада съ таковымъ евангелія того-же года, хранящагося въ соборной церкви и уже выше описаннаго *(таб. 3 и 4)*. Священныя изображенія, покрывающія обѣ стороны оклада, были отдѣланы въ первоначальномъ видѣ финифтью бѣлаго, зеленаго и голубого цвѣтовъ; финифть въ настоящее время почти совершенно уничтожилась, скорѣе всего—отъ не въ мѣру усердной чистки оклада.

2) Серебряная дарохранительница *(таб. 9)*. Высота 57¹/₂ стм.; форма дарохранительницы очень оригинальна: на узкой подставкѣ помѣщена гробничка, на верху которой находится фигура воскресшаго Христа. По угламъ гробнички, вокругъ фигуры Христа, должны были быть, по всей

---

[1]) Я не снялъ фотографіи съ церкви, такъ какъ снимокъ съ нея, исполненный уже фототипіей, будетъ приложенъ къ работѣ П. Я. Дорошенко, посвященной Глуховской старинѣ.

вѣроятности, фигуры ангеловъ; ихъ теперь нѣтъ, остались лишь мѣста ихъ прикрѣпленія.

3) Серебряный напрестольный крестъ, высотой 79 стм. *(таб. 10 и 11).* Поле возлѣ рельефныхъ изображеній раздѣлано чернью; въ приставныхъ украшеніяхъ къ кантамъ креста вставлены въ гнѣздахъ стекла синяго и краснаго цвѣтовъ. Въ „Описаніи Черниг. епархіи" Филарета сказано, что этотъ крестъ—даръ Разумовскаго.

4) Образъ Маріи Египетской въ серебряной ризѣ *(таб. 12).* Высота 42 стм., ширина 33 стм. Риза представляетъ изъ себя хорошій образецъ работы XVIII в. На ризѣ клеймо: „А. К." и Георгій Побѣдоносецъ.

5) Фелонь темно-зеленаго бархата съ оплечьемъ *(таб. 13),* шитымъ серебромъ по малиновому бархату.

6) Фелонь малиноваго бархата съ оплечьемъ *(таб. 14),* шитымъ серебромъ по свѣтло-коричневому бархату.

7) Большой и два малыхъ воздуха, шитыхъ серебромъ по бархату *(таб. 15, 16 и 17).* Лики и руки изображеній исполнены масляными красками. Шитье богатое, отличается изящной отдѣлкой.

II.—*Собраніе древностей П. Я. Дорошенка.* Моя работа въ г. Глуховѣ была въ значительной степени облегчена тѣмъ участіемъ, какое принялъ въ ней знатокъ Глуховской старины П. Я. Дорошенко. Считаю долгомъ выразить здѣсь ему мою искреннюю благодарность. П. Я. Дорошенко—ревностный собиратель мѣстной старины. Матеріалы, собранные имъ, по преимуществу архивные, уже описаны. Помимо этого, въ собраніи П. Я. Дорошенка есть кое-что и изъ вещественныхъ памятниковъ. Мы сняли фотографіи съ двухъ старинныхъ штофовъ и съ нѣсколькихъ рукописей, интересныхъ по орнаментамъ.

1) Стекляный небольшой штофъ половины XVIII ст. *(таб. 18).* На лицевой сторонѣ, среди выгравированнаго растительнаго орнамента помѣщены буквы А Я М Д; по словамъ П. Я. Дорошенка эти буквы означаютъ: „Асаулъ Ямпольскій Михайло Дорошенко".

2) Стекляный штофъ 1797 г. *(таб. 19 и 20)*. Орнаменты исполнены стекломъ молочнаго цвѣта. На лицевой сторонѣ, въ кружкѣ, среди растительнаго орнамента помѣщена слѣдующая надпись: „Сей штохвъ глуховского житиля Афанасья Филиповъского 1797 года месеця февраля 28 дня“. На оборотной сторонѣ—вѣтка растенія съ цвѣткомъ; рисунокъ здѣсь хотя и не сложенъ, но отличается сравнительно хорошимъ выполненіемъ.

3) Помянникъ изъ Николаевской церкви 1734 года. Заголовокъ его слѣдующій: „Сыя книга глаголемая Помянникъ списася до храму святителя Христова Николая за презвитера честнаго господина іерея отца Никифора Василіевича Шолупина глуховского. Року отъ рождества Христова ѧ҂ѱлд, мѣсяца марта ӣі дня“. Прилагаемъ снимокъ съ заглавнаго листа *(таб. 21)*.

4) Помянникъ изъ той же Николаевской церкви, также первой половины XVIII ст. Заглавіе его слѣдующее: „Синодикъ сирѣчъ Помянникъ исписася мною грѣшнымъ рабомъ божіимъ іереемъ Андреемъ Іоанновимъ сыномъ Дибичевскимъ“. Прилагаемъ снимки съ заглавнаго листа и первой страницы *(таб. 22)* и еще съ одной страницы, украшенной заставкой *(таб. 23)*.

5) Рукописная „Космографія“—„чрезъ мене Василія Юріевича Занковскаго з рукописной преписанная въ полку Полтавскомъ въ Жукахъ. Року 1719, Марта 22“. Рукопись эта принадлежала Самуилу Величкѣ. Заглавный листъ украшенъ рисунками *(таб. 24)*.

6) Рукописная „Географія“. „Печатано в Санктпѣтербурху по претеченіи року 1710. Нінѣже переписано з печатного отъ слова до слова рукою Василія Занковского въ Жукахъ 1727 року февраля 3 дня“. Заглавный листъ украшенъ орнаментомъ въ видѣ двухъ цвѣточныхъ вѣтокъ *(таб. 25)*.

По пути изъ Глухова я посѣтилъ с. Сварковъ.

III.—*С. Сварковъ, Глуховскаго у.* Село это—старинное гнѣздо рода Марковичей. Церковь св. Николая *(таб. 26)* построена въ 40-хъ годахъ XVIII ст. генеральнымъ подскарбіемъ Яко-

вомъ Андреевичемъ Марковичемъ. Церковная утварь оказалась сравнительно бѣдной, наиболѣе старинная относится лишь къ концу XVIII ст. Это—прежде всего, серебряный напрестольный крестъ *(таб. 27,а)*. Высота креста 48 стм.; внутри подставки надпись; „1791 года генваря 5 числа зделанъ". Затѣмъ, можно еще указать на чашу *(таб. 27, б)*; она серебряная, высотой 36 стм.; внизу ободка надпись: „1792 года мая 18 издѣланъ сей потиръ до храму (святителя?) Христова Николая в село Сварковъ стараниемъ священника Емилияна Болбѣнского здоброхотнихъ".

Въ Сварковѣ, въ семьѣ Марковичей, хранится нѣсколько старинныхъ фамильныхъ предметовъ. Большой интересъ представляетъ золотой крестъ-энколпіонъ *(таб. 28)*. Крестъ несомнѣнно глубокой древности; возлѣ рельефныхъ изображеній—грузинскія или армянскія надписи; по кантамъ креста, въ гнѣздахъ—драгоцѣнные камни. Крестъ привезенъ генеральнымъ подскарбіемъ Яковомъ Андреевичемъ Марковичемъ изъ похода къ Каспійскому морю. Другой предметъ, который я счелъ нужнымъ сфотографировать—серебряный ковшъ XVIII ст., принадлежавшій Дмитрію Марковичу, на что указываютъ латинскіе инициалы, выгравированные среди орнамента на ручкѣ ковша *(таб. 29)*.

в) За отсутствіемъ д. чл. **М. П. Истомина**, д. чл. И. М. Каманинъ прочелъ его *„Отчетъ о поѣздкѣ въ Межигорье и Кіевское Полѣсье.*

I.—Воспользовавшись каникулярнымъ отпускомъ, я изъ Вильна отправился минувшимъ лѣтомъ въ Кіевъ и въ нѣкоторыя, намѣченныя мною заранѣе, мѣста Кіевской губ-, чтобы продолжать уже нѣсколько лѣтъ назадъ начатыя мною занятія по южно-русской иконографіи. На этотъ разъ я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, сдѣлать экскурсію вверхъ по теченію Днѣпра отъ Кіева.

Въ районѣ, только-что указанномъ, прежде всего представляетъ не малый интересъ въ смыслѣ археологическомъ *Межигорскій* монастырь.

Всѣ описанія этого замѣчательнаго памятника конца XVII-го в., изъ коихъ на первомъ планѣ нужно поставить, конечно, статьи покойнаго проф. Максимовича, не коснулись почти нисколько стороны искусства. А между тѣмъ постройка и иконопись, собственно въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря, относятся къ эпохѣ, совпадающей съ весьма замѣтнымъ подъемомъ южно-русскаго строительнаго искусства. Я говорю приблизительно о періодѣ гетманства Мазепы, величественнымъ памятникомъ строительной дѣятельности котораго является въ самомъ Кіевѣ, между прочимъ, храмъ во имя святителя Николая на Печерскѣ, извѣстный болѣе, со времени царствованія Николая I, подъ именемъ военнаго собора.

Какъ по внѣшнему типу архитектуры, такъ и по внутреннему расположенію, отдѣлкѣ и характеру иконописи, Печерскій храмъ св. Николая въ Кіевѣ и Спасская церковь въ Межигорскомъ монастырѣ носятъ большое сходство, хотя первый величественнѣе по размѣрамъ и оригинальнѣе по разработкѣ иконографическихъ темъ. Сосредоточивъ свое вниманіе на томъ сюжетѣ, которымъ я собственно и занимаюсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, т. е. на иконографіи, я сдѣлалъ фотографическіе снимки въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря со всего, что, на мой взглядъ представляло интересъ въ этомъ отношеніи.

Какъ видно изъ описи Спасо-Преображенской церкви въ Межигорскомъ монастырѣ, датированной 1787 г., когда, какъ извѣстно, во время путешествія императрицы Екатерины II на югъ Россіи, въ монастырѣ этомъ случился загадочнаго происхожденія пожаръ, иконостасъ и роспись на внутренней сторонѣ послѣдняго, обращенной въ алтарь, сохранились въ цѣлости и послѣ пожара. Недавно роспись была реставрирована, подобно тому какъ и стѣнопись въ различныхъ частяхъ храма, но въ общемъ удержала свою первоначальную основу.

Иконостасъ въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря, какъ равно и въ Никольской Кіевской, пяти ярусовъ.

Иконостасъ вѣнчается рѣдкимъ Распятіемъ не по стереотипному способу Деисуса съ двумя предстоящими тоже рѣзными изображеніями: Богоматери и Іоанна, а по болѣе рѣдкому—съ четырьмя предстоящими: кромѣ двухъ названныхъ изображеній, здѣсь добавлены еще Іосифъ Аримаѳейскій съ плащаницею и Никодимъ съ сосудомъ въ рукахъ; у послѣдняго особенное вниманіе обращаетъ на себя головной уборъ (тюрбановидная шапочка), которымъ обыкновенно въ иконографіи традиціонно оттѣнялось, какъ, напр., среди изображеній пророковъ у Даніила, званіе восточнаго мудреца. Въ иконостасѣ заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія огромное изображеніе Онуфрія вел.

Довольно своеобразною чертою, общею иконостасамъ этихъ двухъ храмовъ, являются двѣ слѣдующія особенности: во-первыхъ, рѣзное изображеніе Творящей Десницы, знаменующей собою обыкновенно Бога-Отца; во-вторыхъ, варіаціи страстныхъ страданій Спасителя, большею частью по трактовкѣ сюжета и иконографическимъ пріемамъ приближающіяся къ такъ называемымъ въ католической церкви станціямъ Крестнаго Пути (7-ми или 14-ти), столь подробно разработаннымъ у нѣмецкихъ католическихъ художниковъ.

Вообще, мнѣ кажется, что для болѣе полнаго изученія тѣхъ вліяній, которымъ подвергалась въ концѣ XVI-го, XVII-го и XVIII-го вв. южнорусская церковная живопись, впитывая въ себя и западныя католическія композиціи, необходимо принимать во вниманіе и нашъ Сѣверо-западъ, т. е. Бѣлоруссію и Литву, съ которыми, какъ, напр., особенно съ Вильной, Кіевъ находился въ постоянномъ культурномъ общеніи.

Наблюденіе, отмѣченное Павломъ Алеппскимъ въ XVII в., относительно того, что „козацкіе живописцы отличаются наклонностью и умѣньемъ рисовать страсти Христовы", можетъ быть всецѣло отнесено и къ двумъ разсматриваемымъ мною храмамъ, во многомъ аналогичнымъ какъ по архитектурному плану, такъ и по своей иконографической отдѣлкѣ.

Вся сторона иконостаса, обращенная въ алтарь, занята варіаціями на тему крестныхъ сюжетовъ. Картины эти, писанныя на полотнѣ, наклеены на дерево. Изъ нихъ въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря особенно оригинальны двѣ группы: первая изображаетъ несеніе крестовъ вслѣдъ за Спасителемъ иноками; вторая—такое же шествіе крестоносицъ-инокинь вслѣдъ за Богоматерью. Оригинальными по сравненію съ прочими я считаю ихъ потому, что, судя по головнымъ уборамъ, принятымъ православными схимниками и монахами на Руси, изображенія эти не могутъ быть копіями съ какихъ-либо западныхъ образцовъ подобно тому, какъ, напр., даже довольно художественно исполненное изображеніе Распятія въ верхней части алтарной стороны иконостаса, по типу такъ называемаго „Отчества". Несеніе крестовъ въ южнорусской иконографіи является одною изъ самыхъ излюбленныхъ темъ.

Далѣе, весьма интересна икона Деисуса въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ: типы Іоанна Крестителя и Богоматери, а также и вѣнокъ изъ цвѣтовъ на головѣ Послѣдней, несомнѣнно отзываются мѣстнымъ характерно-малорусскимъ происхожденіемъ.

Въ южнорусской иконографіи, насколько мнѣ приходилось наблюдать, чаще всего варіируется символика Распятія и Евхаристіи подъ видомъ винограднаго точила, тогда какъ тутъ мы находимъ иконографическую символику къ извѣстнымъ евангельскимъ словамъ „Азъ есмь хлѣбъ животный"... и „Пріимите, ядите сіе есть *тѣло мое*"... и проч. Христосъ изображенъ стоящимъ на блюдѣ; изъ пяти ранъ Его струится кровь, вслѣдствіе чего и само блюдо наполнено кровью. Во время моихъ экскурсовъ по Волыни и Кіевской губ., мнѣ только трижды пришлось встрѣтить подобную композицію: въ Почаевской лаврѣ (въ алтарѣ такъ называемой Антоніевой церкви), въ Печерской лаврѣ (въ алтарѣ Троицкой церкви, что надъ святыми вратами) и въ Спасской церкви Межигорскаго монастыря.

Рѣзныя царскія врата въ Спасо-Межигорской церкви могутъ считаться одними изъ лучшихъ по художественной работѣ. Намѣстныя иконы по работѣ и художественности исполненія сравнительно гораздо выше въ Печерскомъ храмѣ св. Николая въ Кіевѣ, чѣмъ въ Спасо-Межигорской церкви; въ первомъ особенно хорошо сдѣлана храмовая икона Николая угодника какъ по воспроизведенію лика, такъ и съ чисто-технической стороны: достаточно, напр., взглянуть на узорную работу того Евангелія, которое, по обычнымъ пріемамъ нашей иконографіи, святитель держитъ въ рукахъ. Менѣе удачною въ этомъ отношеніи можно считать въ томъ же храмѣ стѣнопись на боковыхъ аркахъ, раздѣляющихъ продольно на три части основаніе храмового нефа: царя Давида въ моментъ покаянія и Маріи Египетской, апостола Петра въ моментъ отреченія и Маріи Магдалины. Стѣнопись эта отзывается тою вычурностью и манерностью позъ, которая вообще и на Западѣ Европы составляетъ отличительную черту поздняго Реннессанса и въ живописи, какъ и въ архитектурѣ. Въ этомъ отношеніи проще и потому ближе къ художественной правдѣ стоятъ подобныя же изображенія библейскихъ царей и пророковъ на стѣнописи въ среднихъ проходахъ такихъ же арокъ въ Спасо- Межигорскомъ храмѣ, потому что Кіево-Печерскій храмъ святителя Николая и Спасо-Межигорскій, какъ мы уже и говорили, построены по одному типу.

Стѣнопись въ Спасо-Межигорской церкви представляетъ переснимокъ съ гравюръ Лицев. библіи изд. *Вейгеля* (нач. XVIII-го в.). Изображенія эти, по всей вѣроятности, относятся ко времени построенія храма или къ начальному періоду его существованія. Главнѣйшія изъ нихъ слѣд.: 1) Богъ Вседержитель въ моментъ сотворенія міра, окруженный ангелами: ликъ Творца и жестъ Его десницы въ духѣ Микель-Анджело; что касается фигуръ ангеловъ, то онѣ представлены по манерѣ, свойственной Ренессансу. 2) Видѣніе Іаковомъ во снѣ лѣствицы, представленное, подобно тому какъ у Вейгеля, въ двухъ моментахъ: самое видѣніе лѣствицы Іаковомъ, скло-

нившимъ голову на голый камень, и послѣдующая библейская сцена жертвоприношенія. 3) Поклоненіе волхвовъ, всецѣло скопированное изъ лицев. библіи Вейгеля. 4) Встрѣча жениха пятью мудрыми дѣвами, въ то время какъ пять юродивыхъ отправляются съ незажженными свѣтильниками покупать масло. Изображенія эти, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время общей реставраціи церкви, были подновлены наведенными свѣжими красками и, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нельзя сказать, чтобы реставрація эта была сдѣлана умѣлою рукою.

При обзорѣ иконографическихъ достопримѣчательностей въ Межигорскомъ храмѣ Спаса нельзя обойти молчаніемъ портрета Московскаго патріарха Іоакима, который, въ память своего пребыванія въ этой обители въ качествѣ еще простого инока, выказывалъ свое расположеніе монастырю довольно значительными пожертвованіями; такъ, напр., при его содѣйствіи, главнымъ образомъ, былъ въ концѣ XVII-го вѣка заново реставрированъ величественный главный храмъ во имя Преображенія, почти въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ и до сихъ поръ. Портретъ этотъ, судя по пріемамъ рисовальной техники, не мѣстной работы, а присланъ сюда изъ Москвы. Я не говорю о другомъ—легендарнаго происхожденія-портретѣ кн. Андрея Боголюбскаго, который по бережно сохраняемымъ преданіямъ (безъ малѣйшихъ къ тому основаній въ лѣтописи) считается основателемъ Межигорской обители, въ томъ-же родѣ, какъ его отецъ Юрій—Китаевской пустыни. Въ жертвенникахъ Спасо-Межигорск. церкви обращаютъ на себя вниманіе два стѣнописныхъ изображенія: Распятія и Моленія о чашѣ. Оба эти изображенія показываютъ неумѣнье рисовальщика принять во вниманіе имѣющееся въ его распоряженіи пространство и справиться съ перспективой.

Изъ мужскихъ иконографическихъ типовъ, наиболѣе удачно воспроизводятся: Николая Святителя и Іоанна Крестителя. Относительно изображенія перваго въ Кіево-Печерскомъ соборномъ храмѣ Николая мы уже говорили выше; типъ

Іоанна Предтечи воспроизведенъ довольно характерно въ той-же церкви, а еще лучше на одной изъ намѣстныхъ иконъ съ лѣвой стороны въ Спасо-Межигорской церкви: здѣсь обликъ величайшаго подвижника на зарѣ появленія христіанства переданъ въ высшей степени характерными чертами малорусскаго типа.

На прощанье съ Межигорскимъ монастыремъ, игравшимъ въ послѣднюю пору существованія Запорожскаго козачества столь выдающуюся роль, нельзя не сказать хотя нѣсколькихъ словъ о другой церкви, расположенной въ оградѣ монастыря—подъ колокольнею. Построена эта церковь какъ извѣстно, послѣднимъ кошевымъ Сѣчи Запорожской Петромъ Кальнишевскимъ, и освящена въ честь патрона строителя во имя первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Эта маленькая и довольно уютная церковь болѣе поздней постройки не испытала такихъ реставрацій, какъ большая главная во имя Преображенія; почти все въ ней осталось неприкосновеннымъ со времени ея постройки, т. е. съ конца XVIII в. Иконостасъ въ этой церкви—совершенное подобіе въ миніатюрномъ видѣ иконостаса главной Спасо-Преображенской церкви. Изъ старинныхъ иконъ обращаетъ на себя вниманіе одна, висящая на лѣвой отъ входа стѣнѣ. Икона писана масляными красками на полотнѣ; краски отъ времени уже нѣсколько поблекли. Она изображаетъ воскресеніе Спасителя по болѣе древнему переводу — въ видѣ сошествія во адъ: Христосъ, сокрушивъ врата ада, выводитъ оттуда семерыхъ праотцевъ, начиная съ Адама и Евы. Такъ какъ эти лица ветхаго завѣта служатъ въ то-же время символами спасенія Воскресшимъ всѣхъ раскаявшихся грѣшниковъ, то иконографическій сюжетъ, трактуемый подобнымъ образомъ, какъ видно изъ перечневаго сборника иконныхъ изображеній въ Кіево-Печерской лаврѣ, озаглавливается такъ же: „Семь образовъ покаянія". Икона написана просто, безъ излишнихъ замашекъ со стороны писавшаго, ведущихъ къ портящей дѣло утрировкѣ. То-же самое приложимо и къ иконографической росписи этой церкви вообще: отдѣлка по-

проще и побѣднѣе, очевидно, указываетъ на отсутствіе такихъ средствъ, напр., какія находились въ распоряженіи строителей сравнительно гораздо болѣе эффектнаго и величаваго храма, издавна именуемаго въ народѣ „Бѣлымъ .Спасомъ“

II.—Отправившись изъ Кіева вверхъ по теченію Днѣпра и вступивъ въ область Припяти, мы подплываемъ къ тому мѣстечку Радомысльскаго уѣзда, которое довольно часто упоминается въ исторіи Малороссіи, особенно при описаніи козацкихъ движеній. Это—мѣстечко Чернобыль, расположенное верстахъ въ 20 выше впаденія Припяти въ Днѣпръ. Построеніе этого мѣстечка теряется во мракѣ прошлаго; повидимому, поселеніе на этомъ мѣстѣ существовало еще во время нашествія татаръ. Да оно и совершенно понятно, такъ какъ устье Припяти составляетъ какъ бы границу, за которой вверхъ идетъ уже чахлое, болотистое и пасмурное Полѣсье.

Мѣстечко Чернобыль въ XVI—XVII-мъ вв. составляло административный центръ для сосѣдней географической и этнографической округи, т. е. для Полѣсья. Изъ первыхъ старостъ тутъ упоминается извѣстный своими военными доблестями, погребенный въ Кіево-Печерской лаврѣ, Янгуринъ Тышкевичъ [1]). Чрезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ 1566 г., староство Чернобыльское было королемъ Сигизмундомъ II—Августомъ отдано извѣстной бѣлорусской дворянской фамиліи Кмитовъ; такъ какъ на одной изъ наслѣдницъ Кмиты былъ женатъ Янъ-Лукашъ Сапѣга, то Чернобыльское староство переходитъ въ приданое къ Сапѣгамъ. Собственно ко времени владѣнія послѣдними Чернобыльскимъ староствомъ и относится постройка въ самомъ Чернобылѣ на такъ называемомъ Замковомъ укрѣпленіи костела, а въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ селахъ, какъ напр. Ладыжичахъ, одной изъ наиболѣе древнихъ среди сохранившихся въ этомъ районѣ православныхъ церквей.

---

[1]) См. Похилевичъ, стр. 144.

Изъ православныхъ храмовъ въ самомъ Чернобылѣ въ сущности нѣтъ уже ни одного, построеніе котораго восходило-бы раньше XIX-го в. Но тѣмъ не менѣе въ одной изъ трехъ находящихся тутъ православныхъ церквей, а именно—въ церкви Рождества Богородицы, сохранились кое-какія иконы, повидимому находившіяся раньше въ болѣе давнихъ Чернобыльскихъ церквахъ. Изъ подобныхъ — сравнительно стародавнихъ—иконъ обращаютъ на себя вниманіе:

1) Страждущая, или, по мѣстному выраженію, „жалобная", Богоматерь съ мечомъ въ груди; икона на соснов. деревѣ; горестное выраженіе лика, безъ часто встрѣчающейся въ подобныхъ случаяхъ утрировки, передано прекрасно. Въ этой иконѣ обращаютъ, помимо того, на себя вниманіе двѣ особенности, не часто встрѣчающіяся въ иконахъ разсматриваемаго района: а) на головѣ Богоматери не обычная для малорусскихъ иконъ XVII—XVIII-го в. корона, убранство, заимствованное южнорусскою иконографіею отъ католической церкви, а уборъ въ древневизантійскомъ и древнерусскомъ стилѣ — повязка въ формѣ платка; б) фонъ иконы синій, подобно тому какъ это мы встрѣтимъ на иконахъ въ церкви с. Ладыжичей.

Чрезвычайно характерными являются въ этой церкви три художественно исполненныя картины. Я говорю картины, а не иконы, потому что, по болѣе свободной манерѣ исполненія, эти два полотна приближаются скорѣе къ живописнымъ изображеніямъ, а не иконнымъ, въ которыхъ всегда проглядываетъ больше спокойствія и традиціоннаго консерватизма. На всѣхъ трехъ, повидимому, представлены группы апостоловъ. На первой нарисовано нѣсколько апостоловъ: впереди, надъ аналойчикомъ—въ родѣ тѣхъ, какіе употребляются въ нашихъ церквахъ псаломщиками, когда приходится читать посреди церкви,—помѣщено изображеніе пишущаго Іоанна Богослова, позади фигуры 3-хъ апостоловъ: Филиппа (съ крестомъ), Андрея на особомъ такъ называемомъ Андреевскомъ крестѣ, и третьяго, который держитъ въ рукѣ медальонное изображеніе Христа. Каждая изъ этихъ фигуръ пора-

жаетъ реальностью, отчего и получается такое впечатлѣніе, какъ будто предъ нами находятся живые, непосредственно выхваченные изъ жизни типы.

Въ сюжетѣ второй картины разобраться не легко. Центральная фигура, повидимому, тоже изображаетъ апостола въ преклонно-старческомъ возрастѣ; по облику она ближе всего подходитъ къ изображеніямъ апостола Петра; на лѣвомъ плечѣ старца изображены узы, въ видѣ красной веревки. Подлѣ него нарисована человѣческая фигура, читающая какую-то книгу. По бокамъ мы видимъ тоже двѣ фигуры, правдоподобно изображающія двухъ стражей. Если это такъ, то одинъ изъ послѣднихъ, а именно на-право отъ зрителя представленъ въ позѣ довольно любопытной: опираясь правою рукою на копье, онъ устремилъ внимательно сосредоточенные взоры на центральную фигуру старца, страждущаго отъ узъ. аллегорически изображенныхъ въ видѣ кроваваго вервія. Лѣвая отъ зрителя фигура держитъ въ рукѣ что-то похожее на колъ. Третья картина изображаетъ апостола Петра и его ученика евангелиста Марка.

Картины эти скорѣе всего принадлежатъ мѣстному мастеру изъ православныхъ, что́ доказывается такими аксессуарами, введенными въ картины, какъ, напр., аналойчикъ на первой изъ разсмотрѣнныхъ нами. Если мастера, рисовавшаго эти три картины, судя по ихъ внѣшнему виду довольно давно—примѣрно въ концѣ XVIII-го и нач. XIX-го в.,—можно упрекнуть въ томъ, что онъ не обнаружилъ особаго умѣнья въ группировкѣ и общей композиціи фигуръ, какъ это бросается въ глаза на 1-й и 2-й картинахъ — съ болѣе сложными сюжетами: фигуры размѣщены безъ достаточной связи, которая проникала-бы картину; такъ, напр., поза евангелиста Іоанна, пишущаго надъ аналойчикомъ, какъ-то не гармонируетъ съ изображеніями другихъ апостоловъ,—тѣмъ не менѣе художникъ, по всей вѣроятности, имѣлъ какую-то идею, почему и сгруппировалъ именно такъ эти фигуры; но мысль его, выраженная столь неопредѣленно, осталась совершенно непонятна для насъ. То-же можно сказать и о

второй изъ разсмотрѣнныхъ картинъ. Но, съ другой стороны, отдѣльно взятыя фигуры и особенно лица, какъ я уже и сказалъ выше, по проникающему ихъ реализму можно считать шедевромъ изъ всего того, что́ мнѣ приходилось встрѣчать въ періодъ моихъ экскурсій въ православныхъ южнорусскихъ церквахъ. Такія лица живописецъ могъ срисовать только или съ какого-нибудь первокласснаго оригинала (самъ придумавъ потомъ не совсѣмъ удачную комбинацію фигуръ), или непосредственно съ натуры; послѣднее предположеніе вѣрнѣе. Во всякомъ случаѣ, эти три характерныя картины слѣдовало бы попытаться перемѣстить изъ церкви, гдѣ онѣ могутъ безслѣдно исчезнуть, въ одинъ изъ музеевъ. Не вина художника, если для композиціи сюжета у него не достало той подготовки, которая дается лишь общимъ развитіемъ. Въ томъ-же, гдѣ требовалось собственно художественное воспроизведеніе, онъ достигъ такого натурализма и такой естественности, что не хочется вѣрить, будто это не живыя фигуры.

Отъ церкви Рождества Пресв. Б—цы переходимъ на возвышенность надъ Припятью, господствующую надъ мѣстечкомъ; на ней издавна расположено было замковое укрѣпленіе, возобновленное Тадеушомъ Ходкевичемъ. Тутъже, какъ неизбѣжный спутникъ господства польской аристократіи въ этомъ краѣ въ прошлыя времена, воздвигнутъ и костелъ. По расположенію своему и открывающемуся отсюда просторному виду, пунктъ, занимаемый костеломъ, безспорно самый лучшій не только въ самомъ мѣстечкѣ, но и цѣлой окружности. У г. Похилевича [1]) костелъ этотъ ошибочно названъ каменнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ деревянный. Хронологическая дата построенія костела, который служилъ прежде монастыремъ доминикановъ, точно указана въ фундушевой записи, хранящейся при костелѣ. Это было въ 1626 году—въ періодъ, когда Чернобыльское староство принадлежало Сапѣгамъ. Въ 1757 г. костелъ, составлявшій до-

[1]) См. Опис. насел. мѣстъ Кіевск. губ., с. 147.

стояніе доминикановъ, былъ перестроенъ [1]) и въ такомъ видѣ сохранился, по всей вѣроятности, до сихъ поръ. Нужно впрочемъ сказать, что, сравнительно съ другими костелами—въ Кіевской и Волынской губ., Чернобыльскій производитъ впечатлѣніе убогаго, хотя и содержится безукоризненно чисто. Внутреннее основаніе имѣетъ форму креста, а кровля вѣнчается тремя небольшими овальными куполами. Хотя реставрація костела и относится къ XVIII-му в., но въ немъ сохранилось нѣсколько иконъ и изображеній, уцѣлѣвшихъ, повидимому, отъ болѣе ранняго періода. Главною святынею костела является чудотворный образъ Богоматери, писанный по византійскимъ пріемамъ: ликъ темными красками въ томъ иконномъ стилѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ распространеннымъ въ западной иконографіи со времени эпохи Возрожденія типомъ мадоннъ. Изображеніе Богоматери относится къ числу тѣхъ популярныхъ въ Византіи, которымъ присвоено было названіе Одигитріи—съ младенцемъ на лѣвой рукѣ. По правую сторону отъ главнаго алтаря находится довольно старинная икона крещенія: Іорданъ здѣсь представленъ въ видѣ на половинну пересохшаго ручья, вода котораго покрывала ноги Спасителя въ моментъ крещенія лишь по щиколотку. Отъ главнаго престола, вверху, на лѣвой сторонѣ, довольно интересна икона Страждущаго Христа, покрытаго ранами отъ бичеванія. Иконы подобной композиціи не рѣдко можно встрѣтить въ костелахъ повсемѣстно, но въ этой привлекаетъ вниманіе то выраженіе необычной суровости, которое мастеръ постарался придать лику Спасителя.

Въ лѣвомъ алтарѣ старинное распятіе съ распростертой фигурой Маріи Магдалины; въ правомъ—довольно художественно исполненное изображеніе Іосифа со Спасителемъ на рукахъ; вверху часто встрѣчающаяся въ католической церкви

[1]) Въ той записи, которую любезно предложилъ намъ настоятель костела, не объясняется, чѣмъ именно была вызвана перестройка костела въ 1757 г.

композиція, на которой представлено, какъ св. Анна, мать Богородицы, обучаетъ послѣднюю читать по книжкѣ.

Вообще одну изъ интересныхъ въ смыслѣ міросозерцанія особенностей католической иконографіи, по сравненію съ православною, представляетъ сравнительно весьма частое изображеніе Іосифа, держащаго на рукахъ младенца-Христа, тогда какъ въ нашей иконографіи оно составляетъ рѣдкость. Разница эта находится въ связи съ тѣмъ, что генеалогія Христа по плоти—въ виду большей пластичности, усвоенной западною иконографіею, сравнительно съ восточною, чаще трактовалась на западѣ, чѣмъ у насъ. Со времени Возрожденія весьма популярными дѣлаются на западѣ такія композиціи, какъ праматерь Анна съ Богородицею, Іосифъ съ Пресв. Дѣвою Маріею, или Іосифъ съ Христомъ на рукахъ и т. д. Второй престолъ съ лѣвой стороны посвященъ патрону ордена—св. Доминику; надъ престоломъ довольно художественное изображеніе этого основателя противоеретическихъ конгрегаціонныхъ судилищъ. На противоположной сторонѣ—правой отъ входа — престолъ и изображеніе св. Франциска, очень часто встрѣчающееся въ костелахъ. Внизу этого престола картина на деревѣ, на которой представлено жертвоприношеніе Исаака. Иконъ подобнаго типа нѣсколько въ этомъ костелѣ. Онѣ обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что очевидно вынуты изъ какихъ-то старинныхъ вставокъ, можетъ статься изъ каѳедры или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Работа довольно грубая и неискусная, но типичная.

При входѣ въ костелъ — въ притворѣ — бросается въ глаза маленькая картина на полотнѣ съ изображеніемъ мученій, испытываемыхъ грѣшниками въ чистилищѣ; въ этомъ случаѣ весьма недурно передано выраженіе лицъ. Картина напомнила намъ подобное-же болѣе сложное изображеніе въ католическомъ монастырѣ въ г. Заславлѣ, Волынск. губ. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на образъ святителя Николая въ первосвященнической тіарѣ; предъ святителемъ нарисованы три мальчика.

При входѣ въ самый костелъ, на стѣнѣ, приходящейся противъ главнаго алтаря, помѣщены два портрета основателей и благотворителей: Сапѣги и Ходкевича.

Этимъ немногимъ исчерпываются всѣ достопримѣчательности костела, нынѣ убогаго, но нѣкогда игравшаго, повидимому, довольно видную роль на Полѣсьи, какъ одинъ изъ центровъ католическихъ миссій.

Отъ самого Чернобыля переходимъ къ селеніямъ. Изъ послѣднихъ, насколько можно судить, въ слѣдующихъ находились или и теперь еще находятся старинныя православныя церкви, насколько эта старина вообще доступна небогатымъ деревяннымъ храмамъ.

1) Въ 28 верстахъ отъ Чернобыля расположено село подъ названіемъ *Толстый лѣсъ*, гдѣ находится деревянная однокупольная церковь во имя Воскресенія. Изъ имѣющейся записи видно, что церковь построена въ 1760 г., но затѣмъ была почти заново отремонтирована дважды въ теченіе прошлаго вѣка: въ 1858 г. и въ 1895 г. Изъ старинныхъ иконъ—храмовая, изображающая Воскресеніе по способу нисхожденія Спасителя во адъ и изведенія оттуда праотцевъ и другихъ библейскихъ праведниковъ.

2) Въ селеніи *Варовичи* — деревянная церковь во имя св. Параскевы; построеніе ея, по записямъ, относится къ первой половинѣ XVIII-го в. Въ такомъ видѣ простояла она до 1858 г., когда, по причинѣ крайней ветхости, была почти вновь отремонтирована. Ремонтъ настолько измѣнилъ первоначальный видъ, что въ настоящее врамя почти невозможно сказать что-либо объ ея прежнемъ состояніи.

3) Въ уѣздѣ, по сосѣдству съ городомъ, расположены между прочимъ два селенія, не лишенныя историческаго значенія; это *Стечанка и Лубянка*. Первое изъ нихъ принадлежало нѣкогда довольно извѣстной фамиліи Стецкихъ. Въ Стечанкѣ еще недавно сохранялась въ полуразрушенномъ видѣ православная деревянная церковь, въ которой погребены и нѣкоторые члены фамиліи Стецкихъ. Эта церковь, относящаяся по строенію своему *чуть ли не къ началу XVII-го в.*, безспорно

была одною изъ древнѣйшихъ и интереснѣйшихъ деревянныхъ церквей въ западной Руси. Къ сожалѣнію, всѣ свѣдѣнія относительно ея ограничиваются лишь очень немногимъ, да и это немногое носитъ на половину легендарный отпечатокъ.

Сосѣднее селеніе *Лубянка* оказалось въ этомъ отношеніи болѣе счастливымъ, хотя и менѣе интересна: сохранившаяся въ немъ церковь во имя свят. Николая построена въ 1770 г. Церковь эта заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что она и снаружи и внутри сохранилась почти въ томъ самомъ видѣ, какъ была выстроена. Я не буду останавливаться на ней подробно, потому что тотчасъ-же перехожу къ описанію церкви въ селѣ *Ладыжичахъ*, которая въ общемъ сходна съ Лубянскою, но нѣсколько древнѣе и носитъ болѣе стильный отпечатокъ, хотя была уже слегка реставрируема.

4) Село Ладыжичи расположено неподалеку отъ Чернобыля, но въ такой низменной мѣстности, которая даже и въ засуху представляетъ много неудобствъ для поѣздки, а въ сколько-нибудь дождливое время становится положительно недоступна: зыбучіе пески постоянно смѣняются здѣсь болотистыми промоинами.

Деревянная маленькая церковка во имя Рождества Пресв. Б—цы построена въ 1742 г. тщаніемъ Сапѣги, который въ то время былъ чернобыльскимъ старостою. Такъ какъ это одна изъ наиболѣе типичныхъ деревянныхъ церквей, которыя мнѣ приходилось наблюдать вообще во время моихъ экскурсій въ Кіевскую губ. и по Волыни, то я и остановлюсь на описаніи ея нѣсколько подробнѣе.

Самое зданіе представляетъ собою продолговатый четыреугольникъ съ однимъ продолговатымъ луковицеобразнымъ куполомъ, поставленнымъ на барабанъ. Внутри --церковь, подобно тому какъ и наблюдавшіяся мною церкви на Волыни, будучи очень небольшого объема, тѣмъ не менѣе по плану въ основаніи опредѣленно раздѣлена на 4 части: притворъ, трапеза, самая церковь и алтарь. Столь обычнаго на Волыни и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кіевской и Подоль-

ской губ.—опасанья, или какихъ-бы то ни было слѣдовъ его, не замѣтно ни на Ладыжичской, ни на другихъ церквахъ, которыя намъ пришлось наблюдать въ окрестностяхъ м. Чернобыля.

Среди иконъ обращаютъ на себя вниманіе: 1) остатки прежнихъ царскихъ вратъ, теперь приставленныхъ къ задней стѣнѣ, налѣво отъ входа. Эти царскія врата съ сохранившимися на нихъ иконами, очевидно, современны основанію церкви. Надъ самыми царскими вратами нарисована икона Нерукотвореннаго Спаса. Ликъ Спасителя, отмѣченный необычною суровостью выраженія, нарисованъ съ замѣтнымъ реалистическимъ пошибомъ, поэтому и не заключаетчъ въ выраженіи той слащавости, а въ обрисовкѣ контуровъ—той округлости, которая составляла прочно укоренившуюся манеру и въ западнорусской иконографіи. Ликъ представленъ въ духѣ православной композиціи: на бѣломъ убрусѣ (безъ Вероники, чаще всего помѣщаемой въ этихъ случаяхъ западными мастерами). Повыше, въ щиткѣ, изображеніе Тайной Вечери, по бокамъ отъ которой направо и налѣво шли, тоже въ щиткахъ, иконы, очевидно, двунадесятыхъ праздниковъ. Изъ послѣднихъ уцѣлѣли лишь 2: направо отъ изображенія Тайной Вечери—торжественный въѣздъ въ Іерусалимъ, налѣво—Благовѣщеніе. Послѣднее выдѣляется нѣсколько особенностями композиціи. Самый актъ представленъ тутъ при обстановкѣ, сравнительно рѣже встрѣчающейся въ иконографіи: Богоматерь изображена стоящею на колѣняхъ на одной изъ ступеней лѣстницы, повидимому, ведущей въ храмъ. Такая колѣнопреклоненная поза, какъ извѣстно, есть прямое наслѣдіе католической иконографіи, совсѣмъ не свойственное Византійской—особенно въ древнѣйшую пору. Съ верхняго угла приближается къ Богоматери благовѣствующій архангелъ съ традиціонною вѣтвью въ рукѣ. Фонъ всѣхъ этихъ изображеній голубой. Иконографическія изображенія такого-же совершенно пріема и на такомъ фонѣ встрѣчаются въ церкви и еще; очевидно, они или составляли часть прежняго стариннаго иконостаса, или

написаны въ періодъ построенія церкви (около половины XVIII-го в.) однимъ и тѣмъ же мастеромъ. Къ числу подобныхъ изображеній относятся: 1) въ алтарѣ икона Богоматери, нимбъ коей составляетъ золотая восьмиугольная звѣзда; предъ Дѣвою Маріею въ колѣнопреклоненномъ положеніи стоятъ Іоакимъ и Анна въ характерныхъ мѣстныхъ костюмахъ и прическахъ половины XVIII-го в.; очевидно, тутъ представлены мужъ и жена съ соотвѣтственными именами, соорудившіе икону Богородицы; 2) небольшая икона, тоже на сосновомъ деревѣ, изображающая Положеніе во гробъ Христа: у Спасителя руки сложены такъ, какъ обыкновенно ихъ складываютъ у мертвецовъ: ладони положены одна на другую (въ то время какъ на Волыни и въ Подольской губ. на старинныхъ плащаницахъ руки вытянуты вдоль корпуса тѣла; направо представлена Богоматерь, налѣво—Іоаннъ Богословъ, у ногъ—Марія Магдалина, а по бокамъ Іосифъ и Никодимъ [1]). Остаткомъ подобной же старины, пережившей унію въ этомъ краѣ, является также четырехугольный шкафъ, служившій нѣкогда жертвенникомъ (теперь въ немъ хранятся богослужебныя книги); на передней дверцѣ его находимъ грубо исполненное изображеніе Михаила Архангела съ мечомъ въ рукѣ; архангелъ представленъ здѣсь въ такомъ типѣ, какъ на иллюстраціяхъ XVII—XVIII-го в. изображался обыкновенно польскій жолнѣръ; на внутреннихъ стѣнкахъ этого оригинальнаго шкафа-жертвенника размѣщены: на центральной—Спаситель, стоящій на блюдѣ, на которое бьющими пятью струями стекаетъ кровь изъ пяти крестныхъ ранъ; такое же точно изображеніе—только исполненное гораздо лучше—мы видѣли при обзорѣ Межигорскаго монастыря; ликъ Спасителя въ томъ обычномъ типѣ, почти безбородомъ, какой принятъ въ южнорусской иконографіи XVII—XVIII-го вв.; на лѣвой внутренней стѣнѣ отъ этого символическаго изображенія таинства искупленія и

---

[1]) Обращаетъ на себя вниманіе обувь Іосифа и Никодима, а также и другихъ: стилизовано въ формѣ узкихъ черныхъ чулокъ.

евхаристіи нарисована Богоматерь съ семью мечами въ груди; на двухъ остальныхъ стѣнкахъ помѣщены изображенія основателей православной литургіи: свв. Василія В. и Іоанна Златоустаго—обоихъ вмѣстѣ, а отдѣльно на 4-ой стѣнкѣ—св. Григорія Двоеслова, составителя литургіи преждеосвященныхъ даровъ; послѣдній въ тіарѣ, облаченіи и съ жезломъ, какіе присвоены римскимъ іерархамъ.

Супротивъ престола, въ алтарѣ, такой же работы полукруглый ящикъ съ овальными выступами, нѣкогда служившій въ качествѣ дарохранительницы. Фонъ голубой, характеръ восьми изображеній, на немъ размѣщенныхъ, тотъ же, что и на бывшемъ жертвенникѣ. Эти 8 изображеній слѣдующія: по срединѣ чаша, по бокамъ Петръ и Павелъ, четыре евангелиста, Михаилъ Архангелъ и Ѳеодоръ Стратилатъ; послѣдній одѣтъ, какъ польскій военачальникъ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣковъ.

Заканчивая на этомъ обзоръ нашей экскурсіи, предпринятой минувшимъ лѣтомъ въ Кіевское Полѣсье, нельзя не сказать, что здѣсь въ изолированныхъ глухихъ уголкахъ этого сумрачнаго и на половину болотистаго края встрѣчаются, правда изрѣдка, такіе оазисы въ смыслѣ типичной иконографіи прошлаго, какъ с. Ладыжичи, или такіе мастерски нарисованные типы, какъ въ группахъ апостоловъ Чернобыльской церкви Рождества Богородицы. Двумя ярко бросающимися въ глаза особенностями этой иконографіи, тѣсно связанными между собою, выступаютъ натурализмъ съ привнесеніемъ мѣстныхъ бытовыхъ чертъ въ костюмахъ, прическѣ и проч.

XIII. Засѣданіе 15-го сентября 1902 г.

а) Настоящее засѣданіе было открыто сообщеніемъ г. Предсѣдателя о постигшей Общество утратѣ—смерти д. чл. А. А. Андріевскаго, съ указаніемъ на его заслуги по разработкѣ южно-русской исторіи и литературы.

б) Д. чл. **Н. П. Василенко** посвятилъ свое чтеніе „*Памяти А. М. Лазаревскаго*“, охарактеризовавъ его личность и указавъ на важное значеніе научныхъ трудовъ покойнаго по исторіи старой Малороссіи (будетъ напечатано въ слѣдующемъ выпускѣ этой книги).

в) За отсутствіемъ д. чл. о. **Е. І. Сѣцинскаго** д. чл. В. И. Щербиной былъ доложенъ его „*Отчетъ объ осмотрѣ древностей въ Подольской губерніи лѣтомъ 1901 г.*“ слѣдующаго содержанія:

Продолжая осмотръ, описаніе и снятіе фотографическихъ снимковъ древностей Подоліи, я въ минувшее лѣтнее время 1901 года посѣтилъ нѣкоторыя мѣстности по Днѣстру, начиная отъ села Бакоты, Ушицкаго уѣзда, и города Могилева до м. Рашкова, Ольгопольскаго уѣзда, проѣхавъ такимъ образомъ уѣзды Ушицкій, Могилевскій, Ямпольскій и Ольгопольскій. Кромѣ того, я отдѣльными поѣздками посѣтилъ слѣдующія мѣстности: Баръ, Могилевскаго у., Паневцы и Жванецъ, Каменецкаго у., Сатановъ и Ярмолинцы, Проскуровскаго у., Сутковцы и Зиньковъ, Летичевскаго уѣзда. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ посѣщенныхъ мной мѣстностей я былъ раньше, но теперь мнѣ хотѣлось болѣе детально осмотрѣть находившіяся тамъ древности и сдѣлать фотографическіе снимки въ большомъ видѣ.

При поѣздкѣ по Днѣстру я предполагалъ найти въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки скальныхъ храмовъ и монастырей, но ожиданія мои не оправдывались (если не считать Бакотскихъ древностей).

Въ *Бакотѣ*, представляющей маленькое сельцо Ушицкаго уѣзда надъ Днѣстромъ, нѣкогда же бывшей значительнымъ городомъ Понизья и даже, можетъ быть, столицей этой земли, существуютъ пещеры бывшаго здѣсь въ XIV в. скальнаго монастыря, упоминаемаго въ лѣтописяхъ, когда Литовскіе князья Коріатовичи заняли Подольскую землю. Монастырище находится въ высокой приднѣстровской скалѣ; оно раскапывалось профессоромъ В. Б. Антоновичемъ въ 1891—1892 гг., при чемъ имъ были найдены части фресокъ на обрушившихся

скалахъ, цинковыя чаши и дискосъ, желѣзныя удила, копья и проч. Затѣмъ здѣсь, на мѣстѣ бывшаго пещернаго храма, устроена церковь, съ пристройкой деревянной части. Церковь эта посѣщается богомольцами изъ ближайшихъ окрестностей Подоліи и Бессарабіи. Прошлымъ лѣтомъ я посѣтилъ эту достопримѣчательность, чтобы провѣрить планъ мѣстности и сдѣлать бо́льшіе фотографическіе снимки общаго вида этого монастырища, его пещеръ и храма, такъ какъ хотя у меня и были снимки, но или малые, или же—не всего, что представляло интересъ.

При поѣздкѣ въ Бакоту, останавливался я и въ заштатномъ городѣ Старой Ушицѣ, бывшемъ въ XIII в. значительнымъ городомъ; но здѣсь не нашлось такихъ древностей. которыя слѣдовало бы фотографировать или описать. Здѣсь даже нельзя отыскать мѣстоположенія стараго города, имѣвшаго, несомнѣнно, укрѣпленіе.

Въ *Могилевѣ-Подольскомъ*, хотя существующемъ уже около 400 лѣтъ, не нашлось особенныхъ примѣчательностей, Болѣе древняя церковь здѣсь каменный соборъ, построенный въ 1754 году, снаружи пятиглавый, по плану крестообразный. Форма главъ южно-русская. Зданіе окружено вездѣ домами и другими постройками, и потому фотографированіе затрудительно. О времени построенія церкви свидѣтельствуютъ надписи на двухъ входныхъ дверяхъ, украшенныхъ орнаментами, выбитыми изъ камня. По преданію, эта церковь построена общиной, состоявшей изъ русскихъ, сербовъ, болгаръ, румынъ и грековъ. И дѣйствительно, на церковномъ погостѣ попадаются надгробные кресты съ надписями на румынскомъ и русскомъ языкахъ, съ именами южнославянскими: „Петко", „Венко" и др. Другая городская церковь—Покровская постройки также XVIII в. (1771 г.); по плану она почти такая же, какъ и соборъ. Никакихъ древнихъ предметовъ въ церквахъ не нашлось. Есть еще одна довольно величественная церковь—Георгіевская; построена она въ началѣ XIX в. греками и числилась нѣкоторое время монастыремъ, находившимся въ зависимости отъ Аѳонской лавры

св. Аѳанасія. Въ этой церкви были древнія книги и вещи; они поступили отчасти и въ Каменецкое Древнехранилище: греческій эвхологіонъ Венеціанскаго изданія 1589 года, двѣ греческихъ рукописныхъ нотныхъ книги (крюками), пояса съ большими серебряными украшенными жемчугомъ пряжками и занавѣсь, шитая золотомъ и серебромъ. Невдалекѣ отъ этой Георгіевской церкви, среди еврейскихъ домовъ, находится старое греческое кладбище, гдѣ встрѣчаются каменные кресты съ греческими и рускими надписями XVII—XVIII вв.; кладбище это запущено, служитъ пастбищемъ еврейскихъ козъ и мѣщанскихъ свиней.

Около Покровской церкви есть старое армянское кладбище, превращенное въ огородъ, находящійся въ вѣдѣніи причта мѣстнаго костела; каменные кресты съ этого кладбища почти всѣ унесены мѣстными жителями на свои постройки.

О древностяхъ армянскихъ въ Могилевскомъ костелѣ, построенномъ армянами, сдѣланъ недавно докладъ г. Кучукъ-Іоанесовымъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ („Древности,“ XVII, 275).

Въ XVIII в. въ Могилевѣ существовалъ замокъ; находился онъ, по всей вѣроятности, въ центрѣ теперешняго мѣстечка, гдѣ нынѣ помѣщается торговый рядъ, въ зданіи съ капитальными сводами и подвалами. Уцѣлѣлъ еще въ одномъ мѣстѣ второй этажъ, какъ бы башни съ фронтономъ, гдѣ виднѣется слѣдъ герба Потоцкихъ (семиконечный крестъ), владѣльцевъ города Могилева въ XVII и XVIII вв. Бывшій здѣсь замокъ сгорѣлъ въ началѣ XIX в. (въ 1808 г.).

Изъ Могилева я поѣхалъ въ Каларашовскій монастырь, расположенный на противоположной сторонѣ Днѣстра, на версты двѣ ниже Могилева. Хотя монастырь этотъ находится въ Бессарабіи (и какъ бы внѣ района, подлежащаго моему осмотру), но я не преминулъ туда поѣхать, такъ какъ этотъ монастырь представляетъ какъ бы Подольскую колонію, устроенную, по преданію, Могилевцами.

Въ настоящее время большая часть обитателей монастыря молдаване, говорящіе, впрочемъ, вполнѣ хорошо по-русски.

Главный каменный храмъ монастыря, крестообразный, съ однимъ небольшимъ низкимъ куполомъ и неуклюжей четырехгранной колокольней надъ притворомъ, имѣетъ надъ входомъ надпись на русскомъ языкѣ, свидѣтельствующую, что этотъ храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы построилъ „своимъ коштомъ" въ 1782 г. Могилевскій житель Марко, Доичовъ сынъ. Другая церковь теплая находится въ домѣ, гдѣ помѣщается настоятель монастыря; надъ этой церковью устроены двѣ остроконечныя башенки, а возлѣ небольшая деревянная звоница; эти двѣ постройки уже не имѣютъ характера нашихъ южно-русскихъ куполовъ и звоницъ. Достопримѣчательныхъ древностей въ монастырѣ, повидимому, нѣтъ.

Послѣ Могилева я посѣтилъ *Бушу*, Ямпольскаго у., находящуюся при р, Мурафѣ, въ верстѣ отъ впаденія ея въ Днѣстръ. Буша извѣстна въ исторіи польско-козацкихъ войнъ героизмомъ украинцевъ при осадѣ поляками Бушанскаго укрѣпленія въ 1654 г. Геройскій поступокъ жены сотника Завистной послужилъ даже сюжетомъ для повѣсти и драмы одного малорусскаго писателя. По изображенію Костомарова (Б. Хм., III, 183, изд. 4), Буша въ то время была расположена на высокой горѣ; мѣстечко было хорошо укрѣплено валами, защищено ставомъ и раздѣлялось на три части: двѣ назывались городами, а третья, замокъ, называлась пригородомъ.

Въ настоящее время село расположено большею частью по оврагамъ рѣчекъ Мурафы, Буши и Бушинки, которыя здѣсь, въ селѣ, сливаются. Образуемый этими рѣчками (собственно Мурафой и Бушинкой) длинный высокій лѣсъ, постепенно понижающійся къ мѣсту сліянія этихъ рѣчекъ, представляетъ, именно, бывшее укрѣпленіе. Въ двухъ мѣстахъ этого лѣса видны слѣды крѣпостныхъ валовъ, которые перерываютъ гору отъ рѣчки до рѣчки; одинъ валъ находится

на разстояніи 300 саж. отъ конца лѣса; выше, на такомъ же разстояніи отъ перваго вала, другой валъ, перерѣзывающій гору, значительно здѣсь возвышенную и широкую. Возлѣ перваго вала возвышается въ настоящее время одно-купольная церковь постройки 1656 г., а близъ нея четырех-гранная колокольня (длина и ширина по 10 арш.) По преданію, занесенному въ позднѣйшіе церковные документы, эта колокольня передѣлана изъ замковой башни. Подъ колокольней есть еще каменный погребъ со сводами, которымъ пользуется священникъ для своихъ надобностей; въ томъ погребѣ виденъ ходъ, замурованный теперь.

Эта колокольня, такимъ образомъ, есть единственный остатокъ Бушанскихъ укрѣпленій, защищавшихъ южно-русскихъ героевъ. Поражаетъ здѣсь обиліе кладбищъ: на замковой горѣ выше церкви между усадьбами и за предѣлами поселенія находятся три кладбища, да еще есть кладбища въ другихъ мѣстахъ села. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что вся эта гора, на которой находится церковь, представляетъ изъ себя сплошное кладбище: говорятъ, что здѣсь, гдѣ ни копнешь, найдешь человѣческія кости; послѣ каждаго дождя вода выноситъ изъ земли человѣческія кости. Когда я былъ въ Бушѣ, и пошелъ дождь, то во дворѣ священника (онъ живетъ сейчасъ подлѣ церкви) обнаружился цѣлый человѣческій скелетъ... Дѣйствительно, Буша буквально облита кровью и усѣяна костями; напр., въ 1654 г. погибло здѣсь 16000 храбрецовъ. Замѣчательно тутъ же разнообразіе типовъ надмогильныхъ каменныхъ крестовъ; надписи на нихъ относятся къ XVIII в. Болѣе раннія надписи не сохранились, вѣроятно вслѣдствіе мягкости камня (известняка), изъ коего обычно изготовляются кресты.

Замковая гора, довольно отлогая у подошвы при сліяніи рѣчекъ, значительно круче тамъ, гдѣ стоитъ церковь; со стороны рѣчекъ гора представляется отвѣсными скалами.

Въ одномъ мѣстѣ, въ скалѣ, со стороны рѣчки Бушинки, приблизительно противъ верхняго вала, находится пещера и барельефъ, описанный проф. В. Б. Антоновичемъ (Труды VI Археолог. Съѣзда въ Одессѣ).

Съ другой стороны горы, на скалѣ, противъ рѣчки Мурафы существовали какія-то надписи, отъ которыхъ уцѣлѣло лишь нѣсколько буквъ; возстановить по нимъ надпись не удалось.

Послѣ Буши я посѣтилъ деревню *Флеминду*, находящуюся въ 8 верстахъ отъ Буши, на берегу Днѣстра. Здѣсь, въ скалѣ надъ рѣкой указываютъ остатки бывшей пещерной церкви. Эти остатки находятся выше деревни, въ пустынной мѣстности. гдѣ берегъ Днѣстра, сначала близъ воды довольно пологій, окаймленъ высокими скалами, иногда отвѣсными; въ одной такой скалѣ и указываютъ остатки пещеры, гдѣ была церковь. Но осмотръ этой пещеры, доступъ къ которой довольно затрудненъ, не далъ особенныхъ результатовъ: это небольшая, почти четыреугольная комната, выдолбленная въ довольно мягкомъ слоѣ скалы, шириной и длиной около 5 арш.; потолокъ устроенъ въ видѣ свода, но неправильно; при входѣ въ пещеру видны въ камнѣ пазы вертикальные и горизонтальные, служившіе, вѣроятно, для закладыванія отверстія досками. Стѣны испещрены вырѣзанными крестами разной формы и пострадавшими отъ времени надписями, прочитать кои невозможно. Признаковъ того, что здѣсь, въ этой пещерѣ, была церковь, не оказалось. Между тѣмъ, народъ называетъ эту мѣстность „стара церква“ и утверждаетъ, что здѣсь, въ скалѣ, когда-то была церковь. Можетъ быть церковь здѣсь стояла на самомъ берегу Днѣстра, гдѣ и теперь среди камней, видны четыре каменныхъ креста, глубоко вошедшихъ въ землю; на одномъ крестѣ видна надпись, но прочитать ее не удалось; можно только сказать, что надпись была на русскомъ языкѣ. Народъ говоритъ, что здѣсь располагался когда-то городъ Могилевъ, перенесенный затѣмъ выше по Днѣстру (теперъ Могилевъ отстоитъ отъ Флеминды верстъ на 45 по прямой линіи).

Проѣхавъ затѣмъ чрезъ городъ Ямполь и м. Цекиновку, гдѣ не найдено мной никакихъ археологическихъ достопримѣчательностей, я посѣтилъ село *Окницу*, Ольгопол. у., нахо-

щуюся въ 4—5 вер. отъ Днѣстра, среди громадныхъ овраговъ, образуемыхъ небольшой рѣчкой Окницей. Здѣсь меня интересовали остатки скальнаго монастыря. находившагося, по преданію, возлѣ села. Осмотръ мѣстности, гдѣ былъ монастырь, именно, откоса горы, покрытой теперь лѣсомъ, обнаружилъ, дѣйствительно, слѣды бывшихъ здѣсь искуственныхъ террасъ, вырубленныхъ въ скалѣ карнизовъ, пазовъ для навѣсовъ; въ одномъ мѣстѣ виденъ какъ бы надъ кельей высѣченный крестъ съ надписью по бокамъ „ни ка“ и внизу: „сію храм.“; надпись, очевидно, не окончена (вѣроятно, должно было быть: сію храмину); самая келія засыпана землей и камнями, обвалившимися съ горы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны ступеньки, сдѣланныя въ скалѣ; по откосамъ горы, среди лѣсныхъ деревъ растутъ вишни и сливы въ дикомъ видѣ; очевидно, это остатки монастырскаго сада.

Документальныхъ данныхъ объ Окницкомъ монастырѣ не имѣется. Раскопки этого мѣста могли бы, можетъ быть, обнаружить какія-нибудь болѣе достопримѣчательные остатки старины.

Изъ Окницы я проѣхалъ въ село *Болганъ,* расположенное въ 8 вер. отъ перваго села по глубокой скалистой долинѣ рѣчки Каменки. Здѣсь находится старое зданіе церкви, подлежащее разборкѣ, потому что имѣется новое зданіе церкви. Интересъ осмотра старой церкви и привлекъ меня въ Болганъ. Зданіе это, впрочемъ, не представляетъ особенностей: это обыкновенная постройка XVIII в. съ однимъ куполомъ. О времени построенія свидѣтельствуетъ надпись, вырѣзанная на косякахъ дверей: „Року Божія 1756 создася храмъ сей Рожд(ст)ва Пр. Богородицы во славу святыя единосущ. и жив. Троицы“. Иконостасъ этой церкви старинный многоярусный, вѣроятно,—времени построенія церкви Въ церкви этой имѣется серебрянный ручной крестъ ($6^1/_4$ вер. высоты и $4^1/_4$ вер. ширины) 1649 г., найденный назадъ тому лѣтъ 20 на полѣ близь Болгана. На крестѣ выгравированы изображенія распятія и Крещенія Господня и надпись: „Рок. Бож. 1649“.

Изъ Болгана проѣхавъ чрезъ м. Каменку, я посѣтилъ м. *Рашковъ*. Хотя это мѣстечко старое, занявшее мѣсто древняго города Караула, основаннаго литовскимъ княземъ Витовтомъ (см. статью профессора В. Б. Антоновича въ „Кіев. Стар." 1899 г., окт.), но монументальныхъ памятниковъ прошлаго здѣсь нѣтъ, если не считать двухъ городищъ, представляющихъ земляные валы и насыпи: одно на высокой горѣ надъ мѣстечкомъ (это, по предположенію проф. Антоновича, укрѣпленія бывшаго города Караула); другое на плоскогорьѣ, около мѣстечка, занимающее площадь въ нѣсколько десятковъ десятинъ, называется „Кіевка". Церквей въ Рашковѣ нѣкогда было много (Павелъ Аллеппскій говоритъ, что здѣсь было 7 церквей), но теперь здѣсь двѣ церкви построенія XVIII в., каменныя, не представляющія ничего особеннаго. Въ церквахъ, кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ XVIII в. да нѣсколькихъ серебряныхъ вещей конца этого вѣка (крестъ, риза на иконѣ Божіей Матери 1786 г. въ Троицкой церкви) нѣтъ ничего достопримѣчательнаго. Въ Троицкой церкви, построенной около 1779 г., имѣется икона Нерукотвореннаго образа Спасителя, которую считаютъ древнею. Дальше по Днѣстру я не ѣздилъ.

Въ разное время я посѣтилъ еще нѣсколько мѣстностей, гдѣ имѣются монументальные остатки старины. Такъ, въ м. іюнѣ я былъ въ г. Барѣ, Могилевскаго у., а въ іюлѣ— въ м. Жванцѣ и с. Паневцахъ, Камен. у.; въ сентябрѣ былъ въ м. Сатановѣ и Ярмолинцахъ, Проскуровскаго уѣзда, и въ лежащихъ по близости этого мѣстечка Сутковцахъ и Зиньковѣ, Летичевскаго уѣзда.

Въ *Барѣ* осмотрѣны мною остатки замка, устроеннаго въ первой половинѣ XVI в., когда этотъ городъ принадлежалъ королевѣ Бонѣ. Замчище расположено на низкомъ берегу рѣчки Рова, разливающагося здѣсь въ обширный болотистый прудъ. Планъ замка представляетъ въ общемъ видъ квадрата съ пятиугольными выступами на двухъ углахъ, четыреугольными на двухъ другихъ и треугольнымъ выступомъ на срединѣ той стороны, которая выходитъ къ рѣчкѣ.

Замокъ былъ выстроенъ изъ кирпича и камня; плохо сохранился; башенъ уже нигдѣ нѣтъ; уцѣлѣла только кирпичная облицовка валовъ и кое-гдѣ стѣны.

Въ Барѣ было нѣкогда нѣсколько церквей, но въ настоящее время изъ нихъ сохранилась одна Успенская, построенная въ 1756 г. уніатскимъ священникомъ и оффиціаломъ Тимоѳеемъ Мошковскимъ. Церковь каменная, большая, по плану крестообразная. Въ церкви на горнемъ мѣстѣ находится икона Божіей Матери хорошей живописи; въ XVIII в. эта икона признана чудотворною; гравюра ея имѣется въ одной книжкѣ 1774 г., посвященной описанію чудесныхъ исцѣленій, полученныхъ по молитвамъ предъ этой иконой. Въ той же церкви есть другая чтимая икона св. Николая, которую считаютъ даромъ бывшей владѣлицы Бара-королевы Боны; но эта икона испорчена позднѣйшей подправкой. Въ Барѣ находится женскій монастырь, помѣщающійся въ зданіяхъ бывшей здѣсь до 1773 г. іезуитской коллегіи. Въ монастырѣ нѣтъ, повидимому, никакихъ древностей, такъ какъ до 1889 г. здѣсь былъ мужской монастырь, сильно обѣднѣвшій и почти опустѣвшій, и все, что представляло какую-либо цѣнность или интересъ, перенесено было въ другіе монастыри и церкви или расхищено. Теперь въ монастырской церкви имѣется чтимая икона Божіей Матери, именуемая Барскою; эта икона есть подобіе весьма чтимой иконы, находящейся въ Летичевскомъ костелѣ.

Въ *Жванцѣ*, Каменецкаго у., сохранились остатки замка, построеннаго владѣльцами того мѣстечка Лянцкоронскими въ XVI в., на горѣ, надъ рѣчкой Жванцемъ, впадающей въ Днѣстръ въ сажняхъ 300 отъ замчища.—Послѣднее имѣетъ на планѣ видъ пятиугольника, каждая сторона котораго равна почти 40 саж.; на четырехъ углахъ замчища сохранились башни; но всѣ онѣ въ верхней части уже разрушились. Лучше сохранилась угловая башня, выходящая къ рѣчкѣ Жванцу съ СВ. Башня эта пятигранная, въ нѣсколько этажей; другія башни—неправильные четыреугольники. Въ одномъ углу былъ устроенъ въѣздъ; отъ него уцѣ-

лѣлъ сводъ надъ воротами; но этотъ въѣздъ былъ посрединѣ одной стороны пятиугольника и представлялъ большое зданіе, стѣны коего еще держатся.

Въ с. *Паневцахъ*, расположенныхъ въ 7 верстахъ отъ Каменца при рѣчкѣ Смотричѣ, сохранились остатки замка, устроеннаго въ XVI в. владѣльцами Паневецъ Потоцкими. Замчище теперь входитъ въ составъ усадьбы и сада помѣщика Старжинскаго; по оставшимся каменнымъ руинамъ и валамъ можно заключить, что онъ по плану представлялъ прямоугольникъ. Одной стороной замокъ выходилъ къ обрывистому скалистому берегу рѣчки Смотрича; здѣсь видны развалины башенъ и дома, гдѣ, повидимому, была извѣстная въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. кальвинская школа и типографія, уничтоженная впослѣдствіи іезуитами. Съ противоположной стороны замка сохранилась башня съ въѣздными воротами, теперь превращенная внизу въ сарай для экипажей, а въ вверху въ жилыя помѣщенія. Эта башня соединена позднѣйшей пристройкой со старымъ квадратнымъ зданіемъ бывшей кальвинской каплицы (а затѣмъ католическаго костела). Это зданіе находилось въ углу замковыхъ сооруженій; оно квадратное, не высокое, вверху заканчивается восьмиугольникомъ и круглымъ куполомъ. Зданіе это довольно хорошо сохранилось и служитъ теперь амбаромъ. Здѣсь сохранились каменныя плиты, на коихъ вырѣзаны символъ вѣры и десятисловіе на польскомъ языкѣ; вѣроятно, нѣкогда эти плиты были вставлены вь стѣны каплицы.

Въ *Сатановѣ* сохранилась нѣкоторая часть городскихъ укрѣпленій и замка, на горѣ надъ рч. Збручемъ высятся развалины замка и даже часть городскихъ стѣнъ, а внизу около рѣчки и плотины (переходя за границу) въѣздныя ворота въ видѣ башни. Замокъ имѣетъ по плану видъ неправильнаго пятиугольника. На сторонѣ, обращенной къ рѣчкѣ Збручу и имѣющей въ длину внутри до 50 саж., сохранились еще стѣны и двѣ четыреугольныхъ башни по угламъ. Здѣсь замокъ былъ защищенъ скалой и крутымъ

спускомъ, идущимъ къ рѣчкѣ. Съ другихъ сторонъ, представляющихъ болѣе или менѣе ровную мѣстность, замокъ былъ укрѣпленъ, кромѣ стѣнъ, еще двойными валами, подмурованными камнемъ; стѣны и подмуровки сохранились кое-гдѣ. Въ одномъ изъ внутреннихъ угловъ находится круглая башня. Отъ этого замка были проведены стѣны и валы, опоясывавшіе нѣкогда мѣстечко и сходившіеся у въѣздныхъ, до-нынѣ сохранившихся, воротъ (внизу около рѣчки). Эти городскіе стѣны и валы есть еще кое-гдѣ возлѣ замка; въ другихъ мѣстахъ еле замѣтны рвы. До недавняго времени окрестности замка представляли пустопорожнее мѣсто, но назадъ тому два года здѣсь устроенъ громадный сахарный заводъ, и теперь возлѣ замковыхъ руинъ возвышаются громадныя зданія съ высокими дымоходными трубами; вездѣ гулъ, стукъ, суета. Для заводскихъ надобностей кое-гдѣ засыпаются рвы, срываются каменныя кладки и т. п. Нижняя башня—ворота, о коей я упомянулъ, имѣетъ съ фронта подпись на латинскомъ языкѣ, въ коей владѣлецъ Сатанова Адамъ-Николай Сѣнявскій хвастливо заявляетъ, что онъ, озабочиваясь защитой отечества и даже міра отъ варваровъ, построилъ ворота въ 1724 году.

Нѣкогда Сатановъ имѣлъ 8 церквей; теперь ихъ 5. Изъ нихъ нѣтъ ни одной древнѣе начала XVIII в. Благовѣщенская каменная церковь имѣетъ на стѣнѣ дату построенія—1710 г., но въ архитектурномъ отношеніи не представляетъ особенностей: планъ ея прямоугольникъ, къ коему прибавленъ полукругъ, гдѣ помѣщается алтарь. Зданіе все очень малое, шириной отъ входа къ алтарному абсиду 18 арш. Георгіевская церковь, состоявшая изъ каменнаго притвора и деревянной средней части и такого же алтаря, передѣлана, по преданію, изъ турецкой мечети, устроенной въ послѣдней четверти XVII в. турками изъ бывшей здѣсь православной церкви. Собственно передѣлана каменная часть, представляющая теперь три стѣны притвора; бывшій здѣсь сводъ снятъ уже въ XIX в. и на каменныхъ стѣнахъ устроена деревянная колокольня. Въ церкви имѣется икона Спасителя, по-

сѣченная турками въ 1676 г., о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на иконѣ. Таже надпись упоминаетъ и о двукратномъ поновленіи иконы (въ 1774 г. и 1840 г.); къ сожалѣнію, нужно сказать, что эта икона еще разъ поновлялась и весьма неумѣло въ послѣднее время, хотя этотъ подвигъ не увѣковѣченъ надписью, но имѣющіеся снимки съ той иконы, сдѣланные около 1890 г., показываютъ, что даже старинная надпись переписана вновь; но, кажется, святотатственная рука поновителя не коснулась лика Спасителя: онъ сохранился, повидимому, въ первоначальномъ древнемъ видѣ. Вблизи Георгіевской церкви въ усадьбѣ крестьянина сохранился каменный крестъ 1686 г. съ надписью: „Зде лежи(т) ра(б) Бо(ж) Азариа ро(к) Бо(ж) 168....“ (отмѣчаю это потому, что въ Подоліи каменные надмогильные кресты съ сохранившеюся удобочитаемой надписью трудно встрѣтить, такъ какъ камень—известнякъ, изъ какого обычно здѣсь дѣлаютъ кресты, вывѣтривается, и надпись не можетъ сохраниться болѣе 100—150 лѣтъ.

Въ мѣстечкѣ есть еврейская каменная синагога, выстроенная въ видѣ большой четыреугольной башни съ крѣпкимъ сводомъ, имѣющая вверху снаружи каменные парапеты съ небольшими бойницами; за этими парапетами можно свободно ходить и, при надобности, отстрѣливаться.

Въ Сатановѣ назадъ тому лѣтъ 40 былъ домикъ, гдѣ останавливался императоръ Петръ Великій, возращавшійся изъ Прутскаго похода; но теперь нѣтъ и слѣда этого домика. Былъ въ Сатановѣ оригинальный домъ доктора Паца, придворнаго врача послѣдняго Польскаго короля, устроенный такъ, что въ землѣ было расположено три этажа, а на поверхности только одинъ; въ этихъ подвалахъ Пацъ держалъ разныхъ звѣрей, гадовъ и. т. п.; но теперь нѣтъ ничего; камень, какой былъ сверху, забрали обыватели на свои надобности, а подвалы засыпаны.

Между мѣщанами отчасти удержалось цеховое устройство; здѣсь нѣкогда были цехи кушнирскій, шевскій, гончарскій, ткацкій, бондарскій и ковальскій. У цехмистровъ

теперешнихъ еще хранятся привилегіи, или, какъ называютъ мѣщане, „права“, данныя имъ владѣльцами мѣстечка въ 1704, 1740, 1794 и 1801 г. г. Эти документы, написанные на пергаментѣ, теперь большею частью сильно попорчены сыростью, но ревниво оберегаются мѣщанами и показываются любопытнымъ съ большимъ разборомъ и осторожностью.

Въ 2—3 вер. отъ мѣстечка на горѣ, надъ Збручемъ, находится женскій монастырь, бывшій до 1900 г. мужскимъ. Монастырь этотъ хотя и древній, но въ настоящее время не имѣетъ древностей. Монастыркая церковь воздвигнута въ 1744 г., какъ свидѣтельствуетъ надпись на наружной стѣнѣ зданія, гдѣ устроены старинные солнечные часы. Изъ болѣе древнихъ иконъ, находящихся въ монастырской церкви, можно указать на запрестольную Божіей Матери; эта икона хотя и византійскаго типа, но съ западнымъ вліяніемъ. Другая чтимая икона Божіей Матери, помѣщающаяся у алтаря на видномъ мѣстѣ, совсѣмъ западнаго письма, довольно художественная. Внизу, подъ монастырской церковью и монастырскимъ корпусомъ, находятся выбитыя въ скалѣ пещеры въ видѣ корридора длиною около 20 шаговъ, идущаго вдоль стѣны скалы на разстояніи 2—3 саж.; къ корридору примыкаютъ въ трехъ мѣстахъ маленькія комнаты или келліи размѣрами въ 4—5 шаговъ въ длину и ширину. Здѣсь возлѣ этихъ пещеръ, по свидѣтельству монастырской лѣтописи, со второй половины XVIII в., былъ первоначально монастырскій храмъ, съ датой 1600 года (См. монастыр. лѣтопись въ „Кіев. Ст.“ 1882 г., февр., 418, и „Тр. Подол. Епарх. Ис.—ст. ком.“ V, 359).

М. *Ярмолинцы*—бывшее родовое помѣстье Подольскаго рода Ярмолинскихъ. Родъ этотъ велъ свое начало отъ нѣкоего Хотька Кроаты, которому въ 1407 г. король польскій далъ Ярмолинцы съ окрестными селами. Два внука этого Хотька подѣлились имѣніями; одинъ Дахно остался жить въ Ярмолинцахъ и удержалъ за собою фамилію Ярмолинскій; другой Ѳеодоръ поселился въ Сутковцахъ (теперь село

Летич. у., лежащее отъ Ярмолинецъ верстахъ въ 7), называется Сутковскимъ и сталъ родоначальникомъ польскихъ дворянъ Сутковскихъ. Обѣ эти семьи были долгое время православными, и отъ нихъ въ Подоліи остались кое-какіе памятники,—фактъ почти единственный для Подоліи, чтобы отъ древняго православнаго туземнаго рода землевладѣльцевъ остались вещественные памятники. Въ Ярмолинцахъ въ усадьбѣ псаломщика, гдѣ стояла по преданію Михайловская церковь, находится каменная надгробная плита Матвѣя Ярмолинскаго, умершаго около половины XVI в., и въ Сутковцахъ въ тамошней церкви (о коей ниже) сохранилось надгробіе Ивана Сутковскаго 1593 г. Плита Матвѣя Ярмолинскаго не сохранилась вполнѣ, три стороны ея отбиты; на уцѣлѣвшей же части можно прочитать (буквы выпуклыя) по краямъ: „ый пань Матѣй Яръмолиньский и положонь бысть ту в Х..“, а посрединѣ двѣ строки: Року пр..... ликихъ мукъ и умеръ“. На томъ же мѣстѣ были выкопаны (въ октябрѣ 1901 г.) куски другихъ разбитыхъ плитъ: на одномъ осталась надпись: „Матвѣева“ (вѣроятно, жена Матвѣя Ярмолинскаго); на другомъ кускѣ совершенно другого характера можно прочесть: „(Яр.)молинскій преставился к.“...

Въ той же части поселенія, гдѣ была Михайловская церковь, остались слѣды древняго замка Ярмолинскихъ въ видѣ земляной насыпи, имѣющей на планѣ видъ равнобедреннаго треугольника, основаніе коего имѣетъ около 70 арш. а равныя стороны по 140 арш.; мѣстность эта называется народомъ „Каменыця“. Въ болѣе позднее время (XVII—XVIII вв.) замокъ Ярмолинскихъ находился въ другомъ мѣстѣ поселенія, вблизи теперешняго костела. Здѣсь сохранилось замчище, имѣющее на планѣ видъ квадрата, стороны коего имѣютъ около 100 арш.; посрединѣ одной стороны сохранились отчасти въѣздныя ворота, выведенныя аркой; подъ этими воротами находятся погреба; часть этихъ погребовъ теперь занята ледникомъ, арендуемымъ евреемъ у мѣстнаго помѣщика (Орловскаго).

Въ Ярмолинцахъ церковь устроена изъ костела капуцинскаго кляштора постройки XVII в. Старое зданіе совсѣмъ передѣлано; изъ сохранившихся иконъ и церковныхъ украшеній костела слѣдуетъ упомянуть объ иконѣ прекрасной итальянской живописи, представляющей Божію Матерь въ облакахъ среди ангеловъ; образъ этотъ немного испорченъ наведеніемъ лака, который мѣстами сдѣлался почти непрозрачнымъ. Кромѣ этой иконы, въ церкви, на стѣнахъ, имѣется около 12 художественныхъ рельефныхъ изображеній Страданій Спасителя. Сдѣланы эти изображенія изъ гипса, но къ сожалѣнію въ недавнее уже время побѣлены известкой, почему тонкая работа художника нѣсколько попорчена.

Побывавъ въ Ярмолинцахъ и осмотрѣвъ немногіе остатки былой жизни здѣшнихъ старорусскихъ владѣльцевъ Ярмолинскихъ, я не могъ не посѣтить Сутковецъ (Летич. у.), бывшей резиденціи боковой вѣтви рода Ярмолинскихъ—Сутковскихъ, гдѣ я бывалъ и раньше и осматривалъ тамошнюю церковь, представляющую интересный древній архитектурный памятникъ.

Въ настоящій разъ я сдѣлалъ точныя измѣренія церкви и произвелъ фотогр. снимки какъ общаго вида, такъ и нѣкоторыхъ деталей. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что въ недавнее время церковь, по усердію мѣстнаго священника и безъ вѣдома епарх. начальства, претерпѣла измѣненія въ наружномъ видѣ крышъ. Въ Сутковцахъ есть остатки замка Сутковскихъ; „замчисько“ представляетъ видъ квадрата, стороны коего равняются почти 70 арш.; въ двухъ противоположныхъ углахъ сохранились двѣ пятиугольныя башни.

Въ 12—15 вер. отъ Ярмолинецъ и Сутковецъ, въ с. Савинцахъ, сохранился помѣщичій домъ, построенный въ первой половинѣ XVII в. Однимъ изъ Ярмолинскихъ—Николаемъ; боковыя части этого дома въ видѣ башенъ со сводами сохранились до сихъ поръ вполнѣ хорошо. Въ настоящее время этотъ домъ принадлежитъ владѣльцу с. Савинецъ генералу А. Бенкендорфу.

Въ ту же поѣздку я побывалъ въ м. *Зиньковѣ*, гдѣ былъ въ 1900 г. Теперь мной сдѣланъ большой снимокъ замковой горы и начертанъ планъ мѣстности по большому плану, находящемуся въ мѣстномъ волостномъ правленіи.

По пути изъ Ярмолинецъ я посѣтилъ въ сосѣднемъ селѣ Сказинцахъ мѣстнаго владѣльца В. М. Марковскаго, наслѣдника части имѣній Ярмолинскихъ по женской линіи. Г. Марковскій—большой любитель старины, и его домъ—это цѣлый музей. Всѣ комнаты наполнены разными древностями и художественными вещами, мебелью, оружіемъ, картинами, портретами, гравюрами и т. п. Выдается здѣсь, напр., дорогая збруя извѣстнаго Стефана Чарнецкаго. Имѣется и архивъ съ древними документами мѣстныхъ землевладѣльцевъ—Ярмолинскихъ, Чуриловъ, Марковскихъ и др.“

д) Д. чл. **И. М. Каманинъ** сообщилъ о найденномъ имъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры, въ одной изъ тетрадей учениковъ школы живописи, изображеніи малороссійскаго гетмана съ княжеской короной и скипетромъ въ рукѣ. Задавшись вопросомъ: „*Кто онъ*“? и принявъ во вниманіе, что княжеское достоинство было пожаловано одному гетману Мазепѣ и только по измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ не было обнародовано, что гетманъ неоднократно былъ изображаемъ мѣстными художниками въ ореолѣ величія и славы, что школьный портретъ князя-гетмана имѣетъ сходство съ нѣкоторыми изъ существующихъ типовъ портретовъ Мазепы, референтъ пришелъ къ заключенію, что и школьный портретъ изображаетъ гетмана Мазепу.

По поводу этого сообщенія д. чл. О. И. Левицкій выразилъ сомнѣніе въ возможности считать найденное референтомъ изображеніе князя портретомъ Мазепы.

Референтъ отстаивалъ свою гипотезу.

При этомъ случаѣ, поч. чл. Н. И. Петровъ замѣтилъ, что портретъ, изданный въ началѣ 80-хъ годовъ въ „Кіевской Старинѣ“ и приписываемый издателемъ журнала гетману

Мазепѣ, представляетъ собою, по всей вѣроятности, портретъ кого-нибудь изъ послѣднихъ князей Олельковичей.

Въ настоящемъ засѣданіи въ члены Ревизіонной коммисіи избраны: *Ю. А. Кулаковскій, О. И. Левицкій и Н. В. Стороженко.*

XIV. Засѣданіе 29 сентября.

Предметами занятій настоящаго засѣданія были:

1) Рядъ докладовъ о трудахъ XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

а) Поч. чл. **В. Б. Антоновичъ**, указавъ на особое богатство этнографической выставки и на интересъ выставокъ археологической и картографической, изложилъ содержаніе рефератовъ г. *Краснова*: „Эволюція жилища и одежды крестьянъ ближайшихъ окрестностей г. Харькова;" г-жи *Радаковой*: „Этнографическая экскурсія въ Екатеринославскую губернію"; г. *Падалки*: „Что сказало населеніе Полтавской губ. о своемъ бытѣ"; г. *Сумцова*: „О кобзаряхъ и лирникахъ Харьковской губ."; г. *Иванова*: „Артели слѣпыхъ, ихъ организація и современное положеніе", г. *Ходкевича*: „Устройство бандуры и лиры"; г. *Покровскаго*: „Золотарство въ Харьков. губ."; г. *Василенка*: „Ткачество въ Полтавской губ."; г. *Маркевича*: „О бывшей Хотинской крѣпости; г. *Бабенка*: „Коцарство въ Харьков. губ."; г. *Зарѣцкаго*: „Гончарство въ Полтав. губ."; г. *Лукьянова*: „Изъ исторіи колдовства въ XVII в."; г. *Багалѣя*: „Объ основаніи г. Харькова" и г. *Ковалевскаго*: „Къ ранней исторіи Азова"; въ заключеніе В. Б. Антоновичъ указалъ на сдѣланныя къ съѣзду изданія археологическихъ картъ Харьковской губ. гг. Багалѣя и Перелетка и Симбирской губ.—Поливанова.

б) д. чл. **В. З. Завитневичъ** въ своемъ докладѣ коснулся слѣдующихъ рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ: *В. Н. Поливанова:* „Очеркъ козацкой колонизаціи въ Симбирскомъ

Поволжьѣ"; *Х. И. Попова:* „Краткій историческій очеркъ козачьихъ поселеній на Дону"; *В. П. Бузескула:* „Историческій процессъ съ точки зрѣнія греческихъ историковъ"; *В. И. Саввы:* „Выходъ византійскихъ и московскихъ царей въ праздникъ Рождества"; *Д. И. Абрамовича:* „Черты южно-русскаго до-монгольскаго быта по даннымъ житійной литературы;" *Н. С. Державина:* „Степенная книга, какъ литературный памятникъ"; *Д. В. Айналова:* „Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царь-Градѣ?" *Д. Я. Самоквасова:* „Русское архивное законодательство"; *С. Ѳ. Платонова:* „По вопросу о Никоновскомъ сводѣ".

в) д. чл. **А. I. Степовичъ** заявилъ, что секція „Славянскихъ древностей" на XII археологическомъ съѣздѣ была небогата докладами, такъ какъ число славистовъ, принимавшихъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ съѣздѣ, было очень невелико. Имъ изложено было содержаніе всѣхъ семи докладовъ, сдѣланныхъ на съѣздѣ, а именно: *М. С. Дринова:* „Объ одномъ апокрифическомъ видѣніи пророка Исаіи"; „Объ одномъ рукописномъ сборникѣ церковныхъ чиноположеній XVI в."; *А. Л. Липовскаго:* „Мелкія замѣтки и параллели по славянскимъ древностямъ и исторіи"; *А. І. Степовича:* „Къ литературной исторіи Краледворской рукописи"; *А. И. Музыченка:* „Наблюденіе надъ народнымъ творчествомъ Крымскихъ болгаръ"; *М. Г. Халанскаго:* „Пѣсня о смерти Марка королевича", и *Н. С. Державина:* „Этнографическія условія развитія болгарскихъ колоній въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ."

г) д. чл. **М. Н. Ясинскій** сдѣлалъ докладъ о рефератахъ секціи „быта хозяйственнаго и домашняго, юридическаго, общественнаго и военнаго".

д) Поч. чл. **Н. И. Петровъ** представилъ сообщеніе о рефератахъ, касавшихся церковныхъ древностей (напечатано въ 5 отдѣлѣ настоящаго выпуска).

2) Д. чл. **Г. В. Александровскій** сообщилъ *„Нѣсколько данныхъ изъ психологіи Гоголевскаго творчества"*.

Имѣется цѣлый рядъ непреложныхъ свидѣтельствъ о томъ, что способность къ словесному творчеству проявляется временами независимо отъ воли писателя; въ такихъ случаяхъ онъ не можетъ не творить; въ Гоголѣ мы замѣчаемъ нѣчто совсѣмъ другое. Онъ прямо заявляетъ, что въ періодъ ученія въ Нѣжинѣ мысль о писательствѣ никогда не приходила ему въ голову; онъ почти никогда не испытывалъ чисто стихійнаго прилива творческихъ силъ, органической потребности въ писательствѣ. „Я никогда, говоритъ Гоголь въ „Авторской исповѣди,“ ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. Я никогда не писалъ портреты въ смыслѣ простой копіи. Я создавалъ портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія". Такимъ образомъ, по врожденнымъ особенностямъ своего таланта, Гоголь долженъ былъ сдѣлаться писателемъ, изображавшимъ окружающую его жизнь: „У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ,“ говоритъ онъ. На основаніи матеріала, изданнаго Н. С. Тихонравовымъ, процессъ творческой работы Гоголя представляется въ слѣдующемъ видѣ: почерпнутыя изъ окружающей жизни впечатлѣнія перерабатывались въ сознаніи поэта и представали предъ его духовными очами съ большей или меньшей яркостью; онъ спѣшилъ закрѣпить на бумагѣ созданія своей фантазіи; эти приливы вдохновенія посѣщали Гоголя внезапно. Такіе наброски носили двоякій характеръ: или конспектный или первоначальной редакціи произведеній; преобладаетъ послѣдній характеръ. Первоначальный набросокъ подвергался потомъ цѣлому ряду передѣлокъ и дополненій. Какъ бы не довѣряя самому себѣ, боясь, что онъ не будетъ въ состояніи на основаніи только личныхъ впечатлѣній дать яркую картину изображаемой жизни, Гоголь каждый разъ обращался къ близкимъ и знакомымъ людямъ съ просьбой прислать ему тѣ или другія свѣдѣнія по интересующему его вопросу. Благодаря этому пріему собиранія нужныхъ свѣдѣній и обладая рѣдкой способностью подмѣ-

чать мельчайшія характерныя черты лицъ, предметовъ и явленій, Гоголь имѣлъ въ своемъ распоряженіи огромный запасъ наблюденій, которыя могли ему служить обильнымъ матеріаломъ при художественной обработкѣ первоначальныхъ набросковъ. Наброски сначала дѣлались въ самыхъ общихъ чертахъ. Но полнота ихъ впослѣдствіи возмѣщалась вставками новыхъ подробностей, при этомъ не только отдѣльныя выраженія и мысли, но и цѣлыя картины безжалостно вычеркивались и замѣнялись новыми; такія передѣлки и дополненія повторялись нѣсколько разъ черезъ большіе или меньшіе промежутки времени. Творческій процессъ заканчивался „перечисткой“ произведенія, отдѣлкой его слога. Но, если Гоголь дѣйствительно обнаруживалъ мало художественный стиль въ своихъ первоначальныхъ набросках, за то потомъ, путемъ поразительной по своей тонкости отдѣлки своего слога, достигалъ замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ. Такимъ образомъ, характерными чертами Гоголевскаго творчества является участіе въ немъ, на ряду съ синтетической дѣятельностью фантазіи, аналитическая работа мысли: соображеніе работало у него столько же, сколько и воображеніе, если не играло первенствующей, регулирующей роли *).

По поводу этого доклада было сдѣлано нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній д. чл. В. А. Чаговцемъ, а поч. чл. Н. П. Дашкевичъ замѣтилъ, что процессъ творчества у Гоголя въ теченіе всей его литературной дѣятельности не былъ вполнѣ одинаковъ.

Въ дальнѣйшихъ дебатахъ приняли участіе д. члены В. З. Завитневичъ и Е. И. Де-Витте.

XV. Засѣданіе 6-го октября.

1. Настоящее административное засѣданіе было назначено для выборовъ на предстоящее трехлѣтіе членовъ бюро

*) См. „Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана“. Годъ 7-й. Кіевъ. 1902 г.

Общества, но, за неприбытіемъ надлежащаго числа членовъ (требовалось присутствіе 36 чел., а явилось лишь 26), постановлено, на основ. ст. 28 „Устава“ Общества, считать это засѣданіе не состоявшимся и выборы должностныхъ лицъ Общества отложить до слѣдующаго засѣданія, имѣющаго быть 13-го октября, когда выборы будутъ произведены при всякомъ численномъ составѣ собранія.

2. Обсуждался вопросъ о раздѣленіи, вслѣдствіе увеличенія количества работы, должностей библіотекаря отъ помощника секретаря, сливающихся нынѣ въ одномъ лицѣ.

Опредѣлили: оставить прежній порядокъ, а въ случаѣ надобности употреблять на расходы по перепискѣ бумагъ до 20 рублей въ годъ.

XVI. Засѣданіе 13-го октября.

1. Д. чл. **В. А. Чаговецъ** сообщилъ извлеченіе изъ своихъ, „Замѣтокъ во время лѣтней экскурсіи этого года, и, между проч., привелъ и подвергнулъ разбору произведеніе народнаго творчества: „*Духовный стихъ объ Александрѣ II*“ (будетъ напечатанъ въ 3-мъ вып. настоящей книги).

2. Слушали докладъ Ревизіонной коммиссіи о повѣркѣ ею кассы и библіотеки Общества; и та и другая найдены „въ полномъ порядкѣ.“

3. По произведенной баллотировкѣ на трехлѣтіе (по октябрь 1905 года) избраны:

въ предсѣдатели—*Н. П. Дашкевичъ;*
въ товарищи предсѣдателя—*О. И. Левицкій;*
въ казначеи—*Ѳ. Я. Фортинскій;*
въ секретари—*М. Н. Ясинскій;*
въ библіотекари и помощн. секретаря—*И. М. Каманинъ.*

XVII. Засѣданіе 27-го октября.

Въ настоящемъ годичномъ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца, состоявшемся въ день празднованія памяти патрона Общества въ залѣ торжественныхъ собраній Универ-

ситета св. Владиміра, при большомъ стеченіи посторонней публики и почетныхъ гостей,

1) Секретаремъ Общества **М. Н. Ясинскимъ** былъ прочитанъ „*Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 года*“ (будетъ напечатанъ во 2-мъ выпускѣ настоящей книги).

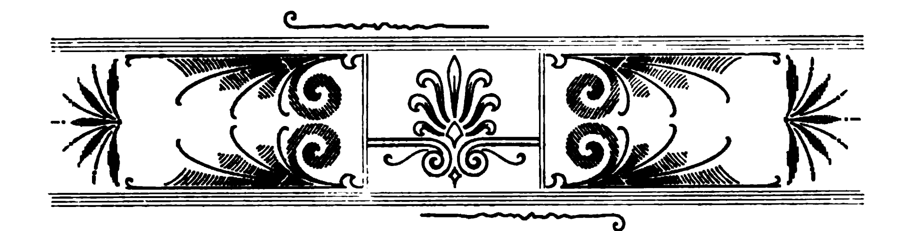
За тѣмъ, 2) Д. чл. **В. Я. Желѣзновъ** произнесъ рѣчь: „*Столѣтіе фабричнаго законодательства (въ Англо-Саксонскихъ земляхъ).*“

Фабричное законодательство возникаетъ въ Англіи вскорѣ послѣ распространенія механическихъ изобрѣтеній Хоргревса, Аркрейца и Кромцтега (1764—1779 гг.) въ прядильной промышленности. Владѣльцы вновь устроенныхъ фабрикъ нуждались въ рабочихъ рукахъ (труды дѣтей); выходъ изъ затрудненія былъ найденъ обращеніемъ къ администраціи призрѣній въ южныхъ (земледѣльческихъ) графствахъ, на попеченіи которой въ то время было много дѣтей пауперовъ. Приходскіе „ученики“, отданные въ работу, попадали въ полную зависимость отъ фабрикантовъ, которые создавали для ихъ труда и жизни столь тяжелую обстановку, что среди нихъ стали развиваться эпидемическія заболѣванія, переходившія и къ болѣе состоятельнымъ слоямъ населенія. Это привлекло вниманіе общественной власти къ вопросу о законодательномъ вмѣшательствѣ въ условія труда „учениковъ“, и въ 1802 году сэръ Робертъ Пиль провелъ первый фабричный актъ. Въ промежутокъ между 1803—1815 гг. водяная сила уступаетъ силѣ пара, и на фабрикахъ начинаетъ уже работать взрослое населеніе (а не только дѣти пауперовъ); кромѣ того, преобразованіе предпріятій изъ мелкихъ и ручныхъ въ крупныя механическія все болѣе и болѣе усиливается. Тогда появились послѣдовательно фабричные законы, распространяющіе охрану труда на большій кругъ предпріятій, лицъ и условій работы. Наиболѣе полнаго развитія этотъ процессъ достигаетъ въ передовыхъ колоніяхъ Англіи—Викторіи и Новой Зеландіи. Что касается причинъ, которыя создали фабричное законодательство и

способствовали его дальнѣйшему развитію, то *потребность* въ законодательномъ регулированіи труда возникла благодаря сосредоточенію беззащитныхъ элементовъ рабочей массы подъ произвольнымъ управленіемъ фабрикантовъ, которые пользовались преимуществами своего положенія въ ущербъ не только простымъ у нихъ рабочимъ, но и всему обществу, подрывая жизненныя силы значительной части ея членовъ. *Возможность* же борьбы за фабричные законы давалась политическими условіями общественной жизни Англіи (и ея колоній). Среди силъ, дѣствовавшихъ въ пользу установленія и расширенія законодательной охраны труда, выдѣляются вначалѣ отдѣльные филантропы и люди широкаго общественнаго начала (особенно *Роб. Овэнъ*), затѣмъ торійская партія, вступившая въ борьбу съ буржуазіей изъза политическаго преобладанія, и, наконецъ, сами рабочіе (въ союзѣ съ тори и какъ самостоятельная сила).

Значеніе фабричнаго законодательства выражается въ постепенности признанія и осуществленія принципа общественнаго регулированія и контроля въ промышленной жизни. Такое регулированіе дало уже и вполнѣ осязательные результаты какъ въ виду улучшенія условій существованія рабочаго класса, такъ и повышеніи производительности національнаго труда.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время яснѣе обрисовываются уже и задачи дальнѣйшаго развитія фабричнаго законодательства, какъ для самой Англіи и ея колоній, такъ и для болѣе отсталыхъ капиталистическихъ странъ.



Отчетъ о состоянiи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1901 года по 27 октября 1902 года.

(Составленъ Секретаремъ Общества М. Н. Ясинскимъ).

Мм. Г-ри и Мм. Г-рыни! Предлагаемый нынѣ вашему благосклонному вниманiю отчетъ содержитъ въ себѣ краткiя свѣдѣнiя о состоянiи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 30-й годъ его существованiя, а именно, съ 27 октября 1901 г. по 27 октября 1902 г.

I. Свѣдѣнiя о личномъ составѣ Общества, его совѣта и бюро.

Къ 27-му октября прошлаго 1901 года Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 145 членовъ: 21 почетныхъ и 124 дѣйствительныхъ.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующiя перемѣны въ личномъ составѣ Общества:

Общество лишилось своего почетнаго члена и товарища предсѣдателя—Александра Матвѣевича Лазаревскаго и трехъ

дѣйствительныхъ членовъ: Алексѣя Александровича Андріевскаго, Гавріила Александровича Ласкина и Николая Васильевича Шугурова. Означенные почившіе члены Общества были въ свое время, въ ближайшихъ засѣданіяхъ, помянуты добрымъ словомъ. Но это обстоятельство не освобождаетъ насъ отъ нравственной обязанности упомянуть здѣсь, въ настоящемъ отчетѣ, что изъ указанныхъ утратъ, понесенныхъ Обществомъ въ истекшемъ году, наиболѣе тяжелой является, безъ всякаго сомнѣнія, кончина Александра Матвѣевича Лазаревскаго. Мы не будемъ здѣсь касаться его ученыхъ трудовъ, посвященныхъ преимущественно исторіи Лѣвобережной Малороссіи,—мы напомнимъ только, чѣмъ обязано наше Общество покойному Александру Матвѣевичу. Избранный въ 1880 г. въ дѣйствительные, а въ 1893 г. въ почетные члены, Александръ Матвѣевичъ особенное участіе въ трудахъ Общества проявилъ лишь въ послѣдніе 8 лѣтъ, когда онъ послѣдовательно исполнялъ обязанности члена Совѣта (въ 1894 г.), предсѣдателя Общества и товарища предсѣдателя. Кратковременное (годичное) предсѣдательство Александра Матвѣевича ознаменовалось открытіемъ публичныхъ лекцій, положившихъ начало для подобныхъ лекцій въ послѣдующіе годы, значительнымъ приращеніемъ денежныхъ средствъ Общества, а именно, 1000 руб., пожертвованныхъ лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ, и, наконецъ, увеличеніемъ библіотеки Общества, благодаря, главнымъ образомъ, личнымъ вкладамъ самого Александра Матвѣевича. Сверхъ всего этого, какъ въ указанное время, такъ и позже, когда онъ занималъ болѣе скромный постъ—товарища предсѣдателя, покойный Александръ Матвѣевичъ являлся однимъ изъ дѣятельныхъ референтовъ въ засѣданіяхъ Общества.

Лишившись въ отчетномъ году четырехъ помянутыхъ членовъ, Общество приняло въ свою среду въ то же время слѣдующихъ новыхъ сотрудниковъ: 1) въ дѣйствительные члены были избраны: академикъ Алексѣй Александровичъ Шахматовъ, профессоръ Софійскаго (въ Болгаріи) университета Иванъ

Дмитріевичъ Шишмановъ, Николай Константиновичъ Бокадоровъ, Михаилъ Николаевичъ Марковскій и Иванъ Матвѣевичъ Стешенко, и 2) въ почетные—Ольга Васильевна Головня, родная сестра великаго русскаго писателя Н. В. Гоголя. Кромѣ того, въ члены-корреспонденты были избраны: С. А. Гатцукъ и сказатель былинъ Иванъ Трофимовичъ Рябининъ.

Такимъ образомъ, за всѣми указанными перемѣнами въ личномъ составѣ, Общество въ настоящее время состоитъ изъ 149 членовъ: 21 почетныхъ, 126 дѣйствительныхъ и 2 членовъ-корреспондентовъ. Изъ этого общаго количества 77 членовъ, а именно: 8 почетныхъ и 69 дѣйствительныхъ, находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Бюро Общества въ теченіе большей части истекшаго отчетнаго года состояло изъ тѣхъ же должностныхъ лицъ, которыя завѣдывали дѣлами Общества и въ предыдущіе два года. За истеченіемъ полномочій членовъ бюро, 13-го октября настоящаго года были произведены въ общемъ собраніи новые выборы, при чемъ поч. чл. Н. П. Дашкевичъ былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ Общества на второе трехлѣтіе, д. чл. М. Н. Ясинскій избранъ секретаремъ на третье трехлѣтіе, поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскій—казначеемъ на пятое трехлѣтіе и д. чл. И. М. Каманинъ—библіотекаремъ и помощникомъ секретаря тоже на пятое трехлѣтіе. Что касается должности товарища предсѣдателя, остававшейся вакантной со дня смерти А. М. Лазаревскаго, т. е., съ конца марта текущаго года, то на эту должность 13-го октября былъ избранъ д. чл. О. И. Левицкій.

Въ совѣтѣ Общества, которому по уставу принадлежитъ главное руководство дѣятельностью Общества, въ отчетномъ году не произошло никакихъ перемѣнъ, кромѣ уже сейчасъ указанной и связанной со смертью А. М. Лазаревскаго и избраніемъ на его мѣсто О. И. Левицкаго. Совѣтъ Общества состоялъ, какъ и въ предыдущемъ году, изъ 15 лицъ, а именно: изъ 4 упомянутыхъ должностныхъ лицъ Общества, 3-хъ членовъ-учредителей (В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и Н. И. Петрова) и 8 членовъ по избранію

общаго собранія (М. Ф. Владимірскій-Будановъ, В. З. Завитневичъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, А. I. Степовичъ, Ю. А. Кулаковскій Т. Д. Флоринскій, И. М. Каманинъ и В. И. Щербина).

Равнымъ образомъ не произошло въ отчетномъ году никакихъ новыхъ перемѣнъ, кромѣ указанной выше, и въ составѣ Редакціоннаго Комитета, который занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, представленныхъ Обществу для напечатанія, и рѣшеніемъ вопроса о помѣщеніи ихъ въ изданіяхъ Общества. Онъ состоялъ въ истекшемъ году, какъ и раньше, изъ 7-ми лицъ, а именно: 4-хъ членовъ бюро Общества и 3-хъ членовъ, избранныхъ Совѣтомъ (В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. С. Иконникова).

Остается только упомянуть, что въ отчетномъ году Совѣтъ имѣлъ 6, а Редакціонный Комитетъ 2 засѣданія.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека и денежныя средства Общества къ концу отчетнаго года находились въ нижеслѣдующемъ состояніи.

Въ библіотекѣ Общества къ 27-му октября 1901 года имѣлось:

А) Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ 2297 названій въ 5174 томахъ и брошюрахъ;

Б) Въ отдѣлѣ рукописей было:

1) древнихъ рукописныхъ книгъ 11,
2) фотографич. снимковъ съ древн. рукописей 2,
3) отдѣльныхъ документовъ 2 связки,

и 4) рукописныхъ сочиненій истекшаго XIX столѣтія въ формѣ книгъ 7.

Въ теченіе отчетнаго года въ библіотеку вновь поступило 123 названія (менѣе прошлогодняго на 15) въ 260 томахъ и брошюрахъ.

Такимъ образомъ, къ настоящему дню библіотека Общества состоитъ: 1) изъ 2420 названій въ 5434 томахъ и брошюрахъ и 2) изъ перечисленныхъ выше предметовъ рукописнаго отдѣла библіотеки.

Музей же Общества, который находится пока въ зачаточномъ положеніи, обогатился слѣдующими новыми пріобрѣтеніями: 1) небольшой связкой документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта О. В. Головней черезъ д. чл. Общества В. А. Чаговца, и 2) тремя портретами Н. В. Гоголя, изъ коихъ два пожертвованы Московскимъ коллекціонеромъ Бахрушинымъ, а одинъ Полтавскимъ фотографомъ г. І. Хмѣлевскимъ.

Что касается денежныхъ средствъ Общества Нестора-лѣтописца, то принадлежащія ему суммы находились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ движеніи:

1. Къ 27-му октября прошлаго 1901 г. въ кассѣ оставалось . . . . 2746 р. 88 к. *)

2. Въ теченіе отчетнаго года поступило въ приходъ Общества . . . . 1387 р. 27 к.

(болѣе прошлогодняго на 101 р. 77 к.).

и въ томъ числѣ:

а) правительственной субсидіи. . . . 800 р. — „
б) членскихъ взносовъ (отъ 49 членовъ) 245 р. — „
(менѣе прошлогодняго на 47 р. 55 к., а позапрошлогодняго—на 315 руб.).

*) Кромѣ того, къ означенному времени въ кассѣ Общества оставался отъ ассигнованныхъ Московскимъ Археол. Обществомъ на описаніе древностей Украины тысячи р., остатокъ въ размѣрѣ *146 р. 74 к.* Изъ этого остатка въ теченіе отчетнаго года на указанную цѣль издержано вновь 10 руб., и такимъ образомъ, къ 27-му октября 1902 г. осталось упомянутыхъ денегъ *136 р. 74 коп.* Далѣе, въ показанную цифру наличности кассы Общества къ 27-му октября 1901 г. не входитъ и другая сумма, имѣющая свое спеціальное назначеніе, а именно 100 руб., поступившихъ отъ дѣйств. чл. Общества Ласкина на изданіе его „Словаря древностей Константинополя.“

в) валового дохода съ лекцій о Гоголѣ 188 р. — „

г) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету. . . . . 130 р. 27 к.

(болѣе прошлогодняго на 2 р. 82 к.).

д) отъ продажи изданій Общества . . . 24 р. — к.

(менѣе прошлодняго на 41 р. 50 к., а позапрошлогодняго—на 56 р. 81 к.).

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, коими касса Общества располагала въ отчетномъ году на свои расходы *), составляетъ . 4134 р. 15 к.

(болѣе прошлогодняго на 10 р. 31 к., но менѣе позапрошлогодняго на 541 р. 58 к.).

Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:

1) на изданія Общества:

а) на изданіе 3 и 4 вып. XV кн. 632 р. 53 к.
б) „ „ XVI кн. чтеній . 1147 р. 29 к. } 1779 р. 82 к.

(болѣе прошлогодняго на 559 р. 26 к.).

2) на расходы по публичн. лекціямъ (о Гоголѣ) . . . . 137 р. 52 к.

3) на канцелярскіе и различные мелкіе расходы . . . . 152 р. 64 к.

4) на устройство засѣданій . . . . . . 63 р. 50 к.

5) на прислугу . . . . 40 р. — к.

Всего же израсходовано . . . 2173 р. 48 к.

(болѣе прошлогодняго на 796 р. 52 к., а позапрошлогодняго на 336 р. 9 коп.).

Слѣдовательно, къ настоящему дню (27-го октября 1902 г.) въ кассѣ Общества осталось въ наличности . . . . 1960 р. 67 к.

(т. е. болѣе прошлогодняго на 786 р. 21 к.).

*) См. предыдущее примѣчаніе.

III. *Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.*

Обратимся теперь къ краткимъ свѣдѣніямъ о научной дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Дѣятельность эта выразилась въ отчетномъ году, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ устройствѣ частныхъ или очередныхъ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; во 2-хъ, въ печатаніи свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества, его научныхъ трудовъ и историческихъ матеріаловъ и, въ 3-хъ, въ участіи нашего Общества въ чествованіи памяти Н. В. Гоголя по случаю 50-ти лѣтія со дня его смерти.

1. Всѣхъ засѣданій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году, по настоящій день включительно, было 17; изъ нихъ 12 частныхъ или очередныхъ, въ которыхъ читались и обсуждались рефераты членовъ; одно засѣданіе 12 мая, посвященное исключительно памяти поэта В. А. Жуковскаго по случаю 50-ти лѣтія со времени его смерти (12-го апрѣля 1852 г.); одно засѣданіе (31-го марта) собранное для слушанія сказателя былинъ И. Т. Рябинина; 2—административныхъ для выбора должностныхъ лицъ Общества и, наконецъ, одно (сегодняшнее)—торжественное годичное.

Въ 15-ти изъ упомянутыхъ засѣданій (не считая сегодняшняго и одного административнаго засѣданій) было предложено вниманію присутствовавшихъ 36 рефератовъ и рѣчей. Означенныя научныя сообщенія принадлежали нижеслѣдующимъ 23-мъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ, (при чемъ на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось по 2 и даже по 3 реферата): Н. П. Дашкевичу, А. М. Лободѣ, Н. И. Петрову (по 3 сообщенія); Н. П. Василенку, В. З. Завитневичу, И. М. Каманину, Ю. А. Кулаковскому, О. И. Левицкому, А. І. Степовичу, М. Н. Ясинскому (по 2 сообщенія); Г. В. Александровскому, В. Б. Антоновичу, Н. О. Бѣляшевскому, А. Н. Грену, М. В. Довнару-Запольскому, В. С.

Иконникову, М. П. Истомину, А. М. Лазаревскому, М. Н. Марковскому, Г. Г. Павлуцкому, В. К. Пискорскому, о. Е. О. Сѣцинскому и В. А. Чаговцу (по 1 сообщенію).

Въ виду того, что отчеты о сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества докладахъ печатались своевременно въ мѣстныхъ газетахъ, а болѣе подробно и обстоятельно въ періодическомъ органѣ Общества—его „Чтеніяхъ“, считаемъ совершенно излишнимъ утруждать вниманіе присутствующей публики краткимъ перечнемъ содержанія означенныхъ докладовъ и даже классификаціей ихъ по предметамъ, каковыхъ доклады эти касались. Замѣтимъ только, что примѣрно одна половина рефератовъ была посвящена археологіи и различнымъ вопросамъ изъ русской и византійской исторіи и исторіи русской и чешской литературы, а другая была вызвана текущими событіями: 50-тилѣтіемъ со дня смерти Н. В. Гоголя (6 докладовъ) и Жуковскаго (2 доклада), 50-тилѣтіемъ со дня учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива (2 реферата) и XII Археологическимъ Съѣздомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Харьковѣ въ августѣ текущаго года (5 сообщеній).

2) Въ отчетномъ году Общество наше продолжало печатать труды своихъ членовъ, а равно и представленные ими историческіе матеріалы, въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ“. Мало того: эта сторона дѣятельности является въ послѣднее время едва ли не главнымъ предметомъ усиленныхъ заботъ Совѣта Общества и Редакціоннаго Комитета, во главѣ съ нынѣшнимъ предсѣдателемъ Общества. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто одной хотя и объемистой книги, издававшейся въ прежніе годы, „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ уже съ 1900 г. стали выходить ежегодно въ видѣ 3-хъ выпусковъ, въ отдѣльности каждый въ 10—12 листовъ, а съ весны слѣдующаго 1901 г., а именно съ XV кн. „Чтеній“—даже въ количествѣ 4-хъ выпусковъ, т. е. въ видѣ историческаго трехмѣсячника. На сколько усилилась издательская дѣятельность нашего Общества, это видно также изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: въ

1900—1901 г. было истрачено на печатаніе „Чтеній“ 1220 р. 56 коп., а въ 1901—1902 г., т. е. въ отчетномъ году, даже 1779 руб. 82 коп.

Издательская дѣятельность Общества въ теченіе истекающаго сегодня отчетнаго года выразилась въ частности въ нижеслѣдующемъ. Въ концѣ 1901 г. и въ апрѣлѣ 1902 г. были выпущены въ свѣтъ 3-й и 4-й выпуски XV книги, въ іюнѣ текущаго года вышелъ 4-й выпускъ XVI кн., а три первые выпуска этой же книги, посвященные памяти Гоголя и представляющіе собою „Гоголевскій сборникъ“, уже заканчиваются печатаніемъ и будутъ выпущены въ самомъ непродолжительномъ времени. Сверхъ того, начатъ печатаніемъ 1-й вып. XVII книги.

3. Мы упомянули выше, что дѣятельность нашего Общества выразилась также въ чествованіи памяти великаго писателя Н. В. Гоголя по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти, послѣдовавшей 21 февраля 1852 г.

Чтобы надлежащимъ образомъ почтить память названнаго писателя, Общество Нестора-лѣтописца, по иниціативѣ своего предсѣдателя Н. П. Дашкевича, рѣшило: 1) издать сборникъ статей, посвященныхъ Н. В. Гоголю; 2) открыть въ зданіи Университета выставку предметовъ, такъ или иначе связанныхъ съ памятью о Гоголѣ; 3) устроить 21-го февраля въ актовомъ залѣ Университета торжественное публичное засѣданіе Общества, въ которомъ предполагалось произнести соотвѣтственныя рѣчи, и 4) объявить рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ Гоголю и его произведеніямъ.

Къ сожалѣнію, эта программа по совершенно независящимъ отъ Общества причинамъ не могла быть осуществлена полностью и въ такой мѣрѣ и при такой обстановкѣ, какъ это предполагалось. Правда, „Гоголевскій сборникъ“ уже почти оконченъ печатаніемъ и вскорѣ, какъ было упомянуто выше, выйдетъ въ свѣтъ. Правда, и Гоголевская выставка и публичныя лекціи, посвященныя Гоголю, своевременно осуществились, но первая изъ нихъ должна была

скромно пріютиться въ зданіи Кіевскаго Музея, а вторыя (т. е. лекціи) въ такомъ обширномъ и богатомъ различными общественными зданіями городѣ, какъ Кіевъ, едва нашли себѣ подходящее мѣсто, и то—благодаря любезности предсѣдателя биржевого комитета, предоставившаго для Гоголевскихъ лекцій биржевой залъ. Но зато отъ устройства торжественнаго публичнаго въ честь Гоголя засѣданія, предполагавшагося въ зданіи Университета, пришлось по тѣмъ же не зависящимъ отъ Общества Нестора-лѣтописца обстоятельствамъ и вовсе отказаться. Впрочемъ, предназначенныя къ произнесенію въ несостоявшемся торжественномъ засѣданіи рѣчи вошли въ составъ Гоголевскаго сборника. Туда же вошло и описаніе Гоголевской выставки (точнѣе, перечень предметовъ этой выставки). Что же касается упомянутыхъ публичныхъ платныхъ лекцій, посвященныхъ характеристикѣ Гоголя и его произведеній и имѣвшихъ мѣсто въ январѣ и февралѣ текущаго года въ биржевомъ залѣ, то онѣ были прочтены слѣдующими лицами и на нижеслѣдующія темы: 1) В. А. Чаговцомъ: „Семейная хроника Гоголей", 2) И. В. Шаровольскимъ: „Первые литературные дебюты Гоголя", 3) Н. К. Бокадоровымъ: „Комедіи Гоголя", 4) И. М. Каманинымъ: „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи", 5) Г. В. Александровскимъ: „Гоголь и Бѣлинскій" и 6) В. З. Завитневичемъ: „Религіозно-нравственное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы его жизни".

Заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца сообщеніемъ, что оно рѣшило возобновить публичныя платныя лекціи, имѣвшія большой успѣхъ въ недавно истекшіе годы, въ особенности же въ 1898—99 гг.

Остается только пожелать, чтобы вниманіе и сочувствіе мѣстной интеллигентной публики не дало заглохнуть дѣлу публичныхъ лекцій, а напротивъ содѣйствовало болѣе прочной и широкой ихъ постановкѣ въ ближайшемъ будущемъ.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1901 г. по 27-е октября 1902 г.

I.—Въ засѣданіи Совѣта 1-го ноября 1901 г. было, между прочимъ, заслушано увѣдомленіе Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 24-го октября 1901 г. за № 1761, въ которомъ эта Коммиссія, въ виду частыхъ находокъ въ Кіевѣ, при всякаго рода земляныхъ работахъ, цѣнныхъ предметовъ очень глубокой старины, уполномочиваетъ Общество Нестора-лѣтописца имѣть вообще надзоръ за памятниками старины въ Кіевѣ.

Вслѣдствіе этого, постановлено просить гг. членовъ *В. Б. Антоновича, Ю. А. Кулаковскаго, В. З. Завитневича и В. И. Щербину* быть представителями Общества въ дѣлѣ надзора за памятниками старины въ Кіевѣ.

II.—Въ засѣданіи Совѣта 29-го ноября 1901 г., между прочимъ, было постановлено по предложенію г. Предсѣдателя:

1) Приступить къ составленію запаснаго неприкосновеннаго капитала въ 15000 руб., который служилъ-бы основнымъ фондомъ для издательской дѣятельности Общества.

2) Для того ежегодно отчислять въ этотъ капиталъ по 10% изъ всѣхъ валовыхъ доходовъ Общества.

3) Проценты съ неприкосновеннаго капитала обязательно причислять къ нему.

4) Зачислить въ неприкосновенный капиталъ 1000 руб., полученныхъ отъ публичныхъ лекцій.

Въ этомъ же засѣданіи постановлено: выдавать авторамъ статей, помѣщаемыхъ въ „Чтеніяхъ" Общества, отдѣльные оттиски этихъ статей въ количествѣ лишь 25-ти экземпляровъ тогда только, если статья заключаетъ въ себѣ болѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, но выдавать безъ заглавнаго листа и цвѣтной обложки; если же статья заключаетъ въ себѣ болѣе 5 печатныхъ листовъ, то заглавный листъ и цвѣтная обложка принимаются на счетъ Общества.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за ноябрь и декабрь 1902 г.

I. Засѣданіе 10-го ноября.

Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** изложилъ содержаніе своего изслѣдованія: *„Предполагаемые и дѣйствительные вновь открытые комментаріи къ „Обряднику“ Константина Порфирогенета* (*„De cerimoniis aulae Byzantinae“*).

Г. Дмитріевскій въ своемъ рефератѣ предпослалъ краткій историческій очеркъ открытія Обрядника Императора Константина VII, его комментированія и изданія въ свѣтъ на Западѣ учеными Альбертомъ Фабриціемъ, Маіемъ, Лейхомъ, Яковомъ Рейске (1716—1774) и историкомъ Нибуромъ, коснулся діаметрально противоположныхъ взглядовъ на его содержаніе и научное значеніе первыхъ издателей и историка Нибура, а затѣмъ, указавъ весьма важное значеніе этого памятника для русской исторіи, сдѣлалъ обозрѣніе ученыхъ трудовъ у насъ въ Россіи, предпринятыхъ Марковичемъ, Каневскимъ, княземъ Оболенскимъ, профессорами Васильевскимъ, Кондаковымъ, Бѣляевымъ, Мансветовымъ, Красносельцевымъ, о. Іоанномъ и др. съ цѣлью ознакомить русскихъ читателей съ этимъ драгоцѣннымъ памятникомъ и его значеніемъ для русской исторической науки. Съ особенною подробностію референтъ остановился на капи-

тальномъ по изученію Обрядника трудѣ покойнаго профессора Д. Ѳ. Бѣляева: „Byzantina“ и, отмѣтивъ его выдающіяся научныя достоинства и высказавъ сожалѣніе о преждевременной кончинѣ этого замѣчательнаго византолога, отъ котораго наука могла ожидать многаго, вообще, и по вопросамъ, относящимся къ комментированію Обрядника, въ частности, подвергъ разсмотрѣнію попытки этого ученаго отыскать новыя данныя, которыя помогли бы правильному пониманію труднаго текста Обрядника, особенно въ области литургической. По словамъ докладчика, Д. Ѳ. Бѣляевъ, въ виду отсутствія солидныхъ трудовъ по изученію Византійскаго богослужебнаго ритуала, съ восторгомъ привѣтствовалъ трудъ покойнаго проф. Н. Ѳ. Красносельцева подъ заглавіемъ: „Типикъ церкви св. Софіи въ Константинополѣ“ (Одес. 1892 г.), и на страницахъ Журнала Мин. Нар. Просв. (1892 г. № 10) помѣстилъ весьма сочувственную рецензію, указавъ на то, что въ ту пору только что открытый Патмосскій списокъ Типикона Великой Константинопольской церкви можетъ имѣть не маловажное значеніе въ дѣлѣ интерпретаціи Византійскаго богослуженія, описываемаго Обрядникомъ импер. Константина. Когда же стало извѣстно, по слухамъ, объ открытіи новаго списка Типикона Великой церкви въ Іерусалимской патріаршей библіотекѣ привать-доцентомъ Петерб. университета А. Пападопуло-Керамевсомъ, то въ 1894 году лѣтомъ, вмѣстѣ съ проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ, онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ съ цѣлью на мѣстѣ изучить этотъ новый списокъ Типикона. Плодомъ этого путешествія явились двѣ статьи: въ „Визант. Времен.“ 1896 г., № 3—4“ написана была статья проф. Бѣляевымъ, а въ Лѣтописи Историко-филол. общ. при Новороссійскомъ унив. (т. VI) проф. Н. Ѳ. Красносельцевымъ. Обѣ онѣ имѣли въ виду ознакомленіе съ рукописью Іерусалимской библіотеки. Названные профессора и г. А. Пападопуло-Керамевсъ единогласно утверждаютъ, что рукопись написана не только во время имп. Константина VII († 959), но и по его порученію, а поэтому, въ виду связи ея съ Обрядникомъ и происхожде-

нія изъ однихъ рукъ, она еще болѣе заслуживаетъ вниманія. Проф. Бѣляевъ старался исчерпать въ своей статьѣ содержащійся въ ней матеріалъ археологическій, а проф. Красносельцевъ силился доказать важное значеніе ея, какъ надежнаго пособія, при истолкованіи религіозныхъ церемоній Обрядника. По мнѣнію референта, излишнее увлеченіе этою рукописью—напрасно, такъ какъ она не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее названными учеными надеждъ. Объ императорскихъ выходахъ эта рукопись упоминаетъ всего на всего три раза (въ службѣ Великой Субботы, въ службѣ 21 Мая и 20 Іюля), и однажды въ службѣ кануна праздника Богоявленія говорится о хожденіи патріарха во дворецъ для совершенія освященія воды (послѣдній фактъ даже обойденъ молчаніемъ названными учеными). Г. Дмитріевскій указываетъ поэтому на рукопись Дрезденской королевской библіотеки X—XI в., № 104, которая можетъ, по его мнѣнію, быть вполнѣ надежнымъ комментаріемъ Обрядника имп. Константина и удовлетворяетъ тѣмъ запросамъ, которые предъявляются къ этого рода памятникамъ и византологами-археологами и литургистами. Докладчикъ познакомилъ слушателей обстоятельно съ исторіею находки Дрезденской рукописи. Нѣкогда она составляла принадлежность Аѳонской Ставроникитской библіотеки, откуда Арсеніемъ Сухановымъ была принесена въ 1656 году въ Москву. Здѣсь она находилась нѣкоторое время въ библіотекѣ Московской Синодальной типографіи, гдѣ въ 1701 году видѣлъ ее извѣстный архимандритъ Хрисанѳъ, впослѣдствіи патріархъ Іерусалимскій, сдѣлавшій изъ нея извлеченіе въ свои черновыя тетради (Χρυσάνθου σύμμικτα), которыя нынѣ хранятся въ библіотекѣ Святогробскаго подворья въ Константинополѣ подъ № 441 (23). Въ 1782 году извѣстный Московскій проф. Маттей пользовался этою рукописью, при изданіи въ свѣтъ въ Ригѣ посланія апостола Павла къ Римлянамъ, а въ 1787 году продалъ эту рукопись, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, въ Дрезденскую королевскую библіотеку, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Указавъ содержаніе этой рукописи и допущенныя неточности въ ея описаніи Шнорромъ фонъ-Карольсфельдомъ, г. Дмитріевскій остановилъ свое вниманіе на значеніи ея, какъ комментарія къ Обряднику имп. Константина Порфирогенета. Въ рукописи, по словамъ докладчика, весьма подробно описаны выходы царя на праздникъ Рождества Богородицы, въ день Благовѣщенія, въ праздники Преображенія и Успенія, въ понедѣльникъ первой недѣли поста, въ недѣлю православія, въ недѣлю вай, въ Великую Субботу, на первый день Пасхи, въ понедѣльникъ пасхальной недѣли, обрядъ христосованія и торжественнаго обѣда царя съ патріархомъ и высшими клириками въ четвергъ на пасху, въ субботу пасхальную, въ праздники Вознесенія и Пятидесятницы и въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Должны были бы находиться въ рукописи описанія выходовъ императора въ Рождество Христово и въ Богоявленіе, о чемъ неоднократко говорится въ ней, но на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ. Для знакомства съ содержаніемъ любопытной рукописи докладчикъ прочелъ въ переводѣ изложеніе обряда христосованія въ секретѣ въ первый день Пасхи патріарха съ духовными сановниками, выхода царя и патріарха въ храмъ апостоловъ въ понедѣльникъ, обряда христосованія императора съ духовенствомъ въ четвергъ на Пасху и выхода въ недѣлю вай.

Въ заключеніе докладчикъ остановился на вопросѣ объ источникахъ для обоихъ памятниковъ. По его мнѣнію, были одни и тѣже источники у составителя Обрядника и у писца Дрезденской рукописи, что доказывается порядкомъ описанія церемоній и выходовъ, ихъ текстуальными подробностями, воспроизведеніемъ въ цѣльномъ видѣ порядковъ и обычаевъ, вышедшихъ уже изъ употребленія, ссылками на выходы въ праздникъ Рождества Христова и Рождества Богородицы, какъ самые подробные по описанію, упоминаніе въ обрядахъ то объ одномъ царѣ, то о царяхъ и деспотахъ и т. д. Сожалѣніемъ о томъ, что эта весьма цѣнная въ научномъ отношеніи рукопись ушла изъ предѣловъ нашего отечества, докладъ закончился.

Настоящій докладъ вызвалъ собесѣдованіе между референтомъ и членами: Ѳ. Я. Фортинскимъ, В. Н. Малининымъ и В. З. Завитневичемъ.

б) Д. чл. И. М. Каманинъ, за отсутствіемъ д. ч. **Е. И. Де-Витте**, прочелъ ея сообщеніе *„О древнихъ помянникахъ Кіево-Печерской лавры и Михайловскаго Златоверхаго монастыря“* (будетъ напечатано въ 3-мъ выпускѣ настоящей книги).

Слушали: Извѣщеніе Императорскаго Юрьевскаго (Дерптскаго) университета о праздновании имъ 12 декабря 1902 г. столѣтняго юбилея своего существованія.

Опредѣлили: Послать означенному университету привѣтственный по этому поводу адресъ и просить д. чл. А. Н. Ясинскаго быть на праздновании депутатомъ отъ Общества Нестора-лѣтописца.

Заслушано по этому же поводу предложеніе д. чл. М. Н. Ясинскаго объ избраніи ректора Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова, извѣстнаго трудами своими по русской исторіи и по исторіи русскаго права, въ почетные члены.

Опредѣлили: передать настоящее предложеніе на разсмотрѣніе Совѣта Общества.

II. Засѣданіе 24-го ноября.

а) Д. чл. **И. А. Сикорскій** подвергъ разсмотрѣнію *„Изображеніе душевно-больныхъ въ творчествѣ Гоголя“* (напечатано въ 1—3 вып. XVI кн. „Чтеній“).

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, В. Н. Малининъ, В. З. Завитневичъ и В. А. Чаговецъ.

Въ настоящемъ засѣданіи г. Предсѣдатель сообщилъ проектъ привѣтственнаго адреса Юрьевскому (Дерптскому) университету по случаю столѣтія его существованія.

Опредѣлили: одобрить адресъ и, по напечатаніи, отправить по назначенію.

Въ этомъ же засѣданіи избранъ въ почетные члены Общества *Александръ Никитичъ Филипповъ* и въ дѣйствительные *Осипъ Александровичъ Бродовичъ.*

III. Засѣданіе 8-го декабря.

а) Д. чл. О. И. Левицкій, за отсутствіемъ д. чл. **О. А. Фотинскаго**, прочелъ его докладъ: *„Волынскій религіозный вольнодумецъ XVII в.“* (будетъ напечатанъ въ 3-мъ выпускѣ настоящей книги).

Замѣчанія по поводу этого доклада были сдѣланы А. I. Степовичемъ и Н. П. Дашкевичемъ.

б) Затѣмъ, д. чл. **О. И. Левицкій** сообщилъ *„Исторію одного древняго Волынскаго храма (св. Іоанна Богослова въ городѣ Луцкѣ)“* *).

Луцкій замокъ, построенный княземъ Любартомъ въ XIV вѣкѣ (до Любарта на мѣстѣ замка были земляныя укрѣпленія), хорошо сохранился до настоящаго времени. Внутри замка находится небольшая площадь, на которой прежде возвышался каѳедральный храмъ во имя Іоанна Богослова. При храмѣ нѣкогда находился епископскій домъ. Теперь отъ этого храма, просуществовавшаго до начала XIX вѣка, и слѣда не осталось. Первое упоминаніе о каѳедральномъ храмѣ въ Луцкѣ восходитъ къ XIII вѣку. Но можно думать, что возникновеніе его относится къ болѣе древнему времени. Затѣмъ свѣдѣнія о храмѣ прерываются почти до начала XVI вѣка, когда въ одномъ изъ документовъ говорится, что Луцкій каменный каѳедральрый храмъ служилъ усыпальницей древнихъ Луцкихъ русскихъ князей. Это даетъ основаніе предполагать, что тогда же, т. е. во времена древнихъ Луцкихъ русскихъ князей, былъ построенъ этотъ храмъ. Но въ другомъ мѣстѣ говорится, что церковь эту „фундовалъ“ князь Любартъ. Впрочемъ, это выраженіе можно понимать и въ томъ смыслѣ, что Любартъ только матеріально обезпечилъ церковь, существо-

*) См. „Кіев. Стар.“ 1903 г. № 1.

вавшую раньше (а можетъ быть, онъ, вмѣсто деревянной церкви, построилъ каменную, въ которой былъ и похороненъ). Въ общемъ, вопросъ о томъ, когда и кѣмъ была построена въ Луцкѣ церковь Іоанна Богослова, остается открытымъ. Въ XVI вѣкѣ соборъ былъ уже очень богатъ: ему принадлежало 4 мѣстечка и 34 села. Изъ описаній того времени видно, что храмъ былъ небольшой, однокупольный. Къ тому времени онъ имѣлъ значеніе краевой святыни. Въ XVI же вѣкѣ храму пришлось перенесть большія бѣдствія на почвѣ польско-русской и уніатско-православной распри, и епископъ Кириллъ Терлецкій нашелъ свою каѳедру опустошенной. Затѣмъ церковь перешла къ уніатамъ и оставалась въ ихъ рукахъ около 40 лѣтъ. Въ 1637 году она вновь возвращена православнымъ. Вскорѣ настала эпоха Хмельницкаго. Луцкъ былъ взятъ козаками, которые собора не тронули; однако онъ продолжалъ стоять въ полуразрушенномъ видѣ. Епископъ Гедеонъ князь Четвертинскій намѣревался реставрировать его, но, не успѣвъ этого сдѣлать, покинулъ Луцкъ и отправился въ Батуринъ къ гетману Самойловичу, при содѣйствіи котораго вскорѣ получилъ каѳедру Кіевскаго митрополита. Затѣмъ соборъ опять перешелъ къ уніатамъ, которые въ 1776 году до основанія сломали его и на его мѣстѣ заложили новый храмъ. Но послѣдній не былъ достроенъ. Въ 1794 году Луцкъ былъ присоединенъ къ Россіи, уніатская епархія была уничтожена, села церковныя были отобраны въ казну и потомъ пожалованы Екатериной II одному изъ генераловъ. А соборъ такъ и остался неоконченнымъ. Въ 1840 году остатки храма были проданы и сломаны на кирпичъ. Та же участь постигла и другіе древніе Луцкіе храмы. Древній братскій Воздвиженскій храмъ былъ проданъ на сломъ въ 1860 году несмотря на то, что былъ почти цѣлъ. Подрядчикъ сталъ ломать храмъ, но случайно проѣзжавшій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, прекратилъ этотъ вандализмъ, и, благодаря этому, отъ Воздвиженскаго храма сохранилась алтарная часть. Хотя начатый постройкой въ

1776 году храмъ Іоанна Богослова и былъ разобранъ въ 1840 году на кирпичъ, но древнія подземелья его сохранились. Въ 1856 году проф. Иванишевъ предпринялъ на средства Кіевской археографической коммиссіи изслѣдованіе этого подземелья. Употребивъ на раскопки 16 дней, онъ нашелъ каменный склепъ съ нишами для гробницъ. Но въ виду поздняго осенняго времени дальнѣйшія изслѣдованія были отложены до слѣдующаго года. Надо замѣтить, что нѣсколькими годами раньше, въ 1852 году, на мѣстѣ древняго храма дѣлали раскопки какіе-то любители старины. По словамъ одной польской газеты, они нашли гробницу епископа Кирилла Терлецкаго. Въ 1856 году изслѣдованія продолжалъ завѣдывавшій музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей университета св. Владиміра Волошинскій. Но свои раскопки онъ велъ такъ же ненаучно, какъ и проф. Иванишевъ. Онъ искалъ гробницъ. Древнихъ погребеній русскихъ князей онъ не нашелъ, но въ средней части храма имъ была найдена кирпичная гробница „чистой отдѣлки." Въ гробницѣ оказался скелетъ, но при немъ не найдено никакихъ предметовъ. Кромѣ гробницы, Волошинскій нашелъ 30 разныхъ монетъ, не древнѣе XVI вѣка, и металлическую дощечку съ надписью о закладкѣ храма въ 1776 году. Дальнѣйшія раскопки не производились по недостатку средствъ. Докладчикъ замѣтилъ, что погребеній древнихъ князей нужно было искать въ западной части храма, которая осталась не изслѣдованной ни Иванишевымъ, ни Волошинскимъ. Вообще эти изслѣдователи вели свои раскопки столь ненаучно, что даже не обратили никакого вниманія на кирпичъ фундамента, способъ его кладки и проч. Между тѣмъ, это дало бы намъ возможность судить о времени возникновенія древняго храма. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ такихъ изслѣдованій на мѣстѣ древняго храма попадались случайныя находки. Въ 1859 году солдаты копали въ замкѣ яму. Мѣсто, гдѣ они копали, прилегало къ восточной сторонѣ древняго храма, къ фундаменту его алтаря. Случайно солдаты нашли епископскую гробницу

и въ ней—золотыя вещи вѣсомъ въ 20 лотовъ. Вещи эти были отобраны у солдатъ и представлены по начальству. Генералъ-губернаторъ, кн. Васильчиковъ, препроводилъ ихъ въ университетъ съ предложеніемъ пріобрѣсть ихъ для университетскаго музея. Завѣдывавшій музеемъ Волошинскій далъ о нихъ неблагопріятный отзывъ, и университетъ отказался отъ пріобрѣтенія вещей. Тогда князь Васильчиковъ отправилъ вещи въ Императорскую археологическую коммиссію. Въ послѣдней вещи были признаны предметами Византійской работы XII или XI вѣка, но для пріобрѣтенія Императорскимъ Эрмитажемъ непригодными. Злополучныя золотыя вещи были возвращены въ Кіевъ. На этотъ разъ князь Васильчиковъ передалъ вещи Волынскому губернатору, съ тѣмъ чтобы послѣдній поручилъ судебнымъ учрежденіямъ рѣшить вопросъ, кому отдать драгоцѣнности—духовному вѣдомству или военному. Что сталось съ этими вещами, куда онѣ попали и гдѣ теперь находятся, неизвѣстно.

Слушали: Отношеніе Общества естествоиспытателей при Новороссійскомъ университетѣ, отъ 24-го мая сего года за № 655, съ приглашеніемъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца къ подпискѣ для составленія капитала имени акад. и проф. А. О. Ковалевскаго съ цѣлью выдачи стипендіи студенту математическаго факультета этого университета.

Опредѣлили: разослать членамъ Общества подписной листъ.

Слушали: Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, отъ 12 сентября с. г. за № 1796, съ просьбой подготовить указанія и програму изслѣдованія края въ археологическомъ отношеніи для представителей г. Екатеринослава къ предстоящему тамъ XIII Археологическому съѣзду.

Опредѣлили просить гг. членовъ Общества приготовить требуемыя указанія и программы къ 28 декабря, когда по этому поводу состоится засѣданіе Общества Нестора-лѣтописца.

IV. Засѣданіе 28-го декабря.

По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель, сообщивъ о смерти поч. чл. Общества *Ѳ. Я. Фортинскаго*, предложилъ почтить, по обычаю, его память, что и было исполнено присутствующими.

Слушали: Отношенія Московскаго Археологическаго Общества: 1, изложенное выше въ протоколѣ предшествовавшаго засѣданія 8-го декабря и 2, отъ 15-го декабря с. г. за № 1938, съ просьбой назначить депутатовъ отъ Общества Нестора-лѣтописца въ г. Москву для участія въ засѣданіяхъ Предварительнаго Комитета по устройству XIII-го Археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ, имѣющихъ быть 4, 5 и 6-го января 1903 г.

Опредѣлили: просить быть депутатами Общества членовъ *А. И. Соболевскаго, М. Н. Ясинскаго, Г. Г. Павлуцкаго и В. Г. Ляскоронскаго*, о чемъ и сообщить Московскому Обществу.

Затѣмъ, д. чл. В. З. Завитневичъ предложилъ выработанную имъ программу подготовительныхъ къ съѣзду работъ: 1, по устройству археологической выставки; 2, по составленію ея каталога; 3, по изготовленію археологической карты Екатеринославской губерніи; 4, по организаціи археологическихъ экскурсій и 5, по производству раскопокъ во время съѣзда.

Наконецъ члены В. З. Завитневичъ и И. М. Каманинъ представили свои научные запросы по археологіи и исторіи Южнаго Поднѣпровья для разработки ихъ на предстоящемъ XIII Археологическомъ съѣздѣ.

Опредѣлили: вышеуказанные запросы и программу передать М. Н. Ясинскому для представленія ихъ Предварительному Комитету по устройству XIII-го Археологическаго съѣзда.

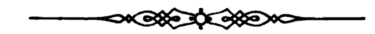
Слушали: письмо проф. А. Н. Филиппова, съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ почетные члены

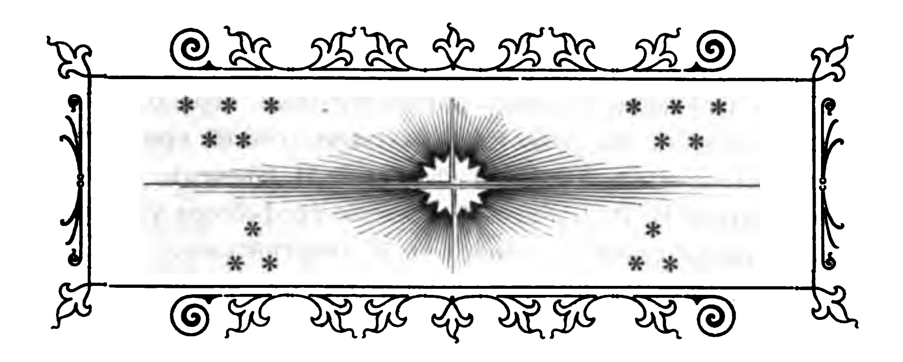
Общества Нестора-лѣтописца, а также извѣщеніе д. чл. А. Н. Ясинскаго объ исполненіи имъ депутатскихъ полномочій на юбилеѣ Юрьевскаго университета 12 сего декабря.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

Слушали: предложеніе г. Предсѣдателя объ устройствѣ засѣданія, спеціально посвященнаго памяти Ѳ. Я. Фортинскаго.

Опредѣлили: назначить означенное засѣданіе на 19-е января 1903 г., въ канунъ 40-го дня со времени кончины Ѳ. Я. Фортинскаго.





Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за январь—мартъ 1903 года.

V. *Засѣданіе 19-го января.*

Настоящее засѣданіе, посвященное чествованію памяти скончавшагося 12 декабря 1902 г. почетнаго члена Общества **Θеодора Яковлевича Фортинскаго**, открылось вводнымъ словомъ г. Предсѣдателя **Н. П. Дашкевича** (напечатано въ началѣ 2-го выпуска этой книги); за тѣмъ, когда память покойнаго присутствующіе почтили вставаніемъ,

1) Д. чл. **Т. Д. Флоринскій** представилъ *„біографическій очеркъ Θ. Я Фортинскаго“* (напечатанъ тамъ же).

2) Секретарь Общества М. Н. Ясинскій прочелъ составленный д. чл. **А. Н. Ясинскимъ** очеркъ: *„Θ. Я. Фортинскій, какъ ученый и профессоръ“* (напечатанъ тамъ же).

3) Гостья г-жа **А. Л. Иконникова** изложила свои *„Воспоминанія о дѣятельности Θ. Я. Фортинскаго на Высшихъ Женскихъ Курсахъ“* (напечатаны тамъ же), и

4) Наконецъ, *„Памяти Θ. Я. Фортинскаго“* д. чл. **Вл. Г. Ляскороискій** посвятилъ свое чтеніе вообще (напечатано тамъ же).

Въ засѣданіи, при посторонней публикѣ, переполнявшей V-ю аудиторію, въ качествѣ почетныхъ гостей присутствовали г. Попечитель Учебнаго Округа В. И. Бѣляевъ, ректоръ университета Н. В. Бобрецкій и многіе профессора университета, а также семья покойнаго Ѳ. Я. Фортинскаго.

VI. Засѣданіе 9 февраля.

а) Д. чл. **В. К. Пискорскій,** посвящая также свое чтеніе памяти Ѳ. Я. Фортинскаго, сообщилъ объ его университетскихъ курсахъ (будетъ напечатано въ слѣд. выпускѣ „Чтеній").

б) Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** прочелъ *„Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви"* (напечатанъ въ настоящемъ выпускѣ „Чтеній")

По поводу разбора имъ соч. г. Папкова о приходѣ произошелъ обмѣнъ мнѣній между членами Е. И. Де-Витте, Н. П. Дашкевичемъ, В. З. Завитневичемъ, В. С. Иконниковымъ и М. Н. Ясинскимъ.

Въ настоящемъ засѣданіи г. Предсѣдатель сообщилъ о крупныхъ пожертвованіяхъ въ библіотеку и музей Общества 1, отъ д. чл. А. А. Шахматова—фототипическаго иллюстрированнаго изданія Радзивилловской лѣтописи; 2, отъ д. чл. Е. Н. Дверницкаго—20 названій книгъ (нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ большую библіографическую рѣдкость) по южно-русской исторіи и литературѣ, и 3, отъ г. В. А. Каминскаго—22 серебряныхъ литовскихъ и польскихъ монетъ XVI в.

Опредѣлили: выразить письменно глубокую благодарность жертвователямъ.

Слушали: просьбу Кіевскаго Коммерческаго Собранія о чтеніи въ означенномъ Собраніи публичныхъ лекцій.

Опредѣлили: Разослать извѣщеніе объ этомъ членамъ Общества.

Слушали: текстъ посланной г. Предсѣдателемъ привѣтственной телеграммы Спб. Археологическому Институту по случаю исполнившагося 15-го января т. г. 25-лѣтія его существованія.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

VII. Засѣданіе 23 февраля.

а) Д. чл. **А М. Лобода** представилъ свои соображенія *„Къ вопросу о древле-русской образованности въ до-татарскій періодъ“.*

Референтъ поставилъ своей задачей обрисовать современное отношеніе изслѣдователей къ затронутому имъ вопросу и указать, насколько факты могутъ оправдывать тотъ скептицизмъ и умаленіе древле-русской до-татарской образованности, какіе повторяются и по настоящее время; попутно докладчикъ имѣлъ въ виду вообще намѣтить тотъ кругъ источниковъ, къ которому необходимо обращаться въ данномъ случаѣ.

Ближайшія непосредственныя указанія представляютъ прежде всего свидѣтельства лѣтописей, Татищева, житій и под.; изъ нихъ данныя житій въ родѣ извѣстнаго указанія житія Ѳеодосія не могутъ служить надежнымъ источникомъ, въ виду т. н. шаблонности ихъ. Свидѣтельства Татищева сильно заподозрѣны; Голубинскій и Харламповичъ ихъ рѣшительно отвергаютъ, какъ плодъ тенденціозныхъ измышленій Татищева. Но крайній скептицизмъ здѣсь едва ли умѣстенъ: пока мы не располагаемъ всѣми тѣми источниками, какіе были у Татищева, мы не можемъ считать у него выдуманнымъ все то, что только не покрывается нынѣ извѣстными данными. Особенно досталось Татищеву за Романа Смоленскаго и Смоленскую школу; измышленность-де и несообразность такого факта явно обнаруживается упоминаніемъ о латинистахъ, которые будто-бы учили въ школахъ, заводимыхъ Романомъ, тогда какъ „перешедшіе отъ грековъ къ намъ взгляды и антипатіи къ латинскому западу совсѣмъ не располагали насъ искать тамъ науки.“—Объ этомъ исконномъ нерасположеніи Руси къ Западу много говорятъ, но такія утвержденія въ сущности ничѣмъ не лучше Татищевской тенденціи, по которой просвѣщеніе на Руси пало вслѣдствіе своекорыстныхъ стремленій духовенства. Общеизвѣстны, конечно, поученія противъ латинянъ; но факты говорятъ, что эти поученія, если и являлись выразителями настроенія, то

почти исключительно духовенства, и притомъ, всего ли духовенства или части его, неизвѣстно. Помимо же чисто религіозныхъ вопросовъ, общеніе до-татарской Руси съ Западомъ было весьма живое: вспомнимъ родственныя связи князей, торговлю, поэзію, нравы (Рыцарство на Руси въ жизни и поэзіи, Н. П. Дашкевича). Въ частности, именно Смоленскъ, какъ и естественно было ожидать въ виду его географическаго положенія, находился въ самомъ тѣсномъ общеніи съ Западомъ (См. Смоленскую Правду). Затѣмъ, по вопросу вообще о просвѣщеніи въ Смоленскѣ у насъ есть свидѣтельство Климента Смолятича въ посланіи къ Ѳомѣ. Какъ бы мы его ни толковали, во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ остается одно, что въ Смоленскѣ были знающіе люди, интересовавшіеся литературой и даже литературными спорами. Пренебрежительно замѣчаютъ, что весь споръ сводился, вѣроятно, къ тремъ посланіямъ (Климента къ князю Смоленскому, Ѳомы къ Клименту и Климента къ Ѳомѣ); пусть такъ, но это ничуть не умаляетъ самаго факта переписки, какъ и того обстоятельства, что посланіе Ѳомы Климентъ читалъ предъ княземъ Изяславомъ и предъ многими послухами, которые видимо принимали участіе въ дѣлѣ, имѣвшемъ исключительно литературный интересъ. Равнымъ образомъ, въ темныхъ словахъ посланія про какого-то Смоленскаго учителя Григорія, который зналъ алфу, виту, подобно и всю 24 словесъ грамоту, въ этихъ словахъ нельзя не видѣть какого-то намека на знаніе Григоріемъ греческаго языка. Крайній скептицизмъ Голубинскаго въ этомъ случаѣ не раздѣляется его же послѣдователями. Стоитъ отмѣтить, наконецъ, что этому столь заподазриваемому умственному оживленію въ Смоленскѣ проф. Истринъ, вовсе не склонный къ увлеченіяиъ, придаетъ такое значеніе, что пользуется имъ въ качествѣ одного изъ главныхъ доводовъ противъ взгляда на древле-русскую до-татарскую литературу, какъ на Кіевскую только.

Словомъ, съ показаніями Татищева считаться еще надо, какъ и съ другими свидѣтельствами лѣтописей, которыя, при всей своей скудости и неопредѣленности, все же констатируютъ

наличность нѣкотораго просвѣщенія, или, наконецъ, хотя бы заботъ о немъ.

Но помимо того, у насъ есть другой рядъ свидѣтельствъ, рядъ произведеній древле-русской письменности. Обращаясь сюда, не будемъ придавать большого значенія словамъ Климента: „а рчеши ми: философѳею пишеши, а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа писанія, азъ писахъ отъ Омира и отъ Аристоля и отъ Платона, иж во елиннььскых нырѣх славнѣ бѣша“ (въ „нырѣх“ Лопаревъ производитъ отъ [illegible] и переводитъ „ученыхъ“)

Оставимъ въ покоѣ Гомера, Аристотеля, Платона; пусть также Климентъ не былъ философомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя надо замѣтить что понятіе *философія* въ ту пору и въ Византіи было нѣсколько своеобразно и сводилось болѣе къ книжной премудрости и умѣнью комментировать. Но суть не въ томъ.

Важно, что какъ здѣсь, въ приведенномъ упрекѣ Ѳомы, такъ и въ сохранявшихся сочиненіяхъ Климента, этотъ послѣдній является съ чертами хитрословеснаго и затѣйливаго писателя, излагающаго все не просто и безхитростно, а съ нѣкоторыми искусственными пріемами, и любящаго прибѣгать къ историческимъ истолкованіямъ Св. Писанія. Это признаютъ даже Голубинскій и Харламповичъ. — Затѣмъ, такимъ литературнымъ пріемамъ Ѳомой, какъ видно, противопоставляется простой стиль, простое отношеніе къ Св. Писанію и простое безыскусственное толкованіе его.

Словомъ, предъ нами какъ бы двѣ школы писателей, что, напримѣръ, находитъ себѣ полное подтвержденіе въ проповѣднической литературѣ; къ одной принадлежатъ Лука, Ѳеодосій, Серапіонъ; къ другой—Илларіонъ, Кириллъ.

Разъ есть литературныя направленія, да еще такъ рѣзко выраженныя, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то хаотичномъ, безпорядочномъ впитываніи всего, что только ни шло на Русь изъ Византіи и отъ южныхъ славянъ. Что такое книжникъ, воспитанный подобнымъ путемъ, объ этомъ можно судить по Грозному или по начетчикамъ изъ раскольниковъ.

Но развѣ широковѣщательный, многошумящій Грозный и Илларіонъ—одно и то же? Далѣе, Кирилла Туровскаго иногда называютъ холоднымъ пустословомъ. Но вѣдь холодная реторичность южно-русскихъ проповѣдниковъ XVII в. вовсе не была слѣдствіемъ ихъ необразованности! И какъ ни раскритиковалъ Голубинскій Кирилла, однако, призналъ въ немъ „ученаго проповѣдника, изучившаго и знавшаго науку проповѣдничества и писавшаго свои проповѣди именно по этой наукѣ, со всѣмъ ея знаніемъ, со всѣмъ ея приложеніемъ". Наконецъ, вслѣдъ за Шляковымъ, нельзя не согласиться, что и въ лицѣ Владиміра Мономаха мы имѣемъ дѣло съ высокопоставленнымъ и умѣлымъ писателемъ своего времени... А сколько писателей мы по настоящему еще и не знаемъ!

Мыслимы ли подобныя явленія при наличности одной только элементарной грамотности? Кажется, что нѣтъ. И чѣмъ глубже мы будемъ изучать нашу древнѣйшую письменность, тѣмъ убѣдительнѣе это намъ покажется. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе вопроса не въ тѣхъ или иныхъ лѣтописныхъ и т. п. упоминаніяхъ, всегда болѣе или менѣе случайныхъ, а въ самыхъ памятникахъ древней нашей письменности.

Въ возникшихъ по поводу этого реферата оживленныхъ преніяхъ принимали участіе В. Н. Малининъ, А. А. Дмитріевскій, Н. П. Дашкевичъ, Ю. А. Кулаковскій, В. А. Чаговецъ и В. Т. Георгіевскій.

б) Д. чл. **В. Н. Доманицкій** представилъ свой „*Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Звенигородскій уѣздъ (Кіев. губ.) лѣтомъ 1901 года*" (отчетъ, за отсутствіемъ автора, былъ прочтенъ И. М. Каманинымъ).

Лѣтомъ минувшаго года намъ пришлось, частью вмѣстѣ съ г. П. Г. Петрушевскимъ, частью одному, посѣтить 36 церквей Звенигородскаго уѣзда и нѣсколько въ смежныхъ уѣздахъ, а именно: въ с. Глубочкѣ, и Кривомъ-Колѣнѣ, Уманскаго у., въ с. Сидоровкѣ, Каневскаго, и отчасти двѣ церкви, въ Лебединѣ, Чигиринскаго у. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ нами были осмотрѣны слѣдующія церкви: въ с. с. Колодистомъ, Лоташевой, Новоселицѣ, Берыбисахъ (оно же и Гуляйполе),

Бродецкомъ, Окниной, Ступичной, Киселевкѣ, Искриной, Васильковѣ, Толмачѣ, Антоновкѣ, Водяной, Терешкахъ, Козацкомъ (три церкви), Майдановкѣ, Будищахъ Лысянскихъ, Лысянкѣ (Михайловск. церковь), Мизиновкѣ, Озирной, Ольховцѣ (двѣ церкви), Залѣсскомъ, Кобелякахъ, Чемерисскомъ, Шубиныхъ-Ставахъ, Босовкѣ, Вотылевкѣ, Рѣпкахъ, Дашуковкѣ, Хижинцахъ, Щербашинцахъ и м. Ольшаной,—въ общемъ около 30% всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ церквей.

Но прежде чѣмъ излагать полученныя данныя нашей экскурсіи, считаемъ не лишнимъ дать самый краткій обзоръ историко-археологическихъ свѣдѣній о Звенигородскомъ уѣздѣ.

Звенигородскій уѣздъ, расположенный въ юго-восточной части Кіевской губ., ограниченъ съ юга р. Высью (впадающей въ р. Синюху, притокъ Южнаго Буга), отдѣляющей его на протяженіи всей его южной границы отъ Херсонской губ.; на западѣ отчасти р. Горскій (Угорскій, въ польскихъ памятникахъ) Тикичъ, но преимущественно сухопутная граница отдѣляютъ его отъ Уманскаго уѣзда; на с.-в. онъ вдается клиномъ въ Таращанскій уѣздъ; на сѣверѣ граничитъ съ Каневскимъ у.; наконецъ, на востокѣ съ Черкасскимъ и Чигиринскимъ. Въ топографическомъ отношеніи Звенигородскій уѣздъ далеко не однороденъ: въ то время какъ сѣверная и сѣверо-восточная его части, начиная приблизительно отъ г. Звенигородки, гористы и отчасти лѣсисты, чѣмъ ближе къ Таращанскому и въ особенности къ Каневскому уѣзду принимаютъ характеръ мѣстности этихъ уѣздовъ; южная и юго-восточныя части сохраняютъ болѣе степной характеръ, свидѣтельствующій о непосредственномъ сосѣдствѣ съ „Великимъ Лугомъ". Въ гидрографическомъ отношеніи Звенигородскій уѣздъ не можетъ пожаловаться на изобиліе водъ земныхъ; если не считать пограничной на югѣ, довольно большой рѣки Выси и незначительной рѣченки Ольшанки, берущей начало у м. Ольшаной и исчезающей въ предѣлахъ Черкасскаго уѣзда, единственной рѣкой, орошающей Звенигородскій у. въ направленіи съ сѣвера на югъ, является Гнилой Тикичъ, берущій

начало къ сѣверу отъ м. Лысянки и впадающій въ ю.-зап. части уѣзда въ р. Высь; при впаденіи, онъ сливается съ р. Горскимъ Тикичемъ, въ урочищѣ „Вилы". Развѣтвленная во всѣхъ направленіяхъ (изъ притоковъ ея наиболѣе крупный р. Шполка), имѣя съ р. Росью общіе истоки (изъ озеръ близъ с. Журжинецъ, Звениг. у.), рѣка эта, подобно Горскому Тикичу, съ давнихъ поръ служила однимъ изъ путей распространенія культуры съ юга р. Буга въ предѣлы Звенигородскаго у. Нами лично собрано около десятка римскихъ монетъ II и III ст. по теченію р. Гнилого Тикича, отъ впаденія его въ Высь и до г. Звенигородки, т. е. на протяженіи болѣе 40 верстъ (около $^1/_2$ всего теченія р. Гнилого Тикича). Такія же монеты были нами находимы и по нижнему теченію р. Горскаго Тикича *).

На территоріи Звенигородскаго у. были находимы предметы всѣхъ эпохъ, начиная съ палеолитической. Впрочемъ, единственными, кажется, свидѣтелями существованія этой послѣдней являются кремневыя стрѣлки, куски отбивныхъ ножей, собранные нами на поляхъ у д. Луковки, и неоднократное нахожденіе, начиная съ 50-хъ г.г., костей мамонта въ каменоломнѣ у с. Колодистаго. Орудія неолитической эпохи были находимы во многихъ пунктахъ: въ сс. Вербовкѣ (бассейнъ р. Ольшаны), Хижинцахъ, Журжинцахъ, Лысянкѣ, Озирной, Поповкѣ Ольховецкой, Еркахъ, Колодистомъ, Луковкѣ (все въ бассейнѣ Гнилого Тикича). Здѣсь же, у с. Колодистаго, д. Луковки, а также и у м. Тальнаго по теченію р. Горскаго Тикича были открыты нами въ 1899 г. и изслѣдованы частью Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ и А. А. Спицынымъ, частью нами лично, т. наз. „площадки съ расписными сосудами", года два или три передъ тѣмъ впервые открытыя В. В. Хвой-

*) По словамъ священника с. Кривыхъ-Колѣнъ, въ этомъ селѣ, на мысѣ („колѣнѣ"), образуемомъ Горскимъ Тикичемъ, можно видѣть слѣды чуть-ли не греческой факторіи: въ изобиліи попадаются черепки сосудовъ, оружіе и т. п. Впрочемъ, извѣстіе это нуждается еще въ провѣркѣ.

комъ у м. Триполья, Кіев. губ., относимыя къ эпохѣ переходной отъ каменнаго къ бронзовому вѣку. Бронзовый вѣкъ также извѣстенъ на территоріи нашего уѣзда: у с. Журжинецъ, г. Звенигородки и с. Лозоватки были найдены характерные для этой эпохи предметы (цельтъ, броня, стрѣлы, копье). Предметы болѣе поздняго времени, какъ напр. желѣзное оружіе, найдены у сс. Хижинецъ, Колодистаго, Пальчика (бассейнъ Гнил. Тикича); глиняные сосуды—въ сс. Кирилловкѣ, Россоховаткѣ, Колодистомъ, д. Луковкѣ; чудныя греческія издѣлія изъ золота—у с. Петрыковъ (бассейнъ Горскаго Тикича). Курганы, въ изобиліи наполняющіе Звенигородскій у., въ особенности по мѣрѣ приближенія къ мѣсту впаденія обоихъ Тикичей, относятся также къ различнымъ періодамъ: есть съ окрашенными охрой костями—у Рыжановки, Кобриновой, д. Луковки; есть скиѳскіе—у Франковки, с. Новоселицы, Шполы, Василькова (басс. Гнилого Тикича), Ярошовки, Петриковки (басс. р. Выси) и особенно замѣчательный у Рыжановки, давшій при раскопкѣ въ 1887 г. рѣдкіе предметы скиѳской эпохи.

Славянское городище, съ характерными для княжеской эпохи 12—13 в. предметами: бусами, застежками, кусками глиняной орнаментированной и стеклянной посуды, открыто нами недавно въ с. Колодистомъ.

Наконецъ, монеты, начиная съ римскихъ, находимы были повсюду. Римскія найдены въ с. Толстой, г. Звенигородкѣ, а также въ с. Стебномъ, Колодистомъ, Лоташовой и Романовкѣ—всѣ въ бассейнѣ Гнилого Тикича. Въ 1863 году въ с. Старой Будѣ былъ найденъ кладъ, заключавшій въ себѣ между прочихъ 3 монетныя гривны новгородскаго типа. Ордынскія монеты найдены у с. Старой Буды и у с. Колодистаго (лично нами). Кромѣ того, были находимы генуэзскія и древнія сербскія въ с. Старой Будѣ и позднѣйшія австрійскія, германскія и прусскія—въ с. Моринцахъ, шведскія и бранденбургскія—у сс. Орловъ и Будищъ; наконецъ въ большомъ количествѣ попадаются польскія (XVI—XVIII ст.)—въ сс. Бояркѣ, Моринцахъ, Орлахъ, Водяникѣ, Будищахъ, Стебномъ, Ольхо-

вцѣ, Колодистомъ и Берыбисахъ. Въ послѣднемъ селѣ намъ удалось пріобрѣсти оригинальный глиняный сосудъ-копилку, содержавшій въ себѣ кладъ изъ польскихъ монетъ времени Сигизмунда III; сосудъ формы деревянныхъ „барылъ", употребляемыхъ нашими крестьянами для храненія воды въ полѣ.

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на археологическую карту Звенигородскаго у., то увидимъ, что главный очагъ жизни и дѣятельности доисторическихъ по-преимуществу обитателей на территоріи нынѣшняго Звенигородскаго уѣзда сосредоточивается въ нижнемъ теченіи р. Гнилого Тикича, въ пространствѣ, окаймленномъ обоими Тикичами. Совершенно обратное явленіе мы замѣчаемъ, переходя къ древностямъ историческимъ позднѣйшаго времени (XVII—XVIII в. в.). Въ то время, какъ уже съ начала XVII в. сосѣдніе уѣзды: нынѣшній Каневскій и Черкасскій, а также и сѣверная часть Звенигородскаго уѣзда, имѣли достаточно густое населеніе, пополнявшее ряды козачества и участвовавшее въ борьбѣ съ польскимъ элементомъ, южная половина нашего уѣзда продолжала оставаться почти пустынной. Единственный населенный пунктъ, нанесенный на карту Боплана, это—Берыбисы (Гуляйполе) на р. Гниломъ Тикичѣ, названное у Боплана „Naberylis"; слѣдующимъ ближайшимъ поселеніемъ является лишь Ольховецъ, уже вблизи г. Звенигородки. Сама Звенигородка, извѣстная съ XVI в. и даже ранѣе (въ литовскихъ лѣтописяхъ), не играла никакой роли до второй полов. XVII ст., оставаясь ничтожнымъ замкомъ *). Южная часть Звенигородщины не представляла въ XVII в. удобствъ для осѣдлой жизни, еще и потому, что на его границѣ, неподалеку впаденія Тикичей въ р. Высь, находился т. наз. татарскій „Царскій (Cesarski) Бродъ", перейдя который татары устремлялись въ козацкую страну, главнымъ образомъ „шляхомъ", шедшимъ

*) Къ крайнему сожалѣнію, ни въ данномъ случаѣ ни въ иныхъ мы не имѣемъ возможности справляться съ источниками, находясь въ настоящее время даже внѣ предѣловъ европейскаго материка.

на Лысянку. Только около второй половины XVIII ст. въ южной части Звенигородщины начинаютъ возникать села, а въ концѣ этого столѣтія и церкви въ нихъ. Между тѣмъ въ сѣверной части мы можемъ указать на поселенія достаточно древнія; къ таковымъ, помимо упомянутаго Ольховца, должны быть отнесены: Лысянка, хорошо извѣстная изъ малорос. исторіи, Буки, Крымки, Виноградъ, упоминающіеся въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ пол. XVII ст.; затѣмъ, Ольшана, Тарасовка, Хижинцы, Будища, Pединовка, Кирилловка, Водяники, Кобеляки, Капустино, о которыхъ мы знаемъ, что даже въ первой четверти XVII ст. въ нихъ были построены *новыя* церкви на мѣстѣ или поблизости *прежнихъ обветшавшихъ* *).

Несомнѣнно, наиболѣе крупнымъ и богатымъ населеннымъ пунктомъ, въ XVII и первой половинѣ XVIII в. была Лысянка, въ которой въ 1741 г. насчитывалось 6 церквей (всѣ дубовыя и безъ половъ): 1) Михайловская, основанная въ 1723 г. сѣчовыми козаками, о 5 куполахъ 2) Преображенская—ок. 1730 г., о 3-хъ куполахъ; 3) Вознесенская—въ 1730 году, 4) Георгіевская—въ 1723 г., построена около старой; 5) Николаевская — въ 1718, на мѣстѣ давнѣйшей и 6) Успенская, дубовая, съ опасаньемъ,—въ 1720 году. Въ настоящее время въ Лысянкѣ только двѣ церкви: Михайловская, каменная, огромная, передѣланная изъ костела, и, кажется, Вознесенская,—обѣ уже относятся къ XIX ст. *).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ самому предмету нашей рѣчи. Начнемъ съ памятниковъ *архитектуры*. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ дѣло исключительно съ памятниками церковной архитектуры: церквями, колококьнями, иконостасами. Старинныхъ домовъ или иныхъ

*) Похилевичъ. Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губ. К. 1864, стр. 877—416.

**) При въѣздѣ въ Лысянку, на горѣ, есть старинное еврейское кладбище.

строеній, за исключеніемъ помѣщичьяго дома XVIII ст. въ с. Козацкомъ, массивнаго, съ бельведеромъ, нигдѣ не приходилось встрѣчать. Изъ числа 26 церквей, относящихся къ XVIII ст., церкви почти всѣ (23)—трехкупольныя, и только въ трехъ селахъ: Босовкѣ, Шубиныхъ-Ставахъ и Вотылевкѣ имѣются церкви пятикупольныя, болѣе древнія (1750—1766 г.г.). Изъ трехкупольныхъ наибольшій интересъ представляютъ церкви, въ с. Бродецкомъ (1761 г.), маленькая тѣсная и темная (т. к. вверху, въ „банѣ" нѣтъ окошекъ), со стариннымъ деревяннымъ изъ дубовыхъ толстыхъ досокъ поломъ; слѣва въ недавнее время придѣланъ притворъ; 2) въ с. Окниной (1773 г.), также сохранившаяся въ первоначальномъ видѣ, съ единственнымъ добавленіемъ—пристройкой „притвора". На дубовыхъ дверяхъ, ведущихъ изъ притвора въ церковь (а прежде наружныхъ), сохранилась вырѣзанная полукругомъ надпись: „Во славу Благочестивыя Государыни Импер....... и Великаго нкязя..... ея Павла Петровича и Великодержавнаго К.....", а вверху: „1773, мая 4 дня". Церковь въ единственномъ случаѣ, именно здѣсь, сохранила въ чистомъ видѣ форму корабля; 3) въ с. Хижинцахъ, наиболѣе древняя изъ всѣхъ встрѣченныхъ нами (относятъ ее къ 1773 г.), и въ настоящее время находящаяся за штатомъ, т. к. рядомъ сооружена новая; 4) въ с. Кривомъ-Колѣнѣ (Уман. у.)—относится къ 1753 году, построена въ формѣ корабля, безъ окошекъ въ „банѣ", съ единственнымъ вообще окномъ въ стѣнѣ и 5) оригинальная колокольня въ с. Глубочкѣ (Уман. у.), построенная въ 1764 г. Львомъ Нарышкинымъ, около 5 саж. высоты, одноэтажная четырехупольная, съ такой-же покатой крышей. Слѣдуетъ еще отмѣтить заштатную церковь съ с. Козацкомъ, которая представляетъ точную копію Кіевской церкви на Аскольдовой могилѣ. Устроена она, въ качествѣ фамильной церкви, князьями Голицыными, владѣвшими с. Козацкимъ до 1829 года. Въ церкви сохранился только холщевый иконостасъ, подобіе занавѣса, роскошно расписанный незаурядными художниками; живопись—фламандской и итальянской школъ.

Иконостасы. Иконостасы, преимущественно 2-й полов. XVIII в., сохранились во многихъ старыхъ и новыхъ (будучи перенесены изъ прежнихъ) церквахъ. Чаще всего иконостасъ состоитъ изъ 3 (рѣже 5 и болѣе, а иногда изъ одного) ярусовъ (въ с. Колодистомъ, напр., изъ 8), съ золоченнымъ рѣзнымъ орнаментомъ изъ гроздьевъ и листьевъ винограда и геометрическихъ фигуръ. Иконы не рѣдко рѣзныя изъ дерева, барельефныя (выпуклыя), въ особенности намѣстныя, раззолочены; одежда изображаемыхъ на иконахъ фигуръ также рѣзная изъ дерева, яркихъ восточныхъ цвѣтовъ. Какъ въ нижнемъ (первомъ), такъ и въ третьемъ ярусахъ очень часто установлены колонки, довольно значительно выступающія впередъ, обыкновенно по 4 въ каждомъ ярусѣ. Если иконостасъ не широкій, колонки эти, въ глуби между которыми заключается икона, изображаютъ изъ себя ниши. Колонки также расписаны и снабжены рѣзнымъ орнаментомъ. Обычный фонъ иконостаса, т. е. пространства, не занятаго иконами,—или красный или зеленый; послѣдній, кажется, свидѣтельствуетъ о болѣе древней эпохѣ. Особенно богатые иконостасы намъ случилось видѣть: 1) въ с. Ольховцѣ (въ Николаевской церкви), огромныхъ размѣровъ и роскошно орнаментированный; кажется, иконостасъ этотъ восходитъ къ 1723 году. когда впервые была построена Николаевская церковь (теперь уже третья по счету); 2) въ с. Колодистомъ— относящійся, по всей вѣроятности, еще къ концу XVII вѣка, громадной вышины и богато орнаментированный (безъ выдающихся колонокъ); въ 1833 году онъ былъ пріобрѣтенъ для Колодистской церкви въ с. Макіевкѣ, Черкас. у., а до поступленія его въ Макіевскую церковь находился въ Лебединской церкви (Чигирин. у.); 3) достойны вниманія иконостасы въ с.с. Хижинцахъ, Кобелякахъ, Залѣсскомъ, Будищахъ Лысянскихъ, Рѣпкахъ, Майдановкѣ, Окниной, Водяной, Берыбисахъ, Бродецкомъ, Ступичной, Козацкомъ (Варварин. церковь), Глубочкѣ и Кривыхъ-Колѣнахъ (Уманскаго у.).

Что касается *живописи* старинныхъ иконъ, то она въ значительномъ большинствѣ случаевъ превосходно сохрани-

лась и во многомъ превосходитъ современную намъ; отличается яркостью тоновъ, носитъ слѣды католическаго (уніатскаго) вліянія, что сказывается въ округлости формъ изображаемыхъ персонажей, въ свободѣ и непринужденности ихъ позъ и движеній, въ нѣкоторыхъ чисто польскихъ аттрибутахъ и сюжетахъ, какъ-то (очень часто): коронованіе Божьей Матери, младенецъ Христосъ въ коронѣ, 7 мечей, пронзающихъ сердце Божьей Матери (иногда одинъ—въ с.с. Искриной и Мизиновкѣ) польскіе костюмы. Послѣдними, какъ свойственными высшему, „панскому", сословію, надѣлялись изображаемые доморощенными малярами „богы" до половины XIX ст. (напр. картина 1850 г. въ с. Дашуковкѣ, изображающая притчу о мудрыхъ и глупыхъ дѣвахъ; дѣвы въ лентахъ и цвѣтахъ, но костюмы польскіе). Иногда можно встрѣтить совсѣмъ неправославныя иконы, напр. св. Юстинъ-философъ (с. Искрина) или чудная, неизъяснимо прелестная рафаэлевская Божья Матерь въ с. Щербашинцахъ, отданная какимъ-то, кажется, помѣщикомъ въ церковь для вѣчнаго храненія въ ней.

Нѣкоторые иконостасы или отдѣльныя иконы написаны несомнѣнно художниками незаурядными, какъ напр., бесѣда съ самарянкою и бѣгство въ Египетъ въ с. Бродецкомъ, икона Вознесенія въ с. Толмачѣ, нѣкоторыя иконы въ с.с. Рѣпкахъ, Залѣсскомъ, Щербашинцахъ и Лысянкѣ, икона Бож. Мат., итальянской живописи, въ с. Озирной. Исключительная по своему высокому достоинству живопись, какъ мы уже упоминали, сохранилась въ фамильной церкви графа Александра Сергѣевича Голицына (въ с. Козацкомъ).

Изъ *отдѣльныхъ иконъ и картинъ съ религіозными сюжетами* укажемъ лишь на типичныя и характерныя.

Наиболѣе часто встрѣчающіеся въ церквахъ Звенигородскаго уѣзда сюжеты—это:

1) *Явленіе Аврааму трехъ странниковъ.* Обыкновенно изображенъ столъ, на которомъ поставлены 2 или 3 тарелки съ просфорами, 2 или 3 ножа и вилки возлѣ тарелокъ, тарелка съ рыбой (карасями); иногда вмѣсто тарелокъ—чаши

или стаканъ и вино въ бутылкѣ (послѣднее въ с. Мизиновкѣ); Авраамъ прислуживаетъ, а Сарра выглядываетъ изъ-за двери дома.

2) *Бѣгство св. семейства въ Египетъ.* Божія Матерь сидитъ на осляти; въ сторонѣ, вдали, видно, какъ съ пьедестала низвергается идолъ (въ с. Васильковѣ); иногда Божія Матерь съ младенцемъ сидитъ подъ деревомъ, а Іосифъ молится (с. Терешки). Въ с. Кобелякахъ эта картина, художественно написанная, носитъ совершенно свѣтскій характеръ: св. Іосифъ—въ европейской фетровой шляпѣ, въ костюмѣ альпійца, Марія—вполнѣ европейская дѣвица.

3) *Бесѣда съ самарянкою.* Носитъ черты мѣстной жизни: сосудъ опускается въ колодезь на блокѣ (Козацкое, Варвар. церковь; Водяная). Особенно хороша эта картина въ с. Бродецкомъ: фигура самарянки полная, округлая, движенія вольныя, свободныя.

4) *Притча о 10 мудрыхъ и глупыхъ дѣвахъ* обыкновенно носитъ множество чертъ мѣстнаго украинскаго художества: дѣвы обязательно въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ, въ „стричкахъ", въ красныхъ „черевыкахъ" (а иногда въ польскомъ одѣяніи—въ сс. Майдановкѣ и Дашуковкѣ). Въ с. Берыбисахъ сюжетъ этотъ получилъ дальнѣйшее развитіе примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ быта. На огромномъ полотнѣ (около 20 квадр. аршинъ) изображены въ послѣдовательномъ порядкѣ три момента притчи: а) женихъ выходитъ изъ павильона (!), и къ нему съ одной стороны устремились мудрыя дѣвы, а съ другой—„буія", съ пустыми свѣтильниками; б) вверху картины слѣва изображено торжище: очевидно, глупыя дѣвы отправились на базаръ за покупкой масла; продавцами являются длинноусые чумаки, съ „люльками" въ зубахъ, флегматично отмѣривающіе дѣвамъ требуемое ими количество масла; е) вверху картины, справа—начался уже пиръ (послѣ встрѣчи жениха): одинъ играетъ на „цымбалахъ", двое бьютъ въ тактъ въ ладоши, одинъ пустился въ присядку. Женихъ, какъ это и должно быть согласно ритуалу малорусской свадьбы, въ общемъ весельи

не принимаетъ участія. Произведеніе несомнѣнно мѣстнаго художника конца XVIII ст.

5) *Страданія („страсти") Христовы.* а) Данный сюжетъ также подвергался всевозможнымъ варіаціямъ по вкусу мѣстныхъ художниковъ. Почти въ каждой церкви можно встрѣтить картину мученій Христа, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ это извѣстно изъ Евангелія. Въ с. Майдановкѣ, напр., можно видѣть, какъ два римскіе солдата, положивъ сверхъ терноваго вѣнца на голову Христа коромысло или вообще какое-то бревно, сами повисли на обоихъ концахъ этого бревна; въ с. Толмачѣ на иконѣ Христосъ привязанъ пудовыми гирями къ столбу.

Интересно qui pro quo, случившееся съ художникомъ въ с. Терешкахъ: принявъ, по созвучію, имена Анны и Каіафы за женскія, онъ облачилъ Анну въ женскій старинный украинскій костюмъ: въ плахту, запаску и т. п... Большія картины, изображающія страсти, сохранились въ с. Берыбисахъ и Майдановкѣ. Первая носитъ слѣды уніатскихъ временъ; надписи надъ картинами свидѣтельствуютъ о польскомъ вліяніи: „бичованіе у слупа", „спойманіе въ огрудку".

На второй, подъ сценой, озаглавленной „молитва въ огродцу", подпись:

„Не моя вина къ сему мя кресту прибила;
Вашъ грѣхъ, а моя любовь сіе учинила".

б) Въ непосредственной связи со страданіями Христа находится весьма распространенный сюжетъ, извѣстный въ нашей старинной иконографіи подъ именемъ *„Недреманнаго ока"* *). Кромѣ картины, съ четверостишіемъ внизу, встрѣченной въ с. Глубочкѣ, Уманск. у., и переданной нами въ музей Общества Нестора-лѣтописца **), подобныя же нахо-

*) Изслѣдованіе о „Недреманномъ окѣ", разъясняющее его происхожденіе, помѣщено въ № 1 „Зап. Имп. Харьков. Университ." за 1902 г. (Протоколы Предварит. Комитета по устройству XII Археолог. съѣзда въ Харьковѣ, статья проф. Рѣдина).

**) О ней см. „Кіевская Старина", 1901 г., Іюнь (Археологич. лѣтопись).

дятся: 1) въ Лысянкѣ (въ Михайловск. церкви)—относится къ 1855 г. съ подписью: „се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израилѣ Р. Б. 1855, м-ца авг. 25". Возлѣ младенца Христа, лежащаго на одрѣ (перынѣ)—различные аттрибуты: перчатки, кошелекъ (для 30 сребренниковъ), лѣстница, щипцы и т. п.; въ качествѣ совершенно новаго элемента является ангелъ въ сторонѣ, держащій въ рукахъ Нерукотворенный образъ (св. Вероника?); 2) въ подобномъ родѣ въ с. Озирной, съ тѣми же аттрибутами, только въ сторонѣ предстоятъ: Матерь Божія, св. Параскева и Иванъ Воинъ; 3) совершенно аналогичная картина въ Ольховцѣ (Николаевской церкви) съ подписью „Haec requies mea"; 4) въ Ольховцѣ (Троицкой церкви)—Спаситель на „перынѣ" и въ терновомъ вѣнцѣ и 5) въ с. Мизиновкѣ—Христосъ спитъ, но не на перинѣ; поблизу его—пѣтухъ.

6) *Св. Варвара и ея страданія.* Здѣсь фантазія художника въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вноситъ всяческое разнообразіе. Варвара обыкновенно въ типичномъ украинскомъ костюмѣ—въ лентахъ, вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, на шеѣ мониста, бѣлый отложной воротникъ рубахи и отложной воротъ верхней одежды. Отмѣтимъ здѣсь наиболѣе интересную икону св. Варвары, находящуюся въ Лебединской Георгіевской (бывшій старый монастырь) церкви, снабженную любопытными аксессуарами мѣстнаго характера. Варвара изображена посреди иконы во весь ростъ. Слѣва отъ нея, въ отдаленіи, идетъ по мосту черезъ рѣку „старецъ", увѣшанный „торбами", ведомый мальчикомъ—поводаторомъ. Художникомъ схваченъ тотъ моментъ, когда „старецъ", испробовавъ предварительно палкой впереди себя почву, осторожно поднимаетъ ногу, чтобы ступить далѣе. Въ отдаленіи, на берегу рѣки, сидятъ два крестьянина-малоросса и удятъ рыбу. На иконѣ есть и надпись: „соорудилъ сію икону Лебединскій житель Иванъ Пика до монастыра св. Георгіевского Лебединской церкви за чесного игумена іеромонаха Мелхиседека".

7) *Картина Страшнаго Суда.* Къ сожалѣнію, намъ не пришлось встрѣтить почти ни одной характерной, съ соот-

вѣтствующими надписями, картины на этотъ сюжетъ. Если гдѣ онѣ и имѣются, то „пекло" замазано красной краской такъ, что почти ничего нельзя разобрать. Кое-что, и то съ трудомъ, можно уловить на картинахъ въ с. с. Берыбисахъ, Ольховцѣ (Троицкая церк.) и Лебединѣ (Георгіевская): въ „пекло" идутъ турки и жиды съ Моисеемъ во главѣ, за ними маляръ съ красками; въ аду мучатся люди всевозможныхъ сословій и профессій: „ворожка", „чаровница", „злодій", Люциперъ и др.; въ Лебединѣ главный чертъ изображенъ со зміемъ вокругъ шеи; у змія—птичья голова. Вверху надъ пекломъ (въ раю)—небесное воинство и ангелъ съ вѣсами. Эти „вѣсы правосудія" въ с. Ольховцѣ изображены нѣсколько иначе: ихъ держитъ не ангелъ, а самъ Богъ-Отецъ, спустившій руку съ ними съ небесъ изъ-за облаковъ (въ пространство между раемъ и „пекломъ)"; на одной изъ чашекъ вѣсовъ подвергается взвѣшиванію „чоловикъ" въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ и такой же рубахѣ, а на другую чашку черти усиленно что-то накладываютъ, очевидно, грѣхи; не смотря на довольно солидную груду на этой второй чашкѣ, обвиняемый все-таки „переважывъ" свои грѣхи.

Отдѣльныя иконы и картины. Наиболѣе интересная и вѣроятно самая древняя изъ видѣнныхъ нами иконъ—безъ сомнѣнія, въ с. Щербашинцахъ (на пограничьи съ Каневскимъ уѣздомъ). Икона эта имѣетъ свою исторію, къ сожалѣнію, легендарную. Въ давнія времена (б. мож. XVI—XVII в.) на то село, гдѣ находилась данная икона (были ли это Щербашинцы или иное какое село—неизвѣстно; въ Щербашинцахъ первая церковь была сооружена въ 1722 году), произвели нападеніе Крымскіе татары; одинъ изъ невѣрныхъ ворвался въ церковь и ударомъ кинжала пронзилъ икону Божіей Матери, попавъ въ самое сердце; на мѣстѣ раны выступила кровь, и съ тѣхъ поръ икона стала считаться особенно чтимой. Въ настоящее время икона эта, довольно большихъ размѣровъ (около 2 кв. арш.), вставлена въ кіотъ и вся увѣшана серебряными и жестяными привѣсками, монистами—даръ благодарныхъ паломниковъ. Послѣдніе явля-

ются сюда не только изъ окрестныхъ селъ и уѣздовъ, но иногда можно встрѣтить пилигриммовъ изъ Подольской губ. Икона, какъ говорятъ, сохранилась въ первоначальномъ видѣ. Въ нижней части кіота изображена упомянутая сцена кощунства: видимъ двухъ татаръ, въ чалмахъ, въ типичныхъ татарскихъ костюмахъ; они сошли съ лошадей, и одинъ изъ нихъ занесъ кинжалъ, чтобы прободать икону. Подъ рисункомъ — объяснительная надпись, надо думать, начала XIX или конца XVIII в. (писано полууставомъ):

„Стеблевъ *) и окрестность татаре разориша,
Плениша христіанъ, святини оскверниша.
Для помѣщенія мсковъ **) изъ храма веси сей
Содѣлаша вертепъ. Тамъ въ ярости своей
Поганинъ-Крымецъ, зри, кинжаломъ прободаетъ
Родившую Того, Кто жизнь даетъ, спасаетъ.
Горѣ оставлена та рана, яко есть:
Что сынъ отъ копія, подобно мать несетъ".

Въ с. Бродецкомъ имѣется икона „Страждущаго Спасителя" (второй половины XVIII ст.): кровь струится изъ рукъ, изъ ребра, съ лица (головы); передъ Нимъ сосудъ—уже полонъ крови. Подъ иконой подпись:

„Обачъ, грѣшниче, жемъ терпѣлъ раны.....бъ, ото бокъ мой отворяю повторнѣ для тебе;
Видиши руцѣ и бокъ прободенъ, крове моея сосудъ наполненъ.
Розгами и бычми убиенно тѣло, грѣхми своими мучишъ мя зѣло.
Воззри, грѣшниче, и прослезися, перестань грѣховъ—можешъ спастися".

Въ с. Кобелякахъ находится изображеніе Почаевской Б. Матери. Подъ изображеніемъ подпись: „року 1773 коронована Климентомъ"; время писанія иконы — 1799 г., сен-

*) Ближайшее мѣстечко Каневск. у.
**) Лошадей.

тября 17. По бокамъ изображенія представлены чудеса, совершенныя Почаевской Б. Матерью и подписи къ нимъ: „Мертвые встаютъ изъ гроба", „Исцѣление оций", тутъ же любопытный сюжетъ (извѣстный еще изъ Патерика Печерскаго): монахъ несетъ въ рукахъ собственную отсѣченную голову; поясненіе къ этому изображенію дано слѣдующее: „стятый отъ татара голову свою принесъ пидъ образъ Божои Матери з неволѣ отъ татаровъ однимъ днемъ ставъ въ Почаевѣ предъ чудовную икону." На той же общей картинѣ, слѣва, еще одно довольно непонятное аллегорическое изображеніе: чьи-то руки, когти, ноги, длинное туловище и хвостъ; подпись— „Вота" (не Roma-ли?). Въ той же Кобелякской церкви существуетъ и копія (позднѣйшая) этой картины. „Истинное изображеніе чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы Почаевской. Вѣнчаніе ,аѱог, н сентября" мы встрѣтили и въ с. Шубиныхъ-Ставахъ—въ кіотѣ, съ гладкими позолоченными колонками.

Остается еще только отмѣтить иконы и картины: 1) въ с. Козацкомъ (Варваринск. церковь)—изображаетъ дѣтство Христа въ бытность его у Іосифа: въ комнатѣ разбросаны плотницкіе инструменты; Іосифъ и Іисусъ отмѣриваютъ для распилки доски снуркомъ, натертымъ мѣломъ; на столѣ свѣтитъ „каганецъ"; Божія Матерь занята рукодѣліемъ; 2) въ с. Кобелякахъ—картина, изображающая Рождество Дѣвы Маріи: двѣ женщины купаютъ младенца Марію въ корытѣ; другія—несутъ на тарелкахъ яства и проч.; обстановка вполнѣ домашняя, навѣянная мѣстными бытовыми условіями; 3) въ с. Мизиновкѣ икона Богоматери—въ малорусской холщевой рубахѣ, воротъ стянутъ снуркомъ; 4) икона на *черномъ суконѣ* въ Лебединѣ (Георгіевской церкви): Спаситель на крестѣ, у ногъ—Божія Матерь и Іоаннъ Креститель,—уже начала XIX столѣтія; 5) *загадочная* икона въ с. Залѣсскомъ (въ 1 ярусѣ иконостаса). На иконѣ изображены три фигуры: посрединѣ, повидимому, Моисей, слѣва—молодая женщина; справа—сѣдой мущина, съ миртовой вѣтью въ рукѣ; внизу картины—Х заповѣдей; вверху—3 ангела. Всѣ три фигуры—на обла-

кахъ. Тамъ же, въ с. Залѣсскомъ, имѣется и другая икона: посреди ея стоитъ Божія Матерь съ возведенными очами „горѣ"; вокругъ нея—множество народа; внизу—еврейская надпись (3 строки); 6) небольшая (4 вершка въ діаметрѣ) иконка овальной формы на желѣзномъ кругѣ. Съ одной стороны изображена Божія Матерь съ младенцемъ Іисусомъ — въ коронахъ; на обратной — Василій Великій. Фонъ обѣихъ сторонъ — золотой; иа этомъ фонѣ написаны обѣ иконы. Живопись половины XVIII ст., уніатская.

Заканчивая нашъ небольшой отдѣлъ объ иконахъ и картинахъ церковнаго характера, въ заключеніе скажемъ нѣсколько о томъ, откуда мѣстные художники брали оригиналы для своихъ произведеній, что служило для нихъ образцомъ. Въ настоящее время во вновь строющихся церквахъ можно встрѣтить безвѣстныхъ въ своемъ родѣ „художниковъ", которые добросовѣстнымъ образомъ, насколько позволяетъ имъ ихъ талантъ, копируютъ живопись Владимірскаго Собора въ Кіевѣ по изданнымъ недавно художественнымъ альбомамъ снимковъ. Какими альбомами могли пользоваться наши мѣстные доморослые богомазы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ значительной степени, можно получить, сличивъ нѣкоторые сюжеты церковной живописи съ гравюрами Осадчаго, іеромонаха Козачковскаго Аверкія (главнымъ образомъ), Георгія и Макарія — въ богослужебныхъ книгахъ изданія Кіево-Печерской лавры XVIII ст. *) и Евстафія Завадскаго (въ концѣ XVII ст.) — въ изданіяхъ Львовскаго Ставропигіальнаго братства. Гравюры эти, какъ извѣстно, запечатлѣли множество бытовыхъ чертъ и мѣстныхъ особенностей, даже въ сюжетахъ, повидимому, слишкомъ отдаленныхъ и чуждыхъ для мѣстной жизни. Кажется, на что ужъ далеки отъ насъ событія библейской исторіи, а они въ гравюрахъ нашихъ малорусскихъ художниковъ получили мѣстную окраску. Достаточно взглянуть на такіе сю-

*) Послѣднее, какое мы встрѣчали, изданіе съ гравюрами относится къ 1901 г.

жеты, какъ жизнь первыхъ людей по изгнаніи изъ рая: Адамъ работаетъ въ полѣ (коситъ), Ева, съ ребенкомъ за спиной, помогаетъ ему. Возлѣ Евы самые обычные предметы домашняго хозяйства: петрушка, бурякъ (свекла), цыбуля и т. п. Пріемъ Авраамомъ трехъ странниковъ обнаруживаетъ чисто украинское гостепріимство. Еще интереснѣе гравюры, изображающія событія новозавѣтныя: необычайно типично передается во всѣхъ редакціяхъ южно-русскихъ гравюръ притча о блудномъ сынѣ и о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ. Здѣсь въ мельчайшихъ подробностяхъ изображенъ южнорусскій бытъ, перенесенный на событія, происходившія XVII вѣковъ тому назадъ. Даже въ такихъ мелочахъ, какъ костюмъ фарисея или діавола, искушающаго Христа, можно видѣть элементъ чисто южнорусскій.

Не удивительно, что наши мѣстные художники, имѣвшіе передъ глазами прекрасно исполненныя гравюры въ Евангеліи, Дѣяніяхъ Апостоловъ и другихъ богослужебныхъ книгахъ южнорусской печати, являлись лишь подражателями и добросовѣстно копировали многіе изъ распространенныхъ въ нашихъ древнихъ церквахъ сюжетовъ. Такъ, напр., явленіе Аврааму трехъ странниковъ могло быть взято непосредственно съ гравюры Евангелія Кіевской печати изданія первой четверти XVII ст. (гравюра Осадчаго) или изъ Требника, изданнаго въ началѣ XVIII ст. при Іоасафѣ Кроковскомъ или, наконецъ, изъ Октоиха Кіевской печати изданія 1768 г. (гравюра іеромонаха Григорія). Гравюры этихъ книгъ совпадаютъ въ точности съ произведеніями мѣстиыхъ художниковъ, видѣнными нами во многихъ церквахъ. „Бесѣда съ самарянкою"—гравюры въ Львовскомъ изданіи Евангелія 1690 г., въ Тріоди цвѣтной Кіевской печати 1765 г. „Святой Николай и его чудеса"—въ Требникѣ начала XVIII ст. Іоасафа Кроковскаго. Въ этой книгѣ, равно какъ въ Псалтыри и Минеѣ мѣсячной 1766 г., а также въ Тріоди постной 1761 г. (Іоаннъ Лѣствичникъ), мы находимъ изображенія Кіево-Печерской лавры и вообще церквей южнорусскаго типа.

Мы имѣли возможность видѣть только случайно нѣкоторыя изданія съ гравюрами; если же ихъ просмотрѣть всѣ и сличить съ нашими церковными иконами и картинами, число заимствованій конечно можно было бы констатировать въ значительно большей степени.

Церковныя облаченія и утварь. Церковная древняя утварь и облаченія почти нигдѣ не сохранились. Въ ризницѣ Георгіевской церкви въ Лебединѣ, какъ намъ сообщали, хранятся ризы временъ Елисаветы Петровны и Екатерины II; холщевые подризники (обычная бѣлая рубаха), съ вышивками нитками по подолу, сохранились въ сс. Бродецкомъ, Антоновкѣ, Козацкомъ (Варваринск. церковь), Залѣсскомъ и Вотылевкѣ.

Болѣе интересныя плащаницы имѣются въ Георгіевской церкви въ Лебединѣ съ неканонической надписью вокругъ изображенія Христа: вмѣсто „покрывъ положи“ — *„поклавъ положи“*; въ с. Козацкомъ (Варваринск. церковь) — это же мѣсто еще варьируется: *„закрывъ положи“*; въ с. Кривыхъ Колѣнахъ, на небольшомъ кускѣ холста — со множествомъ фигуръ, стоящихъ у лежащаго Христа.

Изъ антиминсовъ—самый древній 1770 г., въ с. Лоташовѣ, данный преосв. Іовомъ, еписк. Переяславскимъ и Бориспольскимъ.

Изъ *чашъ* болѣе интересны—золотая въ Лебединѣ (въ Георг. церкви), вылитая изъ турецкихъ золотыхъ цехиновъ, и нѣсколько уніатскихъ, маленькихъ оловянныхъ, съ крышками въ с. Козацкомъ (Варваринск. церковь), Кобелякахъ, Босовкѣ и Водяной.

Въ Лысянкѣ (въ Михайловской церкви) имѣется высокій на подставкѣ, обычнаго уніатскаго типа *крестъ* съ надписью жертвователя: „нѣкоторый боголюбецъ князь Августъ-Николай *) сооружи крестъ сей до церкви святой на вѣчную памятку, въ службу Богу всемогущему, р. 1788, мая 9“; изъ другихъ крестовъ можно отмѣтить въ с. Ольховцѣ (Ни-

*) Радзивиллъ.

колаевская церковь)—большой, оловянный, основаніемъ которому служитъ башня, въ с. Босовкѣ—съ богатымъ тисненіемъ, въ с.с. Хижинцахъ и Щербашинцахъ большіе деревянные кресты съ цвѣтными каменьями, съ серебрянной подставкой.

Старинный *дискосъ* сохранился въ м. Лысянкѣ (Михайловская церковь) съ надписью: „Року 1728 сооружися сия патина до храма св. архангела Михаила *) в Лисянку из звѣздою, а позолотилъ панъ Петро Стеценко".

Оригинальная *дарохранительница* сохранилась въ с. Залѣсскомъ. Это небольшой оловянный ящикъ, съ отдѣленіемъ для вина (бутылочки) и небольшимъ сосудикомъ—для даровъ; застегивается какъ старыя церковныя книги.

Очень интересные *вѣнцы*—деревянные; маленькіе (изъ „лубка") сохранились въ с. Лотошовкѣ; жестяные, 3 вершка въ діаметрѣ—въ с. Чемерискомъ.

Статуй или фигуръ въ церквахъ нигдѣ не сохранилось. Еще недавно въ с. Лотошовкѣ стояла въ церкви деревянная фигура архангела Гавріила, а въ с. Босовкѣ—за престоломъ фигуры ангеловъ. Одинъ изъ этихъ ангеловъ еще сохранился въ селѣ **). Въ с. Мизиновкѣ, также, въ алтарѣ, чудная икона Божіей Матери, вырѣзанная изъ дерева, прибита къ стѣнѣ въ качествѣ отдѣлки и имѣетъ по сторонамъ деревянныя фигуры ангеловъ, а вверху—рѣзныя фигуры Бога Отца и Св. Духа (въ видѣ голубя).

Богослужебныя книги. Богослужебныя книги XVII—XVIII ст., сохранившіяся въ церквахъ и находящіяся по сію пору въ употребленіи, почти исключительно южнорусской печати: Кіевской, отчасти Черниговской (всего 3 книги), По-

*) Построеннаго въ 1723 году.

**) Оригинальное примѣненіе сдѣлали изъ него крестьяне с. Босовки: когда ремонтировалась церковь, то мѣстныя сельскія власти, для того чтобы не вступать въ длинные разговоры съ крестьяниномъ, обязаннымъ выйти на работу въ церковь или давать пищу для рабочихъ, тайкомъ вкидывали этого ангела въ окошко хозяину, и этимъ безапелляціонно устанавливалась упомянутая повинность.

чаевской (2 книги). Изъ всего количества (82) размотрѣнныхъ нами книгъ только 8 изданы въ Москвѣ; болѣе чѣмъ для 10 книгъ не опредѣлено мѣсто изданія (дефектные экземпляры). Книгъ, относящихся къ XVII в., очень немного: Евангеліе 1690 г. изд. Львовскаго ставропигіальнаго братства, съ гравюрами 1681 г., въ Лысянкѣ (Михайл. церковь); „Служебникъ" 1646 г., Львовское (4-е) изданіе тщаніемъ и иждевеніемъ превелебнаго Арсенія Желиборскаго, епископа Львовскаго, въ с. Ольховцѣ (Николаевск. церк.); Тріодь постная—1639 года, Кіевской печати, въ с. Сидоровкѣ (Каневскаго у.); Минея праздничная 1685 г., Черниговской печати—въ с. Ольховцѣ (Троицк. церковь); Октоихъ 1699 г., Кіевской печати „оправленный до церкви Лисянской 1787 года окт. 20 дня"—въ Михайловск. церкви м. Лысянки.

Встрѣчаются иногда и рукописныя богослужебныя книги, писанныя полууставомъ. Такъ въ с. Антоновкѣ имѣется „Ирмолой" съ нотами, огромная книга въ кожанномъ переплетѣ, писанная полууставомъ. Есть въ книгѣ запись: „написася въ с. Халепи, въ отчинѣ Кіево-Софійскаго монастыря, при храмѣ Вознесенія Господня. 1778. Написалъ дьячокъ Кузьма Алексѣевичъ Савченко"; такіе же Ирмолои есть въ Лебединской Георгіевск. церкви и въ с. Козацкомъ (Рожд.-Богор.); въ Лебединской же церкви имѣется еще и рукописный Часословъ съ надписью, что книга эта „списася рабомъ Божіимъ Пантелимономъ въ мѣстечку Валявѣ *) при храму Покрова Пресв. Б—цы року Божого 1746 и куплена за 400 полушекъ". Интересно было бы разсмотрѣть рукописную „Тріодь Постную" въ м. Ольшаной (въ старой церкви), въ которой на поляхъ во многихъ мѣстахъ имѣются замѣтки, не лишенныя историческаго интереса. Между прочимъ имѣетса запись, что 29-го сентября 1766 замученъ титарь Т. **) Кушниръ, трагическую смерть котораго запечатлѣлъ въ своей безсмертной поэмѣ „Гайдамаки" Т. Г. Шевченко, уроженецъ

*) Черкасскаго уѣзда.

**) Кажется, онъ извѣстенъ въ литературѣ съ именемъ Данила.

ближайшаго къ м. Ольшанѣ с. Кирилловки *). Въ с. Кобылякахъ имѣется рукописный Обиходъ церковный (находящійся въ настоящее время въ церкви с. Чижовки, Звенигор. у.).

Изъ книгъ не богослужебныхъ, но хранящихся въ церковныхъ архивахъ, можно указать на слѣдующія. 1) *„Ключъ Разумѣнія" Галятовскаго,* писанную полууставомъ. Въ книгѣ имѣется двѣ записи: болѣе старая (зачеркнутая) и новая; старая гласитъ слѣдующее: „сію книгу, глаголемую Ключъ Разумѣнія, купилъ панъ селенія Малина Чудновскаго рода и надалъ на Рождество Святого Миколая Притиского за державы Благовѣрнаго царя и вел. князя Алексѣя Михайловича, Всея Россіи Самодержавца, и за ктитора пана Петра Полюдного, а за скарбника Василія .... а на тотъ часъ у св. Николая служащаго". Книга эта, находящаяся въ Рождество-Богородицкой церкви с. Козацкаго, попала сюда изъ с. Сегединецъ, Каневск. у. Изъ болѣе новой надписи видно, что она еще побывала и въ с. Нестеровѣ и подарена въ 1771 г. попадьею Нестеровскою Анною Янишевскою. 2) Въ Ольховцѣ (Никол. церкви)—рукописный Синопсисъ Гизеля. 3) Алфавитъ духовный 1761 г.—Черниговъ. печати въ Ольховцѣ (Никол. церкви). 4) Лѣто-счислительное изображеніе Россійской исторіи, иждевеніемъ и трудами Ильи Яковлева. Спбргъ 1798, въ Ольховцѣ (Николаевской церкви). 5) Десидерій, или стезя къ любви Божіей, 1785 г. Спб. Съ дозволенія Святѣйшаго Синода,—тамъ же. 6) Священномученика Іустина-философа разговоръ съ Трифономъ-іудеяниномъ. Спб. 1797. Переложилъ съ еллиногреческаго на Россійскій языкъ синодальный членъИриней, архіеп. тверской,—ibid.; 7) Польскій сборникъ, преимущественно изъ переводовъ: мелодрамъ, сатиръ и т. п. Сюда вошли: 1) Christus judex za (?) Pana Zbawiciela Naszego—1752 (na scenę musykalną i melodramatycką nabożnym wypro-

*) Къ сожалѣнію, обстоятельства такъ неудачно сложились, что мы не имѣли возможности осмотрѣть ризницы и особенно архива Ольшанской церкви, содержащаго, по словамъ мѣстнаго причта, не мало интересныхъ предметовъ.

wadzony roku 1752 z włoskiego metru); Helena na Kalwaryi, melodrama Petra Matastazyusza poety cesarskiego—śpiewano r. 1747. Przetłòmaczono r. 1752 Warszawa; Nawrocienie Św. Augustyna,—spiewano 1750, przetłòmaczono r. 1751 Warsz; Satyra na teologow ktorzy ludzi dyspensują od miłości Boskie—przetłomacz. 1753, Warszawa; Satyra na całe plemię ludźkie (перев. изъ Буало); Satyra na złe żony (изъ Мольера). Внутри книги имѣется запись: „въ 1814 г., мая 10, въ Гребеняхъ (Кіев. у.), та книга дарована отъ Станислава Виницкаго, поручика бившихъ войскъ польскихъ и цесарскихъ, Ивану Мошинскому, который у насъ служилъ за эконома летъ три въ Гребеняхъ". 8) Городская и деревенская юмористика (?), слово или забавы и удовольствія разума и сердца въ праздное время, ч. IV, Москва, 1782. *Вольтеръ*. Сельскія ночи, поэма въ 10 пѣсняхъ. Спб. 1792.

Во многихъ церквахъ (въ 9) между прочимъ имѣется рѣдкое нынѣ періодическое изданіе: „Кіевскія Губернскія Вѣдомости", большею частью разрозненное, но иногда и полный комплектъ за 1846—1868 г.г., напр. въ с. Щербашинцахъ.

Документовъ, имѣющихъ болѣе общій интересъ, мы не встрѣчали. Имѣются эрекціи и визиты церквей второй полов. 18 ст. (въ с.с. Бродецкомъ, Хижинцахъ, Козацкомъ—Р.-Богор. церкви), указы конца 18 и нач. 19 ст. протоіерея Іоанна Радсимовскаго, сыгравшаго крупную роль въ исторіи мѣстной церковной жизни; въ с.с. Антоновкѣ и Ольховцѣ (Никол. цер.)—часть архива бывшаго Звенигор. Дух. Правленія за 1803 и 1844 годы; архивъ въ с. Глубочкѣ (Уманск. у.) *). Весьма любопытно было бы узнать, какая участь постигла документъ Юрія Хмельницкаго, отъ 18 дек. 1659 г., на ставъ и млынъ Ольховецкому братству и церквамъ, и другіе документы на это угодье, о которыхъ упоминаетъ г. Похилевичъ *). Кажется, если они существуютъ, то должны быть въ Николаевской церкви с. Ольховца, хотя мѣстный причтъ по этому вопросу далъ отрицательный отвѣтъ.

*) О немъ см. „Кіевской Стар." 1901 г., іюнь (Археологич. лѣтопись).

Еще два слова о *метрическихъ книгахъ*. Метрическія книги въ видѣ спеціальныхъ систематическаго веденія записей о родившихся и умершихъ, а впослѣдствіи и бракомъ сочетавшихся, заведены въ нашемъ районѣ около 3-й четверти XVIII ст. Самыя древнія метрическія книги, за 1777—1788 гг. хранятся въ Лысянской Михайловской церкви. Начаты онѣ при священно-іеромонахѣ Инокентіи Василевскомъ, чину Василія Великаго (записи ведутся на русскомъ языкѣ), затѣмъ слѣдують другіе настоятели, базиліане; съ 1787 г. записи хотя и на русскомъ языкѣ, но латинскими литерами. Въ книгахъ немало записей, имѣющихъ мѣстный интересъ, а также замѣчаній визитаторовъ, посѣщавшихъ Лысянку. Изъ другихъ болѣе древнихъ метрическихъ книгъ можно указать на имѣющіяся въ с. Берыбисахъ съ 1782 года и въ сс. Лоташовѣ и Козацкомъ (Варваринск. церковь) съ 1798 г.

Литературныя мелочи. Въ богослужебныхъ книгахъ на переплетахъ и на поляхъ страницъ, а еще чаще въ метрическихъ книгахъ, можно нерѣдко встрѣтить различныя мелкія записи, не имѣющія какого-либо крупнаго значенія, но иногда характерныя для мѣстнаго быта, мѣстной исторіи и языка. Въ богослужебныхъ книгахъ чаще всего можно встрѣтить записи жертвователей, предающихъ анаѳемѣ всякаго, кто въ будущемъ дерзнетъ когда-либо „отдалить" отъ церкви вручаемую ими этой послѣдней книгу. Вотъ напр. запись на евангеліи въ с. Толмачѣ, попавшемъ сюда изъ Лысянки: „Сія книга, рекомая сщенное евангеліе, купилъ еи рабъ Божій Андрей Бутко съ женою своею Маріею и съ чадами своими Игнатиемъ и Наталиею и младенцами Матѳеемъ, Павломъ и Христиною и вручаи еи церкви Вознесения Господня вѣчними часи, и ратуй Боже людини якои, то щобъ евангеліе сіе тамъ же хованое було, идеже усѣ вещи церковніи будутся ховати щобъ и ховано тамъ було; а хто бы моглъ еи отдаляты или отдалити отъ церкви Вознесенія Господня, будетъ проклятъ яко Содомъ и Гоммора и яко маранаѳа *) на вѣки вѣковъ, аминь. Записана сія книга при лю-

*) Евангельское проклятіе.

дехъ зацныхъ и вѣри годнихъ: при ктитару на той часъ будущему Данилу Шпаку и при ключнику Іоану Сѣколенку мѣрошнику и при цѣлому братству. Р. Б. 1737; мца іюня 12 дня. Іерей Федоръ Прэчистенскій Лисянскій *) рукою власною подписуюсь; подпись другимъ почеркомъ, а затѣмъ снова прежнимъ-: Іерей Яроцкій, пресвитеръ св. Вознесенский Лисянский". Или вотъ иная (1775 г.): „азъ, раба Божія Марина, вдова жителка Бужанскаа **), отмѣнила сію книгу зовомую священное евангеліе за цену рублей 13, которую вручаю о. Ѳедору пресвитеру Дашуковскому храму св. Ивана Богослова, аби за мене и моихъ сродниковъ живихъ и преставленнихъ, покы его житя Бога молилъ, и абы до онои кныгы не имѣлъ нихто жаднои справы или упору, а по смерти его да будетъ и чадомъ его ***); а храни Боже якои руины и гоненія, то волно будетъ оному пробувать, тамъ и оную книгу употребитъ, на что и повторне приказую и утверждаю; ежели б хто моглъ в оную втручатися, да будетъ проклятъ маранаѳа, а при имени своемъ подписуюся своеручно тако крестомъ святимъ: Марина вдова Бужанска +". Очень часто въ записи въ точности указывается стоимость пожертвованной книги: „подарено Василемъ Лисенкомъ до храму Успенія Пр. Богородицы Ольшанского цѣною за 9 талярей, р. Бож. 1736, м. февр. 21 дня. Куплено у честного господина отца Матѳея Обогодовскаго бывшаго", (т. е. священника?) (евангеліе въ с. Майдановкѣ) или: „куплено Иваномъ Гринченкомъ за золотыхъ полскихъ сто до церкви Хижинской", и затѣмъ условіе, что никто не можетъ отнять подаренное имъ Евангеліе *„прочъ его собстеенныхъ синовъ, когда будутъ въ чину іерейскомъ"*, а если не будуть, то „не маютъ до него и отбирать права. Дѣялося дня 18 іюня 1786 р."

*) Ѳеодоръ Григоровичъ, священствовавшій съ 1720 г. въ Успенской церкви.

**) Село Звенигородскаго уѣзда.

***) Иногда это мѣсто варьируется: „аби за мене и моихъ сродниковъ живыхъ и переставленныхъ сорокоустъ правилъ цѣлий и аби нихто не имѣлъ интерссу до онои книги" (Тріодь цвѣтная въ с. Дашуковкѣ).

(Евангеліе въ с. Хижинцахъ); „куплено за цену 7 полтинъ за колядни денги 1772 г. (Дѣянія Апостоловъ въ с. Шубиныхъ-Ставахъ); „за полтретя рубля Яковомъ Снѣжкомъ Злотникомъ 1761 г. (Дѣянія Апостоловъ въ Лысянкѣ): еще точнѣе запись въ Тріоди постной въ с. Кобелякахъ: „купилъ Петро Красноставскій въ Кіевѣ, давъ за ню рублей сребныхъ 6, а то такимъ способомъ (неразобраны нѣсколько словъ).... пшеницы корцевъ 6, а Петро Красноставскій тую пшеницу продавъ и купивъ Триодь сію до храму" и т. д.; запись 1761 года.

Иногда попадаются отрывочныя записи лѣтописнаго характера: „D. 29 augusta 1793: „słonce się miniło we czwartek od jednastey do trzeciey", а затѣмъ другимъ почеркомъ: „W tym roku y ziemia trząsła w Pilipowkę, w niedziele z wieczora do godziny lub daley". „W roku 1793 ludność z domów w Lotoszowey płci męskey 203; płci niewieskey 224 (niezdomnych 322)". Roku 1794 d. 16 nowembra nająłę chłopca imienem Tryfona: Swytka, por(t?) tretyna y buty nowy y żyta pół dnia zasjejać; na rok cały słuzyć. Przy tym był Iwan Hanenezak" „Ивана Лукияненка жена Тетяна в масницу сира взяла на роботу на громадѣня за копѣекъ десять"; „Roku 1792 pożyczyw cerkownych skamejek dwi u mene s pod chaty moiey dla posażdenyia ludyi na obidi, kotory wstawił za swoich srodnikow, *ta dobroy i niotkudu ne ymiu z żiieliw pomoszczy.* Podpisujuś się S. Omelski, paroch Lotoszowsky" (изъ метрической книги въ с. Лотошовой). Подобныя записи нерѣдко можно встрѣтить въ старинныхъ церковныхъ книгахъ, куда священники, для вѣрнѣйшей сохранности, заносили свои хозяйственнныя замѣтки.

Въ богослужебныхъ книгахъ встрѣчаются нерѣдко проявленія дьячковской музы XVIII вѣка. Рядомъ съ гравюрой царя Давида въ Минеѣ праздничной (с. Кобеляки) можно встрѣтить такого рода сентенцію: „Помни пани на Давыда— моя сукня лежыть въ жыда"; въ скобкахъ пояснено, какую *пани* надо здѣсь разумѣть... „хто спить до слонца сходящого, той не втече пекла горящого" (Лысянка, Синодальныя

поученія, 1778 г.); „Проба пера и чорныла, бо дивчына чорнобрыва. Серце, братику, прыйды — поцилую; знисъ китъ яйце—подарую“.

Наконецъ, въ с. Щербашинцахъ, на свободномъ листкѣ одной изъ богослужебныхъ книгъ (въ уніатскомъ Требникѣ) записана, почеркомъ начала XIX ст., покаянная пѣснь, извѣстная въ литературѣ (кажется, въ одномъ изъ Почаевскихъ богогласниковъ). Вверху пояснено, что это копія „по старопечатному образцу“, хотя текстъ, по-видимому, искаженъ до неузнаваемости.

Не имѣя возможности сличить копію съ печатнымъ оригиналомъ, приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она записана:

„Егда душа отъ тѣла разлучается, страхъ великій
видячи ужасается,
Забываетъ пріятелей, отца, матеръ, жону, и дѣтей
и все богатство.
Не вспоминаетъ южъ о мешканію въ тяжескимъ смутку
и вздыханью (!)
Земного панства, туги велия зѣло по братямъ,
на воздусѣ (!)

Страхъ великъ, за злое дѣло гоними якъ яка птица, а вопіетъ якъ горлица по своемъ сыну отлученія. Ратуй, Пане; ратуй, Творче, милосердный Боже, отъ согрѣшу (неразборчиво) едину—полно зрить кончину, стражу (!) своему жалосне со слезами вопіетъ къ нему: Ти предстатель мой и замлодости да доведетъ (!) до роста, не до пропасти. Не допусти же, хранителю-ангелу, мучителю въ руци попасти!“.

Затѣмъ ниже:

„Ангелъ слушне вопіетъ, о человѣче, вспомни себѣ
злосливе, о роскошниче,
Не померѣ во всемъ мирѣ собирались, сокрывались
себѣ достатку, тогда грѣшное тѣло
Все потемнѣло, въ земли червами снѣденное
и смрадное зѣло,

Богъ по дѣломъ душу съ тѣломъ
Разлучаетъ и вручаетъ в пекли на вѣки
Сего злаго и проклятого насъ сохранить и боронить
васъ, христяне . . . . .".

Въ заключеніе, приводимъ выписку изъ брачнаго обыска въ с. Козацкомъ (Рождество-Богородицкой церкви) о бракосочетаніи графа Александра Сергѣевича Голицына съ графиней Колюмна-Валевской; запись сдѣлана подъ № 4 въ апрѣлѣ 1823 года протоіереемъ Іоанномъ Радзимовскимъ, собственноручно вписавшимъ этотъ актъ въ книгу. Любопытно то, что запись сдѣлана, очевидно, заднимъ числомъ, такъ какъ другой № 4-й, первоначальный, имѣлся уже и раньше. Обыскъ гласитъ слѣдующее: „По исполненіи служащихъ къ законному браку обысковъ и въ сходство отношенія римско-католическаго закона, духовенство увѣряющаго о распоряженіи супружества зъ графомъ Александромъ Ходкевичемъ, того исповѣданія, господжи графини Каролины, воеводы Сироцкаго графа Михаила Валаевскаго Колумны дочери, 40 лѣтъ, по добровольному согласію помѣщика села Козацкаго и графа россійскаго князя Александра Сергѣевича Голицына, лѣтъ 36, и бывшаго прежде ни на комъ женатаго, съ прописанною графинею Каролиною, Михайловой дочерью, въ Козачанской Богородицкой церкви, по совершеніи литургіи и въ присутствіи поручителей: помѣщика Шаулихскаго графа Владислава Биржинскаго и Курляндскаго драгунскаго полка капитана Боржановскаго, по чиноположенію Греко-восточной церкви, бракомъ сочеталъ градскаго Звенигородскаго Преображенскаго собора протоіерей Іоаннъ Радзимовскій".

Таковы результаты осмотра нами церквей въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

Въ настоящемъ засѣданіи 1) *Слушали:* предложеніе г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, отъ 28 января за № 1500, на основаніи предписанія г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, отъ 10 января за № 675, о томъ, чтобы гг. предсѣдателями ученыхъ обществъ не были

допускаемы въ публичныхъ засѣданіяхъ обществъ къ чтенію доклады, „неудобные по своему содержанію“, вообще, и для публичнаго обсужденія, въ частности, и чтобы отъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній требовалось разрѣшеніе начальства этихъ заведеній на посѣщеніе засѣданій Общества.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію и руководству на будущее время.

2. Была произведена баллотировка членовъ, предложенныхъ по запискамъ на должность казначея Общества, ставшую вакантной по смерти поч. чл. Ѳ. Я. Фортинскаго.

Избраннымъ въ казначеи оказался д. чл. *Г. Г. Павлуцкій.*

VIII. ***Засѣданіе 9 марта.***

а, Д. чл. **Л. С. Личковъ** прочелъ докладъ *„Къ исторіи заселенія Черноморскаго побережья Кавказа“.*

Вопросъ о насажденіи поселеній на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря впервые обсуждался въ Комитетѣ Министровъ въ 1832 году, который постановилъ разрѣшить козакамъ селиться при Анапѣ, Геленджикѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ сооружены укрѣпленія, безъ всякихъ особенныхъ вспоможеній отъ казны и лишь съ освобожденіемъ отъ податей, повинностей и воинскихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ. Объявленныя льготы были недостаточны для привлеченія свободныхъ поселенцевъ, потому что война была въ самомъ разгарѣ и горцы производили постоянные набѣги на побережье. Пришлось прибѣгнуть къ принудительному заселенію и выбрать при этомъ такихъ людей, которые были бы способны отражать постоянные набѣги горцовъ. Поэтому, въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія принудительно была поселена часть Кубанскихъ козаковъ въ 12 намѣченныхъ пунктахъ, названныхъ станицами; къ Кубанцамъ присоединили немного Азовскихъ козаковъ, а также, почему-то, матросовъ и разночинцевъ г. Николаева. Поселенцы выбирались по жребію; имъ давалось по 30 десятинъ земли

въ общинномъ надѣлѣ на семью. Поселенцы съ тоской взирали на окружающія ихъ горы и при первой возможности старались убѣжать; хозяйство у нихъ положительно не шло, они сильно страдали отъ лихорадки, и смертность между ними была очень значительна; взятый ими изъ своихъ кубанскихъ станицъ черноморскій скотъ тоже не выдерживалъ мѣстнаго климата, а хлѣба, посѣянные по низинамъ подъ плугъ на большую глубину, родили жалко и невѣрно. Три года сряду они получали пособіе отъ казны: ежемѣсячно паекъ по 1 пуду 32 фунта муки на взрослую мужскую душу, а до 7-лѣтняго возраста полупаекъ; кромѣ того имъ выдавалась говядина, капуста, цибуля, хлѣбъ, водка и деньги на соль. Поселенцамъ одновременно надо было и строиться, и спѣшно разрабатывать землю, и отбиваться отъ горцевъ, и приспособляться къ новымъ условіямъ жизни. Хозяйство они могли вести лишь такъ, какъ вели на родинѣ, потому что иного не знали, и поэтому все выходило у нихъ на перекоръ природѣ. Вслѣдъ за принудительнымъ заселеніемъ (1864—65 г.) изданъ былъ 10 марта 1866 г. законъ о свободномъ поселеніи, съ предоставленіемъ льготъ: освобожденія на 15 лѣтъ отъ платежа податей, отъ рекрутской повинности, воинскаго постоя, свободы отъ гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, безпошлинной торговли и промысловъ. Поселенцы-крестьяне получали на обзаведеніе по 50 руб. на семью и земли по 30 десятинъ. Законъ этотъ имѣлъ то преимущество, что давалъ право свободнаго выбора мѣстъ для поселенія. Въ 1870 году состоялось распоряженіе, по которому поселенныя въ станицахъ козаки обращались въ крестьянъ, хотя имъ предоставлялось въ надѣлъ по 20 десятинъ на мужскую душу, вмѣсто прежнихъ 30 десятинъ на семью. Много козацкихъ семей, считавшихъ для себя униженіемъ обращеніе въ крестьянъ, выселилось; кромѣ того и обѣщанные надѣлы по 20 десятинъ на душу имъ приходилось еще добывать путемъ трудной разработки земли изъ-подъ лѣса, такъ, какъ готовой разработанной земли не было. Немудрено поэтому, что въ Геленджикѣ, напр., въ 1899 г. оказалось на

153 двора всего 600 десятинъ разработанной земли, т. е. въ среднемъ вмѣсто 20 только по 3 десятины на дворъ. Образовалась неуравнительность и неравноправность владѣнія внутри общины; по 10 десятинъ на семью имѣли только 3% общаго числа хозяйствъ; имѣющихъ по 3 десятины—35%, отъ 3 до 6 десятинъ—32%, отъ 6 до 9 десяинъ—8%, а безземельныхъ было 22%. Попытка колонизаціи Черноморскаго побережья по законамъ 1866 и 1870 гг. далеко не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, и результаты ея далеко не соотвѣтствовали такимъ огромнымъ затратамъ, произведеннымъ на нее казною.

Замѣчанія по поводу этого доклада были сдѣланы Н. П. Дашкевичемъ и В. А. Чаговцемъ.

б, Д. чл. **И. М. Каманинъ** прочелъ *„Страницу изъ исторіи Кіевскаго городскаго самоуправленія въ XVI-мъ вѣкѣ"* (войдетъ въ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній").

в, Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** продолжалъ чтеніе своего *„Критико-библіографическаго обзора новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви"* (войдетъ въ слѣдующій выпускъ „Чтеній").

По поводу разбора имъ соч. А. П. Яблоновскаго: „Akademia Kijowsko-Mohilańska," замѣчанія были сдѣланы Н. П. Дашкевичемъ, В. С. Иконниковымъ, А. В. Стороженкомъ, Л. С. Личковымъ. Н. П. Василенкомъ, В. А. Чаговцемъ и А. С. Крыловскимъ.

Слушали: отношеніе Московскаго Археологическаго Общества, отъ 3 февраля т. г. за № 108, съ предложеніемъ образовать въ Кіевѣ отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 году въ. г. Екатеринославѣ XIII-го Археологичессаго съѣзда.

Опредѣлили: согласно постановленію Совѣта Общества пригласить мѣстныя ученыя общества къ участію въ Комитетѣ, а также сообщить объ этомъ и всѣмъ членамъ Общества.

По произведенной баллотировкѣ избранъ въ дѣйствительные члены Общества графъ *Фердинандъ Георгіевичъ Де-ла-Бартъ.*

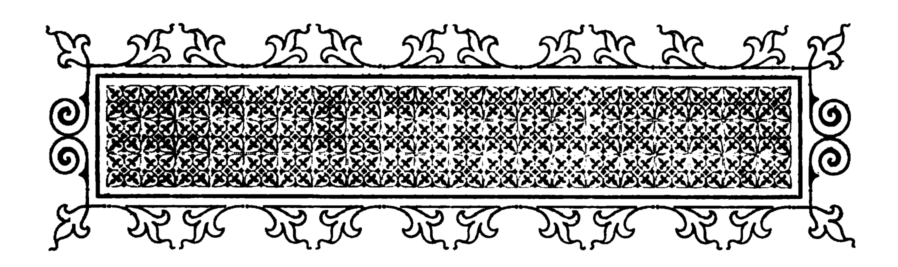
IX. Засѣданіе 23 марта.

а, Д. чл. **О. И. Левицкій** изложилъ содержаніе *„Переписки съ Запорожьемъ въ 1763—65 гг.“* (войдетъ въ одинъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

Замѣчанія по этому поводу сдѣланы Н. П. Дашкевичемъ и А. В. Стороженкомъ.

б, Д. чл. **Н. Н. Оглоблинъ** представилъ въ Общество рефератъ, прочитанный, за его отсутствіемъ, И. М. Каманинымъ: *„Изъ Кіевской жизни конца XVII в.“* (будетъ напечатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

Въ настоящемъ засѣданіи были произведены выборы четырехъ членовъ Совѣта Общества на мѣсто выбывающихъ за истеченіемъ срока ихъ полномочій. Избранными оказались: *Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій, С. Т. Голубевъ* и *И. М. Каманинъ.*



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за апрѣль—октябрь 1903 года.

X. *Засѣданіе 20 апрѣля.*

а, Д. чл. о. **Θ. И. Титовъ** продолжалъ чтеніе своего „*Критико-библіографическаго обзора новѣйшихъ трудовъ по исторіи Русской церкви*“ (войдетъ въ слѣдующій выпускъ „Чтеній“).

По поводу разбора имъ новаго изданія трудовъ проф. Е. Е. Голубинскаго по Русской церковной исторіи нѣсколько дополненій сдѣлано поч. чл. В. С. Иконниковымъ.

б, Г-жа **А. Л. Берло** представила въ Общество составленный ею біографическій очеркъ „*Арсенія Берло, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго*“, прочитанный за ея отсутствіемъ д. чл. В. И. Щербиной.

Замѣчанія по поводу доклада г-жи Берло сдѣланы д. чл. О. И. Левицкимъ и о. Θ. И. Титовымъ.

XI. *Засѣданіе 6 мая.*

а, Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** прочелъ рефератъ: „*Дрезденская рукопись, какъ литургическій памятникъ, въ связи съ памятниками древней русской письменности*“.

Выяснивъ значеніе Дрезденской королевской рукописи № 104, какъ важнаго комментарія къ Обряднику Константина Порфирогенета (De cerimoniis aulae Byzantinae) въ первомъ рефератѣ (см. „Чтен. въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца" кн. XVII, в. II, стр. 70—72), А. А. Дмитріевскій, по недостатку времени, не могъ тогда остановиться на значеніи ея, какъ литургическаго памятника. Второй рефератъ, поэтому, составлялъ прямое продолженіе перваго. Чтобы ознакомить членовъ Общества съ этою замѣчательною рукописью въ литургическомъ отношеніи, референтъ прочиталъ изъ нея въ переводѣ чинъ богослуженія въ праздникъ Воздвиженія Креста Господня, со всѣми любопытными подробностями изнесенія креста изъ дворца, положенія его въ катихуменахъ св. Софіи, самаго обряда воздвиженія креста на амвонѣ этого храма и обратнаго возвращенія его во дворецъ. Такъ какъ всѣ эти обряды нашли себѣ мѣсто и въ богослужебной практикѣ нашей древне-русской церкви, пользовавшейся Типикономъ Великой Церкви до введенія въ практику ея устава патріарха Алексѣя, то референтъ познакомилъ и съ русско-славянскими переводами указанныхъ обрядовъ въ службѣ воздвиженія креста Господня въ извѣстномъ Типиконѣ XIII в. епископа Новгородскаго Климента (А. Поповъ: Прибавленіе къ Описан. ркп. и каталогу книгъ церковной печати библ. А. И. Хлудова. М. 1875, стр. 17), въ Требникѣ XIII в. ркп. Софійской библ. (Спб. дух. Акад., № 1056, л. 90—92) и отчасти въ Типиконѣ XII в. ркп. М. Синод. Библ. № 330—380 (Опис. отд. III, ч. I, стр. 249—250). Не были упущены имъ изъ вниманія и мелкія подробности разсматриваемой службы, какъ, напр., чтеніе, по заутрени, Пролога на амвонѣ (προανάγνωσις), возженіе большихъ свѣчей въ куполѣ Софійскаго храма во время нощнаго богослуженія (τὴν παννυχίδα) и звонъ въ била (οἱ σημαν τηράδες) съ вечера до утра, такъ какъ всѣ эти подробности службы даннаго дня могутъ служить превосходнымъ комментаріемъ къ извѣстному въ нашей древне-русской письменности паломническому памятнику „Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія" (изд.

Археографич. Коммиссіею подъ редакціею П. Савваитова. Спб. 1872 г.), описывающему подобные же обычаи (ст. 29, 84; 19, 72—78; 29, 84).

Въ вѣдѣніи и подъ покровительствомъ Великой Церкви Константинопольской, какъ извѣстно, находились весьма многія благотворительныя учрежденія, какъ, напр., орфанотрофіи (т. е. сиро-воспитательные дома), ксенодохіи (т. е. страннопріимные дома), носокоміи (т. е. больницы всевозможнаго рода), птохотрофіи (дома для призрѣнія бѣдняковъ) и т. п. Въ дни храмовыхъ праздниковъ церквей, которыя находились въ этихъ богоугодныхъ заведеніяхъ, вселенскій патріархъ, какъ главный покровитель ихъ, совершалъ въ нихъ торжественныя богослуженія со всѣмъ своимъ многочисленнымъ штатомъ оффиціаловъ, клириковъ и пѣвцовъ Софійскаго храма и ходилъ туда для этихъ богослуженій изъ св. Софіи съ пышными крестными ходами или литаніями, а по окончаніи богослуженій дѣлалъ тщательный осмотръ самыхъ заведеній и ихъ обитателей. Референтъ познакомилъ слушателей съ подобнымъ торжествомъ въ день 24 іюня, на память Рождества св. Іоанна Предтечи въ больницѣ (εἰς τὸν ξενῶνα τοῦ Εὐβούλου) Еввула, описаннымъ подробно въ Дрезденской рукописи. Сюда, по этому памятнику, отправлялся патріархъ въ часъ дня и, помолившись въ храмѣ (εἰς τὸν εὐκτήριον οἶκον) и приложившись къ мощамъ св. Іоанна Предтечи, бралъ кадильницу въ руки и обходилъ всѣ палаты больницы мужскаго отдѣленія. Останавливаясь предъ ложемъ каждаго больнаго, патріархъ кадилъ и благословлялъ, а сопровождающій его саккеллій давалъ каждому больному по одному *миллію* (золотая монета). Послѣ обхожденія мужской палаты, патріархъ заходилъ въ аптеку больницы (ἐν τῷ ἰατρείῳ), получалъ отъ врачей просфоры и сиропъ (χουλόν), и самъ, въ свою очередь, одаривалъ ихъ тремя *номизмами* (золотыя монеты). Саккелларій, получивши благословеніе отъ патріарха, ходилъ потомъ въ женское отдѣленіе (εἰς τὸ γυναικεῖον) больницы и раздавалъ тамъ каждой больной по серебряннику (ἀργύρια). Изъ этой больницы патріархъ въ торжественной

литіи съ крестомъ больницы, клириками и пѣвцами изъ церкви возращался въ патріархію, при чемъ литанія изъ св. Софіи направлялась на форумъ къ колоннѣ св. Константина, и оттуда—обратно въ больницу уже для совершенія литургіи. Патріархъ слушалъ литургію въ этотъ день въ мартиріонѣ, находящемся въ Сфоракіѣ, гдѣ назначался въ этотъ день по случаю храмового праздника *соборъ* (ἡ σύναξις).

27 того же іюня, въ память Самсона-страннопріимника совершался такой же патріаршій выходъ, такое же обхожденіе патріархомъ палатъ больницы, устроенной св. Самсономъ на собственныя средства, кажденіе и благословеніе больныхъ, подобная же раздача имъ денегъ (τὴν διάδοσιν) и, наконецъ, возвращеніе въ патріархію черезъ храмъ св. Петра съ литаніею больницы.

Отмѣтивъ затѣмъ въ Дрезденской рукописи сохраненіе въ цѣлости указаній на богослужебные порядки, уже вышедшіе изъ употребленія въ практикѣ Великой Константинопольской Церкви, какъ, напр., въ службѣ новолѣтія 1 сентября или индикта, весьма драгоцѣнные для исторіи Типикона этой церкви, референтъ заключилъ вторично выраженіемъ глубокаго сожалѣнія о томъ, что данная замѣчательная рукопись безвозвратно и хищническимъ образомъ ушла изъ предѣловъ нашего отечества.

Въ обсужденіи настоящаго реферата принимали участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, В. З. Завитневичъ, М. В. Довнаръ-Запольскій и о. Ѳ. И. Титовъ.

6, Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** сдѣлалъ сообщеніе о „*Поэзіи и ея теоріи въ Кіевской Академіи въ половинѣ XVIII-го вѣка*“ на основаніи рукописи половины XVIII в., озаглавленной: „Poesis pro imbuenda studiosae iuventutis indole tradita et tractata ad mentem illustrissimi ac reverendissimi D-ni Prokopowicz: Kjowiae in alma orthodoxa Akademia Mohilo-Zaborowsciana“, и содержащей, кромѣ поэтики, сборникъ стихотвореній, между прочимъ, написанныхъ разными лицами, принадлежавшими къ составу тогдашней Академіи.

Дополненія и возраженія по поводу этого сообщенія были сдѣланы членами: А. М. Лободой, Н. И. Петровымъ, В. З. Завитневичемъ и М. Н. Сперанскимъ.

Слушали: отношеніе Конотопской уѣздной земской Управы, отъ 23 марта т. г. за № 2389, съ предложеніемъ, не пожелаетъ-ли кто изъ членовъ Общества написать популярную исторію Малороссіи на соисканіе преміи земства имени А. М. Лазаревскаго въ 300 руб.

Опредѣлили: напечатать въ ближайшей книжкѣ „Чтеній" объявленіе о преміи.

Слушали: отношеніе Церковно-историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, отъ 23 марта т. г. за № 81, о томъ, что означенное Общество назначаетъ своими депутатами въ Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета по устройству XIII-го Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ В. С. Иконникова, В. З. Завитневича и о. Ѳ. И. Титова.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

XII. Засѣданіе 18 мая.

а, Д. чл. **А. И. Сонни** подвергъ новому разсмотрѣнію вопросъ *„Объ окрашенныхъ костякахъ и о значеніи краснаго цвѣта въ погребальномъ обрядѣ"* (этотъ рефератъ войдетъ въ слѣдующую книгу „Чтеній").

б, Д. чл. **В. А. Кордтъ** представилъ вниманію членовъ Общества *„Очеркъ исторіи шведскаго университета въ Лифляндіи въ XVII вѣкѣ"* на основаніи матеріаловъ и изслѣдованій, изданныхъ Рижскимъ Историческимъ Обществомъ.— Магистръ Ливонскаго ордена Готтардъ Кеттелеръ, видя невозможность удержать свою независимость вслѣдствіе наступленія на Ливонію московскихъ войскъ, уступилъ Эстляндію Швеціи, Лифляндію—Польшѣ, Эзель—Даніи, оставивъ за собой Курляндію; въ это уже время Кеттелеръ имѣлъ въ виду основаніе университета въ Перновѣ. Въ 1600 г. Зюдерманландскій герцогъ Карлъ завоевываетъ часть Лифляндіи, а въ 1602 г., по совѣту съ депутатами отъ дворянъ и горожанъ, основываетъ академію въ Дерптѣ для воспитанія юношества въ благочестіи и на содержаніе ея

назначаетъ помѣщеніе женскаго монастыря и земли; въ 1603 г. Дерптъ былъ взятъ поляками и въ этомъ же году снова сталъ шведскимъ городомъ; въ 1625 г. въ немъ была основана гимназія, а въ 1632 г. король Густавъ-Адольфъ преобразовалъ ее въ университетъ, давъ послѣднему широкое самоуправленіе. Въ 1641 г. построено новое зданіе университета и пріобрѣтено помѣщеніе для библіотеки, архива и типографіи. Въ октябрѣ 1656 г. Дерптъ былъ взятъ московскими войсками подъ начальствомъ князя Трубецкого; профессора ходатайствовали о перенесеніи университета въ Ревель. Съ 1661 г. Дерптъ снова принадлежалъ Швеціи, и университетъ рѣшено было возстановить въ Перновѣ. Въ 1687 г. лифляндское дворянство хлопотало о возвратѣ университета въ Дерптъ; хлопоты увѣнчались успѣхомъ лишь въ 1690 г., и король Карлъ XII принимаетъ мѣры къ поднятію благосостоянія университета; въ 1700 г., во время войны Швеціи съ Москвой, нѣкоторые профессора убѣгаютъ изъ университета; а къ 1710 г.—и всѣ остальные. Этимъ и закончилось существованіе шведскаго университета въ Лифляндіи.

Внутренній бытъ университета былъ организованъ по образцу западно-европейскихъ; во главѣ университета стоялъ канцлеръ, назначаемый королемъ (онъ-же былъ и генералъ-губернаторомъ); вице-канцлеромъ былъ генералъ суперъ-интендантъ; непосредственное управленіе было поручено ректору, выбиравшемуся на $^1/_2$ года, а потомъ на годъ изъ числа профессоровъ; факультетовъ было четыре: богословскій, философскій, юридическій и медицинскій; во главѣ ихъ стояли деканы; содержаніе профессоровъ было очень ограниченное и вынуждало ихъ къ занятію другихъ должностей; на содержаніе университета назначены были доходы съ двухъ имѣній въ Ингерманландіи, дававшіе сумму въ 5300 рейхсталеровъ; иногда жалованье выдавалось натурою—хлѣбомъ и другими продуктами. Въ числѣ профессоровъ въ 1656 году было 17 нѣмцевъ и 4 шведа, а при закрытіи университета въ 1700 г.—одинъ нѣмецъ и остальные шведы. Стѣсненное матеріальное положеніе профессоровъ

отражалось и на ихъ дѣятельности; были случаи увольненія профессоровъ за нерадѣніе къ службѣ, хотя встрѣчались и выдающіеся ученые; особенную заботу о привлеченіи лучшихъ научныхъ силъ проявилъ Карлъ XI. Число студентовъ за все время существованія шведскаго университета достигло 1662 (изъ нихъ шведовъ 802, нѣмцевъ 760 и иностранцевъ 89; изъ нѣмцевъ-же — лифляндцевъ 397, эстлянцевъ—153 и курляндцевъ—20); ежегодный комплектъ былъ около 150 человѣкъ; студенты пользовались общежитіемъ, а позже получали ежегодно стипендіи въ размѣрѣ до 50 талеровъ. Новички подвергались обряду „депозиціи", состоявшему въ издѣвательствѣ надъ ними; прилежаніемъ отличались немногіе; среди нихъ господствовала грубость нравовъ; кутежи, драки и разбои были обычнымъ явленіемъ; наказаніемъ служили карцеръ и исключеніе изъ университета. Самыми малочисленнымм факультетами были медицинскій и юридическій, и профессора этихъ факультетовъ часто просятъ объ отставкѣ по недостатку слушателей. Несмотря на малочисленность студентовъ, польза университета для края была несомнѣнно велика: много можно назвать именъ общественныхъ дѣятелей, получившихъ образованіе въ немъ. Признавала пользу университета и страна; лифляндское дворянство въ 1710 году просило царя Петра В. объ открытіи университета. Царь разрѣшилъ открыть университетъ въ Перновѣ и обѣщалъ оказать матеріальную поддержку, но не успѣлъ исполнить своего обѣщанія. Въ 1725 году просить о томъже Дерптскій магистратъ, но генералъ-губернаторъ кн. Репнинъ отказалъ ему въ этой просьбѣ. Въ 1764 году русское правительство собираетъ свѣдѣнія о привилегіяхъ шведскаго университета, и только указомъ 4 марта 1799 г. императоръ Павелъ I разрѣшилъ открытіе университета въ Дерптѣ; въ 1800 году, по ходатайству курляндскаго дворянства, предполагалось перенести университетъ въ Митаву: предположеніе это не осуществилось и, сто лѣтъ тому назадъ, 21 апрѣля 1802 года состоялось торжественное открытіе университета въ Дерптѣ; такимъ образомъ исполнилось давнее желаніе страны.

XIII. Засѣданіе 14 сентября.

а) Г. Предсѣдатель (Н. П. Дашкевичъ) открылъ засѣданіе сообщеніемъ о смерти двухъ дѣйствительныхъ членовъ Общества *А. И. Маркевича* и *М. В. Сурина*. Память почившихъ была почтена вставаніемъ.

б) Затѣмъ, имъ же, **Н. П. Дашкевичемъ**, прочтенъ докладъ: *„Грамота 1134 г. князя Ивана Ростиславича Берладника“*. Въ этомъ докладѣ авторъ подвергъ разсмотрѣнію вопросъ о подлинности этой грамоты, отвергаемой академикомъ А. И. Соболевскимъ и румынскимъ славистомъ г. Богданомъ, и, указавъ на отсутствіе историческихъ анахронизмовъ и несообразностей и на возможность объясненія графики, фонетики, орѳографіи, а также формулъ этой грамоты, помимо предположенія о подлогѣ, пришелъ къ выводу о томъ, что подлинникъ грамоты могъ быть написанъ лицомъ, находившимся подъ вліяніемъ югославянскихъ особенностей произношенія и письма, если не волохомъ, и, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ нуждается въ новомъ пересмотрѣ (Сообщеніе это появится въ свѣтъ въ сборникѣ статей, посвященномъ проф. М. Ф. Владимірскому-Буданову).

По поводу этого доклада произошелъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ которомъ принимали участіе члены В. З. Завитневичъ, М. Н. Ясинскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, Т. Д. Флоринскій, В. Н. Перетцъ и Ю. А. Кулаковскій.

в) Д. чл. **М В. Довнаръ-Запольскій** сдѣлалъ сообщеніе: *„Изъ исторіи крѣпостнаго права въ Западной Россіи въ XVIII и XIX в.в.“*.

Во второй половинѣ XVIII вѣка польское общество, подъ вліяніемъ философскаго движенія того времени, обратило вниманіе на тяжелое положеніе крестьянъ. Улучшеніе положенія ихъ многіе признавали необходимымъ даже въ интересахъ, политическихъ и экономическихъ, Польши, приходившей уже въ упадокъ. Въ семейномъ архивѣ графовъ Хребтовичей, владѣнія которыхъ находятся въ Минской и

Виленской губ., есть не мало данныхъ, относящихся къ реформѣ положенія крестьянъ въ этихъ владѣніяхъ. Графъ Хребтовичъ, являющійся крупной личностью и просвѣщеннымъ общественнымъ дѣятелемъ послѣдняго періода существованія Рѣчи Посполитой, считалъ не только необходимымъ и нравственнымъ требованіемъ, но и полезнымъ, улучшить положеніе своихъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ имъ былъ составленъ регламентъ, причемъ приведеніе его въ исполненіе было поручено имъ сыну своему графу Адаму Хребтовичу. Реформа была произведена въ концѣ XVIII вѣка. Всѣ крестьяне были освобождены отъ барщины и отъ всякихъ принудительныхъ работъ и надѣлены землей. Однако, землю они получили не въ собственность, а лишь въ аренду; каждый крестьянинъ долженъ былъ брать въ аренду не менѣе $6^1/_2$ десятинъ пахатной земли. Если крестьянинъ не могъ обработать такого количества земли, то онъ держалъ въ арендѣ только огородъ. Свое хозяйство помѣщикъ велъ при помощи наемнаго труда. Крестьяне, такимъ образомъ, являлись по отношенію къ помѣщику или арендаторами или наемными работниками. Размѣръ арендной платы былъ сравнительно не великъ. Изъ мемуаровъ графа Адама Хребтовича видно, что благосостояніе крестьянъ значительно поднялось, и вообще реформа имѣла благіе результаты; еще больше выигралъ помѣщикъ: помѣщичье хозяйство, перейдя къ началамъ свободнаго труда, стало давать дохода въ 4—5 разъ больше.

По поводу этого доклада сдѣлано нѣсколько замѣчаній членами: В. З. Завитневичемъ и В. А. Чаговцемъ.

XIV. Засѣданіе 28 сентября.

а) Д. чл. А. М. Лободой былъ прочтенъ, за отсутствіемъ д. чл. **К. Ѳ. Радченка,** его рефератъ: *„По вопросу объ отношеніи апокрифовъ къ богомильству“.*

Было время, когда въ славянской наукѣ апокрифическую литературу ставили въ самую тѣсную связь съ дѣятельностью богомиловъ и чуть не въ каждомъ апокрифѣ усмат-

ривали отголоски богомильскихъ воззрѣній. Но болѣе глубокое изученіе какъ богомильства, такъ и апокрифовъ, привело позднѣйшихъ изслѣдователей къ заключенію, что богомиламъ принадлежитъ весьма ограниченная роль въ дѣлѣ составленія, перевода и распространенія апокрифическихъ сочиненій. Нѣкоторые ученые и вовсе отрицали всякое участіе богомиловъ въ апокрифической литературѣ. Истина, кажется, по срединѣ. Есть много данныхъ въ пользу того, что богомилы сами не составляли апокрифовъ и, быть можетъ, не принимали участія въ переводѣ ихъ съ греческаго на славянскій; въ апокрифахъ можно отмѣтить даже антибогомильскія воззрѣнія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безспорно и то, что богомилы довольно широко пользовались апокрифами, толковали ихъ въ духѣ своего ученія, иногда позволяли себѣ дѣлать вставки, и т. п

Въ подтвержденіе сказаннаго докладчикъ привелъ затѣмъ рядъ характерныхъ данныхъ изъ извѣстной компиляціи попа Іереміи, изъ слова объ Адамѣ и изъ Пренія Христа съ діаволомъ, данныхъ, свидѣтельствующихъ, по мнѣнію докладчика, о томъ, что эти памятники, наряду съ нѣкоторыми богомильскими особенностями, содержатъ и антибогомильскія воззрѣнія и по своему происхожденію не могутъ быть признаны богомильскими.

б) Д. чл. **Н. К. Бокадоровъ** въ своемъ сообщеніи попытался разъяснить *„Происхожденіе легенды о хожденіи Богородицы по мукамъ"*.

Легенда о хожденіи Богородицы по мукамъ, извѣстная въ греческихъ спискахъ XI—XII вѣка и въ позднѣйшихъ славянскихъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно построить гипотезу объ ея древнемъ происхожденіи. Во второй картинѣ ада, изображаемаго въ этой легендѣ, предъ очами изумленной Богоматери разверзается тьма, окутывающая множество грѣшниковъ обоего пола. Увидѣвъ ихъ, прослезилась Пресвятая и спросила, въ чемъ они согрѣшили. Но отъ нихъ не было никакого отвѣта. „Чего же не привѣтствуете Богородицу?" сказали стражи. Оказалось, что грѣшники были ослѣплены (ἀπὸ τοῦ αἰῶνος). И заплакала Пресвятая,

видя ихъ. Они же сказали ей: „Какъ насъ посѣтила Ты, Пресвятая Владычица?“ При этомъ прибавили, что ихъ не посѣтилъ ни Христосъ, ни праотецъ Авраамъ, ни Іоаннъ Креститель, ни великій пророкъ Моисей, ни апостолъ Павелъ. „Въ этой тьмѣ“, пояснилъ архангелъ Михаилъ, сопровождавшій Божію Матерь, „заключены невѣрующіе ни въ Троицу, ни въ Богородицу, ни въ рожденіе Христа, Господа Нашего (σὲ θεοτόκον μὴ ὁμολογήσαντες, ὅτι ἐκ σοῦ ἐτέχθη ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς καὶ σάρκα προελάβετο). И сказала Богородица, обливаясь слезами: „Несчастные! не слышали (развѣ), что имя мое называетъ всякая тварь?“ Руководствуясь этимъ эпизодомъ, хронологическими внѣшними датами о „Видѣніи Павла,“ съ которымъ тѣсно связано „Хожденіе Богородицы“, отсутствіемъ вышеприведенной картины въ другихъ апокрифическихъ сказаніяхъ о страшномъ судѣ, а также широкимъ распространеніемъ легенды на Востокѣ (у сирійцевъ, египтянъ и эѳіоповъ), къ которымъ едвали могла проникнуть легенда съ Запада въ X вѣкѣ, референтъ пришелъ къ заключенію, что легенда о хожденіи Богородицы, вѣроятнѣе всего, явилась въ эпоху извѣстнаго спора Несторія и Кирилла Александрійскаго, когда вопросъ о почитаніи Богоматери охватилъ весь міръ, когда появился цѣлый рядъ сказаній объ апостольской дѣятельности Божіей Матери, религіозно-философскихъ ученій о предстательствѣ Богородицы за живыхъ и усопшихъ христіанъ и, наконецъ, молитвъ къ Божіей Матери.

По поводу этого сообщенія д. чл. *Ю. А. Кулаковскій*, обратилъ вниманіе на важность широкаго изученія архитектоники ада при изслѣдованіи апокрифическихъ сказаній, а въ особенности, на важность изученія апокрифическаго видѣнія апостола Петра, представляющаго образецъ византійскаго апокрифа. При такой точкѣ зрѣнія возможно пролить иной свѣтъ на происхожденіе (несомнѣнно, древнее) разсматриваемаго памятника.

Д. чл. *В. Н. Малининъ*, признавая вѣроятность гипотезы, считаетъ необходимымъ въ вопросѣ о происхожденіи легендъ строго разграничивать дѣятельность отцевъ церкви

отъ коллективнаго народнаго творчества и даже при изученіи легенды въ самомъ зародышѣ примѣнять къ ней теорію Веселовскаго.

Докладчикъ заявилъ, что такая работа, по мѣрѣ силъ, была имъ продѣлана, но не показана за недостаткомъ времени при чтеніи доклада.

Эти замѣчанія вызвали общій обмѣнъ мнѣній о составныхъ элементахъ легендарнаго творчества примѣнительно къ данной легендѣ.

Находившійся среди гостей г. *Г. М. Барацъ,* принявъ участіе въ вызванномъ докладомъ обмѣнѣ мыслей, указалъ на свою статью, напечатанную въ т. IV „Лѣтописи Историко-филолог. О-ва при Император. Новорос. У-тѣ" за 1894 г. (Византійское отдѣленіе, т. II) подъ заглавіемъ: „Слѣды іудейскихъ воззрѣній въ древне-русской письменности"; въ этой статьѣ онъ еще въ 1894 г. попутно разобралъ обстоятельно и означенный апокрифъ о „Хожденіи Богородицы", доказывая что послѣдній составляетъ лишь перелицовку древнихъ еврейскихъ агадическихъ (легендарныхъ) сказаній, помѣщенныхъ въ сборникахъ, появившихся не позже VIII вѣка. Изъ упомянутой статьи г. Барацъ прочиталъ подробныя выдержки въ подтвержденіе поразительнаго, по его мнѣнію, сходства „Хожденія" съ еврейскими легендами, сопоставляя извлеченія изъ „Хожденія" съ извлеченіями изъ „Трактата о геенѣ" (Masechet schel gehimon) и изъ „Трактата о мытарствахъ", включеннаго въ „Сокровенный медрашъ на книгу Руфь"*). Поэтичекому окончанію апокрифа о „Хожденіи" соотвѣтствуетъ въ еврейской каббалистической письменности безчисленное множество сказаній; напр., въ „Книгѣ небесныхъ палатъ, или храмовъ" (Sepher Hechaloth, иначе Sepher Chanoch), составляющей еврейскую обработку древнѣйшей „книги Эноха" **), въ „Midrasch Abba

*) Оба трактата напечатаны въ сборникѣ: „Beth-ha-midrasch" изд. Іеллинека (вып. 1-й, Лейпцигъ, 1853 г., стр. 147-149 и вып. V-й, Вѣна, 1873 г. стр. 42—51) и въ книгѣ „Рещитъ-Хохма", Юзефовъ, 1866 г.

**) Ibid.. вып. V. Вѣна 1773 г., стр. 186.

Gorion" на книгу Есфирь*) и въ Midrasch alpha-betha d'rabbi Akiba" **). По вопросу же о томъ, не заимствованы ли, наоборотъ, еврейскія сказанія изъ христіанскихъ источниковъ? Г. М. Барацъ замѣтилъ, что такое предположеніе допустить невозможно, такъ какъ въ „Хожденіи" говорится, что въ аду въ смоляной рѣкѣ мучатся жиды, вмѣстѣ съ отвергшимися Бога христіанами, а въ другомъ мѣстѣ Пресвятой Богородицѣ приписываются слова: „молюсь не за невѣрныхъ жидовъ; за христіанъ Твое милосердіе молю". Въ виду этого трудно думать, чтобы евреи перенесли подобное сказаніе, хотя бы въ передѣлкѣ, въ свою духовную словесность. Болѣе вѣроятною представляется, поэтому, догадка, что какой-нибудь книжный прозелитъ изъ евреевъ скомпилировалъ апокрифъ изъ еврейскихъ сказаній, придавъ послѣднимъ соотвѣтственную христіанскую окраску.

XV. Засѣданіе 12 октября.

а) Д. чл. Т Д. **Флоринскій** представилъ *„Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію"* ***). Изъ значительнаго числа такихъ трудовъ и изданій референтъ указалъ на статистическіе труды проф. Л. Нидерле относительно количества славянъ и ихъ распредѣленія по Европѣ; въ одномъ: „Kolik bylo Slovanův koncem r. 1900. Odhaduje L. Niederle 8°, 11. (Zvlaštni otisk ze Slovanského Přehledu čis. 4 roč. V. 1903)", онъ опредѣляетъ общее количество славянъ въ Европѣ въ 138,591,800 чел.; по оффиціальнымъ же даннымъ ихъ числится 136,987,518 чел.; такъ какъ цифры Нидерле тщательно имъ провѣрены, то, по мнѣнію референта, заслуживаютъ и большаго вѣро-

*) „Сифре д'агардта" т. е. „Сборникъ легендарныхъ толкованій на книгу Есфирь", критическое изданіе С. Бубера, Вильно, 1886, I, гл. 4-я, стр. 32 и 33.

**) Мидрашъ этотъ помѣщенъ въ вышеозначенномъ изданіи Іеллинека, вып. III, Лейпцигъ 1855.

***) См. Универс. извѣстія 1903 г. № 10.

ятія; наибольшій приростъ населенія замѣчается у русскихъ и поляковъ; лужичане же быстро идутъ къ вымиранію. Другой трудъ Л. Нидерле: „Národopisná mapa uherských Slováků na základě scitáni lidu z roku 1900. Vydal Dr Lubor Niederle. Praha 1903. 8⁰. 226+11 kart. Nákladem národopisné společnosti československé a s padporou české akademie pro vědy, slovesnost u umění (Národopisný sborník československý, IX),“ содержитъ въ себѣ статистическія таблицы и этнографическія карты разселенія угорскихъ словаковъ; и въ таблицахъ и въ картахъ авторомъ точно указано для каждаго поселка процентное отношеніе словаковъ къ другимъ народностямъ: мадьярамъ, нѣмцамъ и русскимъ; въ особую заслугу Нидерле должно быть поставлено стоившее ему большого труда возстановленіе словацкой мѣстной номенклатуры, заботливо искореняемой мадьярскимъ правительствомъ. Къ древнѣйшей исторіи славянъ относятся изслѣдованія В. Панченко: „Памятникъ Славянъ въ Виѳиніи VII вѣка“ 8⁰, 48 (Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. VIII. Выпускъ 1—2. Софія, 1902), и В. Златарскаго: „Студии по българската история. София, 1903, 8⁰. 94. („Периодическо Списанне“, кн. LXIII). Первый сообщаетъ о моливдовулѣ(печати) славянской военной колоніи въ Виѳиніи, ближайшей къ Константинополю малоазійской провинціи; печать относится къ царствованію Константа, именно, къ 650 г., и такимъ образомъ указываетъ на историко-географическій фактъ изъ эпохи славянскихъ передвиженій въ VIII в. и на организацію славянскихъ политическихъ общинъ въ земляхъ Византійской имперіи. Проф. В. Златарскій изслѣдуетъ древнѣйшую исторію Болгаріи и въ вопросѣ о происхожденіи этого государства держится того мнѣнія, что оно образовалось путемъ союза мизійскихъ славянъ съ болгарами, а не путемъ нашествія и завоеванія ихъ послѣдними, какъ предполагали до сихъ поръ. Далѣе референтомъ былъ разсмотрѣнъ рядъ изданій, касающихся исторіи просвѣщенія въ Чехіи. Среди нихъ прежде всего долженъ быть отмѣченъ Альманахъ Чешской академіи: „Almanach České Akademie Císaře Františka Jozefa pro vědy, slo-

vestnost a umĕni. Ročnik XIII. Česká Akademie koncem roku 1902. V Praze. 1903 16⁰. 205.“ Онъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности академіи въ 1902 г. Академія существуетъ 14-й уже годъ подъ управленіемъ своего президента І. Главки, состоитъ изъ 4-хъ отдѣленій и 214 членовъ, въ числѣ которыхъ 10 русскихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ. Дѣятельность академіи выразилась, между прочимъ, и въ изданіи весьма цѣнныхъ изслѣдованій; изъ нихъ референтомъ разсмотрѣны соч. З. Винтера: „Život a učenĭ na partykulárních v školách v Čechach v XV a XVI stoleti. Kulturně—historický obraz. Sepsal Žikmund Winter. V Praze 1901. 8⁰ 822, по исторіи возникновенія и развитія низшихъ школъ въ Чехіи въ XV и XVI вв., съ указаніемъ на общій подъемъ образованности въ народѣ; разсмотрѣны Т. Д. Флоринскимъ также изданные академіей древнѣйшіе переводы басенъ Эзопа въ XV и XVI вв.: „Jana Albína Ezopovy fabule a Brantovy rozprávky. Dle sborniku Prostějovského z r. 1557 vydal úvodem a poznamkami opatřil: přilohami doplnil Antonin Truhlář, professor C. K. Academ. gymnasia. V Praze. 1901“, и путешествія въ XIII в. Марко Поло въ Среднюю Азію; переводъ путешествія также относится къ XV в.: „Marka Pavlova z Benátek Million. Dle jediného rukopisu spolu s příslušnym základem latinským vydal dr. Justin V. Prašek. V Praze 1902“. Далѣе разсмотрѣно изслѣдованіе В. Флайшганса о литературной дѣятельности Яна Гуса: „Literaturni činnost Mistra Jana Husa. Napsal dr. Václav Flajšhans. V Praze. 1900“. Флайшгансъ насчитываетъ теперь 111 сочиненій Гуса, тогда какъ прежде ихъ считали только то 42 то 52; разсмотрѣны собраніе писемъ Яна Амоса Коменскаго: „Korrespondence Jana Amosa Komenského. Listy Komenského a vrstevniků jeho. Vydavadr. Jan Kvačala. D. I. 1898. 8⁰ XLVIII+373.—D. II. 1901. 8⁰ XXX+352. V Praze“, и составленный Коменскимъ сборникъ пословицъ подъ заглавіемъ „Мудрость старыхъ Чеховъ“. „Jana Amosa Komenského „Maudrost starých Čechů za zrcadlo vystavená potomkům“ Z rukopisu Lešenského vydáva Jan V. Novák. V Praze. 1901. Въ заключеніе референтъ указалъ на появленіе въ свѣтъ второго тома полной научной библіогра-

фіи чешской исторіи: „Bibliografie české historie. Sestavil dr. Čenek Zíbrt, M. professor kulturní historie na České universitě, kustos bibliotheky Musea království českého. Díl druhý: I Prameny. II. Spracování (Politická historie: Celek. Jednotlivá období od věků nejstarších do r. 1419). V Praze. 1902". Составленіе библіографіи принадлежитъ проф. Ч. Зиберту, а издается она на средства той же Академіи, которая, по замѣчанію Т. Д. Флоринскаго, не жалѣетъ средствъ на подобные полезные и почтенные труды своихъ членовъ.

б) Д. чл. **В. Н. Перетцъ** въ своемъ рефератѣ „*Къ объясненію сказаній о провалившихся городахъ*", указалъ на то, что попытка объясненія такихъ сказаній была сдѣлана уже проф. Н. Сумцовымъ; по мнѣнію послѣдняго, явленія провала городовъ разсматриваются народомъ какъ наказаніе за грѣхи злыхъ людей и такимъ образомъ ставятся въ тѣсную связь съ библейскимъ сказаніемъ о гибели Содома и Гоморры; быть можетъ также, возникновеніе упомянутыхъ сказаній имѣетъ причиной желаніе объяснить находимые остатки свайныхъ построекъ; тотъ же ученый въ заключеніе высказалъ догадку, что въ основаніи этихъ сказаній могутъ лежать дѣйствительно имѣвшія мѣсто въ исторіи земли явленія природы, и привелъ два случая изъ недавняго прошлаго (1892 и 1893 г.); легендарная же окраска сказаній проистекала отъ введенія въ нихъ идеи наказанія за грѣхи. Кромѣ сказаній о провалахъ городовъ, приведенныхъ въ статьѣ г. Сумцова, референтъ сообщилъ и другія, найденныя имъ: 1) въ рукописи 1483 г. Кіево-Михайловскаго (Златоверхаго) монастыря; оно повторяется и въ рукописи XV в. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и 2) въ рукописи Импер. Публичной Библіотеки о наводненіи 11 октября 1523 г. Въ этихъ рукописныхъ сказаніяхъ провалы объясняются „злѣйшимъ пребеззаконіемъ;" къ рукописнымъ сказаніямъ референтъ присоединилъ и устное сказаніе, записанное имъ лично въ Новгородской губерніи: „Быль о трехъ сыновьяхъ, что́ мать продали"; по этому сказанію, дворы трехъ братьевъ, продавшихъ мать, провалились послѣ землетрясенія, напугавшаго все село. Съ этимъ разсказомъ

имѣетъ сходство и разсказъ, записанный въ Конго, объ обиженномъ старикѣ; жители, обидѣвшіе старика, провалились со своимъ городомъ, на мѣстѣ котораго явилось озеро Дилоло. Идея божескаго наказанія за грѣхи является доминирующей въ обоихъ разсказахъ; но говорить о какой-либо связи между русскимъ и африканскимъ разсказомъ едва-ли возможно; поэтому, собранный въ разныхъ концахъ свѣта этнографическій матеріалъ раждаетъ мысль, что преданіе о Содомѣ и Гоморрѣ есть одинъ изъ варіантовъ сказанія, свойственнаго народамъ, находящимся на низкой ступени развитія.

XVI. *Засѣданіе 27 октября.*

Въ настоящемъ годичномъ засѣданіи Общества, происходившемъ въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владиміра, былъ прочтенъ составленный секретаремъ **М. Н. Ясинскимъ** „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца въ 31-мъ году его существованія, т. е. съ 27 октября 1902 г. по 27 октября 1903 г.“ (за болѣзнью М. Н. Ясинскаго отчетъ прочтенъ его помощникомъ И. М. Каманинымъ и будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ за симъ выпускѣ „Чтеній“).

Затѣмъ, д. чл. **Н. М. Бубновымъ** была произнесена рѣчь: *„Происхожденіе современной ариѳметики (культурно-историческій очеркъ)“*.

Авторъ началъ съ того, что указалъ на неожиданный для многихъ интересъ вопроса. Современная ариѳметика есть изобрѣтеніе геніальное, между тѣмъ мы не знаемъ, создана ли она однимъ геніальнымъ творцомъ, или есть продуктъ постепеннаго массоваго творчества. Если она продуктъ массового творчества, то появилась-ли она впервые въ одномъ только мѣстѣ, у одного народа, и отсюда распространилась повсюду, или возможно независимое ея происхожденіе въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Арабское происхожденіе ея не только не доказано, но и прямо опровергается арабскими же писате-

лями IX—XI вѣка, которые согласно указываютъ на Индію, какъ на ея родину. Индусы уже въ XI столѣтіи признавали за собой заслугу изобрѣтенія ариѳметики. Но ни арабы, ни индусы не являются вполнѣ достовѣрными свидѣтелями въ данномъ случаѣ. Рядъ примѣровъ показываетъ, что и тѣ и другіе часто ошибались. За индусское выдавалось то, что было по-просту заимствовано у грековъ. Существованіе нашей ариѳметики у индусовъ не доказано ранѣе 400 г. послѣ Р. Х. Поиски знаковъ индусскихъ, отъ которыхъ можно было бы съ достовѣрностью произвести наши цыфры, остались покамѣстъ безрезультатны. Стремленіе найти генетическую связь между сущностью нашей ариѳметики и индусскимъ геніемъ, связать нуль съ нирваной, напрасны. Нуль есть топографическій знакъ, и вся наша ариѳметика покоится на значеніи цыфръ по положенію, т. е. на принципѣ пространственномъ, геометрическомъ. Какъ этой своей стороной, такъ и вообще своей ясностью и простотой, ариѳметика связана генетически не съ индусскимъ, любящимъ все преувеличенное, причудливое, неопредѣленное, геніемъ, а съ геніемъ эллиновъ. Свѣточъ научнаго математическаго знанія, впервые загорѣлся въ греческомъ мірѣ и отсюда освѣщаетъ весь земной шаръ. Индусы со времени Александра Великаго многое заимствовали у грековъ. Вліяніе на нихъ греческой математики—точно установленный фактъ. Ихъ всемірный патентъ на нашу ариѳметику можетъ въ сущности прикрывать лишь незначительное усовершенствованіе внѣшняго характера.

Но гдѣ же намъ искать неиндусской ариѳметики для сравненія ея съ индусской и опредѣленія ихъ взаимной генетической связи? Таковая, несмотря на всю видимую безнадежность поисковъ, нашлась, и честь ея открытія принадлежитъ извѣстному французскому математику Шалю (Chasles). Обломки этой ариѳметики и до Шаля находились у насъ, русскихъ, подъ бокомъ. Это—наши русскіе счеты, гдѣ жетоны имѣютъ значеніе по положенію, гдѣ проволока, пустая съ лѣвой стороны, замѣняетъ собой нуль, а значеніе жетоновъ увеличивается въ десятерной прогрессіи. Подобный же ин-

струментъ представляетъ собой китайскій суанъ-панъ, гдѣ однако каждая проволока раздѣлена на двѣ части: съ лѣвой жетонъ имѣетъ значеніе единицы, и такихъ жетоновъ четыре; съ правой находится всего одинъ жетонъ и означаетъ пять такихъ единицъ, какія стоятъ слѣва. Совершенное сходство съ китайскимъ представляетъ собой древнеримскій счетный инструментъ, абакъ, отъ котораго онъ, вѣроятно, и произошелъ. Древнему греческому міру была извѣстна въ V—II вв. до Р. Х. еще болѣе древняя форма счетнаго инструмента, т. е. доска стола (каковая доска и обозначалась греческимъ словомъ абакъ, ἄβαξ), на которой проводились колонны съ помѣтками наверху: 1, 10, 100, 1000, и т. д., или же просто дѣлались такія помѣтки. Въ колоннахъ или подъ помѣтками раскладывались жетоны [псефы, ψῆφοι], изъ которыхъ каждый имѣетъ значеніе единицы. Главное отличіе отъ римскаго абака состоитъ въ томъ, что жетоны еще не прикрѣплены, а свободны. Совершенно невѣроятно, чтобы у геніальныхъ греческихъ математиковъ не явилось мысли употреблять на такомъ абакѣ не чистые жетоны, а съ надписаніемъ на нихъ буквъ греческаго числоваго алфавита, равнозначащихъ нашимъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Достаточно было одну колонну, или мѣсто противъ помѣтки, не заполнить однимъ изъ этихъ девяти родовъ жетоновъ, чтобы эта колонна или мѣсто пріобрѣтала значеніе нуля. Наконецъ, стоило, кромѣ девяти родовъ жетоновъ, помѣченныхъ 1, 2, 3—9, пустить въ ходъ еще десятый родъ непомѣченный, чтобы колонны и помѣтки на доскѣ, т. е. на абакѣ, становились излишними. Непомѣченный жетонъ, псифосъ или псефосъ, вполнѣ и по значенію и по формѣ идентиченъ съ нулемъ. Простой переходъ отъ инструментальнаго [на абакѣ и при помощи жетоновъ] счисленія и вычисленія къ письменному [на писчемъ матерьялѣ] далъ бы ариѳметику, которая ничѣмъ [кромѣ не имѣющей значенія формы знаковъ] не отличалась бы отъ современенной, якобы индусской. При дороговизнѣ писчаго матерьяла и при невозможности имѣть его всегда передъ собой переходъ отъ инструментальнаго къ письменному счи-

сленію и вычисленію не былъ бы такимъ важнымъ усовершенствованіемъ, какъ это можетъ казаться теперь; хотя и въ настоящее время инструментальное вычисленіе при сложеніи и вычитаніи еще борется успѣшно съ письменнымъ (счеты). Мы не можемъ утверждать, чтобы этотъ переходъ отъ инструментальнаго къ письменному былъ сдѣланъ въ греческомъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, если даже онъ и былъ сдѣланъ, то не получилъ всеобщаго распространенія и не закрѣпилъ за нашей письменной ариѳметикой названія греческой. Инструментальное же счисленіе и вычисленіе достигло въ греческомъ мірѣ несомнѣнно своей послѣдней стадіи развитія, т. е. оно производилось на столовой доскѣ, абакѣ, съ колоннами или помѣтками, при помощи помѣченныхъ жетоновъ для девяти первыхъ чиселъ, или же, можетъ быть, и на любомъ столѣ при помощи девяти родовъ помѣченныхъ жетоновъ и десятаго рода непомѣченнаго жетона [псифоса]. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе жетоны не сохранились до нашего времени, особенно съ помѣтками: они были изъ непрочнаго легкаго матерьяла, и помѣтки могли скоро стираться; другая же сторона инструментальнаго счисленія, самый столъ, могъ ничѣмъ не отличаться отъ обыкновеннаго стола. Столы же—абаки, съ помѣткамн или колоннами, извѣстны намъ изъ греческой древности. Писателямъ сохранившихся до насъ греческихъ сочиненій не было повода касаться этого предмета элементарнаго школьнаго обученія. Но лучше всего существованіе у грековъ и римлянъ такой высшей формы инструментальнаго счисленія и вычисленія доказывается фактомъ переживанія его въ Римской имперіи и въ средніе вѣка въ Западной Европѣ. Рядъ писателей, начиная съ Герберта [папы Сильвестра II], написавшаго въ 982 г. свое сочиненіе о способахъ обращаться съ числами на абакѣ, и Геригера, одновременно съ Гербертомъ писавшаго о томъ же, и до XII в., когда появляется и медленно до XVI в. распространяется по Европѣ изъ арабскихь рукъ наша письменная ариѳметика, знакомятъ насъ съ тѣмъ, что это былъ за абакъ. Шаль впервые познакомился съ этими забытыми абацистами X—XII вв. и, поль-

вуясь нѣкоторыми изъ нихъ, объяснилъ непонятный до тѣхъ поръ трактатъ Герберта. Онъ же показалъ, что система этого абака отличалась отъ нашей ариѳметики только тѣмъ, что вычисленія производятся на разграфленной колоннами доскѣ, гдѣ нуль или замѣняется пустой колонной или фигурируетъ на колоннахъ въ видѣ непомѣченнаго цыфрами жетона, кружка, называвшагося „сипосъ“ (очевидно, испорченное „псифосъ“). Всякое число легко выражалось жетонами съ помѣченными на нихъ первыми девятью буквами латинскаго или греческаго числоваго алфавита, чистый жетонъ былъ роскошью. Операціи были разнообразнѣе нашихъ, но и наши методы умноженія и дѣленія были извѣстны абацистамъ. Шаль совсѣмъ отвергъ передачу въ Европу ариѳметики черезъ арабовъ изъ Индіи и доказывалъ, что въ Европѣ ариѳметика развилась въ XII столѣтій незамѣтно изъ абака, т. е. инструментальныя операціи замѣнены письменными, которыя однако вполнѣ вытекаютъ изъ инструментальныхъ, являются подражаніемъ ихъ на бумагѣ, замѣнившей инструментъ. Абакъ X—XII вв. Шаль выводилъ изъ Греціи. При этомъ Шаль, какъ и всѣ, рѣшавшіе до него вопросъ о происхожденіи нашихъ цыфръ, а послѣ него вопросъ о цыфрахъ и родинѣ абака X—XII вв., опирался главнымъ образомъ на пресловутую геометрію Боэція († 524), одного изъ послѣднихъ представителей грекоримской образованности. Въ этой геометріи авторъ приводитъ прототипы нашихъ, т. называемыхъ арабскихъ цыфръ, описываетъ абакъ, во всемъ сходный съ абакомъ X—XII вв., и операціи на немъ, а изобрѣтеніе абака и знакомство съ цыфрами приписываетъ Пиѳагору (VI в. до Р. X.). Самъ онъ лично заимствовалъ будто бы свѣдѣнія о немъ у пиѳагорейца Архита, писавшаго по-латыни. Близкое изученіе вопроса позволило докладчику модифицировать систему Шаля слѣдующимъ образомъ. Наша ариѳметика развилась изъ греческаго абака, вполнѣ сходнаго съ абакомъ X—XII вв., не въ Европѣ, а, можетъ быть, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ еще въ греческой древности, во всякомъ случаѣ въ Индіи до 400 г. по Р. X., куда этотъ абакъ проникъ вмѣстѣ съ греческой математикой. Но

мысль Шаля вѣрна въ томъ смыслѣ, что, если бы переработавшійся въ Индіи въ нашу ариѳметику греческій абакъ опоздалъ явиться въ Европу столѣтія на два, на три, то онъ переработался бы въ совершенно съ нашей схожую ариѳметику (кромѣ внѣшней формы знаковъ) вторично въ Европѣ и безъ всякаго содѣйствія индусовъ. Греческое же происхожденіе абака X—XII вв., докладчикъ устанавливаетъ вполнѣ точно, не опираясь на геометрію Боэція. Докладчикъ имѣлъ счастіе разрѣшить окончательно трехвѣковой (XVII—XIX) вопросъ о подлинности геометріи Боэція и показалъ, что она есть злостный и сознательный подлогъ XI. в. Архитъ, на котораго ссылается Боэцій, есть на самомъ дѣлѣ Гербертъ и при томъ одинъ разъ Гербертъ настоящій (Псевдобоэцій пользовался испорченнымъ текстомъ трактата Герберта объ абакѣ, какой былъ въ ходу въ XI в.), а другой разъ Гербертъ не настоящій (подъ именемъ Герберта въ XI в. ходило сочиненіе о геометріи, принадлежащее Эпафродиту и Витрувію Руфу).

Итакъ, древнѣйшее мѣсто, на которомъ въ своей первичной инструментальной оболочкѣ встрѣчается наша ариѳметика, есть греческій міръ. Гипотеза самостоятельнаго ея зарожденія въ двухъ разныхъ мѣстахъ уже a priori мало вѣроятна, но греческій абакъ имѣетъ три чисто случайныхъ сходства съ индусской ариѳметикой (знаки увеличиваются въ значеніи справа на лѣво, числа дѣлятся на трехзначныя группы, нуль имѣетъ форму греческаго круглаго псефоса), которыя такую гипотезу совершенно исключаютъ.

Значитъ, наша ариѳметика во всѣхъ ея элементахъ есть изобрѣтеніе греческое. Въ Индіи она впервые сбросила съ себя окончательно инструментальную оболочку и отсюда, обновленная, проникла черезъ арабовъ къ XII в. въ христіанскую Европу. Но въ Европѣ въ то время былъ еще живъ греческій абакъ и, слѣдовательно, были всѣ элементы нашей ариѳметики; ея инструментальная оболочка уже ветшала и изъ нея вышла бы съ неизбѣжностью, безо всякаго содѣйствія индусовъ и арабовъ, таже ариѳметика, какой мы теперь пользуемся подъ невѣрнымъ названіемъ индусской.

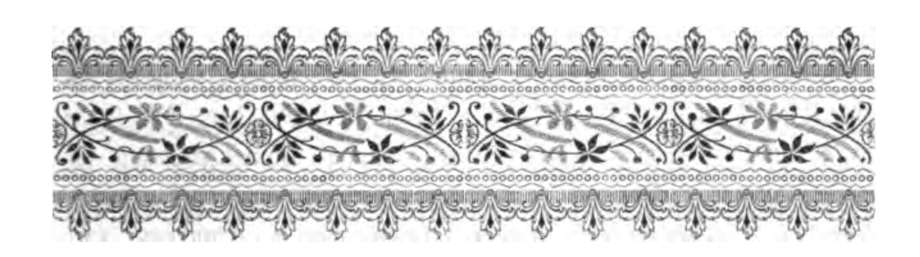
ПАМЯТИ

Почетнаго Члена Историческаго

Общества Нестора-лѣтописца

Ф. Я. Фортинскаго.

(† 12 декабря 1902 года)



Вводное слово

предсѣдателя Общества Н. П. Дашкевича, сказанное въ засѣданіи 19-го января 1903 года, посвященномъ чествованію памяти Ѳ. Я. Фортинскаго.

Мм. Гг.

Возобновляя наши публичныя засѣданія послѣ праздничнаго перерыва и окидывая взоромъ нашъ сонмъ, мы, къ нашему горю, уже не находимъ здѣсь того нашего сочлена, котораго много лѣтъ привыкли видѣть въ своей средѣ. Его уже нѣтъ среди насъ: онъ отошелъ въ міръ тѣней, въ бездну всепоглощающей вѣчности, въ которую скрываются всѣ дорогіе нашему сердцу, все сущее здѣсь, на землѣ. Но мракъ вѣчности не закрылъ и не закроетъ для насъ его нравственнаго образа, отпечатлѣвшагося въ нашей душѣ. Мы не можемъ забыть и не забудемъ этой утраты, которая, безъ сомнѣнія, отозвалась въ душѣ многихъ изъ насъ великою скорбью, потому что оставившій насъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ нашихъ сочленовъ. Онъ принималъ живое участіе въ судьбахъ нашего Общества начиная съ первыхъ моментовъ его дѣятельности и неизмѣнно и неуклонно сопутствовалъ ему до послѣднихъ дней. Это былъ по истинѣ и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ дѣйствительный и почетный членъ нашего Общества, слово котораго могло быть

и было въ высокой степени цѣнно въ собраніяхъ нашего Совѣта, въ который онъ вступилъ давно, съ 1882 г. Это былъ по истинѣ ревнитель о преуспѣяніи нашего Общества, для котораго онъ трудился не-только какъ авторъ сообщеній и членъ Совѣта, но и какъ образцово аккуратный исполнитель хлопотливыхъ должностныхъ функцій.

Θеодоръ Яковлевичъ, слѣдовательно, имѣетъ всѣ права на постоянное памятованіе о немъ въ нашемъ Обществѣ, какъ одинъ изъ доблестныхъ сподвижниковъ въ сферѣ дѣятельности послѣдняго, много потрудившихся для его преуспѣянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заслуживаетъ такого памятованія какъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей университетской исторической каѳедры.

Наука, которой онъ посвятилъ свои силы, одна изъ наиболѣе затрогивающихъ душевный міръ слушателей, но—подъ условіемъ соотвѣтственнаго изложенія.

Есть нѣсколько испытанныхъ лучшихъ способовъ историческаго возсозданія прошлаго, сообразныхъ съ талантами историковъ, начиная съ блестящихъ, полныхъ идейности, художественныхъ характеристикъ историческихъ эпохъ и дѣятелей, характеристикъ, какими плѣняли нѣкогда въ Москвѣ Т. Н. Грановскій, а въ этихъ стѣнахъ В. Я. Шульгинъ, и оканчивая простымъ, но весьма тщательнымъ и содержательнымъ изложеніемъ результатовъ научной разработки прошлаго, такъ же имѣющимъ свои неотъемлемыя преимущества.

Живая, энергичная и плавная лекціонная рѣчь Θеодора Яковлевича занимала средину между этими двумя крайними разновидностями; она соотвѣтствовала идеалу университетскаго преподаванія примѣнительно къ воззрѣнію на задачи исторической науки, установившемуся въ послѣднія десятилѣтія XIX в. и вполнѣ, во всякомъ случаѣ, согласовалась съ достоинствомъ этой науки. Времена ораторовъ, воздѣйствовавшихъ преимущественно на воображеніе и чувство, т. е. эстетически, и блиставшихъ

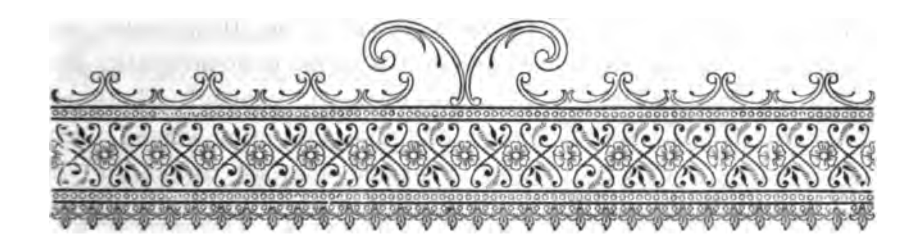
въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка, не миновали невозвратно, потому что потребность въ художественномъ возсозданіи всегда присуща и находитъ откликъ въ человѣческой душѣ. Но, при всей аналогичности научнаго творчества съ творчествомъ художественнымъ, задачи того и другого не вполнѣ совпадаютъ, и многіе люди времени, имѣющаго невдалекѣ позади себя положительную философію и натурализмъ въ художественномъ творчествѣ, ищутъ прежде всего не яркихъ и красивыхъ картинъ, а живаго изложенія въ строго научномъ духѣ и безъ той или иной эффектной окраски. Преимущественно въ такомъ не поддѣланномъ видѣ наука о прошломъ можетъ быть менѣе обманчивой и болѣе надежной учительницей жизни, magistra vitae, какъ мѣтко опредѣлилъ ея нравственное назначеніе много вѣковъ назадъ Цицеронъ. Конечно, очень чтили и чтутъ благородную идейность историческаго изложенія; конечно, мощная субъективность можетъ создать произведенія, сохраняющія вѣчную цѣну, но—какъ выраженіе могучей личности, а не въ силу объективной цѣнности, и въ послѣднемъ отношеніи еще выше могутъ поставить возможное сознательное воздержаніе со стороны историка отъ внесенія въ это изложеніе личныхъ предрасположеній и теорій, въ которыхъ всегда будетъ неизбѣжна доля той или другой односторонности. Такое возсозданіе, конечно, менѣе всего обезпечиваетъ шумный и блестящій успѣхъ, но, что ни говорить, цѣннѣе всего историческая правда, озаренная никогда не гаснущимъ въ лучшей человѣческой душѣ на ряду со стремленіемъ къ идеалу свѣтомъ высшаго гуманнаго безпристрастія, присущаго наиболѣе великимъ художникамъ, для которыхъ высшая человѣчность есть и высшая правда. Какъ бы ни склонялись наши личныя симпатіи въ сторону тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей и явленій, возможное историческое безпристрастіе должно возвышаться надъ этими симпатіями по слову древней мудрости: Amicus Plato, sed magis amica veritas.

Этой veritas, истинѣ, въ ея возможно объективной исторической оболочкѣ, служилъ въ теченіе всей своей научной дѣятельности нашъ почившій сочленъ.

Онъ, воспитавъ въ себѣ подъ вліяніемъ лучшихъ учителей исторической науки Запада научное самообузданіе и стремленіе къ полной доказательности, училъ слушателей охранять историческую истину отъ полетовъ фантазіи и произвольныхъ и ненужныхъ прикрасъ; училъ, какъ приближаться къ открытію и уясненію ея вѣрнымъ путемъ и усовершенствованнымъ методомъ изслѣдованія. И при такомъ изложеніи, наблюдая борьбу противоположныхъ теченій, которыми постоянно наполнена жизнь, онъ могъ внушать вдумчивымъ слушателямъ высшее безпристрастіе и гуманность, какими въ особенности можетъ проникнуться внимательный и сердечный созерцатель безпрерывной смѣны человѣческихъ стремленій и явленій, высокихъ подъемовъ и низкихъ паденій мятущейся человѣческой души, рѣдко достигающей истинной ясности созерцанія.

Наше сообщество людей, чтущихъ историческую истину и служеніе ей, водвореніе уваженія къ ней и насажденіе ея, не могло безмолвствовать въ моментъ вѣчной разлуки съ высокочтимымъ сочленомъ и, возложеніемъ вѣнка на его могилу, оно принесло вмѣстѣ съ другими дань истинной и неутѣшной скорби.

Нынѣ оно собралось почтить память почившаго болѣе подробными, чѣмъ тогдашнія, въ надгробныхъ рѣчахъ, воспоминаніями о его нравственномъ обликѣ, его научныхъ стремленіяхъ и трудахъ на пользу исторической науки и историческаго просвѣщенія.



Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій.

(НЕКРОЛОГЪ).*)

Въ концѣ минувшаго года русская наука и высшая школа понесли тяжелую утрату. 12-го декабря, въ 9 часовъ утра, скончался бывшій ректоръ и заслуженный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій. Смерть эта явилась полною неожиданностью даже для ближайшихъ друзей и сослуживцевъ покойнаго. Еще 2-го декабря Θеод. Як. читалъ лекцію въ университетѣ, и видѣвшіе его въ этотъ день товарищи и не подозрѣвали, что въ его организмѣ уже таится тотъ страшный недугъ, который черезъ десять дней сведетъ его въ могилу. Острый воспалительный процессъ въ печени, почва для котораго несомнѣнно подготовлялась постепенно тяжелыми испытаніями и потрясеніями, выпавшими на долю Θеод. Як. въ послѣдніе годы его ректорства, развился съ необычайной быстротой. Произведенная 10-го декабря, послѣ предварительнаго консиліума врачей, трудная операція не могла предотвратить печальнаго исхода. Такъ отошелъ въ лучшій міръ одинъ изъ даровитыхъ и благороднѣйшихъ университетскихъ дѣятелей, отошелъ на 56-мъ году жизни, еще въ пору полнаго расцвѣта своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Преждевременная и неожиданная кончина Θеод. Як. вызвала скорбные отклики не только въ Кіевѣ, гдѣ протекла почти вся служебная дѣятельность покойнаго, но и во мно-

*) Напечатанъ также въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщ." за текущій годъ, № 3.

гихъ другихъ концахъ Русской земли и за предѣлами ея, гдѣ разсѣяны многочисленные его ученики и почитатели. Въ виду свѣжей могилы на профессорскомъ участкѣ Байкова кладбища пролилась не одна горячая слеза при мысли, что не стало еще одной свѣтлой, идеально-честной личности. И эта скорбь понятна. Въ переживаемое нами тяжелое время путаницы въ общественныхъ и нравственныхъ идеалахъ, нерѣдкаго смѣшенія дурного съ хорошимъ, рабскаго преклоненія предъ всякими модными, хотя бы явно несостоятельными теченіями, крайней нетерпимости къ чужому мнѣнію, Θеод. Як. представлялъ собой выдающееся явленіе, какъ носитель сильнаго и яснаго ума, твердаго характера, высшей гуманности, справедливости и отчетливаго сознанія своего нравственнаго и общественнаго долга. Всѣ эти качества покойнаго, снискавшія ему всеобщее уваженіе, ярко выступаютъ во всѣхъ сторонахъ его разнообразной и плодотворной дѣятельности какъ ученаго, профессора и ректора, въ теченіе всего тридцатилѣтняго его служенія наукѣ и университету св. Владиміра.

Полная и всесторонняя біографія Θеод. Як.—дѣло будущаго. Въ бумагахъ покойнаго должны найтись для нея весьма важные матеріалы. Несомнѣнно, она составитъ цѣнную страницу въ исторіи университета св. Владиміра и русскаго просвѣщенія вообще за послѣднія тридцать лѣтъ Цѣль настоящихъ строкъ—сообщить лишь важнѣйшіе факты жизни и дѣятельности почившаго университетскаго дѣятеля и хотя бы общими чертами обрисовать его свѣтлую личность.

I.—Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій, сынъ сельскаго священника, родился 15-го февраля 1846 г. въ селѣ Шостьѣ, Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Ребенкомъ девяти лѣтъ онъ лишился отца и попалъ подъ надзоръ и попеченіе старшихъ своихъ братьевъ [1]) и нѣкоторыхъ другихъ родственниковъ. Но положеніе мальчика-сироты въ матеріальномъ и воспитательномъ отношеніи было очень трудное:

---

[1]) Второй изъ нихъ, протоіерей Ник. Як. Фортинскій, въ настоящее время занимаетъ должность законоучителя въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ.

братья еще сами учились въ школахъ, а другіе родственники были далеко. Способный мальчикъ въ сущности былъ предоставленъ самому себѣ и рано выработалъ въ себѣ любовь къ книгѣ и труду, пріобрѣлъ извѣстную вдумчивость и сосредоточенность. Усвоивъ первоначальную грамоту въ школѣ родного села, онъ продолжалъ свое начальное и среднее образованіе сперва въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ мѣстной семинаріи. Постановка ученія и воспитанія въ духовныхъ школахъ того времени оставляла желать очень многаго. Не удовлетворяло живой, любознательный умъ Ѳеод. Як. и ученіе въ Рязанской бурсѣ. Въ одномъ изъ дневниковъ его, относящемся къ послѣднимъ годамъ пребыванія въ семинаріи, находится любопытная характеристика общей системы обученія въ бурсѣ и тѣхъ страданій, какія переживала его молодая душа, рвавшаяся къ свѣту, знанію и искреннему чувству. „Я хорошо учусь, а для чего?“ спрашиваетъ себя въ дневникѣ юный Фортинскій. „Вѣдь не для того, чтобы я видѣлъ въ пріобрѣтеніи познаній какое-нибудь удовольствіе, а просто чтобы хвалили меня (кому не мила похвала?) и чтобы предоставили мнѣ жить спокойно... Я много читаю опять всетаки для того, чтобы блеснуть своими познаніями. Однимъ словомъ, всѣ мои труды, всѣ мои quasi-добродѣтели—лицемѣріе. Да и можно ли мнѣ было иначе сложиться? Мнѣ никогда не показывали, какъ нужно учить науку для науки, а просто: смотри, учи урокъ, а то высѣкутъ. И я механически долбилъ. Да, впрочимъ, можетъ ли бурсацкая наука возбудить къ себѣ любовь? Могутъ ли всякому здравомыслящему нравиться эти опредѣленія науки, ея частей, подчастей до безконечности? Молодой умъ не привыкъ еще къ сухой логикѣ, сердце и чувство требуютъ для себя пищи, а откуда ее взять? Учебники сухи, учителя еще суше, знаютъ только, что задаютъ отселѣ и доселѣ, а чтобы объяснить что-нибудь, объяснить примѣнительно къ юношескому возрасту—этого не спрашивай. И вотъ спѣшишь выучить урокъ, чтобы съ жадностью приняться за чтеніе какого-нибудь романа. Пусть это будетъ „Битва русскихъ съ кабардинцами“, или повѣсти Зо-

това, или Польдекоковщина—ничего, все читалось съ удовольствіемъ. Послѣ скучныхъ опредѣленій и подраздѣленій бурсацкихъ наукъ и „Битва русскихъ съ кабардинцами" увлечетъ насъ болѣе, нежели какая-нибудь драма Шекспира—образованнаго человѣка. И вотъ отъ понуканія наставниковъ, отъ чтенія глупыхъ книгъ и выйдешь дуракъ дуракомъ. Нѣтъ у тебя ни познаній, ни царя въ головѣ, а тоже суешься жить, да еще учить другихъ. Нѣтъ, это—верхъ безсмыслія!" Но если наставники Рязанской семинаріи въ данную эпоху придерживались схоластической науки, очень мало удовлетворяли любознательности воспитанниковъ и весьма слабо вліяли на ихъ умственное развитіе, то нашелся въ Рязани, такъ сказать, сверхштатный преподаватель, который не въ одномъ семинаристѣ заронилъ искру научной пытливости и любовь къ знанію. Это былъ старый профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, извѣстный натуралистъ и публицистъ Дм. Ив. Ростиславовъ, проживавшій въ отставкѣ въ своемъ родномъ городѣ Рязани. Время отъ времени онъ читалъ въ залахъ семинаріи публичные курсы по физикѣ и космографіи и увлекалъ семинаристовъ какъ интереснымъ научнымъ содержаніемъ своихъ чтеній, такъ и блестящей ихъ формой. Подъ вліяніемъ этихъ лекцій и у юнаго Фортинскаго постепенно росло и крѣпло стремленіе къ поискамъ за научнымъ знаніемъ. По примѣру другихъ своихъ товарищей, онъ пришелъ къ заключенію, что легче всего можно удовлетворить это стремленіе въ университетѣ. Въ тѣ времена семинаристамъ былъ открытъ доступъ въ университеты, но въ зависимости отъ согласія университетскаго начальства и по сдачѣ особаго повѣрочнаго экзамена. Θеод. Як., перейдя въ VI-й классъ и не дожидаясь окончанія семинарскаго курса, отправился лѣтомъ 1865 г. въ Петербургъ и подалъ прошеніе ректору о принятіи его въ университетъ. Ректоръ согласился допустить его къ экзамену, но подъ условіемъ поступленія на историко-филологическій факультетъ. Θеод. Як. боялся именно этого факультета, такъ какъ чувствовалъ себя особенно слабымъ въ знаніи древнихъ языковъ; но, сгорая жела-

ніемъ во что бы ни стало попасть въ университетъ, принялъ поставленное ему условіе. Усердно принялся онъ за изученіе греческой и латинской грамматики и тригонометріи, въ августѣ 1865 г. успѣшно выдержалъ экзаменъ и вслѣдъ затѣмъ былъ принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета.

Во время прохожденія университетскаго курса научные интересы Ѳеод. Як. сосредоточились на исторіи. Одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ отдѣловъ ея—исторія среднихъ вѣковъ сдѣлалась для него на всю жизнь предметомъ спеціальнаго изученія. Кто же изъ профессоровъ былъ главнымъ руководителемъ Фортинскаго въ его занятіяхъ исторіей и въ ознакомленіи его съ научными методами изученія предмета? Историческое отдѣленіе факультета во второй половинѣ 60-хъ годовъ получило нѣсколько молодыхъ даровитыхъ преподавателей, вскорѣ затѣмъ пріобрѣтшихъ себѣ почетную извѣстность. Въ годъ поступленія Ѳеод. Як. въ университетъ каѳедру русской исторіи занялъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, и въ томъ же году В. И. Ламанскій началъ свои знаменитыя чтенія по исторіи славянъ. Оба профессора своими лекціями несомнѣнно имѣли большое вліяніе на общее историческое образованіе Фортинскаго, на расширеніе его историческаго кругозора. Но имъ не пришлось принять участіе въ руководствѣ его спеціальными занятіями. Роль руководителя въ этомъ случаѣ должна была принадлежать профессору по каѳедрѣ всеобщей исторіи, по предмету которой спеціально занимался нашъ будущій ученый. Каѳедру эту занималъ тогда еще молодой профессоръ В. В. Бауеръ. Во время пребыванія Фортинскаго въ университетѣ онъ читалъ древнюю исторію и лишь въ 1869 г. перешелъ на новую. Однако, изъ сохранившихся дневниковъ и воспоминаній Ѳеод. Як. видно, что въ своемъ научномъ историческомъ образованіи онъ очень мало обязанъ руководству профессора всеобщей исторіи. Практическія занятія у проф. Бауера, состоявшія въ чтеніи и разборѣ древнихъ памятниковъ въ родѣ Политики Аристотеля, давали очень мало студентамъ и разсматривались ими

какъ „лишнее и притомъ безполезное обремененіе“. Самостоятельными работами студентовъ профессоръ тоже интересовался мало. Такъ, онъ отказался прочесть и разобрать одно сочиненіе Θеод. Як. потому только, что отъ этого, по его словамъ, „не было бы никакой пользы“. Объ этомъ фактѣ съ огорченіемъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ юный авторъ. И позже, когда Фортинскій былъ оставленъ при университетѣ, проф. Бауеръ принималъ очень мало участія въ руководствѣ его занятіями. Вотъ что пишетъ объ этомъ Θеод. Як. въ своихъ воспоминаніяхъ. „Если тогда что мнѣ нравилось въ проф. Бауерѣ, такъ это его безпритязательность на руководство мною въ занятіяхъ. Онъ зналъ, что я не бездѣльничаю, и больше отъ меня ничего не требовалъ. Я самъ все находилъ, что мнѣ было нужно, и это пріучило меня обходиться безъ содѣйствія со стороны; мнѣ даже непріятно было, если меня разспрашивали о работѣ прежде, чѣмъ я пришелъ къ удовлетворительному результату. Теперь я хорошо понимаю, что ту же самую работу при лучшемъ методѣ можно успѣть сдѣлать скорѣе, но зато едва ли бы я могъ относиться такъ критически къ чужому и своему методу, какъ я дѣлаю это теперь“. Итакъ, въ области своихъ спеціальныхъ занятій исторіей Θеод. Як. былъ предоставленъ самому себѣ; онъ работалъ почти безъ указаній и руководства. Ему даже не пришлось прослушать курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, такъ какъ этотъ курсъ въ годы его студенчества совсѣмъ не читался въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Но въ области общаго развитія научной пытливости и ознакомленія съ пріемами научной работы онъ несомнѣнно наиболѣе обязанъ двумъ профессорамъ—классику К. І. Люгебилю и знаменитому слависту И. И. Срезневскому. Прямыя указанія на это находимъ въ дневникахъ Θеод. Як. Особенно тепло и съ большимъ уваженіемъ онъ говоритъ о Срезневскомъ, который своею обширною и разностороннею эрудиціей, критическимъ отношеніемъ къ фактамъ науки и жизни и участливымъ отношеніемъ къ даровитой и занимающейся молодежи привлекалъ къ себѣ симпатіи студентовъ, желавшихъ работать. Быть мо-

жеть, и выборъ темъ для первыхъ научныхъ работъ Ѳеод. Як. объясняется его болѣе близкими отношеніями къ профессорамъ греческой словесности и славяновѣдѣнія. Кандидатское сочиненіе онъ писалъ на заданную факультетомъ (вѣроятно, по предложенію проф. Дестуниса) тему по греческой словесности: „О значеніи слова ΔΗΜΟΣ у византійскаго историка VI вѣка Прокопія“. Однако, требуемое темой филологическое разсужденіе въ этомъ сочиненіи очень не велико; большая часть работы содержитъ обширные историческіе очерки внутренняго состоянія римской и византійской имперіи; въ авторѣ ясно сказалось стремленіе къ занятіямъ не филологіей, а исторіей. Сочиненіе было награждено серебряною медалью 8-го февр. 1869 г., въ торжественный день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея университета. Равнымъ образомъ и тема магистерской диссертаціи „Титмаръ Мерзебургскій и его хроника“, вѣроятно, была подсказана курсомъ „Славянскихъ древностей“ Срезневскаго или даже прямо указана этимъ профессоромъ. Нѣкоторую помощь совѣтами и книгами при изготовленіи этой работы оказали Ѳеодору Яковлевичу профессора В. И. Ламанскій и В. Г. Васильевскій, занявшій каѳедру средней исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1870 г.

По окончаніи курса въ 1869 г. Ѳеод. Як. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Такъ какъ стипендіи ему не было назначено, то для пріобрѣтенія средствъ къ жизни ему пришлось заниматься уроками и, между прочимъ, взять мѣсто преподавателя исторіи русскаго языка въ Петербургскомъ пѣхотномъ юнкерскомъ училищѣ. Эти постороннія занятіи однако не мѣшали ему усиленно работать въ области избранной спеціальности. Въ теченіе трехъ лѣтъ Ѳеод. Як. не только выдержалъ испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи, но успѣлъ написать и напечатать упомянутую выше диссертацію о Титмарѣ Мерзебургскомъ. Въ эту пору весьма существенную поддержку оказалъ ему его дядя Дм. Аѳ. Фортинскій (бывшій преподаватель одного изъ Петербург-

скихъ духовныхъ училищъ), который далъ ему средства совершить кратковременную поѣздку за-границу, въ Дрезденъ, для непосредственнаго ознакомленія съ рукописью—оригиналомъ Хроники Титмара. 20-го мая 1872 г. Θеод. Як. блестяще защитилъ свою диссертацію въ родномъ университетѣ. Его работа представляетъ превосходное въ методическомъ отношеніи изслѣдованіе о весьма важной средневѣковой хроникѣ нач. XI в., содержащей, между прочимъ, драгоцѣнныя свидѣтельства о славянахъ. Пишущему эти строки, въ бытность его студентомъ С.-Петербургскаго университета въ 1872—76 гг., не разъ приходилось слышать съ профессорской каѳедры указаніе на сочиненіе Θеод. Як., какъ на образцовый трудъ въ области изученія средневѣковыхъ источниковъ. Такимъ онъ остается и понынѣ.

Немедленно по защитѣ диссертаціи Θеод. Як. былъ избранъ совѣтомъ университета св. Владиміра въ доценты по каѳедрѣ всеобщей исторіи и съ осени 1872 года приступилъ къ чтенію лекцій по средней исторіи. Вступительная лекція молодого доцента на тему: „Причины распаденія монархіи Карла Великаго“ (напечатана въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1872 г.), представлявшая гармоническое соединеніе научности содержанія и самостоятельности мысли съ живостью и ясностью изложенія, сразу показала, какую крупную научную силу и какое большое дарованіе пріобрѣталъ университетъ св. Владиміра въ лицѣ Θеод. Як. Такими же свойствами отличалась напечатанная въ слѣдующемъ году публичная лекція Θеод. Як. „О развитіи папской власти въ средніе вѣка“ (Университетскія Извѣстія 1873 г.). Но самъ молодой лекторъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, сознавалъ разные пробѣлы въ своемъ научномъ образованіи и мечталъ о томъ, чтобы получить возможность подъ руководствомъ корифеевъ исторической науки углубиться въ изученіе предмета своей спеціальности и наилучше ознакомиться съ современными методами его преподаванія. Желаніе это осуществилось. Въ январѣ 1874 года Θеод. Як. былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу съ ученою цѣлью,

срокомъ на два года. Командировкой этой онъ воспользовался съ большимъ успѣхомъ. Значительную часть командировочнаго времени онъ употребилъ на занятія въ историческихъ семинаріяхъ Гёттингенскаго университета подъ руководствомъ профессоровъ Г. Вайца, Р. Паули и Френсдорфа и въ Парижѣ въ École des chartes и въ École des hautes études. Методъ занятій во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ обстоятельно охарактеризованъ имъ въ „Отчетахъ о командировкѣ", напечатанныхъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1875 г. (октябрь) и 1876 г. (январь). Особенно благотворно въ научномъ отношеніи было для него непосредственное знакомство съ Г. Вайцомъ, знаменитѣйшимъ нѣмецкимъ историкомъ и лучшимъ руководителемъ въ занятіяхъ источниками средневѣковой нѣмецкой исторіи. Работая въ его семинаріи, Ѳеод. Як. пріобрѣлъ много новыхъ полезныхъ свѣдѣній по методологіи исторической науки. которыми и воспользовался уже въ слѣдующемъ своемъ большомъ сочиненіи и которыя пригодились ему при выработкѣ системы практическихъ занятій съ его собственными слушателями. О Вайцѣ Ѳеод. Як. всегда отзывался съ глубокимъ почтеніемъ и позже посвятилъ оцѣнкѣ его научной дѣятельности двѣ статьи (Университетскія Извѣстія 1879 и 1886 гг.). Работая въ историческихъ семинаріяхъ, Ѳеод. Як. въ то же время внимательно слѣдилъ за новѣйшей литературой по исторіи среднихъ вѣковъ и посылалъ въ Университетскія Извѣстія обстоятельныя критико-библіографическія статьи о важнѣйшихъ ея явленіяхъ. Такъ, въ теченіе 1874 и 1875 гг. имъ были напечатаны разборы слѣдующихъ изданій: 1) Bremisches Urkundenbuch; 2) Simson, Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig d. Frommen; 3) Histoire de la geographie et des découvertes geographiques par Vivien de St. Martin; 4) Histoire des institutions politiques de l'ancienne France par Fustel de Coulanges. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь благопріятными условіями пребыванія за границей, Ѳеод. Як. усердно писалъ и обработывалъ свою докторскую диссертацію на тему: „Приморскіе Вендскіе города и ихъ вліяніе на образо-

ваніе Ганзейскаго союза до 1370 года". Ко времени возвращенія въ Россію трудъ былъ почти готовъ. Въ теченіе 1876 года онъ былъ напечатанъ, а въ началѣ 1877 года былъ принятъ историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета въ качествѣ диссертаціи и доставилъ автору степень доктора всеобщей исторіи. Это новое обширное изслѣдованіе Ѳеод. Як. было признано спеціалистами выдающимся трудомъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Замѣчательно стройное въ методологическомъ отношеніи, основанное на свѣжемъ только что изданномъ архивномъ матеріалѣ, оно отличается новизной и интересомъ содержанія: въ книгѣ обстоятельно изложена исторія возникновенія и развитія внутренняго устройства пяти городовъ: Любека, Ростока, Висмара, Стральзунда и Грейфсвальда, расположенныхъ на старомъ славянскомъ или вендскомъ побережьи, охарактеризована торговля этихъ городовъ и указанъ новый путь къ рѣшенію труднаго вопроса объ образованіи Ганзейскаго союза. Важное значеніе этой работы Ѳеод. Як., какъ и магистерской его диссертаціи, заключается также въ удачномъ выборѣ сюжета, представляющаго интересъ не только для изслѣдователей средневѣковой нѣмецкой исторіи, но и для славянскихъ историковъ. Въ ней разсматриваются и разъясняются явленія политической и культурной жизни, развивавшіяся на славянской территоріи; а вводная глава содержитъ мастерской, хотя и сжатый очеркъ распространенія нѣмецкой колонизаціи на издревле-славянскомъ поморьѣ. Въ этомъ отношеніи Ѳеод. Як. стоялъ на совершено вѣрномъ пути. Русскіе изслѣдователи западно-европейской исторіи, конечно, должны заниматься преимущественно тѣми ея явленіями, которыя стоятъ въ извѣстной связи съ судьбами славянскаго міра. Докторская степень обезпечила Фортинскому каѳедру всеобщей исторіи въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1877 году онъ былъ избранъ Совѣтомъ въ экстраординарные, а въ 1878 году—въ ординарные профессоры.

II. Такъ началось служеніе Ѳеод. Як. университету св. Владиміра. Въ этомъ служеніи и протекла вся вторая половина его жизни, цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Радушно принятый университетомъ, какъ выдающійся ученый и талантливый

профессоръ, онъ и самъ полюбилъ университетъ всей душой, сроднился съ нимъ, отдавалъ на служеніе ему почти всѣ силы, все свое время. Первоначально ближе всего ему былъ, конечно, свой историко-филологическій факультетъ, въ дѣятельности котораго онъ всегда принималъ самое живое участіе. Десять лѣтъ (1877—1887 гг.) онъ былъ секретаремъ факультета и три года—деканомъ. Но уже очень рано, въ качествѣ члена совѣта, а потомъ и члена правленія, онъ сталъ интересоваться и всѣми другими сторонами университетской жизни, помимо дѣлъ своего факультета. Наконецъ, когда въ 1890 году состоялось назначеніе его ректоромъ, университетъ въ цѣломъ, со всѣми его сложными функціями, сталъ для него предметомъ усерднаго попеченія и всяческихъ заботъ.

Но, какъ ни мѣнялось іерархическое положеніе Ѳеод. Як. въ университетской средѣ, онъ всегда былъ прежде всего профессоромъ. Главное свое призваніе онъ видѣлъ въ преподаваніи съ каѳедры науки, изученію которой онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Въ добросовѣстномъ исполненіи этой первѣйшей обязанности профессора онъ справедливо усматривалъ главное свое служеніе наукѣ и университету. И Ѳеод. Як. былъ образцовымъ профессоромъ-историкомъ. Всѣ его курсы были тщательно обработаны и стояли на высотѣ современной науки. Всѣ они старательно написаны рукой профессора, а нѣкоторые, сверхъ того, были литографированы студентами. Однако, при чтеніи лекцій, Ѳеод. Як. никогда не пользовался своими тетрадями, а говорилъ совершенно свободно, имѣя передъ глазами лишь коротенькій конспектъ данной лекціи, предназначавшійся собственно для слушателей. При этомъ изложеніе его отличалось замѣчательною стройностью, ясностью и живостью, оставаясь однако чуждымъ излишней фразистости и другихъ внѣшнихъ эффектовъ. Содержательность, научность и соразмѣрность частей каждой лекціи ясно говорили слушателямъ о томъ, съ какой рѣдкою добростовѣстностью и любовью къ преподаванію относился профессоръ. Но о томъ же свидѣтельствовали и практическія занятія, которыя состояли главнымъ образомъ въ ознакомле-

ніи студентовъ съ методами изученія средневѣковыхъ историческихъ памятниковъ. Во время этихъ занятій Ѳеод. Як. заявлялъ себя опытнымъ руководителемъ, шедшимъ во всеоружіи знанія, съ рѣдкою отзывчивостью на помощь студентамъ въ ихъ научныхъ стремленіяхъ. Студенты историко-филологическаго факультета всегда высоко цѣнили Ѳеод. Як., какъ профессора. Многочисленные его ученики, изъ которыхъ иные нынѣ уже сами занимаютъ профессорскія каѳедры, съ благодарностью вспоминаютъ о его лекціяхъ и практическихъ занятіяхъ.

Кромѣ общаго курса исторіи среднихъ вѣковъ, Ѳеод. Як. читалъ спеціальные курсы, напримѣръ: исторію Англіи, исторію Франціи, исторію Италіи, исторію Крестовыхъ походовъ и др. Помимо того онъ никогда не отказывался читать по порученію факультета другіе отдѣлы всеобщей исторіи, не входившіе въ область его спеціальности. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ излагалъ исторію Рима и исторію Востока. И эти курсы были имъ обрабатываемы съ неменьшею тщательностью, чѣмъ курсы по исторіи среднихъ вѣковъ. Заботясь о полнотѣ преподаванія, Ѳеод. Як. почти никогда не пропускалъ лекцій и никогда не сокращалъ въ росписаніи числа часовъ своихъ курсовъ, даже и тогда, когда имѣлъ на то полное право, будучи въ качествѣ ректора обремененъ административными дѣлами. Изъ любви къ своему предмету и изъ желанія придать своимъ курсамъ возможно большую научность и современность Ѳеод. Як. всегда, до послѣднихъ дней жизни, очень внимательно слѣдилъ за обширной литературой по исторіи среднихъ вѣковъ. Въ трудныя времена ректорства, когда все болѣе сокращалось свободное для научныхъ занятій время, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вакацій, чтобы просмотромъ журналовъ и ознакомленіемъ съ новыми книгами восполнить пробѣлы, накопившіеся за учебное время. При такомъ добросовѣстномъ отношеніи къ преподаванію, курсы Ѳеод. Як. постоянно исправлялись и передѣлывались примѣнительно къ новѣйшимъ успѣхамъ въ разработкѣ исторіи среднихъ вѣковъ и, слѣдовательно, являются драгоцѣн-

ными памятниками его почтенной профессорской дѣятельности. У Ѳеод. Як. не разъ являлась мысль издать хотя нѣкоторые изъ этихъ курсовъ, но крайне строгое отношеніе къ себѣ постоянно мѣшало ему осуществить это намѣреніе, а позже не стало и досуга для этого дѣла. Можно было ожидать, что, освободившись отъ ректорства, онъ займется приготовленіемъ къ печати своихъ курсовъ, но неожиданная смерть и тутъ явилась помѣхой. Слѣдуетъ надѣяться, что теперь семья покойнаго и историко-филологическій факультетъ примутъ на себя заботы о скорѣйшемъ изданіи въ свѣтъ этихъ многолѣтнихъ трудовъ талантливаго профессора-историка. Несомнѣнно, они составятъ цѣнное пріобрѣтеніе нашей литературы, такъ небогатой самостоятельными, систематическими трудами по средней исторіи.

Постоянно занятый всестороннимъ и широкимъ изученіемъ своего предмета во всемъ его объемѣ въ видахъ наиболѣе научной и законченной постановки его преподаванія, Ѳеод. Як. не оставилъ послѣ себя другихъ большихъ спеціальныхъ изслѣдованій, кромѣ двухъ своихъ извѣстныхъ диссертацій; но онъ не переставалъ и по полученіи ординатуры, въ теченіе многихъ лѣтъ, работать въ ученой исторической литературѣ. Ему принадлежитъ, кромѣ указанныхъ выше, до 20 небольшихъ работъ и статей, преимущественно критическаго характера, появлявшихся, главнымъ образомъ, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Сюда относятся: въ 1877 году критическій разборъ сочиненій: а) Julius Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre (Innsbruck, 1877); б) Herm. Wesendock, Die Begründung der neueren deutschen Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer nebst Einleitung über Gang und Stand derselben vor diesen (Leipzig, 1876); въ 1878 году: а) Новыя открытія въ области исторіи ордена Тампліеровъ; б) о книгѣ A. Babeau, Le village sous l'ancien régime; в) разборъ сочиненія Гедеонова „Варяги и Русь" (Отчетъ о присужденіи наградъ графа Уварова); въ 1879 году: научно-историческая дѣятельность Георга Вайца, по поводу выхода въ свѣтъ послѣднихъ томовъ его Deutsche Verfassungs-geschichte; въ

1880 году: объ изданіи Monumenta Germaniae historica. Diplomata t. v.; въ 1881 году: о книгахъ: а) Recueil des fac-similés à l'usage de l'École des chartes; б) Richter, Zeittafeln der deutschen Geschichte im Mittelalter; публичная лекція: О положеніи городскихъ ремесленниковъ въ средніе вѣка; въ 1882 году: Научная разработка перваго крестоваго похода; въ 1883 году: Подготовка къ изданію грамотъ Оттона Великаго; въ 1884 году: Опытъ систематической обработки исторической критики; въ 1885 году: о книгѣ Ю. Функе, Учебникъ всеобщей исторіи. Средніе вѣка (Кіевъ, 1884); въ 1886 году: а) Научно-издательская дѣятельность Георга Вайца; б) Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго; въ 1887 году: о сочиненіи „Le comité des travaux historiques et scientifiques"; въ 1890 году: объ изданіи „Историческое Обозрѣніе". Сборникъ историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ; въ 1892 году: „Борьба нищенствующихъ монаховъ съ Парижскимъ университетомъ въ XIII вѣкѣ" *(Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія)*; въ 1894 году: разборъ сочиненія проф. Н. М. Бубнова „Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ" (Отчетъ о присужденіи премій митрополита Макарія).

Изъ приведеннаго перечня меньшихъ работъ Ѳеод. Як. видно, что онъ постоянно заботился о сообщеніи въ русской ученой литературѣ свѣдѣній о важнѣйшихъ явленіяхъ новѣйшей исторіографіи по среднимъ вѣкамъ, причемъ вниманіе его останавливалось главнымъ образомъ на трудахъ, посвященныхъ критическому изданію и изученію источниковъ и методологіи исторіи, а также разъясненію наиболѣе трудныхъ и любопытныхъ вопросовъ въ области культурной жизни народовъ и государствъ средневѣковья. Всѣ эти работы Ѳеод. Як. отличаются самостоятельностью мысли и глубиной анализа, ясностью и живостью изложенія. Собранныя въ одно цѣлое въ новомъ изданіи, онѣ были бы прекраснымъ дополненіемъ къ курсамъ почившаго историка.

Послѣдняя ученая работа Ѳеод. Як., явившаяся въ печати, относится къ 1894 году. Это былъ составленный по

порученію Академіи Наукъ обстоятельный разборъ сочиненія проф. Н. М. Бубнова „Сборникъ писемъ папы Герберта, какъ историческій источникъ“. Затѣмъ наступили тяжелыя времена. На Ѳеод. Як. были возложены, помимо профессорскихъ, иныя трудныя и отвѣтственныя обязанности, исполненіе которыхъ поглощало большую часть его рабочаго времени. У себя, въ кабинетѣ, онъ продолжалъ по прежнему слѣдить за литературой своего предмета, но у него уже не хватало настолько досуга, чтобы печатно дѣлиться своими научными наблюденіями и мнѣніями.

III.—1-го августа 1890 г. Ѳ. Я. былъ назначенъ ректоромъ университета св. Владиміра. Съ этого дня начался новый, важный и вмѣстѣ съ тѣмъ роковой періодъ его жизни. Двѣнадцать лѣтъ онъ стоялъ во главѣ управленія такого обширнаго и сложнаго просвѣтительнаго учрежденія, какъ университетъ св. Владиміра, и всего за шесть мѣсяцевъ до своей кончины сложилъ съ себя это тяжелое бремя, въ конецъ надломившее крѣпкое его здоровье и подготовившее развитіе у него того опаснаго недуга, который такъ быстро свелъ его въ могилу. Исполненіе ректорскихъ обязанностей при нынѣ дѣйствующемъ университетскомъ уставѣ, требующемъ отъ ректора большого умѣнья согласовывать и примирять желанія и стремленія какъ отдѣльныхъ представителей профессорской корпораціи, такъ и всего университетскаго совѣта съ обязательными предписаніями и требованіями высшаго начальства—само по себѣ дѣло очень трудное; во время же ректорства Ѳ. Я. трудность эта несказанно увеличилась вслѣдствіе постоянныхъ студенческихъ смутъ и волненій, которыя за послѣдніе четыре года сдѣлались хроническими и приняли особенно рѣзкую, тяжелую форму. И Ѳ. Я. подъялъ на себя эту тяготу и несъ ее въ теченіе 12 лѣтъ безропотно, съ честью и достоинствомъ, насколько хватало силъ.

Событія университетской жизни за этотъ періодъ слишкомъ тѣсно сплетаются съ настоящимъ, съ тѣмъ, что мы еще теперь переживаемъ, чтобы можно было о нихъ говорить съ полной откровенностью. Да это и едва ли умѣстно въ виду

еще свѣжей могилы. Но будущій историкъ университета св. Владиміра несомнѣнно отмѣтитъ на темномъ фонѣ смутъ и тревогъ, которыя переживалъ университетъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, свѣтлую, благородную личность ректора Фортинскаго, неутомимаго работника для пользы университета, горячаго защитника чести и достоинства университета, какъ храма науки. На посту ректора, какъ и въ званіи профессора, Ѳ. Я. всегда былъ прежде всего человѣкомъ долга. Въ качествѣ высшаго главы университета онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность всѣми силами заботиться о его благосостояніи и процвѣтаніи. Къ университету онъ относился какъ къ родному дѣтищу, близко принималъ къ сердцу его радости и печали, отдавалъ ему почти все свое время, всю душу, всю энергію. Болѣе честное исполненіе своего долга трудно себѣ представить. Ѳ. Я. непосредственно входилъ во всѣ мелочи и частности сложной университетской жизни, самъ съ рѣдкимъ усердіемъ слѣдилъ за ходомъ всѣхъ дѣлъ, во все вникалъ, все помнилъ и все предусматривалъ, зналъ и берегъ каждую университетскую копейку и дѣлалъ все, что могъ, для улучшенія университетскаго хозяйства и удовлетворенія насущныхъ нуждъ какъ многочисленныхъ университетскихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, такъ и служащихъ въ университетѣ лицъ. Сознавая многія отрицательныя стороны въ современномъ строѣ университетской жизни и недостаточность находящихся въ распоряженіи университета денежныхъ средствъ для выполненія его высокаго назначенія соотвѣтственно потребностямъ времени, онъ былъ искреннимъ и горячимъ поборникомъ самой широкой университетской реформы и принималъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ для этой реформы.

Высоко ставя коллегіальное начало въ управленіи, Ѳ. Я. обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касавшихся университета, совѣщался съ правленіемъ, хотя бы они по уставу и не подлежали вѣдѣнію послѣдняго, а въ совѣтѣ былъ образцовымъ предсѣдателемъ, признававшимъ широкую свободу въ обсужденіи вопросовъ и полную терпимость ко всякому выска-

зываемому мнѣнію или взгляду. Всегда доступный, привѣтливый, сердечный въ отношеніяхъ къ сослуживцамъ, онъ былъ идеальнымъ, трудно-замѣнимымъ начальникомъ. Постоянное благодушіе и незлобіе, необыкновенная выдержанность и самообладаніе въ самыхъ трудныхъ и непріятныхъ положеніяхъ, строгое отношеніе къ себѣ и снисходительность къ другимъ были рѣдкими чертами его характера. Эти свойства личности Θ. Я. невольно влекли къ нему сердца всѣхъ, хотя онъ былъ ректоромъ назначеннымъ, а не выборнымъ; въ нихъ заключается одна изъ причинъ того высокаго уваженія, какое питали къ нему всѣ знавшіе его, даже тѣ, кто не былъ близокъ съ нимъ и не раздѣлялъ его частныхъ взглядовъ и мнѣній. Постоянно видя въ Θ. Я. не только преданнаго своему долгу начальника, но и добраго товарища, профессорская коллегія пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы выразить ему знаки своего искренняго вниманія и расположенія. Такъ, напримѣръ, это было рано утромъ 31 мая 1900 г., когда Θеодору Яковлевичу, совершенно неожиданно для него, было устроено товарищами самое сердечное чествованіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его профессорской службы. Такъ и теперь преждевременная и неожиданная кончина его со скорбью занесена въ лѣтопись университета и вызвала въ засѣданіи совѣта 20-го декабря единогласное постановленіе о помѣщеніи въ залѣ торжественныхъ собраній портрета бывшаго ректора въ уваженіе особыхъ заслугъ, оказанныхъ имъ университету св. Владиміра.

Искренне любилъ Θ. Я. и учащуюся молодежь, но любилъ ее истинной, а не мнимой любовью. Чуждый всякаго искательства у сильныхъ міра сего, онъ никогда не заискивалъ и у молодежи, не льстилъ ей, не сочувствовалъ прививаемымъ ей съ разныхъ сторонъ нездоровымъ инстинктамъ. Какъ профессоръ, онъ старался словомъ и примѣромъ внушить молодежи любовь къ труду и знанію, чувство долга, уваженіе къ истинѣ и правдѣ, и охотно, съ рѣдкою готовностью, руководилъ занятіями студентовъ по предмету своей спеціальности. Объ учащейся молодежи и ея насущныхъ нуж-

дахъ онъ думалъ и памятовалъ и на смертномъ одрѣ, когда дѣлалъ распоряженіе о передачѣ въ учрежденную при факультетѣ историко-филологическую семинарію своей прекрасной библіотеки, составленной на скудные профессорскіе гроши. Завѣщанныя имъ университету св. Владиміра книжныя сокровища навсегда останутся свидѣтельствомъ горячей любви почившаго не только къ историко-филологическому факультету, но и къ честной, трудящейся молодежи, такъ какъ они предоставляются прежде всего въ пользованіе этой молодежи. Какъ ректоръ, Ѳ. Я. всегда шелъ на встрѣчу студентамъ во всѣхъ ихъ нуждахъ и бѣдахъ, былъ доступенъ каждому, всякому готовъ былъ помочь, чѣмъ только могъ, и при разрѣшеніи всякихъ студенческихъ дѣлъ проявлялъ высшую гуманность, справедливость и снисходительность.

Къ сожалѣнію, въ разгаръ прискорбныхъ университетскихъ волненій студенчество въ значительной своей части словно забыло объ этомъ всегдашнемъ сердечномъ отношеніи Ѳ. Я. къ молодежи, о всѣхъ его неустанныхъ трудахъ для ея блага, и легко поддалось вліянію неосновательныхъ слуховъ и толковъ, вышедшихъ изъ кружка руководителей безпорядками. Исполненіе ректоромъ лежавшаго на немъ служебнаго долга въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда безпорядки въ университетѣ, произведенные толпой не свыше 250 чел., выразились въ особенно рѣзкой формѣ, было истолковано въ этомъ кружкѣ, какъ доказательство враждебнаго отношенія Ѳ. Я. къ студенчеству вообще. О немъ стали громко говорить, какъ о какомъ-то гонителѣ учащейся молодежи; причемъ эти толки распространялись не только среди студентовъ, но и нашли отклики въ извѣстной части мѣстнаго общества, спѣшившаго свалить на одного человѣка отвѣтственность за то, въ чемъ повинны были многіе другіе. Въ концѣ концовъ сколько горя, незаслуженныхъ и грубыхъ оскорбленій выпало на долю Ѳ. Я.! „Это въ высокой степени несправедливое нареканіе, какъ вѣрно выразился въ своей надгробной рѣчи нынѣшній ректоръ Н. В. Бобрецкій, „тяжелымъ камнемъ легло на чуткую душу Ѳ. Я.,

было каплей, переполнившей чашу огорченій", пережитыхъ имъ въ это смутное, тяжелое время и, „по всей вѣроятности, не мало содѣйствовало развитію той болѣзни, которая такъ скоро и неожиданно свела его въ могилу". Но пройдетъ рядъ годовъ, исторія раскроетъ во всей подробности всѣ обстоятельства пережитыхъ нами смутъ, и тогда всѣмъ во-очію станетъ ясно то, въ чемъ убѣждены и теперь близкіе свидѣтели административной дѣятельности Θ. Я.: онъ всегда былъ истиннымъ другомъ студенчества, той учащейся молодежи, которая вѣритъ во все чистое и хорошее, любитъ трудъ и знаніе и дорожитъ университетомъ, какъ храмомъ науки, какъ неприкосновенной святыней.

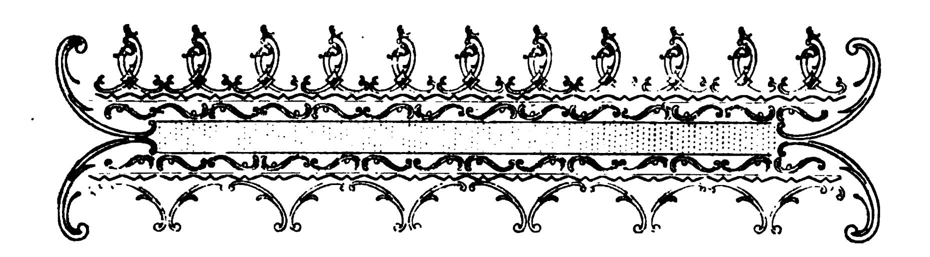
IV.— Такъ, среди разнообразныхъ трудовъ и заботъ, посвященныхъ университету св. Владиміра, протекала жизнь Θ. Я. Въ широкую колею суетливой общественной жизни онъ не вступалъ и, несмотря на занимаемое имъ высокое положеніе ректора университета, имѣлъ мало связей и знакомствъ въ мѣстномъ высшемъ обществѣ. Часы досуга онъ предпочиталъ проводить въ своей столь любимой имъ семьѣ или въ кругу близкихъ друзей-профессоровъ. Сверхъ того онъ очень любилъ музыку; посѣщеніе оперы и концертовъ всегда было для него лучшимъ отдыхомъ послѣ всяческихъ трудовъ, разныхъ невзгодъ и непріятностей. Тѣмъ не менѣе, въ силу своего живого и наблюдательнаго ума и широкаго историческаго кругозора онъ всегда близко интересовался всѣми важнѣйшими вопросами русской и заграничной жизни, особенно развитіемъ наукъ и просвѣщенія, и внимательно слѣдилъ за ними посредствомъ усерднаго чтенія книгъ и журналовъ. Начитанность Θ. Я. не только въ исторической литературѣ, но и въ областяхъ другихъ наукъ, иногда стоявшихъ очень далеко отъ его спеціальности, напр. въ области юриспруденціи, философіи, даже медицины и естествознанія была изумительна. Θ. Я. обладалъ массой познаній, которыя, благодаря хорошей памяти, прекрасно удерживались въ его головѣ; онъ былъ образованнымъ человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, слылъ весьма живымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ.

Искреннее желаніе Ѳ. Я. содѣйствовать распространенію знанія и просвѣщенія и помимо тѣхъ средствъ, какія давала его университетская служба, особенно выражалось въ его живомъ участіи въ дѣятельности бывшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ и состоящаго при университетѣ св. Владиміра Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Ѳ. Я. горячо сочувствовалъ высшему женскому образованію, былъ однимъ изъ ревностныхъ устроителей женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, ихъ талантливымъ профессоромъ, членомъ педагогическаго совѣта и хранителемъ ихъ имущества, когда они прекратили свое существованіе. Съ неменьшею любовью и большой пользой для дѣла служилъ Ѳ. Я. и Историческому Обществу Нестора-лѣтописца съ первыхъ дней его возникновенія—и своими научными сообщеніями и трудами въ должностяхъ библіотекаря, казначея и члена совѣта, и наконецъ, дѣятельнымъ участіемъ въ публичныхъ чтеніяхъ, которыя устраивало Общество. Высоко цѣня заслуги Ѳ. Я., Общество Нестора-лѣтописца давно уже избрало его въ свои почетные члены. Кстати будетъ упомянуть здѣсь, что такой же чести удостоила его въ нынѣшнемъ году и Кіевская Духовная Академія, въ уваженіе его заслугъ, какъ ректора университета св. Владиміра.

Въ такомъ видѣ представляется намъ трудовая жизнь Ѳеодора Яковлевича Фортинскаго, такими чертами характеризуется его благородная личность.

Свѣтлый образъ достойнѣйшаго университетскаго дѣятеля долго будетъ жить въ памяти и сердцахъ всѣхъ знавшихъ его, а имя его всегда будетъ съ благодарностью поминаться и съ каѳедры, и въ лѣтописяхъ университета св. Владиміра.

Т. Флоринскій.



Өеодоръ Яковлевичъ Фортинскій,

какъ ученый и профессоръ.

12-го декабря 1902 года, въ 9 часовъ утра, на 57-мъ году жизни, скончался послѣ тяжкой операціи заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи, бывшій ректоръ университета св. Владиміра, Өеодоръ Яковлевичъ Фортинскій. Сошелъ въ могилу видный представитель русской исторической науки, благородный человѣкъ и даровитый администраторъ. Въ лицѣ почившаго университетъ св. Владиміра лишился выдающагося во всѣхъ отношеніяхъ дѣятеля. Память объ его ученой и учено-административной дѣятельности въ стѣнахъ университета св. Владиміра никогда не изгладится. Авторъ этой краткой замѣтки, ученикъ покойнаго, лишился незабвеннаго учителя и друга, каждое слово и указаніе котораго имѣло для него значеніе приговора самаго авторитетнаго и безпристрастнаго судьи. Лишенный возможности лично присутствовать на похоронахъ почившаго и отдать ему послѣдній долгъ преданности и уваженія, авторъ этой замѣтки рѣшился, насколько то ему позволяли время, силы и знанія,—собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ покойнаго ко дню засѣданія Общества Нестора-лѣтописца, засѣданія, посвященнаго чествованію памяти покойнаго.

Θеодоръ Яковлевичъ Фортинскій, сынъ священника села Шостьи, Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи, родился 15 февраля 1846 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Рязанскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ мѣстной семинаріи. Осенью 1865 года онъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Университетъ въ ту пору, послѣ студенческихъ безпорядковъ, происходившихъ осенью 1861 года, и временнаго и частичнаго закрытія впредь до пересмотра университетскаго устава 1835 года,—вступалъ въ новый періодъ своего существованія и возрождался послѣ катастрофы подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ новой просвѣтительной эпохи развитія русской гражданственности. Въ іюлѣ 1863 года въ составѣ историко-филологическаго факультета оставалось 6 профессоровъ (А. В. Никитенко, М. С. Куторга, И И. Срезневскій, Н. М. Благовѣщенскій, И. В. Штейнманъ, М. И. Сухомлиновъ). изъ которыхъ двое (А. В. Никитенко и И. Б. Штейнманъ) вскорѣ оставили университетъ, а М. С. Куторга, по окончаніи 25-лѣтняго срока службы, причисленъ былъ къ университету въ качествѣ сверхштатнаго профессора. Деканомъ и душою факультета былъ И. И. Срезневскій, широкообразованный человѣкъ, извѣстный славистъ и палеографъ. Къ молодежи, по словамъ В. И. Ламанскаго, И. И. Срезневскій „всегда относился съ великимъ участіемъ, а если замѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ искреннюю любовь къ наукѣ и дарованье, то даже съ увлеченіемъ [1]“. Неудивительно поэтому, что въ самомъ непродолжительномъ времени въ составъ факультета было привлечено много талантливыхъ и способныхъ людей, составившихъ себѣ впослѣдствіи почетную извѣстность въ наукѣ. Въ 66—69 гг., когда Θ. Я. Фортинскій состоялъ студентомъ историко-филологическаго факультета, начинали свою университетскую дѣятельность М. И. Владиславлевъ, В. В. Бауэръ, В. А.

[1]) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета,—СПБ. 1898, Т. II. стр 249.

Бильбасовъ [1]), Ѳ. Ѳ. Соколовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О. Ѳ. Миллеръ, В. И. Ламанскій, Г. С. Дестунисъ, К. Е. Люгебиль и И. В. Помяловскій. Такимъ образомъ, это была пора полнаго расцвѣта историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета. Съ особенною признательностью Ѳ. Я. Фортинскій всегда вспоминалъ изъ числа своихъ учителей В. В. Бауэра и И. И. Срезневскаго. Первый изъ нихъ обладалъ всѣми качествами хорошаго лектора и обдумывалъ и обрабатывалъ всѣ свои курсы весьма тщательно. Излагая древнюю и новую исторію, онъ всегда обращалъ главное вниманіе на критику источниковъ и знакомилъ слушателей своихъ съ научными методами изслѣдованія. Хотя уже тогда ясно стала обнаруживаться склонность В. В. Бауэра къ преимущественному изученію новой исторіи, но въ годы студенчества Ѳ. Я. Фортинскаго его спеціальные курсы были посвящены критическому изученію первыхъ книгъ Тита Ливія и сочиненія Аристотеля о Государствѣ. Лекціи и курсы Бауэра ознакомили молодого студента съ правилами исторической критики и привили вкусъ къ изученію источниковъ. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Ѳ. Я. Фортинскій, будущій изслѣдователь и спеціалистъ по исторіи среднихъ вѣковъ, въ теченіе всего университетскаго курса не имѣлъ возможности прослушать даже общій курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Если впослѣдствіи его диссертаціи были посвящены выясненію славяно-германскихъ историческихъ отношеній, если его симпатіи всегда склонялись болѣе въ сторону французской исторической науки,—то это въ значительной степени объясняется вліяніемъ И. И. Срезневскаго на складъ его ученыхъ вкусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что И. И. Срезневскій, совмѣстно съ Бодянскимъ, Прейсомъ и Григоровичемъ, былъ однимъ изъ насадителей славянов҃ѣдѣнія въ Россіи. Далѣе, по свидѣтельству В. И. Ламанскаго, И. И. Срезневскій питалъ „глубочайшее уваженіе къ великимъ по-

---

[1]) Въ качествѣ приватъ-доцента читалъ лекціи по новой исторіи въ осеннемъ семестрѣ 1866 г., а затѣмъ перешелъ на службу въ Кіевскій университетъ.

движникамъ французской науки XVI—XVIII в.в., къ Этьену, Годефруа, Дюканжу, Монфокону и пр.". „Въ послѣднія десятилѣтія своей жизни,—продолжаетъ В. И. Ламанскій объ И. И. Срезневскомъ,—онъ любилъ на лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ молодежью внушать ей чувство высокаго къ нимъ уваженія [1])".

Будучи на третьемъ курсѣ, Ѳ. Я. Фортинскій задумалъ испытать свои силы на поприщѣ самостоятельной ученой работы. На 1867—68 годъ была предложена по каѳедрѣ греческой словесности слѣдующая тема для соисканія наградъ медалями и почетными отзывами: „Разсмотрѣть въ общихъ чертахъ значеніе слова δῆμος у Прокопія, и подробно, по Прокопію-же, разобрать это слово въ смыслѣ партій ипподрома [2])". Тема была скорѣе филологическая, чѣмъ историческая. Взявшись за такую работу, молодой историкъ сосредоточилъ почти все вниманіе на исторической части: „изъ 320 страницъ, посвященныхъ всей работѣ, онъ удѣлилъ на разборъ производства слова δῆμος вообще и его разныхъ значеній по Прокопію, равно какъ и словъ одного съ нимъ происхожденія, всего на всё только 23 стр.". По мнѣнію отзыва, въ исторической части сочиненія замѣчается также уклоненіе отъ темы: только послѣднія 77 страницъ посвящены изложенію историческаго значенія партій ипподрома въ пору Прокопія, а „остальныя 220 страницъ состоятъ изъ очерковъ, составленныхъ главнымъ образомъ по пособіяхъ, правда многочисленнымъ, но составленныхъ безъ отчетливаго указанія связи съ главной темой". Одновременно съ Ѳ. Я. Фортинскимъ сочиненія на ту же тему были представлены Владиміромъ Срезневскимъ (работа подъ № XII) и Вячеславомъ Срезневскимъ (подъ № XI). Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ преимущественно была обработана филологическая сторона темы. Указывая недостатки работы молодого историка, отзывъ вполнѣ безпристрастно отмѣчалъ и досто-

---

[1]) Словарь проф. и препод. Имп. С.-Петерб. универ., т. II, стр. 224.

[2]) Григорьевъ, Историческая записка, стр. LXV.

инства работы. „Что касается,—читаемъ мы въ отзывѣ,—той части диссертаціи, въ которой авторъ охватилъ состояніе цѣлаго историческаго міра въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, то, разумѣется, автору невозможно было отнестись къ такому громадному предмету критически. У него была разумная цѣль—объяснить самому себѣ связь разбираемаго факта, т. е. партій ипподрома, съ прочими явленіями міра общественнаго, и поэтому ширина замысла, сильно вредящая ясности въ рѣшеніи задачи,—ему не въ укоръ. У автора этой диссертаціи,—читаемъ далѣе,—оказывается большая начитанность, знаніе источниковъ, знакомство съ множествомъ пособій (сочиненіями Эйхеля, Вилькена, Савиньи, Финлея, Цахаріи, Ридигера, Тейфеля, Рихтера, Дана, Гопфа, архим. Іоанна, примѣчаніями Ламбеція, Рейске); мѣстами у него виденъ живой разсказъ, видны интересы къ предмету, трудолюбіе: все это свидѣтельствуетъ въ его пользу, хотя и не можетъ перевѣсить вѣсовъ на его сторону“. Согласно постановленію факультета, Владиміру Срезневскому была присуждена за сочиненіе золотая медаль, а Вячеславу Срезневскому и Ѳ. Я. Фортинскому —серебряныя медали [1]).

Такимъ образомъ, уже въ первомъ самостоятельномъ трудѣ Ѳ. Я. Фортинскаго, написанномъ на студенческой скамьѣ, обнаружились всѣ качества, необходимыя для ученаго, занимающагося всеобщей исторіей: стремленіе уразумѣть ходъ историческаго развитія въ длинномъ рядѣ вѣковъ, ширина замысла, большая начитанность, знаніе источниковъ, живость изложенія, трудолюбіе и т. д. Если молодой историкъ не достигъ полнаго успѣха, то это объясняется скорѣе характеромъ самой темы, нежели его неподготовленностью къ ученымъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ, отчасти это объясняется еще и тѣмъ, что Ѳеодоръ Яковлевичъ, будучи большимъ знатокомъ латинскаго языка, особенно средневѣковаго, значительно слабѣе зналъ греческій языкъ. Вѣроятно, потому онъ, насколько

[1]) Юбилейный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университ. 8 февр. 1869 года, СПБ. 1869, стр. 109—118

мнѣ извѣстно, никогда не читалъ лекцій по исторіи Византіи.

По окончаніи курса въ маѣ 1869 года со степенью кандидата, Θеодоръ Яковлевичъ былъ оставленъ при университетѣ на два года для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Въ теченіе этого времени онъ выдержалъ испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи и напечаталъ диссертацію: „Титмаръ Мерзебургскій и его хроника" (Спб. 1872, стр. I—IV, 1—201). Сочиненіе это доселѣ остается наиболѣе обстоятельной и полной монографіей о хроникѣ Титмара Мерзебургскаго не только въ нашей, но и западно-европейской литературѣ. Прежде всего оно основано на изученіи Дрезденской рукописи, которая справедливо считается такъ сказать автографомъ, т. е. написана отчасти рукой самого епископа и тѣми писцами, которымъ онъ диктовалъ. Этимъ значительно выдѣляется сочиненіе Θ. Я. Фортинскаго отъ работъ Стребицкаго, посвященныхъ изученію хроники Титмара: 1) Thietmarus quibus fontibus usus sit, Königsb. Diss. 1870; 2) Zur Kritik Thietmars (Forschungen zur deutschen Geschichte, Bd. XIV, S. 349—366). Это обстоятельство дало поводъ Ваттенбаху въ 5-мъ изданіи его извѣстнаго сочиненія Deutschlands Geschichtsquellen im Mittellalter сдѣлать такое справедливое замѣчаніе о соображеніяхъ Стребицкаго: Es ist sehr zu bedauern, dass bei diesen Untersuchungen die Originalhandschrift nicht zu Rathe gezogen ist [1]). Монографія Θ. Я. Фортинскаго составлена по широкому плану и въ ней не оставлена безъ вниманія ни одна частность, которая могла бы служить къ критическому выясненію значенія изучаемаго источника. Такимъ образомъ, въ его монографіи мы находимъ не только біографію составителя хроники, указаніе его образованности, языка, времени написанія, плана и источниковъ хроники, но также подробный критическій анализъ содержанія хроники и сведеніе данныхъ, служащихъ къ выясненію политическихъ и нравственныхъ воз-

[1]) Bd. 1, S. 335.

зрѣній Титмара. Послѣднія стороны дѣла оставляются и позднѣйшими нѣмецкими изслѣдованіями въ тѣни. Кромѣ того, въ монографіи заключительная и обширная глава посвящена разбору извѣстій Титмара о славянахъ. Эта цѣнная глава можетъ быть рекомендована вниманію изслѣдователей, занимающихся славянской исторіей. Въ ней сгруппированы и критически провѣрены всѣ извѣстія нѣмецкаго анналиста о славянахъ, т. е. произведена вся та предварительная работа, которую въ данномъ случаѣ спеціалисту по славянской исторіи приходилось бы производить, по всей вѣроятности, съ меньшимъ успѣхомъ самому. Главнѣйшіе выводы, къ которымъ приходитъ Ѳ. Я. Фортинскій въ своей монографіи о Титмарѣ Мерзебургскомъ, остаются въ наукѣ доселѣ непоколебленными. Исключеніе представляетъ вопросъ о времени написанія хроники. По этому вопросу нашъ авторъ въ общемъ присоединяется къ заключеніямъ Бетмана, хотя дѣлаетъ коекакія поправки и возраженія противъ соображеній этого ученаго. Въ послѣднее время за этотъ вопросъ взялся г. Ф. Курце, которому было поручено переизданіе хроники Титмара для такъ называемаго школьнаго или отдѣльнаго изданія (Separatausgabe) коллекціи Monumenta Germaniae (Hann. 1889, in—8). Свои статьи Abfassungszeit und Entstehungsweise der Chronik Thietmars и Nachlese zur Quellenkunde Thietmars г. Ф. Курце помѣстилъ въ журналѣ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde[1]). Въ этихъ статьяхъ, а особенно въ первой изъ нихъ, нѣмецкій ученый, на основаніи палеографическаго изученія рукописи и отношенія хроники къ Кведлинбургскимъ анналамъ, приходитъ къ заключенію, что отдѣльныя части хроники были написаны не въ той послѣдовательности, въ какой онѣ расположены въ Дрезденской рукописи и напечатаны въ изданіи хроники Лаппенберга. Основываясь на этихъ своихъ выводахъ, г. Ф. Курце въ своемъ изданіи отступаетъ отъ рукописной традиціи и вводитъ иное дѣленіе хроники на книги и главы. Ваттенбахъ въ 6-мъ изданіи своего сочиненія Deutschlands Geschichtsquellen (Berl. 1893) вы-

[1]) Bd. XIV, 1889, S. 59-86; Bd. XVI, 1891, S. 459—472.

сказывается съ похвалой объ изысканіяхъ г. Ф. Курце, находя ихъ весьма остроумными (mit grossem Scharfsinn); принимая его выводы, но излагая ихъ не совсѣмъ точно и правильно [1]), Ваттенбахъ нашелъ необходимымъ прибавить, что „едва-ли всѣ частности правильны, но въ правильности главныхъ положеній нельзя сомнѣваться, а многія неясности, благодаря этому, находятъ разъясненіе [2])". Ф. Курце принадлежитъ къ числу тѣхъ изслѣдователей новой формаціи, которыхъ критическое „остроуміе" (Scharfsinn) увлекаетъ въ область рискованныхъ построеній и предположеній. Въ самомъ дѣлѣ, въ своей статьѣ г. Ф. Курце находилъ возможнымъ всѣ анналистическія замѣтки, встрѣчавшіяся въ хроникѣ Титмара и относившіяся ко времени послѣ 975 года, считать за заимствованія изъ такъ называемыхъ и несохранившихся Гильдесгеймскихъ анналъ (Hild. Ann. maj.) и даже собирался взяться за ихъ возстановленіе [3]), а потомъ присоединился къ мнѣнію, высказанному ранѣе Вейландомъ, что въ данномъ случаѣ Титмаръ пользовался утраченной Гальберштадтской хроникой [4]). Далѣе въ своей статьѣ, напечатанной въ XIV томѣ журнала Neues Archiv, г. Курце указывалъ на противорѣчія въ хронологическихъ указаніяхъ хроники Титмара и Квендлинбургскихъ анналъ (S. 69—72), а два года спустя отрекся отъ этого мнѣнія и откровенно признался, что онъ зашелъ въ данномъ отношеніи далѣе, чѣмъ слѣдовало [5]).

[1]) Сравни Wattenbach. Bd. 1, S. 358 и Neues Archiv, Bd. XIV, S. 81—83.

[2]) Wattenbach. 6. Aufl, Bd. 1, S. 358—359.—S. 359: Möglich, dass nicht alle Einzelheiten richtig sind, aber im wesentlichen ist wohl an der Richtigkeit dieser Ergebnisse nicht zu zweifeln und es lösen sich dadurch viele Schwierigkeiten

[3]) Neues Archiv, XVI, S. 461—469, S. 465—466.

[4]) Wattenbach, Deutsch. Geschichtsquellen, 6. Aufl., S. 357.—*Fr Kurze*, Die Hersfelder und die grösseren Hildesheimer Jahrbücher bis 984 (Programm des Gymnasiums zu Stralsund, Ostern. 1892), S. 5: nach fort, gesetzter Prüfung muss ich aber das, was ich dort aus Thietmar als mutmasslichen Inhalt seiner Hildesheimer Quelle ausgeschieden habe, von 995 an ihr grösstenteils wieder absprechen und vielmehr für die uns verlorene Halberstädter Chronik, welche ihm noch vorlag, in Anspruch nehmen.

[5]) Neues Archiv, Bd. XVI, S. 469: In dem Bestreben, diese Meinung abzuweisen, bin ich doch vielleicht zu weit gegangen, wenn ich ausser in VI, 2 auch in VI, 33—34 und 53—58 Widersprüche in der Zeitrechnung Thietmars und der Quedlinburger Jahrbücher zu finden geglaubt habe.

Лавры Гизебрехта [1] не даютъ, очевидно, покоя нѣкоторымъ изслѣдователямъ и въ частности г. Ф. Курце. Указывая въ своемъ анализѣ источники, которыми пользовался Титмаръ при составленіи хроники, Ѳ. Я. Фортинскій принималъ во вниманіе только сохранившіяся и извѣстныя произведенія. Въ этомъ нельзя не усматривать здраваго критическаго такта, ибо критику сохранившихся источниковъ посредствомъ несохранившихся или предполагаемыхъ источниковъ, несомнѣнно, слѣдуетъ признать рискованнымъ научнымъ пріемомъ. Уклоненіе въ эту сторону неизбѣжно должно приводить къ постоянной мѣнѣ предположеній и новыхъ догадокъ, какъ это наблюдается въ изысканіяхъ г. Ф. Курце. Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ этихъ послѣднихъ изысканій. Считаемъ необходимымъ впрочемъ замѣтить, что гипотеза послѣдняго изслѣдователя хроники Титмара далеко не разъясняетъ всѣхъ трудностей критики текста этой хроники, какъ думаетъ Ваттенбахъ. Достаточно въ данномъ случаѣ только двухъ примѣровъ. Курце полагаетъ, что 5-я глава IV-й книги хроники написана въ 1014 году [2], а между тѣмъ она могла быть написана не ранѣе декабря 1015 года, когда умеръ Мейссенскій епископъ Ейдъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоря въ этой главѣ о посвященіи епископа Ейда, Титмаръ зналъ уже о его смерти и обѣщалъ впослѣдствіи подробнѣе разсказать о его подвигахъ: de cujus inclita conversatione multa ad aedificationem nostram utilia, cum tempus fuerit, narrabo (Chr.,IV, 5), и въ 18-й главѣ (написана по Курце въ 1016 году) VII-й книги исполняетъ это обѣщаніе: sed quia superius promisi, me de ejus vita in sequentibus dicturum, de magnis pauca loquar [3]. Далѣе, по мнѣнію г. Ф. Курце, 1-я глава VII-й книги написана въ 1014 году [4]. Между тѣмъ, въ этой главѣ Титмаръ говоритъ, что виновниками возстанія въ Римѣ, происшедшаго въ

[1]) Въ 1841 году онъ по позднѣйшимъ указаніямъ возстановилъ нѣкоторую часть анналъ Алтанхскаго монастыря, а въ 1871 году имѣлъ счастье издать отысканные Алтанхскіе анналы.

[2]) Neues Archiv, Bd. XIV, S. 74, 81; Wattenbach, 6. Aufl., S. 358.

[3]) См. Фортинскій, Титмаръ Мерзебургскій и его хроника, стр. 66. Neues Archiv, Bd. XIV, S. 82.

[4]) Neues Archiv, B. XIV, S. 81. Wattenbach, 6. Aufl., S. 358.

февралѣ 1014 года, были три брата, изъ которыхъ одинъ Ecilin in Ivicanstene castello *diu servatur*. Такимъ образомъ, эту главу могъ Титмаръ написать значительно позже 1014 года [1]). Наконецъ, соображенія г. Ф. Курце о томъ, что Титмаръ познакомился съ Кведлинбургскими анналами не ранѣе 1016 года [2]), не представляются убѣдительными уже по одному тому, что третья книга хроники, которая, по мнѣнію Курце, написана была въ 1013 году [3]), „носитъ на себѣ характеръ чисто лѣтописный [4])“, что въ 6-й и 8-й главахъ четвертой книги, написанныхъ, по мнѣнію г. Ф. Курце, въ 1014 году [5]), усматривается, какъ доказалъ Ѳ. Я. Фортинскій, пользованіе Кведлинбургскими анналами [6]).

Такимъ образомъ, монографія „Тимаръ Мерзебургскій и его хроника“ до сихъ поръ хотя со времени ея составленія прошло болѣе 30 лѣтъ, остается наиболѣе подробнымъ и обстоятельнымъ трудомъ, посвященнымъ критическому изученію этого важнаго источника, и не утратила своего значительнаго научнаго значенія.

19 мая 1872 года Ѳ. Я. Фортинскій блистательно защитилъ свою магистерскую диссертацію. Какъ мнѣ лично передавалъ покойный К. И. Турчаковскій, бывшій тогда студентомъ С.-Петербургскаго университета, при провозглашеніи диспутанта магистромъ всеобщей исторіи И. И. Срезневскій обнялъ молодого ученаго и привѣтствовалъ въ его лицѣ выдающуюся ученую силу. Еще до защиты диссертаціи Ѳ. Я. Фортинскій получилъ отъ Министерства заграничную командировку съ ученой цѣлью на два года съ содержаніемъ изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Незадолго до того возникъ вопросъ о приглашеніи его въ университетъ св. Владиміра на каѳедру всеобщей исторіи.

---

1) Фортинскій, стр. 67.
2) Neues Archiv, Bd. XIV. S. 80—81. Wattenbach, 6 Aufl, S. 358.
3) Neues Archiv, B. XIV, S. 81.
4) Фортинскій, стр. 101.
5) Neues Archiv, Bd. XIV, S. 74, 81. Wattenbach, S. 358.
6) Фортинскій, стр. 106.

До 1863—64 академ. года каѳедру всеобщей исторіи въ теченіе 14-ти лѣтъ занимали проф. Ставровскій и Шульгинъ. Въ 1863—64 акад. году чтеніе лекцій по всеобщей исторіи производилось однимъ проф. Ставровскимъ. Въ 1866 году проф. Ставровскій былъ уволенъ въ отставку по окончаніи 30-лѣтней службы. 31 января 1867 года преподаваніе всеобщей исторіи поручено было штатному доценту Вильбасову, который въ апрѣлѣ 1869 былъ сдѣланъ профессоромъ, но оставался въ Кіевскомъ университетѣ на службѣ недолго, до 15 мая 1871 года. Помощникомъ Вильбасова являлся прив.-доцентъ М. Драгомановъ, читавшій обязательныя лекціи для студентовъ съ 1865 года по сентябрь 1870 года. Въ 1871—72 акад. году преподаванія всеобщей исторіи совершенно не было, и студенты вовсе не слушали лекцій по всеобщей исторіи.

О такомъ грустномъ положеніи доложено было ректоромъ Н. Х. Бунге въ засѣданіи совѣта 10 марта 1872 года и было постановлено снестись съ факультетомъ о замѣщеніи вакантной каѳедры всеобщей исторіи и просить факультетъ доставить свое заключеніе къ слѣдующему засѣданію совѣта. Историко-филологическій факультетъ въ засѣданіи своемъ 21 марта обсуждалъ предложеніе совѣта и постановилъ донести слѣдующее: „Факультетъ, собственно говоря, подготовилъ для занятія каѳедры всеобщей исторіи двухъ преподавателей: одного—по древней, именно магистра Драгоманова, и другого—по средней и новой исторіи, магистра Лучицкаго. Оба поименованные магистра, пріобрѣвшіе предварительно званіе привать-доцентовъ, были факультетомъ избраны въ штатные доценты, и одинъ изъ нихъ, г. Драгомановъ, былъ удостоенъ избранія совѣта, другой-же въ совѣтѣ забаллотированъ. До окончательнаго утвержденія г. Драгоманова штатнымъ доцентомъ и въ виду забаллотированія г. Лучицкаго, факультетъ считалъ своею обязанностью тотчасъ по увольненіи ординарнаго профессора Вильбасова принять мѣры къ пріисканію преподавателя средней и новой исторіи; посему онъ сдѣлалъ въ этомъ родѣ предложеніе ординарному про-

фессору Харьковскаго университета г. Петрову, но симъ последнимъ это предложеніе было отклонено; теперь же факультетъ ожидаетъ отвѣта на сдѣланное имъ предложеніе магистру Московскаго университета г. Трачевскому". Когда докладывалось это представленіе факультета въ засѣданіи совѣта 31 марта, то орд. проф. В. С. Иконниковъ заявилъ, что Трачевскій отказывается въ настоящее время отъ перехода въ университетъ св. Владиміра, но что ожидается отвѣтъ отъ г. Фортинскаго, съ которымъ начаты переговоры.

Ѳ. Я. Фортинскій не безъ нѣкотораго колебанія согласился принять предложеніе историко-филологическаго факультета. Давая свое согласіе, онъ просилъ, чтобы въ случаѣ его избранія въ доценты, совѣтъ университета, представляя его къ утвержденію въ должности, ходатайствовалъ объ оставленіи за нимъ права воспользоваться заграничною командировкою при первой возможности. Очевидно, условіе это было принято не только потому, что оно свидѣтельствовало о кандидатѣ на каѳедру съ самой лучшей стороны, но также въ виду того безвыходнаго положенія, въ какомъ находился факультетъ, видѣвшій необходимость замѣстить наконецъ вакантную каѳедру.

Какъ только въ Кіевѣ узнали о защитѣ диссертаціи, то немедленно дали ходъ дѣлу о замѣщеніи каѳедры. Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета (24 мая) былъ заслушанъ отзывъ орд. проф. В. С. Иконникова о возведеніи магистра Фортинскаго въ званіе штатнаго доцента. „Какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ,—сказано было въ отзывѣ о диссертаціи,—авторъ разсматриваетъ избранный источникъ строго-критически и потому постоянно провѣряетъ его другими современными извѣстіями и актами. Приступивъ къ своему труду, онъ тщательно изучилъ не только разсматриваемый имъ источникъ, но и весь циклъ лѣтописей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ хроникѣ Титмара, каковы: хроника Видукинда и анналы Гильдесгеймскіе, Кведлинбургскіе, Ламберта и Вейссембургскіе. Въ той-же степени изучены имъ необходимыя житія. Литература предмета близко знакома автору, и

онъ пользуется ею при каждомъ случаѣ, даже въ отдѣльныхъ фактахъ, чтобы указать на существующія о нихъ мнѣнія въ наукѣ, или старается установить на нихъ болѣе правильную точку зрѣнія. Таковы, къ нашему мнѣнію, его заключенія о походѣ Генриха II на Польшу въ 1005 году, гдѣ авторъ касается мнѣній Гизебрехта, Реппеля и Цейссберга; о лѣтосчисленіи Титмара въ противоположность мнѣнію Лаппенберга; о Мерзебургскомъ сеймѣ и друг. Въ главѣ о славянахъ авторъ не оставляетъ въ сторонѣ и русскихъ источниковъ". По выслушаніи отзыва, факультетъ приступилъ къ баллотировкѣ, при чемъ оказалось, что магистръ Фортинскій получилъ 7 избирательныхъ шаровъ и ни одного неизбирательнаго. Въ засѣданіи совѣта 31-го мая Ѳ. Я. Фортинскій былъ избранъ на должность доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи почти единогласно (19 избирательныхъ и 2 неизбирательныхъ шара). 23 іюня попечитель Кіевскаго учебнаго округа увѣдомилъ совѣтъ объ опредѣленіи магистра Фортинскаго по вакантной каѳедрѣ всеобщей исторіи съ 31 мая, т. е. со дня избранія его въ совѣтъ.

19 октября Ѳ. Я. Фортинскій прочиталъ свою вступительную лекцію: „Причины распаденія монархіи Карла В." и въ теченіе осенняго семестра читалъ двухчасовой курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ (отъ паденія западно-римской имперіи до прекращенія Саксонской династіи). Имѣя въ виду заняться составленіемъ диссертаціи на степень доктора всеобщей исторіи и желая обогатить свои познанія по спеціальности, молодой ученый уже въ засѣданіи факультета 9 декабря 1872 года сдѣлалъ устное заявленіе о томъ, что онъ считаетъ своевременнымъ отправиться въ заграничную ученую командировку съ будущаго 1 іюля 1873 года на два года. Ходатайствуя объ этомъ предъ совѣтомъ, факультетъ находилъ, что „онъ такимъ образомъ исполняетъ обязательство, взятое имъ на себя относительно г. Фортинскаго, который только подъ условіемъ исходатайствованія ему факультетомъ заграничной командировки на счетъ университета св. Владиміра согласился занять должность доцента всеобщей исторіи въ

этомъ университетѣ и отказаться вслѣдствіе того отъ заграничной командировки, на которую Министерство Народнаго Просвѣщенія уже окончательно назначило было его". Къ этому со стороны факультета было прибавлено ходатайство о назначеніи изъ суммъ университета по 800 рублей ежегодно сверхъ получаемаго г. Фортинскимъ оклада въ 1200 рублей. Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 15 декабря 1872 года постановилъ „просить г. Попечителя округа ходатайствовать передъ Министерствомъ о включеніи г. Фортинскаго въ списокъ лицъ, коихъ предполагается отъ Министерства командировать въ 1873 году за границу, съ ученою цѣлью, съ назначеніемъ ему по 800 руб. въ годъ въ добавокъ къ штатному доцентскому содержанію".

Заграничная командировка представлялась дѣйствительно дѣломъ неотложнымъ, такъ какъ въ библіотекѣ университета не находилось не только необходимыхъ книгъ для изготовленія задуманной Ѳеодоромъ Яковлевичемъ ученой работы, но отсутствовали даже изданія и пособія, необходимыя для преподаванія средней исторіи. Поэтому однимъ изъ первыхъ шаговъ молодого доцента было возбужденіе ходатайства о пополненіи библіотеки въ данномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, совѣтъ въ смѣту расходовъ на 1873 годъ могъ включить только 346 рублей на выписку книгъ для каѳедры всеобщей исторіи, въ дополненіе къ отпускаемой на сей предметъ суммы по разверсткѣ библіотечной коммиссіи. Въ концѣ этого же года, на основаніи письменнаго заявленія Ѳ. Я. Фортинскаго о необходимости пріобрѣтенія весьма важнаго и полезнаго сборника аббата Миня—Patrologiae cursus completus, стоившаго по отзыву библіотекаря 851 рубль, и ходатайства факультета, было рѣшено имѣть въ виду пріобрѣтеніе этого изданія при распредѣленіи въ началѣ 1874 года общихъ остатковъ отъ спеціальныхъ средствъ.

Между тѣмъ, разрѣшеніе вопроса о командированіи замедлилось. Министръ Народнаго Просвѣщенія не нашелъ возможнымъ удовлетворить ходатайство совѣта по отсутствію средствъ, но „поручилъ Департаменту Народнаго Просвѣще-

нія включить г. Фортинскаго въ списокъ лицъ, имѣющихся въ виду для посылки въ 1874 году за границу, если въ то время Министерство будетъ располагать нужными денежными средствами". Въ засѣданіи совѣта 30-го марта 1873 года постановлено было „дѣло о командированіи доцента по каѳедрѣ всеобщей исторіи Ѳ. Я. Фортинскаго за границу, срокомъ на два года, съ выдачею ему въ пособіе изъ спеціальныхъ средствъ университета по 400 руб. въ годъ, сверхъ доцентскаго содержанія, доложить совѣту по возвращеніи изъ оканчивающейся заграничной командировки приватъ-доцента по упомянутой каѳедрѣ М. П. Драгоманова". Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса о командировкѣ отлагалось въ сущности на неопредѣленное время какъ въ виду отвѣта со стороны Министерства, такъ и потому, что приватъ-доцентъ Драгомановъ постоянно присылалъ изъ-за границы прошенія объ отсрочкѣ командировки, мотивируя таковыя то соображеніями о ходѣ своихъ ученыхъ разысканій, то ссылками на болѣзнь жены и т. д. Только позднею осенью 1873 г. возвратился М. Драгомановъ въ Кіевъ и въ ноябрѣ приступилъ къ чтенію лекцій по древней исторіи. Тогда же было возобновлено ходатайство о командированіи Ѳ. Я. Фортинскаго за границу на два года. Въ декабрѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Попечителя, что онъ „согласенъ на командированіе доцента университета св. Владиміра Фортинскаго съ 16 января 1874 года на два года за границу съ ученою цѣлью, съ производствомъ ему въ теченіе этого срока добавочной изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія суммы въ количествѣ 400 рублей въ годъ, что́ составитъ съ содержаніемъ, получаемымъ имъ по должности доцента, 1600 рублей въ годъ". Такъ какъ еще въ декабрѣ 1872 г. совѣтъ постановилъ выдать Ѳ. Я. Фортинскому прибавочное пособіе къ его содержанію въ размѣрѣ 800 рублей, то въ засѣданіи совѣта 1 февраля 1874 года вопросъ о назначеніи недостающихъ 400 руб. изъ спеціальныхъ средствъ былъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ баллотировкою (положительныхъ 24, а отрицательныхъ шаровъ 10). Очевидно, члены

факультета и совѣта успѣли оцѣнить уже молодого преподавателя въ теченіе короткаго времени его дѣятельности въ стѣнахъ Кіевскаго университета.

Кромѣ чтенія лекцій и заботъ о пополненіи библіотеки университета, эта дѣятельность выражалась въ исполненіи порученій факультета. Однимъ изъ такихъ порученій было составленіе очерка ученой дѣятельности И. В. Лучицкаго. Дѣло въ томъ, что въ засѣданіи факультета 5-го ноября 1873 года проф. В. И. Модестовъ указывалъ, что давно уже не читаются лекціи по новой исторіи, и указывалъ на И. В. Лучицкаго, который съ успѣхомъ могъ бы читать курсы по новой исторіи. Въ виду такого заявленія факультетъ поручилъ Ѳ. Я. Фортинскому представить отзывъ объ ученыхъ трудахъ указаннаго кандидата на должность штатнаго доцента. Спустя 12 дней Ѳеодоръ Яковлевичъ представилъ самый лестный отзывъ. Не входя въ подробный разборъ диссертаціи И. В. Лучицкаго: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи", онъ ограничился тѣмъ, что сгруппировалъ всѣ указанія на достоинства этого труда, какія можно было извлечь изъ отзывовъ и рецензій проф. Бильбасова, проф. Осокина и французскаго историка Мори. Кромѣ того, съ большою похвалою отзывался объ архивныхъ работахъ И. В. Лучицкаго и его статьяхъ въ журналѣ „Знаніе". Отзывъ оканчивался такими выводами: „1) г. Лучицкій постоянно и усердно трудится надъ собираніемъ неизданныхъ документовъ и не безъ успѣха разрабатываетъ на основаніи ихъ исторію Франціи XVI в.; 2) трудясь въ архивахъ, г. Лучицкій находитъ однако время, чтобы внимательно слѣдить за появленіемъ историческихъ трудовъ во Франціи, Германіи и Англіи". Всегда благодушный и исполненный доброжелательности, Ѳ. Я. Фортинскій въ этомъ случаѣ остался вѣренъ себѣ и привѣтствовалъ ученыя заслуги своего будущаго товарища и сверстника. Иначе къ дѣлу отнесся М. Драгомановъ. По его мнѣнію, хотя „въ своемъ сочиненіи о Фергюссонѣ г. Лучицкій высказался за систематическое обозрѣніе историческихъ фактовъ предпочтительно предъ синхронистическимъ", но въ сво-

емъ сочиненіи: „Феодальная аристократія и кальвинисты во Франціи“; онъ якобы „отступилъ отъ своего идеала историческаго сочиненія, и это отступленіе отразилось невыгодно на его трудѣ“. „Предположивъ-же,—продолжаетъ г. Драгомановъ,—гораздо болѣе общую связь между гугенотскими волненіями и феодальной реакціей, чѣмъ это было въ дѣйствительности и по существу обоихъ движеній, г. Лучицкій сдѣлалъ свои мысли неясными, въ другихъ случаяхъ долженъ былъ допустить натяжки (напр., вмѣненіе общихъ идей всей партіи т. наз. политиковъ), объяснять явленія одного порядка причинами другого“. Далѣе, авторъ отзыва упрекаетъ И. В. Лучицкаго въ увлеченіи внѣшнимъ сцѣпленіемъ событій, въ неумѣніи дѣлать различія въ значеніи общихъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. Всѣ эти упреки г. Драгомановъ старается подкрѣпить цитатами изъ рецензіи Альфреда Мори и отзыва редакціи Бюллетеня французскаго историческаго протестантскаго общества, но какъ бы не замѣчаетъ, что все это не согласуется съ той общей оцѣнкой труда И. В. Лучицкаго, которую далъ г. Мори и которую приводитъ и онъ самъ: „Факты въ сочиненіи г. Лучицкаго изложены ясно, документы ловко пущены въ дѣло, изложеніе живо... Это трудъ почтенный [1])“.

За время своего непродолжительнаго пребыванія въ Кіевѣ до отъѣзда въ заграничную командировку Ѳ. Я. Фортинскій успѣлъ заявить себя съ самой лучшей стороны, какъ общественный дѣятель и членъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Такъ, 16 дек. 1873 года онъ прочиталъ и напечаталъ свою прекрасную публичную лекцію: „Развитіе папской власти въ средніе вѣка“. Пользуясь лучшими тогдашними сочиненіями по исторіи папства и извѣстнымъ сборникомъ Яффе, ораторъ выяснилъ съ полною убѣдительностью слабыя стороны старо-католическаго движенія, вызваннаго провозглашеніемъ догмата о папской непогрѣшимости на

[1]) Университетскія Извѣстія, 1874, № 7, часть оффиціальная, стр. 49—55

Римскомъ соборѣ 1870 года. Сборъ съ лекціи назначался въ пользу недостаточныхъ студентовъ и голодающихъ Самарской губерніи.

Историческое Общество Нестора-лѣтописца открыло свою дѣятельность первымъ общимъ засѣданіемъ 14 января 1873 года. Ѳ. Я. Фортинскій былъ однимъ изъ первыхъ членовъ этого новаго Общества: онъ былъ избранъ 16 сентября того же года. Въ отчетѣ за первый годъ существованія Общества отмѣчено, что въ одномъ изъ засѣданій онъ читалъ реферать о походахъ Болеслава польскаго на Кіевъ, подвергая разбору соотвѣтствующія свидѣтельства хроники Титмара Мерзебургскаго, а кромѣ того принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи реферата А. Д. Воронова: „Изслѣдованіе западныхъ извѣстій о латинскихъ миссіонерахъ на Руси въ X—XI вѣкѣ и сопоставленіе этихъ извѣстій со свидѣтельствами нашихъ лѣтописей [1])".

Такъ какъ вопросъ о заграничной командировкѣ вполнѣ выяснился къ 1 января 1874 года, то Ѳ. Я. Фортинскій уже 29 января того же года отправился въ С.-Петербургъ для полученія заграничнаго паспорта. Увѣдомляя о командированіи, министръ просилъ попечителя округа „предложить совѣту университета о снабженіи г. Фортинскаго надлежащею инструкціею". 26 января, по предложенію ректора, историко-филологическій факультетъ представилъ совѣту слѣдующую инструкцію: „Г. Фортинскій командируется въ Германію, Францію, Италію и другія государства Западной Европы для ознакомленія со способами преподаванія всеобщей исторіи въ заграничныхъ университетахъ и историческихъ семинаріяхъ. Изъ университетовъ г. Фортинскій долженъ преимущественно посѣтить Берлинскій, Лейпцигскій, Геттингенскій и École des chartes въ Парижѣ. Посѣщая университеты, г. Фортинскій долженъ обратить вниманіе на вспомогатель-

---

[1]) Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1875, № 4, научная хроника, стр. 1, 3, 6—7.

ныя ученыя учрежденія, особенно на музеи древностей [1])". Нельзя сказать, чтобы инструкція эта отличалась обстоятельностью. Несомнѣнно, при составленіи ея факультетъ руководился соображеніемъ о необходимости не стѣснять ученаго, отправляющагося въ командировку, излишними подробными предписаніями. Составленіе инструкціи въ данномъ случаѣ было исполненіемъ одной формальности: члены факультета не могли не сознавать, что такой дѣльный ученый и свѣдущій историкъ, какимъ уже въ ту пору былъ Ѳ. Я. Фортинскій, не нуждается въ руководствѣ и наставленіяхъ, необходимыхъ для начинающихъ ученыхъ.

Лѣтній или первый семестръ 1874 года нашъ ученый провелъ въ Геттингенѣ, а большую часть остального времени въ Парижѣ. Изъ-за границы онъ присылалъ въ Министерство подробные отчеты о своихъ занятіяхъ. Своею обстоятельностью эти отчеты обратили вниманіе Ученаго Комитета Министерства, а потому извлеченія изъ нихъ были напечатаны въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія" [2]). Въ Геттингенѣ Ѳ. Я. Фортинскій слушалъ лекціи и занимался въ историческихъ семинаріяхъ профессоровъ Вайца, Паули и Френсдорфа. Въ своемъ письмѣ „изъ Геттингена" онъ характеризуетъ методъ веденія практическихъ занятій въ этихъ семинаріяхъ, останавливаясь съ особенною подробностью на характеристикѣ семинарія Георга Вайца. Познакомивши своихъ слушателей на первыхъ лекціяхъ съ общими основами критики текстовъ и фактовъ, Вайцъ предоставлялъ самимъ слушателямъ избирать темы изъ всей исторіи среднихъ вѣковъ. Самыя же занятія состояли въ разборѣ представленныхъ работъ, которыя по большей части впослѣдствіи были представляемы авторами въ качествѣ докторскихъ диссертацій.

---

[1]) Кіевскія Унив. Извѣстія, 1874, № 3, офф. часть, стр. 33—34.

[2]) „Изъ Геттингена". Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія, 1875, октябрь (ч. CLXXXI, 2), соврем. лѣтопись, стр. 78—90. „Историческія занятія въ Ecole des chartes и въ École des hautes études въ Парижѣ"—Ж. М. Н. Пр., 1876, январь (ч. CLXXXIII, 1), совр. лѣт., стр. 1—17.

Профессоръ Френсдорфъ, историкъ-юристъ, въ ту пору читалъ курсъ по исторіи городовъ въ средніе вѣка, а на практическихъ занятіяхъ прочитывалъ, переводилъ со студентами и разъяснялъ имъ тексты, необходимые для ознакомленія съ исторіей извѣстнаго юридическаго понятія или учрежденія отъ древнѣйшихъ временъ до позднѣйшихъ. Что касается проф. Паули, знатока исторіи Англіи, то онъ ограничивался разборомъ и комментированіемъ хроники Гельмольда. Указывая въ своей статьѣ сильныя и слабыя стороны германскихъ семинарій, нашъ ученый рѣшительно высказался въ пользу той организаціи практическихъ занятій, которая существуетъ въ École des chartes, „гдѣ студенты раздѣлены на три курса и постепенно переходятъ отъ изученія болѣе простыхъ памятниковъ къ болѣе труднымъ [1])“.

Занятія Θеодора Яковлевича въ Геттингенѣ не ограничивались слушаніемъ лекцій и участіемъ въ практическихъ занятіяхъ. Значительную часть времени онъ посвящалъ изученію новой литературы и новыхъ изданій по предмету своей спеціальности. Плодомъ этихъ работъ были, между прочимъ, двѣ его рецензіи, напечатанныя въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Въ ту пору Симсонъ издалъ свою монографію о царствованіи Людовика Благочестиваго, напечатанную въ извѣстной коллекціи Jahrbücher der deutschen Geschichte, издаваемой исторической коммиссіей при корол. академіи наукъ въ Мюнхенѣ. Послѣ предварительныхъ замѣчаній о значеніи и цѣнности этой коллекціи рецензентъ [2]) подробно и критически знакомитъ читателя съ трудомъ Симсона.

Если Θ. Я. Фортинскій въ своемъ письмѣ изъ Геттингена говоритъ, что туда его „привлекло славное имя Вайца, котораго считаютъ теперь лучшимъ руководителемъ въ практическихъ занятіяхъ исторіей“ (стр. 88), то это его замѣчаніе не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Ему хо-

---

[1]) „Изъ Геттингена“, стр. 90.

[2]) См. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1874, № 6, крит.—библіогр. отдѣлъ, стр. 17—37.

рошо было также извѣстно, что Георгъ Вайцъ былъ тогда наиболѣе выдающимся историкомъ въ Германіи и лучшимъ знатокомъ германской средневѣковой исторіи. Онъ же руководилъ изданіемъ Ганзейскихъ рецессовъ и актовъ, городскихъ хроникъ и былъ однимъ изъ виновниковъ образованія общества для разработки исторіи Ганзы. Въ Геттингенѣ же, повидимому, Ѳ. Я. Фортинскій окончательно остановился на мысли заняться исторіей сѣверо-германскихъ городовъ и началъ изучать соотвѣтствующіе источники. Такъ какъ тогда только что вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ II-го тома сборника Bremisches Urkundenbuch, то ознакомленію съ этимъ изданіемъ нашъ ученый рѣшилъ посвятить особую статью, напечатанную, какъ было упомянуто выше, въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ [1]). Изложивши кратко исторію возникновенія сборника Bremisches Urkundenbuch и указавъ на медленность его опубликованія, авторъ статьи опредѣляетъ значеніе города Бремена, какъ центра миссіонерской дѣятельности и важнаго торговаго пункта въ средніе вѣка, выясняетъ недостаточность для исторіи города повѣствовательныхъ источниковъ и заканчиваетъ статью критической характеристикой самаго изданія. Въ сущности эта рецензія представляетъ собою краткую исторію города Бремена въ средніе вѣка, основанную на изученіи литературы, актовъ и хроникъ Адама Бременскаго, Гельмольда и Арнольда.

Въ Парижѣ Ѳ. Я. Фортинскій главнымъ образомъ слушалъ лекціи въ École des chartes и École des hautes études. Основательную характеристику этихъ школъ и историческихъ занятій въ нихъ онъ представилъ въ статьѣ, напечатанной въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ [2]). Статья начинается изложеніемъ исторіи возникновенія École des chartes и указанія ея задачъ. Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній авторъ переходитъ къ характеристикѣ самаго метода занятій въ ней. Такъ, онъ подробно говоритъ о курсахъ Леона Готье

---

[1]) 1874, № 7, критико-библіогр. отдѣлъ, стр. 39—57.
[2]) 1876, (ч. CLXXXIII, 1), совр. лѣтоп., стр. 1—17.

по палеографіи, Монтеглона по архивовѣдѣнію, П. Мейера—по исторіи романскихъ нарѣчій, Малатри—по дипломатикѣ, Бутарика—по исторіи политическихъ и административныхъ учрежденій Франціи. Всѣ эти курсы были не столько теоретическими, сколько практическими: излагая основныя начала историческихъ дисциплинъ, профессора привлекали слушателей къ самостоятельной работѣ, задавая имъ вопросы, прочитывая съ ними грамоты и заставляя подготовляться къ лекціямъ. Вполнѣ теоретическимъ былъ курсъ проф. Тартифа по исторіи права въ средніе вѣка, читанный слушателямъ послѣдняго курса, и отчасти курсъ проф. Кишера́ по археологіи. Ставя высоко организацію занятій въ школѣ, нашъ ученый указываетъ однако и пробѣлы въ преподаваніи. Къ числу таковыхъ пробѣловъ онъ относитъ отсутствіе двухъ важныхъ курсовъ, а именно: исторіографіи среднихъ вѣковъ и исторіи средневѣковой литературы. Впрочемъ, эти пробѣлы восполнялись до нѣкоторой степени курсами въ École des hautes études, которая кое-какъ пристроилась при Сорбоннѣ. Въ этой послѣдней школѣ Ѳ. Я. Фортинскій посѣщалъ курсы Моно и Жири. Первый читалъ обзоръ источниковъ для исторіи Франціи до XIII вѣка и занимался разборомъ источниковъ третьяго крестоваго похода, второй же—исторію возникновенія коммунъ на сѣверѣ Франціи. Заслуживаетъ вниманія проницательность и наблюдательность Ѳ. Я. Фортинскаго. Онъ обратилъ вниманіе на слабую сторону французскихъ ученыхъ, ихъ любовь къ фразѣ: „Кишера́,—читаемъ мы въ его отчетѣ,—чуть-ли не единственный извѣстный мнѣ французскій профессоръ, который не любитъ попусту тратить слова́, изъ его лекціи фразы не выкинешь [1]“. Говоря о курсѣ Жири, который тогда только что начиналъ свою преподавательскую дѣятельность, авторъ отчета высказывается такъ: „Не смотря на недостатокъ устойчивости въ методѣ занятій, въ самой критикѣ документовъ, фактовъ, виденъ въ Жири одинъ изъ талантливѣйшихъ будущихъ представителей фран-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр., 1876, январь, стр. 13.

цузской исторической науки, достойный воспитанникъ École des chartes [1])". Какъ извѣстно, этотъ отзывъ о Жири дѣйствительно оправдался впослѣдствіи самымъ блистательнымъ образомъ. Пріобрѣтая извѣстность своими трудами по разработкѣ исторіи городовъ [2]), этотъ, къ сожалѣнію, рано сошедшій въ могилу ученый оставилъ послѣ себя великолѣпный памятникъ глубокой эрудиціи, свое классическое руководство по дипломатикѣ (Manuel de diplomatique, Paris 1894).

Находясь въ Парижѣ, Ѳ. Я. Фортинскій здѣсь, какъ и въ Геттингенѣ, внимательно слѣдилъ за новой литературой и прислалъ въ Кіевъ для напечатанія въ Университетскихъ Извѣстіяхъ двѣ свои рецензіи, изъ которыхъ одна о сочиненіи Сенъ-Мартена была написана въ ноябрѣ 1874 года, а другая о первомъ томѣ знаменитаго сочиненія Фюстель-де-Куланжа Histoire des institutions politiques de l'ancienne France была написана въ апрѣлѣ 1875 года [3]).

По возвращеніи въ Кіевъ Ѳ. Я. Фортинскій озаботился пополненіемъ университетской библіотеки. 17 марта 1876 г. „доценты Фортинскій и Лучицкій вошли съ просьбою о ходатайствѣ передъ совѣтомъ касательно назначенія особой суммы на выписку важнѣйшихъ источниковъ по всеобщей исторіи, которыхъ не имѣется въ библіотекѣ". Не смотря на то, что стоимость указанныхъ изданій опредѣлялась въ суммѣ свыше 800 р., ходатайство это было уважено совѣтомъ [4]). Пока

---

[1]) Тамъ-же, стр. 17.

[2]) Укажемъ на его превосходное изданіе: Recueil de documents pour servir à l'histoire des relations de la royauté avec les villes au XIIe et au XIIIe s. Paris 1885, и на его извѣстныя изслѣдованія: 1) Histoire de la ville de Saint-Omer et de ses institutions, Paris 1877; 2) Les Établissements de Rouen etc., Paris 1883—1885, 2 vol. 3) Étude sur les origines de la commune de Saint-Quentin, 1887, in-4. Подробности см. въ некрологѣ, написанномъ Моно (Revue historique, t. LXXII, 1900, p. 97).

[3]) См. Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1875, № 1, крит.-библіогр. отдѣлъ, стр. 12—51; № 5, крит.—библ. отдѣлъ, стр. 111—135.

[4]) Кіевск. Унив. Изв., 1876, № 6, офф. часть, стр. 11; № 7, офф. часть, стр. 17—18.

Θ. Я. Фортинскій былъ за границей, въ составѣ преподавателей всеобщей исторіи произошла перемѣна: магистръ М. П. Драгомановъ въ 1875 году былъ уволенъ попечителемъ отъ должности доцента. Такъ какъ вслѣдствіе этого древняя исторія вовсе не излагалась студентамъ, то факультетъ 22 сентября 1876 г. постановилъ поручить чтеніе курса по исторіи Востока доценту Лучицкому, исторіи Греціи—доценту Аландскому, а по римской исторіи—доценту Фортинскому, причемъ послѣдній долженъ былъ начать свои лекціи въ слѣдующемъ семестрѣ [1]).

Если отсрочка чтенія лекцій по римской исторіи находилась, по всей вѣроятности, въ связи съ необходимостью обработки и печатанія докторской диссертаціи, то нельзя того же сказать относительно ходатайства о выпискѣ книгъ. Въ послѣднемъ случаѣ имѣлось въ виду только пополненіе существенныхъ пробѣловъ въ библіотекѣ. Есть полное основаніе думать, что докторская диссертація: „Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе Ганзейскаго союза до 1370 года“ (Кіевъ 1877, стр. I—II, 1—416), была изготовлена Θ. Я. Фортинскимъ во время пребыванія заграницей. Это видно изъ того, что она стала печататься въ Университетскихъ Извѣстіяхъ съ апрѣльской книги вплоть до декабрьской 1876 года [2]). Былъ только одинъ перерывъ послѣ напечатанія первыхъ двухъ главъ въ апрѣльской и майской книгахъ Извѣстій. Онъ обусловливался тѣмъ, что въ ту пору вышелъ въ свѣтъ первый томъ изданія Гёльбаума (K. Höhlbaum, Hansisches Urkundenbuch, Halle 1876, in-4). Желая воспользоваться этимъ ново-опубликованнымъ матеріаломъ, Θ. Я. Фортинскій поспѣшилъ выписать изданіе Гёльбаума и на мѣсяцъ пріостановилъ печатаніе своей работы. Эта частность свидѣтельствуетъ объ осторожности и научной добросовѣстности изслѣдователя. Собственныхъ изысканій въ Ган-

---

[1]) Кіев. Унив. Изв., 1876, № 12, оффиц. часть, стр. 53—54.

[2]) Кіев. Унив. Изв., 1876, № 4, стр. 216–269; № 5, стр. 372—425; № 7, стр. 609—712; № 8, стр. 741—809; № 9, стр. 897—942; № 10 стр. 1072—1092; № 11 стр. 1093—1119; № 12, стр. 1245—1289.

зейскихъ архивахъ Ѳ. Я. Фортинскій не производилъ не потому, чтобы въ этомъ онъ не видѣлъ необходимости, а въ виду состоянія Ганзейской исторіографіи, какъ на это онъ и указывалъ въ своемъ предисловіи: „Съ тѣхъ поръ,—пишетъ онъ,—какъ Лаппенбергъ докончилъ и издалъ знаменитый трудъ Сарторіуса: Urkundliche Geschichte des Usprunges der deutschen Hanse (Hamburg 1830), прошло уже болѣе 45 лѣтъ; за это время явились такіе обширные сборники, какъ Любекскій, Мекленбургскій, Поморскій, Ливонскій и пр., гдѣ новые документы считаются тысячами; въ послѣдніе годы сдѣлана даже попытка (Коппманомъ и Гёльбаумомъ) сгруппировать изъ нихъ матеріалъ, относящійся къ исторіи Ганзейскаго союза, а между тѣмъ большихъ трудовъ, гдѣ были бы сведены и критически оцѣнены всѣ эти новыя данныя, все еще нѣтъ, какъ нѣтъ. Произведенія Шлецера, Бартольда, Вормса и др. представляютъ собою,—продолжаетъ онъ,—скорѣе сокращеніе и популяризацію классическаго сочиненія Сарторіуса, чѣмъ дальнѣйшее разъясненіе исторіи Ганзы. Само Ганзейское историческое общество за пять лѣтъ своего существованія издало гораздо болѣе новыхъ матеріаловъ, чѣмъ самостоятельныхъ изслѣдованій. До какой степени масса новаго матеріала подавляетъ собою современныхъ историковъ, можно судить по тому, что тема на премію о войнахъ Ганзейскаго союза съ Вальдемаромъ IV, предложенная Ганзейскимъ обществомъ въ 1870 году, до сихъ поръ еще остается безъ отвѣта [1])".

Въ первой главѣ диссертаціи авторъ даетъ краткій очеркъ внутренней исторіи такъ называемаго вендскаго поморья въ періодъ подчиненія его нѣмцами и возникновенія тамъ тѣхъ городовъ, которые были виновниками образованія Ганзы. При этомъ автору пришлось высказаться по вопросу о нѣмецкой колонизаціи. Хотя этимъ вопросомъ онъ не занимался спеціально, но успѣлъ отмѣтить рядъ такихъ явленій, на которыя обыкновенно не обращаютъ вниманія, а по-

1) Приморскіе вендскіе города и т. д., стр. 1.

тому они остаются доселѣ недостаточно выясненными. Такъ, напр., имъ было указано на то, что князья, епископы и монастыри въ своемъ призывѣ колонистовъ изъ разныхъ странъ, а особенно изъ Германіи, руководились не столько мыслью о распространеніи и утвержденіи христіанства, сколько матеріальными соображеніями о собственной безопасности и обогащеніи. „Разумѣется,—говоритъ авторъ диссертаціи,—сами епископы постройку монастырей и призывъ колонистовъ объясняютъ въ своихъ грамотахъ исключительно первою цѣлью, а о второй же умалчиваютъ или же выставляютъ на видъ простое желаніе развить въ странѣ земледѣліе, къ которому славяне будто бы были малоспособны [1]“. Извѣстно, что нѣмецкіе изслѣдователи въ родѣ Зоммерфельда подобныя заявленія, находимыя въ грамотахъ, принимаютъ за чистую монету и изображаютъ нѣмецкихъ колонистовъ въ видѣ современныхъ культуртрегеровъ. Критическое же замѣчаніе Ѳ. Я. Фортинскаго указываетъ на необходимость пересмотрѣть вопросъ съ другой стороны, въ интересахъ научной истины. Значительный шагъ впередъ по пути къ правильному освѣщенію нѣмецкой колонизаціи сдѣлалъ и самъ авторъ диссертаціи. „Нѣмецкіе изслѣдователи видятъ, — говоритъ онъ,—въ колонизаціи Славіи и въ введеніи тамъ нѣмецкаго права ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе крѣпостного состоянія, господствовавшаго будто бы не только въ Германіи, но и у славянъ; но они, очевидно, смѣшиваютъ при этомъ общія славянскія земскія повинности, назначавшіяся на защиту страны и на содержаніе правительства—князей и ихъ кастеляновъ—съ барщиной въ пользу частныхъ владѣльцевъ, главнымъ условіемъ крѣпостного состоянія, а между тѣмъ здѣсь-то и сказывалось существенное различіе между бытомъ славянъ и нѣмцевъ въ XII в. [2]“. Не ограничиваясь этой поправкой, авторъ диссертаціи доказалъ, что нѣмецкіе колонисты не были освобождены отъ барщины, и что со времени коло-

[1]) Приморскіе вендскіе города, стр. 33, 26.

[2]) Приморскіе вендскіе города, стр. 41.

низаціи съ ней познакомились и туземцы. „Въ чемъ собственно,—говоритъ онъ,—состояла служба (servitium), на которую туземцы и колонисты отдавались прелатамъ, въ грамотахъ ясно не указано. Нѣмецкіе писатели, имѣя въ виду условія, при которыхъ совершалась колонизація, готовы предполагать все лучшее. Тяжелое положеніе Мекленбургскихъ крестьянъ въ позднѣйшее время они склонны скорѣе объяснять результатомъ притѣсненій ихъ со стороны землевладѣльцевъ, имѣвшихъ надъ колонистами право суда и администраціи, чѣмъ сохраненіемъ барщины со временъ колонизаціи. Между тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—въ сосѣднихъ славянскихъ областяхъ, куда тоже выселялись нѣмецкіе колонисты, уцѣлѣло нѣсколько первоначальныхъ договоровъ между прелатами и колонистами, по которымъ ясно видно, что переселенцы обязывались и къ издѣльной повинности, съ тѣмъ отличіемъ, что размѣры ея точно были опредѣлены [1]". Эти наблюденія и выводы въ значительной степени уже подтвердились въ изслѣдованіи фонъ Швинда, который доказалъ, что правовое положеніе нѣмецкихъ колонистовъ далеко не было основано на прочныхъ юридическихъ основахъ, что владѣльческія права старостъ или шульцевъ были болѣе жизненнымъ и способнымъ къ дальнѣйшему развитію элементомъ, чѣмъ права колонистовъ [2].

При изложеніи такого деликатнаго вопроса, какъ исторія славяно-нѣмецкихъ отношеній, русскій изслѣдователь всегда рискуетъ навлечь на себя нареканія въ славянофильскомъ пристрастіи. Что въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не было, лучше всего видно изъ того, что проф. М. Бережковъ въ своей рецензіи на книгу Ѳ. Я. Фортинскаго находитъ даже возможнымъ высказать упрекъ, что „авторъ недостаточно рѣшительно говоритъ о значеніи славянской культуры, предшествовавшей нѣмецкой колонизаціи, и недо-

---

[1]) Приморскіе вендскіе города, стр. 42

[2]) E. von Schwind, Zur Entstehungsgeschichte der freien Erbleihen in den Rheingegenden und den gebieten der nördlichen deutschen Colonisation des Mittelalters, Breslau 1891, S. 149—157.

статочно рельефно выставляетъ все ея громадное вліяніе [1])".

Во второй главѣ авторъ диссертаціи говоритъ о возникновеніи и развитіи внутренняго устройства приморскихъ вендскихъ городовъ (Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Стральзундъ и Грейфсвальдъ), которые наиболѣе содѣйствовали образованію Ганзы. Въ третьей самой обширной главѣ авторъ съ большимъ знаніемъ литературы и актовъ разсматриваетъ континентальную и морскую торговлю вендскихъ городовъ на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Самая эта обширность 3-ей главы обусловливалась какъ богатствомъ матеріала, бывшаго въ распоряженіи изслѣдователя, такъ и тѣмъ объективнымъ соображеніемъ, что торговые интересы городовъ являлись жизненнымъ нервомъ Ганзы и были тѣмъ цементомъ, который сплачивалъ ихъ въ одно цѣлое. Пятую главу Ѳ. Я. Фортинскій начинаетъ указаніемъ мнѣній о происхожденіи и первоначальномъ значеніи слова hansa и приводитъ соображенія своего товарища по факультету, извѣстнаго слависта проф. А. А. Котляревскаго противъ производства этого слова отъ нѣмецкаго корня. Сила этихъ соображеній проф. А. А. Котляревскаго основательно поколеблена проф. М. Бережковымъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи [2]). Далѣе, въ этой же пятой главѣ авторъ диссертаціи ставитъ и вполнѣ удачно рѣшаетъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ своей темы: „Современные историки,—говоритъ онъ,—начиная съ Сарторіуса и Лаппенберга и кончая Коппманомъ и Гардунгомъ, въ своихъ изысканіяхъ о происхожденіи Ганзы вполнѣ согласны въ томъ, что въ основу Ганзейскаго союза легли два элемента: общества нѣмецкихъ купцовъ въ чужихъ земляхъ и союзы городовъ въ самой Германіи; но они затрудняются въ указаніи причинъ возникновенія тѣхъ и другихъ и въ объясненіи перемѣны въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ". По мнѣнію автора, „затрудненія современныхъ изслѣдователей въ объ-

---

[1]) Журн. Мин. Народн. Просв., 1877, апрѣль (ч. CXC, I), стр. 310.

[2]) О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV вѣка, СПБ. 1879, стр. 48—49.

ясненіи происхожденія Ганзы порождены не одною скудостью матеріала, но и самою постановкою у нихъ вопроса: они изучали исторію Ганзейскаго союза независимо отъ внутренней исторіи самыхъ городовъ, вошедшихъ въ составъ его, и потому отъ нихъ вниманія ускользало вліяніе перемѣнъ, совершавшихся въ городахъ, на отношенія этихъ послѣднихъ къ заграничнымъ купеческимъ обществамъ [1])". Выяснивъ вполнѣ убѣдительно причины возникновенія какъ обществъ нѣмецкихъ купцовъ или конторъ, такъ и отмѣтивши причины, побуждавшія города искать взаимнаго содѣйствія, авторъ диссертаціи далѣе прекрасно доказалъ, что организація обществъ Любекскихъ купцовъ въ чужихъ краяхъ была копіей или снимкомъ съ устройства самаго Любека. Разрѣшеніе этого вопроса является такимъ образомъ крупною заслугою Ѳ. Я. Фортинскаго.

Диссертація оканчивается краткимъ изложеніемъ исторіи двухъ войнъ Ганзы съ Вальдемаромъ IV, королемъ датскимъ. Эти войны были испытаніемъ прочности и силы Ганзы. Вторая война съ Вальдемаромъ, окончившаяся миромъ 1370 года, окончательно упрочила авторитетъ Любека среди торговыхъ городовъ Сѣверной Германіи и содѣйствовала такимъ образомъ упроченію Ганзы.

Отдавая должное основательности поправокъ и замѣчаній проф. М. Бережкова, сдѣланныхъ имъ въ его рецензіи относительно тѣхъ страницъ, которыя Ѳ. Я. Фортинскій посвятилъ исторіи торговли Ганзы съ Русью, нельзя однако согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ рецензента: „Притомъ намъ,—говоритъ проф. Бережковъ,—кажется преувеличенною та рознь, которая существовала будто бы между заграничными купеческими обществами и городами [2])", такъ какъ оно основано на недоразумѣніи: авторъ диссертаціи нигдѣ не говоритъ о розни, а только объ увеличеніи вліянія городовъ на заграничныя нѣмецкія конторы.

---

1) Приморскіе вендскіе города, стр. 327.

2) Ж. М. Н. Пр., 1877, апрѣль, стр. 311.

Хотя со времени выхода въ свѣтъ диссертаціи „Приморскіе вендскіе города“ прошло болѣе 25 лѣтъ, но она доселѣ не потеряла своего научнаго значенія. Правда, въ промежутокъ этого времени опубликовано много новыхъ матеріаловъ и вышло въ свѣтъ много прекрасныхъ монографій по исторіи Ганзы, а въ зависимости отъ этого, конечно, является необходимость частичныхъ поправокъ, дополненій къ положеніямъ диссертаціи, но въ то же время доселѣ исторіографія Ганзейская не можетъ похвалиться обладаніемъ общимъ ученымъ трудомъ по исторіи Ганзы, подобнымъ знаменитому труду Сарторіуса—Лаппенберга. Тотъ пробѣлъ, который указывалъ Ѳ. Я. Фортинскій въ предисловіи къ своей диссертаціи, восполняется только его работой, которая была и остается, къ сожалѣнію, неизвѣстной нѣмецкимъ изслѣдователямъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ общихъ сочиненій по исторіи Ганзы можно указать небольшую популярную книгу Линднера, изданную въ 1899 г.,[1]) и книгу Шёфера, написанную на тему, предложенную историческимъ Ганзейскимъ обществомъ, о войнахъ ганзейскихъ городовъ съ королемъ Вальдемаромъ. Книга эта имѣетъ подзаголовокъ: „Исторія Ганзы до 1376 года [2])“. Помимо того, что этотъ трудъ Шёфера вышелъ въ свѣтъ только на три года позже диссертаціи русскаго ученаго, нужно имѣть въ виду, что, по отзыву Коппмана, вполнѣ компетентнаго въ данномъ случаѣ судьи и знатока Ганзейской исторіографіи, сочиненіе это совершенно соотвѣтствуетъ предложенной темѣ, а потому и увѣнчано преміей, но не можетъ быть выдаваемо за общую исторію Ганзы. Чтобы по содержанію своему книга могла оправдать свое второе заглавіе, одно въ ней необходимо сократить, а другое исправить и дополнить и т. д. [3]).

---

[1]) Lindner, Die deutsche Hanse, ihr Wesen und ihr Bedeutung, für das deutsche Volk dargestellt, Lpz. 1899, S. 1—215.

[2]) D. Schäfer, Die Hansestädte und König Waldemar von Dänemark· Hansische Geschichte bis 1376, Jena 1879.

[3]) Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, II. Jahrgang, 1879. Abt. II S. 171, 179.

Покончивши съ печатаніемъ диссертаціи, Ѳ. Я. Фортинскій взялся за другія работы. Такъ, прежде всего появились на страницахъ Университетскихъ Извѣстій двѣ его обстоятельныя рецензіи, изъ которыхъ одна о трудѣ Фиккера по дипломатикѣ была напечатана въ январьской книгѣ, [1]) а другая—о трудѣ Везендонка, посвященномъ выясненію значенія дѣятельности Гаттерера и Шлецера въ дѣлѣ основанія современной исторіографіи,—появилась въ апрѣльской книгѣ Извѣстій за 1877 годъ. [2]) Обѣ эти рецензіи вполнѣ знакомятъ читателя съ содержаніемъ этихъ трудовъ Фиккера и Везендонка и ихъ научнымъ значеніемъ. Въ то же время, по порученію Академіи Наукъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ составилъ отзывъ объ историческомъ изслѣдованіи С. Гедеонова: „Варяги и Русь“ (СПБ. 1876), представленномъ на соисканіе преміи графа Уварова. Отзывъ этотъ былъ напечатанъ въ трудахъ Академіи [3]), и автору отзыва присуждена установленная золотая медаль. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, почему Академія поручила составленіе отзыва не специалисту по русской исторіи, а специалисту по всеобщей исторіи. Дѣло объясняется тѣмъ, что С. Гедеоновъ въ своемъ капитальномъ и большомъ трудѣ (два тома) доказываетъ, что варяги не были норманны и что норманны не были русью, а варяги—князья и ихъ дружина были призваны изъ славянскаго Балтійскаго поморія. Такъ какъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ средневѣковой исторіи Балтійскаго поморья и источниковъ этой исторіи былъ Ѳ. Я. Фортинскій, то порученіе, данное ему, слѣдуетъ разсматривать какъ признаніе со стороны Академіи его научныхъ заслугъ. [4])

---

[1]) Кіевскія Унив. Изв. 1877, № 1, крит.—библіогр. отд., стр. 17—28.

[2]) Кіев. Унив. Изв., № 4, крит.-библіогр. отд., стр. 159—176.

[3]) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. 33, СПБ. 1879. Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПБ. 1878, Рецензія профессора Фортинскаго, стр. 605—651.

[4]) Разборъ труда Гедеонова съ филологической стороны порученъ былъ академику И. И. Срезневскому. Кромѣ того, академикъ А. А. Куникъ нашелъ необходимымъ присоединить къ отзыву проф. Фортинскаго свои два замѣчанія. Замѣчанія этихъ академиковъ напечатаны также въ „Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи“, стр. 652—665, 666—700.

Въ началѣ 1877 года какъ Ѳ. Я. Фортинскій, такъ и И. В. Лучицкій, защитили въ С. Петербургскомъ университетѣ свои диссертаціи и были удостоены степени докторовъ всеобщей исторіи.[1]) Разумѣется, историко-филологическій факультетъ, въ составѣ котораго съ правомъ голоса засѣдали тогда и доценты, не замедлилъ войти въ совѣтъ съ представленіемъ о повышеніи новыхъ докторовъ въ званіе экстраординарныхъ профессоровъ. Представленіе начиналось заявленіемъ, что „факультетъ постоянно имѣлъ въ виду замѣщеніе каѳедры всеобщей исторіи тремя отдѣльными профессорами, соотвѣтственно тѣмъ спеціальнымъ требованіямъ, какія существуютъ по каждому изъ отдѣловъ указанной науки, а именно древней, средневѣковой и новой исторіи“. Затѣмъ указано было на то, что факультетъ въ засѣданіи 11 марта подвергалъ доцентовъ Фортинскаго и Лучицкаго (оба они не присутствовали въ засѣданіи) баллотировкѣ, при чемъ первый изъ нихъ получилъ 9 избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго, а второй—8 избирательныхъ и 1 неизбирательный шаръ. Къ представленію былъ приложенъ краткій отзывъ орд. профессора и декана факультета В. С. Иконникова объ ученыхъ трудахъ обоихъ доцентовъ. Послѣ перечня трудовъ Ѳ. Я. Фортинскаго въ отзывѣ сказано нѣсколько словъ о его докторской диссертаціи: сочиненіе это названо „выдающимся трудомъ“ и въ поясненіе упомянуто о трудности темы и самомъ содержаніи сочиненія. Также точно составленъ былъ отзывъ и о трудахъ И. В. Лучицкаго[2]). Представленіе факультета и отзывъ проф. В. С. Иконникова были заслушаны въ засѣданіи совѣта 18 марта, а въ слѣдующемъ засѣданіи 8 апрѣля 1877 г. доценты Фортинскій и Лучицкій были подвергнуты баллотированію, результаты котораго были благопріятны для обоихъ; и оба были избраны большинствомъ голосовъ: первый—23 противъ 15,

---

[1]) Докторская диссертація И. В. Лучицкаго: „Католическая лига и кальвинисты во Франціи,“ Кіевъ 1877, стр. 1—560, также была напечатана въ Университетск. Извѣстіяхъ за 1876 г.

[2]) Кіевскія Универ. Изв., 1877, № 6, офф. часть, стр. 42—4?

а второй 21 противъ 17.[1]) Въ томъ же 1877 году Ѳ. Я. Фортинскій былъ избранъ на должность секретаря историко-филологическаго факультета и занималъ ее вплоть до назначенія своего деканомъ факультета въ 1887 году (послѣ отказа отъ должности декана проф. В. С. Иконникова).

Почти ровно черезъ годъ послѣ утвержденія Ѳ. Я. Фортинскаго въ должности экстраординарнаго профессора факультетъ вошелъ въ совѣтъ съ представленіемъ объ избраніи его въ ординарные профессоры. Какъ оказывается, при баллотировкѣ, произведенной въ засѣданіи факультета 5 апрѣля 1878 года, онъ былъ избранъ единогласно. Въ запискѣ декана факультета проф. В. С. Иконникова, приложенной къ представленію, послѣ перечисленія трудовъ, написанныхъ кандидатомъ на ординатуру, было сказано слѣдующее: „Неоспоримыя научныя достоинства этихъ трудовъ и вполнѣ добросовѣстное отношеніе г. Фортинскаго къ своимъ занятіямъ по каѳедрѣ, извѣстныя факультету съ самой хорошей стороны,—безъ сомнѣнія, даютъ г. Фортинскому право на занятіе одной изъ вакантныхъ ординатуръ, имѣющихся на историко-филологическомъ факультетѣ“. Въ засѣданіи совѣта 5 мая 1878 года избраніе Ѳеодора Яковлевича прошло большинствомъ только трехъ голосовъ: 21 противъ 18 [2]).

Занимая каѳедру всеобщей исторіи въ университетѣ св. Владиміра въ теченіе 30 лѣтъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ Фортинскій былъ вполнѣ достойнымъ представителемъ этой каѳедры. Въ теченіе всего этого времени онъ не переставалъ зорко слѣдить за развитіемъ средневѣковой исторіографіи. Онъ всегда внимательно прочитывалъ всѣ новыя книжки нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ и италіанскихъ историческихъ журналовъ. Всѣ наиболѣе выдающіеся труды и изданія по исторіи среднихъ вѣковъ онъ выписывалъ отча-

[1]) Кіев. Унив. Изв., 1877, № 6, офф. часть, стр. 57.

[2]) Кіев. Универ. Изв., 1878, № 6, оффиц. часть, стр. 14—16, 43.

сти для своей собственной библіотеки, въ ущербъ своимъ матеріальнымъ средствамъ, отчасти для университетской библіотеки на средства, отпускаемыя по его каѳедрѣ. Всѣ эти новинки были имъ просматриваемы и прочитываемы съ живѣйшимъ вниманіемъ. Друзья и знакомые Ѳ. Я. Фортинскаго хорошо знаютъ, что когда бы кто по-просту ни заходилъ къ нему, всегда заставалъ его въ кабинетѣ, а въ лѣтнее время на балконѣ его скромнаго дома, за чтеніемъ книги, съ перомъ въ рукахъ. Это было чтеніе не любителя, а трудолюбиваго ученаго, истиннаго бенедиктинца нашихъ дней: читая научныя изданія, Ѳ. Я. Фортинскій дѣлалъ свои замѣтки и выписки, отмѣчалъ свои наблюденія и замѣчанія.

Пріобрѣтая и накопляя такимъ образомъ научныя знанія, онъ излагалъ ихъ на своихъ лекціяхъ умѣло, кратко, ясно и отчетливо. Его лекціи не представляли собою перечитыванія старыхъ записокъ, составленныхъ во дни молодости. Его лекціи всегда были свѣжимъ источникомъ историческаго знанія, всегда стояли на уровнѣ современной науки. Авторъ этой краткой замѣтки, ученикъ Ѳ. Я. Фортинскаго, имѣлъ счастье въ теченіе 4 лѣтъ быть слушателемъ его лекцій. Онъ хорошо помнитъ, какое сильное впечатлѣніе производила каждая лекція покойнаго учителя. Лекціи эти не блистали внѣшними эффектами или цвѣтами краснорѣчія, но исполнены были глубокой эрудиціи. которая первое время даже подавляла неподготовленныхъ и молодыхъ студентовъ. Чтобы по достоинству оцѣнить его лекціи, нужно было вслушаться въ нихъ и самому поработать надъ чтеніемъ историческихъ трактатовъ. Изобилуя изложеніемъ богатаго фактическаго матеріала, каждая лекція профессора была проникнута живой критическою мыслью и завершалась рядомъ научныхъ выводовъ или положеній.

Еще болѣе пользы приносили слушателямъ практическія занятія профессора, которыя неизмѣнно онъ велъ каждый семестръ съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности въ стѣнахъ университета Св. Владиміра вплоть до самой смерти. На практическихъ занятіяхъ были читаемы

и объясняемы важнѣйшіе источники по исторіи среднихъ вѣковъ. Довольно часто бывали прочитываемы и разбираемы профессоромъ доклады, написанные студентами. Главное вниманіе Ѳ. Я. Фортинскій на практическихъ занятіяхъ обращалъ на ознакомленіе слушателей съ правилами исторической критики, пріемами научной работы и научными методами. Не ограничиваясь преподаваніемъ въ стѣнахъ университета, профессоръ не отказывалъ въ своемъ руководствѣ и внѣ его, давая охотно и съ любовью всѣ указанія, какія были необходимы.

Во время студенчества и послѣ выхода изъ университета, мы смѣло шли къ профессору со своими сомнѣніями или недоумѣніями, впередъ зная, что будемъ встрѣчены съ полнымъ радушіемъ и привѣтливостью. Если къ профессору являлся студентъ съ просьбой о темѣ для научной работы, то онъ ему немедленно давалъ всѣ необходимыя книги и пособія, какія были въ его библіотекѣ, часто не зная даже и не спрашивая фамиліи явившагося. Довѣріе и любовь профессора къ молодежи были безграничны.

Кромѣ общаго курса по исторіи среднихъ вѣковъ, Ѳ. Я. Фортинскій въ спеціальныхъ курсахъ излагалъ также исторію Германіи, Франціи, Англіи и Италіи. Повидимому, излюбленными его курсами были курсы по исторіи средневѣковаго папства, исторіи городовъ и исторіи крестовыхъ походовъ. Почти всѣ эти курсы были отлитографированы студентами, подъ редакціей профессора, въ 80-хъ годахъ. Послѣ того, насколько мнѣ извѣстно, новыя и пересмотрѣнныя изданія не выходили. Впрочемъ, послѣ каждой лекціи профессоръ оставлялъ въ распоряженіи аудиторіи довольно подробный конспектъ, въ концѣ котораго была указываема соотвѣтствующая литература. Какъ извѣстно, свои лекціи Ѳ. Я. Фортинскій постоянно переработывалъ и удерживалъ на уровнѣ современной науки. Въ послѣдніе годы, занимая должность ректора университета и посвящая исполненію обязанностей по этой должности много силъ и времени, не имѣя досуга для составленія самостоятельныхъ изслѣдованій, Ѳ. Я.

Фортинскій почти исключительно сосредоточился на обработкѣ своихъ лекцій. Только необыкновенная скромность не позволила профессору напечатать свои курсы. По нашему мнѣнію, долгъ университета Св. Владиміра найти всѣ средства къ напечатанію этихъ курсовъ покойнаго профессора. Это было бы справедливою данью уваженія и признательности со стороны университета, хозяйство котораго трудами покойнаго приведено въ блестящее состояніе. Всѣмъ извѣстно въ Кіевѣ, что на службѣ университету Св. Владиміра потерялъ Ѳ. Я. Фортинскій свои силы и здоровье, что эта служба преждевременно свела его въ могилу.

Со времени избранія на должность экстраординарнаго профессора, Ѳ. Я. Фортинскій напечаталъ 18 статей, перечень которыхъ подъ №№ 15—32 находится въ спискѣ его сочиненій, приложенномъ къ этой краткой замѣткѣ. Большая часть этихъ статей составлена въ формѣ рецензій. Кто читалъ эти такъ называемыя рецензіи, тотъ знаетъ, что онѣ стоятъ болѣе, чѣмъ нѣкоторыя самостоятельныя изслѣдованія. По поводу каждой книги или изданія Ѳ. Я. Фортинскій сообщаетъ данныя о состояніи научной обработки даннаго вопроса или знакомитъ читателя съ исторіей возникновенія даннаго сборника источниковъ и критическими пріемами издателей. Въ этихъ статьяхъ проявлено много знанія и разсѣяно много плодотворныхъ наблюденій и критическихъ замѣчаній. Собственно говоря, въ этихъ статьяхъ дана исторіографія среднихъ вѣковъ за вторую половину XIX вѣка. Не ручаясь за полноту списка, сейчасъ можно насчитать 30 статей; нѣкоторыя изъ нихъ были довольно велики, 30—60 стр. каждая. Къ сожалѣнію, эти статьи, напечатанныя преимущественно на страницахъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій за длинный рядъ лѣтъ, остаются малодоступными, а потому не могутъ содѣйствовать развитію и укрѣпленію русской исторической науки въ той мѣрѣ, какъ можно было бы желать. Если университетъ Св. Владиміра нашелъ возможнымъ на свои средства издать собраніе сочиненій своего бывшаго ректора Иванишева, то и въ данномъ

случаѣ онъ найдетъ, несомнѣнно, необходимымъ издать сборникъ статей Ѳ. Я. Фортинскаго. Это предпріятіе не потребовало бы и большихъ денежныхъ средствъ на изданіе. Если бы въ сборникѣ нашли мѣсто только статьи, за выключеніемъ двухъ диссертацій, то получился бы томъ въ 700—750 страницъ. Изданіемъ лекцій и статей покойнаго профессора университетъ оказалъ бы большую услугу русской исторической наукѣ и учащейся молодежи. Какъ извѣстно, въ русской литературѣ доселѣ не существуетъ стоящаго на уровнѣ современной науки университетскаго пособія для изученія исторіи среднихъ вѣковъ и средневѣковой исторіографіи.

Ѳ. Я. Фортинскій, вмѣстѣ со своими товарищами по факультету, занимавшими историческія каѳедры, былъ достойнымъ воспитателемъ того поколѣнія историковъ, питомцевъ университета Св. Владиміра, которые съ честью занимаютъ нынѣ историческія каѳедры въ Кіевѣ, Варшавѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Нѣжинѣ и Львовѣ.

Ученыя заслуги Ѳ. Я. Фортинскаго находили признаніе со стороны различныхъ ученыхъ учрежденій. Въ 1893 г. Императорская Академія Наукъ поручила ему составить отзывъ о сочиненіи проф. Н. М. Бубнова: „Сборникъ писемъ Герберта“, представленномъ на соисканіе Макарьевской преміи. 30 апрѣля 1895 года Историческое Общество Нестора-лѣтописца избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Незадолго до кончины и Кіевская Духовная Академія также почтила его избраніемъ въ число своихъ почетныхъ членовъ.

Миръ праху твоему, талантливый и незабвенный профессоръ, славный и доблестный труженикъ науки! Прими отъ меня, твоего скромнаго ученика и почитателя, земной поклонъ

Ант. Ясинскій.

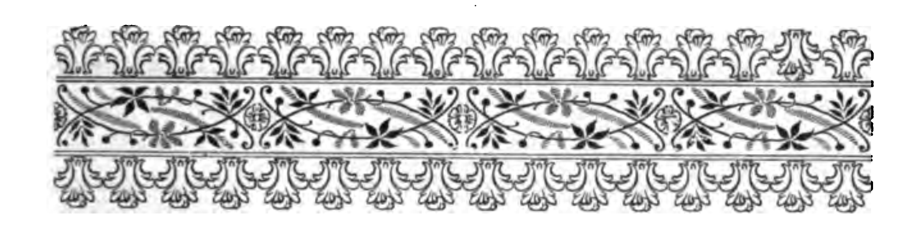
13 января 1903 г.
г. Юрьевъ.

Списокъ сочиненій Ѳ. Я. Фортинскаго:

1. Титмаръ Мерзебургскій и его хроника. С.-Петербургъ 1872, III—IV, 1—200 стр.
2. Причины распаденія монархіи Карла В. (Вступительная лекція). Кіевск. Универс. Извѣстія, 1872 г., № 12, стр. 1—16.
3. Мнѣніе доцента Фортинскаго о сочиненіяхъ магистра Лучицкаго. Кіевск. Универс. Извѣстія, 1874, № 7, стр. 49—52.
4. Развитіе папской власти въ средніе вѣка. Кіевск. Унив. Изв., 1874, № 1, стр. 1—20.
5. „Simson, Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Ludwig d. Frommen“. Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1874, № 6, стр. 17—37.
6. „Bremisches Urkundenbuch, Bd. II, Lief. 1“. Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1874, № 7, стр. 39—57.
7. Изъ Геттингена. Отчетъ о командировкѣ. Жур. М. Н. Просв., 1875, октябрь, стр. 78—90.
8. Практическія занятія въ École des chartes и въ École des hautes études въ Парижѣ. Ж. М. Н. Просв., 1876, январь, стр. 1—17.
9. „Histoire de la géographie et des découvertes géographiques par Vivien de St Martin“. Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1875, № 1, стр. 12—51.
10. „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France par Fustel de Coulanges“. Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1875, № 5, стр. 111—135.

11. Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года. Кіевъ 1877, стр. I—II, 1—416.
12. „Iulius Ficker, Beiträge zur Urkundenlehre. Innsbruck 1877". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1877, № 1, стр. 17—28.
13. „Herm. Wesendonck, Die Begründung der neuerer deutschen Geschichtsschreibung etc. Lpz. 1876". Рецензія. Кіев. Унив. Изв. 1874, № 4, стр. 159—176.
14. Рецензія на сочиненіе С. Гедеонова: „Варяги и Русь". Отчетъ о двадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, СПБ. 1878, стр. 605—651.
15. Новыя открытія въ области исторіи ордена Темпліеровъ. Кіев. Унив. Изв., 1878, № 2, стр. 16—30; № 4, стр. 83 - 93.
16. „A Babeau, Le village sous l'ancien régime, Paris 1878". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1878, № 4, стр. 373—392.
17. Научно-историческая дѣятельность Георга Вайца. Кіев. Унив. Изв., 1879, № 3, стр. 65—78; № 4, стр. 79—112.
18. „Monumenta Germaniae historica: 1) diplomatum tomus 1. F°. Hann. 1872; 2) diplomatum tomi 1 pars prior. 4°. Hann 1879". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1880, № 3, стр. 29—45.
19. „Recueil de fac-similés à l'usage de l'École des chartes, Paris 1880". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1880, № 12, стр. 455—458.
20. Положеніе городскихъ ремесленниковъ въ Германіи въ средніе вѣка (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ университета Св. Владиміра 9 января). Кіев. Унив. Изв., 1881, № 2, стр. 53—72.
21. „G. Richter, Zeittafeln der deutschen Geschichte im Mittelalter, Halle 1881". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1881, № 8, стр. 203—216.
22. Научная разработка исторіи перваго крестоваго похода. Кіев. Унив. Изв., 1882, № 4, стр. 83—99; № 5, стр. 227—240.
23. Подготовка къ изданію грамотъ Оттона Великаго. Кіев. Унив. Изв., 1883, № 7, стр. 233 --258.
24. Опыты систематической обработки исторической критики. Кіев. Унив. Изв., 1884, № 8, стр. 1—32.

25. „Функе; Учебникъ всеобщей исторіи. Средніе вѣка, 1884". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1885, № 1, стр. 1—18.
26. Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго. Кіев. Унив. Изв., 1886, № 3, стр. 27—44.
27. Научно-издательская дѣятельность Георга Вайца. Кіев. Унив. Изв., 1886, № 6, стр. 145--174.
28. „Le comité des travaux historiques et scientifiques". Рецензія, Кіев. Унив. Изв., 1887, № 6, стр. 63—84.
29. Крещеніе князя Владиміра и Руси по западнымъ извѣстіямъ. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца, т. II, Кіевъ 1888, стр. 95—128.
30. „Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Ист. Общ. при СПБ. Университетѣ за 1890 годъ, т. I". Рецензія. Кіев. Унив. Изв., 1891, № 2, стр. 1—8.
31. Борьба Парижскаго Университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка (Публичная лекція въ пользу голодающихъ, произнесенная 8 марта 1892 г. въ Университетѣ св. Владиміра). Журн. Мин. Нар. Просв., 1892 г., сентябрь, стр. 61—89.
32. Разборъ сочиненія Н. М. Бубнова, подъ заглавіемъ: „Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ". СПБ. 1894, стр. 1—55.



Воспоминанія

о дѣятельности Ѳеодора Яковлевича Фортинскаго на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Кіевѣ.

Одинъ русскій поэтъ, [1]) дожившій до преклонныхъ лѣтъ, говоритъ, что

„Хорошо умереть безъ страданій и муки,
„Съ чистымъ сердцемъ, съ спокойной душой
„И въ минуту таинственной съ жизнью разлуки
„Не жалѣть ничего за собой.
. . . .
„Хорошо умереть, когда кончена страда,
„Когда выполненъ жизни урокъ;
„Хорошо умереть, догорѣвъ, какъ лампада;
„Доцвѣсти, какъ осенній цвѣтокъ".

Но не легко бываетъ примириться со смертью человѣка, который еще такъ недавно былъ между нами, полный энергіи, полный моральныхъ, умственныхъ и, повидимому, физическихъ силъ. А еще тяжелѣ сознавать утрату того человѣка, который сыгралъ не совсѣмъ малую роль въ твоемъ собственномъ интеллектуальномъ развитіи и въ развитіи многихъ молодыхъ поколѣній обоихъ половъ. Правда, другой русскій поэтъ **) считаетъ умирающаго вообще счастливымъ избранникомъ смерти:

„Приди, избранникъ мой, тебя я полюбила;
„Тебя мнѣ стало жаль средь міра и людей,
„Въ томъ мрачномъ омутѣ ошибокъ, лжи, проклятій,
„Гдѣ краткая любовь и счастье быстрыхъ дней
„Дается лишь цѣною бѣдъ и скорби братій"...

---

[1]) Жемчужниковъ.

[2]) Голенищевъ-Кутузовъ, въ поэмѣ „Разсвѣтъ".

Но когда смерть уносить почему либо близкихъ намъ людей, то я скажу опять словами поэта:

. . . . „благодарю за то,
„Что небомъ мнѣ даны воспоминанья".

Эти послѣднія касаются въ данномъ случаѣ дѣятельности Θеодора Яковлевича на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Кіевѣ, которыми я и хочу подѣлиться съ собравшимися здѣсь. Личныя мои воспоминанія, воспоминанія моихъ подругъ по курсамъ и сохранившійся дневникъ одной слушательницы помогутъ мнѣ, быть можетъ, ярче воспроизвести картину вообще жизни и дѣятельности профессоровъ и слушательницъ на Кіевскихъ курсахъ и въ частности дѣятельность Θеодора Яковлевича, который съ 4 октября 1878 г. по 1 іюня 1888 г.—во все время десятилѣтняго существованія курсовъ въ Кіевѣ, состоялъ и членомъ Педагогическаго Совѣта, и преподавателемъ средневѣковой исторіи на филологическомъ отдѣленіи, и предсѣдателемъ Попечительнаго Комитета, на которомъ лежала непрестанная забота о матеріальныхъ средствахъ, а по уходѣ проф. Мищенка—и казначеемъ всѣхъ курсовыхъ суммъ.

Нельзя тутъ пройти молчаніемъ и другія профессорскія имена, преждевременно сошедшія въ могилу и тѣсно связанныя съ дѣятельностью на Высшихъ Женскихъ курсахъ въ Кіевѣ: такъ, П. И. Аландскій, товарищъ Θеодора Яковлевича по университету и близкій его другъ, въ рѣчи, произнесенной на актѣ, въ день перваго выпуска слушательницъ, въ 1882 году, горячо защищалъ новую высшую школу для женщинъ. Можно предполагать, что отчасти подъ вліяніемъ чтенія этой рѣчи, появившейся въ печати, отставной полковникъ А. П. Безусъ рѣшился завѣщать все свое имущество на Высшіе Женскіе курсы въ Кіевѣ, что дало капиталъ въ 10 тысячъ. Профессора Гогоцкій, [1]) Котляревскій, Козловъ, Ждановъ, Алексѣевъ, Ромеръ, преподаватель Курбановъ, ушедшіе также съ жизненной арены, внесли съ сво-

[1]) Считавшійся учредителемъ курсовъ.

ей стороны не малую лепту на пользу этого, къ сожалѣнію, не долго просуществовавшаго учрежденія.

Далеко не при благопріятныхъ условіяхъ открывались Высшіе Женскіе курсы въ Кіевѣ, хотя около 340 слушательницъ собралъ южный край въ стѣны новой высшей школы. Вотъ что пишетъ одна слушательница въ дневникѣ своемъ подъ 4 октября 1878 г.: „И такъ сегодня состоялось открытіе Высшихъ Женскихъ курсовъ – зачатокъ университетскаго образованія для женщинъ; къ сожалѣнію, рѣчь проф. Гогоцкаго была крайне туманная, а кіевлянамъ слѣдовало сказать сильное слово, ибо между ними весьма много противниковъ высшаго женскаго образованія. Слушательницы выказываютъ живой интересъ къ знанію; профессора—готовность подѣлиться своими научными свѣдѣніями, и что же? Результаты должны быть, повидимому, весьма хорошіе“... Но дальше, спустя нѣкоторое время, въ томъ же дневникѣ находимъ слѣдующую замѣтку: „Создать учрежденіе Высшихъ Женскихъ курсовъ, обезпечить его нравственную, умственную и матерьяльную стороны—все это дѣло не легкое! тѣмъ болѣе, что приходится многое брать съ бою и въ ожиданіи, что каждую минуту тебя столкнутъ въ пропасть“...

Много надо было дѣйствительно упорной энергіи отъ профессоровъ и преподавателей, составлявшихъ Педаг. Совѣтъ новой школы, что бы направлять ея дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ защищать отъ самыхъ нерѣдко тяжелыхъ нападокъ извнѣ. Такою именно упорною энергіею—„неуязвимостью“, какъ мы говорили, отличался Өеодоръ Яковлевичъ, съ искреннимъ сочувствіемъ отнесшійся къ стремленію женщины постигнуть свѣтъ науки и знанія вообще. Начиная съ того, что свои лекціи, читанныя имъ студентамъ университета, онъ объявилъ и на курсахъ; никакой разницы въ программѣ онъ не дѣлалъ: слушательницы курсовъ пользовались тѣми же литографированными записками, какія издавались для студентовъ университета, и тѣми же конспектами къ экзаменамъ.

Нельзя пройти молчаніемъ лекцій Өеодора Яковлевича по средневѣковой исторіи, читанныхъ тогда на Высшихъ

Женскихъ курсахъ и въ университетѣ; особенно эпоха монархіи Карла В. и эпоха крестовыхъ походовъ представляли въ высшей степени законченные, систематически обработанные и богатые фактами курсы; они сохранились у многихъ въ литографированныхъ тетрадяхъ, и жаль будетъ, если не появятся въ печати. Каждому вопросу данной эпохи предшествовало подробное указаніе источниковъ, матеріаловъ, точная научная критика этихъ матеріаловъ и затѣмъ уже изложеніе событій по даннымъ источникамъ. Θеодоръ Яковлевичъ заставлялъ насъ самихъ прочитывать средневѣковыя хроники въ лучшихъ иностранныхъ и русскихъ переводахъ; онъ съ особеннымъ вниманіемъ и подробностями излагалъ положеніе женщины въ средніе вѣка и дольше останавливался на именахъ: Росвиты, Адельгейды, Матильды Тосканской— какъ на личностяхъ, выдававшихся среди другихъ своими дарованіями и своею дѣятельностью; оцѣнивая ихъ, онъ тѣмъ самымъ какъ бы и намъ открывалъ болѣе широкое поле для мысли и дѣятельности...

При этомъ Θеодоръ Яковлевичъ имѣлъ обыкновеніе читать свои лекціи отчетливо, громко, мѣрно, не глядя на аудиторію, опустивъ глаза внизъ и положивъ передъ собою конспектъ, въ который онъ никогда не заглядывалъ, хорошо удерживая въ памяти его послѣдовательность. Особенно интересны были эти конспекты каждой лекціи Θеодора Яковлевича, гдѣ необыкновенно сжато, нѣсколькими яркими штрихами характеризовалась цѣлая область жизненныхъ явленій изучаемой эпохи въ ихъ логической послѣдовательности. Вѣроятно эти конспекты, сослужившіе намъ великую службу на экзаменахъ, сохранились и могли бы быть также съ пользою напечатаны.

На курсахъ мы всѣ восхищались Θеодоромъ Яковлевичемъ, какъ экзаменаторомъ. У многихъ нашихъ преподавателей была особая система экзаменовать: система, такъ сказать, сбиванія съ толку—уже, если не дастъ себя сбить съ толку, значитъ твердо знаетъ, думаютъ многіе. Не такъ смотрѣлъ на дѣло экзаменовъ Θеодоръ Яковлевичъ, и тутъ въ

немъ сказывался добрый педагогъ: зная, что всякому экзаменующемуся присуще смущеніе и усталость головы отъ напряженной работы въ экзаменаціонное время, Ѳеодоръ Яковлевичъ необыкновенно ясно и опредѣленно ставилъ вопросы, касаясь самой сущности историческихъ явленій и, если замѣчалъ смущеніе, то путемъ наведенія помогалъ прійти къ положительному отвѣту; поэтому его экзамены никогда не внушали намъ страха. Мы, какъ піонерки новой школы, особенно старательно готовились къ экзаменамъ, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ студентами университета И когда, послѣ экзамена, мы, окруживъ Ѳеодора Яковлевича., допрашивали, доволенъ ли онъ экзаменомъ, кто лучше экзаменуется, слушательницы или студенты? то Ѳеодоръ Яковлевичъ, улыбаясь, отвѣчалъ условно: „всяко бываетъ, студенты иногда больше пускаются въ разсужденія, слушательницы добросовѣстнѣе готовятся, лучше знаютъ факты, а бываетъ, что и тѣ и другіе, сбитые съ толку и въ разсѣянности, переносятъ Константина В. въ эпоху до Рожд. Хр., а потомъ сами смѣются своей оплошности“... Я не помню, чтобы Ѳеодоръ Яковлевичъ когда нибудь пропустилъ лекцію: необычайная точность, пунктуальность, аккуратность характеризовали его дѣятельность вообще и весьма цѣнны были на курсахъ, гдѣ порядокъ былъ далеко не установившійся.

Вспоминая свою предсѣдательскую дѣятельность вообще въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, Ѳеодоръ Яковлевичъ говорилъ, что самое трудное предсѣдательство для него было въ Попечительномъ Комитетѣ при Высшихъ Женскихъ курсахъ. И между тѣмъ онъ нѣсколько лѣтъ несъ эту обязанность; съ большимъ тактомъ и опредѣленно ставилъ вопросы и, хотя въ началѣ дѣятельности Комитета царила полная неопредѣленность самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній и тенденцій, тѣмъ не менѣе въ болѣе важныхъ случаяхъ Ѳеодоръ Яковлевичъ умѣлъ всѣхъ привести къ извѣстному соглашенію. Наиболѣе разногласій въ Попечительномъ Комитетѣ возникало по поводу распредѣленія суммъ, поступавшихъ въ Комитетъ: одни желали, чтобы всѣ суммы шли

только на вспомоществованіе нуждающимся слушательницамъ, преслѣдуя болѣе цѣли благотворительныя; другіе, опасаясь шаткаго положенія курсовъ вообще, задавались цѣлью обезпечить матеріальную сторону самаго учрежденія, а потому предлагали $^1/_3$ всѣхъ поступающихъ суммъ отдѣлять въ запасный капиталъ курсовъ, другую треть употреблять на вспомогательныя учрежденія при курсахъ, какъ библіотеку, лабораторіи и т. п., а остальную треть раздавать нуждающимся слушательницамъ. Уже къ началу 1881—82 учебнаго года большинство членовъ, послѣ длинныхъ дебатовъ, высказалось за послѣднее распредѣленіе суммъ на три части; тогда болѣе 10 членовъ разомъ выбыло изъ Комитета. Это отозвалось нѣкоторымъ диссонансомъ на дѣятельности Попечительнаго Комитета. Өеодоръ Яковлевичъ, видя такое положеніе вещей, ободрялъ оставшихся членовъ, говоря, что уменьшившееся количество ихъ не измѣняетъ самаго дѣла; при этомъ предложилъ вербовать скорѣе новыхъ членовъ, число которыхъ и стало вскорѣ прибывать.

Много разъ вообще приходилось самимъ же профессорамъ отстаивать и защищать какъ самое учрежденіе курсовъ, такъ и слушательницъ отъ нападокъ и со стороны печати, спѣшившей оповѣщать всякіе и благопріятные и неблагопріятные слухи и толки, касавшіеся курсовъ; и со стороны мѣстнаго общества, не всегда сочувственно относившагося къ новой женской школѣ; а со стороны администраціи, безпрестанно требовавшей отъ Педагогическаго Совѣта курсовъ строгой отчетности и отвѣтственности, иногда въ мелочахъ. У Өеодора Яковлевича всегда было готовое слово, какъ въ защиту самой идеи высшаго образованія для женщины, такъ и въ извиненіе неизбѣжныхъ при каждомъ новомъ явленіи жизни недоразумѣній и ошибокъ.

Изъ 340 слушательницъ, поступившихъ въ 1878 году, по истеченіи перваго четырехлѣтія оканчивало на обоихъ отдѣленіяхъ 79. Хорошо помнятъ многія 20 марта 1882 года, когда профессора читали свои заключительныя лекціи оканчивающимъ Высшіе Женскіе курсы—первому выпуску. Осо-

бенно памятна осталась прощальная лекція Ѳеодора Яковлевича, который сравнивалъ слушательницъ съ крестоносцами: онѣ также боролись за одухотворявшую ихъ идею съ своего рода турками, такъ грубо подчасъ и неосновательно попиравшими эту идею. Вотъ что записано въ вышеприведенномъ дневникѣ подъ 20 мартомъ 1882 г.: „И такъ, отмѣтимъ этотъ день—день прощанья и разставанья съ подругами, съ учрежденіемъ столь дорогимъ!... Что же будетъ дальше?—Богъ вѣсть! Ѳеодоръ Яковлевичъ весьма прочувствованно и грустно сравнилъ насъ съ крестоносцами; видно и самъ, добрый, хорошій! былъ разстроенъ"...

Уже съ 1884 г., по распоряженію Мин. Нар. Пр., прекращенъ былъ пріемъ на Высшіе Женскіе курсы; а въ 1888 году былъ послѣдній (7-й) выпускъ слушательницъ, и это юное, заживо-погребенное учрежденіе, къ великому огорченію сочувствовавшихъ высшему женскому образованію и при полномъ почти равнодушіи мѣстнаго общества, прекратило свою дѣятельность.

Позже, въ виду еще 2-хъ завѣщаній,[1]) предоставлявшихъ довольно значительныя суммы на Высшіе Женскіе курсы въ Кіевѣ, въ 1896 г. снова возникалъ вопросъ о возобновленіи ихъ, и Ѳеодоръ Яковлевичъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, живо и искренно отнесся къ этому вопросу; только переживъ, какъ бывшій казначей курсовъ, ближе другихъ, матеріальныя затрудненія, онъ опасался, что средствъ все-таки недостаточно, а будетъ ли еще новый приливъ таковыхъ? трудно было сказать. „Вѣдь учиться то идутъ больше бѣдныя дѣвушки, сами требующія матеріальной поддержки", замѣтилъ Ѳеодоръ Яковлевичъ въ одной изъ бесѣдъ по этому поводу. И, когда кто-то съиронизировалъ на это, сказавъ, что время идетъ впередъ и авось иныя богатыя дамы теперь скорѣе, чѣмъ въ былое время, ради свѣта науки урѣжутъ на $1/2$ арш. свои бархатные шлейфы, что можетъ дать въ общемъ порядочную сумму,—то Ѳеодоръ Яковлевичъ съ обыч-

*) П. И. Купріянова и г. Крыжановскаго.

ной его улыбкой отвѣтилъ: „дамы съ бархатными шлейфами ищутъ больше свѣта электрическаго"!...

Когда же согласія со стороны Мин. Нар. Пр. на возобновленіе Высшихъ Женскихъ курсовъ въ Кіевѣ не послѣдовало, а Общество Нестора-лѣтописца объявило систематическіе курсы по исторіи, словесности и др. наукамъ, то Ѳеодоръ Яковлевичъ снова сталъ читать свои лекціи по средней исторіи, лишь въ болѣе сокращенномъ видѣ.

Что до моего личнаго развитія, я должна признать, что почерпнула большую долю систематическихъ знаній изъ лекцій, читанныхъ на курсахъ профессорами Кіевскаго университета и изъ лекцій Ѳеодора Яковлевича въ томъ числѣ: не разъ позже, въ своей педагогической дѣятельности, я, а быть можетъ и другія слушательницы, справлялась съ литографированными и не литографированными записками, издававшимися на курсахъ. Одинъ молодой ученый въ то время, теперь уже почтенный профессоръ, говорилъ мнѣ, что, готовясь къ магистерскому экзамену, пользовался издававшимися на курсахъ записками по обзору и оцѣнкѣ историческихъ матеріаловъ (краткой исторіографіи). Вотъ почему образъ профессоровъ, потрудившихся на пользу высшаго женскаго образованія въ Кіевѣ, какъ и образъ Ѳеодора Яковлевича никогда не изгладится изъ памяти моей и тѣхъ слушательницъ, которыя ихъ знали, цѣнили и уважали.

Есть натуры, скажу въ заключеніе, гордыя, замкнутыя, все въ себѣ подавляющія, а потому труднѣе поддающіяся пониманію, общей характеристикѣ и вѣрной оцѣнкѣ. Такія натуры вообще не словоохотливы; онѣ часто отдѣлываются молчкомъ, мужественно подставляя шею подъ хлещущій потокъ бурныхъ житейскихъ волнъ; подъ наружно спокойнымъ взглядомъ и улыбкой онѣ скрываютъ свой внутренній міръ, свои побужденія, свои треволненія отъ людей близкихъ—чтобы ихъ не огорчить, отъ постороннихъ—чтобы не дать имъ права рыться въ своей душѣ. Такая натура, на сколько мнѣ лично приходилось наблюдать, была у Ѳеодора Яковлевича Говорятъ, что такіе характеры бываютъ откровеннѣе въ

письмахъ, чѣмъ на словѣ, а потому при болѣе близкомъ ознакомленіи съ оффиціальной перепиской Ѳеодора Яковлевича и перепиской его съ друзьями легче будетъ постигнуть неясность и быть можетъ нѣкотораго рода трагизмъ его внутренняго міра, его жизни и дѣятельности въ періодъ его ректорства и его неожиданной и всѣхъ поразившей смерти, которую онъ встрѣтилъ такъ покорно и мужественно.

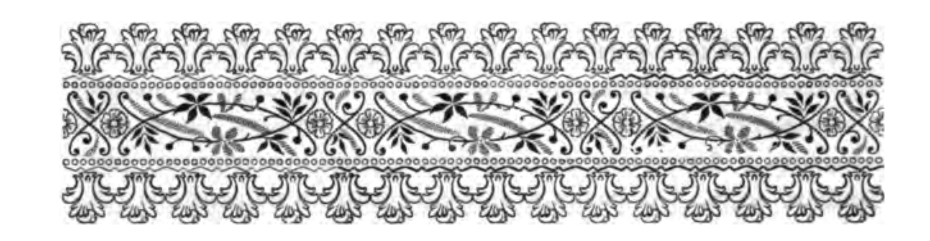
Смерть, говорятъ, все примиряетъ. По словамъ поэта:

Обнимая и землю и море,
Она всюду даруетъ покой;
Въ ней конецъ беззавѣтнаго горя,
Въ ней предѣлъ всякой скорби земной!...

Миръ же праху твоему, безспорно честный, благородный и неутомимый труженикъ на золотомъ поприщѣ!...

Я. Л. Иконникова.

1903 г. 19 января.
г. Кіевъ.



Памяти Ѳ. Я. Фортинскаго.

Въ настоящее время едва-ли кто-либо станетъ оспаривать то положеніе, что, чѣмъ шире и глубже развиваются въ извѣстномъ обществѣ наука и просвѣщеніе, тѣмъ болѣе такое общество начинаетъ цѣнить скромныхъ по своей натурѣ, но въ высокой степени полезныхъ и даровитыхъ своихъ дѣятелей, тѣмъ сильнѣе чувствуется въ немъ вся тяжесть потери кого-либо изъ такихъ дѣятелей и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе возможно достойнѣе почтить его память, возможно лучше сохранить для грядущихъ поколѣній его нравственный и умственный обликъ, его дѣянія на пользу науки и просвѣщенія, завѣщанныя имъ идеи... Ѳедоръ Яковлевичъ Фортинскій, котораго смерть такъ безжалостно и неожиданно похитила отъ насъ, принадлежалъ именно къ такого рода дѣятелямъ. Глубоко-трогательное участіе, какое выказано было къ памяти незабвеннаго профессора на его похоронахъ, тѣ прочувствованныя рѣчи, какія тогда были сказаны,—все это было той данью признательности и уваженія, которую вполнѣ заслуженно воздали почившему наука и интеллигенція въ лицѣ ихъ мѣстныхъ представителей. Но ограничиваться по отношенію къ такимъ дѣятелямъ, какъ покойный Ѳедоръ Яковлевичъ, однимъ лишь этимъ, обычнымъ, такъ сказать, въ подобныхъ случаяхъ выраженіемъ признательности и уваженія

къ почившему, не приходится: наукѣ и просвѣщенію, и въ частности Университету Св. Владиміра, слишкомъ долженъ быть дорогъ человѣкъ, который такъ усердно, такъ добросовѣстно и умѣло работалъ для нихъ свыше 30 лѣтъ, и Историческое Общество Нестора-лѣтописца, исходя изъ такого взгляда, рѣшило посвятить памяти почившаго почетнаго своего сочлена настоящее—первое послѣ его смерти—засѣданіе. Пользуясь этимъ случаемъ, позволю себѣ и я, бывшій ученикъ покойнаго, сказать о немъ хоть нѣсколько словъ. Я не буду вдаваться въ сколько-нибудь подробную оцѣнку его дѣятельности, какъ ученаго и профессора, не буду сколько-нибудь подробно характеризовать его, какъ человѣка,—все это взяли на себя другіе: я позволю себѣ коснуться личности и научно-учебной дѣятельности дорогого учителя, поскольку онѣ мнѣ извѣстны, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Ѳедора Яковлевича Фортинскаго я сталъ знать еще со дней моей юности, съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда я поступилъ въ число студентовъ Историко-филологическаго факультета здѣшняго Университета. Ѳедоръ Яковлевичъ былъ тогда еще молодымъ, но уже весьма извѣстнымъ профессоромъ, и я живо помню то впечатлѣніе, какое производилъ онъ на насъ, его юныхъ слушателей. Живой, энергичный, талантливый, гуманный и привѣтливый, Ѳедоръ Яковлевичъ сразу привлекъ къ себѣ наши симпатіи. Его лекціи чужды были громкихъ фразъ, бьющихъ на эффектъ, блестокъ краснорѣчія, но тѣмъ не менѣе онѣ производили на насъ большое впечатлѣніе: то была рѣчь ученаго, рѣчь строго-научная, поражавшая глубиной и ясностью мысли, тонкостью анализа тѣхъ или другихъ историческихъ данныхъ или положеній. И, сколько знаю, такой характеръ носили не только тѣ лекціи, которыя Ѳедоръ Яковлевичъ читалъ намъ, но и тѣ, которыя онъ читалъ слушателямъ другихъ курсовъ. Лекціи эти пробуждали въ насъ, юныхъ слушателяхъ, любовь и интересъ къ наукѣ исторіи, желаніе возможно ближе познакомиться съ крайне своеобразнымъ и высоко-интереснымъ міромъ средневѣковья, стремленіе и самимъ, по мѣрѣ силъ,

поработать надъ тѣмъ или другимъ вопросомъ изъ этой такъ еще мало извѣстной области.

Всѣ курсы, читанные покойнымъ, имѣли одну и ту-же, общую всѣмъ имъ, черту: читалъ-ли Ѳедоръ Яковлевичъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ или исторію крестовыхъ походовъ, исторію Франціи при Капетингахъ или исторію средневѣковой Англіи или Италіи, исторію городовъ средневѣковья или исторію феодализма,—вездѣ и всюду у него сжатому, но ясному и вполнѣ научно составленному изложенію содержанія того или другого отдѣла средневѣковой исторіи всегда предшествовалъ обстоятельный, строго-критическій обзоръ относящихся къ данному отдѣлу источниковъ. Это строго-критическое отношеніе Ѳедора Яковлевича къ источникамъ средневѣковой исторіи и къ научной разработкѣ ея явилось, надо полагать, результатомъ какъ той серьезной школы, которую покойный прошелъ въ Петербургѣ, Геттингенѣ и Парижѣ, такъ и склада его ума, который склоненъ былъ всякій историческій фактъ, всякое историческое явленіе подвергать строгому, всестороннему анализу. И такое отношеніе покойнаго къ наукѣ исторіи сказалось не только въ его лекціяхъ, но и въ разнаго рода печатныхъ трудахъ его: въ его отчетахъ о заграничной командировкѣ въ 1874 и 1875 гг., въ его магистерской и докторской диссертаціяхъ, въ его довольно многочисленныхъ, главнымъ образомъ критико-библіографическихъ, статьяхъ, касавшихся то извѣстнаго изданія источниковъ средневѣковой исторіи, то научной разработки тѣхъ или другихъ вопросовъ ея.

На ряду съ трудами чисто-научными, перу покойнаго принадлежитъ и нѣсколько трудовъ научно-популярнаго характера. Таковы: „Развитіе папской власти въ средніе вѣка"; статья по поводу сочиненія Вивьена де-Сенъ-Мартена „Histoire de la géographie"; статья по поводу соч. А. Бабо „Le village sous l'ancien régime"; „Положеніе городскихъ ремесленниковъ въ Германіи въ средніе вѣка". Покойный вообще былъ сторонникомъ возможно большаго распространенія серьезныхъ историческихъ знаній среди нашего образованнаго общества, а

посему, читая лекціи въ Университетѣ и на Высшихъ женскихъ курсахъ, онъ время отъ времени очень охотно читалъ тѣ или другія лекціи и для публики.

Сочувствуя и, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствуя возможно большему распространенію у насъ солидныхъ знаній по средневѣковой исторіи, Ѳедоръ Яковлевичъ съ особой благосклонностью относился къ тѣмъ, у кого замѣчалъ серьезное желаніе работать подъ его руководствомъ въ той области, изученіе которой составляло спеціальный предметъ занятій покойнаго. Авторъ настоящей замѣтки вполнѣ испыталъ это на себѣ и въ бытность свою студентомъ, когда ему приходилось работать надъ предложенной покойнымъ темой для соисканія наградъ медалями („Этнографія по Адаму Временскому"), и въ бытность его стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ всеобщей исторіи, и при работѣ надъ магистерской диссертаціей („Филиппъ-Августъ въ его отношеніяхъ къ городамъ"). Во всѣхъ этихъ случаяхъ Ѳедоръ Яковлевичъ былъ моимъ ближайшимъ руководителемъ, и я съ глубокой благодарностью вспоминаю, съ какой готовностью и любезностью онъ руководилъ моими научными занятіями, помогалъ мнѣ своими совѣтами и указаніями, давалъ изъ своей обширной и прекрасно составленной библіотеки всѣ книги, какія, по его мнѣнію, могли мнѣ быть полезны въ томъ или другомъ отношеніи, выписывалъ, если то оказывалось необходимымъ, нужныя мнѣ книги на счетъ Университета и т. д.

Руководя практическими занятіями студентовъ по средневѣковой исторіи и желая, по возможности, облегчить имъ эти занятія и дать въ руки каждому, кто пожелалъ бы самостоятельно заниматься исторіей вообще и средневѣковой въ особенности, нѣкоторыя полезныя указанія, покойный напечаталъ въ 1884 году статью подъ заглавіемъ: „Опыты систематической обработки исторической критики". [1]) Въ этой статьѣ, весьма цѣнномъ пособіи для каждаго начинающаго самостоятельное изученіе исторіи, особенно исторіи средневѣковой,

1) Универ. Изв. 1884 г. (августъ) и отдѣльно.

онъ изложилъ основныя, согласныя между собой, воззрѣнія извѣстныхъ французскихъ ученыхъ—Смедта и Тардифа на историческую критику, причемъ восполнилъ соотвѣтственнымъ образомъ и тѣ пробѣлы, какіе допущены были названными учеными и выразились въ односторонности и недостаточности сдѣланныхъ ими библіографическихъ указаній.

Живо и неослабно интересуясь правильной постановкой преподаванія исторіи, главнымъ образомъ исторіи среднихъ вѣковъ, въ Университетѣ, покойный обнаруживалъ также большой интересъ и къ правильной постановкѣ преподаванія этого предмета въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ этихъ цѣляхъ онъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1885 году разборъ учебника Ю. Функе: [1]) „Учебникъ всеобщей исторіи (со включеніемъ отечественной), средніе вѣка. Кіевъ, 1884", гдѣ, отмѣтивъ достоинства и недостатки упомянутаго учебника, указалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на причины неудовлетворительной въ то время постановки преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего отечества.

По своему характеру Өедоръ Яковлевичъ былъ человѣкъ въ высшей степени добрый, скромный, простой, доступный и обходительный. Къ нему можно было итти во всякое время, и, если только онъ былъ дома, онъ всегда охотно и любезно принималъ васъ, причемъ на лицѣ его чуть не постоянно играла свойственная ему добродушная улыбка. Человѣкъ широко образованный, Өедоръ Яковлевичъ всегда принималъ близко къ сердцу интересы науки, стойко отстаивалъ ея свободу, свободу научнаго изслѣдованія, и для меня, одного изъ ближайшихъ учениковъ его, крайне прискорбно и больно было слышать въ послѣднее время отзывы нѣкоторыхъ, рисовавшіе покойнаго чуть не гонителемъ той науки, которой онъ такъ беззавѣтно, такъ преданно служилъ до послѣдняго своего часа. Глубокія познанія Өедора Яковлевича въ области всеобщей исторіи, въ особенности въ бывшей столь близкой ему области исторіи средневѣковья, его поч-

---

[1]) Univер. Изв. 1885 года.

тенная дѣятельность, какъ ученаго и профессора, всѣми признаны, а посему и потеря его неможетъ не составлять чувствительной утраты для исторической науки, особенно для того отдѣла ея, которымъ болѣе всего любилъ заниматься покойный, и который и доселѣ еще остается такъ мало разработаннымъ, въ особенности у насъ, въ Россіи. Еще болѣе чувствительной является эта потеря для всѣхъ болѣе или менѣе близко знавшихъ покойнаго не только какъ профессора и ученаго, но и какъ человѣка. Но среди грусти и скорби, навѣянныхъ на насъ столь еще недавней смертью незабвеннаго учителя, все же проглядываетъ и лучъ свѣта,—надежда на то, что дѣятели, подобные покойному, вполнѣ умереть не могутъ: хочется вѣрить, что свѣтлый, ясный образъ дорогого Ѳедора Яковлевича навсегда останется въ памяти всѣхъ болѣе или менѣе близко знавшихъ его; что будутъ долго, долго жить его научные труды; что не заглохнутъ и многія изъ высказанныхъ имъ печатно или устно идей...

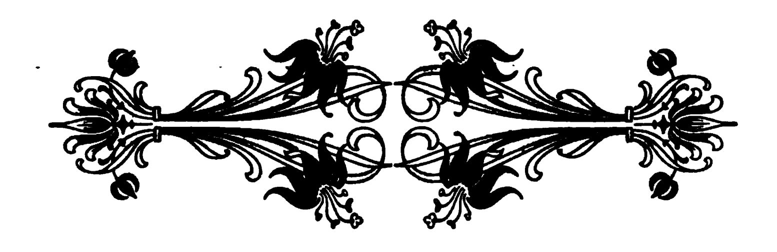
Вл. Ляскоронскій.

ПАМЯТИ

ПОЧЕТНАГО ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА

Александра Матвѣевича Лазаревскаго

(† 31 марта 1902 г.).



Памяти

почетнаго члена общества

Александра Матвѣевича Лазаревскаго

(† 31 марта 1902 г.) [1]).

Со смертью А. М. Лазаревскаго историческая наука понесла крупную, незамѣнимую утрату. Мы говоримъ— незамѣнимую, потому что въ теченіе болѣе сорока лѣтъ исторія Лѣвобережной Малороссіи разрабатывалась, главнымъ образомъ, трудами А. М. Лазаревскаго, и въ настоящее время не осталось ни одного человѣка, который, отличаясь такимъ знаніемъ фактовъ, событій прошлаго Малороссіи, какимъ обладалъ А. М. Лазаревскій, отдавалъ бы всѣ свои силы, весь свой досугъ разработкѣ исторіи Лѣвобережной Малороссіи.

Занятія исторіей Малороссіи начались у А. М. Лазаревскаго давно, еще на гимназической скамьѣ. Мы знаемъ, что А. М. Лазаревскій не былъ цеховымъ ученымъ. Личная его жизнь устроилась такимъ образомъ, что большая часть ея протекла вдали отъ нашихъ университетскихъ центровъ. Онъ не только не стремился получить ученую степень, занять каѳедру въ университетѣ, но, напротивъ, когда ему предложили

---

[1]) Рефератъ этотъ въ сокращеніи читанъ въ очередномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-лѣтописца 15 сентября 1902 г.

готовиться къ профессурѣ, отклонилъ это предложеніе и ушелъ въ провинцію служить по крестьянскому дѣлу. Занятія исторіей Малороссіи явились, такимъ образомъ, у А. М. Лазаревскаго не вслѣдствіе желанія создать себѣ извѣстное оффиціальное положеніе въ наукѣ; они, такъ сказать, органически вытекали изъ всей его природы, изъ всего его душевнаго склада.

Въ своей автобіографіи А. М. Лазаревскій такъ описываетъ пробужденіе въ немъ интереса къ Малороссіи. Дѣло было въ 1847 году. А. М. Лазаревскому исполнилось въ это время, значитъ, лѣтъ 13—14. Онъ жилъ въ Оренбургѣ у своихъ братьевъ. Ему попалась въ руки исторія Малороссіи, Бантышъ-Каменскаго, прочитывая которую онъ сталъ интересоваться исторіей той Малороссіи, названіе которой слыхалъ изъ устъ земляковъ, какъ въ СПБ., такъ и въ Оренбургѣ, но хорошенько не понималъ, что это за Малороссія. Въ это же время сталъ къ нему ходить учитель, одинъ изъ сосланныхъ въ Оренбургскіе батальоны поляковъ, которыхъ вообще было въ это время не мало въ Оренбургѣ. Со многими вопросами по исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій обращался къ своему учителю, но учитель какъ-то мало удовлетворялъ его любопытству, представляя изъ себя на видъ полунѣмца. Между тѣмъ Малороссія возбуждала любопытство А. М. Лазаревскаго и тѣми малороссійскими пѣснями, которыя пѣли въ Оренбургѣ земляки и изъ которыхъ многія были привезены туда Шевченкомъ, прожившимъ въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ до своего перевода въ Орскую крѣпость [1]). Впослѣдствіи, въ гимназіи и въ университетѣ этотъ интересъ еще болѣе укрѣпился, чему не мало способствовало и то идейное малорусское движеніе, которымъ отмѣчены у насъ конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ, когда нарождалась и народилась „Основа". Изучая Малороссію, знакомясь съ ней, А. М. Лазаревскій начиналъ чувствовать къ ней привязанность, теплую любовь, какъ къ своей родинѣ. И все то, что прочно залегло въ его душѣ въ юношескіе годы, не оставляло А. М. Лазаревскаго до могилы. Чрезъ всю его жизнь, чрезъ всю его научную дѣятельность красной нитью проходитъ любовь его къ Малороссіи. Она заставляла его работать надъ выясненіемъ историческаго прошлаго его родины, она заставляла его сохранять исчезающіе остатки своеобразнаго прошлаго... Безъ этого руководящаго стимула бу-

---

[1]) Кіев. Стар. 1902 г., іюнь, стр. 481—482.

детъ непонятна та могучая энергія, которой отличался А. М. Лазаревскій, какъ научный работникъ, въ избранной имъ области, будетъ непонятенъ и тотъ интересъ, который онъ обнаруживалъ во всемъ и ко всему, что только такъ или иначе касалось изученія Малороссіи въ ея прошломъ и настоящемъ [1]).

А. М. Лазаревскій родился 8-го іюня 1834 года. Его дѣтскіе годы прошли очень странно: ученье шло кое-какъ, онъ принужденъ былъ переѣзжать изъ одного города въ другой, пока, наконецъ, не поселился окончательно въ С.-Петербургѣ. Это было въ 1850 году. А. М. Лазаревскому шелъ уже 16 годъ, когда онъ поступилъ во вторую С.-Петербургскую гимназію, которую и окончилъ въ 1855 году. Послѣ этого онъ четыре года учился на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. А. М. Лазаревскій могъ остаться при университетѣ для приготовленія къ профессурѣ, но отказался отъ оффиціальной ученой карьеры и вскорѣ уѣхалъ въ Черниговскую губернію служить по крестьянскому дѣлу. Съ этого времени, съ 1861 года, вся его служба и жизнь проходитъ въ провинціи, сначала, главнымъ образомъ, въ Черниговской губерніи и Полтавѣ, а затѣмъ съ 1880 года въ Кіевѣ. Сюда онъ переѣхалъ изъ Курска, гдѣ пробылъ годъ товарищемъ предсѣдателя суда. Въ Кіевѣ А. М. Лазаревскій занималъ сначала должность товарища предсѣдателя окружнаго суда, а съ 1885 года—члена судебной палаты. Въ этомъ званіи онъ и умеръ [2]).

Такова вкратцѣ оффиціальная жизнь А. М. Лазаревскаго. Но гдѣ бы онъ ни жилъ, какія бы должности онъ ни занималъ, любимымъ занятіемъ его была наука. А. М. Лазаревскій представлялъ изъ себя рѣдкій примѣръ человѣка, до самозабвенія любившаго науку. Послѣ семьи она составляла для него самое дорогое въ жизни; она составляла смыслъ его жизни. Для него, казалось, не было большаго наслажденія, какъ уединиться въ своемъ кабинетѣ, усѣсться за письменный столъ, писать, затѣмъ читать и снова перечитывать старыя бумаги и фоліанты. Кто зналъ и видѣлъ А. М. Лазаревскаго въ его рабочемъ кабинетѣ, тѣ, конечно, хорошо знаютъ, въ какой восторгъ могъ привести его вновь открытый интересный

[1]) См. „Памяти В. В. Тарновскаго, А. М. Лазаревскаго и Н. В. Шугурова" въ Кіев. Старинѣ 1902 г., іюль—августъ.

[2]) См. Некрологъ А. М. Лазаревскаго въ „Кіевской Старинѣ" 1902 г., май.

документъ, родившаяся при чтеніи документовъ новая мысль или какая-нибудь старопечатная книга Кіевской, Острожской или Черниговской печати.

Но А. М. Лазаревскій не былъ сухимъ только ученымъ. Это былъ человѣкъ, всегда очень сильно отзывавшійся на различныя злобы дня нашей общественной жизни. Не обладая даромъ публициста, А. М. Лазаревскій никогда не высказывалъ своихъ мыслей въ печати; но лица, сталкивавшіяся съ нимъ, хорошо знаютъ, какъ онъ былъ чутокъ къ различнымъ явленіямъ нашей общественной жизни за послѣднее время. Глубоко-честная натура, человѣкъ, обладавшій громаднѣйшимъ житейскимъ опытомъ и наблюдательностью, А. М. Лазаревскій представлялъ изъ себя рѣдкій типъ цѣльнаго, истинно-убѣжденнаго человѣка. Можно было напередъ угадать его взглядъ, его мнѣніе по тому или другому вопросу. Выросшій и окрѣпшій душевно въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ, въ эпоху наибольшихъ надеждъ и упованій русскаго общества, А. М. Лазаревскій на цѣлую жизнь остался человѣкомъ 60-хъ годовъ въ самомъ лучшемъ, въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Крестьянская реформа 1861 г. и основы другихъ реформъ 1860-хъ годовъ для него были драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ русскаго общества, и послѣднее должно было оберегать ихъ всѣми силами. Отсюда должна была идти дальнѣйшая эволюція русскаго общества. Понятно поэтому, съ какой враждой могъ относиться А. М. Лазаревскій къ тѣмъ темнымъ силамъ, которыя поднялись въ послѣднее время и стали сѣять смуту въ умахъ русскаго общества, стараясь подорвать уваженіе къ лучшимъ его пріобрѣтеніямъ, которыя отрицали основы реформъ 1860-хъ годовъ, отрицали необходимость самодѣятельности общества, старались всегда подавлять эту самодѣятельность въ угоду бюрократизму. Въ судъ больше всего вѣрилъ А. М. Лазаревскій, его онъ больше всего считалъ хранителемъ лучшихъ завѣтовъ 1860-хъ годовъ, хранителемъ законности и справедливости; въ концѣ жизни и тутъ пришлось ему съ болью сердца отмѣчать новыя вѣянія, новыя вліянія и новыхъ людей.

Исторіей Малороссіи А. М. Лазаревскій сталъ заниматься еще въ гимназіи. Въ 1853 году въ „Черниговск. губ. Вѣдомостяхъ“ имъ былъ напечатанъ „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края“, а затѣмъ въ 1855 году въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ онъ помѣстилъ „Обозрѣніе книгъ, статей и періодическихъ изданій, относящихся къ исторіи и

географіи Малороссійскаго края за 1854 годъ". Съ той поры почти каждый годъ, съ самыми небольшими перерывами, давалъ онъ что-нибудь наукѣ. Самый большой перерывъ въ научно-литературной дѣятельности А. М. Лазаревскаго былъ въ 1876—1880 годахъ. Перерывъ этотъ объясняется, какъ кажется, обстоятельствами его личной жизни.

Научно-литературную дѣятельность А. М. Лазаревскаго можно раздѣлить на три періода: первый—до перехода А. М. Лазаревскаго на службу въ Черниговъ; второй—со времени переѣзда въ Черниговъ до переѣзда въ Кіевъ и основанія Ѳ. Г. Лебединцевымъ въ Кіевѣ „Кіевской Старины" и, наконецъ, третій періодъ—послѣдніе двадцать лѣтъ жизни А. М. Лазаревскаго въ Кіевѣ.

Первый періодъ не богатъ трудами. Большинство ихъ носитъ преимущественно библіографическій характеръ, причемъ не всѣ они посвящены даже исторіи Малороссіи.

Въ 1857 году въ „Сборникѣ, изданномъ студентами С.-Петербургскаго Университета" А. М. Лазаревскій помѣстилъ матеріалы для біографіи и литературной дѣятельности Н. И. Новикова, А. Ѳ. Воейкова, В. Л. Пушкина и др.; въ 1858 году—въ „Библіогр. Запискахъ"—замѣтку объ анакреонтическихъ пѣсняхъ Державина; въ 1859 году—въ „Извѣстіяхъ Имп. Ак. Наукъ"—Записку о русскомъ хронографѣ; въ 1861 году—въ „Архивѣ Н. Калачова"—матеріалы для исторіи Волжскихъ разбойниковъ и въ „Библіогр. Запискахъ"—планъ Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ, составленный въ 1766 году, и матеріалы для біографіи А. Сумарокова, А. С. Грибоѣдова и А. С. Пушкина.

Изъ матеріаловъ и трудовъ А. М. Лазаревскаго въ первый періодъ, относящихся къ исторіи Малороссіи, и изъ цѣлаго ряда мелкихъ замѣтокъ, самымъ крупнымъ является „Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края", изданный въ 1857 году и посвященный О. М. Бодянскому. Указатель, сдѣлавшійся теперь библіографическою рѣдкостью, не потерялъ своего значенія и въ настоящее время. Правда, въ немъ оказались нѣкоторые пробѣлы, указанные П. С. Ефименко, но, въ общемъ, указатель явился замѣчательнымъ, по своему времени, библіографическимъ трудомъ.

Во время составленія его А. М. Лазаревскій былъ студентомъ. Нужно было имѣть много усидчивости, интереса къ предмету, способности работать, чтобы въ молодые годы заняться такимъ кропотливымъ трудомъ,

какимъ является указатель А. М. Лазаревскаго. Для самого автора указатель сослужилъ неоцѣненную службу; составленіе его дало возможность узнать, а отчасти и познакомиться со всей печатной литературой по исторіи Малороссіи.

Переселяясь на родину въ 1861 году и принимаясь въ Черниговѣ за изученіе малорусскихъ архивовъ, А. М. Лазаревскій былъ человѣкомъ, вполнѣ къ этому подготовленнымъ. Это могло только самымъ выгоднымъ образомъ отразиться на продуктивности его труда. А. М. Лазаревскій, благодаря своей громадной памяти, всегда былъ замѣчательнымъ знатокомъ литературы малорусской исторіи. Его трудно было удивить какой-нибудь новой книгой. Любовь къ книгѣ, къ коллекціонерству, развитая въ немъ съ молодыхъ лѣтъ, заставляла его слѣдить и собирать у себя все, гдѣ что-нибудь только могло быть о Малороссіи: крупное научное изслѣдованіе, небольшая брошюра, газетная статья—все находило пріютъ въ его библіотекѣ, которая является одной изъ замѣчательныхъ библіотекъ, по подбору спеціальныхъ книгъ, и не въ одномъ только Кіевѣ.

Указатель источниковъ—первый трудъ А. М. Лазаревскаго, напечатанный отдѣльною книгою. Посвященъ онъ, мы сказали, О. М. Бодянскому. Интересно, что и послѣдній большой трудъ А. М. Лазаревскаго, вышедшій отдѣльною книгою, „Описаніе Прилуцкаго полка,“ посвященъ памяти того же О. М. Бодянскаго.

Къ О. М. Бодянскому А. М. Лазаревскій всегда чувствовалъ глубокую признательность и считалъ себя немало ему обязаннымъ на первыхъ порахъ своихъ занятій малорусской стариной. Письменныя сношенія между ними начались въ 1855 году, когда А. М. Лазаревскій только что сдѣлался студентомъ и обратился къ О. М. Бодянскому за разъясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ. Четыре письма, относящіяся на 1855—1858 г., опубликованы А. М. Лазаревскимъ и имѣютъ біографическій интересъ, какъ для одного, такъ и для другого. Они знакомятъ насъ съ научными занятіями А. М. Лазаревскаго въ пору его студенчества и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуютъ личность О. М. Бодянскаго, который съ замѣчательной простотой и сердечностью вступалъ въ переписку съ молодымъ студентомъ другого университета. Изъ писемъ этихъ мы знаемъ, что А. М. Лазаревскій собиралъ народныя пѣсни, пословицы, поговорки, думалъ издать ихъ сборникомъ, но О. М. Бодянскій совѣтовалъ не спѣшить съ изданіемъ, стараться собрать какъ можно больше матеріала и тогда уже печатать. О.

М. Бодянскій совѣтовалъ также обратить вниманіе на „Дни и мѣсяцы въ Малороссіи“ Максимовича и его „Филологическія письма къ Погодину“, отъ которыхъ, говорилъ Бодянскій, „не поздоровится многимъ и многимъ“ и т. д. Собираясь посвятить свой „Указатель матеріаловъ“ О. М. Бодянскому, А. М. Лазаревскій обратился къ нему за согласіемъ на это. Бодянскій далъ свое согласіе и благодарилъ за вниманіе къ его „посильнымъ когда-то трудамъ на полѣ родной старины“. Послѣднее изъ четырехъ писемъ написано послѣ полученія О. М. Бодянскимъ „Указателя“. Онъ долго промедлилъ съ отвѣтомъ и, отправляя наконецъ письмо, жаловался на трудности, съ которыми ему приходится издавать „Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“. Пересыпая рѣчь, по своему обыкновенію, малорусскими пословицами и поговорками, О. М. Бодянскій благодарилъ молодого студента за присылку „Указателя“ и звалъ его въ Бѣлокаменную „побачитысь, побалакаты“ [1]....

Въ 1861 году А. М. Лазаревскій, увлеченный жаждой работать по крестьянскому дѣлу, переселился въ Черниговъ [2]). Это переселеніе имѣло громадное значеніе для его научной дѣятельности. Съ этой поры весь его интересъ, всѣ его научныя занятія сосредоточиваются исключительно на разработкѣ исторіи Лѣвобережной Малороссіи.

Въ Черниговѣ въ то время были собраны богатѣйшіе матеріалы по внутренней исторіи Малороссіи. Въ такъ называемомъ Мазепиномъ домикѣ, на Валу, былъ сваленъ архивъ высшихъ административныхъ учрежденій Старой Малороссіи: Малороссійской коллегіи и Генеральной канцеляріи; въ палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда находились дѣла Генеральнаго войсковаго суда; въ архивѣ губернскаго депутатскаго собранія—дѣла, относящіяся къ исторіи отдѣльныхъ родовъ дворянъ Черниговской губер.; наконецъ, въ архивѣ казенной палаты—земельные документы монастырей Черниговской губерніи, переданные туда при отобраніи въ казенное вѣдомство монастырскихъ имѣній и представлявшіе собой обширный матеріалъ для исторіи землевладѣнія въ Малороссіи. Здѣсь же, въ казенной палатѣ, хранилась и та часть знаменитой Румянцевской описи Малороссіи, которая касалась Черниговской губерніи.

---

[1]) Кіев. Стар., т. 27, стр. 447—450.

[2]) См. „Изъ Черниговскихъ воспоминаній“ А. М. Лазаревскаго въ Кіев. Ст. 1901 года, мартъ.

Изученіемъ этихъ архивовъ и занялся А. М. Лазаревскій. Свѣдѣнія свои онъ впослѣдствіи пополнилъ въ однородныхъ же Полтавскихъ архивахъ, содержавшихъ въ себѣ матеріалы, относившіеся къ исторіи той мѣстности Малороссіи, которая въ настоящее время занята Полтавской губерніей.

Это изученіе матеріаловъ, никому до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, сдѣлало А. М. Лазаревскаго на долгое время единственнымъ, можно сказать, знатокомъ внутренней исторіи Лѣвобережной Малороссіи. Богатство свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ архивовъ, дало А. М. Лазаревскому возможность разрѣшить, освѣтить, поставить множество вопросовъ первостепенной важности въ малорусской исторіи или же дать матеріалы для разрѣшенія ихъ будущими изслѣдователями. Унося въ могилу крупное научное имя, оставивъ послѣ себя богатое литературное наслѣдство, А. М. Лазаревскій далеко не использовалъ всего того матеріала, которымъ онъ располагалъ. Смерть его застигла надъ первыми страницами описанія Полтавскаго полка, въ которомъ онъ хотѣлъ сгруппировать и использовать матеріалы, почерпнутые имъ изъ Полтавскихъ архивовъ.

Свѣдѣнія свои, почерпнутыя при изученіи матеріаловъ въ оффиціальныхъ архивахъ, А. М. Лазаревскій пополнялъ въ теченіе всей своей жизни. Чрезъ его руки прошла масса всевозможныхъ фамильныхъ документовъ: архивъ Галагана [1]), Сулимовскій, Мотыжинскій и Любецкой архивы [2]) представляютъ только сравнительно небольшую частицу ихъ [3]). Изученію фамильныхъ архивовъ А. М. Лазаревскій придавалъ большое значеніе и считалъ ихъ, по справедливости, главнѣйшимъ источникомъ для изученія бытовой исторіи.

Не говоря уже о мелкихъ, [4]) самымъ важнымъ трудомъ, написаннымъ А. М. Лазаревскимъ въ промежутокъ отъ 1861 года до переѣзда его въ Кіевъ (въ 1880 г.), является монографія „Малороссійскіе посполитые

---

[1]) Кіев. Ст. 1883 г., кн. 11, стр. 452—456.

[2]) Кіев. Ст. 1882 г., кн. 11, стр. 292—295. Сулимовскій архивъ изданъ въ 1884 г., Мотыжинскій въ 1890; Любецкой въ 1898.

[3]) Предисловіе къ Сулимовскому архиву.

[4]) Списокъ трудовъ А. М. Лазаревскаго, съ незначительными, сравнительно, пропусками, составленъ извѣстнымъ библіографомъ С. И. Пономаревымъ и помѣщенъ въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1902 г. при некрологѣ А. М. Лазаревскаго.

крестьяне (1648—1783)", основанная исключительно на матеріалахъ Черниговскихъ архивовъ и напечатанная первоначально въ „Запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета" за 1866-й годъ, а затѣмъ вышедшая и отдѣльными оттисками. Нужно сказать, что до основанія въ 1882 году „Кіевской Старины" А. М. Лазаревскій испытывалъ не мало затрудненій при опубликованіи своихъ трудовъ. Печатать на собственныя средства онъ не могъ, помѣщать же въ журналахъ мѣшалъ спеціальный характеръ большинства изъ его работъ. Въ 1870-хъ годахъ А. М. Лазаревскій печаталъ свои труды, главнымъ образомъ, въ „Русскомъ Архивѣ". Здѣсь помѣщены имъ два очерка изъ быта Малороссіи въ 18 в.,—о приходскомъ духовенствѣ и о сотникахъ,—монографія о Павлѣ Полуботкѣ и затѣмъ рядъ очерковъ малороссійскихъ фамилій, которые онъ называлъ „матеріалами для исторіи общества въ 17—18 вв." Въ 1880 году А. М. Лазаревскій напечаталъ очеркъ о Скоропадскихъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ", а въ 1860 годахъ онъ находилъ пріютъ своимъ трудамъ въ разныхъ изданіяхъ: въ памятной книжкѣ Черниговской губерніи, гдѣ помѣщена его „Конотопская старина", въ „Черниговскомъ листкѣ", „Черингов. губерн. вѣдомостяхъ", „Извѣстіяхъ Импер. археол. Общества", наконецъ, въ „Запискахъ Черингов. губерн. статист. комитета". Въ „Запискахъ" онъ началъ свои „Очерки малороссійскихъ фамилій", носившихъ тогда болѣе узкое заглавіе „Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Черингов. губ." Въ „Запискахъ" же, повторяемъ, помѣщена и первая крупная и замѣчательная работа А. М. Лазаревскаго о посполитыхъ крестьянахъ, не потерявшая своего значенія и до нашего времени.

Въ основу монографіи А. М. Лазаревскаго о посполитыхъ легла та вѣрная мысль, что крѣпостное право въ Малороссіи явилось не результатомъ однѣхъ только мѣръ русскаго правительства въ этомъ направленіи, а цѣликомъ вытекло изъ малорусскихъ общественныхъ отношеній, изъ малорусской жизни, и русскому правительству часто приходилось только санкціонировать своими указами то, что, на самомъ дѣлѣ, давно уже существовало въ жизни.

Подобная мысль была уже, правда, высказана за нѣсколько лѣтъ до появленія въ свѣтъ монографіи А. М. Лазаревскаго—А. Ѳ. Кистя-

ковскимъ [1]); но у него она не имѣла такой ясной и опредѣленной формулировки и, что еще важнѣе, не была обставлена фактическими указаніями. Выводы же А. М. Лазаревскаго были основаны на тщательномъ изученіи богатаго архивнаго матеріала.

Уже въ монографіи своей о посполитыхъ крестьянахъ А. М. Лазаревскій пришелъ къ тому заключенію, что ходячее представленіе о малорусскомъ обществѣ 17—18 вв., какъ о какой-то единой сплоченной массѣ, проникнутой чисто демократическими тенденціями, не выдерживаетъ критики. Дальнѣйшему развитію и доказательству этой мысли служили „Очерки изъ исторіи малороссійскихъ фамилій."

Между высшей общественной группой, старшиной, и народной массой въ Малороссіи не только не было единства, а напротивъ, существовалъ довольно рѣзко выраженный антагонизмъ. Было бы грубой, поэтому, ошибкой отождествлять ихъ общественные интересы. Администрація малорусская была, правда, выборной, но это нисколько не гарантировало правильнаго удовлетворенія нуждъ народа. Администрація чаще всего стремилась къ удовлетворенію своихъ личныхъ выгодъ, отстаивала классовые шляхетскіе интересы, часто совершенно противоположные интересамъ и нуждамъ народа. При такомъ взглядѣ на дѣло, А. М. Лазаревскому приходилось иногда развѣнчивать такихъ людей, какъ Павелъ Полуботокъ, который подъ перомъ другихъ историковъ, даже Н. И. Костомарова, обращался въ національнаго героя, борца за національную свободу и самобытность. Изучая кропотливо факты будничной жизни, А. М. Лазаревскій, пришелъ къ тому заключенію, что Павелъ Полуботокъ является типичнѣйшимъ представителемъ интересовъ малорусской старшины, т. е. того класса, который-то собственно и погубилъ народную свободу въ Малороссіи [2]).

„Очерки изъ исторіи малороссійскихъ фамилій" сдѣлались особенно извѣстными въ публикѣ. Нѣкоторые знали и называли А. М. Лазаревскаго не иначе, какъ „историкомъ малорусскихъ дворянскихъ фамилій." А. М. Лазаревскому очерки эти доставляли немало огорченій, создали

---

[1]) Въ Основѣ 1862 г. № 1. „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи".

[2]) См. *А. М. Лазаревскій:* Павелъ Полуботокъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1880 г.

даже враговъ среди потомковъ тѣхъ дворянскихъ фамилій, исторіи которыхъ онъ касался. По поводу ихъ А. М. Лазаревскій получалъ немало писемъ со всевозможными упреками. Письма эти онъ сберегалъ какъ цѣнный, по его мнѣнію, матеріалъ для исторіи общественнаго развитія въ Россіи [1]). Извѣстно, напр., что покойный Г. П. Галаганъ до того обидѣлся на А. М. Лазаревскаго за его статью о родѣ Галагановъ [2]), что почти прекратилъ съ нимъ знакомство, тогда какъ раньше, въ Черниговѣ, А. М. Лазаревскій, живя въ одномъ дворѣ съ Г. П. Галаганомъ, былъ у него чуть ли не домашнимъ человѣкомъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, отношенія между ними снова возстановились, и они оставались въ хорошихъ отношеніяхъ до самой смерти Г. П. Галагана. Въ 1882 году А. М. Лазаревскій жилъ нѣкоторое время въ Сокиринцахъ, имѣніи Галагана, и изучалъ тамъ семейный архивъ Галагановъ. Нужно сказать, что о Г. П. Галаганѣ А. М. Лазаревскій всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ.

„Очерки малороссійскихъ фамилій", или „Люди старой Маллороссіи," какъ называлъ эти очерки А. М. Лазаревскій въ „Кіевской Старинѣ", написаны приблизительно по одной и той же программѣ: сначала сообщается тщательно и кропотливо, по документамъ, составленная родословная таблица, а затѣмъ идутъ свѣдѣнія, почерпнутыя изъ архивныхъ данныхъ, о дѣятельности того или другого лица изъ рода. Предъ читателемъ, мало по малу, проходитъ цѣлая галлерея лицъ изъ малорусской старшины и постепенно вырисовывается характеръ задачъ и стремленій этой старшины, характеръ въ большинствѣ случаевъ непривлекательный, всецѣло построенный на эгоистическихъ разсчетахъ, жаждѣ наживы. Вакуринскіе, Бобыри, Богуши, Борозды, Борсуки, Бугаевскіе, Вутовичи, Вальквичи, Апостолы, Базилевскіе, Безбородки, Бороховичи, Галаганы, Гамалѣи, Герцики, Гоголи-Яновскіе, Горленки, Грабянки, Дмитрашки-Раичи, Жученки-Жуковскіе, Иваненки, Искры, (Остраницы), Капнисты, Кочубеи, Полуботки, Скоропадскіе, Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки, Забѣлы, Марковичи, Голубы, Крыжановскіе, Тамары, Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Левенцы, Лѣсницкіе, Раковичи, Оболонскіе, Мануйловичи, Жураковскіе, Носенки-Бѣлецкіе, Трощинскіе и т. д.—такова эта галлерея.

---

[1]) Кіев. Ст. 1902 г., т. 76 (мартъ), отд. 2, стр. 158.

[2]) Тамъ-же, только безъ упоминанія имени.

Наряду съ очерками отдѣльныхъ фамилій А. М. Лазаревскій сдѣлалъ попытку охарактеризовать и отдѣльныя общественныя группы. Въ 1871 году въ „Русскомъ Архивѣ“ онъ помѣстилъ „Очеркъ изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ“, въ которомъ сообщилъ любопытныя данныя о группѣ приходскаго духовенства и монаховъ въ Малороссіи. Такой же характеръ носитъ и его статья о сотникахъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года.

Въ 1880 году А. М. Лазаревскій переселяется въ Кіевъ, а въ 1882 году Ѳ. Г. Лебединцевъ основываетъ журналъ „Кіевскую Старину“. Мысль объ основаніи историческаго журнала была давней мечтой какъ у А. М. Лазаревскаго, такъ и у В. Б. Антоновича. Еще до переѣзда А. М. Лазаревскаго въ Кіевъ, весной 1879 года, они увидѣлись въ Кіевѣ, сошлись на этой мысли и тогда же отправились къ протоіерею П. Г. Лебединцеву съ предложеніемъ быть редакторомъ журнала. П. Г. Лебединцевъ отказался, но за то убѣдилъ брата взяться за изданіе „Кіевской Старины.“ Такъ возникла „Кіевская Старина“ [1]). Конечно А. М. Лазаревскій съ перваго же дня основанія журнала примкнулъ къ нему, сдѣлался его постояннымъ сотрудникомъ и до самой смерти оставался вѣрнымъ другомъ „Кіевской Старины“. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ особенно близко стоялъ къ этому журналу, и одно время, правда, очень не долгое, былъ даже фактическимъ его редакторомъ.

Со времени основанія „Кіевской Старины“ начинается третій, самый плодотворный, періодъ научно-литературной дѣятельности А. М. Лазаревскаго. Ставши близко къ журналу, имѣя свой, такъ сказать, литературный органъ, А. М. Лазаревскій постоянно дѣлился съ читателями свѣдѣніями по исторіи Малороссіи, пріобрѣтенными имъ долговременными занятіями въ Черниговскихъ, Полтавскихъ и семейныхъ архивахъ. Рѣдкая книжка „Кіевской Старины“, особенно въ 1890-хъ годахъ, не содержала въ себѣ если не статьи, то какой-нибудь замѣтки, рецензіи, написанной А. М. Лазаревскимъ, или документа, имъ сообщеннаго.

Въ срединѣ 1890 годовъ А. М. Лазаревскій сталъ близко и къ Кіевскому Историческому Обществу Нестора-лѣтописца, печаталъ въ его

---

[1]) См. замѣтку А. М. Лазаревскаго: „Какъ основалась „Кіевская Старина“? въ Кіев. Старинѣ 1897 г., т. 56. Подъ *Кіевляниномъ* въ этой замѣткѣ нужно разумѣть В. Б. Антоновича, подъ *Черниговцемъ*— А. М. Лазаревскаго.

„Чтеніяхъ“ свои работы; одно время, правда, черезчуръ короткое, былъ его предсѣдателемъ и умеръ въ званіи товарища предсѣдателя. Съ Обществомъ Нестора лѣтописца А. М. Лазаревскій былъ связанъ собственно давно. Членомъ его онъ былъ избранъ еще въ 1880 году, т. е. въ годъ своего окончательнаго переселенія въ Кіевъ. Въ 1893 году, по случаю исполнившагося сорокалѣтія его научно-литературной дѣятельности, онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Общества. До начала 1890-хъ годовъ А. М. Лазаревскій не только не принималъ активнаго участія въ дѣятельности Общества, но не посѣщалъ даже его засѣданій. О послѣднемъ засѣданіи, на которомъ онъ былъ до этого времени, у него сохранилось воспоминаніе, что предсѣдательствовалъ покойный А. А. Котляревскій, больной, закутанный въ пледъ, а читалъ длинную рѣчь о женахъ вел. князя Владиміра теперь также уже покойный И. И. Малышевскій.

Такая отчужденность А. М. Лазаревскаго отъ Общества Нестора-лѣтописца объясняется нѣкоторою замкнутостью его натуры и трудностью, съ которой онъ сближался съ людьми. Самъ А. М. Лазаревскій никогда не искалъ новыхъ знакомствъ. Переселившись въ Кіевъ въ 1880 году, онъ познакомился, правда, съ нѣкоторыми профессорами Университета и Духовной Академіи, членами Общества Нестора-лѣтописца, относился къ научной и общественной дѣятельности нѣкоторыхъ изъ нихъ съ глубокой симпатіей и уваженіемъ, но кругъ лицъ, съ которыми онъ ближе сошелся, съ которыми онъ имѣлъ много общаго, по своимъ общественнымъ воззрѣніямъ, стоялъ сравнительно далеко отъ Университета и мало, почти совсѣмъ не принималъ активнаго участія въ дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Съ основаніемъ въ 1882 году „Кіевской Старины“, лица эти сгруппировались, преимущественно, возлѣ этого журнала, и А. М. Лазаревскій долгое время помѣщалъ свои работы только въ „Кіевской Старинѣ.“

Кандидатура А. М. Лазаревскаго, до тѣхъ поръ не посѣщавшаго засѣданій Общества Нестора-лѣтописца, въ предсѣдатели этого Общества была выдвинута совершенно случайно. Послѣ рѣшительнаго отказа въ сентябрѣ 1895 г. проф. В. С. Иконникова отъ предсѣдательства въ Обществѣ, группа членовъ Общества, располагавшая тогда большинствомъ въ собраніи, намѣтила было въ предсѣдатели проф. И. В. Лучицкаго, В. Б. Антоновича и Ѳ. Я. Фортинскаго; но затѣмъ должна была отказаться отъ этой кандидатуры. Проф. Ѳ. Я. Фортинскій былъ тогда ректоромъ Университета и находилъ неудобнымъ

совмѣстительство въ одномъ лицѣ должности ректора Университета и должности предсѣдателя Общества, состоящаго при томъ же Университетѣ. Тогда остановились на кандидатурѣ А. М. Лазаревскаго. Много пошло усилій склонить его выставить свою кандидатуру въ предсѣдатели Общества. Съ этихъ поръ до самой смерти А. М. Лазаревскій живо интересовался дѣлами Общества, его изданіями; раньше никогда не рѣшавшійся выступать публично, теперь онъ читалъ рефераты въ засѣданіяхъ Общества; печаталъ въ изданіяхъ его свои изслѣдованія, сообщенія и матеріалы. Благодаря своему участію въ Обществѣ, А. М. Лазаревскій сталъ ближе и къ Университету св. Владимира. Результатомъ этого явилось пожертвованіе имъ въ университетскую библіотеку единственнаго въ своемъ родѣ собранія книгъ и рукописей по исторіи Малороссіи, которое онъ составлялъ съ рѣдкой любовью и вниманіемъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Раньше А. М. Лазаревскій предполагалъ передать это собранію въ Кіевскую публичную библіотеку; въ этомъ смыслѣ написалъ онъ и завѣщаніе; но въ послѣдніе годы своей жизни, ставши ближе къ Обществу Нестора, а чрезъ него и къ Университету, онъ измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе въ пользу послѣдняго. Предсѣдателемъ Общества Нестора-лѣтописца А. М. Лазаревскій состоялъ немногимъ болѣе года, съ 18-го сентября 1895 года по 5-е октября 1896 года, т. е. до истеченія того срока, на который былъ выбранъ В. С. Иконниковъ, отказавшійся отъ предсѣдательства. Дальнѣйшее избраніе А. М. Лазаревскаго въ предсѣдатели не состоялось, потому что въ общемъ собраніи одержала верхъ группа членовъ, которая требовала, чтобы предсѣдателемъ Общества былъ непремѣнно профессоръ Университета, хотя въ уставѣ Общества это и не было обусловлено. А. М. Лазаревскій послѣ этого былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя и несъ эти обязанности, какъ сказано выше, до самой своей смерти.

Въ „Исторической запискѣ“, составленной проф. Н. П. Дашкевичемъ по поводу двадцатипятилѣтія существованія Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, о предсѣдательствѣ А. М. Лазаревскаго сказано слѣдующее: „А. М. Лазаревскій въ непродолжительное время своего предсѣдательствованія значительно умножилъ книжныя и матеріальныя средства Общества (между прочимъ, благодаря принесенію въ даръ значительнаго количества книгъ изъ своей библіотеки и пожертвованію чрезъ него 1000 руб. лицомъ, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности) и

впервые озаботился примѣненіемъ къ дѣлу параграфа новаго устава, которымъ разрѣшается Обществу устройство публичныхъ чтеній" [1]). Теперь уже извѣстно, что лицомъ, давшимъ 1000 рублей на устройство лекцій, былъ Н. А. Терещенко [2]).

Цѣлью публичныхъ чтеній, по мысли А. М. Лазаревскаго, должна была быть исторія Кіева въ различныя эпохи его историческаго существованія въ связи съ исторіей края. Лекціи должны были читаться за небольшую плату. Пожертвованная тысяча рублей была первоначальнымъ фондомъ для вознагражденія лекторовъ за чтеніе и для изданія прочитанныхъ лекцій. Первоначальный фондъ, предполагалось, будетъ постоянно пополняться входной платой за лекціи и выручкой отъ продажи изданныхъ лекцій.

Въ годъ предсѣдательства въ Обществѣ А. М. Лазаревскаго въ мартѣ 1896 года были прочитаны въ актовой залѣ Университета лекціи по геологіи и исторіи Кіева профессорами П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ и затѣмъ изданы отдѣльною книгою [3]). Лекціи имѣютъ между собою прямую внутреннюю связь и въ настоящее время являются прекраснымъ руководствомъ для всякаго, кто бы захотѣлъ познакомиться съ результатами научнаго изученія первоначальной исторіи города Кіева. Къ сожалѣнію, В. Б. Антоновичъ довелъ свои лекціи только до удѣльно-вѣчеваго періода и продолжать ихъ дальше наотрѣзъ отказался. Отказъ этотъ сильно огорчилъ А. М. Лазаревскаго и въ значительной степени нарушилъ его первоначальные планы. Онъ хорошо сознавалъ, что нѣтъ лучшаго знатока исторіи Кіева въ связи съ исторіей края, какъ В. Б. Антоновичъ, нѣтъ другаго такого человѣка, который могъ бы глубже, талантливѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ доступнѣе В. Б. Антоновича изложить ее въ рядѣ популярныхъ чтеній. А. М. Лазаревскій надѣялся, что В. Б. Антоновичъ продолжитъ свои лекціи, по крайней мѣрѣ, до XVIII вѣка и

---

[1]) 25-ти лѣтіе историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Кіевъ 1899 г., стр. 7.

[2]) Кіев. Ст. 1902 г., май; Александръ Матвѣевичъ Лазаревскій (некрологъ), стр. XVII.

[3]) „Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя профессорами П. Я. Армашевскимъ и В. Б. Антоновичемъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца въ мартѣ 1896 г. Съ двумя рисунками. Кіевъ, 1897, стр. 87.

что ему въ этомъ помогутъ профессора Н. П. Дашкевичъ, С. Т. Голубевъ, Н. И. Петровъ и др. Планы эти не могли осуществиться уже потому, что послѣ выборовъ 1896 года А. М. Лазаревскій лишился активной роли предсѣдателя. Лекціямъ послѣ этого былъ приданъ иной, болѣе широкій характеръ. Во главѣ коммиссіи, взявшей на себя ихъ организацію, сталъ проф. И. В. Лучицкій. Лекціи получили характеръ систематическихъ чтеній въ области не одной только южно-русской исторіи, а историко-филологическихъ предметовъ вообще. Стали поговаривать о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, для которыхъ публичныя чтенія, устраивавшіяся Обществомъ Нестора-лѣтописца, должны были служить подготовительной стадіей. Въ Кіевскомъ обществѣ наступило замѣтное оживленіе. Не долго оно только продолжалось. Вскорѣ выяснилось, что мысль о возобновленіи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ встрѣтила сильную оппозицію у попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а потому надежды на ея осуществленіе нѣтъ. Энергія къ лекціямъ стала ослабѣвать. Вскорѣ онѣ и совсѣмъ прекратились.

Въ органѣ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца—„Чтеніяхъ" А. М. Лазаревскій помѣстилъ „Акты по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи 1630—1690 г." и „Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія," чрезвычайно важные какъ для выясненія юридической природы малорусскаго землевладѣнія, такъ и его бытовой стороны. Изъ другихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ здѣсь же, отмѣтимъ переписныя книги 1666 года; цеховые акты Лѣвобережной Малороссіи и др. Въ „Чтеніяхъ" же помѣщенъ и обширный трудъ А. М. Лазаревскаго, „Очерки Полтавской Лубенщины".

Мы не будемъ останавливаться на статьяхъ А. М. Лазаревскаго, помѣщенныхъ въ „Кіевской Старинѣ." Статей этихъ и замѣтокъ очень много и они настолько цѣнны и содержатъ въ себѣ такъ много новаго матеріала, что обзоръ ихъ, въ значительной степени, расширилъ бы рамки нашей статьи. Скажемъ только, что въ статьяхъ своихъ и замѣткахъ А. М. Лазаревскій касался самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: и администраціи, и суда, и колонизаціи края, и бытовой стороны жизни края; касался онъ и древностей Малороссіи, и литературы ея, и вопроса объ изученіи Малороссіи и т. д. При „Кіевской Старинѣ" имъ издано много документовъ и другого матеріала для изученія края. Важнѣйшими изъ этихъ изданій были дневники Ханенка и Марковича. Кромѣ „Кіевской Старины" мате-

ріалы для исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскій печаталъ въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ,“ а также и отдѣльно. Въ „Черниговскихъ Губ. Вѣд.“, имъ были напечатаны „Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г.“ „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка,“ „Опись Конотопской сотни“ и др. Подъ редакціей А. М. Лазаревскаго вышли „Сулимовскій“ и „Мотыжинскій“ архивы, а также 1-й томъ „Любецкаго архива“ графа Г. А. Милорадовича. „Любецкой архивъ“ печатался предварительно, какъ приложеніе къ „Кіевской Старинѣ.“

Подъ конецъ своей жизни А. М. Лазаревскій предпринялъ громадный трудъ „Описаніе Старой Малороссіи.“ Названіе Малороссіи *Старой* придумано А. М. Лазаревскимъ и, кажется, начинаетъ входить теперь во всеобщее употребленіе. Подъ именемъ *Старой* А. М. Лазаревскій разумѣлъ Малороссію до конца XVIII ст., т. е., до введенія въ ней общерусскихъ порядковъ. Съ этого времени, по его мнѣнію, начинается *Новая* Малороссія, создаются новыя условія жизни, а вмѣстѣ съ ними и новыя культурныя задачи, новыя національныя стремленія.

Въ этомъ своемъ послѣднемъ трудѣ А. М. Лазаревскій имѣлъ въ виду объединить въ извѣстной системѣ собранные имъ въ разное время матеріалы по исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Для этого онъ выбралъ форму „Описанія,“ расположивъ его по десяти полкамъ, какъ самымъ крупнымъ административнымъ единицамъ въ Малороссіи [1]). Но онъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ описаніе только трехъ полковъ: Стародубскаго, Нѣжинскаго и Прилуцкаго. Смерть застала его надъ работой по описанію Полтавскаго полка. По обыкновенію, А. М. Лазаревскій былъ очень увлеченъ этой работой. Для Полтавскаго полка у него было собрано чрезвычайно много матеріаловъ въ бытность его еще въ Полтавѣ, причемъ многіе изъ этихъ матеріаловъ въ настоящее время въ подлинникѣ погибли безвозвратно, какъ напр. Румянцевская опись, относящаяся къ территоріи Полтавскаго полка, и другіе документы, хранившіеся въ Полтавской казенной палатѣ и сгорѣвшіе тамъ въ началѣ 1880 годовъ.

Всѣ томы „Описанія Старой Малороссіи“ составлены по одному и тому же плану: географическій очеркъ, біографіи старшины, сначала полковой, затѣмъ сотенной; потомъ слѣдуетъ описаніе селъ, при чемъ о каждомъ селѣ сообщаются свѣдѣнія или соображенія о времени его возникновенія,

[1]) См. предисловіе къ 1-му тому „Описанія“.

а также и другія данныя, относящіяся къ исторіи села. Матеріалъ, конечно, неравномѣренъ, и количество его зависѣло отъ того, на сколько располагалъ имъ А. М. Лазаревскій относительно того или другого села.

Первый томъ „Описанія", обнимающій собою Стародубскій полкъ, въ свое время подвергся рѣзкой критикѣ со стороны проф. И. В. Лучицкаго, указавшаго въ трудѣ А. М. Лазаревскаго рядъ существенныхъ промаховъ [1]). Замѣчанія рецензента А. М. Лазаревскій принялъ во вниманіе при изданіи слѣдующихъ томовъ и въ значительной степени исправилъ тѣ недочеты, которые были неизбѣжны на первыхъ порахъ въ такомъ громадномъ трудѣ, какой предпринялъ покойный, особенно при сортировкѣ, оцѣнкѣ и пользованіи матеріаломъ, который отрывисто, безъ опредѣленной цѣли, собирался десятки лѣтъ.

Недостатки громаднаго труда, предпринятаго А. М. Лазаревскимъ, блѣднѣютъ предъ его крупными достоинствами. По порученію Академіи наукъ, первый томъ труда подвергся всесторонней оцѣнкѣ, съ научной точки зрѣнія, со стороны проф. Д. И. Багалѣя, а второй, обнимающій собою описаніе Нѣжинскаго полка,—со стороны В. А. Мякотина, Оба рецензента приходятъ къ одному и тому же выводу, что трудъ А. М. Лазаревскаго является чрезвычайно крупнымъ вкладомъ въ историческую литературу. „Книга А. М. Лазаревскаго, говоритъ проф. Д. И. Багалѣй, отличается чрезвычайнымъ богатствомъ содержанія. Сообщаемыя имъ данныя разъясняютъ намъ многіе важные вопросы внутренней жизни Лѣвобережной Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ, и главная заслуга А. М. Лазаревскаго заключается въ подборѣ рукописныхъ, а не печатныхъ матеріаловъ.... Массу весьма цѣнныхъ архивныхъ источниковъ привлекъ къ своей работѣ А. М. Лазаревскій. Онъ самъ разыскалъ этотъ матеріалъ, спасъ его отъ гибели, изучилъ и систематизировалъ." Указывая на рядъ пробѣловъ въ книгѣ А. М. Лазаревскаго, проф. Д. И. Багалѣй объясняетъ это тѣмъ, что „тема сочиненія на столько широка, что не могла во всей ея полнотѣ быть исчерпана авторомъ" [2]).

Рѣзче подчеркиваетъ крупныя достоинства труда А. М. Лазаревскаго рецензентъ второго тома „Описанія Старой Малороссіи" В. А. Мякотинъ.

---

[1]) Кіев. Унив. Извѣстія 1889 г., кн. 12.

[2]) *Проф. Д. И. Багалѣй*: Новый историкъ Малороссіи (Отчетъ о 32 присужденіи наградъ графа Уварова), стр. 124.

„Работа г. Лазаревскаго, какъ систематическій подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ исторіи гетманской Малороссіи, говоритъ онъ, должна имѣть большое значеніе уже въ виду состоянія литературы и положенія источниковъ этой исторіи. Задумана и поставлена авторомъ работа очень широко. Цѣлый рядъ разнообразныхъ и весьма важныхъ темъ введенъ авторомъ въ его описаніе, и онъ собралъ для нихъ громадный и свѣжій матеріалъ, въ весьма значительной мѣрѣ имъ же самимъ и обработанный. По нѣкоторымъ крупнымъ вопросамъ Малорусской исторіи въ книгѣ г. Лазаревскаго даны широкія и прочно обставленныя обобщенія, по многимъ другимъ—въ ней заключается большое количество въ высшей степени мѣткихъ и цѣнныхъ спеціальныхъ указаній. Недостатки книги блѣднѣютъ предъ ея крупными достоинствами, дѣлающими ее необходимымъ настольнымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося изученіемъ малорусской исторіи XVII—XVIII вѣка“ [1]).

Еще большимъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріала отличается третій томъ „Описанія Старой Малороссіи“, посвященный Прилуцкому полку, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остающійся безъ надлежащей научной оцѣнки въ исторической литературѣ. Прилуцкій полкъ—мѣсто родины А. М. Лазаревскаго; поэтому-то и матеріалъ здѣсь собранъ наиболѣе полно.

Работая въ послѣдніе годы своей жизни надъ описаніемъ Прилуцкаго, а затѣмъ Полтавскаго полка, А. М. Лазаревскій сталъ обращать особое вниманіе на вопросъ о колонизаціи малорусской территоріи, въ особенности же Полтавской губерніи. Въ этомъ отношеніи его труды даютъ чрезвычайно много матеріала и соображеній для историка. Примыкая вполнѣ ко взгляду, высказанному впервые М. А. Максимовичемъ, а затѣмъ наиболѣе полно развитому и обоснованному В. Б. Антоновичемъ, о томъ, что послѣ татарскаго нашествія территорія Малороссіи вовсе не обезлюдѣла, что населеніе здѣсь сохранилось, хотя, быть можетъ, и порѣдѣло сравнительно съ предыдущимъ временемъ (особенно замѣчается это порѣдѣніе въ южной части Полтавской губерніи), и А. М. Лазаревскій стремился, главнымъ образомъ, выяснить вопросъ о томъ, когда же стала вновь колонизоваться южная часть Малороссіи, откуда шли колонисты и кому принадлежала въ исторіи этой колонизаціи активная, движущая роль?

[1]) *В. А. Мякотинъ.* Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе Старой Малороссіи т. II. Полкъ Нѣжинскій, стр. 112—113.

Главное свое вниманіе А. М. Лазаревскій сосредоточивалъ на бассейнѣ нижняго теченія Сулы, гдѣ уже въ началѣ XVI вѣка были значительныя земельныя владѣнія Пустынно-Никольскаго монастыря, на которыхъ возникъ и монастырь Пивскій. Съ 1590 года Посулье было отдано Вишневецкому, который, мало-по-малу завладѣлъ чуть не всей Полтавщиной. Вопросамъ о колонизаціи этой части малорусской территоріи посвящены статьи А. М. Лазаревскаго „Лубенщина и князья Вишневецкіе“ въ „Кіевской Старинѣ“ и затѣмъ „Очерки Полтавской Лубенщины“ въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца.“ Общій выводъ, къ которому пришелъ А. М. Лазаревскій, былъ тотъ, что Вишневецкіе получили Посулье почти пустыней и въ теченіе полутора столѣтій колонизовали его. Насельники на Посулье не могли идти съ сѣвера. „Вѣроятнѣе всего, что колонизація степной Малороссіи, „полей“, производилась населеніемъ, жившимъ въ однохарактерныхъ мѣстахъ. Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра, повидимому, изъ Подоліи, причемъ гнали его отсюда почти постоянныя татарскія нападенія и слѣдовавшія за ними разоренія.“

Мы въ самыхъ только общихъ чертахъ охарактеризовали главнѣйшіе моменты научной дѣятельности А. М. Лазаревскаго въ области разработки малорусской исторіи. Списокъ его трудовъ, составленный С. И. Пономаревымъ, обнимаетъ собой 283 названія. Одно ужъ это говоритъ, какая масса вопросовъ рѣшена, разъяснена, затронута или для разрѣшенія ихъ данъ А. М. Лазаревскимъ матеріалъ. Дѣятельность А. М. Лазаревскаго и ея результаты нуждаются въ серьезномъ, научномъ и обстоятельномъ обзорѣ. Только при такомъ условіи вполнѣ выяснится громадное значеніе А. М. Лазаревскаго въ исторіи изученія Малороссіи, выяснятся результаты его многолѣтней работы, выяснится и тотъ путь, которымъ должны идти продолжатели А. М. Лазаревскаго въ дѣлѣ изученія и разработки малорусской исторіи.

Опредѣляя значеніе А. М. Лазаревскаго въ малорусской исторіографіи, не нужно забывать и условій, въ которыхъ находится вообще научная разработка исторіи Лѣвобережной Малороссіи. „Наиболѣе выясненной стороной ея, говоритъ В. А. Мякотинъ, является внѣшняя политическая исторія страны, давшая содержаніе довольно длинному ряду трудовъ, среди которыхъ особенно почетное мѣсто занимаютъ изслѣдованія покойнаго Костомарова. Зато, едва мы обращаемся отъ внѣшней исторіи къ внутренней, едва переходимъ изъ области военныхъ событій и дипломатиче-

скихъ переговоровъ въ болѣе спокойную область мирной народной жизни, какъ попадаемъ въ темный лабиринтъ запутанныхъ вопросовъ, лишь немногія части котораго освѣщены пока свѣтомъ научнаго изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, только незначительная часть относящихся сюда вопросовъ рѣшена въ литературѣ, въ большинствѣ же случаевъ они едва поставлены, а то и едва намѣчены. Даже административное дѣленіе территоріи гетманской Малороссіи извѣстно лишь въ общихъ и не всегда вѣрныхъ чертахъ. Еще менѣе извѣстна исторія заселенія этой территоріи. Формы землевладѣнія, существовавшія въ ней, экономическія условія жизни населенія составляютъ вопросъ, едва затронутый въ литературѣ, равно какъ и исторія государственнаго хозяйства гетманщины. Болѣе вниманія посвящено было исторіи администраціи и развитію сословныхъ группъ среди населенія, но и эти стороны жизни гетманской Малороссіи далеко нельзя еще признать вполнѣ изученными: въ область изслѣдованія введено пока лишь сравнительно небольшое количество относящихся къ нимъ фактовъ и даже извѣстные уже факты не всѣ покрываются сдѣланными до сихъ поръ обобщеніями. Важнѣйшіе процессы внутренней исторіи страны представляются, такимъ образомъ, въ настоящее время мало изученными, рисуются въ неясныхъ и смутныхъ очертаніяхъ.

Самые источники этой исторіи находятся въ состояніи, какъ бы оправдывающемъ собою указанное положеніе литературы. Прежде всего именно тѣ источники, въ которыхъ можно надѣяться почерпнуть наибольшее количество свѣдѣній о внутренней жизни Гетманщины, разбросаны самымъ невѣроятнымъ образомъ. Не только Кіевъ, Черниговъ, Полтава и Екатеринославъ, но и Харьковъ, Москва, Петербургъ явились наслѣдниками архивныхъ богатствъ Старой Малороссіи.

Такая разбросанность и связанная съ ней раздробленность главнѣйшихъ источниковъ неминуемо должна была отозваться и на ходѣ ученой работы надъ ними, крайне затрудняя разработку всякой сколько-нибудь широко поставленной темы и тѣмъ самымъ нерѣдко вынуждая работавшихъ въ этой области историковъ замѣнять изслѣдованіе того или другого явленія описаніемъ отдѣльныхъ фактовъ, къ нему относящихся, безъ установленія прочной связи между ними. Если въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, посвященной изображенію жизни гетманской Малороссіи, встрѣчается очень мало цѣльныхъ и широкихъ картинъ, если въ этой литературѣ господствуетъ обрисовка отрывочныхъ эпизодовъ, то причину такого ея

характера приходится, кажется, въ значительной мѣрѣ искать въ самыхъ условіяхъ пользованія источниками, ставящихъ подчасъ изслѣдователя въ крайне неудобное положеніе. Быть можетъ, далѣе, именно это состояніе источниковъ является и одною изъ причинъ того факта, что сравнительно небольшое число изслѣдователей посвящаетъ свои труды изученію прошлыхъ судебъ Лѣвобережной Малороссіи во время ея самостоятельнаго существованія.

Въ ряду этихъ изслѣдователей—продолжаетъ В. А. Мякотинъ, А. М. Лазаревскому всегда принадлежало одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Его литературная дѣятельность продолжалась 49 лѣтъ, безъ замѣтныхъ перерывовъ, и носила своеобразный и оригинальный характеръ. Началась она въ 50-хъ годахъ, когда особенно сильно сталъ пробуждаться въ южно-русскомъ обществѣ интересъ къ родной исторіи, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ трудовъ Н. И. Костомарова, и когда, подъ вліяніемъ этихъ же трудовъ, создавалась историческая школа, развивавшая теорію объ исконномъ строго демократическомъ строѣ козацкой Малороссіи, нарушенномъ и извращенномъ лишь позднѣйшими посторонними вліяніями. При этомъ изслѣдовались, по преимуществу, факты внѣшней политической исторіи, отъ которыхъ и дѣлались уже обобщенія на всю исторію народа. А. М. Лазаревскій, выступая на поприще научныхъ занятій, сумѣлъ не только сохранить полную самостоятельность по отношенію къ господствовавшимъ въ литературѣ взглядамъ, но и перенести дѣло изученія историческаго прошлаго Малороссіи на совершенно новую и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе плодотворную почву. Громадное знакомство съ историческимъ матеріаломъ дало ему возможность ближе узнать характеръ внутренняго быта Гетманщины и притти къ выводамъ, далеко разошедшимся съ общепринятыми взглядами. За время своихъ изысканій А. М. Лазаревскій открылъ, изучилъ, а частью и издалъ многіе новые источники по исторіи гетманской Малороссіи. Помимо документовъ оффиціальнаго происхожденія имъ было привлечено къ дѣлу изслѣдованія значительное количество семейныхъ архивовъ, по большей части, имъ впервые эксплуатированныхъ; наконецъ, онъ успѣлъ составить себѣ за это время значительное по объему и чрезвычайно цѣнное по содержанію собраніе документовъ, относящихся къ исторіи изучаемой имъ эпохи. Въ работахъ, написанныхъ на основаніи этого матеріала, онъ особенное вниманіе останавливалъ на процессѣ выдѣленія козацкой старшины изъ народной массы,

роли ея въ качествѣ администраціи, ростѣ ея землевладѣнія и отношеніяхъ ея къ крестьянамъ, дѣлая порой весьма важные экскурсы въ области управленія и финансовъ Старой Малороссіи. Иногда же такіе экскурсы выливались въ форму самостоятельныхъ очерковъ, охватывающихъ собой ту или иную сторону порядковъ Старой Малороссіи, тотъ или иной особенно важный моментъ ея жизни. Въ цѣломъ въ этихъ трудахъ развертывалась и ставилась рядомъ съ той картинной исторіей XVII—XVIII в., какую давалъ покойный Н. И. Костомаровъ, иная менѣе блестящая, гораздо скорѣе даже мрачная, во многомъ объясняющая и дополняющая первую, во многомъ и прямо противорѣчащая ей. На мѣсто исторіи политики, выдвигалась исторія внутренней жизни народа, и, слѣдя за этой послѣдней, историкъ старался уловить въ ней, главнымъ образомъ, соціальные интересы. А. М. Лазаревскаго можно назвать, по преимуществу, и историкомъ двухъ главнѣйшихъ малорусскихъ сословій, изслѣдователемъ того процесса, въ силу котораго посполитые XVII вѣка обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ, а козацкая старшина въ благородное дворянство. Но, изслѣдуя этотъ процессъ въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ жизни и особенно съ развитіемъ административныхъ порядковъ, А. М. Лазаревскій долженъ былъ постоянно касаться и другихъ сторонъ малорусскаго быта, матеріалъ для изученія которыхъ въ изобиліи доставляли ему его источники, и въ результатѣ своей долголѣтней дѣятельности на поприщѣ изученія исторіи гетманской Малороссіи А. М. Лазаревскій вполнѣ справедливо пріобрѣлъ заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи гетманской Малороссіи" [1]).

Со смертью его въ малорусской исторіографіи образовался пробѣлъ, который, трудно даже представить себѣ, когда будетъ заполненъ....

Ник. Василенко.

---

[1]) В. А. Мякотинъ, Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго: „Описаніе Старой Малороссіи, т. II, Полкъ Нѣжинскій", стр. 1—5.

Отдѣлъ II.

СООБЩЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива.

Въ настоящемъ году исполнилось полвѣка со дня изданія закона 2 апрѣля 1852 года объ учрежденіи въ Кіевѣ, Вильнѣ и Витебскѣ центральныхъ архивовъ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ. Этимъ законодательнымъ актомъ навсегда сохранены драгоцѣнные историческіе памятники, полвѣка уже служащіе и еще на многіе вѣка имѣющіе служить неисчерпаемымъ источникомъ для изученія минувшей жизни западно-русскихъ областей, входившихъ нѣкогда въ составъ польско-литовскаго государства. Чтобы судить о томъ, какъ безмѣрно велико въ количественномъ отношеніи это драгоцѣнное историческое наслѣдство, достаточно сказать, что въ настоящее время въ трехъ названныхъ архивахъ хранится свыше 32,000 актовыхъ книгъ, не включая сюда безчисленнаго количества отдѣльныхъ документовъ, коихъ въ одномъ лишь Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ хранится около полумилліона. Что касается научной цѣнности актовыхъ матеріаловъ, то намъ достаточно сослаться на многочисленныя уже и теперь и все еще растущія количественно изданія Кіевской и Виленской Археографическихъ Коммиссій и Витебскаго Архива и хотя въ общихъ чертахъ припомнить ту массу цѣнныхъ вкладовъ, какую внесли въ историческую науку труды названныхъ уч-

режденій въ короткій сравнительно періодъ ихъ существованій. А нужно замѣтить, что, изъ всей подавляющей своею громадностью массы актовыхъ матеріаловъ, по настоящее время лишь незначительная часть ихъ подверглась научному разбору, и притомъ по очень скромной программѣ. Въ будущемъ, по мѣрѣ расширенія задачъ историческаго изученія, актовые матеріалы, безъ сомнѣнія, подвергнутся болѣе глубокому и всестороннему изслѣдованію, результаты котораго окажутся еще болѣе плодотворными.

Какъ ни велика въ количественномъ отношеніи та масса актоваго матеріала, какая сохранилась до нашего времени, не слѣдуетъ однако забывать, что гораздо большая масса ея,— и при томъ наиболѣе цѣнная, потому что она относилась къ болѣе отдаленному времени,—погибла безвозвратно. Этому нечего и удивляться, если припомнить хотя въ общихъ чертахъ политическія невзгоды, какія Юго-Западная Русь пережила въ теченіе XV—XVIII ст., и затѣмъ—что касается уже позднѣйшей эпохи—наше обычное равнодушіе къ памятникамъ старины, благодаря которому еще за памяти нынѣ живущихъ поколѣній такъ много погибло остатковъ минувшаго. Принимая во вниманіе все это, приходится скорѣе удивляться тому, что актовыя книги не подверглись полному уничтоженію, какъ это случилось съ актами малороссійскихъ полковыхъ, сотенныхъ и другихъ судовъ, и что въ ту именно пору, когда, напримѣръ, монументальные памятники русской старины въ западномъ краѣ (древніе храмы, замки и пр.) безжалостно предавались истребленію, для храненія актовыхъ книгъ, напротивъ, были учреждены спеціальные архивы..

Честь инициативы въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кіеву и его ученымъ силамъ. Въ то время западно-русская исторія была въ полномъ смыслѣ tabula rasa, и потому актовыя книги, какъ историческій матеріалъ, не могли быть оцѣнены не только въ мѣстахъ ихъ храненія—въ провинціальной глуши Сѣверо-Западнаго и Юго-Западнаго края, но и въ столичныхъ центрахъ, гдѣ о нихъ не имѣли вѣрнаго поня-

тія. Но въ Кіевѣ еще со временъ митроп. Евгенія были лица, научно интересовавшіяся мѣстною стариною и занимавшіяся разысканіями въ монастырскихъ библіотекахъ и въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ. Съ открытіемъ въ Кіевѣ университета кругъ такихъ лицъ долженъ былъ увеличиться; во главѣ ихъ должно быть поставлено почтенное имя перваго ректора новооткрытаго университета М. А. Максимовича. Уже въ 1840—41 г.г. онъ издалъ двѣ книги историческаго альманаха „Кіевлянинъ", въ которыхъ было помѣщено нѣсколько весьма цѣнныхъ изслѣдованій и замѣтокъ по исторіи Юго-Западнаго края, составленныхъ на основаніи мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ. А въ 1843 г., при участіи того же Максимовича и другихъ любителей старины, открыта была въ Кіевѣ нарочитая Коммиссія „для разбора древнихъ актовъ, хранящхися въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній", при чемъ инициаторы этого дѣла имѣли въ виду главнымъ образомъ актовыя квиги въ качествѣ основного матеріала, подлежащаго ученой разработкѣ. Случалось ли имъ и раньше имѣть въ рукахъ эти книги—не извѣстно, но они вѣрно предугадывали, что заключающіеся въ нихъ матеріалы не только обогатятъ историческую науку новыми интересными фактами, но и помогутъ возстановить исторію края въ ея подлинномъ видѣ, безъ тѣхъ извращеній, какія вносили въ нее тогдашніе польскіе историки; поэтому генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ, ходатайствуя объ учрежденіи Коммиссіи, прямо указывалъ на то, что хранящіеся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ управляемыхъ имъ губерній древніе акты „заслуживаютъ особеннаго вниманія по многимъ отношеніямъ, преимущественно по той русской самобытности, которая такъ значительно проявлялась въ прежнее время въ Юго-Западномъ краѣ". Дѣйствительность въ полной мѣрѣ оправдала эти надежды. Приступивъ къ своей дѣятельности, Кіевская Археографическая Коммиссія обратила главное вниманіе на актовыя книги и сдѣлала ихъ основнымъ источникомъ своихъ изысканій, а ознакомившись съ тѣмъ,

какая громадная ихъ масса была разбросана по цѣлому краю и какъ небрежно онѣ хранились въ подвалахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, она въ своихъ представленіяхъ генералъ-губернатору неоднократно указывала на неотложную необходимость собрать эти драгоцѣнные матеріалы въ одно центральное хранилище и тѣмъ спасти ихъ отъ угрожающей имъ гибели. Бибиковъ лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ тогдашнихъ государственныхъ людей, былъ въ состояніи оцѣнить всю важность актовыхъ книгъ, какъ историческихъ матеріаловъ, и не могъ отнестиоь къ проекту Коммиссіи иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ; однако онъ долго не рѣшался дать ему ходъ, не увѣренный въ успѣхѣ, и когда, наконецъ, воспользовавшись особенно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, онъ возбудилъ въ началѣ 1850 года ходатайство объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива для актовыхъ книгъ, то проведеніе этого, казалось бы, легкаго дѣла потребовало такихъ энергическихъ усилій и хлопотъ, что лишь Бибикову съ его желѣзной волей и несокрушимой настойчивостью было въ пору довести дѣло до конца, а не бросить на половинѣ.

Эта упорная борьба за дѣло, которое Бибиковъ справедливо признавалъ дѣломъ государственной важности, заслуживаетъ того, чтобы изложить ея ходъ въ подробностяхъ, нерѣдко весьма характерныхъ для той эпохи. Но, прежде чѣмъ перейти къ этому изложенію, необходимо хотя бы въ общихъ чертахъ припомнить исторію актовыхъ книгъ, коснуться ихъ судьбы въ эпоху русскаго господства въ Западномъ краѣ и отмѣтить тѣ исключительныя обстоятельства, благодаря которымъ онѣ сдѣлались предметомъ усиленнаго вниманія и заботъ со стороны правительства раньше, чѣмъ заинтересовались ими люди науки.

Излагая исторію учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива, мы тѣмъ самымъ даемъ готовую схему и для исторіи такихъ же архивовъ, существующихъ въ Вильнѣ и Витебскѣ, такъ какъ учрежденіе послѣднихъ было лишь примѣненіемъ къ Литвѣ и Бѣлоруссіи того самаго проекта, ка-

кой предложенъ былъ Бибиковымъ для Юго-Западнаго края. Точно такъ же происхожденіе и историческая судьба актовыхъ книгъ въ общихъ чертахъ были одинаковы во всѣхъ областяхъ, входившихъ въ составъ польско-литовскаго государства, и хотя въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду исключительно актовыя книги юго-западныхъ губерній, но то же самое, съ нѣкоторыми измѣненіями, можно примѣнить и къ актовымъ книгамъ Сѣверо-Западнаго края. [1]).

Вопросъ о происхожденіи актовыхъ книгъ тѣсно связанъ съ исторіей польско-литовскаго судоустройства. Еще въ первой половинѣ XIV ст. въ Польшѣ, не безъ участія иноземныхъ вліяній, былъ выработанъ тотъ типъ и строй судебныхъ учрежденій, который впослѣдствіи сдѣлался образцовымъ для Литовскаго государства и соединенныхъ съ нимъ русскихъ земель и областей. Въ основѣ этого строя лежало сословное начало: шляхтичи судились преимущественно въ такъ называемомъ *земскомъ* судѣ, членовъ котораго они сами же избирали изъ своей среды; мѣщане тѣхъ городовъ, которые имѣли Магдебургское право, подлежали также своему суду—*магистратскому*; для крестьянъ не существовало спеціальныхъ судовъ—ихъ судили помѣщики. Органомъ собственно правительственнаго суда были такъ называемые *гродскіе* суды, подъ предсѣдательствомъ старостъ, какъ намѣстниковъ королевскихъ. Первоначально имъ были подсудны лишь болѣе тяжкіе уголовные проступки, но съ теченіемъ времени сфера компетенціи судовъ гродскихъ и земскихъ все болѣе смѣшивалась, и уже въ XVI ст. это смѣшеніе достигло такихъ предѣловъ, что въ иныхъ случаяхъ даже опытные юристы не могли съ точностью опредѣлить, какому именно суду подсудно то или другое дѣло. При всѣхъ этихъ судебныхъ учрежденіяхъ ведены были особыя

[1]) Дальнѣйшее изложеніе о происхожденіи, составѣ и исторіи актовыхъ книгъ представляетъ сокращенный пересказъ нашего труда „Объ актовыхъ книгахъ", помѣщеннаго въ трудахъ XI Археологич. Съѣзда. Тамъ приведены нами необходимыя ссылки и цитаты, которыя здѣсь, во избѣжаніе повтореній, опущены.

книги (acta), формы и образцы которыхъ несомнѣнно были заимствованы съ Запада. Первоначально сюда вписывались только судебныя рѣшенія, но впослѣдствіи для нихъ заведены были отдѣльныя книги, такъ называемыя *декретовыя*, а рядомъ съ ними существовали еще книги (или особыя части въ нихъ) *записовыя и поточныя*. Первыя имѣютъ нѣкоторую аналогію съ современными нотаріальными книгами; всякого рода договоры, соглашенія, обязательства личнаго или имущественнаго характера, чтобы получить силу безспорныхъ актовъ, должны были быть заявлены участниками передъ судомъ и внесены вь записовыя книги. Сюда же вписывались: королевскія жалованныя грамоты, постановленія сеймовъ, люстраціи королевскихъ имѣній и другіе подобнаго рода документы частнаго и общественнаго характера. Еще труднѣе опредѣлить съ точностью, въ немногихъ словахъ, содержаніе *поточныхъ* актовыхъ книгъ. Въ нихъ вносились: жалобы истцовъ или потерпѣвшихъ и возраженія отвѣтчиковъ, свидѣтельскія показанія, осмотры и удостовѣренія возныхъ, ихъ реляціи о врученіи позвовъ, наконецъ—всякого рода личныя и корпоративныя заявленія, протесты и сообщенія по самымъ разнообразнымъ поводамъ, случаямъ и надобностямъ. Доступъ къ актовымъ книгамъ былъ открытъ для всѣхъ и пріемъ заявленій облегченъ до крайней степени. По мѣрѣ развитія общественной и политической жизни въ Польско-Литовскомъ государствѣ, особенно съ половины XVI ст., когда здѣсь съ такою силою обнаружилось умственное и религіозное возбужденіе и всюду кипѣла борьба партій, вѣрованій, національныхъ, сословныхъ и экономическихъ интересовъ, актовыя книги становятся яркимъ отраженіемъ той бурной эпохи и до нѣкоторой степени какъ-бы выполняютъ то назначеніе, какое въ современной жизни имѣетъ печать: въ нихъ заносилось не только то; что могло имѣть какое-либо отношеніе къ судебнымъ искамъ и процессамъ или что слѣдовало, въ чьихъ-либо интересахъ, привести этимъ путемъ во всеобщую извѣстность или обезпечить отъ забвенья, но рѣшительно все, что кому-либо казалось важ-

нымъ, интереснымъ и достойнымъ храненія въ памяти грядущихъ поколѣній.

Таковы въ общихъ чертахъ характеръ и содержаніе актовыхъ книгъ, и совершенно понятно, почему наука придаетъ имъ такое важное значеніе, какъ историческимъ памятникамъ минувшей жизни. Для Западно - Русскаго края это значеніе еще усугубляется тѣмъ, что въ то время, когда въ Польшѣ актовымъ языкомъ исключительно признавалась латынь и лишь въ XVII в. рядомъ съ нею была допущена и польская рѣчь, въ Литовскомъ государствѣ всѣ актовыя книги писались западно-русскимъ языкомъ, и хотя въ 1569 г. Кіевское, Волынское и Брацлавское воеводства были присоединены къ Польшѣ, но это не измѣнило ни въ чемъ исконныхъ правъ мѣстнаго языка, и только въ XVIII ст. онъ въ силу обычая, уступилъ мѣсто въ судопроизводствѣ языку польскому. Отсюда вытекаетъ то важное преимущество западно-русскихъ актовъ, что, выраженные живою, природною для составителей, рѣчью, они отличаются несравненно большею жизненностью, чѣмъ тѣ же акты, облеченные въ мертвыя формы канцелярской латыни. Въ нашемъ Архивѣ лишь книги Каменецкаго и Летичевскаго судовъ писаны этою латынью, въ перемежку съ польскимъ языкомъ. Это произошло отъ того, что Подолье рано вошло въ составъ Польскаго королевства и здѣсь еще въ XV ст. было введено польское право и судопроизводство.

Въ Литовскомъ государствѣ земскіе суды, по образцу польскихъ, введены повсемѣстно лишь со времени 2-го изданія Лит. Статута, т. е. съ 1566 года; до того же времени въ каждомъ повѣтѣ существовали одни *замковыя* или старостинскіе суды, теперь переименованные въ гродскіе. Законодательное предписаніе относительно веденія актовыхъ книгъ въ замковыхъ судахъ впервые выражено въ Лит. Статутѣ 1529 года, но на дѣлѣ во многихъ мѣстахъ онѣ велись и раньше, по примѣру судовъ польскихъ ,а можетъ быть и въ силу мѣстной древне-русской традиціи. На территоріи нынѣшняго Юго-Западнаго края веденіе актовыхъ книгъ началось не од-

новременно, какъ неодновременно было учрежденіе здѣсь тѣхъ или иныхъ судовъ. Къ началу XVI ст. край этотъ состоялъ изъ трехъ воеводствъ: Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго, къ которымъ впослѣдствіи присоединено было, учрежденное въ 1566 году, воеводство Брацлавское. Подольское воеводство, какъ было уже упомянуто, принадлежало въ то время не къ Литвѣ, а къ Польшѣ, и въ Каменцѣ гродскіе и земскіе суды были открыты еще въ первой половинѣ XV ст.: но до насъ дошли актовыя книги Каменецкаго земскаго суда лишь съ 1521 года и магистратскія—съ 1520 г.: это—самыя древнія книги въ Кіевскомъ архивѣ: гродскія же Каменецкія книги уцѣлѣли только съ 1625 года. Изъ повѣтовыхъ городовъ Подольскаго воеводства только въ Летичевѣ существовали суды: гродскій—съ 1581 г. и земскій—съ 1641 г., но ихъ актовыя книги уцѣлѣли—гродскія съ 1663 г. и земскія съ 1721-го. Въ Волынскомъ воеводствѣ замковые (впослѣдствіи гродскіе), а съ 1566 года и земскіе суды были въ трехъ повѣтахъ: Луцкомъ, Кременецкомъ и Владимирскомъ. Въ Луцкѣ актовыя книги несомнѣнно велись уже въ 1520 г., какъ это доказываютъ отдѣльныя выписи изъ нихъ, сохранившіяся съ того времени [1]), но самыя книги уцѣлѣли лишь съ 1558 г. Въ Кременцѣ и Владимирѣ замковыя книги должны были вестись, по крайней мѣрѣ, съ 1529 года, когда это было предписано Лит. Статутомъ: но Кременецкія книги сохранились (и то въ крайне испорченномъ видѣ) лишь съ 1542 г., а Владимирская—съ 1566 г.. хотя документальныя выписи изъ послѣднихъ книгъ извѣстны съ 1541 г. Въ Кіевѣ и въ одномъ изъ повѣтовыхъ городовъ его воеводства—въ Житомирѣ актовыя книги несомнѣнно были ведены еще въ первой половинѣ XVI ст. [2]), но Кіевскія книги погибли почти

[1]) Подтвердающія это ссылки см. въ нашемъ рефератѣ объ актовыхъ книгахъ въ Трудахъ XI Археологич. Съѣзда.

[2]) Относительно Кіева имѣются документальныя свидѣтельства, что здѣсь еще въ XV ст. велись замковыя книги, погибшія въ 1482 г. при пожарѣ Кіевскаго замка, во время Менглигиреева разоренія. Подробности объ этомъ—въ нашемъ трудѣ „Объ актовыхъ книгахъ“, помѣщенномъ въ Трудахъ XI Археологич. Съѣзда.

безъ остатка, а Житомирскія несполна сохранились лишь съ 1581 г. Третій гродъ въ Кіевскомъ воеводствѣ—въ Овручѣ былъ открытъ въ 1566 г., но его актовыя книги дошли до насъ несполна лишь съ 1678 года. Брацлавское воеводство, какъ мы упомянули, было учреждено лишь въ 1566 году; скоро послѣ того въ Брацлавѣ открыты были гродскій и земскій суды, но въ 1598 г., по причинѣ частыхъ набѣговъ татарскихъ, переведены въ Винницу, которая съ тѣхъ поръ стала считаться какъ бы столицей воеводства. Актовыя книги этого воеводства дошли до насъ лишь съ 1639 года.

Кромѣ гродскихъ и земскихъ урядовъ, актовыя книги были введены и во многихъ другихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Ихъ вели, напримѣръ, старосты королевскихъ не повѣтовыхъ, замковъ какими были въ Кіевскомъ воеводствѣ замки: въ Любечѣ, Острѣ, Чернобылѣ, Каневѣ, Черкасахъ, и др. Подражая имъ, вели свои актовыя книги и владѣльцы частныхъ замковъ, юрисдикціи которыхъ подлежали значительныя районы, населенныя ихъ подданными: такъ мы имѣемъ множество документальныхъ выписей XVI—XVII вв. изъ „Острожскихъ замковыхъ книгъ", изъ „книгъ Рахмановскаго замка" князей Вишневецкихъ, Корецкаго замка князей Корецкихъ, Муравицкаго замка Ходковичей, Константиновскаго, Степанскаго, Ровенскаго замковъ кн. Острожскихъ и др. Подкоморіи, разбиравшіе на мѣстѣ межевые споры и недоразумѣнія, также имѣли особыя книги для записи своихъ рѣшеній; ключники, завѣдывавшіе королевскими имѣніями и судившіе жившихъ тамъ крестьянъ, евреевъ и др., вели свои особыя, ключевыя книги. Въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, велись магистратскія книги, а въ частно-владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ—книги *мѣстскія* или ратушныя. При каѳедрахъ митрополита и епархіальныхъ списконовъ, какъ православныхъ и уніатскихъ, такъ равно и католическихъ, съ древнихъ временъ велись акты или книги *духовныя*, куда заносились жалобы, позвы и декреты по всѣмъ дѣламъ, подлежавшимъ вѣдѣнію духовнаго суда, и достойно замѣчанія

что, судя по сохранившимся выписямъ первой половины XVI ст., такія книги, даже при каѳедрахъ католическихъ бискуповъ, велись на западно-русскомъ языкѣ. Точно такія же книги „судовъ духовныхъ“ введены были въ XVI--XVII вв. при нѣкоторыхъ монастыряхъ, напримѣръ, Кіевопечерскомъ. Наконецъ, имѣются указанія на то, что и южно-русскія церковныя братства вели свои актовыя книги для записи рѣшеній по возникавшимъ между братчиками спорамъ и проступкамъ.

Къ сожалѣнію, почти всѣ перечисленныя книги (за исключеніемъ магистратскихъ, ратушныхъ и отчасти подкоморскихъ) погибли безъ остатка, и только случайно сохранившіяся оффиціальныя *выписи* изъ нихъ служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что такія книги дѣйствительно существовали.

Если таже печальная участь не постигла всецѣло и акты правительственныхъ судовъ — земскихъ и гродскихъ, то это надо приписать лишь тѣмъ исключительнымъ мѣрамъ и заботамъ объ ихъ сохранности, какія во всѣ времена были проявляемы какъ со стороны правительства, такъ равно и со стороны мѣстнаго дворянства. Съ древнихъ временъ существовалъ законъ, предписывающій, чтобы актовыя книги за истекшіе годы хранились подъ тремя замками, ключи отъ которыхъ должны находиться у воеводы или старосты, судьи и писаря. Ихъ открывали только въ извѣстные сроки, во время судебныхъ „роковъ“ (сессій), и лишь въ это время частныя лица могли дѣлать въ нихъ розыски нужныхъ имъ документовъ и получать изъ нихъ формальныя выписи. Для храненія актовыхъ книгъ воеводы и старосты обязывались отвести, а если было нужно, то и нарочно выстроить особыя безопасныя отъ огня и воды помѣщенія, на что могъ быть назначенъ особый земскій налогъ. Въ южно-русскихъ воеводствахъ такія помѣщенія отводились или въ замкахъ, если они были каменные (въ Луцкѣ, Кременцѣ), или --если замки были деревянные,—въ каѳедральныхъ католическихъ или православныхъ, но непремѣнно ка-

менныхъ, храмахъ, какъ то было въ Кіевѣ, Овручѣ, Владимирѣ и др. Все дворянское населеніе данной области, отъ высшихъ сановниковъ и до послѣдняго шляхтича, очень дорожило актовыми книгами своего повѣта и воеводства, потому что (какъ оно всегда выражалось) „въ нихъ содержатся права, вольности, гоноры и субстанціи наши", и поэтому весьма ревниво заботилось объ ихъ сохранности. Рѣдкій провинціальный сеймикъ проходилъ безъ того, чтобы дворяне не подняли вопроса о томъ, въ должной ли сохранности находятся мѣстные акты, не подвергаются ли они порчѣ отъ сырости, не слѣдуетъ ли болѣе древніе изъ нихъ переписать, обревизовать и т. под., и почти каждое десятилѣтіе назначались спеціальныя коммисіи для ревизіи и повѣрки актовыхъ книгъ, а иногда и для ихъ переписки. Такъ въ первой половинѣ XVII ст. были вновь переписаны старыя Кіевскія земскія книги, Брацлавскія гродскія и подкоморскія и др.

Въ эпоху народнаго возстанія при Хмельницкомъ актовымъ книгамъ угрожала опасность полнаго истребленія. Извѣстно, какъ козаки, грабя и истребляя панскіе замки, разводили костры изъ дорогой мебели и на нихъ жгли отысканные въ фамильныхъ архивахъ грамоты, привилегіи и всякого рода munimenta, руководствуясь при этомъ тѣми же соображеніями, по какимъ дворяне заботливо хранили свои документы, именно—что въ нихъ заключалась охрана шляхетскихъ правъ, вольностей, гоноровъ и субстанцій. Правда, къ правительственнымъ актовымъ книгамъ козаки, сверхъ ожиданія, отнеслись гораздо милостивѣе, чѣмъ можно было надѣяться; они ихъ почти не трогали. Тѣмъ не менѣе десятилѣтіе войнъ Хмельницкаго слѣдуетъ признать печальной эпохой въ исторіи мѣстной археографіи,—эпохой, ознаменнованной гибелью не только безчисленнаго множества фамильныхъ архивовъ, но и огромной массы актовыхъ книгъ, погибшихъ если не прямо отъ рукъ козацкихъ, то ставшихъ жертвою пожаровъ. Такъ, въ августѣ 1651 года, гетманъ Радзивиллъ временно овладѣлъ Кіевомъ, весь почти Подолъ

былъ преданъ огню, и въ это время сгорѣла Соборная Успенская церковь и сохранявшіяся въ ней Кіевскія актовыя книги и множество подлинныхъ грамотъ древнихъ князей русскихъ и литовскихъ. Въ ту же печальную эпоху погибли безъ остатка актовыя книги Брацлавскія, Винницкія, Овручскія, значительная часть Житомирскихъ и подверглись порчѣ книги Кременецкія.

Когда военная гроза миновала; гродскіе и земскіе уряды возвратились къ прерваннымъ занятіямъ, собрали и привели въ порядокъ „пошарпанныя" книги и снова стали бережно хранить старыя и накоплять новыя. Но вообще вторая половина XVII ст. была эпохой безпрерывныхъ бѣдствій и потерь для актовыхъ книгъ. Въ 1684 г. въ Овручѣ сгорѣлъ уніатскій монастырь, и погибли хранившіяся въ немъ гродскія книги. Эпоха такъ называемой Руины, когда воеводства Кіевское, Брацлавское и Подольское долго служили ареною военныхъ ужасовъ, завершившихся запустѣніемъ цвѣтущаго края и завоеваніемъ турками Каменца, также ознаменована гибелью актовыхъ книгъ: Летичевскихъ, Винницкихъ, отчасти Каменецкихъ и книгъ Барскаго замка.

За то XVIII столѣтіе было самымъ благопріятнымъ періодомъ въ исторіи актовыхъ книгъ, и отъ этого вѣка онѣ уцѣлѣли почти въ полной цѣлости. Гайдамацкое движеніе мало касалось тѣхъ городовъ, гдѣ находились гродскіе и земскіе суды. Потери, конечно, никогда не прекращались, но книги всегда умѣли уберечь отъ нихъ.

Наступила эпоха раздѣловъ Рѣчи-посполитой. Юго-западный край вошелъ въ составъ Россійской имперіи. Вмѣсто прежняго дѣленія его на воеводства и повѣты, онъ былъ раздѣленъ на губерніи и уѣзды. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ дѣйствія Лит. Статута, старинные гродскіе и земскіе суды были закрыты, а вмѣсто нихъ учреждены по всѣмъ уѣзднымъ городамъ уѣздные суды, а въ губернскихъ—уголовныя и гражданскія палаты. Но черезъ годъ скончалась императрица Екатерина, не успѣвъ ввести въ западно-русскихъ губерніяхъ русскаго судопроизводства, а императоръ Павелъ I

тотчасъ возстановилъ здѣсь дѣйствіе Лит. Статута. Его преемникъ пошелъ еще дальше по пути возстановленія въ Западномъ краѣ прежняго польскаго управленія и предоставилъ мѣстному дворянству право выбора изъ своей среды судей и другихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ, хотя гроды и земства не были возстановлены, но уѣздные суды, съ выборными изъ среды шляхетства судьми, ничѣмъ въ сущности не отличались отъ прежнихъ земскихъ судовъ, а уголовныя и гражданскія палаты напоминали старые трибуналы. Главное же—остались безъ измѣненія прежніе порядки и формы судебнаго дѣлопроизводства, узаконенные Лит. Статутомъ,—и новые уѣздные суды продолжали накоплять все тѣ же записовыя, поточныя и декретовыя книги, по извѣчнымъ формамъ и по прежнему на польскомъ языкѣ. Такъ образовался, начиная съ 1797 года, многочисленный отдѣлъ „земскихъ" актовыхъ книгъ разныхъ уѣздныхъ судовъ, по формѣ, языку и содержанію ничѣмъ не отличающихся отъ актовыхъ книгъ прежнихъ земскихъ судовъ XVIII ст. Уже въ силу этого старыя актовыя книги сохраняли прежнее значеніе securitatis bonorum et honorum дворянскаго сословія, и обязанность ихъ охраны была возложена на уѣздные суды тѣхъ городовъ, гдѣ прежде существовали гроды и земства. Впрочемъ, русское правительство долгое время не проявляло никакой заботливости объ этихъ книгахъ, и можно было опасаться, что, съ отмѣною Лит. Статута и введеніемъ въ западныхъ губерніяхъ общихъ законовъ и учрежденій, этимъ драгоцѣннымъ историческимъ матеріаламъ угрожала обычная у насъ участь старыхъ архивныхъ дѣлъ, т. е. постепенное уничтоженіе, какъ ни на что негоднаго хлама. Но съ актовыми книгами произошла особая исторія, благодаря которой на нихъ, хотя и не совсѣмъ въ пору, было обращено вниманіе правительства.

Дѣло въ томъ, что русское правительство временъ императоровъ Павла I и Александра I, согласно политическимъ и національнымъ понятіямъ, господствовавшимъ въ то время и въ самой Россіи, не только оставило въ Западномъ

краѣ неприкосновеннымъ тотъ общественный строй, какой былъ выработанъ здѣсь въ періодъ польскаго господства, но по странному недоразумѣнію, трактуя этотъ искони русскій край, какъ край *польскій*, предоставило мѣстному, почти сплошь польскому или ополяченному дворянству такія права и преимущества, какими оно фактически не пользовалось и во времена польскаго господства. Въ прежнія времена доступъ въ это привилегированное сословіе былъ весьма труденъ: только сеймъ могъ даровать шляхетское достоинство за какія-нибудь выдающіяся заслуги, и сами шляхтичи ревниво оберегали свою среду отъ вторженія въ нее недостойныхъ и самозванцевъ. Теперь не то: *шляхтичъ* и *полякъ* сдѣлались синонимами, и потому размноженіе шляхетства вполнѣ совпало съ политическими стремленіями къ возстановленію Польши. Справедливо удтверждаютъ, что первыя тридцать лѣтъ русскаго господства въ Западномъ краѣ были періодомъ крайняго усиленія здѣсь польскаго элемента и небывалаго размноженія шляхетскаго сословія въ видѣ многочисленной безпомѣстной шляхты. Дѣло доходило до того, что всякій, кто только былъ католикомъ и считалъ себя полякомъ, хлопоталъ о признаніи его рода въ правахъ дворянства, а сколько-нибудь богатый помѣщикъ претендовалъ на графскій титулъ. Но спрашивается: на чемъ же основывались эти странныя претензіи, и неужели депутатскія собранія и департаментъ герольдіи не требовали отъ претендентовъ документальныхъ доказательствъ ихъ правъ на гербы и титулы? Конечно требовали: но не было ничего легче, какъ добыть такія доказательства и при томъ за недорогую цѣну: въ любомъ изъ городовъ, въ которыхъ находились архивы съ актовыми книгами, можно было пріискать мастера, который за извѣстное вознагражденіе брался сфабриковать какой угодно документъ, доказывающій происхожденіе заказчика хотя бы отъ потомковъ самого Гедимина. Для этого не требовали большого палеографическаго искусства; вѣдь для представленія въ герольдію нуженъ былъ не подлинный документъ а лишь оффиціальная выпись его изъ актовыхъ книгъ, формально посви-

дѣтельствованная уѣзднымъ судомъ, въ вѣдѣніи котораго находились данныя книги. Слѣдовательно, фальсификаторамъ нужно было лишь позаботиться о томъ, чтобы въ самой книгѣ находился текстъ требуемаго документа; а это было такъ не трудно сдѣлать, при небрежномъ храненіи книгъ, продажности канцелярскихъ чиновниковъ и потворствѣ членовъ суда. Способы фальсификаціи актовъ бывали различны: пользовались случайными пробѣлами въ актовыхъ книгахъ и вписывали туда, что хотѣли; стирали собственныя имена въ подлинныхъ актахъ и ставили на мѣсто ихъ другія; наконецъ, вставляли въ книги новые листы или даже цѣлыя тетради съ подложными документами. Въ большинствѣ случаевъ подлоги (сколько намъ ихъ приходилось видѣть) сдѣланы настолько грубо, что опытный глазъ сразу же замѣчаетъ ихъ; но иногда встрѣчается и такое артистическое исполненіе, что только при внимательномъ разсмотрѣніи текста какая-нибудь хронологическая или иная несообразность можетъ обнаружить подлогъ. Конечно, фальсификаторы почти исключительно оперировали надъ книгами XVIII ст., языкъ и почеркъ коихъ ближе къ современному, и почти не касались книгъ болѣе древнихъ, гдѣ подлогъ несравненно труднѣе въ техническомъ отношеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти злоупотребленія не были тайной въ мѣстахъ, гдѣ они совершались, но правительство долгое время не вѣдало о нихъ или не придавало имъ важнаго значенія. Лишь послѣ мятежа 1830—31 г.г., когда выяснилось, что едвали не каждое конфискованное у мятежниковъ имѣніе оказывалось якобы законною собственностью ихъ родственниковъ и пріятелей, въ подтвержденіе чего представлялись явно подложныя выписи изъ актовыхъ книгъ,—было, наконецъ, обращено вниманіе на эти злоупотребленія и произведены строгія разслѣдованія, повлекшія за собою ссылку въ Сибирь цѣлой шайки непризванныхъ палеографовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, добытыя слѣдствіемъ данныя привели къ убѣжденію, что для устраненія обнаруженнаго зла необходимо обревизовать всѣ хранящіяся въ запад-

ныхъ губерніяхъ актовыя книги и принять мѣры къ болѣе тщательной ихъ охранѣ и предупрежденію возможности подлоговъ. Въ этихъ видахъ въ декабрѣ 1833 года, по Высочайшему повелѣнію, образованы были особыя коммиссіи: одна для литовскихъ губерній, другая для Бѣлоруссіи и третья для Юго-Западнаго края. Коммиссіи эти состояли изъ чиновниковъ министерства внутр. дѣлъ, юстиціи и корпуса жандармовъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ губернскихъ стряпчихъ. Онѣ обязаны были провѣрить хранившіяся въ архивахъ присутств. мѣстъ актовыя книги, составить имъ точные реестры, переномеровать въ нихъ листы, перечертить пробѣлы, прошнуровать каждую книгу съ приложеніемъ именныхъ печатей всѣхъ членовъ и скрѣпить ихъ подписями. Этимъ имѣлось въ виду устранить обычные способы фальсификаціи: пользованіе пробѣлами, вырываніе листовъ и вставку новыхъ. Въ 1835 году всѣ три коммиссіи окончили возложенное на нихъ порученіе, но, какъ скоро было обнаружено, исполнили его набрежно: нѣкоторыя книги остались не просмотрѣнными, другія—не пронумерованными и т. под.; главное же—оказалось, что предпринятая мѣра не достигала своей цѣли: подлоги продолжались по прежнему, для чего срывались въ книгахъ печати или вынимались изъ-подъ нихъ шнуры и послѣ вставки подложныхъ листовъ вставлялись вновь, или же просто поддѣлывались печати. Въ виду этого, 3 ноября 1842 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ о новой повѣркѣ актовыхъ книгъ посредствомъ *уѣздныхъ* коммиссій составленныхъ изъ предводителей дворянста, членовъ уѣзднаго суда и стряпчихъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ одного изъ губернскихъ стряпчихъ, но непремѣнно такого, который не участвовалъ въ прежнихъ коммиссіяхъ. По инструкціи, на новыя коммиссіи возлагалось несравненно болѣе сложное и трудное порученіе: онѣ обязаны были „пересмотрѣть со всею тщательностію актовыя книги, составить для каждой особую опись съ обозначеніемъ номера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣ-

сяца и числа, когда оный состоялся, а также когда внесенъ въ книгу, и, сверхъ того, съ отмѣткою въ особой графѣ: признается ли документъ несомнительнымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно?"

Нѣтъ нужды объяснять, что эта инструкція осталась совершенно невыполненною,—да и не могло быть иначе, такъ какъ она рѣшительно не соотвѣтствовала силамъ и компетенціи исполнителей. Тѣмъ не менѣе уѣздныя коммиссіи по повѣркѣ актовыхъ книгъ просуществовали въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ цѣлый десятокъ лѣтъ, и если ихъ хлопотливая дѣятельность представляетъ какой-либо интересъ, то единственно—какъ любопытный эпизодъ изъ эпохи крайняго развитія у насъ бюрократизма, когда господствовало убѣжденіе, что чиновничье усердіе можетъ все превозмочь. Просматривая громадные фоліанты „дѣлъ", оставшихся въ наслѣдіе отъ этихъ коммиссій, невольно думаешь: какимъ богатымъ матеріаломъ могли бы послужить они въ рукахъ талантливаго бытописателя, который пожелалъ бы изобразить картину нравовъ, понятій, обычаевъ и привычекъ чиновничьей среды нашихъ окраинъ въ 1840-хъ годахъ! Въ самомъ дѣлѣ, представишь себѣ благодушныя фигуры тогдашнихъ чиновниковъ какого-нибудь Овруча, Винницы, Летичева, Кременца, которымъ вдругъ строжайше вмѣняется въ неукоснительную обязанность со всею тщательностью просмотрѣть нѣсколько сотъ (а кое-гдѣ и тысячъ) актовыхъ книгъ XVI—XVIII ст., писанныхъ стариннымъ почеркомъ на древнемъ западно-русскомъ, польскомъ, латинскомъ, а въ Каменцѣ, сверхъ того, и на армянскомъ языкахъ, составить подробныя имъ описи, изложить содержаніе каждаго документа и дать мотивированное заключеніе о его подлинности или сомнительности! При этомъ надо еще помнить, что въ распоряженіе повѣрочныхъ коммиссій не дано ни переводчиковъ, ни писцовъ, ни денежныхъ средствъ, и въ то же время члены этихъ коммиссій должны были исполнять и свои прямыя обязанности. А со стороны высшаго начальства то и дѣло получаются строжайшія предписанія:

принять всѣ мѣры къ найскорѣйшему окончанію дѣла, поставить на видъ коммиссіямъ ихъ нерачительность въ исполненіи Высочайшаго повелѣнія, потребовать отъ нихъ представленія ежемѣсячныхъ, а затѣмъ и еженедѣльныхъ рапортовъ о числѣ просмотрѣнныхъ ими книгъ и т. под. Что оставалось дѣлать бѣднымъ чиновникамъ? Они со всѣхъ концовъ доносятъ начальству о своихъ нуждахъ и немощахъ, жалуются, что у нихъ оказались книги на какихъ-то „неизвѣстныхъ языкахъ—не то турецкомъ, не то еврейскомъ“, просятъ командировать переводчиковъ, писцовъ, отвести помѣщеніе, ассигновать суммы на отопленіе и освѣщеніе, на наемъ сторожей, на канцелярскіе матеріалы; а изъ министерства получается на это одинъ неизмѣнный отвѣтъ: можно обойтись мѣстными средствами—усердіе все превозмогаетъ. Тогда коммиссіи, чтобы показать свое рвеніе, подымаютъ бумажную кутерьму: онѣ безъ устали и безъ разбору бомбардируютъ всѣ присутственныя мѣста и учрежденія требованіями—неукоснительно представить для ревизіи рѣшительно всѣ акты и даже дѣла, до входящихъ и исходящихъ реестровъ включительно, командировать столько-то переводчиковъ, писцовъ, прислать столько-то стопъ сѣрой и бѣлой бумаги, столько-то ведеръ чернилъ, столько-то пудовъ сальныхъ свѣчей, перьевъ, сургуча и проч. Присутственныя мѣста, разумѣется, энергично протестуютъ противъ этихъ требованій. Болѣе важныя и солидныя учрежденія, напримѣръ, казенныя палаты, духовныя консисторіи, дворянскія депутатскія собранія, приходятъ прямо въ негодованіе: какъ смѣютъ какія-то уѣздныя повѣрочныя коммиссіи обращаться къ нимъ съ подобными требованіями! Со всѣхъ сторонъ летятъ къ высшему начальству протесты, жалобы, представленія. Высшая мѣстная власть, въ лицѣ генералъ-губернатора, сама затрудняется, по неясности и недостаточности инструкцій, умиротворить эти бурныя пререканія. Путемъ продолжительной переписки съ министерствами кое-какъ устанавливаются наконецъ опредѣленныя положенія о томъ, какіе именно акты подлежатъ повѣркѣ, какія учрежденія и

мѣста обязаны командировать въ распоряженіи повѣрочныхъ коммиссій своихъ переводчиковъ, писцовъ и сторожей, доставлять бумагу, чернила, свѣчи и т. под. А тѣмъ временемъ всплыли наружу совершенно неожиданные факты: оказалось, что, пока происходила вся эта кутерьма, прикомандированные для занятій въ повѣрочныя коммиссіи съ разныхъ мѣстъ писцы и другіе чиновники, пользуясь безпорядочныхъ храненіемъ въ коммиссіяхъ актовыхъ книгъ, которыя выдавались имъ даже на домъ, преспокойно занялись фальсификаціей актовъ и даже самыхъ книгъ. Эти злоупотребленія были обнаружены и въ нашемъ краѣ (въ Житомірѣ), но въ особенности ихъ много оказалось въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Министерство усмотрѣло одну изъ причинъ такихъ злоупотребленій въ медленности дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій и предписало привести въ извѣстность, что ими уже сдѣлано и что еще остается сдѣлать. Оказалось—ровно ничего не сдѣлано: накоплены цѣлыя груды безполезной переписки, а къ составленію описей и не приступали. Тутъ только со всею очевидностью выяснилось, что, при всемъ рвеніи членовъ коммиссій, иначе и быть не могло, потому что возложенное на нихъ порученіе превышало ихъ силы и способности.

Къ чести Д. Г. Бибикова, какъ человѣка необыкновенно умнаго, надо сказать, что онъ съ самаго начала не придавалъ актовымъ повѣрочнымъ каммиссіямъ серьезнаго значенія и въ своихъ представленіяхъ министрамъ неоднократно проводилъ мысль, что онѣ не въ состояніи исполнить порученное имъ дѣло. Въ первое время онъ не могъ лишь придумать, чѣмъ ихъ замѣнить; но когда Кіевская археографическая коммиссія все настойчивѣе стала указывать на неотложную необходимость собрать актовыя книги югозападныхъ губерній въ одно центральное хранилище и тѣмъ спасти эти драгоцѣнные историческіе памятники отъ угрожающей имъ гибели, то идея учрежденія Центральнаго архива представилась ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ превосходная мѣра къ выходу изъ той кутерьмы, какую породили въ цѣломъ

краѣ пресловутыя повѣрочныя коммиссіи. Нужно лишь было выждать время, когда правительство окончательно убѣдится въ томъ, что отъ повѣрочныхъ коммиссій нельзя ожидать никакой пользы. Такой моментъ, казалось, наступилъ въ 1849 году, когда со времени открытія этихъ коммиссій миновало уже шесть лѣтъ, а онѣ все еще лишь собирались приступить къ исполненію порученнаго имъ дѣла. Считая этотъ моментъ благопріятнымъ для возбужденія ходатайства объ учрежденіи въ Кіевѣ Центральнаго архива, Бибиковъ поручилъ управляемой имъ Коммиссіи представить ему подробныя соображенія по этому предмету, результатомъ чего явилась слѣдующая докладная записка, составленная главнымъ тогда дѣятелемъ Коммиссіи, профессоромъ Н. Д. Иванишевымъ:

„Актовыя книги западныхъ губерній (земскія и гродскія) имѣютъ двоякую важность: онѣ заключаютъ въ себѣ документы дворянскихъ родовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить богатѣйшимъ матеріаломъ для отечественной исторіи. Въ актовыя книги вносились правительственныя распоряженія и частныя сдѣлки дворянъ. Каждое важное событіе обозначалось въ этихъ книгахъ съ подробностями, какихъ нельзя найти ни въ одной лѣтописи. Жизнь частная и общественная, измѣненія въ государственномъ устройствѣ, набѣги татаръ, постепенное образованіе казачества, промышленный бытъ городовъ и селеній, наконецъ религіозныя смуты, сопровождавшія введеніе уніи—изображаются въ актовыхъ книгахъ съ изумительною наглядностью. Иногда записывались въ книги даже физическія явленія, поражавшія современниковъ своею необычайностью.

„Храненіе актовыхъ книгъ и пользованіе ими до сихъ поръ соединено съ важными неудобствами: 1) книги хранятся въ архивахъ уѣздныхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ не всегда можетъ быть назначено для нихъ удобное и безопасное помѣщеніе; отъ этого многія актовыя книги частію сгнили, частію истреблены пожаромъ, 2) Разрозненность актовыхъ книгъ, разсѣянныхъ по уѣзднымъ го-

родамъ трехъ губерній, весьма затрудняетъ дворянъ при отыскиваніи фамильныхъ документовъ. Книги актовыя назначались не для одного уѣзда или воеводства; напротивъ того, обывателямъ одного уѣзда или воеводства дозволялось вносить акты въ книги другихъ воеводствъ: поэтому, чтобы собрать фамильные документы дворяне принуждены бываютъ разъѣзжать по уѣзднымъ городамъ всѣхъ трехъ губерній. Это неудобство еще болѣе тягостно для лицъ, занимающихся собраніемъ матеріаловъ для отечественной исторіи. Въ западныхъ губерніяхъ съ древнихъ временъ учреждались города и мѣстечки на правѣ Магдебургскомъ; такихъ городовъ и мѣстечекъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ было болѣе ста. Мѣщане, пользовавшіеся правомъ Магдебургскимъ, вели актовыя, такъ называемыя *мѣстскія*, книги. Этотъ весьма важный для исторіи и статистики матеріалъ остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ. По городамъ мѣстскія книги хранятся въ архивахъ магистратовъ и ратушъ, а по мѣстечкамъ онѣ сберегаются иногда въ обывательскихъ домахъ, по недостатку лучшаго помѣщенія.

„Чтобы устранить означенныя выше неудобства, полезно было бы учредить въ Кіевѣ, при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ, центральный архивъ для храненія актовыхъ книгъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, назначивъ на содержаніе онаго изъ земскихъ сборовъ нужную сумму. Въ центральный архивъ должны быть вытребованы: 1) актовыя книги по 1799 г., хранящіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, по повѣркѣ ихъ особыми коммиссіями, учрежденными на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ 1842 года, 3-го ноября; 2) книги мѣстскія, веденныя мѣщанами городовъ и мѣстечекъ на основаніи права Магдебургскаго; 3) всѣ вообще древніе акты, въ которыхъ не предвидится для присутственныхъ мѣстъ никакой надобности.

„Центральному архиву вмѣняется въ обязанность: а) хранить актовыя книги въ цѣлости; б) составить имъ подроб-

ный каталогъ; в) выдавать засвидѣтельствованныя копіи по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ. Для управленія дѣлами центральнаго архива и для засвидѣтельствованія выдаваемыхъ изъ архива копій назначается начальникъ архива, и для письмоводства два канцелярскихъ чиновника. Сумма, назначенная по штату на жалованье чиновникамъ и на содержаніе архива, обращается на счетъ земскихъ сборовъ съ дворянскихъ имѣній Кіевской, Подольской и Волынской губерній."

Въ тоже самое время Бибиковымъ разосланы были губернаторамъ Юго-Западнаго края требованія—представить ему „сколь возможно поспѣшнѣе" опредѣлительныя и точныя свѣдѣнія: сколько именно въ каждомъ изъ присутственныхъ мѣстъ въ ихъ губерніяхъ хранится актовыхъ книгъ—гродскихъ, земскихъ и мѣстскихъ и вообще всякого рода древнихъ актовъ включительно по 1799-й годъ, встрѣчается ли въ нихъ надобность по текущимъ дѣламъ и какъ часто требуются справки или выписки изъ актовыхъ книгъ XVIII и предыдущихъ столѣтій. А къ помощнику попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовичу былъ посланъ конфиденціально запросъ: „Для нѣкоторыхъ соображеній находя нужнымъ имѣть свѣдѣніе: можно ли имѣть въ зданіяхъ Университета св. Владиміра удобное помѣщеніе для храненія древнихъ актовыхъ книгъ, число коихъ простираться будетъ приблизительно отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ экземпляровъ, я покорнѣйше прошу ваше высокородіе сообщить мнѣ это свѣдѣніе въ возможной скорости съ присовокупленіемъ, кому изъ чиновниковъ Университета, по мнѣнію вашему, могло бы быть поручено завѣдываніе архивомъ, который составится изъ означенныхъ актовыхъ книгъ, съ тѣмъ чтобы чиновникъ этотъ содержалъ ихъ всегда въ надлежащемъ порядкѣ и дѣлалъ въ случаѣ надобности оффиціальныя изъ тѣхъ же книгъ справки и выписки." Юзефовичъ отвѣчалъ, что для помѣщенія архива древнихъ актовъ въ зданіи Университета можетъ быть безъ затрудненія отведено удобное мѣсто. Можно отвести для этой цѣли въ 3-мъ этажѣ кор-

ридоръ, идущій вдоль библіотеки, или же въ 1-мъ этажѣ комнаты съ каменными сводами, занимаемыя помощникомъ инспектора студентовъ Троцкимъ-Сонютовичемъ, не состоящимъ при институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ и потому неимѣющимъ особенной надобности жить въ самомъ зданіи Университета. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ помѣщеніи, весьма легко могутъ помѣстится до 3-хъ тысячъ книгъ большаго формата. Для завѣдыванія этимъ архивомъ было бы полезно назначить особаго чиновника, съ званіемъ архиваріуса, который бы былъ знакомъ съ почеркомъ и языкомъ древнихъ актовъ и могъ бы составить имъ подробный каталогъ и производить нужныя выписи. Архивъ этотъ, по мнѣнію М. В. Юзефовича, слѣдовало бы подчинить вѣдѣнію университеткаго правленія, представивъ ему посвидѣтельствованіе справочныхъ копій на томъ же основаніи, на какомъ правленіе и теперь выдаетъ оффиціальныя выписи изъ состоящихъ при Университетѣ архивовъ: бывшаго Волынскаго лицея и Виленскаго университета. Мысль эта, видимо, была одобрена генералъ-губернаторомъ, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ потребовалъ отъ канцеляріи университетскаго Совѣта сообщить ему: какое получаютъ содержанія библіотекарь и его помощники, въ какихъ классахъ состоятъ они по должностямъ, мундиру и пенсіи, и если есть при библіотекѣ писцы, то какое и они получаютъ жалованье. Такимъ чисто случайнымъ образомъ уже въ ту пору было предрѣшено то самое положеніе центральныхъ архивовъ, въ какомъ онѣ и существуютъ и въ настоящее время.

Не дождавшись присылки затребованныхъ отъ губернаторовъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ актовыхъ книгъ и документовъ, подлежащихъ сдачѣ для храненія въ центральный архивъ, по поводу чего губернаторамъ были сдѣланы повторительныя напоминанія,—Д. Г. Бибиковъ въ декабрѣ 1849 г. отправился въ Петербургъ и съ свойственною ему рѣшительностью, минуя всѣ посредствующія инстанціи, вошелъ (9 янв. 1850 г.) лично къ Государю Николаю Павловичу со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію учреждена при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ особая временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, и изслѣдованіями ея открыто, что актовыя книги западныхъ губерній за прошедшія столѣтія, такъ называемыя—гродскія, земскія и мѣстскія, по исключительному содержанію своему, составляютъ единственный въ своемъ родѣ и богатый матеріалъ для отечественной исторіи, заключая въ себѣ сверхъ того частныя сдѣлки дворянъ и документы дворянскихъ родовъ.

„Въ 1834 г. учреждены были коммиссіи изъ особыхъ чиновниковъ для повѣрки актовыхъ книгъ, и хотя они окончили сдѣланное имъ порученіе, но неудовлетворительно, потому что послѣ ихъ повѣрки снова открыты были прежніе безпорядки и подлоги въ тѣхъ книгахъ, и вслѣдствіе сего въ 1842 г. учреждены новыя коммиссіи отдѣльно въ каждомъ уѣздѣ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, которые, будучи постоянно занятыдѣлами, относящимися къ должностямъ ихъ, до сего времени не исполнили даннаго имъ порученія и едвали могутъ исполнить его, по неимѣнію необходимыхъ для того спеціальныхъ свѣдѣній. Сверхъ того, допуская даже предположеніе, что дѣло означенныхъ коммиссій будетъ окончено, нельзя быть увѣреннымъ въ прекращеніи съ тѣхъ поръ подлоговъ и безпорядковъ по актовымъ книгамъ, если онѣ будутъ храниться, какъ и до настоящаго времени, разрозненными по городамъ и мѣстечкамъ, въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ не всегда можетъ быть назначено для нихъ удобное и безопасное помѣщеніе, отъ чего нѣкоторыя изъ нихъ частію согнили, частію истреблены пожаромъ, а частію находятся въ рукахъ у частныхъ лицъ—простолюдиновъ, а именно въ тѣхъ мѣстечкахъ, въ которыхъ уничтожены ратуши.

„Почему для сохраненія отъ окончательнаго уничтоженія актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ весьма важныя свѣдѣнія для отечественной исторіи, которыхъ нельзя извлечь изъ другихъ источниковъ, а равно для предупреж-

денія дальнѣйшихъ подлоговъ и безпорядковъ въ тѣхъ книгахъ, полезно было бы учредить въ Кіевѣ Центральный архивъ для актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, при Университетѣ св. Владиміра, подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства.

„Предположеніе это всеподданнѣйше повергаю на всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества, и если мысль объ учрежденіи Центральнаго архива удостоится Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества одобренія, то я имѣю счастіе испрашивать Высочайшаго повелѣнія на сообщеніе министрамъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ подробнѣйшихъ соображеній касательно способовъ учрежденія архива, для внесенія установленнымъ порядкомъ на окончательное Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе."

Черезъ два дня статсъ-секретарь А. Танѣевъ увѣдомилъ Бибикова, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ его всеподданнѣйшую докладную записку относительно учрежденія въ Кіевѣ, при Университетѣ св. Владиміра, подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства, Центральнаго архива для актовыхъ книгъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, изъявилъ на сіе предположеніе Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ чтобы подробнѣйшія соображенія касательно способовъ учрежденія того архива были сообщены имъ, Бибиковымъ, министрамъ юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ для внесенія потомъ оныхъ установленнымъ порядкомъ на окончательное Его Величества утвержденіе.

Это было писано 11 января 1850 г., а два дня спустя Д. Г. Бибиковымъ были уже отправлены въ указанныя министерства три обширнѣйшія представленія, очевидно, приготовленныя заранѣе. Въ нихъ онъ весьма обстоятельно знакомилъ министровъ съ характеромъ, содержаніемъ и важностью въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ древнихъ актовыхъ книгъ, въ живыхъ чертахъ изображалъ всю безпризорность этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ и грозя-

щую имъ окончательную гибель и вообще подробно развивалъ тѣ соображенія, которыя привели его къ мысли о необходимости учрежденія Центральнаго архива, положеніе о которомъ, выработаное весьма детально, было здѣсь же представляемо на министерское усмотрѣніе. Но при этомъ Кіевскаго генералъ-губернатора видимо тревожитъ опасеніе: не послужатъ ли тормозомъ на пути его проекта тѣ самыя коммиссіи для провѣрки актовыхъ книгъ, неудовлетворительная дѣятельность, или правильнѣе бездѣятельность которыхъ служила, въ его глазахъ, однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ учрежденію центральнаго архива. Онъ опасался, что министерство юстиціи, пожалуй, будетъ настаивать на томъ, чтобы передача актовыхъ книгъ въ Центральный архивъ была совершена не прежде, какъ по совершенномъ окончаніи ихъ повѣрки мѣстными коммиссіями, что было бы равносильно отсрочкѣ дѣла на неопредѣленное время. Надо было, во что бы то ни стало, устранить это препятствіе,—и въ своемъ представленіи министру юстиціи, сообщенномъ въ копіяхъ и другимъ министрамъ, Д. Г. Бибиковъ открываетъ настоящую кампанію противъ означенныхъ коммиссій, добиваясь ихъ закрытія. Обвинительный актъ начинается съ изложенія обстоятельствъ предшествовавшихъ учрежденію этихъ коммиссій: „По поводу открытыхъ въ г. Вильнѣ и по Самогитскимъ (Жмудскимъ) уѣздамъ злоупотребленій въ поддѣлкѣ документовъ о дворянскомъ происхожденіи, по Высочайшему повелѣнію, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1833 года состоявшемуся, въ западныхъ губерніяхъ учреждены были три коммиссіи—и одна изъ нихъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской—изъ чиновниковъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, корпуса жандармовъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ въ каждой губерніи губернскаго стряпчаго, для перекрѣпы хранящихся во всѣхъ мѣстахъ тѣхъ губерній актовыхъ книгъ прошедшаго времени, перечерченія пробѣловъ въ нихъ и для прошнурованія и припечатанія ихъ. Коммиссіи эти хотя и окончили свои занятія въ 1835 году, но, не смотря на то, и послѣ снова обна-

ружены были въ актовыхъ книгахъ многіе безпорядки и злоупотребленія, а нѣкоторыя изъ книгъ актовъ оказались вовсе непросмотрѣнными со стороны коммиссій. Почему, какъ учрежденіемъ въ 1833 г. коммиссій для провѣрки актовыхъ книгъ не была достигнута та цѣль, какая ожидалась отъ этого учрежденія, то вслѣдствіе сего въ 3-й день ноября 1842 г. удостоено Высочайшаго утвержденія положеніе комитета г.г. министровъ о новой провѣркѣ актовыхъ книгъ, между прочимъ и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской. Обязателяность эта, по тому положенію, возложена на мѣстныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, судей и стряпчихъ, съ прикомандированіемъ къ нимъ по каждой губерніи одного изъ губернскихъ стряпчихъ и съ тѣмъ, чтобы коммиссіи эти, пересмотрѣвъ со всею тщательностію актовыя книги, составили для каждой особыя описи съ объясненіемъ: номера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, года, мѣсяца и числа, когда оный состоялся, а также когда явленъ, и съ мѣткой въ особой графѣ: признается ли документъ несомнительнымъ или подлежащимъ сомнѣнію, и почему именно. Описи сіи, составленныя по всѣмъ уѣзднымъ коммиссіямъ въ двухъ экземплярахъ, должны быть подписаны всѣми членами, прошнурованы и припечатаны собственными печатями сихъ чиновниковъ, затѣмъ одинъ экземпляръ описи слѣдуетъ хранить въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ произведена повѣрка, а другой, совершенно съ нимъ сходный какъ по содержанію, такъ по засвидѣльствованію вѣрности его составленія, долженъ быть отправленъ въ мѣстное губернское правленіе для сохраненія и могущей встрѣтиться надобности въ справкахъ и сличеніи. Изъ этого видно, что на вновь учрежденныя коммиссіи для провѣрки актовыхъ книгъ возложено порученіе довольно сложное и требующее для исполненія немалаго времени; а между тѣмъ коммиссіи составлены изъ чиновниковъ, постоянно занятыхъ дѣлами службы и, положительно можно сказать, почти не имѣющихъ возможности отдѣлить часть времени на занятіе по повѣркѣ актовъ, тѣмъ болѣе, что пересмотръ ихъ необ

ходимо долженъ быть производимъ совмѣстно всѣми членами, для устраненія всякого повода къ злоупотребленіямъ въ этомъ случаѣ; соглашеніе же къ пересмотру актовъ въ одно время всѣхъ членовъ, имѣющихъ не только многочисленныя, но и разнородныя обязанности по должностямъ ихъ, весьма трудно и также почти невозможно. Наконецъ, устраняя даже и эти затрудненія въ успѣшной и удовлетворительной повѣркѣ актовыхъ книгъ, нельзя не обратить вниманія на рѣшительную невозможность исполнить это въ отношеніи къ книгамъ прошедшихъ столѣтій посредствомъ однихъ членовъ коммиссій, въ которыхъ не положено ни канцелярій, ни переводчиковъ, обязанныхъ имѣть, кромѣ основательнаго знанія языковъ: латинскаго, древняго польскаго, южно-русскаго и славянскаго, на коихъ большею частію составлялись древніе акты, особенный еще навыкъ и умѣніе читать и разбирать сіи акты, писанные почеркомъ самымъ стариннымъ. Очевидно, что при такихъ средствахъ и составѣ коммиссій, которыя кромѣ того не могли быть открыты въ одно время во всѣхъ уѣздахъ, ибо, по разъясненію министерства юстиціи отъ 17 ноября 1843 г., губернскій стряпчій долженъ лично и постоянно участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ каждой отдѣльной уѣздной коммиссіи,—дѣло по пересмотру актовыхъ книгъ не могло имѣть и дѣйствительно не имѣло успѣха, какъ это усмотрѣть изволите изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ отзывѣ моемъ отъ 2-го іюля 1849 года. При чемъ, если бывшія въ 1834 г. коммиссіи, составленныя изъ особо назначенныхъ чиновниковъ и не обремененныхъ въ одно время другими занятіями по службѣ, исполненіемъ своего порученія не удовлетворили ожиданіямъ правительства, ибо послѣ ихъ повѣрки снова открыты злоупотребленія и подлоги по актамъ, то какое можетъ быть въ виду ручательство въ томъ, что коммиссіи, не имѣющія даже и такихъ средствъ, какія были у прежнихъ, и сверхъ того обязанныя сдѣлать описи и пересмотръ актовыхъ книгъ несравненно въ обширнѣйшемъ объемѣ, нежели прежнія коммиссіи, исполнятъ это порученіе во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительно, и

что за тѣмъ въ актовыхъ книгахъ не будетъ болѣе никакихъ подлоговъ, къ совершенію коихъ, напротивъ, всегда представится возможность, еслибы актовыя книги и на будущее время хранились, какъ до сихъ поръ, безпорядочно, неудобно и даже у частныхъ лицъ.

„Такимъ образомъ, какъ скоро коммиссіи, учрежденныя для пересмотра актовыхъ книгъ вообще за все прошедшее время, не имѣютъ возможности исполнить когда-либо это порученіе удовлетворительно, то въ такомъ случаѣ дальнѣйшее существованіе ихъ въ настоящемъ составѣ и съ тѣми обязанностями, которыя на нихъ возложены, будетъ совершено безполезно и только препятствуетъ къ приведенію въ исполненіе предположенія объ учрежденіи въ г. Кіевѣ Центральнаго архива, потому что въ архивъ этотъ нельзя будетъ взять актовыхъ книгъ до окончанія повѣрки ихъ на мѣстахъ уѣздными коммиссіями, если сіи послѣднія оставлены будутъ на прежнемъ основаніи, и тогда, безъ сомнѣнія ихъ существованіе продлится на самое неопредѣленное время. Между тѣмъ учрежденіемъ Центральнаго архива: а) вполнѣ обезпечится цѣлостное сохраненіе древнихъ актовыхъ книгъ, составляющихъ единственный въ своемъ родѣ и потому весьма важный матеріалъ для отечественной исторіи; б) облегчится способъ къ производству ученыхъ изслѣдованій и къ отысканію лицами, доказывающими дворянское происхожденіе, нужныхъ имъ документовъ, находящихся въ разрозненныхъ до сего времени древнихъ актахъ,—потому что на чиновниковъ, коимъ поручено будетъ завѣдываніе архивомъ, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть возложена обязанность выдавать, по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ, оффиціальныя справки и выписи изъ актовыхъ книгъ; в) устраняется самое опасеніе на счетъ дальнѣйшихъ злоупотребленій и подлоговъ въ тѣхъ актовыхъ книгахъ, которыя соединены будутъ въ Центральный архивъ подъ ближайшимъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства, при Университетѣ св. Владиміра, когда сверхъ того будетъ еще въ виду особенный интересъ въ сохраненіи древнихъ актовъ не

въ подложномъ, а въ дѣйствительномъ ихъ состояніи для пользы ученыхъ изслѣдованій, и наконецъ г) облегчится нѣкоторымъ образомъ возможность совершить возложенную въ настоящее время на особыя уѣздныя коммиссіи повѣрку актовыхъ книгъ за прошедшія столѣтія, которая, будучи непосильной для тѣхъ коммиссій, по неимѣнію членами ея, какъ выше объяснено, необходимыхъ для того спеціальныхъ свѣдѣній, можетъ быть произведена съ большимъ удобствомъ въ архивѣ, предположенномъ къ учрежденію при Университетѣ св. Владиміра, ибо для архива необходимо составить подробные всѣмъ книгамъ каталоги, въ коихъ, при условленномъ участіи мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ, могутъ быть помѣщены также и свѣдѣнія относительно несомнѣнности или подложности каждаго акта."

Изложивъ такимъ образомъ подробно всѣ соображенія, бывшія въ виду при возбужденіи ходатайства объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива, Д. Г. Бибиковъ переходитъ затѣмъ къ изложенію основаній, этого учрежденія и высказываетъ слѣдующія положенія:

1) Завѣдываніе Центральнымъ архивомъ, учреждаемымъ при Университетѣ св. Владиміра и подчиняемымъ его Правленію, поручить библіотекарю Университета съ двумя особыми помощниками и двумя писцами, съ тѣмъ что одинъ изъ помощниковъ, который соединитъ въ себѣ и исполненіе обязанностей переводчика и будетъ получать содержаніе нѣсколько больше другого, будетъ оставаться лишь до времени, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, именно, до окончанія составленія каталоговъ актовымъ книгамъ.

2) Сумма, потребная на содержаніе архива, въ количествѣ 1500 рублей серебромъ, должна быть отпускаема ежегодно изъ земскихъ сборовъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской на томъ основаніи, что цѣлостное сохраненіе древнихъ актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ документы дворянскихъ родовъ и служащихъ для справокъ по дѣламъ, касающимся жителей тѣхъ губерній, составляетъ собственную ихъ пользу и интересъ, тѣмъ болѣе что ученыя

изслѣдованія и историческія свѣдѣнія, какія въ Центральномъ архивѣ съ большимъ удобствомъ могутъ быть извлечены изъ древнихъ актовъ, останутся также не безъ пользы для дворянъ упомянутыхъ трехъ губерній, воспитывающихся въ Университетѣ св. Владиміра.

3) По тѣмъ же уваженіямъ и причинамъ отнести на счетъ земскихъ сборовъ и другіе расходы, какіе потребуются единовременно при собираніи въ разныхъ мѣстахъ актовыхъ книгъ и доставкѣ ихъ въ архивъ.

4) Въ учрежденный архивъ собрать древнія актовыя книги за прошедшія столѣтія, включительно до 1799-го г. потому что собственно до сего времени актовыя книги имѣютъ особенное значеніе какъ въ отношеніи документовъ дворянскихъ родовъ, выписываемыхъ изъ книгъ лицами, доказывающими права свои на дворянское достоинство, такъ и въ отношеніи историческомъ; ибо послѣ присоединенія къ Россіи возвращенныхъ отъ Польши губерній, съ самаго начала XIX столѣтія, устройство Юго-Западнаго края и права жителей большею частію подводимы были подъ общія съ другими частями имперіи основанія, и посему съ того времени судебные и другіе акты не могутъ имѣть особеннаго значенія.

5) Присутственныя мѣста изъ коихъ будутъ взяты для архива актовыя книги, обязаны до передачи ихъ составить особыя описи за подписями всѣхъ членовъ и секретаря и съ удостовѣреніемъ, подъ собственною ихъ отвѣтственностью, что книгъ за прошедшія столѣтія включительно до 1799 г. болѣе у нихъ не имѣется. Книги же, которыя остаются въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ уничтожены ратуши, у частныхъ лицъ, должны быть собраны и доставлены въ архивъ, по распоряженію начальниковъ губерній, посредствомъ мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ.

6) Книгамъ, которыя такимъ образомъ собраны будутъ въ архивѣ, завѣдывающій архивомъ, вмѣстѣ съ своими помощниками, обязанъ, составить подробные каталоги съ тѣмъ, чтобы сіи каталоги соединяли въ себѣ свѣдѣнія, какъ необ-

ходимыя для ученыхъ изслѣдованій, такъ равно и тѣ, кои должны быть помѣщены въ описяхъ актовымъ книгамъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 3 ноября 1842 года положенія комитета министровъ о повѣркѣ всѣхъ вообще актовыхъ книгъ посредствомъ уѣздныхъ коммиссій. Для того. чтобы сіи послѣднія свѣдѣнія имѣли юридическое значеніе, въ особенности же для составленія заключенія о несомнѣнности или о подложности актовъ, предоставить генералъ-губернатору прикомандировать, по его усмотрѣнію, къ центральному архиву болѣе свободныхъ отъ служебныхъ занятій мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ вѣдомства министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ повѣрку остальныхъ книгъ съ 1800 года, оставляемыхъ въ присутственныхъ мѣстахъ, произвести на тѣхъ основаніяхъ, какія г. министру юстиціи угодно будетъ опредѣлить.

7) Въ случаѣ встрѣтится надобность въ справкахъ или выписяхъ изъ актовыхъ книгъ, хранящихся въ архивѣ, для всякаго рода дѣлъ, какъ частныхъ, такъ и сопряженныхъ съ казеннымъ интересомъ, производящихся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ или у должностныхъ лицъ, мѣста и лица сіи обращаются съ требованіями о сообщеніи тѣхъ справокъ или выписей въ правленіе Университета св. Владиміра, которое, по вытребованіи изъ архива, и выдаетъ ихъ не иначе, какъ только по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ (и отнюдь не по просьбамъ частныхъ лицъ), обращаемыхъ непосредственно въ правленіе Университета или въ Архивъ. При этомъ правленіе, предварительно выдачи требуемой справки, выписи или копіи, обязано каждый разъ приглашать одного изъ Кіевскихъ губернскихъ стряпчихъ и, по сличеніи съ подлинною актовою книгою изъ коей выдается справка, выпись или копія, завѣрить вмѣстѣ съ стряпчимъ вѣрность выдаваемаго. А когда актовыя книги окончательно будутъ пересмотрѣны и имъ сдѣланы будутъ подробные каталоги, согласно Высочайше утвержденному 3 ноября 1842 года положенію комитета министровъ и вышеизложенному 6 пункту настоящаго проекта,

то правленіе, вмѣстѣ съ стряпчимъ, сверхъ того обязаны будутъ объяснять на выдаваемой справкѣ, выписи или копіи, что оказалось по пересмотру акта относительно его несомнѣнности или подложности. [1]).

8) Для производства археографическихъ и ученыхъ изслѣдованій, актовыя книги въ подлинникахъ могутъ быть выдаваемы по требованіямъ временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, учрежденной по особому Высочайшему повелѣнію при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ, съ тѣмъ, что правленіе Университета, по случаю учрежденія при немъ Центральнаго архива, обязано съ своей стороны неупустительно наблюдать за цѣлостнымъ сохраненіемъ книгъ въ надлежашемъ порядкѣ, подъ отвѣтственностью ректора и членовъ Правленія.

Къ этому было приложено штатное росписаніе для проектируемаго архива, совершенно тождественное съ тѣмъ, какое было утверждено впослѣдствіи, указомъ 2 апрѣля 1852 года.

Мѣсяца черезъ два стали получаться извѣстія о первыхъ фазисахъ движенія представленнаго проекта. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Л. А. Перовскій въ началѣ марта увѣдомилъ Бибикова, что онъ поспѣшилъ составить свое заключеніе по предмету учрежденія въ Кіевѣ Центральнаго архива и уже сообщилъ его министру народнаго просвѣщенія для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій. Министръ юстиціи прислалъ болѣе успокоительное увѣдомленіе: онъ писалъ генералъ-губернатору, что, разсмотрѣвъ присланную ему записку вмѣстѣ съ проектомъ учрежденія центральнаго архива, онъ не могъ не согласиться съ мнѣніемъ, что дальнѣйшее существованіе ревизующихъ актовыя книги коммиссій въ настоящемъ ихъ составѣ и съ

[1]) Къ этому пункту прибавлено примѣчаніе: „Обязанность выдачи справокъ, копій или выписей изъ актовыхъ книгъ возлагается на томъ же основаніи, по какому выдаются уже оффиціальныя копіи изъ состоящихъ при немъ архивовъ бывшихъ Волынскаго Лицея и Виленскаго Университета.

тѣми обязанностями, которыя на нихъ возложены, будетъ совершенно безполезно и только можетъ явиться ненужнымъ препятствіемъ къ приведенію въ исполненіе плана учрежденія въ г. Кіевѣ центральнаго архива, и потому дѣйствія означенныхъ коммиссій, по его мнѣнію, должны быть прекращены. Затѣмъ болѣе трехъ мѣсяцевъ изъ Петербурга не было никакихъ извѣстій, и только въ половинѣ іюня отъ министра народнаго просвѣщенія было получено мало утѣшительное увѣдомленіе, что государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго имъ было внесено дѣло объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива, принявъ во вниманіе, что это дѣло касается актовъ, съ одной стороны важныхъ для исторіи законодательства, а съ другой—могущихъ служить часто доказательствомъ правъ состоянія и собственности, призналъ необходимымъ подвергнуть настоящія предположенія предварительному соображенію 2-го Отдѣленія собственной Его Величества Канцеляріи, въ которомъ сосредоточиваются всѣ работы по означеннымъ частямъ законодательства, согласно чему послѣдовало Высочайшее повелѣніе: передать это дѣло главно-управляющему названнымъ отдѣленіемъ Канцеляріи для внесенія, съ его заключеніемъ, на разсмотрѣніе Государственнаго совѣта въ установленномъ порядкѣ.

Это угрожало по меньшей мѣрѣ годичной проволочкой дѣла, а въ крайнемъ случаѣ и неблагопріятнымъ его рѣшеніемъ. Такой неожиданный оборотъ дѣла глубоко огорчилъ нетерпѣливаго Д. Г. Бибикова, и въ отвѣтномъ письмѣ князю Ширинскому-Шихматову онъ откровенно высказалъ свое „сожалѣніе, что можетъ встрѣчаться столько затрудненій къ осуществленію самыхъ полезныхъ предположеній“.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Исторія учрежденія Кіевскаго Центральнаго Архива.

Главно-управляющимъ 2-мъ Отдѣленіемъ собственной Е. В. Канцеляріи, на заключеніе котораго былъ переданъ законопроектъ объ учрежденіи Архива, состоялъ въ то время извѣстный государственный дѣятель, графъ Д. Н. Блудовъ. Бибиковъ немедленно отправилъ къ нему обширную записку, заключавшую въ себѣ сводъ тѣхъ доводовъ и соображеній, какіе онъ раньше приводилъ въ неоднократныхъ представленіяхъ и отзывахъ разнымъ министрамъ, и въ особомъ письмѣ (отъ 27 іюня 1850 г.) писалъ: „изъ этихъ отзывовъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что учрежденіе въ Кіевѣ центральнаго архива предположено: а) чтобы обезпечить древніе акты, заключающіе въ себѣ доказательства о происхожденіи дворянскихъ родовъ здѣшняго края, отъ подлоговъ и злоупотребленій, неоднократно въ нихъ встрѣчавшихся; б) чтобы соединеніемъ этихъ актовъ въ одно хранилище, приведеніемъ ихъ въ систематическій порядокъ и систематическимъ ихъ описаніемъ сдѣлать ихъ болѣе доступными какъ для дѣловыхъ справокъ, такъ и для ученыхъ изслѣдованій; в) чтобы спасти отъ окончательной гибели эти памятники отечественной исторіи, столь важные, что безъ ихъ пособія она не въ состояніи будетъ никогда разрѣшить многихъ важнѣйшихъ вопросовъ прошедшей

жизни. Изъ доставленныхъ мнѣ отъ мѣстныхъ начальниковъ донесеній оказывается, что въ одной Волынской губерніи имѣется 2763 актовыя книги [1]). Судите же, графъ, какой неисчерпаемый источникъ историческихъ свѣдѣній скрывается въ здѣшнемъ краѣ въ памятникахъ, разбросанныхъ въ мелкихъ городахъ и мѣстечкахъ, гніющихъ въ подвалахъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, даже во множествѣ въ частныхъ погребахъ, безъ надлежащаго надзора, безъ описей, безъ отчета, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе погибающихъ. Въ Археографической Коммиссіи, здѣсь существующей, получено нѣсколько изъ такихъ книгъ до того сгнившихъ, что въ нихъ не осталось ни одного листа, на которомъ можно было бы что-нибудь прочесть. Мѣстомъ для Архива избранъ университетъ, какъ по соображеніямъ удобства помѣщенія, которое совершенно обезпечено отъ всѣхъ случайностей пожара и другихъ невыгодъ, такъ и по вниманію къ заботливости, которую окажетъ ученое университетское сословіе по приведенію въ порядокъ и по сбереженію такого драгоцѣннаго для науки собранія. Никто лучше вашего с-ства не можетъ оцѣнить побужденій и цѣлей, руководившихъ въ этомъ дѣлѣ, а потому я совершенно увѣренъ, что, обративъ на него вниманіе, вы не изволите отказать въ благосклонномъ содѣйствіи скорому его разрѣшенію, отъ чего много зависитъ самый успѣхъ предпріятія".

На это убѣдительное письмо Бибикову пришлось цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ ожидать отвѣта. Не получалось никакихъ вѣстей и о движеніи самого дѣла. Лишь въ концѣ февраля 1851 года гр. Блудовъ прислалъ отвѣтное письмо, въ которомъ, „стыдясь и краснѣя", оправдывался тѣмъ, что „по странной, почти не извинительной ошибкѣ" письмо Бибикова было присоединено къ его частнымъ письмамъ, къ которымъ онъ имѣетъ привычку обращаться только тогда, когда дозволяетъ себѣ „нѣкоторый роздыхъ

[1]) Эти донесенія оказались ошибочными; на самомъ дѣлѣ изъ разныхъ мѣстъ Волынской губ. въ Ц. Архивъ поступило 3383 актовыхъ книги.

отъ занятій оффиціальныхъ". „Что же касается самого дѣла, —писалъ онъ далѣе,—то оно вытребовано мною, лежитъ уже на моемъ рабочемъ столѣ и непремѣнно на сихъ дняхъ будетъ представлено Госуд. Совѣту съ моимъ заключеніемъ". О томъ, какого рода будетъ это заключеніе, графъ не обмолвился ни однимъ словомъ; ничего онъ не сказалъ и по поводу горячихъ тирадъ Бибикова о научной цѣнности актовыхъ книгъ, а ограничился учтивымъ изъявленіемъ благодарности за сообщаемыя въ письмѣ „интересныя свѣдѣнія" объ этихъ книгахъ. Все это не предвѣщало для дѣла ничего добраго.

И точно, въ половинѣ апрѣля князь Ширинскій-Шихматовъ увѣдомилъ Кіевскаго генералъ-губернатора, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ внесенное 3 марта заключеніе гр. Блудова, нашелъ, что въ немъ „предлагаются разныя существенныя измѣненія" въ законопроектѣ министра нар. просвѣщенія объ учрежденіи въ Кіевѣ Центральнаго архива, а потому постановилъ: означенный законопроектъ возвратить князю Ширинскому-Шихматову „для новаго соображенія, по сношеніи съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, и внесенія потомъ, вмѣстѣ съ своимъ мнѣніемъ, въ установленномъ порядкѣ на разсмотрѣніе Гос. Совѣта". Вмѣстѣ съ этимъ министръ препроводилъ Бибикову и копію „заключенія" гр. Блудова, съ просьбою высказать по поводу сдѣланныхъ имъ замѣчаній свои соображенія.

„Заключеніе" 2-го Отдѣленія Канцеляріи Е. В., составленное гр. Блудовымъ, представляетъ довольно обширную записку, въ которой не оставлено безъ возраженія или замѣчанія почти ни одно изъ положеній, высказанныхъ въ ходатайствѣ Кіевскаго генералъ-губернатора. Ниже мы приведемъ содержаніе этой записки, параллельно съ возраженіями Бибикова, а пока замѣтимъ, что она представляетъ любопытный документъ не только для исторіи учрежденія Центральнаго архива, но и для характеристики ея автора, одного изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей Николаевской эпохи. Въ молодости другъ и почитатель Карамзина,

Блудовъ всю жизнь оставался вѣрнымъ его консервативнымъ принципамъ, раздѣляя и его любовь къ просвѣщенію и строгое уваженіе къ законности; но подъ старость въ его воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ все рѣзче проявлялась извѣстнаго рода косность, боязнь перемѣнъ и упорное отстаиваніе привычныхъ порядковъ, хотя бы завѣдомо плохихъ. Ужъ на что, кажется, очевидна была полная непригодность дореформенныхъ судовъ, однако въ моментъ подготовки судебной реформы графъ Блудовъ, въ своей „Общей объяснительной запискѣ къ проекту новаго устава судопроизводства“, выступилъ открытымъ противникомъ реформы и настаивалъ на сохраненіи стараго судопроизводства, предлагая лишь сдѣлать въ немъ незначительныя поправки. И поступилъ онъ такъ не потому, что былъ убѣжденъ въ превосходствѣ стараго надъ новымъ, — нѣтъ, онъ былъ умнымъ человѣкомъ и не могъ не видѣть „черной неправды“, царившей въ тогдашнихъ судахъ,—а единственно потому, что по складу своего ума и характера не могъ отрѣшиться отъ стараго, хотя завѣдомо плохого, но привычнаго, и съ опасеніемъ глядѣлъ на все новое. Та же боязнь всякой перемѣны, хотя бы и къ лучшему, видимо руководила гр. Блудовымъ и въ 1851 году, когда онъ писалъ замѣчанія на проектъ объ учрежденіи Центральнаго архива; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить его неожиданной и безпричинной оппозиціи проекту Бибикова. У него не было никакого принципіальнаго основанія для возраженій по существу дѣла; онъ не отвергаетъ пользы учрежденія Центральнаго архива, но съ такою настойчивостью и съ такимъ какъ-бы скрытымъ недоброжелательствомъ подрываетъ главныя основанія проекта, что при чтеніи его записки возникаетъ невольно подозрѣніе: не потому ли не отвергаетъ, что основная идея проекта уже предварительно получила Высочайшую санкцію, и оппоненту ничего другого не оставалось, какъ спорить лишь о средствахъ и способахъ ея осуществленія, хотя онъ нерѣдко оспариваетъ и ея основанія. Его аргументація слаба, возраженія неосновательны

и на каждомъ шагу свидѣтельствуютъ о недостаточномъ знакомствѣ съ предметомъ спора; тѣмъ не менѣе высокое оффиціальное его положеніе и пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства придавали его мнѣніямъ особенный вѣсъ и дѣлали его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ.

Это не устрашило, однако, Д. Г. Бибикова. Онъ рѣшилъ не оставлять записки гр. Блудова безъ должнаго отвѣта, къ составленію котораго былъ имъ привлеченъ профессоръ университета и главный дѣятель Кіевской Археографической Коммиссіи Н. Д. Иванишевъ, единственный въ то время ученый, практически и научно знакомый съ древними актовыми книгами. При его дѣятельномъ участіи было составлено блестящее опроверженіе всѣхъ возраженій гр. Блудова. Чтобы предоставить читателю самому оцѣнить свойства этой своеобразной полемики, мы приведемъ здѣсь, по пунктамъ, выдержки изъ записки гр. Блудова и параллельно —объясненія Кіевскаго генералъ-губернатора.

„Обозрѣвъ тщательно и во всѣхъ онаго частяхъ предположеніе г. Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго генералъ-губернатора объ учрежденіи для актовыхъ книгъ сихъ губерній центральнаго архива при Университетѣ св. Владиміра (такъ начинается записка гр. Блудова), 2-е Отдѣленіе канцеляріи Е. В. находитъ, что мысль учрежденія онаго, уже предварительно удостоенная Высочайшаго одобренія, не можетъ не быть признана полезною, особенно въ отношеніи, такъ сказать, ученомъ, не только для исторіи законодательства, но и вообще многихъ эпохъ исторіи сего края и сношеній его съ другими краями Имперіи. За симъ сужденія 2-го Отдѣленія въ настоящемъ случаѣ могутъ касаться лишь предполагаемыхъ для приведенія сей мысли въ исполненіе средствъ и порядка. При разсмотрѣніи сего дѣла оному представились слѣдующія сомнѣнія и соображенія:

А. Учрежденіе центральнаго архива имѣетъ цѣлью сохраненіе важныхъ и, можетъ быть, единственныхъ въ своемъ родѣ матеріаловъ для исторіи края вообще и въ особенно-

сти дворянскихъ родовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и облегченіе нужныхъ по дѣламъ казеннымъ и другимъ справокъ, слѣдственно и доставленіе частнымъ лицамъ средствъ скорѣе и вѣрнѣе отыскивать и получать доказательства ихъ правъ собственности и состоянія, наконецъ и обнаруженіе подлоговъ, кои нерѣдко были замѣчены въ актовыхъ книгахъ. Покрытіе расходовъ, для сего потребныхъ, полагается отнести на земскіе сборы въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, прибавивъ къ собираемымъ нынѣ по 1500 руб. ежегодно и сверхъ того единовременно на устройство Архива до 2000 рублей.

Въ отношеніи къ первой, какъ мы сказали, *ученой* цѣли предполагаемаго учрежденія въ Кіевѣ центральнаго для актовыхъ книгъ архива, безъ сомнѣнія, дозволительно думать, что при столь многихъ поощреніяхъ правительства къ отысканію документовъ отечественной исторіи, при существованіи здѣсь Археографической Коммисіи и особой, того же почти свойства, установленной въ Кіевѣ, историческія разысканія въ актовыхъ книгахъ могли бы съ успѣхомъ быть продолжаемы, какъ доселѣ, и при оставленіи сихъ книгъ въ прежнихъ мѣстахъ, чему служитъ доказательствомъ изданіе записокъ (sic!) о жизни князя Курбскаго въ семъ краѣ [1]) и другихъ едва ли не столь же интересныхъ бумагъ, почерпнутыхъ, по крайней мѣрѣ частію, изъ актовыхъ книгъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что, по всей вѣроятности, какъ объясняетъ генералъ-адъютантъ Бибиковъ, сіи разсѣянныя по разнымъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ книги или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя и большая часть оныхъ, оставаясь въ такомъ положеніи, безъ особеннаго постояннаго присмотра за ними, подверглись бы порчѣ, тлѣнію или и совершенному истребленію, и что противъ сего, можетъ быть, необходимо при-

[1]) Очевидно, здѣсь гр. Блудовъ имѣлъ въ виду изданные Кіевскою Коммиссіею въ 1849 г. два тома актовъ подъ заглавіемъ: „Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“.

нять нынѣ же мѣры предосторожности собраніемъ ихъ, пересмотромъ и приведеніемъ въ порядокъ".

Объясненіе Д. Г. Бибикова къ этому пункту [1]): „Нынѣшнее состояніе архивовъ дѣйствительно затрудняетъ историческія изслѣдованія, во первыхъ, потому, что письменные памятники не приведены въ извѣстность, а во вторыхъ—потому, что для собиранія свѣдѣній объ одномъ какомъ-нибудь предметѣ необходимо объѣзжать губернскіе и уѣздные города и даже мѣстечки, что всегда соединено съ потерею времени и значительными издержками. Правда, что учрежденная въ Кіевѣ Временная Коммисія для разбора древнихъ актовъ, на которую указываетъ 2-е Отдѣленіе собственной Е. В. Канцеляріи, успѣла открыть и издать нѣсколько томовъ актовъ и безъ центральнаго архива, но эти акты заключаютъ въ себѣ, большею частію, свѣдѣнія отрывочныя. Для изданія же актовъ, изображающихъ жизнь князя Курбскаго, необходимо было вытребовать въ Коммиссію актовыя книги изъ архивовъ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго уѣздныхъ судовъ. Присылка этихъ книгъ, хотя соединенная съ неудобствами, была возможна потому, что событія, изображенныя въ означенномъ выше изданіи, обнимаютъ незначительный періодъ времени, около 20 лѣтъ. Но описаніе событій, продолжавшихся нѣсколько столѣтій, имѣвшихъ вліяніе на судьбу цѣлаго края и требующихъ разбора и изслѣдованія многихъ архивовъ въ ихъ совокупности, совершенно невозможно безъ учрежденія центральнаго архива".

В. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Можно, конечно, сомнѣваться и въ томъ, будетъ ли чрезъ учрежденіе центральнаго въ Кіевѣ архива облегчено какъ для правительственныхъ мѣстъ, такъ и для частныхъ лицъ собраніе нужныхъ имъ справокъ. Теперь актовыя книги находятся въ вѣдѣніи предсѣдателей, членовъ и секретарей судовъ, и какъ, по случающимся дѣ-

[1]) Черновикъ этого объясненія, какъ и слѣдующихъ, писанъ рукою проф. Иванишева.

ламъ, содержаніе ихъ извѣстно болѣе или менѣе каждому изъ сихъ лицъ, то справки могутъ быть производимы безъ затрудненія. По сосредоточеніи же всѣхъ книгъ, когда онѣ поступятъ въ вѣдѣніе лицъ, коимъ будутъ чужды и имена просителей, и названія имѣній, справки, вѣроятно, потребуютъ болѣе времени, и сіе обстоятельство довольно важно въ такихъ губерніяхъ, въ коихъ не было еще генеральнаго межеванія и гдѣ производятся розыски о городской собственности. Но противъ сего генералъ-губернаторъ представляетъ, что разсѣяніе актовыхъ книгъ по уѣзднымъ городамъ трехъ губерній не только затрудняетъ дворянъ при отысканіи документовъ въ подкрѣпленіе правъ на дворянское происхожденіе, но сверхъ того и въ особенности тягостно для лицъ, занимающихся собраніемъ матеріаловъ для отечественной исторіи, что какъ тѣ, такъ и другіе для отысканія необходимыхъ имъ свѣдѣній и документовъ въ актовыхъ книгахъ бываютъ принуждены разъѣзжать по разнымъ уѣзднымъ городамъ всѣхъ трехъ губерній, ибо актовыя книги не назначались опредѣлительно для одного уѣзда или воеводства, и напротивъ, обывателямъ одного воеводства дозволялось вносить акты въ книги другихъ воеводствъ. Такимъ образомъ, если какой-либо историческій актъ, относящійся къ событіямъ въ одномъ извѣстномъ уѣздѣ, не отыскивается въ актовыхъ книгахъ городовъ или мѣстечекъ сего уѣзда, то еще нельзя быть увѣреннымъ, что его нѣтъ въ актахъ другихъ уѣздовъ, и затѣмъ необходимо дѣлать дальнѣйшія, иногда весьма затруднительныя и продолжительныя разысканія. Къ тому должно прибавить, что въ древнія времена въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской учреждено было болѣе ста городовъ и мѣстечекъ на правѣ Магдебургскомъ, и жители ихъ, мѣщане, пользовавшіеся симъ правомъ, вели актовыя, такъ называемыя *мѣстскія* книги, которыя, составляя весьма важный матеріалъ для исторіи и статистики, до сихъ поръ остаются неизслѣдованными и хранятся по городамъ, въ архивахъ магистратовъ и ратушъ, а по мѣстечкамъ, гдѣ уничтожены

ратуши, оказываются, и при томъ нерѣдко разрозненныя, въ рукахъ частныхъ лицъ, простолюдиновъ".

Объясненіе Бибикова: „Нѣтъ никакого сомѣнія, что съ учрежденіемъ центральнаго архива будетъ облегчено какъ для присутственныхъ мѣстъ, такъ и для частныхъ лицъ собраніе справокъ. Это облегченіе уже произойдетъ оттого, что всѣ актовыя книги и документы будутъ приведены въ извѣстность. Мнѣніе 2-го Отдѣленія Канцеляріи, будто бы содержаніе актовыхъ книгъ, находящихся въ вѣдѣніи председателей, членовъ и секретарей судовъ, извѣстно болѣе или менѣе каждому изъ этихъ лицъ и что справки могутъ быть производимы безъ затрудненій, нисколько не оправдывается нынѣшнимъ состояніемъ архивовъ. Не говоря уже объ актовыхъ книгахъ, разсѣянныхъ по мѣстечкамъ и находящихся въ частныхъ рукахъ, довольно указать на архивъ Кременецкаго суда, въ которомъ актовыя книги цѣлаго XVI-го столѣтія оставались до сихъ поръ неприкосновенными, теперь хранятся въ полуистлѣвшемъ видѣ, и никто изъ членовъ суда не знаетъ, что въ нихъ находится. Еще менѣе извѣстно членамъ суда содержаніе отдѣльныхъ документовъ, наполняющихъ архивы: въ одномъ архивѣ Житомирскаго уѣзднаго суда находится 24 ящика съ актами, которыхъ содержаніе никому не извѣстно. Приведя въ извѣстность содержаніе актовыхъ книгъ и документовъ посредствомъ подробныхъ каталоговъ и указателей, центральный архивъ дастъ возможность каждому собрать безъ всякаго затрудненія самыя полныя справки; а сосредоточивъ въ одномъ мѣстѣ актовыя книги и документы, разсѣянные въ настоящее время не только въ 36-ти городахъ, но сверхъ того и во многихъ мѣстечкахъ трехъ губерній, центральный архивъ избавитъ дворянъ отъ издержекъ и потери времени".

С. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Что касается подлоговъ, пресѣченію коихъ должно содѣйствовать учрежденіе центральнаго архива, то сіе въ настоящемъ случаѣ едва ли не слѣдуетъ признать предметомъ второстепенной важности.

Подлоги всего чаще бывали въ актахъ, имѣвшихъ цѣлью доказательство правъ состоянія, именно—дворянскаго происхожденія, или правъ на имущество (во время конфискацій). Почти нѣтъ по гражданскимъ, между частными людьми, дѣламъ примѣра подлоговъ въ актахъ, состоявшихся при прежнемъ польскомъ правительствѣ. По свѣдѣніямъ, которыя собраны во 2-мъ Отдѣленіи Е. В. Канцеляріи при составленіи проекта свода мѣстныхъ законовъ губерній западныхъ, не трудно удостовѣриться въ истинной причинѣ сего различія. По прежнимъ законамъ въ западныхъ губерніяхъ допускалась *явка* въ актовыхъ книгахъ всякаго рода документовъ и сдѣлокъ. Привилегіи, выходившія за подписью королей, приговоры верховныхъ судовъ, могли быть являемы посторонними даже лицами наравнѣ съ частными договорами, счетами и даже письмами, но заявленіемъ акта не утверждалась его дѣйствительность, и въ случаѣ потери подлинника, не смотря на явку его, требовались другія доказательства въ существованіи и подлинности онаго; а потому главнымъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для уничтоженія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ прежняго времени было бы принятіе во всѣхъ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ общаго постояннаго правила: не признавать и нынѣ *явленныхъ* актовъ (разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые явлены и *сознаны* обѣими сторонами) за акты дѣйствительные, а требовать въ отношеніи къ нимъ другихъ доказательствъ, коими бы вполнѣ подтверждалось существованіе подлинника. Посему, кажется, было бы полезно постановить, чтобы первымъ трудомъ предполагаемаго Центральнаго въ Кіевѣ архива было раздѣленіе всѣхъ актовъ, находящихся въ имѣющихъ поступить въ оный актовыхъ книгахъ, на два главные разряда: *актовъ* токмо *явленныхъ* и *актовъ сознанныхъ*".

Объясненіе Бибикова: „Пресѣченіе подлоговъ не можетъ считаться предметомъ второстепенной важности при учрежденіи Центральнаго архива. Что подлоги дѣйствительно возможны и существуютъ, это доказывается учрежденіемъ въ 1834 г. коммисій для предупрежденія подлоговъ.

Эти коммиссіи окончили возложенное на нихъ порученіе безъ надлежащаго успѣха, вслѣдствіе чего въ 1842 г. снова учреждены въ каждомъ уѣздѣ коммиссіи изъ мѣстныхъ чиновниковъ для пересмотра актовыхъ книгъ. Но и эти коммиссіи не имѣютъ возможности достигнуть той цѣли, для которой онѣ учреждены. Учрежденіе Центральнаго архива сдѣлаетъ подлоги въ актовыхъ книгахъ невозможными. Что касается до различія *актовъ явленныхъ* отъ *актовъ сознанныхъ*, то Центральный архивъ, составляя подробные каталоги актовымъ книгамъ, будетъ опредѣлять родъ каждаго акта, означая, относится ли онъ къ явочнымъ, или къ сознаннымъ, и излагая его содержаніе. Впрочемъ, различіе между этими двумя родами актовъ не всегда рѣзко обозначено въ мѣстныхъ актовыхъ книгахъ и потому на практикѣ не можетъ быть принято за несомнѣнный признакъ для рѣшительнаго опредѣленія юридической важности тѣхъ или другихъ актовъ".

D. *Замѣчаніе гр. Блудова:* „Впрочемъ, какъ уже замѣчено выше сего, учрежденіе Центральнаго архива при университетѣ св. Владиміра будетъ преимущественно и несомнѣнно полезно въ отношеніи ученомъ, а потому едва ли не было бы согласнѣе съ строгою справедливостью расходы на учрежденіе и содержаніе онаго отнести на счетъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Академіи Наукъ или иныя, нежели на земскую повинность. Генералъ-адъютантъ Бибиковъ замѣчаетъ, что какъ учрежденіе сего архива, который будетъ хранилищемъ актовъ, изъ коихъ многіе весьма важны для дворянства, принесетъ пользу и дворянамъ, то можно безъ нарушенія правилъ справедливости обратить расходы по учрежденію и содержанію онаго на земскій сборъ. Можно бы если не вполнѣ, то хотя отчасти согласиться съ симъ заключеніемъ, если бъ земскій сборъ падалъ на доходы помѣщиковъ; но оному подлежатъ и торговыя и другія состоянія, всего же болѣе крестьяне, которые уже и безъ того обременены исправленіемъ земскихъ повинностей, какъ натуральныхъ, такъ и денежныхъ".

Объясненіе Бибикова [1]: „Отъ учрежденія Центральнаго архива ожидается существенная польза не для однихъ ученыхъ изслѣдованій. Учрежденіе это будетъ, несомнѣнно, полезно и въ отношеніи цѣлостнаго сохраненія актовыхъ книгъ и удобнѣйшаго производства по онымъ справокъ для дѣлъ не только дворянъ, но и вообще жителей губерній Кіевской, Подольской и Волынской, потому что въ актовыхъ книгахъ заключаются также документы, по которымъ могутъ быть разрѣшаемы споры, возникающіе между казенными крестьянами и частными владѣльцами о земляхъ, а равно и такіе акты, по коимъ доказываются права крестьянъ, ищущихъ свободы изъ частнаго крѣпостного владѣнія. Это заключеніе о выгодахъ, какія представляются вообще жителямъ упомянутыхъ трехъ губерній учрежденіемъ Центральнаго архива, было принято въ основаніе къ предположенію объ отнесеніи издержекъ, потребныхъ на образованіе и содержаніе архива, на счетъ суммъ земскаго сбора, тѣмъ болѣе, что, при всей значительности ожидаемыхъ отъ сего учрежденія выгодъ, предназначаемая на ежегодные расходы сумма въ количествѣ 1500 р. весьма незначительна: соображаясь съ числомъ жителей въ трехъ губерніяхъ, участвующихъ въ земскомъ сборѣ для составленія означенной суммы, причтется по раскладкѣ на каждаго человѣка никакъ не болѣе $^1/_{10}$ копѣйки. Впрочемъ если будетъ признано возможнымъ участіе въ издержкахъ на Центральный архивъ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія или Академіи Наукъ, соображаясь съ суммами сихъ учрежденій и съ существомъ дѣла, то въ такомъ случаѣ генералъ-губернаторъ съ своей стороны не находитъ причинъ отстранять означенное участіе въ издержкахъ, пропорціонально коему уменьшается расходъ изъ суммъ земскаго сбора“.

Е. *Замѣчаніе гр. Блудова*: „Переходя за тѣмъ къ подробному разсмотрѣнію самыхъ предположеній объ устрой-

[1]) Это объясненіе, судя по почерку черновика, составлено не проф. Иваншевымъ.

ствѣ архива, 2-е отдѣленіе собственной Е. В. Канцеляріи находитъ: 1) что къ числу актовыхъ книгъ, которыя имѣютъ быть собраны въ Центральномъ архивѣ, принадлежатъ и книги гродскія, и тѣ изъ нихъ, которыя остались въ мѣстечкахъ, гдѣ уничтожены ратуши, у частныхъ лицъ, предполагается собрать, по распоряженію начальниковъ губерніи, чрезъ посредство мѣстныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Извѣстно, что, при древнемъ устройствѣ судовъ гродскихъ[1]), книги актовыя находились въ вѣдѣніи войтовъ, лавниковъ и писарей, которые дѣлали изъ нихъ выписки, составляли индексы (указатели) для собственнаго употребленія и проч., и затѣмъ такія рукописи удерживали у себя, какъ свою собственность, а потому онѣ и могли отъ нихъ законно перейти къ настоящимъ оныхъ владѣльцамъ. Дабы при разысканіи книгъ, подлежащихъ обращенію въ архивъ, не нарушить правъ частной собственности, нужно бы, кажется, оговорить о томъ въ самомъ постановленіи, отличивъ выписки сего рода отъ самихъ *книгъ бывшихъ въ мѣстечкахъ магдебургій* *) и опредѣливъ, что только книги подлинныя могутъ быть отбираемы у частныхъ людей, а выписки, извлеченія и сокращенія оныхъ, если будутъ признаны нужными для замѣны утраченныхъ настоящихъ, должны быть пріобрѣтаемы посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ".

Объясненіе Бибикова[2]): „Выписки изъ актовыхъ книгъ и указатели, составленные частными лицами, не могутъ входить въ составъ Центральнаго архива, такъ какъ этотъ архивъ учреждается для храненія однихъ оффиціальныхъ актовъ. Изъ этого уже само собою слѣдуетъ, что при составленіи Центральнаго архива ни въ какомъ случаѣ не

---

[1]) Здѣсь допущено ошибочное смѣшеніе гродскихъ судовъ и книгъ съ магистратскими.

*) Сіе наименованіе едва ли не будетъ точнѣе предполагаемаго въ проектѣ указа названія ихъ книгами *мѣстскими*, взятаго съ польскаго: miejskie. *Примѣч. гр. Блудова.*

[2]) Судя по черновой, это объясненіе, какъ и слѣдующее, къ пункту F, составлено Иванишевымъ.

можетъ быть нарушено право частной собственности, принадлежащее владѣльцамъ выписокъ изъ актовыхъ книгъ и указателей. Актовыя книги легко отличать отъ частныхъ выписокъ тѣмъ, что на каждой изъ нихъ есть заглавіе, въ которомъ означается, къ какому роду относится книга, т. е. къ гродскимъ, земскимъ или магистратскимъ; на случай могущихъ возникнуть по этому предмету недоразумѣній могутъ быть посылаемы генералъ-губернаторомъ для разбора рукописей лица, совершенно знакомыя съ мѣстнымъ языкомъ и исторіей края. Если бы, не смотря на всѣ предосторожности, доставлены были въ Центральный архивъ выписки или указатели, составленные частными лицами, то они немедленно будутъ возвращаемы владѣльцамъ. — Выраженіе ***мѣстскія книги***, которыя, по мнѣнію 2-го Отдѣленія Канцеляріи, точнѣе было бы называть ***книгами бывшихъ въ мѣстечкахъ магдебургій***, должно быть удержано, во-первыхъ, потому, что это выраженіе употребляется съ самыхъ древнихъ временъ для означенія актовыхъ книгъ, веденныхъ мѣщанами не только на польскомъ, но и на западно-русскомъ языкѣ, а во-вторыхъ—потому, что это названіе стоитъ въ заглавіи мѣстскихъ книгъ и, слѣдовательно, при разборѣ архивовъ, даетъ возможность отличить эти книги отъ другихъ рукописей, какъ частныхъ, такъ и оффиціальныхъ".

F. *Замѣчаніе гр. Блудова*: 2) Книгамъ, собраннымъ въ Центральномъ архивѣ, предполагается составить подробные каталоги, со внесеніемъ въ оные какъ свѣдѣній, необходимыхъ для ученыхъ изслѣдованій, такъ и требуемыхъ по положенію Комитета министровъ отъ 3 ноября 1842 года, то есть: означенія нумера каждаго документа по порядку, краткаго содержанія его, а равно года, мѣсяца и числа, когда онъ состоялся и когда явленъ, съ отмѣткою въ особой графѣ: признается ли оный несомнительнымъ, или же подлежитъ сомнѣнію, и почему именно. По извѣстіямъ, представленнымъ отъ генералъ-адъютанта Бибикова, видно, что въ архивъ изъ одной Волынской губерніи должно по-

ступить 2763 актовыя книги. Принимая за симъ въ соображеніе число тѣхъ, которыя могутъ поступить изъ другихъ губерній, можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что составленіе каталога, который удовлетворялъ бы всѣмъ выше показаннымъ условіямъ, потребуетъ весьма продолжительнаго времени. Между тѣмъ, какъ уже замѣчено выше, акты, взятые изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они хранятся нынѣ, сдѣлаются почти недоступными для лицъ и мѣстъ, коимъ они нужны для охраненія ихъ правъ состоянія или правъ по имуществу. Посему слѣдовало бы, кажется, установить въ предполагаемомъ архивѣ нѣкоторую особую постепенность работъ. Должно бы объяснить завѣдующему архивомъ начальству, что цѣль, къ коей они должны стремиться, есть, безъ сомнѣнія, составленіе полнаго и подробнаго каталога, но что на первый разъ можно ограничиться составленіемъ только тѣхъ описей, коихъ требовало положеніе Комитета министровъ 1842 года, начавъ именно съ книгъ, при коихъ описей вовсе не окажется. Для составленія сихъ предварительныхъ описей, или инвентарей, не худо бы даже, по предварительномъ общемъ обозрѣніи предстоящаго труда, назначить опредѣленный срокъ. Можно бы также, для ускоренія сего дѣла, заключеніе о подложности или сомнительности актовъ дѣлать только по такимъ документамъ, которые будутъ требуемы для справокъ и выписей, и не иначе, какъ по мѣрѣ сихъ требованій. Описи оконченныя должны бы быть напечатаны или, по крайней мѣрѣ, копіи съ оныхъ разосланы въ гражданскія палаты Кіевскую, Волынскую, Подольскую и, можетъ быть, въ палаты другихъ сосѣдственныхъ губерній. Симъ средствомъ отвратились бы неудобства и затрудненія въ пріисканіи нужныхъ по дѣламъ свѣдѣній —затрудненія, которыми можетъ отчасти сопровождаться сосредоточеніе всѣхъ актовыхъ книгъ въ Кіевѣ. Составленныя такимъ образомъ краткія описи могли бы служить основаніемъ къ подробному и полному не только въ правительственномъ, но и въ ученомъ отношеніи каталогу".

Объясненіе Бибикова: „Опредѣлить постепенность работъ и срокъ для составленія и напечатанія описей и ката-

логовъ можно будетъ только тогда, когда Центральный архивъ получитъ окончательное образованіе и когда приведено будетъ въ извѣстность количество актовыхъ книгъ и документовъ, которые войдутъ въ его составъ".

6. *Замѣчаніе гр. Брудова:* 3) Въ пунктѣ 7-мъ предначертанныхъ правилъ запрещается Правленію университета св. Владиміра или Архиву выдавать справки или выписи изъ актовыхъ книгъ по просьбамъ, отъ частныхъ лицъ поступающимъ, и полагается, чтобы справки какъ по дѣламъ частнымъ, такъ и по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, были всегда требуемы отъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ, которыя будутъ производить сіи дѣла. Но есть ли основаніе къ воспрещенію выдавать справки и выписки изъ актовъ по требованію частныхъ лицъ? Выдача сихъ справокъ и выписокъ будетъ производиться Архивомъ, мѣстомъ правительственнымъ, которое представляетъ достаточное ручательство въ вѣрности выдаваемой бумаги и въ подлинности документа, на коемъ она будетъ основана. Къ чему, безъ настоятельной въ томъ нужды, вводить затруднительныя формы, коихъ и безъ того у насъ, кажется, много? Въ Метрикѣ Литовской, состоящей при Правительств. Сенатѣ, копіи съ актовъ выдаются и по частнымъ прошеніямъ".

Объясненіе Бибикова: „Выдача справокъ изъ актовыхъ книгъ, собранныхъ въ Архивѣ, не иначе какъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, и отнюдь не по просьбамъ частныхъ лицъ, непостредственно обращаемымъ въ Архивъ или въ Правленіе университета св. Владиміра, предположена въ тѣхъ видахъ, чтобы отстранить по возможности, для предупрежденія подлоговъ, всякое непосредственное прикосновеніе къ актовымъ книгамъ частныхъ лицъ, между которыми, преимущественно въ Волынской губерніи, часто бывали, и весьма можетъ быть, и теперь остаются особые, такъ сказать, промышленники, исключительно занимающіеся поддѣлкою и вставкою въ актовыя книги подложныхъ листовъ съ написаніемъ на

оныхъ никогда не существовавшихъ актовъ. Эти-то промышленники имѣютъ всякую возможность и удобство разными происками достигнуть полученія актовыхъ книгъ въ свои руки и затѣмъ вставлять подложные листы при настоящемъ способѣ храненія книгъ разрозненными въ присутственныхъ мѣстахъ всѣхъ трехъ губерній и при нынѣ существующемъ порядкѣ выдачи справокъ по частнымъ просьбамъ, обращаемымъ нерѣдко въ тѣ самыя присутственныя мѣста, въ которыхъ хранятся актовыя книги и вмѣстѣ производятся дѣла, для коихъ нужны справки изъ тѣхъ же актовыхъ книгъ; при чемъ встрѣчалось также, что представляемы были къ дѣламъ, какъ доказательства правъ состоянія, такія выписки, въ которыхъ не только изложены документы, вовсе не записанные ни въ какихъ актовыхъ книгахъ, но и самыя засвидѣтельствованія отъ имени подлежащихъ властей о достовѣрности выписокъ были подложныя. Такимъ образомъ, если допустить, чтобы выписки изъ актовыхъ книгъ выдавались изъ Центральнаго архива по просьбамъ частныхъ лицъ, которыя, получивъ эти выписки на руки, сами будутъ представлять ихъ въ присутственныя мѣста, какъ доказательства по извѣстнымъ дѣламъ, то какое можетъ быть для присутственныхъ мѣстъ удостовѣреніе, что не только самыя выписи не подложны, но даже и сдѣланныя на нихъ отъ имени начальства Центральнаго архива засвидѣтельствованія? Наконецъ, едва ли можетъ быть какое-либо затрудненіе въ предположенномъ съ цѣлью предупрежденія подлоговъ порядкѣ выдачи изъ Центральнаго архива справокъ, ибо для частныхъ лицъ не составитъ никакой разницы въ томъ, что они съ просьбами о выдачѣ имъ справокъ должны будутъ обращаться въ присутственныя мѣста, въ которыхъ производятся дѣла ихъ, а не прямо въ архивъ или въ университетское Правленіе".

Послѣднее замѣчаніе гр. Блудова представляетъ не болѣе, какъ редакціонную поправку одного неточнаго выраженія, вкравшагося въ проектъ Бибикова. Въ 9 пунктѣ этого проекта было выговорено для Кіевской Археографиче-

ской Коммиссіи исключительное право требовать изъ архива подлинныя актовыя книги для своихъ ученыхъ изслѣдованій „съ тѣмъ, что Правленіе университета, по случаю учрежденія при немъ Центр. архива, обязано съ своей стороны наблюдать за цѣлостнымъ сохраненіемъ книгъ въ надлежащемъ порядкѣ, подъ отвѣтственностію ректора и членовъ Правленія“. Подчеркнувъ эту неудачную связь двухъ различныхъ мыслей, гр. Блудовъ не безъ ядовитости замѣчаетъ: „Государственный Совѣтъ не признаетъ ли, что отвѣтственность за сохраненіе актовыхъ книгъ въ семъ случаѣ должна быть уже не на Правленіи университета, а на Коммиссіи, въ которую оныя будутъ переданы“. Въ объясненіи генералъ-губернатора къ этому пункту указано, что Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, „получая изъ архива, по мѣрѣ надобности, на время для своихъ занятій нѣкоторыя изъ книгъ, само собою разумѣется, отвѣчаетъ за временное сохраненіе и за возвращеніе полученныхъ книгъ, по минованіи надобности, въ архивъ непремѣнно въ такомъ видѣ, въ какомъ оныя взяты были изъ архива“.

Такова была оригинальная полемика между Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ и 2-мъ Отдѣленіемъ собственной Е. В. Канцеляріи по вопросу объ учрежденіи въ Кіевѣ Центральнаго архива для актовыхъ книгъ. Не смотря на уклончивый тонъ замѣчаній гр. Блудова, послѣдній несомнѣнно былъ противникомъ проекта Бибикова и сознательно стремился провалить его, въ чемъ и успѣлъ отчасти; но во имя какихъ принциповъ и соображеній онъ такъ дѣйствовалъ— этого нельзя постигнуть изъ его записки. Въ то время, какъ въ каждомъ словѣ объясненій Бибикова звучитъ благородная прямота, искренность и непреклонное убѣжденіе въ томъ, что защищаемое имъ дѣло какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ здраво понимаемымъ государственнымъ интересамъ и представляетъ наилучшее рѣшеніе наболѣвшаго вопроса,— критическія замѣчанія гр. Блудова страдаютъ канцелярскою изворотливостью, уклончивостью въ сужде-

ніяхъ, какъ-бы недоговариваніемъ чего-то и полнымъ отсутствіемъ принципіальныхъ основаній. Онъ ничего въ проектѣ не отвергаетъ абсолютно и ни на чемъ твердо не настаиваетъ. Основная мысль проекта, уже предварительно Высочайше одобренная, по его собственнымъ словамъ, „не можетъ не быть признана полезною", и онъ хочетъ критиковать лишь способы и средства ея осуществленія—и тутъ же косвенно подрываетъ ея основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если признать справедливость его замѣчаній, что „историческія разысканія въ актовыхъ книгахъ могли бы съ успѣхомъ быть продолжаемы и при оставленіи сихъ книгъ въ архивахъ уѣздныхъ судовъ" (пунктъ **A**); что чрезъ сосредоточеніе актовыхъ книгъ въ Центральномъ архивѣ будутъ не облегчены, а затруднены дѣловыя въ нихъ справки, такъ какъ-де члены и секретари уѣздныхъ судовъ лучше знакомы съ ихъ содержаніемъ, нежели чиновники будущаго архива (п. **B**), и что подлоги въ актахъ, ради устраненія которыхъ учреждается архивъ, составляютъ „предметъ второстепенной важности" и могутъ быть пресѣчены другими средствами (п. **C**), то спрашивается: зачѣмъ же и учреждать проектируемый архивъ? Однако, оппонентъ прямо не ставитъ этого вопроса и вопреки самому себѣ готовъ согласиться, что архивъ „будетъ преимущественно и несомнѣнно полезенъ въ отношеніи ученомъ" (п. **D**); но эта уступка сдѣлана какъ-будто для того лишь, чтобы имѣть основаніе возразить, зачѣмъ-де архивъ учреждается не на средства Министерства Нар. Просвѣщенія или Академіи наукъ, а на мѣстные земскіе сборы, падающіе, между прочимъ, и на крестьянъ, которые-де и безъ того обременены земскими повинностями. Но это чрезмѣрное попеченіе о крестьянахъ звучитъ такъ же странно, какъ и заботливое опасеніе, какъ бы при собираніи актовыхъ книгъ полиція не стала отбирать у частныхъ лицъ выписей изъ этихъ книгъ, указателей къ нимъ и т. под. (п. **E**). Этотъ пунктъ замѣчаній гр. Блудова едва ли не былъ внушенъ ему помѣщиками Юго-западнаго края, которые, помня хорошо, съ какимъ усердіемъ чиновники, по

приказу генералъ-губернатора, собирали архивные матеріалы для учрежденной незадолго предъ тѣмъ въ Кіевѣ Археографической Коммиссіи, могли и въ самомъ дѣлѣ питать опасеніе, что, съ учрежденіемъ Центральнаго архива, Бибиковъ прикажетъ отобрать для него болѣе цѣнные матеріалы изъ ихъ фамильныхъ архивовъ. Рекомендуемая гр. Блудовымъ радикальная мѣра для пресѣченія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ очень наивна: какъ-будто для фальсификаторовъ не все одно—фабриковать ли акты *„токмо явленные“*, или вмѣстѣ *„и сознанные“*! Столь же наивны и его ученыя разсужденія о мѣстскихъ и гродскихъ судахъ и книгахъ. Вообще всѣ „замѣчанія“ гр. Блудова такъ мало основательны и не серьезны, что человѣку, хорошо знакомому съ дѣломъ, не стоило большого труда въ конецъ опровергнуть ихъ, что̀ съ успѣхомъ и сдѣлано въ объясненіяхъ генералъ-губернатора.

Однако гр. Блудовъ, ознакомившись съ этими объясненіями, категорически заявилъ министру нар. просвѣщенія, что онъ остается при прежнемъ мнѣніи и не намѣренъ отказаться ни отъ одного изъ раньше высказанныхъ имъ замѣчаній. Къ этому онъ еще присоединилъ какія-то „мысли и разсужденія“, относящіяся къ двумъ „главнымъ въ семъ дѣлѣ вопросамъ“: объ источникѣ, на средства котораго долженъ содержаться архивъ, и о порядкѣ выдачи изъ него выписей. Это такъ смутило князя Ширинскаго-Шихматова, что, извѣщая объ этомъ Бибикова, онъ писалъ ему: „за такимъ отзывомъ дѣйств. тайнаго совѣтника графа Блудова, съ одной стороны, не предвидя успѣха настоящему дѣлу въ Государственномъ Совѣтѣ, а съ другой—по неимѣнію въ распоряженіи Министерства Нар. Просвѣщенія такихъ суммъ, на счетъ которыхъ можно было бы отнести устройство и содержаніе архива, я нужнымъ считаю увѣдомить объ этомъ васъ съ тѣмъ, не признаете ли вы за лучшее, по докладѣ Е. И. Величеству, отложить это дѣло до времени или до пріисканія необходимыхъ для покрытія предстоящихъ расходовъ средствъ“. Но Бибиковъ энергически

протестовалъ противъ отсрочки. „Я остаюсь (отвѣчалъ онъ Ширинскому) при прежнемъ моемъ рѣшительномъ убѣжде ніи въ настоятельной необходимости учрежденія Центральнаго архива по возможности въ непродолжительномъ времени и не могу при этомъ случаѣ не изъявить крайняго сожалѣнія, если осуществленіе столь полезнаго и необходимаго учрежденія встрѣтитъ затрудненіе въ отнесеніи на счетъ земскаго сбора потребныхъ для того издержекъ, нисколько не обременительныхъ и совершенно незначительныхъ по сравненію съ ожидаемыми отъ сего выгодами. Я заявляю вашему сіятельству, что въ случаѣ дальнѣйшаго оставленія актовыхъ книгъ по-прежнему разрозненными и въ тѣхъ ненадежныхъ мѣстахъ, въ которыхъ онѣ донынѣ находятся, мѣстное начальство, всячески заботившееся объ устраненіи этихъ неудобствъ, не можетъ принять на себя отвѣтственности, если актовыя книги, столь важныя по содержанію своему во многихъ отношеніяхъ, по-прежнему будутъ доступны для подлоговъ и всякаго рода злоупотребленій и наконецъ со временемъ подвергнутся окончательному уничтоженію.“ [1])

Князь Ширинскій-Шихматовъ не убѣдился этими доводами и такъ и не отважился въ другой разъ внести въ Государств. Совѣтъ проектъ объ архивѣ.

Трудно угадать, какова была бы дальнѣйшая судьба этого проекта, если бы не подоспѣло къ тому времени одно обстоятельство, поставившее ребромъ вопросъ о пресловутыхъ уѣздныхъ коммиссіяхъ для повѣрки актовыхъ книгъ и воочію доказавшее ихъ рѣшительную непригодность для этого дѣла.

Въ февралѣ 1851 г. Витебскій губернаторъ представилъ всеподданнѣйшій отчетъ о сдѣланномъ имъ обозрѣніи своей

[1]) Отзывъ Бибикова отъ 30 октября 1851 года.

губерніи, въ которомъ, между прочимъ, обратилъ вниманіе на безуспѣшную дѣятельность учрежденныхъ еще въ 1843 г. повѣрочныхъ коммиссій и на продолжающіеся случаи пріобрѣтенія дворянства по подложнымъ документамъ, въ виду чего рекомендовалъ настоять, чтобы коммисіи поспѣшили окончаніемъ порученнаго имъ дѣла и представили требуемыя отъ нихъ описи актовымъ книгамъ. Противъ этого пункта отчета императоръ Николай I собственноручно отмѣтилъ: *„предписать непремѣнно окончательно представить не позже 1-го января 1852 года"*. Распубликованное въ сенатскомъ указѣ 4 апр. 1851 г. это Высочайшее повелѣніе какъ громомъ поразило и повергло въ трепетъ чиновный міръ девяти западныхъ губерній. Поспѣшно стали приводить въ извѣстность: что именно сдѣлано уже повѣрочными актовыми коммиссіями и что еще остается сдѣлать,—и съ ужасомъ убѣдились, что ровно ничего не сдѣлано и что большинство коммиссій и не приступало еще къ составленію требуемыхъ описей. Отъ губернскихъ правленій всѣхъ девяти западныхъ губерній посыпались представленія въ Сенатъ о непреодолимыхъ затрудненіяхъ, испытываемыхъ коммиссіями съ момента ихъ учрежденія, но результатомъ этого явился повторительный указъ Сената отъ 11 сентября съ предписаніемъ генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній о принятіи съ ихъ стороны „строгихъ и дѣйствительныхъ мѣръ къ точному исполненію Высочайшей воли". И такія мѣры, хотя и поздно, были приняты. Губернскія правленія, повидимому, забросили на время всѣ другія дѣла и исключительно занялись прижимкой и понуканіемъ повѣрочныхъ коммиссій. Члены послѣднихъ—уѣздные предводители, судьи и стряпчіе—также должны были оставить прямыя свои обязанности и всецѣло заняться повѣркой актовыхъ книгъ, а губернскіе стряпчіе, обязанные по закону лично участвовать во всѣхъ дѣйствіяхъ каждой уѣздной коммиссіи, рѣшительно должны были превратиться въ вездѣсущихъ духовъ, одновременно парящихъ надъ всѣми городами своей губерніи. Не ограничиваясь обычными часами, назначенными для

служебныхъ занятій, коммиссіи должны были собираться на работу и въ послѣобѣденные или вечерніе часы, а стряпчимъ поручено было вести журналы этимъ занятіямъ и отмѣчать неявку каждаго члена. По старой памяти, коммиссіи пробовали „отписываться“: жаловались на свои нужды и немощи—неимѣніе переводчиковъ, канцелярій, средствъ на отопленіе и освѣщеніе, невозможность прочесть, а тѣмъ болѣе понять акты, писанные на какихъ-то „древнихъ иностранныхъ, неупотребительныхъ нынѣ языкахъ“ и т. под., но на всѣ такія жалобы неизмѣнно слѣдовали суровыя внушенія „оставить безплодную переписку“, такъ какъ-де всѣ эти затрудненія „уже были въ виду высшаго начальства и оставлены безъ уваженія“, и что теперь „никакія препятствія и невозможности въ семъ предметѣ мѣста имѣть не могутъ, а единственно требуется быстрое стремленіе къ непремѣнному исполненію срочнаго Высочайшаго повелѣнія“. Правда, въ Волынской губерніи въ помощь членамъ коммиссій были прикомандированы временно засѣдатели уѣздныхъ судовъ, но эта мѣра повела лишь къ тому, что въ судахъ почти совсѣмъ было пріостановлено теченіе дѣлъ. Для постояннаго наблюденія за дѣятельностью коммиссій имъ предписано было представлять въ Губернское правленіе, по установленной формѣ, еженедѣльные отчеты о числѣ провѣренныхъ и описанныхъ актовъ и вообще о своихъ занятіяхъ, а Губ. правленіе, на основаніи этихъ донесеній, составляло и разсылало еженедѣльные печатные журналы, въ коихъ преподавало дополнительныя инструкціи, дѣлало замѣчанія, хвалило и „ставило въ примѣръ рачительныя коммиссіи“ и строго порицало „нерадивыя“. По этимъ отчетамъ выходило такъ, что члены иныхъ коммиссій и не доѣдали, и не досыпали, а только и дѣлали, что денно и нощно усердствовали въ исполненіи служебнаго долга. Въ то время, какъ, напримѣръ, Владимиро-волынская коммиссія ревизовала въ день отъ 3-хъ до 5-ти актовъ, Кременецкая—отъ 20 до 29, Овручская—отъ 39 до 46, Старо-константиновская какимъ-то чудомъ успѣвала провѣрять и описывать ежедневно

по 146 и болѣе актовъ. Кромѣ неустаннаго труда, „рачительные“ члены коммиссій несли и матеріальныя жертвы: Ковельскій стряпчій доносилъ, что, ревнуя объ успѣхѣ дѣла, онъ принялъ на свой счетъ расходы на бумагу и свѣчи для вечернихъ занятій своей коммиссіи; Балтскій предводитель нанялъ на свой счетъ писцовъ. Соревнуя имъ, члены Ямпольской коммиссіи доносили, что и они готовы „сообразно съ состояніемъ и средствами каждаго изъ нихъ сдѣлать пожертвованіе“ на наемъ писцовъ и покупку бумаги [1]), „если только пожертвованіе это будетъ признано начальствомъ не противнымъ порядку государственной службы и обязанностямъ должностныхъ лицъ и на приведеніе сего въ исполненіе послѣдуетъ разрѣшеніе“ [2]). Но такихъ рачительныхъ коммиссій было вообще немного, да и онѣ въ сущности ничего не дѣлали. Нерадивѣе всѣхъ оказались коммиссіи тѣхъ городовъ, въ которыхъ существовали нѣкогда гродскіе и земскіе суды и гдѣ поэтому было накоплено большое количество актовыхъ книгъ. Такова, была, напримѣръ, Луцкая коммиссія, которой предстояло обревизовать ни больше ни меньше какъ 1167 книгъ XVI—XVIII ст. Сознавая всю непосильность для себя такой гигантской задачи, коммиссія эта ровно ничего не дѣлала; даже и послѣ того, какъ послѣдовало срочное Высочайшее повелѣніе, она продолжала бездѣйствовать и не посылала недѣльныхъ отчетовъ. Лишь въ октябрѣ 1851 г. Волынское Губ. правленіе съ ужасомъ убѣдилось, что въ Луцкѣ и не приступали еще къ повѣркѣ актовъ, и грозно потребовало объясненія причинъ такой неслыханной „безпечности и нерадѣнія“. Члены коммиссіи отвѣтили, что, „въ огражденіе отвѣтственности за неисполненіе въ срокъ Высочайшей воли“, они раньше неоднократно доносили о непреодолимыхъ затрудненіяхъ, препятствующихъ имъ заняться повѣркою актовъ; затрудненія эти слѣ-

[1]) Противъ этого мѣста рукою испр. д. Кіевскаго генералъ-губернатора князя Васильчикова сдѣлана отмѣтка карандашемъ: „Жертвуютъ безъ всякой пользы“.

[2]) Противъ этихъ строкъ тою же рукою написано: „Умно“.

дующія: 1) „г. Луцкъ по историческому отношенію былъ въ средніе вѣка городомъ удѣльнаго княжества Литовскаго, а за королей польскихъ принадлежалъ къ Волынскому воеводству, и потому въ немъ сосредоточивались всѣ почти акты сего воеводства, въ количествѣ коихъ ни одинъ уѣздъ не можетъ сравниться; 2) акты сіи, писанные на древнихъ языкахъ славянскомъ, латинскомъ и польскомъ, можетъ читать только переводчикъ, не только знающій эти языки, но и понимающій силу содержанія каждаго выраженія отдѣльно, ибо, не прочитавъ акта и не понявъ его въ полномъ смыслѣ, нельзя составить имъ описи, а тѣмъ болѣе дать заключеніе о несомнительности акта; между тѣмъ переводчиковъ въ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ не положено и пріискать ихъ съ этими познаніями въ Луцкѣ невозможно; и 3) если бы даже и эта потребность была удовлетворена, то коммиссіи нѣтъ гдѣ заняться разсмотрѣніемъ актовъ, ибо то зданіе, въ которомъ хранится архивъ, треснуло во многихъ мѣстахъ, грозитъ разрушеніемъ и, по освидѣтельствованію губ. архитекторомъ и городничимъ, по крайней обветшалости и значительнымъ поврежденіямъ признано негоднымъ къ починкѣ, и нынѣ въ немъ топка печей не производится изъ опасенія пожара".—Губернское правленіе признало эти препятствія „преувеличенными, обнаруживающими лишь нерадивость коммиссіи по службѣ и совершенную незаботливость къ исполненію Высочайшей воли, каковая нерадивость не будетъ оставлена безъ подверженія членовъ коммиссіи законному взысканію". Луцкіе архивисты немного испугались этой угрозы, но скоро ободрились: воспользовавшись посѣщеніемъ ихъ города губернаторомъ княземъ И. И. Васильчиковымъ, они ехидно „представили ему на усмотрѣніе" двѣ подлинныя актовыя книги 1600 и 1620 годовъ. Князь внимательно посмотрѣлъ въ одну и другую—и, конечно, не прочелъ въ нихъ ни слова. Ободренные этимъ, члены коммиссіи поспѣшили въ свое оправданіе донести Губ. правленію, что вотъ молъ „и его превосходительство изволилъ убѣдиться, что этихъ книгъ, писан-

ныхъ древнимъ славянскимъ, латинскимъ и польскимъ почерками и выраженіями, безъ переводчика, знающаго достаточно древнія письмена и выраженія, читать и понимать не возможно"; поэтому они „не только окончить къ назначенному сроку возложенное на нихъ дѣло, но даже начать оное не въ состояніи". Губ. правленіе вздумало-было поучать ихъ, что-де „въ самомъ существенномъ положеніи (sic) документы, подлежащіе повѣркѣ, рѣдко требуютъ переводовъ, ибо слѣдуетъ знать только ихъ содержаніе, а сомнительность и безъ знанія языка видна по подчисткѣ, замаркѣ, припискѣ, оторваніи листа и тому подобнымъ примѣтамъ"; но члены Луцкой коммиссіи стояли на своемъ: „обязанные присягою (оправдывались они) исполнять службу по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности, мы, не зная древнихъ языковъ славянскаго, латинскаго и польскаго, рѣшительно не можемъ читать и понимать писанныхъ на сихъ языкахъ, древнимъ почеркомъ, документовъ". Сверхъ того,— увѣдомляли они,—въ зданіи, гдѣ помѣщается архивъ съ актовыми книгами, произошла новая опасная трещина, и „по этой для жизни грозящей опасности никто изъ служащихъ чиновниковъ не рѣшается болѣе входить туда". Это было писано въ ноябрѣ 1851 г., т. е. всего за полтора мѣсяца до истеченія назначеннаго для повѣрки актовъ срока, и Губ. правленію ничего не оставалось дѣлать, какъ махнуть рукою на нерадивую коммиссію, которая такъ и не приступала къ исполненію порученнаго ей непосильнаго дѣла.

Ко всѣмъ этимъ пререканіямъ и понуканіямъ Д. Г. Бибиковъ относился совершенно пассивно. Онъ давно уже убѣдился въ томъ, что повѣрочныя коммисіи никогда не справятся съ своей задачей, и лишь досадовалъ, что ихъ безплодныя занятія напрасно отвлекаютъ уѣздныхъ чиновниковъ отъ ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. На представленія Губернскихъ правленій о многоразличныхъ затрудненіяхъ и нуждахъ повѣрочныхъ коммиссій онъ откровенно отвѣчалъ, что „въ настоящемъ положеніи дѣла съ

моей стороны не можетъ быть сдѣлано никакого распоряженія“ къ удовлетворенію этихъ нуждъ, и предлагалъ Губ. правленіямъ прямо отъ себя представлять о нихъ Сенату, чтó и дѣлалось и на что Сенатъ не давалъ никакого отвѣта; лично же на себя генералъ-губернаторъ взялъ переписку съ министерствомъ юстиціи, которое, открыто раздѣляя его взглядъ на безплодность занятій повѣрочныхъ коммиссій, не оказало должной поддержки проекту учрежденія Центральнаго архива, дѣлавшему ненужнымъ ихъ дальнѣйшее существованіе. Когда состоялся сенатскій указъ 4 апр. о назначеніи срока для окончанія повѣрки актовыхъ книгъ, Бибиковъ сдѣлалъ слѣдующій ядовитый запросъ управляющему министерствомъ П. Д. Илличевскому: „Принимая во вниманіе, что о причинахъ, по коимъ уѣздныя повѣрочныя коммиссіи не только дѣйствовали до сихъ поръ безуспѣшно, но и вовсе не въ состояніи когда-либо исполнить возложенное на нихъ порученіе, сообщены мною въ министерство юстиціи соображенія мои по поводу предположенія объ учрежденіи центральнаго архива для актовыхъ книгъ и чтó ваше прев-ство изволили признать и съ своей стороны справедливость означенныхъ причинъ и происходящей отъ оныхъ невозможности окончить когда-либо пересмотръ актовыхъ книгъ посредствомъ нынѣ существующихъ уѣздныхъ коммисій, о чемъ и увѣдомили меня отъ 12 марта 1850 г., я долгомъ считаю обратиться къ вашему прев-ству съ покорнѣйшею просьбою—не оставьте почтить меня увѣдомленіемъ касательно мѣръ къ исполненію вновь послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія по всеподданнѣйшему рапорту начальника Витебской губерніи“. Министерство не нашлось, что отвѣтить, и промолчало. Послѣ вторичнаго сенатскаго указа 11 сент. о принятіи со стороны генералъ-губернаторовъ западныхъ губерній „строгихъ и дѣйствительныхъ мѣръ“ къ точному исполненію Высочайшей воли, Бибиковъ повторилъ свой запросъ въ министерство и лишь въ половинѣ октября получилъ отъ министра гр. Панина холодный отвѣтъ, что „принятіе мѣръ къ исполненію Вы-

сочайшей воли о представленіи актовыми коммиссіями описей не позже 1 января 1852 г. зависитъ отъ мѣстнаго главнаго начальства". Тогда Бибиковъ послалъ министру обширную записку съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ тянувшейся уже въ теченіе девяти лѣтъ повѣрки актовыхъ книгъ и съ явнымъ намекомъ на то, что если дѣятельность повѣрочныхъ коммиссій оказалась совершенно безуспѣшной, то въ этомъ отчасти виновно именно министерство юстиціи, систематически отклонявшее многократныя представленія мѣстнаго начальства о нуждахъ и затрудненіяхъ коммиссій. Еще въ 1843 г. Кіевскій генералъ-губернаторъ представлялъ министерству, что нѣтъ физической возможности выполнить правило, по которому коммиссіи могли производить повѣрку актовъ не иначе, какъ въ полномъ составѣ своихъ членовъ и при непремѣнномъ участіи въ этой работѣ губернскаго стряпчаго, и ходатайствовалъ объ измѣненіи этого крайне стѣснительнаго требованія, но министерство отказало въ этомъ ходатайствѣ по тому соображенію, что „мѣра сія хотя и отдалитъ на нѣкоторое время окончаніе дѣла, но замедленіе это вознаградится увѣренностью въ правильности и точности повѣрки книгъ", а на дѣлѣ эта мѣра привела лишь къ тому, что повѣрка вовсе не производилась. Коммиссіи въ одинъ голосъ жаловались, что онѣ не въ состояніи читать и понимать древніе акты, и просили о командированіи переводчиковъ,—имъ было въ этомъ отказано. Жаловались онѣ постоянно и на то, что имъ не назначены особыя канцеляріи и не отпущены средства на наемъ писцовъ, на освѣщеніе, отопленіе, на канцелярскіе матеріалы и т. под., но министерство отвѣчало, что „для коммиссій, какъ учрежденныхъ на время, никакихъ расходовъ не предполагалось" и потому не назначено и ассигновокъ. Мѣстное начальство изыскивало всякіе способы и средства для облегченія затруднительнаго положенія повѣрочныхъ коммиссій, но оно не въ силахъ было удовлетворить ихъ нужды и устранить всѣ препятствія на пути ихъ дѣятельности. „И теперь—заканчивалъ Бибиковъ свою

записку—Губернскія правленія ввѣренныхъ мнѣ губерній принимаютъ всѣ зависящія отъ мѣстнаго начальства мѣры къ окончанію повѣрки актовыхъ книгъ въ назначенный срокъ; но если мѣры эти не достигнутъ предположенной цѣли при существованіи всѣхъ выше объясненныхъ затрудненій, съ которыми сопряжено производство настоящаго дѣла отъ самаго начала онаго и до сего времени и о коихъ мѣстное начальство, не имѣя никакихъ способовъ для устраненія ихъ, своевременно доводило до свѣдѣнія министерства и испрашивало разрѣшенія,—то очевидно, что въ такомъ случаѣ неуспѣхъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть отнесенъ къ недостатку заботливости объ ономъ или къ нераспорядительности мѣстнаго начальства. При этомъ долгомъ считаю повторить вашему сіятельству, что цѣль, съ которою назначено обревизованіе актовыхъ книгъ коммиссіями, составленными изъ мѣстныхъ уѣздныхъ чиновниковъ, именно — предупрежденіе подлоговъ въ этихъ книгахъ и приведеніе ихъ въ порядокъ, по мнѣнію моему, болѣе всего и не иначе можетъ быть достигнута, какъ осуществленіемъ предположенія объ учрежденіи Центральнаго архива для актовыхъ книгъ при университетѣ св. Владиміра. Объ этомъ предположеніи, по замѣчаніямъ 2-го Отдѣленія собств. Е. В. Канцеляріи и согласно опредѣленію Госуд. Совѣта, сообщены мною дополнительныя свѣдѣнія и соображенія г. Министру народнаго просвѣщенія 5 мая сего года. Какой получило за тѣмъ дальнѣйшій ходъ это дѣло, мнѣ не извѣстно [1]); между тѣмъ окончательное и утвердительное разрѣшеніе онаго не только принесло бы существенную пользу въ отношеніи предупрежденія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ и цѣлостнаго сохраненія ихъ, но сверхъ того повело бы къ другимъ не менѣе значительнымъ выгодамъ и облегченіямъ

[1]) Настоящая записка была послана 27 окт. 1851 г., а извѣщеніе князя Ширинскаго о томъ, что онъ не признаетъ возможнымъ вторично внести въ Госуд. Совѣтъ проектъ о Центр. архивѣ, было получено въ Кіевѣ 29 окт. того же года.

при производствѣ по актовымъ книгамъ ученыхъ историческихъ изслѣдованій и разныхъ дѣловыхъ справокъ".

Такова была непреклонная настойчивость Бибикова, пользовавшагося всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы преодолѣть косность министерскихъ сферъ и побудить ихъ оказать содѣйствіе дѣлу, въ плодотворности котораго онъ не сомнѣвался. На министра народнаго просвѣщенія, послѣ его извѣстнаго письма съ совѣтомъ отложить дѣло объ архивѣ до болѣе благопріятнаго времени, нельзя было больше надѣяться: если графъ Блудовъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ сановниковъ того времени, такъ равнодушно отнесся къ вопросу о сохраненіи актовыхъ книгъ, какъ важныхъ историческихъ матеріаловъ, то князь Ширинскій-Шихматовъ еще менѣе былъ способенъ оцѣнить ихъ значеніе съ этой стороны, а другихъ интересовъ къ ихъ судьбѣ у него и быть не могло. Въ иномъ положеніи находился министръ юстиціи, къ вѣдомству котораго относилось дѣло о повѣркѣ актовыхъ книгъ. По тѣсной связи этого дѣла съ проектомъ объ учрежденіи Центральнаго архива, ему было бы естественно оказать этому проекту самую энергическую поддержку, и хотя онъ до сихъ поръ дѣйствовалъ вяло, но Бибиковъ имѣлъ основаніе разсчитывать, что гр. Панинъ сдѣлается невольнымъ его союзникомъ, когда окончательно убѣдится въ томъ, что Высочайшее повелѣніе объ окончаніи повѣрки актовыхъ книгъ къ 1 января 1852 г. не могло быть исполнено. Въ виду приближенія этого срока, Бибиковъ все чаще и настойчивѣе напоминалъ гр. Панину, что единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія съ повѣрочными коммисіями—осуществленіе проекта о Центральномъ архивѣ. Не получивъ никакого отвѣта на представленіе отъ 27 октября, Бибиковъ посылаетъ ему (16 ноября) новое убѣдительное напоминаніе о томъ же предметѣ, подкрѣпляя свои доводы и соображенія демонстративнымъ способомъ. Дѣло въ томъ, что еще въ 1849 г. Кіевская Археографическая Коммиссія вытребовала для своихъ надобностей изъ архива Кременецкаго уѣзднаго суда нѣсколько актовыхъ

книгъ XVI-XVII ст., которыя оказались въ самомъ плачевномъ состояніи: разбитыя, съ поблекшими отъ сырости письменами и до того истлѣвшія, что къ нимъ опасно прикасаться. Тогда же Коммиссія нашла нужнымъ представить одну изъ такихъ книгъ Бибикову въ доказательство того, что подобная участь грозитъ всѣмъ вообще актовымъ книгамъ, если онѣ и впредь будутъ храниться въ уѣздныхъ архивахъ. Теперь Бибикову пришла мысль послать эту самую книгу гр. Панину, чтобы онъ могъ лично убѣдиться, въ состояніи ли повѣрочныя коммиссіи разобрать въ ней хоть единое слово, а въ препроводительномъ отзывѣ Бибиковъ писалъ слѣдующее: „По дѣлу объ учрежденіи въ Кіевѣ центральнаго архива для храненія актовыхъ книгъ, тѣсно связанному съ дѣломъ объ уѣздныхъ коммиссіяхъ, ревизующихъ эти книги, я многократно имѣлъ честь сообщать вашему сіят-ству подробныя свѣдѣнія и соображенія о томъ, что означенныя коммиссіи, въ нынѣшнемъ составѣ ихъ и при тѣхъ средствахъ, какія имъ предоставлены, находятся въ крайне затруднительномъ положеніи и рѣшительно не могутъ не только къ назначенному по Высочайшему повелѣнію сроку, но даже и когда-либо исполнить съ успѣхомъ и удовлетворительно возложенное на нихъ порученіе. Въ тѣхъ же отношеніяхъ моихъ и такъ же подробно объяснено предположеніе объ учрежденіи при университетѣ св. Владимира Центральнаго архива какъ для сохраненія актовыхъ книгъ отъ ожидающаго ихъ окончательнаго уничтоженія въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ онѣ остаются до настоящаго времени, такъ и для той цѣли, съ которою учреждены существующія нынѣ въ каждомъ уѣздѣ коммиссіи и которая въ Центральномъ архивѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, гораздо удобнѣе можетъ быть достигнута. Въ дополненіе ко всѣмъ таковымъ сообщеннымъ уже отъ меня вашему с-ству свѣдѣніямъ, соображеніямъ и предположеніямъ долгомъ считаю препроводить на благоусмотрѣніе ваше въ подлинникѣ одну изъ древнихъ актовыхъ книгъ, находящихся въ архивѣ Кременецкаго уѣзднаго суда, Волынской губ. Такихъ книгъ

какъ въ этомъ архивѣ, такъ и во всѣхъ почти другихъ архивахъ ввѣренныхъ моему управленію губерній, весьма много, не говоря уже о тѣхъ актовыхъ книгахъ, которыя по мѣстечкамъ, гдѣ уничтожены ратуши, оказываются разрозненными въ рукахъ у частныхъ лицъ, простолюдиновъ. Одно только поверхностное обозрѣніе представляемой актовой книги, писанной на древнемъ южно-русскомъ нарѣчіи и почеркомъ стариннымъ, неминуемо приведетъ къ тому убѣжденію, что въ коммиссіяхъ, назначенныхъ для ревизіи и пересмотра актовыхъ книгъ и составленныхъ изъ чиновниковъ мѣстнаго уѣзднаго управленія, всѣ почти члены оныхъ, не будучи спеціально приготовленными и не имѣя необходимыхъ для разбора древнихъ рукописей палеографическихъ свѣдѣній, не въ состояніи даже прочесть ни одного изъ записанныхъ въ актовыя книги документовъ, а тѣмъ болѣе точно уразумѣть сущность ихъ для того, чтобы потомъ внести въ опись содержаніе каждаго документа и вывести заключеніе о достовѣрности или подложности его. Сверхъ того, какъ видно изъ полученныхъ мною донесеній отъ предсѣдателей многихъ коммиссій, въ архивахъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію, находятся въ значительномъ количествѣ книги, писанныя стариннымъ же почеркомъ на языкахъ: латинскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и италіанскомъ [1]), почему члены коммиссій, для исполненія своихъ обязанностей въ отношеніи къ этимъ книгамъ, кромѣ особеннаго навыка разбирать древнія рукописи, должны обладать еще основательнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, чего никакъ нельзя требовать отъ этихъ чиновниковъ которые опредѣлили себя исключительно для службы въ уѣздахъ. Независимо отъ сего, обративъ вниманіе на одну только внѣшность представляемой актовой книги изъ архива Кременецкаго уѣзднаго суда, нельзя не допустить весьма

[1]) Документовъ на трехъ послѣднихъ языкахъ вовсе нѣтъ въ актовыхъ книгахь югозап. края, но такъ дѣйствительно доносили многія повѣрочныя коммиссіи, присоединяя къ тому еще языки турецкій и еврейскій.

основательнаго предположенія, что въ такомъ же полуистлѣвшемъ видѣ, вѣроятно, находятся въ настоящее время многія актовыя книги и что, безъ сомнѣнія, впослѣдствіи не только придутъ въ подобное состояніе и тѣ изъ нихъ, которыя случайно уцѣлѣли еще, но и всѣ вообще актовыя книги окончательно уничтожатся, если онѣ попрежнему будутъ оставаться разрозненными въ архивахъ уѣздныхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, лишенныхъ возможности назначить для храненія актовыхъ книгъ удобныя и безопасныя помѣщенія.—Предоставляя благоусмотрѣнію вашего сіятельства соображенія эти, подтверждаемыя фактами, едва ли подлежащими какому-либо сомнѣнію, я обязанностію считаю еще разъ повторить неоднократно выраженныя мною убѣжденія: 1) что дальнѣйшее существованіе коммиссій, назначенныхъ для ревизіи актовыхъ книгъ, совершенно безполезно, такъ какъ коммиссіи эти никогда не будутъ въ состояніи исполнить возложенное на нихъ порученіе; 2) что актовыя книги, какъ на опытѣ дознано изслѣдованіями учрежденной въ Кіевѣ, при генералъ-губернаторѣ, Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, по исключительному содержанію своему весьма важны во многихъ отношеніяхъ, и что потому незаботливость о цѣлостномъ сохраненіи этихъ книгъ и о приведеніи ихъ въ порядокъ была бы непростительнымъ упущеніемъ; 3) что между тѣмъ актовыя книги неминуемо подвергнутся окончательному уничтоженію, если попрежнему оставлены будутъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ находятся до сихъ поръ, и 4) что учрежденіе центральнаго архива при университетѣ св. Владимира, по мѣстнымъ соображеніямъ, представляется единственнымъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію актовыхъ книгъ отъ окончательнаго уничтоженія и къ приведенію ихъ въ порядокъ; архивъ замѣнитъ собою, при извѣстныхъ условіяхъ, безполезно существующія въ уѣздахъ коммиссіи для ревизіи и пересмотра актовыхъ книгъ и, наконецъ, дастъ возможность извлечь изъ нихъ тѣ разнообразныя выгоды для жителей трехъ губерній и для исторіи края, о которыхъ

упомянуто уже было въ предшествовавшихъ отношеніяхъ моихъ къ вашему сіятельству".

Эти краснорѣчивыя убѣжденія, подкрѣпленныя демонстрированіемъ подлинныхъ актовыхъ книгъ, наконецъ достигли цѣли: графъ Панинъ рѣшительно проникся воззрѣніями Кіевскаго генералъ-губернатора, а главное—воспользовался его доводами и аргументами, чтобы самому выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія. Приближалось 1-е января 1852 года—срокъ, къ которому, согласно Высочайшему повелѣнію, непремѣнно должна была закончиться повѣрка актовыхъ книгъ уѣздными коммиссіями. Министръ юстиціи не могъ скрыть отъ государя, что его воля никакъ не можетъ быть выполнена, что повѣрочныя коммиссіи, не смотря на усиленныя побужденія, большею частью еще и не приступали, да и не могли вовсе приступить къ возложенному на нихъ порученію вслѣдствіе полной неподготовленности къ такому дѣлу. И вотъ, въ самый день Новаго 1852 года,—день, наступленія котораго съ трепетомъ ожидали цѣлыя сотни чиновниковъ, членовъ уѣздныхъ актовыхъ коммиссій, поголовно оказавшихся повинными въ неисполненіи Высочайшаго повелѣнія, Бибиковъ былъ порадованъ нижеслѣдующимъ оффиціальнымъ увѣдомленіемъ отъ министра юстиціи графа Панина: „По поводу встрѣченныхъ учрежденными въ западныхъ губерніяхъ коммиссіями для повѣрки актовыхъ книгъ затрудненій въ окончаніи порученнаго имъ дѣла къ назначенному Его Императорскимъ Величествомъ сроку 1 января 1852 года, я входилъ въ комитетъ гг. министровъ съ представленіемъ объ учрежденіи, вмѣсто сихъ коммиссій, центральнаго архива для храненія и разбора тѣхъ книгъ, при чемъ мною заявлено было комитету и мнѣніе вашего высокопрев-ства, изъясненное въ отношеніи ко мнѣ отъ 16 минувшаго ноября [1]), о томъ, что

[1]) Это и было то самое отношеніе Бибикова, съ препровожденіемъ подлинной актовой книги, изъ котораго выше приведена существенная выдержка.

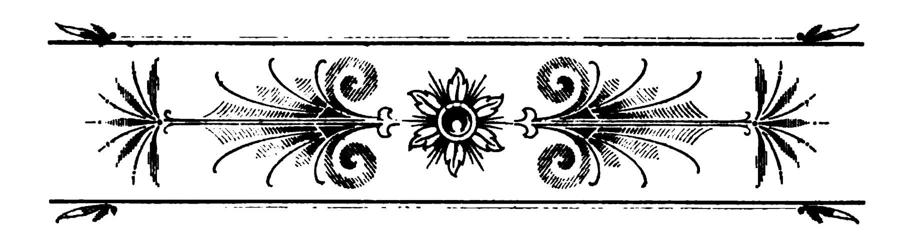
актовыя коммиссіи безполезны и что учрежденіе центральнаго архива для актовыхъ книгъ представляется единственнымъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію и приведенію ихъ въ порядокъ. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, Высочайше повелѣть изволилъ: 1) Учрежденныя по западнымъ губерніямъ коммиссіи для повѣрки актовыхъ книгъ съ 1 января 1852 года закрыть, предоставивъ генералъ-губернаторамъ западныхъ губерній принять строгія мѣры, чтобы всѣ, какъ обревизованныя, такъ и не обревизованныя коммиссіями книги, акты и документы были сданы куда слѣдуетъ въ надлежащемъ порядкѣ и сохранены въ цѣлости; 2) относительно принятія необходимыхъ мѣръ какъ для окончанія повѣрки тѣхъ книгъ и актовъ, кои еще не обревизованы, такъ и для храненія сихъ документовъ на будущее время, предоставить мнѣ, по надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, внести въ установленномъ порядкѣ свои соображенія не позже 1 февраля будущаго 1852 года. При этомъ Его Императорское Величество на положеніи комитета гг. министровъ собственноручно написать соизволилъ: *„Я мнѣніе генералъ-адъютанта Бибикова 1-го раздѣляю въ полной мѣрѣ“*.

Увѣдомляя далѣе, что нмъ дано будетъ движеніе этому дѣлу, „примѣнясь къ главнымъ основаніямъ“ первоначальнаго проекта, представленнаго Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, графъ Панинъ просилъ послѣдняго „почтить его своимъ отзывомъ касательно способа храненія актовыхъ книгъ на будущее время“. Бибиковъ немедленно отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, актовыя книги юго-западныхъ губерній включительно до 1799 года, какъ для храненія на будущее время, такъ и для приведенія ихъ въ порядокъ, слѣдовало бы немедленно собрать въ Кіевъ, для чего въ университетскомъ зданіи можетъ быть назначено имъ приличное и удобное помѣщеніе; актовыя же книги XIX-го столѣтія, какъ не имѣющія особаго, исключительнаго значенія, какое иринадлежитъ книгамъ прошедшихъ столѣтій,

оставить въ тѣхъ же присутственныхъ мѣстахъ, въ вѣдѣніи коихъ онѣ остаются нынѣ, съ тѣмъ, чтобы за цѣлостное ихъ сохраненіе несли отвѣтственность предсѣдатели и члены присутственныхъ мѣстъ.

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).



КІЕВСКІЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВЪ
ДЛЯ ДРЕВНИХЪ АКТОВЫХЪ КНИГЪ
губерній Кіевской, Подольской и Волынской
въ теченіе протекшихъ 50 лѣтъ его существованія
(1852—1902 г.).

I. — Учрежденіе въ западныхъ губерніяхъ архивовъ для древнихъ актовыхъ книгъ, а въ томъ числѣ и Кіевскаго, было вызвано необходимостью, съ одной стороны, положить конецъ многочисленнымъ поддѣлкамъ документовъ, широко развившимся еще въ то время, когда книги хранились въ старыхъ уѣздныхъ судахъ, съ другой, облегчить заинтересованнымъ лицамъ отысканіе важныхъ для нихъ документовъ, будутъ-ли эти лица имѣть въ виду практическія или научныя цѣли. Учрежденіе это 2-го апрѣля 1852 г. состоялось по ходатайству Кіевской Археографической Коммиссіи, имѣвшей въ виду, главнымъ образомъ, научные интересы. Всѣ присутственныя мѣста, гдѣ только хранились древнія актовыя книги, должны были составить описи ихъ и препроводить въ учреждаемые центральные архивы, о чемъ всякій разъ сообщалось въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Согласно съ этимъ требованіемъ закона, актовыя книги юго-западныхъ губерній были быстро собраны въ Кіевскомъ Архивѣ, и число ихъ, по истеченіи 2-хъ лѣтъ, поднялось до 5838; вмѣстѣ съ книгами были доставлены и относящіеся къ нимъ отдѣльные документы въ количествѣ 453,381. Съ теченіемъ времени цифра древнихъ актовыхъ книгъ хотя и увеличивалась, но въ очень незначительныхъ размѣрахъ, такъ какъ

главная масса ихъ, уцѣлѣвшая въ старыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, находилась уже въ Центральномъ Архивѣ, и къ концу первыхъ 25 лѣтъ существованія Архива актовыхъ книгъ было всего лишь 5883, а отдѣльн. документовъ 454,979. Въ Архивъ поступили актовыя книги всѣхъ уѣздныхъ судовъ трехъ юго-западныхъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, а магдебургскія книги лишь наиболѣе важныхъ городовъ края (25 уѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ *).

Въ теченіе второго 25-лѣтія существованія Архива приращеніе имущества Архива было значительно больше, именно, съ 1884 г. стали поступать старыя дѣла изъ окружныхъ судовъ края, изъ архивовъ Кіевскаго Губернскаго Правленія, Кіевской Казенной Палаты, Приказа Общественнаго Призрѣнія, а также документы и книги изъ Черниговской Казенной Палаты, содержащія въ себѣ описи монастырскихъ имѣній, переданныхъ въ казну въ 1786 году, и изъ другихъ учрежденій; поступленія продолжаются и до сихъ поръ.

II. — Центральный Архивъ въ Кіевѣ, какъ учрежденный, главнымъ образомъ, въ интересахъ науки, былъ присоединенъ къ Университету св. Владиміра и подчиненъ Правленію Университета, а ближайшее завѣдываніе имъ возложено на библіотекаря Университета. Штатъ Архива до 1883 года, т. е. въ первые тридцать лѣтъ его существованія. состоялъ изъ двухъ штатныхъ помощниковъ завѣдывающаго Архивомъ: постояннаго съ жалованьемъ въ 350 руб. и временнаго съ жалованьемъ въ 500 руб. Малочисленность личнаго состава дала себя почувствовать въ первые же годы дѣятельности Архива, и тогда было рѣшено увеличить штатъ его двумя служащими по найму на остатки отъ той суммы въ 2000 рублей, которая была назначена на первоначальное обзаведеніе Архива,

*) Вотъ перечень этихъ городовъ: по Кіевской губерніи: г. Кіевъ, Звенигородка, Богуславъ и Каневъ; по Волынской: Житоміръ, Луцкъ, Кременецъ, Владиміро-Волынскъ, Ковель, Овручъ, Дубно, м. Олыка, (Дубен. у.), м. Выжва (Ковел. у.) и м. Ратное (Ковел. у.); по Подольской губерніи: г. Каменецъ-Подольскъ, Брацлавъ, Винница, Летичевъ, Гайсинъ, Литинъ, Баръ, Ушица, Проскуровъ и Хмельникъ.

съ платой каждому по 250 руб. въ годъ; въ октябрѣ 1855 года деньги были издержаны, и Архивъ остался при своемъ прежнемъ составѣ; составленіе описей было прервано, такъ какъ Архивъ едва справлялся съ выдачею выписей. Вслѣдствіе этого кн. И. И. Васильчиковъ, бывшій тогда Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, пользуясь проѣздомъ черезъ Кіевъ Императора Александра II, въ сентябрѣ 1857 года, представилъ всеподданнѣйшій докладъ Его Величеству о состояніи Центральнаго Архива и недостаточности его средствъ и получилъ Высочайшее повелѣніе ходатайствовать объ увеличеніи штата этого учрежденія. Пока шла по этому поводу оффиціальная переписка, въ Архивѣ стали заниматься снова временные служащіе; только съ 1863 года Министерство Народнаго Просвѣщенія нашло возможнымъ ассигновывать ежегодно по 1500 р.; сумма эта расходовалась на составленіе описей; въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ (со второй половины 1863 года по 1 января 1866 г.) въ Архивѣ работало 24 человѣка (изъ нихъ съ высшимъ образованіемъ было всего лишь девять человѣкъ), получавшіе плату и задѣльно и помѣсячно (сначала отъ 15 до 20 р., а позже по 25 и 30 р. въ мѣсяцъ).Надзоръ за составленіемъ описей былъ порученъ адъюнкту греческой словесности К. Ѳ. Страшкевичу. За все это время было описано 33,240 отдѣльныхъ документовъ и 216 актовыхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ 45,756 актовъ. Изъ этого числа только описи къ 34 книгамъ XVIII вѣка были представлены завѣдывающимъ Архивомъ въ Правленіе Университета для утвержденія къ напечатанію; но послѣднее признало ихъ неудовлетворительными вслѣдствіе отсутствія всякаго однообразія въ ихъ составленіи; вслѣдствіе темноты и двусмысленности изложенія содержанія актовъ; вслѣдствіе неправильности переводовъ юридическихъ терминовъ; вслѣдствіе погрѣшностей противъ грамматики русскаго языка; вслѣдствіе небрежнаго писанія, отчего произошли пропуски буквъ, словъ и даже цѣлыхъ выраженій; наконецъ, вообще, вслѣдствіе отсутствія часто въ составленныхъ описяхъ всякаго смысла.

Такимъ образомъ, опытъ 14-ти лѣтъ показалъ всю трудность и важность работы надъ составленіемъ описей и привелъ къ сознанію необходимости привлечь къ этой работѣ людей, болѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ и болѣе къ нему подготовленныхъ; поэтому, вступившій тогда (т. е. въ 1867 г.) въ завѣдываніе Архивомъ покойный К. А. Царевскій ходатайствовалъ о назначеніи ему двухъ временныхъ помощниковъ по найму, съ содержаніемъ каждому изъ нихъ по 650 р. въ годъ изъ суммы въ 1500 руб., ежегодно ассигнуемой министерствомъ на усиленіе средствъ Архива. Ходатайство г. Царевскаго было уважено. Строгое съ тѣхъ поръ отношеніе Правленія Университета къ выбору лицъ на новыя должности привело къ желанному результату: въ 1869 году напечатаны были съ разрѣшенія Правленія Университета первыя четыре описи актовыхъ книгъ; съ этихъ поръ составленіе и печатаніе описей не прекращается и продолжится, конечно, и на будущее время, если условія, въ которыхъ стоитъ это дѣло теперь, буде не улучшатся, то хотя бы не измѣнились. Въ тридцати-пяти-лѣтній періодъ времени (1867—1902 гг.) обѣ должности временныхъ помощниковъ были занимаемы тринадцатью лицами, изъ которыхъ высшаго образованія не получило только одно лицо (И. П. Новицкій); но и оно доказало свои способности, знанія и любовь къ дѣлу какъ рядомъ напечатанныхъ описей актовыхъ книгъ Архива, такъ и постояннымъ участіемъ въ трудахъ Археографической Коммиссіи въ качествѣ ея члена.

Ограниченное содержаніе какъ штатныхъ, такъ и вольнонаемныхъ, помощниковъ Завѣдывающаго Архивомъ приводило къ тому, что эти лица смотрѣли на свою службу въ Архивѣ, какъ на переходную ступень къ болѣе выгодной и лучше оплачиваемой должности и потому оставались въ Архивѣ очень короткое время; частая смѣна служащихъ и время, затрачиваемое на ихъ обученіе и приспособленіе къ труду, въ значительной степени задерживали успѣшность и быстроту архивныхъ работъ и привели къ необходимости, ради удержанія одного и того же лица на болѣе продолжи-

тельное время на службѣ въ Архивѣ, снисходительно смотрѣть на ихъ постороннiя занятiя. Архивъ, съ своей стороны, для предупрежденiя этого явленiя, еще въ 1868 г. входилъ съ представленiемъ объ увеличенiи жалованья архивистамъ до 800 р., но въ этомъ ходатайствѣ ему было отказано; позже онъ пришелъ къ мысли о соединенiи двухъ штатныхъ должностей въ одну, съ присвоенiемъ ей содержанiя обоихъ вмѣстѣ; это новое ходатайство Архива было уважено въ 1882 году, и съ этого времени въ немъ числилось два помощника завѣдывающаго Архивомъ по найму и одинъ штатный. Но практика жизни предъявляетъ къ архивистамъ все новыя и большiя требованiя, удовлетворить которыя при настоящихъ условiяхъ положенiя архивовъ западныхъ губернiй становится все труднѣе. Еще въ 1884 году, по Высочайшему повелѣнiю, былъ возбужденъ объ этомъ вопросъ; въ 1892 году созвана была въ С.-Петербургѣ спецiальная коммиссiя, выработавшая проектъ новыхъ условiй положенiя западныхъ архивовъ, соотвѣтственно требованiямъ времени, и проектъ этой коммиссiи ждетъ своего осуществленiя, съ тѣми измѣненiями, которыя будутъ въ немъ сдѣланы теперь. Неизвѣстность окончательной формы этого проекта удерживаетъ насъ отъ сообщенiя и разбора его положенiй.

III. — Дѣятельность архивовъ, согласно съ требованiемъ Высочайшаго указа 2 апрѣля 1852 г., выражается въ храненiи актовыхъ книгъ, въ составленiи къ нимъ описей и въ выдачѣ выписей по требованiямъ правительственныхъ учрежденiй и просьбамъ частныхъ лицъ.

1.—Забота о храненiи актовыхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ состоитъ не только въ удобномъ ихъ помѣщенiи и размѣщенiи, но и въ приведенiи въ лучшiй внѣшнiй видъ посредствомъ исправленiя старыхъ и устройства новыхъ переплетовъ къ книгамъ и документамъ. Имѣя въ виду важность для науки архивнаго матерiала и невозможность его возстановленiя на случай гибели, Правленiе Университета отвело для Архива лучшее въ зданiи и наиболѣе безопасное отъ огня помѣщенiе, устроило крѣпкiе наглухо запираемые шка-

фы и тѣмъ защитило книги отъ пыли, а для отдѣльныхъ документовъ, сверхъ того, построило и коробки. Но скудость средствъ не позволяетъ быстраго и полнаго приведенія въ порядокъ актовыхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ; они переплетаются понемногу, и огромная ихъ масса ждетъ еще своей очереди. Съ теченіемъ времени количество архивнаго матеріала ростетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все сильнѣе чувствуется потребность въ новомъ болѣе цѣлесообразномъ помѣщеніи Архива. Этотъ вопросъ разрѣшится, вѣроятно, лишь съ постройкой особаго общаго зданія и для Библіотеки Университета и для Архива, зданія, отвѣчающаго всѣмъ строгимъ современнымъ требованіямъ для такого рода учрежденій.

2.—Самой важной задачей Архива является составленіе описей къ актовымъ книгамъ и отдѣльнымъ документамъ; говоря о личномъ составѣ, мы указали уже на то, что привлеченіе къ дѣлу лицъ, не заинтересованныхъ въ немъ и неподготовленныхъ къ нему, привело къ печальному результату: работы ихъ оказались никуда негодными; правильное составленіе и печатаніе описей началось лишь съ 1869 года и продолжается хотя медленно, но вѣрно, благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя Правленіе Университета до сихъ поръ употребляло, именно, благодаря выбору достойныхъ и способныхъ къ дѣлу лицъ и удержанію ихъ на болѣе продолжительное время при этомъ дѣлѣ.

При составленіи описей къ древнимъ актовымъ книгамъ не менѣе важна программа, по которой они должны быть ведены. Въ 1852 г., когда Архивъ только что учреждался, эта программа, согласно съ указомъ 2 апрѣля, была такова: въ началѣ должно обозначать время составленія акта, потомъ время внесенія его въ актовую книгу и, наконецъ, краткое изложеніе содержанія акта; при этомъ акты должны быть раздѣляемы на два главныхъ разряда: явленныхъ и сознанныхъ. Дальнѣйшая практика составленія описей указала на невозможность и ненужность раздѣленія актовъ на явленные и сознанные, но вызвала необходимость обстоятельнаго поименованія въ описи главныхъ дѣйствуюшихъ лицъ

и историческихъ дѣятелей, перечисленія географическихъ названій, а также болѣе обстоятельнаго описанія документовъ, имѣющихъ историко-юридическое значеніе, т. е. внесенія въ опись подробностей и фактовъ, указывающихъ на научное значеніе документовъ. Указъ 2 апрѣля имѣетъ также въ виду и цѣли науки; онъ требуетъ, сверхъ краткихъ описей, составленія полныхъ и подробныхъ каталоговъ, долженствующихъ заключать въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для научныхъ изслѣдованій; требованіе это чрезвычайно туманно и неопредѣленно, такъ какъ неизвѣстно, что слѣдуетъ разумѣть подъ полными и подробными каталогами, и потому оставалось безъ исполненія; но и здѣсь пришла на помощь практика; она показала, что краткія описи могутъ быть годны, если ихъ приспособить для этого, и для научныхъ изслѣдованій. Вопросъ объ этомъ приспособленіи и до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Мы не будемъ излагать длинную литературу этого вопроса, а укажемъ лишь на тѣ типы описей, которые предлагаются въ настоящее время нашими учеными архивистами:

а) Сохраненіе настоящихъ краткихъ описей, съ присоединеніемъ къ нимъ, для удобства всякихъ справокъ, личныхъ, географическихъ и предметныхъ указателей;

б) Составленіе къ самимъ актамъ личныхъ, географическихъ и предметныхъ указателей, безъ краткихъ описей;

в) Обозрѣніе содержанія большихъ группъ однородныхъ документовъ, съ присоединеніемъ указателей;

г) Составленіе указателя фактовъ личной, общественной и государственной жизни, а не вообще предметовъ, со внесеніемъ въ него лишь именъ должностныхъ лицъ, историческихъ дѣятелей и географическихъ названій, и

д) Описаніе однихъ имѣющихъ научное значеніе историко-юридическихъ документовъ.

Каждая изъ указанныхъ системъ описей имѣетъ свои удобства и неудобства; но каждая тогда только будетъ удовлетворять научнымъ и практическимъ требованіямъ, когда составленіе описей будетъ поручено лицамъ, подготовленнымъ

къ этой работѣ, исключительно ею занятымъ, съ широкимъ историческимъ кругозоромъ и съ умѣніемъ научно разрабатывать описываемый матеріалъ.

Всѣ перечисленныя условія, необходимыя для составленія описей, еще болѣе необходимы при разборѣ старыхъ дѣлъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ и выборѣ изъ нихъ документовъ и дѣлъ, имѣющихъ научное значеніе, заслуживающихъ вѣчнаго храненія и передачи или въ Центральный Архивъ или въ архивы губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій, которыя теперь учреждаются почти повсемѣстно. До сихъ поръ эта архивная функція не поставлена у насъ настолько прочно, чтобы могла исключать сѣтованія на уничтоженіе важныхъ въ научномъ отношеніи дѣлъ. Часто, особенно въ провинціальныхъ городахъ, разборъ архивовъ поручается лицамъ, совершенно незнакомымъ съ научными требованіями. Надзора за ихъ дѣятельностью нѣтъ никакого. Недостатокъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, есть одна изъ главныхъ причинъ гибели цѣннаго научнаго матеріала для будущихъ историковъ; вопросъ о томъ, кому слѣдуетъ поручать разборъ уничтожаемыхъ старыхъ дѣлъ, кто долженъ наблюдать и, главное, руководить имъ, въ настоящее время обсуждается компетентными лицами, и о результатахъ ихъ обсужденія мы не упустимъ сдѣлать своевременно сообщеніе.

3.—Менѣе важной обязанностью Архива, въ кругу другихъ его работъ, по-видимому, должна была бы быть выдача выписей; и такой она дѣйствительно была бы, если бы книги не были повреждены подлогами; въ виду же существованія большого количества фальшивыхъ документовъ, выдаваемыя копіи ихъ требуютъ особаго вниманія и осторожности, такъ какъ ошибки въ опредѣленіи подлинности или подложности документа влекутъ за собой часто непоправимый вредъ для заинтересованнаго лица.

Подлоги въ актовыхъ книгахъ начались давно, еще при существованіи польскихъ судовъ въ XVIII в.; съ присоединеніемъ Юго-Западнаго края къ Россіи они усилились, вызванные новыми условіями жизни. Сначала подлоги вызывались

безконечными вѣковыми тяжбами изъ-за земли; всякаго рода юридическіе акты, какіе только могли доказывать право на владѣніе землей, фабриковались и вносились въ актовыя книги; по присоединеніи Западнаго края, когда потребовались доказательства дворянскаго происхожденія у многочисленной польской мелкой шляхты, документы стали поддѣлываться уже съ этой исключительно цѣлью. Фабрикація дворянскихъ документовъ производилась до того широко и открыто, что правительство, кромѣ наказанія обнаруженныхъ виновниковъ, пыталось предупредить это преступленіе учрежденіемъ нѣсколькихъ провѣрочныхъ и ревизіонныхъ коммиссій 1833, 1835, 1840 и 1842 годовъ; но мѣра эта не достигала цѣли; наконецъ, по мысли профессора Н. Д. Иванишева, главнаго редактора Кіевской Археографической Коммиссіи, обратившаго вниманіе на актовыя книги, какъ на неисчерпаемый историческій матеріалъ для изображенія всѣхъ сторонъ жизни края, они, какъ мы сказали вначалѣ, были собраны въ особыя учрежденія — центральные архивы и поставлены въ условія, весьма неблагопріятныя для совершенія новыхъ подлоговъ; но и здѣсь актовыя книги не уберегли; въ концѣ 1867 года были обнаружены если не новые подлоги, то злоупотребленіе фальсифицированными раньше документами; возникло слѣдственное дѣло, которое велось особой коммиссіей, состоявшей при канцеляріи Кіевскаго губернатора. Когда же виновныхъ коммиссіи не удалось обнаружить, то на нее возложена была обязанность пересмотра всѣхъ актовыхъ книгъ и опредѣленія, какія части ихъ повреждены подлогами; но эта новая обязанность, требовавшая опытности и огромной массы времени, была выше силъ коммиссіи, и послѣдняя постепенно прекратила свою дѣятельность: члены ея выбывали, а преемники имъ уже не назначались. Дѣло разслѣдованія подлоговъ въ актахъ остановилось, и вотъ уже болѣе 30 лѣтъ не двигается. Обнаруженіе подлоговъ въ 1869 г. вызвало пріостановку дѣлопроизводства въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ и въ Департаментѣ Герольдіи о дворянствѣ лицъ мѣстной польской шляхты по документамъ, выдаваемымъ изъ Кіевскаго

Центральнаго Архива. Пріостановка продолжается до сихъ поръ; масса лицъ, ищущихъ дворянства, не утверждается вслѣдствіе этого въ искомыхъ правахъ, пока слѣдственная коммиссія не закончитъ просмотра всѣхъ документовъ, и не опредѣлитъ, насколько они подлинны или подложны. Какъ велико количество подложныхъ документовъ, трудно въ точности сказать; во всякомъ случаѣ, ихъ надо считать тысячами. Въ Архивѣ хранятся цѣлыя книги, въ которыхъ нѣтъ ни одного подлиннаго документа, а между тѣмъ изъ этихъ книгъ не мало выдано засвидѣтельствованныхъ выписей.

Обнаруженіе подлоговъ требуетъ, само собою разумѣется, большого навыка. Чѣмъ меньше хронологическое разстояніе между датой документа и временемъ подлога, тѣмъ труднѣе обнаружить таковой. Вообще подлоги можно раздѣлить на искусные и грубые. Замѣтить ихъ удается отчасти по порчѣ самой книги: нарушеніе печати, вклейка подложнаго документа, поправки въ пагинаціи и нумераціи актовъ, порча реестровъ и проч.; но очень часто и съ этой стороны подлогъ бываетъ сдѣланъ чрезвычайно тщательно; правописаніе, языкъ, соблюденіе юридическихъ формальностей бываютъ въ грубыхъ подлогахъ иногда не выдержаны; но это случается очень рѣдко: фальсификаторы пунктуально воспроизводили всѣ особенности подлинныхъ актовъ, сосѣднихъ въ книгѣ съ подложными. Но чего они никогда не могли достигнуть, это—точнаго воспроизведенія стараго почерка и подысканія бумаги съ такими филигранями, какія господствуютъ въ извѣстное время и въ извѣстной мѣстности. Такимъ образомъ, палеографія и водные знаки бумаги являются единственными и наиболѣе сильными обличителями подлоговъ. При стараніи и ловкости все удавалось поддѣлать, но воспроизвести почеркъ извѣстнаго времени и подобрать бумагу съ подходящими къ тому же времени водными знаками было выше силъ фальсификаторовъ, потому что требовало изученія и того и другаго, а фальсификаторы не обладали для этого ни нужными знаніями, ни средствами, ни временемъ, ни способностью къ дѣлу. Вслѣдствіе этого практика выдачи выписей и опредѣ-

ленія ихъ подлинности или подложности привела насъ къ необходимости заняться изученіемъ палеографіи и собраніемъ водныхъ знаковъ; изученіе палеографіи русской, польской и латинской, имѣвшей распространеніе въ Юго-Западномъ краѣ, мы приняли на себя, а собираніе водныхъ знаковъ ведетъ уже нѣсколько лѣтъ г-жа А. И. Витвицкая. Результаты изученія русской палеографіи мы представили уже въ 1-мъ вып. „Палеографическаго Изборника"*) и надѣемся, что въ непродолжительномъ времени можно будетъ сдѣлать новый выпускъ „Палеографическаго Изборника", а вмѣстѣ съ тѣмъ приступить къ изданію перваго выпуска водныхъ знаковъ, такъ какъ имѣющіеся въ настоящее время сборники водныхъ знаковъ не удовлетворяютъ запросамъ, какія предъявляетъ практика свидѣтельствованія выписей.

Къ опредѣленію подлинности или подложности документовъ до введенія въ краѣ судебныхъ уставовъ 1864 года, согласно съ указомъ 1852 года, приглашались товарищъ прокурора и уѣздный предводитель дворянства; полная некомпетентность этихъ должностныхъ лицъ содѣйствовала отчасти развитію подлоговъ; по введеніи же въ Кіевѣ въ 1883 году судебныхъ уставовъ 1864 года, обязанность посвидѣтельствованія возложена на одного изъ членовъ Правленія Университета, въ виду того, что въ средѣ ихъ всегда можетъ встрѣтиться ученый, болѣе или менѣе знакомый съ архивными документами.

Вслѣдствіе пріостановки дѣлопроизводства по документамъ нашего Архива выписей выдается въ настоящее время небольшое количество—всего лишь нѣсколько десятковъ въ годъ, тогда какъ до обнаруженія злоупотребленій выписи выдавались сотнями и доходили почти до тысячи въ годъ.

Опредѣленіе архивами подлинности или подложности документовъ—окончательно и безъапелляціонно. Умышленныя изъ корыстныхъ цѣлей или неумышленныя по неопытности

---

*) Изданіе его сдѣлано Кіев. Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ въ 1899 году ко времени XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ.

архивистовъ ошибки остаются безъ исправленія и вызываютъ справедливыя нареканія; поэтому, или учрежденіе высшей повѣрочной инстанціи, или такая постановка посвидѣтельствованія, которая устраняла бы возможность ошибокъ въ опредѣленіи подлинности документовъ, является, по нашему мнѣнію, дѣломъ первой необходимости.

Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшіе факты протекшихъ 50 лѣтъ существованія Кіевскаго Центральнаго Архива.

Чему же научилъ и что показалъ опытъ прошлаго въ дѣятельности Архива?

Изъ этого опыта мы видимъ, что

1) Храненіе актовыхъ книгъ и документовъ требуетъ приспособленнаго помѣщенія, какого Университетъ, вслѣдствіе тѣсноты своего помѣщенія, не можетъ дать.

2) Средствъ на переплеты книгъ и отдѣльныхъ актовъ не имѣется.

3) Личный составъ Архива былъ до настоящаго времени малочисленъ, а недостаточное вознагражденіе не давало возможности имѣть въ немъ людей съ долгимъ опытомъ.

4) Собранные въ 1852 г. и поступающіе вновь актовыя книги и документы описываются чрезвычайно медленно въ виду трудности дѣла и невозможности привлечь къ нему спеціально подготовленныхъ людей и удержать ихъ надолго при немъ.

5) Программа составленія описей не выработана окончательно.

6) Количество архивнаго матеріала, какъ историческаго источника, возрастаетъ и требуетъ значительнаго числа опытныхъ людей для выбора его изъ огромной массы бумажнаго хлама.

7) Выдача выписей безъ строгаго изслѣдованія свидѣтельствуемаго документа приводила къ признанію многихъ подложныхъ документовъ за подлинные, чему способствовала ограниченность содержанія архивистовъ, шедшихъ легко на подкупъ; неподготовленность и неопытность ихъ въ различеніи подлинныхъ документовъ отъ подложныхъ, въ свою

очередь, увеличивала зло; все это поддерживалось отсутствiемъ участiя въ свидѣтельствованiи выписей компетентныхъ лицъ, которыя могли бы предупреждать злоупотребленiя и ошибки.

Такимъ образомъ, для устраненiя въ будущемъ всѣхъ пережитыхъ грустныхъ явленiй въ протекшей 50-лѣтней жизни Архива нужны и мѣры и люди, т. е., нужны и средства къ устраненiю препятствiй для успѣшнаго хода дѣла, нужны и такiе дѣятели, которые бы съ любовью исключительно и всецѣло отдались бы трудной архивной работѣ.

Въ настоящее время такiя именно мѣры принимаются, и центральные архивы вступаютъ во второе 50-лѣтiе своего существованiя со свѣтлыми надеждами на правильный и успѣшный ходъ архивнаго дѣла въ будущемъ.

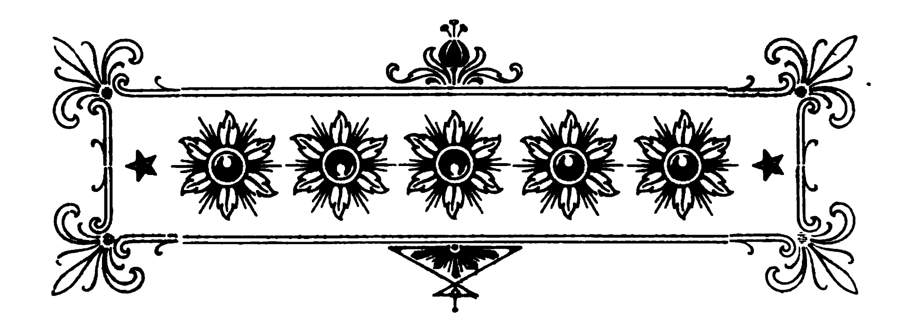
Вмѣстѣ съ этимъ, русскiе археологическiе съѣзды посвящаютъ много времени обсужденiю вопросовъ, связанныхъ съ существованiемъ и дѣятельностью архивовъ и ходатайствуютъ объ осуществленiи грандiознаго проекта, имѣющаго въ виду создать цѣлую сѣть губернскихъ и областныхъ государственныхъ архивовъ, подъ руководствомъ и надзоромъ одного кормчаго, какимъ должно явиться высшее архивное управленiе. Если даже осуществленiе этого проекта, въ указанной-ли формѣ или въ той, которая будетъ дана проекту послѣ обсужденiя его компетентными лицами и учрежденiями, возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ,—все же оно придаетъ больше энергiи и бодрости современнымъ архивистамъ, поселяетъ въ нихъ вѣру въ серьезное значенiе архивныхъ работъ, въ ихъ необходимость для облегченiя и ускоренiя всесторонняго изученiя прошлыхъ судебъ нашего отечества, такъ какъ отъ большей успѣшности и быстроты архивныхъ работъ въ прямой зависимости находится появленiе большаго числа изслѣдователей архивнаго матерiала и большаго числа историческихъ работъ, освѣщающихъ родное прошлое. Но о нашихъ свѣтлыхъ надеждахъ и проектѣ широкой въ будущемъ постановки архивнаго дѣла мы поговоримъ особо въ другой разъ, такъ какъ важность этого вопроса требуетъ и продолжительнаго времени для своего обсужденiя.

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ прибавить, что изложенное нами выше далеко не исчерпываетъ всѣхъ фактовъ изъ исторіи Кіевскаго Центральнаго Архива въ первое пятидесятилѣтіе его существованія; на настоящій очеркъ мы смотримъ лишь какъ на программу будущей подробной исторіи этого учрежденія, къ разработкѣ которой имѣемъ въ виду приступить въ непродолжительномъ времени: протекшее пятидесятилѣтіе Архива пока не вполнѣ завершилось и еще не перешло окончательно въ область исторіи.

И. Каманинъ.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.



Древній помянникъ Кіево-Михайловскаго (Златоверхаго) монастыря (XVI—XVII вв.).

Въ 1892 году Общество Нестора-лѣтописца напечатало въ VI-й книгѣ своихъ „Чтеній" древній помянникъ Кіево-Печерской лавры (XV—XVI вв.); теперь оно предлагаетъ вниманію изслѣдователей помянникъ другого почти столь же древняго Кіевскаго монастыря, какъ и Печерская Лавра,— Михайловскаго Златоверхаго монастыря. Мы будемъ такимъ образомъ имѣть помянники двухъ важнѣйшихъ святынь Кіева и тяготѣвшей къ нему православной Руси. Научное значеніе этихъ памятниковъ опредѣлено уже болѣе или менѣе обстоятельно проф.

С. Т. Голубевымъ въ его предисловіи къ Лаврскому помяннику; настоящій помянникъ служитъ какъ бы продолженіемъ перваго. Къ нимъ обоимъ прилагается въ концѣ историко-генеалогическій комментарій, составленный д. чл. Е. И. Де-Витте.

При печатаніи Михайловскаго помянника употребленъ, по типографскимъ условіямъ, гражданскій шрифтъ; надстрочныя буквы помѣщены въ строку и отмѣчены лишь скобками; сокращенія словъ, какъ вполнѣ понятныя, оставлены безъ возстановленія всѣхъ буквъ; буквы церковно-славянскаго алфавита: зѣло, кси, большой и малый юсы, укъ и омега замѣнены однозвучными буквами гражданскаго алфавита; надстрочный паёркъ замѣняется запятой, поставленной надъ буквой; для удобства читателей введена современная пунктуація.

Поминание стго Михайла Золотоверхого.

[л. 1). Сія книга сп(с)на и дшеполезна е(ст). В ней же написуются хотящіи дша(м) своимъ сп(с)нія и помощи во страшны(й) великы(й) днь грознаго и трепе(т)наго Хва соуда і сими кнігами избавитися о(т) вѣчныя моуки и причтаті(с) въ ликъ сты(х) и праве(д)ныхъ, оугодивши(х) Бгу і потроудившихся Бга ра(ди), и пострадавшихъ царствіа ради нб(с)наго и своего ради спсенія, егоже ра(ди) воспріяша венца не(т)ленныя и цр(с)твію небе(с)номоу наслѣдніци бысте, егоже, Ги Бже нашъ, млтвами Пр(с)тыя Вл(д)чица ншея Бца и стго архангела Миха(й)ла и всѣ(х) сты(х), и насъ сподоби наслѣ(д)никами быти нб(с)наго житія, видѣти и насладитися неизреченнаго и несповедима(го) Твоего двѣта и радости неи(з)глаголемыя и пища нб(с)ныя о Хе Ісѣ Гди нашемъ.

Се азъ, ра(б) Бжій Семио(н), сщенный инокъ, строителъ стого Міхайла Золотоверхого манастыря, імѣяй попеченіе о преже о(т)ше(д)шихъ сша(х)ъ о(т)цъ и братій наши(х) и хотящи(х) оуписати(с), потщахся спісати поминаніе [л. 2) на оутешеніе блговѣрнымъ хр(с)тияно(м) і на помощь дшамъ ихъ и на помилованіе во стршный днь грозного оного и трепетного дні, егоже помяще православны(и) хр(с)тіане, имѣюще во оумѣ свое(м) днь Г(с)нь великы(й), вписоваются в поминаніе сіе, дающе о(т) имѣніа своего едину ча(ст) в домъ стому Миха(и)лоу, егоже молитвами пріати на(м) прощеніе грѣхо(м), избавітися о(т) стр(с)тей моученія и получити цр(с)тво нб(с)ное и жи(з)нь вѣчноую млтвами сты(х)—ами(н).

И аще кто сій оуставъ разроуши(т) іли тайно кого хто оупіше(т), о томъ хоще(т) отвѣ(т) да(т)и Бгу. И се оуставихъ впісываті манасты(р)скоую братію всякого, иже преставится во обітели сей.

Помінае и мо(л)ба к Богоу о праславны(х) хр(с)тіане(х), о патриарсехъ и царе(х), о архіеп(с)кпе(х), и еп(с)пе(х), о кнзех, и о вои(х), і о всяко(й) дши хрестианъской.

Вѣдомо(ж) да есть, како(с) чтетъ общее поминаніе: всег(д)а на конецъ оутрені, і на коне(ц) ве(ч)рни, исхоженіе бываетъ во притворъ оусопши(х).

Начинаетьжеся в пнед по зау(т)рен даже до соуботы оутрени; на в(ч)ерни же в соубо(т)у не бываю(т), ни оу не(д)'лю по оутрені і ні оувече(р), ни на г(с)дкыя пра(з)ніки, [л. 3) ни на великыхъ стыхъ, им же всено(ч)ное бываеть, и ег(д)а постная литоргія, и о(т) цвѣтоно(с)ныя до Θомины не(д)ли не твори(т) исхоженія.

Еже творится исхоженіе, сице да бывае(т): по о(т)поусте оутрен. или в(ч)рні, иере(й) не(д)лни(к), потрахилю сущу на немъ, взымаетъ ка(ди)лницоу і покладаетъ темъанъ, и грядетъ во притворъ, і канонаръ прегрядетъ со свѣщнікомъ, гля ст(х)ру стго Михайла, егоже обитель ес(т), иже пою(т) на малей ве(ч)рні и на Ги воззвахъ; Гдѣнъ па(к) боудетъ, ст(х)ры стго Міха(и)ла, или дневныя, или пра(з)не(ч)ныя, да совокоупит вмѣсто. Глеть же ся поединому стихоу примѣняя; і поставляемоу свѣтилникоу посреди притвора. глтъ сщн(к):

Помилоу(й) на(с), Бже, по велицей милости Твоей; моли(м)тися: оуслыши и помилоуй.

Еще млимся о поко(и), тишинѣ и б(л)женныя памяти и оставленіе греховъ пр(с)нопоминаемы(х) строитей стыя обители сея и всѣ(х) преже почивших оцъ и братій нашихъ [1]) и повсюдоу православны(х) хр(с)тия(н).

Братія: Ги помилуй безпрестанно.

Сщени(к) имена чте(т) та(й)но. Начало поминаю сице. Та(ж) поминае(т) [л. 4) строителя стго мѣста сего, та(ж) поминаетъ прочии(х) же соут наряду, та(ж) прочітает листа два илі три по рядоу всѣхъ; та(ж) възгла(с):

И простіти имъ всякомоу согрешенію волномоу и неволномоу.

Братія. Ги помілуой (ж).

Яко да Гъ Бъ оучини(т) дша и(х), идеже вси стіи почиваю(т) и праве(д)нии.

---

[1]) „З(д)ѣ лежащихъ"—приписано въ концѣ страницы.

Мл(с)тъ Бжія и цр(с)тво небесное іспросивши сами собѣ и дру(г) дроугоу весъ живо(т) нашъ Хоу Бгоу предади(м).

Яко ты есі воскр(с)ніе и животъ оусопшимъ рабомъ Твоимъ, Хе Бе нашъ, и Тобѣ сл(в)оу возсылаемъ, съ безначальны(м) Оцемъ и всесты(м) и блгымъ и животворящи(м) ті дхомъ и н(и)нс и пр(с)но. Иерей о(т)поуст(і): Хс истинный Бгъ нашъ млтвами Прч(с)тыя его М(т)ре и всѣхъ сты(х) дшю рабъ свои(х), всѣх пре(ж) почившихъ оцъ и братій нашихъ здс лежащи(х) и повсюдоу православны(х) в нѣдре Авраама, Иссаака, Іакова вселитъ і насъ помилует, яко блгы(й) члколюбецъ.

И бра(т). рекоутъ: Вечная и(м) паме(т).

Боуди же о семъ вѣдомо:

Яко держи(т), по преданія бж(с)твенныя цркви, по манастырехъ цриграа(д)скы(х), и ер(с)лмкы(х), и стогорскыхъ, правило о оусопши(х) непремѣнно въ всякый пятокъ вече(р). панахіда, съ непорочнами исполнь, съ тропарі: сты(х) лікъ, обрѣте исто(ч)ни(к). [л. 5) Развѣ токмо гьскы(х) празниковъ и Стыя Пасхи; дають же ся и свѣщи братіи. На тыхъ панахида(х) по о(т)поусте ідаваю(т) и пітіе по єдіной чаши. Такоже и во всякоую соуботу, на обѣде възгла(с) бывае(т) о оусопшихъ: келаръ приноситъ пітіе пре(д) игоумена во сосоудехъ и глтъ: „За млтовъ стыхъ оцъ нашихъ." Иерей не(д)лникъ, оударив чашоу. възгла(с): „Въ блжное оуспеніе, во вѣчный покой пр(с)но поминаемы(х) блженныхъ строителей оцъ и братій нашихъ здѣ лежащихъ і повсюдоу православныхъ хрестіянъ."

Братіа: вѣчная ихъ паметъ.

Сице правило оуставъ о оусопшихъ.

Къ (?) семоу же боуди вѣдомое: Аще кто нелѣностно и со тщаніемъ поминаетъ написаниа во книзе сей, самъ помяновенъ боудетъ пре(д) Бгомъ во цр(с)твіи нб(с)но(м). В ню(ж) бо м(ѣ)роу мѣри(т), въ(з)мѣрится емоу; кто што сѣе(т), то пожнетъ.

[л. 6) *Помяни Ги дша оусопших своих*

преж(д)е почившихъ о(т) Адама до сего дни.

помяни Ги блгоч(с)тівыхъ црей и црцъ, и хр(с)толюбывых кнзей и княгинъ.

Помені Ги стѣйшихъ вселенскыхъ патріархъ, преосщенны(х) архиеп(с)-повъ, и весъ чинъ сщенніческы(й) і иноческый, і всѣхъ православныхъ хр(с)тіанъ·

Помяни Ги архимандріто(в) Печерскыхъ, всѣхъ, еже о Хе з братіею. отцъ и мтрей ихъ, вся родителя ихъ и сро(д)ники.

Помени Ги, ихже нѣст(ъ) комоу поминаті, иже в забвеніи, без(ъ) покаянія оумршихъ.

Помяни Ги раба своего блговѣрнаго кнзя ктитора обителія сея, [2]) кнзя Михайла Святополка, отца и мтръ е(го), вся ро(ди)теля его и сродникы.

Ро(д) блговѣрнаго кнзя Острозского [3]) *Косте(н)тина:* Помені Ги раба свое(го) кнзя Косте(н)тина, кнзя Ілію, кнгинѣ Анны, кня(гі)ню Татіяны, княжноу Мрію, Филипа, Катерыны, Фео(до)ра.

[л. 7) *Род блго(вѣрного) кнзя Вишневецко(го)*: Помя Ги раба своего кнзя Грігорія, кнзя Фео(до)ра, инокы Анны, Криштофора Іоа(н), Михайла, Ермолы, Грігорія, Парасковгеи, Катерины, Маріны, Исакія Давыда, Ко(н)дритія, Огапіи, Евдокѣю.

Игнатія, Евдокѣю, Ермолая, Давыда, Анны, Евдокѣю.

Ро(д) князя Про(н)ского, воеводы Киевского: Помені Ги свое(го) кнзя Фео(до)ра, кнзя Юрья, кнгні Евлампіи, кнзя Хлѣба, кнгни Оксени, кнзя Иоа(н)на, княжны Мрии, Михея, Оулъяны, Фео(до)ра, Маріи, Еуфіміи, Огрефины, Андрея, Маріи, Анны, Феодоры, Моусея, Офанасія, Костантина, Амъбросія, инока Масьяна, инока Мисаила, Гані, Семиона, младенца Ефиміи, Кипріана, Евхиміи, кнжны Овдот(ь)и, инока Семиона о(т)ца и мтре и вся родителя их (Мрии) [4]).

[л. 8) *Ро(д) кнзей Полубенскыхъ*: Кнзя Иоанна, кнзя Васілія, Григория, Ілію, Андрея, Иева, Марію, Оленоу, Отрихіма, Настасію, Ѳеимія, Конъдрата, Маноуйла, Іріны, Михаила, (Еремея, Пафнотия) [5]).

(Помяни Гди раба своего Андрея убиен(н)аго з Москвы и раба своего Фоку) [6]).

Ро(д) блговѣрнаго кнзя Дроускаго: Кнзя Филипа, о(т)ца и мтре его и вся родителя е(го).

Ро(д) Ѳео(до)ра Богоушевича с Кага(р)лыку: Ѳео(до)ра, Екатерины.

Ро(д) благовѣрнаго кнзя Маса(л)скаго: Кнзя Оа(н), отца и мтре его, и вся родителя его и сродникы.

---

[2]) Слова: *Сна Заславля* приписаны на поляхъ, а *Святополка*— надъ строкою, взамѣнъ выскобленнаго слова.

[3]) Это слово надъ строкой.

[4]) [5]) Приписано впослѣдствіи.

[6]) Приписано впослѣдствіи и другими чернилами.

(И(з) Са(м)горо(д)ка помина(н)е) [7]: Олексея, Евдокіи, Тимоѳея, Евдокіи, Никиты, Меланіи, Гавріила, Па(р)ѳена, иноку Марѳу, Лавре(н)тіа, Анастасіи.

Ро(д) пана Семена Левовичъ: Семена о(т)ца и мтре его, и ро(ди)теля его+Іоан(н)а, Ѳео(до)ра, Кірила, Мрію, Агафію, инока скимніка Васілія, о(т)ца и мтре его, и вся родителя его, иноку Евфимію. (Семена) [8].

Сщноинока игоумена Семіона, о(т)ца и мтре его, и вся родителя его.

[л. 9). Сщноінока игоумена Захаріи оца и мтре его и вся родителя его; скимніка инока Павла. (Свѣщеносца Александра) [9].

Сщенноиерея Андрея.

Сщноиерея Онофрія, Евдокѣи, Михайла. (Іесифъ, монаху Михаила, Ірины) [10].

Сщнноиинокъ Макарія, инока Зиновія, Михайла, Радиона, Евдокѣю, Степанидоу, Мрію, Гавріла, Анісѵю, Прокопія, инокоу Ма(р)ю, Оулѣяноу, Парасковею, Анны, сщнноінока Захаріи, Іо(н)а, Парфенія, Олену, Павла, Сѵмиона, Ио(н)а Мрію, Иоанна, Антонія, Пелагію, Тимоѳея, Настасію, инока Мисаила, инока Герасима, инокоу Настасію.

Ро(д) Елови(ч): Михаила.

Ро(д) пана Полікарпа: Скимніка Даніiлія, Матрену, Мрию, Василія, скимніка Логгѵна; помяни Ги оцъ и мтре и(х) и вся родителя и(х); инока Семіона, Логгѵна, Оуліаноу, Гавріла, Марію.

[л. 10) *Ро(д) Григорія Плюскова*: Григорія, Іоанна, кнгню Фетинію, кнзя Іоанна, Ѳео(до)ра, инокоу Анноу. Андрея, Марію, Настасію, Михайла, Григория, Со(ф)ю, Павла, кнзя Ѳео(до)ра, инокоу Оксинію, кня(ж)ноу Марія, кня(ж)ноу Оулияноу, кнзя Артемия, кнзя Володимеря, Оксінію, Іоанна, Ѳео(до)ра, ерея Кипріяна.

Ро(д) Чюсиное: Маріи, Пелагию, Олексѣя, Февронію и Евдокѣю, Иоанна, Гавріла, Іоанна, Феодору.

Ро(д) пна Оставія Дашкови(ч): Ивана, Анну, Амбросія.

(О(т) Ве(л)за: Помяни Гди Василіа, Пара(с)ковію, Гавріи(ла), Ма(р)тинія, Пелагію, Ма(р)ѳу, Стефа(на), Ла(в)ре(н)тіа, Тимофея, Прокопіа, Ма(т)феа,

---

[7], [8], [9], [10]. Позднѣйшая приписка на поляхъ и въ текстѣ на пробѣлѣ.

Іоа(н), сще(н)ноиерея Григоріа, Во(в)дотію, Елену, і монаха Ми(т)рофана, крилошани(н) с(т) Мих. [11]).

Ро(д) кнзя Грігорія Го(л)ша(н)ска(го): **Пна Даніла, Наста(с)ю княгіню, Настасію, Володімеровоу, скимʼніка Еөремія, скимніка Харла(м)пія, скимніка Ва(р)соноөія, скимніка Варсоноөія, Фео(до)ра, нъдрея, Риго(р)я, Ригорня, Риго(р)я, Демеян, Овдотію, Домну, Мрію.**

[л. 11) *Ро(д) Замэре(н)ковъ*: **Скимʼніка Ларіона, Андрея, Ходора, Аки(н)фа.**

Ро(д) Белев'скы(х): **Кнзя Ма(т)өея, сщнорея Никитія, иерея Клементія, Матрены, Зіновіи, Стеөаніды, Катрены, ерея Тимоөея, ерея Грігорія, Евгеніи, Татіяны, Екатерины, Есифа, Зеновію, Марію, Ігнатія, Феклы, Фео(до)ра, Іоанна, Мотроуны, Ио(н)а, Леонътія, Леонтія, Пелагію, Оулъяну, инока ски(м)ни(к) Пероирія, Іоанна, Вакулы, Евдокѣе.**

Ро(д) кнзя Ивана Го(л)шанско(го): **Кнзя Іоанна.**

Ро(д) сщноинока игоумена стго Миха(и)ла Злото. Купріана: **сщнноинока скимніка Купріяна, Маріи, инокі скимніці Меланіи, Селівестра, инокі скимницы Огрефіны, Евдокея.**

А се поминаніе ієродіякона Леонътия: [12]) **Андрея, Дарию, Андрея, Анну, Мойсея, м(л): Стефана, м(л): Киры(л)ла, м(л): Парасковію, м(л): Леонтія, м(л): Михаила, м(л): Пелагіи, м(л): Пелагію, м(л): Стефана, (мл): Өео(до)ра, м(л): Матрону.**

[л. 12) *Ро(д) Кмітиное*: **Сщнноінока Иосифа, Іоанʼна, Петра, Лазаря, Варвары, Кліментія, Михаила, Григорыя, Матфея, Михаила, Василисы, Іакова, скимніци Татіяны, инокі Евдокѣе, Оулъяны, Козмы, Со(ө)и.**

Ро(д) Семена Ивановича Тоугановского: **Семена.**

Ро(д) кнзя Юрья Слоуцкого: **Кнзя Георгія.**

Остафія. Евдокѣю, Мрію, Матреноу, Марію, Михія, Меланію, свщнноинока Микитоу, свщнноинока Нифо(н)та, Еремея, Оуліяноу, Помяни Ги оца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Ро(д) панее Андрѣевое Борисовіча Лозчины: **Анну, Ирины, Стефана, преосщнног(о) архіеп(с)па Иосифа и сщн(н)аго еписпа скимніка Маисія, сщннаго еп(с)па Арсенія, ерея Си(до)ра, (Анастасію)** [13]).

---

[11]) Позднѣйшая приписка.

[12]) Приписка на поляхъ: Року 1656, а(в)густа 10.

[13]) Позднѣйшая приписка.

[л. 13) *Родъ сщнно инока Филарета игоумена.* Сщнноерея Грігорія, сщнноерея Афанасія, Карпа, Оульяны, Мартіна, Варвары, Исөросиньи, Романа, Лоукъяна, Стефа, Ивана, Феө(до)ра, Еремѣя, Зиновіа, Тимоөея, Вѣры, Евдокѣю, Ивана, Маріи, Терентія, Вѣры, Олены, сщнноерея Ивана, сщнноинока Филарета, Володимеря, сщнноинока Іоны, сщнноерея Авдѣя, сщнноинока Филімона, Ивана, Настасіи, Павла, Лоу(к)яна, Оустиньи, сщнноскимніка Герасіма, сщнного ерея инока Тарасія, сщнного ерея Романа, Семүона, Гликирѣю, Харлампія, Феодора, Ілія.

Ро(д) князя Иоанна Ви(ш)невецъкого: Кнзя Іонна, княгинѣ Настасіи, Олиөера, Семиона, інока Антонія, сщнноинока скимника архима(н)дрита Петра, Захарія, кнзя Михайла, инока кнзя Грігорія, Иева, Конаша, Марью, Гавріила, Климентія, Огрөены [14]).

Родъ діакона Степа(н)ского гдна оца: Помяни Ги дшу раба своего сщенного іерея Өеодота, Пелагіи, Гурія, Ярофея, Савина, Гео(р)гія, Іоанна, Евхимія, Анны, Феодора, Іоанна, Даиилія, Никиты, Потапія, Анны, Евхиміи, Ирины, Настасіи, Тимо(ө)еа, Евдокіи, Козмы, Агафіи, Михайла, Іоанна, Марка, Варвары, Анны, Алексея, Радіона, Екатерины, Овдотіи, Парасковеи, Анны, Никифора, А(н)дрея, Анны, младе(н)ца Іоан(н)а, м(л). Павла, Василія, Авраамія, Стефана, Маріи, Матөея, Іоанна.

(Сие поминание [15]) раба Божія іермонаха Сергия Трилевича, намѣсника мона(с). с(т). Архи(ст): Михаила Золо(т), иже преставися року Б(ж). 1663(?): Помяни Г(с)ди раба своего іеромон. Сергия, Гордѣя, Соломониду, іерея Иякова, Андрея, Агафію, інок. Алемпияду, Марию, інок. Парасковию.

Николая, ((Стеткевич оубиты(й), Николая, Анны мла(д). [16]).

Ро(д) Василія сщенніка Пеща(н)скаго и жены его Өеклы: Помяни Ги дшу усъпшаго раба своего сщенноіерея Василія, Андрея, Арсенія, Өому, Луку, Іоа, Өеклу, Параскевію, Татіану, Ма(ри)ю, Ва(р)ва, Ма(ри)ю, Уліану.

А се поминаніе раба Бжія Алексея: Але(к)сея, Анастасіи, Семио(на), Іоа(н)на, Татіану, Огафію, Филимона м(р), м(р). Іона, Григорія, Іоа(н)н, ерея Васілія, ереа Іо(в)а, Огафію, Помяни Ги мно(го)-грѣшнаго Киріла, Татіану, Кулину, А(н)дрея, Фео(до)ра, Татіяну, Ілия, Іо(н)а, Анну, Анаст.

[14]) Противъ перечня лицъ этого рода на поляхъ сдѣлано двѣ приписки: первая курсивнымъ почеркомъ противъ перваго имени „Іоаннъ отецъ", а вторая (противъ имени князя Михаила"): „Старостичъ черкасски"(?).

[15]), [16]) Позднѣйшая приписка другими чернилами.

[л. 15) *Ро(д) кнзя Володиме(р)скаго*: **Князя Өео(до)ра, Татианоу, Семеня, скимніка Іакова, Оулитоу, Олексея, Саөонія, Іякова, Огапьи, Матрены, Тимоөея, Отрохѣма, Ирины, Евдокея, Никиті, Ивана, Евдокея, Нестера, Ло(г)віна, Лазаря, Михаила, Пелагіи, инока Конона, инока Протісія, сщнноинока Васяна, оца и матере и родите его, сщнноинока Тимоөея, Васіаня, Мартіяна, скимніцоу Татіяноу, Мріи; помяни Гн о(т)ца и мтре его и вся родителя его. (Марію схимонаху).** [17] **Лаврентія, Опраксінею, пню Настасю, Василисоу, Евдокѣю, Еөимію, Офапасія, Илію, Одарѣю, Евдокѣю, Артемія, Харитона, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х). Андрея, ерея Козму, инока Тита, Панкратія, Никыты, Стеөана, Ивана, Семена, Изотика, Екатерины иноки, Коу(з)му, Харла(м)пія, Өеодороу, Өетимѣю, Григорія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ, иноку Анноу, о(т)ца и мтре ея, Зеновію. Марію, Конона.**

[л. 16) *Ро(д) Өеодосии княгини* [18] *Сен(к)гоушковны*: **Инока Софронія, инока скимника Игнатія, Ивана, Алексѣя, Оустинъю, Якова, Мархвоу, Григорія.**

Ро(д) пни Богоушевое Боговитино(в): **Фео(до)ра, Васілия, Михаила, Өеодосіи, Огафъю.**

Өомоу, Феодороу, Григорія, Наталъю, о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)теля и(х), Огаөіи, Григорія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Романа, Огаөью, Грігорія, Өео(до)ры, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя и(х), инока Иева, Харитона, Иакова, Фео(до)ра, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ, (родител Харитона, Огафія) [19].

Родъ з Ланчина о(т) Коломыи: **Скимницоу Ермолиноую, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея, (Семеона, Пелагію,** [20] **[л. 17) Матөея, Игнатія, Екатеріны, Оксинъи, Ивана, Михаила, Фео(до)ра, Екатеріны, Гавріла.**

Ро(д) з села Боденъ(к)ови(ч): **Фео(до)ра, Евксенътія, Евдокѣю, Грігорія, Григорія, Матрены. (артина, Огафія, Да).** [21].

Родъ з Остря: **Грігорія, Лариона, Якова, Тимоөея, Андреа, Ермолая, Андрея, Ориноу, Ермолая, Парасковгеи.**

Родъ Олексѣевъ и(з) Соуди(л)кова: **Олексѣя, Вѣры, скимніка Феодота, Окоулиноу.**

---

[17]) Позднѣйшая приписка въ текстѣ.

[18]) Позднѣйшая надпись надъ строкой.

[19]), [20]), [21]), Позднѣйшая приписка другими чернилами.

Евдокѣю, Прокопія, Семена, Малоѳея, Марѳоу, Анноу, Павла.

Ро(д) с Черка(с): Матѳея, Марію, Настасію, Параскоѳгеи, Евдокѣю.

Ро(д) з Речици: Ѳиліпа, Фео(до)ры, Маріи, Ивана, Марію, Фео(до)ра, Логвина, Ивана, Коуніцы.

Ро(д) Ивано(в) з Воропаевъщіны: Ивана, Евдокѣю, Оусти(н)и.

С Черкасъ Микити(н) ро(д): Никити, Стеѳана.

З Остря ро(д) Михаило(в): Михайла, Дмітра, Прокопа, Климентія, Оулъяноу, Коуленоу, [л. 18) Марію, Орины.

Ро(д) Заморенковое: Киріла. Евдокѣю, Соѳью, Икова.

Помени Ги Марітона, Потапа, Оксинъи, Оулъяноу, Сергея, Фео(до)ра, Соломониндоу.

Ро(д) з Остря Василія Ходорови(ч): Василія, Иякова.

З Миколского манастыря: Козмы, инока скимніка Якимія, Огафона, Пелагіи, Іоана, Герасима.

Ро(д) с Киева Гавріло(в). Гавріла, Еввы, Екатеріны, Давыда, Гавріла, Окси(н)и, Оульяны, Евдокѣю, Оксиньи, Вѣру, Василія и инока Зосима, Анноу, Іоанна, Демида.

Помяни Ги Мартіна, Кондрата, Васілія, Параскоѳгею.

Сщни(к) стго Ніколы Прітіско(го): Сщенноерея Романа, Карпа, Пахомія.

Помені Ги Якова, Тимоѳея, Анноу, Стеѳана, Анноу, Гликиръю, Марію, Пелагію, Грігорія, Пелагію, Пантелімона, Марію, Селивестра, Евхімію, Анноу, Евѳимію, Григорія, Ѳомоу, Огрефиноу, младе(н)ца [л. 19) Григорія, Евдокѣю.

Ро(д) Ходикинъ: Захарии, Кондрата, Евгу, Фео(до)ра, Наталю, младенца Якова, Матеріноу, Та(т)яноу, Іоанна, Оліферія, Тимофеа, Пархомія, Іоанна, инока Кондратія, інока Олексѣя, інока Есифа, Василия, Данілія, Евѳимію, Игнатіа, Пелагію, Харитона, Огафона, Петра, Евѳимію, Ілию, Михаила, Михайла, Агаѳю, Пелагію, сщнноерея Василія, инока Арсенія, Романа.

Помені Ги раба своего Ермолоу, Никитоу, Варфоломеа, Фео(до)ра, Афанасія, Анноу, Гавріла, младенца Тарасія, Андрея, Никитоу, Дмітрія, Наталъю, Помнікею, Марію.

Помени Ги козака Семена, Евъстаѳія, Яна.

Помені Ги Стеѳана, Захарію, Грігорія, Олексея, Васілісоу.

Помені Ги Петра, Лавра, Ѳео(до)ру, инока скимника Никития, Анны, Фрола, сщнноінока скимніка Иоакима, Кирилла.

Ро(д) з Остря: Инока Демъяна, Еремія, Фео(до)ра.

Ро(д) Есифи(в) с Киева, сотникъ: Иосифа, Захарію, Ла(в)рена, [*л.* **20**) свщнноинока скимника Павла, Семіона, Өеанасія, Огафъю, Одаръю, Орнноу, Фео(до)ра, Агафъю, Евдокѣю, Оулъяны, Агаөію, Өомоу, скимніка Гарасія, Агаөіи, инока скимника Ивана.

Помені Ги иноку скимніцу Евероси(н)ю, Игнатія.

Помені Ги рабы своя Екатеріны, Павла, Пѣшка.

Помені Ги раба своего Васілія.

Ро(д) з Остря: Георгія, Анноу.

Ро(д) Горбачевой: Анноу, Максіма, Огаөію.

Ро(д) кнзя Богоуша Коре(ц)кого, воеводы Волынъского, старосты Лоуцкого, Брясла(в)ского і Вѣніцъкого: Нареченаго въ стомъ крещеніи Евхимія, (Ермолоу, Ма(р)тына, Іоана. Матрону, Панкратію, Параскеви, Василі(с)у, Сте(ф)ана). [22]).

(*Ина*) [23]) *Выштрава Мартинови(ч)*: Помени Ги раба своего Иоанна, Ір(и)ну [24]).

Ро(д) з Остря Сергія Судакови(ч): Сергія, Лоуке(р)и, (Лукін). [25]).

Ро(д) пана Кузьмы Кипшатого, мещаніна места господарского Кіевъского: Кузмоу, Ивана, Натяльо. Евдокѣю, Фео(до)ры, [*л.* **21**) Матрены.

Помени Ги дшоу рабъ своихъ Есифа, Иева, Васілія, о(т)ца и мтре и вся родители ихъ.

Іоанна, Марію, Евдокѣю, Григорія, Оуласія, Татъяноу, Марію, Игнатія, Оулъяны, Леонтія, Өеанасія, Лоукерю.

Ро(д) Диковицкого: Тимоөея, Киріла, Анны, Іоанна, Катерины, Анны, Михаила, Бо(г)дана, Оулъяны.

Ро(д) изъ села Гвоз(д)ова: Петра, Одаръи, Конона, Захаріи, Ефроси(н)и, Настасьи.

Ро(д) Стеөановъ Карабич.: Стеөана, Маріи, Іакова, Макара, Василія, Ивана, младенцы Коулены, Сѵміона, Игнатіа.

Ро(д) Васю(т)жинъ Черевчъевіча, мещаніна Киевъского: Домнікіи, Остафія, Григоріа, Прокопія, Левонтіа, Евдокѣю, Лео(н)тія, Герасима, Зеновіи, Огрефпноу, Ивана, Огафіи, Василія.

---

[22]), [23]), [24]), [25]). Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами.

Помені Ги раба своего Матөея, Гавріла, Гоурина, Евдокѣю.

Ро(д) Костюкови(ч): **Матъөея, Өео(до)ры, Даніла, Мрін, Евдокеи, Еөроси(н)ю, Ивана, Васілісоу, Васілія, Грігорія, Коуліноу, Огаөью, [л. 22) Стеөанидоу, Ога(ө)ю, Михея, Лаврентія, Пелагію, Васілія, Марину, инока Ивону, Настасью, Анноу, инока скимніка Конона, Оліөерія, Юрья, инока Олиөерія, Евхима, Ирину, Леонтія, Коулину, Деміда, Моусея, Исакия, Неөеда, Марію, Артема, Ивана, Стеөана, Просимъи, Іякова, Деніса, Парасковгею, Олены, Марка, Павла, Фео(до)ра, Өомноу, Григорія, Якова, Тимоөея, Парасковгею, Демида, Тімоөея, Ілію, Варвару, Якова, Екатеріноу, Пелагію, Параско(в)гею, Лоукерью, Ивана, Тита, Евгенью, Якова, Демида, Лва, Василія, Фео(до)ра, Мікоулу, Григорія, Вѣры, Анъдрея, Лоукѣръю, Мартіна.**

Ро(д) Васко(в) Горячіна зятя: **Василія, Василія, Марію, Петра, Андрея, Сергея, Пелагію, Сидора, Ориноу, Евөросимъю, Агаөію, Спіри(до)на, Катъяноу, Евөимію, Марію, Өео(до)сія, Стефана, Марію, Тимофея, Оулиты, Данілія. Исайя, Дмитрія, Татъяну, Оріны, Мірона, Меланъи.**

Ро(д) Коулажи(ч): **Помені Ги Олихвера, Ивана, Анны, Химы, инока сщнно [л. 23) Васьяна, Остаөія, Плакидоу, Якова, Никиты, Огафью, Оксинъю, Іріны, Марію, Өео(до)ра, Татъяны, Мотрены, Андрея.**

Помени Ги Петра, Парасковгею, Ивана, Оксинъю, Карпа, Матреноу.

Ро(д) Федоро(в) з Обоухова Полоуго(д)ченковъ: **Стеөана, Проси(м)и, Евхимии, Олексея, Оріны, Василія, Фео(до)ра, Настасю, Якима, Игнатія.**

Ро(д) из Загалецъ: **Помени Ги Иосіфа, Зеновія, Андрея, Артемія, Зеновія, Леонтія, Никіты, Агаөіи, Стефана, Марію, Кондрата, Артема, Настасію, Июду, Оксиньи, Зеновію.**

Ро(д) Чоугакин Войтенковъ с Черкасъ: **Якова, Конона, Никитія, Грігорія, Михайла, Огрефины, Одаръи, Анъдрея, Просимъю, Фео(до)ра, Ивана, Кондратія, Лоукъана, Акіліны, Агаөьи, Филипа, Өеодота, Івана, Пелагіи, Оксинъи.**

Ро(д) с села з Обоухова: **Максіма, Мартіна, Пелагію, сщнно ерея, інока Семіона, инока Зосима, Ивана, Ивана, Грігорія, Фео(до)ра.**

Андреевскій Өеодоръ. [26]).

[л 24) *Ро(д) Бабея, войта с Че(р)жасъ.* **Михаила, Ивана, Семіона, Просимъи, Семіона, Антипа, Дмитрія, Ивана, Матрены, Катерины, Трифона, Фео(до)роу, Исаия** [27]).

[26]) Приписано позже другимъ почеркомъ и чернилами.

[27]) Далѣе два имени зачеркнуты.

Ро(д) Стефановъ Тіш'ковичъ: Ермолы, Василія, Татіяны, Филипія, Стеѳана, Соломоніды, Евдокѣю, Максима, Мартіна, Данілія, Ивана, Нестера, Марѳы, Маріи, Маріи, Маріи, Оксинъи, Анны, Романа, Семиона, Грігорія, Оусти(н)ю, Павла, Христины.

Ро(д) попа Демі(до)вского: Священноерея Карпа, Татьяны, Параскoвгеи, Татъаны, инока Протасія, Анны, Михайла.

Помені Ги инока Перѳірія, Анноу, Артемія, Іякова, Савоу, Екатерины, Иріны, Івана, (Максіма, Исакія). [28]).

Помені Ги Алексея, Ивана, Зеновии, Оксинъи, Соломоииды, Данілія.

Ро(д) [29]) *крилошанинъ Печеръскый*. Сщнно инока скимніка, Савы, сщнноерея.

Протопопа Доубенскый: Сщнно ерея Григория, Антонія, Зеновіи, (Наталію). [30]).

Ро(д) Присовъ: Максима, (Васи, [л. 25) Василі), [31]), Агаѳіи, Евхимія, Инікитіа, Парасковгеи, Артемиа, Наталю.

Ро(д) инока Давыда, ста(р)ца Михайловского: Ивана, Антонія, Наталью, Настасію, Евхима, инока Данілія, (Матѳея, Мотрену).

Козаки запоро(з)кіе: Нестера, Прокофія, Део(м)іда, Іякова, Евдокею.

Дяка Ѳомоу, Ларнона, Игнатія, Фео(до)та, младе(н)цы Марѳы, Зеновія Зеновиа, Козмы, Аѳанасія, Аѳонасія, Мартина, Алексея, Еѳроси(н)и, Феодора, Маръи, (Сергия, Катеріну, Миха(л), Огафи) [32]).

Ро(д) Грицко(в) Калениковіча. Помені Ги рабъ свои(х) Григорія, Исайя, Нанастасію, Захарія, Якова, Стеѳаніды, Агреѳины, Карпа, Маръи, Романа, Анны, Ивана.

Ро(д) с Ко(р)сыні: Захарію, Матрены, Окси(н)ю, Артемія, инокы Анастасіи, Евстафіа. (Конона, Тарасіа, Анны).

Помені Ги раба своего Якова, Семиона, Артеміа, Тимофея, Іонна.

Ро(д) Евдокеи Жолобовой, меща(н)ки Киевъское: (Дометіа [33]) Дементія, Домны, Олександра, Илію.

[л. 26) *Родъ Ѳео(до)ра Артемовича*: Михайла, Фео(до)ра, Ага(ѳ)ю, Евдокѣю, Григорія, Окси(н)и, Омелъяна, Ѳео(до)ра, Софъю, Лоукер'ю, Василъя, Гарасіма, Илии, Остафіа, Фео(до)ра, Ѳеодора, Ерьмолы,

---

[28]), [29]), [30]), [31]), [32]), [33]). Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами.

Павла, Зеновію, Матрены, инока скимніка Феодора, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Инока скимніка Тимоѳея, Сидора, скимніка Савы, Никифора, інока Александра, скимніка Алексея, скимні Павла, инока Афанасія, Игнатія, инока Филарета, Маноу(й)ла, Ирины, Ивана, Василія, Анъдрея, инока Іону, Игнатія, Мрію, инока скимніка Малахвея. Помяни Ги оцъ и мтре ихъ, и вся родителя и(х), и сро(д)ніки ихъ, и ро(д).

Инока скимніка Касіана, инока скимніка Іоанна. (Омелияна, Екатери(ну), Якова, М(р)ю, Михал, Патия, Гаври, Гафію, Тимофея, Феодуру, Христину) [34].

Ро(д) Ѳео(до)ровъ: инока Ѳеодора, (Михала, Анну, Існфа) [35].

[**л. 27**) *Ро(д) князя Адинцевича:* кнзя Стефана, кнзя Ивана, кнгнк Ѳете(н)ю, кнзя Семіона, Іоа(н)на, Григорія, Ириноу, Та(тъ)аноу, (Климе(н)тія, Стефана, Лазаря, Данила, Артема, Фео(до)ра, Наума). [36].

Михайла, Мрью, Тотія, Прокоѳия, Агаѳью, иноки Ирины, Ѳомы, Ермолы, Анъдрея, Никіты, Прокоѳія, Криштофора, сщнноерея, Іоанна, Ирину, Ага(ѳ)ю, (Оудотію, Елену, Меланію, Іоан(н)а, Ев'ву, Огафію, Оулиану, Саву). [37].

Ро(д) Феодора Голоубѣе(в)ского: Феодора, Оулъяноу, (Арія.). [38].

Григорія, Дмитрея, Иоанна, Иакова, Ѳомоу, Анъдрея, Наталъю, Параскоѵгею, Екатеріны, Василісы, Мокриноу, Грігорія, Бориса, Стефана, Ага(ѳ)ю, Иоанна, Лоукъяна, Меланъю.

Помені Ги о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ и родъ; Харитона, Фео(до)ра, Гавріила, Та(т)яны, Вася(л)я, Іоа(н)на.

Помені Ги Елисея, дяка маста(р)ского.

[**л. 28**) *Ро(д) Ивановъ Панъкратова:* Іоа(н)на, Пелагіи, Ѳеклоу, Ірины, Андрея, Никиты, Татъяны. Тимоѳея, Ивана, Иакова, Матрены. (Григоріия, Едокіи). [39].

Ро(д) Даниловъ: Василія, Василия, Грігория, Василія, Пелагіи. Сщнно инока скимніка Іоанна, инока Василія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ, и родъ.

---

[34]) [35]), [36]), [37]), [38]), [39]). Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами.

Дороѳея, Мрію, Стефана, Параскѵгеи, Анастасіи, Козмы, Маріи, Анны, Мотроуны; помени Ги о(т)цъ и мтре и(х) и вся родителя ихъ.

Стеѳана, Ивана, Агафію, Григорія, инока Мисаила, и о(т)ца, и, мтре ихъ, и вся родителя ихъ.

Семіона, Варвары, Иоа(н)на, Агаѳьи, Иоанна, инока скимника Исакія, инока скимника Ивана, инока скимника Феодора, инока скимніка Васілія, инока Филарета; помени Ги о(т)цъ и мтре и(х) и вся роди(те).

[л. 29) Сщнно инока Семіона, Логвина, Настасью, (Мр.)

Ро(д) Степана Гомейскаго: Стефана, Мрію, сщено ерея Евстратія, Фео(до)ра, оца и мтре его и вся родителя его.

Помені Ги Даніла, о(т)ца и матеръ и вся родителя его.

(с Ко(р)суня іерея Гавріила). [40]).

Ро(д) Васілія Дахновича Ярмолинъ: Феодора, Алексѣя, Семиона, Ѳео(до)ра, Евъфроси(н)и, Василия, Марію, ерея Никиту.

(Помяни Ги Ероѳея, М(р)ію, М(р) Лаврентіа, Абросія, Ѳео(до)сіа [41])

Ро(д) (пна) [42]) *Ивана Рожнѣтувскаго*: Сщнно ерея Иакова, Савы, Татіяны, Дмитрея, Ѳилимона, Олены, Конъдрата, Оксинъи, Конъдрата. (А се од нокнни ареы Ли(н)ча(н)ки она(с)ты(ра) Ми(х): Золо(т)ер(х:): ареы; помени Ги ца ея Лексея) [43]).

Ро(д) пана Василія Деш'ков'ского: Марію, Васілія, Варвары, Настасіи, Оусти(н)ю, Михаила, Ивана, Оксинью.

[л. 30) *Ро(д) Яцъковъ*: Леонтия, Матрены, Лариона, Ѳео(до)ра.

Ро(д) пана Коцовъ: Ивана, Ѳеодора, Ѳео(до)сіи, сщнно ерея Максима, Огреѳіны, Ирины, Христины, Анны, Грігорія, Настасии, Оулъяны, Ѳео(до)ры, Лоукы, Деонісія, Ирины, Агаѳьи, Михаила, Евсевія, Матрены, Терентія, Евксенътія, Евсевія, Оксиньи, Иоанна, Екатерыны, Іакова, Ѳедю, инока Деонисія, инока Лаврентія; помяни Ги о(т)ца и мтре и(х) и вся родителя ихъ и сродникы.

Инока скимніка Феоѳела, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя и(х).

Анъдрея, Акилины, Даніла, Акилину, Савоу, инока Савоу, сщнно диякона Андрея, Татъяны, Анъдрея, Агаѳью, Ѳомы, Григорія, Ефіміи, Петра; помяни Ги отца и мтре ихъ, и вся родителя ихъ; Оулиту.

---

[40]), [41]), [42]). Позднѣйшая приписка.

[43]). Позднѣйшая приписка на поляхъ; недостающія начальныя буквы предполагалось, вѣроятно, дописать позже киноварью.

[**л. 31**) *Ро(д) Яковов Кошко(ль)дѣевъ*: Василісоу, Іакова, Анъдрея, (Стефана, Татьноу, Фотия) [44]).

(*Ро(д) Я(ц)ко(вов) і(с) Сокале ме(л)ников)*: [45]) (Матѳеа, Анну, Якова, Агафію, М(р)ю, Хри(с)ти(на), Миха(й)ло, Яцко, Іоа(н), Феодо(р), А(н)дре(й), Василіа, Е(в)фимію, Петра, Агафію, Василія, Лю(б)ве [46]).

Ро(д) пна Лавриновъ Яцъ(ко)въско(г)о: Катерины, Клементія, Ѳирса, Савостияна, Наоума, Оксинъи, Матрены, Козмы, Офанасія, (Сщенно еромонаха Герасіма). [47]).

Рд(д) Ивана Проневича: Оулъяноу, скимницоу, Зиновію, скимницу, Огаѳью, Евсевия. (Сщенноинока Ипатия [48]). Евксентія, Козмы, Вавріла, Огаѳію.

(*А се род Романа Комашевича из И(л)вова* [49]) (Ко(н)дра(т), Пелагія, Кири(л), Соломонія, Феодо(р), Марію, Романа, Зѣновію, Марію, Іоанна, Феодора, Анну, Наоума [50]).

Ро(д) Василія Панковича: Василія, Ѳеодосія, младенца Даниліяˌ Матрены.

(Григорія, Софъю, Марію, Іоанна, Василія, Паро(с)ковею, Николая [51]).

Ро(д) Пивови(ч): Съфронія, Захарія, Леонтія, Марка, Евдокѣе, Стефана, Марію, Карпа, Татъяноу, Наталъю, Софъю, Огафъю, Васілія, Никитоу, Матеріны, [**л. 32**). Макарія, Каленіка, Сафона, Марью, скимніка Игнатія.

Ро(д) пна Ивана Афанасовича Рожкы: Афонасіча, Огафью, Илію, Еснфа, Марію, Ивана, Огафію, Никифора.

(*Ро(д) Фе(д)ка Ма(ц)ковича з Ро(ж)важова* [52]): Фео(до)ра, Юліану, Олексеа). [53]).

Инока Макарія, инока Антонія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ. Инока Іакова, Климентія, Агаѳію, сщнно скимніка Никифора, инока Каленика о(т)ца и мтре ихъ и родъ. Мрию, скимніцу Оулиту.

[44]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.

[45]) Приписка на поляхъ.

[46]), [47]), [48]), Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами въ текстѣ.

[49]) Приписка на поляхъ.

[50]), [51]), [52]), [53]), Позднѣйшая приписка въ текстѣ и на поляхъ.

Ро(д) Евхимовъ Власовича: **Евхима, Хотимъю, Акилиноу, Анну, Авакоума, Евхима, Лукоу, Та(т)яноу, Григорія, Ната(л)ю, Өомоу, Васілия, Акілиноу, Саөонія, Оксинью, кнзя Өео(до)ра, еп(с)па Өеодосія, Есифа, сщенно иноко Касьяна.**

Ро(д) Тарасовъ: **Ходара, Павла, Тарасия, Іакова, Мрію, Гавріла, Миха(и)ла, сщенно ерея Данілія, [л. 33) Өеодора, Остафія, Ермолы, Илію.**

Ро(д) кнзя Сенк'гоушковъ Кове(л): **Кнзя Грігорія, Іоанна, Агаөью. (А(н)дрей, Пелагия, Михало мл. [54]).**

Ро(д) пана Семеновъ Конашъковича, войта Кие(в)ского: **Младенца Иоанна.**

Ро(д) Ігнатіа Хлусовича, войта м(н)см(т? [55]): **Феодора, Акилиноу, Игнатіа, Өеодору, Макаріа, Просімію.**

Иоанна, Мартина, Петра, Ага(ө)ю, Акоулиноу, Неоніла еръмонаха, Анны, Евдокѣю, Евдокѣю, Дмітрія, Катерины, Олексея, Іакова, Грігория, (Ерея Семиона, М(р)ію, ерея Васи(л)я, ерея Лавре(н)тія, М(р)ю, Лео(н)тія, Анастасію, младе(н). Елену [56]).

Ро(д) Лоу(з)чинъ: **Маноуйла, Грігорія, скимника діякона Өеоөана, Ларіона, Мела(н)и, Корнілия, Васілия, Гарасіма, (Іоанна, Карпа, Оуліяну, Іоа(н)на, Ірину, інока Селивестра [57]).**

Ро(д) кнзя Маса(л)ского Друйскаго: **Кнзя Ивана, Кvрила, кнзя Өиліпа, Онікия, Матроуны, Лоукиръю, [л. 34) Ирины. (Еромонаха Іесиөа, М(р)ію, інокиню Деонисію, М(р)ію, Ма(т)өея, Кузму, Саву, Елену, Еөимию [58]).**

Ро(д) пана Ивана Слоу(ж)чи(н), старосты Любецъкого: **Пана Ивана, Михайла, Анны, Степана, Ивана младенца. (Фео(д)ору, ерея Фео(д)ора, Еөрема, Мела(н)ю [59]).**

Ро(д) Онковича: **Ло(г)вина, Евдокѣи, Анъдрея, Іріну.**

Род пна То(л)качовъ: **Давыда, Іакова, Өео(до)сію.**

Сло(у)же(б)никъ Де(ш)ковск(го) **Офанасія.**

Ро(д) Оношка Лисковска(го). **Онуөрія, Анноу, Грігорія, Наталію, Настасію, Еөімію, Оульяноу, Еремея, Аввакума, Есиөа, Романа, Семена.**

---

[54]) Позднѣйшія приписки въ текстѣ.

[55]) Приписка на поляхъ.

[56]), [57]), [58]), [59]), Позднѣйшая приписка другимъ почеркомъ и чернилами въ текстѣ.

Ро(д) Хоничовъ: Лазора, инока скимника Максім(а), инока ски(м)-ника Анъдреяна, Андрея, инокоу Мареу, скимника Алекса(н)дра, скимника Андрея, инока Пав'ла, о(т)ца и мтре и(х) и вся родителя ихъ.

Инока Давыдія, ски(м)ніка Потапія, ски(м)ника [**л. 35**) Евгенія.

Ро(д) Верев'кинъ: Павла, Настасію, Екатеріны, Михайла, Степанидоу, скимніка Ларіона, Гавріила, о(т)цъ и мтре ихъ, и вся родителя ихъ. Малоеея.

Помяни Ги раба Бжия Іоа(н)на, (Михаила, Иоа(н)на [60]).

Ро(д) сна Ко(н)дратова з Ро(г)тичъ: Івана, инока Аврамія, Савостіяна, чернорызъці Екатерины.

(Помяни Ги дшу раба Бжия Лукиян(н)а, М(р). Па(в)ла, Николая, Якова, Иоа(н)на [61]).

Ро(д) Малковое Дирініча: иноки скимніци Евдокѣю.

Помени Ги раба своего, на пути бе(з) покаяніа оумершаго о(т) глада или ино(е) болезны; Ты вѣси имя емоу, члколюбче Ги. Оксентія, Павла, Каленіка, Лаврентія, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х); інока Фео(до)сію, инока Купріяна, инока Іоноу. інока Евстратія, инока Іоноу, инока Авдѣя, Фирса, Акилиноу, Есифа, Агаеью, Стефана. Помени Ги о(т)пъ и мтре и(х) и вся родителя ихъ. Өомоу.

Ро(д) пана Звѣря Л'вовича: Пана Семиона.

[**л. 36**) *Ро(д) пана Скоуминовъ:* Гоурія; помени Ги Хо(в)ронь(и), Никифора, Есифа, Маръеу.

Ро(д) (пана) Ивана Хреб'товича: Ивана, Степаниды, Іакова, Өотимии.

Ро(д) кнзя Моса(л)ского: кнзя Өилипа.

(См. выше л. 33 на оборотѣ. [62]) Писано рукою преосвящен. Иринея). [63]).

Петра, Евсевия, Мрю, Настасію, Петра, Стеөана, Гликирьи, Самъсона, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ; Отроеима.

Ро(д) попадѣ Слоу(ц)кой Юръе(в)ское: Ва(р)вары, Мріи, сщенно інока скимника Павла, Юрья, Парасковгеи, Өомны.

Ро(д) Кгръяно(в) с Петровецъ: Кгръяна, Мотрены, Адарьи, Пелагіи, Васілія.

---

[60]), [61]) Позднѣйшая приписка курсивнымъ почеркомъ.

[62]) Эти слова написаны курсивнымъ почеркомъ.

[63]) Современная приписка, а запись рода князя Филиппа Масальскаго зачеркнута въ оригиналѣ.

Ро(д) з Боде(н)кови(ч) сщнноінока Конона: Денісия, Пелагии.

[л. 37). *Ро(д) з Остря:* Семиона, Парасковгеи.

(Помяни Гди раба своего Киприяна [64]).

Ро(д) Левинови(ч): Помени Ги Игнатія..

Ро(д) Остаѳія з Лутавы: Остаѳія, Мріи.

Ро(д) Малаш'кови(ч): Мартина, Моvсея, Стеѳана, Вѣры, Пара-с)ковгеи, Пигасии, Ѳео(до)ра, Есифи, Стефана.

Ро(д) Степано(в) з Рогти(ч). Стеѳана, Анны.

Ро(д) Денісовны: Олены.

Ро(д) з Бобруйска: Аввакоума, Мріи.

Ро(д) Маликови(ч): Ѳео(до)сіи, Евсевія, Мрію, Ивана, Ермолы, Ага(п)и, Парасковгеи, Иоанна.

Ро(д) Семена Свислоченіна: Семена. Ѳомны, Епіѳаніи.

[л. 38). *Ро(д з Остря:* Аѳанасія, Остаѳія, Оульяноу.

(*А се ро(д) с Тоснова, Гукочо(в)* [65]): (Назарія, Настасію, Семеона, Феодора, Евгнея, іерея Прокопія, Іринію [66]).

Ро(д) з Рогачева Антоно(в): Антонія, Ефимии, Ага(ѳ)и, Мамелѳы.

(*А се ро(д) с Тычове(ц) Макаров:* Макарія, Парасковею, Грігорія, Іріна, Прокопія, Оксімии [67]).

Ро(д) Ивановичъ з Остря: Анътоныя.

Ро(д) Иванови(ч): Юрья, инокы Наталію.

Пола(т)никъ стого Михайла: Инока Иосифа.

Ро(д) с Петрови(ч): Евдокѣю, Ириноу.

З Бѣлои Цркви: Конона, Оксинью.

Никольский: Инока Іоны, инока Иева.

Инока скимника Конона, Касьяна, сщнно ерея Карпа, инокы скимницы Парасковгеи.

Инока скимника Петра, Еѳиміи, Мрію, сщнно инока скимніка Иоанна, Тарасія, Ко(н)драша, [л. 39). Настасію, Коз'мы, Евдокѣю.

Р(д) Даниловъ Смоляги(н) зя(т): Даніла, Никитоу, Пелагію, Матрены, Артема, Нікиті, Іакова, Агаѳьи, Матрены.

Ро(д) игумена Степа(н)ского Кра(ч?)кови(ч): Сщнно инока Игнатія, Никиѳора, Мойсея, Іона, Ивана, Прохора.

Ро(д) Шаоулинъ: Инока Іоны.

[64]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.
[65]) Приписка на поляхъ.
[66]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.
[67]) Позднѣйшая приписка и на поляхъ и въ срединѣ текста на пробѣлѣ.

Слоужебнык кнгні Костети(н?): Зиновія, Денисия, младе(н)ца Петра, Тат'а(а)ны.

Ро(д) Шул'жи(н): Якова, Климента, Матрены, Івана, Евдокѣе Иермолу, Мрію.

Ро(д) Стрел'цо(в): Степана.

З Остря: Алеѳеря, Лавре(н)тія, Даніліяя: (Григория, Марию, Трохима, Терентія [68]).

Ро(д) Анъдрѣевъ з Бѣлой Це(р)кві: Ѳео(до)ра, Мрію, Анъдрея.

[л. 40.) *Ро(д) Шаоулинъ*: Данілія, Гавріла, Меланію.

Лео(н)тія, Настасью. Николскый. инока ски(м)н(і)ка Ивана.

Ро(д) з Остря: Иоан'на, Варвары, Оксиньи, Пелагію, Андрея Агаѳью.

Ро(д) Миха(й)ла Колисовіча. Алексея, Михайла.

Ро(д) с Черка(с): Алексея, Настасію, Іріны, Василія, Катеріны, Олексея, Катерины.

Ро(д) Каленіковича: Васілія, Лавру, ерея Семиона.

Ро(д) Еневіча: Оустинью.

Ро(д) Ивана Александровича: Георігія.

Ро(д) Стрибыля: Ефросінію, Власія, Дементіана, Сісоя. (Иоана, Кирила [69]).

Ро(д) Ивано(в): Иева, Ермолы.

Ро(д) Коптевой: Евдокею, скимніка Иоанна, Ѳомоу, [л. 41) Варъвары.

Ро(д) Боурого: Ан'ноу.

Ро(д) Ивана Кормановича. Ивана, Пелагію, о(т)ца и мтре, и вся ро(ди)теля ихъ.

Ро(д) з Остря Пролізіна: Евдокѣю, Анну, Якова.

Родъ з Вѣніцы: Бориса.

Род з Якоуши(ц). Екатеріноу, Якова, Лоукъяна.

Родъ Ѳилоновое: Ѳиліпа, Настас(ю), сщнно ерея Василия, Власа, Ѳео(до)ру, Прокоѳия, Василисоу.

Ро(д) Грігорія Овдѣевое: Алексѣя.

Ро(д) Богдана Хороще(н)ка: Ивана, Гаврила.

---

[68]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.

[69]) Позднѣйшая приписка красными чернилами.

Ро(д) з Остря Ониско(в): Өео(до)ра, Сидора, инока Анъдрѣяна, Артемия, Ага(ө)ю, Ирину, Антонія, Гликирью, Өеодора о(т)ца и мтре ихъ, и вся родителя ихъ.

Ро(д) Павловъ Конашковича: [л. 42). Конъдрата, Анноу, Ма(р)-тіна, Павла, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)теля его.

Инока скимника Германа, Емелъяна, Өеплы, Іоанна, (Геды(н) Мо(х). [70]).

Ро(д) Бог(д)ановое Каташовое: Феодосію, инока Герасіма, Василія, Меланьи. Ермолоу, Васілисоу, Оульану, Настасю, Ивана, Оксінью, Никитоу, Демида, Өеклоу, Семиона, Настасью, Анъдреа.

Ро(д) Касяно(в): Ерея Евдокіма, ерея Вас(і)лія, сщнноинока Касьяна, Оксиньи, Пелагіи, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Ро(д) Тишко(в); Помені Гн Тита, о(т)ца и мтре его и вся родителя его; Григорія, Мари(н), Пронко, инока Протасіа, о(т)ца и мтре и и вся родителі его; Панама(р) инока Евстратія, о(т)ца и мтре и вся родителя его. Инока скимніка Ко(н)дратія, о(т)ца и мтре и вся родителя его.

Ро(д) Обаковъ: Евдокеи, Павла, о(тца) и мтре и вся ро(ди)теля его, Елисея, Настасіи, Өео(до)ра, Ан'ны.

[л. 43) *Род Мини(н) Маликови(ч)*: Миноу, Анны, Мрію.

Ро(д) Жмачинъ: Дме(н)тія, Захарія, Якима, Ага(ө)ю, (Фили(п)па, Марію, Семиона [71]).

Ро(д) пна Семена Мелеш'ковичъ, войта Кіевъского: (Ктитора ншего, котори(й) нада(л) село Ю(р)ьевку на Миха(й)ловск(и)й монастыр [72]). (Впи(с) ро(к) ма(р)та... Чере(в)че... [73]). Пна Семиона (и дщере его Василисы, Кирилла, Маріи. Малахіа, Агаөію, Іустину, о(т)ца и матере его, и ве(с) ро(д) его [74]).

Ро(д) Малыненкови(ч): Семена, Евсевія, о(т)ца и мтре и вся родителі его.

Ро(д) пна Семена Кмитича. Фео(до)ру, пна Семена, Өомы.

Ро(д) Лазара з Илвовского по(вѣ): Лазаря, Яремея, Кулину, Пара(с)ковею, Феодора, Настасия и всѣхъ прежде усбшихъ). [75]).

---

[70]), [71]), [72]) Позднѣйшая приписка на пробѣлѣ въ текстѣ.

[73]) Приписка на поляхъ, до половины обрѣзанныхъ при переплетѣ.

[74]) Позднѣйшая приписка курсивнымъ почеркомъ.

[75]) Позднѣйшая вставка, занявшая поля справа.

Ро(д) Бог(д)ана Маликовича: Лоукъяна, Өео(до)ра, Ивана, о(т)ца и мтре и вся родителя его.

Өомы, Дмитрія, Анны.

Ро(д) Слабкови(ч) с Чорнобы(л): Огаөіи, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)тели его.

Анны, Оленоу, о(т)ца и мтре и вся родители его.

[**л. 44**). *Ро(д) Швабо(в), Кожоуш'ковъско(г)*: Өео(до)ра, Наста(с)ю, Сергея, Хотимъю, Матрены, Өео(до)ра, Васілія, Өевро(н)и, Фео(до)ра, Васілисы.

Ро(д) Сидоровъ: Февронъю, Пелагию.

(Пара(с)ковея [76]).

Ро(д) Олисѣя Товстоле(с)кого: Онисима, Фео(до)ру, Никіөора, Михея, Гоурія, Олисея, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)теля ихъ.

Ро(д) Павла Черкашеніно(в): Инока скимніка Игнатія, о(т)ца и мтре и вся родителя его; Евдокѣю, Григорія, о(т)ца и мтре и вся родители его; Аөанасия, Иева, Мирона, Иоанна, о(т)ца и мтре и вся родители его; Остаөія, Мрью, Анноу, инока Малафѣя, о(т)ца и мтре его и вся родителя е(г)о.

Ро(д) Лоусти(ч): Христиноу.

Ро(д) Ехремовое: Семена, Екатериноу, Охрѣма.

Ро(д) Щоуровъ. Артема, о(т)ца и матере его, и вся родителя его. [**л. 45**). Агаөіи.

Ро(д) Калистовъ, иноко(в): Семена, Матро(у)ноу, Зѵновіа, о(т)цъ и мтре и вся ро(ди)тели его.

Ро(д) инока Грігорія Пыжов: Стеөана, Мокея, Иоакіма, Троөима, Ивана, Ага(ө)ю, Оносью, Оленоу, Савоу, Оулъяноу, Ларіона, Фео(до)ра, Михайла, Ивана, скимніка Григорія, Оулъяну, Ивана, Ермолая, Деоміда, иноку Химоу, Грігорія, Лукьана, Өилімона, Стеөанідоу, Васілія, Ивана, Татьяноу, Онісіма, Якова, Мареу, Васілису, Остаөія, Пелагию, Ивана, Григорія, Мрію, Мрьи, Фео(до)ра, Панкратія.

Ро(д) кнзя Юръя Маса(л)скаго и кнгні Анны: кнзя Іоа(н)на, кнзя Өиліпа, Васілия. (Михаила, Анну [77]).

Родъ Иванов Петухо(в): Леон'тія, Оксенътия, Матьөея, о(т)цъ и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

(*Ро(д) пна Семена Мелешковича, войта киев'ско(г)*: Пна Семена, Малаөея, Ага(ө)ю, Оусти(н)ю, о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)телі ихъ [78]).

[76]) [77]) Позднѣйшая приписка.

[78]) Взятое въ скобки зачеркнуто и внизу приписано: „Родъ его записанъ на 33 стран. См. выше. Послушникъ Иванъ Спасскій. 1861 г. Авг. 1 дн., въ 9 ч. веч."

[**л. 46**) *Ро(д) Савицъкой*: помені Ги раба своего Савина, о(т)ца и мтре и вся родітели его; Катеріну, Марка, Анноу, о(т)цъ и матере и(х) и вся родителя ихъ.

Помені Ги рабоу свою Пара(с)ко(в)гею, о(т)ца и мтре ея, и вся родителя ея.

Ро(д) Демідовъ: помені Ги сщ(н)ноерея Семиона, о(т)цъ и мтре ихъ и вся ро(ди)телі его.

Якова, Василисоу, (о)тца и мтре его и вся ро(ди)телі его.

Помени Ги Матреноу, Ивана, Кондрата, о(т)ца и мтре ихъ и вся родітели ихъ.

Ро(д) Іони(н) Невістного: инока скимніка Ивана, о(т)ца и мтре его и вся родителі его. Инока Ефрема, инока Матѳея, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя и(х). Василису, Ефимію, Дмитра, о(т)ца и мтре и(х) и вся родителя ихъ; Кондрата.

Ро(д) з Боуска: поме Ги раба своего Грігорія, Григорія, Мрію, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя и(х).

Ро(д) з Демідова: Анну, о(т)ца и мтре и(х) и вся родітеля и(х).

Помені Ги дшу рабъ своихъ Ивана, Ходосью, Антонія, о(т)цъ и мтре ихъ и вся ро(ди)теля и(х). [**л. 47**). Фео(до)ра, Фео(до)ра, Ма(т)ѳѣя, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х).

Помені Ги Онісима, о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)теля ихъ.

Помені Ги инока ски(м)ніка Макарія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Помені Ги Фео(до)ра, о(т)ца и мтре и вся родителі его.

Ро(д) з Остря: Макара, Ѳео(до)ру, о(т)ца и мтре и вся родітеля его.

З Остря: помені Ги Грефіну, о(т)ца и мтре ея.

Ро(д) Ананьинъ зо (М)стислав'ля: помені Ги раба Бжія Михія, о(т)ца и мтре и вся родітелі его.

Ро(д) Кондрашевой: помені Ги рабоу Бжію Окси(н)ю, о(т)ца и мтре еа и вся родителі его.

Ро(д) Богдановъ: помені Ги раба Бжія Самоила, о(т)ца и мтре его. Скимніци Саламіи.

Помени Ги рабоу Бжію Иріну, о(т)ца и мтръ, и вся родителя еа.

Помени Ги раба Бжія Меле(н)тия, о(т)ца и мтре и вся родители его.

Помяні Ги Варвароу, инока Иова, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)тели ихъ.

Помені Ги раба Бжія (**л. 48**)Васіліа, о(т)цъ и мтре іхъ и вся ро(ди)тели ихъ.

Помені Ги рабоу Бжію Оулітоу, о(т)ца и вся ро(ди)тели ея.

Помені Ги раба Бжія Мефедія, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителі его.

Помені Ги раба Бжі Тимоѳея, о(т)ца и мтре и вся родители его.

З Могилева Оустиновичъ: Остаѳія, Есифа, Евдокѣю, Агаѳю, Пархомія.

Помени Ги Леонътія, о(т)ца и мтре и вся родителі его.

Ро(д) Зоубаро(в): помені Ги Евдокѣю, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)телі ея.

Ро(д) Ивана Голопы(хи): помені Ги раба Бжія Максима, Ло(у)ки(ри), Дмитрия, Мріи, Сергея, Ивана.

Ро(д) Щеръка(с): помені Ги Матѳея, о(т)ца и мтръ его и вся родителя его.

Помени Ги рабоу свою Олену, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея.

Помени Ги раба своего Кон(д)рата, ініка ским'ніка Игнатія.

Ро(д) Каленіковъ з Велікого Лоу(ц)ка: Кон'дратія, Олену, Та(тя)ну и чадъ ихъ.

Помені Ги раба Бжіа Миха(й)ла, [**л. 49**) о(т)ца и мтре ихъ и вся ро(ди)телі его.

Помени Ги ра Божію Евпросімъю, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея.

Ро(д) Поузатого с Черъкас: Помені Ги Ефимія, отца и матере и вся родителя его. (Митрофана Ба(й)буза [79]).

Ро(д) пни Суетіное: Ан'дрея, Стеѳана, Симіона, Сидора, Мрію, о(т)ца и мтре и вся родителя ихъ.

Помені Ги ра Божію Матруну, о(т)ца и мтре ея, и вся родітеля ея. Помені Ги сщнно ерея Грігорія, о(т)ца и мтре и вся родители его. Помені Ги Ивана, Ириноу, о(т)ца и(х) и мтре ихъ и вся родителя ихъ. Помени Ги раба Бжія Игнатія, о(т)ца и мтръ его и вся родителя его. Помені Ги рабоу Бжію Ефимію, о(т)ца и мтре ея и вся родителя ея, Та(тя)ны, Олены, Вакоулы, о(т)ца и мтре и вся родителя и(х). Помені Ги раба своего Сидора Лавре(н)тия, Михайла, Агафона, Олены, Параскоѳгеи, Васілія, инока скимніка Гервасія, Оксентія, Марию, инока [**л. 50**) Вас'яна, Ѳео(до)ра, Пелагію, инока Вавоулы, Иоан'на, Васілиа, Ирины, о(т)ца и мтре ихъ и вся родителя ихъ.

Ро(д) Савчи(н) з Бѣлое Церк'ве: помені Ги Оксентія, сщнно ерея Лариона, Михайла.

---

[79]) Приписка на поляхъ; первое имя написано полууставомъ, а второе—курсивомъ.

Ро(д) иноки Анны Юрьевой (княгини) Масальской Ивано(в)ны Соколи(н)ской: помені Ги инока скимніка Семеона, Олену, Ивана, Ириноу, инока Іон'ноу, инокоу скимніцоу Өео(до)ру, Филипа, Ивана, инокоу Анноу и вси родители ихъ. Помені Ги инока скимніка Семиона, инока скимніка Васілія, инокоу скимніцу Опраксию, Софию, Мотро(у)но(у), Мрію, Олену, Марію, Адарію, Василия, Павла и вси родителі ихъ. Помені Ги Прохора, А(м)бросія, Саламіи, Анны, Евдокѣю, Марію, Семена, Меле(н)тия, Меланіи, Якова, Зиновіи, инокы Настасіи, Еоутѣхія. Поміні Ги Коузмоу, о(т)ца и мтре и вся родителя ихъ. Помені Ги Семиона, Грігорія, Марьи, Максима, Василія, скимніка Ивана, ски(м)ніка Конъдратія, Ирыны, Агнатія, Грігорія, Ага(ө)и, [л. 51) Еромолая, Еремея, ски(м)ніка Долъматія, Огрепины, инока скимніка Мартіна, Евъстаөія.

Ро(д) инока игоумена Захаріи Михайловского Золотоверхо(г): Помені Ги сщенно инока Захаріи, Ивана, Анны, Ероөея, Агафьи, Параско(в)геи, ерея Пахомия, Стефана, Фео(до)ра ерея, Меланіи, Еоуөъміи, Оксінъи, Савы, Меркела, Фео(до)ра, Анны, Ивана, Марьи, ереа Ивана, ерея Емелъяна, ерея Емелъяна, ерея Анъдрея, ерея Ивана, Евдокѣю, иноки Евдокѣю, Якова, Нестера, Дмітріа, Анны, скимніка Ивана, ерея Остафия, Фео(до)ра, Григория, Макарія, сщинноинока скимніка Тимофея, Нестера, Григорія, Ивана, Моусея, Павла, Окула, Якима, Евдакѣю, Евдокѣю, Маріи, Степаніду, Ната(л)и, Платона, Мартіна, Настасии, Конона, Конона, Петра, Настасьи, Степаніду, Василія, сщнно ерея Серъгѣя, инока Анъдрея, Григорія, Өомны, Филіпа, Фетинъи, скимніци Соломіи, Парасковгеи, Ма(р)өу, Венедикъта, Фео(до)ра, Миха(и)ла, Матрены, скимніка Никиты, [л. 52) о(т)ца и мтре ихъ и вся родітеля ихъ. (Андреа) [80]). Антонія, Өеодоры, Грігорія, Окси(н)и, Якова, Ивана, Парасковгеи, Анны, Оулъяноу, Огрефыны, Та(т)яны, Иліи, Данилія, сщнно ерея Лазаря, Остаөія.

Ро(д) Высо(ц)кого Аксенътія, сщнка Борисоглѣбьского: Якимъя, о(т)ца и мтре его и вся родителя его. Анноу, Настасію, инока скимніка Конона, іно(к) Өео(до)сія, Костен'тіна, інока скимніка Антонія, інока Тихона, Домнікии, Иосіөа, Никола(а), Грігорія, Марью, Ан'ноу, Конъдратія, Софронія, Катерины.

Ро(д) Романовъ: Марію, Анны, Марію, Матрены, Карпа, Евөіміи, Акоуліны, Фетинъи, Михайла, Катерыны, Ивана, Наталъи, Ко(з)мы, Тимоөея,

[80]) Позднѣйшая приписка блѣднымъ черниломъ.

Стеѳаніды, Мотроуны, Катерины, Якова, Матрены, Оленоу, Еѵѳімію, Зиновіи, Моѵсея, Нестера, Фео(до)ра, Христины.

Ро(д) мещаніна киевско(г)о Шавули(н): Хо(т)яна, Марью, Косте(н)тіна, Евдокѣе, сщно ерея Лазаря, Сѵміона, Евдокѣю, [**л. 53**) инока Иосифа, Михайла (гро(м) оуби(в) [81]).

Ро(д) инока Симиона Федорови(ч): инока Симиона, Фео(до)ра, Епифаніи, Остафія, Якова, Олексія, Анну, Лоук'яна, Петра, Домны, Еѵѳхиміи, Алексанъдра, Та(т)яны, инока скимніка Ионы, Василія, Ан'ны, о(т)ца и мтре и вся ро(ди)тели ихъ.

Ро(д) пна Якови(ц)кого з места Кіева: Агафъю, Ѳомоу, Юрья, Евдокѣю, Фео(до)ра, Деонісия, Вѣры, инока скимніка Фео(до)ра, Агаѳъи, Агаѳьи, Оксиньи, Грігорія, Соломоныды, Стеѳана, Еѳимъи. Помені Ги Ивана, о(т)ца и мтре его и вся родитея его.

Помені Ги Евдокѣю, Матрены, Катрены, М(а)рьи, Якова, Лоѵрилія, Ивана, Бориса, Агаѳіи, Анъдрея, Соломониды, Евхимии, Зеновіи, Иоанна, ерея Ононъя, Маріи, Ефроси(м)и, ерея Ев'тіхия, Григорія, Ефросіміи, Еремѣя, Соломониды, Ивана, Олексѣа, Семиона, Со(ѳ)и, Настасіи, Ермолы, Параскoвгеи, асіліа, Фео(до)ра, вана, мелъана, Ев'химіи, оуки(р)и, иха(й)ла, Андрея, Та(т)яны, Оксини, Евдокѣю, Соѳронія, [**л. 54**) Фео(до)ра, Семиона, Сидора, Зиновіи, Ирины, Деміана, Оріны, Васілія, Настасію, Аѳанісія, Евфимію, Каленіка, Оксіньи, Онофрія, Оста(ѳ)я, Евдокѣю, Маріи, Павла, Иоан'на, Параскoвгеи. Петра, Соломонідоу, Евдокѣю, Грігорія, Прокоѳия, Мартина, Емелъяна, Васілія, Стеѳана, Омелѳу, Марѳо(у), Игнатіа, Ефросимію, Соѳью, Косте(н)тіна, Оксі(н)ю, Григорія, Якова, Оулитоу, Григорія, Химу, Васілия, Одар'ю, Полінарью, Евдокѣю, Терентія. Ев(д)окѣю, Васілисоѵ, Марью, Васілія, Козмоу, Семіона, Матреноу, Ога(ѳ)ю, Оріноу, Васілия, Марію, Лавре(н)тія, Ермолоу, Прокоѳія, Марью, Ивана, Параскoвгею. Ма(т)ѳея, Коули(н)ы, Даніла.

Ро(д) пна Хо(ц)ковъ Балікы, мещаніна кіевъско(г'о) Ѳомы, Мотроуны, Настасіи, Пелагіи, Стефана, Ивана, Епіфаніи, Есифа, Деоміда, Со(м)нікии, Зеновіи, Параско(в)геи, Фео(до)ра, ихъ мл(с)ти ро(ди)телі.

Михайла, Костен'тина, Анны, Агрефыны, Василия, Мр, Евдокѣю, Домнікіи, Пелагіи, Карпа, Матеріны, Коз'мы, Стефана, Оксен'тіи, [82]) Евгу, [**л. 55**) Екінфі, Оустініи, Мотрены, Ѳетімъи, Ефросиньи, младе(н)ца Георгіа, Еки(н)ѳоу, Еѳроси(м)ю, Семиона, Ивана, Анноу, Еремѣя, Васілія, Агаѳъю, Ѳео(до)сію,

[81]) Приписка на поляхъ.
[82]) Позднѣйшая приписка въ текстѣ на пробѣлѣ.

Васілія, Никіты, Соломоніды, Мотрены, Иякова, Соломоніды, Антонія, Настасію, Игнатія, Марью, Миха(й)ла, Евхімью, Феo(до)ру, Агаѳью, Мела(н)ю, Меланью, Пантелѣмона, Василисоу, Мат'ѳея, Соломоніdоу, Никіфора, Мойсея, Василия, Марью, Боріса, Иоан'на, Анну, Феклоу, Самоила, Коз'моу, Иоан'на, Семіона, Никитія, Гавріла, Анноу, Оксинъи, Игнатія, Паѳнотія, Варвары, Якова, Ивана, Кондратія, Ната(л)и, Хилимона, Артемія, Василія, Олены, Марьи, Савостиана, Якова, Офанасія, Ивана, Марію, Пелагіу, Онісіу, Ѳео(до)ру, Христиноу, Лоукаша.

Ро(д) Дмитра Ивановича: Дмитра, Зеновіи, Васіліа, Евхиміи, Ната(л)и, Евхиміи, Андрея, Ивана, Софъи, Кондрата, Огѣя, Матеріны, Никиты, Ан'ны, Марьи, младенца Лоукы, Ѳомы, Евдокѣю, Агаѳьи, Анны, Остафія, Зеновіи, [**л. 56)** Парасковгеи, Еѳросинъи, Анны, Оулъяны, Максами, Пелагии, Зеновіи, Меланьи. Помені Ги раба своего Максима, Михайла, Олены. Помени Ги дшу раба своего Семиона, Овдѣя, Марьи, Іова. Стеѳана, Василія, Ага(ѳ)и, Деомида, Максіма, Карпа, Ивана, Мелентія, Евдокѣю, Анны, Евдокѣю, Агаѳіи, Ѳео(до)роу, Савы, Еснѳа, Еѳроси(н)и, Ев'ги, Остаѳіа, Леонтіа, Матрены, Феодры, Оусти(н)и, Евдокѣю.

Ро(д) Свиридо(в) Нагор'ского: Спиридонія, Тат(я)ны, Грігорія, Корнілія, Марьи, Анны, Лоукъяна, Матѳея, Ма(т)ѳея, Ивана, Ирины, Ир'ину, Екатеріноу, Семіна, Ан'ноу, Андрѣя, Гарасима, Митроѳана, Давыда, Евѳрема, Ан'ны.

Ро(д) Екатерины Макеівны: Павла, Ѳевроньи, Стеѳана, Фео(до)ра, Еснѳа, Матрены, Меланъи, Екатерины, Васілія, Лоукъяна.

Ро(д) Левко(в) Федоровича Соудакови(ч): Фео(до)ра, Татьяноу, Якова, Оксинъю, Юрья, Марію, Ивана, Наталъю, Елексѣя, Евгенъю, Евѳимію, Пелагію, [**л. 57)** Евдокѣю, Деміда, Окси(н)и, Олексея, Елисея, Агаѳъю, Иоан'на, Макарія, Коуленоу, Грігорія, Ан'ноу, Матреноу, Лаврентія. Ермолоу, Макаріа, Каленіка, Тимоѳея, Моусея, Іоноу, Настасію, Параско(в)геи, Демида, Марью, Демеда, Евѳима, Лоукъяна, Макаріа, Сергія, Лоукиръю, Ириноу, Маръю, Кирила, Труфона, Фео(до)ру, Ѳевронъю, Федосъю, Демида, Исакія, Акоуліноу, Агаѳью, Стеѳана, Анноу, Андрея, Игнатіа, Малоѳея, Дементіа, Пелагію, Пелагію, Матрепоу, Васілия, Огреѳыны, Захаріи, Евдокѣю, Еѳроси(н)ю.

Ро(д) Фвео(до)ра Ходыки Кобызевича: Фео(до)ра, Силы, Фео(до)ра, Свеѳана, Ивана.

(Трохима, Меланію, Мрію [83]).

[83]) Позднѣйшая приписка.

Ро(д) Тито(в), Шило(в): помені Гн дша рабъ своихъ Тита, Марію, Михайла, Евѳимии, Меланъю, Анно(у), Феодосъю, Натал'ъи, Ермолая. (Стефана, Агрипину [84]). Скимніка Якова, скимніка Гавріла, скимніка Ѥзмаила, інока Мартіна, инока Васьяна, сщнно инока Давыда, скимніка Мисаила, скимніка Фео(до)ра, инока Павла, скимніка Никити. *) (Грігорія, Матѳея, Иоа(н)на [85]).

[л. 58) *Ро(д) кнзя Юрья Дубровицкого:* Поме(ни) Гн Кнзя Грігорія, кнгню Ульяну, кнзя Боріса, кнгню Парасковгею, кнзя Сімеона, кнгню Марью.

Ро(д) Степано(в) Кузмичовъ, от Николы Десяти(н)но(го): Кузму, Агниша, Еѵфимію, Евдокію, Максима, Стефана, Исидора.

Ро(д) мещаніна кіевско(го) Семена Шулги: Сімеона, Максіма, Соломоніду, Марью, Парасковгею, Іоа(н)на, Елену, Матѳея, Іріну, Парасковгею, ерея Ѳеодора, Максима, Матрону, Фео(до)ра, Димитрія, Наталію, Сисоя, іно(к)ню Аѳанасію, інокиню, Евѳимію, Оустиві(ю).

Ро(д) Душе(н)чин: Грігорія, Ѳеоѳіла(к)та, Ксенію, Хрістіну, Ѳому. (Помяни Гн рабо(в) свои(х) Пантелеймона, Аѳанасія [86]).

Род Міхайла Васютича, земяніна кіе(в)ско(г): Миха(й)ла, Стеѳана, А(н)тонія, Ксенію, Ксенію, Евдокею. (Парасковею, Екатерину, Евфиміи [87]).

Родъ Сергіевъ, послоушника монастыръского: Помяни Гди раба своего Алексея, Артемія, Сімеона, Наоума, Іоанна, Алексія, Ко(н)ста(н)тина, Богдана, Карпа, Татіяну, Ирину.

Ро(д) Ходычи(н): Захарью, Ко(н)дратія, Е(в)гу, Ѳеодора, Наталью, младе(н)ца Іякова, Екатеріну, Та(т)яну, Іоа(н)на, Еле(в)ѳерія, Тімоѳея, Пар'хома, Іоанна, інока Ко(н)дратія, інока Олексея, інока Есіѳа, Васілія, Данілія, Еѳімію, Ігнатія, Пелагею, Харітона, Агафона, Петра, Евфімію, Міха(и)ла, Міха(й)ла, Агаѳію, Пелагею, сщ(н)но ерея Васілія, інока Арсенія, Романа.

Ро(д) Семионо(в) Денисиевичо(в) москаля: помяни Гди раба своего Семиона.

[л. 59). *Ро(д) Васю(т)чи(н) Чере(в)чъевича:* До(м)нікею, Е(в)стафія, Грігорія, Прокопія, Левона, Герасіма, Евдокею, Левонтія, Ксеновію, Огрефіну, Мосея, Анну, М(р)а, Пелагіи, Орины, Максима, Пелагіи, Павла, Иякова, Марию.

---

[84]), [85]), [86]), [87]). Позднѣйшая приписка.

*) На этомъ мѣстѣ оканчивается полууставъ южно-русскаго характера въ помянникѣ. Со слѣдующаго листа записи ведены иными почерками, часто мѣняющимися.

Ро(д) еромонаха Серафиона старца Михайловьского: **Евстафия, Настаси, Григория, А(н)дрея, м(л). Марию, м(л). Яцка, Го(р)дѣя, Ивашка м(л).** [88]).

(Ро(д) монаха Васияна келара Пече(р)скаго [89]).

Род Ко(з)мы Ки(п)шатого: **Наталью, Козму.**

Родъ Супруна Өедоровича, мещанина кіевского: **Өеодора, Өеодосіи, Тимоөея, Өеодосіи, Евтихія, Нестора, Анастасіи, Іоа(н)на, Іоустина, Пелагіи, Даріи, Ко(н)драта, Сумеона, Іосифа. Исаіи, Анастасіи, Иосифа.**

Упис зошлы(х) ду(ш), во(й)ска Запоро(з)ски(х) козако(в): **Само(й)ла, Прокопія, Якова, А(н)дрея, Прокопія, Өеодора, Лео(н)тія, Мартіна, Герасіма, Агаөію, Семіона, Матрену, Семіона, Өіліпа. (Ирины, младенца Іоанна, іеромонаха Никифора, Ксеніи** [90]).

Ро(д) Левошковъ з Горошковъ: **помяни Ги раба своего Леонтія, Василія, Вассы, Ефросиніи, мл(д) Маріи, Анны, Ирины, Евдокеи, Евдокеи, Феодосіи, Іосифа.**

Ро(д) Жоуко(в) Федоров з Горошковъ: **Помени Гди раба своего Өеодора, Іякова, Василія, Никона, Ждана, Елены, (Тимофея, Иоа(н)на** [91]).

[л. 60). *Упи(с) ду(ш) зошлы(х) люди(й) народ(у) посполіто(г):* **Анну, Пелагею, Евдокею, Саву, А(н)дросія, Ксенію, Василія, Агафію, Ульяну, Васілія, Матрену, Феодора, Ефросимію, Іріну, Меле(н)тія, Нікіфора, Агаөіи, Філіппа, Азарія, Татьяны, Діонісія, Мрью, Парасковгею, Агафію, Стефана, Грігорія, Агафію, Іоа(н)на, Агафію, Евдокею, А(н)дрея, Андрея, Петра, Мар'ка, Павла, Фрола, Фрола, Кіріла, Ігнатія, Евдокею, Ан'ну, Зеновия, Меланію, Гав'ріила, Сімеона, Кар'па, Іоан'на, Агафона, Мартіна, Афанасія, Анастасію, Ев'докію, Ігнатія, Екатеріны, Ксенію, Іоан'на, Миха(й)ла, Өеодора, Екатеріны, Гавріила, Өеодора, Авксентія, Евдокею, Грігорія, Грігорія, Матрену, Грігорія, Ларіона, Якова, Тимофея, Андрея, Ер'молу, Андрея, Іріну, Ер'молу, Парасковгею, Алексея, Вѣру, інока скимніка Феодоріта, Акіліны, Евдокею, Прокопія, Семена, Малофея, Мар'өу, Ан'ну, Пав'ла, Матфея, Мрьи, Настасію, Парасковгею, Ев'докею, Філіп'па, Өеодоры, Марью, Марью, Іоа(н)на, Өеодора, Логіна, Іоан'(н)а, Акіліну, Іоанна, Овдо(т)и, Іустініи, Нікіту, Стефана, Міха(й)ла, Дмітрія, Прокопія,**

---

[88]), [89]), [90]), [91]). Позднѣйшая приписка.

Кліме(н)тія, Іуліяну, Акіліну, Мрью, Ксенію, Кіріла, Евдокею, Соѳію, Якова, Харітіну, Потапія, Іуліяну, Сергея, Ѳеодора, Соломоніду, Васілія, Якова, Ко(з)му, інока скимніка Якімія, Агафона, Пелагею, сщенноінока скімніка Павла, Сімеона, Аѳанасія, Агаѳію, Дарью, Ірину, Ѳеодора, Агаѳію, Евдокею, Уліяну. Агаѳію, Ѳому, скімніка Тарасія, Агаѳію, инока скімніка Іоа(н)на, іноку скімніцу Евпраксію, Ігнатія, Екатеріну, Павла, Васілія, Георгія, Анну, Максіма, [л. 61] Агаѳію, Іоа(н)на, Герасіма, Гавріила, Ев'ву, Екатеріну, Двда, Гавріила, Ксенію, Іуліяну. Евдокею, Ксенію, Вѣру, Васілія, інока Зосіма. Ан'ну, Іоанна, Деоміда, Мартіна, Ко(н)дратія, Васілія, Параскевгею, сще(н)ноієрея Романа, Кар'па, Пахомія, Якова, Тімоѳея, Ан'ну, Стеѳана, Ан'ну, Глікерію, Мрью, Пелагею, Васілісу, Грігорія, Пелагею, Па(н)теле(й)мона, Мрью, Селівестра, Ев'ѳімію, Анну, Ев'ѳімію, Грігорія, Ѳому, Огреѳіну, младе(н)ца Грігорія, Ев'докею, Ермолая, Нікіту, Вар'фоломея, Ѳеодора, Аѳанасія, Анну, Гавріила, младе(н)ца Тарасія, Андрея, Нікіту, Дмітрія, Наталью, До(м)нікею, Маріну, Евстаѳія, Іоа(н)на, Захарію, Алексея, Васілісу, Петра, Лавре(н)тія, Ѳеодору, інока скімніка Нікіты, Ан'ны, Фрола, сщ(н)ноінока скім'ніка Іоакіма, інока Де(м)яна, Еремѣя, Ѳеодора, Іосіфа, Захарію, Лавре(н)тія, Есіфа, Іева, Васілія, Іоа(н)на, Мрью, Грігорія, Власія, Та(тя)ну, Мрью, Ев'докею, Ігнатія, Іуляну, Лево(н)тія, Аѳанасія, Глікерію, Тимоѳея, Кіріла, Ан'ну, Іоа(н)на, Екатеріну, Ан'ну, Миха(и)ла, Іулі(я)ну. Петра, Іустинію, Дарію, Конона, Захарію, Ефроси(н)ію, Анастасью, Стефана, Мрью, Якова, Макарія, Васілія, Іоа(н)на, младенцы Акіліны, Сімеона, Игнатія, Іоа(н)на, Мат(ѳ)ея, Лавріила, Гуріна, Евдокею, Ма(т)ѳея, Ѳеодору, Даніила, Мрью, Ев'докею, Еф'роси(м)ю, Іоа(н)на, Васілісу, Васілія, Грігорія, Акіліну, Ога(ѳ)ю, Міхѣя, Лавре(н)тія, Пелагею, Васілія, Маріну, інока Іону, Настасію, Ан'ну, інока ски(м)ніка Конона, Елев'ѳерія, інока Елев'ѳерія, Гео(р)гія, Еѳімія, Іріну, Леонтія, Акіліну, Деоміда, Мо(й)сея Ісакія, Ѳеѳодія, Артемія, Мрью, Іоа(н)на, Стеѳана, Ефроси(н)ю, Якова, Діонісія, Параско'вгею, Деоміда, Елену, Марка, Павла, Ѳеодора, До(м)нікею, Грігорія, Якова, Тімоѳея, Парас'ковгею, Тимоѳея, [л. 62] Ілью, Вар'вару, Якова, Екатеріну, Пелагею, Параскевгею, Глікерію, Іоан'на, Тіта. Евгенію, Іякова, Деоміда, Л'ва, Васілія, Ѳеодора, Ніколу, Грігорія, Вѣру, А(н)дрея, Глікерію, Мартіна, Василія, Василія, Мрью, Петра, А(н)дрея, Сергея, Пелагею, Исідора, Іріну, Еѳ'росимію, Ога(ѳ)ю, Спірідонія, Та(т)яну, Еѳімію, Мрью, Ѳеодосія, Стеѳана, Мрью, Тімоѳея, Уліту, Данілія, Іса(й)ю, Дмитрія, Татяну, Іріну, Мірона, Мела(н)ю, Елев'ѳерія, Іоа(н)на, Ан'ну, Хіму, сщенно-

інока Васіяна, Остафія, Якова, Нікіту, Ога(ө)ю, Ксенію, Іріну, Мрью, Өеодора, Та(т)яну, Матрену, А(н)дрея, Петра, Параснов'гею, Іоа(н)на, Ксенію, Кар'па, Матрену, Стеөана, Еө'роси(мі)ю, Еөімію, Олексея, Іріну, Васілія, Ісидора, Анастасію, Іоакима. Ігнатія, Іосифа, Зеновія, А(н)дрея, Ар'темія, Зеновія, Леона, Мікіты, Ога(ө)ю, Стеөана, Мрью, Ко(н)дратія, Ар'темія, Анастасію, Іюду, Ксенію, Зеновію, Іакова, Конона, Нікітія, Грігорія, Міха(и)ла, Огрефіну, Да(р)ю. А(н)д'рея, Еф'роси(м)ю. Өеодора, Іоа(н)на, Ко(н)дратія, Лукяна, Акіліны, Ога(ө)іи, Пиліп'па, Өеодота, Іоа(н)на, Пелагею, Ксеніи, Максима, Мартіна, Пелагею, сщенноінока ерея Сімеона, інока Зосіма, Іоа(н)на, Іоа(н)на, Грігорія, Өеодора, Міха(й)ла, Іоанна, Сімеона, Ефросінію, Сімеона, А(н)тіпа, Дмітрія, Іоа(н)на, Матрену, Екатеріну, Тріфона. Өео(до)ру, Іса(и)ю, Ер'молу, Васілія, Тат'яну, Өіліп'па, Стеөана, Соломоніду, Ев'докею, Максіма, Мартіна, Даніла, Іоа(н)на, Нестера, Мар'өу, Мрью, Мрью, Ксенію, Ан'ну, Романа, Сімео(на), Грігорія, Іусти(н)ю, Пав'ла, Хрістіну, Пара(с)ковгею, Та(т)яну, інока Протасія, Ан'ну, Ко(з)му, Іоанна, Евдокею, Өеодору, Матрену, Міха(и)ла, Порфирія, Анну, Артемія, Якова, Саву, Екатеріну, Іріну, Іоа(н)на, Олексея, Іоа(н)на, Зеновію, Ксенію, Соломоніду, Даніила, сщ(н)ноінока схи(м)ніка Саву, ерея Грігорія, А(н)тонія, Зеновію, Максіма, Огаөію, Ев'хімію, [л. 63) Нікітия, Парасков'гею, Ар'темия, Ната(л)ю, Іоа(н)на, А(н)тонія, Ната(л)ю, Настасію, Ев'өімію, інока Данілія, Нестера, Прокопія, Деоміда, Якова, Ев'докею, Өому, Ларіона, Ігнатія, Өеодота, младенцы Мар'өы, Ксеновія, Ко(з)му, Аөанасія, Мартіна, Олексея, Еф'росінію, Өеодора, Мрью, Грігорія, Іоа(н)на, Хрістіну, Іоакіма, Даніила, Романа, Само(й)ла, Іса(и)ю, Анастасію, Захарію, Якова, Стеөаніду, Огрефіну, Кар'па, Мрью, Романа, Ан'ну, Іоа(н)на, Захарію, Матрену, Ксенію, Ар'темія, іноки Анастасію, Ев'стаөія, Козму, Якова, Сімеона, младеніцу А(н)ну, Ульяну, Ігнатія, Ев'докею, Ер'молая, Дв(д)а, Любу, Ев'докею, Ар'темія, Тімоөея, Іоа(н)на, Іріну, Дв(д)а, Нікіту, Доме(н)тіяна, До(м)нікею, Алекса(н)дра, Ілію, Іоа(н)на, Евдокею, Максіма, Наста(с)ю, Ан'ну, Любу, Захарью, Іоа(н)на, Пара(с)ко(в)гею, Елену, Ма(т)өея, Іріну, Семена, Максіма, Соломоніду, Мрью, Евдокею, Ан'ну, (Марію, Ярофе(и), Катерину) [92]), Кліме(н)тія, Өілімона, Парасков'гею, Макарія, Мрью, Іоа(н)на, Ев'докею, Ероөея, Іоа(н)на, Ан'ну, Матрену, Пелагею, Іоа(н)на, Ларіона, Якова, Ксенію, Саву, Іоа(н)на, Евөімію, Конона, Грігорія, Іустінію, Емельяна, Іоа(н)на, Татяну, Грігорія, Іустінію, Елену, Ан'ну, Андрея, Евдокею, Аөа-

[92]) Позднѣйшая приписка.

насія, Тімоѳея і Ѳеодосію, ерея Ѳеодора, Якімія, Якімія, Якова, Огаѳію, Анастасію, Петра, Полікар'па, Елев'ѳерія, Ѳевронію, младеніцу Матрену, младеніцу Агаѳію, А(н)дрея, Лук'іяна, А(н)дрея, Матрену, Ѳеклу, Якова, Ѳіліп'па, Вас'су, Нікіту, Іоа(н)а, Огаѳію, Мрью, Даніла, Анастасію, Іоа(н)на, Ульяну, Нікіту, Максіма, Якова, Ѳеодора, Іоа(н)на, Е(в)гу, Елену, До(м)нікею, Міну, Ксенію, Мо(й)сея, Вас'су, інока Матѳея, Матѳея, Іуліяну, Якова і Овдо(т)ю, А(н)дрея, сще(н)ноінока скимніка Іонля. (Андрея. Микиту) [93]).

[**л. 64**) Ісідора, Мрью, Нікіту, Ігнатія, Нікона, Анну, Ѳеодора, Акилиноу, Пелагію, Агаѳію, Анноу, Михаила, Ѳеодора, Стефана, Ѳеодора, Марію, Екатеріноу, Матроноу, Іоан'на.

Помяни Г(с)ди раба своего священнаго іерея монаха Иоасафа Миро(в)-ского во царствіи свое(м) неб(с)номъ.

(Рокоу 1618 мсца декабра 22 дня пре(с)тавился архіман'дрыт' Слцкій и игоумень Михайлов'скій Кіевскій Іоасафъ Міров'скій Золотове(р)хого монастыра, а по нем на(с)талъ о(т)цъ Іоанікіе Борецкій [94]). Митрополита Лоукоу, еродиякона Виталия, Фловіана еромонаха.

Скимницы Евфиміи, инокини Авксентія (слюса(р)ки Климовое сестра) [95]). Іоуліяны, Іоан'нікія, Захарія, Григорія, Даріи, Іоанна, Ирины, инока Варлаама (Ко(п)тевицкій), [96]) Наталіи, скимницы Марфы (Миха(й)лиха Хмел) [97]), инока Паісія (подъ строкою: 1619, а(в)гус(т) 10), инока Германа (Григори(й) Бакала(р) [98]) 619, а(в)гус(т) 13, [99]), младенца Назарія 1619 14 а(в)гу(ст), (діе(в) Соленико(в) снъ), [100]). инокины Пан'кратіи [101]), скимницы Пон'кратіи ро(в)скои ма(т)ка. 619 14 дня [102]), іеромонаха Аѳанасія (Лексей Мо(с)ко(в)ский), ню(л) 10) [103]), іеросхимонаха

---

[93]) Позднѣйшая приписка; на обрѣзанныхъ поляхъ противъ нея: „ома(р)евскій".

[94]) Приписка на поляхъ съ правой стороны въ рамкѣ, которую держитъ рука, а сверху рамки крестъ съ надписью: „ис. хр. ни. ка."

[95]) [96]) [97]) [98]). Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[99]) Въ строкѣ, но другимъ почеркомъ.

[100]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[101]) Приписка тамъ же: „сестреновая".

[102]) [103]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Манасіи, Анны (Миха(й)ло Борисоглѣ(б)скій и жена его, де(к) 13) [104], **Іякова, скимаіцы Мелетіи (з Брагиня 619 а(в) 27)** [105]**), Іереміи, Ирины, младеницы Маріи (Солени(къ)** [106]**), Макарія (. . . мы, 619 се(н) 17** [107]**), инокини Аѳанасіи (Ве(л)бн(д)ка(я) Мощани(ц)ки(х) 619 се(п)те(н) 1 дня)** [108]**), Анны, м(л) Стефана, м(л) Кири(л)ла, Симеона, Іоа(н)на.**

[л. 65) Помяни Ги дшу раба своего іерея Іакова, Василія, Савы, Елены, Екатерины, Маріи, Климентія, Василія, Наоума, Ѳеодота, Митрофана, Агаѳіи, Евфросиніи, Анны, Михаила, Татіяны, Евдокіи, Прокопія.

Ро(д) Хойницкого и жоны его помянні. **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Богоуша, Софіи, младеницы (А?)нны, (м?)ла(д) (А?)нны, Ан'дрея, Лазара, младе(н)ца Іоа(н)на, Тимоѳея, Ѳеодоры, м(л) Андрея, м(л) Евдокіи, м(л) Маріи, Анастасіи, двцы Евдокіи.**

Ро(д) Ѳеодора Михайловича Чеховича и жены его Домникеи. **Помяни Ги дшоу рабъ своих о(т) Адама и до сего дня: Феодора, М(р)ю, Іоанна, Ориноу, Пелагію, Никифора, Ермогена, Василія, Феодора, Василисоу, Домникею, М(р)ю, Огрефноу, Материну, Мрю, Соломоніḍоу, Костантина, Ѳомоу, Іякова, Леонътія, Василисоу, Манасія, Хлѣба, Бориса, Акулиноу. Помяни Гп М(р)ю, Іоны, Никитія, младен'ца Іякова, Іоусти(ми)ю, Стефана, Петра, Іякова, Іоанна, Самойла, Аѳанасія, Іякова, Леон'тія, Левона, Татианоу, Феодора, Домникеи, Ан'ны, М(р)ю, Іоанна, Феодосію, Іоанна мл(д)нца, Стефана мл(д)нца,** **[л. 66)** **Андрея, Максима, Іесифа, Татияноу, Самойла,Томила, Каленика, Іякова, Петра, Пантелимона, Кудина, Семеона, Ма(р)ю, Лоукоу, Ан'ны, ски(м)ника Герасима, Харитона, Іоа(н)на, Ермогена, Никитоу. Акилиноу и Килиноу, Іоанна, Тита, Григорія, Акима, Козмы, Максима, Іосифа, ски(м)ницѣ Агафіи, Меланіи, Евдокеи, Сидора, Пахоміа, Моvсея, Ан'ны, А(к)килины, Евдокеи, Зѣновіи, Мотроны, Агафіи, Соломоніды, Мирона, Козмы, Захарія, Іакова, М(р)и, Іоанна, М(р)и, Матрены, Михаила, (У?)ліаны, М(р)и, Ан'ны, Павла, Гаврила, сщноіерея Михаила, Василія, Мкси(м)и і Даръи, Акилины, М(р)и, Василія, М(р)и, Леонтіа, Василисы, Настасіи, Семиона, Феодора, М(р)и, мл(д)нца**

---

[104]) [105]) Приписки на поляхъ.

[106]) Надъ строкою.

[107]) [108]) Приписано на поляхъ съ лѣвой стороны.

Василіа, мл(д)нца Іякова, Мотруны, сщноіерея, Іоан'на, Костян'тина, Оксиміи, Феодора, Аѳанасіа, Іоан'на, Марины, Федоры, Оулитоу, скимницѣ Ан'ноу, Татіаноу, Патрикея, Ан'дрея, Парасковгеи, Стефана, мл(д)нцу М(р)ю, Огрефиноу, Екатериноу, сщно іерея Василія, Іоан'на, мл(д)нцу Огрефину, Настасію, Есифа, Наталію, мл(д)нца Германа, мл(д)нцоу Соломонію, Антонидоу, Ориноу, Полагію, мл(д)нца Іякова, Татіаны, Івана, Лаврен'тія, Михайла, Семиона, Григорія, Парфенія, Настасіи, М(р)ю, Настасіи, Оуліаны, Евдоки(ми)ю, Іоан'на, Парфена, Катерины, Евдоки(м)и, Іоан'на, Соломониды, Парфена, Евфиміи, М(р)ю, Зѣновію, Семіона, Макарію, Кондрата, Мрю, Григоріа, скимніцу М(р)ю, Катериноу, [л. 67) Олексея, Ігнатіа, Логвина, Ігнатіа, Вов'вдотію, Іоа(н)на, Зѣновію, Михаила, Іоан'на, Ан'дреа, Вовдотію, Домны, Стефанидоу, Лав'рентія, Мартына, Зѣновіа, Кон'драта, Евсе(ві)я, Федора, Полагію, Михаила, Федора, Григоріа, Михайла, Зѣновія, Зѣновія. Парфена, Оусти(м)и, мл(д)нцоу Вов'дотію, Одар'ю, мл(д)нцоу Окси(м)ю, Аѳанасія, мл(д)нцоу Одарію, мл(д)нца Данила, Никифора, мл(д)нцы Федоры, Домны, Огрефины, сщнноіерея Лоукоу, сщноіерея Козмы, Макрены, Парасковгеи, Ан'ны, Пестиміи, Татианоу, Сидора, іерея Якима, мл(д)нца Евтихія, мл(д)нцу Софію, мл(д)нца Іоанна, мл(д)нця Ан'ну, мл(д)нця Авраама, мл(д)нцу Федороу, сщноіерея Парфена, сщноіерея Анфипа, мл(д) Анфила, мл(д)нца Сидора, мл(д)нца Федора, Карпа, Михайла, Орины, Евдоки(м)и, Ан'ны, Огафіи, Мри, Іякова, мл(д)нца Никитіа, мл(д)нца Іякова, мл(д)нцоѵ Марію, мл(д)нцу Анноу, мл(д)нцоу Домноу, Андрея, Стефана, Огафіи, Ѳомы, Матѳея, Фе(о)доры, Стефана, Михайла, Федоры, Фе(о)дора, Іоан'на, Іоан'на, Огафіи, Мрю, Анноу, Іоан'на, Федороу, сщноіерея Іоан'на, Еленоу, М(р)ю, М(р)ю, Карпа, Парасковею, Тимоѳея, Петра, Іоан'на, Богдана, Іоан'на, Петра и Павла, Федоры,(?)аны, Федоры, Со(ф)и(и).

Ро(д) въ Бозе веле(б)ного Гдна о(т)ца Иова Борецкого.

Ро(д) Іоан'на Матѳеевича Борецкого и жены его Никифоры Ѳеодоровны Чеховичовны.

Помяни Ги дша оусъпъши(х) рабъ свои(х): Стефана, Григоріа, Феодора, Огаѳіи, Миха(й)ла, Марію, Василия, Иякова.

Родъ Григория Путивца [109]). Григория, Евдотию.

[л. 68) Філимона, Татіаны, Іякова; Леон'тіа, іеромонаха Генадіа, сщнно іерея Іерофеа, Ан'ны, Феодосіи, Іякова, Савы, Прокопіа, Гаврі-

[109]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

ила, Ларіона, Кvрилла, Стефана, Филип'па, Настасіи, Димитрія, Матөея, о(т)ца и братя и се(ст)ры, Михаила, Феодора, Іоан'на, Аврама, Іоан'на, Стефаны, Огафіи, Ев'стафіа, Георгіа и Іоан'на Рогатин'цо(в), Огафіи дочки и(х), о(т)ца нашего дхов'наго Варсонофіа, скимника Өомы маля(р). Блгочестиваго еп(с)кпа Гедиона, Іоан'на, Агри(п)пины, Калеиика дѣда, Никифора (протон'гела) [110], Касиана, Феодора, Екатерины, девици Өеодоры (дщере Іоан'на Борецкого, яже преставися в лѣто 1615 мар'та 23 в соуботоу, маючи н(д)ль 19 о(т) рожества своего на четвер'токъ днь рожденіа), Іякова, Ясця.

Помяни Гди раба своего еромонаха Антонія.

Помяни Гди дш(у) раба своего Матвея. Іоанна, Татіаны, Іоа(н)на, Іакова, Өеодосіи, м(л) Іоустина, іерея Иліи о(т) тата(р) забитого, Іякова о(т) тата(р) забитого, іеромонаха Мисаила, инока Кирила, Іякова. (Иноки Меланіи) [111].

Родъ Іоан'на Ра(д)кевича Прошака. **Помяни Ги дша оусопших(х) рабъ своихъ: Радиона, Татиавы, Петра, Ев'вы, Пелагіи, Анастасіи, Ігнатіа, Іоны, Іоустины, Іоан'на, Андрея, Ан'ны, Іоан'на, М(р)и, Григоріа, Нисифора, Іякова, Огаөіи, Татианы, Тимоөеа, Лоукіана, Матроны.**

Родъ Василія Соуртича и Өедора Жука. **Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х), Оксиміи, Василіа, Евдокіи, Ан'ны, Маріи, М(р)и девицы, Лоукоу.**

Ро(д) Анны Фил'ковны. **Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Тихона, Па(н)телеймона, Ан'ноу.**

[л. 69) *Ро(д) Прокопія Тимоөее'вича з Паволо(ч).* **Помяни Ги дша рабъ своихъ: Тимоөея, Евдокіи, Евстафіа, Евдоксіи, Татианы, Прокопіа, Огафіи, Ав'вакоума, Феодора, Матөея, Ан'дрея.**

Родъ Каспра Винника. **Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Соломіи, Ан'дрея.**

Ро(д) Сергѣя Ивановича Пастоуха въ Киевѣ и Агапіи жены его. **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Іоан'на, Гедиона, Сvмеона, Корниліа, Ан'ны, Огапіи.**

---

[110]) Зачеркнуто.

[111]) Приписано на поляхъ съ лѣвой стороны

Родъ Григоріа Короля. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ своихъ Григорія, Сvмеона.

Родъ Юрка Бор'щеняте Ѳе(д)ковича з Горошокъ. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Феодора, Вар'вары, Гео(р)гія, Іерофея, Оксиміи, Христины, Аккилины, Іессея, Симеона, Меланіи, Онисифоры, Тимоѳея.

Родъ Артемія Онискевича, шевца алексан'дрон'скаго, Помяни Ги дшоу оусоп'ши(х) рабъ свои(х): Онисифоры, Пан'кратіа Огафіи, Васиана.

Родъ Семена Воробья з Горошковъ. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х) Сvмеона, Огапіи.

Родъ пана Стефана Мшан'ского: Помяни Ги дша оусопши(х). рабъ свои(х): Стефана, Татіаны, Ан'ны, оан'ны, Дамиана, Адама, Самойла, Стефана, Павла, Иякова, Агрипины, Зѣновіи, Іліи, инока Макаріа, Ан'ны мл(д)нцы, Евдокеи, Тихона.

Ро(д) Резановое в Киеве: .Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х) Алексѣя, Екатерины, Миха(и)ла іерея.

[**л. 70**) *Родъ Авдиа Рыбалки в Киеве.* Помяни Ги Ксеніи.

Ро(д) славное мещан'ки Львов'ское с Крако(в)ско(го) пре(д)местя. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Доброслава, Елены, Овдоксіи, (?) лавныя, Феодоры, Даниила, Тимоѳея, Миха(и)ла.

Родъ Мокіа резника в Киеве. Помяни Ги Мокія.

Родъ Гурина Хар'ламовича мещанина Киевскаго. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Парасковіи.

Родъ Лев'ка Макаровича и жены его Ма(р)и. Помяни Ги дша оусоп'ши(х) рабъ свои(х). Стефана, Агрипины, Василіа, Леонтіа, Феодора, Петра, Іоан'на, Василіа, Савы, Екатерины, Ан'ны, Іоан'на, Порфиріа, Василіа, Фемы, Самойла, Леонтіа, Дорофеи, А(к)килины, Леонтіа, Огафіи, Феодоры, Іоан'на, Савы.

Родъ Яково(в) Кон'стан'тиновичовъ. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): мл(д)нцу Еленоу, мл(д)нцоу Огафію, іеродіякона Езекеиля.

Помяни Ги дшоу раба твоего Іоа(н)на.

Помяни Ги Василіа, Ѳеодора, Матрону.

Помяни Ги Лаврентіа.

Родъ Маріи Федоровое Лѣлкевича въ Киеве. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Фео(до)ра, М(р)ю, Логвина, Артеміа, Семиона, Бориса, Василисы, Феодора, Потапіа, Ілiи, Прокопіа, Петра.

Помяни Ги дша рабъ свои(х) *з Ко(л)ка(в)*: Іоан'на, Василіа, Романа, Онисифора, Өеодоры, Ма(р)и, Григоріа, Марію, Гаврила, Василіа, Леонътія, Настасію.

Родъ Богдановичо(в) в Алексан'дрополи. Помяни Ги Павла, Феодора мл(д)нцо(в), Іова.

[л. 71) *Родъ Ан'дрея Михалечка Ширяа з Выползова.* Помяни Ги дша рабъ своихъ Андрея, Еѵфросиніи, Еѵфиміи, Игнатіа, Анастасіи, Еѵдокіи, Иякова, Аөанасіа, Павла, Леонтіа, Василисы.

Родъ Ан'дрея Огсеника и жены его Ан'ны. Помяни Ги дша рабъ своихъ: Андрея, Еѵросиніи, Еѵөиміи, Игнатіа, Анастасіи, Еѵдокіи, Иякова, Аөанасіа, Павла, Леонтіа, Василисы.

Родъ Ан'дрея Оусеника и жены его Анны. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ своихъ Матөея, Меланіи, Өеодосіи, Анастасіи, Леон'тіа, Андрея, М(р)и, Іоан'на, Фе(д)ры, Ирины, Меланіи, Игнатіа, Пелагіи, Игнатіа, Ан'дрея Оу(?)сеника, М(р)и, Ов'докіи мл(д)нци, Матөея.

(Помяни Ги дша оусоп. . .) [112]

Родъ Оуласа, сотника пол'коу Фастов'цова. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Николаа, Миклоуша, Іоан'на, Алексея, Е(в)ласіа, Еѵфиміа, Григоріа, Іоан'на, Өеодора, Аөанасіа, Матөеа, Лаврентіа, (Григорія ерея) [113]).

Родъ Якова Мор'дича. Помяни Ги дша оусопши(х): рабъ свои(х) Феодора, Агапіи, Еѵфиміи, Терен'тія.

(Р)одъ пана Филона Рая. Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ свои(х): Иоустина, Николая, Настасіи.

Ро(д) Өеодора з Петриковичъ. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Феодора, Іоанна, Стефана, Стефаниды, инока Митрофана (ро(к) 1618 мца мая преставис реме не(р)въскій) [114]), інокиня Анисіи, Гаврила (ро(к)

---

[112]) [113]) Позднѣйшая приписка.

[114]) Выноска надъ строкою красными чернилами.

1618, де(?) 23 Ла(р)ко престави(с) кушне(р) 115) Иларіона, Анны, Па(н)кратіи, Григорія, (Іако(в) бра(т) коза(к) с Ко(р)суня) 116) Романа 619 се(н) 24 117), Артемія (619 авгу(ст) 17 з Бабинецъ) 118), Марію, Өеодора, Никиту, Овдотію, Іоанна, Іоанъ (Буско) 119, Іосиөа, Орины, Луки, Анну, Евфросинію, Іоан'на (ро(к) 1633 іюня 8) 120).

[л. 72). *Ро(д) ерея Фео(до)ра и жены его Агафіи, сщника Въскресе(н)ско(го) Переясла(в)ско(го).* Помяни Ги дша ра(б) свои(х) о(т) Адама и до сего дня: помяни Ги ерея Василія, ерея Сидора, ерея Тимофея, ерея Иякова, ерея Гавріла, ерея Семиона, ерея Констан'тина, ерея Сидора, ерея Авраамія, ерея Іоа(н)на, ерея Авдѣя, ерея Іоа(н)на, ерея Фео(до)ра, ерея Захарію, ерея Савастіана, ерея Иоана, ерея Григорія, ерея Фео(до)ра, *князя Грігорія, княгинѣ Маріи,* скимніка инока Ефремія, Фе(в)роніи, Оксініи, Иякова, Агрефіны, Софіи, Миха(и)ла, Конона, Трофима, Фео(до)ры, Мамо(н)та, Мотруны, Нестора, Маріи, Омеліяна, Андрея, Евпраксіи, Лукіяна, Ма(к)кавея, Миха(й)ла, Василія, Оксиніи, Микиту, Василія, Маріи, Евфросімии, Христины, ерея Васілія, Елиозара, Павла, Деонісія, Иякова, Грігорія, Оуліяны, Ефросимии, Ефросиніи, Евдо(т)и, Евдо(т)и, Евдо(т)и, Уліяны, Миха(и)ла, Василія, мл(д) Леонтія, мл(д) Андрея, м(л.) Конста(н)тіна, мл(д) Афанасія, м(л) Онисифора, м(л) Кіріяка, м(л) Степана, м(л) Антона, м(л) Наталіи, м(л) Марі(и), Февроніи, м(л) Парасковіи, Олены, Фео(до)ры, м(л) Васілисы, Огріфины, Анны, Та(т)яны, Анны, Тимофея, Матрены, Кулины, Михайла, Матрены, Венедикта, Орину, Евдо(т)и, Фе(д)ора, Ивана, Данила, Мирона, Ермолы, Катерины, Ан'ны, Ма(р)и, Фео(до)ра, Афанасія, Семиона, Григорія, Пелагіи, Никиты, Левона, Маріи, Мартіна, Олены, [л. 73) Давыда, Өео(до)ры, ерея Василія, ерея Дмитрія, ерея Өео(до)ра, Ивана, ерея Ивана, ерея Михайла, ерея Прокопія, Фео(до)ры, Евдо(ти)и, Евдо(ти)и, Анны, Маріи, Полагіи, Полагіи, Андрѣя, Васілія, Никифора, Соломониды, Ивана, Григорія, Киоріяна, Олены, Полагіи, Ефросиміи, Николая, Фео(до)ры, м(л) Маріи, м(л) Анны, Савы, Агафона, Иесифа, Стефана, Ивана, инока Никитія, ерея Пе(т)ра, Алексѣя, Бориса, Фенедикта, Иліи, м(л) Ивана, Катери(н), Елиозара, Маріи дѣви(ци), Никифора, Стефана, м(л) Маріи, Авдѣя, Симеона, м(л) Се(р)гія, Елены, м(л) Устинии, Парасковгеи, Огафіи попадѣ, ерея Тимофея, м(л) Лукіяна.

---

115) 116) 117) 118) 119) 120) Выноски на поляхъ съ лѣвой стороны.

Пелагіи, Сvмеона, Сvмеона, Өеодора, Матөея, Маріи, Лео(н)тія, Матөея, Даніила, Іякова, Антонія, Андрея, Өеодора, Татіаны, До(м)никіи, Анны, Іякова, Павла, Маріи, Анны, Агаөіи, Маріи, Агаөіи, Іякова.

Ро(д) Авдея Коница, козака в Кие(в): Сvмеона, Евдокіи, Наталіи, Харитона, Іоанна, Прокопія. (Серъгѣя)[121].

Ро(д) пна Ивана Лоуцкевича Иянчи(н)ского: Іякова, Анастасіи, Өомы, Иоустіны, Романа, Евдокіи, Антонія, Іоанна, Елену, Григорія, Стефана, Анну, Максима, Татіяну.

[л. 74). *Ро(д) Іоанна Іяковочича, мещанина Кіевского.* Іоанна, Екатерины, Февроніи, скимника Іякова, Димитрія, Іякова іерея, Евфосиніи, Даріи. Никиты, Деомида, Максима (козак)[122], Василія, Павла, Григорія, Іоанна, Андрея.

Ро(д) Коме(н)т.. карла)[123]: Севастіана, Іоанна, Іеремія, Ирины, Евтихія, Маріи, Іоанна (пушкар, заби(т) о(т) дѣла 1619 ію(н) 8 дня[124]), Симеона, (коза(к) кіе(в)ски(й) Зѣ(н)кови(ч)[125]), Өеодора, Григорія, іеромонаха Сил'вестра (610 ноя(б) 14, Лозинскій[126]), иноки Евфиміи карлицы, Өомы, Марія, Пелагія.

Родъ Сvмеона Михайловича Кулико(в)ско(го) и жоны его Евдокіи, сторожа мѣ(с)ко(го) кіе(в)ско(го). Помяни Ги дша рабъ своих: (Трифона, Агафію[127]), Михаила, Сvмеона, Евдокіи, Өомы, Анастасіи, м(л) Евстафіа, двцы Матроны, двцы Евфросиніи, двцы Өеодоры, м(л) Анны, двцы Ирины, младенца Өеодора, двцы Пелагіи, двцы Маріи, Гордія, м(л) Евсевія, м(л) Василія, Өеклы.

Самоила *Ми(ц)ковича* помінание, рокоу 1621 4(?) гене(н)вара 1 дня. Помени Ги дшу рабь свои(х); помени Ги Самоила.

[121]) Позднѣйшая приписка.

[122]) Позднѣйшая приписка на поляхъ съ правой стороны.

[123]) [124]) Выноски на поляхъ съ правой стороны.

[125]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

[126]) Тоже съ правой стороны.

[127]) Приписано въ текстѣ.

[**л. 75**) *Ро(д) Стефана Шимуновича з повету Премы(с)кого, з места Соли к(р) его м'л*). **Помени Ги усобши(х) дша рабъ свои(х) всѣ(х) по имени я(х): Мріи, Семіона, А(н)ны, Мри, М(р)и, А(н)ны, Улиты, Михаила, Даніила, Ва(р)вары, Феодора, Стефана, М(р)и, Павла (Горо(ш)ко(в)цы)** [128]**, Василія, Матөея, Мины, Емеліана, Стефана, Ареста, Іоанна, Матөея, Евстратія (1619, ноя(б)ря 28, з Горы** [129]**), Феодоры.**

Ро(д) пна Ждана Ми(л)ковича, старосты Боуро(м)ско(го), и жоны его пнее Матроны Васильевны. **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Климентія, младенца Михаила, Тимоөея, Анны, Олены.**

Помяни Гди раба своего Андрея, Марию, Дмитрия, Зиновню, Іякова, Настасію, Пара(с)ковею, Луки(р)ю, Гео(р)гия, Феодору, Овдотию, Ната(л)ю О(к)синію, Евгенію, А(н)ну, Самойла, Василия, Васи(л)я А(н)дрея, Іоанна, Сімеона, Настасію, Есафа архима(н)дрита, Есафа ски(м)ника, інока Ва(р)лама, инокиню Со(ө)ю, инокиню Евпраксию, інокиню Евксентию, ски(м)ницу Евфимию, Марөу ски(м)ніцу, інокиню Па(н)кратію, сщенного (Тимоөея) [130]**) іерея, Матөея, інокиню Хриса(н)өию.**

Помяни Гди раба своего Іоанна, Марію, Феодора, Никитоу, Захарію, Анастасію, Иоанна, инокиню Феннoу, Настасію, (Петра бра(т) [131]**) Любы.**

[**л. 76**) *Род іереа Матөеа Романовича, настоятеля црквu стго Николы Добриковского в Кіеве, и жены его Евфиміи Гуріновны*, **которій преставился року 619, генвара дня 4, и погребенъ в монастыру стго архаггла Михайла Золотоверхого. Помяни Ги дша рабъ свои(х): іерея Логина, ерея Ананіи, Осщеннаго архіеппа Феодосіа, Феодора, Иpiнiи, Екатерины, Елены, младеніци Анастасіи, младеницы Овдотіи, мла(д). Агафіи, младенца Ілію, мла(д). Проватарха, мла(д) Прохора, мла(д) Іріны, мла(д) Вассы, мла(д) Пелагіи, мла(д) Агафіи, Фрола, Ефрема, Іакова, Матөеа, Тимоөеа, Корнілія, Макаріа, Іоакима, Алексея, мла(д) Іона, Маріи, Іесіөа, Петра, Карпа, Анны, Лавренʼтія, Стефана, мла(д) Елены, Гуріна, До(м)нікеи, Лаврентія, Екатерины, Грігорія, Васілія, Алексея, мла(д) Агафіи, Евʼвы, Герасіма, Тимоөеа, Ере-**

[128]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.
[129]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.
[130]) Позднѣйшая приписка.
[131]) Написано другимъ почеркомъ и чернилами.

міи, Маріи, Максіма, Вѣры, іерея Авраамія, Ермолы, ерея Матѳея, іерея Евѳимія, іерея Іоанна, іерея Савы, іерея Ев'стаѳія, іерея Феодора, іерея Захаріи, іерея Андрея, іерея Евсевіа, іерея Авксентія, іерея Михайла, іерея Іона, іерея Кон'драта, іерея Захаріи, іерея Парѳена, іерея Филипа, іерея Киріяка, свщен'ноинока архімандрита Іоасафа, свщен'ноинока архімандрита Игнатія, свщенноинока Васілія, Іоны, Тат'іяны, Сімеона. Феодора, Вассы, Максима, Грігорія, Феодоры, Сүмеона, Самуила, Герасіма, Іона, Тимоѳея, До(м)никіи, Феодора, Корнилія, Мойсея, Тита, Стеѳаниды, Лукіяна, Саломониды, Александра, Нестора, Меланіи, Логина, Оксініи, Іона, Матѳея, Ев'стафія, Васілія, [л. 77) Маріи, мла(д) Анастасіи, младенца Іоакима, Мартина, Овдотіи, Овдотіи, Васілія, Наоума, Овдотіи, Овдотіи, Васілія, Ермолы, ерея Іона, Игнатія, Соломониды, Іона, Овдотіи, Мартина, Петра, Феодора, Козмы, Сімеона, Екатерины, Савостьяна, Іакова, Григорія, Алексея, Ам'финогена, Ермогена, Ев'фросініи, Маріи, Феодора, Мат'ѳея, Даміяна, Кондрата, Елены, Анны, Михайла, Адама,

Ро(д) Ми(ш)ка Доментианови,... старе(ц) 1620 132), **Михаила, Домен'тіана, Меланіи, Игнатія, Іоанна, Філіппа, Тимофея, Пелагіи, Вассы, Евгеніи, Анны, Агапіи, Евдокіи, Ѳеодора, Маріи, Ѳеодора, Ко(н)ста(н)тина, Петра, Аккилины, Маріи, Анастасія, Василисы (ро(к) 1621, з Остря** 133), **Григоріа, Евдокіи, Іоанна, Антипа, Хіоніи, Марины, Ев'фимія.**

Ро(д) пана Гаврятьі(н)ско(го), рок 1621) 134). **Помяни Ги дша рабъ своихъ: Ев'хімія, Андрея, Дімитрія, мл(д) Іоан'на, мл(д) Любве, Матроны, Гавріила, Маріи.**

Ро(д) пана Стефана Кривковича, ме(щ) и райцы кіе(в)ского 135). **Помени Ги дша рабъ своихъ: младеници Меланіи, младеницы Ириніи, младе(н) Ан'ны, младенца Григорія, младеници Анастасіи, младеници Ирины.**

Помяни Ги оусопшаго раба своего Тимофеа, Анноу, Андреа, Леонътіа, Татианоу, Еленоу, Марію.

Івана, Феклу, Марину иноку, Оулиану, Фенну, Захарію мла(д).

---

132) Приписка на поляхъ съ правой стороны.
133) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.
134) 135) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 78) *Ро(д) пана Василиа Пожечи с Ко(р)суня.* Помени Господи раба своего Иякова, Ирину, Іоан'на, Е(в)докію, Агафію, Димітрія, Григорія, Климен'тія, Е(в)химію, Е(в)хімию, Пелагию, Іріну, Василія, Любы.

Фео(д)ра, Огафію, Оксинію, Вла(с)я, Фео(до)ра, інокиню Таисію, Домникію, Симеона, Мирона, Ко(н)дра(та).

Ро(д) пна Стефана Овсяника и сновъ его Михаила Иліи, (ро(к) 1621 136). Помяни Гди рабъ свои(х): Стефана, Агрѣпѣну, Лукоу, Касяна, Агафію, Симеона, ски(м)цу Алемпияду, Ілію, Іоан'на, Лукерію, Гаврила, Орину, Омеліана, Стефанидоу, Софонія, Агафона, Артема, Ма(р)тина, інокиню, Одарію, Миха(и)ла.

Ро(д) Пилипо(в) Нагорного. Помяни Гди раба свое(г) Пилипа, Василия, Іоа(н)на, Өеодора, Потапия, Лукъяна, Ар'тема, Васю, Матруну, Просимъю, Іоа(н)на, Лукъяна, Іякова, Соөию Іоа(н)на, Полагию, Никиту, Ма(т)өея, Григория, Михайла, Уляну, Парасковею, Алексея, Мр., Парасковею, Василия, Оудотію, Іакова, Василису, Андрея, Өилімона, Овъдотю, Ма(т)өея, Власія, Елену, Анну, Андрея, мла(д) Меланіи, Корнилія, Луки, Марію, Василія, Тимофея, Іо(ва).

Се есть р(од) Яроша Филиповича и жоны его Онисіи, и сновъ, и(х) Се(р)гея и Григорія. Полагію, Феодора. (П?)омяни Гди раба свое(г) (С?)е(р)гія, Евоу, М(р)ю, Димитрия, Огафию, Оустинію, Пахо(м)и.

Андрея, Ио(н)а, М(р), Иоанна (дя(д)ка 138), Миха(й)ла, Іоа(н)на, Симона, Есифа, Пелагеи, Мелании.

Се ро(д) о(т)ца Иосифа Кононовича-Горбацкого, игумена манастыра Мих. Помяни Гди дша преставлши(х)ся рабъ своихъ: Симеона, Іоанна, Іляриона, Ісакия, Өеодора, Григория, Стефана, Иоанна, Симеона, Гресима, Гаврінла, Евдокию, Екатерину и прочая сро(д)ники по плоти: Михаила, Өеодора, іе(р)мон. а(рхи(м). Леонтія.

---

136) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

137) На поляхъ находится вязь, смыслъ которой нельзя возстановить.

138) Выноска надъ словомъ „Іоанна".

Се ро(д) Іана Симгона Со(л)ского. ще(н)но ерея (М?)а(т)ѳея, ча(д) его, (А?)ндрея, (В?)асилия, (І?)оана, (С?)имеона, (П?)аросковею, ча(д) монхъ (К?)ирила, (А?)лексиа, (А?)ксинию и супру(ж)ницу (П?)ара(с)ковею.

Се ро(д) Симеона Волковича, во(й)та слуцкого. Павла, Иякова, Дарыи, Ан'ну, Емелиана, Емелияна, Евстаѳия, Никиту, Ирину, Демияна, Анъну, Димитрия, Синъклитию, Прохора, м(лд) Прохора, Дамияна, Оникия. (Семиона, Раину) 139).

(Терентія, М(р), Зинобыю, в царстви небесномъ) 140).

Се ро(д) Яково(в) Голоде(ш), з мѣста Коломіи, Гео(р)гія, А(н)дрея, Елена, Ксенія, Ма(р)ка, Анастасіи, Яко(в) Параск(ве), Михаи(л), Ма(т)ѳе(й), Ілія, Лука.

[л. 80) *Се ро(д) Преосвяще(н)ного Митрополити К. Г. и в(с) (Р)о(с)сіи Петра Могилы.* Помени Гди дша преста(вл)ши(х)ся рабъ свои(х): раба своего Преосвященъна(го) митрополита Киевского Петра (Престависе року 1647, с че(т)ве(р)га на пято(к), в ночи годины третее, противъ Обрѣзанія Гдня, мца генъвара 1 дня 141).

Се ро(д) Сили Якимовича, мещанина могиле(в)ского. Помяни Гди Іоакима, Аѳанасия, м(л) Марию зде погребе(н)ную во стои обители сея.

Андрея, Ігнатія, м(л) Нестера, Ефімію, Феодора, Тимоѳея, Оксемію Хрістину, Никола, Марту, Ан'ну.

Ро(д) іеромона(х) Мартирия Лешевича с Кремянъца. Раба своего Ілію, Агаѳию, Феодора, Иулияну, Марию, Феодора, Василия, Каръпа, Каллиника, Андрея.

(Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха Ма(р)тирия) 142). (року 1647, сентября 6 дня, уписано за позволенем 143).

Се ро(д) монаха Иезекииля Козми(нс)кого з бра(ц)тва Киевского. Раба своего Матѳея, Феодоры.

---

139) 140) Позднѣйшія приписки.

141) Приписка съ правой стороны на поляхъ красными чернилами.

142) Позднѣйшія приписки другимъ почеркомъ.

143) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

Ро(д) Ничипора Степановича прозываемо(го) Пи(н)чучка М. К. 144). Стефана, Овдотію, Еремея, Емелияна, Миха(й)ла, Агаѳию, Парасковею, Меланию, Григо(р)я, Василия, Марию, Димитрия, Григоръя, Оксімию, Даниила, Никифора, Марию, м(д) Матрону, Прокопия.

[**л. 81**) *Род Леонтия Даниловіча, прозываемаго Леца мещанина киевского и жоны его Марии и ча(д)* ихъ: сына Жадана, Костанътия и инока Варсонофия. (Року 1647 мца мая дня 12. За позволенемъ вписале(м) І. В. Л. 145)

Помяни Гди дша преста(в)иши(х)ся рабо(в) свои(х): ра(б) свое(г) Леонтія, Мрію, Жадана мла(д), Костантія мла(д), инока Варсонофія, мла(д) Андрея, Василія, Михаила, Евтихія, Артемія, Макарія, Іосифа, Даниила, Тарасіа, Настасію, Мрію, Трофима, Феодора, Тихона, Каленика, Матфея, Михаила, Феклы, Даниила, Мрію, Василія, Іякова, Парфенія, Матрону, Григорія, Стефа(на), Олену, Катерину, Анну, Аѳанасіа, Федору, Стефана, Іоанна, Саву, Семиона, Анну, Иоана, Стефана, Іоана, Матфея, Никиту, Ко(з)му, Катерыну, Стефана, Василія, Фи(р)са, Василія, Софію, Пелагію, Іосифа, Власия 146).

Ро(д) сще(н) іеромонаха Паисіа Лео(н)тівича из Дорогичина и(з) с. По(д)ляша, оуписа(л) ро(д) свой для вѣ(ч)нои памети оу кни(ги) живо(т)ныи, (бы(в)ши с(щ)нико(м) в Нижини Новомѣским(ъ), а тепе(р) зас(ь) мс(ш)каоучи прі обители, с(т) Маха(й)ла а(р)стратіга, оуслугуючи с(т) обѣтели въ ру 1646 мъ 147). Помени Ги дша ра(б) свои(х) пре(ж)почивши(х) вѣка сего о(т) Адама и до сего дня: помяни Гди раба свое(г) сщноіереа Васіліа, с(щ)іреа Максима, с(щ)іреа Іякова, сщірея Лео(н)тіа, сщноіеромонаха Паисия, сщіереа Стеѳана, с(щ)іе(р) Леонтіа, Леонтіа, Михайла, Іоа(н)на, А(н)дреа, Екатерину, М(р)ю, Огаѳию, Настасіи, Іосиѳа, Іл'лю, Га(н)ну, Параскавію, Гавриліа, м(л)де(н) Екатеру, м(л) Корниліа, Михайла, Гавриліа, М(р)ю, Ѳео(д)ру, Пелагію, м(л)де(ц) Ѳео(д)ра, Максим(а), Василіа сщноіереа, М(р)ю, Игнатіа, До(м)ноу м(л)деницу.

144) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны красными чернилами.

145) Приписка красными чернилами на поляхъ съ правой стороны.

146) Позднѣйшая приписка.

147) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

(Помяні Ги дша ра(б) Огафию, Луцѣю, Өеодора, Андриа, Федора, Марию, изих(?) родителе(й) моихъ 148).

[л. 82) *Родъ Өилатея Кизаревича, игумена Миха(й)ловского Золо(то)верхого Киевъского.* (Престависе в Бзе велебъны(й) г(с)днъ и оте(ц) Өилоее(й) Кизареви(ч), игуменъ Миха(й)лов. . . року 1645 мц апреля 18 дня, в суботу на стр. 149) недели, а похов. у склепи в монаст...ру Печо(р)скомъ 150). Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха игумена Филоөея.

А се род Іва(н) Сидорови(ч) из Олковец Шлюбови(ч). Ісидора, Екатеріна, А(н)ня, Ефімія, Софія, Екатеріна, Феодо(р), Анастасіа.

Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха игумена Серафиона. (Того(ж) року пре...висе г(с)днъ и оте(ц) Сераөионъ Высо(ц)., игуменъ манас...ра Мга(р)ского, и та(м) же положенъ в склепи 151).

Се ро(д) монаха Давыдія Андреевича Трощинского, уставника м. М(х): Раба своего Андрея, Марию, монаха Давыдия, Агрипину, Евфимию, Григория, Иоана, Луку.

Се поміnаніе Федора Кореневіча з Че(т)ве(р)тнѣ Новои 152). Феодора, Феодора, Огафію, Огафію, Еліяну, Ан'ну, Александра, Ев(ъ)докімію, Елену.

(*А се поміна..... Яре(с)щика із Рого(з)ной* (ро(к) 1646) мца іюна 8 дне 153) Сннщо іерея Матөея, Мрію, Іріну, Іоан'ня.

Ро(д) раба Бжия Василия з Се(н)чѣ. Помени Гди раба своего Василия, Орину, Еөимію, Семиона.

(*А се помінне Адрея Бу(р)чака* 154), Адрея, Акиліна, Трхима, Одарія, Огафі(я), Тимофея, Філипа, Екатері(н).

[л. 83) *А се поміnаніе пана Іоана во(й)та з Червоной.* Романа, Гафія, Грігорія, Татіяну, Ан'ну, Марію, Ан'тонія, Иоан'на.

Помени Гди рабо(в) свои(х) Івана, Андрея.

---

148) Позднѣйшая приписка.

149) Поправлено, кажется, въ Өо(ми).

150) 151) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

152) 153) 154) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

А се поміnаніе Стефаново Луцеві(ч): Луку, Ан'ну.

Родъ іремонаха Венедикта: Ісайя, Акулину, Петра, Марію, Агафію, Яроөею, Еуфимія, Өому, Іоанна, Еудокію, Мартина, Еудокима. Та(т)яну, Конона, Іоанна, Іакова, Өеодору, Пара(с)кевію.

А се поминаніе раба Бжія Але(к)сея Лагод(е)нка з Славутина. Помени Ги раба свое(г) Тимоөея, Мелании, Алексея, Ориноу, Филипа, м(л) Өедора, м(л) Ирину, Мрию, Иоана, На(с)тасию.

А се поминание ра(б) Б(ж) Никитино з Славоутина. Помени Гди дшоу ра(б) своего Семиона, Мрію, м(л) Иякова, м(л) Коулену, м(л) Овдотию, Нікиту, Мрию, Еөимию, Мрию, Григория.

С того(ж) мѣста Славутіна: Алексея, Хотімін, Іоана, Никита, Агафія.

[**л. 84**). *А се помінае г(с)дна о(т)ца Іе(р).мо(х) Ге(р)мана, намѣсніка Мѣн'скаго Высо(ц)кого*: Николая, Гаврілія, Ан'тонія, Іоан'на, Тимофея, Іоанна, Анастия, Маріну, Маріну, Ан'ну, Ан'ну, Дом'нікію, Феору, Христину.

Се (род) Она Уси(в)ца: Она, О(в)дотію, Климе(н)тія, (П?)ара(с)ковію, (А?)грипина.

А се ро(д) пана Конста(н)тія Зрото(в)ского: Конста(н)тія, Е(в)стафія, Евдокію, Агрефина, Данілия, Василиа, Парасковию, Агафию, Марию, Іосифа, Іосифа, Григория, Григория, Евфросинию, Настасию, Василия.

А се ро(д) Іоакима Кислого з Мотовило(в)ки: Іоакима, Марію.

З Коро(ст). [155]) Помени Г(с)ди раба своего Феодора, Оринию, Марию, Марию.

[**л. 85**). *Се ро(д) Мефтодіа К(г)усто(в)скаго, інока м. Миха(й)ловско(г)*. Помени Гди дша преставлшы(х)ся рабъ своихъ: раба своего Макковея, Елену, мла(д) Іоанна, мла(д) Даниила, мла(д) Демияна, мла(д) Ан'ну, мла(д) Раину, інока Меөодия.

А се поминаніе рабы Божеи А(н)ны, игуменіи Лади(н)скои. Помяни Г(с)ди скимонаху Анноу.

[155]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

А се поминаніе еродиякона. Помяни Г(с)ди раба своего Василия, Гарасима, Грегория, Ілию, Еудокию, Мрію, Настасию, Миха(и)ла, Іоана, Стефана, Василія, Евдокію.

А се ро(д) Инъ Семіонови Ев'докіи Шлюшенковои, ра(й)ци киевскои: Андрея, Агафія, Грігорія, Вассы, Еввдокіи, Мирона, Конона. (Макдалену, М(р), Агафию, Просимию, Иоана) [156].

А се ро(д) Павла Пѣшка: Іоана, Анастасія, Іоана, Матфея, Евксенія, Мрю, Анну, Іоана.

А се поминание инока Филорета [157]. Помяни Гди дшу ра(б): К(а)рпа, Огапію, Мартина, Ірину, Миколая, Ганну, Мирона Голъжуту.

[л. 86). *А се ро(д) Феодора Резника и жоны его Марыи:* Иякова, Матроны, Ѳому, Миколая, Иоана, Настасию, Давыда, Михаила, Оксимию, Иоана, Марию, Марию, Оустимию, Пеланию, Захария, Татияну, Марию, Карпа, Татияну, Хрыстину, Анну, Корнилия, Агафию, Григория, Ганну, Ттатияну, Пелагию, Михаила, Иякова.

(С?)е ро(д) Димида Браги и пана Даніила Поло(ц)ко, меща(н) кие(вс)ки: Даниила, Демида, Акилины, о(й)сея, Стефана, Даниила, Мирона, Татяны, Адрияна, офрония, Агреѳини. М(л) Іякова.

Се поміnаніе рабы Б(ж) инокинѣ До(м)никіи, родомъ з Баранов'ки. Помяни Гди раба своего Гавріила, інокиню Домникію, Ган'ну, Стефана, Ан'ноу, м(л) Марины, м(л) Феофана, м(л) Ѳеодоры, м(л) Алексѣя, м(л) Андрея [158].

[л. 87). *Се поминание роду урожоного пна Даниила Голуба.* Помяни Гди душа престав(л)ши(х)ся ра(б) свои(х): Анъдрея, оанна, Пелагию, Екатерину, Елену, Іоаѵъна, Іоанъна, Алексанъдра, Екатерину, Никиту, Григория, Филона, іеромонаха Ісаакия, Соѳрониия, мона(х) Евѳимия, инокиню Анисию, Климе(н)та, Пелагию, мла(д) Саву, м(л) Пелагию, Даниила (заби(т) о(т) челяди своей Орас Ласка и Барана ро(к) 1649 октоврия 21 [159]). Стефана, Саву.

Се ро(д) Гарасимо(в) Ивановичо(в) с по(д) Володавы з Сушня. Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Гарасима, Огафию, Овдотію, Анъдрея, Анъну, Огафию.

[156]) Позднѣйшая приписка красными чернилами.
[157]) Приписано на поляхъ съ лѣвой стороны.
[158]) Внизу страницы: „Помощъ мо".
[159]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

А се уписъ еромонаха Софронія. Помяни Г(с)ди дшу раба своего Феодора, Параскевію, Петра, Катерину, Кондратія, Евву, Леон'тія, Кор'нилія, Николая, Пав'ла, Максима, Козмоу, Марію, Зѣновию, Пелагию, М(р)ію, Іоана, Ма(т)рену, Стефана, Гаврилія, Іосіфа, Ярофея, М(р)ію, Кон'дратія, Іринію, Василія, Тимофея, Вов'дотію, Христіну, Григорія, Феодора, Даниля, Романа, Марію, Елену, Іоана, Каленика, ерея Іона, Ксеню.

[л. 88). *А се уписъ іеродіакона І(оа)сафа.* Помяни Ги рабъ свои(х): іереа Өеодора, іереа Герасима. іереа Фирса, іереа Філоөеа, Стефаниду, Мрію, мл(д)нцу Настасію, Іакова, Андрея, Лаврентіа, Анну, Мрію, Елену, Одарію, Меланію, Анастасію, Зѣновію, Пелагию, Гордѣа, Лукіана, Іоа(н)на, Іоа(н)на, Анну, Даміяна, Стефана, Грігоріа, Василіа, схи(м)на(х) Мартина, схи(м) Савостіана, мона(х) Давыда, мона(х) Ко(м)ме(н)таріа, мона(х) Арсеніа, инока Горо(н)тія, ино(к) Гедіона, Марию, Радіона, Нестера, Іеремѣя, Іоа(н)на, Мрію, Меланію, Мрію, Одарію (Ефросинию, Огафию, м1(а) Анастасию, м(л) Леонтия, Өеодора, Екатерину [160]).

(*Се ро(д) Ісаіи Залозе(ц)каго*) [161]).

Помяни Г(с)ди дша оусо(б)ши(х) ра(б) свои(х): Макаріа, Анастасіи Герасима, Анастасіи, Романа, Ва(с)си, Ма(р)кела, Игнатія, Ко(з)ми, Григорія, Анны, Прокопіа, монаха Ефрем(и)а, иноки(ни) Але(м)піади, іеромонаха Ісаію.

А се поминаніе с Переяславля пана Григорія Бе(з)па(л)чого и жоны его Февроніи. Помяни Ги раба Бжія А(н)дрея, Олексея, Василія, Лукіяна, Мирона, Данилія, Мирона, Мартина, Евсевія, Ма(р)тирія, А(н)ну. Василису, м(л) Софію, м(л) А(н)ну, мо(н) Мисаила, Мрію, Ирину, Катарину, Іоа(н)на.

Феодора, Анастасию, м(л) Грыноу, Іоа(н)на, м(л) Іоа(н)на, Соломониду Гордѣя, Сол'омониду.

А се поминаніе ра(б) Бжія Іоа(н)на Широкого [162]).

Помяни Гди Іоа(н)на, Стефаниду, Стефана, Овдотію, Феодору.

Року 1620, генвара 16 дня. За игоумена Іоа(н)никіа Іова Боре(ц)кого

[160]) Позднѣйшая приписка.

[161]) Приписка съ правой стороны на поляхъ, неизвѣстно къ какимъ именамъ относящаяся.

[162]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 89) *Ро(д) Скочко(в) Нестера Васи(л)евича и Андрея Васи(л)евича, меща(н) и раде(ц) кіе(в)ски х).* **Помяни Г и дшя ра(б) свои(х): Нестра, Василія, Меланіи, Евдокіи, Наталіи, Исидора, Артемія, Кондрата, Григоріа, Анны, Анастасіи, Фотія, Михаила, Маноила, Григоріа, Даниліа (Дынки)** [163]**), Іоакима (ро(ку) 1625 мца се(н) 11** [164]**).**

Ро(д) Бооовичо(в). **Помяни Гди рабу свою Ксенію.**

Ро(д) Іакова Трохимовича, горо(д)ничого Горошко(в)ско(г). **Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Трофима, Ксеніи, Ісаака, Венедікта, Авксен'тіи.**

Помени Ги Трофима (ро(к) 620) [165]**) Михаила іереа ст. Николы ве (Л)вове.**

Ро(д) пна Богдана(в?) Басанскаго: **Настасію, Овдотію, Стеѳана, сна его** [166]**) Семена, Настасии, Василиа сна Семенова** [167]**), Агаѳии, Иоа(н)на, Клима, Василіа, Николяя, Венедикта. Агафю иноку, Марию, Іоанна, Василия, Агаѳии, Та(т)яны, А(н)дрея, Гераси(ма), Меланиі, Хилимона, На(с)тасии, Та(т)ны, Евѳимии, Соломонии.**

[л. 90) *Ро(д) Ивана Ореви(н)ки в Кіеве.* **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Іоанна, м(л) Симеона, Савы.**

Ро(д) Левка с по(д) за(м)ку в Кіеве и жоны его Іустины **(ро(к) 620)** [168]**). Помяни Ги дша рабъ свои(х): Іоанна, Давыда, Тимоѳея, Агафіи, Татіаны, Іереміа, Ксеніи.**

Се род Ивана Кияніцы. **Помяни Гди Иоан'на, Оленоу.**

Ро(д) Іакова До(в)жчен'ка: **Іякова, Ирины, Гавріила, Ѳеодоры, Макарія, Анну, Ма(р)ка, Акилину.**

Ро(д) Настасіи Пшеничувъны: **Настасіи, Василія, Мирона, Панькратія, Параскевіи, Маріи, Стефана.**

Ро(д) Остапа Молибога. **Помяни Ги дша раб свои(х): Елев'ѳеріа.**

Ро(д) Семена Тоу(р)чина з Жоуки(н): **Кондрата, Пелагіи, Тихона, Никифора.**

Ро(д) Данило(в) з О(р)ши. **Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Даніила, Наума.**

[163]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.
[164]) [165]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.
[166]) [167]) Приписки надъ строкой.
[168]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

(*Ро(д, Бихо(в)ца Мицкеви(ч)* [169]). **Помяни Гди дшу оусопшаго раба своего Григоріа, Савоу, Иоанна, Ирину, Даніила.**

(*А се поми...не Ми(ст)ця....(? и Холполина)* [170]) **Михаила.**
[л. 91). *Ро(д) Григориа Лонковича, Яцковича.* **Помяни Гди раба своего Грігория, Матрену, Давыда, Михаила, Иоан'на, Іоа(н)на, О(в)дотью, О(в)дотью, Ермолы, Агафію, Мел(ен)тія, Евтихія, Огафью.**

С Прилуки, с по(д) Вѣницы, ро(д) Іакова: **Екатерины, Варвары, Павла, Іоанна, Өеодора, Ефрема, Григорія, Параскевіа, Соломонида, Андрея, Алексея, Димитрія, Стефана, Стефана, Маріи, Стефаниды, Радіона, Анны, Өомы, Өеодосіи, Петра, Ісаака, Філіппа, Маріи. Ро(к) 1625, іюля 7** [171]).

Помяни Ги раба своего Никиту, Хіоніи, Өеодосіи, Маріи, Евдокіи, Евстафіа, Василія, Алексея, Філіппа, Зѣновіи, Пелагеи, Анны, Павла, Февроніи, Іякова, М(р)и.

Ро(д) Омеляна Ласоуты з Мозыра: **Емеліана, Параскевіи, Евсевія, Іова, Андрея, Іоанна, Али(м)піады, Анны, Соломоніи, Семеона, Евдокіи, Лоукіана.**

Ро(к) 1620, де(к) (?) дня [172]) *(Р?)о(д) Авдія с по(д) Мѣнска:*
Авдія, Анны, Филикса Щасного, Ксеніи, Іакова, ски(м)ницы Өеодосіи, Никифора, [л. 92) Іоанна, Георгія, Даріи двцы, двцы Маріи, младенцы Домнякіи, м(л) Варвары, Мартина, Стефаниды, Анны, Евдокіи, Евфимія, Авксентія, Меланіи, Марка.

Ро(д) Михаила Брасла(в)ца и жоны его Марөы з Тере(х)темиро(ва), ро(к) 1620 де(к) 21 [173]), *господыни ншое.* **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Прова, Анны, Іоанна, Романа, Артима, Зѣновіи, Екатерины, Евдокіи, Евдокіи, Ксеніи, Маріны, Григоріа, Агрипины, Евдокіи, м(л) Павла, м(л) Іоа(н)на, Павла, Варфоломея, Василія, Іоанна, Онуфрія, Михаила, Іакова, Григорія, Матроны, Маріи, Миха(и)ла, Ма(р)өы, Онисима, Григоріа, Анны, Іоанна, Стефана, Агапіи, Сильвестра, Петра, Павла, Агапіи, Иліи, Іоанна, Козмы, Евфросиніи, Никиты, Іакова, Евфиміи, Иларіона, Исакіа, Евфросиніи, Аөанасія, Мины, Леонтія.**

[169]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[170]) Тоже. Такъ какъ нѣкоторыя буквы отрѣзаны, при переплетѣ книги, то за это чтеніе нельзя ручаться.

[171]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[172]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

[173]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

Ро(д) Іоанна з Кремянца Евхимовича (рок) 621, (Сорокооуст) [174]): Іосифа, Іоанна, Анны, Маріи, Марины, Іоанна, Пелагіи, Агаѳіи, Евфимія, Маріи.

[**л. 93**) *Ро(д) Марты Ивано(в)ны Калистратовича Жуковны и(з) Москвы.* Ро(к) 1620 де(к) 24). [175]). Помяни Гди дша рабъ свои(х): иноки Марѳы, Іоанна, Варвары, Марка, Ксеніи, Стефана, Оуліаны, Маріи, Петра, Флора, Никифора, Ирины, Тарасіа, Іоанна, Константина, Калистрата, Агрипины, Ѳеклы, Се(р)гіа, Маріи, Ѳеодора, Маріи, Ѳеклы, Антониды, Ѳеодора, Ѳеодора, Ермолая, Ирины, Анны, Анастасіи, Даніила, Татіаны, ски(м)ника Исаія, Василія, Іосифа.

Павъла, Ко(н)драта, Миха(и)ла, Марію (з Хомоутця Полоулях) [176]).

Ро(д) сщеніка Іякова Ніконовича з Могилева. Помені Гди раба свое(го) сще(н)но іерея Евтропия, Феодора, Лукоу, сще(н)но іерея Онікіа, сще(н)но ерея Іякова, Ірину, Оуліту, Агафію, Анастасію, Оульяніи, Домнікеи, Аккіліны, Михаіла, Герасіма, Та(т)яну, Тарасія, Марію, сще(н)но ерея Лео(н)тія, Ирину, Оксинию, Романа, Марію, Ирину, Феодосію, Пелагею, Нікіфора, Стефана, Ирину, Евстафія, Ирину, Фео(до)ра, Одарку, Романа, Симео(н), Фео(до)ра.

(Р?)о(д) Ярмол..ма(н) з Острога Богдана: [177]). Ярмолоу.

[**л. 94**) *Власо(в) з Дубна:* Нікиту, помені Ги рабу свою Марію.

Ро(д) Михаила іеромонаха з Ґи(л)на: Алексея, Кон'стантіна, іерея Андреа, Павла, Матѳеа, Ѳеодора, Маріи, Маріи, Евдокіи, Алексеа, Сімеона, Марію, Гавріила, скимніцю Феодосію, скимницу Варсонофію.

Ро(д) Па(в)ловъ, мещані кіевъско(г), жены е(г) Татіяны и сына и(х) Даніила. Помені Ги раба своего Павла, Татияну, Лоукерію, Феодору, мла(д) [178]) Григорія. Помені Ги раба своего инока Исакия, Даніила, мла(д) [179]) Ма(т)ѳеа, Исидора, Саву, Оуліану, Логина, М(р)ію, А(н)дреа, Василіа, Ивана, мла(д) [180]) Григорія, Андрея, Ивана.

Ро(д) Андрея Мужиловско(г) Костеви(ча): Іереа Константина, іереа Григоріа, іереа Іоанна, Ісаію, Анастасію, Елену, Василіа, Назаріа, Ма(т)ѳеа, Макария, Матрону, Ма(р)ѳу.

---

[174]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

[175]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

[176]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

[177]) [178]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[179]) [180]) Приписки подъ строкой.

Ро(д) Лео(н)тіа Талка спо(д).... зомя с Та(л)ко(в), р(к) 1644) [181]) Лео(н)тія, Мрію, Кvрика, Оксинію, Даніила, Ирину, Іоа(н)на, Ксенію.

Ро(д) пна Ла(ст)ко(в) с повѣту Брасла(в)ско(г). Помяни Ги раба своего Михайла, Оудотію, Фео(д)ра, Мрію.

Ро(д) Артемовой з Бершади: Данила, Татияну, Евдокію, Мри(ю). Іакова, Анну, А(р)те(м)а, Павъла, Михаила, Өеодосіи, Климентія, м(л) Даніила, м(л) Симеона, м(л) Філіппа, м(л) Хрістіны, м(л) Хіоніи, м(л) Анны.

[**л. 95**) *Родъ Макарія з Каме(н)ки Стромиловы и жоны и ча(д) и(х), з Прилуки.* Помяни Ги дша рабъ свои(х): Макарія, Іоанна, Ирины, Алексія, Іустины, Мартина, Матроны, Симеона, Онисима, Өеодора, Іоа(н)на, Маріи, Евөимія, Хрістіны, Андре(я), Исидора, Өеодоры, Зѣновіи, Іоанна, Өеодосіи.

Ро(д) *Лео(н)тия,* сще(н)нока, намѣстника Ми(х). (Ро(к) Бо(ж) 1623) [182]): инокины Анастасіи, Павла, Іоанна, Екатерины, инока (Зизан) [183]) Си(л)вестра, Ю(р)я, Леонтія, іеромонаха.

(*Ро(д) Заневич з Сухолуча*): [184]) Прохора, Анны, Пелагію.

Ро(д) Гаврило(в) Гуріа ски(м)ника Глебова з Че(р)нигова. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Гоуріа ски(м)ника, Варсоөіи ски(м)ницы. Никодима схи(м)ника, Пимина схи(м)ника, Савелія, Григорія, Гео(р)гія, Анны, Агапіи, Наталіи иноки, Поликарпа, Поликарпа, Өомы, Өеодоры, м(л) Аөанасіа, м(л) Романа, м(л) Тимоөея, Стефана, Домникіи, Козмы, Маріи, схимонахи Марөы, Параскевіи, Евдокіи, Өеодосіи, м(л) Маріи, Лоуки, Ксеніи, Павла, схи(м)ницы Стефаниды, Мартіна, [**л. 96**) Стефаниды.

Ро(д) Анисіи з Москвы: [185]) Михаила, Евдокіи, Григоріа, Онофрїа, иноки Анисіи, Евфиміи, м(л) Іоа(н)на, м(л) Іоа(н)на, м(л) Михаила, м(л) Авдія, м(л) Грігоріа, Андрея, Анастасіи, иноки Агапіи, Агрипины.

Ро(д) Агрипины Московки: [186]) Антіпа, Екатерины, Павла, Исидора, Анны, Пелагіи, Пимина, Тимоөеа, Артеміа, Па(н)кратіа, Өомы,

---

[181]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[182]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

[183]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

[184]) Приписка съ лѣвой стороны.

[185]) [186]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Прокопіа, Григоріа, м(л) Анастасіи, м(л) Іоулиты, м(л) Іоанна, м(л) Ксеніи, Маріи, Емеліана, Соломониды, Григоріа, Ма(р)оы, иноки Агрипины, Гордея, Марию, м(л) Анну.

Ро(д) Евдоксіи, иноки з Москвы, з столицы: [187]) Іякова, Анны, Алексія, ски(м)ницы Варвары, Маріамы иноки, м(л) Тимоѳея, Мавры, Евдоксіи.

Ро(д) Совіи, инокини с Трубецка, з Москвы: [188]) Макарія, Логвина, Ѳомы, Андрея, Ксеніи, Макрины, Тарасія, Іоанна, Василія, Досиѳеи иноки, Маріи, Агаѳю.

Ро(д) Аѳанасіи иноки з Бѣлои, з Москвы: Іоанна. Ирины, Філімона, Стефана, Соломоніи, Аѳанасіи иноки, Марию. інока Пер'фірия.

Помяни Гди оусопшую Інокиню Анну, іерея Зѣновія.

Помяни Гди дшу рабъ своихъ: Иоана, Матѳея, Василія, Іосифа.

Помяни Ги раба своего Двда, Евхімію, Василія, Семена, Іякова, Анну, Анастасію.

[**л. 97**). *Рокоу 1621, авгоуста 15. Ро(д) пнее Га(л)ш(к)и Слоупичанки Василиевой Рогозинской с повѣтоу Брасла(в)ского.* Помяни Ги дша рабъ своихъ: Семена, Овдотіи, Іосифа, Доминикіи, Матѳея, Тихона, Мріи, Ѳеодора, Зиновіи, Пелагіи, Іоанна, Петра, Іоанна, Меле(н)тія, Стефана, Іоанна, Анны, Анастасіи.

(Ро(к) 1621, о(к)то(бр) 29) [189]) *Ро(д) Стефана Яска, кожемяки кіевского.* Помяни Ги дша рабъ свои(х): Стефана, Даміана, Ѳеодоры, Стефаниды, Марины, Іоустіны, Агапіи, Ѳеодора, Василія, Авксентія, Маріи, Стефана м(л) нек'рщо(н), Артемія, Козмы, инокинѣ Феклы, Андрея (козак з БариспоQля) [190]), Марію, Клима, Кирилла, Матѳея, Евдокію, Федору.

Помяни Ги дша рабъ свои(х): князя Симеона Лыки, Евфиміи кнгини Лыкинои, Оме(л)яна, Іоанна. Кондрата Черныше(в)ского, (Ро(к) 1621. ноября 28 дня) [191]). Ѳеодора Боутка, козака во(и)ска Запоро(з) (р. 1621). Андрея, Кирила.

Ро(д) Кондрата Чорнышевича з Бѣлое Цркве. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Кондрата, Евдокіи Юшко(в)ны, Лаврентія, Романа, Лоукіана Чернышевича.

Михаила, Іоа(н)на, Филиппа, Игнатіа, Мри, Іо(н)а, Екатері(н)у, Данила, Оудотію.

[187]) [188]) [189]) [190]) [191]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 98) *Року 1622, апри(л) 10 дня. Блачтивы(ӣ) моу(ж), пнъ Петръ Конашеви(ч) Сага(й)дачны(й), гетманъ во(й)ска Его К(р) м(л) Запоро(з)ского*, по многи(х) знамениты(х) вое(н)ны(х) послуга(х) и звитя(з)ства(х), на ложи свое(м) простеръ нозѣ свои, приложился къ о(т)цемъ свои(м), съ добри(м) исповѣданіе(м), исполненъ благи(х) дѣ(л) и милостыни в Кіеве; погребенъ при цркви школы Словенское в мѣсте на Подолѣ че(ст)но в домоу Бра(т)ства црковного. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Петра, Конона, Елисея (Ка(з)но(в)ско(г) [192]) Іакова (Борода(в)ка Неродич) [193]) гетмана.

Помяни Гди оусопшія рабы твоея Інокинѣ Макрины, Өеодосіи, Стефана, Михайла, Гавріила, Пелагіи.

Наоума, Іоа(н)на, Евдокію, Марію, Анастасію, іерея Өео(до)ра, Параскевію, іерея Михайла.

Ро(д) Олексѣя с Коростешова: Олѣксея, Ирину.

Гаврила, Огафию, Ирину, Григория, Феодору, Удотию, Просимію, Василия, Ка(р)па, Іосифа, Кирила, Прокопия, Анастасінію, Оафию, (Феди(к) [194]), Феодосію, Феодора, Татия(н)на, Андрея, Катерину, Ма(р)ка, Ирину.

[л. 99) *Ро(д) Іякова Клиши, козака войска Запоро(з)кого з Бѣлои Црква*. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Василія, Вас'сы, Марка, Елены, Матөея, Михаила, Никиты, Самоуила Сахна, Матро(у)ны.

Ро(д) Дмитра Онисковича з Вѣницы. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Онисима, Лоукіи, Іоанна, Анны, Мартіна, Маріи, Климентія, м(л) Іоанна, м(л) Гавріила, Агапіи.

Кирилла, Татіяны, Максима, Катеріну, Орину.

(Ро(к) 1622 а(в)гу(ст) 9) [195]). *Ро(д) Михаила Клыжки козака во(й)ска Запорозкого з' Василкова.* Помяни Ги дша рабъ свои(х): Михаила, Романа, Татіаны, Самоуила, Агапіи, Евдокіи, Иоакима, Давыда, Климе(н)тія, Ермолая, Матроны, Параскевіи, Евфиміи, Гавріила, Леонтія, Варвары, Анастасіи. Инока...

(што утону(л) Яско (...на Ко(н)драта кра...) [196]), Іакова, Протасіа, Максима.

Іоанна, Екатерины, Петра, Евдокіи, Павла, Анны, Мирона.

Наталіи, Захаріи, Марфы, Ананіи, Анны, Анны.

---

[192]) Приписка съ правой стороны на поляхъ.
[193]) [194]) Приписки съ лѣвой стороны на поляхъ.
[195]) [196]) Выноски на поляхъ съ лѣвой стороны.

Ро(д) ... Феодору, Огафию, Марію, Иоана.

Помяни Ги оусопшія рабы своя инокинѣ. Киріяка, Осифа, Орину, Де(м)яна, Трохима, Евдотию.

[л. 100) *...о(д) Вовчковъ из Желѣзнова.* Помяни Ги Антипа.

Родъ Василія Солоне(ц)кого, мещанина кіевского. Помяни Ги дша рабъ свои(х): Павла, Анастасіи, Кон'ста(н)тіна, м(л) Лазара, Іакова, Анастасіи, Зѣновіи, Зѣновіи.

Ро(д) о(т)ца Евгенія з' Бродо(в). Помяни Ги дша рабъ свои(х): Михайла, Марію, Марію, Марію, Ан'ну, іерея Іоанна, Тимоѳея, Феодора, Анну, Парасковею.

(*Ро(д) Остапо(в) Молибого(в)* [197]): Іоа(н)на, Марію, Ганну, Иякова младе(н)ца, Марію.

Родъ Даніила Митковича Дын'ки, боурмистра кіевского. Помяни Ги дшу раба своего Матѳея, Ирины, Даніила, Марію. Григорія, Василія, Софію, Александра, Игнатія.

(*Ро(д) Тимоѳео(в) съ Ко(р)ца*) [198]): Агафіа, Григорія, Нестора, Евдокія, Мартина, Евлампія.

...одъ Ермолая Авраамовича з слободы Митропо(л)ское. Помяни Ги дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Авраама, Ан'ны, Анны, Максима, Басю. м(л) Евѳиміи, м(л) Матроны, м(л) Софронія, м(л) Анны, Ермолая, Григо(р)я, Симеона, Оулияну, Ѳео(до)ру, Домникію, Екатерину, Іо(н)а, Петра, Миха(и)ла, Григоріа, Ан'ну, Іакова, Миха(и)ла, Део(ми)да, Филипа, Іона, Іако(в), Андрея.

[л. 101) *Ро(д) Даміана Сказ'ки, мещанина кіевс'кого.* Помяни Ги дшу раба своего Даміана, Самойла, Настасію, Вѣры, Алексіа.

Тимоѳея, М(р)ю, Іо(н)а, Іоакима, Іо(н)а, инокиню Ев'докію, Акилину, Огрефину, Фео(д)ра, Татіа(ны).

Родъ пнее Ѳеодоры Городищское, старостиное Яблоновское. (ро(к) 1624 а(в)гу(ст) ... вписано) [199]). Помяни Ги дша рабъ свои(х): Тере(н)тія, Іоанна, Анны, Василія, Андрея, Симеона, Павла, Феодоры, Михаила, Іакова, Анастасіи, Параскевіи, Ан'дрея.

Помяни Гди раба своего Савоу, Анны, Григорія, Анастасіи, Василія, инокиню Евфимію.

---

[197]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[198]) Выноска на поляхъ съ лѣвой стороны.

[199]) Выноска на поляхъ съ правой стороны.

Ро(д) Мартина Москаля. Помяни Гди раба своего Ѳому, о(т)ца и матерь его и ве(с) ро(д) его.

Родъ Ѳеодора Максимовича Полочанина. Помяни Ги дшу раба своего Максима, Ан'ну, Никиту, Оулиты, Овдотію, Варвару, Іосяфа, Грігорія, Мины, Силуана, Сер'гея, Герасима, Іоанна, Оуліа(н).

А се ро(д) Андрея о(т) Притискаго Николы, мещанина Кіев'ского. Помяни Ги дшу раба своего Ан'дрея.

...*о(д) Бу(с)ко(в)* [200]. Помяни Гди Ан'ну, Зѣновію, Пе(т)ра, Созона, Андрея.

Року, 1623, Іюня 8 дня [201]. *Родъ панее Катерины Шва(й)ко(в)скои с Кор'суня.* Помяни Ги дша рабы своея Гальшки (Елисавети) [202], Щасного (Филикса) [203], Дороѳеи, Мат'ѳѣя. Петра, Ан'дрея, Іоа(н)на, Екатерины, Ан'ны, Стефана, Конона, Елены, Ѳеодоры, Миха(и)ла, Ев'докіи, Анастасіи, Іоан'на, Параскевіи, Іоан'на, Маріи, Агапіи.

[л. 102) *Року 1623, августа 20 дня. Ро(д) Фе(с)ка с Че(р)к... Ма(т)ѳеевича:* Матѳея, Евдокіи, Григорія, Стефаниды, Ѳеодора, Матрены, Трофима (1626) [204]. Іоанна, Яремея, м(л) Ан'ны.

(Се еще и уписа(нъ).

(Ро(к) 1623, се(н)тем(в)ріа 16, пр..ставис ра(б) Бжі.. іеросхимона(х) Гедіо(н)—Герасим, игуме(н) Межиго(р)с... [205]. Іеросхимонаха Герасима, игумена Межиго(р)ского, бывшого Гедіона в' иноки(х), в' ми(р)ски(х) Гавріила (Римара) [206], Іоанна, Пантелеимона. Іеросхимона(х) До(ро)ѳея, Иліи Мощани(ц)кого. Іоа(н)на, А(н)дрея, стя(т)... [207], Михайла, Немиричу(в), Богдана, Василія, Иліи, Іоан'на, Михайла, Огрефины, Огрефины, Феодоры, Исидора, Феодоры, Ілию, Семео(на), Іоана, Е(в)ѳіміи, Михаила, Агафіи, іерея Гео(р)гія, Іоа(н)на, А(н)ны, Іоан'на, Венедикта, Онофрія (Чуренко козак) [208].

Помяни Ги дшу раба своего Антипа.

Въ лѣто 1624, в мѣстѣ в' Вите(п)скоу замоученіи. Помяни Гди раба своего Наоума, Семиона, Іоанна, Іоанна, Григорія, Гавріила, Ермогена, Фир'са, Богдана, Григорія, Гавріила, Іякова, Іоанна,

---

[200]) [201]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[202]) Надписано надъ словомъ „Гальшки".

[203]) Надписано надъ словомъ „Щасного".

[204]) [205]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

[206]) [207]) Приписки съ лѣвой стороны на поляхъ.

[208]) Приписка съ правой стороны.

Олехима [209]), Романа, Феодора, Елиазара, Феодора, Іякова, Стефана, Василія, Петра, Ивана, Овдотю, Аньдрея мла(д), Феодора, мла(д) Мат'фея, Ждана (Коню(ш)ко) [210]), Зѣновія.

Родъ Кондрата Лоукіяновича з Бабине(ц) Митрополи(х): Лоукіана, Матроны, Зѣновіи, Феодора, Пантелеймона, Ермолая, Кон'драта, Савы, Артемія Θеодора.

[**л. 103**). *Родъ коваля Ничипора з Бе(р)шади, з Ко(р)ми(л)ча, з по(д) Каменца*: Кирила, Хіоніи, Маріи, Анастасіи, Матроны, Кон'драта, Агапіи, До(м)ники, Маріи, Павла, Іоанна, Пантелеймона, Анастасіи, м(л) Максима (на со.....кооу(ст) [211]), Маріи, м(л) Маріи, Любве, Маріи, Маріи, Никифора.

Ро(д) Григо(р)я Олешченка з Настаски: Григорія, Θеодосіи, Тимоѳея, Меланіи, Алексіа, Екатерины.

Ро(д) Стефанови(ч) Порска(й)ло(в) в Кіеве: Алексія, м(л) Исаіи, Агапіи.

(*Ро(д) Мр Бусковои*) [212]). Помяни Гди дшу рабы своея Маріи, Іоан'на.

Помяни Гди рабо(в) свои(х): Харитона, Стефана, Евфимия, Іоана (з' Москвы) [213]).

Ро(д) Мартіна (ста(р)ца и послушника монастыра Михайловско(г) [214]) *Василіевича з Ивачева съ по(д) Тернополя*. Помяни Ги дшя рабъ свои(х): Василія, Евдокіи, Іакова, Василисы, Евгеніи, Димитрія, Агаѳіи, Іоустины, Маріи, м(л) Іоуліаны, Кон'драта (з Бабине(ц) ро(к) 1624) [215]), Еввы.

Іоанна Голъковъского.

А се ро(д) Ходыки, войта кіе(в)ско(г), ро(к) 1625 сконча(в)ся) [216]). Помяни Ги дшу раба своего Θеодора.

Ро(д) Лупи(н)ское [217]). Помяни Гди Стефана, Іакова, Іоан'на, Ксеніи, Агапіи, Маріи, инокини Коменътаріи, Даміяна, Зѣновія, Катерина, Маѳея, Ма(р).

---

[209]) Въ оригиналѣ это имя зачеркнуто.

[210]) Приписка съ лѣвой стороны на поляхъ позднѣйшей рукой къ имени „Ждана".

[211]) Приписка съ правой стороны.

[212]) Приписка съ лѣвой стороны красными чернилами.

[213]) Приписка съ правой стороны.

[214]) [215]) [216]) [217]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Си ро(д) Марина и(з?) щебренина: Ѳе(до), Ѳео(д)ра, Огафія, Мирина, Романь, Стефана, Марина, Огафіи, Юрія, Татіи(н), Іоань, Якова, Іоа(н).

[л. 104) *А се поминаніе Сысоя Рышовича, мещанина Новобыхо(в)ского.* Року 1624, мца се(п)тевр 10. Помяни Гди оусопшаго раба своего Іякова, Іоанна, Феодора, Петра, Феодора, Матроны, Стефана, Варвары, Екатерины, Мат'ѳея, А(н)ны, Ѳеодоры, Никиты, Параско(в)геи, Пелагіи, Елены, Екатерины, Леон'тія, Маріи, Ѳеодоры, Григорія, Огафіи, Филиппа, Зѣновіи, Параско(в)геи, Филона, Никиты, Зѣновіи, Никифора, Логгина, Мирона, Феодора, Мины, Маріи, Ѳеодосіи, Ѳомы, Огафію, Феоны, Ма(т)ѳея, Аѳанасія, Огафію, Ефрема, Григорія, Іоан'на, Вар'вару, Гавріила, Никіфора, Василія, Пелагію, Огафію, Пелагію, Феодора, Харітона, Тімоѳея, Климентія, Василія, Ксеніи, Агрипины, Ев'фиміи, Матрону, Параско(в)геи, Матѳея, Іоанна, мла(д) Агрипину, Марію, Анастасію, Савелія, мла(д) Марію, Марію, мла(д) Аки(н)дина, Андрея, Даніила, А(н)дрея.

Михаила, Катерину, Романа, М(р) Меланіи, Наталію, Анастасію, Іона, Агапію, Пилипа, Іона, По(х)ни.

Родъ Іоанна Василиевича Бо(н)дура [218]) *из Немирова.* (Року 1625 мца априля 20 дня). Помяни Гди дша оусопшихъ рабъ своихъ: Василія, Ѳеодора, Леонътія, Алексея, Маріи, Анастасіи, Василисы, Михаила, Григорія, Зѣновіи, Клементія, Дмитрія.

Дорофея, Іо(н)а, Іо(н)а, Семиона, Онисіа, Фео(д)ра, Фео(д)ра, Оле(к)сея, Рома(н)на, Евдотіи.

[л. 105) *А се поминаніе братіи общежите(л)ныя Стыя обители Межигорскія.* Року 1624, мца септеврія 20 дня. Помяни Гди дшу оусопшаго раба своего иеросхимонаха Феодула, іеросхимонаха Пимина, іеросхимонаха Флавіяна, іеромонаха Ев'фимія, еродіякона схимонаха Ев'стафія, схимонаха Стефана, схимонаха Деме(н)тіяна, інока Варсунофія, інока Ливерія, инока Ефрема, іеросхимонаха Герасима.

(Ро(д) Гна о(ц) Ферапо(н)та. Ро(к) 1627) [219]): Иакова, Пелагію, Михаила, Агафію, Дорофеа, Агафію, Мотрены.

Сидора, Меланіа, Ев'стафия, Улита, Пав'ла, Олену.

---

218) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

219) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

Ро(д) Мартиниана (з Москвы [220]*) Москаля:* **Силу, Малахия, Артемия.**

Помяни Гди дша оусопши(х) рабъ своихъ: помяни Гди Пантелеймона, Агафіи, Мартина, Аѳанасія, Е(в)геніи, Михайла, Екатерины, Іоа(н)на, Марка, Васияна, Сімеона, Іоулияны, Аѳанасія, Симеона, Ев'фиміи, Никиты, Маріи.

Помяни Ги дша оусопши(х) рабъ своихъ: помяни Ги Никифора, Григорія, Елену, Аѳанасіа, Оудотію, Фео(до)ра, Мелаѳію, А(н)дрея, Ан'ну, Василіа, Василису, Ан'дрея, Фео(до)сію, Татіану.

Самоила, Феодосію, Феодора, Пелагію, Матроноу, Ан'ну, Ѳеодора, Параскевеи, Філимона, Маріи, Іоана.

[л. 106) Помяни Гди преставивши(х)ся ра(б) твоихъ **и рабинь:** Помяни Гди Іоанна, Ан'дрея, Ілію, інокиню Одарію, Іоанна, **Михайла,** Мартина, Іякова, Ан'типа, іерея Григоріа, Іоанна, Овдокію, схимонаху Феодору, схимонаху Огафію, **Пелагію, Феодору, Кирилла, Екатерину, Ев'фимію, Тита, схимонаху Марію, Николая, Анны младеніцы, Матрону, Емелияна, інокиню Коме(н)тарію, інока Лоукіяна, інокиню Марину, Стефана, Логгина, Венедікта, Ан'дрея, Іоанна, Герасима, Георгія, Тарасія, інока Самоила, Ма(т)ѳея, Матрону, Даниила, Зѣновія, Ма(т)ѳея, Ев'докіи, Григорія, Стефаниды, Феодора, Матрону, Трофима, Іоа(н)на, Наталію, інокиню Одарію, Василіа, Іоанна, Ілію, Ан'дрея, Михайла, Іоанна, Ан'дрея, Мар'тина, Іякова, Ан'типа, Ер'молая, інокиню Евдокію, Анну, Ѳому, Марію, Іоанна, Іоанна, Феодора, інока Саву, Василія, Овдотію, Іякова, Василисы, інока Саву, Ан'дрея, Марію, Дмитрія, Кон'дратія, Оуліяны, інокиню Ев'фимію, инокиню Аѳанасію, Екатерину, Ов'дотію, Марію, Леон'тія, Марію, Агаѳию, Меланию.**

Ро(д) Григоріевъ Вакуличо(в) Чернобо(л)це(в), мещинина кіев'ского. **Помяни Ги дшу раба своего Савастіана, Симеона, Скочкова сна.**

Савостіана ...ченика с Ко(р)...огна [221]*):* Іереа Савостіана, **Іакова, Овдо(т)ю.**

Ро(д) Палаши(н) Илляшевой из Быхова. **Помя(н) Ги дшу ра(б) свое(г) Фео(до)ра, Антип(а), Татияни, Наталіи, Трохима, Параскевеи.**

[л. 107) Помяни Ги дшу **раба своего іеромонаха Петронія, Никиту, Марію, Гео(р)гіа, Ѳеодора, Власіа, Татиану, Іоа(н)на, іереа Максима, Гри-**

[220]) Это слово зачеркнуто.

[221]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

горія, Стефана, Ан'ну, Мар'ту, іерея Тимоѳея, Григоріа іереа, Саву, Филиппа, Василія, Герасима, Улітоу, Улиту, Прокопія, Матѳея, Агафону, Даниила, іерея Григорія, Іоа(н')на, Марію, Пелагію, Лео(н)тія, Ан'дрея, Ефрема, Марію, Ѳеодора, Марію, Іоан'на, Татіяну, Григо(р)я, Антонія, Василія, Сімеона, Марію, Ѳеодосію, Настасію, Ев'ву, Димитрія. Петра, іерея Козму.

Ро(д) Пе(т)роніевъ сцирца [222]: Ѳеодора, Марію, Никиту, Ефросинію.

Ро(д) Минодоры, иноки з Быхова, Мартиновны. Помяни Ги дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Мартина, Марины, Григорія, Евфимія, Евла(м)пія, Петра, Григорія, Савы, иноки Минодоры, Ермолая, Евгеніи, Іоанна, Варвары, Александра, Акилины, Маріи, Ѳеодосіи, Сил'вана, ...ноки Ѳеодоры.

Ро(д) Агапіи Харко(в)ны Іосифовое Слепощоновое, козач(к)и в' Кіевѣ. Помяни Ги дшя оусопши(х) ра(б) свои(х): Харитона, Зѣновіи, Іосифа, Евдокіи, Маріи, Ксеніи, Іосифа, Петра, Агапіи.

Родъ Мукатыръчинъ з мѣста Игумена. Помяни Гди дшоу раба своего Кγрилла, Макарія, Григорія, Ничипора, Мрію, Ирину, Ничипора, Ев'химію.

[л. 108) *Ро(д) Шийчо(в) и Шамановичо(в), з Борисова, з Руси.* Помяни Гди оусопшаго раба своего Емеліяна, Домникіи, Козмы, Василія, Іоуліяны, Зѣновія, Михаила, Евсевія, Іоанна, мла(д) Іліи, мла(д) Даніила, мла(д) Ксеніи, Анд'рея, мла(д) Анатоліи, Евдокіи.

(Татіяны, Ирины) [223].

(*Бодае(в) р... с Кричев...*) [224]: Никиты, Гео(р)гія, Петра, М(р), Фекла, Агапіи.

Иова, Меѳодия, Ісидора, Павла, Козму, Иякова, Иоан'на, Симіона, Григорія, Окилину, Катерину, Соломоніду, Мрью, м(л) Ва(р)вару, Окиліну, Параско(в)гею, Наталию, Онікея, Матьѳея, Павла, Ирину, Параско(в)гею, Ѳа(д)дея, Матрену.

Помяни Гди дшу раба своего іеромонаха Никодима, Авксенътія, іеродіакона Саву, Макрену, Пахомія іеродіакона, Іоакима, Домникіи, Марію, инокиню Ѳеофанну.

---

[222]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[223]) Эти имена вписаны въ текстѣ на пробѣлѣ, какъ бы оставленномъ для отдѣльнаго большого рода.

[224]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

Родъ Метейчинъ з Горошъковъ: **Θеодора, Θеодосіи, Матθеа, Ан'ны, Маріи, м(л) Пелагіи.**

Ро(д) іерея Ма(т)θея (Трояновско(г)о) [225]) *и жоны его Ефросиніи.* **Помени Ги раба своего іерея Мат'θеа, Па(в)ла, Ефросинію, Ев'докію, Захарию Снят'ков'ского.**

(Плу(ж)ни(к) 1627) [226]): **Маріи, Філіппа, Марии, Коуприяна, Катерины, раба Микитоу, Онисия, Олены, Ходосию, А(н)дрея, Оле(к)сей, О(в)дотии, Силуяна, Левона, Наталии, А(в)ра(м), Евтихи(й), Василия, Евъфимия, Сергей, Ма(т)ве(й), Одария, Ра(в)ринъ(?)** [227]).

[л. 109) *Ро(д) Фео(до)ра Крамаря з' Брагилова и жоны его Мріи* **(ро(к) 1620)** [228]): **Василіа, Фео(до)ра, Татіану, Семθона, Алексіа, Михаила, Антонія, Ан'дрея, Мрію, Василія, Михаила, Ан'ну, Стефани(ду), Татіану, М(р)ию, Фео(до)ру, Симеона, Θеодосіи, Татіаны, Ографины.**

Евфиміи, Андрея, Θеодора, Акилины, Маріи, Даниля(я), Феодора, Іоана, Стеθана, Θедосии, Іоанна, мла(д) Лаврентия, Стефана, Настасію.

Ро(д) Евгеніи Кроу(п)ской Ивановой Бъл(ъ)ской. **Помяни Ги дша рабъ свои(х): Марію, Мела(н)ю, Анастасіи, Іоанна, Амбросія, Евгеніи, Савоу, Семена, Трохима, Конона, Бориса, Анаталію, Мрію, Марину, Іоанна, Іоа(н)на и Наталію, Михаила.**

...о(д) Масленико(в) [229]): **Павла, Θома, Ев'фимію, Ев'ф(р)осі(н)ю.**

(Ро(д) А(н)дросо(в) Котляро(в) Б(р)янець, **р(к) 1627)** [230]): **Стефана, Анастасію, Михаила, Андреа, Софію.**

((Се ро(д) Куначко(в) и(з) Звино(г)оро(д)ки) [231]): **Фи(р)са, М(р)ю, Федора, Татяну.**

Ро(д) Θεдоро(в), мещани(на) Соколо(в)ско(г) [232]). **Помяни Ги дша оусо(п)ши(х) ра(б) свои(х): Θео(до)ра, Маріи, Іоан'на, Іоуліаны, Лоукіяна, Ев'ву, младеницу Агаθію, Іосифа, Оксимію, Ан'ну, Марію, Григоріа, Спиридона, Ан'дреа, Софію, Алексеа, мла(д) Θео(до)ру, Василіа, мла(д) Даніила, младе(н)ца Иоа(н)на, Иоа(н)на, Ма(р)тиріа, Семіона, Алексеа, Аθанасія, Алексея, м(л) Павла, м(л) Ан'дреа, Іоан'на, Параскевею, Василіа, Анну, Гераси(ма), М(р), Стефаниду, Агаθію, Іоа(н)на, М(р), Доминикею, Ан'ну, Агаθію, Іякова.**

[225]) [226]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[227]) [228]) [229]) [230]) [231]) [232]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

[л. 110) *Ро(д) iерея Іоа(н)на з мѣста Соколова.* Помяни Ги дша ра(б) свои(х): Марка, Анастасію, Ан'дреа, Власія, Ов'дотію, Симона, Лазаря, м(л) А(н)дреа, Маѳея, А(н)дреа, Параско(в)гею, Павла, Татіану, Іоан'на, М(р), м(л) Ксенію, Агаѳію, Мак'сима, Василіа, Павла, м(л) Ксенію, Пелагію, А(н)ну, Павла, Екатерину, Іоа(н)на, Іякова, м(л) Ан'дреа, Анастасію, Иринію, Ѳео(до)сію, Іоа(н)на, Лукіа(н), М(р), Тимоѳеа, м(л) Ев'стафіа, Матрону, Никола(а), Агаѳію, Іова, Димитрія, Григорія.

Ро(д) iеродіакона Пахомія. Помяни Ги дшу раба своего Пахомія, Іоакима, Ѳеодора, Василія, Илію, Никиты, Філіппа, Димитрія, До(м)никіи, Стефаниды, Ев'вы, Екатерину, Марію, Овдотію, Іоустины, Симеона, Марію, Сімеона, Захарію, Марію, Марію, Заха(р)ю, Агафію, Агафію, Іосифа, Нестора, Матроны, Марію, Овдотію, Аввакума.

(*Въ лѣ(т) 1626, авгу(ст) 11. Ро(д) Никиты Петровича Страхновича, мещанина и бу(р)мистра острозко(го)* [233]). Помяни Ги дша оусо(п)ши(х) ра(б) свои(х): Іо(у)стины, Ѳео(до)ра, Петра, Прокопіа, Даніила, Іакова, Тихона, Ѳомы, Самуила, Іоа(н)на, Агаѳона, Алексіа, Ѳео(до)ра, Василисы, Маріи, Ѳилимона, Го(р)діа, Ирину, Іоа(н)на, Мрію, Гликерія.

(Михайла, Никиты) [234]).

(*Ро(д) пновъ Стрыбылевъ, пана Ев'стафія и пана Петра. Року 1626*) [235]). Помяни Гди дша оусопши(х) рабъ свои(х): Іоуліаны, Ирины, м(л) Василія, м(л) Агафіи, Ѳеодоры.

(*Ро(д) Аннуши(н) Сидоровои, ме(щ). К.*) [236]): Іоана.

Року 1626, мца іануария 1 дня: Иеромонаха Петронія, иеромонаха Кирил'ла, іеромонаха Ев'гения, схимонахи Магдалыни, иерея Зѣновія, Онисима, Михаила, Василия, Даниила, Авдия, Ан'дрея, Мартина, Стефана, Павла, Иоа(н)на, Иоан'на, Иоачима, инокиню [л. 111) Софию, Семиона, Евдокию, Екатерину, Мрью, Илариона, Стефана, Максима, Евдотію, иеродиякона Евксе(н)тия, Акилины.

(*Ро(к) 1626, февраля 19*) [237]): Феодора, инокині Макрены, Мавры, иеромонаха Никодима, Екатерины, Стефана, схимонаху Евдоксию, Іріны, Анатолии, схімонаху Мрью, Ас'сона.

---

233) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

234) Позднѣйшая приписка курсивомъ въ текстѣ.

235) 236) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

237) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

(Рок 1626 авгу(ст) 12) [238]): **Інока иромонаха Варфоломея, Самуила, Тимофея, Диомида, Василия, (А)гапии, схимонаху Евдокию, иерея Өили(п)па, инокиню Феоөану, Настасию, Алексея, Парфена, Зиновия, Кирила, Исидора, Іоулияны, Ирины, Өеодоры, Василія, м(л) Агаөии.**

(Ро(д) Пе(т)роніевъ з' Щи(р)ца. Ро(к) 16... ... 4) [239]). **Іерея Стефана, Өеодора, Мрію, Філіппа, Өеодора, м(л) Григорія, м(л) Ірины, Екатерины, Оулиту, Зиновію, Пелагію, Григорія, Василія, Іакова, Прокопія, Мрію, сщенноинока Іосифа, Стефана.**

Ро(д) ***Ивана Широкаго.*** **Помяни Ги дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Іоулиты, Ефросину, Петра.**

...о(д) ***Мартина з О(л)ша(н)ки.*** **Помяни Ги дшя оусопши(х) ра(б) свои(х): Соломониды, Іоа(н)на, Мартина, Пелагіи, Агапіи.**

(Ро(д) Черевчіе(в) с Кіева: **Артемія, Евдокіи, Василія, Маріи, Стефана, Анастасіи)** [240]).

(Ро(д) ***Дудяг' с повѣту Мстисла(в)*** [241]): **Арте(ма), Павъла, Евменіа, Нестора, Агафію, Іоа(н)на, Агафію.**

...о(д) ***Дїонисія Ру(д)ко(в)ского)*** [242]). **Помени Ги дша рабъ свои(х): Лаврентіа, Маріа, Ан'ну, Луки, Мак'сима, Хотиміа, Ксеніи, Ан'ны.**

М(а)рію, Давыдіа, Өомы, Агафію, Мелагію, Ан'ну, Григоріа, Никифора, Татіану, Ана(с)тасію.

[л. 112) *Ро(д)* ***Стефана Ра(д)ковича, мещанина кіевско(г).*** (Рок 162(4). [243]). **Помяни Ги дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Марію.**

Монаха Гедіона, еппа Исакіа, іеромонаха Самоила, Өео(до)ру.

Ро(д) ***Тишковъ Ничипоричовъ с Корца.*** **Помяни Гди дшя оусопши(х) рабъ свои(х): Никифора, Анноу.**

Ро(д) ***Соломоніинъ Куциши(н) с под за(м)ку кіевско(г).*** **Помяни Ги дшя оусъпши(х) ра(б) свои(х): Соломонію.**

(Ро(к) 1626 се(н)те(м) 20) [244]). **Маріи Селивоновой в Кіеве.**

---

238) Приписка на поляхъ съ правой стороны рядомъ съ именемъ Ас'сона.

239) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

240) Взятое въ скобки зачеркнуто.

241) 242) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

243) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

244) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

(Уже сей писа(н) ро(д) [245]) (ро(д) Черевчіевъ Артема) [246]).

Уже и се(й) ро(д) писан, бо се помылили [247]).

Род Евгеніи инокини: Іякова, Марі(ю), Никиту, Марію, Феодора, Евгенію, Петруши, Параскевіи, Ирины, Ірины.

Ро(д) Прокопа Москвитина, обывателя кіевского. Помяни Ги дшъ оусопши(х) ра(б) свои(х): Василія, Лоукирію, Маріи (...1628 Хриса(н)ѳа вписа(т) дала ... Шаргорода) [248]), иноки Алимпіи, иноки Евфиміи, Евдокіи, Елены, инокини Варсонофіи, Петра, Агафіи, Григорія, Ко(з)мы, Евстафія, Анастасіи, Агаѳіи, Іоанна.

Іеромонаха Генадія, Анастасіи, іереа Василія, Маріи, м(л) Михаила, м(л) Іакова, м(л) Миха(й)ла, м(л) Анастасіи, м(л) Елены, м(л) Ирины, Анны.

[**л. 113)** (Ро(к) 1628, а(п)ри(ля) 15, в Чрими (?) преста) [249]). Иноки Евдоксіи, Мирона, Маріи, Іоуліаны иноки, Анны иноки, Тарасія, Настасіи, Исидора инока.

Ро(д) Ицка Іова Харитовича з Быхова. (Року 1628, мая 13 д(н) [250]). Помяни (Ги) дшя оусопши(х) ра(б) свои(х): Іова, Харитона, Вавилы, Хіоніи, Іо.ліяны, Стефаниды, Анастасія, Евдокія, Маріи, Маріи, Маріи, Трофима, Лоукіяна, Григоріа, Параскевіи, Герасима, Маріи, Ѳеодосіи, Любве, Анны, Іоуліяны, Меланіи, Анастасіи, Ирины.

Ро(д) Миха(й)ла Іоа(н)новича Копылки з Головчина: Иоанна, Михаила, Ксеніи, Ксеніи, Ирины, Маріи, Діонисіи, Леон'тія, Ісаака, Козмы, Іоанна, Пелагіи, Евдокіи, Маріи, Параскевіи, Кондрата, Іосія, Романа, Савы, Ѳеклы, Евгеніи, Татіаны, Маріи, Маріи, Харитона, Исидора, Василія, Ирины, Маріи, Василія [**л. 114)**, Параскевіи, Параскевіи, Карпа.

Ѳомы, иноки Али(м)піады, Игнатія, Константина. (Ро(к) 162... мая 29 стрѣт...) [251]).

Ро(д) (Маріи) Евламовои, обывателки кіевскои: Стефана, Сімеона, Алексея, Коста(н)тина, Мариноу, Анну, Марію.

Ро(д) Миха(й)ла Морозовича, козака во(й)ска к(р) его м(л) Запоро(з)кого, обывателя кие(в); (ро(к) 16... авгу(ст) д) [252]). Помяни Гди дшу раба своего Михаила.

---

[245]) [246]) За этимъ слѣдуетъ перечисленіе зачеркнутыхъ именъ.
[247]) За этимъ слѣдуетъ взятый въ скобки родъ инокини Евгеніи.
[248]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.
[249]) [250]) [251]) [252]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

И(з) Старосѣля и(з) за Коро(с)тешова: Ѳеодора, Меланію, Ѳеодора, Оксимію.

Іерея Гавріила, іерея Лео(н)тіа, Татіаны, Анны. Инока Ѳеодосіа, (Кота) [253]), Матѳеа, Агаѳона, Евфиміи, Екатерины.

И(з) Заславл(я) Якима Селитреника ро(д): [254]) оана, ар(и)ю, осифа ,нну ,о(р)дия ,нна, Іоана.

Ро(д) Прокопія Бахуре(н)ка, мещаніна кіевского. Помяни Ги дшя усъпшаго раба своего Прокопіа.

Ро(д) Авдѣя Лося, ме(щ). кіевского. Помяни Ги дшя раба своего Авдѣя, Пелагію.

[л. 115) *И(з) Бабинець*: Евстафія, Воксимію.

З' Оулыки ро(д) Ивана Середы. Помяни Ги дшя оусопши(х) ра(б) свои(х): Анну, Сvмеона, Никифора, Агафію, Ма(ри)ю, Сvмеона, Мирона, Марину.

Ро(д) Ми... [255]). Помени Ги ра(б) свои(х) преставъщи(х)ся сородни(к) мои(х). Помени Ги Дмитра, М(р)ію, Федю мате(р) мою, младеницу Матреноу, Миколоу и рабоу твою Онисію.

(*Ро(д) Гомзя* (?) *инокини Панкра...*) [256]). Помени Ги дша осуб.ши(х) раб свои(х), соро(д)ни(к) мои(х): инокиню Пелагию, инокиню Панкратию, Бориса, инокиню Панкратию, ски(м)ницу Феоктистоу.

Ро(д) Лео(н)тія Семеновича, мещани(н) и ра(й)цы кіе(в). Помяни Ги дша оусопши(х) ра(б): Анны.

Помени Ги дшу раба своего Іякова.

Ро(д) Романа Копаня, ме(щ) кіе(в). Помяни Ги дша оусо(п)ши(х) ра(б) свои(х): Романа, Евдокіи, Анны, Олену.

Ро(д) Якима, мещанина олыцкого, и жены его Еvфиміи. Помяни Ги дшя усопши(х) ра(б) свои(х): Павла, Василису, Андрея, Іоана, Іоакима, Анну, Марію, (Настасію) [257]), Марію, Ѳеодосію, Настасію, Евстафія.

Ро(д) Артема, ме(щ) олы(ц)кого, и жены его Пелагіи. Помяни Ги дшя усъпшаго раба своего Сvмеона, Оуліану, Кири(л)ла, Марію, атіану, Артема, Алексея, Іоакима, Лаврентіа, Пелагію, Петра.

---

[253]) [254]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[255]) [256]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

[257]) Имя это зачеркнуто.

[л. 116) *Ро(д) Мелетіа інока, ро(к) 1629.* Помяни Гди Мрію, Димитриа, Настасію, Өомы, Парасковію, Павелъ, Стефана. (Помени Ги Матруну Артемо(вую) [258]).

Ро(д) Даніила Семаки, по(д)дано(г) монастыра с. М(х), ме(щ) кіевско(г). (Ро(к) 629 се(н) 7) [259]). Помяни Ги дшя оусъпша(г) раба своего Даніила.

Помяни Ги дшя раба своего Никифора (н(з) Соф слоб) [260]), Леонтіа, Пе(т)ра, Иоана, Вере(ща)ку М(х). сло(б). [261]), Тихона, Деомида, Исаию, Парасковгею, Зеновию.

Ро(к) 1630, мца апри(л) 5 дня. Ро(д) инока Серафиона: Е(в)стафия, На(с)тасіи, Григорія, А(н)дрея.

Ро(к) 1630, а(в)гу(ст) 16. Ро(д) старицы лѣкарки и(з) Остря Маріи Савицкои. Помяни Ги дшя рабъ свои(х): Григорія, Іякова, Ксеніи, Евдокіи, Авраама, Евдокіи, м(л) Давыда, м(л) Захаріи, м(л) Самоуила, Лавре(н)тіа въ инока(х), Моисеа, м(л) Агриппины, м(л) Софіи, м(л) Маріи, Маріи.

Ро(д) Вакулинъ: Василия, Лаврена, Даніила, Настасию, Пара(с)ковею, Мрію, Мрію, Лаврена, Иоа(н)на, Григория.

[л 117) *Року 1630 мца 20 дня.* По преставленіи блже(н)ныя памяти гдна о(т)ца Иова Борец'ково, архиепспа митрополита Киев'ского, възведе(н) бы(ст) на престолъ митрополіи киев'ское і игуме(н)ства обители Стго Архистратига Михаила Золотоверхое цркве, на(д) Киево(м). Предержателе(м) оста б(л)же(н)ный г(с)днъ о(т)цъ Ісаия Копи(н)скій, иже и зде въ вѣчную памя(т) родителя своя въписати новелѣ: Инока Өеофана, Евдокію, Исакія, Трохима, Ан'ноу, Евдокима, Самоила, инокиню Иноке(н)тію, инокиню Александру, инокиню Ан'ноу.

Ро(д) раба Б(ж) Кири(л)ла Обанка, мещ(а)нина кіе(в)ского: Кири(л)ла, Агафію, Өео(до)ру, двцу Елену, Михаила, Ка(л)линика, Варвару.

(Поминаніе з Олыки Гри(го)ріа) [262]): Өео(до)ра, Анаталію, Григоріа, Мрію, Мину, Лу(к)янію, М(р)ію, Васілі(я), Міхала, Де(м)яна.

(Ро(д) сщнка Набере(з)ко(го) о(т)ца Климе(н)тия) [263]). Помяни Ги дшя ра(б) свои(х): Ирину, Өеодора, Меланію.

258) Позднѣйшая приписка въ текстѣ.

259) 260) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

261) 262) 263) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

(Ро(д) Ва(сі)ліа Па(н)ченятоня з Стоанова) [264]: Аѳанасіа, Мрію, Марка, Параскевію, Іосифа, Мрію, Патапіа, Анаталію, Ѳео(до)ра, Іоа(н)на, Іакова, Емеліана, Е(р)молаа, Григоріа, Даніила, Ѳео(до)ру, Іакова, Луку, Петра, Іова, Екатеріну, Алексіа, ео(до)ра, Марію, Мрію, Марину, іерея Андрея, Анну, Анастасію, Маріну, Овдотію, Ма(т)ѳеа.

[л. 118) *А се ро(д) инока Мітрофана Яро(в)ского, съслужітеля монастырского* (ро(к) 1630 мца но...брия ...) [265]. Помяни Ги дша оусобши(х) рабъ своихъ: сщнноиерея Ерохвея, сщенноиерея Феодора, Саву, Иоанна, Феодора, Глѣба, Феодора, А(н)дрея, Павла, Лукаша. Помяни Ги Пелагию, Ганну, Акелину, Настасію, Марію, Марію, Пелагию, Настасію, Ма(р)тина, Пара(с)ковию, Еѳимию, Агаѳию, Анъну, Іоана, Іосифа, Еву.

А се ро(д) Товстоуши(н), ски(м)ницѣ, Антонидинъ. (Ро(к) 1630 мца но... дев...) [266], Помяни Ги дша рабъ свои(х) Илию, Деміда, Евдотію, Пелагію, А(н)дрея, Улияна, Ев'дотию, Іріну, Хрола, Я(с)ка, Улияна, Е(р)мола, Устину, Марию.

(А се род Сыцко(в)ни(н)(?) [267]: Инокиню Варсонофию, Іоа(н)на Евфимию. Куз'му, Логина, Іоа(н)на, Иякова, Татияну, инокіню Матрену, Григоріа, Се(р)гіа, Михаила, Елену, Сергіа, Іякова, Аверкіа, Семіона, Агафію, Агафію, Овдотію, Марка, Пелагію, Петра, Ѳео(до)ра, Павла, Параскевію, Еvфимію, Ирину, Лаврентіа.

Року 1631 мца, ге(н)вара 9 дня Ро(д) Глыкиріи Логвинов(н)ы Даниловое. Помени Ги дша усобши(х) рабъ свои(х): раба Бжия Данніла, Михаила, Петра, Оксинію, Улияну, Марию, Ликирию.

Ро(д) з Бѣлои Церкви Семена Бако(ц)кого. Помени Ги Тита, Марию, Кондрата, Тита, Лаш(ъ)ка, Вѣру, Даниила, Христину.

З Бѣлое Црк ве 1631 року, ма(р) 26. Помени Гди дша усобши(х) рабъ свои(х): Феодора, Данила, Феклы, Аѳанасія.

Ро(д) Овдотіи Тал'чихи с Танко(в). Помяни Гди дша оусопшихъ рабъ свои(х) и рабинь: Овдотию, Никифора, Тараса, Агафию, Агафію, (ол'ну(?) Ан'ну, Олексу з Жиля(н) [268].

---

[264]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[265]) [266]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

[267]) [268]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

Ро(д) Івана Засѣцкого: Димитрия, Константина, Василия убиеннаго, Анну, Домникию, Өеодора, Евдокию, Дарию, младенцовъ Софония, Евдокию двцу, Симеона, м(л) Василія, Матрону, Андрея, Евдокию, Григория, Евдокию, Семиона, и и(х) сродниковъ.

[**л. 119**) *Упи(с) з С...боды Бса(л)ское, ро(к) 1631 и(л)... 27 дня.*) [269]). Помени Гди дшу усопши(х) рабъ своихъ: Миха(й)ла, Марию, Өео(д)ора Григоріа, Логина, Сидора.

Ро(д) се(й) з Острога, въ року 1631, рабы Бжей П...сковеи). [270]). Помени Гди дшу раб свои(х): Тимоѳеа, Евдотію, Огаѳію, Елену, Во(й)цѣх, Парасковею, Анастасію, Васілія, Өео(д)ра, Парасковию, Тарасия, Матрону, Дионисия.

(*Ро(д) інокін... Міхайло(в)ско...*) [271]): Адерью, инока Савостіяна.

Сие поминание Якова Соп'ковича.. Помяни Гди дшу раба своего Сева(с)тияна и подружие его и чада,

Рабы Бжіи Фео(д)...сіи. Ро(д) сей з Острога в року 1631, мца августа 8 дня. Помяни Гди раба Бжего Фи(п)па, М(р), Михайла, А(н)дрея, Савы, Михайла, Хрыстыни, Орыни, Е(в)дотіи, А(н)ны, Ждана, Иосифа, Өео(д)ора, Ко(з)ми, Иосифа, А(н)дроника, М(р), М(р), М(р), Демия(н), Өсодосію, Е(в)ксеніа, А(га)фия, А(н).

Огафия, Агрипина, Остафія, Ла(в)ре(н)тія.

[**л. 120**) *Оусопшіи інокинѣ монастыра Михало(в)ского:* Парасковію, Аѳанасію, Марину, Евдокію, Мѵ́реу, Ко(м)менгарію, схимницу, Агафію.

Послушники мирскіи мона(ст). Михайло(в): Тимоѳѣя, Лавре(н)тія, Васілія, Матвѣя, Василія.

[**л. 121**) *Лѣта 1654 году. Вручилъ Бгъ* великому Гдрю, Црю и великому кнзю Алексѣю Михайловичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росіи само(де)ржцоу, Великое Киевское княженіе, и по ево, гдрву, указоу пе(р)вые присы(л)ки на Великое Кие(в)ское княжение боя(р) и воево(д).

Ро(д) боярина кнзя Өедора Өедоровича Волъконского: Помяни Гди дши оусопши(х) ра(б) свои(х): раба своего кнзя Тимофѣа оу(б), кнзя Иванна, кнзя Өеодота, кнзя Петра во иноце(х) Паѳноутиа, кнзя Иванна, кнзя Ондрѣя, кнзя Дими(т)рея, кнзя Григория, кнзя Иванна, кнзя Михайла, кнзя Иван(н)а оу(б), кнзя Иякова, кнзя Өеонасия, кнзя Данила, Василия, Иванна, Амбросия, иноку схи(м)ницоу княиню Анисию, іноку

[269]) [270]) [271]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

схимницоу княжню Наталию, княиню Ѳео(д)осию, княиню Марию, княиню Оу(л)янѣю, іноку схимницу княиню Марию, княиню Еленоу, княиню Ма(р)ю, княиню Дарию, княиню Марѳоу, Данілия.

Помяни Гди дшу раба своего Матвея.

Ро(д) око(л)ничева Ивана Офона(с)евича Гавренева: Аѳанасия, А(н)ноу, Еоуфимию, кнзя Василия, кнзя Иванна, кнзя Семиона, во иноце(х) Саватѣя.

[**л. 122**) *Ро(д) боярина і дворецкого Василья Васильевича Боуту(р)лина.* Помяни Гди дши оусопши(х) ра(б) своихъ: оу(б). Матфея, Настасию, Василия, инокоу схи(м)ницоу Евникѣю, Фи(р)са, Фео(до)ра, Василия, інокоу схи(м)ницоу княиню Ма(р)ѳоу, княиню Ан'ноу, Еленоу, інока Феодосия, Тимофѣя, Романа, Феодора, кнзя Григория, княжню Ма(р)ю, кнзя Иванна, кнзя Пе(т)ра во иноце(х) Па(ѳ)ноутия, кнзя Иванна, Фотинию, кнзя Ива(н)на, мла(д) Пе(т)ра, мла(д) Никитоу, мла(д) Логина, мл(ад) Алекса(н)дра, мла(д) Фотинию, мла(д) Ирину, Силоу, А(н)ну, Фео(до)ра, Марию.

Сие гле(м) по(в)се(д)не(в)не за пре(с)та(в)ши(х)ся, ра(з)вѣ пра(з)нико(в) і сты(х) нарочитыхъ, по(с)ти(х) хра(м). гле(т) іерей ектению сию..... [272]).

[**л. 123**) *Ро(д) се(й) з Острога Ми(х)на Улияни.* Помяни Гди дша ра(б) свои(х): Макарія, Палагію, Агафію, Анастасію, младе(н)ца Иосифа, Е(в)дотіи, Сидо(р), Фео(д)р, Иякова, Ѳео(д)сіи, Іанна, м(л) Климе(н)та, Семиона, М(р), М(р), М(р), Ѳеодора, М(р), Гаврыла.

Року Бо(ж) нароженіа 1633. Родъ епи(с)копа Зосимы Прокоповича (намѣ(ст)н Михайловск.) [273]) уписанъ: Радіона, Авксентія, Іоанна, схимонаха Порфиріа, А'нну, Ѳеодору, Прохора, Марію, Марію, Іоан'на, Ісаакіа.

А се род п. Ма(р)ков...чово(й) Улияны) [274]): Евстафія, Грігория, Іоана, Александру, Іулияну.

Ро(д) іеромона(х) Нектарія Григориевіча, ро(к) 1631, мца авгоуста дня 19) [274]): Григорія, инокіню Маріноу, іеромонаха Нектарі(а), Іесифа, Ѳеодору, Іесифа, Пелагію, Михаила, і ча(д) і соро(д)нікъ ихъ.

---

[272]) Текстъ слѣдующей далѣе въ подлинникѣ ектеніи опущенъ въ настоящемъ изданіи.

[273]) [274]) Позднѣйшія приписки съ правой стороны на поляхъ.

(Родъ пана *Че(р)навского* і сна его Лео(нт)ія) [276]): Іякова, Леонтия, Анастасію, Ан'ну, Феодору, м(л) Григорія.

А се поминаніе іеромонаха Иліи с Премы(ш)ля: Василія, Анну, Козму, Ирину, Григорія, Екатерину, ереа Маѳея, Зѣновію, ерея Семиона, Елену, Марію, ерея Іоанна, ерея Стефана, іеромонаха Ілію, Василіа о(у)біе(н)наго, Григоріа, Макарія, Данiила, Анну, Петра, Марѳу, Матрону, Анастасію, Ѳеодосію, Алекса(н)дра, Марію, ерея Алексе(а), Анастасію, Андрея, Парасковію, ерея Іоа(н)на, ерея Тим(о)ѳея, Василія, инокиню Тавиѳу і ине о(т) рода си(х) помяни Гди.

[**л. 124**) (*Ро(д) Маяко(в) с Корсоуня козаковъ, рокоу 1631 мца а(вс)та дня 15*) [277]): Ѳеодора, Зиновію, Анастасію, Григория, Тимоѳея.

(Ро(д) грѣшнаг іеромонаха *Калистрат*... бывшаго оуста(в)ніка манастыра с а(р)хистратіга Ми(х) церкве Золот...верьхое, ро(к) 1634, мца ма...та дня 16) [278]). Помяни Гди рабъ своихъ: Илію, Іоанна, Ма(р)ка, інока Анатолія, Мефодія, инока Гала(к)тіо(на), Соломонію, Христіну, Е(в)фімію, Емеліяна, Ѳому, Филипа, Грігорія, Іоанна, Ан'ну, Зѣновію, Ирину, Ан'ну, Анну, Татіяноу, Корнілія, Пахомія, Иоана.

Ро(д) раба Бжія Дія Ев'фимовича, головы стрелецкого. Помяни Гди раба своего Евфимія. Дия.

(Род Пруті... с Корсуня козаковъ, рокоу 163... мца а(в)та дня 15) [279]): Пар'ѳена, Овдотію, Семіона, Овдотію, Іоан'на, Оуліяну.

Помяни Гди Тере(н)тия, Марію, Зиновию, іерея Стефана.

(Ро(д) Олешко(в)ско(го) с Ко(р)соуня козако(в), року 1631, мца а(вс)та дня 15) [280]): Леон'тія, Екатеріноу, Іоан'на, Марію, Марію, М(р)ію, А(н)ноу, Татіяну, іеромонаха Іесіфа, іродіакона Максіма, Прокопия.

(*Поминаніе Савы Зубе(н)ка з Лѣска*) [281]): Помяни Гди Василія, Овдотію, Іоанна, Екатерину, діакона Василіа.

(*А се поминаніе Пархома ...олиненка(?)* [282]): Пархома, Ірину, Іеремія, м(л) Іона.

(*Рок 1632, мца ма(й) 20)* [283]). Помяни Гди Евфимію, Парасковию, Ма(р)тинія, Ѳео(до)ра, До(м)никіи, Ма(т)рены, Ан'ну, инокіню Иноке(н)тію, инокіню Алекса(р)дру, Ни(ки)ту, инока Германа.

---

[276]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[277]) [278]) [279]) Приписки на поляхъ съ правой стороны.

[280]) [281]) [282]) [283]) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

[л. 125) По(м)яни Гди оусо(п)ши(х) ра(б) свои(х) пре(ж)де почи(в)шихъ вѣка сего о(т) Адама и до сего дня. Помя(ни) Гди Алексея, Еѵѳиміа, Вар'вару, Еѵѳимія, Богдана, Пелагію, Агафію, Овдотію, Ѳеодора, Ма(т)рену, Матрену, Тамілу, Анноу, Ма(т)рену, Ан'ноу, Ѳеодору, Ан'ну, Еѵвоу, Оѵдотію, Ва(с)соу, Овдотію, Одарію, Ва(с)соу, Ма(т)рену, Марію, Пелагію, Оксінию Та(т)яну, Гаврилія, Радіона, Грігорія, Еѵѳиміа, Іоакима, Григорія, Ка(л)леніка, Радіона, Іоана, Тімофеа, Тим(о)феа, Ерофеа, Еѵстафіа, Григорія Дми(т)рія, Лоу(к)яна, Полонію, Катеріну, Огафію, Оѵдотію, Андреа, Радіона, Іякова, Петра, Маріноу, інокіню Агафію, Савоу, Артемія, Па(в)ла, Полонію, Овдотію, Марію, інокиню схимніцу Стефаніду, Григоріа, інокіню Маріну і ча(д) хъ, ієромонаха Не(к)таріа, Протасія.

Помяни Гди Василія Вѣгуру, куму М(р).

(Ро(д) Александра *Турянского ...урского* і жены его Александры Дедеркаловны с повѣту Кремянецкого) [284]. Помяни Гди дша рабъ свои(х): Герасіма, Мрю, Аѳанасія, Матрену, Елену, Ев'фимію, Анастасію, Іоанна, Емеліяна, Алекса(н)дра, Александроу, Иосифа, Мрію, Ѳеодора, Ѳеодору, Грігорія, Михайла, Ѳеодору, Анастасію, Василія. Андрея, Ов'дотію, Ма(р)тіна, Иоанна, Овдотію, Михайла, Анастасію.

***А се поминание Тере(н)тия Земя(н)ского.* Помяни Гди Тере(н)тия, Мрию.**

[л. 126) *Року 1632 мца м(р)та 23 дня* (Сіи дши списаны суть с табліци ієромонахомъ Ка(л)лістрато(м) [285]).

Помяни Гди пре(ж)де оусопши(х) рабъ свои(х): преосще(н)наго всея Росіи митрополита Іова, схимонаху Агафію, ієромонаха Ѳеофила, інока Галактіона, Екатерину, схимонаху Елевѳерію, Корнилія, Іякова, Феодора, Параскевею, Филимона, Марію, Иоанна, Грігорія, схимонаху Феоктісту, інокиню Антониду, інокіню Панкратію, інокіню Онисію, інокіню Панкратію, инокіню Стефаніду, інокіню Пелагію, Марію, Екатеріну, Іоана, Марію, А(н)ну, Іякова, Максима, Екатеріну, Агафію, Меланію, Агафію, Елену, Екатеріну, Макарія, Симона, Марію, Михайла, Петра, Оксінію, Уліяну, Марію, Панкратію, інокіню схимонаху Елісавеѳоу, інокіню Феодосію, Феодора, Даніила, Феклу, Аѳанасію, Параскевію, інока Мартіміана, Міхайла, інока Рафаила, Іоана, Марію, інокіню Сусанну, Грігорія, Пелагію, Марію. Грігорія, інока

[284]) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

[285]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

Гер'мана, Іоанна, Василія, неродіако(на) Анастасіа, схимонаху Феодосію, .химонаху .а(г)далену, .нокиню .а(г)далену, .нокиню .вламъпію, .нокиню Дарію, .нокиню Евдотію, Пелагію, інока Се(р)гія, інока Тита.

Зде да спісую(т)ся на сей все(й) хартіи яже суть написаны въ табліцы і нѣ дерзають и... [286]).

Ро(д) Олешковъ Дороганенковъ з Богуславля, року 1633 мца а(в)гу(ст) 14) [287]). **Помяни Гди Мо(й)сея, Семенъ. Мрю, Овдотію, Алексея, Агафію, А(н)ну, Анастасію, Агафію, Миха(й)ла, Анну (Дорочаню(в)ни) [288]).**

Сіе поминаніе Лаврентія Прокоповича с Турова. Ро(к) 1637: **Лаврентіа, Савву, Тимоѳеа, Стефана, Артеміа, Мрію, Матрону, Ѳео(до)ра, Іоакіма, Варвару, Гавріила, Пелагію, Прокопіа.**

(Се родъ Іліи Панковіча съ повѣту Белского з села Карова) [289]). **Помяни Гди іерея Іоана, іерея Алексея, иерея Грігорія, іерея Іоанна, іерея Василія, Панкратія, Мрю, Илію, Палагію, Антонія, Анну, Козму, Авксентія, Татіяну, Іосіфа, Лео(н)тія, іоросхимонаха Антонія, инока Тимоѳея, інока Гервасія, инокіню Анфію, інокіню Соломонію, и вся сро(д)ники и(х) по имени. Помяни Гди во цар(с)твіи свое(м) нб(с)номъ (Иякова) [290]).**

(Се ро(д) Авърама Васіліевича, мещанина кіевъского) [291]): Авъраама, Еленоу.

А се поминаніе **Гришково Проску(р)ки Кумуро(в).**

(И(з) Немирова) [292]): **Василія, Окъсімію, Феодора, Іоана, Гапона, Марію, Марію, О(к)сімію.**

(Ро(д) іеродіякона Іесифа) [293]): **А(н)дрея, Катеріну, Феодора, Андрея, Ксенію, Маріи, Дми(т)рія.**

[л. 127) *(Ро(д) еромонаха Исаакія, ро(к) 1635)* [294]). **Помяни Гди раба своего еромонаха Исаакіа, еродиякона Рафаила.**

Помяни Гди дшу раба своего Юрия, Ан'ноу, Оринію, Пара(с)ковею, Ко(з)му, Гарасима, Омеляна, мона(ха) Иелиссея, Гурина, Анну, Ан'ноу, Овдотію, Огафию, Огафию, Огафию.

---

286) Написано внизу на самомъ краю страницы.

287) Приписка на поляхъ съ лѣвой стороны.

288) Позднѣйшая приписка въ текстѣ.

289) 290) 291) 292) 293) Приписки на поляхъ съ лѣвой стороны.

294) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

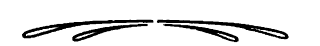
(Ро(д) монаха Галактиона паламора) [295]). **Помяни Гди раба своего монаха Гала(к)тиона, Филипа, Огафию, Ивана, Ана, Лаврена, Миха(и)ла, Ко(н)драта, Катерина, Овдотія, На(с)тасіа, Гасю, Семена, Дорофе(й), Феодоръ, М(р), М(р), Ива(н), Семиона.**

А се поминаніе сщеника Доброннко(л)ского Сѵмеона: **Еѵфимию, Ирину, Илию, Прова, Евтиха(?), Домникію, Елену, Өеодора, Василисоу, Гурина, Кондрата, Еѵстафія, Павла, Лаврентія.**

Поминание гпжи ігумени інокі(н) Агафию, еро(с)...(?) Іоа(н)на мо(н) А(р)сения, ...(?) Нектария, Филипъпа, Өеодору, інокиню Надежду, Софоніа, инокиню Тавиөу, ино(ки) Софронію, Настасію, м(л) Стефана, м(л) Анну, Өеодора.

Сие поминание родичовъ Григориеви(х) Базалѣйского. **Помяни Гди Василия, Пара(с)кевию, Е(в)стафиа, Иринию, Оксинию.**

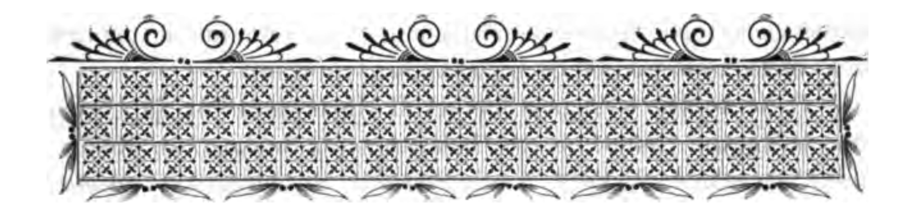
Род Іоа(н)на Чалого, козака Ставиского. **Помяни Ги Іоа(н)на, Данила, Ефросиню іно(к), іно(к) Ефимию, іно(к) Алекса(н)дру.**



[295]) Приписка на поляхъ съ правой стороны.

Отдѣлъ IV.

Библіографія.



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

1.

Cyryl Studziński: Pierwszy występ literacki Hipacyusza Pocieja. Lwów. 1902. Стр. 80.

Профессоръ Львовскаго университета К. Студинскій извѣстенъ въ научной литературѣ многими произведеніями историко-литературнаго характера, большинство которыхъ касается западно-русской церковной уніи. Разумѣемъ его труды: *1) Пересторога. Руський памятникъ початку XVII віка. Історично-літературна студія. У Львові 1895 г.; 2) Причинки до историі уніі. Критичні замитки на розвидку д-ра Івана Франка п. з. „Z dziejów Synodu Brzeskiego 1596 г.“; 3) Хто бувъ авторомъ Ἀντίρρησις з р. 1599? 4) Три панегірики XVII в.; 5) Geneza poetycznych utworów Markiana Szaszkiewicza, w Krakowie, 1896 г.; 6) Charakterystyka i geneza poetycznych utworów Ambrozego Metlińskiego, w Krakowie, 1897 г. и др.*

Въ настоящее время проф. Студинскій, какъ самъ заявляетъ онъ, подготовляетъ критическое изслѣдованіе о полемическихъ сочиненіяхъ Ипатія Поцѣя, одного изъ самыхъ видныхъ дѣятелей первыхъ временъ существованія западно-русской уніи. Разсматриваемое нами сочиненіе его служитъ, по

словамъ автора, только вступленіемъ къ обширной работѣ его, имѣющей появиться въ скоромъ времени.

„Pierwszym występem literackim Hipacyusza Pocieja“ было полемическое сочиненіе его, изданное въ Вильнѣ въ 1595 г. подъ заглавіемъ: *„Унія, альбо выкладъ преднейшыхъ артыкуловъ, ку зъодноченью Грековъ с костеломъ рымскимъ належащыхъ. У Вильни, року Божого 1595, за дозволеннемъ старшыхъ“*.

Это сочиненіе безъименнаго автора, каковымъ проф. Студинскій, вслѣдъ за м. Макаріемъ и проф. Завитневичемъ, признаетъ Ипатія Поцѣя, и разбирается критически г. Студинскимъ по слѣдующему плану.

Во вступленіи (стр. 1—25) излагаются причины введенія уніи и ея первоначальнаго неуспѣха, характеризуется значеніе Ипатія Поцѣя въ исторіи укрѣпленія уніи, и приводятся доказательства авторства Ипатія Поцѣя въ отношеніи книги „Уния“ и пр.

Затѣмъ, въ трехъ главахъ подробно разбирается содержаніе книги „Уния“, а именно: 1) посвященіе книги Ѳеодору Скумину, Новогродскому воеводѣ, причемъ опредѣляется и значеніе Скумина въ исторіи Брестской уніи и его отношеніе къ Поцѣю и т. п. (стр. 26—31); 2) предисловіе къ читателю (стр. 32—54) и 3) богословское содержаніе книги (стр. 55—73). Въ главѣ четвертой (стр. 74—75) указываются слѣды полемики Поцѣя противъ „Уніи“.

Книжка снабжена подробнымъ указателемъ литературы предмета.

Разсмотрѣнное нами сочиненіе проф. Студинскаго, какъ и всѣ другія его произведенія, носитъ на себѣ ясную печать усерднаго, внимательнаго и всесторонняго знакомства автора съ изслѣдуемымъ предметомъ.

2.

П. Жуковича: Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.) СПБ. 1901 г. Стр. XX+608.

Настоящее сочиненіе посвящено изученію важнѣйшаго, можно сказать, центральнаго событія въ исторіи западно-русской церкви. Событіе это уже не одинъ разъ было предметомъ научнаго изслѣдованія. Извѣстны спеціалистамъ труды по исторіи Брестской уніи, разновременно появлявшіеся въ нашей и иностранной литературѣ („Литовская церковная унія“ проф. Кояловича въ двухъ томахъ, СПБ. 1859—1861; „Исторія русской церкви“ м. Макарія, гдѣ въ IX и X т. т. излагаются свѣдѣнія о Брестской уніи; Geschichte der Union de ruthenischen Kirche mit Rom, въ 2 т. т. Wien 1878—1880 г.; Unia Brzeska (r. 1596), E. Likowskiego, Poznan 1896 г.). Не упоминаемъ о другихъ менѣе замѣчательныхъ трудахъ, посвященныхъ вопросу объ уніи.

У всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, у значительнаго большинства историковъ преобладалъ взглядъ на унію, какъ явленіе преимущественно, даже исключительно, церковное, какъ на событіе, явившееся результатомъ римско-католической пропаганды въ Западной Россіи, усилившейся къ концу XVI в., благодаря появленію на аренѣ религіозной борьбы такихъ ловкихъ бойцовъ, каковы іезуиты. Между тѣмъ обнародованные въ послѣдніе годы документы давали возможность понять несомнѣнную односторонность подобнаго взгляда на церковную западно-русскую унію. Вновь обнародованные акты ясно говорили о томъ, что унія была только однимъ изъ наиболѣе видныхъ и замѣчательныхъ проявленій борьбы двухъ народностей—польской и русской—и двухъ культуръ—православно-русской и польско-католической, которыя встрѣтились на территоріи нынѣшней Западной Россіи и неминуемо должны были вступить въ борьбу между собою. Однимъ изъ наиболѣе видныхъ и замѣчательныхъ фазисовъ въ исторіи этой борьбы и была церковная унія Русскаго народа съ Римскимъ, которая, такимъ образомъ, была результатомъ вза-

имодѣйствія всѣхъ условій внутренней жизни и политики Польши.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія самымъ блистательнымъ образомъ подтверждаетъ и раздѣляетъ правильность такого именно взгляда на унію. „Западно-русская церковная унія“—говоритъ авторъ,—„по самому происхожденію своему, была въ значительной мѣрѣ актомъ внутренней польской государственной политики, давно задуманнымъ или, если угодно, навѣяннымъ историческимъ ходомъ жизни, и только ждавшимъ благопріятнаго момента для своего осуществленія.

А такъ какъ внутренняя жизнь и политика Польскаго государства наиболѣе рельефно выражалась въ сеймахъ, то, поэтому, и исторія уніи, бывшей выраженіемъ внутренней политики Польскаго государства, должна, по справедливому замѣчанію автора, излагаться не изолированно, а по возможности въ связи съ общимъ ходомъ польской сеймовой жизни“.

Такъ авторъ и дѣлаетъ. Онъ слѣдитъ за ходомъ сеймовой борьбы русскаго дворянства, какъ единственнаго сословія въ Русскомъ народѣ, пользовавшагося въ Польшѣ политическими правами, съ церковной уніей на протяженіи времени съ 1587 до 1609 г. Сообразно тѣмъ перемѣнамъ, какимъ подвержена была въ своемъ ходѣ эта борьба, авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на три отдѣла.

Въ первомъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 10 главъ (стр. 1—176), съ одной стороны, изображается та юридическая почва, какую подготовляло для себя православно-русское дворянство въ виду предстоявшей ему сеймовой борьбы, равно какъ и образованіе союза православныхъ съ протестантами въ видахъ бо̀льшей успѣшности этой борьбы, а съ другой стороны, подробно излагаются историческія обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія практическое осуществленіе идеи церковной уніи до дня оффиціальнаго принятія папой Климентомъ VIII (23 декабря 1595 г.) Западно-русской православной церкви въ унію съ Римомъ.

Во второмъ отдѣлѣ, состоящемъ изъ 14 главъ (стр. 177 — 390), послѣ характеристики польско-турецко-молдавскихъ взаимоотношеній въ 1595 г. и участія въ нихъ экзарха Никифора, бывшаго впослѣдствіи предсѣдателемъ православнаго Брестскаго церковнаго собора въ 1596 г., подробно излагается исторія борьбы православно-русскаго дворянства съ церковной уніей на сеймѣ 1596 г., Брестскомъ соборѣ того же года, на предварительныхъ сеймикахъ, съѣздахъ и сеймахъ 1597, 1598, 1599 и 1600 г.г., причемъ борьба эта имѣла спеціально юридическій характеръ, ибо православные дворяне на всѣхъ вышеупомянутыхъ сеймахъ требовали низложенія уніатскихъ епископовъ и поставленія на ихъ мѣста православныхъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ сочиненія, состоящемъ изъ 12 главъ (стр. 391—584), авторъ слѣдитъ за исторіей борьбы православно-русскаго дворянства съ церковной уніей на сеймѣ 1601 г., главномъ литовскомъ съѣздѣ 1602 г., сеймахъ 1603, 1605, 1606, 1607 и 1609 г.г., когда „православные дворяне боролись съ уніею уже не посредствомъ привлеченія виновниковъ ея къ сеймовому суду, а опять настоящимъ сеймовымъ путемъ, требуя отъ сейма возстановленія правъ своей вѣры и церкви, подъ угрозой разрыва сейма".

Борьба этого второго періода, какъ удалось показать и доказать автору, сопровождалась бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ это было въ первомъ періодѣ. Православные жители польско-литовскаго государства получили теперь такое же право на существованіе, какое въ предшествующій періодъ пріобрѣли уніаты въ ущербъ православнымъ. Православнымъ обѣщано было постепенное, хотя и съ извѣстными оговорками, возстановленіе церковной іерархіи ихъ въ прежнемъ ея составѣ.

Таково, въ краткихъ чертахъ изложенное, содержаніе труда проф. Жуковича. Трудъ этотъ представляетъ безспорно крупное явленіе въ наукѣ по исторіи Западно-русской церкви благодаря, съ одной стороны, глубокой добросовѣстности автора, который самостоятельно и самымъ тщательнымъ образомъ провѣряетъ извѣстные до него первоисточники, а съ

другой стороны, еще болѣе благодаря тому, что онъ самъ разыскалъ и обработалъ массу дотолѣ неизвѣстнаго историческаго матеріала, извлеченнаго имъ изъ рукописнаго отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, Библіотеки Главнаго Штаба, Варшавскаго Короннаго Архива, Московскаго Архива Министерства Юстиціи и др. Авторъ въ своемъ сочиненіи даетъ много новаго и весьма цѣннаго для исторіи Западно-русской церкви, внутренней исторіи Польши, взаимныхъ отношеній между Польшей, съ одной стороны, и сосѣдними съ ней государствами (Москвою, Швеціею, Молдавіею, Валахіею, Турціею и друг.), съ другой стороны, за время 1587—1609 г. Благодаря этому сочиненіе автора, хотя и касается предмета, который изслѣдовали также другіе историки, тѣмъ не менѣе имѣетъ характеръ полной и совершенной новизны. Какъ выдающійся трудъ, изслѣдованіе проф. Жуковича отмѣчено уже и въ иностранной (польской) литературѣ.

3.

Akademia Kijowska-Mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi. Nakreślił Alexander Jabłonowski. Kraków 1899--1900, стр. 318, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ по поводу статьи польскаго историка Кіевской Духовной Академіи А. Яблоновскаго подъ заглавіемъ: „W Sprawie Akademii Kijowsko-Mohilańskiej, wydanej w 1900 r. ad honorem quingentesimi anneversarii almae matris Jagellonicae“ (Kwartalnik historyczny. Organ towarzystwa historycznego, założony przez Xawerego Liskego, pod redakcyą A. Zemkowicza. Roczn. XVI. Zeszyt 4, wo Lwowie 1902).

Въ (1899—900 г.) въ Краковѣ была издана г. А. Яблоновскимъ исторія Кіевской Духовной Академіи подъ заглавіемъ: „*Akademia Kijowsko-Mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi*“.

Съ этимъ сочиненіемъ впервые мы познакомились, во время заграничной командировки, въ Краковѣ, въ декабрѣ 1901 года. Съ первыхъ же строкъ книга настолько заинтересовала

насъ, что мы, сколько помнится, прочитали ее въ теченіе двухъ вечеровъ отъ начала до конца.

Насъ особенно заинтересовала оригинальная *(совершенно ложная, по нашему и, надѣемся, общему всѣхъ безпристрастныхъ историковъ убѣжденію)* идея, положенная въ основу сочиненія, и та ловкость, изворотливость мысли, съ какою авторъ, за небольшими исключеніями, проводитъ её въ своей книгѣ.

Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, сочиненіе г. Яблоновскаго было тщательно перечитано нами, и по поводу его была нами написана библіографическая замѣтка, которая и напечатана въ мартовской книжкѣ академическаго журнала за 1902 г. (см. Труды Кіевск. Духов. Академіи 1902 г., кн. 3-я, стр. 451—479) подъ заглавіемъ: *„Урокъ съ Запада"*.

Для того, чтобы была вполнѣ понятна наша послѣдующая рѣчь, воспроизведемъ здѣсь въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе той замѣтки.

„Разсматриваемое нами сочиненіе", говорили мы тамъ, „есть трудъ несомнѣнно идейный и, какъ таковой, очень односторонній и тенденціозный. Это качество сочиненія, т. е. односторонность и тенденціозность, составляетъ главный существенный недостатокъ его и, можно съ увѣренностью сказать, не обѣщаетъ ему долговѣчнаго существованія и значенія въ строго научной литературѣ своего предмета. Основная идея сочиненія, проходящая чрезъ него отъ начала до конца, состоитъ въ томъ, что Кіевская коллегія-академія была единственно только посредницею между западною и восточною культурою, а сама въ себѣ не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго (*„Była atoli"*, говорится въ оригиналѣ, *„pośredniczką jedynie. Sama w sobie nie miała ona też naprawdę nic samoistnego, nic oryginalnego...* стр. 2).

Главнымъ основаніемъ для такого рѣшительнаго утвержденія автора *единственно только о посредническомъ значеніи Кіево-Могилянской коллегіи въ исторіи русскаго просвѣщенія, русскаго народа и русской православной церкви и о*

неимѣніи ею въ данномъ отношеніи ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго послужило то обстоятельство, что въ Кіевской Академіи до извѣстнаго времени были господствующими польскій языкъ и порядки, принятые въ западно-европейскихъ коллегіяхъ и въ латино-польскихъ школахъ, существовавшихъ въ Польшѣ, равно какъ и то, что воспитанники Кіевской Академіи писали и печатали свои сочиненія преимущественно на польскомъ языкѣ.

Замѣтимъ же здѣсь именно эту рѣшительность выраженія автора единственно только о посредническомъ значеніи Кіевской Академіи и о неимѣніи ею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго съ русской точки зрѣнія, ибо это намъ необходимо будетъ въ послѣдующей нашей рѣчи. Только при такомъ рѣшительномъ и прямолинейномъ пониманіи авторомъ идеи существованія Кіевской Академіи, какъ *латино-польскаго* института по преимуществу (*„instytucyi latyno-polskiej przeważnie"*, говорится въ оригиналѣ; стр. 1), можетъ быть понято какъ причисленіе исторіи Кіево-Могилянской коллегіи къ разряду „изслѣдованій, касающихся исторіи высшихъ научныхъ учрежденій въ Польшѣ", такъ и посвященіе сей исторіи *„almae matri Jagellonicae"*, ко дню полутысячелѣтняго существованія Краковскаго Ягеллоновскаго университета.

Однимъ словомъ, на основаніи общаго характера сочиненія, на основаніи вышеприведенныхъ подлинныхъ и другихъ выраженій автора, мы поняли его такъ, что онъ смотритъ на Кіевскую Академію если не какъ на исключительно, то, по крайней мѣрѣ, какъ на преимущественно польскую школу, основанную и существовавшую единственно только за тѣмъ, чтобы распространять на Руси латино-польскую культуру, потому что, казалось намъ, еслибы Кіевская Академія не выполнила этой своей исторической миссіи, то какимъ бы образомъ авторъ имѣлъ право, какъ онъ выражается, „Кіево-Могилянскую Академію, какъ учрежденіе латино-польское по преимуществу, считать принадлежащею къ кругу высшихъ научныхъ учрежденій Рѣчи Посполитой вообще", и вслѣд-

ствіе того „считать себя *обязаннымъ* дать исторію ея за весь періодъ даже отдѣльнаго ея существованія въ юбилейной серіи монографій въ честь полутысячелѣтія духовной матери Коперника? („mieliśmy prawo“, говорится въ оригиналѣ, „Akademię Kijowsko-Mohilańską, ile instytucyę latyno-polską przeważnie, uważać za należącą integralnie do grona wyższych zakładów naukowych Rpltej wogóle, w prostem czego następstwie obowiązani byliśmy podać jej też dzieje za cały przeciąg nawet odrębnego jej istnienia, w splocie jubileuszowym odnośnych prac monograficznych ku uczczeniu połtysiącolecia macierzy duchowej Kopernika“ (стр. 275—276).

Противъ такого именно пониманія идеи существованія Кіево-Могилянской Академіи мы и возражали въ своей библіографической замѣткѣ, эту именно идею сочиненія автора мы и признавали тамъ одностороннею и тенденціозною, и опровергали её.

Авторъ въ доказательство своей мысли о томъ, что Кіево-Могилянская Академія должна разсматриваться, какъ „институція латино-польская по преимуществу“ и причисляться къ разряду высшихъ учебныхъ учрежденій польскихъ, ссылается на то, что Кіевская Академія, какъ Коллегія, начала свое существованіе въ то время, когда Украина находилась подъ властію Рѣчи Посполитой, и была устроена по образцу польскихъ католическихъ коллегій (стр. 1).

Въ отвѣтъ на это мы указывали автору, что, во 1-хъ, насколько справедливо Кіево-Могилянскую Академію относить къ числу высшихъ учебныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Польшѣ, въ то время когда послѣдняя владѣла Украиной и Кіевомъ, настолько же невѣрно утвержденіе, что Кіево-Могилянская Академія на протяженіи времени 1615—1800 годовъ была польско-латинскою учебною институціею, единственно толвко посредницею между западною и восточною культурою, разсадницею латино-польской культуры не только въ южной, но и въ сѣверной Россіи, а сама по себѣ не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго; во 2-хъ, такъ какъ Кіевъ пересталъ быть польскимъ городомъ

юридически съ 1686 года, въ силу т. н. вѣчнаго мира между Россіею и Польшею, фактически же гораздо раньше, съ 60-хъ годовъ XVII в., то, слѣдов., Кіево-Могилянская Академія оставалась польскимъ учебнымъ учрежденіемъ въ теченіе не болѣе 40 лѣтъ и притомъ только по мѣсту нахожденія своего въ польскомъ государствѣ, а отнюдь не по духу, характеру, цѣли и задачѣ своего существованія; въ 3-хъ наконецъ, хотя учебные порядки и строй внутренней жизни, введенные и существовавшіе въ Кіево-Могилянской Академіи, не были созданы самими русскими, но они не были и польскимъ произведеніемъ, такъ какъ учебные порядки и внутренній строй, принятые въ польскихъ коллегіяхъ и, между прочимъ, въ Кіевской Академіи—Коллегіи со времени Петра Могилы, были созданы не самими поляками, а взяты ими въ готовомъ видѣ съ Запада Европы, такъ что связь Кіево-Могилянской Академіи съ Рѣчью Посполитою была чисто внѣшняя, основывавшаяся исключительно на фактѣ принадлежности въ теченіе извѣстнаго времени Кіева Польшѣ.

Въ отвѣтъ на утвержденіе автора, что Кіево-Могилянская Академія, будто бы, не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго, мы указывали ему и доказывали, что самостоятельность Кіево-Могилянской Академіи заключалась въ ея внутреннемъ духѣ, характерѣ, въ цѣли ея существованія. Кіево-Могилянская Академія была основана Богоявленскими братчиками и затѣмъ организована м. Петромъ Могилою именно для того, чтобы не насаждать и распространять на Руси польскую культуру, а, напротивъ, охранять русскую народность отъ совершенной полонизаціи, какая угрожала ей, и православную вѣру отъ поглощенія ея католицизмомъ въ чистомъ ли видѣ, или же въ видѣ уніи. М. Петръ Могила, этотъ, по словамъ автора разсматриваемаго сочиненія, „искренній сынъ Рѣчи Посполитой Польской, истинное дитя польской культуры“ (стр. 127), такъ опредѣляетъ задачу и цѣль Кіевской Академіи—Коллегіи: „видячи въ церкви православной, для неумѣетности духовныхъ и для нецвиченья молодежи, великую утрату на душахъ людскихъ, за ласкою

и помощіею Божіею, и тежъ за поводомъ власной воли моей, хотячи забѣчи такъ великой утраты и хотячи отъ православія заблудшихъ позыскать, умыслилемъ фундовать школы" (см. Памятники Кіев. Ком., изд. вт., т. II, стр. 410).

И ужъ если „высокоученый архимандритъ Лавры, проникнутый идеалами западной культуры", какъ выражается авторъ (стр. 88), Петръ Могила такъ понималъ задачу и цѣль существованія Кіевской Академіи, то что жъ должно сказать о первоначальныхъ ея основателяхъ, Богоявленскихъ братчикахъ, вышедшихъ изъ среды самаго народа Русскаго, проникнутыхъ любовію и преданностію къ своей вѣрѣ и народности, а также и о другихъ представителяхъ Русскаго народа, какъ увидимъ скоро, весьма зорко слѣдившихъ за жизнію, строемъ и характеромъ Кіевской Академіи?

И не только по духу и характеру, не только по идеѣ и цѣли своего существованія, но и въ дѣйствительности, съ самыхъ первыхъ временъ существованія, Кіево-Могилянская Академія была не разсадницею польской культуры на Руси, какою хочетъ представить её авторъ, но, напротивъ, стражемъ, оплотомъ православія и русской народности. Въ первые годы своего существованія (1615—1632 г.), когда она была еще только братскою школою, Кіевская Академія не только по духу, характеру и цѣли учрежденія, но даже и по всему своему внутреннему и внѣшнему строю была не польскою, но чисто *русскою* школою. Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ въ грамотѣ своей, данной Кіевскому Богоявленскому братству 26 мая 1620 г., называетъ ее, т. е. первоначальную братскую школу, родоначальницу послѣдующей Кіевской Коллегіи—Академіи, школою „латино-славянскаго и латино-польскаго письма". По этому поводу даже самъ авторъ замѣчаетъ, что во всякомъ случаѣ въ этой школѣ, видимо, значительно преобладалъ языкъ церковный, вслѣдствіе чего по временамъ называли ее „*просто славянскою*" (стр. 66).

Итакъ, въ теченіе 17 лѣтъ и притомъ самыхъ первыхъ, большею частію имѣющихъ опредѣляющее, рѣшающее значеніе на все послѣдующее время, Кіевская Коллегія—

Академія, какъ школа братская, была чисто „славенскою", русскою школою, которая, разумѣется, уже отнюдь не могла быть „единственно только разсадницею латино-польской культуры на Руси". А еслибы кому-либо этотъ 17-лѣтній срокъ показался не особенно великимъ, чтобы о немъ стоило говорить, то мы должны ему напомнить, что онъ (срокъ) составляетъ ровно 1/4 часть всего того періода времени, въ теченіе котораго Кіевская Коллегія—Академія находилась, какъ выражается авторъ, вѣроятно, иронически, „подъ опекою Рѣчи Посполитой" (стр. 1), и когда польская культура, дѣйствительно, имѣла господствующее значеніе на Руси.

Во все послѣдующее время русское общество и даже вся масса Русскаго народа чрезвычайно внимательно слѣдили за жизнію, строемъ и направленіемъ Кіево-Могилянской Академіи, дорожили ею, именно какъ оплотомъ и охранительницею православной вѣры и русской народности. Такъ, при самомъ соединеніи братской и Печерской Кіевскихъ школъ, войско Запорожское беретъ Кіево-Могилянскую Коллегію подъ свою охрану и обѣщаетъ „стоять за нее до самой смерти". Въ послѣдующее время вся Украина и все казачество настолько высоко цѣнили значеніе и заслуги Кіевской Коллегіи для православной церкви и русскаго народа, что въ своихъ договорахъ съ польскимъ правительствомъ охраненіе правъ и свободы ея ставили сейчасъ же послѣ правъ церкви и вѣры на второмъ мѣстѣ. Зборовскій, Бѣлоцерковскій и Гадяцкій договоры, обнаруживающіе въ русскомъ обществѣ усиленныя заботы о Кіево-Могилянской Академіи, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какъ цѣнило и какъ дорожило оно Кіевскою Академіею, именно какъ русскою Академіею.

Въ дальнѣйшемъ содержаніи своей библіографической замѣтки мы, во 1-хъ, указывали на важное противорѣчіе автора, который, съ одной стороны, отрицаетъ всякую самостоятельность, всякую оригинальность за Кіевскою Академіею, а съ другой стороны, говоритъ буквально слѣдующее: „*въ ней*, т. е. Кіево-Могилянской Академіи, нѣтъ недо-

статка сознанія народности, но только выражается оно не столько положительно,—въ языкѣ, вѣроисповѣданіи, наукѣ, сколько болѣе отрицательно: Кіевская Коллегія не есть ни католическая, ни диссидентская, ни латино-польская только, но сверхъ того, и русская, даже русская по преимуществу, въ сравненіи съ иными коллегіями Рѣчи Посполитой" (стр. 246); во 2-хъ, показывали важное и великое значеніе Кіево-Могилянской Академіи, какъ русской, для православной вѣры Русскаго народа; въ 3-хъ, показывали такое же значеніе ея для развитія русскаго языка, и въ 4-хъ, наконецъ, доказывали несправедливость нѣкоторыхъ частныхъ положеній автора, въ родѣ, напр., того, что русское общество и Русскій народъ въ Польшѣ во второй половинѣ XVI в. находился въ состояніи совершеннаго разложенія.

Наша библіографическая замѣтка, содержаніе которой только что изложено нами, вызвала отвѣтъ со стороны г. А. Яблоновскаго. Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ „Kwartalnik'ѣ Historycznym", издающемся во Львовѣ, за 1902 г. въ № 4.

Въ началѣ своего отвѣта авторъ, признавая нашу краткую библіографическую замѣтку „важнѣйшею оцѣнкою своего труда въ русской литературѣ", критическою „батареею самаго тяжелаго калибра", выставленною противъ его работы съ чисто рыцарскимъ мужествомъ, замѣчаетъ затѣмъ, что онъ принимаетъ сдѣланный ему вызовъ („dotrzymuję mu więc pola"; стр. 549), и вслѣдъ затѣмъ на 38 страницахъ дѣлаетъ замѣчанія и возраженія по поводу вышеизложенныхъ нашихъ сужденій.

Въ заключеніе своего отвѣта авторъ снова выражаетъ намъ „признательность за самое возбужденіе вопроса въ русской литературѣ", какъ онъ выражается, „и за желаніе представить сущность и основное содержаніе его работы", прибавляя при этомъ слѣдующее: „если же мы расходимся въ нашихъ сужденіяхъ, стоя не разъ на совершенно противоположныхъ полюсахъ, то это есть неизбѣжное дѣло, необходимое слѣдствіе разницы въ призмѣ, чрезъ которую мы смотримъ, разницы точки нашей опоры" (стр. 586).

Не знаемъ, чрезъ какую призму смотритъ на прошлое Кіево-Могилянской Академіи ея польскій историкъ. Для насъ въ этомъ отношеніи нѣтъ и не можетъ быть никакой иной призмы, кромѣ истинной исторіи, кромѣ подлинныхъ историческихъ документовъ.

Что же касается разницы въ принципахъ, исходныхъ точкахъ, то въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ нашимъ противникомъ. Дѣйствительно, мы стоимъ на совершенно противоположныхъ точкахъ, у насъ совершенно различные принципы.

Поэтому, такъ какъ въ данномъ случаѣ согласенъ съ нами и противникъ нашъ, мы могли бы оставить возраженія его безъ всякаго отвѣта, на основаніи извѣстнаго школьнаго правила: inter negantes principia non est disputandum.

Въ самомъ дѣлѣ, спорить съ противникомъ, у котораго совсѣмъ другіе научные принципы, другія точки зрѣнія, совершенно безполезно. То, что является вполнѣ естественнымъ, понятнымъ и даже немогущимъ быть представленнымъ иначе для всякаго русскаго историка Кіевской Академіи, то кажется страннымъ, непонятнымъ, неожиданнымъ и даже немыслимымъ для г. Яблоновскаго, какъ польскаго историка Кіевской Академіи.

Вступать въ полемику съ такимъ противникомъ, къ которому мы въ другихъ отношеніяхъ за его работу по исторіи Кіевской Академіи питаемъ искреннее уваженіе и признательность, о чемъ и замѣтили въ прежнемъ библіографическомъ отзывѣ,—полемизировать съ такимъ противникомъ по вопросамъ принципіальнымъ—трудно, почти невозможно. Но сдѣлать нѣсколько фактическихъ замѣчаній на его отвѣтъ мы все-таки считаемъ необходимымъ тѣмъ болѣе, что вполнѣ и совершенно вѣримъ искренности его стремленія познать и представить истинную исторію Кіево-Могилянской Академіи, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Прежде всего, мы должны констатировать тотъ весьма пріятный и симпатичный фактъ, свидѣтельствующій о полной искренности автора, что онъ, съ одной стороны, признаетъ

нѣкоторыя наши замѣчанія и упреки справедливыми, а съ другой стороны, по поводу нѣкоторыхъ нашихъ замѣчаній, дѣлаетъ болѣе или менѣе значительныя уступки и отказывается отъ своихъ „абсолютныхъ", какъ онъ самъ выражается, положеній и утвержденій.

Авторъ признаетъ справедливымъ именно сдѣланный нами упрекъ ему въ односторонности. „Stąd" — говоритъ онъ—„oczywiscie praca ta moja już z samego założenia swego musiała stać się „jednostronna" (стр. 550); и далѣе: „uznając tedy zarzut względnej jednostronności, ile pochodzącej, jak to widzieliśmy, z samego założenia"... и т. д. (стр. 551).

Къ сожалѣнію только, авторъ понялъ нашъ упрекъ въ односторонности его работы нѣсколько иначе, чѣмъ какъ мы его понимаемъ. Подъ односторонностью труда автора мы разумѣли его желаніе представить Кіево-Могилянскую Академію единственно только посредницею между западною и восточною культурою, распространительницею латино-польской культуры въ Западной Руси и даже во всей вообще Россіи. А между тѣмъ авторъ согласенъ признать свой трудъ одностороннимъ въ томъ отношеніи, что онъ, во 1-хъ, не даетъ полной, цѣлостной исторіи Кіево-Могилянской Академіи, а представляетъ лишь „историческій очеркъ ея жизни и дѣятельности на фонѣ общаго развитія западной цивилизаціи на Руси", и, во 2-хъ, не исчерпываетъ всѣхъ матеріаловъ, всѣхъ документовъ, ограничиваясь только одними печатными свѣдѣніями о Кіевской Академіи, имѣющимися въ русской литературѣ.

Уступки, подъ вліяніемъ нашихъ замѣчаній, авторъ дѣлаетъ слѣдующія.

Прежде всего, онъ заявляетъ, что совершенно далекъ отъ мысли, будто „Кіевская Коллегія - Академія въ теченіе всего времени 1615—1800 г. была польско-латинскою институціею: не была она таковою, говоритъ онъ, ни такъ рано, ни такъ поздно". Относительно позднѣйшаго времени авторъ здѣсь же поясняетъ, что въ своемъ сочиненіи онъ ясно выразился, что Кіево-Могилянская Академія оставалась со

своимъ латино-польскимъ характеромъ въ теченіе полустолѣтія слишкомъ, послѣ окончательнаго „отпаденія“ Кіева отъ Рѣчи Посполитой, и если въ своемъ трудѣ онъ доходитъ до конца XVIII в., то только для того, чтобы показать постепенное замираніе въ Кіевской Академіи польщизны, прежде чѣмъ и она сама не упала (nie została rozwiązana); относительно же болѣе ранняго времени (tak wcześnie) авторъ почему-то не дѣлаетъ никакихъ разъясненій.

Итакъ, г. Яблоновскій сознается, что даже съ его точки зрѣнія Кіево-Могилянская Академія не можетъ считаться польско-латинскимъ научнымъ институтомъ на всемъ протяженіи времени 1615—1800 г.; она была таковою, по его словамъ, съ неопредѣленнаго пока времени приблизительно до 30—40-хъ годовъ XVIII в. Спасибо и за такую уступку!

Соглашается авторъ и съ тѣмъ нашимъ замѣчаніемъ, что школьные порядки, по образцу которыхъ была устроена и Кіево-Могилянская Академія, не были созданы самими Поляками, но приняты ими въ такой или иной формѣ съ Запада, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что порядки эти измѣнялись и преобразовывались въ Польшѣ, сообразно съ потребностями мѣстными, или вѣроисповѣдными, смотря по тому, для кого назначались школы — для католиковъ, или диссидентовъ и, въ частности, среди этихъ послѣднихъ для гусситовъ, кальвинистовъ, аріанъ и, наконецъ, восточныхъ уніатовъ; что же касается дизунитовъ (православныхъ), то они, наравнѣ съ уніатами, по словамъ автора, заимствовали образцы для своихъ школъ у католиковъ, причемъ не искали ихъ гдѣ-либо за границею, такъ какъ имѣли такіе-же самые у ссбя дома подъ руками, тѣмъ болѣе подходящіе для нихъ, что они были приспособлены для мѣстныхъ потребностей. А такъ какъ католики, жившіе въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, были преимущественно польскаго происхожденія, то и выходитъ, что русскіе какъ уніаты, такъ и дизуниты (православные), образцы для своихъ школъ заимствовали не у далекихъ Нѣмцевъ или Волоховъ, но у своихъ же согражданъ Поляковъ. Подобнымъ же образомъ Кіевская православная

Коллегія была устроена не по заграничнымъ образцамъ (стр. 554).

Итакъ, авторъ соглашается теперь съ тѣмъ, что Кіево-Могилянская Коллегія была устроена по образцу школьныхъ порядковъ, заимствованныхъ Поляками съ Запада и только преобразованныхъ ими соотвѣтственно съ мѣстными потребностями. Жаль только, что авторъ не задаетъ себѣ и не рѣшаетъ вопроса о томъ, а Русскіе-то, заимствовавшіе со стороны школьные порядки, слѣдовали ли рабски чужимъ образцамъ, или же измѣняли и преобразовывали ихъ соотвѣтственно своимъ особымъ потребностямъ мѣстности, народности, вѣроисповѣданія, необходимости вести борьбу за вѣру и народность? А такъ какъ несомнѣнно извѣстно, что Русскіе заимствованные ими со стороны школьные порядки измѣняли, то и выходитъ, что въ этомъ отношеніи между ними и Поляками нѣтъ никакой разницы.

Вотъ что говоритъ по этому поводу извѣстный представитель западно-русской образованности времени происхожденія Кіево-Могилянской Академіи Захарія Копыстенскій: „если латиняне хвалятся свѣтскою наукою, они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо греческая мудрость Платонова, Аристотелева и иныхъ философовъ греческихъ и имъ только отчасти была удѣлена... И мы, русскіе, если для наукъ отправляемся въ края нѣмецкіе, то не ради латинской, но греческой науки, и ею мы пользуемся, какъ собственностью, только на короткое время довѣренною западнымъ, причемъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чистымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото“... (Палинодія, см. П. П. Л., I., стр. 900, 901, 905; ср. у К. Харламповича, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII в., Казань, 1898, стр., 235—236). Напоминаемъ при этомъ г. Яблоновскому, что, впрочемъ, ему и безъ того извѣстно, что Захарія Копыстенскій принадлежалъ къ числу Кіевскихъ Богоявленскихъ братчиковъ (см. стр. 53) и, безъ сомнѣнія, принималъ живѣйшее участіе въ основаніи и первоначальномъ устроеніи Кіевской Академіи, какъ братской школы.

По поводу подмѣченнаго нами вышеуказаннаго противорѣчія автора самому себѣ, когда онъ, съ одной стороны, не признаетъ за Кіево-Могилянскою Академіею ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго, а съ другой стороны, считаетъ ее „русскою, даже русскою по преимуществу, въ сравненіи съ иными коллегіями Рѣчи Посполитой", авторъ дѣлаетъ поясненіе, что противорѣчіе въ данномъ случаѣ получается будто бы отъ того, что мы сами ищемъ, слишкомъ ужъ односторонне, абсолютныхъ утвержденій, между тѣмъ какъ его мнѣнія только относительныя, условныя, сильно оговариваемыя имъ. Противорѣчіе это получается, по словамъ автора, отъ того, что мы, въ качествѣ его противника, не различаемъ между понятіями: „русскій" и „россійскій". Разсужденія автора по этому поводу занимаютъ большую часть его отвѣта и принадлежатъ именно къ разряду тѣхъ, которыя должны быть признаны принципіальными и относительно которыхъ трудно, даже невозможно сговориться.

Въ заключеніе мы, съ своей стороны. считаемъ нравственнымъ долгомъ выразить г. Яблоновскому признательность за одно очень симпатичное предложеніе его. Доводя до свѣдѣнія своихъ соотечественниковъ, что въ Кіевѣ теперь, по иниціативѣ бывшаго ректора Кіевской Духовной Академіи, нынѣшняго Казанскаго архіепископа, высокопреосвящ. Димитрія, рѣшено приступить къ изданію историческихъ актовъ для того, чтобы, на основаніи ихъ, составить истинно научную исторію Кіевской Духовной Академіи къ приближающемуся 300-лѣтнему юбилею ея, г. Яблоновскій говоритъ: „радуемся, что въ Кіевѣ рѣшено заняться усердно изданіемъ источниковъ, вслѣдствіе чего и съ нашей стороны слѣдовало бы обнародовать, еслибы что-либо относящееся къ этому предмету нашлось въ фамильныхъ архивахъ, особенно у тѣхъ фамилій, родоначальники которыхъ могли быть „добродзѣями" (благотворителями) Кіевскихъ школъ. Требуетъ этого отъ насъ и память прошлаго и важность науки, и быть не можетъ, чтобы ничего не нашлось на Руси".

Обнародованіе подлинныхъ актовъ, и по нашему убѣжденію, есть вѣрнѣйшій путь къ рѣшенію принципіальнаго вопроса, по которому мы такъ расходимся теперь съ г. Яблоновскимъ. И мы свой трудъ по разбору сочиненія его считали бы вполнѣ и совершенно вознагражденнымъ, еслибы наша полемика имѣла своимъ послѣдствіемъ привлеченіе серьезнаго вниманія ученыхъ людей обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ къ спорному вопросу и обнародованію всѣхъ актовъ, важныхъ для исторіи Кіевской Духовной Академіи.

4.

Проф. С. Голубева: Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. К. 1902. Стр. 101.

Церковно-историческій очеркъ подъ такимъ заглавіемъ представляетъ собою актовую рѣчь, произнесенную въ Кіевской Духовной Академіи 26 сентября 1901 г., въ каковой день исполнилось 200-лѣтіе дарованія Кіевской Академіи грамоты императора Петра 1-го, гдѣ впервые ей усвояется названіе *Академіи*.

Послѣ общаго очерка исторіи Кіевской Академіи со времени кончины ея организатора—м. Петра Могилы, авторъ останавливается подробно на вопросѣ о состояніи Кіевской Академіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. Состояніе Академіи изображается со стороны матеріальнаго обезпеченія и внутренняго быта ея.

Очеркъ снабженъ 76 примѣчаніями, которыя заключаютъ въ себѣ преимущественно указаніе новыхъ источниковъ для исторіи Академіи или извлеченія изъ документовъ и занимаютъ болѣе $^2/_3$ брошюры (стр. 30—101), а также двумя рисунками, изъ коихъ первый представляетъ академическій корпусъ, построенный Мазепою, въ его первоначальномъ видѣ, а второй—тотъ же корпусъ, реставрированный м. Рафаиломъ Заборовскимъ.

5.

Профессора-академика Е. Голубинскаго: История русской церкви. Томъ I. Періодъ первый, кіевскій или до-монгольскій. Первая половина тома. Изданіе второе, исправленное и дополненное, напечатанное Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ въ „Чтеніяхъ". М. 1901 г. Стр. XXIV+968.

Его же: Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе второе, исправленное и дополненное, напечатанное въ тѣхъ же „Чтеніяхъ" Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. М. 1903 г. Стр. 600.

1.—Профессоръ—академикъ Е. Е. Голубинскій извѣстенъ многими истинно-капитальными изслѣдованіями въ области исторіи русской церкви. Бриллiантомъ самой крупной величины, если можно такъ выразиться, въ ряду этихъ трудовъ является общій курсъ по исторіи русской церкви, изданный авторомъ подъ заглавіемъ: „Исторія русской церкви" въ трехъ огромныхъ книгахъ и доведенный пока до 1563 г., при чемъ за время 1240—1563 г. разсмотрѣна имъ пока одна только внѣшняя исторія русской церкви.

Появленіе въ печати перваго тома даннаго труда составило положительную эпоху въ исторіи научной разработки судебъ русской церкви. Одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ рецензентовъ этого труда, вскорѣ послѣ перваго изданія его 20 лѣтъ тому назадъ, совершенно справедливо писалъ о немъ слѣдующее: „трудъ его, т. е. проф. Е. Голубинскаго, по всей справедливости долженъ быть поставленъ на ряду съ самыми капитальными и наиболѣе уважаемыми трудами въ области русской церковной исторіографіи, каковы въ послѣднее время продолжающіе украшать ее труды ученаго архипастыря и академика преосвященнаго Макарія, послѣ котораго новый историкъ является дальнѣйшимъ сильнымъ двигателемъ нашей церковно-исторической науки. Онъ обогащаетъ ее и вообще русскую историческую науку трудомъ въ высшей степени усерднымъ и добросовѣстнымъ, истинно-ученымъ, самостоятельнымъ и замѣчательно оригинальнымъ, обильно

восполняющимъ доселѣ имѣвшіяся познанія въ области предмета, къ которому относится, и направляющимъ на новые пути къ его изслѣдованію. Трудъ его—такой капитальный вкладъ въ науку, какіе, къ сожалѣнію, не часто удается получать ей въ наше время, не особенно щедрое на скромныхъ и самоотверженныхъ тружениковъ науки" (Рецензія проф. И. И. Малышевскаго, писанная въ 1882 г., по порученію Императорской Академіи Наукъ).

И вотъ часть этого труда, первая половина перваго тома исторіи русской церкви проф. Голубинскаго, въ значительно исправленномъ и дополненномъ видѣ, издана въ 1901 году Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Нельзя не выразить сему Обществу, вмѣстѣ съ самимъ авторомъ труда, искренней благодарности за это изданіе, которое, съ одной стороны, требовалось уже давно, такъ какъ первое изданіе сдѣлалось библіографическою рѣдкостію, оплачивавшеюся въ послѣднее время чуть не сотнями рублей, а съ другой стороны, иначе это изданіе и не увидѣло бы свѣта, потому что самъ авторъ, по его словамъ, давно приготовивъ это изданіе къ печати, „не видѣлъ возможности напечатать его и отложилъ-было всякую о немъ мысль" (Предисловіе ко 2-му изданію, стр. V).

Наше вниманіе, при обозрѣніи новаго изданія первой половины перваго тома исторіи русской церкви проф. Голубинскаго, было обращено, какъ и естественно, на тѣ дополненія и измѣненія, какими оно отличается отъ перваго изданія.

Такихъ исправленій и дополненій въ книгѣ весьма много, такъ что было бы утомительно перечислять всѣ ихъ здѣсь въ краткой библіографической замѣткѣ.

Въ качествѣ важнѣйшихъ дополненій во второмъ изданіи можемъ отмѣтить здѣсь слѣдующія: 1) *„Времена доисторическія"* (стр. 1—18; ср. перв. изд. стр. 33—42: *„О христіанствѣ въ Европейской Великой Скиѳіи")*; 2) о соборныхъ церквахъ въ городахъ, или соборахъ (втор. изд., стр.

497—502); 3) историческая справка о бѣломъ клобукѣ, служащемъ теперь отличіемъ нашихъ митрополитовъ (втор. изд., стр. 585—588); 4) *О поученіи Новгородскаго архіепископа Иліи священникамъ епархіи въ сборное воскресенье 1166 г.* (втор. изд., стр. 660—663); 5) *О недавно найденномъ посланіи митрополита Климента Смолятича и вообще о немъ, Климентѣ, какъ писателѣ* (стр. 846—853) и др. болѣе мелкія по объему, но важныя по значенію, разсѣянныя въ текстѣ, подстрочныхъ примѣчаніяхъ и въ дополненіяхъ и поправкахъ (см. напр. цѣнное для спеціалистовъ замѣчаніе относительно хронологіи на стр. 925).

Скажемъ о характерѣ этихъ самыхъ исправленій и дополненій, иллюстрируя свою характеристику примѣрами.

Всѣ исправленія и дополненія, вошедшія во второе изданіе книги, касаются преимущественно фактической стороны, фактическихъ свѣдѣній, которыя въ первомъ изданіи были несвободны отъ извѣстныхъ пробѣловъ и ошибокъ, отмѣченныхъ въ свое время критикою.

Что же касается основнаго характера книги, принципіальныхъ воззрѣній и убѣжденій историка, то отъ нихъ этотъ послѣдній не только не отступается въ своемъ новомъ трудѣ, но даже старается еще болѣе утвердить ихъ. Объ этомъ онъ прямо и открыто заявляетъ и въ предисловіи къ новому изданію, говоря: „что касается до людей, которые въ первомъ пзданіи встрѣтили ее (т. е. первую половину перваго тома) враждебно, то я долженъ сказать имъ, что хотя вражда ихъ вовсе и не составляетъ чего-нибудь пріятнаго для меня, но что во всякомъ случаѣ я не имѣлъ желанія, насилуя свои убѣжденія, преклонять ихъ гнѣвъ на милость какими-нибудь имъ уступками“ (стр. V).

Въ теченіе 20 лѣтъ, прошедшихъ со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія книги, должны были отыскаться новые матеріалы, которые могли повліять такъ или иначе на постановку въ наукѣ вопросовъ, затрогиваемыхъ въ книгѣ проф. Голубинскаго, а равно и тѣхъ принципіальныхъ воззрѣній, какія онъ устанавливаетъ по разнымъ вопросамъ

древней исторіи русской церкви. Любопытно теперь знать, какъ отнесся въ новомъ изданіи нашъ замѣчательный историкъ къ подобному возможному движенію науки впередъ; равно какъ, съ другой стороны, не менѣе любопытно видѣть и то, какое вліяніе оказало это движеніе науки на тѣ принципы, какіе установилъ историкъ?

И здѣсь мы должны констатировать тотъ пріятный фактъ, что двадцатилѣтняя разработка исторіи русской церкви замѣтно отразилась собственно на фактической сторонѣ труда проф. Голубинскаго, который, пользуясь новыми открытіями и матеріалами въ области древней русской исторіи, вводитъ во второе изданіе своей книги даже особую главу подъ заглавіемъ: „Времена доисторическія" (стр. 1—18), гдѣ излагаетъ свѣдѣнія о христіанствѣ у русскихъ славянъ въ доисторическія времена.

Но зато принципіальные взгляды, установленные нашимъ новѣйшимъ историкомъ на капитальные вопросы исторіи русской церкви, остались, можно сказать, почти непоколебленными; а если и были сдѣланы попытки поколебать ихъ, то проф. Голубинскій въ новомъ изданіи своего труда подвергаетъ ихъ тщательной критикѣ и отвергаетъ.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

„Въ 1892 году г.г. Х. Лопаревъ и. Н. Никольскій одновременно нашли и напечатали посланіе митр. Климента къ Смоленскому священнику Ѳомѣ", говоритъ проф. Голубинскій. „Согласные между собой по вопросу о состояніи у насъ просвѣщенія въ періодъ домонгольскій, а именно—что въ періодъ этотъ у насъ не была только грамотность, какъ утверждаютъ иные, но было настоящее просвѣщеніе, г.г. Лопаревъ и Никольскій видятъ въ найденномъ ими посланіи митр. Климента важный литературный памятникъ, свидѣтельствующій въ пользу принимаемаго ими мнѣнія. На самомъ дѣлѣ посланіе Климента не только не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія, принимаемаго г.г. Лопаревымъ и Никольскимъ, а, напротивъ, говоритъ именно противъ него".

Изложивъ затѣмъ исторію происхожденія посланія м. Климента къ Смоленскому священнику Ѳомѣ и самое содержаніе этого посланія, историкъ нашъ замѣчаетъ: „уважая неутомимые труды г. Лопарева по розысканію древнихъ памятниковъ, мы не имѣемъ охоты глумиться надъ нимъ. Но безъ глумленія мы должны сказать, что сдѣланный имъ эскизъ, или набросокъ, великолѣпной картины состоянія у насъ просвѣщенія вь XII в. есть плодъ недоразумѣнія и перетолкованія".

Недоразумѣніе, по мнѣнію проф. Голубинскаго, заключается именно въ томъ, что новонайденное посланіе м. Климента не только не свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія о процвѣтаніи у насъ въ періодъ до-монгольскій настоящей образованности, а напротивъ свидѣтельсвуетъ именно противъ этого мнѣнія. Въ посланіи говорится о наукѣ чтенія, какъ о великой наукѣ, и если хорошая грамотность представляется какъ великая ученость: то, спрашиваетъ проф. Голубинскій, не ясно ли этимъ свидѣтельствуется объ отсутствіи настоящихъ наукъ и настоящей учености? А если Ѳома, равно какъ и Климентъ, знали по имснамъ еллинскихъ хитрецовъ Омира, Аристотеля и Платона: то уже давно извѣстны тѣ источники, изъ которыхъ они могли почерпнуть это невеликое знаніе".

Подобнымъ же образомъ критикуетъ проф. Голубинскій и мнѣніе проф. Никольскаго по тому же предмету, который отличается отъ г. Лопарева только тѣмъ, что, по словамъ проф. Голубинскаго, изумительныхъ начетчиковъ въ греческой письменности Лопаревъ превращаетъ въ кружокъ книжниковъ, который группировался подлѣ двора Князя Изяслава (Мстиславича) и который занимался научно-литературными (философскими) вопросами. „Дивясь", заключаетъ свою рѣчь проф. Голубинскій по этому предмету,—„дивясь на эту своего рода академію наукъ, вышедшую изъ головы г. Никольскаго, мы не будемъ опровергать его, ибо что мы имѣли бы сказать противъ него, уже сказано нами выше" (стр. 846—851).

Констатируя, съ одной стороны, полное согласіе втораго изданія книги съ первымъ ея изданіемъ въ принципіальныхъ воззрѣніяхъ автора по главнымъ вопросамъ древней исторіи русской церкви, а, съ другой стороны, полное соотвѣтствіе втораго изданія книги состоянію науки предмета и позднѣйшей разработкѣ ея, мы въ тоже самое время не можемъ не сдѣлать слѣдующей оговорки.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проф. Голубинскій во второмъ изданіи своей книги остается или невнимательнымъ, или-же совершенно равнодушнымъ къ сужденіямъ критики по вопросамъ древней исторіи русской церкви, а также къ тѣмъ поправкамъ, какія были сдѣланы нашими учеными въ его исторіи. Укажемъ здѣсь слѣдующіе два примѣра.

Извѣстно, что проф. Голубинскій въ своей исторіи русской церкви совершенно отвергаетъ лѣтописную повѣсть о крещеніи св. Владиміра и крещеніи имъ русскаго народа. Это дѣлалось по частямъ и до него нашими учеными историками. Проф. Голубинскій отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ, не ограничиваясь однимъ сплошнымъ отрицаніемъ лѣтописной повѣсти о крещеніи св. Владиміра и крещеніи имъ русскаго народа, самостоятельно возсоздаетъ эту исторію въ совершенно новомъ видѣ. Покойный проф. Малышевскій, соглашаясь съ проф. Голубинскимъ въ томъ, что лѣтописная повѣсть о крещеніи Владиміра св. и крещеніи имъ русскаго народа не можетъ быть признана достовѣрною, и даже выражая „желаніе сохранить Владиміра такимъ, какимъ его представилъ намъ историкъ въ своей исторіи, въ частности, въ исторіи его обращенія", въ тоже самое время высказалъ немало весьма важныхъ и цѣнныхъ замѣчаній по поводу собственно воспроизведенной и созданной самимъ проф. Голубинскимъ исторіи крещенія Владиміра св. и крещенія имъ русскаго народа. Иныя изъ этихъ замѣчаній и соображеній проф. Малышевскаго представляются на нашъ взглядъ настолько важными и серьезными, что проф. Голубинскій, казалось бы, не могъ пройти мимо нихъ совершенно молча... Между тѣмъ это случилось такъ именно.

Извѣстно, далѣе, что проф. Голубинскій, вслѣдъ за другими нашими историками, держится того мнѣнія, что каѳедра нашихъ первыхъ русскихъ митрополитовъ въ теченіе 50 лѣтъ находилась не въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ Полтавскомъ. Въ качествѣ одного изъ аргументовъ въ пользу этого мнѣнія историкъ ссылается на то, что отъ перваго нашего митрополита Леонтія сохранилось, греческое сочиненіе, которое надписывается такъ: „λεοντος μητροπολίτου (ἀρχιεπισκόπου) τῆς ἐν Ῥωσία Πεσθλάβας“.

Но, во 1-хъ, нашимъ Кіевскимъ ученымъ прот. Лебединцевымъ (см. его статью подъ заглавіемъ: „Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ“? „Кіевск. Стар.“ 1885 г., январь, стр. 177—182) доказано, что пріуроченіе каѳедры первыхъ нашихъ митрополитовъ къ Переяславу есть плодъ какого-то недоразумѣнія; а во 2-хъ, сочиненіе, прежде приписывавшееся нашему первому митрополиту Леонтію, на самомъ дѣлѣ не можетъ принадлежать ему, какъ это доказалъ г. Чельцовъ (см. его опытъ историческаго изслѣдованія подъ заглавіемъ: „Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI—XII вв. СПБ. 1879 г.).

Само собою разумѣется, что проф. Голубинскій могъ и не соглашаться съ соображеніями и мнѣніями, какія высказывались въ научной формѣ по вопросамъ о крещеніи Владиміра св. и крещеніи имъ русскаго народа, а также и о мѣстѣ каѳедры первыхъ нашихъ митрополитовъ, но тѣмъ не менѣе однако-же онъ, по нашему мнѣнію, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, отмѣтить ихъ въ новомъ изданіи, какъ это онъ сдѣлалъ относительно мнѣнія г.г. Лопарева и Никольскаго по вопросу о состояніи у насъ просвѣщенія въ домонгольскій періодъ, чтобы не получить незаслуженнаго, быть можетъ, упрека въ невниманіи къ литературѣ предмета.

2.—Въ началѣ настоящаго года тѣмъ же Московскимъ Историческимъ Обществомъ напечатано второе, исправленное и дополненное изданіе другаго труда проф. Голубинскаго

подъ заглавіемъ: *„Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви“*.

Первое изданіе этого сочиненія было напечатано самимъ авторомъ въ 1894 г. Оно было вызвано, какъ говоритъ онъ, случайнымъ обстоятельствомъ, именно диссертаціею г. Васильева о томъ же предметѣ, и какъ писанное на срокъ, которымъ изслѣдователь былъ стѣсненъ и ограниченъ въ изученіи предмета, оно оказалось, по сознанію самаго автора, далеко неполнымъ.

Во второмъ изданіи изслѣдованіе проф. Голубинскаго является настолько переработаннымъ и расширеннымъ, что производитъ впечатлѣніе совершенно новаго труда.

Объ этомъ говоритъ уже самый объемъ книги: въ первомъ изданіи 267, а во второмъ—600 страницъ.

Еще болѣе увѣряетъ насъ въ этомъ знакомство съ самымъ содержаніемъ изслѣдованія.

Схема сочиненія такова.

Въ введеніи указывается подробно литература предмета, уясняется понятіе канонизаціи и сообщаются свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ въ греческой церкви — древней и позднѣйшей.

Затѣмъ, въ 4 отдѣльныхъ главахъ, излагается исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви а) отъ начала христіанства въ Россіи до Макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 г.г.; б) во время Макаріевскихъ соборовъ 1547 и 1549 г.г.; в) на пространствѣ времени отъ собора 1549 г. до учрежденія св. Синода и г.) отъ учрежденія св. Синода до нашихъ дней.

Въ пятой главѣ излагаются свѣдѣнія о русскихъ святыхъ, помѣщенныхъ въ святцахъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ и въ печатныхъ святцахъ, отдѣльно изданныхъ, а также о празднованіи святымъ и раздѣленіи святыхъ на общихъ и мѣстныхъ.

Въ шестой главѣ дѣлается общее обозрѣніе канонизаціи святыхъ въ русской церкви.

Книга снабжена обширными приложеніями, которыя, составляя особенность втораго изданія, занимаютъ около

150 страницъ и содержатъ преимущественно акты и оффиціальныя свѣдѣнія по исторіи канонизаціи святыхъ въ греческой и русской церкви.

Къ сожалѣнію, въ краткой библіографической замѣткѣ мы не можемъ сообщить болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ чрезвычайно интересномъ и замѣчательномъ трудѣ автора, отличающемся, какъ и всѣ его сочиненія, глубиною и оригинальностію мысли.

Отмѣтимъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важные тезисы диссертаціи.

Древняя греческая церковь въ признаніи усопшихъ людей святыми раздѣляла этихъ послѣднихъ, съ точки зрѣнія основаній для этого, на три класса: 1) были нѣкоторые классы усопшихъ, принадлежавшія къ которымъ отдѣльныя лица всѣ были признаны церковію за святыхъ, на основаніи того, какъ должно предполагать, вѣрованія, что къ этимъ классамъ могли принадлежать только святые люди, такъ что принадлежность ихъ къ классамъ служила свидѣтельствомъ объ ихъ святости; 2) былъ классъ усопшихъ, который постепенно въ теченіе извѣстнаго времени образовывался изъ людей, совершавшихъ такой подвигъ, который, по вѣрованію церкви, одинъ и самъ по себѣ доставлялъ лицу, его подъявшему, вѣнецъ святости; 3) были такія лица, которыхъ церковь признавала святыми не по причинѣ принадлежности ихъ къ извѣстному классу, а потому, что лично того или другого изъ нихъ считала достойнымъ прославленія.

Въ позднѣйшей греческой церкви необходимымъ условіемъ для причтенія кого-либо къ лику святыхъ, или для канонизаціи, было признаваемо прославленіе отъ Бога даромъ чудотвореній.

Наличность мощей въ греческой церкви не признавалась необходимымъ условіемъ для причтенія усопшихъ къ лику святыхъ.

Въ древней русской церкви единственнымъ общимъ основаніемъ для причтенія къ лику святыхъ служило прославленіе даромъ чудотвореній. Прославленіе св. Владиміра про-

изошло очень поздно именно потому, что у гроба его не совершалось чудесъ.

Проф. Голубинскій отмѣчаетъ, между прочимъ, тотъ любопытный фактъ, что въ Руси Московской было несравненно больше святыхъ, чѣмъ въ Руси Кіевской: при цѣломъ многочисленномъ сонмѣ святыхъ въ первой, вторая имѣла только 9 святыхъ. Это происходило, по объясненію проф. Голубинскаго, отъ того, что въ Московской Руси всѣхъ основателей монастырей обыкновенно причисляли къ лику святыхъ.

6.

Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Выпускъ 1, М. 1896 г. стр. X+156; вып. II, М. 1897 г., стр. VI+202; вып. III, М. 1898 г. стр. IV+208; вып. IV, М. 1898 г. стр. VI+196; вып. V, М. 1900 стр. X+246.

Русская православная церковь всегда находилась во взаимныхъ живыхъ сношеніяхъ съ другими православными церквами Востока: Константинопольскою, Іерусалимскою, Антіохійскою, Александрійскою и другими, впослѣдствіи возникшими на Востокѣ національными православными церквами: Греческо-Элладскою, Сербскою, Болгарскою и Румынскою.

Сношенія эти начинаются со времени происхожденія русской церкви и продолжаются непрерывно до настоящаго времени, то оживляясь, то ослабѣвая и вообще разнообразясь, въ зависимости отъ обстоятельствъ времени, отъ состоянія православнаго Востока и Россіи, отъ характера религіозно-нравственнаго и политическаго настроенія тамъ и здѣсь.

Наиболѣе живыми, сильными и выразительными были сношенія между русскою церковью и церквами: Константинопольскою и Іерусалимскою.

Менѣе часты и интенсивны были сношенія нашей церкви съ церковью Антіохійскою. Самымъ замѣчательнымъ моментомъ въ исторіи сношеній нашей церкви съ Антіохійскою

было именно *„Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ"*, на арабскомъ языкѣ, и переведенное теперь вполнѣ на русскій языкъ проф. *Г. А. Муркосомъ*.

Проф. Муркосъ, арабъ по происхожденію, русскій по воспитанію, по всей своей дѣятельности и по духу, извѣстенъ въ нашей литературѣ многими и полезными трудами, имѣющими цѣлію уясненіе историческихъ сношеній и установленіе возможно болѣе близкихъ отношеній между Россіею и православнымъ Востокомъ вообще и, въ частности, Антіохійскою церковью на Востокѣ. Назовемъ наиболѣе выдающіеся изъ этихъ трудовъ: 1) *Интересы Россіи въ Палестинѣ*, М. 1882 г. 2) *Какъ совершился захватъ Іерусалимской патріархіи святогробцами и кто были истинными хранителями Палестинскихъ святынь?* М. 1892 г.; 3) *Бессарабскія и Кавказскія имѣнія св. гроба Господня*. М. 1892 г. и др.

Но самымъ замѣчательнымъ трудомъ проф. Г. А. Муркоса на пользу науки долженъ быть признанъ его переводъ *„Путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в."* Этимъ своимъ трудомъ онъ достойно завершилъ свою многолѣтнюю дѣятельность на поприщѣ научномъ и создалъ себѣ безсмертный памятникъ своей любви и преданности Россіи и русскому дѣлу на Востокѣ.

Не будемъ говорить о самомъ пріѣздѣ патр. Макарія въ Россію, о его участіи въ дѣлахъ русской церкви, о важныхъ событіяхъ, которыя въ то время происходили въ Россіи и которыя записаны сыномъ патріарха Павломъ Алеппскимъ, ибо все это хорошо извѣстно. Скажемъ лучше о томъ памятникѣ, который теперь, благодаря Г. А. Муркосу, можетъ быть читаемъ всѣми русскими.

Арабскій подлинникъ этого важнаго въ историческомъ отношеніи памятника доселѣ еще не напечатанъ. Въ 1830-хъ годахъ, по порученію Комитета переводовъ съ восточныхъ языковъ въ Лондонѣ, онъ былъ переведенъ Бельфуромъ, членомъ королевскаго азіатскаго Общества Великобританіи

и Ирландіи, на англійскій языкъ. Но этотъ переводъ, которымъ пользовались наши ученые и который пытались переводить на русскій языкъ, не вездѣ точенъ и полонъ. Проф. Муркосъ и раньше интересовался и занимался этимъ памятникомъ. Въ послѣднее время онъ перевелъ его съ арабскаго подлинника по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, сличивъ ее, гдѣ нужно, съ двумя другими списками, имѣющимися у насъ въ Петербургѣ, и съ переводомъ Бельфура.

Переводъ снабженъ (въ 5 выпускѣ) портретомъ патр. Макарія и картою путешествія его по Россіи.

Изъ всѣхъ 5 выпусковъ перевода для южной Россіи и, въ частности, для Кіева особенно важное значеніе имѣютъ: во 1-хъ, тѣ мѣста, во второмъ выпускѣ кн. IV, гдѣ описывается путешествіе патр. Макарія по Украйнѣ и пребываніе его въ Кіевѣ (на пути въ Москву), и во 2-хъ, — въ четвертомъ выпускѣ въ кн. XII, гл. XVI—XVIII), гдѣ описывается путешествіе патріарха со свитою по Малороссіи и пребываніе его въ Кіевѣ (на пути изъ Москвы).

Павелъ Алеппскій описываетъ преимущественно памятники церковные, напр., монастыри, храмы и т. п. Поэтому его описаніе имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи Кіевскихъ и другихъ южно-русскихъ монастырей и церквей. Въ своемъ описаніи монастырей и церквей онъ необыкновенно точенъ и пунктуаленъ. Поэтому можно думать, что эта часть описанія его заслуживаетъ вѣроятія.

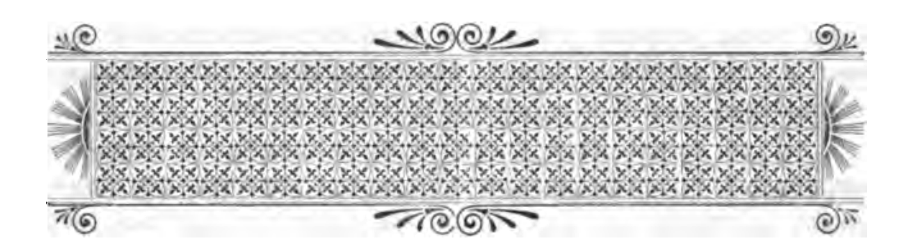
Тоже самое должно сказать и объ его описаніи различныхъ церковныхъ службъ, при которыхъ онъ присутствовалъ, и другихъ церковныхъ церемоній, и вообще событій, свидѣтелемъ и очевидцемъ которыхъ онъ самъ былъ.

Но нѣкоторыя наблюденія Павла Алеппскаго надъ нравами и обычаями Малорусскаго народа, дѣланныя имъ, такъ сказать, издали, со стороны, а тѣмъ болѣе его свѣдѣнія, записанныя со словъ другихъ, носятъ часто курьезный анекдотическій характеръ и требуютъ старательной провѣрки. Переводъ изданъ весьма тщательно и, съ своей

стороны, мы можемъ выразить только сожалѣніе о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текста, именно тамъ, гдѣ показанія Павла Алеппскаго или кажутся невѣроятными или же расходятся съ другими источниками, не сдѣлано критическихъ примѣчаній.

Ѳ. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

7.

А. Папкова: Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 г.). Спб. 1902. Стр. 184.

Его же: Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя. Спб. 1902. Стр. 44.

Вопросъ о церковномъ приходѣ и церковно-приходской жизни является однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ въ современной русской церковно-исторической литературѣ. Этимъ вопросомъ живо интересуются теперь не только духовные писатели, но и въ значительной степени наши свѣтскіе русскіе историки и публицисты. Кто внимательно слѣдитъ за современною періодическою печатью, тотъ знаетъ, что въ послѣдніе годы рѣдкая книжка научнаго журнала, повторяемъ, не только духовнаго, но даже и свѣтскаго, выходила безъ того, чтобы въ ней не возбуждался и не обсуждался съ той или другой стороны вопросъ о приходѣ, о состояніи церковно-приходской жизни, о необходимости установленія всесословной волости, центромъ которой долженъ стать приходъ и т. д., и т. д.

Такое вниманіе русской исторіи и публицистики къ вопросу о приходѣ объясняется, съ одной стороны, важно-

стію этого вопроса для нашей церковно-общественной жизни и, съ другой стороны, ненормальнымъ современнымъ состояніемъ нашей церковно-приходской жизни.

И по самой идеѣ своей, и по исторической традиціи церковный приходъ долженъ былъ бы служить центромъ, около котораго должны были бы сосредоточиваться всѣ важнѣйшія артеріи церковно-общественнаго организма. По существу, около приходскаго храма должны бы быть сосредоточены всѣ мѣстныя приходскія учрежденія, назначенныя для цѣлей просвѣтительныхъ, нравственно-воспитательныхъ, благотворительныхъ и даже земски-административныхъ.

Мы нисколько не удивимся, если наши послѣднія слова у кого-нибудь вызовутъ улыбку недоумѣнія: такъ страненъ и совершенно чуждъ намъ этотъ высокій идеалъ церковно-приходской жизни и такъ далека отъ него дѣйствительная наша церковно-приходская жизнь!

Что въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою нашъ современный православный русскій приходъ? Собраніе домовъ, *приписанныхъ* къ извѣстному храму,... и больше ничего. *Приписанные* къ храму прихожане обязаны участвовать въ построеніи, когда встрѣтится нужда, или въ обновленіи храма, они обязаны если не всегда ходить къ богослуженію въ свой приходскій храмъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ разъ въ годъ исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ у своего приходскаго священника. Этимъ и исчерпываются всѣ юридическія и нравственныя обязанности православныхъ христіанъ въ отношеніи къ своему приходскому храму въ современномъ православно-русскомъ приходѣ.

Должно ли говорить о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ городахъ, даже и эти обязанности большею частію не сознаются, остаются неизвѣстными и потому не исполняются прихожанами.

Нѣсколько лучше дѣло это поставдено въ сельскихъ приходахъ, но и тамъ церковно-приходскіе интересы сводятся большею частію къ тому, что священникъ совершаетъ богослуженіе и требы, а прихожане ходятъ въ храмъ только за-

тѣмъ, чтобы помолиться Богу, и только тогда, когда нужно обратиться къ священнику за какою либо требою. Другихъ интересовъ и другого взаимообщенія въ громаднѣйшемъ большинствѣ современныхъ православно-русскихъ приходовъ у насъ не существуетъ. Современные православно-русскіе приходы находятся въ какомъ-то мертвенномъ снѣ, по выраженію одного писателя.

„Куча камней, не соединенная никакимъ цементомъ, болѣе имѣетъ связи, чѣмъ члены приходской церкви; ежели одинъ камень возьмешь изъ кучи, непремѣнно другой сосѣдній камень пошевелится, а бери любого члена въ приходѣ, обижай его и дѣлай съ нимъ, что хочешь, всѣ другіе члены, за небольшими исключеніями, и не тронутся съ мѣста, пальцемъ не шевельнутъ, только бы ихъ не трогали. Но неужели такія отношенія наши правильны? Неужели здѣсь все, чего отъ насъ требуетъ православная церковь? Нѣтъ, десять разъ нѣтъ; это далеко не все, это только явное обличеніе нашей неключимости, нашего нехотѣнія пользоваться свѣтомъ Христовымъ; это только свидѣтельство того мертвеннаго сна, того могильнаго мрака, въ которомъ мы живемъ".

Такъ писалось въ 1857 году, въ Московскомъ журналѣ „Русская Бесѣда". А что происходитъ у насъ въ настоящее время, объ этомъ свидѣтельствуетъ недавно обнародованное посланіе Волынскаго епископа, которое хотя, быть можетъ, и преувеличенно нѣсколько, но зато слишкомъ ярко раскрываетъ всю ненормальность современной церковно-приходской жизни у насъ, въ частности, на югѣ Россіи. Авторъ посланія говоритъ, что „отношенія между священниками и прихожанами во многихъ селахъ Волынской епархіи совершенно неправильныя, что довѣріе между ними подорвано нерѣдко до полной потери взаимной нравственной связи, до полной замѣны ея связью чисто юридическою".

Само собою разумѣется, что если дѣло такъ обстоитъ, то дальше оно не можетъ идти, или, по крайней мѣрѣ, весьма нежелательно, чтобы оно шло такимъ образомъ. Отсюда

самъ собою возникаетъ неотложный вопросъ о необходимости реформы, обновленія православнаго русскаго прихода.

Вопросомъ этимъ въ послѣдніе годы съ особеннымъ усердіемъ и рѣдкою настойчивостію занимается г. Папковъ, имя котораго должно быть поставлено на видномъ мѣстѣ въ ряду современныхъ русскихъ церковно-историческихъ писателей, которому принадлежитъ извѣстное и членамъ нашего Общества сочиненіе о церковныхъ братствахъ.

Г. Папковъ вопросу о приходѣ посвятилъ цѣлый рядъ сочиненій и очерковъ, а именно: а) *Древне-русскій приходъ; краткій очеркъ церковно-приходской жизни въ восточной Россіи до XVIII в. и въ Западной Россіи—до XVII в. Сергіевъ Посадъ, 1897 г.;* б) *Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи. М. 1898;* в) *Упадокъ православнаго прихода (XVIII—XIX вѣка). Историческая справка. М. 1899 г.;* г) *Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи. М. 1900 г.;* д) *Православные приходы въ Финляндіи. СПБ. 1901 г.*; е) *Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870 г.) СПБ. 1902 г.* и д) *Необходимость обновленія православнаго церковно-общественнаго строя. СПБ. 1902 г.*

Нашему разсмотрѣнію въ настоящій разъ подлежатъ собственно два послѣдніе труда г. Папкова; но для того, чтобы яснѣе выразилась основная идея автора, необходимо будетъ кратко коснуться содержанія и болѣе раннихъ изслѣдованій автора, посвященныхъ тому же самому предмету.

Къ рѣшенію безусловно назрѣвшаго вопроса о необходимости реформы нашего церковнаго прихода г. Папковъ идетъ путемъ историческимъ. Для того чтобы найти способы, которыми можно было бы вывести нашъ приходъ изъ его совершенно ненормальнаго положенія, чтобы показать, какимъ долженъ быть православно-русскій приходъ, авторъ обращается къ исторіи, какъ magistrae vitae, и старается установить, какимъ приходъ былъ у насъ въ прежнее время.

Церковный приходъ есть одно изъ самыхъ древнихъ самобытно-русскихъ учрежденій, создавшихся на почвѣ

исконныхъ общинныхъ началъ русской жизни, подъ вліяніемъ христіанскихъ преобразующихъ идей. Слабый зародышъ нашего прихода должно искать въ языческой древности русскаго народа. Уже въ то время русскіе сляване-язычники достаточно ясно проявили свойственныя ихъ характеру наклонности къ общей дѣятельности, къ взаимному общенію въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, въ устройствѣ праздничныхъ церемоній. Языческіе храмы тамъ, гдѣ они существовали, являлись центрами всей религіозно-общественной жизни народа: здѣсь совершалось богослуженіе, устроялись народныя празднества и пиршества, сюда стекались частныя и общественныя пожертвованія и вклады, здѣсь находили себѣ пріютъ и пропитаніе сироты и всѣ бѣдные, а также престарѣлые и больные, здѣсь же, въ особыхъ пристройкахъ, происходили общія совѣщанія и рѣшались важнѣйшіе вопросы общественной жизни.

Христіанство не разрушило, а только утвердило, преобразовало и значительно расширило практическое осуществленіе тѣхъ элементовъ, которые возникли въ языческое время и представляли зародышъ будущаго прихода. Христіанскій храмъ, бывшій прежде всего домомъ общей молитвы, привлекъ къ себѣ всѣ общественныя силы, создалъ церковный приходъ, сдѣлавшійся центромъ всей религіозно-общественной жизни и дѣятельности новопросвѣщеннаго русскаго народа.

Сначала, когда христіанство у насъ только еще распространялось, храмы строились на Руси отдѣльными лицами: князьями, архіереями и др. Съ теченіемъ времени они начали создаваться обществами—городскими и сельскими, которыя, построивши храмъ или монастырь, служившій въ древности тѣмъ же цѣлямъ, что и храмъ, обезпечивали его существованіе также общественными средствами—въ городахъ назначеніемъ извѣстныхъ процентовъ съ торговыхъ прибылей и земельныхъ владѣній, а въ селахъ—преимущественно земельными угодьями. Земельныя угодья, приписывавшіяся къ монастырямъ и церквамъ, преимущественно обѣ-

лялись отъ государственныхъ податей и повинностей, равно какъ освобождались отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ въ административномъ, судебномъ (кромѣ важныхъ уголовныхъ преступленій) и финансовомъ отношеніяхъ. Поэтому, такія церковно-монастырскія земли охотно заселялись крестьянами, платившими монастырямъ и церквамъ за пользованіе землею только извѣстный оброкъ. Въ древнихъ актахъ можно читать многія т. н. „духовныя и отказныя", въ которыхъ говорится, что земля или деревня отдается жертвователемъ „на воскъ, на ладонъ и на всякое церковное строеніе". Кромѣ того, какъ общее правило, существовало обыкновеніе, при построеніи церкви въ городѣ или деревнѣ, отводить подъ церковную усадьбу возможно болѣе широкое пространство земли для кладбища и причтовыхъ помѣщеній.

Устрояя церкви и обезпечивая ихъ содержаніе собственными средствами, древне-русскіе христіане всѣ безъ различія классовъ и званій пользовались правомъ выбора священника и другихъ членовъ причта къ своей приходской церкви. Это старинное право, о которомъ совершенно ясно говорятъ такъ называемыя „порядныя записи", было санкціонировано и укрѣплено за прихожанами Стоглавымъ соборомъ. Взаимныя обязательства между причтами и прихожанами опредѣлялись въ упомянутыхъ „порядныхъ записяхъ", изъ которыхъ видно, что, кромѣ прямыхъ, чисто религіозныхъ обязанностей, древне-русское духовенство исполняло и общественныя функціи, напр., дьякъ всегда долженъ былъ быть готовымъ „въ письмѣ у всякаго государева дѣла и у мірскихъ людей". Приходская община принимала на себя обязательство заботиться о содержаніи избраннаго ею церковнаго причта, причемъ это содержаніе, кромѣ платы за требы, назначалось, главнымъ образомъ, изъ доходовъ отъ церковнаго имущества, которымъ распоряжалась всецѣло сама же приходская община. Для болѣе успѣшнаго самоуправленія и для болѣе правильнаго и цѣлесообразнаго распоряженія церковнымъ имуществомъ древне-русская приходская община избирала изъ

своей среды особыхъ довѣренныхъ представителей, которые, въ качествѣ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ людей, завѣдывали отъ имени общины всѣми этими дѣлами. Приходская община, избиравшая особаго представителя (или представителей, впослѣдствіи церковныхъ старостъ) для завѣдыванія церковными имуществами и текущими церковно-приходскими дѣлами, не предоставляла имъ однакожъ полной свободы, а тѣмъ болѣе произвола; наоборотъ, она дѣятельно участвовала во всѣхъ распоряженіяхъ своихъ церковныхъ старостъ, утверждала ихъ дѣйствія своимъ согласіемъ, требовала отъ нихъ отчетности во всемъ и входила въ нужды своей церкви и при томъ настолько внимательно, что постоянно отъ ея имени исходили разныя челобитья по дѣламъ церкви и причта.

Доходы съ церковныхъ имуществъ употреблялись далеко не на одно только содержаніе церкви и причта; значительнѣйшая часть ихъ шла на дѣла благотворительныя. Благотворительность въ древне-русскомъ приходѣ была сильно развита. Изъ древнихъ писцовыхъ книгъ мы видимъ, что на погостахъ около церкви, вмѣстѣ съ поповскими и причетническими дворами, существовали вездѣ и дворы богадѣленные подъ названіемъ „келій для нищихъ"; совокупность всѣхъ этихъ домовъ составляла монастырь: „а на монастырехъ", говорится въ Судебникѣ 1550 г., „жити нищимъ". Въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ находимъ указаніе на существованіе около церкви „вдовьихъ дворовъ", равно какъ и на то, что къ разряду людей, питавшихся „о церкви и о приходѣ", причислялись: бобыли, обѣднѣвшіе и безпашенные крестьяне. Вообще можно сказать, что въ древней Россіи было столько богадѣленъ, больницъ и приходскихъ монастырьковъ, сколько было приходовъ.

Кромѣ того, въ древне-русскихъ городахъ, при многихъ церквахъ, находились т. н. „убогіе дома", „Божьи дома", „скудѣльницы". Что это такое? Это были особые дома при церквахъ, гдѣ полагались тѣла умершихъ бѣдняковъ, странниковъ, убитыхъ, оставленныхъ безъ совершенія надъ ними обряда отпѣванія въ церкви и неоплаканныхъ родными и

т. п. Въ эти убогіе дома въ опредѣленные дни стекались крестными ходами изъ церквей благочестивые люди съ гробами, саванами и всѣмъ необходимымъ для погребенія, сами рыли ямы, опрятывали умершихъ, полагали въ гробъ и хоронили, послѣ чего совершалась по этимъ убогимъ покойникамъ общая панихида. При этихъ „убогихъ домахъ" жилъ особый сторожъ, называвшійся „божедомомъ" и дававшій пріютъ въ убогомъ домѣ подкидышамъ, такъ что „убогіе дома" являлись вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательными.

Изъ церковныхъ суммъ и доходовъ въ древней Руси выдавались ссуды неимущимъ членамъ приходской общины, часто даже цѣлымъ сельскимъ обществамъ, а равно и членамъ причта. Эти ссуды выдавались съ самыми льготными условіями какъ деньгами, такъ и натурою: хлѣбомъ, сѣномъ и т. п. Такимъ образомъ, церковная приходская казна въ древней Руси являлась въ полномъ смыслѣ слова общенароднымъ приходскимъ благомъ.

Проявляя такую широкую благотворительность въ отношеніи къ бѣднымъ и вообще нуждающимся членамъ своимъ, древне-русская приходская община естественно усвояла себѣ нѣкоторое право надзора за ихъ образомъ жизни, употребленіемъ тѣхъ средствъ помощи, какія они получали отъ общины. Это право, безъ сомнѣнія, послужило зерномъ, изъ котораго постепенно развился потомъ широкій и всесторонній надзоръ приходской общины за нравственностью своихъ членовъ. Надзоръ этотъ, какъ видно изъ древнихъ актовъ, простирался не только на общественное поведеніе членовъ общины, но также и на личную ихъ жизнь и на семейныя отношенія, „чтобы съ матерью своей не бранитьца и не битьца и жены своей не безвѣчить напрасно". Особеннымъ покровительствомъ приходской общины пользовались жены, которыхъ она защищала отъ тиранства мужей, обуздывая ихъ жестокіе нравы. Приходская община требовала надежнаго поручительства за добрую нравственность новаго члена, котораго она принимала въ свою среду, особенно же когда избирала его на какую-либо общественную должность, внимательно

слѣдила за исполненіемъ своими членами ихъ религіозныхъ обязанностей, напримѣръ, хожденіемъ въ церковь, соблюденіемъ праздничнаго покоя и т. п.

Древне-русская приходская община заботилась также о насажденіи грамотности и распространеніи возможнаго образованія среди своихъ сочленовъ. Почти въ каждомъ древнерусскомъ приходѣ при церкви на общій счетъ содержался особый „мастеръ", т. е. учитель, который избирался изъ членовъ приходскаго причта или же изъ лицъ свѣтскаго званія и который, по соглашенію съ родителями, собиралъ къ себѣ дѣтей для обученія ихъ грамотѣ. Ясное свидѣтельство объ этомъ читаемъ въ постановленіяхъ Стоглаваго собора XVI в. „Мастера", или „учительные люди", обучали дѣтей прихода грамотѣ иногда въ своихъ домахъ, но большею частію въ особыхъ помѣщеніяхъ, которыя устроялись около церкви и содержались на общій счетъ, при чемъ даже бѣднѣйшимъ ученикамъ выдавалось обыкновенно пособіе изъ доходовъ церкви. Такъ, около приходской церкви въ древней Руси существовали рядомъ съ богадѣльнями и убогими домами еще и приходскія училища.

Но древне-русскій приходъ служилъ не только религіозно-церковною, благотворительно-просвѣтительною общественною единицею, но вмѣстѣ съ тѣмъ и административно-территоріальною. На погостѣ около храма бился главный и важнѣйшій нервъ всей церковно-общественной дѣятельности древне-русскаго народа, который и оффиціально распредѣлялся въ административно-территоріальномъ отношеніи на приходы. Здѣсь, т. е. на погостѣ, жили начальствующія лица, здѣсь объявлялись правительственныя распоряженія, вызовы прихожанъ на судъ, здѣсь же собирались и мірскія приходскія сходки для обсужденія и рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Постояннымъ мѣстомъ этихъ сходокъ жителей извѣстнаго погоста, въ смыслѣ географически опредѣленнаго прихода, служили т. н. „трапезы", или „сходныя избы", устроявшіяся при главной церкви прихода. Эти „трапезы", или „сходныя избы", какъ предполагалъ и Неволинъ, авторъ спеціаль-

наго изслѣдованія „о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI в.“, служили для жителей погоста мѣстомъ собраній и мірскихъ постановленій не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ. Въ нѣкоторыхъ храмахъ, какъ видно изъ актовъ, трапезы представляли собой пристройки, непосредственно примыкавшія къ церкви и бывшія теплыми помѣщеніями. Подъ такими пристройками помѣщались общественные склады, а въ самой трапезѣ устроялись столы и лавки. Въ этихъ трапезахъ происходили обыкновенно вышеупомянутые складчинные пиры, поминальные по умершимъ обѣды; сюда же собирались, по воскреснымъ днямъ, „приходскіе люди“ на сходы для обсужденія своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ и для рѣшенія, совмѣстно съ причтомъ и церковнымъ старостой, всѣхъ церковныхъ общинныхъ дѣлъ; здѣсь происходили мірскіе выборы, принимались отчеты отъ церковнаго старосты, съ очисткою его передъ образами и съ передачей новому старостѣ „всемірской коробки“, заключавшей въ себѣ церковную казну, вмѣстѣ съ грамотами, купчими, порядными, кабалами (заемными письмами) и др. общественными документами, и всегда хранившейся при церкви. Въ трапезѣ церковной объявлялись государевы и владычные указы и грамоты; сюда же спѣшилъ всякій обиженный для сообщенія „приходскимъ людямъ“ о насиліяхъ и обидахъ, какія онъ терпѣлъ отъ своихъ недруговъ, приносились „вѣсти“ о важныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ предѣлахъ и даже за предѣлами прихода; въ трапезахъ же происходили обыкновенно т. н. „явки“, въ которыхъ оглашались всякія преступленія, учиненныя въ округѣ, напр., убійства, грабежи, самоуправства и т. п. Эти „явки“ подавались на имя церковнаго старосты, добрыхъ людей прихода и всѣхъ крестьянъ.

Такимъ образомъ, между членами приходской общины въ древней Руси существовали самыя близкія взаимоотношенія. Близость этихъ послѣднихъ особенно рельефно выражалась въ т. н. братчинахъ, которыя представляли необходимую принадлежность древне-русскаго прихода. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этой послѣдней черты древне-рус-

кой приходской общины, ограничимся здѣсь указаніемъ только на ту особенность приходскихъ братчинъ, что онѣ владѣли правомъ не только надзора за благочиніемъ и тишиною на братскихъ собраніяхъ, но и правомъ суда надъ лицами, совершившими во время братскихъ празднествъ разныя преступленія. Въ судныхъ грамотахъ XIV и XV в.в. встрѣчается даже такая юридическая норма: „братчина судитъ, какъ судьи". Этотъ судъ братчинъ былъ преимущественно примирительнымъ и касался сравнительно маловажныхъ проступковъ. Къ суду этому народъ тѣмъ охотнѣе обращался, что съ нимъ было соединено для тяжущихся освобожденіе отъ уплаты тяжелыхъ судебныхъ пошлинъ. Древне-русское правительство не только не стѣсняло приходскихъ братчинъ въ отношеніи ихъ мирового суда, но, наоборотъ, покровительствовало ему и охраняло его отъ всякихъ покушеній на его автономію и традиціонные порядки со стороны своихъ чиновниковъ.

Таковъ былъ древне-русскій православный приходъ въ своемъ самосудѣ, самоуправленіи, самопомощи, въ своихъ благотворительныхъ, просвѣтительныхъ и церковно-устроительныхъ дѣлахъ. Какъ видимъ, въ древней Руси храмъ служилъ дѣйствительнымъ центромъ всей церковнообщественной жизни прихода, а возвышавшійся на немъ крестъ былъ истиннымъ стягомъ, подъ которымъ собирались всѣ добрые „приходскіе люди" не только для обсужденія и рѣшенія своихъ чисто приходскихъ дѣлъ, но и для изысканія мѣръ защиты всего русскаго государства, когда этого требовали нужды, такъ что приходъ-погостъ былъ живою, сильною и крѣпкою ячейкою всего русскаго государственнаго и церковнаго организма.

Въ такомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ древне-русскій приходъ оставался приблизительно до конца XVI в. Первый и сильный ударъ ему былъ нанесенъ введеніемъ у насъ крѣпостного права. Закрѣпощеніе крестьянъ лишило ихъ права самоуправленія, центромъ котораго служилъ, какъ мы видѣли, приходскій храмъ. По мѣрѣ того какъ прогрессировало у насъ крѣпостное право, замирала жизнь и въ древне-рус-

скомъ приходѣ. Обнародованіе манифеста императора Петра III отъ 18 февраля 1762 года и жалованной грамоты императрицы Екатерины II дворянству отъ 21 апрѣля 1785 г., которыми крестьяне окончательно обращались въ частную собственность помѣщиковъ, было равносильно совершенному упадку приходовъ, населенныхъ крѣпостными крестьянами.

Но и въ другихъ русскихъ приходахъ, напр., городскихъ и сельскихъ, населенныхъ вольными людьми, дѣло обстояло къ данному времени не лучше, ибо крѣпостное право, съ его прискорбными послѣдствіями, было главною, но далеко не единственною причиною упадка православнаго прихода.

Замѣчательно, что реформа Петра I-го, хотя и коснулась прихода, не произвела въ немъ той ломки, какой можно было ожидать. Съ изданіемъ „Духовнаго Регламента“ и другихъ правительственныхъ распоряженій, приходъ по прежнему оставался всесословною общественною единицею, географически опредѣленною, и прихожане, имѣя своего представителя въ лицѣ церковнаго старосты, продолжали по прежнему пользоваться правомъ избранія членовъ церковнаго причта къ своему приходскому храму. Постепенный подрывъ и замираніе приходской жизни въ теченіе XVIII в. и первой половины XIX в. шли по другому пути. Они являлись неизбѣжнымъ слѣдствіемъ новыхъ условій общегосударственной жизни, ограничивавшихъ и даже совершенно отмѣнявшихъ прежнія широкія права автономіи приходовъ, вносившихъ явный разладъ и даже недовѣріе во взаимныя отношенія между священниками и прихожанами, наконецъ, сильно принижавшихъ соціальное положеніе духовенства, которое потому не могло быть авторитетнымъ руководителемъ приходской дѣятельности. Такъ, напр., правительство Петра I-го обязало священниковъ объявлять правительству открытыя имъ на исповѣди преднамѣренныя злодѣйства, если исповѣдающіеся въ нихъ не каялись въ нихъ, слѣдить за бѣглыми монахами и раскольническими учителями, доносить на разгласителей разныхъ суевѣрій и ложныхъ чудесъ, на-

конецъ, слѣдить даже за неуклоненіемъ крестьянъ отъ переписи. Въ тоже самое время духовенство, не исключая священниковъ, подвергалось самымъ позорнымъ наказаніямъ, употреблялось на унизительныя черныя работы, обязано было дежурить въ съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ для работъ и посылокъ, отбывать наравнѣ съ другими обывателями пожарную повинность и ходить на караулы къ рогаткамъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ XVIII в. на священниковъ была возложена новая полицейско-сыскная обязанность: не допускать нищихъ просить милостыню при церквахъ. Въ самомъ началѣ царствованія императрицы Екатерины II было издано распоряженіе, по которому священники обязаны были въ церквахъ увѣщевать народъ безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ, на которыхъ притомъ же запрещалось подавать жалобы. Въ то же самое время была установлена цѣлая система правительственной опеки въ дѣлѣ чисто религіозномъ, при чемъ признано было необходимымъ загонять народъ полицейскою силою въ храмъ въ праздничные и высокоторжественные дни, равно какъ при посредствѣ полиціи слѣдить за исполненіемъ всѣми священныхъ религіозныхъ обязанностей, благоговѣйнымъ стояніемъ въ храмѣ и т. д. Понятно, что эти требованія содѣйствія со стороны приходскаго духовенства для поддержанія ненавистнаго народу крѣпостнаго права, насильственное водвореніе людей въ храмахъ, гдѣ, вмѣсто проповѣди о мирѣ, любви и милосердіи и назиданія въ дѣлѣ вѣры, прихожане должны были выслушивать отъ своихъ духовныхъ отцевъ увѣщанія безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ или грозные указы о кровавыхъ расправахъ съ ослушниками, должны были кореннымъ образомъ подрывать устои приходской жизни и уничтожать духовныя связи между прихожанами и священниками. Введеніе обязательной таксы за требоисполненія, отмѣнявшее прежнія добровольныя соглашенія священниковъ съ прихожанами, еще болѣе содѣйствовало паденію нравственнаго авторитета приходскаго священника. Секуляризація церковныхъ имуществъ, значительная часть которыхъ была употреблена на цѣли, совер-

шенно чуждыя тѣмъ, съ какими правительство предпринимало сначала эту крупную реформу (т. е. благоустройству храмовъ, благотворенію бѣднымъ и больнымъ, содержанію школъ и т. п.), совершенно парализовала и даже дѣлала невозможною прежнюю широкую благотворительную и просвѣтительную дѣятельность приходовъ.

Во время же царствованія императрицы Екатерины II совершилось введеніе великороссійскихъ порядковъ также и въ церковное устройство малороссійскихъ приходовъ, чтб, въ свою очередь, было равносильно упадку этихъ послѣднихъ.

Синодальное распоряженіе 24 іюня 1797 года, которымъ, на основаніи правительственныхъ распоряженій „о непринимaніи присутственными мѣстами прошеній, многими подписанныхъ", предписывалось архіереямъ не принимать отъ прихожанъ установленныхъ „Духовнымъ Регламентомъ" и „Прибавленіемъ" къ нему доношеній о добропорядочномъ поведеніи избраннаго ими священно-и-церковнослужителя, отнимало у прихожанъ древнее право выбора членовъ причта.

Законъ 1808 г., въ силу котораго всѣ такъ называемыя экономическія суммы церквей отбирались у этихъ послѣднихъ въ пользу духовныхъ школъ, въ самой основѣ нарушалъ исконныя права прихода, и съ изданіемъ этого закона можно считать процессъ упадка православно-русскаго прихода почти совершенно законченнымъ. До начала второй половины XIX в. не видно никакихъ попытокъ оживленія совершенно замершей, въ силу указанныхъ условій, церковно-приходской дѣятельности. Даже болѣе: не замѣтно сознанія, что установившіяся условія церковно-приходской жизни были совершенно ненормальны. Дошло до того, что въ наказѣ чинамъ и служителямъ земской полиціи, изданномъ 3 іюня 1837 г., вмѣнялось въ обязанность на ряду со всѣми тайными и всякаго рода закономъ воспрещенными сборищами и масонскими ложами, закрывать и братства.

Только съ отмѣною крѣпостнаго права и съ наступленіемъ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ XIX в. былъ

возбужденъ вопросъ о церковномъ приходѣ и церковно-приходской дѣятельности.

Оживленное обсужденіе этого вопроса въ научныхъ сочиненіяхъ, въ періодическихъ изданіяхъ и въ публицистической печати вызвало нѣкоторыя правительственныя узаконенія и распоряженія, направленныя къ обновленію и оживленію древне-русскаго прихода. Но эти узаконенія и распоряженія далеко не удовлетворяли тѣмъ пожеланіямъ образованнаго общества относительно широкаго развитія церковно-приходской жизни, какія высказывались въ наукѣ и литературѣ. Пожеланія эти сводились къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) признаніе православныхъ приходовъ юридическими лицами, каковыми являются инославные русскіе приходы (лютеранскіе, реформатскіе и отчасти католическіе) и даже единовѣрческіе; 2) возвращеніе православнымъ приходамъ права завѣдыванія и распоряженія мѣстными церковно-общественными суммами и капиталами, равно какъ и права свободнаго пріобрѣтенія на имя прихода движимаго и недвижимаго имущества; 3) упорядоченіе существующаго издавна права прихожанъ избирать членовъ причта и ходатайствовать предъ высшею церковною властію о назначеніи такихъ кандидатовъ въ приходы; 4) признаніе за православными приходами значенія низшей не только церковной, но и земской единицы; 5) предоставленіе православному духовенству возможно болѣе широкихъ правъ семейныхъ, сословныхъ, служебныхъ и имущественныхъ, равно какъ и возможно болѣе широкаго самоуправленія въ собственныхъ его дѣлахъ и суда на твердыхъ каноническихъ основаніяхъ; наконецъ, 6) изданіе общаго свода церконно-общественныхъ законовъ.

Всѣ эти и другія подобныя положенія авторъ разсматриваемыхъ трудовъ считаетъ вполнѣ закономѣрными и осуществимыми. На основѣ этихъ самыхъ положеній онъ признаетъ безусловно необходимымъ обновленіе православнаго церковно-общественнаго строя. На преобразованіе и возрожденіе православнаго прихода онъ смотритъ, какъ на зарю

новой церковной жизни и залогъ, основу для всѣхъ другихъ преобразованій.

Нельзя здѣсь не выразить глубокаго уваженія къ автору, который съ такою рѣдкою и поразительною настойчивостью и самъ идетъ и другихъ побуждаетъ стремиться къ осуществленію своей чистой и возвышенной идеи обновленія русскаго православнаго прихода.

Но, преклоняясь предъ настойчивостью автора въ стремленіи къ намѣченной цѣли, его рѣдкимъ усердіемъ въ дѣлѣ разъясненія вопроса о юридическомъ значеніи русскаго прихода въ древнее и новое время, мы тѣмъ не менѣе никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ въ томъ, что проектируемая имъ идеальная реформа церковнаго прихода вполнѣ возможна и осуществима не только въ настоящее время, но даже и когда-либо впослѣдствіи.

Главная мысль, лежащая въ основаніи всей проектируемой реформы, состоитъ въ предоставленіи русскому приходу права полной автономіи. На чемъ основываетъ авторъ эту свою мысль? „Христіанство, какъ религія *откровенная*", говоритъ онъ, „должно сохранить всю свою самобытность и автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, а потому и христіанская церковная община, по самой природѣ своей, должна быть свободной и самостоятельной въ проявленіяхъ своей жизни... Въ христіанской церковной общинѣ всѣ люди почитаются братьями во Христѣ, и всѣ они, имѣя во главѣ духовнаго отца и наставника, сосредоточиваются вокругъ видимаго своего центра—храма, для совершенія общественной молитвы и для выполненія христіанскихъ обязанностей. Такимъ образомъ, христіанская община является семьей высшаго порядка, созидающей духовное родство между сочленами, и въ ней вся жизнь должна строиться на великомъ началѣ „*любови*", заповѣданномъ Самимъ Спасителемъ, Начальникомъ жизни".

Какъ изъ приведеннаго сейчасъ, такъ и изъ многихъ другихъ разсужденій автора видно, что онъ въ обоснованіи своей главной идеи—о необходимости предоставленія полной

автономіи приходу—смѣшиваетъ два понятія: понятіе о внутренней, духовной, чисто религіозной свободѣ и понятіе о свободѣ внѣшней. Внутренняя свобода, свобода совѣсти и теперь никѣмъ не стѣсняется, и нельзя указать ни одного законоположенія или распоряженія высшей власти, которое бы стѣсняло членовъ какой-либо приходской общины въ выполненіи ими христіанскихъ обязанностей: молитвы, благотворенія бѣднымъ, вразумленія или просвѣщенія другихъ членовъ и т. п.

Но очевидно, какъ это показываетъ и дѣйствительность, одной этой свободы недостаточно для того, чтобы обновить и оживить православно-русскій приходъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ нашъ авторъ. Онъ желаетъ предоставленія приходской общинѣ не одной только внутренней свободы, но и полной свободы во внѣшнихъ, гражданскихъ и соціальныхъ проявленіяхъ церковно-приходской жизни: пріобрѣтеніи и распоряженіи имуществомъ, устроеніи благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій и т. п. Такая автономія православному приходу, при современныхъ условіяхъ жизни, не можетъ быть предоставлена. Даже болѣе того: едва ли подобная автономія мыслима при какихъ бы то ни было условіяхъ человѣческой жизни. Предоставленіе полной, всецѣлой автономіи приходской общинѣ равносильно, по нашему мнѣнію, образованію государства въ государствѣ.

Правда, авторъ въ пользу мыслимости, возможности и осуществимости идеи автономной церковно-приходской общины ссылается на слѣдующіе реальные примѣры: а) первохристіанскія общины; 2) инославные приходы въ Россіи и 3) православные приходы въ Финляндіи, пользующіеся и теперь широкой автономіей.

Но намъ кажется, что авторъ въ данномъ случаѣ упускаетъ изъ виду то весьма важное обстоятельство, что всѣ эти примѣры, на которые онъ ссылается, суть явленія исключительныя. И первохристіанскія общины, существовавшія посреди языческаго міра, и инославные приходы у насъ, существующіе въ государствѣ православно-русскомъ, и наконецъ, православные финляндскіе приходы, находящіеся среди сплош-

ного лютеранскаго населенія, потому именно и пользовались и пользуются автономіею, что они представляли и представляютъ statum in statu, явленія исключительныя, особенныя.

Но какъ можно представить себѣ реально полную автономію православно-русскихъ приходовъ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни и дѣятельности? Не иначе, по нашему мнѣнію, какъ только въ видѣ полнаго выдѣленія всѣхъ православно-русскихъ приходовъ изъ общаго строя жизни русскаго государства, или же въ видѣ совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства.

Правда, всю свою проектируемую реформу православно-русскаго прихода авторъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, повидимому, на самомъ прочномъ и непоколебимомъ основаніи, именно: на прошлой жизни русскаго прихода, на реальномъ примѣрѣ древне-русской приходской общины. Но и здѣсь, какъ намъ кажется, авторъ упускаетъ изъ виду то существенное и весьма важное обстоятельство, что древне-русскій приходъ, пользовавшійся, какъ мы видѣли, правами широкой свободы во внутренней своей жизнедѣятельности, не представлялъ ничего исключительнаго, особеннаго, а былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ въ русскомъ государствѣ того времени. Всѣ отличительныя особенности древне-русскаго прихода находились въ тѣснѣйшей связи и въ полномъ согласіи со всѣмъ строемъ и бытомъ русскаго государства.

Но пусть не подумаетъ ни самъ авторъ, ни кто-либо другой, чтобы мы не сочувствовали основной идеѣ автора. Напротивъ, мы вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ признаемъ безусловно необходимою коренную реформу церковно-приходской жизни, но только съ тою существенно важною оговоркою, чтобы эта реформа не противорѣчила кореннымъ основамъ современнаго строя русскаго государства. Намъ кажется, что обновленіе приходской жизни должно начинать не введеніемъ юридическихъ нормъ, которыя, какъ начало формальное, теоретическое, не могутъ вдохнуть жизни въ замершій организмъ русскаго прихода, но осуществленіемъ жизнедѣятельнаго начала *любви* въ приложеніи къ нашимъ

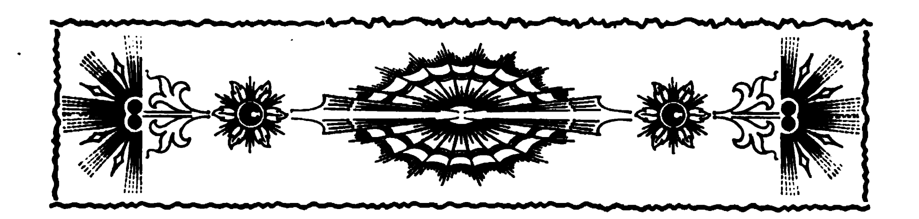
приходамъ. Другими словами: обновленіе русскихъ приходовъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы начать съ заведенія рѣшительно при всѣхъ нашихъ приходскихъ храмахъ *братствъ любви*, на которыя можно было бы перенести многія изъ проектируемыхъ авторомъ прерогативъ и которыя, прочно привившись къ организму нашего прихода, могли бы незамѣтно обновить и возродить его.....

Ѳ. Титовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отдѣлъ V.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.



Объ иконописномъ отдѣлѣ выставки и рефератахъ о немъ на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ.

На археологической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, составленной весьма тщательно, былъ отдѣлъ иконъ и снимковъ съ нихъ, собранныхъ или снятыхъ съ оригиналовъ въ Лѣвобережной Украинѣ и преимущественно въ Харьковской губерніи. Иконъ, писанныхъ на деревѣ или холстѣ, числилось на выставкѣ 242 №№, а фотографій съ иконъ до 170 №№ [1]).

Обзору церковно-археологической выставки и въ частности коллекціи иконъ и снимковъ съ нихъ на этой выставкѣ посвящены были: вступительная рѣчь профессора Н. В. Покровскаго при открытіи первой сессіи отдѣленія церковныхъ древностей, рефератъ профессора Е. К. Рѣдина, подъ заглавіемъ: „Религіозные памятники искусства Харьковской губерніи" и вызванныя этимъ рефератомъ замѣчанія нѣкоторыхъ членовъ съѣзда. Подробному изученію этой выставки пріѣзжими членами съѣзда препятствовали и краткость времени засѣданій съѣзда, и громадный наплывъ публики, посѣщавщей выставку.

---

[1]) См. „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ „Харьковѣ" Харьковъ, 1902 г., отд. II, стр. 1—46 и 110—143, въ разныхъ мѣстахъ, и „Дополненіе" къ этому отдѣлу.

Профессоръ Н. В. Покровскій, обозрѣвая въ своей рѣчи церковно-археологическую выставку при съѣздѣ, замѣтилъ объ иконахъ, что, при первомъ знакомствѣ съ ними, какъ будто обнаруживаются здѣсь разные стили и направленія; тѣмъ не менѣе, основной и господствующій стиль здѣсь тотъ же самый, который наблюдается въ данное время въ Кіевѣ и, чрезъ посредство Кіевскихъ гравюръ, распространяется по южной Россіи,—стиль западно-европейскій въ Кіевскомъ воспроизведеніи. Это подтверждается многочисленными иконами выставки, ихъ композиціями, иконографическими типами и стилемъ. Здѣсь мы нерѣдко встрѣчаемъ: коронованіе Богоматери, плоды страданій Христовыхъ, сивиллъ, изображеніе пеликана, раздирающаго свою грудь, чтобы напитать дѣтей, и сердце Іисуса, изъ котораго струится кровь въ потиръ, Богоматерь съ мечами въ груди. Всѣ эти изображенія проникли сюда съ запада. Означенное наблюденіе еще болѣе подтверждается самымъ стилемъ иконъ. Это стиль не древне-Кіевскій, не Новгородскій, не Московскій. Широко обнаруженное стремленіе къ красотѣ формъ, анатомической строгости, хотя бы это была и работа ремесленниковъ, прямо говорятъ о пріемахъ западно-европейскаго письма. Такимъ образомъ, при изученіи выставленныхъ предметовъ, изслѣдователь находитъ здѣсь опредѣленное направленіе церковнаго искусства въ XVII и XVIII вѣкахъ [1]).

Рефератъ профессора Е. К. Рѣдина въ сущности представляетъ изъ себя дальнѣйшее, болѣе подробное развитіе мыслей рѣчи профессора Покровскаго, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Указавъ на нѣкоторые памятники живописи, запечатленные характеромъ мѣстнаго происхожденія, профессоръ Рѣдинъ указалъ на цѣлый рядъ такихъ памятниковъ, въ которыхъ наиболѣе сильно видно вліяніе западной живописи, напр. изображеніе Богородицы съ мечами въ сердцѣ, Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, женъ мироносицъ при гробѣ Господнемъ, св. Николая Западинецкаго и др. Это западное вліяніе находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что Харьковская губернія въ значительной степени заселилась выходцами изъ-за польскаго рубежа, изъ Правобережной Украины.

Этотъ рефератъ вызвалъ замѣчанія и дополненія со стороны профессоровъ Г. Г. Павлуцкаго, Н. В. Покровскаго и особенно Д. В. Ай-

---

[1]) „Извѣстія XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ", Харьковъ, 1902 г., стр. 53 и 54.

налова. Послѣдній замѣтилъ, что выставка церковныхъ древностей, созданная трудами профессора Е. К. Рѣдина, представляетъ громадный интересъ для изучающаго религіозное искусство XVII—XVIII в. Для изученія болѣе ранняго періода она не заключаетъ въ себѣ данныхъ, такъ какъ только одинъ памятникъ ея принадлежитъ къ XVI столѣтію. На основаніи матеріала, представляемаго выставкой, можно отмѣтить несомнѣнный фактъ, что польское вліяніе слабо, но за то, помимо польскаго вліянія, существовало вліяніе западное, что̀ объясняется культурными связями Малороссіи съ Западомъ. На выставкѣ для подтвержденія этого факта можно отмѣтить цѣлый рядъ иконъ святыхъ, которыя близки по своему характеру къ итальяской живописи XIV—XV вѣковъ. Конечно, тутъ не можетъ быть и рѣчи объ академическомъ вліяніи, такъ какъ иконы относятся къ XVII вѣку, а Академія Художествъ возникла только въ XVIII столѣтіи, и вліяніе ея начало сказываться лишь въ эпоху Боровиковскаго. Одна икона на выставкѣ оказывается скопированною съ нѣмецкой иконы XVI вѣка, при чемъ отступленій отъ оригинала очень мало даже въ деталяхъ. На основаніи сказаннаго становится яснымъ, что предметы, находящіеся на выставкѣ церковныхъ древностей, подраздѣляются хронологически на 4 періода: крестъ XVI вѣка; итальянское вліяніе; нѣмецкое вліяніе; академическое вліяніе. А потому на выставкѣ лучше можно изучить развитіе искусства въ Харьковской губерніи, чѣмъ иконографію. [1]).

Я, съ своей стороны, признавая въ общихъ чертахъ, подражательный западно-европейскій и польскій характеръ большинства иконъ выставки, пытался опредѣлить различные пути западно-европейскаго и польскаго вліянія на тѣхъ самыхъ примѣрахъ, какіе указаны въ рѣчи проф. Н. В. Покровскаго и рефератѣ Е. К. Рѣдина. Такъ напр., икона пресв. Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости, по нашему мнѣнію, есть воспроизведеніе сюжета Рубенса [2]), проникшее во второй половинѣ XVII вѣка въ сѣверную, Московскую Русь, а оттуда распространившееся впослѣдствіи и по Юго-Западной Руси. Икона св. Николая Западинецкаго, оригиналъ которой находится въ м. Западинцахъ, въ бывшемъ Кременецкомъ повѣтѣ, получила въ XVIII вѣкѣ широкое распространеніе при посредствѣ Почаевскихъ гравюръ, изображающихъ этого святителя. Икона

[1]) Тамъ-же, „Изв. XII арх. съѣзда".

[2]) См. Исторію искусствъ", П. П. Гнѣдича, С.-П., 1897 г., т. II, стр. 329.

женъ мироносицъ при гробѣ Господнемъ находитъ полную аналогію себѣ въ живописной иконѣ того же содержанія изъ села Лѣсниковъ, близъ Кіева, 1642 года, находящейся теперь въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи [1]). Икона пресв. Богородицы съ мечами въ сердцѣ, вѣроятно, имѣла непосредственнымъ образцомъ своимъ такое же изображеніе Богородицы, съ однимъ или нѣсколькими мечами въ сердцѣ, на православныхъ и уніатскихъ гравированныхъ антиминсахъ XVIII вѣка. Птица пеликанъ, кормящая птенцовъ своею плотію, изображена рѣзьбой на старой профессорской каѳедрѣ Кіевской Академіи, въ Церковно-археологическомъ музеѣ [2]), и, вѣроятно, послужила прототипомъ и для иконъ или картинъ этого рода.

Послѣдніе три примѣра показываютъ, что въ Лѣвобережной Малороссіи и особенно въ Слободской Украинѣ нерѣдко подражали иконописнымъ образцамъ Правобережной Малороссіи, своей прежней родины. Слѣдовательно, западно-европейское и польское вліяніе на иконопись и живопись Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украины нерѣдко посредствовалось Правобережною Малороссіею, которая уже болѣе или менѣе непосредственно могла подчиняться въ иконописномъ дѣлѣ западно-европейскимъ и польскимъ образцамъ. Въ Правобережной Малороссіи были, повидимому, и цѣлые сборники живописныхъ священныхъ изображеній, служившіе для мѣстныхъ иконописцевъ чѣмъ-то въ родѣ руководства или иконописнаго подлинника. Такимъ руководствомъ, по предположенію профессора Н. В. Покровскаго, могла быть латинская лицевая Библія Пискатора, экземпляръ которой извѣстенъ и съ славяно-русскимъ переводомъ пояснительнаго ея текста.

Но, при всей подражательности иконописи Лѣвобережной Малороссіи и Слободской Украины, посредственно или непосредственнно, западно-европейскимъ и польскимъ живописнымъ образцамъ, надобно предполагать у мѣстныхъ иконописцевъ и нѣчто свое, особенное. Это можно заключать уже изъ того, что на южно-русскихъ иконахъ и вообще священныхъ изображеніяхъ иконописцы нерѣдко обозначали свои имена и фамиліи. Профессоръ Рѣдинъ указалъ въ иконописной коллекціи выставки при съѣздѣ одинъ такой примѣръ. Мы, съ своей стороны, можемъ указать еще нѣ-

[1]) „Указатель Церковно-археологич. музея при Кіевской Дух. Академіи", Кіевъ, 1897 г., стр. 104, № 3578.

[2]) Тамъ же, стр. 26, № 2001.

сколько подобныхъ подписей на иконахъ и священныхъ изображеніяхъ въ Кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ; такъ, напр., двѣ большія иконы 1693 года изъ с. Вакумовки, Переяславскаго уѣзда, подписаны маляромъ Иваномъ Миславскимъ [1]; шелковая плащаница, 1710 года, изъ Переяславскаго у., писана маляромъ Ѳ. Рекленскимъ [2]; на гравированномъ антиминсѣ 1723 года, изъ села Довжика, внизу подписано: „дилалъ малярь Гавріилъ Павловъ" [3]; большая икона Успенія Богородицы, 1755 года, изъ Переяславскаго уѣзда, подписана маляромъ Власомъ Шубейскимъ Глинскимъ [4].

Что же своего, отечественнаго, или оригинальнаго вносили южнорусскіе маляры-иконописцы въ свои подражательныя произведенія? На XII археологическомъ съѣздѣ вопросъ этотъ остался открытымъ. Попытаемся дать посильный отвѣтъ на него, имѣя въ виду уже не одинъ иконописный отдѣлъ на церковно-археологической выставкѣ съѣзда, но и другія южно-русскія иконы и особенно иконописныя коллекціи Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи.

Предварительно считаемъ нужнымъ оговориться, что всѣ находящіяся или находившіяся въ церквахъ иконы необходимо раздѣлить на три разряда: монументальную и немонументальную церковную иконопись и приносныя частныя иконы; монументальную иконопись составляютъ намѣстныя и храмовыя иконы и вообще, можно сказать, иконы всего иконостаса; немонументальныя—иконы, помѣщающіяся на стѣнахъ храма, алтаря и жертвенника, замѣняющія собою древнія стѣнныя росписи и заказываемыя обыкновенно по требованію нужды самой церкви, и приносныя иконы, жертвуемыя въ храмъ частными лицами по нарочитому ихъ заказу или по смерти кого-либо изъ членовъ семьи. И нужно замѣтить, что западно-европейское или польское вліяніе въ Юго-Западной Руси прежде всего вторгалось въ область этихъ частныхъ, приносныхъ иконъ, тогда какъ монументальная и немонументальная церковная иконопись въ большей или меньшей мѣрѣ слѣдовала иконописному церковному преданію.

Иконописное церковное преданіе двоякаго рода: одно въ строгомъ смыслѣ иконописное преданіе, когда извѣстная икона пишется по преж-

[1]) „Указ. Церк.-Археол. Музея при Кіев. дух Академіи", стр. 103, №№ 3569—3570.
[2]) Тамъ-же, стр. 58, № 2685.
[3]) Тамъ-же, стр. 64, № 2748.
[4]) Тамъ-же, стр. 105, № 3595.

нимъ образцамъ или, по крайней мѣрѣ, по прорисямъ съ нихъ или иконописнымъ лицевымъ подлинникамъ; другое—письменное или книжное церковное преданіе, извлекаемое изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ православной церкви и изъ житійной литературы. Оба эти вида иконописнаго преданія существовали и въ сѣверной и въ южной Россіи, но—въ различной мѣрѣ и имѣли различную историческую судьбу. На сѣверѣ Россіи сначала преобладалъ буквализмъ собственно иконописнаго преданія, въ силу котораго новыя иконы буквально списывались съ прежнихъ образцовъ или, по крайней мѣрѣ, воспроизводились по прорисямъ со старыхъ иконъ или по лицевымъ иконописнымъ подлинникамъ, какъ, напр., Строгановскому [1]), получившимъ развитіе съ начала XVII вѣка; но впослѣдствіи и на сѣверѣ Россіи выдвигается на сцену книжное иконописное преданіе, извлекаемое преимущественно изъ житійной литературы, которое имѣло въ виду восполнить и расширить узкій кругъ иконописныхъ прорисей и лицевыхъ подлинниковъ. Таковъ „Иконописный подлинникъ" сводной редакціи XVIII вѣка [2]), составитель котораго нерѣдко устанавливаетъ иконописные типы исключительно на основаніи книжныхъ источниковъ и въ частности житій извѣстныхъ святыхъ. Такъ, напр., подъ 1-мъ февраля о св. мученикѣ Трифонѣ здѣсь сказано слѣдующее: „подобіемъ младъ, рука молебна, а въ другой—птичка бѣла, подъ ногами гора и озеро, а на немъ гуси плаваютъ, и по горѣ гуси гуляютъ. Въ Минеѣ и въ Прологѣ пишетъ: сей святый, юнъ сый возрастомъ, гуси пасяше, яко же глаголютъ". Въ Юго-Западной же Руси собственно иконописное преданіе по старымъ образцамъ и иконописнымъ прорисямъ и лицевымъ подлинникамъ замѣчается, съ XVII вѣка, въ весьма слабой степени, примѣняясь преимущественно и почти исключительно къ монументальной церковной иконописи, тогда какъ, наоборотъ, книжное иконописное преданіе сразу получаетъ здѣсь довольно широкое употребленіе и, развиваясь все болѣе и болѣе, подготовляетъ удобную почву для западно-европейскаго живописнаго вліянія и впослѣдствіи переплетается съ нимъ самымъ разнообразнымъ способомъ.

Изъ монументальной южно-русской церковной иконописи наиболѣе устойчивыми оказываются намѣстныя иконы Спасителя и Богородицы,

[1]) „Строгановскій иконописный лицевой подлинникъ", Москва, 1869 года.

[2]) Изданъ Филимоновымъ въ Москвѣ, въ 1876 году.

храмовыя иконы, апостольскій ярусъ иконостаса и иконы двунадесятыхъ и избранныхъ праздниковъ. Мы здѣсь остановимся нѣсколько на иконахъ двунадесяти апостоловъ. На археологической выставкѣ при XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ были четыре иконы двунадесяти апостоловъ, по три на каждой, изъ иконостаса церкви села Надрѣчнаго Кута, Харьковскаго уѣзда, построенной около 1680 года [1]). Таковы же иконы апостоловъ въ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви, хранившіяся доселѣ на колокольнѣ, и двѣ большія иконы съ шестью апостолами изъ с. Бакумовки, Переяславскаго уѣзда, писанныя въ 1698 году Ѳедоромъ Миславскимъ и находящіяся теперь въ Церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи [2]). Наконецъ, въ такомъ же родѣ четыре иконы апостоловъ изъ церкви слободы Гомольши, Зміевскаго у., построенной въ 1770 году [3]). Такимъ образомъ, типъ апостольскаго яруса иконостасовъ въ Юго-Западной Россіи удерживался, судя по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, почти въ теченіе столѣтія. Но и въ этой монументальной иконописи южно-русскіе маляры допускали иногда нѣкоторыя отступленія отъ общепринятыхъ типовъ и художественныя вольности. Такъ, напр., на одной изъ намѣстныхъ иконъ Богородицы, находящейся нынѣ въ Лубенскомъ музеѣ г-жи Скаржинской, Богомладенецъ держится лѣвою рукою за вѣтку живописнаго цвѣточнаго бордюра, окаймляющаго икону, чего не рѣшились бы сдѣлать сѣверно-русскіе иконописцы.

Въ иныхъ случаяхъ и въ монументальную церковую иконопись, на юго-западѣ Россіи, проникалъ элементъ книжнаго иконописнаго преданія, что̀ объясняется иногда просто отсутствіемъ иконописныхъ образцовъ и лицевыхъ подлинниковъ у южнорусскихъ маляровъ. Таковы, напримѣръ, храмовыя иконы Живоноснаго источника пресв. Богородицы въ селѣ Братской Борщаговкѣ, близъ Кіева, и, какъ говорятъ, въ м. Ржищевѣ, Кіевской губерніи. Сюжетъ этой иконы чисто-византійскій, не разрабатывавшійся на западѣ Европы. Въ Византіи эта икона изображалась или въ видѣ Бого-

[1]) „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ“, Харьковъ, 1902 года, отд. II, стр. 26, №№ 122—125.

[2]) „Указатель Церковно-археологич. Музея“, Кіевъ, 1897 г., стр. 103, №№ 3569—3570.

[3]) „Каталогъ выставки XII археологич. съѣзда“, отд. II, стр. 20 и 21, №№ 92—95.

родицы оранты, стоящей на облакахъ [1]), или въ видѣ Богородицы, находящейся по грудь въ чашѣ или купели [2]). Между тѣмъ, въ Братской Борщаговкѣ композиція иконы совершенно иная. Въ центрѣ ея изображенъ деревянный срубъ колодца, изъ котораго бьетъ фонтанъ; по тремъ угламъ колодца стоятъ вселенскіе святители Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, почерпающіе воду изъ колодца и раздающіе окружающимъ ихъ людямъ; по правую сторону святителей стоятъ царь Левъ 1 Макеллъ и его супруга, а по лѣвую—духовный чинъ; надъ колодцемъ вверху изображена на облакахъ Пресв. Богородица, среди Бога Отца и Бога Сына, и надъ ними Духъ Святой въ видѣ голубя. Икона эта скомпонована главнымъ образомъ на основаніи синаксаря или сказанія о Византійскомъ живоносномъ источникѣ и, можетъ быть, отчасти имѣетъ въ виду мѣстную Борщаговскую обстановку, такъ какъ срубъ колодца напоминаетъ собою срубъ колодца и въ Борщаговской часовнѣ, построенной надъ мѣстнымъ источникомъ. Книжными же источниками, а не лицевыми иконописными образцами, нужно объяснять происхожденіе иконописнаго яруса изъ иконописныхъ медальоновъ, изображающихъ евангельскія блаженства и вообще евангельскія событія. Такихъ медальоновъ на Харьковской выставкѣ было довольно много, и подъ ними прямо указаны тѣ мѣста евангелій, которыя послужили иконописцамъ темою для этихъ изображеній. Таковы, напр., блаженства, чудесный ловъ рыбъ, добрый Пастырь, буря на Генисаретскомъ озерѣ и проч. [3]). Получивъ изъ евангелія только тему для своего изображенія, маляръ развивалъ ее болѣе или менѣе свободно, не стѣсняясь насильственными предписаніями иконописныхъ подлинниковъ; оттого медальоны эти, по нашему наблюденію, болѣе другихъ иконъ отличаются разнообразіемъ, движеніемъ и жизненностію.

Проникая и въ монументальную церковную иконопись, книжное иконописное преданіе получаетъ полное свое развитіе въ немонументальной иконописи. Къ произведеніямъ этой послѣдней иконописи могутъ быть, по нашему мнѣнію, отнесены слѣдующія иконы выставки: святое

[1]) „Византійскія церкви и памятники Константинополя“, Н. П. Кондакова, Одесса, 1886 г., стр. 26 и 27.

[2]) „Земная жизнь Пресв. Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ иконъ“, С. Снессаревой, С.-Петерб., 1892 г., стр. 525.

[3]) „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда“, Харьковъ, 1902 г., отд. II, стр. 32 и 33, №№ 156—167.

семейство, съ изображеніемъ отрока Христа, подметающаго полъ комнаты, основанная на апокрифическомъ евангеліи [1]; икона Недреманное око [2]; икона св. Николая съ чудомъ его о половчинѣ, сотворшимся въ градѣ Кіевѣ: святитель заноситъ дубинку надъ половчиномъ, котораго стащилъ съ коня [3]). Для объясненія происхожденія этихъ и подобныхъ иконъ нѣтъ нужды прибѣгать къ западно-европейскому или польскому вліянію, когда онѣ вполнѣ объясняются книжнымъ преданіемъ православной церкви.

Пользуясь болѣе или менѣе свободно книжными иконописными источниками, южнорусскіе маляры-иконописцы должны были встрѣтиться на этой почвѣ съ западно-европейскимъ и польскимъ религіознымъ живописнымъ искуствомъ, которое преимущественно, если не исключительно, основывается на книжномъ преданіи западной церкви и свободномъ примѣненіи его къ религіознымъ сюжетамъ. Встрѣча эта должна была производить у южно-русскихъ маляровъ-иконописцевъ и позаимствованія у западнаго религіознаго искусства, и подражанія ему, особенно въ такихъ пунктахъ, относительно которыхъ восточная и западная церкви не разногласятъ или мало разногласятъ между собою. Укажемъ нѣсколько такихъ пунктовъ соприкосновенія между восточною и западною иконописью.

1) На Борщаговской иконѣ живоноснаго источника,—какъ мы говорили выше—вверху изображена Богородица, окруженная тремя лицами Св. Троицы. Это изображеніе представляетъ послѣдній моментъ Успенія Богородицы, или Вознесеніе Богородицы на небо, и не противорѣчитъ преданію православной церкви, которая воспѣваетъ Успеніе Богородицы такими словами: „Ангели Успеніе Пречистыя видѣвше, удивишася, како Дѣва восходитъ отъ земли на небо.“ Но въ католической церкви къ этой сценѣ Вознесенія Богородицы на небо присоединено Коронованіе Богородицы Богомъ Отцомъ и Богомъ Сыномъ, какъ рѣшительный шагъ къ дальнѣйшему возвеличенію и, такъ сказать, обожествленію Богородицы у католиковъ. Но южно-русскіе православные, повидимому, не понимали этой богословной тонкости католическаго Коронованія Богородицы и усвоили его всецѣло въ области иконографіи.

[1]) Каталогъ выставки XII арх. съѣзда, стр. 41, № 206.

[2]) Тамъ-же, стр. 11, №№ 40 и 41. Сн. двѣ брошюры проф. Рѣдина о сей иконѣ.

[3]) Тамъ-же, стр. 24, № 108.

2) Изображеніе св. семейства считается композиціею западнаго происхожденія; но южно-русскіе маляры усвоили ей православное, аллегорическое значеніе. Отроки Предтеча и Спаситель представляются на одной южно-русской иконѣ олицетвореніями истины и правды, съ такою надъ ними надписью: „Истина отъ земли возсія и правда съ небесе приниче."

3) Богородица съ мечемъ или съ мечами въ сердцѣ тоже считается западною композиціею; но она съ одинаковымъ правомъ могла быть предметомъ и православной южно-русской иконописи, на основаніи пророческихъ словъ Симеона Богопріимца къ Богородицѣ: „Твое сердце оружіе пройдетъ".

Эти и подобные нейтральные между восточными и западными церквами иконописные сюжеты проложили въ Юго-Западную Россію путь и другимъ иконописнымъ заимствованіямъ съ запада, даже и такимъ, которыя носили на себѣ явную печать католической доктрины. Особенно такимъ заимствованіямъ съ католическаго запада много способствовала церковная унія Южной Руси съ польско-католическою церковію, широко открывшая двери вліянію западной и польской иконописи и живописи на южно-русскую. Различныя теченія этого вліянія западной и польской живописи на южно-русскую отчасти указаны на XII археологическомъ съѣздѣ профессорами Рѣдинымъ, Айналовымъ, Покровскимъ и Павлуцкимъ, которые, кромѣ польскаго вліянія, распознали въ иконахъ выставки съѣзда частныя вліянія живописи итальянской, испанской и нѣмецкой.

Надобно полагать, что западное и польское живописное вліяніе раньше и болѣе всего обнаруживалось на иконахъ для частнаго, семейнаго богомоленія и изъ семьи мало по малу вторгалось и въ самую церковь посредствомъ такъ названныхъ нами приносныхъ иконъ, или заказываемыхъ частными лицами, по своему вкусу, для извѣстной церкви, или же приносимыхъ въ церковь при погребеніи покойниковъ. Это, по большей части, или иконы малыхъ размѣровъ, приспособленныя къ частной, семейной божницѣ, или же иконы на полотнѣ или холстѣ, уже по самому матеріалу своему, на которомъ пишутся, приближающіяся къ картинамъ. Одною изъ старѣйшихъ заказныхъ южно-русскихъ иконъ въ этомъ родѣ нужно признать икону Знаменія Пресв. Богородицы съ молящимися ей великомученикомъ Димитріемъ и преп. Ниломъ, начала XVII в., изъ села Михайловки, Гайсинскаго у., Подольской губерніи [1]). Нерѣдко на

[1]) „Указатель Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи", Кіевъ, 1897 г., стр. 104, № 3577.

такихъ иконахъ, въ центрѣ ихъ или въ сторонѣ, изображается ангелъ, въ знакъ того, что на иконѣ изображены ангелы, т. е. святые покровители заказчиковъ. Такова, напр., икона преподобныхъ Кіево-печерскихъ Антонія и Ѳеодосія, съ ангеломъ между ними, XVIII в., недавно переданная изъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви въ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовной Академіи.

Во всякомъ случаѣ, западное вліяніе на южно-русскую иконопись не только не порабощало себѣ послѣдней, но нерѣдко даже содѣйствовало оживленію и національзаціи южно-русской иконописи. Дѣло въ томъ, что западно-европейская религіозная живопись, въ отличіе отъ Византійской, стремится къ естественности, къ натурализму, короче сказать—отличается реальнымъ характеромъ. Этотъ-то реальный характеръ западной живописи усваиваютъ себѣ, по подражанію западу, и южно-русскіе маляры и нерѣдко изображаютъ святыхъ среди мѣстной и бытовой обстановки и даже копируютъ лики святыхъ съ живыхъ лицъ. Особенно это нужно сказать о семейныхъ, заказныхъ и приносныхъ иконахъ. Такъ напр., на одной полотняной иконѣ XVIII в., недавно переданной изъ Кіево-Подольской Борисоглѣбской церкви въ Церковно-археологическій музей при Кіевской Духовн. Академіи, св. мученица Параскева, повидимому представляющая портретъ заказчицы, изображена въ малорусскомъ костюмѣ и головномъ уборѣ колѣнопреклоненною предъ образомъ Пресв. Богородицы. На небольшой деревянной иконѣ великомученицы Варвары, конца XVIII в., находящейся нынѣ въ томъ-же Церковно-археологическомъ музеѣ, эта великомученица тоже изображена въ видѣ сельской красавицы, въ сельскомъ костюмѣ и головномъ уборѣ [1]). Извѣстна также Переяславская икона Покрова Пресв. Богородицы, начала XVIII вѣка, на которой изображены Петръ I съ Екатериною I и козацкая старшина [2]).

Впрочемъ, далеко не всѣ иконы Харьковской археологической выставки носятъ на себѣ слѣды западнаго или польскаго вліянія. Въ пестрой смѣси различныхъ теченій въ южно-русской иконописи, представленной на этой выставкѣ, замѣтны также узоры вліяній сѣверно-русской живописи академической и сѣверно-русской иконописи.

О вліяніи русской академической живописи на южно-русскую живопись достаточно сказать только то, что эта живопись, сама возникшая

¹) Указ. Церк.-арх: музея, стр. 105, № 3589.

²) Тамъ же, стр. 53, № 2612.

подъ вліяніемъ запада, вполнѣ гармонировала съ западно-европейскимъ вліяніемъ и служила какъ-бы дополненіемъ къ нему.

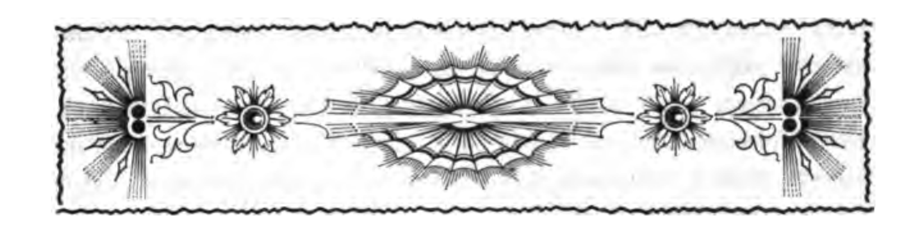
Что же касается сѣверно-русской иконописи, то мы видимъ на Харьковской археологической выставкѣ и старообрядскія иконы, писанныя въ духѣ прежнихъ сѣверно-русскихъ иконописныхъ школъ, и ремесленныя издѣлія позднѣйшей суздальской иконописи, начиная со второй половины XVIII вѣка, и даже мѣстныя подражанія суздальскимъ иконописцамъ.

Къ старообрядческимъ иконамъ нужно отнести: мѣдный крестъ, вдѣланный въ доску, на которой написаны предстоящіе [1]), деревянный иконостасецъ о 15 створкахъ, полученный изъ Харьковской дух. консисторіи [2]), и икона „Ангелъ Хранитель“ [3]) весьма много напоминающая собою Стародубскія раскольническія иконы. На ней изображено шесть старцевъ, а ангелъ, стоящій среди нихъ, является только показателемъ того, что преподобные пустынники были святыми покровителями закащиковъ, тоже, вѣроятно, пустынныхъ старцевъ.

Суздальскія иконы и южно-русскія подражанія имъ узнаются уже по самымъ сюжетамъ, заимствованнымъ съ сѣвера Россіи. Таковы были на выставкѣ съѣзда, кромѣ иконъ Спасителя, Богородицы и св. Николая Суздальскаго типа, иконы Богородицы Владимірская [4]), Казанская [5]). Страстная [6]), Явленіе Пресв. Богородицы преподобному Сергію [7]) и др, Съ сѣвера же Россіи переходили на югъ, со второй половины XVIII вѣка, и такія иконы, которыя самою Сѣверною Русью заимствованы были въ давнее время съ Запада Европы, какъ, напр. „Не рыдай Мене Мати“ съ картины Чимабуэ [8]), Образъ пресв. Богородицы всѣмъ скорбящимъ радости [9]) съ картины Рубенса [10]), и др. Всѣ почти эти иконы, заимствованныя съ Сѣвера Россіи, или подражанія имъ, отличаются небрежнымъ исполненіемъ и, кромѣ простого народа, едва ли имѣли другой кругъ для своего распространенія.

Н. Петровъ.

[1]) „Каталогъ выставки XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ“, 1902 г. отд. II, стр. 8 и 9, № 27.
[2]) Тамъ же „Дополненіе“, стр. 2, № 611.
[3]) Тамъ же, отд. II, стр. 9, № 32.
[4]) Тамъ же, стр. 4, №№ 13 и 14.
[5]) Тамъ же, стр. 9, № 34.
[6]) Тамъ же, стр. 16 и 17, № 68.
[7]) Тамъ же, стр. 7, № 21.
[8]) Тамъ же, стр. 2, № 3; сн. „объ иконописаніи“, Д. А. Ровинскаго.
[9]) Тамъ же, стр. 131, № 526.
[10]) См. объ этомъ выше.



Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ

въ г. Полтавѣ и въ мм. Богачкѣ и Шишакахъ,

Миргородскаго уѣзда.

Въ маѣ 1901 г., по порученію Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, я посѣтилъ Полтаву и осмотрѣлъ въ ней слѣдующіе старинные храмы.

1. Церковь Спаса-Нерукотвор. Образа.

Исторія этого храма такова. Когда покойный Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, посѣтилъ въ 1837 г. Полтаву, то въ числѣ другихъ достопримѣчательностей ему указали на древнюю Спасскую церковь, въ которой, по преданію, Петръ I приносилъ благодарственную молитву за дарованную ему побѣду надъ шведами. Церковь эта была деревянная, маленькая, однокупольная, обыкновеннаго малороссійскаго стиля [1]), и до того ветхая, что ее уже предназначили къ сломкѣ. Но Государь Цесаревичъ выразилъ пожеланіе, чтобы эта историческая святыня была сохранена, и для ея ремонта и приведенія въ должное благолѣпіе пожертвовалъ 2000 р. Его примѣру послѣдовало дворянство Полт. губ., собравшее 10,000 р. Затѣмъ, по ходатайству бывшаго

[1]) Снимокъ съ нея помѣщенъ въ „Кіев Старинѣ“, въ № 7—8 1902 года.

тогда малороссійскаго генералъ-губернатора графа Строганова, съ Высочайшаго разрѣшенія открыта была на одинъ годъ по всей Имперіи подписка, давшая около 25,000 р. По проекту, составленному архитекторомъ Тономъ, рѣшено было, для сохраненія на многіе вѣка исторической святыни, поверхъ древней деревянной Спасской церкви построить (въ видѣ какъ-бы футляра) соотвѣтствующей архитектуры каменный храмъ, съ свободнымъ вокругъ ходомъ. Постройка обошлась въ 5,600 р., а на остальной капиталъ былъ обновленъ древній иконостасъ, произведена внутренняя окраска деревянныхъ стѣнъ (кое гдѣ ремонтированныхъ), сдѣланъ новый деревянный полъ и построена заново каменная колокольня, вмѣсто прежней ветхой, состоявшей изъ четырехъ деревянныхъ столбовъ съ перекладинами и крышей. А остатокъ собранной суммы употребленъ на отливку изъ бронзы (по рисунку проф. Брюлова) новаго монумента, вмѣсто прежняго кирпичнаго, сооруженнаго въ 1817 г., въ разстояніи 24 саженъ отъ Спасской церкви, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ деревянный домикъ, въ которомъ квартировалъ въ 1709 г. Петръ I.

Въ такомъ реставрированномъ видѣ Спасская церковь, по освященіи ея въ 1845 г., остается и понынѣ. Лишь минувшимъ лѣтомъ епарх. начальство, находя необходимымъ сдѣлать въ церкви кое-какія незначительныя передѣлки и ремонтныя исправленія, обратилось за совѣтомъ по этому поводу къ Историч. Обществу Нестора-лѣтописца, чѣмъ и была вызвана моя командировка въ Полтаву.

Попытаемся опредѣлить на основаніи историческихъ данныхъ: что же собственно представляетъ собою нынѣшняя Спасская церковь, какъ историко-археологическій памятникъ?

Въ подлинныхъ актовыхъ книгахъ Полтавскаго полкового суда 2-й половины XVII ст. мы уже въ 1684 г. находимъ точное свидѣтельство о существованіи въ Полтавѣ пяти церквей: соборной Успенской и приходскихъ: Воскресенской, Никольской, Спасской и новопостроенной тогда Срѣтенской. Всѣ онѣ были деревянныя и находились на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, что и нынѣ. Священникомъ Спасской церкви состоялъ тогда извѣстный Иванъ Свѣтайло, имѣвшій несчастье впутаться въ дѣло о доносѣ Кочубея и Искры на гетмана Мазепу и поплатившійся за то двукратною пыткою и ссылкой въ Соловецкій монастырь.

Но въ томъ древнемъ Спасскомъ храмѣ не могъ молиться Побѣдитель Карла XII, ибо этотъ храмъ сгорѣлъ за 5 лѣтъ до Полтавской

викторіи. Объ этомъ мы узнаемъ изъ собственноручной записи тогдашняго священника Іоанна Свѣтайла, отмѣтившаго на полѣ церковной книги Анѳологіонъ (Львовской печати 1651 г.), что Спасская церковь сгорѣла въ среду, 6 сентября, 1704 года, послѣ литургіи [1]). Въ другой церковной книгѣ (Апостолъ, изд. 1632 г.), утраченной въ недавнее время, была на листахъ такая запись: „Сію книгу, глаголемую Апостолъ, по пожежѣ (послѣ пожара) до новосооруженной прежде малой церкви на попелищѣ Преображенія Господня даровалъ вѣчне за спасеніе свое Тимоѳей Гродзенко, которая и отъ великои церкви, егда соорудится, неотдаленна вѣчне при оной зоставати будетъ. А даровалъ сію книгу року 1705, генваря 28, въ царство благочестивѣйшаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексѣевича" (далѣе слѣдуютъ имена тогдашняго Кіевскаго митрополита, гетмана, Полт. полковника и протопопа) [2]). Изъ этой надписи можно заключить, что уже къ началу 1705 года, спустя лишь 4 мѣсяца послѣ пожара, на пепелищѣ сгорѣвшей церкви была „новосооружена *малая*," какъ-бы временная церковь, но у прихожанъ была полная увѣренность, что въ непродолжительномъ времени „соорудится и великая церковь". Такая церковь и была устроена въ 1706 году заботливостью того же свящ. Іоанна Свѣтайла. Въ этомъ новоустроенномъ храмѣ дѣйствительно могъ молиться въ 1709 г. Петръ, квартировавшій въ двухъ шагахъ отъ него, у тогдашняго коменданта Келлина. Храмъ этотъ былъ тоже деревянный; онъ просуществовалъ болѣе ста лѣтъ и въ 1811 году за ветхостью разобранъ, а болѣе сохранившійся сѣверный его придѣлъ, во имя Нерукотв. Спаса, былъ приспособленъ для богослуженія и приписанъ къ собору. Очевидно, приходъ на столько уменьшился, что уже не было

---

[1]) Бодянскій, Памятная книжка Полт. губ., 1865 г., стр. 91. Здѣсь лишь ошибочно поставленъ годъ 1705; 6 сент. въ 1705 г. приходилось въ четвергъ, а не въ среду, да и другая современная запись (ниже нами приведенная) подтверждаетъ фактъ пожара въ 1704, а не 1705 году.

[2]) Надпись эта приведена Бодянскимъ въ изданной имъ „Памятной книжкѣ Полт. губ.", 1865 г. стр. 92. Къ сожалѣнію, обѣ названныя книги Спасской церкви, Анѳологіонъ и Апостолъ, не были Бодянскимъ возвращены по принадлежности, и неизвѣстно, у кого нынѣ находятся. Во всякомъ случаѣ, ихъ нѣтъ ни въ Спасской церкви, ни въ соборной, куда поступили нѣкоторыя книги изъ приписной къ собору Спасской церкви.

средствъ для возстановленія большого храма. Въ такомъ видѣ эта малая, ветхая церковка просуществовала до 1837 года, когда, благодаря посѣщенію Государя Наслѣдника, возникла мысль увѣковѣчить ее, какъ историческую святыню.

Такимъ образомъ, нынѣшняя Спасская церковь представляетъ собою не болѣе какъ боковой придѣлъ Преображенскаго храма, построеннаго въ 1706 г. на мѣстѣ сгорѣвшей въ 1704 г. болѣе древней, первоначальной церкви. По правую руку отъ нея, въ разстояніи $13^{1}/_{2}$ аршинъ, виденъ въ землѣ камень съ крестообразно высѣченнымъ углубленіемъ; онъ указываетъ мѣсто главнаго престола бывшаго здѣсь большого храма. По наружному своему виду нынѣшняя Спасская церковь представляетъ чистый типъ малороссійской однокупольной церкви, съ тремя отдѣленіями: для притвора, собственно церкви и алтаря. Длина ея $10^{3}/_{4}$ сажня, ширина $4^{3}/_{4}$ сажня и высота (съ крестомъ) $9^{2}/_{8}$ сажени. Построена она изъ дубовыхъ брусьевъ и снаружи обшалевана; внутри и снаружи выкрашена бѣлою масляною краскою; кровля на ней изъ гонта. Въ ней три наружныхъ двери (западная, сѣверная и южная) и девять оконъ. Для поддержанія стѣнъ церковнаго зданія внутри выведены четыре каменные столба, два въ церкви и два въ алтарѣ.

Иконостасъ, по синему полю, по мѣстамъ съ рѣзьбою, сохранилъ признаки несомнѣнной старины (конца XVII или нач. XVIII ст.). Судя по разнообразію живописи, отсутствію полной симметріи въ формѣ и украшеніяхъ намѣстныхъ кіотовъ, можно полагать, что онъ составленъ изъ разныхъ уцѣлѣвшихъ частей иконостаса разобраннаго въ 1811 году храма. Онъ трехъ-ярусный, но причтъ предполагаетъ снять съ верхняго яруса шесть изображеній пророковъ, повидимому сдѣланныхъ въ болѣе позднее время (можетъ быть, около 1811 г., когда, по разборкѣ бывшаго храма, устраивался нынѣшній придѣлъ). Въ нижнемъ ярусѣ четыре кіота съ намѣстными образами. Самые образа не всѣ древніе; намѣстный образъ Б. Матери, какъ видно изъ церковной описи, замѣненъ въ 1858 году. Но кіоты, съ рѣзными ажурными колонками, несомнѣнно старинные, хотя, видимо, сборные, такъ какъ въ характерѣ рѣзьбы, орнаментовъ, замѣчается разнообразіе. Крайній лѣвый кіотъ (съ иконой Б. Матери) имѣетъ близкое сходство съ среднимъ кіотомъ (гдѣ икона Спасителя) и очевидно до 1858 г., когда была обновлена и украшена намѣстная икона Б. Матери,

составлялъ ему пару. Теперь причтъ предположилъ возвратить его на прежнее мѣсто, т. е. по лѣвую руку царскихъ вратъ.

Еще лучше сохранился древній жертвенникъ, въ лѣвомъ углу алтаря. Онъ представляетъ собою полукруглый шкапъ съ дверками—типъ, весьма любимый въ старой Малороссіи. Судя по характеру живописи и украшеній, я отнесъ бы его къ XVII ст.

Въ средней части храма, ниже купола, по стѣнамъ развѣшены изображенія семи Вселенскихъ соборовъ, писанныя на холстѣ, въ деревянныхъ рамахъ. Епархіальное начальство признало нужнымъ реставрировать (съ возможнымъ сохраненіемъ старинной живописи) эти изображенія, такъ какъ во многихъ мѣстахъ краска отъ времени потрескалась. Авторъ путевыхъ замѣтокъ о Полтавѣ, П. Свиньинъ, видѣвшій эти изображенія въ 1830 г., отзывается о нихъ такъ: „Семь Вселенскихъ соборовъ, писанныхъ въ 1676 году какимъ-то Герасимомъ Нѣмымъ—и довольно хорошо" [1]). Протоіерей П. Мазановъ, составившій краткое описаніе Спасской церкви, упоминаетъ, что на одномъ изъ этихъ изображеній выставленъ 1777-й годъ, „но (прибавляетъ онъ) неизвѣстно, годъ ли это сооруженія или обновленія; скорѣе можно допустить послѣднее". Къ сожалѣнію, я не могъ близко осмотрѣть эти изображенія: они прибиты довольно высоко, а въ церкви и въ лѣтній день достаточно темно; общее же впечатлѣніе осталось у меня такое, что изображенія эти и мало художественны и не древнѣе XVIII ст. Впрочемъ, повторяю, ихъ слѣдовало бы подвергнуть болѣе тщательному осмотру.

Кромѣ иконостаса, жертвенника и изображеній Вселенскихъ соборовъ, въ Спасской церкви хранится нѣсколько иконъ, заслуживающихъ вниманія:

1. За правымъ клиросомъ, возлѣ арки, образъ св. Аѳанасія, патріарха Константинопольскаго, мощи котораго почиваютъ въ Лубенскомъ (Полт. губ.) монастырѣ. Подпись свидѣтельствуетъ, что этотъ образъ писанъ въ мартѣ 1655 года, т. е. годъ спустя послѣ кончины святителя († 5 апрѣля, 1654 г.) и за 7 лѣтъ до его прославленія (мощи св. Аѳанасія открыты 1 февр. 1662 г.). Живопись довольно грубая. Внизу нарисованъ Лубенскій монастырь крайне неискусно, безъ соблюденія перспективы. Къ сожалѣнію, археологическая цѣнность этой иконы значительно

[1]) Отечеств. Записки, томъ 42.

ослабляется тѣмъ, что (какъ видно изъ подписи) она была подновлена въ 1813 г. стараніемъ протоіерея Самойловича и его жены.

2. На аркѣ, отдѣляющей притворъ отъ средней части храма, очень старинный образъ на полотнѣ, изображающій снятаго со креста Спасителя на колѣняхъ у скорбящей Б. Матери, грудь которой пронзена мечами; вдали Голгоѳа и крестъ; внизу слѣдующія силлабическія вирши:

О болѣзнь, о жалость! Сынъ зрится пробожденный,
Язвляетъ мечъ утробу Дѣвы изощренный.
Зри затворены очи, не имущи свѣта,
Жаждный языкъ во крови, не дающъ отвѣта;
Зри кровь, воду, текущи отъ святого боку,
Язву отворенную, широку, глубоку;
Вижль всего уязвленна, пробитые нозѣ,
Руцѣ, сотворши вся, пробиты гвоздьми сквозѣ.

3. Въ алтарѣ, на южной стѣнѣ, оправленная въ золоченую раму, икона Преображенія Господня. Вверху, въ облакахъ, Богъ Отецъ, на вершинѣ горы преобразившійся Христосъ, по сторонамъ отъ Него, на облакахъ, Богоматерь и арх. Михаилъ; внизу, подъ горою, три апостола, а по сторонамъ, въ облакахъ, пророкъ Илія и Моисей. Отъ всѣхъ ликовъ идутъ въ разныхъ направленіяхъ библейскіе тексты. Все это занимаетъ лишь верхнюю половину иконы; нѣсколько ниже ея центра изображенъ какой-то храмъ, а еще ниже гербъ, изображающій на золотой цѣпи такой же крестъ, украшенный цвѣтными камнями, а вокругъ него на зеленомъ полѣ иниціалы: М. Л. М. Б. П. А. Н. Г. Надъ щитомъ архіерейская митра съ крестомъ, такой-же жезлъ и что-то въ родѣ трости. Гербъ съ обѣихъ сторонъ поддерживаютъ ангелы, другою рукою держащіе рогъ изобилія, наполненный плодами. Икона писана на деревянной доскѣ, на оборотѣ которой, среди выцвѣтшаго орнамента, написано: „1770 года, мѣсяца октобрія, 23 дня“. Мы нарочно описали такъ подробно эту икону, потому что въ изображенномъ на ней храмѣ нѣкоторые хотятъ видѣть точное изображеніе Полтавской Спасской церкви, сгорѣвшей въ 1704 году. Впервые это мнѣніе высказалъ прот. П. Мазановъ, [1]) бывшій въ 1860-хъ

[1]) Въ составленной имъ брошюрѣ: „Полтавская Спаса-Нерукотвореннаго образа церковь“ и пр. Полтава, 1891 г. (второе изд.), стр. 11 и 17.

годахъ священникомъ Спасской церкви и отыскавшій самую эту икону гдѣ-то на церковномъ чердакѣ. Но его мнѣнію противорѣчитъ прежде всего дата—1770 г. Нельзя также допустить, чтобы это было изображеніе Спасской церкви, построенной въ 1706 г., послѣ пожара, ибо она была деревянная и объ ея архитектурѣ мы можемъ судить по сохранившемуся ея придѣлу—нынѣшней Спасской церкви; между тѣмъ на иконѣ изображенъ несомнѣнно *каменный* храмъ, съ круглыми по угламъ башнями и такими же тремя притворами, съ полуциркульными окнами, массивными карнизами. По формѣ куполовъ (пяти или семи—трудно съ точностью опредѣлить), фронтоновъ и щитовъ, храмъ этотъ очень напоминаетъ Кіевскіе храмы, построенные или передѣланные въ XVII—XVIII вв. Но иниціалы на гербѣ не соотвѣтствуютъ имени и титулу ни одного изъ южно-русскихъ іерарховъ XVII—XVIII ст. По стилю письма можно утверждать, что эта икона написана въ Малороссіи въ XVIII ст., но какой именно храмъ изображенъ на ней и чей гербъ—остается загадкой.

Утварью Спасская церковь вообще очень бѣдна. Изъ болѣе старинныхъ вещей заслуживаютъ упоминанія:

1. Дарохранительница безпробнаго серебра, имѣющаго форму церковки; на ней изображеніе Нерукотвореннаго Спаса.

2. Три различной величины кипарисныхъ креста въ серебряной оправѣ, съ серебряными низкой пробы подножіями. На одномъ изъ нихъ вырѣзана надпись: „Сей крестъ надалъ рабъ Божій Іоаннъ Краснопѣровъ, судья Полтавскій, до храму св. Спаса, 1706 года, мѣсяца марта 1 дня.“

3. Евангеліе Виленской печати 1644 г., въ листъ, отдѣланное въ черный бархатъ съ накладнымъ серебрянымъ на лицевой сторонѣ изображеніемъ Воскресенія Христова. По листамъ внизу надпись: „Року Божого ҂аχмѕ, мѣсяца марта ї дня. Во имя Отца и Сына и Духа Святого Аминь. Сию кныгу, рекомее Евангелие Тетръ отмѣнилъ рабъ Божий... кумъ.. (вытерто слово) Имоненко за свое отпущеніе грѣховъ и за жоны своеи Өеодоры, и за сына своего Григория и Мотри, дщери его Агаөіи и внука Костя, и я зась рабъ Божий Иванъ Домченко отмѣнилъ за жоны своеѣ Настасиѣ и за сына его Лукияна и Маріѣ, дочки его, за отпущеніе грѣховъ своихъ, и предали еѣ вѣчными часы до храма Вознесенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа в селѣ въ Трибуховцахъ, въ повѣтѣ Хмелницкомъ, при священнику отцу Захариѣ, въ державѣ его милости пана Любомирского. А хто бы мѣлъ тую книгу отда-

лити от церкви вышреченноѣ, любъ священникъ який, любъ діяконъ, любъ с простих людей, нехай будеть (проклять—*затерто*) в сей вѣкъ и въ будущий, анаѳема и Маранаѳа. А вы, священници, чтуще книгу сию, поминайте всѣхъ родичовъ Кумовихъ Ивановихъ по имени ихъ. Аминь" [1]).

4. Евангеліе большое Московской печати 1703 г., съ сплошными съ обѣихъ сторонъ вызолоченными досками безпробнаго серебра. На лицевой сторонѣ литое изображеніе Распятія, по угламъ литыя изображенія евангелистовъ, на оборотной сторонѣ посрединѣ Преображеніе Господне, сверху Нерукотвор. Образъ. На нижней доскѣ вырѣзана риѳмованная надпись:

„Стараніемъ и прикладомъ Петра Яковлевича, въ Божію славу,
До церкви Преображенія Господня, во градъ Полтаву,
1703 року, егда воплотися Богъ Слово,
Мѣсяца марта въ 7-й день свершися готово.
Зроблено сіе Евангеліе въ царствующемъ Москвѣ-градѣ,
Коштомъ Андрея ктитора, спасенія своего ради.
Сребра фунтовъ 12 стало въ роботѣ,
Червонныхъ золотыхъ 20 пошло въ позолотѣ".

По листамъ внизу надпись: „Сіе Евангеліе святое за спасеніе свое купилъ въ печатномъ дворѣ въ царствующому градѣ Москвѣ за сем рублей безъ окладу сребрнаго, за свои денги власпіе, до церкви Преображенія Господня Полтавскои, Петръ, Якова Шимоновича, старожитного мещанина и ктитора тоеи ж церкви, сынъ. Року 1705, въ мѣсяцѣ генварѣ, за священства Іоанна Свѣтайла" [2]).

5. Старинная плащаница на малиновомъ атласѣ.

Соборная Успенская Церковь.

Каменная, пятикупольная, типа Кіевскихъ церквей конца XVII в. Начата была постройкой (вмѣсто прежней деревянной, перенесенной въ с. Ивашки, Полт. у.) въ 1748 г. коштомъ и стараніемъ тогдашняго Полтавскаго полковника Андрея Горленка, полкового судьи Григорія Сахновскаго, полкового обозного Андрея Руновскаго, войскового товариша Дмитрія Бѣлухи и другихъ,—иначе сказать, въ ея постройкѣ принимала участіе вся тогдашняя полковая старшина и жители Полтавы. Контрактъ на постройку былъ заключенъ 8 ноября означеннаго года съ мастеромъ Стефаномъ Стабанскимъ, отъ имени старшинъ и четырехъ „ктиторей", въ цѣнѣ 3,000

[1]) Это Евангеліе теперь хранится не въ Спасской церкви, а въ соборной Успенской.
[2]) И это Евангеліе хранится въ ризницѣ соборной церкви.

рублей, не считая харчей. Всѣ распоряженія по постройкѣ шли черезъ полковую канцелярію, а отчеты представлялись въ полковую счетную коммиссію. Въ декретахъ Полт. полковаго суда 1750—1752 гг. мы нерѣдко встрѣчали такого рода приговоры, что невольные убійцы и другіе преступники, подлежавшіе по закону тяжкой карѣ, взамѣнъ ея, присуждались „къ роботѣ новосозидаемой Полтавской каменной соборной церкви“ на годъ и даже на три года, „подъ росписку ктиторей“. Не смотря на все это, постройка шла очень медленно. Въ 1751 г. стѣны были выведены только до оконъ. Стабанскій часто жаловался на „контрактодавцевъ“ за „невистарченье потребныхъ матеріаловъ“; происходили несогласія и между самими ктиторами. Благодаря этому, церковь была окончена лишь въ 1770 году. Въ устройствѣ иконостаса принималъ участіе щедрыми пожертвованіями извѣстный покоритель Крыма, князь Василій Михайловичъ Долгорукій.

Первоначальный видъ храма нѣсколько измѣненъ капитальными передѣлками, какимъ онъ подвергся въ 1899 году: съ западной стороны сдѣлана новая пристройка, внутри сняты два переднихъ массивныхъ столба, хоры отодвинуты къ западной (вновь построенной) стѣнѣ, иконостасъ замѣненъ новымъ, стѣны расписаны и т. под.

Отдѣльно стоящая колокольня построена въ 1774—1801 годахъ. На ней существуетъ извѣстный колоколъ „Кизикерменъ“, отлитый въ 1695 г., но уже въ *перелитомъ* видѣ (послѣ разбитія), хотя и съ сохраненіемъ прежнихъ надписей и изображеній; именно, на немъ изображены: крестъ, образъ В. Матери, гербъ полковника Герцика и слѣдующая виршевая надпись:

Въ року тысяча шестьсотъ девятдесятъ пятомъ,
По славномъ Кизикерменѣ, отъ христіанъ взятомъ,
За царства росскихъ царей Петра, Іоанна,
За гетманства Мазепы, Богомъ дарованна,
Сооруженъ ест звонъ сей ку Божіей славѣ
До храму Успенія во градѣ Полтавѣ
Изъ штукъ Казикерменскихъ арматныхъ здобычнихъ,
З придатками матерій, до звона приличныхъ,
Коштомъ его милости войскъ полтавскихъ вожа,
Павла Семеновича, Украины строжа.

Дѣлалъ Аѳанасій Петровичъ.

Эта надпись ясно показываетъ происхожденіе колокола. Въ 1695 г. козаки взяли турецко-татарскую крѣпость Кизикерменъ, и изъ отбитыхъ у у турокъ пушекъ („изъ штукъ арматныхъ здобычныхъ") тогдашній Полтавскій полковникъ Павелъ Семеновичъ Герцикъ велѣлъ отлить колоколъ; вѣсилъ онъ около 150 пудовъ; подвергся разбитію въ 1860-хъ годахъ; перелитъ въ 1890 г.

По свидѣтельству автора „Записокъ о Полт. губерніи" Н. Арандаренка (часть Ш, стр. 37—40), въ соборной Полтавской церкви были еще слѣдующіе старинные предметы: 1) въ алтарѣ хранилась древняя икона св. Василія, на золотомъ полѣ, перенесенная сюда изъ церкви с. Яковцовъ, Полт. у. Эта икона была изрѣзана на шахматную доску; 2) на простѣнкахъ церкви были двѣ иконы: одна изображала св пророка Елисея и свят. Меѳодія, празднуемыхъ 14 іюня, а другая—апостоловъ Петра и Павла (29 іюня). Подъ первой изображена была атака Перекопской крѣпости подъ начальствомъ князя В. М. Долгорукаго 14 іюня 1771 г., а подъ второю—побѣда надъ турками при Каѳѣ и занятіе этого города кн. Долгорукимъ 29 іюня 1771 г. Подъ каждою изъ этихъ иконъ были рѣзные гербы князей Долгорукихъ; 3) тѣ же гербы нарисованы были и на иконостасѣ, подъ намѣстными иконами, съ стихотворными надписями въ честь покорителя Крыма князя Вас. Мих. Долгорукаго; и 4) много иконъ старинной, весьма хорошей работы, судя по письму и рѣзьбѣ, принадлежавшихъ еще старой, деревянной соборной церкви. Но въ настоящее время ничего этого нѣтъ. На наши разспросы была получена справка отъ протоіерея Уралова, долгое время служившаго при соборѣ, что прежній иконостасъ, съ гербами кн. Долгорукихъ, давно проданъ въ с. Безсалы, Лохв. уѣзда, а остальныхъ старинныхъ иконъ не было уже въ соборѣ за его память, и ему ничего неизвѣстно, когда и какъ онѣ исчезли.

Въ настоящее время въ ризницѣ собора хранятся: а) старинный поясной портретъ покорителя Крыма, князя Василія Михайловича Долгорукаго, при жизни жертвовавшаго на украшеніе этого храма; б) старопечатныя евангелія, поступившія сюда изъ Спасской церкви (о нихъ сказано выше); в) хрустальный бокалъ, по преданію Екатерининскій, съ изображеніемъ государств. герба и съ вензелемъ (сочетаніе буквъ Е и Р подъ короной), и г) 26 знаменъ Полтавскаго ополченія 1812 и 1855 годовъ.

Воскресенская церковь.

Каменная, о 5-ти главахъ, очень красивой архитектуры, построена въ 1775 г. тщаніемъ мѣстнаго гражданина Руденка, на мѣстѣ прежней деревянной, перенесенной въ с. Гуджулы, Полтавскаго уѣзда.

Иконостасъ не древній—1850-хъ годовъ. Горнее мѣсто въ главномъ алтарѣ, по характеру живописи и орнаментовъ, повидимому, конца XVIII ст.; письмо темное, но хорошее. Въ алтарѣ лѣваго придѣла (Василія Великаго), на горнемъ мѣстѣ уцѣлѣлъ старинный образъ І. Христа, очевидно когда-то *намѣстный*, хорошаго южно-русскаго письма, въ Византійскомъ стилѣ, на золоченомъ съ узорами полѣ. Рама кіота, съ золочеными рѣзными завитушками, носитъ характеръ XVII—XVIII вв.

Въ церкви хранится вдѣланная въ стѣну мѣдная доска въ 2 квадратныхъ аршина, на которой выгравирована Полтавская баталія, съ подробнымъ изображеніемъ Полтавской крѣпости, полевыхъ укрѣпленій и движенія войскъ въ тотъ моментъ, когда шведы были опрокинуты. Вверху изображенъ молящійся св. Сампсонъ, а внизу стихи и надпись:

„Полтавской брани видъ являетъ сей металлъ,
Какъ въ день Сампсоновъ Карлъ, сраженъ Петромъ, ниспалъ;
Самъ сдѣлалъ Богъ съ небесъ начало Русской славы.
Руденко, гражданинъ усерднѣйшій Полтавы,
Котораго отецъ въ той самой битвѣ былъ
И вольность чрезъ Петра изъ плѣна получилъ,
Въ благодареніе Всевышнему Сіону,
Построилъ каменный священный храмъ Сампсону,
Въ хвалу жъ Петровыхъ дѣлъ, грядущихъ въ память дней,
Средь стѣнъ отечества поставилъ образъ сей.

„Въ 69-е лѣто отъ побѣды подъ Полтавою, отъ созданія міра 7286 года, отъ Р. Хр. 1778, въ благополучное и славное царствованіе Екатерины Алексѣевны Вторыя, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія."

„Надпись соч. Г. Рубанъ, надворный совѣтникъ, въ С.-Петербургѣ.

„Рисована и гравирована подъ смотрѣніемъ Императ. Академіи Наукъ. Гравировалъ Патрикій Балабанъ".

Доска эта первоначально помѣщалась въ устроенномъ Руденкомъ въ 1778 году въ Полтавѣ памятникѣ, представлявшемъ собою каменный

оштукатуренный столбъ съ короной на верху. Этотъ столбъ впослѣдствіи (ранѣе 1804 года) почему-то былъ разобранъ, а доска перенесена въ Воскрес. церковь, въ устроенный тѣмъ же Руденкомъ Сампсоніевскій придѣлъ.

Изъ другихъ старинныхъ предметовъ, хранящихся въ Воскресенской церкви, заслуживаютъ вниманія три старыхъ плащаницы:

1) На зеленой плотной шелковой матеріи, $1^3/_4$ арш. длины и $^3/_4$ ширины, лежащій Христосъ изображенъ сбоку (въ профиль). Внизу подпись: „Сію плащеницу отмѣнилъ рабъ Божій Юрый Грекъ Анътыевичъ с женою своею Маріею Іосифовьною. Року Божого ҂аѱ҃ні". Впослѣдствіи плащаница нашита на большій по размѣрамъ шелковый вишневаго цвѣта платъ съ золотымъ шитьемъ по краямъ; шитье по искусству скромное.

2) Плащаница на красной шелковой матеріи, 3 арш. длины и около $2^1/_4$ арш. ширины; кайма въ $^1/_4$ арш. шириною расшита золотомъ довольно сложнымъ орнаментомъ. Очень хорошо написано лицо Спасителя—спокойное выраженіе спящаго. У ногъ Христа надпись: *1776 года.* Для ношенія плащаницы, по угламъ и къ срединѣ полотнища пришиты особыя тесьмы съ золочеными кистями.

3) Плащаница на темно-вишневомъ бархатѣ, безъ обычнаго стиха: „Благообразный Іосифъ", но съ прелестнымъ серебрянымъ шитьемъ по краямъ; узоръ шитья очень художественный. Размѣръ: длина около $2^3/_4$ арш., ширина около $5^1/_2$ четвертей. Христосъ лежитъ на спинѣ; лицо старообразное. Даты нѣтъ, но видимо конца XVIII или начала XIX ст.

Николаевская церковь.

Каменная, построена въ 1774 году. Находящаяся въ верхнемъ этажѣ теплая Георгіевская церковь устроена въ 1856 г.

Въ нижней церкви иконостасъ и въ алтарѣ горнее мѣсто—колоритное южно-русское письмо, но не древнѣе конца XVIII или начала XIX ст. Направо отъ намѣстнаго храмового образа находится кіотъ, а въ немъ мѣстно чтимый старинный образъ св. Николая (въ ризѣ), но письмо подновлено. Въ алтарѣ возлѣ жертвенника, налѣво, небольшая икона подъ серебряною шатою—годовые праздники—старинное миніатюрное письмо, но, кажется, великорусское.

Напрестольное Евангеліе (въ большой листъ), Московск. изд. 1766 г., имѣетъ на 6 листѣ приписку: „Семена Письменого, козака куреня Ірклѣевского, въ церковъ свято-Николскую Полтавскую".

Въ ризницѣ старинныя плащаницы:

1) На блѣдно-голубой шелковой матеріи, безъ подкладки, длиною около 3 арш., шириною около 2 арш. 3 вершковъ, составленной изъ трехъ полотнищъ, посрединѣ лежащій Христосъ; вокругъ, въ особыхъ ободкахъ на красномъ фонѣ съ золот. орнаментами, изображены орудія Его страданій; далѣе идетъ вокругъ стихира: „Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло твое, *благоуханми*" (и проч.). Послѣдняя кайма—золотые орнаменты и цвѣты. Съ боковой стороны, обращенной къ знаменующимся, вдоль изображенія Христа, выписана стихира: „Плотію уснувъ яко мертвъ"... Въ углу нижней каймы надпись красною краскою: *1782 года, марта*". Кромѣ изображенія Спасителя, всѣ остальныя изображенія и надписи сдѣланы золотомъ прямо на шелку. Вышивокъ вовсе нѣтъ.

2) На блѣдно-зеленомъ атласѣ, длиною около 2 арш., Спаситель возлежитъ съ протянутыми вдоль туловища руками. По угламъ 4 евангелиста. Въ каймѣ—орудія страстей, далѣе стихира: „Благообразный Іосифъ... *благоуханми*." Всѣ украшенія, надписи и самое изображеніе сдѣланы красками и золотомъ прямо на матеріи; шитья нѣтъ вовсе. У ногъ Спасителя красною краскою помѣчено: „*Писано 1798 года*".

Въ ризницѣ той же церкви имѣется шитый разноцвѣтнымъ гарусомъ *рушникъ* (полотенце) очень красиваго узора, старосвѣтскаго шитья, на тонкомъ холстѣ. Видимо, онъ предназначался для занавѣси надъ образомъ.

Между богослужебными книгами находится требникъ П. Могилы, безъ начальныхъ листовъ, а въ церковной библіотекѣ рѣдкая книга:

Kazania na święta doroczne, przez Fabiana Birkowskiego, zakonu sw. Dominika kaznodzieyskiego napisane. W Krakowie, Roku 1628. Część wtora, tomu wtorego (безъ конца). Здѣсь же въ одномъ переплетѣ есть и первая часть, но безъ начала.

Въ верхней, теплой церкви (св. Георгія) живопись хорошая, но не древнѣе постройки самой церкви (т. е. 1856 г.). Сохранилось лишь 4 иконы (на стѣнахъ, 2 вправо и 2 влѣво) изъ старой Георгіевской церкви, отдѣльно стоявшей до 1856 г., очень хорошаго письма, но онѣ видимо были подновлены.

Отдѣльно стоящая каменная двухъ-ярусная колокольня построена въ 1784 году.

Срѣтенская церковь.

Приходъ существуетъ съ 1683—84 г., когда впервые построена была деревянная трехглавая церковь, отъ ветхости разрушившаяся въ 1781 году. Нынѣшній каменный храмъ (5-ти купольный) построенъ въ 1782—1786 гг., а колокольня въ 1851 г.

Иконостасъ и горнія мѣста въ главномъ и придѣльныхъ алтаряхъ не древнѣе самаго храма, но и эта сравнительно старинная живопись подновлена.

При входѣ изъ притвора въ храмъ, по правой сторонѣ, у столба, кіотъ съ иконой Б. Матери, устроенный и богато украшенный въ 1811 году знаменитымъ въ свое время операторомъ Моренкомъ, Полтавскимъ уроженцемъ.

Церковной утвари и ризницы мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось осмотрѣть, за отсутствіемъ настоятеля, куда-то уѣзжавшаго изъ города. Изъ напечатаннаго же въ 1875 г. въ „Полт. Епарх. Вѣдомостяхъ" описанія Срѣтенской Церкви (свящ. Бельговскаго) видно, что въ ризницѣ должны находиться слѣдующіе старинные предметы:

1) Напрестольное Евангеліе, напеч. въ Кіевѣ въ 1697 г., а въ немъ по листамъ надпись: „Року 1706, мѣсяца октября 4 дня, я рабъ Божій Іоаннъ Перепелица, атаманъ куреня Корсунского, въ Сѣчи Запорожской, по обѣщанію своему, надаю сіе Евангеліе до храму Срѣтенія Господня, въ Полтавѣ, на предградіи обрѣтающагося, которое вѣчными часы от предреченного храму и въ немъ будучого божественнаго престола не повинно отдалятися. А смѣлъ бы хто самовластно втручатися и присвоевати, таковый да будетъ подобенъ Даѳану и Авирону, аминь. Писано сіе на тотъ часъ бывшого войскового писаря Петра Краснокутского рукою".

2) Евангеліе Московской печати 1698 г.

3—4) Два Евангелія (въ четверть листа) Кіевской печати 1746 и 1773 годовъ.

5) Большой кипарисный крестъ въ серебряной позолоченной оправѣ, съ пьедесталомъ, на которомъ вырѣзано: „Сей крестъ здѣланъ до храму Срѣтенія Господня полтавскимъ мѣщаниномъ Денисомъ Есипенкомъ и женою его Татіаною 1776 года, декабря 14 дня."

6) Меньшій кипарисный крестъ, тоже въ серебряной позолоченной оправѣ съ пьедесталомъ и надписью: „Сей крестъ здѣланъ коштомъ козака Сѣчи Запорожской, куреня Ирклѣевского, Семена Письменого, въ городъ Полтаву, до храму Срѣтенія Господня, 1775 года".

Въ церковной библіотекѣ имѣются старопечатныя изданія:

1) Тріодь цвѣтная Львовской печати, неизвѣстно котораго года (выходной листъ вырванъ), а въ ней по листамъ надпись, указывающая, что эта книга пожертвована въ 1631 г. „до церкви Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на рынку". Если здѣсь разумѣется Полтавская Воскресенская церковь (она стояла точно „на рынку" въ XVII ст.), то эта запись почти современна основанію самого города Полтавы.

2) Минея на сентябрь, изданная въ Москвѣ, въ 1645 году, съ слѣдующею по листамъ надписью: „Лѣта отъ созданія міру ҂зрѯг августа ӗи дня, великій Государь, Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руссіи Самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, пожаловалъ сію книгу Минею, мѣсяцъ сентябрь, Македонскія земли въ Логоянинской монастырь, при архіепископѣ Даніилѣ съ братіею.. (*далѣе слѣдуетъ другая уже рука*), которые книги оный архіерей продалъ отцу Максиму Климовичу, священнику Ольшанскому; сей же священникъ, недостаточества ради своего, продалъ ю пану Михаилу (далѣе стоитъ слово въ обчеркахъ, котораго нельзя разобрать) Радіону Ханенку, полковнику Уманскому; сей же Радіонъ со женою своею, отмѣнивши, вдаде ихъ за отпущеніе грѣховъ своихъ, отца своего Стефана, матки своеи Маріи и чадъ своихъ Павла и инниххъ, преподастъ (?) церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ градѣ Умани, и вручи ихъ братству тои церкви, року ҂ахон (т. е. 1678), декабря кд дня.

3) Требникъ Черниг. печати 1763 г.

4) Требникъ той же печати 1754 г.

5) Требникъ П. Могилы (безъ выходного листа).

6) Тріодь постная Кіевской печати 1716 г.

7) Огласительныя и тайноводственныя слова Кирилла Іерусалимскаго 1 книга, Черниговской печати 1771 г.

8) Метрическая книга Срѣт. церкви съ 1741 по 1756 годъ.

и 9) Двѣ просительныя книги 1778 и 1781 гг. на постройку нынѣшней церкви.

Крестовоздвиженскій монастырь.

Расположенъ въ одной верстѣ отъ города, на отдѣльномъ возвышеніи, въ очень живописномъ мѣстѣ. Основанъ въ 1650-хъ годахъ игуменомъ Лубенскаго монастыря Каллистратомъ, при матеріальномъ содѣйствіи тогдашняго Полт. полковника Мартына Пушкаря, Ивана Искры, Ивана Крамаря и другихъ жителей Полтавы. Подвергался разоренію въ 1693 отъ Татаръ и въ 1709 г. отъ Шведовъ, которые, занявъ монастырь, поставили тамъ свои пушки и оттуда громили ближайшіе бастіоны Полтавской крѣпости.

Нынѣшній главный монастырскій храмъ построенъ въ первой половинѣ XVIII ст. сыномъ извѣстнаго (погибшаго за доносъ на Мазепу) Василія Леонтьевича Кочубея, Полтавскимъ полковникомъ Василіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ (умершимъ въ 1743 г.), получившимъ за то отъ монастыря имѣніе Требы, близъ Полтавы, съ лѣсомъ, сѣнокосомъ и мельницею. Храмъ этотъ каменный, Византійской архитектуры, крестообразной формы, о семи главахъ и четырехъ престолахъ—два внизу и два на хорахъ. Иконостасъ во всю высоту храма, въ три съ половиною яруса, типичнаго южно-русскаго стиля, вѣроятно современенъ построенію самаго храма; на немъ старинная ажурная рѣзьба, всѣ иконы прекрасной работы.

На средней колоннѣ храма, съ лѣвой стороны, находится икона св. Θеодора Стратилата, въ серебряной ризѣ, на которой такая надпись: „Здѣлана святая икона сія 1707 года, мѣсяца февраля 7 дня, въ мѣру тогда родившагося Θеодора Матвѣевича (Воейкова), бывшаго генералъ-аншефа, Кіевскаго генералъ-губернатора и Новороссійской губерніи главнаго командира, который преставился въ Кременчугѣ 1778 года, мѣсяца августа 9 дня и погребенъ былъ 11 дня въ соборной Преображенской Кременчугской церкви, въ склепу, а по желанію супруги его Елены Петровны съ фамиліею, за благословеніемъ архіепископа Словенскаго и Херсонскаго Никифора, вынятъ и въ Крестовоздвиженской Полтавской монастырь перевезенъ и въ склепу жъ положенъ 1781 года, генваря 19-го дня“.

Другихъ старинныхъ иконъ нѣтъ.

Изъ церковной утвари заслуживаютъ упоминанія:

1) Серебряная дарохранительница, по мѣстамъ вызолоченная, съ литыми на ней изображеніями, вѣсомъ въ 20 фунтовъ. Сооружена въ 1758 году.

2) Кружка старинная серебряная, съ крышкою и рукояткою, снаружи мѣстами, а внутри вся позолоченная, съ выпуклыми изображеніями четырехъ временъ года, съ слѣдующею на подножіи надписью: „Elicsabeth Pollionen Wirib 1661.“ Вѣса въ ней 3 фунта.

3) Кружка старинная серебряная, безъ крышки, снаружи мѣстами, а внутри вся вызолоченная; на подножіи надпись: „Року 1707, мѣсяца февраля, дано до монастыря Полтавского. М. В. К. В. З.“ Вѣсъ въ ней 1 фунтъ 60 зол.

4) Кружка старинная серебрянная, съ крышкою и рукояткою, снаружи мѣстами, а внутри вся вызолоченная; на крышкѣ литое изображеніе льва. Вѣсъ 3 ф. 8 зол.

Изъ хранящихся въ ризницѣ 14-ти напрестольныхъ Евангелій болѣе интересны:

1) Евангеліе Львовской печати 1644 г. въ листъ небольшого формата, обтянутое зеленымъ бархатомъ. По листамъ внизу надпись: „Во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь. Року Божого ҂аҲчн мѣсяца апрѣля дня кг, я рабъ Божий Марко Максимовичъ Корженко, обыватель града Тясмина, слуга и товаришъ Войска Запорозского, купилъ сию книгу Богодхновенную, рекомую Евангеліе Тетръ, еже ест напрестолное, за свое отпущеніе грѣховъ, жены моее Татяны и чадъ моихъ отъ Бога данныхъ Тимоѳея и Агафиѣ, и всѣхъ родичовъ моихъ: отца Савы, матки Вивдѣ, такъ и чадъ Константия и Татияны, и другого отца Максима, матки Татияны, и отдаю его до храму Покровы пресвятыя чистыя Дѣви Богородици, яже ест въ Тясминѣ козацкая, при служителю иерею отцу Тихону, на честь в Троици единого Бога и на похвалу пресвятыя Дѣвы Богородици и на оздобу церкви Божои Покровскои, а отдаю его вѣчными часы, не отдаляючы отъ храму вышпомененого Покровы такъ а нѣ я самъ, а нѣ жаденъ съ кревныхъ моихъ, а нѣ жаденъ священикъ, а нѣ клирикъ, а нѣ от простихъ людей, одно вѣчными часы отдаю его до храму и престола Покрови св. Богородици козацкого въ Тясминѣ. А хто бы мѣлъ его отдалити от храму вышпомененого, таковый анаѳема, проклятъ по три кротъ въ вѣчныи муки (sic!). Аминь. Купылемъ еи у отца Алексея Кондратовича, священника з Вергунова села, далемъ за неи

сумы готовихъ грошей злотихъ к҃ѕ при отцу Тихону, священнику козацкомъ Тясминскимъ, и притомности Иоана, на тот часъ пира (писара). Богу в Троици единому слава и хвала на вѣки".

2) Евангеліе Московской печати 1657 г., въ листъ, въ сплошной мѣдной позолоченной оправѣ, съ пятью изображеніями на лицевой и однимъ (Іоанна Предтечи) на оборотной сторонѣ. Безъ надписей.

3) Евангеліе Московской печати 1681 г.. въ листъ. Безъ надписей.

4) Евангеліе Львовской печати 1670 г., въ листъ. Безъ надписей.

5) Евангеліе Московской печати 1748 г. въ листъ большого формата, по листамъ надпись: „Сие Евангелие дал вкладу в святую обитель Полтавскую монахомъ іеросхимонахъ Іосифъ Левицкий, постриженецъ святои Троицини Сергіевы Лавры, 1751 году".

и 6) Евангеліе въ 4-ю долю листа, въ бархатномъ малиновомъ переплетѣ, на *грузинскомъ языкѣ*, напечатанное въ Тифлисѣ, въ 1709 году.

Монастырская библіотека (помѣщается на хорахъ) оказалась довольно богатой старопечатными богослужебными и учительными книгами. Въ ней находятся:

1) „*Книга* иже во святыхъ отца нашего Василія Великаго... З друкарнѣ Острозское выдана есть в лѣто... 1594, мѣсяца марта 3 дня." Превосходно сохранившійся полный экземпляръ, съ надписью по листамъ (почеркомъ XVII ст.) относительно принадлежности этой книги Полтавскому монастырю.

2) Другой экземпляръ той же книги, столь же хорошо сохранившійся и съ такою же надписью.

3) *Бесѣды I. Златоустаго* на посланія ап. Павла; Кіевской печати 1623 года.

4) *Бесѣды I. Златоустаго* на Дѣянія св. Апостолъ, Кіевской печати 1624 года. Внизу по листамъ надпись: „Сию книгу Дѣянія святыхъ Апостолъ отменили благородныи рабы Божіи Ісаія Малъхиненко и Θеодоръ Цомкало, обыватели мѣста Полтавы, и надали на свой монастыръ Полтавский всемирного Воздвиженія Честного Креста въ здравіе и спасеніе и отпущеніе грѣховъ своихъ, такъ тежъ подружія своего и чадъ своихъ всѣхъ. Року 1654 года, мѣсяца Септеврия 16 дня" [1]).

---

[1]) Эта надпись представляетъ документальное свидѣтельство, что Полтавскій монастырь существовалъ уже въ 1654 году.

5) *Бесѣды І. Златоустаго* на Евангеліе Матѳея безъ выходного листа,—но очевидно Московское изданіе 1664 года. Надпись полууставная по листамъ: „Глаголемая книга сия Весѣды Златоуста на св. Евангеліста Матѳея Толкованія монастыря Полтавского всемирного Воздвиженія Честного и животворящаго Креста Господня; наданная ест отъ благочестывого царя и великого князя Алексѣя Михаиловича“.

6) *Поученія Аввы Дороѳея*, напеч. въ Кіевѣ въ 1628 г.

7) *Триѳологіонъ* Львовской печати, безъ выходного листа, но очевидно изд. 1641 г., съ надписью по листамъ: „Во имя Отца и Сына и св. Духа, святои единосущнои и нераздѣлимои Троици, станься ку вѣчной памяти, аминь. Иж всѣ речи с памяти людской сплываютъ и в забытие ума приходятъ, для того ж бываютъ письмомъ святымъ обяснени, абы то и на потомныи часы зоставати мѣло; прото я рабъ Божий Иванъ Ильяшенко Мазаный, обыватель Зинковъский, отмѣнилъ сию книгу, глаголемую Триѳолой, друку Ілъвовского, за здоровье и спасенне гриховъ, власное зобрание (sic), до мѣста Зенкова, па Груни Ташанской, в маетности Его Королевской милости, на тот часъ властителя и обладателя его милости пана кашталяна великого пана Краковского, хоронжого корунного, Александра на Конецполю Конецполского, и пана державцы пана Витовского, подстаросты Зинковского, ихъ милостей козаковъ Войска Запорозкого и за настоятеля храму отца Евъфимия, на тотъ часъ бывшаго священника Пречиского Зинковского, до храму Рождества Пресвятыя Богородици. А хто бы мѣлъ сию книгу от того храму яковымъ способомъ украсти албо продати, на такового накладую, нехай будетъ клятый отъ святыхъ отецъ 318 иже въ Никеи. Писано року ҂АХМА мѣсяца іюня ІГ дня. Писаръ того подпису Триѳолоя Іванъ Ильяшенко Мазанъ, рукою власною, при пану Ермылу Безпалченку, ктытору Зинковскому Пречискому“.

Тріодь цвѣтная Московской печати *1604 г.* съ надписью: „Монастыря Полтавского Anno 1654“. Внизу по листамъ болѣе старинная надпись: „Я именемъ Василий Дашковичъ, изъ жоною своею Марьею Кондратовною, придаю сию книгу до храму святои Пречистои, до Киева. А хто бы мѣлъ сію книгу отдалити отъ тои святои церкви святои Пречистои Киевскои, да нехай будетъ проклятъ от святыхъ отецъ 318.“ Далѣе по листамъ третья надпись: „Сію книгу Триод надалъ на манастыръ Полтавский въ Богу превелебный Інокентий Гезіель, архимандритъ печерский, з Киева.“

9 и 10) Два экземпляра книги: „*Евхологіонъ* албо Молитвословъ“ (Требникъ П. Могилы), изд. въ Кіевѣ въ 1646 году. На одномъ экземплярѣ внизу по листамъ надпись: „Року ҂ахнг мѣсяца марта дня первого книгу сию, глаголемую Требникъ Великий, видавана киръ Петра Могилы, святои памети митрополиты Киевского, друку печерского Киевского (*далѣе надпись продолжается по наклееннымъ полоскамъ бумажнымъ, закрывшимъ собою какую-то иную надпись*), отменилъ рабъ Божий Григорий Сахновичъ Лесницкій, полковникъ Войска Запорожского Миргородский, съ подружиемъ своимъ Еленою, до манастыра Полтавского Воздвижения честного и Животворящаго Креста Господня, за доброе здоровѣ и за отпущение грѣховъ своихъ. А хто бы мѣлъ собѣ привлащити, кромъ благословнои вины, таковому да будетъ анаѳема, аминь“. Въ виду указанной наклейки, нельзя поручиться, что дата 1653 года относится именно къ записи полковника Лесницкаго, и не къ заклеенной надписи.

19) *Мессія правдивый*, соч. І. Галятовскаго, Кіев. изд. 1669 г., прекрасно сохранившійся экземпляръ, съ авторскою надписью по листамъ: „Сія книга отъ мене, сеи книги автора подлого, дана есть до монастыря Полтавского Воздвиженія Честного Креста, жебы тамъ за мене Бога прошено“.

12) „*Духовныи Бесѣды св. о. нашего Макарія*, пустелника Египетского, о досконалствѣ христіанъ православныхъ“, Виленское изданіе 1627 года, in quarto. Экземпляръ прекрасно сохранившійся, но безъ надписи.

13) *Огородокъ Маріи Богородицы*, соч. Антонія Радивиловскаго, изд. въ Кіевѣ въ 1676 году.

14) *Мечъ духовный*, соч. Лазаря Барановича, изд. въ Кіевѣ въ 1666 году.

15) *Трубы словесъ*, его же, изд. въ Кіевѣ, въ 1674 г.

15) *Вечеря душевная*, Сим. Полоцкаго, Московское изданіе 1683 года.

17) *Небо Новое*, изд. въ Могилевѣ, въ 1699 году.

18) *Служебникъ*, Львовской печати 1699 года.

Изъ многочисленныхъ изданій XVIII ст. отмѣтимъ лишь слѣдующія:

19) *Библія* въ листъ, напечат. въ С.-Петербургѣ въ 1751 году, въ пергаментномъ переплетѣ, съ надписью по листамъ: „Сия Библия архи-

мандрита Пахомия Левѣцкого, отдана въ церковь в Крестовоздвиженскій Полтавскій монастирь 1756 году, марта 16".

и 20) *Краткій Лѣтописецъ*, сост. Ломоносовымъ, издан. 1760 года.

Рукописей въ монастырской библіотекѣ не оказалось, за исключеніемъ трехъ рукописныхъ *ирмологіевъ*:

1) Рукописная книга большого формата, въ листъ, въ золотообрѣзномъ переплетѣ. Очень красивое письмо, съ превосходными рисунками, сдѣланными перомъ и раскрашенными красками. Повидимому, рукопись XVIII вѣка.

2) Ирмологій въ поллистъ, въ переплетѣ, какъ видно изъ надписи, писанный въ Хотмышскомъ Богородицкомъ монастырѣ іеромонахомъ Іоакимомъ Сокальскимъ, въ 1769 г. По листамъ надпись: „Съ числа книгъ преосвященного Іова, епископа Переяславскаго и Бориспольскаго" [1]). Очень красивое письмо. Въ началѣ силлабическіе стихи списывателя.

3) Ирмологій того же формата, безъ обозначенія, когда и кѣмъ писанъ, но письмо болѣе старинное, чѣмъ въ предыдущихъ, и должно быть отнесено къ первой половинѣ XVIII ст. Въ началѣ каждаго гласа прекрасные рисунки, раскрашенные красками, съ красивыми орнаментами, характеръ коихъ не древній, но чрезвычайно изящный.

Отдѣльно отъ соборнаго монастырскаго храма находится другая каменная церковь во имя св. Троицы, бывшая трапезная. Она построена въ 1750 году, но въ 1864 г. подверглась полной передѣлкѣ, при чемъ старинная стѣнная живопись, иконостасъ и проч.—все это было уничтожено и замѣнено новымъ, такъ что въ настоящее время, кромѣ стѣнъ, не осталось ничего стариннаго.

Нынѣшняя трапезная церковь св. Симеона совсѣмъ новая, построена лишь въ 1887 году.

Отдѣльно стоящая монастырская колокольня, вышиною въ 22 сажени, построена въ 1786 году. По архитектурѣ она очень напоминаетъ колокольню Кіево-печ. Лавры.

До недавняго времени въ Полтавскомъ Кресто-воздвиженскомъ монастырѣ была еще одна историческая достопримѣчательность: разумѣемъ

[1]) Іовъ Базилевичъ былъ Переяславскимъ епископомъ съ 1770 по 1776 гг.

такъ называемую *Екатерининскую залу* въ настоятельскомъ домѣ. Вотъ ея краткая исторія и описаніе.

Съ учрежденіемъ въ 1775 г. новой Славенской епархіи, для Новороссійской и Азовской губерній, архіерейская каѳедра и консисторія для этой епархіи были открыты въ Полтавѣ, а мѣстопребываніемъ для Славенскихъ архіепископовъ избранъ былъ Полтавскій монастырь. Одинъ изъ этихъ архіепископовъ, Амвросій Серебрянниковъ, жившій здѣсь съ 1786 по 1792 гг., устроилъ при архіерейскомъ домѣ лѣтнюю залу съ балкономъ, откуда открывался прекрасный видъ на далекія окрестности, и, по обычаю того времени, украсилъ всѣ ея стѣны живописными изображеніями изъ библейской и русской исторіи. Въ 1787 г. императрица Екатерина, возвращаясь изъ путешествія въ Новороссію и Крымъ, посѣтила Полтаву и, послѣ маневровъ на полѣ Полтавскаго боя, вблизи Шведской могилы, посѣтила Крестовоздвиженскій монастырь, по преданію, пила въ этой залѣ чай и съ балкона любовалась окрестностями. Когда впослѣдствіи домъ этотъ отъ времени пришелъ въ ветхость, на томъ же мѣстѣ былъ построенъ въ 1854 году новый деревянный домъ для настоятеля, при чемъ было предположено вовсе уничтожить залу съ картинами; но бывшій въ то время малороссійскій генералъ-губернаторъ С. А. Кокошкинъ настоялъ на томъ, чтобы эта историческая зала была возстановлена въ первобытномъ видѣ и всѣ изображенія были реставрированы и развѣшены на стѣнахъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ и прежде. Зала эта имѣла въ длину 11 аршинъ и въ ширину 9. Всѣ ея стѣны и простѣнки были увѣшаны разной величины картинами, на холстѣ, довольно уже ветхими. Кромѣ многочисленныхъ библейскихъ и церковно-символическихъ изображеній, здѣсь были двѣ историческія картины. На одной изъ нихъ (величиною въ квадратную сажень) былъ изображенъ князь Александръ Невскій на ворономъ конѣ; пораженные имъ Шведы вручаютъ ему мечи свои; вдали виднѣется городъ. Подъ картиною стихотворная надпись:

„Святый и храбрый Александръ Невскій
Духомъ отъ небесъ на градъ свой призираетъ
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
Россовъ усердный защитникъ
И невидимо Петру споспѣшествовалъ“.

Другая картина, тоже величиною въ квадратную сажень, изображала Петра Великого на бѣломъ конѣ, съ мечемъ и въ кольчугѣ; ему также Шведы подаютъ свои мечи. Внизу подпись:

„Се образъ начертанъ премудраго героя,
Что ради подданныхъ лишилъ себя покоя,
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ; но кто онъ былъ таковъ,
Гласитъ народъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскіе труды и подвиги геройски.“ [1]).

Зала эта съ давнихъ временъ привлекала особенное вниманіе посѣтителей монастыря, какъ рѣдкая историческая достопримѣчательность. Мнѣ лично, въ ранней юности, пришлось быть свидѣтелемъ того, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ осматривалъ эту залу въ 1864 году великій князь Алексій Александровичъ. Но когда въ маѣ 1901-го года я посѣтилъ монастырь и, бывши въ настоятельскомъ домѣ, пожелалъ еще разъ увидать столь хорошо мнѣ съ дѣтства памятную залу, то воочію убѣдился, что отъ нея не осталось и слѣда. Самъ настоятель монастыря, преосвященный Гедеонъ (недавно лишь сюда назначенный) не могъ мнѣ объяснить, когда именно и кѣмъ эта историческая зала уничтожена. Очевидно, это сдѣлано въ недавніе годы, ибо Полтавскіе бытописатели и понынѣ еще продолжаютъ описывать Екатерининскую залу какъ *существующую и въ настоящее время* [2]). Гдѣ теперь хранятся висѣвшія на ея стѣнахъ картины, съ точностью не умѣю сказать; нѣкоторыя (напримѣръ, изображеніе Петра Великаго, побѣдителя Шведовъ) я замѣтилъ въ одной изъ внутреннихъ комнатъ настоятельскаго дома. Въ пріемныхъ комнатахъ этого дома и теперь висятъ на стѣнахъ старинные портреты Кіевскихъ митрополитовъ, но я и въ дѣтствѣ видалъ ихъ здѣсь же. Тамъ же я замѣтилъ старинный портретъ св. Аѳанасія Лубенскаго, въ 1860-хъ годахъ помѣщавшійся въ главной монастырской церкви, на южной стѣнѣ, близъ алтаря.

Крайне желательно, чтобы всѣ находившіяся въ бывшей Екатерининской залѣ старинныя изображенія (если только они сохранились) были собраны въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и въ цѣлости сохранены для будущихъ поколѣній, какъ интересный остатокъ временъ давно минувшихъ.

---

[1]) Снимокъ съ этой картины помѣщенъ въ „Кіевск. Старинѣ“. 1902 г., № 7—8.

[2]) См. наприм., вышедшую въ свѣтъ въ концѣ 1901 г. книгу А. Грановскаго „Полтавская епархія въ ея прошломъ и настоящемъ,“ вып. I, стр. 163—164. Лишь въ недавно изданныхъ „Запискахъ о Полтавѣ“ г. Бучневича (2-е изд. 1902 г.) мы прочли, что бывшая Екатерининская зала въ 1892 г. обращена въ ризницу, а имѣвшіяся въ ней картины „по ветхости уничтожены“. Послѣднее едва-ли вѣрно.

Рождество-Богородичная церковь въ м. Богачкѣ, Миргород. уѣзда.

Причтъ этой церкви ходатайствовалъ въ Полт. Дух. Консисторіи о дозволеніи обновить старинный иконостасъ, жертвенникъ, горнее мѣсто и сѣнь надъ престоломъ. По сношеніи Консисторіи съ Обществомъ Нестора-лѣтописца по этому предмету, мнѣ было поручено осмотрѣть означенную церковь и дать свое заключеніе о томъ, насколько возможно удовлетворить ходатайство причта безъ ущерба для интересовъ археологіи.

Нынѣшняя Рождество-Богородичная церковь въ м. Богачкѣ (деревянная) построена въ 1852 г. вмѣсто прежней, тоже деревянной, построенной въ 1710 г.; поэтому въ ней осталось очень много предметовъ изъ прежней церкви (XVIII ст.). Всего древнѣе въ ней—жертвенникъ; судя по его стилю, онъ, вѣроятно, современенъ прежней церкви, т. е. сооруженъ въ началѣ XVIII ст. Онъ имѣетъ видъ четырехъ-угольнаго шкапа, съ двумя затворяющимися стѣнками. На двухъ стѣнкахъ, примыкающихъ къ угольнымъ стѣнамъ алтаря, имѣются изображенія лишь внутри жертвенника, а на затворяющихся стѣнкахъ—внутри и снаружи; всѣ они изображаютъ страданія и погребеніе Спасителя. Кромѣ того, въ нижней части жертвенника—двѣ меньшія иконы: на одной изображенъ гробъ, а на другой веденіе изъ городскихъ воротъ двухъ связанныхъ людей. Живопись несомнѣнно старинная и хорошо сохранилась, кромѣ одной (внутренней) иконы, расколовшейся, вѣроятно, отъ сырости. Рѣзныя золоченыя украшенія представляютъ вьющіеся завитки.

Иконостасъ перенесенъ изъ прежней церкви и, какъ видно изъ старинныхъ описей, сооруженъ въ 1738 г. „сотникомъ Багацкимъ Андреемъ Стефановичемъ“, но иконы въ немъ впослѣдствіи неоднократно были подновляемы, а иныя даже замѣнены другими; такъ, напримѣръ, въ описи 1850 г. въ числѣ намѣстныхъ иконъ значится образъ Андрея Первозваннаго (очевидно—патронъ строителя-сотника), теперь же на томъ мѣстѣ образъ Введенія во храмъ Богородицы. Въ особенности интересны царскія врата – прекрасный образецъ старинной „сницарской“ работы: внизу вырѣзанная изъ дерева раскрашенная фигура лежащаго Іесея, изъ бока ко-

тораго исходитъ вѣтвистое (рѣзное) дерево; на его вѣтвяхъ—12 круглыхъ иконокъ, изображающихъ ветхозавѣтныхъ царей, евангелистовъ и Благовѣщеніе.

Горнее мѣсто и діаконникъ, при постройкѣ нынѣшней церкви (въ 1852 г.), видимо подверглись значительной передѣлкѣ. По сравненію съ описью 1850 г. (еще при существованіи прежней церкви) видно, что лишь немногія иконы остались прежнія, да и тѣ, должно быть, были подновлены. Только въ діаконникѣ, внизу, одна икона (Авраамъ угощаетъ трехъ странниковъ) сохранилась, повидимому, въ прежнемъ видѣ.

Точно также и сѣнь надъ престоломъ (о снятіи которой причтъ ходатайствовалъ) оказалась не древней: она сдѣлана въ 1852 г. и впослѣдствіи не разъ была обновляема.

Изъ старинныхъ иконъ, находящихся въ церкви, заслуживаетъ упоминанія образъ св. Николая, въ зеленой рамѣ, около $1^{1}/_{2}$ арш. высоты и 1 арш. ширины. Это несомнѣнно старинное мѣстное письмо. Къ сожалѣнію, доска съ изображеніемъ потрескалась и икону хотятъ обновить.

Такова же и другая старинная икона: Богородица, а на ея колѣняхъ умершій Христосъ; она тоже раскололась и, вѣроятно, будетъ обновлена.

Въ той же церкви имѣется шесть такъ называемыхъ „постовыхъ" намѣстныхъ иконъ, навѣшиваемыхъ во время великаго поста; изъ нихъ 4 съ силлабическими виршами внизу. Всѣ онѣ—характернаго южно-русскаго письма, вѣроятно 2-й половины XVIII ст. Высота ихъ болѣе 1 аршина, ширина—около аршина.

Въ переднемъ западномъ притворѣ (такъ называемомъ „бабинцѣ") на стѣнахъ висятъ 3 картины, изображающія исцѣленіе двухъ бѣсноватыхъ, притчу о десяти дѣвахъ и Закхея. По характерности письма и колорита, прекрасной перспективѣ, онѣ заслуживаютъ вниманія. Подъ каждой изъ нихъ написано четверостишіе; языкъ русскій, но съ малоруссизмами. На одной изъ этихъ картинъ (изображающей Закхея), съ лѣвой стороны, есть надпись: „1816 г., мѣс. марта 25-го дня, сооружены сіи картины доброхотными дателями, козаками Якимовскими [1]), стараніемъ Іосифа Кропивки". По объясненію священника, послѣднее имя означаетъ не художника, а одного изъ „дателей".

---

[1]) Въ приходѣ Рождество-Богород. церкви и нынѣ есть хуторъ Якимовка.

Въ томъ же притворѣ, съ правой стороны, образъ въ кіотѣ, изображающій Б. Матерь, Іосифа Обручника и младенца Христа, съ надписью: „сооруженъ въ 1817 году“. Письмо итальянскаго стиля.

Въ „бабинцѣ“, налѣво отъ входа, въ углу, виситъ на стѣнѣ старинный портретъ на холстѣ, въ деревянной рамѣ ($1^1/_4$ арш. высоты и $^3/_4$ арш. ширины), изображающій колѣнопреклоненнаго козака, съ усами и небольшою сѣдою бородой; волосы съ проборомъ посрединѣ; нижній кафтанъ съ шнурами на груди; верхнее синее платье съ короткими рукавами, съ бѣлымъ мѣховымъ широкимъ воротникомъ и такими же обшлагами, передъ козакомъ налой съ рѣзнымъ распятіемъ. Вверху портрета надпись: „Тутъ преставися Михаилъ Браславецъ, козакъ его королевской милостію sic), умеръ року Божого ҂АХМД, декемрія ЕІ дня“. Видимо, эта надпись была впослѣдствіи подновлена, потому что начертаніе буквъ не соотвѣтствуетъ половинѣ XVII в.; да и письмо не выглядитъ столь древнимъ. Ни въ старинныхъ церковныхъ описяхъ, ни въ преданіяхъ прихожанъ мы не нашли точнаго указанія на то, кто былъ этотъ Браславецъ и почему его портретъ попалъ въ церковь. По словамъ причта, онъ виситъ здѣсь съ незапамятнаго времени.

Изъ церковной утвари заслуживаютъ вниманія: серебряный напрестольный крестъ 1759 г., съ надписью, что это даръ козака Трохима Табурця, и три старопечатныхъ евангелія: 1) Московской печати 1657 г. съ надписью по листамъ: „Во имя Отца и Сына и святого Духа. Сія книга, рекомая Евангеліе, куплена зостаетъ во память Іоана Грицюты, жителя Богацкого, за его власную працу, і зроблена есть за стараньемъ его милости пана Данила Апостола, полковника Войска Іх царского пресвѣтлого величества Запорозкого Миргородского, и надана зостаетъ до храму Рождества пресвятыя Богородицы. Хто бы тежъ мѣлъ волю ее отдалити отъ пререченого храму, да будетъ проклятъ анаѳема и арамаѳа (sic) на вѣки вѣковъ аминь“. Даты нѣтъ, но очевидно надпись сдѣлана въ годы правленія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—1696 гг.).

2) Евангеліе Кіевской печати 1697 года. По листамъ идетъ полузатертая надпись, въ которой можно лишь прочесть, „Я іеромонахъ Евсевій.... святое Евангеліе въ обитель святую Всемилостивого Спаса Межигора, идеже и азъ главу мою приклоняю до кончины живота моего, въ року ҂АѰЕІ декавра КД дня“. Затѣмъ идетъ по листамъ другая запись 1741 года, съ обозначеніемъ, что это евангеліе дано въ Рождество-Бого-

родичную церковь м. Богачки „за душу Василія и Івана Малюти и Головка, стараніемъ Григорія Вулавы".

и 3) Евангеліе очень большого формата, Московской печати 1748 г., оправленное въ серебро съ позолотою. На корешкѣ оправы выгравировано: „Сіе Евангеліе здѣлано коштомъ и стараніемъ сотника Багацкого Андрея Стефанова до храму Рождества Богоматери въ городъ Багачку, года 1750, сент. 8 дня".

Изъ другихъ старопечатныхъ книгъ слѣдуетъ отмѣтить: 1) *Минею* (сентябрь) Московской печати 1741 г. съ надписью по листамъ, что эта книга 1743 г., генваря 7 дня, пожертвована преосвященнымъ Антоніемъ Нарожнѣцкимъ, „митрополитомъ Тоболскимъ и Сибѣрскимъ, честному презвитеру пречискому Богацкому Іоанну Бѣлковскому, племяннику своему, до вишеозначенной церкви"; 2) *Требникъ*, in 4-to, безъ выходного листа и безъ начала, крупной печати (характера XVI ст.); внизу по листамъ надпись:.... „сотникомъ Багацкимъ Андреемъ Стефановимъ честному отцу Іоанну (Бѣлковскому?), зятеви своему, презвитеру Багацкому", и 3) *Цвѣтную Тріодь* Кіевской печати 1747 г.

Изъ рукописныхъ книгъ въ церкви имѣются: 1) *Ірмолой* рукописный in 4-to, письмо, видимо, XVIII в., съ киноварью; 2) *Метрика* съ 1722 по 1734 гг., веденная „іереемъ Лукіяномъ Филиповымъ городка Богачки", въ переплетѣ,—образецъ малорусской каллиграфіи XVIII в., и 3) Двѣ переплетенныя книги—*Копіи монаршихъ указовъ*: первая начинается съ 1729 г. и продолжается по 1732, вторая—съ 1733 по 1735 гг.—Указы за дальнѣйшіе годы XVIII ст. тоже имѣются, но въ разрозненной кипѣ, безъ переплета.

Христорождественская и Преображенская церкви въ м. Шишакахъ, Миргород. уѣзда.

Проѣзжая черезъ это мѣстечко, я счелъ долгомъ осмотрѣть обѣ имѣющіяся въ немъ церкви.

Нынѣшняя Христорождественская церковь (деревянная, пятиглавая) выстроена недавно, на мѣстѣ прежней, трехкупольной, малорус. типа, о которой въ церковной описи 1859 г. говорится, что она построена была въ 1763 г. и находилась въ „замкѣ", слѣды котораго (валы) и донынѣ сохранились. Ни древнихъ иконъ, ни старинной утвари въ ней уже нѣтъ,—

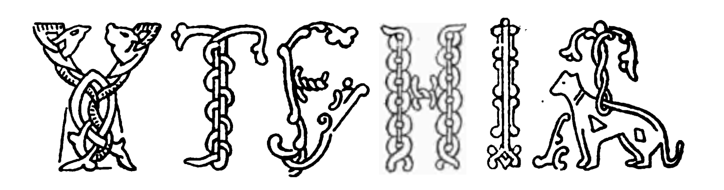
все замѣнено новымъ. Сохранилась лишь большая груда *указовъ*, съ половины XVIII в., книга для сбора пожертвованій на постройку церкви, выданная 3 окт. 1762 г. Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ (масса именъ жертвователей, но большею частью безъ обозначенія ихъ званій,—„рабы Божіи") и приходо-расходная книга 1761—1767 г. подъ титуломъ: „Реестри ктитора Филипа Самары." Послѣдняя рукопись представляетъ большой интересъ. Это были годы постройки церкви, и „Реестри" даютъ намъ полную картину громадскаго построенія храма. Здѣсь перечислены подробно всѣ статьи прихода: пожертвованія прихожанъ, сборъ ярмарковый, выручка отъ продажи громадскаго воску, меду, ладану, сборъ мѣстныхъ цеховъ и т. под. Еще интереснѣе статьи расхода: плата „майстеру" (напр. „куплено майстеру вымовленную нимъ шапку за 70 к." и т. под.) и его помощникамъ „молодыкамъ", ихъ содержаніе, наемъ для нихъ „куховарки" и покупка провизіи: рыбы, сала, олѣи, масла, заготовленіе капусты и т. под. Здѣсь же подробный перечень расходовъ по поѣздкѣ ктитора и священника въ Кіевъ, въ 1761 г., для испрошенія у митрополита грамоты на закладку храма и просительной книги. Тутъ всѣ мелочи записаны: сколько дано „поклону" самому митрополиту и „катедралному писарю", сколько истрачено на взятки и угощеніе „консистористовъ" („горѣлки куплено на 8 грошей, меду на 12 грошей" и т. под.). Затѣмъ идутъ расходы по заложенію храма: сколько дано о. протопопу Миргородскому и іереямъ, участвовавшимъ въ церемоніи закладки церкви, сколько уплачено за килимъ (коверъ), который, согласно обычаю, постилался подъ ноги священнослужащимъ и затѣмъ поступилъ въ доходъ протопопу, и т. под. Вообще подобные „Реестри" могутъ представлять большой историко-бытовой и экономическій интересъ, и крайне желательно, чтобы они были собраны въ одно хранилище и спасены отъ угрожающей имъ гибели.

Другая Шишацкая церковь—Преображенская (на Подолѣ), тоже деревянная, построена въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ ней также хранятся копіи царскихъ и митрополичьихъ указовъ, старательно списанныхъ и переплетенныхъ въ особыя книги. Первая такая книга заключаетъ въ себѣ указы съ 1719 по 1731 г. Къ нимъ приложено особое оглавленіе, составленное мѣстнымъ іереемъ Іосифомъ Ѳеодоровичемъ, въ лѣто 1724. Вторая книга содержитъ указы съ 1731 по 1739 г. Есть и еще указныя книги временъ Елизаветы и Екатерины II, но уже въ видѣ разрозненныхъ тетрадей и листовъ. Здѣсь же много метрическихъ книгъ, начиная съ 1762 года.

Въ этой же церкви хранится старопечатное напрестольное Евангеліе Кіевской печати 1697 г. На второмъ листѣ его, внизу, почеркомъ XVIII ст. записано: „Сия книга свято-Спасская Чигринская“, но далѣе по листамъ идетъ другая запись: „Во имя Отца и Сына и святого Духа, аминь, Я, рабъ Божий Якимъ Прокопиевичь Шарлай, изъ жоною моею Евдокиею и синами моими Іваномъ, Василемъ, Павломъ, купилемъ сию книгу рекомую Евангелие Христово за певную суму лѣчби литовскои талярий десять, которую то книгу надалемъ на церковь Божію Преображения Господня Подолну Шишацкую за отпущение грѣховъ. А мѣлъ бы хто оную книгу крадежемъ или инимъ способомъ отъ онои више помянутои церкви отдалити, на такового покладаю проклятство анаѳема и маранаѳа триста и осмнадцять святихъ отець, іже въ Никеи заповѣданихъ, аминь. Року ҂аѱкі мѣсяца марта єі дня“.—Переплетъ этого Евангелія впослѣдствіи (какъ видно изъ замѣтки на обложкѣ нижней доски, въ 1837 г.) былъ оправленъ бисернымъ шитьемъ, но теперь очень много бисеру выпало. На верхней доскѣ переплета, среди бисернаго фона, красками нарисовано распятіе.

Въ передней части храма, не доходя клиросовъ, справа и слѣва на стѣнахъ висятъ двѣ картины, писанныя на холстѣ, отъ времени уже покоробившемся, и изображающихъ два момента изъ воскресенія Христова: Марка, зачало 70, и Матѳея, зачало 115. Обѣ—въ деревянныхъ, когда-то позолоченныхъ, красивыхъ рамахъ. Письмо очень хорошее, но въ стилѣ совершенно западномъ (итальянскомъ), повидимому—конца XVIII или начала XIX ст.

О. Левицкій.



въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Выпускъ I.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Р. К. Лубковскаго. Б.-Владимірская улица, № 49.
1903.

Оглавленіе:

Кн. XVII, вып. 1-й.

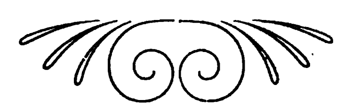
Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ V.

Приложеніе.



Цѣна 1 р. 50 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й книгъ	по	2 р. 50 к.	каждая съ пересылкой.
„	VI-й „	„	3 р. 50 к.	
„	II, VII, IX, XIII „	„	3 р.	
„	VIII, X, XI „	„	2 р.	
„	XII „	„	4 р.	
„	XIV, вып. 1—	„	1 р. 25 к.	
„	- „ 2 и 3—	„	1 р. 40 к.	
„	XV, —„ 1, 2, 3 и 4	„	1 р. 50 к.	
„	XVI, —„ 1—3 (Гог. сб.)	„	4 р. 50 к.	
„	„ „ 4 „	„	1 р. 50 к.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: **„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“.** Цѣна 1 рубль.

„Труды III-го археологическаго съѣзда“, два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

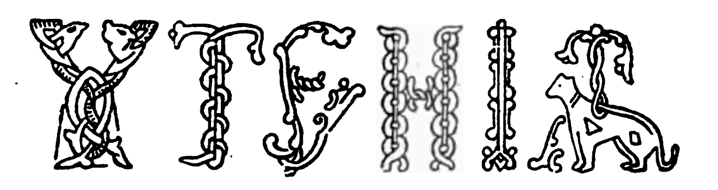
„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

Съ 1901 г. **„Чтенія въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“** выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **5 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 50 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*



ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Выпускъ II.

Издана подъ редакціею

Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Р. К. Лубковскаго. Б.-Владимірская улица, № 49.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVII, вып. 2-й.

Отдѣлъ I.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Приложеніе.

Цѣна 1 р. 25 коп., съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна IV-й и V-й книгъ	по 2 р. 50 к.	каждая, съ пересылкой.
„ VI-й „	„ 3 р. 50 к.	
„ II, VII, IX, XIII „	„ 3 р.	
„ VIII, X, XI „	„ 2 р.	
„ XII „	„ 4 р.	
„ XIV, вып. 1—	„ 1 р. 25 к.	
„ — „ 2 и 3—	„ 1 р. 40 к.	
„ XV, —„ 1, 2, 3 и 4	„ 1 р. 50 к.	
„ XVI, —„ 1—3 (Гог. сб.) „	„ 4 р. 50 к.	
„ „ „ 4 „	„ 1 р. 50 к.	
„ XVII „ 1	„ 1 р. 50 к.	

II-й отдѣлъ II-й книги имѣется и въ отдѣльномъ оттискѣ подъ заглавіемъ: „**Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси**". Цѣна 1 рубль.

„**Труды III-го археологическаго съѣзда**", два тома in-4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

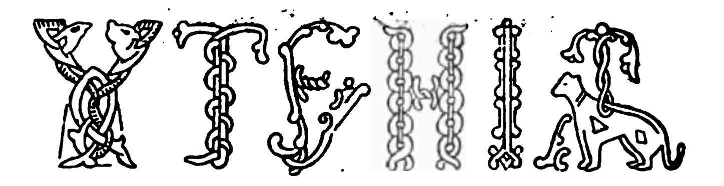
„**Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева**" (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

„**25-лѣтіе Историческаго общества Нестора-лѣтописца**" (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 к.

„Чтенія въ Историческ. Обществѣ Нестора-лѣтописца" выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска, **4 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности **1 руб. 25 коп.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*



ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга семнадцатая.

Выпускъ III.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т. Г. Мейнандера и И. И. Врублевскаго, Пушкинская, 20.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVII, вып. 3-й.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й книгъ		по	2 р.	50 к.	каждая, съ пересылкой.
„	IV-й		„ „	3 „	50 „	
„	II, VII, IXX, III		„ „	3 „		
„	VIII, X, XI		„ „	2 „		
„	XII		„ „	4 „		
„	XIV, вып.	1—	„	1 „	25 „	
„	— „	2 и 3—	„	1 „	40 „	
„	XV, —„	1, 2, 3 и 4	„	1 „	50 „	
„	XVI,—„	1—3 (Гог. сб.)		4 „	50 „	
„	„ „	4	„ „	1 „	50 „	
„	XVII „	1	„	1 „	50 „	
„	„ „	2	„	1 „	25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in-4⁰, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ 2 рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп.

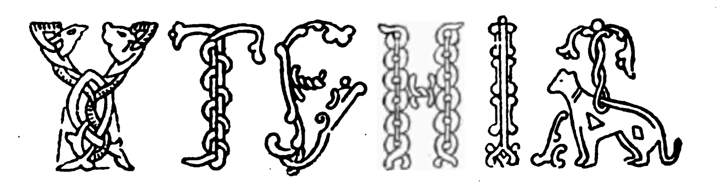
„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп.

„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.** съ пересылкой; цѣна же каждаго выпуска въ отдѣльности—**1 р. 25 к.** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.—Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*



въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Книга семнадцатая.

Выпускъ IV.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVII, вып. 4-й

Отдѣлъ I.

Стр.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV.

Приложеніе.

Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й книгъ		по	2	р.	50	к.	каждая съ пересылкой.
„	VI-й	„	„	3	„	50	„	
„	II, VII, IX, XIII	„	„	3	„			
„	VIII, X, XI	„	„	2	„			
„	XII	„	„	4	„			
„	XIV, вып.	1—	„	1	„	25	„	
„	— „	2 и 3—	„	1	„	40	„	
„	XV, —„	1, 2, 3 и 4	„	1	„	50	„	
„	XVI,—„	1—3 (Гог. сб.)		4	„	50	„	
„	„ „	4 „	„	1	„	50	„	
„	XVII „	1	„	1	„	50	„	
„	„ „	2 и 3	„	1	„	25	„	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in 4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

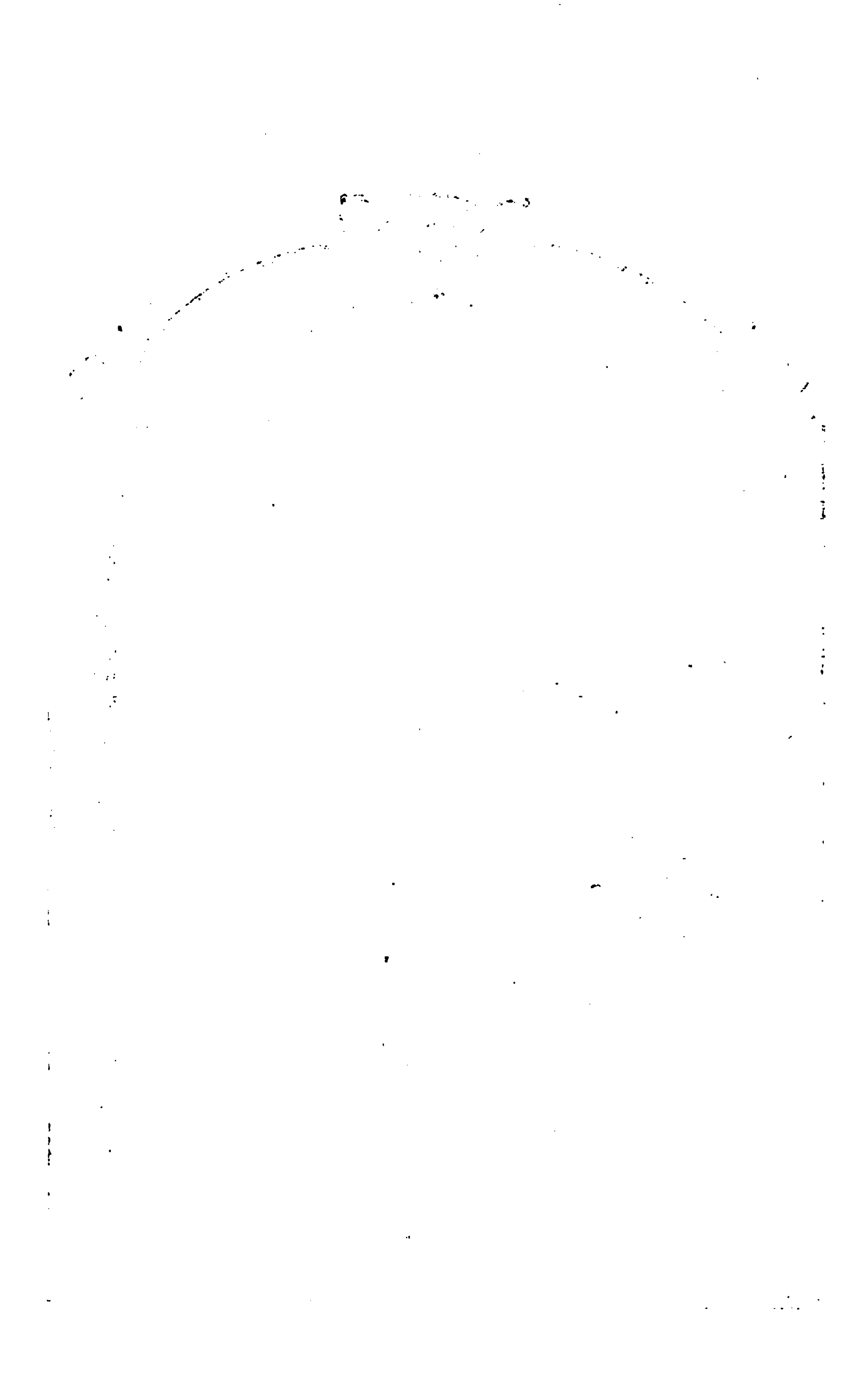
„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп. съ пересылкой.

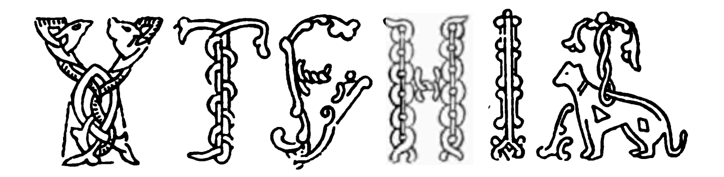
„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ ежегодно въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра**, съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.—Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

Чтенія
въ историческомъ обществѣ
Нестора Лѣтописца.
Книга восемнадцатая.
Кіевъ 1904 г.





ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга восемнадцатая.

Издана подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20
1904.

Печатано по постановленію Совѣта Историческ. Общества Нестора-лѣтописца
Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XVIII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца".

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й.

Сокращенное изложеніе сообщеній.

Вып. 3-й и 4-й.

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

Вып. 2-й.

Вып. 3-й и 4-й.

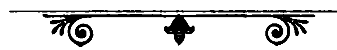
Приложеніе.

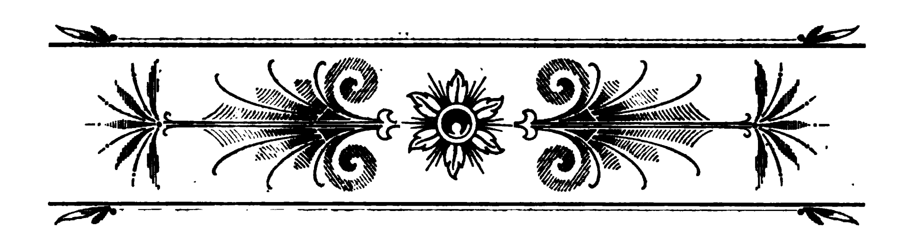
Вып. 1-й и 2-й.

Отдѣлъ I.

ЛѢТОПИСЬ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА НЕСТОРА-ЛѢТОП.





Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1902—1903 г.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 31-й годъ его существованія, съ 27 октября 1902 г. по 27 октября 1903 г.

(Составленъ Секретаремъ Общества М. Н. Ясинскимъ).

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Заканчивая нынѣ, въ день чествованія памяти преподобнаго Нестора-лѣтописца, 31-й годъ своего существованія, Историческое Общество Нестора-лѣтописца имѣетъ честь предложить вашему благосклонному вниманію важнѣйшія свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности означеннаго Общества въ истекшемъ году, т. е. за время съ 27 октября 1902 г. по 27 октября 1903 г.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27-му октября прошлаго 1902 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 149 членовъ; въ томъ числѣ — 21 почетнаго, 126 дѣйствительныхъ и 2 членовъ-корреспондентовъ.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества:

Оно лишилось 1) своего почетнаго члена и казначея—проф. *Θеодора Яковлевича Фортинскаго*, скончавшагося въ декабрѣ 1902 г., и 2) трехъ дѣйствительныхъ членовъ, а именно, а) *Ю. Θ. Крачковскаго*, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдателемъ Виленской Археографической Коммиссіи и директоромъ Виленской Публичной Библіотеки, б) мѣстнаго дѣятеля *М. В. Сурина* и в) б. проф. Новороссійскаго университета *А. И. Маркевича*, извѣстнаго своими многочисленными трудами по русской исторіи и исторіи литературы. Особенно тяжела была для нашего Общества утрата проф. Θ. Я. Фортинскаго, много потрудившагося для него въ должности библіотекаря, а потомъ казначея,—должностяхъ, которыхъ онъ не покидалъ даже во время своего ректорства. Не мало также услугъ оказалъ нашему Обществу покойный Θеодоръ Яковлевичъ и въ качествѣ ректора Университета св. Владиміра, при которомъ, какъ извѣстно, состоитъ и Историческое Общество Нестора-лѣтописца. Поэтому, нисколько не удивительно, что памяти усопшаго было посвящено особое засѣданіе (19 января), въ которомъ сдѣланъ былъ рядъ сообщеній, характеризовавшихъ Θеодора Яковлевича какъ человѣка, ученаго, профессора и общественнаго дѣятеля.

Прочіе почившіе и названные выше члены Общества были также помянуты краткимъ добрымъ словомъ въ ближайшихъ послѣ ихъ смерти засѣданіяхъ.

Сверхъ перечисленныхъ выше членовъ, которыхъ наше Общество лишилось за ихъ смертью, изъ состава Общества выбыло, на основаніи § 18 Устава, еще два дѣйствительныхъ члена (С. А. Егіазаровъ и В. В. Волкъ-Карачевскій).

Означенная убыль въ личномъ составѣ Общества отчасти была восполнена принятіемъ въ среду его слѣдующихъ новыхъ сотрудниковъ: 1) въ почетные члены были избраны ректоръ Юрьевскаго (Дерптскаго) университета (нынѣ ордин. проф. Московскаго университета) Александръ Никититъ *Филипповъ* и академикъ Александръ Николаевичъ *Пыпинъ* и 2) въ дѣйствительные—доцентъ Кіев. духов. академіи, нынѣ

и. д. профессора Харьковскаго Университета О. А. *Бродо-вичъ* и лекторъ унив. св. Владиміра графъ Ф. Г. *Де-ла-Бартъ*.

Такимъ образомъ, за всѣми указанными перемѣнами въ личномъ составѣ Общества, оно въ настоящее время состоитъ изъ 147 членовъ: 22 почетныхъ, 123 дѣйствительныхъ и 2 членовъ-корреспондентовъ. Изъ этого общаго количества 75 членовъ, а именно: 7 почетныхъ и 68 дѣйствительныхъ, находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Бюро Общества въ отчетномъ году состояло изъ нижеслѣдующихъ лицъ, избранныхъ на трехлѣтіе 13 октября прошлаго года: 1) предсѣдателя п. чл. Н. П. Дашкевича, 2) товарища предсѣдателя д. чл. О. И. Левицкаго, 3) секретаря д. чл. М. Н. Ясинскаго, 4) казначея п. чл. Θ. Я. Фортинскаго, а послѣ его смерти д. чл. Г. Г. Павлуцкаго, избраннаго въ означенную должность 23 февр. 1903 г. и 5) библіотекаря, исполняющаго вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности помощника секретаря, д. чл. И. М. Каманина.

Въ *Совѣтѣ* Общества, которому, по Уставу, принадлежитъ главное руководство дѣятельностью Общества, въ отчетномъ году произошла лишь небольшая перемѣна (если не считать того измѣненія въ составѣ Совѣта, которое имѣло мѣсто вслѣдствіе смерти казначея Общества Θ. Я. Фортинскаго и избранія въ эту должность Г. Г. Павлуцкаго), а именно: въ мартѣ текущаго года изъ числа выборныхъ членовъ Совѣта выбыли по очереди, на основаніи § 23 Устава, слѣд. лица: И. М. Каманинъ, Ю. А. Кулаковскій, Т. Д. Флоринскій и В. И. Щербина; по произведенной 9 марта баллотировкѣ первые три оказались вновь избранными на слѣдующее трехлѣтіе, а вмѣсто В. И. Щербины былъ выбранъ членомъ совѣта С. Т. Голубевъ. Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года, какъ и раньше, Совѣтъ Общества состоялъ изъ 15-ти лицъ, а именно, изъ 4 вышеупомянутыхъ должностныхъ лицъ Общества, 3-хъ членовъ—учредителей (В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и Н. И. Петрова) и 8 членовъ по избранію Общаго Собранія Общества (М. Ф. Владимірскаго-Буданова, В. З. Завитневича, Г. Е. Аѳанасьева,

А. І. Степовича, Т. Д. Флоринскаго, Ю. А. Кулаковскаго, И. М. Каманина и С. Т. Голубева).

Что касается Редакціоннаго Комитета, который занимается разсмотрѣніемъ научныхъ трудовъ, представленныхъ Обществу для напечатанія, и рѣшеніемъ вопроса о помѣщеніи ихъ въ изданіяхъ Общества, то означенный Комитетъ въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, состоялъ изъ 7-ми лицъ, а именно: 4-хъ членовъ Бюро Общества и 3-хъ членовъ, избранныхъ Совѣтомъ (В. Б. Антоновича, М. Ф. Владимірскаго-Буданова и В. С. Иконникова).

Въ отчетномъ году Совѣтъ Общества имѣлъ 5, а Редакціонный Комитетъ 6 засѣданій.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека и денежныя средства Общества къ концу отчетнаго года находились въ нижеслѣдующемъ состояніи.

Въ библіотекѣ Общества къ 27-му октября 1902 года имѣлось:

А) Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ—2420 названій въ 5434 томахъ и брошюрахъ;

Б) Въ отдѣлѣ рукописей было:

1) древнихъ рукописныхъ книгъ 11,
2) фотографич. снимковъ съ древн. рукописей 2,
3) отдѣльныхъ документовъ 2 связки,
4) рукописныхъ сочиненій истекшаго XIX стол. въ формѣ книгъ 7.

и 5) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта и поч. чл. нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года въ библіотеку вновь поступило 142 названія въ 250 томахъ и брошюрахъ, въ томъ числѣ 1 экземпляръ фотографическаго изданія Радзивиловской лѣтописи, выпущеннаго въ свѣтъ Обществомъ Любителей Древней Письменности. Экземпляръ этотъ, стоящій въ про-

дажѣ 40 руб., препровожденъ въ даръ Обществу Нестора-лѣтописца д. чл. его академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Такимъ образомъ, къ настоящему дню библіотека Общества состоитъ: 1) изъ 2562 названій въ 5684 томахъ и брошюрахъ и 2) изъ перечисленныхъ выше предметовъ рукописнаго отдѣла библіотеки *).

Музей же Общества, который находится пока въ зачаточномъ положеніи, обогатился въ истекшемъ году 22-мя серебр. литовскими и польскими монетами XVI и XVII вѣковъ, пожертвованными нашему Обществу преподавателемъ Ковенской мужской гимназіи В. А. Каминскимъ.

Что касается затѣмъ *денежныхъ средствъ* Общества Нестора-лѣтописца, то принадлежащія ему суммы находились въ отчетномъ году въ слѣдующемъ движеніи:

1. Къ 27-му октября прошлаго 1902 г. въ кассѣ оставалось . . . . 1960 р. 67 к.**).

*) Въ настоящее время въ складѣ Общества Нестора-лѣтописца имѣются слѣдующія изданія.

I. *„Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“:*

Кн. I—31 экз.; кн. II—106 экз.; кн. III—28 экз.; кн. IV—171 экз.; кн. V—188 экз.; кн. VI.—192 экз.; кн. VII—205 экз.; кн. VIII—207 экзем.; кн. IX—227 экз.; кн. X—191 экз.; кн. XI—224 экз.; кн. XII—230 экз. кн. XIII—248 экз.; кн. XIV: вып. 1-й—207 экз.; вып. 2-й—221 экз.; вып. 3-й—209 экз.; кн. XV: вып. 1-й—257 экз.; вып. 2-й—262 экз.; вып. 3-й—267 экз.; вып. 4-й—210 экз.; кн. XVI: вып. 1—3 (Гоголев. сборн.)—350 экз. и вып 4-й—263 экз.; кн. XVII: вып. 1-й—271 экз.; вып. 2-й—277 экз.; вып. 3-й—338 экз. и вып. 4-й—369 экз.

II. *„Трудовъ III-го Археологич. съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г.“*—44 экз. (каждый въ 2-хъ томахъ съ атласомъ).

III. *Указателя выставки этого же съѣзда*—149 экз.

IV. *Сборника въ память 900-лѣтія крещенія Руси*—265 экз.

V. *Исторической записки о дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца за истекшее 25-лѣтіе его существованія*—304 экз.

VI. Сборника, посвященнаго *„Памяти А. А. Котляревскаго“*—82 экз.

VII. *Публичныхъ лекцій по геологіи и исторіи Кіева*—280 экз.

VIII. *„Сулимовскаго Архива“, изд. А. М. Лазаревскимъ*—165 экз.

**) Въ *означенную цифру наличности* кассы Общества къ 27-му октября 1902 г. не входили слѣд. двѣ суммы, хранившіяся въ кассѣ

2. Въ теченіе отчетнаго года поступило въ приходъ:

а) правительственной субсидіи . . . . 800 р. —

б) членскихъ взносовъ . . . . . . 450 р. —

(болѣе прошлогодняго на 205 р.).

в) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету . . . . 127 р. 45 к.

(менѣе прошлогодняго на 2 р. 82 к.).

г) отъ продажи изданій Общества . . 48 р.

д) дохода съ Гоголевской выставки . 31 р.

Итого 1456 р. 45 к.

(болѣе прошлогодняго на 69 р. 18 к.)

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, коими касса Общества располагала въ отчетномъ году на свои расходы, составляетъ . . . . 3735 р. 8 к.

Изъ этой суммы въ теченіе истекшаго года израсходовано:

1) на изданія Общества:

1—3 вып. XVII кн. „Чтеній" . . . 915 р. 9 к.

2) на канцелярскіе и различные мелкіе расходы . . . . 84 р. 90 к.

3) на устройство засѣданій . . . . 54 р. 30 к.

и 4) на прислугу . . . . 18 р. —

Всего же израсходовано. . 1072 р. 29 к.

(менѣе прошлогодняго на 1111 р. 19 к.).

Слѣдовательно, къ настоящему дню (27 октября 1903 г.) въ кассѣ Общества осталось въ наличности . 2662 р. 79 к.

(болѣе прошлогодняго на 702 р. 12 к.).

Изъ нихъ: въ билетахъ . . . . . . 2193 р. —

Наличныхъ . . . . 469 р. 79 к.

Въ томъ числѣ 136 руб. 74 коп. Московск. Арх. Общ. и 100 руб. Г. А. Ласкина.

Общества: 1) 136 р. 74 коп., оставшіеся отъ ассигнованной Московскимъ Археологич. Обществомъ на описаніе древностей Украины тысячи рублей и 2) 100 руб., поступившихъ отъ покойнаго дѣйств. чл. Общества Г. А. Ласкина на изданіе его „Словаря древностей Константинополя".

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Обратимся теперь къ краткимъ свѣдѣніямъ о научной дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Дѣятельность эта выразилась въ отчетномъ году, главнымъ образомъ, въ нижеслѣдующемъ: во 1-хъ, въ устройствѣ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ обычныхъ занятій Общества; во 2-хъ, въ печатаніи свѣдѣній о засѣданіяхъ Общества, его научныхъ трудовъ и историческихъ матеріаловъ и, въ 3-хъ, въ участіи нашего Общества въ трудахъ Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 г. XIII археологическаго съѣзда, а также въ обсужденіи проекта архивной реформы въ Россіи.

1. Всѣхъ засѣданій Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ отчетномъ году, по настоящій день включительно, было 16; изъ нихъ 13 публичныхъ частныхъ или очередныхъ, въ которыхъ докладывались и обсуждались рефераты членовъ; одно (28 декабря) закрытое, непубличное, въ которомъ обсуждалось отношеніе Московскаго Археологическаго Общества съ предложеніемъ подготовить указанія и программу, каковыя желательно было бы осуществить на XIII археологич. съѣздѣ, а равно и нѣкоторыя другія дѣла Общества; одно (19 января), посвященное исключительно памяти почившаго почетнаго члена Общества, бывшаго ректора и профессора университета св. Владиміра Ѳ. Я. Фортинскаго, о чемъ болѣе подробно упоминалось выше, и, наконецъ, одно (сегодняшнее)—торжественное годичное.

Въ 14-ти изъ упомянутыхъ засѣданій (не считая сегодняшняго и одного закрытаго засѣданій) было предложено вниманію присутствовавшихъ 31 сообщеніе въ формѣ рефератовъ, рѣчей и поминокъ. Означенныя сообщенія принадлежали нижеслѣдующимъ 22 почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ (при чемъ на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось по 2 и даже по 3 реферата): Н. П. Дашкевичу и о. Ѳ. И. Титову (по 3 сообщенія); А. А. Дмитріевскому, О. И.

Левицкому и Т. Д. Флоринскому (по 2 сообщенія); К. Н. Бокадорову, Е. И. Де-Витте, М. В. Довнару-Запольскому, В. Н. Доманицкому, И. М. Каманину, В. А. Кордту, А. С. Личкову, А. М. Лободѣ, Вл. Г. Ляскоронскому, Н. Н. Оглоблину, В. Н. Перетцу, В. К. Пискорскому, К. Ѳ. Радченку, И. А. Сикорскому, А. И. Сонни, О. А. Фотинскому и А. Н. Ясинскому (по 1 сообщенію). Кромѣ того, два сообщенія было сдѣлано двумя посторонними лицами: А. Л. Берло и А. Л. Иконниковой.

Въ виду того, что отчеты о сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Общества докладахъ печатались своевременно въ мѣстныхъ газетахъ, а болѣе подробно и обстоятельно въ періодическомъ органѣ нашего Общества—въ издаваемыхъ имъ „Чтеніяхъ", считаемъ совершенно излишнимъ утруждать вниманіе присутствующей публики краткимъ перечнемъ содержанія означенныхъ докладовъ, а равно и классификаціей ихъ по предметамъ, каковыхъ доклады эти касались.

2. Въ отчетномъ году Общество наше продолжало печатать труды своихъ членовъ, а равно и представленные ими историческіе матеріалы въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ". Эта сторона дѣятельности является, какъ то отмѣчалось и въ прошлогоднемъ отчетѣ, въ послѣдніе 4 года главнѣйшимъ предметомъ усиленныхъ заботъ Совѣта Общества и Редакціоннаго Комитета, во главѣ съ нынѣшнимъ предсѣдателемъ Общества. Какъ извѣстно, „Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца" уже съ начала 1900 г. стали выходить ежегодно въ видѣ 3-хъ выпусковъ, объемомъ каждый въ 10—12 печат. листовъ, а съ весны слѣдующаго 1901 г. по настоящее время наши „Чтенія" появляются ежегодно въ количествѣ 4-хъ выпусковъ, т. е. въ видѣ историческаго трехмѣсячника. Такая усиленная издательская дѣятельность нашего Общества поглощаетъ почти всѣ скудные вообще доходы его и грозитъ сдѣлаться въ ближайшемъ будущемъ рѣшительно не подъ силу Обществу Нестора-лѣтописца. Послѣднее обстоятельство, въ связи съ желаніемъ не сокращать полезной несомнѣнно издательской

дѣятельности нашего Общества и по возможности упрочить ее и еще болѣе расширить, заставила Совѣтъ Общества предложить Общему Собранію возбудить ходатайство объ увеличеніи правительственной субсидіи. получаемой нынѣ въ сравнительно скромномъ размѣрѣ 800 руб.

Издательская дѣятельность Общества въ теченіе истекающаго сегодня отчетнаго года выразилась въ частности въ нижеслѣдующемъ. Въ началѣ настоящаго года выпущенъ въ свѣтъ „Гоголевскій Сборникъ", составляющій первые три выпуска XVI книги „Чтеній". Этотъ посвященный памяти Гоголя научно-литературный сборникъ, благодаря своему большому объему (около 40 печат. листовъ), потребовалъ не мало времени для напечатанія его и значительныхъ затратъ, а именно, онъ обошелся свыше 2000 руб., изъ которыхъ половину примѣрно принялъ на себя университетъ св. Владиміра. Кромѣ означеннаго сборника, въ отчетномъ году изданы 1, 2 и 3-й выпуски XVII книги „Чтеній". Въ настоящее время приступлено къ печатанію 4-го выпуска той же книги.

3. Выше было упомянуто объ участіи нашего Общества въ трудахъ Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству въ 1905 г. XIII Археологич. съѣзда, а также въ обсужденіи проекта архивной реформы въ Россіи.

Участіе Общества Нестора-лѣтописца въ трудахъ Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда выразилось, во 1-хъ, въ разсмотрѣніи въ засѣданіи 28 декабря 1902 г. выработанной д. чл. В. З. Завитневичемъ программы изслѣдованій и подготовительныхъ работъ къ XIII археологическому съѣзду, препровожденной затѣмъ въ Московскій Предварительный Комитетъ и принятой послѣднимъ къ свѣдѣнію; во 2-хъ, въ командированіи въ Московскій Предварительный Комитетъ по устройству XIII археолог. съѣзда депутатами отъ Общества дѣйств. членовъ М. Н. Ясинскаго и Г. Г. Павлуцкаго, которые, какъ это видно изъ напечатанныхъ уже протоколовъ Предварительнаго Комитета, принимали весьма дѣятельное

участіе какъ въ обсужденіи и составленіи правилъ XIII археологич. съѣзда въ г. Екатеринославѣ, такъ равно и въ прочихъ занятіяхъ Предварительнаго Комитета, засѣдавшаго въ январѣ 1903 г. въ Москвѣ, и, въ 3-хъ, въ предложеніи (В. З. Завитневичемъ, И. М. Каманинымъ, М. Н. Ясинскимъ и др.) ряда вопросовъ и запросовъ, подлежащихъ обсужденію на будущемъ XIII археологич. съѣздѣ.

Что касается участія нашего Общества въ обсужденіи проекта архивной реформы въ Россіи, то оно явилось результатомъ предложенія Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія высказаться, на ряду съ нѣкоторыми другими учеными учрежденіями и обществами, относительно выработаннаго проф. Самоквасовымъ проекта архивной реформы, сдѣланныхъ къ нему гр. Уваровой дополненій, а равно и собственныхъ по данному поводу соображеній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

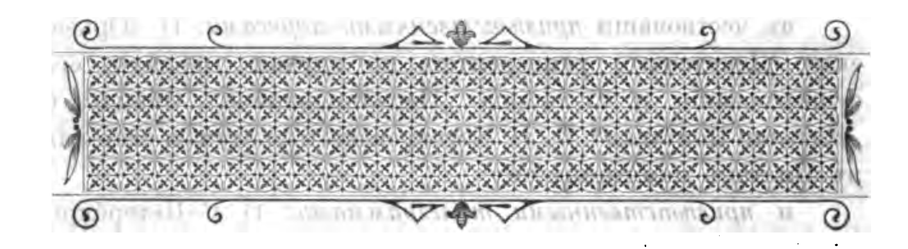
Для обсужденія означенныхъ проекта, дополненій и соображеній по вопросу объ архивной реформѣ въ Россіи. Совѣтъ Общества избралъ особую коммиссію изъ членовъ—спеціалистовъ подъ предсѣдательствомъ поч. члена проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Упомянутая коммиссія въ засѣданіи 18 октября (въ немъ принимали участіе проф. М. Ф. В. Будановъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, И. М. Каманинъ, Ѳ. И. Титовъ и М. Н. Ясинскій) выработала и изложила въ письменной формѣ свои соображенія по вопросу объ архивной реформѣ, въ основу которыхъ легла особая записка, составленная предсѣдателемъ коммиссіи. Соображенія эти, одобренныя Совѣтомъ Общества въ засѣданіи 20 октября, будутъ препровождены черезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Заканчивая нашъ краткій отчетъ о состояніи и дѣятельности Историч. Общества Нестора-лѣтописца, мы должны упомянуть еще о томъ, что наше Общество не оставалось равнодушнымъ къ происходившимъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи праздникамъ науки и искусства. Такъ Общество принимало участіе

въ чествованіи *привѣтственными адресами*: 1) Юрьевскаго (Деритскаго) университета по случаю 100-лѣтія его существованія и 2) творца „Перелицованной" Энеиды и „Наталки-Полтавки" И. П. Котляревскаго по случаю открытія въ Полтавѣ памятника ему;

и *привѣтственными телеграммами*: 1) С.-Петербургскаго Археологическаго института по случаю 25-лѣтія его существованія и 2) академика А. Н. Пыпина по случаю 50-тилѣтняго юбилея его учено-литературной дѣятельности.

Въ заключеніе сообщимъ, что Историческое Общество Нестора-лѣтописца рѣшило возобновить чтеніе публичныхъ платныхъ лекцій, имѣвшихъ такой большой успѣхъ въ недавно истекшіе годы, въ особенности же въ 1898—99 гг. Чтеніе этихъ лекцій начнется въ непродолжительномъ времени, и въ немъ примутъ участіе 10 членовъ Общества: остается только пожелать, какъ это мы дѣлали и раньше, чтобы вниманіе и сочувствіе мѣстной интеллигенціи не дало заглохнуть дѣлу публичныхъ лекцій, а напротивъ, содѣйствовало бы болѣе прочной и широкой ихъ постановкѣ въ будущемъ.



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за ноябрь и декабрь 1903 г.

I. Засѣданіе 16 ноября.

а, Д. чл. **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ сообщеніе: *„Въ память Моммзена“*.

Примѣнивъ къ кончинѣ Моммзена стихи Баратынскаго на смерть Гёте и отмѣтивъ въ общихъ чертахъ величіе плодотворной дѣятельности почившаго, докладчикъ представилъ общій обзоръ его научнаго творчества. По своему университетскому образованію Моммзенъ былъ юристъ и степени доктора правъ былъ удостоенъ въ 1843 году въ Кильскомъ университетѣ. Первая его ученая работа „De collegiis et sodalicis Romanorum“, вышедшая въ свѣтъ въ 1843 г., выдаетъ уже ученаго съ огромной эрудиціей и вполнѣ сложившимися пріемами изслѣдованія. Моммзенъ привлекъ въ число источниковъ эпиграфическій матеріалъ и придавалъ ему особенное значеніе. Въ послѣсловіи этой своей первой работы высказалъ онъ мечту объ изданіи въ одномъ „корпусѣ“ всего эпиграфическаго наслѣдія, оставленнаго римскимъ міромъ. Трехлѣтняя ученая командировка съ 1844 по 1847 годъ, которой онъ воспользовался для пребыванія, главнымъ образомъ въ Италіи, сблизила его съ Боргези, котораго онъ впослѣдствіи называлъ своимъ учителемъ. За это время онъ

выработалъ планъ корпуса латинскихъ надписей, который онъ представилъ въ Берлинскую академію наукъ въ 1847 году, и подготовилъ первый крупный трудъ, въ которомъ началъ осуществлять свой планъ: „Inscriptiones Regni Neapolitani“ (два тома in folio. 1851 г.). Съ 1852 по 1854 годъ Моммзенъ былъ профессоромъ римскаго права въ Цюрихѣ и за это время подготовилъ и издалъ второй аналогичный трудъ „Inscriptiones Confoederationis Helvetiae latinae“. Въ 1854 году Моммзенъ перешелъ на ту же каѳедру въ Бреславль, а въ 1858 году былъ приглашенъ въ Берлинъ, при чемъ занялъ уже каѳедру римской исторіи по философскому факультету. Одновременно съ тѣмъ онъ сталъ членомъ Берлинской академіи наукъ, и на него возложено было осуществленіе его завѣтной идеи, которая и стала его Lebensaufgabe, какъ говорятъ нѣмцы. Онъ организовалъ дѣло изданія корпуса, подбиралъ сотрудниковъ, распредѣлялъ работу, оставивъ значительную ея часть за собой и взялъ на себя общее руководство дѣломъ. Въ 1863 году вышелъ первый томъ корпуса, заключавшій въ себѣ надписи до смерти Цезаря. Въ отступленіе отъ общаго принципа, Моммзенъ издалъ крупные тексты, вошедшіе въ этотъ томъ, какъ-то тексты законовъ, календари и др., съ обширнымъ комментаріемъ. Весь остальной эпиграфическій матеріалъ распредѣленъ по территоріямъ, при чемъ на восточную половину имперіи отведенъ одинъ томъ, а въ западной на территоріи Италіи и Галліи—по нѣскольку томовъ, въ соотвѣтствіи съ количествомъ матеріала. Общее число томовъ 15, изъ которыхъ многіе раздѣлены на два большихъ фоліанта. Каждый томъ снабжается указателями, разработанными весьма детально. Въ настоящее время вышло 30 фоліантовъ, но изданіе еще не закончено, хотя и близко къ концу. Всякій листъ корпуса проходилъ черезъ руки Моммзена, и во всѣхъ томахъ во множествѣ разсѣяны его замѣтки, такъ что въ цѣломъ корпусъ принадлежитъ ему, не въ ущербъ чести его сотрудниковъ, работавшихъ подъ его эгидой.

Въ дополненіе къ корпусу, въ 1872 году, Моммзенъ основалъ журналъ „Ephemeris Epigraphica", въ которомъ помѣщался въ группахъ вновь открытый матеріалъ, какъ предварительное дополненіе вышедшихъ уже въ свѣтъ томовъ корпуса, а также и разнообразныя изслѣдованія, произведенныя по эпиграфическому матеріалу. Авторомъ этихъ послѣднихъ былъ почти исключительно самъ Моммзенъ. Въ текущемъ году вышелъ первый выпускъ IX тома этого изданія.

Кромѣ изданія корпуса надписей, Моммзенъ завѣдывалъ отдѣломъ „Auctores antiquissimi" въ серіи: „Monumenta Germaniae historica", и здѣсь ему лично принадлежитъ изданіе твореній Кассіодорія, Іордана и цѣлый рядъ томовъ „Chronica minora". Ему принадлежитъ также классическое изданіе Дигестъ Юстиніанова кодекса римскаго права, а кромѣ того и нѣкоторыхъ писателей древности. Онъ издавалъ въ видѣ особыхъ монографій крупные и важные эпиграфическіе памятники, какъ „Monumentum Ancyranum" (два раза: въ 1865 и 1884).

Представивъ общую характеристику издательской дѣятельности Моммзена и отмѣтивъ ея право на первое мѣсто въ его огромномъ ученомъ наслѣдіи, докладчикъ перешелъ къ характеристикѣ Моммзена какъ историка Рима. Его „Römische Geschichte" вышла въ 1854—55 гг. и выдержала въ Германіи 8 изданій. Трудъ этотъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и доставилъ Моммзену всемірную извѣстность и широкую популярность. Моммзенъ предсталъ здѣсь какъ геніальный критикъ, блестящій повѣствователь и глубокій мыслитель. Исторія Моммзена написана догматически. Та критическая переработка матеріала, которую предполагаетъ его исторія, увидала свѣтъ въ цѣломъ рядѣ монографій, къ которымъ относится его капитальный трудъ „Römisches Münzwesen" (1860 г.), и этюдовъ, которые онъ помѣщалъ въ ученыхъ журналахъ.

Въ трехъ томахъ своей Римской исторіи Моммзенъ дошелъ до 46 г. до Р. Х. Надежда видѣть продолженіе этого

труда осуществилась только отчасти. Въ 1885 году Моммзенъ выпустилъ пятый томъ, въ которомъ онъ представилъ обзоръ культурной работы Римскаго государства въ бассейнѣ Средиземнаго моря, претвореніи всѣхъ подвластныхъ Риму странъ и народовъ въ единое по духу, формамъ быта и учрежденіямъ государственное цѣлое. Кромѣ этого цѣльнаго труда, Моммзенъ издалъ несчетное количество спеціальныхъ этюдовъ по разработкѣ источниковъ, исторіи учрежденій (особенно арміи) и разъясненію фактической исторіи до позднихъ временъ.

Какъ вторая половина обработки того матеріала, на основаніи котораго написалъ Моммзенъ свою исторію, явился въ свѣтъ его колоссальный трудъ: „Römisches Staatsrecht“ въ трехъ томахъ и пяти книгахъ (съ 1861 по 1888 г.). Этимъ сочиненіемъ Моммзенъ обновилъ дисциплину „древностей“, вызвавъ однако и протестъ за чрезмѣрность теоретизаціи жизни Римскаго государства. Въ этомъ трудѣ Моммзенъ представилъ также теоретическое разсмотрѣніе власти римскаго императора, которую онъ подвелъ подъ понятіе магистратуры.

На склонѣ своихъ дней, уже въ 1899 году, Моммзенъ выпустилъ въ свѣтъ огромный, свыше тысячи страницъ, томъ, подъ заглавіемъ „Römisches Strafrecht“. За этой дисциплиной онъ признавалъ промежуточное положеніе между филологіей и юриспруденціей и, сознавая въ себѣ филолога и юриста вмѣстѣ, счелъ своимъ долгомъ восполнить давно признанный въ ученой литературѣ пробѣлъ. Хотя сочиненіе это писано на исходѣ восьмаго десятилѣтія жизни, но и въ немъ авторъ предстаетъ во всеоружіи силы и ясности своей геніальной мысли, своего дивнаго знанія, поразительнаго владѣнія матеріаломъ источниковъ. До конца дней своихъ не выпускалъ Моммзенъ изъ рукъ своего пера и послѣднимъ годомъ его жизни помѣченъ цѣлый рядъ его работъ.

Но Моммзенъ былъ не только ученымъ: съ 30-лѣтняго возраста, онъ былъ профессоромъ и оставилъ преподаваніе только уже въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія. По личнымъ воспоминаніямъ 1878—1879 года докладчикъ характеризо-

валъ отношеніе Моммзена къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ и университетскимъ слушателямъ, стекавшимся къ нему изо всѣхъ концовъ Германіи, а также изъ другихъ странъ, а въ ихъ числѣ и Россіи. Въ заключеніе докладчикъ помянулъ объ участіи Моммзена въ политикѣ настоящаго. Моммзенъ заплатилъ дань смутному времени 48 года и поплатился каѳедрой, которую тогда только что занялъ въ Лейпцигѣ. Съ пламеннымъ чувствомъ патріота переживалъ онъ возрожденіе Германской имперіи. Въ 70 году яростно боролся за германизацію Рейна. Съ 1873 по 1882 годъ былъ членомъ прусскаго ландтага, а въ 1883 году привлеченъ за политическую рѣчь къ суду, гдѣ былъ, впрочемъ, оправданъ. И въ годъ своей смерти выступилъ онъ со словомъ примиренія по поводу обостренія отношеній между Германіей и Англіей. Референтъ закончилъ обращенными къ тѣни почившаго извѣстными словами Тацита: „Si quis piorum manibus locus...“ [1]).

По предложенію г. Предсѣдателя память почившаго историка была почтена вставаніемъ присутствующихъ.

б) Д. чл. **А. М. Лобода** прочелъ докладъ: *„Женитьба кн. Владиміра св. по лѣтописнымъ и былевымъ даннымъ“*.

Референтъ, за недостаткомъ времени, ограничился критикой и сличеніемъ лѣтописныхъ записей о женитьбѣ Владиміра на Рогнѣдѣ подъ 980 и 1128 гг. Обѣ эти записи мало соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ происшествіямъ того времени, при чемъ редакція подъ 1128 годомъ даже нѣсколько точнѣе редакціи 980 г., и вообще эта послѣдняя не можетъ служить источникомъ для второй, но вмѣстѣ съ тѣмъ на столько близка къ ней, что, во всякомъ случаѣ, имѣетъ съ ней общій источникъ; въ основѣ этого источника лежали слухи, разсказы, быть можетъ, сказанія, а наиболѣе благопріятной почвой для созданія и распространенія такихъ разсказовъ, сказаній, служили событія второй половины XI и начало XII вв. Поэтому, хотя Рогнѣда, въ смыслѣ исторической личности,—внѣ сомнѣнія, но разсмотрѣнный лѣто-

---

[1]) См. „Университет. Изв.“, Кіевъ. 1904, № 3.

писный разсказъ о ней—не достовѣрное воспроизведеніе обстоятельствъ ея жизни, и здѣсь Рогнѣда уже не историческая личность, а типическая героиня легенды.

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Иванъ Францовичъ Павловскій*.

II. Засѣданіе 30-го ноября.

а). Д чл. **М. Н. Сперанскій** сдѣлалъ два сообщенія подъ заглавіемъ: *1) „Одинъ изъ сербскихъ источниковъ русской исторіи"*.

Въ прошломъ 1902 г. сербская академія въ Бѣлградѣ начала весьма важное изданіе „Зборника за историју, језык и књижевность српског народа". До сихъ поръ вышли двѣ книги 1-го отдѣла, обнимающаго по плану академіи памятники на сербскомъ языкѣ, именно книги 1-я и 2-я „Старих српских записей и натписей", собранныхъ и проредактированныхъ академикомъ Л. Стояновичемъ. Изъ числа 4700 записей и надписей для исторіи сербо-русскихъ отношеній имѣютъ значеніе всего лишь 125, относящихся по времени къ XVI—XIX в.в. (1517—1848 гг.); изъ нихъ къ XVI в. относится 8 записей и надписей, къ XVII—30, къ XVIII—около 80 и къ XIX—67; большинство этихъ записей и надписей—въ книгахъ; по содержанію онѣ касаются „списыванія" книгъ, приноса ихъ изъ Россіи, дара, пріобрѣтенія ихъ, рѣже переноса сербскихъ книгъ въ Россію, отзвука политическихъ событій, особенно войнъ Россіи съ Турціей и т. п. Записи и надписи находятся преимущественно на книгахъ богослужебныхъ и богословскихъ; книги пріобрѣтаются изъ разныхъ мѣстъ Россіи, главнымъ образомъ, изъ Москвы; есть книги изъ Кіева и даже Нѣжина. До XVI в. книги идутъ изъ Сербіи въ Россію, а съ этого вѣка начинается обратное движеніе, что вполнѣ согласуется съ политической жизнью Россіи и Сербіи. [1]).

---

[1]) Будетъ напечатано въ „Чтеніяхъ въ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца".

2, „*Рѣдкій текстъ*". Въ началѣ референтъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о положеніи того монастыря и библіотеки, гдѣ найденъ имъ этотъ текстъ. Извѣстный въ исторіи монастырь Житомисличъ расположенъ въ живописной мѣстности, недалеко отъ г. Мостара, столицы Герцеговины, на берегу быстрой р. Нерехты, у подошвы гористаго кряжа. Библіотека монастыря состоитъ изъ печатныхъ книгъ и рукописей; послѣднихъ числится 40; всѣ на бумагѣ; дальше конца XVI и начала XVII в. онѣ не восходятъ; ими пользовались уже многіе ученые, сербскіе и русскіе, но далеко не исчерпали ихъ содержанія. Изъ числа монастырскихъ рукописей вниманіе референта было привлечено рукописью подъ заглавіемъ: „Панигирикъ", сборникъ XVI в., на 349 л.л., въ листъ; много листовъ сборника уже утрачено. Интересъ рукописи заключается въ томъ, что она вся состоитъ изъ апокрифическо-легендарныхъ памятниковъ; всѣхъ ихъ было 50; наиболѣе цѣннымъ, по мнѣнію референта, слѣдуетъ признать „Слово о Іосифѣ благообразномъ, иже тѣло Господа Бога и Спаса нашего погребе", помѣщенное на л.л. 169—174 об. Текстъ этого памятника уже напечатанъ Ю. Даничичемъ въ изданіи Юго-Славянской академіи (кн. IV за 1872 г., стр. 140—154) по Карловицкой патріаршей рукописи XVII вѣка. Текстъ мон. Житомислича близко подходитъ къ напечатанному, отличаясь лишь мелкими особенностями, такъ что теперь является полное право гадать о существованіи одного первоначальнаго сдѣланнаго съ греческаго текста перевода. Содержаніе текста принадлежитъ къ циклу такъ называемыхъ „страстныхъ" легендъ, стоящихъ въ связи съ исторіей крестныхъ страданій Спасителя и судьбой лицъ, имѣющихъ отношеніе къ этимъ событіямъ; въ данномъ случаѣ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о преданіи Христа Іудой, о Гестѣ и Дизмѣ, зломъ и благочестивомъ разбойникахъ, и объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, отъ лица котораго и ведется разсказъ. По мнѣнію референта, это „Слово" находится въ тѣсной связи съ извѣстнымъ Никодимовымъ евангеліемъ, и оба они происходятъ отъ одного греческаго первообраза, не дошедшаго до насъ; поэтому текстъ

„Слова“ представляетъ существенное значеніе для возстановленія и изученія самаго греческаго текста. [1])

б) Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** представилъ результаты своего изслѣдованія матеріала, собраннаго членами Коммиссіи по описанію древностей Украины, учрежденной при Обществѣ Нестора-лѣтописца, въ сообщеніи: *„Деревянная церковная архитектура въ Юго-Западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв.“*.

Русская деревянная архитектура обратила уже на себя вниманіе такихъ изслѣдователей, какъ В. Сусловъ; но изученіе ея онъ ограничиваетъ только сѣверной половиной Россіи, южная же архитектура до сихъ поръ остается въ полномъ пренебреженіи и безслѣдно гибнетъ; между тѣмъ въ этихъ произведеніяхъ отразилось и народное творчество и народный художественный вкусъ. Развитіе рус. архитектуры должно было начаться съ принятіемъ христіанства при Владимірѣ св. и находиться всецѣло въ зависимости отъ того матеріала строительнаго, которымъ была богата Русь. Изученіе южно-русской деревянной архитектуры параллельно съ сѣверной важно въ томъ отношеніи, что покажетъ взаимодѣйствіе этихъ двухъ вѣтвей одного общаго русскаго деревян. зодчества; это взаимодѣйствіе, даже при настоящихъ скудныхъ о южно-рус. архитектурѣ данныхъ, признается такими знатоками этого вопроса, какъ упомянутый выше В. Сусловъ (сходство, напр., съ малор. церквами наблюдается въ архитектурѣ церквей Василія Блаженнаго, Рождества въ Путинкахъ, Воскресенія въ Гончарахъ въ Москвѣ, въ церкви Іоанна Предтечи въ Казани, въ Вязьмѣ въ Ивановскомъ монастырѣ и проч.); но распространеніе типа малорусскихъ церковныхъ построекъ было остановлено на сѣверѣ запретительными указами царя Алексѣя Михайловича. Въ первой половинѣ XIX в., послѣ изслѣдованій г.г. Мартынова, Снегирева, Рихтера и друг., пробуждается интересъ къ сѣверно-русской архитектурѣ и начинается распространеніе этого типа повсюду въ Россіи. Обращаясь затѣмъ къ особенно-

[1]) Помѣщено въ сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, издан. въ честь проф Т. Д. Флоринскаго.

стямъ малорус. архитектуры, референтъ прежде всего замѣтилъ, что сохранившіяся церкви не восходятъ далѣе начала XVII в. (Успенская церковь м. Полоннаго) и даже конца XVI в. (Михайлов. церковь въ с. Субботовѣ), и затѣмъ представилъ тѣ формы, въ какихъ выразился національный типъ южнорусской архитектуры. Прежде всего, малорусскія церкви лишены фасадовъ и наружныхъ украшеній и протягиваются въ длину отъ востока къ западу, имѣя три купола; этотъ типъ трехкупольной церкви является самымъ распространеннымъ; разсмотрѣвъ подробно строеніе этого типа, референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію другихъ малорусскихъ типовъ: однокупольнаго и пятикупольнаго, представивъ образцы этихъ типовъ въ фотографическихъ снимкахъ древнихъ церквей юго-западныхъ губерній; подобно церквамъ, и колокольни имѣютъ свои особенности на югѣ Россіи; разсмотрѣвъ нѣсколько образцовъ ихъ, г. Павлуцкій далъ нормальный типъ малорусской колокольни.

Перейдя къ вопросу о происхожденіи малорусскаго зодчества, референтъ не соглашается съ мнѣніемъ г. Норбекова о происхожденіи малорусскаго типа съ сѣвера и вполнѣ присоединяется ко взгляду гг. Суслова и Стасова на разницу въ сѣверномъ и южномъ типѣ построекъ и на обратное ихъ отношеніе между собой во взаимодѣйствіи. Далѣе г. Павлуцкій разсмотрѣлъ типы сѣверныхъ и южныхъ церковныхъ построекъ и установилъ между ними различіе, указавъ на ихъ внутреннія и внѣшнія особенности, при чемъ также указалъ на мнѣніе гг. Суслова и Даля о происхожденіи малорусскихъ церквей съ Запада, что особенно замѣтно въ деталяхъ архитектуры, и на мнѣніе гр. А. С. Уварова, находившаго родину южно-русскаго типа въ Галичинѣ. Разсмотрѣвъ типы западно-славянскихъ, германскихъ и норвежскихъ церквей, авторъ пришелъ къ заключенію, что, благодаря родственнымъ чертамъ, связывающимъ малорусскую архитектуру съ западно-славянскою, памятники которой восходятъ къ XV, XIV и даже XIII вв., и съ норвежской, церкви которой относятся къ XII в., можно утвердительно сказать, что мало-

русскій архитектурный типъ самостоятельно существовалъ въ Россіи съ очень давняго времени, потому что если бы малорусская архитектура возникла позже, напр. въ XVI и XVII вв., когда она подчинялась католическому западу, то она должна была бы носить на себѣ слѣды латинскаго вліянія. Что касается до сѣверно-русской деревянной архитектуры, то, по мнѣнію референта, въ ней отразилась нѣмецкая готика, распространителями которой на сѣверѣ были Новгородскіе и Псковскіе плотники, славившіеся своимъ искусствомъ еще съ XI в. Не смотря на то, что южно-русская и сѣверно-русская архитектуры вдохновляются чужими формами и затѣмъ взаимно вліяютъ одна на другую, ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать только подражательными; русскіе мастера не рабски копировали западные образцы, а перерабатывали ихъ въ собственномъ умѣ и сердцѣ, и въ ихъ искусствѣ водворялась созидающая сила, которая и сдѣлала деревянное зодчество юга и сѣвера Россіи оригинальнымъ изображеніемъ національнаго творческаго генія. Поэтому, заключаетъ референтъ, на южно-русское и сѣверно-русское деревянное зодчество надо смотрѣть какъ на двѣ вѣтви одного и того же искусства, которыя только впослѣдствіи, разобщенныя политической жизнью того и другого края, потерпѣли нѣкоторыя видоизмѣненія.

Въ оживленныхъ преніяхъ по поводу этого доклада принимали участіе члены: Г. Д. Флоринскій, В. С. Иконниковъ, О. И. Левицкій, А. А. Дмитріевскій, Н. П. Дашкевичъ, А. В. Стороженко и В. З. Завитневичъ.

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйствительные члены Общества избранъ *Павелъ Николаевичъ Ардашевъ*.

Затѣмъ г. Предсѣдателемъ было прочтено полученное имъ письмо профессора Харьковскаго университета М. Дринова съ выраженіемъ благодарности за привѣтственную телеграмму, посланную отъ имени Общества по случаю празднованія 35 лѣтняго юбилея научной и педагогической дѣятельности проф. Дринова.

III. Засѣданіе 14 декабря.

а) Г. **И. В. Шаровольскій** сообщилъ „*О славянскихъ заимствованіяхъ въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ*" *].

Заимствованныя слова представляютъ большой интересъ для современной науки. При отсутствіи другихъ данныхъ, они являются цѣннымъ матеріаломъ для филологическихъ построеній: на основаніи ихъ неоднократно удавалось указать характерныя черты создавшаго ихъ языка, о которомъ инымъ путемъ можно пріобрѣсть лишь ничтожныя свѣдѣнія.

Соотвѣтствуя вполнѣ этому выработанному въ наукѣ пріему, произведенная референтомъ работа имѣетъ цѣлью показать, что славянскія слова, заимствованныя сѣверными германскими племенами, могутъ играть видную роль при возстановленіи исторіи языка прибалтійскихъ славянъ до XVII в.

О славянскихъ словахъ, проникшихъ въ Скандинавію, существуютъ два изслѣдованія: 1) Fredr. Tamm, Svenska ord belysta genom slaviska och baltiska språken—было помѣщено въ Upsala universitets årskrift за 1881 годъ; 2) Jos. J. Mikkola, Bidrag till belysning af slaviska lånord i nordiska språk—появилось въ журналѣ Arkiv för nordisk Filologi за 1903 годъ. Заслуга проф. Tamm'а заключается въ томъ, что онъ указалъ цѣлый рядъ шведскихъ и вообще скандинавскихъ словъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ славянъ. Но въ частностяхъ съ нимъ согласиться невозможно: сдѣланныя имъ попытки болѣе точнаго опредѣленія родины такихъ словъ должны быть признаны неудачными; авторъ не принялъ во вниманіе исторіи языковъ и поэтому не имѣлъ надлежащей точки опоры для такой работы, какъ не имѣлъ онъ ея и для установленія времени заимствованія. Желая восполнить этотъ недостатокъ, г. Mikkola, авторъ второй работы, ставитъ себѣ задачей доказать, „что, по крайней мѣрѣ, часть славянскихъ заимствованныхъ словъ—остзейско-вендскаго происхожденія". Разсматривая внимательно статью г. Mikkola, приходится

*) См. „Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому" К. 1904, и отдѣльный оттискъ.

признать, что эту задачу онъ разрѣшилъ удачно: въ большинствѣ случаевъ его положенія основаны на непоколебимыхъ данныхъ исторіи языковъ.

Къ сожалѣнію, работа г. Mikkola слишкомъ кратка, и количество приведенныхъ имъ словъ недостаточно для выполненія основной задачи нашего этюда. Слѣдовательно, приходится намъ самимъ пополнить съ этой стороны работу шведскаго ученаго. Вотъ списокъ тѣхъ словъ, которыя, по нашему мнѣнію, проникли къ скандинавамъ отъ прибалтійскихъ славянъ: *besman, Bjálkaland, brakun, Bält, gräns, gurka, mänt, mänta, palt, pasman, riska, räka, serkr, siska, Svante, tolk, torg.*

Какъ ни малъ приведенный списокъ, но и онъ позволяетъ уже угадать нѣкоторыя черты прибалтійско-славянскаго языка древняго періода (до XVII в.).

Прежде всего, онъ расширяетъ наше представленіе о лексическомъ составѣ названнаго языка такъ какъ слова: *bizman, tulk, bialka* и др.; лишь изрѣдка встрѣчаются у славянскихъ народовъ, то было бы вѣроятнѣе a priori отрицать ихъ наличность и въ интересующемъ насъ языкѣ, и только знакомство съ заимствованными словами скандинавовъ убѣждаетъ окончательно въ противномъ.

Кромѣ того, на основаніи приведеннаго списка словъ, можно указать нѣкоторыя фонетическія черты прибалтійско-славянскаго языка; особенный интересъ представляютъ 1) тѣ изъ нихъ, которыя исчезли въ очень раннюю пору и едва засвидѣтельствованы мало достовѣрными примѣрами, находимыми въ латинскихъ грамотахъ; будучи взяты сами по себѣ, такіе примѣры могутъ внушить сомнѣніе, и лишь при сопоставленіи съ заимствованными словами сѣверныхъ языковъ они пріобрѣтаютъ полную достовѣрность. 2) Не менѣе важны также и тѣ особенности, которыя встрѣчаются лишь въ позднѣйшій періодъ развитія языка прибалтійскихъ славянъ, т. е. послѣ XVII в., но не засвидѣтельствованы въ болѣе раннихъ латинскихъ памятникахъ; заимствованныя слова, сохранившія ту или иную изъ подобныхъ особенностей, могутъ способствовать опредѣленію времени ея возникновенія:

заимствованія въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе termini ante quem.

I. 1) Праславянская группа *talt*=прибалтійско-славянской *talt*, какъ показываетъ слова: *Bält* (изъ *baltin)* и *palt*.

2) Замѣна ударяемаго *a* черезъ *o*, наблюдаемая въ кашубскомъ и полабскомъ, отсутствовала въ языкѣ прибалтійскихъ славянъ болѣе ранняго періода, какъ показываетъ шведское *pasman*, соотвѣтствующее полабскому *posmą*.

II. 1) Суффиксъ уменьшительныхъ именъ муж. рода *ъk*=*ka*, *ik*=*ika;* эту замѣну мы встрѣчаемъ въ позднѣйшую пору въ полабскомъ языкѣ, въ грамматикѣ же она не попадается; но что она была свойственна рѣчи прибалтійскихъ славянъ и ранѣе XVII в., свидѣтельствуютъ шведскія *gurka, riska, siska*.

2) Въ полабскомъ языкѣ встрѣчались уменьшительныя формы, образованныя при помощи суффикса ąt и принадлежащія къ основамъ на-ąt=ѧт. Примѣровъ подобныхъ образованій нѣтъ въ старыхъ документахъ, но шведское *pasman*, заимствованное, вѣроятно, въ XIII в. или раньше, показываетъ, что они были свойственны языку вымершихъ славянъ уже въ ту отдаленную эпоху.

Сообщенныя здѣсь данныя выясняютъ, по мнѣнію референта, въ достаточной степени ту роль, какую могутъ играть слова, заимствованныя шведами отъ прибалтійскихъ славянъ, при построеніи исторіи языка послѣднихъ.

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе члены: Н. П. Дашкевичъ, В. З. Завитневичъ и А. М. Лобода.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ**, разсмотрѣвъ содержаніе *„Договоровъ о сооруженіи церквей въ Малороссіи въ XVIII-мъ в.“*, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Строителями церквей были мѣстные благотворители, землевладѣльцы или городскія общества.

Производство строительнаго матеріала (кирпичей, извести, досокъ, жести кровельной и проч.) было мѣстное.

Изъ мастеровъ каменщики - подрядчики вызывались изъ западныхъ городовъ: Вильны, Могилева, Кіева; осталь-

ные мастера, такъ же какъ и художники (живописцы, рѣзчики и проч.), были мѣстными жителями.

Плата за работу производилась и огульно, и поштучно, и за извѣстный періодъ времени (за недѣлю, за лѣто), а выдавалась частью деньгами, частью съѣстными припасами и частью одеждой.

Строившіяся церкви до половины XVIII в. имѣли форму трехкупольную и однокупольную, а съ указаннаго времени онѣ начинаютъ сооружаться „по образцу новаго маneру".

Современники XVIII в. признавали красоту малорусскихъ построекъ и искусность мѣстныхъ мастеровъ (свящ. Іоаннъ Лукьяновъ въ 1701 г.).

Въ обсужденіи этого доклада приняли участіе д. члены В. З. Завитневичъ и О. И. Левицкій.

в) Затѣмъ имъ же (г. Каманинымъ) сдѣлано сообщеніе объ археологической экскурсіи студента Университета св. Владиміра *В. М. Щербаковскаго* въ Радомысльскій и Сквирскій уѣзды (Кіев. губ.) лѣтомъ 1903 г.

Заинтересованный работами членовъ Коммиссіи по описаніи древностей Украины, В. М. Щербаковскій въ августѣ минувшаго лѣта совершилъ экскурсію въ нѣсколько селъ, расположенныхъ въ смежныхъ частяхъ уѣздовъ Сквирскаго и Радомысльскаго, Кіевской губ., съ цѣлью сфотографировать старинныя церкви, сохранившуюся въ нихъ утварь, иконы и проч., вообще все, что обращаетъ на себя вниманіе своей древностію или самобытностію. Ему удалось посѣтить 8 селъ Радомысльскаго уѣзда и 14—Сквирскаго; но во многихъ изъ нихъ старинныхъ церквей уже не сохранилось. Церкви, имъ сфотографированныя, по времени построенія относятся всѣ къ XVIII вѣку и служатъ представительницами двухъ архитектурныхъ типовъ: однокупольнаго и трехкупольнаго.

Однокупольныхъ церквей г. Щербаковскій встрѣтилъ только двѣ, въ с. Кривомъ (1789 г.) и с. Озерахъ, Сквир. уѣзда. Церковь въ с. Кривомъ отличается особенностью, весьма рѣдко встрѣчаемой: у нея съ западной стороны надъ входомъ очень большой фронтонъ, съ нарисованной на немъ иконой.

Обѣ однокупольныя церкви построены въ видѣ креста, а куполъ поддерживается восьмигранникомъ.

Относительно трехкупольныхъ церквей должно замѣтить, что онѣ не страдаютъ однообразіемъ. Среди нихъ можно отмѣтить три разряда: 1) Средній восьмерикъ широкій и низкій и на немъ широкая и невысокая главка; таковы церкви въ селахъ: Вчерайшемъ, Войтовцахъ и Соболевкѣ, Сквир. уѣзда, и Карабачинѣ, Радомысльскаго. 2) Узкій высокій восьмерикъ съ такимъ же куполомъ и главкой въ м. Брусиловѣ и с. Болячевѣ, Радомысл. уѣзда. 3) Третій типъ—средній между первыми двумя въ м. Корнинѣ, с. Лучинѣ, с. Липкахъ, Сквирскаго уѣзда, и въ с. Водотыяхъ и с. Соловьевкѣ, Радомыс. уѣзда. 4) Кромѣ того онъ встрѣтилъ двѣ трехкупольныя церкви совершенно оригинальнаго типа: а) въ селѣ Мохначкѣ, Сквир. у.; средній куполъ восьмигранный поддерживается восьмерикомъ, а два крайніе купола четырехгранные и опираются прямо на стѣны корпуса церкви. б) Церковь въ селѣ Турбовкѣ столь малыхъ размѣровъ, что даже въ иконостасѣ не хватаетъ южныхъ малыхъ дверей; по устройству куполовъ она напоминаетъ предыдущую, но купола столь незначительныхъ размѣровъ, что два малые четырехранные закрыты крышей, а средній опирается на восьмерикъ, не имѣющій даже оконъ.

Необходимо замѣтить, что 1) во всѣхъ сфотографированныхъ ст. Щербаковскимъ церквахъ не встрѣчается фальшивыхъ главокъ, т. е. такихъ, подъ которыми нѣтъ купола; 2) купола никогда изнутри не бываютъ зашалеваны.

Во всѣхъ встрѣтившихся ему церквахъ придѣлы позднѣйшаго происхожденія, не ранѣе 1840 года.

Колокольни всегда стоятъ отдѣльно отъ церквей; особенно красивы колокольни въ с. Лучинѣ, и с. Липкахъ, Сквир. уѣзда. и въ с. Водотыяхъ, Радомысльскаго уѣзда.

Наружность церквей этихъ поражаетъ строгостью и спокойствіемъ своего стиля. Полная гармонія частей, отсутствіе наружныхъ украшеній, яркихъ красокъ и пестроты, ясно выраженное стремленіе вверхъ, къ небу, съ перваго же взгляда

поражаютъ зрителя, наполняютъ его душу спокойствіемъ и поднимаютъ его духъ, отвлекая его отъ мыслей о земномъ. Приходится невольно удивляться генію старыхъ архитекторовъ, съумѣвшихъ создать типъ церквей, не только вполнѣ соотвѣтствовавшій потребностямъ своей эпохи, но и теперь, въ наше время, нисколько не потерявшій своего значенія.

Внутренность трехкупольной церкви отличается такъ же ясностію общей мысли, строгостью и симметріей, какъ и наружный ея видъ. Какъ особенность, можно отмѣтить: отсутствіе солеи (возвышенія предъ царскими вратами и иконостасомъ), и расположеніе клиросовъ въ почтительномъ разстояніи отъ иконостаса, обыкновенно въ заднихъ углахъ средней части церкви, а также присутствіе хоръ почти въ каждой церкви. Иконостасъ сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе живописцевъ и скульпторовъ, фантазіи которыхъ, кажется, нѣтъ предѣловъ. Иконостасы всегда очень высоки: отъ 4-хъ до 6-ти ярусовъ. На ихъ верхушкѣ покоится обыкновенно рѣзное деревянное распятіе, а часто даже и цѣлая Голгофа съ колѣнопреклоненными скорбящими женщинами и ангелами, также рѣзными, или, лучше сказать, скульптурными. Наиболѣе частый мотивъ иконостаснаго орнамента—виноградная лоза, символъ христіанскаго ученія. Изъ иконостасовъ, встрѣтившихся г. Щербаковскому, слѣдуетъ отмѣтить иконостасъ въ церкви Св. Троицы въ селѣ Мохначкѣ (1745); въ немъ великолѣпной работы мѣстныя иконы деревянныя барельефныя, вызолоченныя, лики у этихъ иконъ расписаны красками. Весьма изященъ иконостасъ Воскресенской церкви (1711 г.) м. Брусилова, построенный въ 1766 г. Въ немъ красивыя рѣзныя колонны съ діаметромъ въ 6 вершк. и высотою до $8^1/_2$ аршинъ, стоятъ впереди иконостаса прямо на полу: такихъ колоннъ 8. Надъ царскими вратами помѣщается икона Бож. Матери Одигитріи, съ поддерживающими ее скульптурными деревянными ангелами. По отзывамъ спеціалистовъ, теперь въ Россіи такихъ иконостасовъ дѣлать не умѣютъ. Оригиналенъ иконостасъ и царскія врата, изображающія древо Іессеево, въ церкви с. Соболевки. Обращаетъ на себя вниманіе

также иконостасъ и царскія врата въ церкви с. Водотый. Здѣсь царскія врата представляютъ изъ себя 2 вазона съ растущими въ нихъ какими-то странными растеніями и изображеніями святыхъ, вмѣсто плодовъ. Изъ деревянной скульптуры сохранились также еще статуэтки апостола Петра и св. Николая въ церкви (1764) с. Липокъ, высотою до 40 сантиметровъ. Въ деревнѣ Лосовкѣ статуя Іосифа Обручника съ младенцемъ Іисусомъ, въ ростъ человѣка, вырѣзанная изъ дуба, помѣщается въ капличкѣ; нижней своей частью закопана въ землю. Въ с. Соловьевкѣ есть остатки стараго иконостаса въ старой церкви: скорбящія женщины и ангелы.

Изъ иконъ 1) самая древняя—это икона Страстей въ Воскресенской церкви м. Брусилова, обновленная въ 1658 г. Она замѣчательна тѣмъ, что мучители изображены на ней въ видѣ польскихъ жолнеровъ и Запорожскихъ козаковъ.

2) Іисусъ, срывающій оковы съ грѣшниковъ въ аду.

3) Нѣсколько картинъ мытарствъ св. Өеодоры. На одной изъ нихъ изображены мученія въ огненной пасти змія грѣшниковъ, среди которыхъ отмѣчены надписями Твардовскій и Арій—въ с. Бѣлкахъ, Сквирскаго уѣзда.

4) Въ с. Гнильцѣ, Сквир. у.,—икона Божьей Матери (особо-чтимая), обнимающей Отрока Іисуса.

5) Въ с. Соловьевкѣ—икона Богоматери, любующейся младенцемъ, лежащимъ у ея ногъ.

6) Въ с. Лучинѣ—икона Спаса съ крупными складками на лбу.

7) Въ с. Голякахъ, Сквир. уѣзда, икона Б. Матери Одигитріи, при чемъ ручка младенца обнимающаго Б. Матерь, на правой щекѣ ея.

8) Въ с. Водотыяхъ интересна икона, изображающая бѣгство Іосифа въ Египетъ.

9) Въ с. Озерахъ—икона Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ съ надписью: Ecce homo.

10) Въ с. Кривомъ—икона В. Матери Одигитріи. Лицо ея слишкомъ узко по сравненію съ лицомъ младенца Христа.

11) Въ с. Липкахъ—очень красивъ запрестольный образъ Богоматери (барельефъ).

12) Тамъ же—иконы Георгія Побѣдоносца и взятіе пророка Иліи на небо.

13) Тамъ же—икона Маріи Египетской въ видѣ турчанки.

14) Двѣ иконы Богоматери.

15) Распятіе; это—совсѣмъ потемнѣвшая икона съ надписью: mors tua—vita mea.

16) Въ м. Верховнѣ, Сквир. уѣзда,—икона св. Варвары 1784 г., великолѣпной живописи, съ надписью на мечѣ: „Тула", хотя сама икона чисто мѣстной работы; лицо польскаго типа.

17) Тамъ же—алтарное зеркало съ распятіемъ, нарисованнымъ красками на задней стѣнкѣ стекла до амальгамированія, и потомъ уже покрытой амальгамой,—вслѣдствіе чего на лицѣ человѣка, глядящаго въ зеркало, видно распятіе.

18) Иконы Богоматери и вѣнчаніе Богоматери въ с. Мохначкѣ:

19) Тамъ же упомянутыя выше мѣстныя барельефныя иконы, чудной работы.

20) Иконы Спаса, выжимающаго сокъ изъ виноградной кисти на лозѣ, растущей у Него изъ раны, встрѣтились въ селахъ: Войтовцахъ, Голякахъ, и Водотыяхъ.

21) Въ с. Войтовцахъ мѣстныя иконы очень хороши въ стилѣ итальянской школы.

22) Тамъ же—икона Страстей 1743 г.

23) „ икона св. Онуфрія 1777 г., съ польской записью чуда, совершеннаго св. Онуфріемъ.

24) Тамъ же—икона св. Троицы 1789 г.

25) Въ с. Бѣлкахъ, Сквир. у., интересны иконы: а) св. Варвары и б) Мудрыхъ дѣвъ,—на той и другихъ одежды украшены цвѣтами.

26. Въ с. Соловьевкѣ сохранилась въ старой церкви, подлежащей разрушенію, стѣнная живопись, и г. Щербаковскимъ сфотографированы картины 1-го и 7-го вселенскихъ соборовъ.

27) Въ м. Брусиловѣ сохранились также еще, кромѣ упомянутыхъ, иконы Спасителя и Б. Матери въ кіотахъ очень старыхъ; икона Спасителя сооружена въ 1753 г.

28) Въ церкви с. Карабачина заслуживаетъ вниманія икона св. Онуфрія.

Изъ утвари и крестовъ 1) въ с. Голякахъ (церковь новая 1876) сохранилась деревянная чаша съ крышкой.

2) Въ Болячевѣ (1794 г.)—деревянный трикирій и дарохранительница, металлическая, старинная; деревянная мирница.

3) Въ Водотыяхъ—2 креста большихъ, носимыхъ во время крестныхъ обхожденій, деревянныхъ съ скульптурнымъ распятіемъ работы крестьянина изъ с. Оссовецъ, конца первой половины минувшаго столѣтія.

4) Въ с. Кривомъ—2 креста деревянныхъ со скульптурными распятіями, напрестольныхъ; мирница и чаша 1804 г.

5) Въ м. Корнинѣ—горное мѣсто, уніатское. Напрестольный крестъ деревянный, рѣзанный изъ кипариса св. Димитріемъ Чернявскимъ. Старостино мѣсто и клиросъ, раскрашенные странными цвѣтами.

6) Въ м. Верховнѣ—вышеупомянутое зеркало съ распятіемъ, дарохранительница, деревянные рѣзные подсвѣчники и прочая напрестольная утварь носятъ на себѣ слѣды опытной руки и оригинальности. Чаша металлическая 1771 г., съ надписью: Z miasta Brusilova z cerkvi Zmertwychwozstania.

Книгъ, обратившихъ на себя вниманіе экскурсанта, нашлось 33.

По типографіямъ ихъ можно распредѣлить такъ:

а) Изданій Кіево-печерской Лавры, числомъ 6:

1) 1695 г. Апостолъ за Мелетія Вуяхевича и патр. Адріана.

2) 1724 г. Цвѣтная тріодь.

3) 1743 г. Тріодь постная.

4) 1742 г. Тріодь цвѣтная. На послѣдней страницѣ записаны ноты: „Да молчитъ всякая плоть человеча.“.

5) 1761 г. Цвѣтная тріодь, со вкладной записью, въ которой указано, что книга передана „изъ веси Водотый до веси Волячева“, съ обычными заклятіями.

6) 1763 г.—Требникъ.

б) Изданій Почаевской Лавры числомъ 3:

1) и 2) два Евангелія изданія 1743 г.

3) Община, сиречь служебникъ общій, благословеніемъ Сильвестра Руднѣцкаго, 1756 г.

в) Изданій Львовскаго Братства типографіи храма Успенія Богородицы двѣ книги:

1) 1721 г. Евангеліе, сирѣчь благовѣстіе. Богодухновенный Евангелистъ. Красивое изданіе.

2) 1722 г. Евангеліе, со вкладной записью, указывающей, что книгу купилъ священникъ Даніилъ Сухоставскій во Львовѣ за таларовъ битыхъ полста и подарилъ ее храму пресв. Богородицы въ с. Болячевѣ.

г) Изданій Львовскихъ вообще числомъ 5:

1) 1722 г. Евангеліе.

2) 1757 г. Минея общая.

3) Псалтырь приблизительно 1761—62 г.г.

4) 1785 г. Евангеліе.

5) 1787 г. Мѣсячная минея.

д) Унѣвское одно изданіе, именно, 1730 г.: Λειτουργικον по чину Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Григорія Двоеслова.

е) Черниговское одно изданіе 1685 года: соч. Лазаря Барановича.

Въ другихъ книгахъ сохранились указанія на издателей (но не типографіи):

а) изданій Святѣйшаго Синода одна книга: Тріодь постная 1724 г.

б) Сильвестра Руднѣцкаго—2 книги:

1) 1761 г. книга миней, издан. при королѣ Августѣ III.

2) 1785 г. Ирмологіонъ (второе изданіе).

в) Шептыцкаго—1739 г. Требникъ.

Книги съ датами, но безъ указаній на имена издателей:

1) 1710 г. Служебникъ.

2) 1729 г. Часословъ, пожертвованный Кіевской мѣщанкой Анной Сиворылой церкви села Болячева.

3) 1732. Служебникъ, пожертвованный той же Кіевской мѣщанкой.

4) 1753 г. Евангеліе, со вкладной записью, въ м. Брусиловѣ.

5) 1756 г. Апостолъ.

6) 1776 г.—Служебникъ.

7) 1785 г. Требникъ уніатскій.

8) 1795 г. Собраніе краткихъ поученій изъ твореній отцовъ церкви.

9) 1768 г. Октоихъ мелкой Кіевской печати въ с. Кривомъ.

Еще нѣсколько книгъ безъ датъ:

1) Λειτουργιαριον (между патріаршествомъ благословеніемъ преосв. Соб....?) въ с. Соловіевкѣ.

2) Старая тріодь въ с. Голякахъ.

Изъ рукописей самыя старыя это книги wizit, затѣмъ приходо-расходныя книги и описи церковнаго имущества.

а) Wizit'ы:

1) 1771 г. въ м. Брусиловѣ 2 тетради; въ нихъ указано время построенія храма и способъ собиранія денегъ: посылали „старців" собирать деньги на постройку; тамъ же нашлись указанія и на остатки ранѣе бывшей церкви. Написаны визиты по-польски, а частью и по-малорусски.

2) Въ с. Гнильцѣ сохранилась wizita, а въ ней запись, въ которой указано, что въ 1740 г. получено разрѣшеніе на постройку двуглавой сосновой церкви съ дубовымъ бабинцемъ. Написана визита по-польски. Разрѣшеніе получено отъ консисторіи Бѣлиловской. Къ этой же визитѣ пришито нѣсколько листовъ, исписанныхъ четкимъ почеркомъ по-польски.

б) Описи церковнаго имущества:

1) Въ с. Войтовцахъ 1820 г.

2) Въ м. Брусиловѣ 1772 г. и приходо-расходная книга.

3) Въ с. Гнильцѣ—приходо-расходная книга 1801 г.

Въ заключеніе, г. Щербаковскій говоритъ, что мѣры, принимаемыя до сихъ поръ къ сохраненію древностей въ сельскихъ церквахъ, слишкомъ недостаточны, и памятники старины быстро исчезаютъ.

Въ виду этого необходимо признать особенно своевременнымъ фотографированіе всего, что носитъ на себѣ отпечатокъ стариннаго искусства, щедро разбросаннаго по всему нашему Юго-Западному краю, и приложить стараніе, чтобы захватить хоть что-нибудь. Для этого, конечно, необходимы средства матеріальныя, и лица, доставляющія ихъ, заслуживаютъ особенной благодарности всякаго, интересующагося стариной.

Г. Щербаковскій выражаетъ, поэтому, свою искренюю благодарность инженеру М. К. Васильеву, который далъ ему возможность совершить археологическую экскурсію въ упомянутые уѣзды, результаты которой изложены выше.

Чтеніе этого сообщенія сопровождалось демонстраціей фотографическихъ снимковъ описанныхъ выше предметовъ старины, объясненія къ которымъ давалъ В. М. Щербаковскій.

в) Д. чл. О. И. Левицкій кратко изложилъ содержаніе реферата отсутствующаго д. чл. **И. Ф. Павловскаго:** *„Когда прекратилось существованіе приходскихъ школъ въ Старой Малороссіи?"*

Свѣдѣнія о приходскихъ школахъ въ Старой Малороссіи и причинѣ ихъ уничтоженія заключаются въ дѣлахъ архива Полтавскаго Губернскаго Правленія за 1803—1805 гг. и были собраны по требованію малороссійскаго генералъ-губернатора кн. Ал. Бор. Куракина; онъ горячо сочувствовалъ дѣлу народнаго просвѣщенія и желалъ по мѣрѣ силъ своихъ привести въ исполненіе тѣ правила объ учрежденіи по губерніямъ училищъ, которыя были утверждены 24 января 1803 г. и предложены тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскимъ мѣстнымъ властямъ для осуществленія. Изложенію содержанія дѣлъ объ открытіи приходскихъ школъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской референтъ предпослалъ сообщеніе о шко-

лахъ, какія существовали въ Малороссіи до конца XVIII в.; по его мнѣнію, онѣ созданы были самимъ ходомъ культурной жизни страны подъ вліяніемъ просвѣтительнаго движенія, начатаго церковными братствами въ эпоху борьбы за вѣру и народность и затѣмъ поддержаннаго образовательнымъ вліяніемъ высшаго училища въ краѣ—Кіевской академіи. Ревизскія полковыя книги 1740—48 даютъ цыфру школъ въ семи полкахъ—866 (въ Нѣжинскомъ—217, Лубенскомъ—172, Черниговскомъ—154, Переяславскомъ—119, Полтавскомъ—98, Прилуцкомъ—69 и Миргородскомъ—37; объ остальныхъ полкахъ свѣдѣнія утрачены); въ этихъ же полкахъ было 35 городовъ, 60 мѣстечекъ, 794 села и 217 деревень и слободокъ; слѣдов., очень немногія изъ селъ не имѣли школъ. Школы находились при церквахъ въ особомъ зданіи, а преподавателями въ нихъ были дьячки (панъ-дякъ, панъ-бакаляръ) и ихъ помощники (подьячіи) изъ сиротъ, прислуживавшіе въ церкви при богослуженіи (клиросники и псаломщики); они назывались школьниками и молодиками, не смотря даже на годы, доходившіе до 40. Молодики часто и сами занимались обученіемъ; недовольные жизнью въ одномъ селѣ, они переходили въ другое; ихъ называли поэтому „мандроваными дяками", напоминающими собою нѣмецкихъ vagi scholares, бакхантовъ и польскихъ rybałtow; такіе дьячки-преподаватели возникли и держались благодаря существованію выборнаго начала въ замѣщеніи церковныхъ должностей и права свободнаго передвиженія; типы такихъ дьячковъ увѣковѣчены и въ литературныхъ памятникахъ XVIII в. (интерлюдіяхъ) въ лицѣ „пиворѣзовъ", вмѣстѣ съ характеристикой тогдашней школы и господствовавшихъ въ ней пріемовъ обученія. За выучку они брали отъ 50 коп. до 2 руб., а погодно отъ 4 до 5 руб. Указанныя выше приходскія школы стали исчезать послѣ ревизіи 1782 г., обнаружившей постоянные переходы дьячковъ съ мѣста на мѣсто, результатомъ чего было прикрѣпленіе всѣхъ и каждаго къ опредѣленному мѣсту жительства и роду занятій. Мнѣніе, что только ревизія 1782 г. имѣла слѣдствіемъ исчезновеніе старыхъ дьяч-

ковскихъ школъ, было высказано Кременчугскимъ нижнимъ земскимъ судомъ и поддержано Полтавскимъ губернаторомъ; но существовала-ли дѣйствительно причинная связь между однимъ и другимъ явленіемъ, не доказано. Къ тому времени, когда князь Куракинъ предпринималъ мѣры къ учрежденію проектированныхъ министерствомъ новыхъ приходскихъ школъ, старыхъ дьячковскихъ школъ оставалось уже немного. Кн. Куракинъ предписалъ Черниговскому и Полтавскому губернаторамъ собрать свѣдѣнія, какія и гдѣ существуютъ въ ихъ губерніяхъ школы и въ какомъ онѣ состояніи; первый изъ упомянутыхъ губернаторовъ сообщилъ въ отвѣтъ, что школъ начальныхъ въ Черниговской губерніи вообще мало, а привесть ихъ въ порядокъ неудобно въ виду того, что руководители дѣла—дьячки подчиняются духовному начальству; тоже сообщилъ и Полтавскій губернаторъ; вслѣдствіе этого кн. Куракинъ писалъ Черниговскому архіепископу Виктору и Полтавскому—Сильвестру съ просьбой объ оказаніи содѣйствія по собиранію свѣдѣній о школахъ и о содѣйствіи къ открытію новыхъ, проектированныхъ министерствомъ; но просвѣщенная заботливость кн. Куракина не встрѣтила надлежащаго сочувствія со стороны епархіальной власти, въ чемъ и заключалась главная причина безуспѣшности его стараній. Министерство Нар. Просв., съ своей стороны, обратилось въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ къ учрежденію школъ, а Синодъ запросилъ у всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ мнѣнія по этому вопросу; послѣдніе вообще находили для священниковъ школьныя занятія обременительными; Св. Синодъ также считалъ дѣло учительства священниковъ въ народныхъ школахъ занятіемъ постороннимъ для духовенства, допустимымъ лишь по стольку, по скольку оно не будетъ помѣхой не только пастырскимъ, но и хозяйственнымъ его занятіямъ. Самъ министръ гр. Завадовскій призналъ и такое содѣйствіе со стороны духовнаго вѣдомства на первый разъ достаточнымъ; поэтому кн. Куракинъ, по сношенію съ епархіальной властью, принялъ ея предложеніе о привлеченіи къ учительству лицъ, не окон-

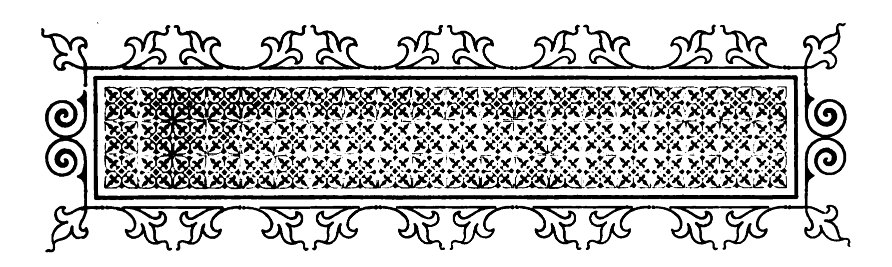
чившихъ курса семинаріи, назначивъ имъ отъ 25 до 35 руб. въ годъ жалованья. Не встрѣтилъ кн. Куракинъ сочувствія своимъ просвѣтительнымъ стремленіямъ и среди дворянства; одни предводители дворянства совсѣмъ не отвѣтили генералъ-губернатору, другіе сообщали ему только о полученіи его предложенія и лишь немногіе высказались, что учреждать въ помѣстьяхъ приходскія училища не удобно.

Замѣчанія по поводу этого доклада были сдѣланы членами В. З. Завитневичемъ и о. Θ. И. Титовымъ.

Въ закрытой части засѣданія слушалось отношеніе Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, отъ 3 декабря за № 43, о командированіи на съѣздъ русскихъ филологовъ въ С.-Петербургѣ въ августѣ—сентябрѣ 1904 г. депутата отъ Общества Нестора-лѣтописца и опредѣлено: послать циркулярный запросъ членамъ, кому угодно принять на себя званіе депутата отъ Общества на означенномъ съѣздѣ.

Слушалось также предложеніе Кіевскаго Литературно-артистическаго Общества, обращенное къ Обществу Нестора-лѣтописца, почтить своимъ присутствіемъ празднованіе 20 декабря юбилея композитора Н. В. Лисенка, и опредѣлено: отправить депутатовъ отъ Общества для поднесенія адреса юбиляру.

Наконецъ, постановлено просить гг. членовъ Общества Нестора-лѣтописца: И. М. Каманина, о. Θ. И. Титова, В. И. Щербину, О. И. Левицкаго и о. Е. І. Сѣцинскаго сообщить историческія свѣдѣнія о мѣстностяхъ, описаніе древностей которыхъ войдетъ въ 1-й выпускъ „Древностей Украины“.



Опечатка

Въ замѣткѣ А. И. Соболевскаго: „Библіографическая рѣдкость“, въ строчкахъ 3—4, вм. „потребной“ д. б. „потребная“.

ромъ при докладѣ). Производство фигуръ ангеловъ возникло изъ декоративной потребности подъ вліяніемъ Запада, гдѣ они извѣстны подъ именемъ путтовъ; характерныя черты ихъ — младенческій возрастъ ($1^1/_2$ — 2 г.г.), безъименность и отсутствіе одежды. Путтъ ведетъ свое начало изъ ан-

[1]) См. „Кіев. Изборникъ“, изд. въ честь проф. Т. Д. Флоринскаго.

тичнаго искусства, гдѣ онъ представлялъ Эрота; наиболѣе раннимъ произведеніемъ, изображающимъ путта, является знаменитая группа эллинистической пластики работы Боэѳа, состоящая изъ борющихся мальчика и гуся. Изъ античнаго искусства путты переносятся въ христіанское, ставъ маленькими ангелами, и входятъ въ большую моду съ XV в.; ими увлекаются не только скульпторы, но и живописцы; успѣху путтовъ содѣйствуютъ тѣ библейскіе сюжеты, въ которыхъ Богоматерь является съ младенцемъ Іисусомъ; возлѣ младенца Іисуса появляется младенецъ Іоаннъ, а затѣмъ и путты; воздухъ и облака дѣлаются настоящей стихіей путтовъ. Западное вліяніе черезъ Польшу привлекло путтовъ и въ малорусскіе храмы. Форма рѣзныхъ изображеній малютокъ-ангеловъ въ южно-русскихъ церквахъ остается совершенно западною; головки малютокъ, полненькихъ, живыхъ, розовыхъ, надѣлены выраженіемъ чувства; нѣкоторыя головки имѣютъ кудрявые вьющіеся волосы, а другіе—прическу мѣстнаго происхожденія. Аттрибутами путтовъ служилъ вѣнокъ, свитокъ и перо (какъ ангелы-хранители, они сопровождаютъ человѣка отъ колыбели до могилы и записываютъ каждый его поступокъ); рѣзныя изображенія путтовъ въ художественномъ отношеніи, конечно, далеко не всѣ одинаковаго достоинства.

Замѣчанія по поводу реферата сдѣланы членами В. И. Щербиной и А. А. Дмитріевскимъ.

б) Затѣмъ, **Г. Г. Павлуцкій** въ другомъ своемъ рефератѣ, въ дополненіе къ реферату, прочитанному имъ въ засѣданіи 30 ноября 1903 года о деревянной церковной архитектурѣ въ юго-западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв., указалъ на *„Наиболѣе ранніе свидѣтельства литературныхъ памятниковъ о построеніи деревянныхъ церквей малорусскаго типа"*.

Нынѣ существующіе памятники малорусской деревянной архитектуры относятся къ XVI—XVIII вв. Однако, уже въ самомъ началѣ XVII вѣка малорусская архитектура представляется вполнѣ установившимся стилемъ. Всѣ своеобразные особенности этого стиля и законченность его формъ,

а также незыблемость народнаго преданія въ дѣлѣ сохраненія стариннаго церковнаго зодчества невольно заставляютъ предполагать болѣе древнія зданія, на которыхъ можно было бы видѣть какъ самые начатки этого стиля, такъ и постепенное его развитіе. Въ частности, сохранившіяся у насъ пятиглавыя деревянныя церкви относятся къ XVIII вѣку, но Павелъ Алеппскій восхищался пятиглавыми малорусскими церквями еще въ половинѣ XVII вѣка. Павелъ Алеппскій описываетъ много малорусскихъ деревянныхъ и каменныхъ храмовъ, изумляясь ловкости и замысловатости мастеровъ. Читая его описаніе, выносишь впечатлѣніе, что искусство въ Малороссіи въ половинѣ XVII вѣка достигло высокаго совершенства. Для украшенія церкви, повидимому, привлекалось все лучшее, созданное мѣстными художественными силами [1]). Очень важное значеніе для рѣшенія вопроса о древности малорусскаго церковнаго зодчества имѣютъ миніатюры древнихъ рукописей. На миніатюрахъ встрѣчаются изображенія древнихъ церквей, причемъ иллюстраторы рукописей нерѣдко пользуются, на ряду съ византійскими формами, мотивами своего исконнаго деревяннаго зодчества. Докладчикъ обратилъ особое вниманіе на Радзивилловскій списокъ лѣтописи съ рисунками. Особенно интересенъ одинъ рисунокъ, представляющій пятиглавую церковь, повидимому, крестообразнаго плана. Церковь на этомъ рисункѣ имѣетъ всѣ особенности, присущія южно-русскимъ пятиглавымъ храмамъ. Рисунокъ рукописи показываетъ, что типъ малорусскихъ пятиглавыхъ церквей существовалъ уже въ XIV и XV вв.

По поводу этого доклада замѣчанія сдѣлалъ д. чл. А. А. Дмитріевскій, а д. чл. О. И. Левицкій добавилъ, что въ Овручскомъ уѣздѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, болѣе 10 деревянныхъ церквей относятся къ XVII и даже къ XVI вв.

---

[1]) Нельзя не указать на изображенія трехкупольныхъ деревянныхъ церквей на древнѣйшемъ изъ дошедшихъ до настоящаго времени плановъ Кіева, на планѣ Афанасія Кальнофойскаго 1638 года.

в) Въ заключеніе, поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** указалъ въ своемъ сообщеніи на „*Нѣсколько слѣдовъ общенія Южной Руси съ юго-славянами въ XVI и XVII вв.*" [1]) Сношенія Руси съ юго-славянами начались, какъ извѣстно, еще со временъ Святослава; они не прекращались и въ первую пору татарскаго владычества, какъ показываетъ извѣстіе объ участіи русскихъ въ болгарскихъ событіяхъ XIII и XIV вв.; сербы участвуютъ въ борьбѣ русскихъ съ татарами и турками; южно-русское казачество слагалось по типу, аналогичному юго-славянскимъ удальцамъ, каковыми были ускоки и гайдуки; послѣдніе могли проникнуть въ Южную Русь изъ Венгріи и Болгаріи въ началѣ XVI в. и утвердиться здѣсь при Стефанѣ Баторіи; по этому образцу формировались и русскіе гайдуки, какъ показываетъ „Inwentarz częsci dobr Ostrogskich 1620 г." Южно-русскія пѣсни также могли испытать на себѣ вліяніе сербскаго и болгарскаго эпоса; даже названіе малорусскихъ эпическихъ пѣсенъ думами могло быть заимствовано изъ Болгаріи, гдѣ думой называется слово. Думы начали развиваться вмѣстѣ съ казачествомъ; при этомъ уцѣлѣли, конечно, и старыя пѣсни; предметомъ думъ на первыхъ порахъ, можно полагать, служили народныя бѣдствія; думы исполнялись хорами и достигали всенароднаго распространенія; нѣжностью чувства они сближались съ сербскими и болгарскими пѣснями; въ думахъ уцѣлѣли драгоцѣнные отзвуки того самаго грустнаго настроенія, которое одушевляло первыхъ пѣвцовъ, участниковъ и свидѣтелей воспѣваемыхъ печальныхъ бѣдствій; словомъ, думы, эти—лиро-эпическія произведенія, о которыхъ Н. Костомаровъ совершенно вѣрно замѣтилъ: „самый важнѣйшій признакъ, побуждающій признавать думы пѣснями, есть тотъ, что всѣ онѣ проникнуты чувствомъ и имѣютъ цѣлью возбуждать чувство". Грустный тонъ, эта отличительная черта думъ, заставляетъ Сарницкаго называть ихъ элегіями. Выработка думъ была событіемъ великой важности въ исторіи Южной

[1]) См. „Кіев. Изборникъ", изд. въ честь проф. Т. Д. Флоринскаго.

Руси, потому что она подняла народное самосознаніе на высоту осмысленнаго патріотизма, соединявшагося съ христіанскимъ одушевленіемъ, какъ то видно изъ матеріальнаго начала, проникающаго нѣкоторыя думы.

Нѣкоторыя дополненія къ доводамъ референта представилъ д. чл. А. В. Стороженко, а въ обсужденіи приняли участіе члены: Т. Д. Флоринскій, А. С. Крыловскій и О. И. Левицкій.

Въ настоящемъ засѣданіи въ дѣйств. члены Общества избранъ *Иванъ Васильевичъ Шаровольскій.*

V. Засѣданіе 2-го февраля.

а) Поч. чл. **Н. П. Дашкевичъ** прочелъ сообщеніе: *„Романтическій міръ Гоголя“* (будетъ напечатано въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

Въ обсужденіи этого сообщенія принимали участіе члены: В. З. Завитневичъ, В. Н. Малининъ и И. В. Шаровольскій.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** изложилъ содержаніе представленнаго въ Редакцію Общества *В. П. Леонтовскимъ* труда: *„Начальные моменты введенія крестьянской реформы въ Полтавской губерніи“* (напечатанъ въ настоящемъ выпускѣ).

VI. Засѣданіе 15-го февраля.

а) Д. чл. **М. Н. Ясинскій** предложилъ свое разрѣшеніе вопроса: *„Кто такіе закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права?*[1]).

До сихъ поръ этотъ вопросъ рѣшается весьма различно. Такъ, напр., Карамзинъ опредѣляетъ закуповъ, какъ „временно закабаленныхъ людей“. Эверсъ то считаетъ закуповъ „наемниками“, „наемными слугами“, „вольными людьми“, то присоединяется къ опредѣленію Карамзина. По Рейцу, закупы—

---

[1]) См. „Сборникъ статей по исторіи права“ изд. въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

„нанятые работники“, принадлежащіе, однако, къ числу несвободныхъ людей. По мнѣнію Неволина, закупомъ назывался человѣкъ, взявшій у другого деньги въ заемъ подъ залогъ своей свободы. Къ мнѣнію Неволина близко подходятъ мнѣнія о закупахъ Мейера и Чичерина. Воззрѣнія Неволина, Мейера и Чичерина сдѣлались надолго прочнымъ достояніемъ науки; они приняты С. М. Соловьевымъ, Д. И. Бѣляевымъ, Ѳ. И. Леонтовичемъ, М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, В. О. Ключевскимъ и друг. Этого-же мнѣнія держался сначала и В. И. Сергѣевичъ; но впослѣдствіи, подвергнувъ вопросъ о закупахъ пересмотру, онъ пришелъ къ выводу, что закупничество было не договоромъ займа, а чистой формой личнаго найма; закупъ—наймитъ, свободный человѣкъ. Мнѣніе проф. Сергѣевича нашло себѣ послѣдователей въ гг. Павловѣ-Сильванскомъ, Дебольскомъ, Сторожевѣ и друг., и стало почти господствующимъ. Тѣмъ не менѣе, референтъ не считаетъ его окончательно рѣшеннымъ, потому что оно не устраняетъ очень многихъ недоразумѣній. Изслѣдователи до сихъ поръ оперировали лишь надъ немногими статьями Русской Правды, не дѣлая сравнительнаго изученія русскаго права древнѣйшаго періода съ послѣдующими западно-русскими законодательными памятниками; хотя эти послѣднія были приняты во вниманіе проф-ми Леонтовичемъ, Любавскимъ и Владимірскимъ-Будановымъ, но всѣ они пришли къ различнымъ заключеніямъ; мнѣніе-же г. Любавскаго противорѣчиво и является слѣдствіемъ незнакомства его съ литературой вопроса и невнимательнаго изученія источниковъ. Затѣмъ референтъ представилъ и обосновалъ ссылками на документальныя данныя свои выводы о закупахъ. По его мнѣнію, слово „закупъ“ означало залогъ или закладъ и въ приложеніи его къ землѣ, и въ приложеніи къ людямъ; отсюда и глаголъ „закупить“ означалъ „взять въ заставу“, въ залогъ; слѣдовательно, закупъ означаетъ заемъ, обезпечиваемый безразлично, недвижимымъ-ли имуществомъ, или личностью самаго должника; то-же толкованіе слова „закупъ“ даютъ и соотвѣтственныя статьи перваго Литовскаго Статута

1529 г. Итакъ, 1) въ основѣ закупничества лежалъ договоръ не личнаго найма, а договоръ займа, соединенный съ личнымъ закладомъ; 2) закупъ былъ не наймитомъ, а должникомъ, обезпечивающимъ свой долгъ залогомъ своей личности кредитору, погашающимъ этотъ долгъ своею работою или службой въ пользу кредитора.

б) Д. чл. **И. М. Каманинъ** разсмотрѣлъ и объяснилъ содержепіе *„Письма Черногорскаго владыки Василія Петровича 1757 г."*. Оно найдено имъ между отдѣльными документами Центральнаго Архива Университета. Письмо адресовано къ Ивану Ивановичу, безъ означенія его фамиліи, и трактуетъ о переселеніи черногорцевъ въ Россію въ половинѣ XVIII в.; по мнѣнію референта, письмо было предназначено для И. И. Неплюева, который въ то время былъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ; Неплюевъ могъ узнать черногорцевъ еще въ ту пору, когда былъ резидентомъ въ Константинополѣ (1721 г.); получивъ назначеніе въ Оренбургъ и заботясь о колонизаціи этого пустыннаго тогда края, онъ вызвалъ черногорцевъ, какъ наиболѣе подходящихъ людей тамъ, гдѣ приходилось вести непрерывную борьбу съ сосѣдними кочевниками; черногорцы, радушно принимаемые Неплюевымъ, охотно шли туда; къ нему только и могъ писать найденное письмо черногорскій владыка о подробностяхъ колонизаціи. Для болѣе яснаго пониманія содержанія письма, референтомъ были изложены главнѣйшіе факты жизни и дѣятельности Василія Петровича. Онъ былъ посвященъ въ санъ митрополита черногорскаго въ 1750 г. сербскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ и въ этомъ санѣ, по обычаю своей страны, сталъ духовнымъ и свѣтскимъ главой Черногорскаго народа. Болѣя душей за его страданія отъ турецкаго ига, владыка Василій ѣдетъ въ 1752 г. въ Петербургъ и предлагаетъ русскому правительству принять на службу нѣсколько тысячъ черногорцевъ; предложеніе владыки было принято и назначена была переселенческая коммиссія, которая принимала на австрійской границѣ переселенцевъ и отправляла ихъ въ Россію; въ коммиссіи принималъ участіе и выходецъ-сербъ Семенъ

Пищевичъ, оставившій свои мемуары потомству; въ этихъ мемуарахъ онъ враждебно относится къ черногорскому владыкѣ и, вмѣсто помощи, оказываетъ ему противодѣйствіе. Въ письмѣ къ Неплюеву владыка и жалуется на Пищевича. Вскорѣ эта коммиссія была закрыта; по словамъ Пищевича, она закрыта была вслѣдствіе жалобъ владыки на лицъ, работавшихъ въ комиссіи; оффиціальныя-же данныя говорятъ, что комиссія была закрыта вслѣдствіе ожидавшейся войны съ Турціей и опасенія дать ей поводъ къ разрыву. Въ 1758 г. владыка Василій вторично пріѣзжалъ въ Петербургъ, ходатайствуя о субсидіи для реформы администраціи и суда въ Черногоріи, какая ему и была дана въ количествѣ 15,000 р. Въ этотъ пріѣздъ владыки, черногорцы, недовольные условіями жизни въ Оренбургѣ послѣ ухода оттуда Неплюева, рѣшились возвратиться на родину; въ Москвѣ и Самарѣ они произвели буйства и разбои, и владыкѣ Василію пришлось ихъ усмирять; нуженъ былъ надъ ними командиръ: Пищевичъ сообщаетъ, что владыка просилъ его принять на себя команду надъ черногорскимъ полкомъ; онъ будто-бы отказывался, но былъ назначенъ противъ своего желанія; между тѣмъ черногорцевъ звалъ къ себѣ генералъ Хорватъ въ Новую Сербію, лежавшую въ Поднѣпровьѣ у рр. Синюхи, Выси и Тясмина и заселенную сербами; туда они, съ Пищевичемъ во главѣ, и отправились; послѣ этого переселеніе черногорцевъ почти прекратилось; русское правительство стало неблагосклонно относиться и къ черногорцамъ и къ владыкѣ Василію; тѣмъ не менѣе послѣдній, попрежнему, горячо былъ привязанъ и расположенъ къ Россіи; въ 1765 г. онъ въ третій разъ пріѣхалъ въ Россію, чтобы поздравить императрицу Екатерину съ восшествіемъ на престолъ; между ними установились дружескія отношенія, и императрица милостиво относилась къ черногорскому народу; но въ 1766 г. владыка Василій внезапно умеръ въ С.-Петербургѣ, какъ говорятъ, отъ яда, поднесеннаго ему тайнымъ агентомъ Венеціанской республики, преслѣдовавшей энергическаго владыку за его любовь къ Россіи и противодѣй-

ствіе планамъ республики. Владыка Василій Петровичъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ; ему было отъ роду всего лишь 57 лѣтъ. Со смертью владыки прервались на время и сношенія Россіи съ Черногоріей.

По поводу этого „письма" сдѣланы нѣкоторыя дополненія и разъясненія членами В. С. Иконниковымъ, Н. П. Дашкевичемъ и В. З. Завитнивичемъ.

VII Засѣданіе 29-го февраля.

Д. чл. **В. А. Кордтъ** изложилъ содержаніе „*Современнаго извѣстія о пребываніи Петра Вел. въ Нидерландахъ*".

9 марта 1697 года великое русское посольство, снаряженное къ западно-европейскимъ дворамъ, покидало Москву. Въ 15 верстахъ отъ столицы, въ Никольскомъ, старшій изъ пословъ Францъ Лефортъ далъ прощальный банкетъ, а на другой день, послѣ ранняго обѣда, состоялся и самый отъѣздъ. Значеніе этого посольства огромно. Впервые русскій государь, хотя и подъ видомъ простого дворянина Петра Михайлова, рѣшился самъ ѣхать на Западъ, чтобы тамъ лично ознакомиться съ наукою, промышленностью и ея представителями. Это событіе—одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ отечественной исторіи, а потому и всякое извѣстіе, касающееся великаго посольства, очень интересно для насъ. О пребываніи Петра Великаго въ Нидерландахъ сохранились записки Номена. Подлинникъ этихъ записокъ хранится въ библіотекѣ Утрехтскаго университета, которому онѣ пожертвованы въ 1855 году потомками Я. К. Номена. Голландскій историкъ Яковъ Схелтема въ 1814 году широко воспользовался этими записками при составленіи очерка пребыванія Петра Великаго въ Зандамѣ. Въ свою очередь, извлеченіями Схелтемы, сдѣланными имъ изъ записокъ Номена, пользовались русскіе историки Устряловъ, Соловьевъ, Брикнеръ. Всѣ они признавали записки Номена очень цѣнными, но никому изъ нихъ не приходилось пользоваться подлинникомъ, такъ какъ до сихъ поръ записки Номена не были изданы. Свѣдѣнія объ

авторѣ записокъ, Номенѣ, весьма скудны. Извѣстно только, что онъ былъ членомъ деревенской управы въ Зандамѣ, а по профессіи—купцомъ, торговавшимъ сукномъ. Записки свои Номенъ велъ въ хронологической послѣдовательности, описывая при этомъ не только пребываніе Петра Великаго въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ Нидерландовъ, но и поѣздки его въ Англію, Австрію и Францію. Такимъ образомъ, записывалъ Номенъ не только то, что самъ видѣлъ, но и то, что слышалъ отъ другихъ. Однако, разсказами другихъ онъ пользовался очень осторожно. Въ запискахъ Номена разсѣяно много интересныхъ данныхъ, и референтъ, считая, что появленіе въ русской литературѣ полнаго перевода ихъ соотвѣтствовало-бы потребности, издалъ эти записки. Въ своемъ сообщеніи онъ цитировалъ, главнымъ образомъ, тѣ мѣста записокъ Номена, которыя касаются характеристики личности Петра Великаго. Прежде всего Номенъ называетъ Петра Алексѣевича бережливымъ. Такъ, разсказывая о томъ, какъ Петръ Великій, осматривая бумажную фабрику, подарилъ рабочему рейхсталеръ, Номенъ прибавляетъ, что вообще „онъ у насъ не часто бывалъ щедрымъ, а, напротивъ, показывалъ себя очень экономнымъ". Въ другомъ мѣстѣ записокъ говорится: „Маляръ Виллемъ Гармерсонъ, послѣ долгаго торга продалъ великому князю свою лодку за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива. Затѣмъ они отправились въ гербергъ и выпили тамъ это пиво". Жилъ Петръ Великій у кузнеца Геррита Киста. Вотъ что по этому поводу говоритъ Номенъ: „Своему хозяину Герриту Кисту онъ крайне скудно заплатилъ за квартиру; женщинѣ-же, которая занимала заднюю комнату и уступила ее великому князю (а сама пошла жить къ своему отцу), онъ далъ за это всего 7 гульденовъ". Этого кузнецъ не забылъ. Въ 1717 году Петръ Великій вновь былъ въ Голландіи. И вотъ, „9 марта, утромъ, пишетъ Номенъ, Его Царское Величество пріѣхалъ опять на яхтѣ изъ Амстердама сюда въ Вестъ-Зандамъ... Здѣсь царь узналъ, что кузнецъ Герритъ Кистъ, у котораго онъ жилъ 19 лѣтъ тому назадъ, служитъ работникомъ въ кузницѣ напротивъ. Онъ

велѣлъ сказать ему, что царь желаетъ отправиться къ нимъ на квартиру, которую занималъ 19 лѣтъ тому назадъ. Но кузнецъ отвѣчалъ: „нѣтъ, меня мало интересуетъ царь, такъ какъ онъ слишкомъ скупо заплатилъ за квартиру въ моемъ домѣ". Интересно, что мужественный, храбрый и суровый Петръ Алексѣевичъ былъ застѣнчивъ. Номенъ говоритъ: „онъ терпѣть не могъ, чтобы ему смотрѣли прямо въ глаза. Былъ такой примѣръ. Корнелисъ Блокъ посмотрѣлъ какъ то на улицѣ весьма дерзко царю прямо въ глаза; за это великій князь ударилъ его рукою по лицу такъ, что Блокъ почувствовалъ сильную боль и, пристыженный, убѣжалъ, между тѣмъ, какъ надъ нимъ смѣялись, говоря: „браво, Корнелисъ, ты пожалованъ въ рыцари". Или вотъ Номенъ разсказываетъ слѣдующее: 24 августа царю демонстрировали способъ перетаскиванья корабля. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, на это зрѣлище собралось много народа. Когда все было готово, бургомистры и др. „почтительнѣйше просили чрезъ переводчика его величество пожаловать на перетаскиваніе корабля. Бургомистрамъ Іору и Салму онъ подалъ руку и отвѣтилъ; „сейчасъ, сейчасъ"; но затѣмъ, заглянувъ въ дверную щель и въ окно, онъ увидѣлъ собравшуюся толпу народа. Тогда бургомистры обѣщали провести его царское величество обходной дорогой къ одному дому, изъ сѣней котораго все свободно было видно, и гдѣ толпа не могла его стѣснять. Онъ на это согласился и даже уже одѣлся, но посмотрѣвъ снова на большую толпу народа, повторилъ: „слишкомъ много народу, слишкомъ много народу!" и вдругъ захлопнулъ дверь своей царской квартиры. Члены магистрата остались ни съ чѣмъ. Въ 1717 г., впрочемъ, эта застѣнчивость совсѣмъ исчезла. Интересно описаніе внѣшняго облика царя, сдѣланное Номеномъ довольно удачно. Номенъ говоритъ: „Его царское величество—человѣкъ высокаго роста, статный, крѣпкаго тѣлосложенія, подвижной, ловкій; лицо у него круглое, со строгимъ выраженіемъ, брови темныя, волосы короткіе, кудрявые и темноватые". Въ 1717 году Номенъ такъ описываетъ Петра

Великаго: „На головѣ у него былъ короткій, неважный черный парикъ и простая черная войлочная шляпа; у него были густые черные усы; видно было, что онъ послѣдніе дни не брился. Лицо его было блѣдно вслѣдствіе болѣзни. На видъ онъ былъ статный, съ ловкими движеніями. Онъ былъ одѣтъ въ старый суконный кафтанъ съ кожанымъ поясомъ, шириною въ три пальца, на которомъ висѣла сабля". Въ запискахъ о поѣздкѣ Петра Великаго въ Гаагу разсказывается слѣдующее: „Великій князь, бургомистръ Николай Витсенъ и еще два лица сѣли въ Амстердамѣ въ коляску, чтобы ѣхать въ Гаагу. Но царь захотѣлъ посадить съ собой еще своего карлика. Упомянутые выше лица возразили ему, что тогда будетъ слишкомъ тѣсно, но онъ отвѣтилъ: „въ такомъ случаѣ, пусть онъ сядетъ ко мнѣ на колѣни". Пришлось взять карлика. Царь выразилъ желаніе ѣхать не прямо черезъ городъ, а кругомъ и, замѣчая по дорогѣ много мельницъ, справлялся о назначеніи каждой изъ нихъ. Подъѣзжая къ мельницѣ для шлифовки камней, онъ спросилъ: „что это за мельница?" Получивъ объясненіе, онъ сказалъ: „Это я хочу видѣть". Коляску остановили, но оказалось, что мельница не работала и никого тамъ не было... Поѣхали дальше. На Гарлемской дорогѣ онъ увидѣлъ маленькую водяную мельницу и спросилъ: „что это такое?" Выслушавъ объясненіе, онъ сказалъ: „я хочу ее осмотрѣть". Его спутники увѣрили его, что онъ промочитъ себѣ тамъ ноги, такъ какъ мѣсто было болотистое; но, несмотря на это, пришлось остановиться. Подъѣзжая къ Гарлему, онъ сказалъ: „я не хочу ѣхать черезъ городъ". Бургомистръ Витсенъ объяснилъ ему, что другой дороги нѣтъ. Тогда онъ закрылъ лицо своимъ плащемъ, и такъ они проѣхали черезъ городъ. Вскорѣ послѣ того они проѣзжали мимо большого, прекрасно устроеннаго имѣнія. Царь спросилъ: „кому оно принадлежитъ?" Витсенъ отвѣтилъ, что хозяинъ этой усадьбы—амстердамскій купецъ. Онъ сказалъ: „я хочу ее осмотрѣть". Царь осмотрѣлъ постройки и усадьбу, и затѣмъ поѣхали дальше. При спускѣ на паромъ коляска получила толчекъ. Царь спросилъ: „это

что такое?“ Когда ему объяснили, что это—переправа, онъ сказалъ: „это я хочу посмотрѣть“. Наступилъ уже темный вечеръ, такъ что пришлось зажечь фонарь, и онъ измѣрялъ длину, ширину и вышину парома. Въ 11 часовъ вечера пріѣхали въ Гаагу и остановились въ квартирѣ амстердамскихъ господъ (т. е. въ домѣ амстердамскихъ членовъ генеральныхъ штатовъ). На вопросъ его: „гдѣ я буду спать?“ его ввели въ красивую комнату съ удобной кроватью; но онъ поднялся по лѣстницѣ, вошелъ въ комнату, гдѣ стояла постель служанки, и объявилъ: „тутъ я хочу спать“. Нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ: „хочу отправиться къ моему великому посольству“, и хотя его уговаривали остаться, ничто не помогло; несмотря на то, что было уже 12 часовъ ночи, запрягли коляску и отвезли его въ Дуленъ, гдѣ помѣщалось его великое посольство. Тутъ онъ опять спросилъ: „гдѣ я буду спать?“ Ему показали хорошую кровать, но онъ пробѣжалъ по всѣмъ комнатамъ, наткнулся, наконецъ, на грязнаго простого слугу, спавшаго на медвѣжьей шкурѣ, толкнулъ его и крикнулъ: „вставай, вставай!“ Русскій проснулся, но не успѣлъ еще опомниться отъ сна, какъ царь крикнулъ снова: „вставай, вставай! тутъ я хочу спать!“ На этой медвѣжьей шкурѣ и расположился его царское величество, чтобы провести ночь“. Приведенныя здѣсь выдержки доказываютъ наглядно, что записки Номена содержатъ обильный матеріалъ для характеристики Петра Вел.

Въ настоящемъ засѣданіи, вслѣдствіе сложенія съ себя Н. П. Дашкевичемъ обязанностей предсѣдателя Общества, а М. Н. Ясинскимъ обязанностей секретаря, были произведены выборы замѣстителей ихъ до времени новыхъ общихъ выборовъ, которые наступятъ въ октябрѣ 1905 года, и избранными оказались въ должность предсѣдателя—*Ю. А. Кулаковскій* и въ должность секретаря—*А. М. Лобода.*

При этомъ общее собраніе выразило благодарность *Н. П. Дашкевичу* и *М. Н. Ясинскому* за понесенные ими труды въ пользу Общества.

Сверхъ того, по предложенію Ю. А. Кулаковскаго, собраніе просило *Н. П. Дашкевича* сохранить за собой званіе члена Совѣта Общества на опредѣленный уставомъ срокъ.

VIII. *Засѣданіе 14-го марта.*

По открытіи засѣданія *Ю. А. Кулаковскій* въ краткомъ вступительномъ словѣ выразилъ признательность Обществу за избраніе его въ должность предсѣдателя.

а) Д. чл. **П. Н. Ардашевъ** въ своемъ чтеніи указалъ на *„Новые типы научно-историческихъ обозрѣній"*.

Историческая наука развивается въ двоякомъ направленіи: въ направленіи 1) *дифференціаціи* и 2) *интеграціи*. *Дифференцируется* историческая наука, создавая постепенно въ своихъ нѣдрахъ, на ряду съ политической исторіей, цѣлый рядъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ: исторіи литературы, исторіи права, исторіи экономическихъ отношеній, и т. д. Необходимость взаимодѣйствія между этими отдѣльными спеціальными дисциплинами, работающими въ сущности надъ созданіемъ одного обширнаго зданія, зданія исторической науки, обусловливаетъ ихъ взаимное сближеніе; отсюда—другая сторона въ прогрессѣ исторической науки, *интеграція*, т. е. процессъ нѣкотораго объединенія научной работы въ отдѣльныхъ спеціальныхъ областяхъ исторической науки.

Послѣдній изъ этихъ двухъ процессовъ далеко отстаетъ отъ перваго; достаточно указать, что до послѣдняго времени не существовало въ научно-исторической періодической прессѣ ни одного изданія, спеціально посвященнаго указанной сторонѣ дѣла. Пополнить этотъ пробѣлъ взяло на себя начавшее выходить въ Парижѣ въ 1900 г. изданіе *Revue de synthèse historique*, представляющее по своимъ задачамъ совершенно новое явленіе въ научно-исторической періодической прессѣ.

Менѣе новизны представляетъ собою почти одновременно возникшее съ *Revue de synthèse historiqne,* другое

научно-историческое обозрѣніе: *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, увеличивая собою довольно уже многочисленную семью научно-историческихъ обозрѣній, преслѣдующихъ преимущественно задачи, связанныя съ процессами *дифференціаціи* исторической науки. Главная новизна этого важнаго изданія заключается въ томъ, что оно—*первое и научно-историческое обозрѣніе, посвященное спеціально новой исторіи во всемъ ея хронологическомъ объемѣ.* Особенную цѣнность, въ качествѣ *instrument de travail*, представляетъ это изданіе своими библіографическими обзорами, отличающимися большею свѣжестью и необыкновенною полнотой. Для тѣхъ изъ спеціалистовъ, для которыхъ полнота имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ свѣжесть, особенно важны издаваемые при этомъ журналѣ ежегодные библіографическіе обзоры по новой исторіи, включающіе въ себѣ не только всю книжную литературу по новой исторіи Франціи, но также и огромное количество (около семисотъ) періодическихъ изданій, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ (въ послѣднее время въ обозрѣвательный отдѣлъ включены и русскія періодическія изданія историческаго характера).

Въ обсужденіи реферата принимали участіе члены: В. З. Завитневичъ, Ю. А. Кулаковскій и Н. П. Дашкевичъ, при чемъ послѣдвій замѣтилъ что явленія, отмѣченныя референтомъ во французской библіографической литературѣ, уже раньше существовали въ нѣмецкой.

б) Д. чл. о. **Ѳ. И. Титовъ** разсмотрѣлъ новые матеріалы, разъясняющіе подробности *„Окончательнаго перехода Кіева отъ Польши къ Россіи по договору о вѣчномъ мирѣ между ними въ 1686 году"* [1]).

Въ урегулированіи отношеній, возникшихъ между Польшей и Московскимъ государствомъ на почвѣ борьбы изъ-за Малороссіи, главнѣйшимъ вопросомъ былъ вопросъ о Кіевѣ, такъ какъ обѣ стороны домогались владѣть имъ, особенно же Польша, которая хорошо понимала, что обладаніе Правобереж-

---

1) См. „Труды Кіев. дух. академіи", № 7 за 1904 г.

ной Украиной безъ Кіева не можетъ быть прочнымъ. Ѳ. И. Титовъ, ознакомившись съ литературой вопроса о присоединеніи Кіева къ Московскому государству, убѣдился, что наука до сихъ поръ изучила далеко не всѣ относящіеся сюда первоисточники. Свой докладъ Ѳ. И. Титовъ сдѣлалъ исключительно на основаніи первоисточниковъ—документовъ, найденныхъ имъ въ московскихъ архивахъ Министерствъ Иностранныхъ Дѣлъ и Юстиціи. Какъ извѣстно, въ половинѣ XIV вѣка Кіевъ былъ присоединенъ къ Литвѣ. Впослѣдствіи, послѣ польско-литовской политической уніи, онъ отошелъ къ Польшѣ, а въ 1654 г., послѣ знаменитой Переяславской рады, возвратился въ подданство царю Алексѣю Михайловичу, вмѣстѣ со всей Украиной. Въ февралѣ того же года Кіевъ уже былъ занятъ московскими войсками, которыя стали усиливать укрѣпленія его. Затѣмъ произошла тяжелая и продолжительная война между Польшей и Москвой, которая кончилась Андрусовскимъ перемиріемъ 1667 г. При заключеніи Андрусовскаго перемирія предметомъ самыхъ горячихъ споровъ былъ Кіевъ: обѣ стороны непремѣнно хотѣли удержать за собою городъ. Споръ изъ-за Кіева грозилъ привесть къ прекращенію переговоровъ. Послѣ тридцатаго съѣзда уполномоченныхъ, глава нашихъ уполномоченныхъ Ординъ-Нащокинъ донесъ, что поляки соглашаются отдать Московскому государству весь лѣвый берегъ Днѣпра, а Кіева рѣшительно не хотятъ отдавать. Царь Алексѣй Михайловичъ уже соглашался уступить Кіевъ Польшѣ, но польскіе коммиссары, не зная этого, согласились оставить Кіевъ за Москвой на два года, по истеченіи которыхъ Москва должна была очистить его. Столь неожиданная уступчивость вызвана была тѣмъ, что Петръ Дорошенко, узнавъ объ упорныхъ притязаніяхъ поляковъ на Кіевъ, снесся съ татарами, которые произвели опустошительный набѣгъ на Польшу, и вообще затѣвалъ противъ Польши коалицію, привлекая къ участію въ ней Москву. Прошло два года, наступилъ срокъ очистки Кіева, но русскіе не сдѣлали этого, придумывая разныя отговорки. Въ 1669 г. возобновились мирные переговоры, причемъ пред-

метомъ упорныхъ споровъ опять явился Кіевъ. Переговоры на этотъ разъ ни къ чему не привели, и временно рѣшено было оставить въ силѣ положенія Андрусовскаго договора. Черезъ нѣкоторое время мирные переговоры возобновились и происходили на этотъ разъ въ Москвѣ. Поляки настаивали на отдачѣ имъ Кіева и требовали назначенія срока передачи имъ города. Опять стороны не могли столковаться и рѣшили оставить въ силѣ положенія Андрусовскаго договора до 1674 года. Въ теченіе этого срока на престолѣ Польши сѣлъ Янъ Собѣсскій, мечтавшій о союзѣ христіанскихъ государствъ противъ Турціи. Къ этому союзу онъ стремился привлечь и Московское государство. Это, казалось-бы, благопріятствовало заключенію между Польшей и Москвой мирнаго договора. Но на происшедшемъ новомъ съѣздѣ уполномоченныхъ опять стороны придти къ полному соглашенію не могли. Поляки на съѣздѣ вели себя очень энергично и даже вызывающе; переговоры кончились ничѣмъ, и Кіевъ временно опять остался въ оккупаціи Москвы. Въ 1678 году, послѣ новыхъ переговоровъ, рѣшено было продолжить перемиріе на 13 лѣтъ, и Кіевъ опять остался во временной оккупаціи Москвы. Въ 1686 году знатные польскіе послы пріѣхали въ Москву для заключенія вѣчнаго мира и союза противъ Турціи. Главою русскихъ уполномоченныхъ былъ назначенъ князь В. В. Голицынъ. Жаркіе споры опять возникли изъ-за Кіева. Поляки непремѣннымъ условіемъ мира ставили возвращеніе имъ Кіева. Но и Москва на этотъ разъ возражала гораздо болѣе рѣшительно. Въ результатѣ—обѣ стороны упорно стояли на своемъ. Переговоры эти сопровождались протоколами, которые въ подлинникахъ и изучилъ Ѳ. И. Титовъ. Послѣ очень продолжительныхъ переговоровъ, нѣсколько разъ сильно обострявшихся и грозившихъ кончиться разрывомъ, поляки, въ концѣ-концовъ, уступили Москвѣ Кіевъ, объяснивъ, что дѣлаютъ это по доброй волѣ, изъ стремленія къ міру и желанія гибели „басурмановъ". Проявленная на этотъ разъ московскими вельможами твердость и послѣдовательность объясняется сильнымъ вліяніемъ

гетмана Ивана Самойловича, горячо стоявшаго вообще противъ союза съ Польшей. За удержаніе Кіева онъ горячо стоялъ потому, что, по его мнѣнію, обладаніе Кіевомъ почти равносильно обладанію Правобережной Украиной. Но и послѣ этого споры продолжались еще $1^1/_2$ мѣсяца; предметомъ этихъ споровъ былъ вопросъ о размѣрѣ площади правобережныхъ земель, которыя должны были отойти къ Московскому государству вмѣстѣ съ Кіевомъ. Наши дипломаты требовали уступки вмѣстѣ съ Кіевомъ Триполья, Стаекъ, Трактемирова, Канева, Черкассъ, Бужина, Чигирина, Крылова и т. д., словомъ, почти всей прибрежной Украины. Поляки и слушать не хотѣли о такихъ требованіяхъ и соглашались уступить вмѣстѣ съ Кіевомъ полосу земель на одну милю вокругъ его. Переговоры обострились, и польскимъ посламъ предложено даже было немедленно убираться изъ Москвы, если они не согласятся на предъявленныя требованія. Польскіе коммиссары нѣсколько дней совѣщались и, наконецъ, 7 апрѣля объявили крайнія свои условія: они соглашались уступить на правой сторонѣ Днѣпра, вмѣстѣ съ Кіевомъ, слѣдующія земли: вверхъ по Днѣпру на 15 верстъ, до устья рѣки Ирпеня; далѣе граница должна идти вверхъ по названной рѣкѣ, проходя затѣмъ мимо Василькова, причемъ послѣдній отходитъ къ Москвѣ, а далѣе—до р. Стугны и по Стугнѣ до впаденія ея въ Днѣпръ, у Триполья; Триполье и Стайки отходятъ къ Москвѣ. Земли между Стугной и Чигириномъ остаются за Польшей, но не должны заселяться. Московскіе дипломаты, убѣдившись, что на дальнѣйшія уступки поляки не пойдутъ, согласились, и 6 мая договоръ о вѣчномъ мирѣ былъ подписанъ. Для подписанія договора королемъ Яномъ Собѣсскимъ наши послы ѣздили во Львовъ. По донесенію ихъ, Янъ Собѣсскій плакалъ, подписывая договоръ: ему очень тяжела была утрата Кіева,

Въ обсужденіи реферата принимали участіе члены Н. П. Дашкевичъ, В. И. Щербина и Ю. А. Кулаковскій.

По закрытіи засѣданія, прочитанъ текстъ привѣтственной телеграммы академику А. И Соболевскому, по случаю

исполнившагося 25-лѣтія его научной дѣятельности, и адреса Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, по случаю столѣтія его существованія.

Въ настоящемъ засѣданіи избраны въ почетные члены проф. *Василій Ивановичъ Сергѣевичъ* и въ члены—корреспонденты *В. П. Каньшинъ*.

IX. Засѣданіе 11-го апрѣля 1904 г.

а) Г. **Д. М. Щербаковскій** представилъ разборъ *„Фундушевой записи князя Любарта Гедиминовича луцкой церкви св. Іоанна Богослова“* (будетъ напечатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній“).

Замѣчанія были сдѣланы членами С. Т. Голубевымъ и В. З. Завитневичемъ.

б) Д. чл. **А. А. Дмитріевскій** подвергъ критическому анализу изслѣдованіе проф. *К. Попова*: *„Блаженный Діадохъ и его творенія“*.

Подъ такимъ заглавіемъ появилась въ самомъ началѣ іюня мѣсяца 1903 года книга проф. Кіевской духовной академіи К. Попова, представляющая, можно сказать, *первый опытъ* въ русской патрологической литературѣ изданія твореній писателя византійской церкви. Г. Дмитріевскій подвергъ критическому разбору этотъ опытъ и результаты его изложилъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Біографическій и библіографическій матеріалъ относительно личности и твореній блаженнаго Діадоха, суммированный проф. Поповымъ въ testimonia externa, не только не даетъ ничего новаго и несомнѣнно достовѣрнаго для рѣшенія этого рода вопросовъ, но, наоборотъ, нерѣдко вноситъ положительную путаницу и даже сомнѣнія въ то, что доселѣ въ наукѣ казалось болѣе или менѣе вѣроятнымъ и не вызывающимъ возраженій. По прочтеніи книги проф. Попова въ цѣломъ ея объемѣ, невольно закрадывается сомнѣніе даже въ томъ, что авторомъ λόγος ἀσκητικός (главнѣйшее

твореніе) былъ *епископъ Фотикійскій*, и что православная церковь считала его *блаженнымъ* или святымъ.

2) Проф. Поповъ *несомнѣнно смѣшалъ двухъ Діадоховъ: блаженнаго Діадоха*, епископа Фотикійскаго древняго Эпира, признаваемаго рукописями за автора λόγος ἀσκητικός и нѣкоторыхъ другихъ произведеній, и *Діадоха-мученика*, о которомъ только и извѣстно, что онъ „скончался мечемъ", „посѣченъ бысть во удіе", въ 31 день мѣсяца августа.

3) Память бл. Діадоха нынѣ празднуется въ нашей церкви вмѣстѣ съ отцами, просіявшими въ постѣ, въ субботу сырную, а въ древне-византійской церкви *самостоятельно праздновалась 5 марта*, одновременно съ памятью другого подвижника и писателя аскетическаго стоглава, Марка-подвижника.

4) Критическое отношеніе къ тексту λόγος ἀσκητικός, напечатанному въ Филокаліи Никодима Святогорца, въ книгѣ проф. Попова нельзя признать беспристрастнымъ и основаннымъ на изученіи лучшихъ и древнѣйшихъ списковъ этого творенія бл. Діадоха. Надписаніе: „Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς" и громадное большинство чтеній, признанныхъ имъ за чтенія позднѣйшаго происхожденія, находятъ для себя полное оправданіе въ лучшихъ и древнѣйшихъ рукописяхъ IX, XI, XII в. в.

5) Новая редакція λόγος ἀσκητικός въ книгѣ проф. Попова издана по весьма недостаточному количеству списковъ этого творенія и при томъ позднѣйшаго происхожденія XV—XVI вѣковъ, каковыми списками пользовался и Никодимъ Святогорецъ въ своей Филокаліи.

6) Составъ λόγος ἀσκητικός и взаимное соотношеніе его частей представлены проф. Поповымъ не вѣрно. „Διὰ ποίας δεῖ γνώσεως"—общее надписаніе къ стоглаву, не рѣдко замѣнявшееся болѣе удобнымъ для запоминанія: „Κεφάλαια πρακτικὰ γνώσεως καὶ διακρίσεως πνευματικῆς", *самостоятельною*, а тѣмъ болѣе *связующею* ὅροι и стоглавъ *частью* считать нельзя ни въ какомъ случаѣ.

7) Попытку проф. Попова воспользоваться изъ „πίναξ τῶν κεφαλαίων" анонима-схоліаста оглавленіями, въ качествѣ надписаній къ стоглаву, слѣдуетъ признать неудачною. Лучшіе и древнѣйшіе списки аскетическаго слова аѳонскихъ библіотекъ содержатъ въ себѣ, вопреки ни на чемъ не основанному сомнѣнію издателя *новой редакціи* его, свои собственныя надписанія и при томъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Эти надписанія, отличаясь краткостію и ясностію опредѣленій, позволяютъ намъ сдѣлать нѣсколько, нелишенныхъ научнаго значенія, заключеній относительно надписаній у латинскаго издателя твореній бл. Діадоха Ф. Турріана XVI в. и у анонима - схоліаста по рукописи XII в.

8) Весьма недостаточное знакомство проф. Попова съ лучшими и древнѣйшими списками λόγος ἀσκητικός лишило его возможности собрать болѣе обстоятельный списокъ варіантовъ къ „новой редакціи" этого слова, имѣющихъ безспорно важное значеніе для всесторонняго изученія и отчетливаго пониманія ученія бл. Діадоха о христіанскомъ аскетизмѣ. Приложенные къ книгѣ фото-цинкографическіе снимки и копіи о. Дорофея Вулизмы, сдѣланныя послѣднимъ въ Вѣнѣ въ 1783 году и хранящіяся нынѣ въ библіотекѣ русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ, показываютъ, что матеріалъ этого рода изъ извѣстныхъ проф. Попову списковъ исчерпанъ имъ далеко не съ желательною полнотою.

9) Весьма обширныя и не лишенныя научной эрудиціи, какъ это кажется съ перваго взгляда, при бѣгломъ знакомствѣ съ книгою проф. Попова, схоліи къ твореніямъ бл. Діадоха нельзя, однакоже, признать въ большей ихъ части оригинальными и вполнѣ самостоятельными. Аскетическіе сборники древнѣйшаго времени: Πατερικόν, Γεροντικόν, Εὐεργετινός, Παντέκτη τῆς ἁγίας γραφῆς и др. являются предшественниками въ этомъ отношеніи труда г. Попова и оказали на него несомнѣнно громадное вліяніе, не только служа образцами, но и предлагая иногда готовый матеріалъ для схолій.

10) Схему построенія схолій—указать возможныхъ предшественниковъ и преемниковъ по тому или иному пункту ученія бл. Діадоха объ аскетизмѣ—едва ли можно признать удачной, а его схоліи о такихъ коронныхъ добродѣтеляхъ христіанской аскетики, какъ, напр., послушаніе, смиренномудріе и др., и такихъ важныхъ и общераспространенныхъ порокахъ, какъ блудъ и др., въ объемѣ пяти—четырехъ половинныхъ страницъ книги представляются намъ положительно непонятными.

11) Сопоставленія текста „новой редакціи" λόγος ἀσκητικός съ выдержками изъ этого творенія въ сочиненіяхъ монаха Антіоха, Іоанна Лѣствичника и др., подъ строкою, по изданіямъ Миня и другихъ, мы считаемъ излишними и въ научномъ отношеніи безполезными, такъ какъ лучшіе древнѣйшіе рукописные списки твореній этихъ аскетическихъ писателей весьма часто не подтверждаютъ чтеній существующихъ въ наукѣ печатныхъ изданій.

12) Схоліи, направленныя къ уясненію словъ и терминовъ въ нелегкомъ для пониманія аскетическомъ трактатѣ бл. Діадоха, можно бы признать и полезными въ книгѣ, если бы авторъ ея представилъ хотя бы и краткую оцѣнку разсѣяннаго въ этихъ схоліяхъ научнаго матеріала.

13) Переводъ на русскій языкъ λόγος ἀσκητικός мы находимъ излишнимъ и по литературнымъ достоинствамъ стоящимъ ниже существующихъ въ печати. Переводы словъ на Вознесеніе и противъ аріанъ принадлежатъ проф. Попову, но сдѣланы они не вполнѣ удовлетворительно. Пропуски словъ и выраженій, имѣющихъ иногда весьма важное значеніе для пониманія міросозерцанія писателя и почему нибудь неудобныхъ автору для перевода, пренебреженіе глагольными формами и частицами, неумѣнье находить подходящіе синонимы и постоянное удаленіе отъ текста—вотъ недостатки этихъ переводовъ.

14) Трудъ анонима-схоліаста по отношенію къ λόγος ἀσκητικός бл. Діадоха *представленъ* проф. Поповымъ *отъ начала до конца ошибочно.* Причина этого кроется въ не-

знакомствѣ издателя „новой редакціи“ этого творенія лично съ рукописями, содержащими въ себѣ схоліи. Вопросъ о времени написанія этихъ схолій анонимомъ оставленъ прямо открытымъ.

15) Слово объ аріанахъ, принадлежность котораго бл. Діадоху, „по меньшей мѣрѣ, сомнительна“, вызываетъ съ логическою необходимостію изданіе въ свѣтъ и другихъ статей, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ этого писателя. Проф. Поповъ былъ бы болѣе послѣдовательнымъ, еслибы и это слово отложилъ печатаніемъ до II тома, куда онъ отнесъ нѣкоторыя другія статьи, приписываемыя бл. Діадоху, или же первый настоящій томъ наполнилъ и въ дѣйствительности „твореніями“ бл. Діадоха подлинными и сомнительными

На основаніи всего этого референтъ настоящій опытъ изданія твореній бл. Діадоха въ русской литературѣ призналъ *неудачнымъ* и рекомендовалъ проф. Попову, прежде чѣмъ продолжать свою работу, переиздать настоящій первый томъ, воспользовавшись для своей цѣли многочисленными цѣнными въ научномъ отношеніи списками твореній бл. Діадоха въ библіотекахъ Аѳона и Константинополя, а, если возможно, то и въ другихъ извѣстныхъ книгохранилищахъ.

По поводу этого доклада С. Т. Голубевъ, признавая полное достоинство указаній докладчика, отмѣтилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезное значеніе разобраннаго имъ сочиненія.

Въ настоящемъ засѣданіи избранъ въ почетные члены Общества академикъ *А. И. Соболевскій.*

X. Засѣданіе 25-го апрѣля.

а) Д. чл. **Ѳ. И. Кнауэръ** сообщилъ о наиболѣе важныхъ докладахъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ *„Международнаго XIII конгресса оріенталистовъ въ Гамбургѣ“.*

Указавъ на положеніе и значеніе Гамбурга въ Германіи и на причины избранія его мѣстомъ съѣзда оріенталистовъ,

референтъ обрисовалъ ту обстановку и условія, въ которыхъ членамъ съѣзда приходилось работать; въ общемъ онъ считаетъ съѣздъ вполнѣ удавшимся; въ число членовъ записалось 766 лицъ (изъ Россіи—28), прибывшихъ изо всѣхъ почти европейскихъ государствъ, а также Азіи и Америки, правительственныхъ делегатовъ—53 (изъ Россіи—2), депутатовъ отъ ученыхъ учрежденій 124 (изъ Россіи—8). Съѣздъ продолжался отъ $\frac{\text{22 августа}}{\text{4 сентября}}$ по $\frac{\text{28 августа}}{\text{10 сентября}}$ въ теченіе 7 дней и имѣлъ 2 общихъ собранія; секцій—8 и 2 подсекціи (къ VIII-й секціи относились рефераты, касавшіеся „взаимодѣйствія между востокомъ и западомъ"); въ общихъ собраніяхъ дозволялось говорить на какомъ-угодно языкѣ, а въ секціяхъ только на нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ и латинскомъ; докладовъ и сообщеній сдѣлано на секціяхъ 150 (на нѣм. яз.—92, на франц.—27, на англійскомъ—26, на итальян.—4, на латинскомъ—1). Далѣе, описавъ подробно открытіе съѣзда, передавъ содержаніе произнесенныхъ рѣчей и перечисливъ принесенныя въ даръ съѣзду изданія сочиненій нѣкоторыхъ членовъ, референтъ сообщилъ о докладахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе широкій интересъ, именно: S. Lefmann въ своемъ докладѣ указалъ три степени въ исторіи развитія языка: основной или корневой, словообразовательный или грамматическій и высшій идеальный, когда совершается измѣненіе содержанія слова независимо отъ его звукового состава; A. Hermann указалъ на работы эрцгерцога Іосифа по цыгановѣдѣнію; Gustav Oppert представилъ разъясненіе ведійской богини Aditi—матери всѣхъ существъ пятикласснаго человѣчества, всего, что родилось и рождается; Iames Burgess предложилъ составленіе словаря-энциклопедіи по индійской миѳологіи; Lyall, отъ имени Grierson'a, сообщилъ о ходѣ изданія: „Lingvistic Survey of India". De-Gubernatis въ своемъ докладѣ старался установить тѣсную историко-генетическую связь между Сакунталой и Гризельдой Боккачіо и русской-дѣвушкой въ народныхъ сказкахъ, собранныхъ Аѳанасьевымъ; для итальянскаго и русскаго типа онъ предполагаетъ одинъ общій первоисточникъ-византій-

скій; E. Leumann сообщилъ объ оксфордской и гамбургской рукописяхъ знаменитой Панчатантры, а Fr. L. Pullé—о древней картографіи Индіи. Много рефератовъ было посвящено буддизму; C. Bendall доказываетъ, что Pali canon, древнія свящ. книги буддистовъ, употреблялись въ Сѣв. Индіи въ теченіе первыхъ восьми вѣковъ христіанской эры; A. Pfungst сообщилъ о современныхъ успѣхахъ распространенія буддизма. Самый большій интересъ представилъ рефератъ А. Штейна о произведенныхъ имъ раскопкахъ въ Китайскомъ Туркестанѣ, устанавливающихъ фактъ существованія тамъ въ началѣ нашей эры особой индо-греческой культуры. F. C. Andreas въ одномъ изъ своихъ рефератовъ доказываетъ, что Киръ былъ не изъ Ахеменидовъ, не изъ персовъ, а изъ неарійскаго народа наз. Хуваша, а въ другомъ—что алфавитъ Авесты во многихъ случаяхъ читаютъ неправильно и что вполнѣ правильное чтеніе этой священной книги возможно возстановить лишь при помощи сравнительной грамматики индоевропейскихъ и семитскихъ языковъ; C. P. Lehmann въ своемъ докладѣ пришелъ къ выводу, что армяне—выходцы изъ Балканскаго полуострова, принадлежатъ, подобно Киммерійцамъ, къ ѳрако-македонской семьѣ индо-европейскаго происхожденія; они поселились сначала по верховьямъ Halys'а задолго до прихода Киммерійцевъ, а потомъ вмѣстѣ съ ними и другими Ѳракійскими племенами перешли въ нынѣшнюю Арменію, гдѣ застали туземцевъ неиндоевропейскаго происхожденія по имени Хати (Hati), отъ которыхъ они вѣроятно приняли имя Haik—Армяне; въ другомъ сообщеніи F. Lehmann говоритъ, что армянскихъ нарѣчій очень много и надо поспѣшить изученіемъ ихъ, такъ какъ курды безъ жалости истребляютъ армянъ. По словамъ референта много докладовъ касалось Библіи, но они, съ точки зрѣнія правовѣрнаго человѣка, покажутся страшно еретическими. Указавъ далѣе, что сообщеніе о менѣе интересныхъ для публики рефератахъ, важныхъ лишь для спеціалистовъ, потребовало бы слишкомъ много времени, референтъ закончилъ свое чтеніе сообщеніемъ, что мѣстомъ для XIV-го съѣзда оріенталистовъ избранъ Алжиръ, а предложеніе японскаго правительства о съѣздѣ въ Токіо отклонено.

б) Д. чл. **П. В. Голубовскій** разсмотрѣлъ „*Письма декабриста А. П. Юшневскаго и его жены изъ Сибири*" (будутъ напечатаны въ слѣдующемъ выпускѣ „Чтеній").

Отмѣтивъ случайность своей находки, проф. Голубовскій изложилъ сначала исторію рода Юшневскихъ, происходившихъ изъ Галиціи. Отцу декабриста принадлежало большое имѣніе Хрустовая, пріобрѣтенное въ 1811 году отъ Минихъ, къ которой оно перешло отъ наслѣдниковъ гр. Ягужинскаго, получившаго его по Высочайшему пожалованію.

Алексѣй Петровичъ Юшневскій родился въ 1786 году. Въ пору раскрытія заговора декабристовъ онъ состоялъ генералъ-интендантомъ южной арміи, имѣвшей главную квартиру въ м. Тульчинѣ. Женатъ онъ былъ на Маріи Казимировнѣ Кругликовской, которая имѣла дочь отъ перваго брака, вышедшую впослѣдствіи замужъ за художника Рейхеля. Арестованъ былъ Ал. Петр. въ началѣ января 1826 года и увезенъ въ Петербургъ. Всѣ справки о немъ со стороны его семьи оставались тщетными, узнали только о приговорѣ, произнесенномъ верховнымъ судомъ. Обвинялся А. П. въ томъ, что стоялъ во главѣ управленія сначала совмѣстно съ Пестелемъ, а послѣ ареста послѣдняго—единолично. По приговору суда онъ былъ причисленъ ко второй категоріи, т. е. приговоренъ къ казни отсѣченіемъ головы. Эта казнь замѣнена была ссылкой въ каторжныя работы. Жена Ал. Петр. получала свѣдѣнія о своемъ мужѣ черезъ княгиню Волконскую и ея мать, которыя относились къ ней съ удивительной заботливостью и теплотой чувства. Марія Казимировна стала немедленно собираться въ путь вслѣдъ за мужемъ, но ей удалось осуществить это только въ 1830 году, такъ какъ потребовалось не мало времени, чтобы собрать нужныя средства. Въ Москвѣ она встрѣтила самое теплое и радушное участіе, а также и помощь. Первое ея письмо изъ Нижняго-Новгорода; первое письмо изъ Петровскаго завода помѣчено 11 октября 1830 года. Переписку вела Мар. Каз. съ братьями мужа и своей дочерью. Докладчику удалось разыскать только первыя, и въ его распоряженіи имѣется

около ста писемъ. Большинство ихъ писано самой Мар. Каз. по-русски и по-французски, многія написаны подъ диктовку ея мужа, а нѣкоторыя болѣе позднія писаны самимъ Алекс. Петр. Юшневскимъ. Переписка подвергалась цензурѣ и шла черезъ Петербургъ; но цензура не была строгою: лишь въ одномъ письмѣ имѣется замѣтка „несправедливо", но мѣсто, вызвавшее это замѣчаніе, не вычеркнуто. Содержавшіеся въ каторжной тюрьмѣ жили дружной семьей въ самомъ сердечномъ общеніи и благодаря заботѣ родственниковъ имѣли возможность слѣдить за литературой на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ. Самъ Ал. Петр. дѣлилъ время между литературой и музыкой. Работа на мельницѣ, куда онъ выходилъ, не была, повидимому, обременительна. Мар. Каз. жила въ деревнѣ въ разстояніи болѣе версты отъ каземата, но имѣла туда постоянный входъ и могла тамъ ночевать. Выходъ на поселеніе и относительно бо̀льшая свобода не манили узниковъ. Нужны были средства, чтобы устроиться и начать хозяйство. Съ просьбой о помощи въ этомъ отношеніи онъ обращался къ брату. Иркутскій губернаторъ самъ переслалъ это письмо его брату съ собственоручной припиской. Поселился Юшневскій въ деревнѣ, гдѣ раньше его устроился Артамонъ Муравьевъ. Устроившись, онъ опять занялся литературой и музыкой. Умеръ Юшневскій въ 1844 году скоропостижно, и послѣднее письмо его къ брату писано за нѣсколько часовъ до смерти, какъ о томъ сообщалъ въ припискѣ Муравьевъ.

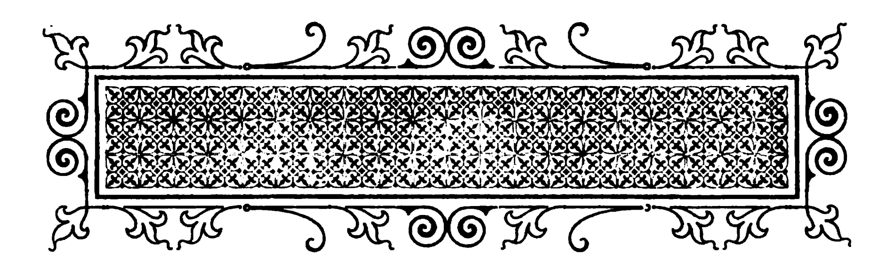
Письма имѣютъ простой интимный характеръ, свидѣтельствуютъ о тѣсной дружбѣ между братьями Юшневскими и о сердечности въ отношеніяхъ между сосланными декабристами. Докладчикъ привелъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ имѣющагося въ его распоряженіи матеріала.

Въ обсужденіи этого доклада принимали участіе члены: Ѳ. И. Кнауэръ, В. С. Иконниковъ, Ю. А. Кулаковскій, Е. И. Де-Витте и М. В. Довнаръ-Запольскій.

в) Г. Предсѣдатель изложилъ содержаніе реферата, присланнаго въ Общество д. чл. **Н. Н. Оглоблинымъ**: *„Дѣло*

Кіевской мѣщанки М. Кятковской (1788—89 гг.), рисующее тогдашнюю судебную волокиту (будетъ напечатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ „Чтеній").

По закрытіи засѣданія были доложены письма проф. В. И. Сергѣевича и акад. А. И. Соболевскаго, съ выраженіемъ благодарности Обществу за избраніе ихъ въ почетные члены.



Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за сентябрь и октябрь 1904 г.

XI. Засѣданіе 12 сентября.

Настоящее засѣданіе было посвящено чествованію памяти *М. А. Максимовича* по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія.

а) Засѣданіе было открыто вводнымъ словомъ Предсѣдателя Общества **Ю. А. Кулаковскаго.**

Затѣмъ былъ сдѣланъ рядъ сообщеній, посвященныхъ характеристикѣ ученой дѣятельности и личности М. А. Максимовича:

а) Д. чл. **В. П. Науменкомъ:** *„М. А. Максимовичъ, какъ этнографъ";*

б) Д. чл. **А. М. Лободой:** *„Заслуги М. А. Максимовича въ области языка и словесности";*

с) Д. чл. **П. В. Голубовскимъ:** *„Историческіе труды М. А. Максимовича",* и

д) Д. чл. **И. М. Каманинымъ:** *„Письмо М. А. Максимовича къ П. А. Кулишу".* (Этотъ и предыдущіе доклады см. въ приложеніи къ настоящему отдѣлу).

Слушали: Отношеніе г. Предсѣдателя Организаціоннаго Комитета по устройству III-го областного археологическаго съѣзда въ г. Владимірѣ (губерн.), отъ 27 мая за № 21, съ предложеніемъ командировать отъ Общества представителей, сообщить темы ихъ рефератовъ и доставить для выставки съѣзда интересные предметы древности, искусства и проч.

Опредѣлили: признать д. чл. В. Т. Георгіевскаго представителемъ Общества на III-мъ областномъ археологическомъ съѣздѣ и оповѣстить другихъ членовъ Общества, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ принять участіе въ трудахъ съѣзда.

2. Слушали: Отношеніе Полтавской губернской ученой архивной Коммиссіи, отъ 6-го іюня за № 294, съ предложеніемъ обсудить вопросъ о времени празднованія тысячелѣтія г. Переяслава, въ виду разногласія историческихъ источниковъ по этому вопросу.

Опредѣлили: Передать разсмотрѣніе этого предложенія Коммиссіи изъ членовъ Общества: А. В. Стороженка, Вс. Г. Ляскоронскаго и П. В. Голубовскаго и просить другихъ членовъ высказаться по этому вопросу.

XII. Засѣданіе 26-го сентября.

а) Д. чл. **О. И. Левицкій** изложилъ факты *„Изъ исторіи брачнаго права и семейнаго быта въ Юго-Западной Руси въ XVI и XVII вв.“*.

Докладчикомъ извлечены изъ актовыхъ книгъ Кіев. Центральнаго Архива интересные матеріалы, рисующіе положеніе южно-русской женщины указанной эпохи. Изъ нихъ видно, что въ то время южно-русская женщина пользовалась широкою свободою и независимостью, почти не уступая въ полнотѣ своихъ гражданскихъ правъ мужчинѣ. Не знала она ни теремнаго затвора, ни монастырскаго заключенія, ни той горькой домостроевской неволи и порабощенія, какія выпали на долю ея сестры—великороссіянки; напротивъ, консерваторы XVI в.

нерѣдко жаловались, что жены взяли рѣшительный перевѣсъ надъ мужьями съ тѣхъ поръ, какъ Литов. Статутъ обезпечилъ ихъ имущественныя права. Живя среди свободнаго общества, женщина играла видную роль въ тогдашней общественной жизни, столь же воспріимчиво, какъ и мужчина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и едва ли не рѣзче отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ свѣтлыя, такъ и темныя черты эпохи. Правда, по Литов. Статуту женщина считалась всю жизнь состоящею въ опекѣ—родителей, мужа, родни; но жизнь опередила законъ и также мало считалась съ нимъ, какъ и современная жизнь мало считается съ подобнымъ возврѣніемъ устарѣвшаго законодательства. Впрочемъ, и Литов. Статутъ весьма мало ограничивалъ гражданскую правоспособность женщины; онъ въ полной мѣрѣ признавалъ за нею права имущественныя, право вступать въ обязательства и вообще всю сумму частныхъ правъ и сугубо охранялъ ея жизнь, честь и личную неприкосновенность. Даже дѣвушки, оставаясь еще въ родительскомъ домѣ, могли владѣть на правѣ личной собственности движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, пріобрѣтаемымъ путемъ дара, куплп и наслѣдства. Лишь въ наслѣдованіи родовыхъ, отцовскихъ имѣній права дочерей были ограничены въ пользу сыновей, но материнскія имѣнія дочери и сыновья наслѣдовали въ равныхъ доляхъ, изъ отцовскихъ же дочери получали только приданое на сумму, равную стоимости четвертой части этихъ имѣній; но если не было сыновей, дочери наслѣдовали и отцовскія имѣнія. Въ области брачнаго права господствовалъ тотъ же принципъ равноправности половъ. Уже въ Статутѣ 1529 г. великій князь отрекается отъ стариннаго патріархальнаго права—выдавать вдовъ и дѣвушекъ замужъ противъ ихъ воли. Законъ старательно ограждалъ право свободнаго произволенія невѣсты въ дѣлѣ замужества отъ произвола опекуновъ и даже самихъ родителей, дозволяя ей, въ случаяхъ насилія ея воли, обращаться къ защитѣ суда и отъ него получать дозволеніе вступать въ бракъ съ избран-

нымъ лицомъ, не считаясь уже съ волею опекуновъ и родителей. Въ предбрачныхъ и др. записяхъ того времени невѣсты (какъ и женихи) обыкновенно заявляютъ, что вступаютъ въ бракъ „за волею и благословеніемъ" родителей и „за властнымъ позволеніемъ своимъ". Часто бывало, что опекуны и даже сами родители, выдавая дочь въ замужество, требовали предварительно, чтобы она формально, передъ судомъ, заявила о своемъ непринужденномъ согласіи на вступленіе въ бракъ съ избраннымъ ею лицомъ.

Въ нѣкоторомъ противорѣчіи со всѣмъ этимъ находится существовавшій еще въ XVI в. обычай сговора малолѣтнихъ, когда родители сосватывали своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и заключали между собою формальные договоры, въ которыхъ за много лѣтъ впередъ обозначался срокъ свадьбы, выговаривалось приданое невѣсты и вѣно со стороны жениха и договоръ обезпечивался съ обѣихъ сторонъ крупными неустойками на случай его нарушенія. Но это былъ не болѣе, какъ пережитокъ прежнихъ вѣковъ, когда браки на Руси совершались въ столь малолѣтнемъ возрастѣ (11 и 10 лѣтъ), что не могло быть и рѣчи о свободномъ произволеніи брачущихся и активными сторонами въ предбрачномъ сговорѣ естественно являлись не женихъ и невѣста, а ихъ родители или опекуны. Не находя себѣ юридической опоры въ Литов. Статутѣ, этотъ архаическій обычай самъ собою исчезъ въ послѣдней четверти XVI ст. Дольше всего онъ держался въ средѣ южнорусской знати, такъ какъ подобные сговоры большею частью и заключались по фамильнымъ соображеніямъ.

По поводу этого доклада д. чл. В. З. Завитневичъ поставилъ вопросъ о томъ, насколько глубоко проникло въ народъ признаніе свободы личности и выбора, отмѣченное докладчикомъ, и что даетъ по этому вопросу тотъ матеріалъ, которымъ пользовался докладчикъ для характеристики брачныхъ отношеній въ высшихъ слояхъ юго-западнаго общества.

Референтъ разъяснилъ, что прямыхъ указаній для отвѣта въ утвердительномъ смыслѣ на поставленный вопросъ

въ собранномъ матеріалѣ нѣтъ, но косвенныя данныя и въ особенности параллели изъ жизни сѣверо-западнаго края позволяютъ заключить, что признаніе свободы личности и брачнаго выбора глубоко проникло и въ народъ.

Въ обсужденіи реферата, кромѣ того, принималъ участіе и д. чл. А. М. Лобода.

б) Предсѣдатель общества **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ докладъ: *„Крестьянское землевладѣніе въ Византіи (по поводу изслѣдованія г. Панченка)“*.

Отмѣтивъ въ общихъ чертахъ содержаніе и характеръ изслѣдованія г. Панченка, референтъ указалъ на общій выводъ, къ которому пришелъ авторъ, и затѣмъ обратился къ ближайшему выясненію судебъ и значенія того памятника, которымъ г. Панченко занимается въ первой части своей работы, а именно: „Земледѣльческаго закона“. Коснувшись вкратцѣ богатой исторіи этого памятника у насъ въ Россіи и на славянскомъ югѣ, референтъ предложилъ обзоръ содержанія этого памятника по древнѣйшему списку, опубликованному итальянскимъ ученымъ Феррини въ 1898 году. Статьи „закона“ въ цѣломъ рисуютъ намъ бытъ свободнаго крестьянства въ Византійской имперіи VIII вѣка. Въ трехъ статьяхъ закона (8, 31 и 78) упоминается объ „общей“ землѣ села и ея раздѣлѣ. Какъ извѣстно, эти статьи дали поводъ толковать этотъ памятникъ въ смыслѣ воздѣйствія разселившихся въ Византійской имперіи славянъ на законодательство, которое, считаясь съ фактомъ, признало *общинное* владѣніе землей, какъ основу крестьянскаго быта. Знаменитый знатокъ Византійскаго права *Zachariae von Lingenthal* пустилъ въ ходъ это воззрѣніе, а никто иной, какъ нашъ не менѣе знаменитый византинистъ Васильевскій, воспринялъ его и упрочилъ. Г. Панченко выступилъ съ возраженіемъ на такое объясненіе, находя его ни на чемъ не основаннымъ. Въ „Земледѣльческомъ законѣ“ предстаетъ предъ нами свободная крестьянская община, члены которой, владѣя участками на правахъ личной наслѣдственной собственности, имѣютъ также общую

территорію села, которую они могутъ выводить изъ общаго владѣнія, раздѣляя, по общему соглашенію, на участки, распредѣляемые по жребію. Референтъ вполнѣ согласенъ съ такимъ общимъ толкованіемъ смысла памятника и настаивалъ, съ своей стороны, на томъ, что свободное крестьянство для своего существованія въ Византійской имперіи не нуждается непремѣнно въ предположеніи вторженія народной массы другого этническаго состава съ чуждыми имперіи правовыми понятіями. О свободныхъ крестьянахъ упоминаетъ изданный въ ихъ защиту указъ имп. Льва I отъ 468 года, вошедшій въ Кодексъ Юстиніана. Историческіе факты IV вѣка, разсказанные Амміаномъ Марцеллиномъ, заставляютъ предполагать въ Малой Азіи народныя массы, жившія внѣ всякаго воздѣйствія законовъ о прикрѣпленіи и колонатѣ. Отстраняясь отъ представленія, будто „земледѣльческій законъ“ заставляетъ насъ видѣть славянъ въ тѣхъ поселкахъ, для которыхъ онъ написанъ, референтъ считаетъ однако слишкомъ смѣлымъ утвержденіе г. Панченка объ отсутствіи всякихъ слѣдовъ общиннаго владѣнія землей въ Византіи. Въ Новеллахъ императоровъ X вѣка, изданныхъ въ защиту свободнаго крестьянства, есть факты, которые заставляютъ предполагать существованіе коллективнаго права на землю членовъ крестьянскаго общества. Къ сожалѣнію, источники слишкомъ скудны по этому вопросу. Но такъ какъ г. Панченко оставилъ совершенно въ сторонѣ Новеллы, то обобщенія, выставленныя имъ въ концѣ книги, нуждаются въ ограниченіи. Вполнѣ неубѣдительными считалъ докладчикъ аргументы, приведенные г. Панченкомъ въ доказательство того, будто „Земледѣльческій законъ“ не есть законодательный актъ, а лишь запись обычнаго права, не имѣющая отношенія къ законодательству иконоборцевъ и притомъ возникшая раньше временъ иконоборцевъ.

Къ этому докладу д. чл. А. А. Дмитріевскій прибавилъ обстоятельное разъясненіе того, какъ пользовался монастырскими земельными документами г. Панченко, обнаружившій, по словамъ г. Дмитріевскаго, недостаточное примѣненіе

критики и основавшій свои выводы, между прочимъ на подложныхъ документахъ.

Въ дебатахъ принялъ участіе и д. чл. В. З. Завитневичъ.

в) Д. чл. **Ѳ. И. Титовъ** представилъ разборъ недавно вышедшаго въ свѣтъ сочиненія Л. К. Гётца: *Das Kiever Höhlen-Kloster, als Kulturcentrum des vormongolischen Russlands, von Dr. Leopold Karl Goetz, a. o. Universitätsprofessor in Bonn.* 1904. XXXIV + 242".

Указавъ на значеніе Кіево-Печерскаго монастыря, особенно въ первый періодъ его существованія, какъ на центръ всей русской христіанской образованности и отмѣтивъ вышедшія до настоящаго времени сочиненія по исторіи этого монастыря: Кіевскихъ митрополитовъ Самуила (Миславскаго), Евгенія (Болховитинова) и протоіерея П. Г. Лебедницева, не считая общихъ систематическихъ курсовъ по исторіи русской церкви и описаній Кіева, референтъ перешелъ къ разбору сочиненія Л. К. Гётца. Оно дѣлится на двѣ части. Въ первой излагается внѣшняя исторія Кіево-Печерскаго монастыря отъ основанія его и до нашествія татаръ (1051—1240 г. г.). Первая часть книги распадается на три отдѣла: въ 1-мъ изъ нихъ авторъ разсуждаетъ о происхожденіи и характерѣ первоначальныхъ монастырей въ Кіевѣ и отношеніи ихъ къ Кіево-Печерскому монастырю; во 2-мъ—излагается исторія и первоначальное устройство Кіево-Печерскаго монастыря въ связи съ описаніемъ жизни и дѣятельности преподобныхъ основателей его Антонія и Ѳеодосія и ихъ сподвижниковъ; въ 3-мъ отдѣлѣ, послѣ краткаго общаго обзора исторіи Кіево-Печерскаго монастыря со времени смерти преподобнаго Ѳеодосія и до татарскаго нашествія, а также послѣ характеристики внѣшняго и внутренняго состоянія его въ это время, описывается дѣятельность 14 игуменовъ Кіево-Печерскаго монастыря, бывшихъ послѣ преп. Ѳеодосія до татарскаго нашествія. Вторая часть книги проф. Гётца состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: въ 1-мъ изъ нихъ авторъ указываетъ условія, на которыхъ основалось исклю-

чительное культурное значеніе Кіево-Печерскаго монастыря, именно, его религіозный и соціально-экономическій авторитетъ; во 2-мъ—изображается разносторонняя дѣятельность иноковъ монастыря: религіозно-просвѣтительная, церковно-общественная и благотворительная; въ 3-мъ—разъясняются отношенія Кіево-Печерскаго монастыря къ другимъ факторамъ церковно-государственной жизни въ до-монгольской Россіи, и, наконецъ, въ 4-мъ опредѣляется національно-русскій характеръ монаховъ и всей вообще дѣятельности Кіево-Печерскаго монастыря. Изслѣдованіе проф. Гётца снабжено въ приложеніи 1) спискомъ игуменовъ и архимандритовъ монастыря за 1073—1249 г.г. 2) спискомъ угодниковъ, почивающихъ въ ближнихъ пещерахъ; 3) спискомъ русскихъ іерарховъ, вышедшихъ на высшіе посты свои изъ монастыря; 4) выписью изъ метрики патр. Іереміи и 5) указателемъ. Авторъ вполнѣ собралъ и изучилъ литературу своего вопроса и часто высказываетъ новые и оригинальные взгляды на ту или другую сторону въ жизни монастыря, напр. по вопросу о происхожденіи русскихъ монастырей изъ архіерейскихъ домовъ, объ отношеніи русскаго монашества къ обществу, объ аристократическомъ характерѣ братіи монастыря въ первые годы его существованія и демократизаціи ея при Ѳеодосіи, о библіотекѣ монастыря, о развитіи медицинскихъ знаній среди монаховъ и проч.[1]).

Въ настоящемъ засѣданіи въ члены Ревизіонной Коммиссіи для повѣрки кассы и библіотеки Общества избраны *В. С. Иконниковъ, А. В. Стороженко и Н. В. Стороженко.*

XIII. Засѣданіе 17-го октября.

а) Г. **В. А. Розовъ** сдѣлалъ сообщеніе о *„Южно-русской школьной драмѣ о св. Екатеринѣ"*.

---

[1]) См. „Труды Кіев. Духовн. Академіи за 1904 г."

Списки драмы, извѣстные докладчику, находятся въ библіотекахъ: Московской Синодальной (№ 1016) и Кіево-Софійской (№ 479). Она написана на польскомъ языкѣ, воспитанниками Кіево-Могилянской Коллегіи и касается событій Сѣверной Россіи. Драма относится къ 170$^{3}/_{4}$ г.г. и сочинена подъ руководствомъ преподавателя риторики Иларіона Ярошевицкаго; содержаніе драмы—житіе св. Екатерины, съ небольшими отступленіями отъ ея житій: драмой этой, какъ можно думать, чествовалась Екатерина Скавронская, ставшая вскорѣ императрицей. Не сходясь въ содержаніи съ житіями св. Екатерины, она разнится и отъ драмы того же наименованія репертуара Натальи Алексѣевны; поэтому авторъ полагаетъ что источникъ разбираемой имъ драмы („Declamatio de sanctae Catharinae Genio") нужно искать въ какой-либо западной, обработкѣ этой легенды, сдѣланной, быть можетъ, во Франціи; но и она подверглась нѣкоторымъ передѣлкамъ, чтобы приспособиться къ спеціальнымъ задачамъ южно-русскаго автора [1]).

По поводу этого доклада д. чл. А. В. Стороженко высказался въ томъ смыслѣ, что прежде чѣмъ обращаться за поисками оригинала пьесы на Западъ, и въ частности во Францію, желательно было бы обратиться къ польской и чешской литературамъ, гдѣ легенда о св. Екатеринѣ была весьма популярна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Стороженко оспаривалъ мнѣніе докладчика относительно тождества героини пьесы въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ съ Екатериной Скавронской, будто бы имѣвшейся въ виду авторомъ пьесы при написаніи послѣдней.

Въ оживленныхъ преніяхъ по этому поводу принимали участіе члены В. З. Завитневичъ, А. М. Лобода, О. И. Левицкій и В. А. Чаговецъ.

б) Предсѣдатель **Ю. А. Кулаковскій** сдѣлалъ докладъ: *„Гдѣ начинается территорія славянъ по Іордану?"*.

---

[1]) Напечатано съ нѣкоторыми сокращеніями въ „Изборникѣ Кіевскомъ". Кіевъ. 1904, стр. 208—214.

Въ V главѣ „Исторіи Готовъ“ Іорданъ дважды повторяетъ опредѣленіе мѣста, съ котораго начинается мѣстожительство славянъ. Опредѣленіе это дано въ видѣ названія города—*civitas Novietunensis* и одного воднаго бассейна—*Lacus Mursianus (Morsianus)*. Отмѣтивъ толкованія ученыхъ прежняго времени и Моммзена, который опредѣляетъ названный у Іордана городъ какъ Новіодунъ на низовьяхъ Дуная (нынѣ Исакча), а водный бассейнъ передвигаетъ далеко къ западу, въ глубь нынѣшней Венгріи, по близости отъ нынѣшняго города Эссегъ, древняя *Mursa*, докладчикъ привелъ новое истолкованіе, предложенное г. Вестбергомъ, по которому оба пункта передвигаются еще дальше къ западу, въ мѣстность нынѣшняго Нейзидлерскаго озера, по близости отъ древняго города *Carnuntum* на среднемъ Дунаѣ. Обращаясь къ непосредственному анализу географическихъ данныхъ Іордана и представивъ характеристику той карты, какую имѣлъ предъ глазами этотъ авторъ, писавшій въ Константинополѣ и издавшій свой трудъ въ 551 году, докладчикъ считалъ себя въ правѣ признать недоразумѣніе въ новой теоріи г. Вестберга, а не „открытіе“ новыхъ важныхъ данныхъ для исторіи разселенія славянъ, какъ то полагалъ послѣдній. По мнѣнію докладчика, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Іорданъ указывалъ на мѣстность нижняго Дуная и имѣлъ въ виду Новіодунъ, лежавшій на мѣстѣ нынѣшней Исакчи; что же до воднаго бассейна *lacus Mursianus* (или *Morsianus*), то весьма вѣроятно, что подъ этимъ именемъ разумѣется цѣлая система озеръ къ сѣверу отъ нынѣшней Исакчи, озера: Ялтухъ, Кагулъ, Кагурларъ. Отъ этого пункта въ сторону рѣкъ Вислы къ сѣверу, и Днѣстра и Днѣпра къ востоку и представлялъ себѣ территорію славянъ Іорданъ.

Въ дѣйствительности въ ту пору славянская территорія заходила далѣе на западъ, захватывая низменности лѣваго берега Дуная, гдѣ въ концѣ VI вѣка ихъ зналъ Маврикій *(Стратегика)*, но Іорданъ этого не зналъ, такъ какъ вообще въ теченіе VI вѣка движенія славянъ закры-

вали въ глазахъ византійцевъ тюркскія племена, игравшія нерѣдко руководящую роль въ славянскихъ вторженіяхъ на территорію имперіи [1]).

Д. чл. В. З. Завитневичъ также высказался въ пользу толкованія карты Іордана, предлагаемаго докладчикомъ.

Слушали: докладъ Ревизіонной Коммиссіи о повѣркѣ ею кассы и библіотеки Общества за $190^{3}/_{4}$ г.г., при чемъ какъ касса, такъ и библіотека оказались въ полномъ порядкѣ и исправности.

Въ настоящемъ засѣданіи въ почетные члены Общества избранъ графъ *Алексѣй Александровичъ Бобринской.*

XIV. Засѣданіе 27 октября.

Настоящее годичное собраніе Общества удостоилъ своимъ посѣщеніемъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія В. Г. Глазовъ въ сопровожденіи г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа В. И. Бѣляева и членовъ совѣта Министра кн. Д. П. Голицына и А. М. Позднѣева. Засѣданіе было открыто вступительнымъ словомъ предсѣдателя проф. **Ю. А. Кулаковскаго:**

„Мм. Гг.!

„Въ ту пору, когда на Дальнемъ Востокѣ совершаются событія міроваго значенія и десятки тысячъ сыновъ Русской земли полагаютъ свою жизнь за вѣру, царя и отечество, когда всякое русское сердце содрагается и трепещетъ отъ невиданныхъ раньше ужасовъ войны,—собрались мы на нашъ мирный праздникъ науки... Грохотъ орудій не доносится до нашей мирной обстановки, но нашимъ сердцемъ мы переживаемъ всѣ ужасы настоящаго. Оно томитъ насъ всѣхъ, но оно не можетъ насъ обезсилить. Въ нашей вѣрѣ въ силу и мощь Русскаго народа, въ сознаніи нашего вели-

---

[1]) Рефератъ напечатанъ въ полномъ видѣ въ *Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщенія,* 1905, Мартъ, стр. 123—136.

каго государственнаго и племеннаго единства почерпаемъ мы бодрость для того мирнаго труда, который выпалъ на нашу долю. Чѣмъ тревожнѣе наше настоящее, тѣмъ съ большей настойчивостью предъявляетъ оно намъ запросъ на нашу бодрость и энергію для мирной, но плодотворной работы на пользу отечественнаго самосознанія. Сила и слава народа не въ числѣ пушекъ и броненосцевъ, а въ той культурѣ, которая, среди другихъ своихъ созданій и пріобрѣтеній, создаетъ и эти пушки, и эти броненосцы, какъ орудіе грознаго мира, а не только кровопролитной войны. Далекіе отъ ужасовъ войны и въ то же время близкіе къ нимъ нашимъ русскимъ сердцемъ, мы остаемся при своемъ дѣлѣ, и вотъ нынѣ собрались, по исконному нашему обычаю, въ наше годичное собраніе въ день, когда православная церковь чтитъ память перваго русскаго лѣтописца, подвизавшагося нѣкогда въ нашей славной Кіево-Печерской лаврѣ, преподобнаго Нестора. Въ этотъ день собирается наше общество уже 32-й разъ, чтобы окинуть общимъ взглядомъ труды своихъ сочленовъ за истекшій годъ, помянуть добрымъ словомъ тѣхъ изъ своей среды, кто покинулъ насъ за этотъ срокъ на вѣки, и освѣжить въ своемъ сознаніи добровольно принятый всѣми нами на себя долгъ служить на пользу общаго дѣла—развитія и процвѣтанія русской исторической науки. Объединяющее насъ въ нашемъ Обществѣ имя нашего преподобнаго патрона, слагавшаго нѣкогда здѣсь въ Кіевѣ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ", даетъ намъ простой и ясный завѣтъ—сохранять память о прошломъ въ неукоснительно точной истинѣ событій. Въ безмѣрно расширившейся нынѣ сферѣ историческаго изслѣдованія и изученія прошлаго, дробимся мы теперь на множество спеціальностей и, работая каждый въ своей области, служимъ одному и тому же дѣлу—посильному раскрытію и уразумѣнію истины о прошломъ человѣчества. Одни изъ насъ ищутъ свидѣтельствъ о давнихъ временахъ въ гробницахъ поколѣній и народовъ, о которыхъ не сохранилось словесныхъ памятниковъ, другіе разыскиваютъ

ихъ въ архивахъ, хранящихъ документы исторической жизни нашего края, третьи изслѣдуютъ памятники слова разныхъ временъ и разныхъ народовъ, уясняютъ и стараются возстановить въ истинѣ факты жизни прошлаго, еще не разъясненные или нуждающіеся въ углубленіи нашего ихъ уразумѣнія и нашего о нихъ знанія: и всѣ мы служимъ одному идеалу и работаемъ надъ одной задачей—постигнуть творящую жизнь духа человѣческаго, совершающуюся въ непрерывной цѣпи смѣняющихся поколѣній... Общаясь здѣсь результатами своихъ работъ, мы находимъ взаимную помощь и поддержку въ нашихъ ученыхъ интересахъ, а также встрѣчаемъ и поученіе. Такъ прошелъ еще одинъ годъ жизни нашего Общества, и мы собрались сегодня на нашъ мирный праздникъ съ живымъ чувствомъ признательности ко всѣмъ тѣмъ, кто удостоилъ насъ сегодня своимъ посѣщеніемъ".

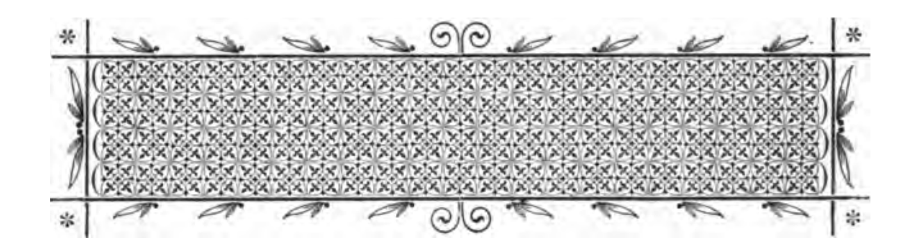
Затѣмъ, секретарь Общества **А. М. Лобода** прочелъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца за 32-й годъ его существованія, т. е. съ 27 октября 1903 года по 27-е октября 1904-го года (напечатанъ въ приложеніи къ настоящему отдѣлу книги).

Д. чл. **В. Н. Перетцъ** произнесъ рѣчь, въ которой разсмотрѣлъ *„Литературу эпохи Петра Великаго при свѣтѣ новыхъ данныхъ"*, по слѣдующей программѣ:

Установившееся въ наукѣ мнѣніе о литературѣ Петровской эпохи, какъ переводной и технической по преимуществу. Новые труды послѣднихъ годовъ. Связь литературы XVIII в. съ литературою предшествовавшаго столѣтія. Обмірщеніе Россіи и ея идеаловъ. Отношеніе XVII вѣка къ свѣтской литературѣ, воспроизводящей „жизнь сердца". Романъ Петровской эпохи. Появленіе искусства лирики съ содержаніемъ торжественнымъ и сантиментальнымъ. Источники и образцы для русскихъ поэтовъ. Малорусская школьная пѣсенка и нѣмецкіе культуртрегеры. Отраженіе идей Петровской эпохи въ драмѣ; сантиментальная и шутовская комедія, гаерство. Появленіе общественной сатиры. Первыя

„Вѣдомости“, какъ органъ, изображающій русскую жизнь. Значеніе литературы Петровскаго періода, какъ звена, соединяющаго старое съ новымъ.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель выразилъ отъ имени Общества признательность г. Министру за оказанное имъ вниманіе Обществу посѣщеніемъ его годичнаго засѣданія и просилъ Его Высокопревосходительство принять званіе почетнаго члена Общества. Г. Министръ въ своемъ отвѣтномъ словѣ выразилъ свое полное уваженіе къ дѣятельности Общества, благодарилъ за избраніе въ почетные члены и обѣщалъ свое содѣйствіе Обществу въ нуждахъ послѣдняго.



Историческое Общество Нестора-лѣтописца въ 1903—1904 г.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца за 32-й годъ его существованія, съ 27 октября 1903 г. по 27 октября 1904 г.

(Составленъ Секретаремъ Общества А. М. Лободой).

Въ день чествованія памяти преподобнаго Нестора-лѣтописца, завершая годичнымъ собраніемъ свой кругъ обычныхъ занятій, Историческое Общество Нестора-лѣтописца имѣетъ честь представить общій отчетъ о состояніи и дѣятельности означеннаго Общества за 32-ой годъ его существованія, съ 27-го октября 1903 г. по 27-ое октября нынѣшняго года.

I. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27-му октября 1903-го года Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 147 членовъ: 22 почетныхъ, 123 дѣйствительныхъ и 2 членовъ корреспондентовъ.

Въ отчетномъ году произошли нижеслѣдующія перемѣны въ личномъ составѣ Общества:

Общество лишилось своего дѣйствительнаго члена Ивана Петровича Хрущова, заслуженнаго ученаго и административнаго дѣятеля, память котораго вдвойнѣ дорога Обществу. Оставивъ по себѣ память въ русской исторической наукѣ изслѣдованіями о сочиненіяхъ преп. Іосифа Санина, о древнерусскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ и нѣк. др., И. П. въ частности много сдѣлалъ для Общества Нестора-лѣтописца, явившись однимъ изъ учредителей и организаторовъ послѣдняго. Если первая мысль объ основанія историческаго общества при университетѣ св. Владиміра принадлежитъ М. А. Максимовичу, то надъ осуществленіемъ этой мысли въ видѣ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца больше другихъ поработалъ именно И. П.: онъ энергично хлопоталъ объ организаціи кружка учредителей его, принялъ на себя „ходатайство и предварительныя заботы, равно какъ и составленіе устава"; по утвержденіи послѣдняго, состоялъ первымъ секретаремъ Общества, съ 27 декабря 1872 г. по 12 февраля 1878 г., что было далеко не легкимъ дѣломъ въ ту пору, когда Общество только начинало свою жизнь. При этомъ И. П. являлся также ревностнымъ участникомъ въ научной дѣятельности Общества.

Составъ Общества пополнился шестью новыми членами, изъ коихъ въ почетные члены избраны предсѣдатель Имп. Археологической Коммиссіи гр. Алексѣй Александровичъ Бобринской и заслуженный профессоръ Василій Ивановичъ Сергѣевичъ, въ дѣйствительные—проф. Павелъ Николаевичъ Ардашевъ, Иванъ Францевичъ Павловскій, Иванъ Васильевичъ Шаровольскій и въ члены-корреспонденты—Викторъ Павловичъ Каньшинъ.

Дѣйствительный членъ Общества академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій по случаю исполнившагося въ нынѣшнемъ году 25 лѣтія его служебной и научной дѣятельности былъ избранъ въ почетные члены Общества.

Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго года въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца числится 152 члена: 25 почетныхъ, 124 дѣйствительныхъ и 3 члена-корреспондента

Изъ нихъ 74, а именно: 6 почетныхъ, 67 дѣйствительныхъ и 1 членъ-корреспондентъ находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Бюро Общества на текущее трехлѣтіе, съ 13 октября 1902 г., къ началу отчетнаго года состояло изъ предсѣдателя поч. чл. Н. П. Дашкевича (второе трехлѣтіе), товарища предсѣдателя д. чл. О. И. Левицкаго, секретаря д. чл. М. Н. Ясинскаго (третье трехлѣтіе), казначея д. чл. Г. Г. Павлуцкаго и библіотекаря, исполняющаго вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности помощника секретаря, И. М. Каманина (съ 1890 г.). Но 2-го февраля т. г. поч. чл. Н. П. Дашкевичъ и д. чл. М. Н. Ясинскій заявили о своемъ отказѣ, первый отъ обязанностей предсѣдателя, второй — секретаря, въ виду продолжительнаго отсутствія изъ Кіева и заграничной командировки. Поэтому, 29-го того-же февраля были произведены новые выборы предсѣдателя и секретаря, причемъ избранными оказались: на должность предсѣдателя д. чл. Ю. А. Кулаковскій, на должность секретаря д. чл. А. М. Лобода.

Предсѣдатель, товарищъ предсѣдателя, казначей и секретарь съ членами-учредителями и 8 лицами, избираемыми общимъ собраніемъ изъ среды почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества, составляютъ *Совѣтъ* Общества. Личный составъ его въ отчетномъ году былъ прежній, за исключеніемъ того, что, въ силу отмѣченной выше смѣны должностныхъ лицъ, выбылъ М. Н. Ясинскій и его мѣсто занялъ А. М. Лобода; Н. П. Дашкевичъ, согласно постановленію Общества, сохранилъ за собой званіе члена Совѣта и послѣ того, какъ сложилъ съ себя обязанности предсѣдателя, а преемникъ его по этой послѣдней должности Ю. А. Кулаковскій былъ членомъ Совѣта еще до избранія его предсѣдателемъ. Слѣдовательно, въ настоящее время Совѣтъ состоитъ 1) изъ предсѣдателя д. чл. Ю. А. Кулаковскаго, товарища предсѣдателя д. чл. О. И. Левицкаго, секретаря д. чл. А. М. Лободы, казначея д. чл. Г. Г. Павлуцкаго, библіотекаря и помощника секретаря И. М. Каманина; 2) трехъ членовъ-учредителей, поч. членовъ В. Б. Антоновича, В. С. Иконникова и Н. И.

Петрова; 3) восьми членовъ по избранію: поч. чл. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, дѣйств. членовъ: Г. Е. Аѳанасьева, В. З. Завитневича, А. І. Степовича, Т. Д. Флоринскаго, С. Т. Голубева, И. М. Каманина и поч. чл. Н. П. Дашкевича.

Изъ нихъ членами *Редакціоннаго Комитета* при Совѣтѣ состоятъ названныя четыре должностныя лица и, по избранію Совѣта, поч. члены В. Б. Антоновичъ, В. С. Иконниковъ, Н. П. Дашкевичъ.

Всѣхъ засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 9, а засѣданій Редакціоннаго Комитета 3.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки и денежныхъ средствъ Общества.

Въ *Библіотекѣ Общества* къ 27-му октября 1903 года имѣлось:

1) *въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ*—2562 названія въ 5684 томахъ и брошюрахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вновь поступило 108 названій въ 298 томахъ и брошюрахъ, и такимъ образомъ къ 27 октября 1904 года имѣется 2670 названій въ 5982 томахъ и брошюрахъ. Въ означенномъ числѣ книгъ слѣдуетъ отмѣтить два цѣнныя пріобрѣтенія:

1) „Остромирово Евангеліе" въ редакціи А. Востокова, пожертвованное д. чл. Е. И. Де-Витте, и

2) „Атласъ русскихъ земель бывшей Рѣчи-Посполитой на межѣ XVI и XVII вв.", составленный А. П. Яблоновскимъ и изданный Краковской Акад. Наукъ. Въ даръ Обществу „Атласъ" присланъ авторомъ, состоящимъ въ числѣ нашихъ дѣйств. членовъ.

2) *Въ отдѣлѣ рукописей* было:

а) древнихъ рукописныхъ книгъ 11

б) фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

в) рукописныхъ сочиненій истекшаго XIX в. въ формѣ книгъ 7

г) отдѣльныхъ документовъ . . . . . . 2 связки

д) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта и почетнымъ членомъ нашего Общества О. В. Головней.

Въ теченіе отчетнаго года поступило:

1) десять отдѣльныхъ документовъ (договоры о сооруженіи и украшеніи храмовъ въ Лѣвобережной Украинѣ XVIII в.), пожертвованныхъ д. чл. Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ;

2) двѣ рукописныя книги, пожертвованныя проф. Университета П. П. Соколовымъ, а именно: церковная лѣтопись Баронія въ копіи XVIII в. и Синопсисъ Инокентія Гизеля, какъ руководство по исторіи для студентовъ Кіевской академіи и въ ихъ изложеніи, также XVIII в., и

3) небольшая тетрадка (въ 4 страницы), содержащая въ себѣ сказаніе и пожертвованная студентомъ Университета В. М. Щербаковскимъ.

Такимъ образомъ, къ 27-му октября 1904 г. имѣется въ отдѣлѣ рукописей:

а) древнихъ рукописныхъ книгъ 14

б) фотографич. снимковъ съ древнихъ рукописей 2

в) отдѣльныхъ документовъ, съ присоединеніемъ къ нимъ 10 документовъ, пожертвованныхъ г. Бѣляшевскимъ. . . . . 2 связки

г) рукописныхъ сочиненій XIX вѣка въ формѣ книгъ . . . . 7, и

д) небольшая связка документовъ и писемъ изъ фамильнаго архива Гоголей, пожертвованныхъ сестрой поэта и почет. чл. нашего Общества О. В. Головней.

Въ небольшомъ *Музеѣ Общества,* до сихъ поръ не выходящемъ изъ зачаточнаго состоянія, новыхъ поступленій въ отчетномъ году не было.

Что касается *денежныхъ средствъ* Общества, то таковыя въ отчетномъ году находились въ слѣдующемъ движеніи:

1) Къ 27-му октября прошлаго 1903 г. въ кассѣ оставалось . . . . 2662 р. 79 к.

2) Въ теченіе отчетнаго года поступило въ приходъ Общества . . . . 1261 р. 31 к.

(менѣе прошлогодняго на 195 р. 14 коп.)

и въ томъ числѣ:

а) правительственной субсидіи . . . . 800 р. —

б) членскихъ взносовъ (отъ 40 членовъ) 190 р. 13 к.

(менѣе прошлогодняго на 259 р. 87 коп.)

в) дохода съ % бумагъ и % по текущему счету . . . . 113 р. 48 к.

(менѣе прошлогодняго на 13 р. 97 коп.)

г) отъ продажи изданій Общества . . 26 р. 25 к.

(менѣе прошлогодняго на 21 р. 75 коп.)

д) % съ публичныхъ лекцій . . . . . 131 р. 45 к.

Такимъ образомъ, общій итогъ суммъ, коими касса Общества располагала въ отчетномъ году на свои расходы, составляетъ . . . . . **3924 р. 10 к.**

(болѣе прошлогодняго на 189 р. 2 к.)

Изъ этой суммы въ теченіе означеннаго года израсходовано:

1) на изданія Общества:

а) на изданіе 3 и 4 вып. XVII кн. Чтеній. . 501 р. 18 к.
б) на изданіе 1 вып. XVIII кн. Чтеній . . . 214 р. 30 к.
} 715 р. 48 к.

2) на устройство засѣданій . . . . . 61 р. —

3) на прислугу . . . . 70 р. 50 к.

4) на канцелярскіе и различные мелкіе расходы . . . . 214 р. 20 к.

5) на собираніе матеріала для описанія древностей Украины . . . . 136 р. 74 к.

Всего же израсходовано . . **1197 р. 92 к.**[1]

(болѣе прошлогодняго на 125 р. 63 к.)

[1]) Въ томъ числѣ остававшійся въ кассѣ Общества отъ ассигнованной Московскимъ Археологическимъ Обществомъ на описаніе древностей Украины тысячи р. остатокъ въ размѣрѣ 136 р. 74 к. теперь израсходованъ.

Слѣдовательно, къ настоящему дню (27 октября 1904 г.) въ кассѣ Общества осталось въ наличности . . . . **2726 р. 18 к.**[1])
(болѣе прошлогодняго на 63 р. 39 к.)

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Историческаго Общества Нестора - лѣтописца выражалась, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, прежде всего въ устройствѣ засѣданій, въ которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году, по настоящій день включительно, всѣхъ засѣданій Общества было 14 (противъ 16 за прошлый годъ); изъ нихъ одно (сегодняшнее)—торжественное годичное, одно (12 сентября)—посвященное памяти М. А. Максимовича и 12 обычныхъ частныхъ. На этихъ засѣданіяхъ были предложены сообщенія слѣдующихъ 23 (противъ 24 прошлаго года) членовъ Общества и посторонних посѣтителей (согласно § 43 Устава): И. М. Каманина, Ю. А. Кулаковскаго, Г. Г. Павлуцкаго (по 3 сообщенія); П. В. Голубовскаго, Н. П. Дашкевича, А. М. Лободы, М. Н. Сперанскаго, о. Ѳ. И. Титова (по 2 сообщенія); П. Н. Ардашева, А. А. Дмитріевскаго, В. А. Кордта, Ѳ. И. Кнауэра, О. И. Левицкаго, В. П. Леонтовскаго, В. П. Науменка, Н. Н. Оглоблина, И. Ф. Павловскаго, В. Н. Перетца, В. А. Розова, И. В. Шаровольскаго, В. М. Щербаковскаго, Д. М. Щербаковскаго, М. Н. Ясинскаго (по 1 сообщенію).

Всего сообщеній, въ формѣ докладовъ, рѣчей, поминокъ и т. п., было предложено 34 (противъ 33 прошлаго года).

Изъ этого общаго числа 4 сообщенія принадлежатъ не членамъ Общества (г.г. Леонтовскому, Розову и Щербаковскимъ); равнымъ образомъ, г. Шаровольскій, въ настоящее время д. чл. Общества, дѣлалъ свой докладъ еще до избра-

[1]) Изъ нихъ неприкосновеннаго капитала 2400 р.

нія его таковымъ. Допуская на своихъ засѣданіяхъ чтенія постороннихъ лицъ, Общество имѣетъ въ виду поддержать въ мѣстной интеллигенціи, особенно среди молодежи, интересъ къ научнымъ занятіямъ и подготовить себѣ въ будущемъ полезныхъ сотрудниковъ. Обществу пріятно засвидѣтельствовать, что въ этомъ случаѣ его надежды вполнѣ оправдываются.

Большинство докладовъ посвящено, какъ и слѣдовало ожидать, южно-русской старинѣ и народности.

Въ виду исполнившагося въ текущемъ году столѣтія со дня рожденія одного изъ піонеровъ науки въ Кіевѣ Михаила Александровича Максимовича, перваго ректора и профессора русскаго языка и литературы въ Университетѣ св. Владиміра, а также духовнаго отца нашего Историческаго Общества, послѣднее почтило этотъ знаменательный юбилей особымъ засѣданіемъ, въ которомъ дѣйств. членами В. П. Науменкомъ, П. В. Голубовскимъ, А. М. Лободой и И. М. Каманинымъ охарактеризованы были свѣтлая личность М. А. Максимовича, его дѣятельность и заслуги для науки и родного края.

Тѣмъ духомъ, который нашелъ себѣ проявленіе въ этомъ скромномъ праздникѣ Общества, проникнута въ значительной степени и его будничная дѣятельность.

Въ связи съ начатыми нѣсколько лѣтъ тому назадъ систематическими трудами состоящей при Обществѣ Комиссіи по обозрѣнію и описанію памятниковъ южно-русской старины было, между прочимъ, заслушано сообщеніе объ археологической экскурсіи В. М. Щербаковскаго въ Радомысльскій и Сквирскій уѣзды лѣтомъ 1903 г., а предсѣдатель означенной Комиссіи, д. чл. Г. Г. Павлуцкій, на основаніи матеріала, собраннаго лично имъ и другими членами той-же Комиссіи, обрисовалъ „Деревянную церковную архитектуру въ Юго-Западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв.", причемъ нашелъ возможнымъ допустить, что малорусскій архитектурный типъ этой эпохи представляетъ пережитокъ очень давняго времени и вмѣстѣ съ сѣвернымъ аналогичнымъ типомъ заключаетъ данныя для выясненія древнерусскаго деревяннаго зодчества.

Явившійся первой попыткой обобщенія и объясненія малоизвѣстныхъ дотолѣ матеріаловъ, затронувшій самые основные вопросы не только южно-русскаго зодчества, но и южнорусской исторіи вообще, докладъ этотъ привлекъ общее вниманіе, вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній и даже породилъ новые доклады: д. чл. И. М. Каманина—„Замѣтку о договорахъ относительно сооруженія церквей въ Малороссіи въ XVIII в.", и д. чл. Г. Г. Павлуцкаго—„Наиболѣе раннія свидѣтельства литературныхъ памятниковъ о построеніи деревянныхъ церквей малорусскаго типа", имѣвшія цѣлью установить давность и устойчивость южно-русскаго деревяннаго строительства, какъ мѣстнаго мастерства. Къ той-же области церковнаго зодчества относится также сообщеніе г. Павлуцкаго „О деревянныхъ рѣзныхъ изображеніяхъ путтовъ (малютокъ-ангеловъ) въ южно-русскихъ церквахъ въ XVII и XVIII в.в."

Одинъ изъ крупнѣйшихъ эпизодовъ внѣшней исторіи края по новымъ даннымъ былъ изложенъ въ докладѣ д. чл. о. Θ. И. Титова: „Окончательное присоединеніе Кіева къ Россіи по вѣчному договору 1686 г.".

Исторіи быта и правовыхъ отношеній посвящены доклады: В. П. Леонтовскаго—„Начальные моменты введенія крестьянской реформы въ Полтавской губ." (по неизданнымъ архивнымъ даннымъ); д. чл. И. Ф. Павловскаго—„Когда прекратилось существованіе приходскихъ школъ въ старой Малороссіи" (также по новымъ архивнымъ даннымъ); д. чл. Н. Н. Оглоблина—„Дѣло кіевской мѣщанки М. Квятковской (1788—89)", любопытное для жизни зажиточныхъ кіевскихъ горожанъ того времени и судебныхъ процессовъ. Весьма цѣнныя новыя данныя „Изъ исторіи брачнаго права и семейнаго быта въ Юго-западной Руси XVI—XVII вв.", свидѣтельствующія, между прочимъ, о признаніи въ названной сферѣ свободы личности и свободы выбора, представилъ въ своемъ докладѣ по матеріаламъ Кіевскаго Центральнаго Архива д. чл. О. И. Левицкій. Судебные акты и законодательные памятники Западной Руси дали возможность д. члену

М. Н. Ясинскому пролить новый свѣтъ на спорное дотолѣ мѣсто Русской Правды о „закупахъ“ и подкрѣпить такимъ образомъ взглядъ на закупничество, какъ на договоръ займа, соединенный съ личнымъ закладомъ.

Наконецъ, выясненію степени достовѣрности „Фундушевой записи князя Любарта луцкой церкви св. Іоанна-Богослова“ былъ посвященъ докладъ Д. М. Щербаковскаго.

Нѣсколько докладовъ касалось представителей южной Руси въ области литературы и общественныхъ движеній. Такъ, поч. чл. Н. П. Дашкевичъ освѣтилъ „Романтическій міръ Гоголя“, христіански-романтическій индивидуализмъ котораго (Гоголя) былъ обусловленъ какъ знакомствомъ съ романтическими произведеніями Запада, такъ и личнымъ предрасположеніемъ поэта къ романтическимъ настроеніямъ; д. чл. П. В. Голубовскій познакомилъ съ „Письмами декабриста А. П. Юшневскаго и его жены“, а В. А. Розовъ—съ недавно открытой „Южно-русской школьной драмой о св. Екатеринѣ“, начала XVIII в.

По вопросу о культурномъ, въ частности литературномъ, взаимоотношеніи Южной Руси съ сосѣдями поч. чл. Н. П. Дашкевичъ представилъ обстоятельный сводъ „Слѣдовъ общенія Южной Руси съ юго-славянами въ литовско-польскій періодъ ея исторіи, между прочимъ—въ думахъ“; д. чл. И. М. Каманинымъ было разсмотрѣно „Письмо черногорскаго владыки Василія Петровича 1757 г.“ и указана его связь съ колонизаціей въ XVIII в. степей Россіи южно-славянскими выходцами.

Начальныхъ моментовъ русской исторіи съ точки зрѣнія отраженія ихъ въ историческомъ преданіи и легендѣ касался докладъ д. чл. А. М. Лободы, заключавшій пересмотръ лѣтописныхъ и былинныхъ данныхъ о женитьбѣ кн. Владиміра. Русской литературѣ Петровской эпохи, въ которой, между прочимъ, также играла видную роль Юго-западная Русь, посвящается нынѣшняя рѣчь д. чл. В. Н. Перетца, которая, вмѣстѣ съ докладомъ д. чл. В. А. Кордта: „Современное (Петру) извѣстіе о пребываніи Петра В. въ Нидерландахъ“, служитъ своего рода данью тому интересу

къ эпохѣ Великаго преобразователя, какой былъ поддержанъ недавнимъ юбилеемъ его „творенія“—Петрограда. Докладъ г. Кордта былъ посвященъ неизданнымъ запискамъ Нумена, крупное значеніе которыхъ давно признано и которыя, однако, доселѣ были извѣстны лишь въ извлеченіяхъ; г. Кордтъ впервые издалъ ихъ полностью въ русскомъ переводѣ.

Въ своемъ родѣ не менѣе интересенъ охарактеризованный д. чл. М. Н. Сперанскимъ „Сербскій источникъ русской исторіи“, представляющій изданный подъ ред. г. Стояновича сводъ сербскихъ записей и надписей, гдѣ не мало данныхъ для сербо-русскихъ отношеній XVI—XIX вв.

Критику и новую попытку истолкованія одного изъ источниковъ древнѣйшей исторіи славянъ—Іордана представилъ д. чл. Ю. А. Кулаковскій въ докладѣ: „Гдѣ начинается территорія славянъ по Іордану“, а новѣйшее изслѣдованіе о крестьянскомъ землевладѣніи въ Византіи г. Панченка дало поводъ г. Кулаковскому охарактеризовать тотъ византійскій источникъ, въ которомъ ученые (довольно произвольно, по мнѣнію докладчика) склонны видѣть воздѣйствіе славянскаго общиннаго строя на правовыя нормы Византіи.

До извѣстной степени источникомъ древнѣйшей исторіи славянъ вообще и славянскихъ нарѣчій въ частности служатъ тѣ славянскія заимствованія въ сѣверныхъ германскихъ языкахъ, которымъ посвященъ былъ докладъ И. В. Шаровольскаго.

Къ области византино-славянской литературы относятся: „Рѣдкій текстъ“ изъ цикла т. н. страстныхъ легендъ, съ которымъ познакомилъ Общество д. чл. М. Н. Сперанскій, и докладъ д. чл. А. А. Дмитріевскаго: „Блаженный Діадохъ и его творенія“.

Отзывалось Общество и на крупнѣйшія событія въ ходѣ исторической науки за границей. Смерть Моммзена вызвала спеціальный докладъ д. чл. Ю. А. Кулаковскаго, въ которомъ личность и дѣятельность почившаго нашли себѣ всестороннее освѣщеніе; труды Гамбургскаго международнаго

съѣзда оріенталистовъ были отмѣчены д. чл. Ѳ. И. Кнауэромъ, а „Новые типы научно-историческихъ обозрѣній“ во Франціи—д. чл. П. Н. Ардашевымъ.

Эти доклады, полностью или въ краткихъ извлеченіяхъ, а равно и матеріалы, представляемые членами Общества, печатаются въ издаваемыхъ Обществомъ „Чтеніяхъ“, по 4 выпуска ежегодно.

Въ отчетномъ году закончены печатаніемъ 4-й выпускъ XVII-ой книги и 1-й выпускъ XVIII-ой и на дняхъ выйдетъ 2-й. Нѣкоторая задержка въ выходѣ выпусковъ объясняется, главнымъ образомъ, недостаткомъ средствъ.

Помимо сего, Общество организовало публичныя лекціи, въ которыхъ приняли участіе слѣдующіе члены Общества: Г. Е. Аѳанасьевъ (Исторія Ирландіи), П. В. Голубовскій (Исторія Смутнаго времени), М. В. Довнаръ-Запольскій (Судьбы крестьянскаго сословія въ Россіи), В. Н. Малининъ (Исторія новѣйшей русской литературы), В. Н. Перетцъ (Начальный и средній періоды малорусской литературы).

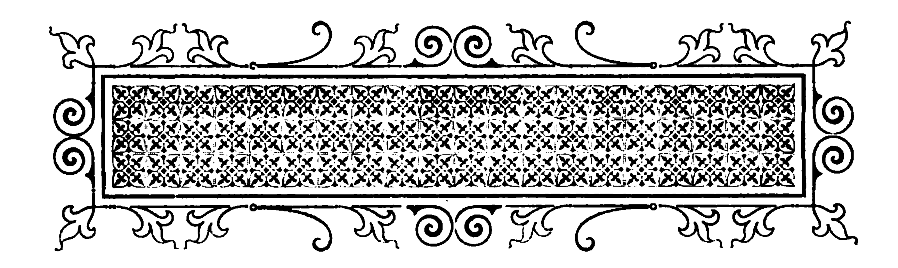
Затѣмъ Общество принимаетъ участіе въ подготовкѣ XIII Археологическаго Съѣзда въ г. Екатеринославѣ въ 1905 г., въ лицѣ многихъ своихъ членовъ, вошедшихъ въ составъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству Съѣзда подъ предсѣдательствомъ Г. Г. Павлуцкаго.

Не оставаясь равнодушнымъ къ происходившимъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи праздникамъ науки и искусства, Общество приняло участіе привѣтственнымъ адресомъ въ чествованіи столѣтняго юбилея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, почтило адресами извѣстнаго этнографа-композитора Николая Витальевича Лисенка, по случаю тридцатипятилѣтія его дѣятельности, и своего поч. чл. проф. Николая Павловича Дашкевича въ день тридцатилѣтія его служенія наукѣ; избрало въ почетные члены своего д. члена академ. и проф. Алексѣя Ивановича Соболевскаго и привѣтствовало д. чл. проф. Ивана Алексѣ-

евича Сикорскаго, по случаю юбилеевъ ихъ дѣятельности, 25-ти лѣтняго—перваго и 35-ти лѣтняго—второго.

Такова за истекшій годъ дѣятельность Общества, имѣвшаго цѣлью—содѣйствовать разработкѣ русской исторической науки со всѣми вспомогательными науками, поддерживать связь между учеными, особенно мѣстными, давать каждому изъ нихъ возможность подвергать изслѣдуемый ими вопросъ обсужденію для болѣе полнаго его выясненія, наконецъ, способствовать распространенію историческихъ знаній, какъ изданіями, такъ и посредствомъ публичныхъ рѣчей, сообщеній, лекцій и проч.

Общество надѣется, что и въ истекшемъ году, подобно прежнимъ, оно оставалось вѣрнымъ этой своей задачѣ.



Приложеніе къ Отчету за 1903—1904 г.

I. Списокъ членовъ Общества Нестора-лѣтописца къ 15 мая 1905 г.

А. Члены, живущіе въ Кіевѣ.

а) Почетные:

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ (членъ-учредитель).
Владимірскій-Будановъ, Михаилъ Флегонтовичъ.
Дашкевичъ, Николай Павловичъ.
Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ (членъ-учредитель).
Лучицкій, Иванъ Васильевичъ.
Петровъ, Николай Ивановичъ (членъ-учредитель).

б) Дѣйствительные:

Александровскій, Григорій Владиміровичъ.
Антоновичъ, Екатерина Николаевна.
Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ.
Аѳанасьевъ, Георгій Емельяновичъ.

Безсмертный, Евгеній Адріановичъ.
Бокадоровъ, Николай Константиновичъ.

Бубновъ, Николай Михайловичъ.
Булгаковъ, Аѳанасій Ивановичъ.
Бѣлогрицъ-Котляревскій, Леонидъ Сергѣевичъ.
Бѣляшевскій, Николай Ѳедотовичъ.

Василенко, Николай Прокоѳьевичъ.

Георгіевскій, Василій Тимоѳеевичъ.
Гливенко, Иванъ Ивановичъ.
Глокке, Николай Эрнестовичъ.
Голубевъ, Степанъ Тимофеевичъ.
Голубовскій, Петръ Васильевичъ.
Грушевскій, Александръ Сергѣевичъ.

Дверницкій, Емеліанъ Николаевичъ.
Де-ла-Бартъ, графъ, Фердинандъ Георгіевичъ.
Демченко, Василій Григорьевичъ.
Дмитріевскій, Алексѣй Аѳанасьевичъ.
Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Викторовичъ.

Желѣзновъ, Владиміръ Яковлевичъ.
Житецкій, Павелъ Игнатьевичъ.

Завитневичъ, Владиміръ Зеноновичъ.

Исаевъ, Иванъ Петровичъ.
Истоминъ, Ѳедоръ Павловичъ.

Каманинъ, Иванъ Михайловичъ.
Кивлицкій, Евгеній Александровичъ.
Клячинъ, Василій Петровичъ.
Кнауэръ, Ѳедоръ Ивановичъ.
Кордтъ, Веніаминъ Александровичъ.
Крыловскій, Амвросій Семеновичъ.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ.

Левицкій, Орестъ Ивановичъ.
Личковъ, Леонидъ Семеновичъ.
Лобода, Андрей Митрофановичъ.

Ляскоронскій, Василій Григорьевичъ.
Ляскоронскій, Владиміръ Григорьевичъ.

Малининъ, Василій Николаевичъ.
Марковскій, Михаилъ Николаевичъ.
Мищенко, Ѳеодоръ Герасимовичъ.
Молчановскій, Никандръ Васильевичъ.

Науменко, Владиміръ Павловичъ.

Оболонскій, Николай Александровичъ.

Павлуцкій, Григорій Григорьевичъ.
Перетцъ, Владиміръ Николаевичъ.
Петръ, Вячеславъ Ивановичъ.

Розовъ, Алексѣй Васильевичъ.
Романовичъ-Славатинскій, Александръ Васильевичъ.

Сикорскій, Иванъ Алексѣевичъ.
Синицкій, Даніилъ Александровичъ.
Соколовъ, Платонъ Петровичъ.
Сонни, Адольфъ Израилевичъ.
Степовичъ, Андроникъ Іоанникіевичъ.
Стешенко, Иванъ Матвѣевичъ.
Стороженко, Андрей Владиміровичъ.
Стороженко, Николай Владиміровичъ.

Титовъ, о. Ѳеодоръ Ивановичъ.
Трубецкой, князь, Евгеній Николаевичъ.

Удинцевъ, Всеволодъ Аристарховичъ.

Флоринскій, Тимоѳей Дмитріевичъ.

Ханенко, Богданъ Ивановичъ.

Чаговецъ, Всеволодъ Андреевичъ.
Челпановъ, Георгій Ивановичъ.

Шаровольскій, Иванъ Васильевичъ.
Шульгинъ, Яковъ Николаевичъ.

Щербина, Владиміръ Ивановичъ.

Ясинскій, Михаилъ Никитичъ.

в) Корреспонденты.

Каньшинъ, Викторъ Павловичъ.
Розовъ, Владиміръ Алексѣевичъ.

Б. Иногородные члены.

а) Почетные:

Бобринской, графъ, Алексѣй Александровичъ (С.-Петербургъ).
Веселовскій, Александръ Николаевичъ (С.-Петербургъ).
Глазовъ, Владиміръ Гавріиловичъ (С.-Петербургъ).
Гоголь (по мужу Головня), Ольга Васильевна (Миргород. у.)
Голубинскій, Евгеній Евсигніевичъ (Москва).
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ (Москва).
Знаменскій, Петръ Васильевичъ (Казань).
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Латышевъ, Василій Васильевичъ (С.-Петербургъ).
Миллеръ, Всеволодъ Өеодоровичъ (Москва).
Сергѣевичъ, Василій Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Соболевскій Алексѣй Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Сумцовъ, Николай Өеодоровичъ (Харьковъ).
Уварова, графиня, Прасковья Сергѣевна (Москва).
Филипповъ, Александръ Никитичъ (Москва).
Шереметевъ, графъ, Сергѣй Дмитріевичъ (С.-Петербургъ).

б) Дѣйствительные:

Аничковъ, Евгеній Васильевичъ (С.-Петербургъ).

Багалѣй, Дмитрій Ивановичъ (Харьковъ).
Бережковъ, Михаилъ Николаевичъ (Нѣжинъ).
Бродовичъ Осипъ Александровичъ (Харьковъ).
Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ (С.-Петербургъ).

Василенко, Викторъ Ивановичъ (Полтава).

Гамченко, Сергѣй Спиридоновичъ (Житоміръ).
Горленко, Василій Петровичъ (Полтав. губ.).

Данилевичъ, Василій Евфимовичъ (Харьковъ).
Де-Витте, Елисавета Ивановна (Кременецъ).
Дебольскій, Владиміръ Николаевичъ (Житоміръ).
Демченко, Григорій Васильевичъ (Варшава).
Доманицкій, Василій Николаевичъ (Звенигород. у.).

Ефименко, Петръ Саввичъ (Харьковъ).

Ивановъ, Николай Ивановичъ (Рига).
Ивановъ, Павелъ Андреевичъ (Одесса).
Истоминъ, Михаилъ Павловичъ (Вильна).

Кочубинскій, Александръ Александровичъ (Одесса).

Лилеевъ, Михаилъ Ивановичъ (Нѣжинъ).
Линниченко, Иванъ Андреевичъ (Одесса).
Люба-Радзиминскій, Сигизмундъ Владиміровичъ (Волын. губ.)
Любовичъ, Николай Николаевичъ (Варшава).

Малиновскій, Іоанникій Алексѣевичъ (Томскъ).
Милорадовичъ, графъ, Григорій Александровичъ (Черн. губ.).
Михалевскій, Владиміръ Андреевичъ (Керчь).
Модестовъ, Василій Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Мусинъ-Пушкинъ, графъ, Александръ Алексѣевичъ (С.-Петербургъ).

Николайчикъ, Ѳедоръ Даниловичъ (Ромны).

Оглоблинъ, Николай Николаевичъ (Москва).

Павловскій, Иванъ Францовичъ (Полтава).
Падалка, Левъ Васильевичъ (Полтава).

Петровскій, Мемнонъ Петровичъ (Казань).
Пискорскій, Владиміръ Константиновичъ (Нѣжинъ).
Помяловскій, Иванъ Васильевичъ (С.-Петербургъ).
Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ (Конотопъ).

Радченко, Константинъ Ѳеодоровичъ (Нѣжинъ).

Соколовъ, Матвѣй Ивановичъ (Москва).
Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ (Нѣжинъ).
Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ (Вильно).
Строжевъ, Василій Николаевичъ (Москва).
Сѣцинскій, о. Евфимій Осиповичъ (Каменецъ-Подольскъ).

Терновскій, Сергѣй Алексѣевичъ (Казань).

Уманецъ, Ѳедоръ Михайловичъ (Черниговъ).

Фотинскій, Орестъ Авксентьевичъ (Житоміръ).

Шахматовъ, Алексѣй Александровичъ (С.-Петербургъ).

Эйнгорнъ, Виталій Осиповичъ (Москва).

Яблоновскій, Александръ Петровичъ (Варшава).
Ясинскій, Антонъ Никитичъ (Юрьевъ).

в) Корреспонденты.

Гатцукъ, Семенъ Андреевичъ (Черниговъ. губ.).
Пичета, Владиміръ Ивановичъ (Екатеринославъ).
Рябининъ, Иванъ Трофимовичъ (д. Гарницы, Олонецк. губ.).

В. Члены, находящіеся за границей.

а) Почетные.

Петрушевичъ, о. Антоній Стефановичъ (Львовъ).
Ягичъ, Игнатій Викентьевичъ (Вѣна).

б) Дѣйствительные.

Грушевскій, Михаилъ Сергѣевичъ (Львовъ).
Де-Бай, Жозефъ, баронъ (Парижъ).
Прохаска, Антоній Антоніевичъ (Львовъ).
Ровинскій, Павелъ Аполлоновичъ (Цетинье).
Успенскій, Ѳеодоръ Ивановичъ (Константинополь).
Шишмановъ, Иванъ Дмитріевичъ (Софія).

II. Должностныя лица Общества Нестора-лѣтописца:

(избраны по октябрь 1905 г.).

Предсѣдатель—Ю. А. Кулаковскій.
Товарищъ предсѣдателя—О. И. Левицкій.
Казначей—Г. Г. Павлуцкій.
Секретарь—А. М. Лобода.
Библіотекарь и помощникъ секретаря—И. М. Каманинъ.

III. Совѣтъ Общества.

а) Члены по должности:

Ю. А. Кулаковскій
О. И. Левицкій.
Г. Г. Павлуцкій.
А. М. Лобода.

б) Пожизненные члены (чл.-учред. Общ-ва).

В. Б. Антоновичъ.
В. С. Иконниковъ.
Н. И. Петровъ.

в) Члены, избр. до апр. 1906 г.

Г. Е. Аөанасьевъ.
М. Ф. Владимірскій-Будановъ.
В. З. Завитневичъ.
А. I. Степовичъ.

г) Члены, избр. до марта 1909 г.

Т. Д. Флоринскій.
Н. П. Дашкевичъ.
И. М. Каманинъ.
С. Т. Голубевъ.

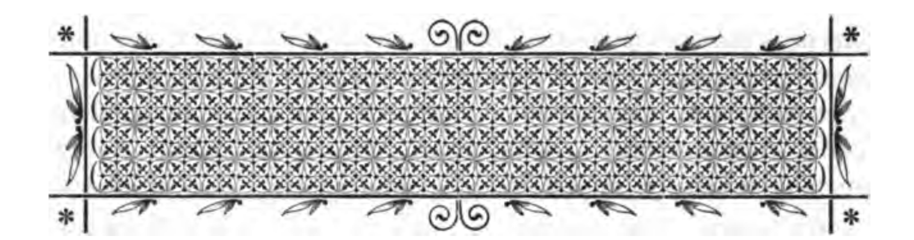
IV. Редакціонный Комитетъ.

В. Б. Антоновичъ.
М. Ф. Владимірскій-Будановъ.
В. С. Иконниковъ.
Н. П. Дашкевичъ.
Ю. А. Кулаковскій.
О. И. Левицкій.
А. М. Лобода.
Г. Г. Павлуцкій.

Памяти

Михаила Александровича

Максимовича.



Памяти М. А. МАКСИМОВИЧА.

Вводное слово

предсѣдателя Общества Ю. А. Кулаковскаго, сказанное въ засѣданіи 12 сентября 1904 года, посвященномъ чествованію памяти М. А. Максимовича.

„Мм. Гг.!

„3 сентября, въ день исполнившагося столѣтія со дня рожденія перваго ректора Университета св. Владиміра, профессора М. А. Максимовича, Университетъ совершилъ церковное поминаніе этого человѣка, имя котораго стоитъ въ началѣ длиннаго ряда другихъ именъ людей, трудившихся и трудящихся на пользу и во славу русской науки и просвѣщенія въ стѣнахъ нашего Университета. Состоящее при Университетѣ Историческое Общество Нестора-лѣтописца сочло своимъ долгомъ посвятить памяти М. А. Максимовича свое первое засѣданіе въ настоящемъ академическомъ году. Самое названіе нашего Общества „историческимъ" обязываетъ его воздавать должное отшедшимъ въ вѣчность дѣятелямъ прошлаго, труды которыхъ имѣютъ значеніе историческихъ событій. Съ имени Максимовича начинается лѣтопись нашего Университета: онъ былъ руководителемъ и направителемъ его жизни въ первые дни его существованія. Въ зарождающійся Университетъ онъ принесъ съ собою крупное ученое и лите-

ратурное имя, которое стяжалъ себѣ до того въ Москвѣ, онъ принесъ,—говоря словами бытописателя нашего Университета,— „умъ свѣтлый, одинаково способный какъ къ блестящимъ почти поэтическимъ обобщеніемъ, такъ и къ критическому анализу, тонкому, почти микроскопическому", онъ принесъ обаятельность личности высоко нравственнаго характера. Не долго служилъ онъ Университету какъ ректоръ: въ административныхъ обязанностяхъ онъ видѣлъ помѣху для своихъ ученыхъ занятій; съ перерывами шла его преподавательская дѣятельность, но всю свою долгую жизнь онъ служилъ наукѣ и работалъ на пользу народнаго самосознанія. Оцѣнку научныхъ трудовъ Максимовича и значенія его личности предложатъ Вамъ, Мм. Гг., наши сочлены, и этимъ наше Общество исполнитъ свой долгъ въ отношеніи этого человѣка. Долгъ этотъ тѣмъ болѣе настоятеленъ, что въ лицѣ Максимовича наше Общество въ правѣ видѣть перваго иниціатора своего возникновенія. Еще въ 1841 году поднялъ Максимовичъ рѣчь объ учрежденіи въ Кіевѣ „Общества исторіи и древностей словено-русскихъ". Внѣшнія обстоятельства не позволили осуществиться этой идеѣ. Много лѣтъ спустя, въ 1867 году, около Максимовича организовался кружокъ любителей мѣстной старины и ученыхъ. Въ 1870 году, въ связи съ своимъ юбилеемъ, Максимовичъ былъ занятъ той же мыслью, и лишь дѣло болѣе или менѣе случая то, что Общество возникло не при его непосредственномъ участіи и не подъ тѣмъ именемъ, какое думалъ дать ему Максимовичъ. Ближайшіе члены его кружка стали членами учредителями нашего Историческаго Общества Нестора-лѣтописца, которое преслѣдуетъ въ своей дѣятельности тѣ же цѣли и задачи, какія выдвигалъ Максимовичъ, когда такъ долго прилагалъ старанія къ тому, чтобы въ нашемъ Кіевѣ явился умственный центръ для разработки исторіи родного края.

„Я предлагаю Вамъ, Мм. гг., почтить память перваго иниціатора нашего Общества вставаніемъ".

М. А. Максимовичъ какъ этнографъ [1]).

М. А. Максимовичъ происходилъ изъ старо-казацкой семьи. Родился въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. Грамотѣ научился въ женскомъ монастырѣ. 8 лѣтъ отъ роду былъ отданъ въ Новгородъ-Сѣверскую гимназію. Въ гимназіи у него впервые обнаружилось увлеченіе ботаникой и литературой. 15 лѣтъ Максимовичъ поступилъ въ Московскій университетъ, сначала на словесный факультетъ, а черезъ 2 года—на физико-математическій. Въ 1823 году покойный, 19 лѣтъ отъ роду, окончилъ курсъ университета со степенью кандидата. Мечтой его было — получить каѳедру ботаники. Какъ затѣмъ складывался московскій періодъ жизни Максимовича, объ этомъ много цѣннаго и характернаго сообщаетъ автобіографическая записка, составленная имъ въ 1854 году для біографическаго словаря профессоровъ Московскаго университета, въ видѣ письма къ Шевыреву, но напечатанная съ сокращеніями, восполненными нынѣ докладчикомъ.

По окончаніи курса, Максимовичъ 4 года занимался при университетѣ и заявилъ себя цѣлымъ рядомъ ученыхъ трудовъ. Въ 1827 году онъ получилъ степень доктора ботаники. Но еще будучи кандидатомъ, онъ читалъ лекціи по ботаникѣ и вскорѣ издалъ свой курсъ. Одновременно съ занятіями ботаникой шло сближеніе Максимовича съ литературнымъ міромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ начинаетъ работать

[1]) Сокращ. изложеніе; болѣе полно см. въ „Кіевской Старинѣ“ 1904 г. № 9.

на этомъ поприщѣ. Постепенно у него завязываются дружескія отношенія съ Одоевскимъ, Кирѣевскимъ, Полевымъ, Вяземскимъ, Баратынскимъ и др. Въ 1829 году Максимовичъ былъ назначенъ адъюнктомъ, а въ 1833 году—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ ботаники. Въ 1834 году въ жизни покойнаго произошла рѣзкая перемѣна: онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности во вновь открытый университетъ св. Владиміра. Съ этого времени Максимовичъ-ботаникъ исчезъ. Вскорѣ покойный былъ назначенъ ректоромъ того-же университета, но черезъ полтора года оставилъ ректорство, а въ 1841 году, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, оставилъ и профессуру. Всю остальную жизнь, живя большей частью въ своемъ хуторѣ Михайлова Гора, Максимовичъ неустанно работалъ въ области исторіи, археологіи, литературы и этнографіи родного края. Умеръ Максимовичъ въ 1873 году.

Въ ряду его работъ видное мѣсто занимаетъ этнографія. Имъ въ этой области изданы три сборника малорусскихъ пѣсенъ, „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина" и много небольшихъ статей. Первый свой сборникъ пѣсенъ Максимовичъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1827 году въ количествѣ 130 пѣсенъ. Въ предисловіи къ этому сборнику Максимовичъ выясняетъ значеніе пѣсенъ въ дѣлѣ народоизученія. Второй сборникъ выпущенъ въ 1834 году, а третій—въ 1849 г. Въ свое время эти сборники имѣли большое значеніе: это—настоящія врата малорусской этнографіи. „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина" появились въ 1856 г. въ „Бесѣдѣ". Это—результатъ изученія народной жизни. Максимовичъ характеризуетъ эту жизнь въ связи съ календаремъ, изображая годъ украинца, начиная съ марта. Въ своихъ статьяхъ Максимовичъ много занимался вопросомъ о „старобытности" малорусскаго нарѣчія. Онъ рѣшительно оспаривалъ гипотезу, будто до XIII вѣка въ Кіевской Руси жилъ великорусскій народъ, и уже потомъ, послѣ нашествія татаръ, сюда пришли съ Карпатъ малоруссы.

Что касается, наконецъ, опредѣленія міровоззрѣній Максимовича по вопросу о народности, то, напримѣръ, Пыпинъ говоритъ, что „привязанность къ своей родинѣ и народной жизни руководила его историко-этнографическими интересами; но Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова". Де-Пуле (Русскій Вѣстникъ, 1880 г.) даже какъ бы въ укоръ современному украинофильству ставилъ для образца личность Максимовича. Гдѣ же отвѣтъ на это?—Мы знаемъ ту атмосферу, въ какой мужалъ и крѣпъ въ своихъ убѣжденіяхъ Максимовичъ. Это была пора глубокой вѣры въ идею народности, но, такъ сказать, на основѣ болѣе романтической. Легко было въ 30-е годы съ этой основой въ душѣ найти для себя какъ-бы отзвукъ въ обще-государственной политикѣ съ ея программой оффиціальной народности. Максимовичъ, другъ Надеждина, другъ Погодина, другъ Аксаковыхъ, вполнѣ присоединился къ теоріи самобытности племенной, считая необходимымъ освободиться отъ излишней иноземщины. Его *Рѣчь о русскомъ просвѣщеніи* прекрасно опредѣляетъ его взглядъ. „Самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнью и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. *Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія.* Духъ русскій въ своемъ развитіи отъ Петра Великаго вдыхалъ жизненный воздухъ изъ европейскаго просвѣщенія, но не увлекся навсегда ни однимъ одностороннимъ направленіемъ и только временно принималъ чуждую физіономію. Въ этомъ—признакъ природной, жизненной крѣпости духа русскаго, способность къ развитію самобытному, при величайшей понятливости и переимчивости. И то и другое показываетъ въ русскомъ человѣкѣ дивную способность къ просвѣщенію". На основаніи такихъ свойствъ, такой цѣльности въ натурѣ русскаго человѣка, Максимовичъ требовалъ, чтобы Россія, *почитая иностранное,* не забывала *своенароднаго,* чтобы она возвысилась жизненнымъ развитіемъ родныхъ ей стихій. „Мы должны", говоритъ

онъ: „не *принимать,* но *понимать* европейское для возвышенія своего русскаго".

Выводъ отсюда—тотъ же, какого не чужды и современныя воззрѣнія національныхъ группъ.

Въ вопросахъ, касающихся самобытности малорусской, Максимовичъ никогда не заявлялъ себя противникомъ ея. Всѣ труды его, историческіе, литературные, этнографическіе, филологическіе, поэтическіе,—лучшее доказательство тому. Да и могъ-ли быть инымъ Максимовичъ, сохраняя дружескія отношенія съ Шевченкомъ, Кулишомъ? могъ-ли быть инымъ, сочувствуя „Основѣ"?

Правда, могутъ сказать, что зато нѣтъ нигдѣ заявленнаго Максимовичемъ положительнаго взгляда по этому вопросу. Тутъ надо принять во вниманіе, во 1-хъ, что Максимовичъ не былъ человѣкомъ, такъ сказать, политическаго темперамента,—это не боевая натура; а, во 2-хъ, мы не знаемъ его близко въ интимной жизни. Но изъ того, что можно найти въ нѣкоторыхъ матеріалахъ, какъ, напримѣръ, въ его письмахъ къ Н. Г. Лебединцеву, въ его стихотвореніи, обращенномъ къ Говорскому и начинающемся словами: „Веры, пройдысвите, назадъ твое гнылее слово",—ясно видно, что любовь и уваженіе къ самобытному украинскому началу глубоко были вкоренены въ его натурѣ.

Однимъ словомъ, къ личности Максимовича, какъ ученаго этнографа, историка въ нашей Украинѣ, мы не можемъ иначе отнестись, какъ къ человѣку, прошедшему честно трудный путь къ созданію и упроченію украинской народной самобытности и завѣщавшему своимъ трудомъ новымъ поколѣніямъ итти по тому-же честному пути къ дальнѣйшему росту и процвѣтанію идеи народности въ лучшихъ сочетаніяхъ ея съ идеями обще-человѣческими.

В. П. Науменко.

Заслуги М. А. Максимовича въ области языка и словесности.

Этнографія тѣсно связана съ изученіемъ языка и словесности, и этнографическія занятія чествуемаго ученаго въ значительной степени содѣйствовали успѣху его работъ въ подлежащей моему разсмотрѣнію области, давъ ему знаніе живой малорусской рѣчи, народной пѣсни и вѣры, столь пригодившихся ему въ рѣшеніи многихъ первостепенныхъ вопросовъ языкознанія и словесности.

Для исторіи языка и словесности Максимовичъ сдѣлалъ едва ли не больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Но чтобъ возобновить въ памяти свѣтлый обликъ его, нѣтъ нужды перечислять все, что только вышло изъ-подъ пера его, и я имѣю цѣлью напомнить лишь главнѣйшее, что составляетъ лучшее достояніе нашей науки и славу автора.

Разносторонній, слишкомъ впечатлительный, чтобъ всю свою дѣятельность ограничить однимъ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію нашихъ романтиковъ ученыхъ, которымъ одинаково близки были изящная литература и спеціальное научное изслѣдованіе, запросы текущей жизни и сосредоточенная тишина ученаго кабинета, служеніе истинѣ, свѣту живымъ словомъ и собственнымъ примѣромъ въ какой-бы то ни было формѣ.

Горячо интересуясь новѣйшей р. литературой, онъ самъ участвуетъ въ ней критическими статьями, по поводу которыхъ позднѣе, между прочимъ, замѣтилъ: „Пріятно мнѣ

вспомнить, что о „Полтавѣ" Пушкина я первый (1829 г.) въ „Атенеѣ" писалъ, какъ о поэмѣ народной и исторической. Незабвенно мнѣ, какъ Мерзляковъ журилъ меня за мою статью и какъ благодарилъ потомъ Пушкинъ" (III, 491). Максимовичъ издаетъ альманахи, собиравшіе цвѣтъ тогдашней русской литературы, съ виднѣйшими представителями которой онъ поддерживалъ непосредственныя связи; кромѣ Пушкина, вспомнимъ хотя бы переписку Максимовича съ его землякомъ Гоголемъ или письмо Дельвига (1829 г.), издателя „Литературной Газеты", гдѣ ближайшее участіе принимали Пушкинъ, кн. Вяземскій, Плетневъ, почему приводимое письмо можетъ также служить вообще показателемъ отношеній Пушкинскаго кружка къ Максимовичу: „Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ! Посылаю вамъ русскую пѣсню. Извините: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Лучше нѣтъ. Впередъ угожу вамъ болѣе. Если бы здоровье мое было на что-нибудь похоже, я теперь прислалъ бы что-нибудь важнѣе. Орестъ Михайловичъ (помощникъ Дельвига, редакторъ „Газеты") васъ будетъ просить участвовать въ газетѣ нашей. Я попрошу васъ лично: надѣюсь въ семъ мѣсяцѣ съ вами увидѣться. Будьте здоровы и любите васъ искренно любящаго и уважающаго Дельвига". (Сочиненія Дельвига, подъ ред. В. В. Майкова, 168).

Извѣстны, наконецъ, и собственные стихи Максимовича, писанные по-малорусски.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и жрецъ науки, профессоръ во всеоружіи знанія, ознаменовавшій свою ученую дѣятельность трудами, которые дали ему право съ честью занимать мѣсто среди тогдашнихъ громкихъ именъ.

Филологическіе труды М. А. Максимовича составляютъ въ собраніи его сочиненій III-ій томъ въ 745 стр., распадающійся на два отдѣла: 1) отдѣлъ языкознанія, 2) отдѣлъ исторіи словесности; и не мало въ этой внушительной книгѣ такого, что не только возбуждало живѣйшій интересъ въ свое время, но легло въ основу послѣдующаго развитія науки.

Максимовичъ уже исходилъ изъ взгляда на языкъ, какъ на первостепенный факторъ въ развитіи народа и литературы, и, напримѣръ, вступительная лекція его, читанная въ Университетѣ Св. Владиміра въ сентябрѣ 1834 г., была именно—„о значеніи и происхожденіи слова"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прекрасно понималъ, насколько „важно опредѣлить..., какое мѣсто занимаетъ народъ и языкъ русскій въ общемъ кругу соплеменныхъ ему народовъ и языковъ словенскихъ? какое отношеніе имѣетъ русскій языкъ къ церковно-славянскому въ особенности? Рѣшеніе сихъ двухъ вопросовъ особенно важно, какъ по взаимной ихъ связи, такъ и потому еще, что отъ рѣшенія того и другого зависитъ взглядъ на коренныя свойства и развитіе русскаго языка" (III, 5).

Вотъ почему въ основѣ всѣхъ его лингвистическихъ трудовъ и даже отчасти въ основѣ трудовъ по исторіи словесности лежитъ прежде всего вопросъ о взаимоотношеніи славянскихъ нарѣчій.

Когда Максимовичъ занялся этимъ вопросомъ, въ наукѣ господствовала намѣченная извѣстнымъ Добровскимъ дуалистическая теорія, удѣлявшая для русской рѣчи мѣсто лишь одного изъ подъ-отдѣловъ, обычно въ общей группѣ съ южно-славянскими языками, тогда какъ языки западные составляли свой особый, самостоятельный отдѣлъ. Максимовичу, вмѣстѣ съ Надеждинымъ и отчасти Востоковымъ, принадлежитъ великая историческая заслуга выясненія несостоятельности этой теоріи и проложенія путей новой системѣ, вскорѣ получившей самое широкое распространеніе въ наукѣ и практикѣ.

„Русская рѣчь должна быть принимаема за особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ" (III, 45)—такова основная мысль нашего изслѣдователя, которую онъ настойчиво развивалъ, съ одной стороны подрывая тѣ основанія, на которыхъ строили свою систему Добровскій и его послѣдователи, а съ другой выясняя т. н. полногласіе, какъ „главное отличіе русской рѣчи" отъ инославянской (III, 62). Правда, при этомъ Максимовичъ нѣсколько пре-

увеличилъ значеніе полногласія, пытаясь доказать, что въ немъ мы имѣемъ „остатокъ первобытной Славянщины, сбереженный на нашемъ русскомъ Востокѣ болѣе, чѣмъ сохранился онъ у нашей западной братіи“ (III, 67). Но въ самой этой крайности нельзя не признать значительной смѣлости мысли, оригинальности и правдоподобности, подкупившихъ даже такихъ лингвистовъ, какъ Гейтлеръ и Іоганнъ Шмидтъ. Да и помимо того, полногласіе, при всякомъ рѣшеніи вопроса о происхожденіи его, „не теряетъ своего значенія наиболѣе существенной и характерной примѣты русскаго языка“. Равнымъ образомъ утвердилось окончательно положеніе русскаго языка въ славянской семьѣ, какъ „особаго, самостоятельнаго отдѣла“, и послужило обоснованіемъ нынѣ общепринятому дѣленію славянскихъ языковъ на три группы: восточную, юго-западную и сѣверо-западную, такъ что Максимовича не безъ основанія причисляютъ къ родоначальникамъ этой теоріи дѣленія, хотя, строго говоря, система его съ внѣшней стороны—еще та же дуалистическая, лишь нѣсколько видоизмѣненная (Т. Д. Флоринскій, Лекціи по слав. языкознанію, I, 22—24).

Что касается затѣмъ уже непосредственно „коренныхъ свойствъ и развитія русскаго языка“, то, помимо полногласія, имя Максимовича особенно связано съ вопросомъ о старобытности малорусскаго нарѣчія и предѣлахъ его распространенія въ древней Руси. Наиболѣе полно и опредѣленно выразились воззрѣнія Максимовича на этотъ счетъ въ его знаменитомъ спорѣ съ его другомъ М. П. Погодинымъ и Лавровскимъ, отрицавшими старобытность малорусскаго нарѣчія, по крайней мѣрѣ на территоріи древне-Кіевской южной Руси. Возникшій въ ту пору, когда едва начиналась разработка исторіи русскаго языка, когда и матеріаловъ, пригодныхъ для такой разработки, находилось еще немного въ распоряженіи изслѣдователей, споръ этотъ важенъ преимущественно лишь въ смыслѣ формулировки основныхъ положеній, поставленныхъ на очередь спорившими сторонами, и взгляды Максимовича въ этомъ отношеніи имѣютъ тѣмъ

большее значеніе, что легли въ основу цѣлой послѣдующей школы. Главнѣйшій вопросъ въ спорѣ въ сущности остался тогда не порѣшеннымъ: малоруссизмы, отмѣчавшіеся Максимовичемъ въ старыхъ памятникахъ, оказались въ значительной степени сомнительными или, по меньшей мѣрѣ, не столь древними, и гипотеза Погодина-Лавровскаго о позднѣйшемъ переселеніи малороссовъ къ Днѣпру съ Карпатъ, первоначальной ихъ территоріи, до извѣстной степени встрѣтила потомъ нѣкоторую поддержку въ такихъ знатокахъ, какъ А. И. Соболевскій и А. А. Шахматовъ. Но, съ другой стороны, „тожество языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ" и отсутствіе въ нихъ діалектическихъ особенностей, за исключеніемъ новгородскихъ, — эти исходные и опорные пункты противниковъ Максимовича были въ самомъ основаніи расшатаны доводами послѣдняго, настойчиво доказывавшаго, что упомянутаго тожества не существовало, что отсутствіе діалектическихъ особенностей въ книжномъ языкѣ еще не знаменуетъ отсутствія ихъ въ народной рѣчи, и что, наконецъ, уже самымъ признаніемъ новгородскихъ особенностей засвидѣтельствовано діалектическое разнообразіе древне-русской рѣчи; исторія русскаго языка выводилась такимъ образомъ на новую, единственно вѣрную дорогу, и отъ Срезневскаго-Лавровскаго былъ сдѣланъ шагъ къ Потебнѣ-Соболевскому, для которыхъ „вся исторія русскаго языка, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ". (Потебня. Къ исторіи звуковъ р. языка. 1876 г., 2 и 9).

Вопросамъ языка удѣлено также значительное мѣсто въ „Исторіи древней русской словесности" (Кіевъ 1839 г.), что составляетъ наиболѣе характерную особенность извѣстной въ печати первой ея части; къ сожалѣнію, вся исторія словесности сведена здѣсь къ сухому общему обзору матеріаловъ, и чрезмѣрная схематичность заглушила то мастерство литературнаго анализа, которое такъ блестяще обнаружилъ Максимовичъ въ разборѣ „Слова о полку Игоревѣ".

Южанинъ родомъ, чуткій къ красотамъ родной природы и поэзіи, онъ не только умѣлъ цѣнить „Слово“, но и нашелъ ключъ къ своеобразнымъ особенностямъ его.

„Пѣснь Игорю не импровизована и не пропѣта, а сочинена и написана... Пѣвецъ Игоря возводитъ народную изустную поэзію на степень образованія письменнаго, на степень искусства. Онъ—поэтъ, родившійся въ вѣкѣ изустной поэзіи, полный пѣснями и вѣрованіями своего народа, но онъ вмѣстѣ и поэтъ грамотный, причастный высшимъ понятіямъ своего времени; онъ *поэтъ-писатель*. Его пѣсня полна еще всею искренностью и красотою народной поэзіи, но она есть уже сочиненіе написанное: въ этомъ и состоитъ ея значительность въ развитіи народной русской поэзіи (III, 483—4). Такъ Максимовичъ первый опредѣленно отмѣтилъ въ „Словѣ“ присутствіе двухъ элементовъ, книжнаго и народнаго, съ подчиненіемъ второго первому. Особенное вниманіе онъ обратилъ на элементъ народный, и снова „первый указалъ на сходство особенностей стиля „Слова“ съ русской народной поэзіей, и это былъ важный шагъ въ научной разработкѣ „Слова“. Это было начало научнаго направленія, которому вскорѣ придалъ общій смыслъ Буслаевъ, указавъ на миѳологію Слова. В. Гриммъ еще въ 1812 г. обратилъ вниманіе на поразительное сходство „Слова“ съ народной поэзіей; но въ русской литературѣ статья эта осталась незамѣченной, и Максимовичу, дѣйствительно, принадлежитъ честь первыхъ сличеній „Слова“ съ народной поэзіей“ (П. В. Владиміровъ, Слово о полку Игоревѣ, 28), преимущественно малорусской, рѣже великорусской.

„Въ 1837 г. Максимовичъ издалъ текстъ „Слова“ съ поправками, въ которыхъ стремился придать однообразіе правописанію „Слова“, затѣмъ указывалъ предполагаемыя перестановки и вставки въ „Словѣ“... Въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ Буслаева и особенно Потебни“. (Владиміровъ, 29). Интересны и нѣкоторыя поправки Максимовича.

Наконецъ, въ 1857 г. вышелъ его переводъ Слова „на украинское нарѣчіе“, вообще одинъ изъ самыхъ удачныхъ переводовъ этого памятника, замѣчательный еще и тѣмъ, что Максимовичъ задался цѣлью перевести его „языкомъ и складомъ Украинскихъ пѣсенъ, состоящихъ съ нимъ въ ближайшемъ и прямомъ родствѣ“ (предисловіе).

Нельзя также не упомянуть о мастерскомъ разборѣ Гербелевскаго перевода „Слова“, сдѣланномъ Максимовичемъ въ связи съ обзоромъ другихъ подобныхъ же переводовъ, что, помимо прочихъ достоинствъ, имѣло и большое библіографическое значеніе. Замѣчу, что вообще при своихъ работахъ надъ „Словомъ“, авторъ обращалъ самое серьезное вниманіе на библіографію, и его можно назвать отчасти библіографомъ этого памятника.

Вотъ болѣе значительное... но еще не все, что оставилъ по себѣ Максимовичъ. И хотя самыя мелочи, въ родѣ библіографическихъ справокъ о книжной старинѣ южно-русской, у него иной разъ не менѣе интересны и цѣнны, быть можетъ, даже не съ одной только исторической стороны, но оставимъ ихъ: и безъ того краснорѣчивы эти главнѣйшія его заслуги, вполнѣ достаточныя для того, чтобы сохранить за нихъ признательную память въ потомствѣ. Не забудемъ также, что языкознаніе и литература были не единственными областями, въ которыхъ работалъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный человѣкъ, тѣмъ болѣе дорогой намъ, что онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова патріархомъ нашей науки въ нашемъ Университетѣ, нашемъ краю.

А. Лобода.

Историческіе труды М. А. Максимовича.

Если мы бросимъ взглядъ на труды М. А. Максимовича въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, то положительно поразимся разнообразіемъ затрагиваемыхъ имъ вопросовъ. Возьмемъ 1837 годъ. Оказывается, что къ этому году относятся статьи: „Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи" и „Откуда идетъ Русская земля". 1841-ый годъ отмѣченъ статьями: „Волынь до XI в.", „Выдубецкій монастырь" и „О Гнилецкомъ монастырѣ". 1866-ой годъ имѣетъ большую статью подъ заглавіемъ: „Письма о князьяхъ Острожскихъ" и „О мѣстѣ Кіевской церкви Св. Андрея". Въ 1859 году появились „Письма о Богданѣ Хмельницкомъ" и „О Звенигородѣ, бывшемъ подъ Кіевомъ". Разнообразіе это еще сильнѣе поразитъ насъ на большихъ періодахъ времени. Къ 1848—49 годамъ относится довольно обширный трудъ Максимовича: „Бубновская сотня", а въ 1850 г. онъ пишетъ уже „О городѣ Переяславлѣ въ первоначальное время".

М. А. Максимовичъ не былъ спеціалистомъ по русской исторіи. Занимаясь спеціально исторіей русской словесности, онъ работалъ и по этнографіи, и въ то же время оставилъ цѣлый рядъ статей по русской исторіи. Труды его въ этой области представляютъ изъ себя то болѣе или менѣе обширныя статьи, то коротенькія замѣтки. Просматривая перечень его трудовъ, мы не найдемъ никакой ни внѣшней, ни внутренней, органической связи между ними. Какая, въ самомъ дѣлѣ, существуетъ связь между „Словомъ о полку

Игеревѣ“ и „Бубновской сотней?“ Какую связь можно указать между „Коліивщиной“ и „Каменными стрѣлами?“ Эти быстрые, на короткое время, переходы отъ вопросовъ историко-литературныхъ къ историческимъ, отъ историческихъ къ археологическимъ и т. д. рисуютъ намъ, при первомъ взглядѣ, М. А. Максимовича какъ диллетанта и заставляютъ предполагать въ его трудахъ мало научности, какъ со стороны фактической, такъ и методологической. М. А. Максимовичъ и самъ не признавалъ себя спеціалистомъ по русской исторіи. Его занятія въ области этой науки должны были занимать лишь тѣ досуги, какіе ему оставались отъ разработки своей спеціальности. Будучи въ Москвѣ, Максимовичъ интересовался этнографіей, при занятіи естественными науками. Когда М. А. перешелъ въ Кіевъ и занималъ каѳедру исторіи русской словесности, то и къ этому времени относятся уже нѣкоторыя его статьи по вопросамъ русской исторіи. Но апогея своего занятія русской исторіей у Максимовича достигаютъ во время окончательнаго выхода его въ отставку, то есть, въ періодъ его жизни послѣ 1845 года. Съ оставленіемъ каѳедры онъ являлся свободнымъ человѣкомъ, могущимъ не замыкаться въ рамки своей спеціальности и направлять свой трудъ туда, куда влекла его любознательность, работать надъ тѣмъ, что возбуждало его интересъ. Съ этого момента М. А. можетъ быть по праву диллетантомъ-любителемъ, какимъ онъ и является при взглядѣ на количество и случайность вопросовъ, затронутыхъ въ его статьяхъ. Но присмотримся пристальнѣе къ трудамъ Максимовича и вникнемъ въ нихъ глубже.

Въ своей статьѣ „Откуда идетъ Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ“ М. А. Максимовичъ, между прочимъ, говоритъ: „исторія словесности и языка каждаго народа должна итти рядомъ съ исторіей самаго народа, тѣмъ болѣе, что сія послѣдняя (т. е. исторія) и основывается преимущественно на памятникахъ словесности и языка“ (Собраніе Сочиненій М. А. Максимовича, т. I, Кіевъ 1876, стр. 8). Исторія

словесности народа тѣсно связана съ его исторіей вообще. Мысль, несомнѣнно, вѣрная, и она-то, конечно, и заставила М. А. Максимовича обращаться къ изученію русской исторіи, и это занятіе онъ считалъ для себя обязательнымъ, какъ спеціалистъ по исторіи русской словесности: онъ считалъ невозможнымъ уясненіе многихъ и многихъ явленій литературной жизни народа безъ уясненія исторіи его жизни политической и бытовой. Но такимъ образомъ Максимовичъ возлагалъ на историка русской литературы непосильное бремя детальнаго изученія двухъ спеціальностей, тѣсно связанныхъ одна съ другой, но обладающихъ каждая въ отдѣльности огромнымъ количествомъ самостоятельныхъ матеріаловъ. Оставляя въ сторонѣ труды Максимовича по исторіи русской литературы, мы, основываясь на разсмотрѣніи его статей по русской исторіи, должны сказать, что въ нихъ передъ нами выступаетъ уже не поверхностный диллетантъ, ознакомившійся съ тѣми или иными матеріалами, изучившій тотъ или иной фактъ, передъ нами выступаетъ ученый, систематически изучившій свой предметъ.

Прочтите его статью „О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево". Она заполнена полемикой съ М. П. Погодинымъ, и эта полемика основывается на глубокомъ знаніи первоисточниковъ и на прекрасной разработкѣ и группировкѣ не только лѣтописныхъ извѣстій, но и данныхъ всѣхъ другихъ относящихся къ вопросу матеріаловъ. И то же самое мы должны сказать о всѣхъ статьяхъ М. А. Все, что было издано, все, что писалось по русской исторіи до него и при немъ, было извѣстно Максимовичу, было имъ изучено. И этотъ фактъ обнаруживается во всѣхъ крупныхъ статьяхъ Максимовича, все равно, говоритъ ли онъ о Межигорскомъ монастырѣ, или о томъ, „Откуда идетъ Русская земля", обозрѣваетъ ли онъ городовые полки и сотни, бывшіе на Украинѣ до Хмельницкаго, или пишетъ „Воспоминаніе о стародавнемъ монастырѣ Каневскомъ". Мы почти никогда не можемъ упрекнуть Максимовича въ неправильности метода изслѣдованія: пишетъ ли онъ какую нибудь

замѣтку по извѣстному вопросу, или полемизируетъ съ кѣмъ нибудь изъ современныхъ ученыхъ, онъ остается вѣренъ научному методу и никогда не покидаетъ его. Хотя послѣдними годами своей научной дѣятельности Максимовичъ относится къ числу ученыхъ, намъ современныхъ, но по своему научному воспитанію и по началу свой научной дѣятельности онъ ученый первой половины XIX ст., и это отражается, конечно, на ученыхъ пріемахъ его критики фактовъ и ихъ группировки, но въ этомъ вина уже не Максимовича, а того состоянія науки русской исторіи, въ какомъ она находилась въ первой половинѣ XIX ст. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ настоящее время мы иначе смотримъ на факты, ведемъ изслѣдованіе съ другими пріемами и поэтому должны прійти иногда къ другимъ выводамъ, но тѣмъ не менѣе методъ изслѣдованія Максимовича остается вполнѣ научнымъ въ большинствѣ случаевъ. Итакъ, предъ нами не диллетантъ, поверхностно интересующійся разными историческими вопросами и скользящій по нимъ безрезультатно для науки, и не этимъ объясняется разнообразіе темъ его статей, а чѣмъ-то инымъ. Труды М. А. даютъ намъ, кромѣ облика ученаго, еще нѣсколько чертъ для характеристики его, какъ дѣятеля на поприщѣ науки.

Мы видимъ, что вся наличная во время Максимовича сумма матеріаловъ по русской исторіи ему была извѣстна, имъ была изучена, равно какъ и ея литература. Но внимательное чтеніе замѣтокъ и статей его обнаруживаетъ предъ нами нѣчто большее. Кромѣ ссылокъ на изданные матеріалы, мы очень часто находимъ у него указанія то на какой нибудь „Тестаментъ“ 1684 года игумена Θеодосія и соборныхъ старцевъ Межигорскихъ, подаренный кѣмъ-то автору, то на „Бесѣды“ Златоуста, напечатанныя въ 1623 году и хранящіяся въ библіотекѣ Переяславскаго Успенскаго собора, то на записную книгу Петра Могилы, изъ которой авторъ скопировалъ запись князя Владиміра Ольгердовича и сдѣлалъ выписки, то вообще на документы и рукописи монастыря Михайловскаго, Выдубецкаго и т. д. Передъ нами является

архивный работникъ, стремящійся всюду, гдѣ только можно, пріобрѣсти какой нибудь новый матеріалъ для выясненія прошедшей жизни народа, стремящійся не только туда, гдѣ, какъ онъ заранѣе знаетъ, можно нѣчто найти, но и не упускающій случая разузнавать, обслѣдовать всѣ тѣ мѣста, гдѣ бы ему пришлось побывать, хотя бы случайно, обслѣдовать на случай возможности существованія тутъ или тамъ чего нибудь цѣннаго въ историческомъ отношеніи. Но онъ не только разузнаетъ, изслѣдуетъ и собираетъ. Прочтите изслѣдованіе Максимовича о Бубновской сотнѣ. Мы найдемъ тутъ вначалѣ превосходный географическій очеркъ территоріи, которую занимала эта сотня, и этотъ географическій очеркъ нарисованъ авторомъ на основаніи личнаго изученія мѣстности: онъ вездѣ тамъ былъ, всюду выходилъ или выѣздилъ. Обратите вниманіе на замѣтку М. А. подъ заглавіемъ „Родина Гоголя“, и вы увидите, какъ онъ проѣздомъ не пропускаетъ случая посѣтить въ каждой деревнѣ или селѣ все, что можетъ быть достойно вниманія въ историческомъ отношеніи. Въ своей статьѣ: „Сказаніе о праздникѣ Св. Бориса и Глѣба подъ Переяславлемъ“, Максимовичъ между прочимъ, говоря о протоіереѣ Григоріи Вутовичѣ, замѣчаетъ: „вотъ краткая поминка о Григоріи, собранная мною изъ разныхъ памятниковъ старины“. Но М. А. собиралъ не самъ только, а возбудилъ интересъ къ собиранію памятниковъ и у другихъ.

Вспомнимъ камень (плинтусъ) отъ развалинъ церкви до-татарскаго періода, присланный кѣмъ-то Максимовичу и послужившій ему для точнаго опредѣленія мѣстонахожденія города Устья. Обращаютъ на себя вниманіе слова Максимовича, которыми онъ начинаетъ свою небольшую статейку „О десяти городахъ и нѣкоторыхъ селахъ древней Украины“. Максимовичъ говоритъ: „на полѣ, сжатомъ наскоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья и понемногу передаю ихъ въ общую извѣстность“. И надо сказать правду: М. А. подобралъ, очистилъ и передалъ намъ много такихъ колосьевъ, которые безъ него могли исчезнуть для науки.

Передъ нами выступаетъ высоко симпатичная личность не только ученаго, но и человѣка, беззавѣтно любящаго свою родную старину, безъ устали работающаго надъ открытіемъ и возстановленіемъ ея остатковъ, считающаго для себя священной обязанностью знакомить съ ней общество, развивать въ немъ любовь къ ней и тѣмъ способствовать развитію въ обществѣ историческаго самопознанія. Для М. А. была ясна и неопровержима мысль, что чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ болѣе дорожитъ оно своей стариной во всѣхъ ея видахъ, и чѣмъ болѣе оно ею дорожитъ и изучаетъ ее, тѣмъ оно становится культурнѣе.

П. Голубовскій.

Письмо М. А. Максимовича къ П. А. Кулишу.

Приготовляя къ изданію сочиненія и письма П. А. Кулиша, мы, въ числѣ многихъ другихъ, нашли также письмо къ нему и М. А. Максимовича, къ сожалѣнію, только одно, хотя переписка между ними была, повидимому, и часта и продолжительна. „Пишите почаще ко мнѣ, говоритъ въ письмѣ Максимовичъ, если Вамъ эта заочная бесѣда приноситъ хоть половину такого удовольствія, какое мнѣ отъ нея каждый разъ, какъ привезутъ изъ Золотоноши Вашъ конвертъ“.

Причиной, почему у Кулиша сохранилось только одно письмо Максимовича, былъ, кажется, пожаръ, уничтожившій въ 1885 году на хуторѣ Мотроновкѣ, гдѣ жилъ Кулишъ, всю его богатую библіотеку и всю его обширную переписку.

Сохранившееся письмо датировано такъ: „Михайлова Гора, 20 января 1854 года“. Послѣ оставленія университета, Максимовичъ все время жилъ на своемъ хуторѣ Михайловой Горѣ (Золотонош. у. Полтав. губ.) въ полномъ уединеніи и лишь изрѣдка покидалъ его для поѣздокъ въ ближайшіе города, куда влекли его большею частью научные интересы. Кулишъ же, послѣ своего освобожденія изъ ссылки въ Тулу, поселился въ Петербургѣ и занималъ здѣсь должность редактора статистическаго отдѣленія въ департаментѣ сельскаго хозяйства. Его давно тянуло на родину, но побывать тамъ удалось ему только лѣтомъ 1852 года; по всей вѣроятности, Кулишъ не упустилъ при этомъ случая навѣстить Максимовича, потому что весной 1853 года, собираясь снова въ Малороссію, Кулишъ въ письмѣ къ тещѣ, отъ 12 марта,

высказываетъ намѣреніе построить себѣ удобный домъ на берегу Днѣпра, такъ какъ мечты Кулиша купить очаровавшую его Михайлову Гору не могли „pecuniarum causa“ быть осуществлены имъ. Онъ долженъ былъ по недостатку средствъ, по его собственному выраженію, „смириться до смиреннаго пахарскаго хутора“. И въ эту вторую свою поѣздку въ 1858 г. Кулишъ снова гостилъ у Максимовича, но уже со своей женой и ея сестрой, „свѣстью“, какъ называетъ ее Максимовичъ, пользуясь лѣтописнымъ выраженіемъ. По поводу этого послѣдняго свиданія Максимовичъ говоритъ въ своемъ письмѣ: „Не далѣе, какъ вчера, Маруся моя съ удовольствіемъ румянымъ говорила мнѣ уже о томъ, какъ она, *по прошлогоднему*, поѣдетъ съ Вашею жинкой и свѣстью купаться на Днѣпръ“.

Разсматриваемое нами письмо М. А. Максимовича содержитъ въ себѣ данныя для его біографіи и данныя для исторіи его научной дѣятельности.

Прежде всего Максимовичъ рисуетъ свое душевное настроеніе, какое переживалъ онъ въ концѣ 1853 и началѣ 1854 годовъ. Какъ бы немножко завидуя Кулишу, что тотъ имѣетъ возможность жить въ столь же любимомъ имъ, какъ и Малороссія, Петербургѣ, пишетъ: „А у меня все неудовлетворенная жажда Москвы. Ее усилила до смаги на губахъ здѣшняя новая родня моя, отъ чего, вмѣстѣ со всякимъ инымъ неудобствомъ здѣшнія жизни моей, напала такая неохота, чтобы не сказать хандра, къ сообщенію съ міромъ, что я на всѣ праздники уединился въ Межигорскій монастырь, возсозданный въ Сказаніи моемъ изъ атомовъ, во ста мѣстахъ набранныхъ; по временамъ только выхожу изъ Монастыря въ Полки и Сотни, гдѣ тоже приходится, аки пчелѣ, собирать и добро бы медъ, а то пергу не вкусную, чтобы изъ нея ссучить восковую свѣчку на поминовеніе покойникамъ родины моей“..... „Еще разъ скажу, что мѣсяцъ, если не больше, духомъ моимъ я былъ совершенный отшельникъ, и все житейское и живущее не занимало меня: почему и все внѣшнее въ великомъ запущеніи, начиная съ переписки съ

друзьями—всѣ они по праву могутъ назвать меня „Михайломъ молчаливымъ“. Трудно теперь судить, чѣмъ было вызвано такое его подавленное душевное состоянiе; это разъяснить развѣ только будущiй бiографъ Максимовича; тѣмъ не менѣе тоска не мѣшала ему вспоминать о друзьяхъ. „Почти къ первому вамъ въ нынѣшнемъ году вотъ—это отзываюсь... хотя мысленно, въ часы, когда не могу читать и писать, обо всѣхъ вспоминаю не рѣдко. Поклонитесь же съ симъ словомъ достойнѣйшему нашему П. А чу (Петру Александровичу Плетневу), котораго письмомъ я былъ грустно одушевленъ и весьма ему за него благодаренъ“.

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго мѣста письма мы видимъ, что обширная статья Максимовича: „Сказанiе о Межигорскомъ монастырѣ“, была написана имъ въ концѣ 1853 или въ началѣ 1854 года. Одновременно съ этимъ, онъ работалъ и надъ другимъ еще болѣе обширнымъ изслѣдованiемъ: „Обозрѣнiемъ городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ со времени Богдана Хмельницкаго“, выходилъ, какъ онъ выражается, „изъ Монастыря въ Полки и Сотни“. Но судьба этихъ близкихъ по времени зачатiя работъ Максимовича была различна. „Обозрѣнiе городовыхъ полковъ и сотенъ“ вышло въ свѣтъ черезъ два года въ „Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества“ за 1856-й годъ, а „Сказанiе о Межигорскомъ монастырѣ“ появилось въ первые лишь спустя десять лѣтъ въ „Кiевскихъ Епархiальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1865 годъ, какъ отвѣтъ на распространившiеся въ 1864 году слухи, что Межигорье будетъ продаваться съ публичнаго торга. „Скорбная мысль не покидаетъ меня и въ моемъ хуторскомъ уединенiи: что если Межигорье достанется въ руки какого-нибудь предпрiимчиваго . . . . .?“... пишетъ Максимовичъ въ своихъ статьяхъ въ „Кiев. Епархiальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1864 и въ „Днѣ“ Аксакова за 1865 г. по поводу этихъ слуховъ и подъ влiянiемъ охватившей его „скорбной мысли“.

Настоящее письмо Максимовича заключаетъ въ себѣ и оцѣнку тогдашнихъ работъ Кулиша. Въ перiодъ полученiя

этого письма Кулишъ выпустилъ въ свѣтъ свою работу: „Опытъ біографіи Гоголя“, для которой Максимовичъ предоставилъ Кулишу свою переписку съ Гоголемъ. Вѣроятно, Кулишъ въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу спрашивалъ у него, куда отправить письма Гоголя? Максимовичъ и отвѣчаетъ ему: „Письма Г. (Гоголя) лучше всего возвратить ему (Плетневу), чтобы онъ переслалъ ихъ мнѣ, какъ знаетъ вѣрнѣе“. Затѣмъ прибавляетъ: „радуюсь, что письма къ Вамъ посланныя, послужили добрымъ запасомъ пріятелю вашему М. для біографіи Гоголя“. Имя „Николай М.“ служило псевдонимомъ для Кулиша, когда онъ, въ 50-хъ годахъ, выступивъ снова на литературное поприще, лишенъ еще былъ возможности подписывать свою настоящую фамилію. „Увѣренъ, продолжаетъ Максимовичъ, что она (біографія Гоголя) будетъ прекрасна и что я, читаючи ее, буду рукоплескать, припѣваючи:

„Не бойся, не бойся,
„Въ *червоныи чоботы* обуйся“.

Употребляя въ письмѣ эти слова свадебной малорусской пѣсни, Максимовичъ подчеркиваетъ ихъ, какъ бы давая понять, что питаетъ надежду, что Кулишъ сниметъ съ памяти Гоголя то тяжелое обвиненіе, которое повисло надъ нимъ послѣ напечатанія имъ „Авторской исповѣди“ и „Избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Написанныя Кулишомъ „Записки о жизни Н. В Гоголя появились въ „Современникѣ“ за тотъ же 1854 годъ къ которому относится и письмо Максимовича.

Какъ всякое письмо вообще, такъ и это письмо Максимовича, въ частности, разнообразно по содержанію и совершенно неожиданно заканчивается пѣсенкой, въ которой онъ играетъ словами, составляющими фамиліи мужа и жены: жена Кулиша урожденная Бѣлозерская (извѣстная въ литературѣ подъ псевдонимомъ Ганны Барвинокъ).

Вообще письмо дышетъ теплымъ чувствомъ автора и свидѣтельствуетъ о дружескихъ и сердечныхъ въ это время отношеніяхъ его къ Кулишу, котораго и называетъ „милый друже!“

Но такъ какъ разборъ письма не можетъ замѣнить собой того общаго впечатлѣнія, какое всегда производитъ на читателя самое письмо, то мы и приводимъ его далѣе.

20 генв. 1854 года. М. Г. [1]).

Письмомъ вашимъ, милый друже, отъ 28 дек. зѣло усладился, хотя въ немъ и отозвалась маленько горечь жизнь (sic), въ подобіе припаленаго сахару... Что дѣлать, такая ужь доля человѣку въ подлунномъ, вольномъ свѣту, какъ выражаются слѣпые пѣвцы Рускіе, въ своихъ Стихахъ про Лазаря убогаго и прочіихъ. Радуюсь я, и жена моя, поданною намъ надеждою посѣщенія вашего нашей Горы весною; а то ужь огорошили было, что на годъ слишкомъ застряли въ градѣ Петровомъ... А у меня все неудовлетворенная жажда Москвы. Ее усилила до смаги на губахъ здѣшняя новая родня моя, отъ чего, вмѣстѣ со всякимъ инымъ неудобствомъ здѣшнія жизни моей, напала такая неохота, чтобы нesказать хандра, къ сообщенію съ миромъ, что я на всѣ праздники уединился въ Межигорскій монастырь, возсозданный въ Сказаніи моемъ изъ атомовъ, во ста мѣстахъ набранныхъ; по временамъ только выхожу изъ Монастыря въ Полки и Сотни, гдѣ то же приходиться (sic) аки пчелѣ собирать, и добро бы медъ, а то пергу не вкусную, что бы изъ нее ссучить восковую свѣчку на поминовеніе покойникамъ родины моей... Сегодня Слава Богу уже повѣяло оттепелью, хотя снѣгъ великъ очень лежитъ на землѣ, и кажется далеко еще до весны. Еще разъ скажу, что мѣсяцъ если не больше, духомъ моимъ былъ я совершенный отшельникъ, и все житейское и живущее не занимало меня: почему и все (внѣшнее) въ великомъ запущеніи, начиная съ переписки съ друзьями—всѣ они поправу могутъ назвать меня „Михайломъ Молчаливымъ", почти къ первому вамъ въ нынѣшнемъ году вотъ—это от-

[1]) М. Г.=Михайлова Гора.

зываюсь...—хотя мысленно, въ часы когда немогу читать и писать, обо всѣхъ вспоминаю нерѣдко. Поклонитесь же съ симъ словомъ достойнѣйшему нашему П. А—чу[1], *котораго письмомъ я былъ грустно одушевленъ и весьма ему за него благодаренъ. (Письма Г.*[2]) *лучше всего возвратить ему, чтобъ онъ переслалъ ихъ мнѣ, какъ знаетъ вѣрнѣе).*

Радуюсь, что письма, къ Вамъ посланныя, послужили добрымъ запасомъ пріятелю вашему М. для біографіи Гоголя. Увѣренъ, что она будетъ прекрасна, и что я читаючи ее буду рукоплескать припѣваючи: не бойся, не бойся, въ червоныи чоботы обуйся! Если попадется въ кипѣ затаившійся гдѣто остатокъ Гоголевскаго писанья, то съ первою почтою пришлю: въ слѣдующее воскресенье предположилъ себѣ развязывать и перебирать бумажный хламъ, почти для этого собственно; а лежитъ онъ во флигелѣ, куда рѣдко проникаю.

Пишите почаще ко мнѣ, если вамъ эта заочная бесѣда приноситъ хоть половину такого удовольствія, какое мнѣ отъ нея, каждый разъ какъ привезутъ изъ Золотоноши вашъ конвертъ. Господь да поможетъ вамъ жить тамъ хорошо, а пріѣхать сюда еще лучше, (что (sic)) отогрѣться и освѣжиться привольемъ Днѣпра - Словутицы. Недалѣ, какъ вчера, Маруся моя съ удовольствіемъ румянымъ говорила мнѣ уже о томъ, какъ она по прошлогоднему поѣдетъ съ вашею жинкою и свѣстью (купаться) на Днѣпръ...—Кланяйтесь же имъ обѣимъ отъ насъ обоихъ, и привозите ихъ скорѣе!—А Вамъ пока вотъ дуэтъ отъ меня на память и въ даръ на нынѣшній годъ:

Онъ

Ой, жинко моя,
Бѣлозирко моя!
Якъ ты ходишъ по хатѣ,
Легко сердцю здыхати!

---

[1]) П. А—чу=Петру Александровичу Плетневу.

[2]) Г.=Гоголя.

Она

И вчора кулѣшъ,
И сёгодня кулѣшъ:
Прійди прійди, серденько,
Мою душу потѣшъ!

Соблюдая при печатаніи письма М. А. Максимовича всѣ особенности его правописанія мы, однако, не передали его безразличнаго, смѣшаннаго, частаго употребленія прописныхъ и строчныхъ буквъ въ началѣ словъ, считая это слѣдствіемъ быстроты писанія, хотя указали, взявъ въ скобки, пропущенныя слова, надписанныя надъ строкой или замѣняющія собою зачеркнутыя; такихъ поправокъ, впрочемъ, немного: зачеркнуто же лишь одно въ концѣ письма слово: „поѣдетъ“ и надъ нимъ надписано: „купаться“.

И. Каманинъ.

Отдѣлъ II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Арсеній Єпкпъ Переꙗславскій

АРСЕНІЙ БЕРЛО,

епископъ Переяславскій и Бориспольскій.

(† 1744 г.)

Біографическій очеркъ [1]).

„Когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію".

(Изъ „Духовнаго Регламента").

Въ XVII-мъ и XVIII-мъ вв. южно-русское духовенство изъ среды своей выдвинуло цѣлый рядъ достойныхъ, энергичныхъ дѣятелей, потрудившихся для просвѣщенія не только своей родины, но и Московскаго государства. Вліяніе южнорусской науки на Москву началось еще до присоединенія Малороссіи. Такъ, въ 1640 г. Петръ Могила уговаривалъ царя Михаила Θеодоровича устроить въ Москвѣ монастырь, гдѣ бы старцы и братія Кіевскаго Братскаго монастыря „дѣтей боярскихъ и простого стана людей грамотѣ греческой и словянской учили" [2]). Хотя Московское правительство, въ то

---

[1]) При составленіи біографическаго очерка Арсенія Берла я пользовалась, кромѣ печатныхъ источниковъ, указанныхъ мною въ ссылкахъ, еще уцѣлѣвшими семейными документами Берловъ, а также тѣми документами, которые были найдены въ архивѣ Выдубецкаго монастыря и любезно сообщены мнѣ проф. С. Т. Голубевымъ. Считаю долгомъ принести мою глубочайшую благодарность достоуважаемому Степану Тимофеевичу Голубеву какъ за сообщенные документы, такъ и за цѣнныя указанія, сдѣланныя имъ при моей работѣ.

[2]) Костомаровъ. Русская исторія, т. II, стр. 386.

время недовѣрчиво относившееся къ южно-русскимъ ученымъ, какъ вкусившимъ западной, „латинской“ науки, отклонило это предложеніе,—тѣмъ не менѣе, еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бояринъ Ртищевъ, сознавая невѣжество Московскаго духовенства, рѣшился, при поддержкѣ царя, пригласить въ Москву нѣсколькихъ Кіевскихъ учоныхъ, а вскорѣ послѣ того и самимъ правительствомъ были вызваны въ Москву нѣкоторые Кіевскіе ученые. Изъ нихъ наиболѣе выдающимися были іеромонахъ Братскаго монастыря Епифанъ Славинецкій, потрудившійся надъ исправленіемъ церковныхъ книгъ, и Симеонъ Полоцкій, оба учившіеся сначала въ Кіево-Могилянской коллегіи, а затѣмъ докончившіе свое образованіе въ заграничныхъ школахъ.

Впрочемъ, до конца XVII столѣтія положеніе южно-русскихъ ученыхъ въ Москвѣ было крайне незавидно. На нихъ продолжали смотрѣть съ недовѣріемъ, подозрѣвали въ неустойчивости религіозныхъ убѣжденій и въ склонности къ латинству. Но съ воцареніемъ Петра дѣло принимаетъ другой оборотъ. Великій преобразователь, не находя въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ сочувствія въ средѣ Московскаго духовенства, обратился за содѣйствіемъ къ духовенству южно-русскому. Кіевскіе ученые постоянно вызываются Петромъ въ Москву, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ имъ даются самыя разнообразныя порученія; наиболѣе же талантливыхъ изъ нихъ царь ставитъ въ близкія къ себѣ отношенія и назначаетъ ихъ на важныя должности. Почти всѣ высшія іерархическія мѣста занимаются южно-русскими учеными, преимущественно питомцами Кіевской академіи.

Упоминая о появленіи южно-русскихъ ученыхъ въ Московскомъ государствѣ, П. Н. Милюковъ въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“ говоритъ, что послѣ того, какъ русское національно-религіозное движеніе XVII вѣка было объявлено расколомъ, а участіе въ этомъ движеніи—государственнымъ преступленіемъ, „то всѣ, въ комъ живо было нравственное и религіозное самосознаніе—разумѣется, въ той единственной формѣ, какая была доступна

тому времени,—всѣ эти люди были теперь отброшены въ оппозицію. Этотъ переходъ въ оппозиціонный лагерь оставилъ очень замѣтную моральную пустоту въ лагерѣ правящемъ. *Онъ именно подготовилъ и сдѣлалъ возможнымъ появленіе въ составъ высшаго духовенства южно-русскихъ духовныхъ сановниковъ, принесшихъ съ собой свои научно-литературныя традиціи, а главное, ту угодливость и готовность служить интересамъ свѣтской власти, изъ которыхъ Петръ сдѣлалъ такое широкое употребленіе*" [1]).

Несомнѣнно, что Петръ В. изъ южно-русскихъ ученыхъ сдѣлалъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Велико было невѣжество Московскаго духовенства, мѣшавшее даже самому исполненію церковнаго служенія [2]). Невѣжество это сознавалось и раньше, до Петра Великаго: когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ понадобилось исправить церковныя книги, въ Москвѣ не нашлось достаточно ученыхъ для этого людей, и пришлось вызывать ихъ изъ Кіева. При Петрѣ же Великомъ „всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, театральныя пьесы—все это писалось учеными малороссами или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ" [3]).

Но едва ли можно согласиться съ П. Н. Милюковымъ, что именно южно-русскіе духовные сановники принесли въ Московское государство свойственныя имъ угодливость и готовность служить интересамъ свѣтской власти. Угодливость въ Московскомъ государствѣ воспитывалась, какъ извѣстно, и до Петра В. и при Петрѣ различными радикальными мѣрами, какъ, напримѣръ, лишеніемъ языка или го-

---

[1]) П. Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры—Міръ Божій, 1901 г. апрѣль, стр. 275.

[2]) Въ Стоглавѣ говорится, что ищущіе діаконства и священства „*грамоте мало умѣютъ;* и святителемъ ихъ поставити—ино сопротивно священнымъ правиломъ, *а не поставити—ино святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православные христіане учнутъ безъ покаянія умирати*" (25-я глава).

[3]) П. Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. 1-й, стр. 5.

ловы за смѣлое, правдивое, но неугодное власти слово, а не то при помощи кнута, пытокъ, страшныхъ казней, заключенія въ монастырь или тюрьму или же отправкой въ ссылку. Угодливыхъ людей, готовыхъ слагать персты такъ, какъ повелѣли великій государь и святѣйшій патріархъ, въ Московскомъ государствѣ во всѣ времена было достаточно и не для чего было, если бы „главное" заключалось въ угодливости, вызывать угодливыхъ людей изъ Кіева. Что же касается до готовности южно-русскихъ духовныхъ сановниковъ служить интересамъ свѣтской власти, то, насколько можно видѣть изъ извѣстныхъ историческихъ фактовъ, готовность эта въ тѣ времена всегда была вынужденною. Если обратимся къ тому времени, когда послѣдовало присоединеніе Украины къ Московскому государству, то увидимъ, напротивъ, полное нежеланіе у южно-русскихъ духовныхъ сановниковъ служить интересамъ свѣтской власти. Извѣстно, что Кіевская митрополія и духовенство малорусское крайне неохотно подчинились Москвѣ. Много труда стоило боярамъ уговорить Кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова прислать къ присягѣ своихъ слугъ. Когда Московское правительство стало возводить крѣпости на горѣ около Софійскаго собора, Михайловскаго и Никольскаго монастырей и Десятинной церкви, на землѣ, принадлежавшей митрополиту, то Коссовъ въ гнѣвѣ сказалъ Московскимъ воеводамъ: „если будете на томъ мѣстѣ городъ ставить, то я съ вами учну биться." Кромѣ того, митрополитъ заявилъ: „гетманъ посылалъ бить челомъ государю и поддался ему со всѣмъ войскомъ, а я со всѣмъ соборомъ бить челомъ, чтобы быть подъ его великаго государя рукою, не посылалъ; живу я съ духовными людьми самъ по себѣ, ни подъ чьею властью". [1])

Но, конечно, Коссову пришлось уступить москвичамъ, обнаружившимъ большую настойчивость въ проведеніи своихъ политическихъ цѣлей касательно уничтоженія южно-

---

[1]) Г. Карповъ, Кіевскій митрополитъ и Московское правительство въ 1654 г.—Православное обозрѣніе, 1871 г. авг.—сентябрь.

русскихъ краевыхъ отличій, и представители малорусскаго духовенства были поставлены въ полную зависимость отъ московскаго патріарха [1]).

Въ 60-хъ годахъ Кіевское духовенство еще разъ сдѣлало попытку отстоять свои краевыя преимущества и привилегіи. Когда гетманъ Брюховецкій предложилъ Московскому правительству назначить въ Кіевъ митрополитомъ великоросса, то извѣстіе объ этомъ сильно взволновало малорусское духовенство, и въ 1666 году епископъ Меѳодій съ игуменами большихъ южно-русскихъ монастырей просилъ воеводу Шереметева о томъ, чтобы онъ ходатайствовалъ въ Москвѣ о сохраненіи въ Кіевѣ стариннаго выборнаго начала при избраніи митрополита.

„Если будетъ на то великаго государя изволенье," говорилъ епископъ Меѳодій, „чтобы отнять у насъ эти вольности и права, и быть у насъ митрополиту изъ Москвы, а не по нашему выбору, то пусть великій государь велитъ насъ всѣхъ казнить, а мы на это не согласимся. Если пріѣдетъ къ намъ въ Кіевъ Московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ; и развѣ насъ изъ монастырей за шею и за ноги поволокутъ, тогда только Московскій митрополитъ въ Кіевѣ будетъ. Въ Смоленскѣ теперь Филаретъ архіепископъ, и онъ права и вольности у духовнаго чина все отнялъ, духовный чинъ, шляхту и мѣщанъ всѣхъ называетъ иновѣрцами, а мы православные христіане; и если въ Кіевѣ впредь будетъ митрополитъ изъ Москвы, то онъ и насъ всѣхъ малороссіянъ станетъ называть иновѣрцами; тутъ въ вѣрѣ расколъ и мятежъ будетъ немалый, и намъ лучше смерть принять, нежели митрополита изъ Москвы" [2]).

Такія смѣлыя рѣчи говорили тогда южно-русскія духовныя лица. Но постепенно, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ систематической Московской политикой полнаго подчиненія Украины и лишенія ея всѣхъ ея прежнихъ правъ и

[1]) Н. Сумцовъ, Іоанникій Галятовскій. „Кіевская Старина", 1884 г. янв., стр. 18—19.

[2]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XI, стр. 210.

вольностей, украинское духовенство заговорило смиреннымъ, просительнымъ тономъ. Нѣкоторое вліяніе въ этомъ отношеніи оказала и Кіевская академія, пріучавшая своихъ воспитанниковъ составлять искусныя льстивыя рѣчи—панегирики—и развивавшая, благодаря этому, сервильный, искательный тонъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кіевская академія, которую митрополитъ Макарій называетъ „разсадникомъ россійскихъ іерарховъ XVIII вѣка"[1]), была устроена по образцу іезуитскихъ коллегій, и въ ней, при схоластическомъ методѣ преподаванія и строгой дисциплинѣ, у высшаго духовенства преобладало стремленіе къ независимости отъ свѣтской власти.

Но какъ бы въ силу измѣнявшихся политическихъ условій ни измѣнялся тонъ рѣчей южно-русскаго духовенства, все же поддержка, оказывавшаяся Петру нѣкоторыми южно-русскими духовными лицами, объясняется не „угодливостью" ихъ и „готовностью служить интересамъ свѣтской власти," а большею образованностью южноруссовъ сравнительно съ москвитянами и отсутствіемъ у Кіевскихъ ученыхъ той приверженности къ Московской религіозной старинѣ, которою отличались „Аввакумы" и ихъ послѣдователи. Разсматривая дѣятельность такихъ лицъ, какъ Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Димитрій Ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, вступившій въ борьбу съ имп. Екатериной II и жестоко за это поплатившійся [2]), несправедливо обвинять ихъ, „главнымъ образомъ", въ „угодливости и готовности служить интересамъ свѣтской власти". Изъ кіевлянъ, вызванныхъ Петромъ В. и поставленныхъ во главѣ русской церковной іерархіи, Стефанъ Яворскій (о „несговорчивомъ клерикализмѣ" котораго упоминаетъ и г. Милюковъ [3]), воспитанный іезуитами, принадлежалъ къ рѣзко обозначившемуся тогда въ Европѣ клерикальному, католическому направленію, которое „въ противоположность протестантскому,

[1]) Митр Макарій. Исторія Кіевской академіи, стр. 191.

[2]) В. Вильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. т. II

[3]) См. „Очерки по исторіи русской культуры", ч. 2-я, стр. 156.

стремилось подчинить свѣтскую власть церковному авторитету, распространить вліяніе церкви на всѣ сферы жизни. Стефанъ Яворскій только въ силу необходимости, по принужденію, скрѣплялъ своимъ именемъ такія реформы, которымъ нисколько не сочувствовалъ и, противодѣйствуя Петру тайно, рѣшался иногда выступать противъ него и открыто, какъ, напримѣръ, въ проповѣди въ Москвѣ въ мартѣ 1712 г., въ которой онъ говорилъ и противъ учрежденія фискаловъ, и противъ развратной жизни Петра, и въ защиту царевича Алексѣя, а сенаторы послали эту проповѣдь Петру [1]). Стефанъ Яворскій не побоялся дать отзывъ о помилованіи царевича Алексѣя, когда царь спросилъ мнѣніе духовенства по этому дѣлу. Зная, какъ Петръ расправлялся за противодѣйствіе своей волѣ даже съ членами своей семьи, понимая, чтó и его—Стефана—можетъ ожидать за противодѣйствіе Петру, Яворскій все-таки рѣшался тайно или открыто выступать противъ Петра, и это, конечно, вовсе не свидѣтельствуетъ объ угодливости Яворскаго. При томъ положеніи, въ какомъ онъ находился, оставалось одно—уйти, и извѣстно, что Яворскій нѣсколько разъ, усиленно, даже стоя передъ царемъ на колѣняхъ, умолялъ Петра, чтобы онъ отпустилъ его на родину, но Петръ не отпускалъ его и заставлялъ поступать такъ, какъ Петру было надобно.

Глубоко благочестивый, кроткій, талантливый проповѣдникъ, всю жизнь проведшій въ непрерывномъ книжномъ трудѣ, Димитрій Ростовскій хотя и сочувствовалъ стремленіямъ Петра распространить знаніе и по поводу сношеній съ иноземцами говорилъ: „хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, что многіе люди въ иныя государства ходятъ ученія ради, изъ-за морей бо умудренніи возвращаются“ [2]), но при случаѣ не уклонялся въ проповѣдяхъ даже въ присутствіи Петра указывать на его личные недостатки,

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16-й, стр. 239, 333.

[2]) А. Пыпинъ, Исторія Русской литературы, т. II, стр. 413.

напримѣръ, „гнѣвную ярость“, пьянство и иные пороки, неуваженіе къ святынѣ и т. п. [1]).

Что же касается Ѳеофана Прокоповича, который болѣе всѣхъ южно-русскихъ сановниковъ оказывалъ поддержку Петру, то Ѳеофанъ, человѣкъ европейски образованный, сильнаго ума и громаднаго таланта, былъ такъ же, какъ и Петръ, сторонникомъ новаго направленія, протестантскаго, и являлся противникомъ въ этомъ отношеніи Стефана Яворскаго, противникомъ застоя и обскурантизма. Ѳеофанъ Прокоповичъ, говоритъ А. Пыпинъ, былъ наиболѣе передовымъ человѣкомъ въ дѣлѣ просвѣщенія и литературы; до его смерти, въ 1736 году, не было человѣка, равнаго ему въ литературномъ образованіи [2]). Будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, состоя въ перепискѣ съ такими выдающимися учеными, какъ, напримѣръ, извѣстный протестантскій богословъ Буддей, обладая библіотекою, въ которой находилось до 30 тысячъ томовъ лучшихъ изданій, Ѳеофанъ являлся въ Петербургѣ центромъ, около котораго соединялись образованные люди — русскіе и иностранцы [3]). Принадлежа къ передовымъ людямъ своего времени, онъ стремился защитить право просвѣщенія отъ глухой, но упорной вражды стараго застоя. Къ счастью, онъ нашелъ тогда опору въ въ правительственной власти, которая боролась противъ того же застоя [4]). Не удивительно, что онъ явился искреннимъ и горячимъ сторонникомъ Петра. По словамъ П. Пекарскаго, напрасно говорятъ, что Прокоповичъ являлся въ своихъ сочиненіяхъ обличителемъ и гонителемъ старыхъ порядковъ единственно изъ угожденія Петру: еще будучи безвѣстнымъ преподавателемъ философіи и богословія въ Кіевѣ, Ѳеофанъ читалъ лекціи, которыя потомъ враги его ославили опасными, говоря, что въ нихъ заключалось „но-

[1]) А. Пыпинъ, Исторія Рус. литературы, т. II, стр. 412.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 531.

[3]) Тамъ же, стр. 389.

[4]) Тамъ же, стр. 352.

вое ученіе" [1]). Интересна, напримѣръ, глава въ его богословіи, посвященная разсмотрѣнію вопроса, который и въ настоящее время рѣшается отрицательно: должно ли излагать Священное Писаніе на простонародномъ языкѣ? Ѳеофанъ, возставая противъ католическихъ богослововъ, особенно противъ іезуита Беллармина, который, по словамъ Ѳеофана, „какъ Голіаѳъ, возвышается надъ всѣми западными обскурантами", говоритъ: „Беллярминъ увѣряетъ, что величіе богослуженія несовмѣстимо съ простонароднымъ языкомъ. Спрашивается: какое же это величіе—говорить о священныхъ предметахъ такъ, что простой человѣкъ можетъ подумать, что мы бранимся? [2]).

Въ замѣчательномъ литературномъ произведеніи своего времени, „Духовномъ Регламентѣ", Ѳеофанъ Прокоповичъ, кромѣ церковной реформы, проводилъ необходимость просвѣщенія: „когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ"... Онъ требовалъ въ „Регламентѣ", чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу; при школѣ должна быть библіотека; давалъ наставленія, какъ вести дѣло воспитанія и обученія; возставалъ противъ невѣжества, суевѣрія, фанатизма и вообще велъ борьбу съ устарѣлыми понятіями и предразсудками своего времени. Изъ всей дѣятельности Ѳеофана видно, что онъ искренно сочувствовалъ реформамъ Петра, и въ поддержкѣ, которую онъ оказывалъ царю въ его реформаторскихъ стремленіяхъ, несправедливо было бы видѣть, „главнымъ" образомъ, „угодливость", свойственную, по словамъ г. Милюкова, южно-русскимъ духовнымъ сановникамъ.

Нельзя сказать, чтобы украинцы охотно шли на предлагаемыя имъ мѣста въ Московскомъ государствѣ. „Церковный фанатизмъ, вражда къ наукѣ, упрямый застой, нрав-

---

[1]) П. Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Т. I, стр. 881.

[2]) А. Пыпинъ, Исторія Русской литературы, т. III, стр. 198.

ственное одичаніе и ожесточеніе[1])", характеризовавшіе тогдашніе Московскіе нравы, не могли быть по душѣ южно-руссамъ, получившимъ воспитаніе въ польскихъ и въ заграничныхъ школахъ и привыкшимъ къ болѣе культурнымъ обычаямъ. А если къ этому прибавить враждебное отношеніе Московскаго духовенства къ южно-руссамъ, постоянное вмѣшательство свѣтской власти въ духовныя дѣла, скудость содержанія, на которую жаловался даже такой святой, нестяжательный человѣкъ, какъ Димитрій Ростовскій[2]), то не удивительно, почему украинцы такъ неохотно шли въ великорусскія епархіи и считали переходъ туда тяжелымъ для себя „послушаніемъ". Такъ, напримѣръ, Стефанъ Яворскій, бывшій игуменомъ Кіево-Никольскаго Пустыннаго монастыря, былъ посланъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Златоверхаго Михайловскаго монастыря Захаріемъ Корниловичемъ въ Москву въ началѣ 1700 года Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ къ патріарху Адріану съ просьбой посвятить одного изъ двухъ посланныхъ игуменовъ во епископы во вновь учрежденную епархію Переяславскую (близъ Кіева). Но Петръ велѣлъ Адріану поставить Яворскаго архіереемъ въ одну изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій, и Адріанъ объявилъ Яворскому, чтобы тотъ готовился къ посвященію митрополитомъ

---

1) А. Пыпинъ. Исторія Рус. литературы. т. II, стр. 800.

2) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. II, стр. 30. Изъ письма Димитрія къ Іову Новгородскому: „Я, грѣшный, пришедши на престолъ Ростовской паствы, завелъ было училище Греческое и Латинское, ученики поучились года два и больше и уже начали было грамматику разумѣть не дурно; но, попущеніемъ Божіимъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе: питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отняли все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти".

Послѣ смерти Димитрія не осталось никакого имущества кромѣ книгъ, и въ завѣщаніи онъ просилъ похоронить его, какъ хоронятъ нищихъ; изъ скудныхъ средствъ, какія онъ имѣлъ по своей каѳедрѣ, все, что можно было, онъ тратилъ на благотворенія (А. Пыпинъ, Исторія Русской литературы, т. II, стр. 416).

Рязанскимъ. „Яворскій сталъ просить, чтобы ему прежде позволили побывать въ Кіевѣ; но патріархъ не согласился и назначилъ 16 марта для посвященія. Утромъ въ назначенный день архіереи и другія духовныя лица собрались, по обычаю, въ Крестовую палату къ патріарху; послали на малороссійское подворье за Стефаномъ; посланникъ возвратился съ отвѣтомъ, что игумена нѣтъ на подворьѣ, уѣхалъ въ Донской монастырь. Послали туда; Яворскій не ѣдетъ, а между тѣмъ уже часа два въ Кремлѣ шелъ благовѣстъ; въ другой разъ послали въ Донской монастырь взять упрямаго игумена: Стефанъ отрекся рѣшительно, что не поѣдетъ, не хочетъ быть архіереемъ. Патріархъ разсердился, не велѣлъ пускать Стефана изъ монастыря и далъ знать царю [1]". Конечно, дѣло кончилось тѣмъ, что Стефанъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Рязань и въ томъ же году переведенъ въ Москву.

Не съ большой охотой, повидимому, отправился въ Петербургъ, по приглашенію Петра, и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Когда въ 1715 году Петръ вызвалъ его изъ Кіева въ Петербургъ, то Ѳеофанъ въ письмѣ къ своему другу Якову Марковичу, отъ 9-го августа 1716 года, пишетъ: „Можетъ быть ты слышалъ, что меня вызываютъ для епископства; эта почесть меня также привлекаетъ и прельщаетъ, какъ еслибы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ... Я люблю дѣло епископства и желалъ бы быть епископомъ, если бы вмѣсто епископа мнѣ не пришлось быть комедіантомъ. Ибо къ тому влечетъ епископская въ высшей степени неблагопріятная обстановка, если не исправитъ ее божественная мудрость [2]".

Третій изъ достойныхъ іерарховъ, вызванныхъ Петромъ изъ Украины, Димитрій Туптало, по требованію царя, былъ отправленъ Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ

---

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 15, стр. 119—120 (Московскій архивъ Мин. Ин. Д.: Дѣла духовныя).

[2]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1865 г., т. I, стр. 142.

въ Москву для замѣщенія каѳедры Сибирскаго митрополита. Пріѣхавъ въ Москву, Димитрій заболѣлъ съ тоски отъ нежеланія ѣхать въ чужой, далекій и суровый край. Узнавъ объ этомъ, Петръ сжалился надъ Димитріемъ, оставилъ его въ Москвѣ, а потомъ назначилъ митрополитомъ Ростовскимъ. Въ Ростовѣ Димитрій окончилъ свой многолѣтній трудъ „Житія Святыхъ", Четіи-Минеи, но тамъ и менѣе суровый, чѣмъ въ Сибири, климатъ все же подѣйствовалъ губительно на здоровье Димитрія.

Я остановилась болѣе подробно на этихъ извѣстныхъ фактахъ для выясненія общаго фона историческихъ условій того времени, такъ какъ епископъ Арсеній Берло былъ современникомъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича; и на этомъ общемъ историческомъ фонѣ, хотя и не на такомъ обширномъ поприщѣ, какъ вышеназваннымъ знаменитымъ іерархамъ, пришлось дѣйствовать и епископу Арсенію.

А. Берло.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРСЕНІЙ БЕРЛО,

епископъ Переяславскій и Бориспольскій.

(† 1744 г.)

Біографическій очеркъ.

(Окончаніе).

Арсеній, въ мірѣ Андрей, былъ сынъ Ивана Берла[1]), полковаго переяславскаго судьи, и второй жены его Татьяны Щуровской[2]). О происхожденіи рода Берловъ, на основаніи уцѣлѣвшихъ документовъ, можно сообщить немногое. Когда въ концѣ XVIII вѣка, послѣ уничтоженія козачества, малорусской козацкой старшинѣ было предоставлено указомъ имп. Екатерины II право зачисляться въ списки дворянъ,

---

[1]) Въ статьѣ г-на П. Левицкаго: „Прошлое Переяславскаго духовнаго училища" (оттискъ изъ „Кіевской Старины", Кіевъ, 1889 г.) сказано, что отецъ Арсенія „умеръ въ санѣ протоіерея Переяславской Покровской церкви". Это не вѣрно. Андрей Берло, владѣлецъ села Панфилъ, бунчужный товарищъ, затѣмъ священникъ переяславской Успенской церкви и, наконецъ, Переяславскій протоіерей (съ 1735 г. до 1755 г.), былъ младшій братъ епископа Арсенія, (см. статью г-на А. Лазаревскаго „Изъ семейной хроники Берловъ" — „Кіевская Старина" 1899 года, январь, стр. 123 и Духовное завѣщаніе Ивана Берла въ приложеніи къ статьѣ).

[2]) Аѳанасій Щуровскій, полковникъ Переяславскій, былъ казненъ Московскимъ правительствомъ въ 1663 году вмѣстѣ съ наказнымъ гетманомъ Сомкомъ, вслѣдствіе интриги и доносовъ Брюховецкаго.

то и потомки переяславскаго полковаго судьи Ивана Берла, переходя изъ козацкаго войска на службу въ „дворянскіе“ полки, въ ходатайствѣ своемъ о зачисленіи рода своего въ списки дворянъ, сообщаютъ между прочимъ слѣдующее: „А когда король Польскій и Венгерскій Владиславъ Ягелловичъ войну имѣлъ съ Портою Турецкою, за султана Амурата, въ 1440 году, съ арміею своею польскою и венгерскою, къ которой присовокупился и господарь Волошскій Тимша съ войскомъ своимъ, котораго было пятнадцать тысячъ, и дошелъ король съ тимъ войскомъ подъ Бѣлъградъ. О чемъ султанъ Турецкій, узнавъ и собравши больше ста тысячъ войска, напалъ на короля и разбилъ его войско. Но одинъ изъ войска волошскаго воинъ выскоча оборонилъ короля, не допустивъ его убить, и—хотя раненаго—довезъ до королевскаго обоза. За что Владиславъ Ягелловичъ въ знакъ благодарности одарлъ его золотымъ берломъ [1]), и оттоль и прозваніе дано ему Берло, и до индигнату шляхетства и рицерства польскаго припущенъ и конституціями всѣхъ вольностей шляхетства и рицерства польскаго утвержденъ, который и сей гербъ [2]) съ собою до Литвы принесъ, и тамъ домъ ихъ Берловъ размножился, съ которыхъ фамилій Берловъ—Ѳеодоръ Берло былъ канцлеромъ Литовскимъ, Казиміръ Берло—каштеляномъ Виленскимъ, Николай Берло—подкоморимъ Смоленскимъ, Анастасій Берло—подсудкомъ Кіевскимъ. По выходѣ же въ Россію были: Иванъ Берло-полковникомъ стародубовскимъ, Иванъ Берло—сотникомъ Вороньковскимъ и судьею полковымъ Переяславскимъ, Ивановъ же сынъ Данило—бунчуковымъ товарищемъ, Даниловъ сынъ Владиміръ—малороссійскимъ полковымъ писаремъ [3])“. Насколько достовѣрны

---

[1]) Берло (berło) — скипетръ.

[2]) „Въ полѣ бѣломъ на щитѣ зуброва голова черная, въ ноздряхъ золотое кольцо, между рогами звѣзда золотая, черезъ хельмъ выше звѣзды наискось золотое берло, на хелмѣ корона, на коронѣ три перья труские“.

[3]) Съ копіи.

сообщаемыя въ этомъ документѣ свѣдѣнія о происхожденіи рода Берловъ и о тѣхъ его представителяхъ, которые были въ Литвѣ, я не берусь судить, да это и не входитъ въ мою задачу [1]). Я намѣрена лишь, на основаніи, къ сожалѣнію, немногихъ собранныхъ мною матеріаловъ, составить небольшой біографическій очеркъ епископа Арсенія Берла. Я привела выше этотъ семейный документъ лишь для того, чтобы показать, откуда сами Берлы выводили свой родъ, и перехожу къ тѣмъ изъ нихъ, существованіе которыхъ можно доказать уцѣлѣвшими послѣ нихъ документами,—къ Берламъ, „вышедшимъ въ Россію."

Старшій изъ братьевъ Иванъ Берло въ 1671—72-мъ году былъ сотникомъ Мглинскимъ, а затѣмъ полковникомъ Стародубскимъ, какъ и сказано въ приведенномъ мною документѣ. Младшій братъ его, также Иванъ, съ 1696 г. по 1706 г. былъ сотникомъ Воронковскимъ въ Переяславщинѣ, а затѣмъ съ 1706 по 1711 г. наказнымъ полковникомъ [2]) и судьею полковымъ Переяславскимъ. Старшій братъ, какъ видно изъ духовнаго завѣщанія Переяславскаго судьи Ивана Берла, которое приложено къ статьѣ г. Лазаревскаго въ 1-й книжкѣ „Кіевской Старины" 1899 г., передъ смертью своею вызвалъ изъ Воронкова въ Мглинъ младшаго своего брата, и онъ похоронилъ его въ Мглинской церкви Воскресенія Хрис-

---

[1]) Въ изданныхъ Кіев. Археограф. комиссіей актахъ объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ мнѣ встрѣчались упоминанія о Берлахъ, оставшихся въ Польшѣ и принявшихъ впослѣдствіи двойную фамилію. Такъ, въ дарственной записи отъ графовъ Франциска и Каэтана Тарновскихъ крестьянину Матвѣю Мошинскому, отъ 6-го апрѣля 1727 года, говорится: Roku tysiąc siedmset dziewięćdziesiąt szóstego, miesiąca marca trzydziestego pierwszego dnia veteris styli.—Przed aktami ninieyszymi, ziemskiemi, Kijowskiemi i przedemną, Janem Nepomucenem Berło-Zwolińskim, namiesnikiem ziemskim Kijowskim, и т. д. (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. 6-ая; т. 2-ой, стр. 45).

Тамъ же, на стр. 119 122, встрѣчается подпись другого Берла: Paweł Berło-Zwoliński, cześnik Smoleński.

[2]) А. Стороженко. Очерки Переяславской старины; стр. 167. (Подпись подъ завѣщаніемъ Думитрашка-Райча).

това, а дочь умершаго брата Анну взялъ съ собою въ Воронковъ. Младшій Иванъ Берло былъ женатъ три раза. Первая жена его, Прасковья, была дочь извѣстнаго Переяславскаго полковника и наказнаго гетмана Лѣвобережной Украины Якима Сомка, казненнаго осенью 1663 года въ Борзнѣ по интригамъ и доносамъ Брюховецкаго. Хотя Кулишъ въ „Чорной радѣ", говоря о красотѣ, мужествѣ и благородствѣ Сомка, выставляетъ его неженатымъ, но, на самомъ дѣлѣ, Сомко въ описываемое Кулишемъ время былъ женатъ и послѣ своей смерти оставилъ жену Ирину и дочь Прасковью. Послѣ казни Сомка земли, принадлежавшія ему въ Переяславщинѣ, купленныя имъ, о чемъ свидѣтельствуетъ универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 26-го іюня 1655 г. [1]), были захвачены разными лицами, какъ это часто случалось въ то смутное время, а вдова Сомка, боясь, повидимому, своихъ враговъ, удалилась, съ дочерью въ Стародубщину. Женившись на Прасковьѣ Сомковнѣ, Иванъ Берло поотбиралъ земли Сомка у тѣхъ лицъ, которыя ихъ захватили, и эти земли вдова Сомка завѣщала своему внуку Василію Берлу [2]). Отъ первой жены у Ивана Берла осталось двое дѣтей—сынъ Василій и дочь Ирина. Второй разъ Иванъ Берло женился на Татьянѣ Щуровской, оставшейся вдовою послѣ брака съ Рустою, отъ котораго у нея было два сына—Петръ и Яковъ Рустановичи. Послѣ смерти второй жены, оставившей сына Андрея (въ монашествѣ Арсенія) и дочь Софью, Иванъ Берло женился въ третій разъ на Аннѣ Мазапетовнѣ и съ этой женой прожилъ лѣтъ 25, до смерти своей въ началѣ 1721 года. Отъ третьей жены у него было два сына и три дочери. Благодаря бракамъ своимъ и дѣтей своихъ, Иванъ Берло породнился съ различными извѣстными украинскими родами.

[1]) А. Лазаревскій, Кіевская Старина 1899 г., стр. 105.

[2]) См. Духовное завѣщаніе Ивана Берла. Кіевская Старина, 1899 г., стр. 127. Иванъ Берло владѣлъ значительною частью Переяславщины: кромѣ земель при м. Воронковѣ ему принадлежали: с. Жеребятинъ, Рогозовъ, Старое, Памфилы и др.

Такъ, первая жена Берла была родная племянница первой жены Богдана Хмельницкаго Анны Сомко и двоюродная сестра гетмана Юрія Хмельницкаго. Старшій сынъ Ивана Берла, Василій, внукъ Сомка, женился на Анастасіи Ивановнѣ Сулимовнѣ. Федоръ Сулима, дѣдъ Анастасіи Ивановны, выдалъ дочь за одного изъ сыновей гетмана Самойловича, а единственный сынъ Федора—Иванъ, бывшій сначала Воронковскимъ сотникомъ, а затѣмъ генеральнымъ хорунжимъ, женился на дочери бывшаго Переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, и такимъ образомъ жена Василія Берла была родною племянницею извѣстнаго Черниговскаго полковника и наказнаго гетмана Павла Полуботка. Вслѣдствіе женитьбы Василія Берла на племянницѣ Полуботка Берлы породнились и съ семьей Марковичей. Властная гетманша, Настасья Марковна Скоропадская, у которой не было сыновей, взяла подъ свое покровительство племянника своего, Якова Марковича, сына старшаго ея брата Андрея [1]), пользовавшагося при Скоропадскомъ большимъ значеніемъ. Гетманша позаботилась пріискать своему племяннику богатую невѣсту; а такъ какъ Павелъ Полуботокъ принадлежалъ тогда къ числу богатѣйшихъ людей въ Малороссіи, то Скоропадская постаралась женить своего племянника на дочери Полуботка [2]). Такимъ образомъ Василій Берло и Яковъ Андреевичъ Марковичъ были женаты на двоюродныхъ сестрахъ. Упоминаю объ этомъ родствѣ, такъ какъ Яковъ Андреевичъ Марковичъ, оставившій извѣстный дневникъ свой (Дневныя записки Якова Марковича съ 1716 по 1767 г., изданныя въ Москвѣ въ 1859 г. въ 2-хъ частяхъ внукомъ его А. Марковичемъ), былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Ѳеофана Прокоповича. Много лѣтъ Ѳеофанъ поддерживалъ дружбу съ Яковомъ Марковичемъ и велъ съ нимъ постоянную переписку, сообщая ему о своихъ

[1]) Младшій братъ Скоропадской—Федоръ—былъ женатъ на дочери Переяславскаго полковника Томары.

[2]) А. Лазаревскій, Люди Старой Малороссіи. Кіевская Старина, январь, 1884 г. стр. 67.

научныхъ работахъ [1]). Зная дружескія отношенія Ѳеофана Прокоповича къ Якову Марковичу и родство Якова Марковича съ Василіемъ и Арсеніемъ Берлами, учившимися такъ же, какъ и Яковъ Марковичъ, въ Кіево-Могилянской коллегіи, является нѣкоторая возможность хотя приблизительно опредѣлить время, когда Ѳеофанъ могъ узнать Арсенія и оцѣнить тѣ его достоинства, о которыхъ онъ писалъ Могилевскому братству, рекомендуя Арсенія въ епископы Бѣлорусской епархіи.

По обычаю того времени, Арсеній вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Василіемъ былъ отвезенъ отцомъ для обученія въ Кіево-Могилянскую коллегію. Объ этомъ въ завѣщаніи Ивана Берла сказано такъ: „не безъ кошту и тое било черезъ колко роков намъ из жоною Мазапетовною господи наймовати, за науки школъ Киевских синам Василію и Арсенію інспекторам платити готовизною и кому того часу належало[2])". Послѣ обученія въ „Кіевскихъ школахъ" Арсеній пожелалъ отправиться для дальнѣйшаго образованія за границу во Львовъ, какъ это тоже было въ обычаѣ у лучшихъ воспитанниковъ Кіевской академіи въ то время. Отправляя Арсенія во Львовъ, отецъ далъ ему кромѣ одеждъ „коня съ возомъ" и денегъ талеровъ двадцать. Объ этомъ въ своемъ завѣщаніи Иванъ Берло говоритъ слѣдующее: „Сына моего, од другой жони моей Татияни Щуровщанки покойной зо мною зпложенного Божіимъ дарованіемъ, Арсенія Берла, архідіякона митрополіи Киевской, когда по его хотенію, од школ Киевских до Лвова для наукъ виправилем, давши ему суккѣ, у дорогу коня з возом і вѣкту з потребу, грошей таляровъ двадцат [3])". За границей Арсеній пробылъ нѣсколько лѣтъ и, спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ Львова, сталъ просить у отца позволенія принять монашество въ

---

1) Н. Костомаровъ, Русская исторія. т. II. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 333.

2) Кіевская Старина. 1899 г. январь, стр. 126.

3) Тамъ же, стр. 127.

Кіево-Печерской лаврѣ. Отецъ согласился, но такъ какъ самъ почему-то не былъ дома во время постриженія сына, то мачиха Арсенія позаботилась сдѣлать нужныя ему въ монашествѣ одежды—сутану и реверенду (рясу); кромѣ того отецъ далъ Арсенію пару буланыхъ коней съ „колясою" [1]). Послѣ принятія монашества Арсеній нѣкоторое время былъ въ Лаврѣ въ званіи „трапезнаго" [2]), какъ видно изъ подписи подъ портретомъ его, находящимся въ Лаврѣ. Послѣ этого, какъ видно изъ той же подписи, „в Братскомъ монастирѣ граматицкимъ бѣ професоромъ", повидимому, въ то время, когда Өеофанъ Прокоповичъ былъ ректоромъ Кіевской академіи. Въ 1717 году Арсеній является уже архидіакономъ митрополіи Кіевской—при митрополитѣ Іосафѣ Кроковскомъ. Въ 1722 году Берло былъ вызванъ въ Москву съ ризницею и свитою къ посвященію на Кіевскую архіепископію Варлаама Ванатовича. Въ это же время и Арсеній былъ рукоположенъ во іеромонаха, а вслѣдъ затѣмъ возведенъ въ санъ архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря, которому тогда же возвращено прежнее право ставропигіи, отнятое въ 1708 году, на что и дана Арсенію синодальная грамота 2-го іюня 1722 года [3]). Архимандритомъ Межигор-

---

[1]) Объ этомъ въ завѣщаніи Ив. Берла говорится такъ: „А кгди по колкох роках, одтол повернулся з фурманомъ нанятимъ, якому заплатилисми за привоз до нас сина нашего Арсенія, по часѣ просил мене и жони моей, жеби у святой обители Киевопечерской габѣтъ моглъ приняти, въ чомъ желанію его сыновном стараннем моѣмъ и жони моей задоситъ учинилося бо любо я сам в дому в часъ постригу бити не згодился, еднак жона моя Мазапетовна з остатной готовизны всяких вещей на постригъ синовний достатно ложила и одправовала: и пару суконъ, сутану штаметовую і реверенду тонкого сукна французского, шлямами волчими подшитую, справили, коней пару буланихъ возников з колясою далисми синови Арсеніеви".

[2]) *Трапезный* завѣдывалъ порядкомъ и благочиніемъ въ братской столовой, которая со всѣми ея принадлежностями находилась на его рукахъ.

[3]) „Свѣдѣнія о Полтавско-Переяславской епархіи и ея архипастыряхъ" - игумена Поліевкта. Полтава. 1868 г.

скимъ Арсеній пробылъ съ 1722 до 1729 года. Межигорскій монастырь, единственная въ то время послѣ Лавры архимандрія въ Малороссіи, извѣстный строгой, аскетической жизнью своихъ иноковъ, пользовался покровительствомъ какъ католиковъ, польскихъ королей—Сигизмунда I, Стефана Баторія, Яна Казимира,—литовскаго гетмана Радзивила, такъ и православныхъ, князя Константина Острожскаго, гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича, а также царя Алексѣя Михайловича и патріарха Іоакима. Благодаря различнымъ привилегіямъ, даннымъ монастырю, и огромнымъ пожертвованіямъ, которыя поступали отъ различныхъ лицъ (въ томъ числѣ, напримѣръ, отъ вдовы гетмана Сомка, отъ Мазепы и др.), а также и тому, что Запорожская Сѣчь, съ 1672 года приглашавшая къ себѣ духовенство изъ Межигорья, въ 1683 году признала формально свою зависимость отъ Межигорскаго монастыря, обязавшись быть его приходомъ—парафіей, и черезъ нѣсколько лѣтъ передала въ вѣдѣніе Межигорья свой Самарскій монастырь [1]), которому принадлежало 15 тысячъ десятинъ земли, Межигорскій монастырь, получившій огромныя земельныя владѣнія, достигъ къ концу XVII вѣка своего наивысшаго процвѣтанія. Но съ начала XVIII вѣка значеніе Межигорскаго монастыря начинаетъ падать. Прежнихъ сильныхъ защитниковъ обители уже не было, и этимъ пользуются разныя лица для захвата земель, принадлежавшихъ монастырю. Какъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ документовъ, архимандриту Арсенію пришлось вести споры и тяжбы съ Кіевскими мѣщанами, съ женскимъ Флоровскимъ монастыремъ и съ разными другими лицами о правахъ на владѣніе землями, принадлежавшими монастырю. Хотя еще въ 1713 году была назначена межевая комиссія для рѣшенія спора о границахъ между Межигорскимъ мона-

[1]) Самарскій Николаевскій монастырь, на рѣкѣ Самарѣ, близъ г. Новомосковска, Екатеринославской губерніи, существуетъ и нынѣ.

стыремъ и кіевскими мѣщанами [1]), но послѣдніе продолжали захватывать земли, принадлежавшія монастырю. Изъ-за чего велись тяжбы и споры, видно изъ приводимыхъ мною полностью двухъ документовъ. Первый изъ нихъ, отъ 18 октября 1724 года — письмо изъ Глухова правителей генеральной войсковой канцеляріи Кіевскому войту—слѣдующаго содержанія:

Мосце пане войте Киевский намъ велце жичливый приятелю! В' заводѣ висоце в' Богу превелебнаго его млсти отца Арсенія Берли архимандрита Киево-Межигорскаго з' бурмистромъ ма'страту Киевскаго Миха'ломъ Малченъкомъ, также з Миха'ломъ Богдановичомъ, мѣщаниномъ тамошнимъ, да з' другимъ бурмистромъ Киевскимъ же Василемъ Якимовичемъ о кгрунте спорномъ, розыскъ паномъ Іваномъ Турнавіотомъ, товаришемъ бунъчуковымъ, справлены', а доношеніемъ выраженъны' полученъ в' енералъно' во'сково' канцелярии, в' которомъ показано, что Миха'ло Малченъко бурмистръ Киевский, купивши футоръ от' Миха'ла Сакардюка, яки' на кгрунте мѣскомъ Киевскомъ былъ прежде построенъ при рѣцѣ Мушанцѣ: на другую сторону тое' рѣчки уже на кгрунтъ монастира Межигорского перенеслъ за вѣдомомъ и позволенемъ в. м мсцѣ пна того же мнастира и пущу на всякую свою потребу якобы рубаетъ, а то особенно в. м. мсце пнъ будто тако' рады причины позволилъ, что якобы ма'стратъ Киевский мѣетъ на тое привилея королевские и грамоты гдарские, по которымъ от самого Киева за пят мил' по обоимъ сторонамъ, воленъ такъ пущами, яко и сѣножатми, и інными угодиями всячески користоватися, однакъ якобы таких привилеовъ и грамотъ (любо панъ Турновіотъ оныхъ видѣти и упоминался) в. м. мсцѣ панъ з урадомъ оному не показали, а законъники де Межигорские будучие при томъ розыску, крипости к' тому дѣлу приналлежащие презентовали, в' которыхъ де вся граница

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Стр. 134—151.

ннѣ спорная землѣ мнастира Межигорского означенна. Миха'ло зась Богдановичъ мѣщанинъ Киевски' построивши на рѣцѣ Мушанцѣ млинъ, греблю концемъ до берегу монастирского привелъ, и тотъ млинъ безъ вѣдома отца архимандриты, толко за позволенемъ в. м. мсцѣ пна з бору мнастира Межигорского оны' Богдановичъ построилъ. А Василе' де Якимовичъ любо жадно' обиды и трудности мнастиревѣ Межигорскому не затѣялъ и впредь при розыску затѣвати не облѣкговался, толко за папѣрню на землѣ мнастира Межигорскаго построенную не хочетъ: якъ до мнастира Братского Киевского рату дает, такъ и мнастиревѣ Межигорскому у'щати тое' дабели не хочетъ. А понеже за означенъного всего розыску в' енерално' во'сково' канъцелярии небезобиденъ мнастиръ Киево-Межигорски' показалъся; для того что нетолко означенные бурмистры и мещане Киевские без всякихъ правъ и документовъ свои заводя на кгрунтахъ мнастирскихъ пожитки, тымъ самимъ помянутому мнастиревѣ прикратся, в. м. мсцѣ пнъ еще и самъ онымъ того допускаешь, и якобы по привилиямъ королевскимъ и мнаршимъ грамотамъ в' томъ имъ позволяешь; якие привился и грамоты любо енерално' во'сково' канцелярии сут' вѣдоми, однако о вышепоказанном заводу в' оными никако' справки в' оно' же канъцелярии не было; того рады пишучи мы до в. м. мсцѣ пна предлагаемъ, хоти в. м. мсцѣ пнъ безоткладно Миха'ла Малъченъка бурмистра Киевского, если онъ в' томъ своемъ спорномъ з' помянутыми законъниками слушнимъ порадкомъ по належитости помѣркованя не учинитъ и до конечной згоды доброволне при'ти з' собою не похочет, якъ з' принадлежащими крипостми, такъ и другими, тому заводу потребными документами, для разсмотрения и оконъчания означенъного заводу перед суд во'сковы' енерални' присылат, а Миха'ло Богдановичъ, мещанинъ Киевски' если отцу архимандриту Межигорскому з' братиею не дастъ на себе тако' ассекурации, что не мѣетъ впред онъ з' пущи мнастирск' Межигорско' на свою потребу без вѣдома законниковъ де-

рева употребляти и в' оно' яко крипостно' самоволне пустоши чинити, да и рочного чиншу за берегъ, до которого греблю свою концемъ привелъ по уговору з' імъ отцемъ архимандритомъ и братиею учиненномъ давати не похочетъ, мѣетъ за стараненмъ в. м. мсцѣ пна, також з доказателствомъ тое' справы потребнымъ для разсмотрения и оконъчания в' судѣ во'сковомъ енералном в' Глуховъ приездити сполне же з' оними и Василия Якимовича, если оны' з' отцемъ архимандритомъ Межигорскимъ до згоды и помѣркованя не при'дет; да и за папѣрню оному же отцу архимандриту по уговору такъ, яко и мнастиревѣ Братскому уплатит, платити ж не похощетъ, для росправы сюда жъ в' Глуховъ присылать хоти в. м. мсцѣ пнъ, ибо без сего в' енерално' во'сково' канъцелярии кра'него рѣшения обоимъ сторонамъ учинит невозможно. В. м. мсцѣ пну всего добра зичливіе приятелѣ енерално' во'сково' канъцелярии правителѣ Іванъ Левенецъ, Іванъ Ману'ловичъ, Ѳедор Потребичъ-Гречаны'. З' Глухова, октоврия 18, 1724 року [1]).

Не смотря на то, что „законники Межигорскіе" могли доказать документами свои права на владѣніе монастырскими землями, кіевскіе мѣщане не унимались, и Арсеній былъ вынужденъ подать такого содержанія жалобу въ 1728 году императору Петру II:

„Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ и самодержецъ всероссійскій государь всемилостивѣйшій!

Изъ древнихъ лѣтъ, т. е. съ начала подданства Кіева со всѣми предѣлы подъ высокодержавнѣйшую антецессоровъ вашего императорскаго величества руку, милостивымъ прозрѣніемъ на Кіево-Межигорскую общежительную нашу убогую обитель блаженныя памяти всепресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и самодержцевъ всероссійскихъ пожалованы мы, богомольцы ваши, для содержанія оного монастыря, прежде данными къ оному монастырю отъ благочестивыхъ польского государства фундаторовъ маетно-

[1]) Сообщено проф. С. Т. Голубевымъ.

стями и рыбными ловлями, и лѣсными угодьями, и сѣнными покосы, и бортными ухожьи, и протчими угодьями, и для спокойнаго владѣнія въ подтверженіе древнихъ королей польскихъ привилей даны въ оный монастырь изъ государственнаго посольского приказу жалованные грамоты съ такимъ объявленіемъ, дабы въ оные наши грунта и въ протчія угодья никто не интересовался, и во владѣніи намъ, богомольцамъ вашимъ, никакія препоны и трудности не чинилъ подъ страхомъ государственные опалы и наказанія. А въ 196-мъ и въ 197-мъ годахъ оные наши маетности со всѣми угодьи по указу блаженные и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго и Перваго императора всероссійскаго и по грамотамъ изъ того жъ посольскаго приказу къ Межигорскому монастырю отказаны и отказныя книги нынѣ въ ономъ приказѣ, въ которыхъ и въ данной намъ съ оныхъ книгъ выписи старинные наши межи и грани и всякіе признаки показаны имянно; и во время того отказу отъ Кіевскихъ мѣщанъ и ни отъ кого спору и челобитья не было, по которымъ указамъ и отказнымъ книгамъ тѣми старинными своими грунтами по древнимъ межамъ и урочищамъ мы, нижайшіе богомольцы ваши, при всегдашнемъ нашемъ соборномъ и келейномъ молитвословіи довольствовались безъ всякаго препятія. А съ прошлого, государь, 198-го году Кіевскіе мѣщане по ненависти своей на обитель нашу, не смотря на тѣ наши старинные привилегіи, паче же презирая вашего императорскаго величества антецессоровъ жалованные грамоты и прещеніе, чинятъ намъ, богомольцамъ вашимъ, несносныя обиды и разореніе, а именно: собрався многолюдствомъ, пріѣзжаютъ въ лѣсныя наши угодья и рубятъ не токмо потребной къ строенію лѣсъ, но и самые бортные дерева, отчего приводятъ въ крайнюю пустоту и послѣднее разореніе; а мы и сами къ пристройкѣ монастырской плотами покупаемъ лѣсъ, щадя своихъ монастырскихъ лѣсовъ на гварнизонную потребу, понеже по указу вашего императорскаго величества въ оныхъ монастырскихъ лѣсахъ повсягодно Кіевскаго гварнизона солдатъ человѣкъ по 200 жгутъ уголья и

всякое потребное рубять дерево на вашу монаршую алтилерную потребу. Да они жъ, Кіевскіе мѣщане, прочими грунтами, пашенными землями и сѣнными покосы, а особливо рыбными нашими ловлями и всякими пожиточными угодьи, надѣясь на мочь свою и богатство, владѣютъ какъ собственными своими, не имѣя никакихъ крѣпостей и нашего позволенія, и уже построили на собственныхъ нашихъ земляхъ для пожитку своего многія мельницы и прочіе хуторы и заводы, и владѣютъ обширными земли нашей заимками, и пустошатъ лѣса во всякихъ нашихъ угодьяхъ, и луга косятъ, и стадами толочатъ, и Кіевскаго гварнизона офицерамъ, какъ свои, отдаютъ, кто гдѣ хочетъ, а подданыхъ нашихъ, и монастырскихъ послушниковъ, и самихъ братію нашу на земляхъ нашихъ бьютъ смертнымъ боемъ и грабятъ, о чемъ въ генеральной войсковой канцеляріи и въ Кіево-губернской канцеляріи и въ ратушѣ имѣются наши явочныя челобитныя, а бою осмотры и опись мертвымъ. Да и въ государственномъ посольскомъ приказѣ челобитье наше имѣется жъ; и не даютъ крестьяномъ нашимъ и послушникамъ и монахамъ Кіевскіе мѣщане въ дачахъ нашихъ проѣзду; гдѣ съѣдутся, тутъ и бьютъ безвинно не токмо одни они, мѣщане, но и начальники ихъ, войтъ и бурмистры, ругательски, зазвавъ въ домъ (лестію и неволію), бьютъ смертнымъ же боемъ; они жъ не даютъ намъ свободности на торгу купить хлѣба и протчего къ монастырю потребного пропитанія. И когда пріѣдутъ наши послушники за покупкою, а крестьяне пріѣдутъ для продажи сѣна и дровъ, то они послушниковъ съ торгу боемъ собьютъ, а у крестьянъ сѣно и дрова, насильно отнявъ, себѣ безденежно берутъ, и лошадей и воловъ у нихъ обравъ, держатъ въ дворахъ своихъ, моря голодомъ, о чемъ для вящшаго вашему императорскому величеству обидъ нашихъ усмотрѣнія прилагаю при семъ знатныхъ обидъ, отъ нихъ учиненныхъ намъ только съ 1721 году, реэстръ, которыхъ обидъ и ругательства нигдѣ не слыхано и не обрѣтается, какое намъ, богомольцамъ вашимъ, чинятъ они, Кіевскіе мѣщане, войтъ и бурмистры. А и о тѣхъ обидахъ, которые нами показаны отъ нихъ до 721 года, доказать можемъ.

Да и Кіевскаго гварнизона солдаты и рейтары и офицерскіе служители лѣсъ нашъ рубятъ насильно многолюдствомъ же, не токмо про себя для топленія хоромъ, но и въ продажу, паче же такой, который къ хоромному строенью годенъ, тутъ же и бортные дерева, отчего лѣсные наши угодья приходятъ въ крайнюю пустоту и послѣднее разореніе, и остается уже малое число. И хотя въ данныхъ намъ вашего императорскаго величества антецессоровъ, пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ самодержцевъ всероссійскихъ, жалованныхъ грамотахъ написано, дабы въ грунта наши и въ прочіе угодья никому не вступатца, и во владѣніи намъ никакой помѣшки и трудности не чинить подъ страхомъ за то опалы и наказанія; такожъ и ратнымъ людемъ разоренія и насильства и обидъ чинить намъ запрещено подъ такимъ же наказаніемъ,— однакожъ Кіевскій вице-губернаторъ господинъ Штокъ на прошеніе Межигорской обители намѣстника з братіею отвѣтствовалъ, что де служивымъ людемъ безъ дровъ быть нельзя; а они получаютъ вашего императорскаго величества жалованье денежное и хлѣбное и живутъ домами своими, и потому стало быть на обитель нашу наглое отъ нихъ нападеніе и разореніе, понеже по силѣ вышеозначенныхъ жалованныхъ грамотъ чинить имъ то все запрещено.

Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего императорскаго величества: вели, государь, всѣ наши маетности съ приналежащими къ нимъ угодьи, по силѣ жалованныхъ грамотъ вашего императорскаго величества антецессоровъ и по отказнымъ книгамъ посольскаго приказу 196 и 197 годовъ, грунты и всякія угодья отъ смежныхъ Кіевскихъ мѣщанъ земель и угодій по старымъ межамъ и гранямъ, и урочищамъ, и признакамъ отмежевать и учинить всѣмъ монастырскимъ нашимъ землямъ вокругъ межу, и о томъ послать свой императорскаго величества указъ къ господину гетману Даніилу Апостолу, дабы онъ для той межи опредѣлилъ достойныхъ людей, сколько пристойно, а въ учиненныхъ отъ Кіевскихъ мѣщанъ намъ, богомольцамъ вашимъ, убивствахъ и разореніяхъ и во всякихъ обидахъ розыскать и учинить

сатисфакцію по самой справедливости, чтобъ впредь намъ въ конецъ не разоритца. А о служивыхъ людехъ пожаловать мнѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ до вице-губернатора Кіевскаго господина Штока указъ съ прочетомъ для предбудущихъ властей, дабы монастырю нашему отъ служивыхъ людей впредь никакова разоренія чинено не было такъ, какъ написано въ указѣ, данномъ намѣстнику Печерскому іеромонаху Роману Копе, о сѣнныхъ покосахъ и о лѣсныхъ угодьяхъ, и въ данныхъ въ обитель нашу жалованныхъ грамотахъ изображено.

Вашего императорскаго величества всегдашній богомолецъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря архимандритъ Арсеній Берло. Сентября....дня 1728 году. Челобитную писалъ Святѣйшаго Синода подканцеляристъ Аѳонасей Полкановъ. Къ поданію надлежитъ въ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи. (Соб. р.) Арсеній Берло, архимандритъ монастыря Межигорскаго Кіевскаго съ братіею [1]".

Въ отвѣтъ на это прошеніе Арсенія послѣдовалъ слѣдующій указъ императора Петра II:

„Божіею милостію мы, Петръ Вторый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего императорскаго величества подданному войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетману Данилу Апостолу и всему войску Запорожскому наше императорское милостивое слово:

Намъ, великому государю, нашему императорскому величеству, билъ челомъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря архимандритъ Арсеній Берло, чтобъ о отмежеваніи ихъ монастырскихъ грунтовъ и всякихъ угодій отъ земель Кіевскихъ мѣщанъ и по приложенному при томъ реестру въ бою и въ обидахъ, чинящихся того монастыря монахомъ и крестьяномъ, и въ насильномъ завладѣніи земли, и въ порубкѣ лѣсовъ Кіевскимъ же войтомъ съ мѣщаны нашъ императорскаго величества указъ учинить и сего 1728 году, нобяря въ

[1]) Сообщено проф. С. Т. Голубевымъ.

9 день, по нашему императорскаго величества указу, въ нашей государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ рѣшено съ вышеписаннаго челобитья Межигорскаго монастыря архимандрита Арсенія Берла послать нашу императорскаго величества грамоту къ тебѣ, подданому нашему, дабы въ бою и въ обидахъ, чинящихся того Межигорскаго монастыря монахомъ и крестьяномъ, и въ насильномъ завладѣніи земли, и въ рубкѣ лѣсовъ Кіевскимъ войтомъ съ мѣщаны въ генеральномъ войсковомъ судѣ дать на него, войта, съ мѣщаны судъ и по суду учинить рѣшеніе по нашему императорского величества указу и по малороссійскимъ правамъ и съ челобитья ево, архимандрита, и съ реэстра и съ выписки послать копіи, которые при семъ и прилагаются. И тебѣ, нашего императорскаго величества подданному, войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра гетману, учинить о семъ по нашему императорскаго величества указу и по правахъ малороссійскимъ.

Данъ въ Москвѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1728, ноября въ 16 день, государствованія же нашего второго году.

Такова грамота за подписаніемъ государственнаго канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина" [1]).

Чѣмъ окончилось это дѣло, была ли межигорской братіи „учинена сатисфакція по самой справедливости", какъ просилъ архимандритъ Арсеній, за насилія, обиды и разоренія, причиненныя братіи кіевскими мѣщанами, въ находящихся у меня документахъ нѣтъ свѣдѣній; Арсеній же вскорѣ оставляетъ Межигорскій монастырь и получаетъ новое назначеніе. 13-го февраля 1728 года скончался Бѣлорусскій епископъ Сильвестръ, въ мірѣ Сергѣй Вячеславовичъ, князь Святополкъ-Четвертинскій, избранный на каѳедру Бѣлорусской епископіи въ 1704 году [2]) и энергично отстаивавшій интересы православія въ Западной Руси, подчиненной

[1]) Сообщено проф. С. Т. Голубевымъ.

[2]) М Чистовичъ. Очеркъ исторіи западно-русской церкви, ч. II, стр. 258.

Польшѣ. Въ 1632 году на избирательномъ сеймѣ дано было обѣщаніе изъ части Полоцкой уніатской епархіи (епархія Могилевская, Мстиславская и Оршанская) образовать православную Бѣлорусскую епархію [1]), и государственное постановленіе объ этомъ состоялось на коронаціонномъ сеймѣ въ 1633 г.; въ этомъ же году было дано Могилевскому братству право ставропигіи Константинопольскимъ патріархомъ Кирилломъ. Когда послѣ Андрусовскаго договора (въ 1667 г.) Украина была раздѣлена между Москвой и Польшей, то православные Западной Руси были подчинены Рѣчи Посполитой. Братство и духовенство могилевское, избирая епископа, должны были предоставлять утвержденіе его королю, а такъ какъ Бѣлорусскій епископъ являлся представителемъ и защитникомъ православія въ Польшѣ, то, конечно, польское правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы Бѣлорусская каѳедра замѣщалась лицомъ польскаго происхожденія и польскимъ подданнымъ. Послѣ смерти князя Сильвестра Четвертинскаго Могилевское духовенство избрало игумена Гедеона Шишку намѣстникомъ, а архидіакона Каллиста Заленскаго администраторомъ Бѣлорусской епископіи, но Могилевскій магистратъ, враждовавшій съ архидіакономъ; обратился къ Кіевскому архіепископу съ просьбою назначить намѣстника и съ жалобою на Заленскаго. Такую же жалобу, съ обвиненіемъ Заленскаго въ различныхъ злоупотребленіяхъ, магистратъ отправилъ и въ синодъ. Кіевскій архіерей, съ своей стороны, доносилъ синоду, что Заленскій хочетъ похитить Могилевское епископство и отступить отъ православія [2]). Синодъ передалъ дѣло въ верховный тайный совѣтъ, который въ маѣ 1728 года отправилъ въ Могилевъ Смоленскаго шляхтича Швейковскаго и приказалъ ему пригласить архидіакона Заленскаго въ Москву и кромѣ того развѣдать, что за причина распри между магистратомъ и архидіакономъ, каковъ послѣдній въ своемъ благочестіи и духов-

[1]) Тамъ же, стр. 244.

[2]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 19-й, стр. 218—219.

номъ правленіи, и можно ли ему вѣрить, а также узнать, кого изъ своихъ духовныхъ лицъ магистратъ считаетъ достойнымъ епископства. Въ августѣ Швейковскій воротился изъ Бѣлоруссіи и донесъ, что магистратъ между Могилевскими духовными не знаетъ ни одного достойнаго человѣка и проситъ прислать къ нимъ кого-нибудь отъ синода или изъ Кіева. Такъ какъ могилевцы предоставили избраніе епископа синоду, то синодъ, повидимому, подъ вліяніемъ Ѳеофана Прокоповича, избралъ епископомъ Могилевско-Бѣлорусской епархіи Арсенія Берла. Въ этомъ санѣ Арсеній былъ утвержденъ синодомъ и имп. Петромъ II и посвященъ въ Кіевѣ. Дѣятельное участіе Ѳеофана въ избраніи Арсенія на Могилевскую каѳедру видно изъ переписки Ѳеофана съ различными лицами по этому поводу. Такъ, послѣ избранія Арсенія епископомъ Могилевскимъ, Ѳеофанъ въ письмѣ къ Могилевскому братству, утѣшая его въ горестяхъ, обнадеживая царскою милостью и покровительствомъ, извѣщаетъ объ избраніи для Могилева епископа въ Россіи: „пастырь сословія вашему имянно ужъ усмотренъ и намѣренъ, мужъ ученія и житія свидѣтельствованнаго, токмо ваше къ тому соизволеніе, рукописаніемъ укрѣпленное, порядкомъ отъ отца архидіакона къ вамъ написаннымъ требуется, а о привилегіи будущему архіерею, такожъ и о прочіихъ церкви вашея нуждахъ и интересахъ его императорское величество указалъ имѣть тщательное рачительство послу своему, его сіятельству князю Сергію Григорьевичу Долгорукову какъ и у его королевскаго величества, такъ и у сената польскаго домогаться о томъ“ [1]).

Вліяя на избраніе Арсенія Могилевскимъ епископомъ, рекомендуя его братству, какъ человѣка, извѣстнаго своимъ образованіемъ и достойною жизнью, Ѳеофанъ не могъ предотвратить и улучшить тѣхъ тяжелыхъ условій, при которыхъ пришлось дѣйствовать въ Могилевѣ еп. Арсенію. Будучи первымъ изъ русскихъ подданныхъ, избранныхъ на Бѣ-

[1]) См. Труды Кіевской духовной академіи, 1865 г. апрѣль, стр. 606.

лорусскую епархію—и притомъ въ Москвѣ, благодаря вліянію ненавистнаго католикамъ и іезуитамъ Өеофана Прокоповича, котораго они считали ренегатомъ [1]), Арсеній не могъ разсчитывать, что польское правительство отнесется сочувственно къ его избранію, а духовенство Могилевское, враждовавшее съ магистратомъ, просившимъ о присылкѣ епископа изъ Россіи, враждебно отнеслось къ Арсенію. Русское же правительство въ то время еще не пользовалось въ Польшѣ такимъ вліяніемъ, какъ впослѣдствіи, и на представленія русскихъ пословъ при имп. Петрѣ II, а затѣмъ при имп. Аннѣ Іоанновнѣ польское правительство иногда вовсе не давало отвѣта. Такъ, представленіе имп. Петра II и впослѣдствіи двукратное представленіе имп. Анны въ пользу Арсенія осталось безъ успѣха и даже безъ отвѣта [2]).

По прибытіи въ Могилевъ 13 мая 1729 года, Арсеній не былъ допущенъ къ занятію епископской каөедры. До полученія

---

[1]) Въ то время, при отсутствіи вѣротерпимости, двери польскихъ училищъ были закрыты для православныхъ. При поступленіи въ такія училища бывшіе воспитанники Кіевской духовной академіи вынуждаемы были, какъ пишетъ одинъ изъ нихъ, „наукъ ради учинять отступство отъ благочестивыя вѣры". Пришлось перейти въ унію и Өеофану, когда онъ по окончаніи Кіевской академіи отправился за границу для поступленія въ тамошнія школы. Іезуиты обратили вниманіе на его блестящія способности и нашли нужнымъ отправить его въ Римскую академію св. Аөанасія, основанную въ 1567 г. папой Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ въ видахъ распространенія католицизма на востокѣ. Въ этой академіи Өеофанъ вскорѣ сталъ любимцемъ начальника ея, іезуита, и покровительство такого вліятельнаго лица открыло Өеофану доступъ во всѣ библіотеки Рима, не исключая и самой богатой, Ватиканской, и онъ работалъ горячо „денно и нощно, иногда отказываясь отъ пищи", какъ говоритъ его біографъ; но результаты такой серьезной умственной работы были не тѣ, какихъ ожидали отъ него іезуиты, и надежды, возлагавшіяся ими на Өеофана, не оправдались. „Западникъ Петровскаго времени"—Ө. Нелидова. Образованіе, 1898 г. апрѣль, стр. 40).

[2]) Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго, стр. 260—264. См. также Труды Кіев. дух. акад. 1865 г., апрѣль, стр. 607—609.

утвержденія въ своемъ санѣ отъ короля Арсеній могъ называться только номинатомъ, а не епископомъ; хлопотать объ утвержденіи его долженъ былъ отправленный въ Варшаву въ качествѣ полномочнаго министра князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій. Но въ то время, когда шла ожесточенная религіозная борьба между католиками и уніатами, пользовавшимися поддержкой короля и руководимыми іезуитами, съ одной стороны, и гонимыми, унижаемыми православными,— съ другой,—надѣяться на утвержденіе Арсенія было трудно. Извѣстно, какъ умѣло дѣйствовали іезуиты, привлекая въ унію русское духовенство обѣщаніями болѣе независимаго положенія, шляхту—указаніями на невѣжество православнаго духовенства, и юношество, воспитывая его въ своихъ школахъ.

Въ началѣ 1729 года князь Долгорукій писалъ: „о епископѣ Бѣлорусскомъ хотя чаю быть не безъ трудности, дабы изъ Кіевскихъ архимандритовъ позволили, однакожъ всемѣрно стараться буду“ [1]). Пока шли переговоры объ утвержденіи Арсенія, ему пришлось вынести въ Могилевѣ столько непріятностей, угрозъ—причемъ грозили даже убить его—и преслѣдованій, что онъ принужденъ былъ написать въ Москву о гоненіяхъ, какія ему приходится претерпѣвать. Но въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ канцлера графа Головкина лишь наставленія, какъ Арсеній долженъ поступать и какъ обходиться съ тамошними людьми.

Гоненія на греческое исповѣданіе въ Польшѣ заставили западно-русскихъ православныхъ обратиться въ началѣ 1730 г. съ жалобами и съ просьбою о поддержкѣ къ тогдашнему русскому посланнику въ Варшавѣ Михаилу Петровичу Бестужеву, и онъ писалъ имп. Аннѣ Іоанновнѣ: „на конференціи и въ другое время я настаиваю, чтобы православнымъ дано было удовлетвореніе; но ничего изъ этого не выходитъ, потому что римское духовенство имѣетъ здѣсь большую силу, всякими средствами дѣйствуетъ у министровъ, чтобъ православнымъ не дано было удовлетворенія, не дано было

[1]) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 19-й, стр. 221.

покоя; поэтому я считаю нужнымъ, чтобы ваше величество прислали объ этомъ грамоту къ королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ мнѣ, при подачѣ грамоты, можно было дѣлать болѣе сильныя представленія. Также нужно прислать другую грамоту на счетъ утвержденія Бѣлорусскаго епископа Берла, потому что на первую до сихъ поръ нѣтъ отвѣта, а между тѣмъ есть опасность, чтобъ и на эту послѣднюю епархію не посадили уніата, ибо здѣшніе духовные немалое лакомство къ тому имѣютъ и постараются исполнить свое желаніе" [1]).

Сеймъ собрался въ Гроднѣ осенью 1730 года. Отправленный туда полномочнымъ министромъ русскаго правительства генералъ Вейсбахъ увѣдомилъ императрицу, что король Августъ II 29 іюля 1730 года выдалъ противъ Арсенія Берла указъ, въ которомъ Могилевскимъ жителямъ запрещалось подъ страхомъ наказанія признавать его владыкою и слушаться его. Послѣ этого Вейсбахъ отправился въ Варшаву и представилъ королю о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергается епископъ Берло и вообще всѣ православные; кромѣ того, Вейсбахъ подалъ докладную записку вице-канцлеру Липскому о гоненіяхъ на православныхъ. Вслѣдствіе этихъ представленій къ Могилевскому эконому было отправлено приказаніе оставить Арсенія Берла жить спокойно и безопасно въ Могилевѣ; наконецъ, Вейсбахъ выхлопоталъ королевскую грамоту, по которой Арсеній могъ пріѣхать въ Варшаву для личнаго представленія королю и министрамъ и полученія привилегіи на епископство [2]). Но Вейсбахъ недолго оставался въ Польшѣ. Его смѣнилъ графъ Левенвольдъ третій. Левенвольду не удалось добиться, чтобы Арсенію была дана привилегія на Бѣлорусское епископство, и Арсеній принужденъ былъ, не добившись ничего, уѣхать изъ Варшавы въ Могилевъ. Особенно интриговалъ противъ Арсенія вице-канцлеръ Чарторыйскій, явный врагъ русскаго

---

1) Тамъ же, стр. 366.
2) Тамъ же, стр. 367.

двора. Вслѣдствіе интригъ Чарторыйскаго въ Могилевъ былъ отправленъ королевскій указъ, грозившій жителямъ лишеніемъ всѣхъ вольностей и жестокою казнью, если они немедленно не выпроводятъ Берла. Положеніе Арсенія было невыносимо; но русское правительство настойчиво продолжало свою политику, и канцлеръ графъ Головкинъ написалъ епископу, чтобы онъ оставался въ Могилевѣ и ѣхалъ въ Москву только въ случаѣ принужденія. Арсеній принужденъ былъ оставаться въ Могилевѣ. Но въ концѣ 1731 г. онъ писалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: „шляхта бѣлорусская продолжаетъ отторгать церкви православныя къ уніи; меня, бѣднаго, нестерпимымъ ругательствомъ поносятъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ только 30 мужиковъ имѣется, превеликую обиду и разореніе чинятъ, а недавно и совсѣмъ отнять хотѣли, такъ что я, продавъ лошадей и платье свое, принужденъ былъ оплачиваться, и оплатился на время; все это они дѣлаютъ для того, чтобъ меня отсюда выжить. Хотя я живу здѣсь по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу для правленія духовныхъ дѣлъ и для всякихъ епархіи Бѣлорусской порядковъ, однако духовенство здѣшнее, зная о королевскихъ указахъ, запрещающихъ имѣть меня епископомъ, и не боясь Бога, самовольно живутъ, отчего происходитъ всенародный соблазнъ и великое безчинство, меня, мнимаго своего архіерея, ни во что вмѣняютъ, ни съ какими дѣлами ко мнѣ не обращаются, мvра освященнаго отъ меня принимать не хотѣли; сверхъ того, заочно меня ругаютъ; изъ нихъ едва кто твердо стоитъ въ православіи, болѣе же готовы къ уніи. А я всегда боленъ обрѣтаюсь, и для того не могу здѣшнихъ польскихъ церемоній и политикъ трактовать и, какъ зарубежный человѣкъ, здѣшнихъ правъ не вѣдаю, а теперь въ старости обучаться имъ не могу, также и православію святому, во всегдашнемъ гоненіи обрѣтающемуся, никакой пользы и помощи въ здѣшнемъ свободномъ народѣ не учиню. Слезно прошу, да повелитъ ваше императорское вели

чество меня отъ его послушанія, которое выше силы моей, освободить" [1]).

Въ январѣ 1732 года канцлеръ графъ Головкинъ написалъ Арсенію, что на требованіе его утвержденія польскій посланникъ Потоцкій отвѣчалъ: „король и республика вовсе не препятствуютъ, чтобъ на Бѣлорусской епархіи былъ епископъ греческой вѣры, но не могутъ допустить Арсенія Берло, потому что онъ не изъ поляковъ и не шляхтичъ польскій; если обыватели Бѣлорусской епархіи выберутъ себѣ въ епископы другого кого-нибудь, польскаго происхожденія, то король и республика безъ малѣйшаго отлагательства дадутъ ему конфирмацію" [2]). Такимъ образомъ, дѣлая уступку русскому правительству, соглашаясь на избраніе епископа изъ православныхъ подданныхъ русскихъ, польское правительство, въ свою очередь, требовало уступки,—чтобы новоизбранный епископъ былъ „польскаго происхожденія". Русскому правительству пришлось согласиться на поставленныя условія. Потоцкому отвѣтили, что императрица соглашается на это подъ такимъ условіемъ, чтобы Арсеній Берло безъ всякаго безпокойства могъ оставаться въ Могилевѣ и отправлять всѣ духовныя должности, пока будетъ избранъ и утвержденъ новый епископъ. 11 іюля 1732 года въ Бѣлорусскіе епископы былъ избранъ игуменъ Кіево-Никольскаго Пустыннаго монастыря Іосифъ Волчанскій, „урожденецъ польскій, породы шляхетской" [3]). Благодаря настойчивымъ хлопотамъ и подкупамъ, Левенвольду удалось добиться полученія королевской привилегіи на епископство Волчанскому, и Арсеній могъ наконецъ уѣхать изъ Могилева, гдѣ около трехъ лѣтъ ему пришлось быть жертвою настойчивой русской политики и выносить униженія и притѣсненія. Въ это тяжелое для Арсенія время Ѳеофанъ Прокоповичъ, и рань-

---

[1]) Тамъ же, стр. 368—369.

[2]) Тамъ же.

[3]) М. Чистовичъ. Очеркъ исторіи западно-русской церкви, ч. II-я, стр. 260.

ше переписывавшійся съ Арсеніемъ [1]), утѣшалъ его письмами въ тѣхъ гоненіяхъ, какія приходилось переносить ему, и жестоко порицалъ католическихъ архіереевъ—„лжепастырей латинскихъ" [2]).

Освободившись отъ тяжкаго „послушанія", Арсеній отправился въ Петербургъ и тамъ 28-го января 1733 года получилъ назначеніе въ родную ему Переяславскую епархію. Указъ „о переведеніи з Могилева въ Переяславъ епископа Арсенія Берла" помѣченъ 26 февраля 1733 г. Въ немъ сказано: „Сего 1733 года, генваря 28 дня, по имянному Ея Императорскаго Величества указу велѣно Могилевскаго епископа Арсенія Берла перевесть въ Переяславскую епархію" и проч. Въ указѣ консисторіи объ этомъ переводѣ (дата 31 марта 1733 г.) прибавлено, чтобы ему епископу, яко пастыреви своему, всѣ оказывали полное послушаніе („безъ всякаго прекословія въ послушаніи были") [3]). Но Арсеній еще болѣе полугода оставался въ С.-Петербургѣ и въ іюлѣ участвовалъ въ погребеніи сестры императрицы, Екатерины Ивановны, принцессы Мекленбургъ-Шверинской [4]).

Въ первый же годъ вступленія въ управленіе Переяславскою епархіею еп. Арсеній позаботился о томъ, чтобы упрочить независимость переяславскихъ епископовъ отъ кіевскихъ архіепископовъ: до этого времени переяславскіе епископы считались коадьюторами кіевскихъ митрополитовъ. Но съ 1722 года, со времени посвященія Варлаама Ванатовича въ архіепископы кіевскіе, митрополитовъ въ Кіевѣ не было, и преемникъ Ванатовича—Рафаилъ Заборовскій былъ также архіепископомъ. Пользуясь этимъ, Арсеній обратился

---

[1]) См. Труды Кіев. духовной академіи, 1865 г., стр. 561 (Письмо Ѳ. Прокоповича къ кіево-межигорскому архимандриту Арсенію съ увѣдомленіемъ о полученіи письма и съ благодарностью за присланные черенки).

[2]) Тамъ же, апрѣль, стр. 607—609.

[3]) Сообщено проф. С. Т. Голубевымъ.

[4]) Свѣдѣнія о Полт.-Переясл. епархіи и ея архипастыряхъ, игумена Поліевкта.

въ Синодъ съ просьбой освободить его отъ зависимости по отношенію къ кіевскому архіерею и предоставить переяславскимъ епископамъ тѣ же права, какими пользуются сосѣдніе епископы—черниговскіе. Просьба Арсенія была уважена; 31-го августа 1733 года Синодъ предоставилъ епископамъ переяславскимъ самостоятельное, независимое ни отъ какой другой власти, кромѣ синодальной, положеніе; этимъ же указомъ Синода прибавлено къ титулу епископовъ переяславскихъ еще наименованіе „бориспольскіе" [1]).

Еп. Арсеній могъ, наконецъ, отдохнуть на родинѣ послѣ перенесенныхъ имъ огорченій на Бѣлорусской епархіи. Но въ Петербургѣ, повидимому, не забывали о немъ, и въ 1735 году указомъ имп. Анны Іоанновны 17-го сентября еп. Арсеній былъ назначенъ къ перемѣщенію въ Бѣлгородскую епархію; но этому перемѣщенію помѣшала болѣзнь еп. Арсенія: онъ сильно вывихнулъ себѣ правую ногу, о чемъ и

[1]) Свѣдѣнія о Полт.-Переясл. епархіи и ея архипастыряхъ, игумена Поліевкта. Тамъ же приведенъ указъ синода еп. Арсенію 1733 г. за № 1098. „Св. Синодъ 31 августа 1733 года, имѣя разсужденіе, что всѣ епархіальные архіереи имѣютъ двойное именованіе отъ городовъ своихъ епархій, а Переяславскіе имѣютъ только одно именованіе, хотя, имѣютъ въ своей епархіи и другой городъ Борисполь. Да слышится хотя весьма не извѣстно, будто бы Переяславскіе архіереи были прежде сего въ коадьюторѣхъ Кіевскаго, а нынѣ преосв. Арсеній еп. Переяславскій поданнымъ доношеніемъ св. пр. Синода просилъ, дабы Пр—ву (яко же и Черниговской епархіи) до архіепископіи Кіевской въ коадьюторѣхъ не быть и до нея не подлежать, кромѣ высокаго правленія св. пр. Синода, опредѣлили: пр. Арсенію, еп. Переяславскому, чрезъ все престолоправительство его Пр—ва тоя Переяславскія епархіи время, во всѣхъ до персоны его архіерейской принадлежащихъ дѣлахъ исполненіе чинить по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ и по Ея Им. Величества указамъ, и по дух. Регламенту, и во всемъ принадлежать ему Арсенію епископу непосредственно токмо до главнаго духовнаго правительства св. пр. Синода, а въ коадьюторѣхъ Кіевскаго архіерея не быть и именоваться его пр—ву Переяславскимъ и Бориспольскимъ". (Указъ въ дѣлахъ Переяславской нынѣ Полтавской консисторіи).

увѣдомилъ Синодъ, прося уволить его по болѣзни отъ перемѣщенія. Узнавши о назначеніи еп. Арсенія въ Бѣлгородъ, управители Бѣлгородскаго архіерейскаго дома отправили 4-го ноября 1735 г. въ Переяславъ къ еп. Арсенію копеиста Ивана Попова съ привѣтственнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Ясне въ Богу великій господинъ преосвященнѣйшій Арсеній, епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій, нашъ въ Дусѣ Святомъ милостиво-надежнѣйшій Отче и Архипастырю! Получивши сего года октября 31-го дня Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійскія, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода мы, нижайшіе Вашего Архипастырства раби, указъ, нечаянную сподобихомся ощутити сердца наши пронзающую радость, когда черезъ толь долгое время бывшіе въ скорбномъ житіи безъ пастыря [1]), но по тому Ея милостивѣйшему указу нынѣ имамы Ваше Преосвященство намъ присножелательнѣ усердственнаго Отца и Архипастыря, ему же сердцемъ и умомъ привѣтствующе вѣщаемъ: „великій господинъ Преосвященный Арсеній, Епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій, да вздравствуетъ многа лѣтъ, нашъ Архипастырь!“ Что же доселѣ Вашему Преосвященству отъ насъ, нижайшихъ, таковой радости исполненныхъ, предложеніемъ о нужнѣйшемъ умедлено, въ томъ, яко всепокорственные Вашего Архипастырства раби, падъ предъ стопы, отъ милостивой десницы просимъ прощенія, маловажное себѣ оправданіе принося, что тому медленію оставшаяся нѣкоторымъ...“ (Слѣдующихъ въ подлинникѣ далѣе словъ, въ которыхъ излагалось объясненіе сего медленія, разобрать нельзя, вслѣдствіе порчи этого мѣста рукописи)... „Нынѣ же малую отъ тоя получивши свободу, со всею нижайшею покорностію предлагаемъ и просимъ отъ Вашего Архипастырства нижайшимъ своимъ рабамъ

---

[1]) Бѣлгородская епархія болѣе двухъ лѣтъ оставалась безъ епископа.

приказанія, куда соблаговолитъ Ваше Преосвященство отправленной быть ризницѣ и для принятія Вашего Преосвященства на престолъ служителямъ, по которому бы Вашего Архипастырства усердно желательному приказанію со всетщательнымъ радости хотѣніемъ могли бы повелѣнное исполнити, въ коемъ нашемъ всеусердственномъ желаніи паче всѣхъ благословеніе Вашего Преосвященства получити лицезрительно съ истиннымъ усердіемъ желающіе и неусыпно просящіе самихъ насъ Архипастыря нашего стопамъ подвергаемъ.

Ясне въ Богу Преосвященства Вашего, нашего въ Дусѣ Святомъ преизящнѣйшаго Отца и Архипастыря, всеусердствующіе богомольцы, нижайшіе послушники и раби" [1]).

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе преосвященный Арсеній изъ Кіева, отъ 15-го ноября 1735 года, написалъ:

„Пречестнѣйшіе отцы управители дома архіерейскаго Бѣлоградскаго! Писаніе пречестностей вашихъ, нарочнымъ изъ Бѣлгорода отправленное, сего ноября 14 дня получилъ я, которымъ, по силѣ полученнаго Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода указа, изволили пречестность ваша привѣтствовать меня епархіею Бѣлоградскою, за яковое восписанное благосклонное привѣтствіе вашимъ пречестностямъ премного благодарствую и во извѣстіе предлагаю, что и я сего же ноября 11 дня получилъ всемилостивѣйшій Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійскія указъ отправиться мнѣ изъ Переяславской въ Бѣлгородскую епархію, и потому радъ бы я всѣмъ моимъ усердіемъ по должности моей исполненіе учинить, точію всемилостивый Богъ еще прошедшаго мѣсяца мая посѣтилъ меня несчастливымъ случаемъ, отъ якого доселѣ презѣльно страдаю и отъ болѣзни весь изнемогаю, и

---

[1]) А. Лебедевъ, Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности, стр. 49—50. (Переписка епископа Арсенія Берла съ управителями Бѣлогородскаго архіерейскаго дома и письмо ризничаго, іеродіакона Ѳеодосія Янковскаго, сохранившіяся въ архивѣ Курской духовной консисторіи и Курскаго Знаменскаго монастыря).

наступать ногою весьма не могу, развѣ на костыляхъ, и то на силу келлію возмогу перейдти, впредь же быть ли мнѣ когда при здравіи и наступать ногою мало имѣю надежды. О яковомъ моемъ несчастливомъ случаѣ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду доношеніемъ предложить не умедлю. О семъ выразивши, желаю пречестностямъ вашимъ здравія, долгоденствія и всякаго благополучнаго поведенія и о молитвѣ святой прошу" [1]).

На это письмо управители, отъ 9-го декабря 1735 года, отвѣчали:

„Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Владыко, нашъ милостиво-надежнѣйшій Архипастырь! Пастырско-посѣтительное Вашего Преосвященства писаніе сего ноября 24 дня съ благопочтеніемъ получили, которое намъ нижайшимъ, вмѣсто радости, явилось презѣльною скорбію: колико бо отъ дарованія Васъ, нашего Архипастыря, воспріяли веселіе, нынѣ множае возъимѣли печали, что таковая Вашему Преосвященству болѣзнь прилучилась, каковую удобнѣе бы желали на насъ самихъ зрѣти; всеусердно же отъ всемилостиваго Бога со умиленіемъ желаемъ, да всемогущимъ Его промысломъ въ единъ моментъ даруется Вашему Преосвященству прежнее въ совершенной цѣлости здравіе и непрестанемъ о томъ усердно молити. При семъ же хотя бы и весьма не хотящіи, при таковой зѣльной Вашему Преосвященству чрезъ продолжительное время скорби, но имѣя нѣкоторыя сомнѣнія о производствѣ въ епархіи Вашего Преосвященства дѣлъ, со всенижайшею покорностію утруждаемъ симъ предложеніемъ: съ полученія Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Сѵнода о отправленіи Вашему Преосвященству изъ Переяславской въ Бѣлгородскую епархію указа, нынѣ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода указы присылаются на имя Вашего Преосвященства, которыхъ въ присылкѣ имѣется три указа; съ нихъ для извѣстія Вашему Преосвященству пріобщаются точныя копіи, и по тѣмъ ука-

[1]) Тамъ же, стр. 50—51.

замъ въ консисторіи Вашего Преосвященства исполненіе чинится; а впередь же присылаемые Ея Императорскаго Величества о отправленіи епархіальныхъ дѣлъ, полученные на имя Вашего Преосвященства, также на едину Вашего Преосвященства персону, а не о епархіальныхъ дѣлахъ, указы по полученіи распечатывать ли и, ежели что будетъ возможно, въ консисторіи надлежащую въ исполненіи должность, не отписывая Вашему Преосвященству, производствомъ чинить ли, или чрезъ почту и нарочно посланныхъ, не распечатавъ, отсылать къ Вашему Преосвященству. При семъ же нашемъ предложеніи болѣе Вашей Архипастырской волѣ и высокому разсужденію самихъ насъ поручивъ и сугубо желая, да дарствуетъ всемогущій Богъ Вашему Преосвященству получити здравіе всесовершенное, усердно архипастырскаго благословенія прося, при стопахъ Вашего Преосвященства себя повергаемъ" [1]).

Письмо это съ приложеніемъ копій съ указовъ св. Синода, а также и гостинца преосвященному отъ отцовъ-управителей было отправлено въ Переяславъ съ ризничимъ, іеродіакономъ Ѳеодосіемъ Янковскимъ, который слѣдующимъ письмомъ отъ 1 января 1736 года увѣдомилъ отцовъ-управителей объ исполненіи возложеннаго на него порученія:

„Высоце въ Богу превелебнѣйшій и достонаипочтенный каѳедры Бѣлогородской освященный консисторъ съ прочими моими милостивыми благодѣтелями! Издавши мой нижайшій поклонъ, желаю моимъ благодѣтелямъ при новозачатомъ году новаго здравія, новаго благополучія и всякаго благопомысленнаго съ пріобрѣтеніемъ душевной пользы поведенія, при чемъ доношу, что, выѣхавъ изъ Бѣлгорода, помощію Божіею достигъ Переяславля 20 дня декабря и его преосвященство, нашего милостивѣйшаго отца и архипастыря, засталъ и письмо и указъ съ гостинцемъ того дня при надлежащемъ почтеніи вручилъ, который лицемъ веселопріятнымъ явился въ столовой избѣ и съ посельства (за посольство) весьма бла-

[1]) Тамъ же, стр. 51—52.

годаренъ былъ, цѣлый день при себѣ велѣлъ быть и о поведеніи епархіальномъ и дворовомъ изволилъ спрашивать, на что я, по возможности отвѣтствуючи, несчастію тому случай приписывалъ, же (что) домъ отдаемъ чрезъ посольство, а не персонально, въ каѳедрѣ котораго сердцемъ и душею рады бы видѣть, и за то желаніе всѣмъ благодарилъ и сказать изволилъ: я де горше скорблю самъ на оказанный случай и лекарей, что до сихъ поръ не могу ходить, а то бы, не утруждая ничѣмъ васъ, прибылъ бы въ Бѣлгородъ скоро; однакожъ и нынѣ на Бога моего полагаю надежду, когда ему угодно будетъ отдать мнѣ силу, воли Монаршей и Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода воли не оставлю, въ чемъ и доношеніе послано, недѣли съ четыре декабря 22 дня минуло, и что за резолюція будетъ, по тому, якъ возможно, дѣлать стану, а нынѣ де управители дому и консисторъ по присяжной своей должности всѣ дѣла пусть правятъ. На другой день его жь преосвященство былъ у столу, также и на третій день веселый былъ съ гостьми его преосвященство, водкою всѣхъ бѣлоградскою почтувалъ съ похвалою; на Рождество Христово изволилъ быть его преосвященство въ церкви по всѣ три дня, а на первый день гостей якъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ было досць (довольно)— водкою нашею жь почтувалъ, залѣцая любовь и епархію, въ обѣдъ и потомъ пили довольно. За всѣхъ же васъ здравіе отъ самаго пріѣзда по всякъ день пить его преосвященство изволилъ съ прочими, при желаніи васъ видѣть, въ чемъ, якъ можно признать, не безъ надежды, токмо еще нѣкоторое время пробавиться муситъ (долженъ), ибо въ здравіи корпуса, благодареніе Богу, хотя и цѣлъ обрѣтается, токмо на ногу еще наступить смѣло не можетъ, и оѳую еще лекарь подънями лечитъ, которой да подастъ Богъ пользу, благодаря что дѣется о немъ молитва, о неоставленіи коей и впредь молитъ. Выѣхалъ я оттуда для нѣкоторой нужды его преосвященства въ Кіевъ 29 декабря, гдѣ спорадивши (управившись съ дѣлами) паки туда ѣду, что донесши, и я, послушникъ вашъ, святыя жь молитвы прошу и остаюсь

моимъ благодѣтелямъ обоихъ благъ усерднѣйшій желатель и слуга Θеодосій Янковскій" [1]).

Самъ же еп. Арсеній тѣмъ же управителямъ 4 января 1736 года написалъ слѣдующее:

„Пречестнѣйшіе отцы-управители Бѣлгородскою епархіею! Писаніе пречестностей вашихъ, прошедшаго декабря 9 изъ Бѣлгорода отпущенное, и при ономъ сообщенныя съ трехъ указовъ, полученныхъ на имя мое, точныя копіи того же декабря 19 дня получивши, симъ отвѣтствіемъ объявляю, что прошлаго ноября 11 числа, по полученіи всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, писалъ я доношеніемъ въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, предлагая о приключившейся Божіемъ посѣщеніемъ болѣзни моей (отъ якой и нынѣ свободы не имѣю) и что за такимъ случившимся калечествомъ переѣзжать мнѣ въ епархію Бѣлогородскую весьма невозможно; на яковое мое доношеніе ожидаю резолюціи Святѣйшаго Сѵнода и крайняго опредѣленія, что чинить мнѣ повелѣно будетъ. А доколѣ же сіе воспослѣдствуетъ, ежели впредь какіе Ея Императорскаго Величества указы на имя мое будутъ присланы въ домъ архіерейскій Бѣлградскій, такіе всѣ генерально распечатавъ, извольте пречестности ваши, по своей вѣрной присяжной должности, въ епархіи Бѣлградской по онымъ высокомонаршимъ указамъ исполненіе во всемъ чинить безъ всякаго отлагательства, ко мнѣ же не присылать, дабы за такою отсылкою въ достодолжномъ исполненіи указовъ Ея Императорскаго Величества не учинилось продолженія; впредь же какое мнѣ опредѣленіе будетъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода увѣдомить пречестностей вашихъ не оставлю; нынѣ же о молитвѣ вашей святой прося, пребываю пречестностей вашихъ добра желающій богомолецъ Арсеній епископъ" [2]).

Св. Синодъ, получивъ увѣдомленіе еп. Арсенія о его болѣзни съ просьбою уволить его отъ перемѣщенія, доло-

[1]) Тамъ же, стр. 52—53.
[2]) Тамъ же, стр. 53—54.

жилъ объ этомъ императрицѣ, и 3 января 1736 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: посвятить во епископа Бѣлгородскаго архимандрита Александро-Невскаго монастыря Петра, а епископа Арсенія оставить въ Переяславской епархіи.

Сознавая, подобно Ѳ. Прокоповичу, необходимость „свѣта ученія", епископъ Арсеній, оправившись отъ болѣзни, энергично принялся за устройство въ Переяславѣ училища, равнявшагося по курсу преподаванія нынѣшней семинаріи, и въ 1737 году онъ сталъ собирать въ своей епархіи точныя свѣдѣнія о числѣ священническихъ и причетническихъ дѣтей, обучающихся въ Кіевской академіи и могущихъ войти въ составъ проектируемаго училища [1]). Въ слѣдующемъ году былъ полученъ указъ имп. Анны Іоанновны объ „учрежденіи во всѣхъ епархіяхъ и въ пристойныхъ мѣстахъ училищъ, по Духовному Регламенту, для обученія въ нихъ учениковъ священнаго чина и церковнаго причта дѣтей на славяно-латинскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ граматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ". По полученіи этого указа, еп. Арсеній сталъ заботиться о постройкѣ дома для училища. Мѣсто для училища было отведено въ оградѣ архіерейскаго Вознесенскаго монастыря. По просьбѣ еп. Арсенія настоятель Кіево-Печерской лавры Иларіонъ Негребецкій на постройку дома для школы пожертвовалъ четыре хаты, находившіяся вблизи Переяслава [2]). Для перевозки этихъ хатъ потребовалось пятьдесятъ подводъ „поодноконь". Заботясь объ этомъ, еп. Арсеній писалъ въ іюнѣ 1738 года золотоношскому протопопу слѣдующее: „намѣрены мы сего лѣта, при домѣ нашемъ, устроить училище, на которое, по требованію нашему, о. Иларіонъ Негребецкій, Кіево-Печерскія лавры архимандритъ, съ братіею соблаговолилъ подарити четыре хаты, за рѣкою (Трубежемъ) стоячія, якія хаты къ катедрѣ

[1]) „Прошлое переяславскаго духовнаго училища", П. Левицкаго, стр. 2. (Заимствовано изъ дѣлъ бывшаго переяславскаго духовнаго правленія, хранящихся при Переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ).

[2]) Тамъ же, стр. 3.

нашей въ скорости были бъ перевезены, со всея епархіи нашей опредѣлили мы вистачить подводъ 50. По учиненному отъ насъ распоряженію, съ протопопіи своей Золотоношской изволь, всечестность твоя, подводъ поодноконь, числомъ пятнадцать, прислать въ катедру для перевозу оныхъ хатъ на число сего іюля 10 непремѣнно, собравъ тіи подводы безобидно: у едного священника возъ, въ другого — лошадь, а отъ третьяго — кто къ подводѣ человѣка сопредѣлитъ. Да прилѣжно сего смотрѣть, были бы возы порядочные и конѣ добріе, ибо яко общая потреба, а не наша персональная архіерейская, такъ со всего общества вспомоществованіе къ строенію указанныхъ школъ быть должно. Въ тѣхъ же училищахъ, якъ дастъ Богъ устроить, священническія и церковно-причетническія дѣти святаго ученія имѣютъ обучатися, что будетъ къ большей славѣ и прославленію имени Божія, въ пользѣ же отечества [1]".

Хаты были перевезены въ серединѣ іюля, и сразу началась постройка училищнаго зданія. Въ іюлѣ 1738 года во всѣ духовныя правленія Переяславской епархіи былъ разосланъ слѣдующій приказъ:

„По благословенію великого господина, ясне в Вогу Преосвященнѣйшаго, Кѵръ Арсенія Берло, Божіею милостію православнаго епископа переяславскаго и бориспольскаго, з духовной конситоріи катедры переяславской всечестнымъ протопопамъ... предлагается... избравъ въ самой скорости священническихъ сыновъ искусныхъ и удобныхъ къ наученію латинскому, имѣющемуся при домѣ архіерейскомъ зачати, выслать тѣхъ дѣтей къ первому числу предыдущаго іюля сего 1738 года непремѣнно, опасуяся за небреженіе свое гнѣва архипастырскаго и за преслушаніе указовъ наказанія. Дѣтей же показанныхъ (расписавъ тѣхъ имена, лѣта и по отчеству) выслать въ катедру таковыхъ, дабы они изучены были псалтири и писать хочай мало бъ умѣли, и протчіихъ чтеніе славянское умѣющихъ, так священническихъ, як и

[1]) А. Лазаревскій, Кіевская Старина, 1899 г. январь, стр. 114.

причетническихъ сыновъ" [1]).—Но открыть училище 1-го іюля, какъ желалъ епископъ, не удалось, такъ какъ постройка зданія была окончена только въ сентябрѣ. 22-го сентября еп. Арсеній разослалъ по протопопіямъ указъ, которымъ извѣщалъ духовенство, что училищное зданіе уже сооружено, но нужно еще: „звнутръ вычиститъ, землею высыпать и кругъ стѣны и зверху стели глиною помазувать, да и прочее, что потреба укажетъ, опрятать надлежитъ". Открытіе училища было отложено на октябрь того же года, какъ видно изъ слѣдующаго указа еп. Арсенія золотоношскому протопопу отъ 11-го сентября: „въ новосооруженныхъ при домѣ нашемъ архіерейскомъ училищахъ имѣютъ быть сего года зачаты ученія—фары и инфимы, граматики, синтаксимы, поэтики, риторики, для якихъ ученій уже и учители учреждены... А дасть Богъ слѣдующаго октября на второе число непремѣнно представлять всей епархіи нашей Переяславской имѣючіе сыновъ своихъ долженствуютъ подъ опасеніемъ за непоставку непоблажнаго штрафа и наказанія" [2]).—Ко 2-му октября училищныя зданія были окончены, и началось ученіе. Въ новомъ училищѣ, устроенномъ, повидимому, по образцу бывшей Кіево-могилянской коллегіи, были открыты шесть классовъ: фара, инфима, грамматика, синтаксима, поэтика и риторика. До полнаго курса семинаріи въ немъ не доставало философскаго и богословскаго классовъ,которые были открыты лишь впослѣдствіи. Въ составъ низшихъ классовъ новооткрытаго училища вошли дѣти духовенства и другихъ лицъ, обучавшіяся дома, а въ старшіе классы были переведены тѣ ученики, которые прошли уже низшіе классы въ Кіевской академіи. Изъ Кіевской же академіи были вызваны и преподаватели въ Переяславское училище. Въ 1748 г. еп. Арсеній просилъ Кіево-Печерскаго архимандрита Тимофея Щербацкаго о при-

---

[1]) П. Левицкій, „Прошлое Переяславскаго духовнаго училища", стр. 2.

[2]) А. Лазаревскій, Кіевская Старина, 1899 г. январь, стр. 115.

сылкѣ двухъ ученыхъ монаховъ изъ Лавры для преподаванія риторики и піитики въ Переяславской школѣ [1]).

Организовавъ учебно-воспитательную часть въ училищѣ, еп. Арсеній позаботился и объ обезпеченіи содержанія учителей и учениковъ. Такъ какъ монастырь и архіерейскій домъ не могли содержать училища исключительно на свои средства, то епископъ, исходя изъ выраженнаго имъ въ указѣ взгляда, что въ открытіи училища есть „общая потреба, а не наша персональная архіерейская“, рѣшился привлечь къ расходамъ по содержанію училища монастыри и городскихъ священниковъ, освобождая отъ взносовъ сельскихъ священниковъ. Дѣйствуя съ рѣдкой справедливостью и заботливостью, чтобы всѣмъ было „безобидно“, еп. Арсеній еще 6-го мая 1738 года разослалъ указъ, которымъ предписывалось всѣмъ протопопамъ епархіи избрать по три священника и съ ними составить точныя описи угодій всѣхъ церквей и доходовъ духовенства каждой протопопіи, и на основаніи этого опредѣлить, сколько каждый приходъ и причтъ можетъ дать на содержаніе училища—деньгами, мукой, медомъ или дровами. Составленныя на основаніи этого указа комиссіи должны были являться къ архіерею за полученіемъ благословенія и надлежащихъ инструкцій и затѣмъ уже составлять описи строго правдиво, безъ утайки, подъ страхомъ лишенія чина и жестокаго наказанія [2]).

Комиссіи быстро исполнили возложенное на нихъ порученіе, и съ августа началась доставка продуктовъ для прокормленія учениковъ. Содержаніе же учителей епископъ Арсеній взялъ на себя. На первыхъ порахъ встрѣтилось затрудненіе въ доставкѣ продуктовъ изъ отдаленныхъ протопопій, и

---

[1]) Дѣла Лаврскаго архива, („Свѣдѣнія о Полт.-Переясл. епархіи“, игумена Поліевкта).

[2]) П. Левицкій, Прошлое Переяславскаго духовнаго училища, стр. 2 („Указная книга“, хранящаяся при церкви с. Войтова, Переяславскаго уѣзда).

Арсеній разрѣшилъ вмѣсто продуктовъ доставлять по опредѣленной оцѣнкѣ деньгами [1]).

6-го ноября 1738 года еп. Арсеній обратился къ духовенству своей епархіи съ слѣдующимъ указомъ:

„Арсеній Берло, Божіею милостію православній епископъ Переясловскій и Бориспольскій.

Всечеснимъ Ігуменамъ монастирей: Михайловскаго Переясловскаго Герману, Золотоноскаго Красногорского Сильвестру, и протопопи Переясловскому, Андрею, Бориспольскому Іоану, Золотоноскому Василію, Баришевскому Іоану, намѣстникомъ: Переясловскому, Баришевскому, Басанскому, Березанскому, Капустянскому, Гельмязовскому, Пѣщанскому, Гоголевскому, Ірклѣевскому и градскимъ Переясловскимъ священникомъ, Божіею и нашею Архиерейскою желающе Благословенія пастирского предлагается: многими високомонаршими Ея Імператорского Величества Самодержици всероссійския и Святѣйшаго правительствующаго Сінода присланними указами всемилостивѣйше повелено, во всѣхъ би епархіяхъ, при домѣхъ Архиерейскихъ и въ пристойныхъ мѣстахъ учреждени били училища для содержанія въ нихъ учениковъ священного чина и церковного причта дѣтей, а обучать ихъ на росийскомъ и латинскомъ язики грамоти, а потомъ граматики, риторики и другихъ вишшихъ наукъ, которіи для такого обученія учредит искусних учителей, чтоб от сего времени неученіе люди в церковніе опредѣляеми не били; и на содержаніе тѣхъ школ и на пропітаніе школьніков из Архиерейскихъ и монастирских и церковнихъ доходов и земель суму опредѣлит. Якіе Ея Імператорского Величества високоповелительніе укази пастирски достодолжно исполняя, зъ Божіею помощію при катедрѣ нашей Переясловской устроили училища. И уже в них собравшіеся ученики славено-латинского обученія обучаются, которимъ искуснихъ учителей учредили и содержимъ в катедрѣ нашей, особливое же имъ з дому нашего Архиерейского опредѣлили

[1]) Тамъ же.

ми препитаніе, а для ученіковъ из всей Епархіи отъ церковнихъ пожитков и священическихъ доходов, по учиненному расположенію, толко едина пашня да мука пшеничная, житная и гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ; пшона же, круповъ, сира, масла и прочих к препитанію потребностей не имѣется и в ономъ расположенію не опредѣлено, без чего обитіся всячески невозможно. Того для, по сему внов учиненному расположенію, всечестности ваши опредѣленное виставити для препитанія обучающихся ученіков долженствуете, як указ високомонаршій повелѣвает непремено, сего по всечестностях ваших пастирско жадаемъ и Архиерейско приказуемъ. Данъ з катедри нашей Свято-Вознесенской Переясловской, за подписаніем руки нашея и при печати катедралной. 1738 г. ноября 6 д.

Звишъ менований Арсеній Епископъ Переясловскій и Бориспольскій, рукою власною" [1]).

Въ дополненіе къ этому указу разослана была роспись количества съѣстныхъ припасовъ, т. е. пшена, крупъ, сала, масла, которое монастыри и священники обязаны, соотвѣтственно доходамъ каждаго, доставить къ 26-му ноября 1738 года въ Переяславъ.

„Расположеніе по силѣ високомонаршого указа учиненное для препітанія учеников, в Славенно-Латинских училищах обучающихся, по которому опредѣленное должни поставит в семинаріумъ непремѣнно на число 25 слѣдуючого ноября сего 1738 года.

Отъ самаго Архипастирского лица учителямъ консоляція декляровани и трапезою доволствуютъ". (Далѣе слѣдуетъ расписаніе того, что монастыри и священники должны доставить для пропитанія учениковъ).

„Которое вишпісанное и въ расположеніи семъ изображенное всякъ от себе должен поставит, а з подчинених от-

---

1) Сборникъ указовъ Троицкой Ирклѣевской церкви, стр. 236—237. (Изъ статьи И. Л—аго, „Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславѣ". Кіевская Старина, 1888 г., мартъ, стр. 35—36.

нюд би ничего соби не дерзал, под опасаніемъ непослабного наказанія. Сіе же расположеніе к надлежащом мѣстамъ отсилат приказуется". [1]).

Училище, основанное еп. Арсеніемъ, какъ можно видѣть изъ сохранившихся документовъ, называлось то *латинскими школами*, то *славяно-латинскимъ училищемъ*, то *Переяславскою* или *Малороссійскою семинаріею*, а въ одномъ изъ учебниковъ 1743 года встрѣчается даже названіе *Берліанской коллегіи*, по имени ея основателя [2]).

Учебно-воспитательная организація въ Переяславской семинаріи, повидимому, была та же, что и въ бывшей Кіево-Могилянской коллегіи. Такъ какъ знаніе латинскаго языка было необходимо въ борьбѣ съ католицизмомъ и уніей, то латинскій языкъ въ Переяславской семинаріи, какъ и въ Кіевской академіи, былъ главнымъ предметомъ преподаванія: на латинскомъ языкѣ были учебники, читались лекціи, произносились рѣчи, производились диспуты и проч. Ученики пріучались говорить по-латыни, начиная съ класса грамматики.

О составѣ преподавателей въ первое время существованія училища почти не сохранилось свѣдѣній. Изъ учителей послѣдующаго времени извѣстны: игуменъ Варлаамъ Шишацкій, впослѣдствіи архіепископъ Могилевскій, Анастасій Романенко-Братановскій, знаменитый проповѣдникъ, бывшій сначала епископомъ Могилевскимъ, а затѣмъ архіепископомъ Астраханскимъ, Иванъ Васильевичъ Леванда, впослѣдствіи извѣстный кіевскій протоіерей, и Григорій Саввичъ Сковорода, знаменитый украинскій философъ. [3]).

Относительно состава учениковъ переяславскаго училища извѣстны слѣдующіе списки: первый относится къ

---

[1]) Оттуда же.

[2]) П. Левицкій, прошлое Переясл. духовнаго училища, стр. 7. А. Лазаревскій, „Изъ семейной хроники Берловъ“, Кіевская Старина, 1889 г. январь, стр. 16.

[3]) А. Лотоцкій, „Гдѣ обучалось подольское духовенство“, стр. 31—32

1744 году и называется „Роспись в школахъ славено-латинскихъ при домѣ Архиерея Переяславскаго имѣющихъся учениковъ, со изъявленіемъ о бытіи ихъ во святую Четиредесятницу у исповѣди и Святихъ Таинъ причастія“ [1]); въ этомъ спискѣ есть нѣсколько подписей учителей; всѣхъ учениковъ по „Росписи“ 130; каждый ученикъ названъ по имени, отчеству и фамиліи, съ обозначеніемъ лѣтъ отъ роду. По фамиліямъ учениковъ, значащихся въ „Росписи“, можно видѣть, что въ училищѣ, кромѣ дѣтей духовенства, воспитывались и дѣти мѣстной старшины и казаковъ. Хотя училище, какъ видно изъ посланія епископа Арсенія, было основано съ цѣлью приготовленія будущихъ священниковъ, и въ него должны были поступать лишь дѣти священниковъ и священнослужителей, но въ училище стали поступать не только дѣти лицъ духовнаго званія: и въ первые годы существованія училища, и въ послѣдующіе годы въ училище продолжали поступать дѣти казачьей старшины и казаковъ, посполитыхъ и другихъ сословій, и въ половинѣ XVIII вѣка училище, основанное еп. Арсеніемъ, становится центромъ образованія для всей области. Объ этомъ можно судить по той „вѣдомости объ ученикахъ всѣхъ школъ коллегіи переяславской“, которая приложена къ описи города Переяслава 1767 года (Румянцевская опись, Переяславскій полкъ, г. Переяславль, т. I, ч. 3) [2]). Изъ этой вѣдомости видно, что въ коллегіи въ 1766 году изъ 122 учениковъ было 67 сыновей священниковъ, 8 сыновей дьячковъ, 7 сыновей шляхтичей изъ Польской области, 20 сыновей казачьей старшины, 9 сыновей казаковъ и 11 сыновей посполитыхъ. Наконецъ, третій документъ называется „Вѣдомость о школахъ, сочиненная 1774 года 30 іюля“ [3]). Въ этомъ спискѣ заключаются

---

[1]) Кіевская Старина, 1888 г. октябрь, стр. 23—26.

[2]) И. Л—кій, „Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславѣ“, Кіевская Старина, 1888 г. мартъ, стр. 35—36.

[3]) А. Лотоцкій, „Гдѣ обучалось подольское духовенство“, стр. 32. (Заимствовано изъ архива Кіевской духов. консист., дѣло 1774 г. № 15).

подробныя данныя о происхожденіи учениковъ, и можно изъ него видѣть, что многіе изъ воспитанниковъ переяславской семинаріи были родомъ изъ отдаленной Подоліи, и переяславская семинарія служила просвѣщенію не только своей епархіи.

Заботясь о просвѣщеніи своей паствы, еп. Арсеній проявлялъ свою пастырскую попечительность и о духовенствѣ своей епархіи; онъ вникалъ въ положеніе менѣе обезпеченной, бѣднѣйшей части духовенства — діаконовъ, дьячковъ, причетниковъ церковныхъ, и старался опредѣлить и улучшить ихъ матеріальное положеніе. Каково было тогда содержаніе духовенства, не видно изъ приводимаго мною дальше указа еп. Арсенія, но нѣкоторымъ уясненіемъ этого можетъ служить документъ 1765 г., въ которомъ комиссія, состоявшая изъ 8 лицъ, представила докладъ имп. Екатеринѣ II о томъ, какую плату священники могутъ получать съ прихожанъ за исправляемыя требы [1]).

[1]) Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской всеподданнѣйшій докладъ отъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ коммисіи. Имяннымъ Вашего Імператорскаго Величества въ коммисіи записаннымъ Высочайшимъ указомъ между протчимъ велѣно коммисіи сдѣлать учрежденіе и Вашему Імператорскому Величеству представить со мнѣніемъ. По чему приходскимъ священникамъ съ причетники за исправляемыя ими у прихожанъ требы, то есть: за крещеніе и протчее денежной платы получать пристойно. Дабы оныя болѣе положеннаго домогаться не могли, и себя въ надлежащимъ по сану ихъ порядкѣ содержали. Во исполненіе котораго Высочайшаго Вашего Імператорскаго Величества указа, въ коммисіи разсматриваны прежде бывшія со ҂ѱчк года и послѣдовавшыя. Потомъ при жизни Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти Государя Імператора Петра Великаго узаконеніи, коими велѣно по писцовому наказу къ сельскимъ церквамъ, для доволствія священно и церковнослужителей, межевать земли изъ дачь тѣхъ селъ, а духовнымъ регламентомъ, хотя и велѣно жъ Сѵноду сдѣлать о томъ совѣтъ съ сенаторами и опредѣлить со всякаго приходскаго двора имянную священству и причту подать: дабы они совершенное по мѣрѣ своей имѣли доволство и впредь бы не домогалися платежа за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе и протчее; но о ономъ таковаго установленія и понынѣ еще не

Среди духовенства Переяславской епархіи были, конечно, люди весьма обезпеченые, какъ, напримѣръ, младшій братъ епископа Арсенія, переяславскій протопопъ Андрей Берло, [1])

учинено. Чего ради коммисія нынѣ всеподданнѣйше Вашему Імператорскому Величеству представляетъ нижеслѣдующее мнѣніе: чтобъ тѣми священно и церковнослужителями, въ селахъ и деревняхъ состоящими, съ крестьянъ въ приходахъ ихъ имѣющихся брано было. А имянно: за молитву родильницы двѣ копѣйки. За крещеніе младенца три копѣйки. За свадьбу по десяти копѣекъ. За погребеніе возрастъ имѣвшихъ десять копѣекъ. А за погребеніе младенцевъ три копѣйки. За исповѣдь же и причастіе Святыхъ Таинъ отнюдь ничего не брать. А за молебны и поминовеніе родителей давать каждому по соизволенію и по возможности, которой священно и церковнослужителямъ доходъ полагается болѣе для неимущихъ и крестьянства. Что жъ касается до тѣхъ, кои по своему имуществу и желанію за какія изъ выписанныхъ требы давать что по своему состоянію будутъ, оное имъ не запрещается: точію чтобъ священно и церковнослужители ни подъ какимѣ видомъ болшова себѣ за оныя требы платежа не домогалися, а довольны бъ были таковымъ указнымъ и доброхотнымъ подаяніемъ. Болѣе же все оное коммисія предаетъ въ Высочайшее Вашего Імператорскаго Величества благоволеніе. Вашего Імператорскаго Величества всеподданнѣйшіи раби Димитрій митрополитъ Новгородскій, Гавріилъ архіепископъ Санктпетербургскій, Василій Суворовъ, князь Сергій Гагаринъ, Григорій Тепловъ, Іванъ Мелиссино, Тімоѳей Текутьевъ, оберъ секретарь Міхайло Остолоповъ. Февраля 15 дня 1765 года“. (Документъ сообщенъ проф. С. Т. Голубевымъ).

[1]) О немъ въ документѣ, сообщенномъ мнѣ проф. С. Т. Голубевымъ, говорится: „Бунчужный товарищъ Андрей Берло въ 1725 году, когда велѣно ему съ протчими въ Гилянскій *) походъ идти, онъ, ухиляясь отъ того походу, постригся въ попы до церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, и яко прежде постригу въ попы, по умертвіи отца своего, владѣлъ маетностями войсковими, именно сотнѣ Воронковской селомъ Рогозовымъ да сотнѣ Яготинской седомъ Памфилами, такъ и нынѣ въ поповствѣ тѣми же маетностями, степами къ тимъ селамъ належними угодіи, владѣетъ, и тѣ маетности отцу его Івану Берлу, на урядѣ суддейства полкового будучому, дани были, и зверхъ того въ означенномъ же селѣ Памфилахъ на скупленихъ козачихъ грунтахъ

*) *Гилянь*—персидская область, завоеванная при Петрѣ I.

а комиссіи, составленныя изъ священниковъ епархіи по указу еп. Арсенія 6-го мая 1738 года, представили точныя описи угодій всѣхъ церквей и доходовъ духовенства каждой пропротопопіи. На основаніи такихъ точныхъ свѣдѣній еп. Арсеній требовалъ, чтобы на содержаніе учениковъ Переяславской семинаріи необходимсе доставляли монастыри и городскіе священники, а сельскихъ священниковъ совершенно освободилъ отъ взносовъ. Въ указахъ своихъ еп. Арсеній предписываетъ, чтобы при доставкѣ въ училище подводъ ли, припасовъ ли, дѣйствовали „безобидно", чтобы монастыри и городскіе священники поставляли отъ себя должное, а съ подчиненныхъ не дерзали бы ничего брать.

30-го октября 1739 года еп. Арсеній разослалъ слѣдующіе указы въ протопопіи своей епархіи:

„Арсеній Берло, Божіею Милостію Православній епископъ Переяславскій и Бориспольскій.

Вамъ всечестному протопопу Баришовскому и правящему протопопіею Бориспольскою Павлу Захаріеву, честнимъ намѣстникомъ и пресвитерамъ, Божія и нашего архіерейскаго желающе благословенія, пастирско предлагаемъ: извѣстно намъ, что діакони, где при церквахъ имѣютъся, жаднаго не получаютъ доходу, и на какой они кондицѣи живутъ, сами о томъ не вѣдаютъ; олтару жъ служащимъ отъ олтара питатися надлежитъ. Мы, Пастирь, имѣя наше о семъ смотреніе, дабы впредь диякони, яко служители священникомъ во всѣхъ священнослуженіяхъ церковнихъ, за свои труди не были безъ вознагражденія, сію имъ опредѣляемъ кондицію: отъ бракосочетанія, отъ крещенія, отъ елеосвященния, отъ погребения, отъ сорокоустовъ и панихидъ, отъ мо-

поселеніе Подсусѣдки, и прочіе грунты, поля пахотніе и сѣнокосніе, также лѣси, стави и другія угодія, отцемъ своимъ купленіе, имѣетъ; да въ 1731 году въ поповствѣ уже, послѣ рѣшительныхъ пунктовъ купилъ часть млина подъ Переяславомъ при рѣцѣ Трубежѣ". (Изъ дѣлъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ; коллекція Лукашевича (Маркевича) № 205).

лебновъ, отъ обѣдовъ за усопшихъ и за здоровнихъ, отъ посвященія церквей, води и домовъ и отъ всѣхъ служеній, где могутъ дияконы дѣйствовать, и что на молитви придетъ, по примѣру настоятельскихъ доходовъ, четвертую часть дияконамъ взимать; а по звоннимъ и приходящимъ за просфори доходомъ дячки з диякономъ по половинѣ имѣютъ дѣлитися, к тому жъ настоящій священникъ своему диякону пашнѣ двѣ осмачки в годъ долженъ дать, где съ прихожанъ берется роковщина, а где не имѣется роковщини, то иною консоляціею снабдѣвать по возможности своей долженствуетъ. Сего пречестностямъ вашимъ желаемъ и для достовѣрнаго исполнения во всей протопопіи Баришовской и Борисполской распублѣковать пастирско приказуемъ. Данъ с катедри нашей Святовознесенской Переяславской за подписомъ руки нашея при печати катедралной. 1739 г. октября 30 дня.

Звышъ именованний епископъ, рукою власною" [1]).

Въ слѣдующемъ указѣ, конца котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось, еп. Арсеній дѣлаетъ распоряженіе, касающееся „викаріевъ, діаконовъ и причетниковъ церковныхъ". Изъ сохранившейся части документа видно, что епископу Арсенію „извѣстно учинилось, что имѣющихся при церквахъ причетниковъ настоятелѣ к собственной своей работизнѣ и посилкамъ, такъ якъ наемнихъ, употребляютъ, не смотря по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, что всегда неотступно надлежитъ быти причетникамъ при церквахъ, исполняя званіе свое, а паче что високомонаршими указами повелено в висоноторжественния и викториялния дни молебствія, указания понихиди отправлять, то въ отсутствіи церковниковъ не воспослѣдовало якое небреженіе и остановка; доволно имъ яко церковнимъ причетникомъ"... [1]).

Изъ этихъ распоряженій Арсенія можно видѣть, что епископъ заботился не только о просвѣщеніи своей паствы,

---

[1]) Сообщено проф. С. Т. Голубевымъ.

[1]) Сообщено проф. С. Т. Голубевымъ.

но и объ улучшеніи ея нравственнаго и матеріальнаго положенія.

7 іюня 1744 года еп. Арсеній скончался. Будучи, подобно знаменитому основателю Кіевской академіи Петру Могилѣ, по происхожденію своему сыномъ выходца изъ Молдо-Валахіи, епископъ Арсеній, подобно Могилѣ, много потрудился, чтобы просвѣтить свѣтомъ ученія тотъ край, въ которомъ родился и получилъ воспитаніе. Не жалѣя ни трудовъ, ни заботъ, ни личныхъ средствъ для устройства училища, украшая „церковь катедралную Переяславскую утвармми разнимы", еп. Арсеній жертвовалъ много и въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ онъ принялъ монашество. Такъ, имъ пожертвованы въ Лавру большія серебряныя вызолоченныя паникадила, а не задолго до смерти, въ 1741 году, онъ пожертвовалъ тысячу червонцевъ, огромную для того времени сумму, на позолоту главы на новой лаврской колокольнѣ [1]). Лавра почтила память своего жертвователя, нарисовавши большой портретъ его, находящійся теперь въ лаврской библіотекѣ [1]).

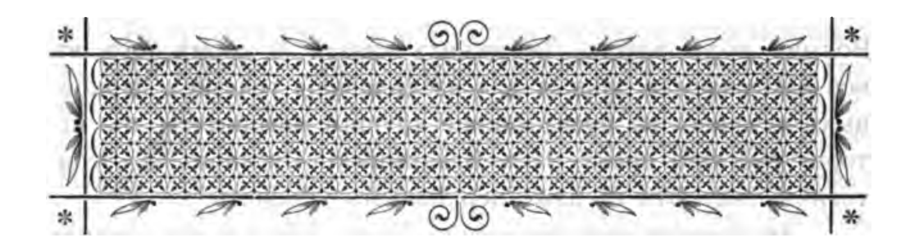
[1]) „Свѣдѣнія о Полт.-Переясл. епархіи", игумена Поліевкта.

[1]) Снимокъ съ находящагося въ Лаврѣ портрета еп. Арсенія приложенъ мною при этомъ біографическомъ очеркѣ. Подъ портретомъ находится слѣдующая подпись: „Се изображенный мирскимъ бѣ Андрей Берло: постриженъ в монаха в сей стой Кіево-печеской Лаврѣ: и нареченъ арсеніемъ былъ взваніи трапезнимъ: послѣ в братскомъ монастирѣ граматицкимъ бѣ професоромъ: по моровой явѣ в катедрѣ Стософѣйско митрополіи кіевской былъ архидіаконом: послѣжди произведенъ в црсвующемъ градѣ Москвѣ во архимадрита общежителной Кіево-Межигорской обители 1729 же года генваря АІ дня посщенъ во епикопа в Могилевскую Бѣлорускую епархію: с оной епархіи Бѣлорускої переведенъ в переяславскую епархію гдѣ украсилъ церковь Бжію катедралную переяславскую утварми разнимы церковнимы. особливій же нашей стой Кіевопечерской Лавры укладчикъ: панѣкадила серебреніе болшіе позлащенніе двѣ при правомъ и лѣвомъ клиросахъ висящіе отъ его преосвященства устроени собственнымъ коштомъ: и сего 1744 года іюня Ѕ дня отъ сей временной жизни по воли Всемогущаго Бга навѣчное житіе небесное преселися".

Заканчивая біографическій очеркъ еп. Арсенія, могу еще прибавить, что въ то мрачное время, когда люди, подобные св. Димитрію Ростовскому, были рѣдки, когда въ Россіи и въ Украинѣ почти отсутствовало сознаніе необходимости труда для „общихъ потребъ", а шла борьба преимущественно за интересы „персональные", Арсеній избралъ вѣрный и чистый путь: любовь къ наукѣ, сознаніе необходимости просвѣщенія и высоты нравственной, особенно для того, кто поставленъ пастыремъ духовнымъ, горячая преданность „гонимому православію" и заботы о подготовкѣ борцовъ, вооруженныхъ знаніемъ, для защиты его, труды для просвѣщенія родины,—всѣ эти качества ставятъ Арсенія, этого, по словамъ Ѳеофана Прокоповича, „мужа ученія и житія свидѣтельствованнаго", въ ряду тѣхъ общественныхъ дѣятелей, память о которыхъ должна быть сохранена въ исторіи нашего края.

А. Берло.

Въ Переяславѣ, въ Покровской церкви, въ алтарѣ, на правой сторонѣ, былъ большой стѣнной портретъ еп. Арсенія, противъ такого же стѣнного изображенія св. Димитрія Ростовскаго. Но въ „Очеркахъ Переяславской старины" А. Стороженка я прочитала, что „въ Переяславской Покровской церкви былъ нарисованъ на стѣнѣ *замазанный* теперь портретъ преосвященнаго Арсенія Берла". (Стр. 69).



Фундушевая запись князя Любарта Луцкой церкви Іоанна Богослова 1322 г.

Вопросъ о подлинности фундушевой записи Любарта поднимался въ наукѣ не разъ; но и защитники и противники ея подлинности высказывались или совершенно голословно, или же подкрѣпляли свои мнѣнія далеко неубѣдительными доводами [1]). Между тѣмъ, вопросъ этотъ заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія: фундушевая запись Любарта даетъ свѣдѣнія по исторіи и топографіи Волыни; нѣкоторые ученые основываютъ на ней свои мнѣнія о времени перехода

[1]) Отрицаютъ подлинность грамоты: Грушевскій: Історія Украïни—Руси, т. III, стр. 573, и Суворовъ: Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право, стр. 329—330. Первый доказательствъ не приводитъ; второй отрицаетъ на томъ основаніи, что она дошла до насъ не въ подлинникѣ и что не могла быть выдана въ 1322 году. Н. П. Дашкевичъ: Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства, 96, прим. 2, и Ивановъ: Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до XIV вѣка, стр. 220, прим. 6, признаютъ неправильной только дату, при чемъ Н. П. Дашкевичъ относитъ грамоту къ 1372 году и къ епископу Кириллу, а не Климентію, какой названъ въ грамотѣ, но доводовъ не приводитъ. Лонгиновъ: Грамоты Юрія II, стр. 103; Филевичъ: Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за галичско-владимірское наслѣдіе (Журн. Мин. Народн. Просв. 1891, декабрь, стр. 328), и Леонтовичъ: Очерки исторіи литовско-русскаго права, признаютъ её „несомнѣнно

Волыни подъ власть Литовскихъ князей [2]); кромѣ того, въ ней заключаются данныя для изслѣдованія генезиса церковныхъ уставовъ на Руси, и такіе крупные авторитеты въ исторіи русскаго права, какъ Владимірскій-Будановъ и Леонтовичъ, считаютъ её даже церковнымъ уставомъ [3]).

Эта грамота, напечатанная въ I томѣ VI ой части „Архива Юго-Западной Россіи“ подъ № 1, дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ позднѣйшемъ подтвержденіи и даже не въ первомъ, сдѣланномъ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, а во второмъ подтвержденіи польскаго короля Сигизмунда III отъ 1629 года, занесенномъ въ 177-ю книгу Коронной Метрики. Это обстоятельство лишаетъ насъ возможности пользоваться палеографическими данными грамоты и заставляетъ оставить безъ вниманія много лингвистическихъ данныхъ, которыя могли явиться результатомъ искаженій позднѣйшихъ переписчиковъ.

Прежде всего укажемъ на отсутствіе упоминанія о печати при нашей грамотѣ, когда она въ 1498 году была представлена великому князю Литовскому Александру для подтвержденія; нѣтъ на ней также подписей не только членовъ княжеской рады, о которой есть упоминаніе въ самомъ текстѣ грамоты, но и какихъ бы то ни было другихъ свидѣтелей. Между тѣмъ и подписи, и печать являются непремѣнной принадлежностью всякой болѣе или менѣе важной грамоты XIV вѣка.

подлинной“, Лонгиновъ—бездоказательно, Филевичъ и Леонтовичъ на томъ основаніи, что она была дважды подтверждена и что въ 1585 г. упоминается „привилей головный великаго князя Любарта на церковь соборную светого Иоана Богослова“. Но мы знаемъ, какъ часто въ XV, XVI и слѣдующихъ вѣкахъ подтверждались чуть не завѣдомо подложныя грамоты; въ XVI в. не разъ поднимался вопросъ на сеймахъ объ утвержденіи спорныхъ грамотъ Льва и Свидригайла, и Люблинскій сеймъ 1569 года рѣшилъ утвердить ихъ (см. Линниченко: Черты изъ исторіи сословій, стр. 55, прим.).

[2]) Филевичъ, Леонтовичъ, Лонгиновъ—loco citato.

[3]) Леонтовичъ: Очерки, 232; Владимірскій-Будановъ: Хрестоматія по исторіи русскаго права, вып. 1, изд. 5-ое, стр. 265.

При чтеніи фундушевой записи Любарта останавливаетъ на себѣ вниманіе фраза, находящаяся почти въ срединѣ грамоты. Она читается такъ: „паки же..... даемо *тому* господину отцу владыце и воспрыемникомъ его село наше Бусчу"... [1]). Между тѣмъ, просматривая весь предшествующій этой фразѣ текстъ грамоты, мы совершенно не видимъ упоминанія о какомъ либо епископѣ. Такимъ образомъ, эта фраза производитъ впечатлѣніе или какого то пропуска, или же неудачной склейки двухъ различныхъ грамотъ. Если мы сравнимъ между собою обѣ половины нашей грамоты, принимая за начало второй половины слова: „паки же снаднейшого ради отправованя", то увидимъ, что онѣ разнятся между собою какъ въ содержаніи, такъ и въ языкѣ:

1) Въ первой части Любартъ жалуетъ соборной *Луцкой церкви* Іоанна Богослова села: Рожище и Теремное, совершенно не упоминая о епископѣ („....далъ село свое Рожысче святому Иоанну Богослову... соборной церкви у Луцку"); во второй части говорится о пожалованіи *епископу Луцкому и Острожскому* и его преемникамъ нѣсколькихъ селъ, о подтвержденіи неприкосновенности епископскаго суда и всѣхъ вообще епископскихъ правъ и компетенцій. Правда, и во второй части вскользь упоминается, что даръ относится къ церкви, но заканчивается она словами: „и на то есми далъ *господину отцу владыце* сию грамоту мою", такъ что лицемъ, получающимъ даръ, является владыка Луцкій и Острожскій, а не святой Іоаннъ Богословъ, и нарушитель грамоты платитъ штрафъ епископу, а не церкви, какъ должно было бы быть, судя по началу грамоты.

2) Обращаетъ на себя вниманіе неравномѣрность подробностей въ обѣихъ частяхъ при описаніи границъ даруемыхъ селъ: въ первой части описанію границъ *двухъ* селъ отведена цѣлая страница, и описаніе это является рѣдкимъ по своей тщательности и полнотѣ: подробно упоминается о всѣхъ пограничныхъ опушкахъ лѣса, дорогахъ,

[1]) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VI, № 1, стр. 2.

мостахъ, бродахъ, могилахъ, межевыхъ столбахъ; во второй части границамъ *шести* селъ едва отведено 2—3 строки.

3) Творительный падежъ множественнаго числа имѣетъ въ обѣихъ частяхъ различныя формы даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ: въ первой части—„зъ лесы“, „зъ ловы“, „бобровыми гоны“, „зъ.... болоты“, во второй—„зъ лесами“, „зъ ловами“, „зъ гаями“, „свесченъниками“, „пожитками“ [1]).

4) Наконецъ, весь вообще языкъ грамоты, болѣе архаическій въ первой части и болѣе поздній во второй, приводитъ насъ къ выводу, что мы имѣемъ дѣло не съ цѣльной и подлинной грамотой, и что не всѣ ея части писаны и составлены однимъ и тѣмъ же лицемъ и въ одно и то же время. Это станетъ еще болѣе яснымъ, если попробуемъ провѣрить дату грамоты и опредѣлить время составленія обѣихъ частей.

Начнемъ съ первой части.

Сомнѣваться въ принадлежности ея Любарту, повидимому, нѣтъ основаній. Титулъ Любарта, „Милостию Божею .... я, Любартъ Кгедеминовичъ, Луцкий и Володимерский князь“—подозрѣній не возбуждаетъ. Правда, въ грамотахъ онъ обыкновенно называетъ себя „князь Любартъ“ [2]), но до насъ дошла его грамота на учрежденіе товарныхъ складовъ въ Луцкѣ и Владимірѣ, писанная по-нѣмецки, гдѣ онъ титулуется: „Wir, groser furste Demytyr von der genaden Gotis von Ladymir und von Luczk“ [3]). Не возбуждаетъ, повидимому, подозрѣній и языкъ грамоты [4]), Пожалуй, бросается въ глаза ошибка въ датѣ: годъ не схо-

[1]) Единственнымъ исключеніемъ является форма „пожитками“ имѣющаяся въ обѣихъ частяхъ.

[2]) Срезневскій: Древніе памятники русск. письма и языка, изд. 2 стр. 191. Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, № 1. Въ Рус. Историч. библіотекѣ, т. VI, прилож. стр. 30, онъ названъ „ρὴξ βολοδιμήρου“.

[3]) Supplem. ad histor. Russ. monum, 128—9. Димитрій - христіанское имя Любарта.

[4]) Выраженія: „звечистою“ (вм. вѣчистою), „слонца“ (вм. солнца) „пожитками“ (вм. пожитки) можно признать искаженіями позднѣйшихъ переписчиковъ. Въ грамотѣ 1383 г. есть „зъ лучами“, въ 1401 г. „зъ городми“: см. Акты Зап. Рос., I, №№ 6 и 18.

дится съ индиктомъ, но, если такія ошибки можно встрѣтить во многихъ, несомнѣнно подлинныхъ грамотахъ (особенно XV в.) [1]), то тѣмъ болѣе возможна она въ грамотѣ, дошедшей къ намъ не въ подлинникѣ, а изъ третьихъ рукъ. Слѣдовательно, сама по себѣ ошибка въ датѣ еще не говоритъ о подложности этой части грамоты. Но признать правильнымъ 1322 годъ, которымъ датируютъ её издатели, намъ не кажется возможнымъ. Полная дата грамоты читается такъ: „писанъ въ Великомъ Луцку, лета отъ создания мира 6830, индикта семого, месеца декабря 8 дня". 6830 г. отъ сотворенія міра приходится на 1321 годъ [2]), а седьмой индиктъ на 1323 г. Ошибка очевидна, но, въ чемъ она,—въ годѣ, или индиктѣ? Прежде всего непонятно, почему издатели грамоты предпочли годъ индикту? По нашему мнѣнію, большаго довѣрія заслуживаетъ именно индиктъ, а не годъ: 1) разногласія между индиктомъ и годомъ, особенно частыя въ южно-русскихъ грамотахъ XV вѣка, являются результатомъ неумѣнія переводить лѣтосчислѣніе по индиктамъ на годы отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, при чемъ неправильными чаще всего являются именно годы, а не индикты [3]); 2) въ данномъ случаѣ скорѣе можно допустить ошибку или описку въ годѣ, написанномъ цифрами, чѣмъ въ индиктѣ, написанномъ словами.

Неправильность собственно 1321 года видна уже изъ формы грамоты; слова: „Я Любартъ Кгедеминовичъ... изгадалъ есми самъ о своюй души, будучи своимъ целымъ розумомъ, хотечи душу спасти", ясно показываютъ, что наша грамота приближается къ типу духовныхъ грамотъ, что такъ могъ писать только пожилой человѣкъ, помышляющій уже о смерти, а не ребенокъ, какимъ могъ быть Любартъ въ

---

[1]) См. I и III томы Archiwum książąt Liubartowiczów-Sanguszków w Slawucie.

[2]) Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 6830 года будутъ относиться къ 1321, а не 1322 году. Эта поправка принадлежитъ проф. Голубеву.

[3]) См. прим. 1.

1321 году [1]). На то, что грамота писана вообще въ концѣ, а не въ началѣ княженія Любарта, указываетъ и титулъ его, встрѣчающійся только въ поздней уже грамотѣ 1379 года [2]). О томъ же говоритъ и выраженіе „писанъ въ *Великомъ* Луцку". Луцкъ получаетъ названіе „великаго" только къ концу XIV вѣка; первый разъ онъ такъ названъ въ описаніи битвы при Ворсклѣ въ 1399 году [3]). Ко второй половинѣ XIV вѣка падаетъ значеніе г. Владиміра, стараго центра Волыни, особенно много пострадавшаго во время войнъ Литвы съ Казиміромъ Великимъ; Луцкъ дѣлается резиденціей волынскаго князя Любарта, а затѣмъ и средоточіемъ всей волынской жизни, результатомъ чего и было это, такъ сказать, „величіе" Луцка. Въ двадцатыхъ же и тридцатыхъ годахъ XIV вѣка столицей и центромъ Волыни былъ еще Владиміръ [4]). Наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, Волынь досталась Любарту только послѣ смерти Юрія II, то есть послѣ 1340 года, и раньше этого времени онъ ничѣмъ не могъ владѣть на Волыни [5]). Этихъ доводовъ, кажется, достаточно, чтобы признать 1321 годъ неправильнымъ.

Что касается индикта, то нужно сказать, что 8 декабря седьмого индикта за время Любарта приходится на годы 1323, 1338, 1353, 1368, 1383. Изъ нихъ первые два должны быть исключены на основаніи вышеуказанныхъ соображеній; 1368 годъ долженъ быть тоже исключенъ, такъ какъ съ 1366 года по 1370 г. Владиміръ принадлежалъ Польшѣ, и слѣдовательно, Любартъ не могъ титуловаться „княземъ Луцкимъ и Владимірскимъ". Остаются годы 1353 и 1383. При-

---

[1]) По мнѣнію Леонтовича (Очерки, стр. 220, прим. 3), Любарту въ 1321 году было „16—17, много 20 лѣтъ", но, на основаніи какихъ данныхъ, онъ не указываетъ.

[2]) См. стр. 64, прим. 3.

[3]) Полн. Собран. Рус. Лѣт., т. VII (Лѣтопись Воскресенская), стр. 73 подъ 1400 г.; Daniłowicz: Kronika Ruska, стр. 218, подъ 1398 г.

[4]) Большинство грамотъ волынскаго князя Юрія II (годы 1327, 35, 39) писаны во Владимірѣ, и ни одна не дана въ Луцкѣ.

[5]) Грушевскій: Історія Украіны-Руси, т. III, стр. 573.

нимая во вниманіе форму грамоты (типъ духовной грамоты), можно было бы принять послѣдній, 1383-й, годъ. Даже если бы вся дата была совершенно невѣрной или подложной, составленной вмѣстѣ со второй частью, то всетаки на основаніи формы грамоты и княжескаго титула первую часть грамоты нужно отнести къ концу, а не къ началу княженія Любарта.

Перейдемъ теперь ко второй части грамоты.

Если первая часть могла быть выдана княземъ Любартомъ, то этого совершенно нельзя сказать о второй части. Когда мы ее сравнимъ съ несомнѣнно подлинными грамотами XIV вѣка, а затѣмъ съ грамотами конца XV и начала XVI вѣка, то окажется, что по языку она гораздо ближе подходитъ къ этимъ послѣднимъ, чѣмъ къ грамотамъ XIV вѣка: такіе, напримѣръ, полонизмы, какъ „снаднейшого", „посполитомъ" [1]), „отправованя хвалы Божое" немыслимы въ грамотѣ XIV вѣка, писанной при томъ до уніи 1386 года. То же нужно сказать и о словахъ „епархія" (вмѣсто „епископья"), „во первыхъ" (вм. „на первѣй"), „уступовати" (вм. „уступати"), „воспрыемникомъ", „наступникомъ" (вм. „потомъ будучимъ", „послѣдкомъ", „намѣсткомъ"): они встрѣчаются въ грамотахъ не ранѣе половины XV вѣка. Далѣе, штрафъ въ 10000 рублей, которымъ князь грозитъ нарушителю своей воли, является слишкомъ крупной суммой для XIV вѣка [2]). Затѣмъ и вся формула этой угрозы, этого заклятья является необычной для даннаго времени: „хто", читаемъ въ нашей грамотѣ, „сия предания отческая и повеления княжения нашего переступитъ дерзнетъ, десять тисечей рублей на насъ и на епископа да казнится и отъ Бога проклятъ будетъ",— между тѣмъ, этотъ же самый князь Любартъ въ записи Вла-

[1]) Въ договорѣ 1388 г. новгородъ-сѣверскихъ князей съ Ягайломъ (Arch. Sang., I, № 9) есть выраженіе: „со всимъ посполъствомъ", но документъ этотъ писанъ въ Польшѣ, въ Ленчицѣ, и притомъ писанъ или полякомъ или подъ диктовку поляка, на что указываютъ такія слова, какъ „тонъ", „тонъ той", „голдованіе", „але".

[2]) Иванъ Калита грозитъ нарушителю своей грамоты штрафомъ въ 100 рублей.

димірской церкви грозитъ нарушителю: „да судитсе зъ нымъ передъ милостивымъ Богомъ и да будетъ на немъ клятва святыхъ триста и осмнадесятъ отецъ, иже въ Никеи", и ни слова не говорить о денежномъ штрафѣ [1]). Странно также видѣть въ эпоху Любарта желаніе со стороны епископа закрѣпить за собой письменнымъ актомъ мѣсто въ княжеской радѣ. Выраженіе „пры советахъ князевъ и бояръ нашихъ" болѣе умѣстно по отношенію къ великокняжеской радѣ XV вѣка, чѣмъ къ радѣ удѣльнаго волынскаго князя; во всякомъ случаѣ, такой формулы мы не находимъ въ актахъ удѣльныхъ князей XIV вѣка. Еще болѣе страннымъ является то обстоятельство, что грамота, утверждающая за епископомъ право быть членомъ княжеской рады, дана совершенно безъ участія не только княжеской рады, но и вообще какихъ бы то ни было свидѣтелей. Наконецъ, епископъ Климентій носитъ здѣсь титулъ: „владыка Луцкій и Острозскій", а также и епархія его называется „епархіей Луцкой и Острозской"; между тѣмъ не только въ XIV, но и на всемъ протяженіи XV вѣка вплоть до девяностыхъ его годовъ, епископъ Луцкій титулуется „владыкой Луцкимъ", а не „Луцкимъ и Острозскимъ" и епархія его называется „Луцкой", а не „Луцкой и Острозской" [2]).

---

[1]) Архивъ Ю-З. Россіи, ч. 1, т. VI, № 3.

[2]) Такой титулъ носятъ епископы: Арсеній 1366 г., Діонисій 1415 г. Өеодосій 1437 г., Алексѣй 1475 г., Ярофей 1483 г., Никифоръ 1487 г., Іона 1491 г, См. Arch. Sang., т. 1, №№ 1, 36, 75, 85, 91, 99.; Акты Зап. Рос. т. 1, № 24. Въ Актахъ Литовской Метрики Леонтовича (т. I, в. I, № 12) подъ 1449 годомъ напечатана грамота въ которой упоминается Кириллъ, „владыка Луцкій (и) Остроскій". Но дата поставлена издателемъ произвольно,—датирована грамота: „м-ца сентября 29 день индиктъ 13". Въ ней, кромѣ епископа Кирилла, упоминаются князь Өеодоръ Четвертинскій и князь Петръ Михайловичъ. Такъ какъ намъ извѣстны еще другіе акты, въ которыхъ кн. Петръ Михайловичъ упоминается подъ 1506 годомъ, князь Өеодоръ Четвертинскій подъ 1502 и 1505 г.г., еп. Кириллъ подъ 1506 г., то грамоту эту правильнѣе было бы отнести къ 1509, а не къ 1449 г.; см. Леонтовичъ: А. Л. М. т 1, в. II, №№ 620, 709, 748; Arch Sang. 1, № 131.

На основаніи этихъ соображеній мы приходимъ къ выводу, что вторая часть грамоты не могла быть выдана Любартомъ, а составлена гораздо позже, въ концѣ XV вѣка. Такъ какъ епископъ Іона, занимавшій Луцкую каѳедру съ 1491 по 1495, первый носилъ титулъ „владыки Луцкаго и Острожскаго“ [1]), а въ 1498 году наша грамота была уже представлена великому князю для подтвержденія, то, значитъ, она и была составлена въ девяностыхъ годахъ XV вѣка, можетъ быть, тѣмъ же самымъ владыкой Ефремомъ, по просьбѣ котораго она была подтверждена.

Можно указать одинъ изъ источниковъ, которымъ пользовался составитель грамоты: это пространная редакція церковнаго устава св. Владиміра, изъ котораго сдѣлана почти дословная выписка отъ словъ: „а по семъ...“ до словъ „аще ли хто...“ [2]).

Такъ какъ главнымъ содержаніемъ фальсифицированной части грамоты является подтвержденіе епископскихъ правъ и компетенцій и прежде всего права „о добромъ посполитомъ, вкупе зъ сынъклитомъ нашимъ... при насъ и при советахъ князевъ и бояръ нашихъ радити и советовати“,

[1]) Въ данномъ случаѣ я ссылаюсь на авторитетъ Строева (Списки іерарховъ), такъ какъ мнѣ пришлось встрѣтить только ту его грамоту, гдѣ онъ титулуется „владыкой луцкимъ“. Arch. Sang., I, № 99.

[2]) Дополненія къ Актамъ историч. т. I, № 1. Интересно то, такъ сказать diminuendo, которымъ идетъ точность выписки. Сначала выписка совершенно дословна: „а по семъ ненадобе вступоватись ни детемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему до века, ни въ люды церковныя, ни во вся суды ихъ, то все далъ есми“; здѣсь вставлено изъ какого-то другото источника: „церкви Божей, ктому и куницы отъ поповъ“, потомъ опять идетъ дословная выписка: „по всемъ городомъ и погостомъ и по свободамъ, где суть хрестиане, и своимъ тывуномъ... приказуемъ“ (въ уставѣ „приказываю“), далѣе грамота расходится съ уставомъ,—въ уставѣ: „церковного соуда не ѡбидѣти ни соудити безъ владычнѧ намѣстника“, а въ нашей грамотѣ: „судовъ церковныхъ не судити, ибо мирскимъ не просчено отъ закона Божыя доступоватыся въ тые рады“. Эта послѣдняя фраза напоминаетъ конецъ посланія Владимірскаго епископа (Рус. Ист. библ., т. VI, № 9): „князю и болѧромъ и судьямъ въ тѣ суды не лзѣ *въступатисѧ, не прощено* имъ ѿ *закона Божиѧ*“.

то цѣлью фальсификаціи могло быть желаніе упрочить неприкосновенность епископскихъ правъ и возвратить Луцкому епископу то право участія въ великокняжеской радѣ, которымъ онъ пользовался хотя бы при великомъ князѣ Свидригайлѣ.

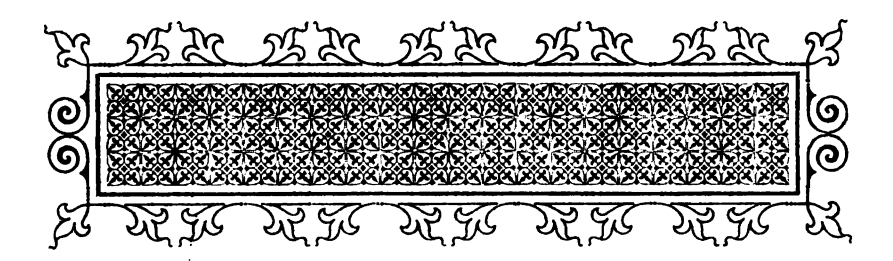
Конецъ грамоты, начиная со словъ „и на то есми далъ...", по нашему мнѣнію, могъ принадлежать первой части, то есть собственно Любартовой грамотѣ: 1) выраженіе „есми далъ" вполнѣ совпадаетъ съ выраженіями первой части: „изгадалъ есми", „записалъ есми и далъ"[1]; 2) въ концѣ XV вѣка написали бы не „сию грамоту мою", „а сей листъ мой"; фальсификаторъ только вставилъ слова „господину отцу владыце" для связи съ предшествующимъ.

Итакъ, фундушевая запись Любарта Луцкой церкви Іоанна Богослова въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до нашего времени, является несомнѣнной фальсификаціей. Время фальсификаціи—девяностые годы XV вѣка; вѣроятный ея авторъ—Луцкій епископъ Ефремъ. Впрочемъ, въ основу этой фальсифицированной грамоты легла подлинная грамота Любарта Луцкой церкви Іоанна Богослова на села Рожище и Теремное, данная, можетъ быть, въ 1383 году, вообще, въ концѣ княженія Любарта, но ни въ коемъ случаѣ не въ 1321 году.

Д. Щербаковскій.

---

[1]) Выраженіе второй части: „то все далъ есьми", заимствовано буквально изъ церковнаго устава (см. стр. 69, пр. 2), и поэтому не уничтожаетъ нашей аналогіи.



Волынскій религіозный вольнодумецъ XVII в.

Въ августѣ 1902 г. Волынское Епархіальное Древлехранилище обогатилось очень интереснымъ экземпляромъ Острожской библіи 1581 г., купленнымъ у жительницы г. Житоміра г-жи Куликъ. Интересъ настоящему экземпляру Острожской библіи придаютъ многочисленныя рукописныя замѣтки на поляхъ владѣльцевъ книги. Одинъ изъ этихъ владѣльцевъ расписался на первомъ и оборотѣ послѣдняго листовъ библіи. Это „іеромонахъ Пахомій, его же сия книга власная, рок. 1652 сен. 25". Но, кромѣ іеромонаха Пахомія, книга имѣла и другихъ, по крайней мѣрѣ, двухъ владѣльцевъ. Особенно интересны замѣтки одного изъ такихъ первыхъ владѣльцевъ, писавшаго свои замѣтки гдѣ-то въ двадцатыхъ годахъ XVII в. Почеркъ этого анонимнаго автора замѣтокъ къ библіи, по классификаціи И. М. Каманина, есть луцкій почеркъ первой четверти XVII в. Эти замѣтки и служатъ матеріаломъ для моего настоящаго сообщенія.

Естественно, что библія давала болѣе всего матеріала для сопоставленій и замѣтокъ характера религіознаго, хотя рядомъ съ этимъ попадаются замѣтки характера политическаго, смѣшаннаго религіозно-политическаго и, наконецъ, бытовыя.

Такъ какъ нашъ авторъ библейскихъ замѣтокъ жилъ въ эпоху, когда насущнымъ религіознымъ вопросомъ въ Западной Руси былъ вопросъ объ отношеніи православныхъ русскихъ къ католичеству и уніи, то естественно, что этому вопросу и посвящено большинство его приписокъ. Онъ является самымъ ожесточеннымъ врагомъ Западной церкви, папства, Брестской уніи, ея явныхъ и скрытыхъ виновниковъ, покровителей и апологетовъ. Римъ, по его мнѣнію, есть библейскій Вавилонъ. Пророкъ Іеремія убѣждаетъ іудеевъ уйти изъ Вавилона „да спасетъ кійждо душу свою отъ гнѣва ярости Господни (гл. 51) [1]"; нашъ авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „ѿт вавилону тѣкати кажетъ, то ест ѿт римꙋ, а нынѣ рꙋс дꙋрная сама, нѣким ведена, до погибелного того вавилонꙋ идет". Къ Риму относятся слова апокалипсическаго ангела: „паде, паде Вавилонъ градъ великій" (гл. 14). „Если бы хто мовити мѣл ѡ ѡномъ вавилонѣ в персидѣ, теды до того іѡан нѣчого не мал, бо вже заплату свою одержал и юж тогды нѣчого не чинил вѣрнымъ божіим; и то все ѡ страшномъ суду божомъ мовит. Бо и петръ рим называет вавилоном в першомъ листе своим на конци, бо з риму посылает той".

Первообразомъ папы является поэтому Навуходоносоръ вавилонскій, желавшій истребить всѣхъ боговъ земныхъ, „да самъ той наречется Богъ" (Іудиѳь, гл. 3). „То повелѣваетъ нынѣ", по мнѣнію нашего автора, „папѣжъ, брат навходоносоровъ з вавилонꙋ крꙋлеви ишпанскому и полскому, и всѣмъ, що под ним суть, или ему ѿтдають послушание, дабы ему всѣхъ, непокоршихсѧ ему, покорили, дабы не звалсѧ нѣкто на земли нѣ крол, нѣ цар. аще и бога себе звати велит, як же и тогда навходоносор. Горе ему!" Ап. Павелъ говоритъ, что мы въ крещеніи оправдываемся именемъ Господа Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего (1 Кориѳ., гл. 6). Авторъ за-

[1]) Библейскіе тексты цитируются по Острожской библіи, давшей поводъ для разсматриваемыхъ замѣтокъ. Текстъ самыхъ рукописныхъ замѣтокъ приводится буквально, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника, кромѣ принадлежащей намъ пунктуаціи и раскрытія титлъ.

мѣчаетъ по этому поводу: „Во имѧ господа Іисуса Христа и духом бога нашего крестимосѧ, якоже наꙋчи сам господь Іисус Христос учеников своихъ крестити во имѧ Отца и сына и духа свѧтого. То не в папѣжа а не в римский костел, але в христа господа іисуса и духомъ бога нашего; а то там не господь іисусъ христосъ, анѣ духъ бога нашего, але антихрист и духъ противническій“.

Авениръ, полководецъ Сауловъ, по смерти послѣдняго, оставшись опекуномъ сына его Іевусѳея, взялъ себѣ Ресѳу, наложницу Саулову, чѣмъ обидѣлся и за что упрекалъ его Іевусѳей. Авторъ библейскихъ замѣтокъ пишетъ по этому поводу: „Если так цнотливый сынъ саꙋловъ разгнѣвалсѧ на авенира, що был гетманомъ за саꙋла ѡтца его, а потом и губернатором, по смерти саꙋла, и ѡпекꙋном сыну его гевꙋстею, але иж над при стойност..... подложницꙋ саꙋлову, по смерти саꙋла, взѧл, еднакъ же сынъ гевꙋстей правдивый, жалем ѠѠбъятый, сурове мовит: якъ ты смѣл взѧти, слуга будꙋчи Ѡтца моего, подложницꙋ его? Що ж розꙋмѣешъ, вѣрный божий, як речет, если придет, сынъ божий папѣжꙋ проклѧтому, що ѡн взѧл собѣ не подложницꙋ, але правдивую шлюбеницꙋ, церьков божию в женꙋ собѣ, христꙋ вже послюбенную“....

Особенное негодованіе нашего автора возбуждаетъ католическая теорія о томъ, что папа есть намѣстникъ Христовъ на землѣ. По поводу словъ Іисуса сына Сирахова „кая община волку съ агнцемъ, такожде и грѣшнику съ благовѣрнымъ“ (Сирах., гл. 13), онъ замѣчаетъ: „Що за едност рꙋсинꙋ з римским костелом быти может? Благовѣрномꙋ з ними гератиками, яко кошцѣ зо псом, богатому з ꙋбогим, божому з балвохвалцами; бо папѣжа за христа мѣти то ест балвахвалство“. Отсюда, по его мнѣнію, къ римской церкви не можетъ даже относиться обѣтованіе Спасителя о томъ, что церковь Его пребудетъ до конца міра. Слова пр. Даніила о Богѣ іудейскомъ: „той есть Богъ живый и пребываяй вовѣки и царство его не разсыпется“ (гл. 6), „тое слово проклятый андрей варкгоцкій въ свой лгарской апологіи проклятой вышпетил, що тꙋ даріе цар мо-

вит ѡ богѣ живом, пребывати емꙋ во вѣки и царствꙋ его не рассыпатися на вѣки; то ѡн проклятый сынъ косцелищеви римскомꙋ приписует. Такъ то ѡн фалшꙋетъ книги!" Католики приравниваются прямо къ язычникамъ.

Относясь вообще съ осужденіемъ къ разводу, авторъ рекомендуетъ разводиться православнымъ женамъ со своими мужьями-католиками, чтобы сохранить чистоту вѣры. „А ту если папѣжник рꙋский бы не хотѣл жоною мѣть, кгды бы не позволила на ерес его, то нехай ѡтлꙋчаетса ѡт него; волно ей". (Срв. 1 Коринѳ. гл 7).

Съ большимъ осужденіемъ относится нашъ авторъ къ покаянному бичеванію католическихъ монаховъ, дающему ему поводъ сравниватъ ихъ со жрецами Ваала (3 Царствъ, гл. 18). „Власные то нынѣ мниси папские, що са бичують до крови и кричать якъ волы, объйвшися мас, и братя тым и махметовым также, що собѣ чинат. Поганское то дѣло, а не христіанское!".

Естественно, что относясь вообще съ осужденіемъ къ римской церкви и ея отличіямъ отъ церкви православной, авторъ библейскихъ замѣтокъ не могъ обойти молчаніемъ вопроса объ опрѣснокахъ, этого кардинальнаго пункта антилатинской полемики, начиная съ XII в. По поводу заповѣди Моисея о сожженіи жертвъ (Быт., гл. 2), нашъ авторъ замѣчаетъ: „Кажет богъ жидамъ всакꙋю жрътвꙋ приносити ис солию, а папежники приносат хлѣбъ без соли в жертвꙋ свою". На разсказъ 3-й кн. Царствъ о томъ, какъ Іеровоамъ послалъ къ пророку Ахіи свою жену съ хлѣбомъ и опрѣсноками, авторъ замѣчаетъ: „Ино хлѣб, а ино ѡпрѣснок, що папежницы, ересю аполинарневою заражены бꙋдꙋчи и диѡшкоровою, прѣсным ѡплатком приносат жрътвꙋ в тѣло христово и моват людем: едно то все хлѣбъ; а то ту не едино. До того ѡпрѣснок безквасин яко бездꙋшен, безсоленъ яко безꙋменъ; и так то они ѡкааннии христа истиннаго бога и истинно свръшенна человѣка, душевна ꙋмна-бездушна и безꙋ-

мна и не совръшенна человѣка, але фантазму христа вызнавают не словом, але дѣломъ, проклятые зъ аполлинарием и диѡскаром, ижъ то ту лелѣтку дръжат, що и хлѣбъ, и не хлѣбъ, фантазма. Легко людей глупых послѣпили, то вже и руский род слѣпат. Горе им!"

Ставя опрѣсноки и вообще вопросы обрядового характера во главу угла, позднѣйшіе полемисты нерѣдко совершенно упускаютъ изъ виду главнѣйшее догматическое отступленіе западной церкви въ вопросѣ объ исхожденіи Св. Духа, или, по крайней мѣрѣ, относятся къ нему далеко не съ такою страстностью, какъ къ менѣе важнымъ обрядовымъ и каноническимъ отличіямъ. Таковъ и нашъ авторъ библейскихъ замѣтокъ. Его полемическія замѣчанія по вопросу объ исхожденіи Св. Духа кратки и сравни тельно мало выразительны. По поводу словъ пр. Исаіи (гл. 48) „и нынѣ Господь посла мя и духъ его", онъ замѣчаетъ: „Господь посла мя ѡт уст своих, мовит, и дух его. Не мовит: духъ их, яко ѡтцевъ и сыновенъ, якоже папѣжници моват". На слова того же пророка „духъ бо отъ мене изыдетъ" (гл. 57), читаемъ приписку: „Духъ бо ѡт мене, а не ѡт нас; не по папѣжску ѡт двох начал". Наконецъ, слова гл. 57 того же пророка: „се же имъ завѣтъ мой отъ мене, рече Господь: духъ мой, иже есть въ тебѣ", даютъ поводъ для слѣдующей прописки: „ѡ христѣ духъ мой, а не наш; едино существо со сыном и духом исповѣдует ясне, а не четверти, два начатка вводачи, яко блюзнат папѣжници, ане тих раздѣлает, по армянску и савелиянску и макидониянску". Вотъ и все, что удалось мнѣ найти въ описываемыхъ замѣткахъ по вопросу объ исхожденіи Св. Духа.

Извѣстно, какую страстную полемику въ свое время возбудило въ Юго-Западной Руси введеніе въ Польшѣ григоріанскаго календаря и попытка навязать этотъ календарь русской церкви. Не остался чуждъ этому вопросу и нашъ авторъ. По поводу словъ пр. Даніила (гл. 8): „и святыхъ

вышняго смиритъ, и помыслит премѣнити времена и законъ, и дастся въ руку его до времене и времену и полъ времене", авторъ замѣтокъ разражается слѣдующею филиппикою: „А то ѡ премѣненю календара, часов и лѣтъ пременити, що хот далосѧ ему до времени не часы и лѣта премѣнити, що богъ ꙋставил и въ своей положил ѡбласти, едно то, що человѣци ꙋставили: свѧта, пасхалѣ—тые часы далисѧ ему, але не зима и лѣто и небо з своими елементамы, шо богъ ꙋчинил. Бо хот ꙋ него великден бывает пят недѣлъ, а зима и лѣто за тым не идеть, едно своим тором. Прето знай, же тылко противност дꙋхꙋ свѧтому дѣет, кгдыж если вѣримо, же дꙋх свѧтый ѡными ѡтци яко человѣками и рабы своими дѣял, то ест пасхалю и календар постановлѧл, яко так ест певне, прето ж и времена тотже повелѣвал подлегати ꙋставам их. Лето не им припасатисѧ мает, постановенѧм их, але тому самому дꙋху свѧтому, кгдыж с тоего права самого. Прето той не тым человѣкомъ святым сопротивником есть, але ѡному самому, тыми дѣйствующому. А хто дꙋхꙋ святому сопротивник, то явне, же ест хꙋлник на дꙋхъ святый. А хꙋлнику на святого дꙋха сынъ божий що мовит? Не отпꙋститсѧ ни в сий вѣк, ни в будущий; а павел анаѳемѣ и маранаѳѣ предает его. Тут же смотри, вѣрный божий, як того ты слꙋхати маеш проклѧтого, и сам з ним проклѧт будешъ".

Замѣтки вышеназваннаго іеромонаха Пахомія нерѣдко представляютъ большую противоположностъ консервативнымъ возрѣніямъ болѣе ранняго владѣльца библіи. Такъ, по поводу словъ 17 гл. 4 кн. Царствъ, что израильтяне продолжаютъ служить идоламъ, „якоже отци ихъ", іеромонахъ Пахомій замѣчаетъ: „Тепер сѧ тое дѣет ꙋ рꙋси, же ѡставили заповѣдь божию, та батков слꙋхают, та мовят: ѡтцѣ нашѣ тое чинили, и мы бꙋдемо чинити; нехай нам иѣхто не встановливаеть новины, коли праздꙋемо". По поводу словъ книги Дѣяній Апостольскихъ о томъ, что Апостолъ Павелъ,

„преклонь колѣнѣ свои, со всѣми, помолися“, тотъ же позднѣйшій владѣлецъ библіи дѣлаетъ выноску: „А нынѣ христіяны за ерес то собѣ мают, котрые на колѣнехъ богу молятся“.

Послѣ папы, ненависть нашего автора направляется преимущественно на католическое духовенство („плебаны“, „хлебаны“) и въ особенности—на іезуитовъ („вызуиты“), скрытыхъ виновниковъ Брестской уніи. По поводу словъ Апокалипсиса (гл. 17): „суть бо дуси демонстіи, творяще знаменія, яже исходятъ на царей всея вселенныя“, авторъ замѣчаетъ: „Зри и вонми: ѡ дусех демонстих, не ѡ бѣсех мовит, но сдаст ми сѧ, и такъ ест—ѡ всѣх плебанах папѣжских, а найбарзѣй—ѡ вызѹитах або Езитах, то ест зловѣрных, татарским языком мовѧчи, бо слѹшне собѣ имѧ нашли“.

Слова пророка Іезекіиля (гл. 22): „сыне человѣчъ, рцы ему: ты еси земля не одождима въ день ярости, егоже старѣйшины среди его яко львы рыкающе... и жерцы его отвергошася закона моего и оскверниша святая моя“, даютъ поводъ нашему автору разразиться слѣдующею филиппикою противъ католическаго монашества: „Рим и полска, и их бѣскѹпи, и визѹити, и хлебани, и мниши (sic), иже восхищенія, то ест маетности людския хватают и за животовъ ѹ глупых панов, и (ѹ) панѣй, по смерти пановъ, а потом и дѹшу и цноту ей ѹкрадѹть у ней. Бо тые так им мовѧть: так пан бугъ мовит: замужъ, вдова, не иди, маетности нам дай, а сама з нами нецноты плоди. Станетъ за чары их хитрая и превратная, смачная, ѡблудная мова. Прето, каждый вѣрный и вѣрная божаа, стережисѧ их рыжѹ (?), и для бога ѹпоминаемо вас, и напотом стерезѣтесѧ того поганого народѹ: мнихов. плебановъ, а всѣхъ найгорѣй—вызѹитовъ, бо то над всѣх горшие“.

Іезуитовъ авторъ считаетъ не только главными виновниками Брестской уніи, но и московскихъ замѣшательствъ эпохи Смутнаго Времени. Такъ, въ 18-й гл. 2 кн. Паралипо-

менонъ разсказывается, какъ Богъ вызывалъ охотника изъ сонма ангеловъ, чтобы идти и внушить Ахаву не уклоняться отъ гибельной для него битвы съ Іиуемъ, предсказавъ ему побѣду; ни одинъ изъ свѣтлыхъ духовъ не взялся за это дѣло, кромѣ діавола, вошедшаго въ пророковъ израильскихъ и заставившаго ихъ ложно предсказать Ахаву успѣхъ (видѣніе пророка Михея). Нашъ авторъ замѣчаетъ по этому поводу: Михеѧ мовит царꙋ ахавꙋ: я видѣл боıа на престолѣ и закликал на ангелы всѣ, который бы з них хотѣлъ пойти а прелстити ахава царѧ израилева; и не ѡбралсѧ ни един добрый на ѡшуканѧ, едно дух лукавый; и вступил ꙋ чтыриста вызꙋитов, и пророковали емꙋ лжꙋ; так як нынѣшние въ полщи вызуиты королѧ жикгимонта третего; на москву ити казали и взѧти ѡбищали... также и дмитрꙋ ѡбицали, та пак и сами з дмитромъ пропали".

Въ 1-й кн. Царствъ (гл. 15) разсказывается, какъ Самуилъ зарѣзалъ Агага, царя амалекитскаго, говоря: „яже безчадствова жены оружіе твое, тако безчадится въ женахъ мати твоя". Нашъ авторъ дѣлаетъ по этому поводу приписку: „И нынѣ бы годно то ꙋчинити вызꙋитом и владыком ѡтступником, котрые ѡбещадили матер, дщер сиѡнъскую ѡт сынов ея, кнѧжат и панѧт рꙋского народꙋ своим злохитрьством, смертію вѣчною, приведши их до костела западнего римъского".

О Потеѣ и Терлецкомъ авторъ библейскихъ замѣтокъ не упоминаетъ, зато обрушивается въ одномъ мѣстѣ на Аѳанасія Крупецкаго, еп. перемышльскаго (1610—1620), и Аѳанасія Пакосту, еп. холмскаго (1619—1625). Во второй книгѣ Маккавейской (гл. 4) разсказывается, какъ Менелай, братъ Іасона, заплативъ царю 300 талантовъ, получилъ первосвященническое достоинство, „ничто же имѣя достойно священству, душею бо жестокъ мучитель и звѣря лютѣйшій гнѣвъ имѣя". Нашъ авторъ дѣлаетъ по этому поводу пріуроченіе: „Крꙋпецкий то аѳанасий, що на перемыскую епископию наскочил за такими подарками кролеви и инымъ сенатором, кото-

рый за годностю нѣкгды того не годен был, але як той менелай, также и той жестокъ душею, звѣроѡбразен гнѣвом. Также и холмъскій зовѹчийсѧ владыка, пакостникъ людский: по имени его и дѣло его" [1]).

Авторъ убѣждаетъ своихъ православныхъ соотечественниковъ всѣми силами противиться уніи, не прельщаясь соблазномъ и не опасаясь угрозъ. Для этого даютъ ему поводъ, напр., слова пророка Исаіи (гл. 13): „и будутъ оставшіи честнѣйшіи, паче нежели злато пожженное, и человѣкъ честенъ будетъ, паче нежели каменъ, иже отъ сапфира". Авторъ дѣлаетъ приписку: „Тут ѹтѣшайсѧ, брате рѹсине, вѣрный истине, котрый сѧ не дал извести тымъ проклѧтым владыкам ѡтступникам, до вонѣи проклѧтое римское приступившим, але стояти будеш в своем благочестии твердо, хоть и всѧ бы церъков рѹская и иные поколебалисѧ. Не лѧкайсѧ: бѹдеш честнѣйший ѹ бога над дорогое каменѧ, хот то и бѣгати придет пред ними як сернѣ и хоть як ѡвца едина будеш заблѹдѧщая, але вѣры своее не отпадай; тых диких волкъ діаволъ пойисть, а ты збавлен будеши".

Не одни владыки отступники, по мнѣнію автора, ведутъ къ погибели церковь, но и все вообще современное духовенство: православное и католическое, южно-русское и сѣверно-русское, греческое, болгарское и сербское, бѣлое и особенно черное. Авторъ не отрицаетъ церковнослуженія и не осуждаетъ аскетическихъ обѣтовъ монаха; но въ современныхъ ему

[1]) Сравнимъ съ этимъ отзывъ Лаврентія Древинскаго о Пакостѣ: „Кому, свидѣтельствуюся Богомъ живымъ, неизвѣстно, что холмскій владыка есть нѣкій называемый Пакость, виленскаго купца сынъ, который у одного бургомистра виленскаго унесъ сукно, и если бы его не спасъ монашескій клобукъ, давно бы онъ попалъ на висельничій крюкъ". Не лучше отзывы современниковъ и объ Аѳанасіи Крупецкомъ. „Этотъ пропилъ кресты, чаши, евангелія и кадильницы, а ризы, стихари и другую церковную утварь, пожертвованную для богослуженія, подарилъ прелюбодѣйцамъ на кофточки, и много другихъ беззаконій натворивши, къ той же уніи перешелъ". (И Чистовичъ, Очеркъ западно-русской церкви. ч. II. Спб. 1884. Стр. 312, 410).

представителяхъ духовнаго сословія онъ видитъ только однѣ отрицательныя черты: невѣжество, заискиваніе передъ мірянами и потворство ихъ слабостямъ, развратъ и лихоимство. Особенно достается отъ него монахамъ. Въ 1 кн. Царствъ (гл. 2) разсказывается, какъ сыновья первосвященника Илія, Офни и Финеесъ, пользуясь своимъ положеніемъ, насиловали женщинъ, приходившихъ на молитву въ храмъ іерусалимскій, и отбирали себѣ лучшіе куски отъ жертвенныхъ мясъ. Авторъ замѣчаетъ, по этому поводу: „Що бы то и нынѣ ѡт плебанов и ѡт попов женам чꙋжим на сповѣдех, буд се ркомо, не дѣялосѧ, боюсѧ. Походит щось на тое и много того дѣетсѧ; если не тым, то иншим фортелем бѣсъ заходит ꙋ мнишки и в чернцѣ, намовлѧючи тойю горючею (sic) штукою. Бѣсъ знал, як тые чиневали".

По поводу словъ пророка Іереміи: „пророцы пророчествоваша лжу, и священницы плескаша рукама своима, и людіе мои возлюбиша таковая", авторъ замѣчаетъ: „ѡ плебанех, и вызꙋитах, и мнихах. Справедливаго судꙋ рꙋсннѣ сами не хотѧт чинити, анѣ крꙋлеви и паном не кажꙋт. А то рꙋсскые попы и сербъские и грецкие чернцѣ, иж басней толко людей наꙋчили, а правды нѣкгды не ꙋчат божей, едно людских вымысловъ, и тꙋды ж з людми заживают бесед и плесканя, а люде их за то любѧт, же им во всем похлебуют".

Во второй книгѣ Эздры разсказывается (гл. 9), какъ Эздра читалъ народу забытую книгу закона, „превыше бо стояше въ славѣ предъ всѣми". Авторъ дѣлаетъ приписку: „Як треба казнодѣи чили четцу псалмов или парамей, или апостола, или поꙋченіе ѡт евангелия читаючому вышше всѣх на амбонѣ стояти, читаюче; также и жития святых, и наꙋки, и истории ѡ дни яком господьскаго праздника, абы всѣ взирали на него, что слышат ѡт ꙋст его, и внимали пилно, але ѡн читати мает, сам сѧ перъвѣе наꙋчивши добрѣ, абы сам розꙋм знал, абы людем розꙋмне ѡтповидил, *а не як нынѣ попове наше читают, а самѣ не знают, що читают*".

Моисей запретил евреямъ собирать манну въ излишнемъ количествѣ, дѣлая запасъ ея на утро. Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „А то що не довлѣютсѧ трапезою ѡбщею, же в келияхъ собѣ дръжат. Ненасытная их ȣтроба жидовская ѡкаяннаѧ!" „ѡ маннѣ, якая была, так бы мѣло быти, яко и хлѣбъ чернцом, кгды бы не роптали на бога и старшого; бо тые то, ркомо, зъ египту неволѣ грѣха ȣходѧт, на пустыню водимы старшим игȣменом, як моисеем, але нынѣшние не ѡт грѣха ȣтѣкают, анѣ в пȣстыню, але в роскошные монастырѣ, на роскош, на свою волю и на болшіе грѣхи, и мира, повѣдают, ѡтлȣчаютсѧ, а в мирских злостех валѧютсѧ и люд християнскій за поганы мают".

Вѣроятно, въ смыслѣ противоположенія католическому абсолютизму духовенства, авторъ проповѣдуетъ въ одной замѣткѣ полное отдѣленіе церкви отъ государства. „Материялная церковъ ѡт поколенѧ іюды бȣдоватисѧ росказана, а дȣховная, або душевная, люд божий—ѡт поколенѧ левіи; так богъ роздѣлил, абы сѧ един в дрȣгого врѧд не втрȣчал: свѣцкие в дȣховный и дȣховные в свѣцкий, бо то вже згибел, коли един ѡбѣма владнȣти ȣсилȣетсѧ".

Откуда же и какимъ путемъ зараза латинскаго нечестія проникаетъ на Русь? По мнѣнію нашего автора, все зло отъ общенія русскихъ съ поляками, а главное—чрезъ браки русской интелигенціи съ польками. Какъ Іисусъ Навинъ воспрещалъ евреямъ всякое общеніе съ чужими народами (гл. 23), „так бы сѧ было годило рȣси з лѧхами быти, не припущати до себе в приятелство, анѣ в службы собѣ их брати, анѣ дѣвок своих замуж им давати, анѣ теж собѣ в них за жоны брати,—то бы сѣдѣли собѣ в покою въ ѡтчинѣ своей, а нынѣ в них суть, так власне, як тут іисус жидовом мовил". Эздра упрекаетъ іудеевъ за браки съ иноплеменницами (2 Эздры, гл. 9). Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „Мнѣ то годитсѧ речи рȣси: що сѧ поженили з лѧховицами, и за то богъ карает их".

Къ отношеніямъ между русскими и поляками авторъ пріурочиваетъ и слова Эздры, обращенныя къ Азіи и Вавилону (гл. 8): „и украсила еси дщери твоя въ дерзновеніе любодѣянія къ угожденію и славленію въ любовныхъ твоихъ, иже съ тобою похотѣша всегда блудити“. Авторъ пишетъ по этому поводу· „ѡ церкви римской, як пестротами ꙋпестрившесѧ, прелщает сыновъ рꙋских через дѣвиц. Скоро едно бѣдный рꙋсин лѧховицꙋ возмет, то зараз, до Римꙋ ѡт вѣрных ѡтстꙋпивше, праве згинет. Але пак за те богъ гꙋбителницꙋ сынов своих и самих сынов своих погубит, як ѡтступников и ѡтмѣтников его ѡтца, бо до чꙋжоложника и противника божого—папѣжа для жонки приступил“. Какъ израильтяне нѣкогда блудили съ моавитянками (Числъ, гл. 25), такъ „тоже нынѣ чинѧт вторые моавитѧнки сыном рꙋским —лѧховки, и тойже нынѣ гнѣв божий постиг рꙋси за тое, як тогды жидовꙋ, и выдал их тым же ляхом в неволю, що и землю их посѣли и их за неволники мают, же и вѣру их в них кгвалтѧт; и не ꙋмилосердится господь надъ ними, аж хиба также ꙋчинѧт, як тꙋт богъ росказует“.

За отступленіе отъ истины, за сношеніе съ иновѣрцами и вообще за грѣхи караетъ Богъ Южную Русь и Москву. По поводу словъ Эздры (гл. 16): „яко да мнятъ себѣ быти управленъ миръ и тогда возрастутъ злая на земли: мечъ, гладъ и велико стыдѣніе; отъ глада бо мнози, иже обитаютъ на земли, погибнутъ, и мечъ изгубитъ прочихъ, иже останутъ отъ глада“, авторъ замѣчаетъ: „Боюс, милая рꙋси и полско, абы то в тобѣ, мало пождав, не было. Юж начатки суть, конца чекай“.

Слова книги Притчей Соломоновыхъ (гл. 30): „треми трясется земля, четвертаго же не понесетъ: и безумный аще исполнится пищею, и раба аще изженетъ госпожу свою, и мерзка жена аще ключится добру мужу“, даютъ автору поводъ для слѣдующей замѣтки: „Тым москвꙋ четвертым не стерпѣвши богъ згꙋбил; всѣ три были —терпѣвъ богъ, тоее вже четвертое не стерпѣвъ“. По связи съ библейскимъ текстомъ, въ

этомъ четвертомъ злѣ, погубившемъ Москву, надо видѣть какую-то „злую жену“. Не есть ли эта жена Маринка-еретица, безбожница, погубившая „Дмитра“, которому явно симпатизируетъ нашъ авторъ, ляховка, погубившая мужа-москвича такъ же, какъ губятъ другія ляховки „княжатъ и панятъ народу руского?“.

До сихъ поръ приведенныя выдержки не оправдываютъ заглавія нашей статьи. Предъ нами человѣкъ, горячо любящій православную южно-русскую церковь и скорбящій объ ея упадкѣ, искренній патріотъ, сторонникъ старыхъ порядковъ, враждебно относящійся ко всякимъ новшествамъ, потому что они несогласны съ стариною; научно-богословскій багажъ его не особенно великъ, но глубокое религіозное чувство не подлежитъ сомнѣнію. Полемистовъ - ворчуновъ, подобныхъ нашему автору, было не мало въ то время; достаточно указать хотя-бы на Іоанна Вишенскаго. Но сейчасъ мы увидимъ, что религіозныя убѣжденія нашего автора по нѣкоторымъ богословскимъ вопросамъ были далеко не столь невиннаго характера, что и дало намъ поводъ назвать его религіознымъ вольнодумцемъ.

Не одно лишь недовольство нравственными недостатками современнаго ему духовенства и ненависть къ католичеству и уніи заставляли нашего автора громить въ своихъ замѣткахъ „вызуитовъ, монаховъ, поповъ и владныкъ отступниковъ“. Въ сущности, онъ совершенно отрицаетъ церковную іерархію въ православномъ значеніи послѣдней, какъ необходимыхъ посредниковъ въ изліяніи на вѣрующихъ божественной благодати. Его монахи суть только аскеты, его попы и владыки—учители и руководители церковной общины, если достойны того по своимъ знаніямъ и нравственному характеру, но не люди, облеченные особою духовною властью и сообщенными имъ въ таинствѣ священства благодатными дарами. По поводу словъ пророка Іереміи (гл. 23): „сія рцы пророку, что отвѣща тебѣ Господь; аще же речетъ: бремя Гос-

подне, сего ради оставлю васъ и градъ вашъ", авторъ замѣчаетъ: „Если бы бремѧ господне кто, поп или хлебан, зватисѧ мѣлъ, богъ гнѣваетсѧ; а що товарищми и братъию христовою смѣют сѧ звати, не мает сѧ гнѣвати?" Отрицая реальное пришествіе прор. Иліи предъ концомъ міра (Малах., гл. 4), авторъ продолжаетъ: „Бо хто колвен противко наѹки христовой ѹчит иначий или що сѧ называет намѣсником христовым и ѡтпѹщателем грѣховъ, що нѣкому не можно, толко единомѹ христу богу безгрѣшному грѣхи ѡтпѹщати людем, а человѣкѹ грѣшномѹ нѣкгды не дано власти,—лгѹт то всѣ противници христовы,—то то сут. антихристи, хоч и въ римских, хоч и в кгрецких и в рѹских такие сѧ мѣли бы звати ѡтпѹстникове и разрѣшителѣ грѣхов людских, кгды сам сынъ божій рекъ: никтож на земли не имѣет власти ѡтпѹщати грѣхи, токмо един Богъ. А що сынъ божий рекъ: комѹ ѡтпѹстите грѣхи, ѡтпѹстятсѧ, то не едно попом або патриархом, але всѣм христианом. Если ѡтпѹщаете человѣком согрѣшеніа их, и отецъ ваш небесный отпѹстит вамъ согрѣшеніа ваша. И наѹчил всѣх сѣдмьдесѧт крот седмерицею ѡтпѹщати грѣхи; але то антихристи привлащаютъ собѣ, папѣжу и иным грѣхи людем прощати, разрѣшати, и за то грошѣ великие в людей выбирают и села врази божии, а люде ѡт них ѡслепленные за ними... всѣ гинѹт". Принимая во вниманіе общее направленіе мыслей автора, можно понимать въ смыслѣ отрицанія обрядности и внѣшняго богопочтенія и его приписку къ словамъ 1-й гл. прор. Исаіи: „что ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь; полнъ есть всесоженія овня и тука агнча и крове юницъ и козлищъ не хощу". Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „слушне нынѣ то пророкъ до рѹси мовит, которые едно въ томъ надѣю положили: в свѣчках, в проскурах, в кадилѣ, в кутѧх, а всю заповѣдь и волю Божію ѡставили, за то и христос мовит имъ горе, а хто бы ис человѣкъ то мовил, ѹбити готовы, як жиды пророка и христа".

Наконецъ, нашъ авторъ является совершенно откровеннымъ иконоборцемъ. Замѣтки, направленныя противъ иконопочитанія, въ нашей библіи очень многочисленны, и я выбралъ изъ нихъ лишь найболѣе типичныя. Къ 13 гл. кн. Премудрости Соломоновой, заключающей въ себѣ осужденіе идолопоклонства, авторъ дѣлаетъ слѣдующую приписку: „Зри и чти со расужденіем и вонми право и здраво, кои то, і не тѣ ли, ихъже нынѣ христіане на имѧ святых, тако а не инако порѣзавши, помалевавши, хвалѧт и ѡ всѧ та просѧть".

Къ гл. 14 той же книги читаемъ слѣдующую приписку: „ѡ идолех зри, ѡткꙋдꙋ возрастоша малеванные и резанные. Боюс, абы не ѡттолѣ и в нас ѡбразы вросли, то ест святых розных. ѡттолѣ зрозꙋмѣвай пилно, чтꙋчи, росꙋдкꙋ духовнаго ѡт бога просѧчи; много бо нынѣ в рꙋси, що панове или панѣи, буд се з набоженства, церкви на имѧ свое будꙋють и ѡбразы свое малюютъ, буд се яко свѧтого или свѧтици, а потом як сѧ зостарѣетъ, ѡбычаем в людех як святых их почитают и им сѧ як свѧтым кланѧют; а хто бы потом не хотѣл, за еретика до людий ѡтдают, а могут ли — карают".

Слова прор. Исаіи (гл. 2): „и наполнися земля мерзости дѣлъ руку ихъ и поклонишася, яже сотвориша персты ихъ", авторъ относитъ также къ иконопочитанію: „ѡ ѡбразех, що маляръ рꙋками ꙋробивши или рѣзан вырѣзавши сам, а потом перстной работѣ своей кланѧетсѧ".

Ниже, по поводу словъ пророка: „и рукотворенная вся сокрываютъ, внесше въ пещеры и въ рассѣлины каменія и въ вертепы земные отъ лица страха Господня", читаемъ замѣтку: „Пошло щось на москву з ѡбразами их и коваными з сребла и злата свѧтыми их, на которых ꙋповали". Иконопочитаніе, по мнѣнію автора замѣтокъ, одна изъ главныхъ причинъ гнѣва Господня, карающаго страны православнаго Востока.

По поводу изложеннаго въ гл. 26 кн. Левитъ запрещенія евреямъ дѣлать изображенія Божіи рѣзанныя и писанныя, авторъ дѣлаетъ соображеніе: „Тꙋт смотри, народе хрестѧнский, если еси того не ꙋчинил, за що богъ караеть, же вас выдал разным поганом, а твое царство и панство выгꙋбил и вас ѡт всѣх ꙋнизил, а тебе всѣмъ подал; а конечне за вашѣ ѡбразы рѣзаные и малеваные, бо то, видиш, Богъ заказал“.

Иконоборство автора замѣтокъ доходитъ того, что онъ готовъ осуждать даже поклоненіе кресту, особенно ношеніе тѣльныхъ крестовъ. На слова Ев. Луки (гл. 9): „аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой на кійждо день и послѣдуетъ ми“, читаемъ примѣчаніе: „На каждый день кажетъ каждому свой крестъ (имѣти), а не его носити, то ест сам свое терпеніе, то ест ꙋкоризнꙋ, безчестѧ, раны и смерть за имѧ христово и за правдꙋ его, а не деревѧнный або срѣбръный“.

Разъ вступивши на иконоборческую точку зрѣнія, авторъ естественно долженъ былъ отвергнуть также почитаніе мощей свв. угодниковъ Божіихъ и значеніе ихъ молитвеннаго ходатайства за насъ предъ Богомъ. Въ почитаніи святыхъ и ихъ нетлѣнныхъ останковъ нашъ вольнодумецъ видитъ такое же идолопоклонство, какъ и въ иконопочитаніи. „Проклятъ человѣкъ, иж надѣется на человѣка и положитъ плодъ мышцы своея, и отъ Бога отыдетъ сердце его“, говоритъ прор. Іеремія (гл. 17). Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „То на святых мовит, бо то человѣци были, а не бози; проклят надѣющійсѧ на них“ *).

Пожроша богомъ чуждымъ и поклонишася дѣломъ руку своею“, говоритъ тотъ-же пророкъ объ идолопоклонникахъ-евреяхъ (гл. 1). Авторъ замѣчаетъ здѣсь: „Московским святым и руским ѡбразом“.

*) Дописано позднѣйшимъ почеркомъ: „А то на святых лжу написал,— того писмо святое не учит“.

„Гдѣ суть бози твои, яже сотворилъ еси себѣ, да востанутъ и избавятъ тя во время ослабленія твоего“, восклицаетъ далѣе пророкъ. Нашъ авторъ добавляетъ: „То нынѣ мовит богъ москвѣ, кгды их воевал кроль полский. Так бо первѣе и жидовѣ, ѹрѹгаючисѧ богом их, на них же ѹповали, мовил. Тож и греком, и сербом, и всѣм, которые Его, яко творца своего, ѡставивши, на человѣкъ тлѣнных ѹповали и имъ богу належную честь ѡтдавали; тое ж мовил и москвѣ и мовит, ѡтдавши их басурменом и мѣста их гробовъ, тых суетныхъ боговъ“. „И будетъ въ день той, рече Господь, погибнетъ сердце царево и сердца началникомъ и ужаснутся священницы“, пророчествуетъ Іеремія іудеямъ (гл. 4). Авторъ относитъ это пророчество къ народамъ православнаго Востока. „Нынѣ тако ест и достоит тако глаголати ѡ москвѣ и ѡ цари их, и боярох, и попох их; то и ѡ ляхох и рѹси, що страшатсѧ тѹрков и татар; и свѧтые, на которых сподѣваютсѧ и до них волают, абы их спасли, але чемусь не помогают им, выдают их тѹркам и татарам; некчемные бо суть боги и мертвые“.

На слова прор. Исаіи: „нынѣ убо возвѣщу уже вамъ, что сотворю винограду моему: отыму огражденіе его и будетъ на разграбленіе“ (гл. 5), авторъ замѣчаетъ: „ѡтнѧл бог стѣну крѣпости благодати своея ѡт греков и дал их на разграбление Турчину и мѣста их свѧтые, внихже ѹповаша, тако и болгары, и сербы, и рѹс, и нынѣ вже остатнюю рѹсь великую москву еретиком и папѣжником и церквы их и тѣла святых, на котрых ѹповали, ѡставивши бога творца“. „Тепер москвитин служити мусит франтѣшкѹ и яцкѹ, римским божком, як сѧ были наѹчили (служити) московским курилом, сергѣем, пахнутѣм, николѣ можайскому, пѧтницы и иным“ (см. Іерем. гл. 16).

Посредники между богомъ и человѣкомъ, по мнѣнію автора, не нужны христіанину. Богъ устами Эздры упрекалъ іудеевъ за презрѣніе Его милостей и увлеченіе многобожіемъ. Авторъ дѣлаетъ къ этому приписку: „Присмотритесѧ, христіане

милыи, ѡт всѣх племен зобраныи: въ едного бога, во трех vпостасех, во едином сѹществѣ славимого вѣрѹ (имѣти), того единого знати, въ того единого вѣрити, томѹ единомѹ кланѧтисѧ, того едино слѹхати, в того единого всѣх просити, застѹпѹ ѡт всѣх злых находѧщих на них, не потребѹючи жадных посредников, кромѣ единого милого сына его господа нашего іисуса христа. А вы собѣ начинили многих богов, многих спасителей, многих посредников, до котрых идете, котрых волаете, спасениѧ просѧчи, и ихъ малюете, за що богъ борзо гнѣваетсѧ".

Когда евреи, послѣ смерти Іаира, подверглись игу аммонитянъ и филистимлянъ и, наученные несчастіемъ, обратились затѣмъ снова къ забытому Іеговѣ, Богъ грозно укорялъ ихъ за идолопоклонство (Суд. гл., 10). Въ нашей Библіи читаемъ по этому поводу: „Тож и нынѣ мовит богъ до грековъ, до сербовъ, до иных и до рѹси, и до москвы, що на святых як на боговъ чужих ѹповали, а бога правдивого своего спасителѧ ѡставили, бо также их богъ был выбавил с поганства, з многобожіа и до себе, бога единого, был привел; так ѡни ѡтступили ѡт бога едного, в троици славимого, та начинили боговъ разных, до котрых и волают, абы их спасали, а ѡни мертвы и не слухают их и не помогают им, а богъ вже смеется с погибели их". Обычныя въ Ветхомъ Завѣтѣ молитвы къ Богу ради Авраама, Исаака и Іакова авторъ объясняетъ такъ (Исх., гл. 32): „Моисей восцоминает господеви на ѡбѣтницу его авраамѹ, исаакѹ і ияковѹ, а не на молитвы их; не молитсѧ до авраама, исаака, иякова".

Ап. Павелъ говоритъ (Рим., гл. 8): „испытай же сердца вѣсть, что есть мудрованіе духа, яко по бозѣ молится по святыхъ" Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „не святые за нас, але мы и духъ наш за ними". Слова посланія къ Ефесянамъ (гл. 6): „всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ и о мнѣ", объяс-

няются слѣдующимъ образомъ: „ѡ всѣх свѧтых и ѡ собѣ павел молитисѧ кажет, а не к собѣ или ко всѣм свѧтым".

Отрицая возможность и значеніе молитвеннаго ходатайства за насъ предъ Богомъ усопших праведниковъ, авторъ библейскихъ замѣтокъ не могъ допустить и ученія о ихъ посмертномъ блаженствѣ и особенной близости къ Богу. Онъ и пользуется всякимъ текстомъ Св. Писанія, говорящимъ о мздовоздояніи праведникамъ послѣ всеобщаго страшнаго суда Господня, проходя молчаніемъ мѣста, говорящія о частномъ судѣ надъ новопреставившимися, означеніи молитвъ усопшихъ праведниковъ и молитвъ церкви о умершихъ грѣшшникахъ, или прямо объявляя эти мѣста фальсифицированными. Ап. Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: „теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается ми въ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ праведный судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе его". Авторъ объясняетъ это: „ту павел на ден судный заплаты ѡчекиваетъ, а не зараз по смерти, як блюзнѣре блюзнят, же юж свѧты зȣпелне в небѣ суть". У прор. Варуха читаемъ: „Отверзи, Господи, очи свои и виждь, яко не умершіи, иже во адѣ, ихъже взятся духъ ихъ отъ утробъ их, воздадят тебѣ славу". Авторъ замѣчаетъ: „Пророкъ тȣт зражается з доводомъ, що не мертвыи хвалѧт господа". Ниже у того же пророка читается мѣсто: „Господи боже израилевъ, услыши молитву умершихъ Израилевыхъ и сыновъ согрѣшившихъ предъ тобою". Нашъ авторъ объясняетъ это: „Як молѧтсѧ святые, пророкъ молит бога. То живый ѡ ȣмерлих просит, абы их просбы богъ слȣхал, а не ȣмерлые за живых. Смотри выш. гл. в҃. И то за ȣмерлые, за тые, що грѣхȣ помирают, а потомъ покаянием если ѡживают и молѧтсѧ за грѣхи свои, за тыми пророкъ молитсѧ, абы были выслȣханы, а не ѡ тых, що померли, молитсѧ, абы были выслȣханы".

Іуда Маккавей, желая похоронить своихъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ съ Горгіемъ, нашелъ запрятанныя подъ

одеждою ихъ драгоцѣнности, взятыя изъ идольскихъ храмовъ. Тогда поняли, что тѣ именно и пали, по волѣ Божіей, которые осквернили себя лихоимствомъ, непослушаніемъ и употребленіемъ предметовъ, оскверненныхъ идольскимъ культомъ. Рѣшено было послать эти драгоцѣнности въ Іерусалимскій храмъ, съ приложеніемъ двухъ драхмъ серебра „за грѣхи мертвыхъ жертву, предобрѣ и угоднѣ творя, о воскресеніи помышляя. Аще бо падшихъ возстанія не чаетъ, наипаче убо были бы срамоты о мертвыхъ молитися" (2 Маккав., гл. 12). Нашъ авторъ дѣлаетъ по этому поводу замѣчаніе: „То потомъ власная правда тых слов книг махабейских, а то вже придатокъ от когось длѧ пожитковъ своих. Ту явѣ богъ ѡбъявил грѣхи, що чинили, чого богъ заказал ꙋ войскꙋ, абы лꙋпов не было и злодѣйства; то сѧ нашло въ тих людех, за що богъ карал людей, що тогда ѡбачивши, побрали; и если до ерусалима ѿслал тое крадѣжное сребро, нехай попы.... на себе".

Отступаетъ нашъ авторъ отъ православной догматики и въ своихъ мнѣніяхъ о страшномъ судѣ и явленіи антихриста, хотя въ этомъ отношеніи его мнѣнія нельзя считать вполнѣ еретическими, ибо они имѣли много прецедентовъ даже въ ученіи отцовъ и учителей церкви первыхъ вѣковъ. Авторъ отрицаетъ реальное пришествіе прор. Иліи и Эноха предъ кончиною міра и ученіе объ антихристѣ, какъ опредѣленной личности, признавая множественность антихристовъ, т. е. противниковъ Христа, во времени и мѣстѣ; во главѣ ихъ стоитъ папа римскій. Таково въ особенности вышеприведенное частію замѣчаніе его по поводу словъ прор. Малахіи (гл. 4): „и се азъ посылаю Илію Ѳезвитянина прежде пришествія дне господня великаго". Авторъ пишетъ: „Креститель іѡан—іліа, а нѣ як разꙋмѣют нѣкотрые, же иліа прійде пред днем сꙋдным и для того чекают антихриста, що маеть, мовѧть, илію и еноха забити, и тым сѧ ѡшꙋковꙋют, не хотѧт познати, що ест всѣгды, або сут, по богословꙋ іѡанꙋ,

антихристи мнози, бо хто колвек противно наꙋки христовой ꙋчит иначий, или що сѧ называет намѣсником христовым и ѡтпꙋщателем грѣхов... лгꙋт, то всѣ противници христовы; то сут антихристи".

Для окончательной характеристики религіозныхъ возрѣній автора разсматриваемыхъ библейскихъ замѣтокъ, отмѣчу еще его взгляды на церковныя таинства. Замѣтки эти даютъ матеріалъ для сужденія объ отношеніи автора къ тремъ только таинствамъ: крещенію, причащенію и покаянію. Въ вопросѣ о первыхъ двухъ таинствахъ авторъ не отступаетъ отъ ученія православной церкви. „Мертвый волен ѡт грѣха, але тот, котрый ꙋмер крещеніем ѡт грѣха", замѣчаетъ онъ по поводу словъ ап. Павла: „умерый бо оправдися отъ грѣха" (Рим., гл. 6). „Приймающие и пиющие кров христовꙋ ѡправдани и спасени сут, а не пиющие не сут ѡправдани и спасени", читаемъ по поводу словъ того же апостола: „оправданіи бывше ныне кровію его, спасемся имъ отъ гнѣва" (Римл., гл. 5). Но въ ученіи о таинствѣ покаянія, какъ мы уже видѣли раньше, авторъ не признаетъ необходимости отпущенія грѣховъ священникомъ, считая для этого достаточнымъ личное покаяніе предъ богомъ и прощеніе ближнимъ ихъ согрѣшеній противъ насъ. „А никтож на земли не имат власти ѡтпꙋщати грѣхи, токмо един богъ. А що сынъ божий рекъ: комꙋ ѡтпꙋстите грѣхи, ѡтпꙋстятсѧ, то не едно попом, або папѣжом, або патриархом, але всѣм христіаном".

Что же такое, въ концѣ концовъ, представляетъ собой въ религіозномъ отношеніи нашъ анонимный авторъ замѣтокъ къ Острожской библіи? Изъ вышеприведенныхъ выписокъ видно, что хотя онъ считалъ себя православнымъ, но весьма многія особенности его религіозныхъ взглядовъ несомнѣнно протестантскаго происхожденія. Въ ненавести къ католической западной церкви и папству равно сходились и

православные, и протестанты, и считая себя православнымъ, по противоположенію латинству, нашъ авторъ лишь безсознательно и чистосердечно обманывался.

Протестантство, проникши чрезъ Польшу въ Западную Русь, имѣло здѣсь широкій успѣхъ въ интеллигентныхъ слояхъ общества. Даже такіе столпы православія, какъ кн. К. К. Острожскій, колебались въ своихъ религіозныхъ взглядахъ подъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ протестантскихъ ученыхъ. Юноши знатнѣйшихъ русскихъ фамилій получали образованіе въ протестантскихъ академіяхъ Несвижа, Ракова, Люблина, продолжая его нерѣдко и заграницею. Не спасалъ отъ увлеченія протестантствомъ даже священный санъ и монашескій кукуль. Три главныхъ протестантскихъ секты съ различнымъ успѣхомъ боролись за преобладаніе въ Польшѣ и Западной Руси въ XVI и XVII вв.: лютеранство, кальвинизмъ и социніанство. Впрочемъ, успѣхи чистаго лютеранства были сравнительно очень ограничены; нашимъ предкамъ гораздо болѣе по душѣ пришлись двѣ послѣднія секты. Кромѣ того, протестантскія доктрины западно-русскихъ вѣроучителей нерѣдко осложнялись еврейско-талмудическими элементами, отголосками старой ереси жидовствующихъ, поддерживаемой непосредственнымъ знакомствомъ съ евреями и ихъ религіозными книгами. Къ какой же изъ этихъ сектъ можно отнести нашего автора?

Строго говоря—ни къ одной. Отъ кальвинистовъ нашъ авторъ отличается прежде всего своимъ отношеніемъ къ церковнымъ таинствамъ. Для него это не символы только, не благочестовые обряды, но акты, необходимые для спасенія человѣка, по самой своей внѣшней формѣ. Не опрѣсноки нужны для евхаристической жертвы, а именно хлѣбъ квасный. Но вѣдь этого требуетъ только православная догматика; протестантскія же секты приняли преемственно отъ римской церкви опрѣсноки, допуствивъ лишь мірянъ къ чашѣ, и, за исключеніемъ лютеранъ, отрицаютъ пресуществленіе Св. Даровъ, реальное присутствіе Христа in pane, cum pane, sub pane. Самое крещеніе для кальвинистовъ есть лишь

простой обрядъ, символизирующій вступленіе въ христіанскую общину, тогда какъ, по мнѣнію нашего автора, безъ крещенія и причащенія крови Господней, нѣтъ спасенія. Не находимъ въ разсматриваемыхъ замѣткахъ и кальвинскаго ученія о безусловномъ предопредѣленіи. Напротивъ, авторъ усиленно призываетъ къ покаянію цѣлые народы, обѣщая имъ въ этомъ случаѣ спасеніе и угрожая, въ противномъ случаѣ, гибелью. Гдѣ же здѣсь кальвинскій детерминизмъ?

Итакъ, считать нашего автора кальвинистомъ нельзя. Нѣтъ также никакого основанія причислять его и къ социніанамъ. Мы совершенно не находимъ въ его замѣткахъ характерной для русскаго социніансства черты — ученія о необходимости перекрещиванія (понураня); нѣтъ также и ученія объ ипостасномъ единствѣ Божіемъ—главнаго догмата новыхъ аріанъ; напротивъ, вполнѣ категорически утверждается ученіе о троичности лицъ Божества. Не находимъ наконецъ въ разсматриваемой библіи никакихъ замѣтокъ, которыя позволяли бы причислить нашего автора къ еретикамъ жидовствующимъ. Ближе всего онъ, по своимъ взглядамъ, къ лютеранству, но и лютераниномъ его, собственно говоря, называть нельзя. Лютеранская догматика, по существу своему, есть та же католическая догматика, съ раціоналистическимъ отрицаніемъ тѣхъ лишь догматовъ послѣдней, которые тѣсно связаны были съ ненавистной лютеранамъ католическою іерархіею и обрядностью. Поэтому, напр., лютеране (да и другія протестантскія секты) всецѣло усвоили католическое ученіе объ исхожденіи Св. Духа изъ двухъ началъ. Нашъ авторъ, въ этомъ отношеніи, какъ мы уже видѣли, становится рѣшительно на православную точку зрѣнія. А между тѣмъ въ ученіи о почитаніи иконъ, креста Господня, угодниковъ Божіихъ, о загробной жизни онъ идетъ далѣе самаго суроваго кальвиниста. Къ какой же протестантской сектѣ,—повторяю еще разъ свой вопросъ,—надо отнести нашего религіознаго вольнодумца?

Историческое значеніе протестантства заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что оно пробудило религіозную

пытливость, поставило во главу угла принципъ свободнаго изслѣдованія религіозныхъ вопросовъ. Отсюда невѣроятное количество протестантскихъ толковъ, пугавшее самихъ основателей протестантства. Масса, конечно, слѣдовала слѣпо за вѣроучителями, но отдѣльные, выдающіеся умы сплошь и рядомъ были слишкомъ отъ того далеки, чтобы ограничить свою пытливость принципомъ ipse dixit. Протестантизмъ внесъ какъ бы нѣкоторое повѣтріе, которое, даже въ странахъ далекихъ отъ родины Лютера, Цвингли и Кальвина, почти не имѣвшихъ никакихъ сношеній съ Германіею, напр., въ Московской Руси, порождалъ самородныхъ протестантовъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ своего вѣроученія шедшихъ далѣе доктринъ германскаго протестантизма, не разрывая въ то же время по другимъ вопросамъ своей связи съ восточною ортодоксіею или заимствуя черты, чуждыя германскому протестантству, изъ народныхъ суевѣрій и скрытыхъ отголосковъ старыхъ восточныхъ ересей. Таковы было жидовствующіе XIV в., игуменъ Артемій, Ѳеодосій Косой, Матвѣй Башкинъ въ XVI—XVII вв. и многіе другіе. Въ Москвѣ, однако, еретикамъ ходу не было. И правительство и народъ энергично преслѣдовали всякія проявленія религіознаго раціонализма, и кто не отказывался отъ него или не сгнивалъ въ монастырскихъ тюрьмахъ, тѣ бѣжали изъ Москвы за литовскій рубежъ, гдѣ находили не только вѣротерпимость, но даже покровителей и учениковъ.

Быть можетъ, и для рѣшенія вопроса о происхожденіи религіозныхъ убѣжденій нашего автора библейскихъ замѣтокъ не лишнимъ будетъ поставить дополнительный вопросъ объ его національности. Среди разнаго рода замѣтокъ въ нашей библіи обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторая особенная освѣдомленность автора о событіяхъ въ Московской Руси, а также какъ бы особенное любовное къ ней отношеніе, выражающееся въ частыхъ призывахъ ея къ покаянію, въ выра-

женіяхъ: „Милая Москво"! и т. п. Съ нѣкоторыми подобными замѣтками мы уже знакомы: укажу однако еще два примѣра. Въ книгѣ прор. Іереміи, гл. 50: „И будетъ земля халдейская въ разграбленіе, вси губители ея наполнятся, глаголетъ Господь". Приписка: „Ѹповай богу, милая Москво, и зато богъ твой отвратит гнѣв свой ѿт тебе и ѡбратит его на корола полского, и на землю его, и на него, як тогда на вавилон". Но вѣдь эта земля, на которую призываетъ авторъ гнѣвъ Божій изъ-за Москвы, это— Польша и Западная Русь. Въ книгѣ прор. Исаіи, гл. 66: „И пріидутъ и узрять славу мою, и оставлю на нихъ знаменія, и послю отъ нихъ спасаемыхъ въ языки: въ Тарсисъ, и въ Фудъ, и въ Лидъ, *и въ Мосохъ*, и въ Фовель, и въ Еладу". Приписка: Тѹ богъ пророкомъ (мовит), як послати мал апостолов своих въ различныя страны, которых тѹ выличает, межи которыми и москвѹ (библейскій Мосохъ) положил, то ест всю рѹс, до іерусалима их привести а не до рима". Объ особенномъ врядъ ли возможномъ для обыкновеннаго южно-русса того времени знакомствѣ автора съ политическими событіями Московской Руси скажемъ ниже. Теперь же нельзя ли на основаніи вышеуказанныхъ особенностей сдѣлать заключеніе о сѣверно-русскомъ происхожденіи автора нашихъ замѣтокъ въ библіи? Думаю, что нельзя. Выраженія въ родѣ: „милая рѹси", призывъ къ покаянію, съ обнадеживаніемъ, что тогда Богъ дастъ Южной Руси короля лучшаго, чѣмъ Сигизмундъ III, и т. п., встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ обращенія къ „милой Москвѣ". Далѣе, языкъ автора есть чистый западно-русскій письменный языкъ того времени, съ весьма даже замѣтными и нерѣдкими отступленіями въ пользу народнаго малорусскаго говора, но безъ всякаго слѣда велико-руссизмовъ, нерѣдкихъ, напр., у Курбскаго. Наконецъ, почеркъ автора есть характерный южно-русскій почеркъ, опять таки совершенно чуждый особенностей почерковъ сѣверно-русскихъ. Москва для автора страна православная, главнымъ образомъ, такъ же, какъ Греція, Болгарія, Сербія, только географически болѣе близ-

кая и болѣе этнографически родственная, чѣмъ и объясняется его особенный интересъ къ Москвѣ. И если Москва отожествляется, наконецъ, со всею Русью въ библейскомъ Мосохѣ, то это не самостоятельная идея нашего автора, а лишь перефразъ извѣстнаго въ апокрифической письменности нашей толкованія пророчества Исаіи. Тѣмъ не менѣе и подобнымъ объясненіемъ врядъ ли можно вполнѣ удовлетвориться. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать нѣкотораго особеннаго въ нашемъ авторѣ интереса къ Москвѣ и знакомства съ ея жизнью и исторіею, необычныхъ для южно-русса. Самое толкованіе Исаіи на пророчества примѣнительно къ Москвѣ было распространеннымъ въ Сѣверной Руси и отнюдь не пользовалось такою общеизвѣстностью на югѣ. Позволю себѣ поэтому сдѣлать предположеніе: не былъ ли нашъ авторъ ученикомъ какого либо московскаго бѣглеца-еретика, въ родѣ Косого или Башкина? Конечно, это только гипотеза. Но если эта гипотеза можетъ быть признана хотя сколько-нибудь вѣроятною, тогда для насъ былъ бы ясенъ какъ особенный интересъ нашего автора къ Москвѣ и болѣе или менѣе близкое знакомство съ нею, такъ и особенности его религіозныхъ воззрѣній, характерныя именно для московскихъ религіозныхъ вольнодумцевъ. Въ противномъ случаѣ придется считать нашего автора самобытнымъ еретикомъ, незамѣтно для себя самого усвоившимъ нѣкоторыя протестантскія доктрины и своеобразно ихъ развившимъ. Послѣднее предположеніе, однако, едва ли не болѣе трудно допустимо, такъ какъ не находитъ себѣ аналогій.

Нѣкоторыя замѣтки нашего автора имѣютъ, очевидно, прямо автобіографическое значеніе. Такъ, по поводу словъ кн. Премудрости Соломоновой (гл. 2): „пріидите убо и поживемъ въ сущихъ благихъ; ублажимся зданіемъ, яко юность скорѣ“, авторъ замѣчаетъ: „Цнота езѷитская власная, без мала не такая жъ рѹская чернъцовъ, же завше в ненависти в них цобожный, а найбарзѣй тотъ, хто бы их незбожности

и неправдꙋ ѡбличал, так ѡ нем завше радѧт, якъ жидовские архиерее ѡ пророкахъ божиихъ; и ѡ самомъ христѣ богѣ такая была мова. И нынѣ род поповский, плебанский, вызꙋитский и чернечий тож чинит и радит".

Матѳ., гл. 13: „и блазняхуся о немъ",—авторъ замѣчаетъ: „Лꙋкавые дꙋшѣ нечистого сумнѣнѧ и ѡ христѣ блазнѧтсѧ, не толко ѡ добром человѣцѣ; а то все чинѧть чернцѣ, поки видѧт лѣпшого над себе, то причины находѧт и повѣдають: блазнимосѧ, и людей простых и панов на него подводѧт, повѣдаючи на него, бы и найсвѧтѣйшое дѣло дѣял, а ѡни мовѧт: соблазнител. Им безецным и христос соблазном, а не только человѣк добрый".

По поводу словъ Іисуса сына Сирахова (гл. 35): „приводяй жену начинаетъ стяжанія, помощника по себе самомъ, стоитъ покою... идѣже не будетъ жены, воздохнетъ заблуждая", рукою нашего автора замѣчено: „зри, як тѧжко без жены", а ниже другою рукою добавлено: „але без доброй, а лѣпше безъ ней злой, а нѣжли з нею злою".

Изъ этихъ замѣтокъ, я полагаю, можно сдѣлать слѣдующій выводъ: авторъ былъ, вѣроятно, монахомъ, но заразился протестантскими идеями, между прочимъ и идеею о ненужности дѣвства, о дозволенности брачной жизни для всего духовенства; пытаясь пропагандаровать свои религіозныя идеи, которыя онъ считалъ вполнѣ православными, онъ, конечно, встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны собратій-иноковъ, вооружившихъ противъ него, между прочими, и могущественныхъ пановъ-патроновъ монастыря. Меня могутъ упрекнуть за новую гипотезу. Но какъ же быть иначе съ этимъ анонимомъ, писавшимъ свои замѣтки, отнюдь не имѣя въ виду строгихъ историковъ его жизни?

Перейдемъ теперь къ сравнительно малочисленнымъ, но подчасъ довольно любопытнымъ замѣткамъ смѣшаннаго, религіозно-политическаго характера. Таковы, прежде всего,

замѣтки, касающіяся главнаго виновника церковной уніи и гонителя православныхъ, короля Сигизмунда III. Въ первой книгѣ Маккавейской (гл. 6) разсказывается, какъ Антіохъ-Епифанъ, обѣщавъ пощадить Іерусалимъ и его жителей, не сдержалъ потомъ своего слова и повелѣлъ опустошить городъ и его окрестности, когда увидѣлъ лично смутившія его твердыни Сіона. Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „Подобная присѧга кролѧ полского жикгмонта третего рꙋси бѣдной, що присѧгал их вѣрꙋ им вцале заховати и послꙋшенство их патріярхом ѿтдавати, а не папѣжеви; того не сдержал и его сенаторове. Горе им, яко лгаремъ и проклѧтствꙋ своемꙋ подпадаючих!" Не сдержалъ Сигизмундъ и своего слова Шуйскимъ, какъ нѣкогда Трифонъ, полководецъ Антіоха, казнившій сдавшагося ему Іонафана (1 Маккав., гл. 13). „Другий то такий же король полский жикгмонт третий, ꙋзѧвши присѧгою шꙋйских двох: царѧ и брата его, то ест василия и димитрия, тож им ꙋчинил через трꙋтизнꙋ" [1]. Молитва Езекіи царя іудейскаго, при нашествіи Сеннахирима (4 Царст., гл. 19), даетъ автору поводъ обратиться и къ Сигизмунду III съ призывомъ къ покаянію: „И нынѣ того тебѣ треба, королю полский жикгмонте, абысь ты ѿставил многобожіе и папѣзское нечестіе и надѣю на вызꙋиты, также и рꙋс веснꙋл с тобою и так закликали ѿт всего сердца ко единомꙋ богꙋ господꙋ нашемꙋ іисусꙋ христꙋ, хощеши ли, абы тѧ збавил и землю твою ѿт поганых тꙋрков и татар". Впрочемъ, на покаяніе Сигизмунда авторъ надѣется мало и лишь въ преемникѣ его Владиславѣ IV ожидаетъ лучшаго короля, какимъ былъ Езекія послѣ нечестиваго отца своего Ахаза (2 Паралип. гл. 29). „Якъ силен господь по злом цари доброго дати сына тогож ахаза! Заплачем, люде! Дай то, Боже, абы по короли жикгмонтѣ третем дал богъ

[1]) Опять-таки сомнительнымъ представляется для меня, чтобы эта легенда объ отравленіи Шуйскихъ была южно-русскаго происхожденія.

рѹси сына его побожнѣйшого, нѣжли ѡтець его жикгмонтъ. Если сѧ покаешь, милая рѹси, братия моя, и попы и чернцѣ твои (ѡтстанете) ѡт незбожностей ваших, даст ти богъ по желанию твоему избавление; а не покаеш ли сѧ, всѣ згинете и дочасне, и вѣчне". Авторъ желалъ бы даже истребленія всего нечестиваго племени Сигизмунда, какъ погибло племя Ахава, царя Израильскаго (4 Царст., гл. 10). „Дай боже, абы богъ так ѹслышал рѹс, а послал до полщи короля такого, як иуе, боячогосѧ бога, жебы выгладил потомство жикгмонтово все, котрый вѣрѹ кгвалтит; также и вызѹитов, порадников его на тое злое [1]).

О Борисѣ Годуновѣ авторъ сообщаетъ слѣдующую интересную легенду очевидно, ходячую въ то время. Гоѳолія, мать іудейскаго царя Охозіи, по смерти своего сына-царя, истребила все мужеское потомство царскаго дома и захватила въ свои руки власть; спасся только малолѣтній Іоасъ, сынъ Охозіи, скрытый своей теткой Іосавеей (4 Царст., гл. 11). Авторъ замѣчаетъ по этому поводу: „Жена, побивши царское племѧ, царствовала сама. Дрѹгая то борисовая московская, котрая царицѣ ѳеодоровой попсовала потомство *в ней,* а дмитра зарѣзати казала и иных ѡт поколенѧ царъска выгѹбила кнѧжат и панѧт, бо то ѡна, хтивостю царства ѡбѧта бѹдѹчи, чинила, а не борис сам. А дмитр, як иѡаса пѣстоном, скрыт был божиим повелѣнием, а потом кгды сѧ ѹказал и ѡт людей московских прінят, борис ѡт страха нагле здох, а сама борисовая из сыном сѧ ѡтрѹла и так зле згинѹли, а дмитр на царствѣ сѣл, хот не долго еднак: здра-

[1]) И въ этой послѣдней замѣткѣ я склоненъ видѣть иноземное, въ частности московское вліяніе. Для южно-руссовъ, даже бунтовщиковъ противъ Рѣчи Посполитой, каковы были козаки, личность короля польскаго была священна; злыя дѣла его царствованія приписывались не ему, а его „радцамъ и справцамъ". Такихъ чувствъ къ королю польскому не могъ питать москвичъ. Нашъ авторъ въ этомъ отношеніи колеблется, является двойственнымъ, не безъ причины.

жен и забит". Легенда, очевидно, московскаго происхожденія, вытекавшая изъ ненависти народной къ дочери Малюты Скуратова, но перепутанная съ фактической стороны уже не въ Москвѣ. Причиною гибели Лжедимитрія 1, по мнѣнію нашего автора, было корыстолюбіе ляховъ-измѣнниковъ и, въ частности, короля Сигизмунда. Авторъ сравниваетъ Лжедимитрія съ Езекіею, царемъ іудейскимъ, имѣвшимъ неосторожность показать послу Меродахъ-Баладана, царя вавилонскаго, свою сокровищницу, чтó и вызвало нашествіе вавилонянъ на Іудею. „Тое ꙋчинил дмитръ царь московский, кгды сѣлъ на царствѣ; поднессѧ в пыхꙋ и показал послꙋ королевскомꙋ всѣ скарбы царства московскаго, котрые потом лѧхи всѣ побрали до полщи, а самъ за пыхꙋ зле згинул".

Въ заключеніе отмѣтимъ, въ видѣ курьеза, двѣ интересныя приписки автора: а) относительно табакокуренія и б) космологической системы Коперника. Первая замѣтка вызвана законоположеніемъ Моисея о жертвахъ (Левит., гл. 1). Авторъ пишетъ по этому поводу: „Що богъ терпѣл народꙋ грꙋбомꙋ жидовъскомꙋ, ѡтводѧчи их ѡт ѡбычаевъ поганских египетских: якие ѡ҆поны коштовные и гафтованѧ херꙋвимом! А первѣе сам заказал, абы собѣ подобіе жадного не чинили. Еще ж дивнѣйшая: казал палити лой, кишки баранѣи и быдлѧчие и иные, а сам якобы над тым сидѣлъ смродом и якобы запах тот барзо любил, а потом того казал и кадила кꙋрити; не толко лоевъ або тых смродовъ. Коли бы жида або кого с таких, що любѧт люлки кꙋрити, над такими кꙋрами посадил, ѡбачил бы, если бы вытрвал; а богъ, мовит, любит смродовъ их слꙋхати!".

Поводомъ для замѣтки о системѣ Коперника служатъ слова Эздры (3 Эздр., гл. 16): „запре море посредѣ водъ и повѣси землю на водахъ словесемъ своимъ простре небо

яко катору, на водахъ основа его". Авторъ пишетъ: „Тут ѡбличаетсѧ проклѧтая блѧднѧ папѣжская и их лживых философовъ, що блѧдут, иж землѧ посредѣ неба, а небо як яйцо ѡколо земли, а землѧ як жолток в яйци, и кажꙋт або просто людем лгꙋть, якобы люде под нами, подъ землею мѣли быти. Тут же чти, що ездра мовит: землю на водах повѣсил, а небо, як склепѣнѧ над нею ѡт краю до краю простре".

Я далеко не исчерпалъ ни количественно, ни качественно всего богатства приписокъ на поляхъ разсматриваемой библіи. Моею цѣлью было изложить идеи одного изъ владѣльцевъ книги, наиболѣе интересныя, съ моей точки зрѣнія; Поэтому изъ массы однородныхъ приписокъ я выбиралъ одну—двѣ наиболѣе типичныхъ по данному вопросу, опуская прочія. Я не коснулся вовсе приписокъ другихъ позднѣйшихъ владѣльцевъ книги; осталась совершенно незатронутою діалектологія записокъ, несомнѣнно крайне интересная. Наша библія могла бы дать еще не мало матеріала для интереснаго изслѣдованія. Особенную цѣнность придаетъ разсматриваемому памятнику его происхожденіе. Это случайныя замѣтки для памяти, авторы которыхъ не имѣли въ виду, что записки ихъ попадутъ въ чьи-либо иныя руки, а потому не старались ни о выправкѣ языка и стиля, ни о маскированіи своихъ идей, столь обычныхъ и непріятныхъ для историка чертахъ, характеризующихъ заказные мемуары и предназначенныя для публики сочиненія. Разнообразіе и, если можно такъ выразиться, разношерстность идей перваго анонимнаго владѣльца нашей книги служитъ прекрасною иллюстраціею того умственнаго браженія и неустойчивости, непослѣдовательности взглядовъ, которою характеризуются переходныя культурныя эпохи вообще, и какою для нашей родины были XVI и первая половина XVII вѣка.

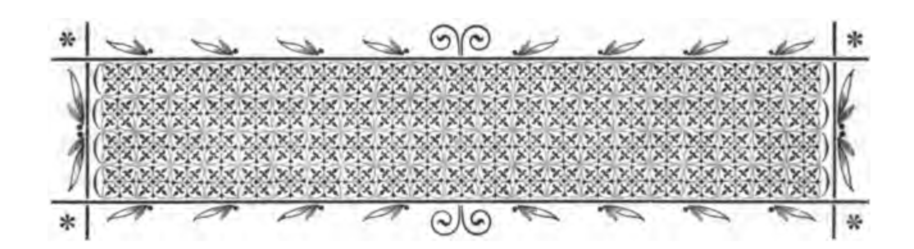
Въ заключеніе—нѣсколько словъ о внѣшнихъ особенностяхъ разбираемыхъ приписокъ. Во многихъ мѣстахъ, отъ

затасканности бумаги по краямъ, чернила совершенно выцвѣли и даже стерлись, почему замѣтки эти сдѣлались неудобочитаемыми. Кромѣ того, замѣтки эти дѣлались или на непереплетенномъ экземплярѣ, или книга въ позднѣйшее время переплетена была второй разъ (настоящій переплетъ деревянный, обтянутый грубою кожею, безъ всякихъ тисненій), при чемъ обрѣзаны края листовъ и концы строчекъ во многихъ мѣстахъ. Въ большинствѣ замѣтокъ, не лестныхъ для папы, слово „папѣжъ" кѣмъ-то въ позднѣйшее время выскоблено, хотя не особенно тщательно и дальше ревность этого непрошеннаго цензора, къ счастью, не пошла; въ одномъ только мѣстѣ, у гл. 2-й кн. прор. Осіи, бывшая здѣсь замѣтка совершенно вырѣзана.

Ор. Фотинскій.

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.



„Епистолія о недѣлѣ“ по Филиппопольскому и Бѣлградскому спискамъ.

Нѣсколько времени тому назадъ я познакомился съ статьей г. Вилинскаго: „Болгарскіе тексты „Епистоліи о Недѣлѣ“ [1]). Это обстоятельство послужило поводомъ для пересмотра записанныхъ мною еще въ 1898—99 годахъ во время заграничной командировки двухъ текстовъ „Епистоліи“ сербско-болгарскаго правописанія. Въ свое время я сличилъ записанные мною тексты съ текстами, изданными Пыпинымъ и Тихонравовымъ. Оказалось, что они рѣзко отличались отъ этихъ послѣднихъ. Сличивъ же ихъ въ настоящее время съ текстомъ, изданнымъ г. Вилинскимъ, равно какъ съ текстами, напечатанными въ „Каликахъ“ Безсонова [2]) и въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Романова [3]), я убѣдился, что и по отношенію къ перечисленнымъ текстамъ они занимаютъ обособленное мѣсто, представляютъ особую версію „Епистоліи“. Въ то же время я обратилъ вниманіе на большую близость ихъ къ изданному Васильевымъ подъ *а* тексту греческой „Епистоліи“.

[1]) Помѣщ. въ „Лѣтописяхъ истор.-фил. Общ. при Импер. Новор. Унив.“, X, Одесса 1902.

[2]) Вып. 6.

[3]) Вып. 5.

Полагая, что знакомство съ этими списками „Епистоліи“ будетъ не безынтересно для спеціалистовъ, я рѣшаюсь издать ихъ, предпославъ изданію нѣсколько замѣчаній о языкѣ списковъ и объ ихъ отношеніи къ греческимъ, по изданію Васильева, и къ доселѣ извѣстнымъ славянскимъ спискамъ „Епистоліи“.

Филиппопольскій списокъ находится въ одномъ Сборникѣ Филиппопольской Городской Библіотеки. Описаніе этого Сборника представлено мною въ статьѣ: „Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ Филиппопольской Городской Библіотеки“ [1]). Бѣлградскій списокъ входитъ въ составъ Сборника № 483 (562)—XVIII вѣка—Бѣлградской Народной Библіотеки [2]).

Прежде всего нѣсколько замѣчаній о языкѣ нашихъ списковъ.

Языкъ обоихъ списковъ въ своей основѣ сербскій, причемъ языкъ Филиппопольскаго списка отличается большей близостью къ живой народной рѣчи. Но нѣкоторыя особенности языка, повидимому, свидѣтельствуютъ въ пользу предположенія, что авторами нашихъ списковъ были болгаре.

Къ болгаризмамъ въ Филиппопольскомъ спискѣ я причисляю слѣдующія выраженія, указывающія на утрату авторомъ списка чутья къ различенію падежныхъ окончаній: ѡбесивше на свети катапизм*а*; ѡбрещеши часн*ою* епистолию мою; паке не слꙋшаите свет*о* (впрочемъ это, можетъ быть описка) еванђельꙗ мога глаголꙋщега; неꙋтолꙋ ꙗрость своꙗ; имаю.... ѡпашь конска; быть можетъ, къ болгаризмамъ слѣдуетъ отнесть и ѿ рꙋку мо*е* вм. моею, если это не описка; несомнѣннымъ болгаризмомъ считаю выпущеніе *в* между гласными въ словѣ „кумое“, равно какъ употребленіе въ одномъ случаѣ члена: велиеть.

---

[1]) См. Извѣстія Отд. Рус. яз. и Слов. И. А. Н. 1903 кн. 3.

[2]) Описаніе „Сборника“ см. въ книгѣ Стояновича: „Каталогъ Народне Библіотеке у Београду IV. Рукописи и старе штампане књиге. У Београду 1903, стр. 343—344; „Епистолія“ занимаетъ лл. 38 об.—л. 51 об.

Изъ другихъ особенностей языка обращаетъ вниманіе частое употребленіе *имамь* съ неопр. наклоненіемъ спрягаемаго глагола для выраженія будущаго времени, и архаистическая форма 3-го лица двойств. числа на *те* въ фразѣ: небо и земла мимоидете.

Менѣе характерными представляются болгаризмы Бѣлградскаго списка. Кажется, болгаризмами слѣдуетъ назвать употребленіе въ двухъ случаяхъ *и* вмѣсто безударнаго *е*: ипистолію, не говорит*и* (пов. наклоненіе); быть можетъ, къ болгаризмамъ нужно причислить написанія--вьсь, вьмь, вьша, на ряду съ правильными; ѿгнь, дьжⷣа, ѡще (два раза); формы отъ глагола хотѣти съ *щ*, на ряду съ формами съ ѣ, напр.: щб хощеть чинити, хбщоу соудити, и пꙋстити хоѣю, погꙋбити ѣоу и т. д. Можетъ быть, представляютъ болгаризмы написаніе ѕвери съ ѕ и единичный случай употребленія для выраженія будущаго времени формы *же* съ неопр. глагола: че́да *же* ва́ша ꙑсти травꙋ, если это не описка. Есть одинъ примѣръ, указывающій, повидимому, на то, что нашъ списокъ, конечно, не непосредственно восходитъ къ списку среднеболгарскаго правописанія—это: заради свете нⷣлю—*ю*, очевидно, подставлено переписчикомъ сербомъ вмѣстo ѫ.

Наши тексты восходятъ къ различнымъ спискамъ одной и той же редакціи. Они не отличаются исправностью: нерѣдко текстъ такъ искаженъ, что нельзя добраться до смысла, въ особенности это относится къ Филиппопольскому списку, который, къ тому же, безъ конца; въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ списокъ дополняетъ или разъясняетъ другой; иногда разъясненія приходится искать въ греческихъ спискахъ.

Укажу теперь болѣе важныя отличія нашихъ списковъ отъ греческаго *α*. Я, разумѣется, не буду останавливаться на многочисленныхъ отличіяхъ стилистическаго характера. Вполнѣ понятно, что нечего искать въ этомъ отношеніи полнаго соотвѣтствія между нашими списками, принадлежащими позднѣйшему времени, и греческимъ, который также предполагаетъ рядъ предшествующихъ списковъ. „Еписто-

лія“ пользовалась популярностью въ народѣ, передавалась, вѣроятно, не только письменнымъ, но и устнымъ путемъ, весьма возможно, что нерѣдко записывалась по памяти: все это должно было вліять разрушительнымъ образомъ на первоначальный строй этого произведенія.

Рядъ отличій отъ списка *α* нашихъ представляется уже въ ихъ началѣ. Въ нашихъ спискахъ (какъ и въ другихъ славянскихъ спискахъ) „Епистолія“ заключена въ камнѣ. Въ спискѣ же *α* говорится только о ниспаденіи „Епистоліи“. Въ этомъ случаѣ находимъ соотвѣтствіе въ спискѣ *β*, въ которомъ тоже говорится о камнѣ, заключавшемъ въ себѣ „Епистолію“, но, по сравненію и съ этимъ спискомъ, наши даютъ лишнія подробности о камнѣ. Весьма естественно, что въ спискѣ *α* ничего не говорится о затрудненіяхъ, какія представились при попыткахъ открыть камень; и голосъ, исшедшій извнутри камня и воскликнувшій: „велій еси, Господи...“ пріуроченъ къ первому призыву архіепископа—епископа—патріарха Іоанна Бѣлгр. списка, епископа—патріарха Новака—Филиппопольскаго и патріарха Іоанникія списка *β*. По нашимъ спискамъ за епископомъ (ниже онъ именуется патріархомъ) собрался въ церковь весь народъ; по современному греческому списку патріархъ Іоанникій созываетъ всѣхъ архіереевъ, іереевъ и всѣхъ христіанъ; по списку *α* архіепископъ созываетъ священниковъ и монаховъ; по списку *β*—созываются архіереи и іереи. Расходится Филиппопольскій списокъ (въ Бѣлградскомъ здѣсь пропускъ) со спискомъ *α* въ наименованіи наказанія, которое уже было послано Богомъ на людей, и далѣе:

Сп. *α*: οὐδὲ ἔτι λοιπὸν πᾶν. ὁ μεϑ' ὑμῶν ἀπέστειλα χάλαζαν καὶ ἀκρίδαν διὰ τὴν ἁγίαν μου κυριακὴν καὶ οὕτως ἐμετανοήσατε τάχα καὶ ἐφοβήϑητε καὶ μετ' ὀλίγας ἡμέρας πάλιν εἰς τοχεῖρον μετέβητε [1]).

Фил.: напꙋстихь на ви ̃г гладе зле и паки не вероваcте, ни азь не ꙋтолꙋ ѩрость своѩ ѿ вась напꙋстити на ви гладне прꙋге .ради ст҃е неделе и ст҃е петке.

[1]) Васильевъ Anecdota, 23—24.

Замѣчу кстати, что, тогда какъ въ греческихъ спискахъ „Епистоліи“ говорится о празднованіи только недѣли, въ нашихъ спискахъ, подобно другимъ славянскимъ, на ряду съ недѣлей вездѣ упоминается и пятокъ (въ русскихъ спискахъ мы находимъ еще и среду).

Къ воскресному дню въ нашихъ спискахъ пріурочиваются слѣдующія событія библейской исторіи: созданіе Адама, явленіе Бога къ Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ (только въ Филиппопольскомъ сп.), крещеніе Господне и второе пришествіе. Въ спискѣ *α* находимъ еще явленіе Бога Моисею въ купинѣ и Благовѣщеніе. Замѣчательно, что въ спискѣ *α* всѣ эти событія не слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ—очевидно, здѣсь отступленіе отъ первоначальнаго изложенія „Епистоліи“. Едва ли не позднѣйшаго происхожденія также распространенія списка *α* о созданіи Адама.

Особенностью Филиппопольскаго списка является олицетвореніе недѣли: Господь будетъ судить живыхъ и мертвыхъ со святой Недѣлей.

θηρία ἰοβόλα списка *α* соотвѣтствуетъ звиерь лꙋта Фил. сп., зміе двоегла́ве вь веле море Бѣлгр. Вмѣсто *τὰς σάρκας ὑμῶν* находимъ: предь ѡчима вашіеми, въ обоихъ спискахъ. Въ спискѣ *α* не находимъ клятвы Бога: тако ми престола и т. д., но только: οὐ πέμψω ἄλλην ἐπιστολὴν ἐπὶ τὴν γῆν (стр. 25). Вмѣсто *λίθους πυρίνους καὶ ὕδωρ καχλάζοντα* (ib.) находимъ въ Фил. сп.: камень и даждь и ѡгань и водꙋ врꙋщꙋ; въ Бѣлгр. только: во́доу вроуѣю како ѿгѣ́нь. Вѣроятно, позднѣйшая вставка слова Бѣлгр. сп.: ѿ то́гаи ни е̑динъ ва̑ оу̑бежати не може, соотвѣтствія которымъ нѣтъ ни въ Филип. сп., ни въ сп. *α*. Въ Филип. сп., далѣе, даются указанія мѣсяцевъ и чиселъ, въ которые ожидаютъ людей различныя бѣдствія, если они не покаются. Этого нѣтъ ни въ Бѣлгр. сп., ни въ сп. *α*, но указанія мѣсяцевъ и чиселъ, хотя и не соотвѣтствующія указаніямъ Фил. сп., находимъ въ спискѣ *β* и въ современномъ греческомъ текстѣ „Епистоліи“. Въ греческихъ спискахъ не упоминаются въ числѣ ожидающихъ людей наказаній—огонь, градъ и мятежъ Фил. списка. *θηρία ἰοβόλα*

ἔχοντα ἀντὶ πτερὰ τρίχας γυναικῶν (25) сп. *α* въ Фил. сп. соотвѣтствуетъ: птице ѡбиюде имаю г҃ главе лавове ѡпашь конска [1]); въ Бѣлгр.: зверь двоеглáвоу и҆ крилатоу́ змію [2]). Затѣмъ въ Бѣлг. сп. въ соотвѣтствіи со сп. β находимъ: превратити ђю слн҃це вь т҃моу да се сами међю собомь исколете—ἀλλὰ ἀποστρέφει (sic) ἔχω τὸ φῶς τοῦ ἡλίου εἰς σκότος καὶ τὴν σελήνην εἰς αἷμα ἵνα κατασφάξετε ἀλλήλους (30). Въ спискѣ *α* здѣсь, очевидно, пропускъ, на что ясный намекъ имѣется въ слѣдующей фразѣ: καὶ καταφάγωσιν τὰς σάρκας ὑμῶν καί ἐν τῷ σκότει ἀλλήλους φάγετε (25).

Нѣтъ, конечно, точнаго соотвѣтствія между нашими списками и сп. *α* въ укоризнахъ людямъ: немилостиви, крстопопирателници etc. (Фил. сп.); брáтьненавистници́ etc. (Бѣлгр.)—κακοῦργοι καί ἀνελεήμονες etc. (сп. *α*). Фил. сп. стоитъ ближе Бѣлгр. къ сп. *α* въ фразѣ: аще не ѡречете ѡ ꙋченіа диіаволскога—ἀρνήσασθε τὴν διδασκαλίαν τοῦ διαβόλου— въ Бѣлгр.: а҆ко се не ѡречете зла. Но, въ то время, какъ въ Фил. сп. мы находимъ соотвѣтствія словамъ сп. *α*: ἀνάθεμα ἔστω ὑμῖν καὶ φάγετε τὰ ἄχυρα, ὥσπερ κτήνη (25), въ Бѣлгр. соотвѣтствіе, хотя и не полное, есть: че́да же вáша і҆асти

---

[1]) Ср. въ совр. греч сп. „Епистоліи“: θηρία πτερωτὰ καὶ ἀνήμερα (Васильевъ, XVIII)

[2]) Въ изданномъ г. Вилинскимъ спискѣ „Епистоліи“ находимъ ѕвѣрїе лю́ти двóеглáви и҆мꙋщеи крила о҆рлóви и҆ ѡпашки конска (стр. 117—118); въ Тихонрав. сп.: птица ѿ бо'амь и҆моуща главы лбови, а крила ѡрла и҆ к пери'а мѣсто власы женьскїа велики и҆ во ѡпашн мѣсто ѡпашн коньскиа (II, 317); въ Безс. № 566: звѣри поядающія и змѣи крылатые и двоеглавые; нѣсколько ниже дублетъ наказанія: звѣри двоеглавые, а глави у нихъ львовыя, крыла орловы, власа (въ текстѣ описка—глаза) женскіе—см. „Калики“ вып. 6, стр. 81; то же въ № 567: въ одномъ лат. текстѣ „Епистоліи“ находимъ: mittam vobis bestias habentes capita leonum, capillos mulierum, caudas camelorum—Веселовскій „Опыты по ист. разв. хрис. лег.“ Ж. М. Н. П. 1876, мартъ, 77; въ друг. спискѣ: bestias cum duobus capitibus. ib. 91.

травꙋ како скóть; затѣмъ въ Бѣлгр. слѣдуетъ клятва Бога, соотвѣтствія которой нѣтъ ни въ Фил. сп., ни въ сп. *α*.

Наименѣе соотвѣтствій списку *α* мы находимъ въ рядѣ угрозъ, начинающихся восклицаніемъ: о горе! Это и понятно. Эта часть „Епистоліи" наиболѣе представлялась удобной для различнаго рода вставокъ, измѣненій. Въ этой части наиболѣе отразились черты нравовъ современнаго автору, переводчикамъ или переписчикамъ общества. Здѣсь представлялся широкій просторъ для обличенія злободневныхъ общественныхъ недостатковъ и пороковъ, примѣненія угрозъ „Епистоліи" къ неурядицамъ современной имъ общественной и частной жизни. Степень отраженія чертъ нравовъ общества, конечно, находилась въ тѣсной зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ автора, писцовъ, переводчиковъ. Въ нашихъ спискахъ, въ особенности въ Филиппопольскомъ, эти черты отразились значительно слабѣе, чѣмъ въ спискахъ, обслѣдованныхъ и изданныхъ г. Вилинскимъ.

Обращаюсь къ сопоставленію угрозъ нашихъ списковъ съ угрозами греческихъ *α* и *β*.

Начну съ Бѣлградскаго списка

1-ая угроза—ѡ҇ горе тóмꙋ чл҃кꙋ кои҇ не вероуѥ сію кни́гоу,—собственно говоря, соотвѣтствуетъ въ сп. *α* анаѳематствованію лица, которое будетъ говорить, что „Епистолія" не написана Господомъ (см. стр. 25—26); впрочемъ нѣкоторое соотвѣтствіе находимъ во второй угрозѣ сп. *α*: οὐαὶ τὴν πόλιν ἐκείνην τὴν μὴ δεξαμένην ταύτην τὴν ἐπιστολήν μου (20). Соотвѣтствія 2-ой и 3-ьей угрозамъ нѣтъ въ сп. *α*; для 3-ьей угрозы есть соотвѣтствіе въ сп. *β*: οὐαὶ τὸν καταλαλοῦντα τὸν πλησίον αὐτοῦ (31)—ѡ҇ гóре тóмоуи҇ кои҇ ненавиди и҇скрьпѥга своего; 4-ая угроза соотвѣтствуетъ второму члену 3-ьей сп. *α*; 5)—5-й же сп. *α*, но представляетъ значительныя отличія:

Сп. *α*: οὐαὶ τοὺς ἱερεῖς τοὺς καταφρονοῦντας τὴν ἁγίαν μου ἐκκλησίαν καὶ μὴ διδάσκοντας τὸν λαόν μου. ἔξω μὲν φαίνονται ὡραῖοι, ἔσωθεν γέμουν πάσης ἀκαθαρσίας (26)

Бѣл.: ѡ҇ горе і҇щенникѡ҇ творе́ще пра́вѡ́ пре҇ чл҇ци а҇ та҇ емь творѣще безаконіе (л. 47 об,)

6-ая угроза находитъ соответствіе отчасти въ 4-ой, отчасти въ 7-ой сп. α; 7) ѡ҃ горѣ тбмоуи ткѡ прѣѡ҃раво меѣю—соотвѣтствуетъ въ сп. β: οὐαὶ τὸν παραζυγιάζοντα (31); 8-ой угрозѣ также нѣтъ соотвѣтствія въ греческихъ спискахъ; 9-ая соотвѣтствуетъ отчасти 8-ой сп. α; 10-ая—отчасти 8-ой сп. α; 11-ой и 12-ой нѣтъ соотвѣтствій. Наоборотъ, угрозъ 1, 6, 7, (отчасти), 8, 9 и 10-ой сп. α мы не находимъ въ Бѣлг. сп.

Нѣтъ полнаго соотвѣтствія и между послѣдующими фразами списка α и Бѣлградскаго.

Сп. α: ἀκούουσιν δὲ τὸ σήμανδρος (σήμαντρον), ἀλλ' οὐ σχολάζουσιν ἀπὸ πᾶσαν δουλείαν καὶ (οὐκ) εἰσέρχονται εἰς τὴν ἐκκλησίαν (26)

Бѣл.: кад чоу́еш чьстно клепало ӑще можє́ши брь́же при́ди вь цр҃ковь божію (л. 48—48 об.).

Затѣмъ въ спискѣ α слѣдуетъ проклятіе тому, кто не перепишетъ этой „Епистоліи", и обѣщаніе прощенія грѣховъ тѣмъ, кто ее перепишетъ, благословеніе дому, въ которомъ ее будутъ держать, странѣ, народу которой будутъ ее читать. Ничего этого нѣтъ въ Бѣлг. спискѣ.

11-ой угрозѣ сп. α соотвѣтствуетъ проклятіе въ Бѣлгр. сп. Нужно замѣтить, что славянскій текстъ въ этомъ мѣстѣ исправнѣе греческаго. 13-ой угрозѣ Бѣлгр. сп.: ѡ҃ гбре томꙋ ткб се глоуми ст҃бмь цр҃ќвомь и҃ частнемь постомь—соотвѣтствуетъ слѣдующая угроза сп. β: οὐαὶ τὸν ὑβρίζοντα τὴν ἐκκλησίαν τοῦ θεοῦ. 14-ая угроза только въ самыхъ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ 13-ой угрозѣ сп. α; вмѣсто литургіи сп. α говорится о утренѣ; въ греческомъ текстѣ вообще больше подробностей. Соотвѣтствія 14-ой угрозѣ сп. α нѣтъ. 15-ая угроза сп. α въ обоихъ нашихъ спискахъ разложилась на двѣ угрозы, причемъ 2-ая половина угрозы сп. α является нѣсколько видоизмѣненной въ Бѣлг. сп.:

Сп. α: Ὁμοίως καὶ τοὺς γονεῖς οἱ καὶ παραμοιράζοντες τὰ ἑαυτῶν τέκνα, τῷ αἰωνίῳ πυρὶ ἔσονται κληρονόμοι (27).

Бѣл.: ѡ҃ гбре родителемь коуноу́ѣе чеда своѧ како ихь ѡ҃гнь вечніи не ижє́же (л. 49).

Филипп. сп. въ данномъ мѣстѣ искаженъ, но даетъ намекъ на смыслъ, подобный греческому списку: ѡ горе родителемь ренегаеть (sic! можетъ быть, пренебрегаеть?) чеда своꙗ иманꙗ ради, ꙗко ѡгань вечни ѡжигаеть.

Въ дальнѣйшемъ изложеніе сп. α и Бѣлг. сп. сходно въ общихъ чертахъ, но въ Бѣлгр. сп. изложеніе значительно сокращено, а въ греческомъ находимъ повторенія. Сверхъ того, нужно замѣтить, что текстъ Бѣлгр. списка въ данномъ мѣстѣ довольно таки искаженъ.

Изъ заключительныхъ трехъ угрозъ Бѣлгр. сп. находятъ соотвѣтствіе въ сп. α 2-ая и 3-ья. Первая же: ѿ горе тόмꙋ чл҃кꙋ (кои) оузима камáтꙋ—находитъ соотвѣтствіе въ спискѣ, изданномъ г. Вилинскимъ: ѻ горе каматникомь, ꙗ́ко без чи́сла мꙋ́чéнь бꙋ́деть (стр. 121).

Заканчивается „Епистолія“ по Бѣлгр. сп. анаѳематствованіемъ лицъ, не вѣрующихъ въ истинность ея и скрывающихъ ее, и благословеніемъ тѣхъ, которые постоянно ее читаютъ. Между тѣмъ, въ спискѣ α кромѣ угрозъ не вѣрующимъ въ истинность „Епистоліи“ находимъ еще разсказъ о приключившемся во время чтенія архіепископомъ народу „Епистоліи“ событіи—голосѣ съ неба, увѣщеваніи вѣрить „Епистоліи“ и читать ее по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ и пр.

Обращаюсь къ Филиппопольскому списку.

1-ая угроза не имѣетъ соотвѣтствія ни въ Бѣлгр. сп., ни въ греческихъ; 2-ая=3-ьей Бѣлгр. сп.; 3-ья=4-ой Бѣлгр. сп.; 4-ая=5-ой Бѣлгр. сп.; 5-ая=6-ой Бѣлгр. сп.—текстъ искаженъ, но, очевидно, въ своемъ первоначальномъ видѣ ближе подходилъ къ соотвѣтственному мѣсту сп. α, чѣмъ текстъ Бѣлгр. сп.

Сп. α: οὐαὶ τὰς μοναχὰς τὰς κατταλαλήτριας ἐν αἷς τὰ νήπια πνίγουσι καὶ πόρνας καὶ μοιχαλίδας (26).	Фил.: ѡ горе црнорисцемь васакиемь, еже твореще блꙋдь, ꙗко ꙋдавлающимь ва чреве ѡтроче.

6-ая угроза=8-ой Б.; 7-ая=7-ой Б.; 9-ая=10 ой Б.; 9-ой угрозѣ нѣтъ соотвѣтствія ни въ Бѣл. сп., ни въ спискѣ α, но подобную угрозу находимъ въ сп. β: ѡ горе лажꙋщиемь—οὐαὶ τοὺς λα-

λοῦντας τὸ ψεῦδος. 10-ая угроза только отчасти находитъ соотвѣтствіе въ 11-ой Б. и, повидимому, имѣетъ отношеніе ко 2-ой сп. *α*: οὐαὶ τοὺς ἐξαγοράζοντας τὰ δαιμόνια—ѡ горе творещиемь бесовска и сѡдомска. 11-ая угроза не находитъ себѣ подобной ни въ Б. сп., ни въ греческихъ. 12-ая угроза: ѡ горе не верѹющиемь ѡца и сина и светога дѹха... находитъ полное соотвѣтствіе въ сп. *α*: οὐαὶ τοὺς μὴ πιστεύοντας.... (11-ая угроза), но изъ заключительныхъ словъ угрозы греческаго текста: καὶ τὴν ἁγιάν κυριακὴν—въ нашемъ спискѣ, повидимому, развилась особая угроза: ѡ горе непочитающиемь ст҃ѹ неделѹ и светѹ петкѹ.

Затѣмъ, какъ и въ Бѣлгр. сп., слѣдуетъ наставленіе о хожденіи въ церковь, отличающееся отъ соотвѣтственнаго мѣста въ греческомъ текстѣ. Но далѣе въ сходныхъ съ текстомъ сп. *α* чертахъ возглашается проклятіе не вѣрящимъ „Епистоліи“ и благословеніе тѣмъ, которые будутъ ее распространять. Къ сожалѣнію, текстъ Фил. сп. въ этомъ мѣстѣ порядкомъ искаженъ. 13-ая угроза соотвѣтствуетъ извѣстному уже проклятію Бѣлгр. сп. (см. выше). Для 14-ой нѣтъ соотвѣтствія ни въ Бѣлгр. сп., ни въ греческихъ. 15-ая угроза того же содержанія, что и 14-ая сп. *α*; 16-ая и 17-ая соотвѣтствуетъ 15 и 16 Бѣлгр. сп. и 15-ой сп. *α* (см. выше).

Вскорѣ затѣмъ нашъ списокъ обрывается.

Одна фраза Бѣлградскаго списка наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ мѣста, относящіяся къ чествованію пятка, позднѣйшая вставка, конечно, на славянской почвѣ, въ первоначальный текстъ, трактовавшій исключительно о недѣлѣ. Вотъ эта фраза: ѿще гл҃ю вамь чл҃вци: ѕ҃ днй дѣлайте а҃ вь *ст҃ѹю нл҃ю мл҃твѹ творите*—о пятницѣ не упомянуто, хотя, отлично отъ греческихъ списковъ, говорится о *пяти* рабочихъ дняхъ въ недѣлѣ. Но Филиппопольскій списокъ пошелъ уже дальше. Здѣсь мы читаемъ: даде бъ вамь ѕ҃ дни делати, светою неделѹ и *светою петкѹ распети мога* (дань?) да не сатворите нища инога веће молитве и крсть носеще; любопытно, что это мѣсто находится въ прямомъ противорѣчіи съ другимъ, въ которомъ воспрещается

работать только отъ 9-го часа субботы до разсвѣта въ понедѣльникъ.

Я уже говорилъ, что наши списки рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ доселѣ обнародованныхъ славянскихъ списковъ „Епистоліи“, такъ что представляютъ по сравненію съ ними совершенно особую редакцію „Епистоліи“. Кой гдѣ, однако, въ другихъ славянскихъ спискахъ, въ особенности, въ изданныхъ г. Вилинскимъ, встрѣчаются интересныя параллели именно къ тѣмъ мѣстамъ нашихъ списковъ, для которыхъ не находится соотвѣтствій въ греческихъ спискахъ „Епистоліи“. Нѣкоторыя изъ этихъ параллелей были мною уже указаны. Приведу еще нѣсколько.

Въ числѣ укоризненныхъ эпитетовъ, дающихся „Епистоліей“ людямъ, мы находимъ въ Фил. сп.—смере антихриста,—чему соотвѣтствуетъ мѣри ан҆тихри́стѡви—сп. Вил. (стр. 118). Въ спискѣ, изданномъ г. Вилинскимъ [1]), находимъ и формулу клятвы Фил. сп.: тако ми прѣстола моего и пр. (117) [2]). Въ соотвѣтствіе угрозѣ Фил. сп.: ѡ горе томꙋ чловекꙋ или градꙋ или селꙋ томꙋи, иже кои не препише епистолию сию—находимъ въ сп. Вил.: ѻ горѣ градꙋ то́мꙋ и̂ли се́ла кои не припиши сію є҆пистоліꙗ да́ са прочитають прѣ͡д люди и̂ прѣ͡д сьборомь по всѣ праз͡ники б҃жіи (119). Въ соотвѣтствіе съ угрозой: ѡ горе христорꙋгаѡцемь *еретигомь* тамъ же находимъ: ѻ горѣ хꙋрꙋгателемь *є҆ретикѡ͡м* (120). Какъ и въ нашихъ спискахъ, въ сп. Вил. провозглашается горе тѣмъ, кто смѣшиваетъ вино съ водой для продажи. Полное соотвѣтствіе угрозѣ Фил. сп.: ѡ горе не верꙋющиемь светиемь книгамь—представляетъ угроза сп. Вил.: ѻ горе кѡи не вѣрꙋеть с҃тіи кни́ги (120). Въ сходныхъ выраженіяхъ увѣщеваютъ христіанъ посѣщать церковь Фил. сп. и сп. Вил.:

[1]) Для краткости буду его обозначать сп. Вил.

[2]) Замѣчательно, что въ одномъ латинскомъ спискѣ „Епистоліи“ мы находимъ подобную же формулу клятвы: et juro vobis per sedem Meam *et thronum Meum etc.* см. Веселовскій „Опыты“ Ж. М. Н. П. 1876, I. с. 77.

Фил.: а чꙋвши клепало ꙗко *крилати* бꙋдите придите ва црквь мою.

Вил.: егда оуслишите вь ст҃ихь цр҃ква мои клепа́ло а҃ віе ꙗко *крилати* при́тицете сь всѣмь домомь ва́шимь (стр. 122).

Въ соотвѣтствіе угрозѣ Фил. сп.: ме҃ца Ѡктебра дань имамь пꙋстити метежь да ꙋжаснете҃; да скоти ваши изамрꙋ— находимъ въ Тихонр. сп.: и Ѡктѧбрѧ м҃ца въ а҃ дн҃ь створити ймамъ смѧтеньє да прожаснетсѧ вс҃ь мирь й скоти ваша йзморю (II, 317) [1])

Въ заключеніе могу сдѣлать слѣдующій выводъ объ отношеніи нашихъ списковъ „Епистоліи" къ греческимъ. Наши списки восходятъ къ одному или скорѣе двумъ греческимъ спискамъ, въ своей основѣ той же редакціи, что изданный Васильевымъ текстъ „Епистоліи" подъ α, но въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма немногочисленныхъ случаяхъ, приближающихся къ списку, изданному Васильевымъ подъ β. Неизвѣстные редакторы греческихъ, а, можетъ быть, славянскихъ прототиповъ нашихъ списковъ, пробовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, комбинировать списокъ версіи α съ спискомъ версіи β, и не совсѣмъ умѣло, почему, напримѣръ, одно и то же лицо является въ нихъ то епископомъ, то патріархомъ (см. выше). Впрочемъ, случаи такого комбинированія различныхъ списковъ „Епистоліи" рѣдки. Въ главномъ и существенномъ наши списки относятся къ версіи α. Несомнѣнно, кое-что должно быть отнесено на долю славянскихъ переписчиковъ, переводчиковъ, редакторовъ—сюда слѣдуетъ отнести пропуски, искаженія текста, изрѣдка вставки и незначительныя распространенія. Въ общемъ же, степень личнаго авторства этихъ послѣднихъ лицъ была весьма незначительна и почти нисколько не ослабляла тѣсной связи нашихъ списковъ съ ихъ греческими оригиналами.

27 октября 1903 года. *Константинъ Радченко.*

---

[1]) Замѣчу еще, что, въ соотвѣтствіе болгарскимъ спискамъ „Епистоліи", въ Бѣлгр. говорится о почитаніи побратимовъ и кумовъ.

Посланиe*) са небеса с҃те епистолие г҃а нашего иȣ христа[1] ѡч҃е благослови.

Саздани ва храмȣ с҃того апȣстола петра ѡбесивше на свети катапизма и[2] іави се епископȣ иѡвакȣ[3] глаголȣщемь[4]: встани иди ва цркавь мою[5] и ѡбрещи часною[6] епистолию мою[7], и сабрасе[8] вась градь[9] и стече[10] ва цркавь за[11] епискȣпомь иѡвакомь[12] и видеше камень вишни над[13] олтаромь (sic) ва лакать. іако волȣва глава страшно зело[14], не даше никомȣ коснȣти ва себие[15], ни можаше га превалити[16] толикȣи силȣ тежакь биеше, и сташе на молитвахь г҃ дни и г҃ ноћи, и си г҃ дань[17] изиде гласъ не камена:[18] велиеть г҃и[19]. чȣдна[20] дела твоіа[21]! приетȣпи,[22] патріарше (sic) новаче,[23] вазми камн[24]. изведи[25] епистолию сию писанȣ![26] вы, кои слишите синове чловечански, слишанте тере разȣмиеме, іако сиа епистолиа ѿ небеса да (на?) есть рȣке мое, писана есть[27] за светȣ неделȣ и за светȣ петкȣ и за велике[28] празнике мое[29] и[30] беззаконниа ваша, иже творите[31] на земли; не знате ли ви, іако све саздание ѿ рȣкꙋ мое есть и паке (sic) сие ѡстависте! не знате ли, ере пророке мое ȣчителе послахь, да ѡбличȣ вамь грехе ваше? не верȣвахе (sic) лȣкавиехь ради грехa вашиехь и дила, а не покаіасте за безаниа (sic) ваша, и пȣстихь на ви погане езике, и пролише крвь вашȣ на земли, и покаіали бисте ва мало време докле насидите, пакь начесте грешние творити, не слȣшанте свето еванђелыа мога глаголȣщега: глаголȣ: небо и земла мимоидете, а моіа словеса ва веки; напȣстихь на ви г҃ гладе зле, и паки не веровасте, ни азь не ȣтолȣ іарость своіа ѿ вась на-

*) Въ основѣ изданія положенъ Филиппопольскій текстъ, варіанты и окончаніе приведены по Бѣлградскому тексту. Кой гдѣ, именно къ искаженнымъ мѣстамъ текста приведены соотвѣтственныя мѣста изъ греческаго списка α.

пȣстити на ви гладне прȣге ради с҃те неделе и с҃те петке, помисливо виехь. да затрȣвасе родь (sic) чловечански на земли, и ȣмилосрдихсе за молбȣ пречисте владичице матере мое и предитече ивана ѿвратихь гиневь свои ѿ вась и дахь вамь жито и вино и свако благо и насититесе и паки не покаіасте [32]) ва ȣдовице и сироте касьледнехь ѿ вась идȣще плачȣѣи ега вихь (sic) не помиловасте; [33]) езыци *) погани закона знаѣи и безаконие творите [34]), и [35]) дренкȣ [36]) пл҃е дах вамь и лозю вашемȣ [37]) и паки [38]) имамь [39]) исȣшити [40]) источнике воденe [41]) и рiеке ваше [42]), разȣмнете [43]), немилостиви чловеци, жидовомь **) дань законь моисиовь преступаю его пророци езици законь знаѣи и по законȣ творите [44]) ви [45]) же [46]) законь [47]) знающи и крщение примавши [48]) ни пȣ (sic) [49]) запокиедь мою не сахраните [50]), ни чтите [51]) свете неделе ни свете петке ни светнехь празника моиехь [52]), не видесте [53]) ли неразȣмни [54]), іако [55]) ва светȣ неделȣ сатворихь [56]) адама? не видесте [57]) ли неразȣмни [58]) чловеци, іако [59]) ва светȣ неделȣ придохь к авраамȣ под дȣбомь аворисцiемь [60]) (sic) примиве (sic) крщение [61]) ѿ [62]) ивана [63]) ва иѡрдани? не видесте ли неразȣмни, іако [64]) ва светȣ неделȣ хоѣȣ вамь [65]) сȣдити живиемь и мртвиемь са светомь неделомь ва͡кнȣтна (sic) моега дань есть. иже запокиедь мою саблȣдите царствȣ божиемȣ наследȣите***) на вражю (?) све погȣблȣ заради с҃те петке ****) и потомь кȣнȣ

---

*) Сп. α: Ἀλλ' ἔθνη τὰ μὴ νόμον ἔχοντά φησιν τὰ τοῦ νόμου πληροῦσι (24)

**) Сп. α: Νοήσατε, ἄφρονες καὶ ἀσεβεῖς τῇ καρδίᾳ, πῶς δέδωκα τοῖς ἑβραίοις νόμον διὰ Μωσέως καὶ οὐ παραβαίνουσιν αὐτόν ἔθνη τὰ μὴ νόμον ἔχοντά φησιν τὰ τοῦ νόμου ποιοῦσι, ὑμεῖς δὲ καὶ τὸν νόμον ἔχοντες καὶ οὐδεμίαν ἐντολὴν ἐφυλάξατε (24).

***) Сп. α: Καὶ τοὺς πιστοὺς οἳ φυλάσσουσιν τὰς ἐντολάς μου τῇ ἡτοιμασμένῃ μου βασιλείᾳ μέλλουσιν γενέσθαι κληρονόμοι (24).

****) Сп. α: τοὺς μὴ ποιοῦντας τὸ θέλημα μου αὐτοὺς ἀπολέσω διὰ τὴν ἁγίαν κυριακὴν καὶ τὰς μνήμας τῶν ἁγίων μου (24).

кыи е азь, аще не сахраните заповедь мою, пошлꙋ[66] на ви[67] звѣрь лꙋтꙋ[68]), да снидꙋ[69]) женамь вашимь са чеди[70]) и дети вашими[71]) предь очима вашими[72]) и да е тай чловекь еже свако дело творити[73]) ѿ д҃ часа сꙋботе до светлающаго понелника (sic)[74]); ѡ горе едꙋщимь месо ꙋ петакь или ꙋ средꙋ разме законь память творити светимь празникомь писаніемь славити име мое,*) аще ли не покаасте,[75]) тако[76]) ми пристолиа (sic) моега страшнога и неполнбимога (sic) и[77]) мишице мое[78]) високе и пречисте[79]) богородице и многоочитихь и херокимихь и шестокрилатихь и серапимихь и[80]) епистоле послати на землꙋ на имамь[81]) ѿврести[82]) небеса и[83]) камень и даждь огань и водꙋ врꙋщꙋ[84]) и попалити имамь[85]) свакога чловека[86]) на земли его же ни едань единого чꙋеть ꙋстрашите самь[87]), сатворити имамь трꙋсь и страхь меца генвара (sic) і҃ дань, на ꙋскренние ваколмꙋ чловекꙋ[88]) имамь исꙋшити[89]) жито и вино и ва[90]) десва плове[91]) и жита, меца нꙋліа кг҃ дань пꙋстити имамь на ви градь и огань да виѣꙋ, камо е хоћете гдети (sic) нечастиви чловеци, меца октебра дань имамь пꙋстити метежь да ꙋжасните, да скоти ваши изамрꙋ[92]), и пꙋстити имамь[93]) на ви[94]) птице ѡвнюде имаю г҃ главе лавове, опашь коньска, вратити имамь[96]) лице свое[97]) ѿ вась, да не слꙋшамь[98]) плача нечастивихь[99]) и црквенихь[100]) ꙋста вашихь и сатворити имамь[101]) бꙋкꙋ**) и звекꙋ и громь и мꙋнию[102]) на небесихь[103]), да изамрете лꙋто[104]), слꙋшаи гласъ мои и писание мое частꙋите, не слꙋшамь вась благихь моихь

---

*) Сп. α: Οὐαὶ τὸν ἄνθρωπον ἐκεῖνον τῷ ἐν τῇ τετράδι καὶ παρασκευῇ τρώγοντι κρέας ἄνευ τῶν δώδεκα ἡμερῶν καὶ τῆς διακαινησίμου καὶ τῆς πεντηκοστῆς. ποιεῖτε δὲ καὶ τὰς μνήμας τῶν ἁγίων μου καὶ ἑορτάζετε αὐτά; μετὰ ψαλμῶν καὶ ὕμνων καὶ νηστειῶν ἵνα δοξάζεται τὸ ὄνομά μου τὸ ἅγιον (25).

**) Ἀλλὰ ποιήσω ἔκτυπον ἐν οὐρανοῖς καὶ ἦχον ἀστραπῆς (25).

на землн *) и паки глаголѹ вамь, аще не сахраниете заповедь мою светѹ неделѹ и светѹ петкѹ распетїа мога дань есть [105]), пѹстити имамь [106]) на ви [107]) погибаш [108]), да зломь самртию извмрете [109]) немилостиви крстопопирателници братоненавидници богоненавидници свое нечастивници лѹкави ѿмѣници лихоѿметници кривоклеветници с мере (?) антихриста богоблазнители неводници едни злосводници, да да виде вазлѹбисте тмѹ, а светлесть ѡстависте [110]), како не зние землa на ви [111]), да вась пожде [112]) іако [113]) ѿвратихь ѿ вась занехь ради дела вашихь [114]). кои ѿветь [115]) дасте [116]) ва дань сѹдни, аще [117]) не ѿречете ѿ ѹченна диаволскога [118])? ѡ горе томѹ чловекѹ или градѹ или селѹ томѹи, иже [119]) кои не препише епистолию сию ѹ свто (?) ненавидникомь! ѡ [120]) горе ненавидещимь книжега своега [121])! ѡ горе христорѹгающемь [122]) еретигомь [123])! ѡ горе свещникомь [124]) (sic) предь чловеци, а ѡставе творити емь [125]) (вѣроятно имь?) беззаконие! ѡ горе црнорисцемь [126]) васавиемь [127]). еже [128]) твореще блѹдь, іако ѹдавлающимь ва чреве ѿтроче [129])! ѡ горе смешающимь [130]) вино с водомь на продаю [131])! ѡ горе приѡравающи [132]) враздѹ [133]) тѹђѹ [134])! ѡ горе свађающимь [135]) раба з господиномь [136])! ѡ горе лажѹщимь [137])! ѡ горе творещимь бесовска и содомска ѡцквриающа (sic) светою верѹ и крщение [138])! ѡ горе не верѹющимь светимь книгамь! ѡ горе неверѹющимь ѡца и сина и светога дѹха и светихь икона [139])! ѡ горе не почитающимь [140]) стѹ неделѹ и светѹ петкѹ [141]), — а чѹвши [142]) клепало, іако вриалати бѹдите [143]), приидите [144]) ва цркавь мою [145]). и да е [146]) поклеть (sic) чловекь той [147]), еже не верѹеть епистоли сиѡи, іако испиcана есть;

*) Καὶ ἀφήσω ὑμᾶς ἀκοῦσαι τῆς φωνῆς μου λεγων καὶ οὐ μὴ ἐγκαταλείψω εἰς ὑμᾶς πᾶν ἀγαθὸν ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἐὰν θέλητε καὶ ἀκούσετε καὶ φυλάξετε τὴν ἁγίαν κυριακήν, σώσω πάντας ὑμᾶς (25).

аще есть (?) попь или дiакь препише ю и пусти ю ва градь или ва инꙋ странꙋ, аще има грехь презвише wци светиеми емꙋ гь прочитаю ва светꙋ неделꙋ тан влагови (sic) гне на немь wца невидомога и паки глаголꙋ вамь не пасе градꙋ или селꙋ еже не преходи епистолиа*), иако истина есть. w горе томꙋ-и еже вничеть на ерна (sic) за словеса, како[148]) не запалеть е ꙋста емꙋ[149]), не глаголи на ерна и[150]) на цркавь божию[151])! w горе бедакщим ꙋ цркви[152])! w горе томꙋи не творити паметь стиемь празникомь, да весь преславите (sic) w ниемь[153])! w горе чедомь wбедꙋщимь[154]) родителе свое[155])! w горе родителемь ренегаеть (sic)[156]) чеда своiа имаiнiа ради[157]), иако[158]) wгань вечни wжигаеть[159])! глаголꙋ вамь[160]): даде вь вамь е дни делати[161])! светою неделꙋ и светою петкꙋ распетiа мога да не сатворите ниша ниога веће молитве и кресть носеще[162])! не видесте[163]) ли ви w[164]) неразꙋмни[165]) иако[166]) азь[167]) не wдеждꙋ[168]) що хощете**) азь (!) жити[169]) азь (?) да (?) лави(?)[171]) хвалите (?) и паки[172]) глаголꙋ вамь...

Варіанты по списку Сборника № 562 Бѣлградской Народной Библіотеки.

1) Сь вгомь починаемь стоую ипистолiю вжьтвнноу книгоу посланiе сь неба га нше...

1) Начало гласитъ сл. образ.: Сьние вь римь грд w

*) Ἐὰν γράψῃ τις (?) αὐτὴν προθύμως καὶ εἴτι ἁμαρτίας ἂν ἔχῃ ἀναριθμήτους:, ἐξαλειφθήσονται ἐξ ἐκείνου τοῦ ἀνθρώπου. εἰ δὲ καὶ ἐν τῷ οἴκῳ αὐτοῦ ἔχει ταύτην (τὴν ἐπιστολήν), τὴν εὐλογίαν ἔχει πνευματικήν, καὶ ἀναγινώσκει αὐτὴν ἢ διδάσκει τὸν λαὸν μου, ἐν πάσῃ χώρᾳ ἔχει εὐλογίαν παρὰ πατρὸς, υἱοῦ καὶ ἁγίου πνεύματος (26).

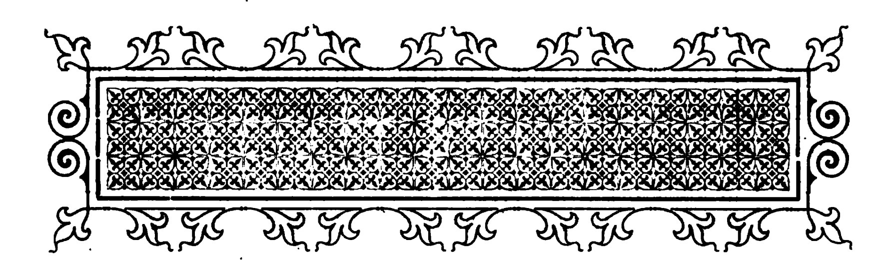
**) Οὐκ ἴδατε ἀνόητοι, ὅτι τοὺς καταράκτας τοῦ οὐρανοῦ οὐ μὴ ἀνοίζω ἵνα δώσω ὑετόν, ᾧ οὐ δύνασθε θερίσαι καυχᾶσθαι (27).

ѥрлимаа на стимь катапа землю (sic)[3]) іωнису[4]) горіе (sic)[5]) вь гра мои и ..[6]) истину стгую[7]) нѢтъ[8]) сьтресе се[9])—рнмь[10]) понюше[11]) сь[12]) іωнию[м13])—сты[м]—[14]) вм. словъ: ка лакать и т. д. только: и страшань беше ѕело и—[15]) приступити ка себе никомоу[16]) прекратити[17]) и ка бн трети днь[18]) проговори камень ωнай и рече[19]) великь еси ты ги и—[20])—іисоу—[21])— що хоцешь чинити по всему мироу[22]) вьстани[23]) патріарше іωнне и—[24]) камень светьли[25]) извади из него—[26]) книгоу стоу епитолію коа е послана сь небеса а написана рукомь хвомь[27]) вм. словъ: сии и т. д. разоумете сынове члчьскіи[28]) в'се[29]) нѢтъ[30])—за—[36]) коя чините[32]) всему мѢсту, начиная отъ словъ: „не знате ли ви“... соотвѢтствуетъ только слѢд. фраза: не знате ли неразумнии члвци како в'сакого блгаа насітихь в'сь и не покаіатесе не прослависте име мое[33]) вм. словъ: ка удовице и т. д.—сироти и вьдови не хотесте право соудити. него се плачу за вами стоеще а вихь (sic) не бесте помиловати[34]) вм. этого явно испорченнаго мѢста—закона бжіа не знаю и паке по закωноу чине а ви нематики члвци законь мои знате и паке безаконіе чините не знате ли неразоумни члвци...[35]) нѢтъ[36]) дрьвію кашему[37]) и лозію давало пась[38])— и тои[39]) хоцоу[40]) по—[41]) этихъ двухъ словъ нѢтъ[42]) воние за грѢх[43]) нѢтъ[44]) жидовомь и т. д. нѢтъ[45]) вси[46]) нѢтъ[47])—мои[48]) мое имате кониа се са хс крьстихь и вьси се темь (?) к;те[49]) едн'у[50]) почитасте[51]) пазите[52]) послѢднихъ 4-хъ словъ нѢтъ[53]) знате[54])— члвци[55]) како[56]) сьзахь пр'бога члвка—[57]) бесте[58]) безоумніи[59]) како[60]) словъ: придохь и т. д. нѢтъ[61]) крьтихом'се (sic)[62]) нѢтъ[63]) іωнаа (sic)[64]) вм. не видесте и т. д.—только и[66]) начиная отъ словъ: са светомь неделомь нашему мѢсту соотвѢтствуютъ слѢд. слова: стаа нела изврани празникь ю зліи и неверніи члвціи погубити боу в'сь зарай сте неле и

петке не знате ли безумнїи чл҃вци ере пустити хоћю[67]) к'сь[68]) змїе двоеглаве вь веле море[69]) изеду пльси[70]) и чеа выша да изесу[71]) этихъ словъ нѣтъ[72])—рай ст҃е недели и петке[73]) и паке още гл҃ю чл҃вци проклеть да е чл҃кь кои твори едино дело[74]) доклѣ самие поне[75]) вм. слова: ѡ горе и т. д. находимъ слѣдующее: аще ли тко не слишал заповѣдь сїа да сьверѣ ѡгню вечиомоу до свои. ѡ горе чл҃коу томоу кои не вероуе ѡвсуи стоу книгоу како истина е словесе сним веруите аще ли не хоцете[76]) такови[27]) престолиа и т. д. нѣтъ[78]) нѣтъ[79])—мт҃рѣ мое[80]) вм словъ: и многоѡчитиехь и пр. и ст҃ы аггль моихь ѡниаа (sic) кр҃тлиа[81]) это испорченное въ нашемъ текстѣ мѣсто читается слѣд. образ.: не хоцу дроу книгу послати на землю ѿ не҃бса ако се не покаете нь хоцоу[82]) ѿтворити[83])—пустити хоћю[84]) вм. этого находимъ только: водоу вроућю како ѡгнь[85]) хоцу[86]) свакии ро чл҃вчьскыї[87]) вм. словъ: его же и пр.—ѿ тогаи ни едннь кл҃оубежати не може никаморе[88]) сатворити и пр. нѣтъ[89]) и погоубити ка хоћю[90]) нѣтъ[91]) пасвита[92]) соотвѣтствія этому мѣсту, начиная изъ словъ: и жита нѣтъ[93]) послати хоцоу[94]) вась чл҃ке[95]) словамъ: птице и проч. соотвѣтствуетъ слѣд. мѣсто: звѣрь двоеглавоу и крилатоу змїю да ви поидоуть и почети ћете ѿврати (?) гровове выши мрьтвихь. почети ћете говорити прилїите и на кь се не можемо трьпѣти ѕвери ѡве море и гнева ихь и рекратити ћю (sic) слнце вь тмоу да се сами мећю собом исколете[96]) хоцоу[97]) мое[98]) чую[99]) ѿ погане[100]) нѣтъ[401]) нѣтъ[102]) сь несь гром и зной и мльнїо[103]) измореть лютѿ сьмрьтїю[105]) испорченному мѣсту этому соотвѣтствуетъ слѣд.: не знате ли како слишасте заповедь мою и писанїе мое гнѣ и такы (sic) і още гл҃ю ка чл҃вци почитоуите ст҃ую нелю и стоу петку и заповеь мою аще не втеете[106]) хоцу[107]) нѣтъ[108])—на вьсь[109])

по— [110]) это мѣсто читается въ слѣдующемъ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ: крьть попрасте братьненавистници коумовь своихь и побратимовь свои не почитасте и ненавидите нечьстивіи клеветници лоукави шлестии лихоклисателіе (sic) лице мѣріе антихрьстови соуонници вгомь влазнителіе прекратници злостьрастници нечьстиви чавци [111]) нѣтъ [112]) кіи живихь по-жрѣ [113]) іа богь вашь [114]) лице свое ѿ вась за лоукава и не-частника дела ваша не знате ли— [115]) ѿговорь [116]) имате дати [117]) ако е— [118]) вм. этихъ словъ: зла — дальше слѣдуетъ: чеда же ваша іасти травоу како скоть тако ми матере мое пречьсте и сты моихь хероувимь и серафимь [119]) словъ: или граду и пр. нѣтъ [120]). вм. этихъ словъ: кои не вероуе сію книгоу како истинна ест [121]) братоненавистникомь—далѣе: ѡ горе томоуи кои ненавиди искрьнѥга своего [122])—роугателемь [123]) нѣтъ [124])— творещи право [125]) тае мь творещи [126]) калоугерь и калоугери-цемь [127]) нѣтъ [128]) нѣтъ [129]) іако и пр. нѣтъ; послѣдующія двѣ фразы переставлены [130]) томоу тко меша [131]) и продава [132]) томоуи тко— [183]) мѣю [134]) нѣтъ. [135]) томоу тко— [136]) слоугоу с господиномь своимь — раньше еще: ѡ горѣ томоу тко свада соуседа соуседомь [137]) этой фразы нѣтъ [138]) вм. этой фразы — ѡ горе томоу кои скврьни свою вероу [139]) этихъ фразъ нѣтъ [140]) томоу тко — [141]) и нарочите праз-нике [142]) ка чоуеши чьстно— [142]) аще можеши вьжже [144]) прїиди [145]) божїю [146]) и паки глю вамь [147]) за этими словами слѣдуетъ: кои оупие на ереа моего (см. ниже)—остальное же пропущено [148]) іако [148]) юго [150]) не говорити на попа моего слоужб-ника не говорите [151]) мою [152]) вм. этой фр.: ѡ горе томоу тко се глоумии стомь црквомь и частнемь постомь [153]) вм. этого: ѡ горе томоуи тко непрѣходѣ на ютрьню вь стоую неделю [154]) коіа ѿговарають [155]) прѣ роитюли своимь [156]) коуноуте [157]) этихъ двухъ словъ нѣтъ [158]) како нихь [159]) не иже же и паки ѡще— [160])

--чл҃вци[161]) ѥ дн҃и делаите а вь—[162]) вм. словъ: и светою петкꙋ и пр. —мл҃ткꙋ творите и кръ носите[163]) весте[164]) нѣтъ[165]) безоумни чл҃вци[166]) ако[167]) ю (?)[168]) дьжа не поущоу[169]) чи҃ да се наситите[170]) іа ви давай[171]) а ви се—[172]) начиная отсюда текстъ гласитъ слѣд. обр.: запов҃ѣ мою не слишите ни почитоуете да камо имате оубежати или на небо или на землю вьсе той мое оу рꙋци ю҃ и ни ѥдинь б҃а не разоумеють како вьнезапꙋ погоублю вась заради свете недю (sic) и иныхь светіць раи злыи чл҃вци стоу недю да҃ ва҃ да се покоите а ние моѥ славите а ви наипрѣве почете ѿ инихъ дн҃и делати вь стоую недю нь за то неверьство ваше ѿделѣ ѿ вась врѣме комоу ѥ не надате то примите ѥпистолію сію и верꙋѥте що ю писано выши (?) соꙋ бо мои страшна ю сьжежеть грѣшнѣ а кающе спеть гь. ѡ горе томꙋ чл҃кꙋ оузимаа каматꙋ. ѡ горе той жени коа меси сь гнѣвѡ поскоуре свое ѡ горе попꙋ кои лꙋргисае сь гнѣвом вь цркви како не пое самь нь аггль божіи сь нимь поеть тко не вероуе сію светоую книгꙋ како истина ю да та ѥ анатема вь векы а ко ю чате на све дн҃и да ю ѡнь ѿ бга бл҃вень а тко ѣе скрити писаніе сіе да е причестань нюде бгоу нашемꙋ слава вь вѣкь.



Переписка съ Запорожьемъ.

(1763—1765 гг.).

Помѣщая настоящія письма, считаемъ нужнымъ предварительно пояснить: кѣмъ и по какому поводу они писаны и какой историческій интересъ они представляютъ?

Въ началѣ 1763-го года кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій отправилъ въ Запорожскую Сѣчь монаховъ для сбора подаяній на Софійскій монастырь. Во главѣ этой миссіи былъ поставленъ іеромонахъ Рафаилъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ каѳедральнымъ писаремъ, іеромонахомъ Іаковомъ Воронковскимъ. Между этими двумя лицами и возникла переписка, въ которой изрѣдка принимали участіе и другіе монахи, проживавшіе въ Сѣчи для сбора милостыни. Рафаилъ сообщалъ въ Кіевъ своему другу подробныя свѣдѣнія о своемъ пребываніи на Запорожьи, о сборѣ милостыни и т. под., а Іаковъ дѣлился съ нимъ кіевскими новостями, не выходившими, впрочемъ, изъ сферы монастырскихъ и епархіальныхъ интересовъ.

Личность одного изъ корреспондентовъ, именно Іакова Воронковскаго, сама по себѣ представляетъ нѣкоторый инте-

ресъ. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVIII ст. мы нашли нѣчто въ родѣ послужного списка Воронковскаго, въ которомъ значится, что былъ онъ „уроженецъ малороссійской націи“, м. Воронежа (Черниговской губ., Глуховскаго у.), родился 4 декабря 1726 года „отъ родителей священническаго чина, учился въ Кіевской академіи латинскаго языка и на томъ языку піитики, риторики, философіи и богословіи, и при томъ языковъ еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго“. По окончаніи ученія, Воронковскій принялъ въ 1754 г. постриженіе въ Кіево-Софійскомъ монастырѣ и началъ проходить при митрополичьей каѳедрѣ канцелярскую службу, которая въ тѣ времена доводила часто до высокихъ степеней. Сначала онъ былъ „реентомъ“ (правителемъ) епархіальной канцеляріи, потомъ „писаремъ“ (секретаремъ) консисторіи и наконецъ „катедральнымъ писаремъ“, т. е. личнымъ секретаремъ митрополита. Это была очень видная должность, дававшая возможность оказывать вліяніе на ходъ епархіальныхъ дѣлъ и обезпечивавшая въ будущемъ настоятельское мѣсто въ богатомъ монастырѣ, откуда легко было перейти и на епископскую каѳедру. Такъ могло быть и съ Воронковскимъ, получившимъ въ 1767 году назначеніе на должность игумена Выдубицкаго монастыря; но „приключившаяся ему чахотная болѣзнь“ прервала его дальнѣйшую карьеру, и въ мартѣ 1774 г. Воронковскій скончался на 48-мъ году жизни. Былъ онъ не чуждъ и литературному труду: около 1770 года имъ была составлена историческая записка подъ заглавіемъ „Катедралный Кіево-Софійскій монастырь и его намѣстники“. Она интересна нѣкоторыми подробностями, касающимися Софійскаго собора. Сначала въ ней излагается краткая исторія храма отъ временъ Ярослава Мудраго, затѣмъ идетъ рядъ лѣтописныхъ замѣтокъ: 1697 года о пожарѣ въ монастырѣ; 1721 г. о расписаніи храма внутрь и извнѣ и о покрытіи новою кровлею; 1744 г. о возобновленіи каменной колокольни „за бывшими сверху на ней разсѣлинами“, грозившими ей паденіемъ, при чемъ она „разбивана была мало не до звоновъ“. Подобныя мелкія извѣстія продолжаются до 1767 г.,

а далѣе идутъ списки митрополичьихъ намѣстниковъ (съ 1401 по 1766 гг.) и „писарей катедральныхъ“ (съ 1686 г.) [1]. Такимъ образомъ въ лицѣ Іакова Воронковскаго мы имѣемъ одного изъ образованныхъ представителей кіевскаго духовенства половины XVIII ст. и, при томъ, виднаго дѣятеля въ епархіальномъ управленіи.

О его корреспондентѣ, іеромонахѣ Рафаилѣ, у насъ нѣтъ такихъ подробныхъ свѣдѣній. Судя по тому, что въ одномъ изъ писемъ (№ 1) онъ называетъ своимъ *братомъ* священника с. Зубовки, миргородской протопопіи, Ивана Кремянскаго, можно думать, что и самъ онъ носилъ ту же фамилію и былъ родомъ изъ нынѣшней Полтавской губ. По письмамъ его видно, что онъ тоже былъ человѣкъ школьно-образованный, владѣвшій латинскимъ языкомъ. Онъ также принялъ постриженіе не ради одного душевнаго спасенія, но и по соображеніямъ карьеры: его мечтой былъ тоже игуменскій санъ, для чего онъ и вступилъ въ число братіи каѳедральнаго монастыря, чтобы быть на виду у епархіальнаго начальства; но для достиженія этого сана онъ избралъ другой путь, именно—сборъ подаяній на монастырь. Изъ его же переписки съ Воронковскимъ видно, что тогдашній митрополитъ Арсеній Могилянскій, нуждаясь въ средствахъ для предпринятыхъ имъ капитальныхъ перестроекъ въ своемъ каѳедральномъ монастырѣ, разсылалъ іеромонаховъ въ разныя мѣста (между прочимъ, и въ Москву) для сбора пожертвованій и, по мѣрѣ усерднаго выполненія ими этого „послушанія“, назначалъ ихъ на игуменскія мѣста. Такое мѣсто, какъ видно изъ одного письма Воронковскаго (№ 11), было заранѣе обезпечено и за о. Рафаиломъ. Вѣроятно, онъ и получилъ его въ концѣ концовъ, но дальнѣйшая его судьба намъ неизвѣстна.

Историческій интересъ печатаемыхъ писемъ обусловливается обиліемъ въ нихъ мелкихъ бытовыхъ подробностей,

[1]) Эта интересная записка, остававшаяся неизвѣстною митроп. Евгенію при составленіи имъ „Описанія Кіево-Софійскаго Собора“, была отыскана въ архивѣ Кіевской консисторіи и напечатана въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1864 г., № 13.

изображающихъ, съ одной стороны, жизнь Запорожья, а съ другой—бытъ кіевскихъ монаховъ того времени. Главный интересъ представляютъ, конечно, письма о. Рафаила. Его пріятель Воронковскій, человѣкъ весьма любознательный, постоянно побуждалъ его сообщать побольше новостей изъ Запорожской жизни; въ угоду ему о. Рафаилъ иногда прилагалъ къ своимъ письмамъ особыя замѣтки, подъ заглавіемъ: „*Газети Сѣчовіе*". Къ сожалѣнію, кругъ его наблюденій былъ довольно узокъ, и мы напрасно искали бы въ его письмахъ широкаго изображенія сѣчевого быта; но все-же въ нихъ можно найти немало интересныхъ подробностей тогдашней Запорожской жизни. Въ особенности ново и любопытно все, что онъ сообщаетъ о конкуренціи сборщиковъ милостыни на разные монастыри, скиты и церкви, толпами являвшихся въ Запорожье, и объ отношеніяхъ къ нимъ мѣстнаго населенія. Въ письмахъ Воронковскаго мы находимъ новыя свѣдѣнія о перестройкахъ въ Софійскомъ храмѣ и монастырѣ при митрополитѣ Арсеніи Могилянскомъ, а также очень обстоятельныя извѣстія о перемѣнахъ въ епархіальномъ управленіи, новыхъ назначеніяхъ на разныя монастырскія должности, перемѣщеніяхъ игуменовъ, ихъ смерти и т. под. Все это можетъ представить извѣстный интересъ для историка Кіевской епархіи. Наконецъ, издаваемыя письма не лишены интереса и сами по себѣ, по своему языку, тону и характеру. По большей части, это—живая, непринужденная дружеская бесѣда, постоянно оживляемая шутками и нерѣдко переходящая въ риѳмованную рѣчь въ духѣ народнаго украинскаго юмора. Все это, въ связи съ бытовыми чертами, очень живо рисуетъ предъ нами людей того отдаленнаго вѣка.

Подлинники этихъ писемъ лѣтъ шесть назадъ находились у покойнаго В. В. Тарновскаго, у котораго мы и списали ихъ, но почему-то не были имъ пріобрѣтены для своей коллекціи и теперь находятся въ рукахъ одного собирателя.

О. Л.

1.

Отче преподобне Іакове, милій мой о Христѣ отче и брате!

Я сегоднишнего дне, по раннѣхъ обѣдахъ, с Триполского дворца тамошнего дистрикту отцемъ правителемъ и другою о Христѣ братиею до граници Полской на форпостъ Вигранской (Полскою бо стороною маемъ ити) впроваженъ и уже виступаю з любезнѣйшого моего отчества. Вамъ, любезнѣйшему моему другу, приятелю и благодѣтелю, и прочіимъ моимъ доброхотамъ, яко то: его высокопреподобію отцу намѣснику [1]), отцу архідіакону, о. Тарасію, о. Саввѣ, о. Іродіону, о. Филофею, о. Давиду, отцемъ обоимъ духовнимъ и протчией о Христѣ братіи, которіи мое мѣзерниство в благомъ сердцѣ содержать, на семъ остатнѣй мой поклонъ отдаю и прошу мене грѣшного в прежней любви, милости и благопокровителствѣ имѣть, содержать и соблюдать. А я, какъ предъ симъ былъ, такъ и навсегда пребуду покорній вашъ слуга Рафаилъ.

PS. Когда мой братъ Іванъ Кремянскій, протопопіи Миргородской, села Зубовки, церкви архангела Михаила, за вдовою прибудетъ, пожалуйте его не забавляйте [2]). Амѣнь.

Мая 21, 1763 года, з Триполя.

2.

Преподобне отче Іакове!

Сего іюня второго дня, в понеделникъ, уже ввечеру, мы прибыли в славетное Запорожа. В дороги пробавили чрез двѣ неделѣ, в которой благополучно всіо поводилось. В Сѣчь же натрапили весьма на сухую чверть на рибу, якъ на вялую, такъ и на свѣжу; да войска мало еще доброхотно подателного застали: все те по зимовниках да по шляхахъ з добичу (за добычей?) розіихалось. Достали толко всіого

---

[1]) Намѣстникомъ Кіево-Софійскаго монастыря былъ въ то время (1763—1766) іеромонахъ Іосифъ Чернѣіовскій.

[2]) Т. е. не задерживайте. Очевидно, рѣчь идетъ о выдачѣ овдовѣвшему священнику особой грамоты, безъ которой вдовецъ не имѣлъ права продолжать свое служеніе. Такія вдовьи грамоты возобновлялись ежегодно.

на розвѣдъ [1]) рублѣвъ з вѣсѣмъ. Край—не знаю, якъ далѣ будетъ,—з моимъ здоровемъ кажется что поладнается. Правда, что нечистость воздуха, за стѣсненіемъ поселенія и жилцовъ, мало разствуетъ своимъ зловоніемъ от отходнихъ мѣстъ, якихъ тамъ не водится. Козатство всіо веселее, чтодня пють да гуляютъ. Я еще не звикъ с просфорою по куренямъ и по ліошкамъ и будкамъ ходить, а отецъ Іафетъ, слава Богу, берется хлѣба: а в насъ и обойтись безъ того крайне неможна: то первое обознаванніе тутъ—христятъ, то ест благословятъ, хотя и нетрезвихъ. На гостинцѣ еще сей разъ вибачайте, бо еще и сами ничого не маемъ. Ви насъ не забувайте да добрую горѣлку чрез оказію присилайте, бо тутъ такои, якъ наша манастирка сивушка, не піютъ. Впротчемъ отдаю мой нижайшій поклонъ, прежней вашей милости и любвѣ препоруча, таковимъ остаюсь вашего преподобія, моего милостиво дознанного благодѣтеля и друга, покорній слуга и пріятель іеромонахъ Рафаилъ, курѣнній Деревянкѣвскій [2]).

Іюня.. 1763 года, пятокъ, часъ діети.

На особомъ листкѣ двѣ приписки:

1) Нижайше кланяюся его высокопреподобію господину отцу намѣстнику. Отцу архидіакону: у насъ кровѣ нетреба пущать—комарѣ сподарѣ до того. Отцу Саввѣ, отцамъ духовнимъ, о. Іродіону, о. Давиду, о. Фѣлофею, о. Оресту, о. Евфимію и всѣмъ о Христѣ братіамъ.

2) За бобри, по словесной его преосвященства резолюцѣи, я исправки забиралъ, толко во всей Сѣчѣ не толко пары, но ни едного не напиталъ, и говорятъ, что теперъ ихъ уже не водится.

3.

Преподобне отче Рафаиле, курѣнный Деревянковскій, сладкособесѣдниче мой, а нынѣ Сѣчовый!

За авизіи авизіами награждаю: отецъ Иесыпъ, ігуменъ Батуринскій, переведенъ въ Скелскій монастырь, а на мѣсто

[1]) Т. е. на первое обзаведеніе.

[2]) Намекъ на то, что онъ поселился въ Деревянковскомъ куренѣ въ Сѣчи.

его въ Батуринъ братъ отца Саввы, іеромонахъ Варсонофій произведенъ архимандритомъ, а скелскій отець Викторъ в Кіево-Петропавловскій переведенъ. Отець Савва отправился въ Москву за мѣддю на церковъ. О. Сампсонъ уже іеромонахъ, а на мѣстѣ его архидіакономъ іеродіаконъ Іларіонъ, подризничій. Пана гетмана сподѣваемось в Кіевъ. Отець михайловскій Модестъ поехалъ въ Глуховъ поздравлять пана гетмана приездомъ въ резиденцію. Отець Павелъ кириловскій или отець Антипій полтавскій намѣсто отца Досиөея, въ катедрѣ находящагося, отправится въ Слуцкъ; а прочее все по старому, и вси со мною кланяются вамъ добрымъ здоровьемъ. Будте жъ вы здорови и насъ тамъ не забувайте, а мы васъ тутъ не забудемъ и выглядаты и стрѣчаты когдась будемъ въповнѣ, хотя не скоро, да здорово. Дай Богъ вамъ спастися и прочая. Мишинъ [1]) жолтыхъ бунта, а притомъ и бакалѣи фунта когда не будетъ вскорѣ, то вашей чобот: якъ приѣдете, весма дотечется *(далѣе зачеркнута фраза:* „пойдетъ она въ квасъ") що ни есть, хотя жалко. Будте жъ вы и ваша діета здорови—и паки гуртомъ желаемъ, а отця Яфета не забуваемъ, нехай ему тамъ легенко икнется и хлѣба сѣчевого нехай добре берется, чтобъ здоровъ бувъ. Plura orefenus, якъ дасть Богъ, поговоримъ. Вашихъ высокопреподобій, милостиво дознаныхъ благодѣтелей, вседоброжел. слуга іеромонахъ Іаковъ.

4.

Преподобнѣйшій господинъ отецъ писар катедралній, мой милостиво дознаній благодѣтелю!

При засвидѣтелствованіи моего вашему преподобію доземнаго поклона чрезъ сего вручителя желаю вамъ, милостивому добродѣевѣ, долголѣтно здравствовати, да и мене, старца, по своей милости не оставлять, которій и в Сѣчи к

---

[1]) *Мишина* и *мишинка*, о которой неоднократно упоминается въ настоящей перепискѣ,—выдѣланныя кожи для обуви. Кое-гдѣ въ Малороссіи женщины носятъ „*мышеви*" сапоги (желтаго цвѣта).

вашей чести таковимъ же пребываю Вашего преподобія, моего милостивого благодѣтеля, покорній слуга, доброхотъ и приятель Рафаилъ. Августа 14 дня, 1763 г., в Сѣчѣ.

5.

Преподобный отче Рафаиле, курѣнный Деревянковскій, собесѣдниче мой!

За писмо ваше и за доброжелателство благодарствую и взаимно вамъ всесовершенного здравія и благополучного тамо пребыванія со всѣми, коихъ вы имена нарекли и поклонъ отдавали, желаю. Я пред симъ до васъ много написалъ дечого чрезъ о. намѣстника Старокодацкого, изъ священникомъ у мене бывшаго, и послалъ вамъ буту водки, да вѣсти не маю, чи получили вы. Я вамъ тамъ много и вѣстей написалъ, затѣмъ теперъ не пишу, кромѣ объявляю, что в Батуринъ братъ о. Саввы Варсонофій сего сентября 6 д. во архимандрита произведенъ, а Иесипъ въ Скелку отѣхалъ, полтавскій же Почека и кирилскій Павелъ въ Слуцкъ поѣхали промоватись на архимандрію, а о. Досиѳей въ катедрѣ на обѣщаніи, и толко того. Будте вы здоровы зъ отцемъ Яфетомъ и со всѣмъ Войскомъ, а я примаюсь за свои дѣла, навсегда пребывая вашего преподобія, собесѣдника моего, вседоброжелат. и покорній слуга іеромонахъ Іаковъ. Сентября 14, 1763 г.

6.

Преподобне отче Іякове, милостиво дознаній благодѣтелю!

Писалъ я к вамъ и отцу намѣснику катедралному прошлого августа среднѣхъ чиселъ чрез отца протопопу верхно-кіевского, буди то уже дошли писма, а нынѣ и паки смѣю васъ трудить, при засвидѣтелствованіи моего нижайшого поклона: изволите вы еще о присилки к намъ Јонафана отцу намѣснику припомянуть незабавной, бо чтось намъ теперъ не дуже гараздъ водится изъ добичу, да и книгу бѣленку про запасъ пришлѣть, чтобъ, когда доведется поехать и мнѣ куда, в что было записивать. Впротчемъ тако-

вимъ остаюсь васъ, моего милостивого добродѣя, покорній слуга іеромонахъ Рафаилъ. Сентябра... з Сѣчи.

Приписка на особомъ клочкѣ, вложенномъ въ письмо: Кланяюся вамъ гостинцемъ: четыри щучки и пятый лящикъ, да весма уже хорошіе: такіе, якъ ви любите.

На оборотѣ письма приписано рукою о. Іакова: На сіе чрезъ отца Гервасія отписано, что книги посилаются, и чрезъ него же Гервасія послано сахару голову въ три фунты съ лишкомъ. Сентября 14, 1763 года.

7.

Преподобне отче Іякове, мой милостивій о Христѣ отче и добродѣю!

Чрез отца намѣсника Кодацкого и чрезъ о. Гервасія, монаха, к намъ присланого, за поклонъ какъ вамъ, такъ и всѣмъ обще благодарствую. Я отъ васъ, моего милостивого благодѣтеля, писма с моимъ немалимъ обрадованіемъ получилъ и при нихъ—первомъ буту водки, хотя то половина бути чи витекла, чи випито, а при другомъ сахару голову, за которіе оба гостинци покорнѣйше вамъ, моему благодѣтелю, благодарствую и наупредки благодарить не оставлю, толко чимъ—не скажу: чтобъ до отца Сави по трифолой или мѣнею для стихири в церковъ не ходить; а теперъ чрезъ старцовъ петропавловскихъ посилаю пять мишинъ жолтихъ [1]), а протчимъ ничимъ, толко добримъ здоровіемъ вашему преподобію кланяюся и таковимъ остаюсь вашего преподобія, моего милостивого доброхота, покорній слуга и всегдашній богомолецъ іеромонахъ Рафаилъ. Октября 20, в Сѣчѣ.

На клочкѣ приписка: Его высокопреподобію отцу катедралному намѣснику прошу от мене нижайше поклонится. Jnterim velim persuadeas, ne amplius iam iubeat nos petere. Бакаліи у насъ теперъ неможна докупится, не толко випросить. Ми бъ ради теперъ яку копѣйку на харчъ достать, бо

[1]) Противъ этихъ словъ сбоку рукою о. Іакова приписка: „Получены мышины и дано 5 коп. тарифы, въ петропавловскихъ взятой“.

вже, якъ сами чуете, бишликовъ[1]) не берутъ; да и за книгу не толко одну отцу Гервасію, мы всѣ три ему даруемъ. Я и самъ день при днѣ думаю, какъ би обители приобрѣсти, толко что бъ—уже и думки не стѣкаютъ.

На особомъ листѣ: Gазети з Сѣчи. Отъ сентября 6. Панъ кошовій Лантухъ того жъ числа прибылъ въ Сѣчъ є столицѣ. Пожаловано: знаменъ бѣлихъ пять, с коихъ одно болшое, бунчуковъ два, булаву, пѣрначовъ 2, печать войскову, палицу и котли, тако жъ и грамотою, чтобъ впредь кошовимъ без высочайшей власти смѣннимъ не быть; а носить имъ патретъ *(императрицы?)* всегда на шеіи, на голубой лентѣ, якой для того и присланъ. Я къ кушовому (sic) ходилъ по приездѣ третого или четвертого дня нарочно с хлѣбомъ и поздоровлялъ его короткимъ комплементомъ пріездомъ и высочайшею милостію, чимъ онъ очень доволенъ показался и весма словесно благодарилъ.

От октября до дня 10. Гервасій, монахъ, сентября 30 ввечеру в понеделникъ прибылъ в Сѣчъ. На другой день ходили мы всѣ трое к пану кошовому для отдачи от преосвященного *(т. е. митрополита)* ему писма и іконы. Онъ благодарнѣ ікону и насъ принялъ и хвалился о писмѣ преосвященного; ктому жъ желаетъ по новомъ лѣтѣ, буди что не возпрепятствуетъ, в Кіевѣ побивать. Возовъ воловихъ и по ся порѣ нитъ. На Покрову я уже се третое в Сѣчи служилъ и на процесіи евангеліе двигалъ,—може быть, и у васъ слишно было. На добичъ очень у насъ теперъ некористно: войско то поскупѣло, то поубожало. Ктому жъ еще и ханъ проклятій колоту наробилъ, бошлики скасовавши, с коихъ на показъ и вамъ тройко посилаю, и теперь они не идутъ почти ни по чему[1]), а потому и убитокъ многіе не малой понесли, да и у насъ рублѣвъ з десятокъ зберется. Итакъ, ежели не поправится, то очень худа надежда. И такъ теперъ трудно стало, что и на харчъ копѣйку трудно выпро-

---

[1]) *Бишлыкъ*—такъ называлась турецкая мелкая серебряная монета, цѣнностью не дороже нашего пятиалтыннаго или двугривеннаго.

сить; а прошаковъ якъ Богъ зродивъ зо всего свѣта: о Покровѣ думали, что ось, може, в Сѣчи достануть! Винамъ новимъ еще привозу нѣтъ, а увѣряютъ, что будутъ вина добріе, да развѣ в декабрѣ мѣсяцѣ; з старихъ же отнюдь на нашу ручъ не имѣется. Nostri Jafeti virtus versa est in vitium, dedit namque se admodum ebrietati. Осѣнное время усмотрѣлъ я в Сѣчи найвигоднѣйшое затѣмъ, что нужа [1]) вся проминула, а жару и стужи лишней нѣтъ. Отецъ Нехворощанскій [2]) панчохи прислалъ, а я ему мишинку. Я себѣ хлопца в Сѣчи нажилъ и умѣетъ добре читать. Все се при діетѣ в пятницу, 10-го, писано. З болѣзни и доси не могу оправится: то мало утихне, то опять озовется; а найпаче хмѣлного неможна пить. Я намѣренъ сего 19-го непремѣнно отправится по зимовникамъ, а отца Іафета в дому оставить. Войско помалу почало мене опознавать, и с проскурою помалу уже навикъ по куренямъ ходить. Вина ежели будутъ годится, то перво намѣренъ нарочнимъ пробу послать к вамъ, с объявленіемъ цѣни. И у насъ уже птица в вирой летитъ. Воды мало поджило, а риби свѣжой почало убавлятся. Я доброй риби какъ пріехалъ в Сѣчъ не видалъ, кромѣ щучини, карасовъ, окуней, линовъ, плѣтокъ. Бакалія у насъ очень дорога, а де-якой и не имѣется; горкихъ мигдаловъ и персики згола нѣтъ, солодкихъ око 60 копѣекъ, рѣжу *(т. е. рису)* 35, соку *(очевидно лимоннаго)* 25 коп., маслинъ 25 к., да и то на добріе грошѣ, а корення прямо в насъ з Малой Росіи или з Русѣ [3]) привозятъ.

---

[1]) Т. е. комары и мошки, которыхъ такъ много бывало въ Сѣчи въ лѣтнее время.

[2]) Разумѣется игуменъ существовавшаго въ то время мужского монастыра въ м. Нехворощѣ (нынѣ Константин. у. Полт. губ.).

[3]) Подъ именемъ Малой Россіи здѣсь разумѣется тогдашняя Гетманщина, а подъ именемъ *Руси*—правобережная Украина. Такъ и въ народной виршѣ запорожецъ Мамай говоритъ:

А теперъ же, прыстарившись, *на Русь* питы мушу,
Ачей тамъ одпомынаютъ попы мою душу.

Такъ и въ древней лѣтописи имя *Руси* преимущественно усвояется Кіевской области.

Приписка о. Іакова: На сіе генваря 21 д. 1764 года отписано чрез отца Іуста и Евстратія, в Сѣчъ отправившагося, и послано барилце водки да сахару голову.

8.

Отче преподобне Іакове, мой милостивій добродѣю!

Новоначеншимся годомъ васъ моего милостивого добродѣя, на сей краткой (sic) поздравляя, всеусерднѣйше оной вашему преподобію со всѣми вашими доброхотами мирно, при всецѣломъ и непорушимомъ здравіи и благоденственно препровождать желаю, с которимъ моимъ всеусерднѣйшимъ желаніемъ отдаю вамъ, моему милостивому добродѣевѣ, мой всенижайшій поклонъ со всею о Христѣ сѣчовою братіею. По старому живъ и здоровъ; яковъ на писмѣ, таковъ и в Сѣчи к вашей чести нахожусь. Вашего преподобія, моего милостивого добродѣя, покорній слуга и докучникъ іеромонахъ Рафаилъ. Генвара 10, 1764 года, з Сѣчи.

На особомъ клочкѣ: Кланяемся вашему преподобію новимъ кримскимъ бѣлимъ виномъ, которое въ здравіе пійте, коштуйте и самому владицѣ, буди годное окажеся, рекомендуйте, да и насъ, докучниковъ вашихъ, всѣхъ трохъ не забувайте.

9.

Преподобне отче Рафаиле!

Писмо ваше, минувшаго генваря 10 д. ко мнѣ пущенное, я февраля 1 д. получилъ, за которое и за выраженное въ немъ Новимъ годомъ мене съ моими доброхотами поздравленіе и доброжелателство благодарствую, и васъ въ новый сей годъ взаимно поздравляя жъ со всѣми доброхотами вашими, желаю вамъ обновленія отъ силы въ силу, отъ здравія въ здравіе и отъ благоденствія въ благоденствіе и преуспѣвая преуспѣвать во вся благая, а наипаче въ душевное спасеніе и въ діету великопостную, за которою чтобъ не толко вамъ зъ Войскомъ Запорожскимъ, но и намъ всѣмъ добре

было и преизбыло, еже вамъ со всею о Христѣ Сѣчовою братіею получить и Христа воскресшаго прославить буди, буди! Съ каковимъ желаніемъ и пребыть всегда имѣю вашего преподобія, любезнѣйшаго о Христѣ отца, брата и благодѣтеля, всего доброжелатель и покорній слуга іеромонахъ Іаковъ. 1764 года, марта 11 дня.

Приписка: Преподобніе отци Рафаиле, Іафете и Гервасіе! За кримскіе вина особливо и попремногу благодарствую. Оно весма смаковитое. Его я напившись залюбки, забувся, гдѣ тая и стихира, що вамъ, отче Рафаиле, було спѣваютъ, написана. Представлялъ я того вина и его преосвященству— оно понравилось, а Иванъ Семеновичъ весма хвалилъ и имѣлъ зъ отцемъ Орестомъ писать, чтобъ вы его купили. И я вамъ совѣтую купить для дому его преосвященства по прежде данному вамъ реестру: будетъ ею преосвященство доволенъ; денги же на церковъ возвратятся здесь.

10.

Преподобне отче Іакове, милостивій мой отче и добродѣю!

Сего 1764 года, генвара 10 числа, отправили мы к вамъ в Кіевъ четири коляски саиною дорогою и по барилцу вамъ и отцу намѣснику катедралному кримского нового вина на пробу, которіе коляски и послушники прибыли ли в Кіевъ, я весма сомнителенъ, ибо по отправи онихъ на другой день такіе дожжи у насъ силніе начались и продолжались неуступно шестнадцать день, что не толко весь снѣгъ согнали, но всѣ рѣчки, наветъ самой Днѣпръ розбыло, и заледво от настатя новаго мѣсяца *(т. е. новолунія)* мало негоди унялись. Сия зима к добичи намъ очень препятствіемъ учинилась: за безпреривними негодами и великими наводненіями саміе почти надежнѣйшіе мѣста без посѣщенія, буди весна не поисправится, останутся. Нашѣ сего жъ генвара 25 отправились с великою нуждою в Інгулець и великій Інгулъ, буди переправи допустятъ, а може чи не будуть и в Лиману для риби,

чтобъ зараня заготовить. В насъ в Сѣчи чрезъ цѣлую зиму, да и теперъ, очень скудно на рибу. В насъ теперъ ни зима, ни лѣто; рѣки ростали, земля розмерзла, трава еще не ростеть. Наконецъ всіо постарому, всѣ живи и здорови, которого здравія вамъ, моему добродѣевѣ, желая, прошу при настатѣ теплой пори, при отправки к намъ подводъ, и про мене припомнѣть, которой к вашей чести таковимъ всегда нахожусь: вашего преподобія, моего милостивого добродія, покорній слуга и богомолець іеромонахъ Рафаилъ. Генвара 29, 1764 года, в Сѣчи.

Приписка на особомъ листкѣ: Писалъ я к вамъ и в прежнемъ писмѣ про отца Іуста, чтобъ кому надлежитъ изволили внушить, чтобъ онъ поездкою в Сѣчь поудержался до прибытія нашего, потому что еще его и в Сѣчи нѣтъ, а намъ уже и договоруютъ, что съ едного монастира по десять книгъ насилаютъ. Здесь хотя прости, да между пристойнимъ и не очень умѣютъ разбирать; да и сами изволите разсудить: намъ и такъ, гдѣ ни пойдемъ, сей отвѣтъ спѣваютъ, что уже на Софѣйскій монастиръ мы уже и давали, и справляли.

Другая приписка: Вручителя сего пана Нежелского прошу милостиво принять, ибо онъ ради насъ, будучи в Кодаку писаремъ, много потрудился.

На этомъ письмѣ надпись рукою о. Іакова: Получено марта 15, 1764 года, чрезъ Михайла Нежелского, войскового старшину.

11.

Преподобне отче Рафаиле, любезный друже и благодѣтелю мой!

Писмо ваше чрезъ пана Нежелского я минувшаго марта 15 получилъ зъ благопріятствомъ великимъ, а барилце въ немъ упоминаемое зъ болшимъ. Мы его залюбки зъ рукъ не спустили, поки не спорожныли. Благодарствуемъ же вамъ и паки за такій гостинецъ, а первый разъ благодарили чрезъ

отца Іуста. Коляски, о коихъ пишете, на дорогѣ гдесь застряли за бездорожжьемъ, которое и здесь чрезъ всю зиму тривало. Лучше бъ было, еслибъ его было ни у васъ, ни у насъ не бывало. Всѣ мѣста тамъ посѣтѣте и одного безъ посѣщенія не оставляйте, чтобъ хоть, естли мало чего добудете, було чого много намъ росказовать. Вы не хвалитеся на рибу, а у насъ нѣчого и споминать. Отець Іустъ вамъ не будетъ препятствовать; онъ собѣ на Тросвяцкой скитокъ испрашиватиметъ: вы жъ тамъ имѣете быть ігуменомъ; а якая чрезъ него буваетъ виговорка, то вы еи не добачайте. Панъ Нежелскій у мене бывалъ раза съ три; я его всегда принималъ и пѣвчіи для него спѣвалы. Я примѣтилъ, что онъ человѣкъ добръ. Вы теперъ къ намъ не дуже спѣшѣте, коли тамъ добре, да уповаю, что тамъ и лучше. Теперъ у насъ такая тѣснота, что нѣгде де-кому и подѣтись. Заведѣть тамъ скитъ. Отець Сиѳъ уже уволненъ изъ Вилни, а на мѣсто его определенъ отець Азарія [1]); онъ хочетъ васъ поджидать, чтобъ васъ изъ собою в Вилню взять. Отець Сиѳъ не накажется, якіи ему тамъ были утиски [2]). Пѣнскому ігумену Ѳеофану Яворскому уніяты на бородѣ и головѣ волосы обрѣзали, а вашей бороды нѣчого будетъ и рѣзати, развѣ теперъ послѣ соломахы чи не подросла. Чому вы намъ соломахы не пришлете? У насъ еще все по старому, новинъ же еще ожидаемо; якъ будуть, и вамъ сообщимо. Вы же, ожидая, здравствуйте со всею тамо о Христѣ братіею, коимъ всѣмъ мой поклонъ засвидѣтелствовать прошу и зъ доброжелателствомъ моимъ пребывая, пребуду вашего преподобія, любезнѣйшаго моего друга и благодѣтеля, всего добра желатель и покорный слуга іеромонахъ Іаковъ. 1764 года, апрѣля 6.

---

[1]) Азарія Рубановъ Ясноводскій, бывшій въ 1762 г. намѣстникомъ Софійскаго монастыря, но за оскорбленіе митроп. Арсенія лишенный этой должности.

[2]) Іеромонахъ Кіево-Софійскаго монастыря Сиѳъ Гамалѣя въ сентябрѣ 1761 г. былъ посланъ игуменомъ въ Виленскій Свято-Духовъ монастырь, но черезъ три года возвратился оттуда и въ 1765 г. получилъ игуменство въ Выдубецкомъ монастырѣ.

Сего числа у насъ громъ страшный зъ вѣтромъ бурнымъ и дождемъ буйнымъ пополудни въ Кіевѣ былъ, а я и предъ утренею слыхалъ, что двожды грѣмѣло противъ сего жъ числа.

12.

Преподобне отче Іакове, милостиво дознаній мой добродѣю!

Которій было вашему преподобію поклонъ мой всенижайшій и долженствовалъ и хотѣлъ в лицѣ отдать, сей на словахъ писмомъ и при немъ причину моего на прежнемъ мѣстѣ мешканя суплѣкую. Что я еще остался в Сѣчи—перво не презрѣлъ вашего совѣта; а далѣе и то мене понудило, что одинъ сказалъ: „то что буде? Ты поедешъ, то я пойду въ Афтонъ“; другой же вслѣдъ за мною началъ выражатся. Хотя то про насъ тамъ у васъ и аби-якъ доносятъ, якъ мѣнѣ слишно, чему не всему прошу вѣрить. Буди где самъ не повернусь, чи в степъ, чи промеж куренѣ, то всіо мало успѣху. Нашъ отецъ Яфетъ пока пивалъ, то смѣлѣвѣе былъ; а теперь, благодареніе Богу, уже угамовался, то менше и смѣлъ сталъ. Наконець, когда я толко з дому вичакну тутъ, то разнихъ вѣдомостей, хотя аби-якихъ (достану?). И такъ я всіо в разсужденіе принявъ, принужденъ, презря всѣ свои слабости и упокоенія, радѣя же о ползѣ обители и впредь запобѣгая худимъ слѣдствіямъ, остатся на прежнемъ мѣстѣ, о чемъ болѣе ничего не розширяю. В достовѣріе прошу сего листодавца Федора Луценка спросить и другихъ от насъ пріежжающихъ. И сіе я прошу у себе содержать и отцу намѣснику за секретъ сообщить, а болѣе никому, чтобъ его, старца, на чести не изобижденно. О чемъ всемъ вашему преподобію, яко моему другу и пріятелю, что в насъ човпется, донеся, по прежнему на козатствѣ зъ Божіею помощію остаюсь вашего преподобія, милостивого моего благодѣтеля, покорній слуга іеромонахъ Рафаилъ. 1764 года, іюня 23, в Сѣчѣ.

На особомъ листкѣ: Посилаю вамъ жовту мишину, за которую прошу мѣнѣ козловій поясъ хорошій квѣтчастій

исправить и мѣцненькій, чтобъ его добре можно подтягать. Пожалуйте, постарайтесь всѣ гуртомъ, отцу Гервасію чи не можно хоча маленкой Христѣ (NB давать благословеніе) прислать, ибо очень скучаетъ. Чаю хотя купѣть, хотя такъ пришлѣть, бо нѣгде в насъ достать. Маслинъ и миgдаловъ горкихъ потому не посылąю, что миgдаловъ вовся не оказалось, а маслинъ в троихъ найшлись, толко не такови, якихъ написано, иначе очень худи. Ви мнѣ календара забулись прислать, за то пришлѣте и старого, и на слѣдующій годъ. Вино и бакалія здавались намъ очень хорошіе, да и сторонніе похваляли; Богъ вѣсть, какъ через дорогу покажутся. А что не по реестру к намъ прописанному де-кое покуплено, то то потому такъ сдѣлалось, что такъ малаго вѣсу и мѣри не обисковалось, а начинать судини или до половини продавать купечество не похотѣли, и такъ мы принуждени и назвишъ брать де-кого чего, а де-чего и не купили, яко то миgдаловъ горкихъ 60 не обискали, а маслини хотя и били, толко весма подліе, и потому ихъ и не покупали. Ежели жъ купля якова не покажется, то не дуже пугайте, бо чтобъ з ляку и въ Афтонъ не позабѣгали.

На другомъ листкѣ: За прибитіемъ отца архимандрита Мижигорского [1]) в Сѣчь, ходили с хлѣбомъ и виномъ, которой на первой нашъ привѣтъ такіе рѣчи сказалъ, что „вы намъ теперь нѣбы крѣзъ сито видитесь", а когда я спросилъ: „Зачимъ?" то такъ в отвѣтъ, что „мы и ви безперемѣнно здесь живете". А посля, какъ з домашнѣми роспитался и они ему лишнею гуторкою уши набили, то уже не толко якъ крозъ сито, но уже и вовсе не сталъ видѣть, и когда мы мимо его идемъ или встрѣтимся и станемъ кланятся, то, не знаю, чему отворочуется, будто не видитъ. За чимъ прошу, когда за поворотомъ онъ биватиметъ у его преосвященства, яко ухожій, и станетъ на насъ что сновать, чтобы не очень изволили принимать доноси, бо иногда от зависти человѣкъ грѣшній чего не наплещеть! Вони насъ и всѣ гуртомъ не-

[1]) Таковымъ былъ въ то время Гедеонъ Слонимскій.

навидютъ, а найпаче мене, грѣшнаго, толко то, что не могуть чего учинить, стороною сѣкуть и рубают, да и промеж вѣйскомъ плевели сѣют. Толко, благодареніе Богу, ихъ клевета мало успѣвает. К тому ж на поповъ Самарских и Кодацких писмомъ прошу погрозится, чтобъ трохи учтивіе били, ибо, когда приедешъ мимоездомъ, то, пекъ имъ, и в двѣръ не пускаютъ. Толко тамъ одинъ добрій въ Самарѣ—отецъ Стефанъ Третякъ.

Въ концѣ письма отмѣтка о. Іакова: При семъ получено мишину и осятра свѣжопросолного.

13.

Преподобнѣйшій господинъ отець писарь, намъ милостиво надежній добродѣю!

При засвидѣтелствованіи нашего вашему преподобію поклона, біемъ челомъ обще всѣ трое насъ вамъ, милостиво надежному добродѣю, барилцемъ мушкателю и барилцемъ соку лимонного, которой маленкой гостинчикъ милостиво принять, а насъ, своихъ слугъ, въ милости своей содержать нижайше просимъ; а ми навсегда такови к вашей чести и есми, и будемъ. Вашего преподобія, милостиво надежнѣйшаго нашего добродѣя, покорніе слуги: іеромонахъ Рафаилъ, іеромонахъ Іафетъ, монахъ Гервасій.

На письмѣ отмѣтка о. Іакова: Получены барилця, толко не полныи.

14.

Преподобнѣйшіи отци Рафаиле, Іафете и Гервасіе, о Христѣ и Господѣ возлюбленныи мнѣ отцы, братія и благодѣтели!

Писмо я ваше получивъ; получилъ купно барилце мушкателю и барилце соку лимонного. Благодарствую за тое, паче же за изъявленную тѣмъ братерскую вашу ко мнѣ любовъ, въ якой и впредъ мене незабвенна имѣть ваши преподобіи прошу и при засвидѣтелствованіи взаимнаго моего

поклона з доброжелателствомъ моимъ пребываю вашихъ преподобій, о Христѣ Господѣ возлюбленныхъ мнѣ отцевъ, братій и благодѣтелей, одолженный и покорный слуга іеромонахъ Іаковъ. 1764 года, сентября 28.

15.

Преподобне отче Рафаиле, любезнѣйшій мой другъ и благодѣтель!

Свидѣтелствуя вашему преподобію мое почтеніе, отдаю должный мой поклонъ. Дай Богъ въ свое время и лицезрително оный засвидѣтелствовать. По многимъ обстоятелствамъ хороше вы весма здѣлали, что еще тамъ остались, да и его ясне в Богу преосвященство тѣмъ весма доволенъ. Я его преосвященству докладалъ и о обстояніяхъ вашихъ. Вы будте благонадежны: золото и въ попелѣ свитытся. Сава уже сентября 3 прислалъ мѣдь на кришку церкви, якая уже и кріется, а самъ еще по нѣкоторимъ дѣламъ въ Москвѣ проживаетъ. Отець Тарасій въ Кіево-Кирилскій монастырь ігуменомъ, на мѣсто умершого минувшаго августа 15 дня отца Мелхиседека Орловского, сего сентября 14 дня произведенъ. Его преосвященство от приключшейся пред симъ болѣзни виздоровливать и служить началъ. Отецъ Азарія минувшого іуля 26 д. въ Виленскій монастырь, по произведеніи во ігумена, отправился на старшинство. Прочое напредки оставляю, а взаимно вѣстей отъ васъ ожидаю и съ доброжелателствомъ моимъ остаюсь вашего преподобія, любезнѣйшаго моего друга и благодѣтеля, всѣхъ благъ желатель и покорный слуга іеромонахъ Іаковъ. 1764 года, сентябра 28 д.

Вашему преподобію, о. Рафаиле, посылаю на слѣдующій 1765 новый годъ полскій календарь. Даруй, Господи, вамъ оный годъ здраво начать и при совершенномъ здравіи окончить. Отъ всей братіи посылаю вамъ полфунта чаю, а отъ мене самого головку сахару; наваривши чаю, кушать во здравіе вамъ зъ отцемъ Яфетомъ и Гервасіемъ желаю. За мишину покорно благодарствую, а поясъ шіютъ, толко теперъ не поспѣлъ по сей оказіи; впред пришлю чрез тамош-

ныхъ священниковъ новорукоположенныхъ. Да и за осятра дай Боже вамъ здоровья: хорошъ былъ покойникъ!

16.

Преподобнѣйшій господинъ отець писарь митрополіи Кіевскія, мнѣ милостиво дознаннѣйшій отче и добродѣю!

За пожалованіе насъ сахаромъ и новимъ каландаромъ и благою вѣстью, со всею о Христѣ братіею сѣчовою покорно вашему преподобію благодарствую. Дай Богъ въ слѣдующемъ новомъ году с вами здоровими видатся и устно за каляндар благодарить, с которимъ моимъ благодареніемъ навсегда пребывая, есмь вашего преподобія, мнѣ милостиво дознанѣйшого отца и добродѣя, покорній слуга іеромонахъ Рафаилъ. Октябра 12, 1764 года, в Сѣчи.

Приписка на клочкѣ: Пожалуйте потрудѣтся, пришлѣтъ на мой щетъ блятиковъ пять*) чрезъ Кодацкихъ поповъ новопоставленихъ, когда будете поясъ пересилать, с прописаніемъ за нихъ цѣни, а я, Богъ судитъ, хотя при свиданнѣ, хоть по оказіи вамъ денги пришлю.

За гостинець теперъ вибачайте, бо нема таковского, чего вамъ послать.

На особомъ листѣ: Gазети Сѣчовіе. Ездили мы с Гервасіемъ отъ 17 сентября по 6 октября по зимовникамъ, а и опять, по отправки, намѣренни в ту ж дорогу. В насъ теперъ очень тупо добичъ идетъ, да и Богъ знаетъ, какова она будетъ. Дай Богъ, чтобъ хотя по торочному было, толко сумнително, ибо сего года много архимандрити повидирали денегъ; ктому жъ еще и нашей братіи паръ до десяти тѣхъ, что я знаю, на зимовлю остается. Чрез лѣто такъ в насъ на добичь трудно было, что принуждени з готовой контентоватся. Ктому жъ нашѣ немалимъ намъ препятствіемъ. Я к вамъ и прежде писалъ, что непристойно было отцу Іусту книги видавать, а теперъ тодже и самимъ дѣломъ оказалось, ибо где мы намирени поехать, то они напредъ

*) Т. е. иконъ, писанныхъ на деревѣ.

забѣжавъ, себе сказують Софѣйскими, и такъ намъ уже ничего не дадуть, да и в куреняхъ то же дѣлается, о чемъ подробно много писать, и каково на сей (разъ?) будетъ, не подѣвѣтъ. Ктому жъ и домашніе нашѣ уже порознились, не вѣдаю, к болшой ли то ползѣ, или якъ: отець Іафетъ взялъ самъ себѣ книгу, которого мы толко именемъ в дворцѣ знаемъ, а онъ весь въ Іуста, и не вѣдаю, ест ли в него что, или нѣтъ. И такъ мы толко вдвохъ с Гервасіемъ дворъ содержать и что в немъ нужно промишлять принуждени. Отець Гонтаровскій еще от себе и третую пару пяницъ с книгою прислалъ на якуюсь Новороскую Коробчинскую церковь просить, но едино намъ посмѣяніе и осужденіе, которіи себе тожъ Софѣйцами називаютъ, и я самъ ту книгу в рукахъ держалъ, в якой ни пути, ни ладу не нашолъ. Я думаю, чут ли не станетъ уже и отець Папала отъ себе книгъ видавать. Отець Гервасій перво было въ Камяне за соллю отправился, толко нисколко дней пожилъ и такъ жестоко на горло заболѣлъ, что цѣлой тиждень ни елъ, ни пилъ, ни говорилъ, толко жъ, слава Богу, уже совсѣмъ оздоровѣлъ; и такъ его отець Іафетъ перемѣнилъ, которой и по ся пори еще за соллю страпаетъ. С соллю осторожнѣе, ибо и сіе лѣто за колотнечею ватаги до сентябра почти не пущено, а и на той годъ Богъ вѣсть, каково будетъ. Ханъ с Ордою и Турками, которой было за Богъ виступилъ, по сказкамъ до 50 тисячей погналъ на зимовлю в Волощину. В насъ чрез цѣлое лѣто писомъ в Русь никому не видавали и затимъ от насъ никакова извѣстія не било. Рибалки по Низу за ватагою скорблятъ, что риби вялоѣ и просолу есть достаточно, да брать нѣкому; и такъ они без хлѣба тетеру з рибою едятъ, что и мнѣ в нихъ со тричи случалось ужинать. Винъ новихъ еще нетъ в привозѣ, а старіе то покисли, то поспивали. Дворець уже совершенно утвержденъ и от куреня быть монастырскимъ, толко чтобъ онъ справди былъ дворцемъ, надобно на него положить до ста рублевъ, ибо всіо уже в немъ обетшало, что едно непремѣнно требуетъ подчинки, а другое вновъ состроится.

Мы, слава Богу, на сей часъ всѣ дужи и здорови находимся.

17.

Преподобне отче Рафаиле, любезнѣйшій мой другъ и благодѣтель!

Не имѣя времени пространно писать, однакъ не упущая случая при отправѣ намѣстныи Старокодацкой, мѣстечка Самарчика, церкви Троицкой священника Іоанна Михайлова, чрезъ сіе отзывъ мой чиню, желая вамъ благополучнаго пребыванія, при чемъ обявляю, что я ваше писмо и газети получа, благопріятно принялъ и впред оными мене не оставлять прошу, что будетъ ко одолженію моему, который всегда есмъ вашего преподобія, любезнѣйшаго моего друга и благодѣтеля, всѣхъ благъ желатель и покорный слуга іеромонахъ Іаковъ.

18.

Высокопреподобнѣйшій во іеромонасѣхъ господинъ отець Іаковъ, Кіево-Софѣйскаго катедралного монастира достойно почтеннѣйшій писаръ, отецъ мой високо милостівій и добродѣю!

3 сентября м-ця 28 д. от вашего высокопреподобія отпущенное ко мнѣ писаніе с моимъ трудникомъ оное получено, которимъ писаніемъ усердное свое отческое милосердіе, какъ со всего видимо, свидѣтелствуете, за которое ваше высокомилостивое неоставленіе и в знакъ того присланный въ гостинчикъ сахаръ намъ, запорожникомъ, ваше высокопреподобіе всевышній Господь Богъ благодатію своею да не оставитъ. Въ такомъ моемъ вѣрно-усердіи себе вашего высокопреподобія неотемлемой высокой милости навсегда поручая, зъ высокопочтеніемъ имени вашего остаюсь вашего высокопреподобія, моего высокомилостивого отца и добродѣя, нижайшій послушникъ іеромонахъ Іустъ. 17 м. октября, 1764 года, Сѣчъ.

PS. Вашему высокопреподобію посилаю чрезъ Луценка Федора мишинъ жолтихъ пару і лимоного соку бочонокъ; прошу покорне принять.

19.

Пречестный отецъ Іустъ, благопріятель мой!

За одолженіе мене писмомъ и за присылку пары мишинъ жолтихъ и лимонного соку покорно вашей пречестности благодарствую и то знакомъ любви вашей ко мнѣ имѣть буду, которой и о продолженіи прося, навсегда есмъ пречестности вашей, благопріятеля моего, вѣрный слуга іеромонахъ Іаковъ. Ноября 6, 764 года.

20.

Преподобне отче Рафаиле, любезнѣйшій мой другъ и благодѣтель!

При отправѣ нынѣ новорукоположенного діакона Старокодацкой намѣстніи, мѣстечка Самарчика, къ церкви святыя живоначалныя Тройцы, Авраама Сагайдака, посылаю вашему преподобію чрезъ оного діакона три иконы святителя Николая, по требованію вашему. И предъ симъ послалъ я чрезъ Самарчицкого священника Іоанна Михайлова поясъ ремѣнный, коего о полученіи я еще увѣдомленія не имѣю. Желаю вамъ слѣдующій праздникъ радостно и спасенно провождать и при такомъ усердномъ желаніи пребываю вашего преподобія, любезнаго моего друга и благодѣтеля, всѣхъ благъ желатель и покорній слуга іеромонахъ Іаковъ. 1764 года, декабря 24.

21.

Преподобнѣйшій господинъ отецъ писарь, милостиво дознаннѣйшій отче и добродѣю!

Вручителя сего, козака куреня Менского пана Петра, за явкою его у вашего преподобія, по своему ко всѣмъ природному честнимъ людямъ человѣколюбію и добросердечію,

прошу таковой своей милости удостоить, якову когда-сь было ко мнѣ оказиваете, силно бо добрій человѣкъ к нашей братіи, чернцамъ, да и самъ тим же, видно, шляхомъ хочеть потекти. Я вамъ о своемъ здоровіи по сей оказіи не обявлю: листодавецъ самъ, с которимъ мнѣ по причинѣ близкого сосѣдства и повседневного набоженства ежедневное свиданніе ползуетъ, какъ найяснѣе, буди нужно будетъ вѣдать, протолкуетъ. В протчемъ отдая мой вашему преподобію поклонъ, таковимъ остаюсь вашего преподобія, моего милостиво дознаннѣйшаго отца и добродѣя, покорній слуга и богомолець іеромонахъ Рафаилъ. Ноябра 21 д. 1764 года, в Сѣчи.

22.

Преподобне отче Рафаиле, любезнѣйшій мнѣ отецъ, братъ и благодѣтель!

Писма ваши ноября отъ 21 д. 1764 и генваря отъ 15 д. сего 1765 года получилъ я исправно, за неоставленіе мене которыми много благодарю и оные за знакъ вашей ко мнѣ братерской любви имѣю. Сожалѣю, что вы еще не получили пояса и иконъ, а я поясъ ремѣнный чрезъ Самарчицкого священника новорукоположенного Іоанна Михайлова, а три иконы чрезъ діакона Старокодацкой намѣстніи мѣстечка Самарчика, церкви святыя живоначалныя Тройцы, Авраама Сагайдака еще въ прошломъ годѣ послалъ. А нынѣ, при отправѣ отца Іуста Левѣцкого за милостинкою на Кириловскій монастырь, посылаю вамъ еще икону Пресвятыя Богородицы Владимирскую. Отець Іустъ имѣетъ тамъ, по дозволенію его преосвященства, и предики говорить. Вы весма добре здѣлали, что остались на другой годъ тамъ: вы чрезъ то можете свое здоровье поправити и монастырю, а паче церквѣ прибыль здѣлати. У насъ уже церковныи глави мѣдью побыты вашимъ старателнымъ укладомъ, а еще якъ поживете тамъ, то и лучше укрыимо. Минѣ безъ васъ скучно, да скучно бъ было, ежели бъ я не имѣлъ тамъ васъ корреспондента. На мѣсто отца Јсаака, ігумена Нехворо-

щанского, декабря 25 д. преставившогося, назначенъ ігуменомъ отецъ Петръ Артовскій. Отецъ Сава еще въ Москвѣ стряпаетъ за церковными дѣлами и хвалится—добре ему тамъ ведется. Господинъ кошовый приниманъ у его преосвященства достойно и сего февраля 10 д. виѣхалъ съ Кіева въ свой путь. Каменное келій строеніе прошлыхъ двохъ лѣтъ производилось и уже съ фундаменту вишли и склепи подъ келіями, сѣнцями и чуланами вездѣ позасклеплюваны, а на слѣдующое лѣто собираемось келіи начинать муровать. Много на то надобно кошту, да нѣтъ где его взять. Старайтесь, яко мога, чтобъ, якъ возвратитесь, было вамъ где жить, бо теперъ, когда старіи нѣкоторыи келіи раздрушены, а новыхъ еще нѣтъ, то декому нѣгде и жить. Вы, коли тамъ вамъ добре, до Софіи не спѣшѣте; въ другій разъ не знаю уже, чи лучится вамъ тамъ бывать; а тымъ часомъ келіи выстроятся. Самы возрастъ имате. Про тое оставляю на далшый часъ, вамъ же желаю здравія и благополучного обращенія и во все благое преуспѣянія, и всегда при томъ пребываю вашего преподобія, любезнѣйшаго мнѣ отца, брата и благодѣтеля, усердный доброжелатель и всегдашный услужникъ іеромонахъ Іаковъ. 1765 года, февраля 20 д., Софійскій монастырь.

Чи не дешевы тамъ мигдалы горкіи для водки? Да и татарскіи тулубы згодились бы, якъ бы трафился добрый на славу, а ледаякій и у насъ есть.

23.

Преподобнѣйшій господинъ отецъ писарь, милостиво дознанный мой отче и добродѣю!

Еще и при сей оказѣи на писмѣ вашему преподобію мой всеискреннѣйшій поклонъ свидѣтелствуя, желаю вашему преподобію во всемъ мирнаго благоспѣянія и паки напоминаю о моихъ к вамъ прежде бывшихъ прошеніяхъ; а далѣе уже хощу не ктому на писмѣ, но усти ко устомъ глаголати. А теперъ оставайтесь здорови. Вашего преподобія, мило-

стиваго моего отца и добродѣя, покорній слуга іеромонахъ Рафаилъ. Февраля 27, в Сѣчи.

24.

Преподобнѣйшій отець Рафаилъ, любезнѣйшій мнѣ отець, братъ и благодѣтель!

При отправѣ отца Іуста Левѣцкого февраля 20 д. сего года, заготовилъ былъ я писмо и икону, но онъ не освѣдомлясь виѣхалъ и не взявъ писма и иконы. А нынѣ, получа ваше братерское писмо, февраля от 27 д. пущенное, и имѣя сію окказію за певную, оное писмо и купно икону Пр. Богородицы посылаю. Отець Петръ Артовскій, ігуменъ Нехворощанскій, сего марта 20 д. въ Нехворощу виѣхалъ [1]. Я вамъ слѣдующій Воскресенія Христова праздникъ, дождавъ, препровождать богоугодно, душеполезно и цѣлоздравственно усердно желаю, пребывая вашего преподобія, любезнѣйшаго мнѣ отца, брата и благодѣтеля, усердный доброжелатель и вѣрный слуга іеромонахъ Іаковъ. 1765 года, марта 22.

25.

Преподобнѣйшій господинъ писарь катедралній, мнѣ милостиво дознанній отче и добродѣю!

Три блятика святителя Христова Николая и ремѣнный поясъ чрез Самарчицкихъ священниковъ сего априля 11 дня я получилъ, за что вашему преподобію, моему попремного дознанному отцу и добродѣеви, симъ покорнѣйшее заношу благодареніе чрез столичниковъ нашихъ Сѣчовихъ, а когда Богъ удостоитъ, то и лицезрително благодарить не премину. А теперъ толко доношу, что еще движусь. Сяя весна очень на насъ не пошанцовала: послушникъ насъ лошадями такъ обидилъ, что на саміе Воскресенскіе свята шестеро самонуж-

---

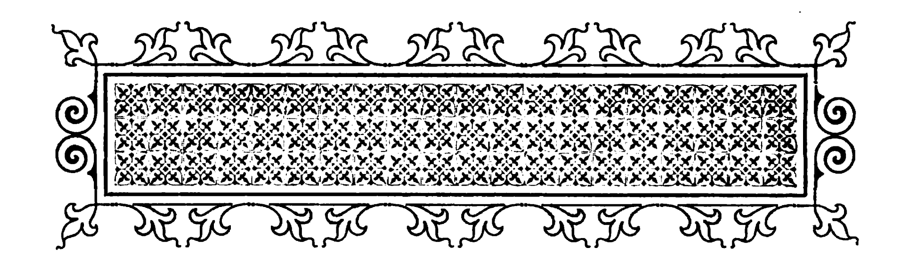
[1] Въ 1767 г. этого Петра Артовскаго мы встрѣчаемъ уже игуменомъ Кіевскаго Петропавловскаго монастыря; въ этомъ званіи онъ участвовалъ 19 авг. въ освященіи Андреевской церкви.

нѣйшихъ к поездки коней запасъ [1]) и самъ безвѣстно бежалъ, за чимъ мы теперъ и по сего отпускъ изъ Сѣчи по зимовникахъ не проежжались, а тѣмъ немало и добычи, какъ чаятелно, впустили, и не помалу скорбимъ, что не такъ всіо удается, какъ думается и хочется. Писма отъ васъ очень нескоро к намъ доходятъ. Не знаю, какъ перемѣна скоро ли будетъ; в протчемъ всіо по старому; Гервасій отправленъ на Низъ въ Смолове лоткою за рибою, а Яфетъ дней изъ шесть по степу за конми проездился. Наконецъ уготови мнѣ обитель к обиталищу, дабы попрежнему по кухняхъ под лавками не скитатся, а я вашъ доживотній богомолецъ какъ естъ, такъ и пребуду. Вашего преподобія, моего милостиво дознанного отца и добродѣя, покорній Рафаилъ. Априля 27 дня, в Сѣчи.

Сообщилъ О. Левицкій.

---

[1]) Т. е. не устерегъ на пастбищѣ.



Письма декабриста Алексѣя Петровича Юшневскаго и его жены Маріи Казиміровны изъ Сибири [1]).

I.

Марія Казиміровна Юшневская Семену Петровичу Юшневскому.

23-го Мая 1830 года.
Нижній Новгородъ.

Любезный и Милый Братъ, Семенъ Петровичъ! 18-го числа выѣхала я изъ Москвы въ Сибирь и никакъ не успѣла написать къ Тебѣ, мой другъ.—Недѣли двѣ предъ моимъ отъѣздомъ я провела въ большомъ безпокойствѣ: изъ кареты въ карету пересѣдала, такъ что у меня назначены были часы, въ которомъ должно было прислать и куды. Я желала какъ можно поспѣшить съ моимъ отъѣздомъ, а между тѣмъ въ Москвѣ почти со всею знатью познакомилась. Любезный Семенъ Петровичъ! дни, проведенные въ семъ городѣ, никогда не будутъ забвенны въ моей жизни: Я столько ласкъ и благодѣяній получила въ Москвѣ, что безъ слезъ благодарности не могу вспомнить. Ты знаешь всѣ мои способы, съ какими я выѣхала изъ Тульчина, и знаешь тоже, что я послѣднюю шубу и ложки серебряныя продала, чтобы мнѣ

[1]) См. докладъ П. В. Голубовскаго во II вып. XVIII-й кн., отд. 1, стр. 64—65.

доѣхать въ Москву. Я ѣду теперь въ Сибирь, имѣя все, что только мнѣ нужно. Далѣе все изкуплено для хозяйственнаго заведенія, какъ то: посуда и прочее. Брату твоему купила все, что только ему необходимо: и сукна везу съ собой, и платье лѣтнее здѣсь ему сшила, сапоги, платки шейные, все, что онъ можетъ только въ чемъ нуждаться, я ему привезу. Себѣ сдѣлала, наилучше сказать, дали мнѣ весь гардеробъ платьевъ, лѣтнихъ—для дороги, и тамъ носить. Дала мнѣ Катерина Ѳедоровна коляску, за которую заплатила 300 р. с. и которая сдѣлана на заказъ лучшимъ мастеромъ въ С.-Петербургѣ. Однимъ словомъ, она меня такъ проводила въ дорогу, что еслибы я была ея дочь любимая, она не могла-бы больше входить во всѣ подробности и во всѣ мои надобности. Человѣка я имѣю съ собой очень хорошаго съ женою, которому плачу 200 р. с. въ годъ. Оба они очень добрые и вѣрные люди, которые, навѣрное, сберегутъ и меня и все мое имущество въ дорогѣ. Человѣкъ сей данъ мнѣ княгинею Шаховской въ услуженіе, т. е. отпущенъ ко мнѣ въ услуженіе. Человѣка сего и его жену она очень хвалила и съ трудомъ съ нимъ разсталась, но сдѣлала сіе пожертвованіе для женщины, которая въ такой дальній путь идетъ. Вотъ, мой другъ, невѣсты! Что за милыя княжны, какія прекрасныя собою, какія добрыя, милыя и какъ воспитаны! Дай Богъ тебѣ такую невѣсту: тогда бы ты съ своимъ добрымъ сердцемъ много дѣлалъ добра ближнимъ. Если ты будешь когда-нибудь въ Москвѣ и увидишь графиню Потемкину, вспомни ей обо мнѣ: какъ она будетъ довольна, чтобы говорить съ тобою обо мнѣ. Я ей обѣщала, что когда ты будешь въ Москвѣ, то непремѣнно у нея будешь, чтобы изъявить ей всю мою благодарность за всѣ ея дружескія ласки, оказанные мнѣ. Нарышкину, Шереметеву, княгиню Голицыну, урожденную Нарышкину, Авдотью Михайловну,—всѣхъ сихъ дамъ обожаю на всю мою жизнь. Какъ-бы я желала, чтобы ты теперь увидалъ мой альбомъ! Другъ мой любезный, Семенъ Петровичъ! Я столько была счастлива въ Москвѣ, что никогда еще въ моей жизни: нигдѣ меня столько

не ласкали и не любили. Богъ чудеса показалъ надо мной, очевидно! Представь только себѣ, что я безъ гроша пріѣхала въ Москву и нуждаясь во всемъ, и въ такъ короткое время и съ такими выгодами проводили меня изъ Москвы въ такой путь! Чудеса Богъ показалъ надо мною! Онѣ всѣ сами говорили: „очевидно, Богъ помогаетъ тебѣ и благословитъ путь твой". Ты знаешь, что мнѣ M-me Posnikoff только и дала, что четыре тысячи рублей и то въ счетъ процентовъ Сониной суммы. Можешь судить, что бы я могла сдѣлать, еслибы я грошъ изъ сихъ денегъ издержала, а экипажа никакъ бы не была въ состояніи купить, и человѣку 200 р. с. заплатить въ годъ.... Я бы съ обозомъ непремѣнно отправилась, еслибы Богъ не послалъ мнѣ благодѣтелей.... Ты видишь, любезный братъ, Семенъ Петровичъ, что ѣду я со всѣми выгодами, дано мнѣ все, что только нужно для тамошняго хозяйства; и одѣта, и обута, но что я тамъ буду ѣсть, остается о семъ подумать тебѣ нѣсколько. Какъ скоро получишь письмо сіе, постарайся непремѣнно выслать брату твоему, Алексѣю Петровичу, 500 р. с... Я для себя ничего не прошу и никогда не обезпокою тебя моей просьбой никакою. Первая моя и послѣдняя просьба къ тебѣ—выслать мнѣ двѣ дюжины чулокъ бумажныхъ. Дюжина лучшихъ стоитъ въ Тульчинѣ 25 р. Симъ однимъ только и нуждалась. Здѣсь я никакъ не могу купить: нельзя достать. Деньги необходимо нужно выслать 500 р. с. брату твоему. Оттоль я буду писать къ тебѣ, и будь увѣренъ въ честномъ словѣ, которое дано тебѣ теперь, что безъ самой крайней нужды я не попрошу у тебя для брата твоего ни копейки. Я посвящаю всю жизнь мою для него и, покуда я имѣю силы, буду стараться доставить ему всѣ выгоды и буду стараться, чтобы онъ никакъ не видалъ сего моего усердія, чтобы его не мучило сіе. Будь увѣренъ, что если я даю слово, исполню его во всей точности, и если я однажды скажу себѣ, что во что бы то ни стало я предпринимаю такую-то обязанность на себя, исполню ее въ точности. Другъ мой, возврати ты мнѣ дружбу твою: я въ полной мѣрѣ заслужу ее. Всю жизнь посвящу мою для мужа

моего, сдѣлаю его спокойнымъ и счастливымъ, пріѣхавъ къ нему. Съ твердымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ ѣду къ нему, чтобы жить единственно для него, чтобы каждую минуту посвятить жизни моей для негó одного. Будь увѣренъ, что пріѣздъ мой будетъ для него облегченіемъ въ его мучительномъ положеніи и сдѣлаетъ его счастливымъ. Въ послѣднемъ письмѣ пишетъ княгиня къ Муравьевой Катеринѣ Ѳедоровнѣ, что мужъ мой весьма въ дурномъ положеніи, только и живетъ однимъ воспоминаніемъ обо мнѣ, ожидаетъ меня съ такимъ нетерпѣніемъ, что онѣ очень боятся о его здоровьи, которое чрезвычайно разстроено; и такъ печалится поминутно обо мнѣ, что онѣ не знали, что съ нимъ дѣлать. Нѣсколько дней не получилъ письма отъ меня, то князь Сергѣй боялся видѣть его отчаяніе. Онъ все говоритъ, что вы не хотите мнѣ сказать: моя жена умерла; не скрывайте отъ меня сего удара: пусть я знаю мою рѣшительную судьбу; жены моей нѣту уже на свѣтѣ; скажите мнѣ, умоляю васъ". Все только и говоритъ и думаетъ, что вѣрно я уже не существую. Такъ нетерпѣливо ожидаетъ меня, что трудно описать его положеніе. Всѣ, кто только читалъ письмо сіе въ Москвѣ, ужасно плакали. Княгиня Марья Николаевна заклинаетъ на все на свѣтѣ Катерину Ѳедоровну употребить всѣ силы, чтобы помочь мнѣ въ дѣлахъ моихъ, какъ только я пріѣду въ Москву, и чтобы я скорѣй выѣхала. Правда, что Катерина Ѳедоровна ничего не упустила, чтобы ускорить мой отъѣздъ и чтобы проводить меня со всѣми выгодами въ дорогу. Дай ей Богъ здоровья и награди ее Богъ, добрую старушку, почтенную! Часы въ закладѣ у почтмейстера Романенки брата твоего. Ради Бога, сдѣлай дружбу для твоего брата, постарайся выкупить ихъ за 300 р. с.,—золотые, карманные, а столовые пусть продаетъ Романенко. Ради Бога, если ты только можешь сіе сдѣлать для твоего брата, сдѣлай милость не откажись! По крайней мѣрѣ, если сего сейчасъ сдѣлать не можешь, напиши тотчасъ Романенкѣ, что современемъ сдѣлаешь сіе. Я сама буду просить его, чтобы удержалъ онъ часы сіи: это мужа моего любимые. Когда только

выкупишь ихъ, тотчасъ пошли къ К. Ѳ. Муравьевой въ Москву: она мнѣ перешлетъ ихъ въ Иркутскъ,—она каждую недѣлю непремѣнно посылку отправляетъ дѣтямъ и невѣсткѣ. Впрочемъ, надо только уложить хорошенько, и отголь послать можно самому тебѣ. Курительнаго табаку турецкаго я купила здѣсь, но знаю, что будетъ недоволенъ: шафранъ настоящій. Чѣмъ богата, тѣмъ и рада: здѣсь лучшаго не могла я достать. Какъ пріѣду въ Иркутскъ, напишу тотчасъ тебѣ. Пожалуйста, любезный мой Семенъ Петровичъ, не оставляй твоей помощи моей матушкѣ. Богъ тебя никогда не оставитъ, если ты будешь добрымъ для старухи, которая совершенно осталась одна, безъ призрѣнія и помощи. Дай ей одѣяніе, какое только ей нужно. Заклинаю тебя на дружбу, которую ты всегда къ брату твоему.... [1]). Въ моей-же благодарности не сомнѣвайся никогда: я умѣю чувствовать, какъ никто, благодарность и всегда отъ всего сердца благодарна. Если ты былъ совершенно ожесточенъ противу меня, забудь все, возврати мнѣ дружбу твою и возьми мое честное слово, что въ полной мѣрѣ буду достойною твоей братской любви и дружбы. Вспомни иногда прошедшее время, отдай мнѣ справедливость, что я всегда имѣла доброе сердце. Люби брата твоего Алексѣя, жалѣй его и думай о немъ часто: онъ съ дѣтства твоего показывалъ всегда всю нѣжность братской любьви къ тебѣ и дружбы. Сдѣлай милость, вышли 500 р. с.: это нужно, необходимо, на первый случай, какъ туда пріѣду, чтобы твоего брата не огорчилъ мой пріѣздъ, что не успѣла пріѣхать и нуждаешься. У меня останется рублей 500 съ дороги, а тамъ ты надошли. Потомъ я увѣдомлю тебя, какъ обѣщала, что безъ самой крайней нужды не буду у тебя просить. Можетъ, мнѣ Богъ дастъ здоровье и силы, буду работать и доставлю ему всѣ выгоды. Притомъ-же, и тамъ найду благодѣтелей: Богъ милостивъ! Прости душа моя, другъ любезный, Семенъ Петровичъ! Прости, мой братъ, котораго я во всю мою жизнь любить не перестану.

[1]) Пропускъ слова въ оригиналѣ.

Моли Бога о твоемъ братѣ, и обо мнѣ и вспомни иногда твою сестру, Марію Юшневскую.

Забыла сказать, что мнѣ сопутствуетъ нянька, которую посылаютъ для княгини Волконской, Полька, и дормезъ для княгини, и я имѣю два экипажа: коляску и карету.

Узнавши о моемъ проѣздѣ, супруга здѣшняго губернатора, Екатерина Ивановна Бибикова, пріѣхала ко мнѣ и увозитъ къ себѣ обѣдать и письмо сіе взялась отправить сама къ тебѣ. Какъ Богъ печется обо мнѣ! Такая ласковая, добрая. Дай Богъ ей здоровья! Послѣ обѣда я съ нею поѣду къ матери Крюковыхъ.

Екатерина Ивановна Бибикова—родная сестра Апостола Муравьева. Мужъ ея здѣсь губернаторомъ, и оба предобрые, премилые люди.

Въ воскресенье буду, надѣюсь, въ Казани. Сегодня—пятница.—Отдай записку моей матушкѣ и поцѣлуй ей ручку отъ меня. Adieu, mon cher Simon, adieu.

II.

Любезный братъ, Семенъ Петровичъ! Братъ твой здоровъ, но о сю пору еще не примѣтно, чтобы началъ поправляться. Кажется, началъ спать нѣсколько лучше, но апетиту вовсе не имѣетъ. Безсонницу терпитъ онъ всегда почти при перемѣнѣ погоды. Я также здорова, однако-же очень боюсь простудиться. Каждый день необходимо должна я раза два изъ каземата побывать на моей квартирѣ, потому что о сю пору не могу устроить своего хозяйства. Здѣсь очень трудно достать людей, а тѣхъ, которые со мною пріѣхали, я должна была отпустить, не будучи въ состояніп платить имъ 900 р. въ годъ. Они же люди, привыкшіе жить на всѣхъ выгодахъ и ничего не дѣлать, а здѣсь надо работникъ въ нашемъ положеніи, а не лакей. Нѣсколько тому дней, какъ я перестала сама кухнею заниматься: здѣсь достали женщину. Богъ знаетъ, какъ дальше будетъ идти мое хозяйство. О сю пору все еще не ладится, да и по новости я не умѣю въ семъ краѣ

примѣниться еще, какъ бы лучше и удобнѣе завестись хозяйствомъ. Какъ не стараюсь и не хлопочу, почти все безъ успѣха.—Много надобностей во всемъ, и не знаю, какъ будетъ, если ты не постараешься успокоить брата твоего во всѣхъ его нуждахъ. Особливо не могу себѣ никакъ представить, чѣмъ здѣсь жить, если ты найдешь необходимымъ вычесть изъ денегъ твоего брата, которые были у Марьи Ивановны Посниковой. Братъ твой о сю пору ничего еще мнѣ о семъ не говоритъ: вещь очень деликатная, а ты брата своего знаешь. Потому о семъ и съ сею почтою ничего тебѣ не напишу. Дай еще срокъ Алексѣю Петровичу сообразиться сколько нибудь, а тогда будь увѣренъ, что въ точности передамъ каждое слово.—Павелъ Васильевичъ кланяется очень тебѣ и проситъ, чтобы ты, получа деньги, исполнилъ его просьбу. Именно, всѣ его слова передаю тебѣ: обязанность моя писать все, что̀ желаютъ, по дѣламъ. Желаніе Павла Васильевича, на основаніи претерпѣваемыхъ имъ недостатковъ въ самомъ необходимомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ, есть: дабы ты оказалъ ему одолженіе присылкою на имя мое процентовъ съ денегъ, находящихся въ рукахъ твоихъ, за все прошедшее время по 1-е января будущаго 1831 года. Съ сего же времени уплачивать оные родителю его. Въ скорой уплатѣ капитала Павелъ Васильевичъ не видитъ надобности, лишь бы проценты платились исправно, потому что они суть единственное средство содержать его, не вводя въ затрудненіе его отца. Просьба сія основана на воли сего послѣдняго, о чемъ Павелъ Васильевичъ увѣдомитъ своего отца, коль скоро ты согласишься исполнить его просьбу. Онъ проситъ повторить тебѣ, что имѣетъ крайнюю нужду въ исполненіи этой просьбы. Любезнѣйшій Семенъ Петровичъ! у брата твоего почти нечего надѣть: такъ бѣденъ онъ платьемъ! Сдѣлай милость, поспѣши ему послать пару платья, то есть сюртукъ и два жилета, я думаю, темносиніе. Суконный сюртукъ безъ ваты, и кусочки сего сукна не забудь прислать, чтобы было чѣмъ обшить пуговицы, когда оборвутся. Мѣрку при семъ посылаю его. Алексѣй Петровичъ проситъ тебя одинъ

жилетъ черный суконный, а другой лѣтній сшить ему. Здѣсь рѣшительно нѣту портного. Примѣть по мѣркѣ, сдѣлай милость, какъ онъ похудѣлъ. Просила тебя я еще, когда богатъ будешь платочками шейными, пошли ему платка два, особливо, цвѣтныхъ, лѣтнихъ. Черные у него есть, не посылай: онъ лучше любитъ цвѣтные носить. Сдѣлай милость, поспѣши ему прислать платье: нечего надѣть ему. Пусть ему Борохъ сошьетъ, Семенъ Петровичъ, потому что онъ шьетъ и хорошо, и крѣпко.—Не могу скрыть отъ тебя моего огорченія, что не получаю писемъ отъ моей Сонечки. Не знаю, какъ ея здоровье послѣ родовъ. Утѣшаюсь мыслію, что зять мой такъ радъ своей дочери, что забылъ обо мнѣ, а Соня сама кормитъ и не успѣла еще поправиться послѣ родовъ. Братъ твой цѣлуетъ тебя отъ всей души и желаетъ тебѣ всякаго благополучія. Я прошу тебя быть увѣрену, что всегда люблю тебя и желанія мои самыя искреннія всегда тебя видѣть счастливымъ. Преданная тебѣ сестра и другъ, никогда неизмѣнный Марія Юшневская.

Пожалуйста, Семенъ Петровичъ, прикажи шить сюртукъ съ сборками, пришивная талія, какія теперь носятъ.

11-го Октября 1830 года.
Петровскій Заводъ.

Когда будешь въ Каменкѣ, скажи, что Василій Петровичъ совершенно здоровъ. Онъ тебѣ кланяется. А Фердинандъ Богдановичъ очень пополнѣлъ. Ты, я думаю, знаешь, что тульчинскаго нашего сосѣда. Петра Ивановича, жена замужъ вышла, а бѣдный о сю пору ее такъ сильно любитъ.

III.

. . . .

. . . .

Въ заключеніе братъ твой цѣлуетъ тебя отъ всего сердца и молитъ Бога, чтобы ты былъ всегда счастливъ и душевно спокоенъ, ибо ничего нѣтъ на свѣтѣ дороже, какъ душевное спокойствіе. Братъ твой здоровъ, но худъ такъ, что трудно

представить себѣ, и я боюсь, очень боюсь, что не вижу о сю пору ни малѣйшей въ немъ перемѣны, хотя, кажется, онъ спокойнѣе съ моего пріѣзда. Фердинандъ Богдановичъ увѣряетъ меня, что онъ поправится непремѣнно, только вдругъ сильно разстроенное здоровье не можетъ поправиться. Что касается до меня, нѣтъ почти ни одного дня, чтобы я не страдала головною болью, и въ сію минуту я на силу могу удержаться на стулѣ и почти словъ не вижу: такъ сильно голова болитъ. Мы торгуемъ здѣсь домъ, за который 900 р. с. рѣшается заплатить позволить (себѣ?) братъ твой. Но на него надо рублей четыреста издержать, чтобы его исправить: одна только кухня напротивъ черезъ сѣни и одна комната; насквозь дуетъ, и весьма небрежно поставлена изба сія. Тѣмъ только удобна для насъ, что очень близко (отъ) каземата. Прощай, другъ мой! Пиши къ намъ чаще и будь увѣренъ въ неизмѣнной моей къ тебѣ дружбѣ и привязанности. Любящая тебя отъ всего сердца сестра и другъ Марья Юшневская.

Маменькѣ моей поцѣлуй ручку за меня.

2 Ноября 1830.
Петровскій Заводъ.

IV.

13 Декабря 1830.
Петровскій Заводъ.

Любезнѣйшій Семенъ Петровичъ, братъ твой поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ совершенно здоровъ, кромѣ обыкновенной его боли въ поясницѣ; очень огорчается, что четвертый мѣсяцъ не имѣетъ никакого извѣстія о тебѣ. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты обѣщаешь вслѣдъ за симъ выслать еще денегъ. Очень бы ты хорошо сдѣлалъ, если-бы сдержалъ твое слово. Мы бы не были въ крайности, какую теперь терпимъ. Ты знаешь мои средства, съ какими я выѣхала изъ Москвы. Сюда пріѣхавъ, я имѣла непредвидимыя издержки. Алексѣй Петровичъ съ другими своими товарищами переведенъ въ Петровскій заводъ изъ Читы. Дорога сія продолжалась полтора мѣсяца, и я должна была издерживать лишнее, имѣя людей съ собой, которые отъ навод-

ненія были раскиданы. Я спѣшила къ мужу и пробиралась на лодкѣ, чтобы скорѣй его увидѣть, а человѣкъ мой жилъ долго, покуда ему была возможность пріѣхать, на почтовой станціи. Сюды пріѣхавъ, хотя мнѣ и дозволено жить вмѣстѣ съ моимъ мужемъ въ его заточеніи, но невозможно не имѣть квартиры, въ которой живутъ мои люди, готовятъ намъ ѣсть и бѣлье стираютъ. Я потому всѣ подробности тебѣ говорю, чтобы ты видѣлъ, что мы не желаемъ (ничего?), кромѣ необходимаго. Для сего-то мы нанимали избушку, за которую въ мѣсяцъ платили 25 р. с. Расчевъ, что лучше купить избу, чѣмъ платить дорого за наемъ, мы рѣшились, и я заплатила за избу мою 800 р. с., занявъ деньги, но надо издержать непремѣнно еще, по крайней мѣрѣ, 400, чтобы возможно было жить въ ней; посему ты можешь судить, какъ здѣсь дорого завести хозяйство. Когда будетъ отдѣлана моя изба, то, на случай моей болѣзни, буду имѣть я одну комнату для своего отдохновенія, а черезъ сѣнцы—другая комната, въ которой кухня, и живетъ въ ней моя стряпка. Дрова здѣсь хотя не дороги, однако въ зиму порядочно будетъ стоить. Любезный другъ возьми все сіе во вниманіе и постарайся вывести меня изъ долгу здѣсь, а когда уже устрою все, тогда меньше буду имѣть требованій.—Въ письмѣ твоемъ послѣднемъ ты говоришь брату, что вслѣдъ за онымъ вышлешь ему 1000 рублей. Весьма бы одолжилъ, если бы обѣщаніе свое исполнилъ, но нельзя тебѣ, видно, было сдержать слова; но не худо было бы написать хотя къ брату и быть увѣрену, что въ его заточеніи письма твои для него большой отрадой.—Братъ твой проситъ тебя, чтобы ты заказалъ Некишу сдѣлать для меня одинъ гроденаплевый капотъ, черный на ватѣ, утрешній, какъ онъ бывало для меня шьетъ, и у него мѣрка моя есть, только гроденапль чтобы не былъ узкій, а широкій, и черный цвѣтъ, впадающій въ стальной, а русскій узкій граденапль весьма непроченъ и очень скоро рыжеетъ. Да одно такое-же черное для меня платье, только шитое съ фалдами, карманами и не подъ шею: я не люблю подъ шею лѣтомъ платья. Некишъ знаетъ, какъ я люблю. У него закажи, и все сдѣ-

лаетъ хорошо. — Каждый годъ. И на цѣлый годъ никакихъ для меня другихъ посылокъ не надо дѣлать. Если можно, и успѣетъ къ Свѣтлому Воскресенію сія посылка, очень тебѣ буду благодарной. Алексѣй Петровичъ больше будетъ радъ моему черному капоту, какъ я: онъ меня въ такомъ оставилъ и любитъ меня въ сей одеждѣ, да и я сама люблю черный цвѣтъ. Алексѣй Петровичъ, надѣюсь, вскорѣ получитъ свое платье, о которомъ тебя просила для него. Онъ куритъ очень мало нонче табаку: не можетъ другого курить, какъ турецкій, крѣпкій. Какъ ты знаешь, я ему мало изъ Москвы привезла, то онъ бережетъ, но уже на исходѣ и тотъ. Не будешь ли ты богатъ, подѣлись съ нимъ курительнымъ табакомъ.—Прощай, любезный Семенъ Петровичъ, и извини, что столько требованій въ семъ письмѣ написала. Исполни, что можешь и что хочешь, и будь увѣренъ, что братъ твой любилъ тебя не изъ выгодъ или какихъ-либо видовъ, потому что онъ никакой въ томъ надобности не имѣлъ, и теперь точно такъ любитъ тебя. Я съ моей стороны много разъ доказала тебѣ, что моя дружба къ тебѣ была всегда безо всякихъ условій, и потому чувство въ сердцѣ моемъ сохраняется къ тебѣ всегда одинаково, хотя и много непріятностей было у насъ съ тобой другъ отъ друга. Все забыть надо каждому изъ насъ и находить величайшее утѣшеніе въ дружбѣ нашей, которая не должна быть измѣнною.—Прости, душа моя, любезный братъ Семенъ Петровичъ, желаю, чтобы твои имянины и рожденіе провелъ ты весело, съ которыми поздравляю тебя. Письмо сіе, я думаю, къ тому только времени дойдетъ до тебя. Прощай, любезный, поцѣлуй ручку моей матушкѣ за меня и скажи ей, что я и мужъ мой здоровы. Всегда преданная твоя сестра и лучшій твой другъ Марія Юшневская.

V.

Любезнѣйшій Семенъ Петровичъ! Послѣ завтра день твоего рожденія, а чрезъ три дня день твоихъ имянинъ, съ

которыми поздравляю тебя. Желанія мои всегда самыя лучшія для тебя, и твоего брата тоже, который тебя обнимаетъ. Я хотѣла писать къ тебѣ перваго числа, но какъ письма сегодня должно отправить, то въ день твоего рожденія я, не писавъ тебѣ, много разъ, навѣрное, вспомню тебя вмѣстѣ съ твоимъ братомъ, который проситъ тебя потѣшить-выслать ему деньги, ибо онъ здѣсь задолжалъ и очень нуждаться еще будетъ въ нихъ, покуда ты вышлешь ему. Дай Богъ, чтобы ты до полученія письма сего самъ давно подумалъ о братѣ твоемъ. Алексѣй Петровичъ не худѣетъ и не поправляется о сю пору. Нѣсколько дней былъ нездоровъ. Я думаю, простудился, но, слава Богу, прошло. — По разнымъ извѣстіямъ, доходящимъ до насъ, я полагаю, что ты въ большомъ безпокойствѣ. Знаю, что въ Хрустовой хлѣба не было много, и запаснаго у крестьянъ не было. Не дай Богъ, чтобы болѣзнь, которая свирѣпствуетъ въ сосѣднихъ губерніяхъ, посѣтила вашу сторону. Сколько трудностей человѣку въ жизни доводится переносить.—Любезный братъ! Дѣти мои писали, что ты былъ у нихъ и что провелъ два дня съ ними. И Владиміръ былъ съ тобой. Благодарю васъ обоихъ, что вы посѣщаете моихъ дѣтей.—Грустно мнѣ было, что ты самъ не пишешь къ брату твоему, который очень безпокоится о тебѣ, особливо съ тѣхъ поръ, что разныя дошедшія до насъ извѣстія обѣщаютъ одни бѣдствія.—Нѣсколько дней было здѣсь ужасно холодно: по 33 градуса былъ морозъ, и мнѣ казалось, что я насквозь промерзла, но бываетъ здѣсь еще холоднѣе сего. Не могу сказать, чтобы перемѣна климата большое вліяніе имѣла на мое здоровье, однако же, я часто бываю очень страждущею.— Алексѣй Петровичъ цѣлуетъ тебя сердечно и поручаетъ себя твоей дружбѣ и памяти. Проситъ также обнять за него брата Владиміра. Братъ твой никогда не переставалъ желать тебѣ счастья и благополучія. Прощай любезный братъ! Вышли скорѣе деньги, если желаешь успокоить твоего брата и прекратить его тяжкое безпокойствіе. — Цѣлую тебя отъ души, мой милый, и люблю тебя всегда отъ всего сердца. Другъ и сестра твоя Марья Юшневская.

Прошу тебя, сообщи моей маменькѣ, что мы здоровы, и поцѣлуй у нея ручку за насъ обоихъ.

29 Января 1831.
Петровскій Заводъ.

VI.

Любезнѣйшій Семенъ Петровичъ! Сонюшка пишетъ мнѣ, что ты не получилъ писемъ моихъ, между тѣмъ какъ я писала къ тебѣ съ пріѣзда моего шесть, а именно: 28 Сентября, 12 Октября, 2 и 16 Ноября, 13 Декабря, 29 Генваря, и съ тѣхъ поръ я не писала болѣе, видя, что не получаю отвѣта на мои письма, но получивъ съ прошедшею почтою отъ дѣтей моихъ письмо, я увидѣла, чло письма мои не дошли до тебя. Мы удивляемся съ братомъ твоимъ, какимъ образомъ всѣ наши письма, писанныя къ другимъ, получены, а ты не получаешь. Какъ-бы то ни было, я рѣшилась опять писать къ тебѣ, чтобы сказать, что братъ твой здоровъ, но ты легко можешь себѣ представить его удивленіе и безпокойство, не получая твоихъ писемъ. Разныя мрачныя мысли тревожили его, тѣмъ болѣе, что разныя, доходившія до насъ, извѣстія, подавали къ тому поводъ. Наконецъ успокоило насъ письмо Игнатія Онуфріевича отъ 15 Февраля, которымъ извѣстилъ онъ насъ, что ты совершенно здоровъ и кончилъ раздѣлъ съ твоимъ братомъ, Владиміромъ. Алексѣй Петровичъ былъ доволенъ симъ извѣстіемъ, полагая, что чрезъ то будешь ты имѣть болѣе средствъ привести въ порядокъ дѣла. Что касается до насъ, любезный братъ Семенъ Петровичъ, то я надѣюсь, что рано или поздно письма мои дойдутъ до тебя. Изъ нихъ увидишь ты, въ какой крайности мы находимся. Скоро годъ, любезный мой, какъ мы не получаемъ отъ тебя никакого извѣстія. Послѣднее письмо, какое мы отъ тебя получили, было отъ 15 Іюля прошлаго года. При немъ прислано было 1000 р. с., и съ тѣхъ поръ не получали мы ни откуда ни копейки. Самъ посуди, можно-ли прожить годъ такими способами, а ты знаешь, съ какими я сюда отправилась. Извѣстіе о твоемъ раздѣлѣ съ Владиміромъ подаетъ надежду, что ты обратишь совершенно

твое вниманіе, чтобы ускорить устройство дѣлъ, которыя, конечно, должны тебя весьма безпокоить. Прощай, милый мой братъ Семенъ Петровичъ! Алексѣй Петровичъ мысленно тебя обнимаетъ, и я также, желая тебѣ всякаго благополучія, душевно любящая тебя сестра Марія Юшневская.

4 Іюня 1831.
Петровскій Заводъ.

VII.

Le 18 de ce mois nous avons enfin reçu ta lettre datée du 6 Août, mon cher Семенъ Петровичъ. C'est la seule qui vous sait parvenue depuis celle que tu nous a écrite en date du 15 Juillet de l'année dernière. . . . .

Nous te remercions, mon cher frère, pour la somme de mille roubles que tu nous a envoyée. Il serait trop long de te depeindre l'état de detresse, où vous vivons, manquant du plus strict necessaire et oberés des dettes que nous nous sommes vu obligés de contracter afin de pouvoir à nos premiers besoins. Les lettres à Reychel t'en auront suffisement instruits. Néen moins il n'est aucunement de notre intention de te gener dans tes affaires par les soins de notre entretien.—Si ton frère n'était pas marié, il cesserait même depuis longtemps d'occuper les siens des soins de lui procurer la subsistance d'autant plus qu'étant reduit presque à la mandisité il est déjà habitué pendant plus d'un an à devoir en partie son entretien aux compagnons de sa reclusion, qui nous ont plus d'une fois tiré d'une misère absolue. Telles sont les raisons qui nous obligent de remplir nos lettres des plaintes continuelles sur notre detresse et de chercher à vendre ma terre pour avoir un revenu quelconque. Dans ma lettre datée du 2 Novembre dernier ton frère croit t'avoir dit qu'il sait bien apprecier tout ce que tu as fait pour lui, qu'il ne te croit point engagé à rien à son égard, et que tout ce qu'il a dit par rapport aux sommes qui ont été censées constituer votre héritage, n'avait d'autre fin que de mettre au clair la somme qui devait m'appartenir en vertu de la

cession que vous m'avez accordé pour pouvoir ensuite defendre ma proprieté; chose qui eût pu être eclaircie avant mon depart si tu n'avais pas oublié à ton retour de Moscou de me faire part du changement survenu dans tes comptes avec M-me Posnikoff. A ton exemple nous ne voudrions pas non plus t'entretenir des affaires de comptes; mais il me reste encore à te communiquer quelques articlles. — Павелъ Васильевичъ, благодаря тебя за память о немъ и свидѣтельствуя взаимное его расположеніе, проситъ тебя войти въ его обстоятельства и поспѣшить началомъ исполненія твоего обѣщанія—высылать ему проценты съ должной тобою суммы его родителямъ сходно ихъ давно уже изъявленному тебѣ желанію. Родители его дѣлаютъ для него все возможное съ своей стороны, но, при малыхъ ихъ собственныхъ способахъ, не могутъ не только совершенно его обезпечить, но и вывести изъ нужды, въ которой онъ находится въ продолженіи пяти лѣтъ, часто не имѣя даже необходимаго. Это не ропотъ его противу родителей своихъ, отъ которыхъ онъ скрываетъ свои нужды, но откровенное изложеніе тебѣ его обстоятельствъ, ибо въ рукахъ твоихъ возможность отвратить его недостатки. Все, сказанное здѣсь, суть подлинныя слова самого Павла Васильевича.—Ton frère est amerement surpris de lire dans la lettre que nous avons recue de Игнатій Онуфріевичъ: „супругъ вашъ имѣлъ долгъ у генерала Стааля, кажется, на 23 тысячи съ процентами съ 1822 года, и по несостоятельности его никто даже не обращался къ нему съ требованіемъ сихъ денегъ; теперь онъ могъ бы, хотя частями, изъ жалованія своего оныя деньги уплачивать, а братья ваши при раздѣлѣ имѣнія и въ счетахъ ихъ не ставили и теперь съ радостію желали бы, чтобы оныя могли быть въ пользу вашу взысканы". De peur que telle ne soit effectivement l'idée que vous avez avec votre frère Woldemar sur cette somme, ton frère s'empresse de t'expliquer que la dette en question, qui se monte non à 23 m., mais à 24 m. sans compter les interets, a été contractée par le gen. Staal au moi de Janvier de l'année 1820. D'abord sous un simple reçu, ensuite constatée par une lettre de change qu'il a donnée

au nom de ton frère, mais il n'a jamais employé un sol du capital de votre defunt père pour avancer la dite somme. Elle a été prise à un tiers que doit connaître Игнатій Онуфріевичъ. Lorsque M-er Staal etait devenu insolvable à payer ses dettes et qu'au même temps ton frère a subi sa catastrophe, ce tiers, loin de s'en prendre à ton frère pour le payement de la somme de 34 m. dont ce tiers est le proprietaire, a eu la générosité d'accepter la lettre de change, signée par M-er Staal et d'en reclamer lui même le payement. Quant à la somme de 12 m. que j'ai payée à la commission en 1826 pour regler les comptes de l'intendence, cet argent a été compris dans les registres du partage et decompté, comme tu peux t'en convaincre par tes propres papiers. — Благодаримъ тебя за обѣщаніе исполнить нѣкоторыя изъ нашихъ просьбъ. При письмѣ, въ которомъ я просила тебя о платьяхъ для мужа, приложена была его мѣрка. Жаль, ежели она до тебя не дошла, ибо онъ теперь такъ худъ, какъ ты его никогда не видывалъ; словомъ, прежній его сюртукъ можетъ теперь служить ему почти шинелью. — Nous te remercions touts deux pour toutes les expressions amicales contenues dans ta lettre. Tu peux être sûr que tu ne trouveras point d'amis plus sinceres qui sachent mieuex apprecier tes bonnes qualités et qui te veuillent plus de bien. Quant à moi personnellement que tu accuses dans ta lettre de l'animosité à ton egard, il ne me reste que de laisser au temps de te desabuser sur mon compte. Mon mari est temoin de l'attachement et de l'amitié que n'ai jamais cessé de concerver pour toi. Si à mon insçu quelques expressions dans mes lettres t'ont donné lieu à croire le contraire, soit sûr que telle n'a jamais été mon intention. Occupée uniquement de mon attachement pour ton frère il n'est pas en mon pouvoir de ne point partager ses affections.—Tu nous dis rien sur les raisons qui ont forcé notre frère Woldemar de rester dans l'escadron de reserve. Nous nous ettonons de n'avoir jamais une ligne de lui. Tu conviendras toi même combien il est etrange de n'avoir de ses nouvelles par lui même, de sorte que nous n'avons aucuns details

sur ce qu'il a fait pendant la dernière compagne.—Je finis ma lettre en te priant de nous donner plus souvent de tes nouvelles et de croire à l'amitié et à l'attachement que nous te portons touts deux également. Adieu, mon cher ami! Nous t'embrassons tendrement et te remercions pour les nouvelles que tu nous donnes sur Reychel et Sophie. Jl y a près de deux mois que nous n'avons point de leurs nouvelles.—Благодарю тебя, любезный братъ, еще разъ за вещи, которыя ты заказалъ Некишу. Онѣ мнѣ очень нужны. Только, пожалуйста, съ тѣмъ вмѣстѣ пришли и запасные рукава, потому что рукава всегда скоро рвутся. Поцѣлуй ручку у моей маменьки за насъ обоихъ и обними моихъ Сонюшекъ, равно и Христіана Яковлевича. Если будешь въ Каменкѣ, засвидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ.—Вольфъ благодаритъ тебя за дружескія выраженія, сказанныя ему въ письмѣ нашемъ, и поручилъ сказать тебѣ, что онъ всегда любитъ тебя всѣмъ сердцемъ и сохраняетъ дружбу. Всѣ знакомые тебѣ кланяются. Я ихъ вижу часто, ибо живу въ казематѣ и съ нѣкоторыми въ близкомъ сосѣдствѣ. Василій Петровичъ Ивашевъ женился: невѣста къ нему пріѣхала изъ Россіи. Онъ также тебѣ кланяется. Игнатія Вольфа я видѣла въ Москвѣ и съ родными его познакомилась. Александръ и Николай Крюковы здоровы. Александръ почти ничего не перемѣнился, а Николай, узнать нельзя, постарѣлъ, волосъ мало на головѣ, и мужественнѣй гораздо, какъ былъ. Павелъ Пушкинъ старикъ пренабожный сдѣлался. — Прощай, милый мой другъ, утѣшай насъ письмами твоими и будь твердо увѣренъ въ нашей къ тебѣ привязанности и дружбѣ. Сестра твоя Марья Юшневская.

30 Октября 1831.

VIII.

Послѣ отправленія письма моего къ тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, отъ 30 октября, Павелъ Василь-

евичъ получилъ горестное известіе о кончинѣ его родителей. Нельзя изобразить тебѣ, какой ударъ это нанесло ему. Въ нашемъ только положеніи можно представить себѣ всю мѣру его печали. По давней съ нимъ дружбѣ нашей и по участію, какое обязаны мы принимать въ немъ, я вмѣстѣ съ братомъ твоимъ сочли необходимымъ тебя объ этомъ увѣдомить, дабы ты обратилъ особенное вниманіе на содержаніе послѣдняго моего письма, въ которомъ сообщала я тебѣ порученіе Павла Васильевича собственными его словами: теперь лишился онъ лучшихъ своихъ друзей и попечителей; братья же его и сестры, по извѣстной къ нему привязанности, хотя и готовы имѣть о немъ попеченіе, но ты знаешь, какъ способы ихъ ограничены. И такъ, вся надежда Павла Васильевича на исполненіе съ твоей стороны того, о чемъ, по порученію его, я дважды къ тебѣ писала. Теперь братъ твой Алексѣй Петровичъ возобновляетъ особенную объ этомъ просьбу.—Братъ твой, любезнѣйшій Семенъ Петровичъ, здоровъ. Мѣсяцъ прошелъ по полученіи отъ тебя письма. Скоро-ли дождемъ другого? Скучно и грустно не получать писемъ отъ родныхъ, которыхъ мы любимъ всѣмъ сердцемъ. Ты знаешь очень хорошо и самъ, другъ мой, что брату твоему большая отрада была бы получать твои письма. Зачѣмъ-же ты такъ рѣдко утѣшаешь его и лишаешь тѣмъ много минутъ пріятныхъ, которыя могъ бы онъ имѣть?—На сихъ дняхъ очень меня огорчилъ, было, мой старикъ Еминька, который перенесъ тяжкую болѣзнь, но ему другой день лучше. Алексѣй Петровичъ очень его жалѣлъ.—Николай Васильевичъ вовсе не получаетъ писемъ отъ княгини Мещерской; и я не получаю отъ нея писемъ. Увѣдомь, если знаешь, гдѣ она! Фердинандъ Богдановичъ очень, очень кланяется тебѣ. Говорятъ, что дѣти покойнаго Варѳоломея Варѳоломеевича, два мальчика, прелестные, говорятъ, красавцы, а третья-дѣвочка также хорошенькая. Бабушка о нихъ печется, а мать не очень. Есть здѣсь знакомый покойника, Ильинскій, штабъ-лекарь, который мнѣ сообщаетъ всегда о сихъ дѣтяхъ.—Они не нуждаются ни въ чемъ, но Богъ знаетъ, какое они получатъ

воспитаніе.—Братъ твой цѣлуетъ тебя отъ всего сердца. У него нѣтъ совсѣмъ курительнаго табаку, а ты знаешь, какъ ему необходимо курить.—Прощай, мой любезный! Прошу тебя поцѣловать за мѣня ручку моей матушки и скажи ей, что мы оба здоровы. Обнимаю тебя со всею нѣжностью привязанной сестры и друга. Марья Юшневская.

19 ноября 1831.
Петровское.

IX.

Le 13 de ce mois nous avons reçu, mon cher Семенъ Петровичъ, ta lettre datée du 5 Octobre. Nous étions bien peinés d'apprendre que tu avait fait une maladie, et nous nous rejouissons de voir par ta lettre que tu te portes bien maintenant. Moi même je commence à me rétablir d'une fievre nerveuse, qui grâce aux soins de Фердинандъ Богдановичъ a été coupée dans son commencement, de sorte que nous en sommes quittes pour la peur que cela fit eprouver à mon mari. Jl ne me reste que la faiblesse, car après une maladie aussi grave les forces reviennent très lentement. Nous te remercions, mon bon ami, pour la promesse de nous envoyer les effets que nous avons demandés. Quant aux affaires pecuniaires nous ne t'en parlerons plus; fais tout ce que tu trouveras bon et ce que te suggerera l'interet que tu prends à nous. Reduits à une position qu'il tout aussi difficile d'endurer que de la croire susceptible d'empirer, nous nous reposons sur la Providence qui donne les forces necessaires pour resister à nos souffrances. Le premier du Fevrier est le jour de ta naissance. Nous t'en envoyons nos felicitations et nous faisons des voeux, les plus sincères, pour ta prosperité. Par la poste prochaine je t'expedierai un coussin que j'ai brodé moi même en prison sur du canevas. Je te prie de le recevoir avec complaisance et de me dire, si tu desires quelque chose qui pourra te faire plaisir que t'envoie. Jl me sera très agréable de m'acquitter de ta commission. Ecris nous plus souvent et apprends nous tout ce qui te regarde personnellement. Me sentant fatiguée je me vois obligée d'abreger ma lettre.

Lorsque j'aurai recouvré mes forces, je t'écrirai plus souvent à condition que tu en feras autant. Павелъ Васильевичъ поручилъ мнѣ благодарить тебя за память о немъ и напомнить о скорѣйшемъ исполненіи его просьбы. Лишившись своихъ попечителей и находясь между тѣмъ въ жесточайшей нуждѣ, онъ полагаетъ единственную надежду на высылку слѣдующихъ отъ тебя процентовъ. Фердинандъ Богдановичъ очень тебѣ кланяется, равно какъ и всѣ твои знакомые. Затѣмъ прости, любезный братъ. Алексѣй Петровичъ обнимаетъ тебя сердечно. Твой другъ Марья Юшневская.

18 Декабря 1831.
Петровскій Заводъ.

X.

Петровскій Заводъ.
7 Генваря 1832 г.

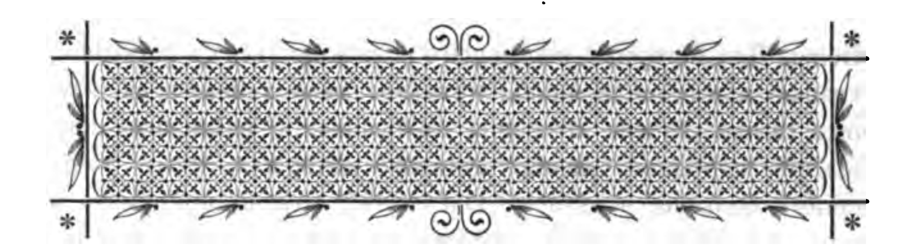
Вскорѣ послѣ письма моего къ тебѣ, любезный другъ Семенъ Петровичъ, отъ 22 Декабря, получила я письмо отъ брата Павла Васильевича, Василія, въ которомъ, извѣщая о кончинѣ своихъ родителей, изъявляетъ онъ свое безпокойство о братѣ своемъ и о нуждѣ, въ которой онъ долженъ здѣсь находиться. Между тѣмъ какъ, не получая отъ тебя ничего въ уплату долга твоего его сестрамъ, всѣ они затрудняются въ скоромъ удовлетвореніи нуждамъ своего брата. На это письмо отвѣчала я сообразно тому, что извѣстно тебѣ изъ прежнихъ моихъ писемъ, то есть, что по желанію Павла Васильевича я просила тебя о высылкѣ сюда на мое имя процентовъ съ помянутой суммы за все прошедшее время по 1-е Генваря сего 1832 г., а впредь чтобы ты высылалъ проценты прямо къ сестрамъ, въ чемъ, вѣроятно, онѣ удостовѣрятъ тебя собственнымъ своимъ письмомъ, я-же увѣдомляю тебя объ этомъ по желанію Павла Васильевича, который возобновляетъ убѣдительную свою просьбу, чтобы ты поспѣшилъ высылкою денегъ, ибо онъ находится здѣсь въ жесточайшей нуждѣ, претерпѣвая недостатокъ въ самомъ необходимомъ, о чемъ и я вмѣстѣ съ мужемъ моимъ убѣдительно тебя просимъ. Пять мѣсяцевъ, любезный братъ, прошло, какъ мы не имѣемъ писемъ ни отъ Рейхеля, ни отъ Сонюшки. Если бы не получили мы твоего письма

отъ 5 Октября, въ которомъ ты увѣдомилъ насъ, что всѣ они здоровы, то не знали-бы, чему приписать это молчаніе; теперь же успокаиваетъ меня мысль, что оно происходитъ просто отъ ихъ небреженія, а въ положеніи моемъ, и это служитъ нѣкоторымъ услажденіемъ матери, ибо я, по крайней мѣрѣ, знаю, что дочь моя здорова. Мало по малу должна я привыкать довольствоваться однимъ только этимъ утѣшеніемъ. Братъ твой здоровъ, обнимаетъ тебя и поздравляетъ съ новымъ годомъ, желаетъ тебѣ счастія и благополучія, всегда душевно. Онъ не получилъ отъ тебя о сю пору посылки, но, вѣроятно, получитъ. Грустно, что ты намъ рѣдко пишешь, и я очень тебя прошу, любезный другъ, напиши намъ, какъ ты часто будешь писать, въ мѣсяцъ или разъ, или чаще, или рѣже. Отъ тебя зависитъ назначить, только, ради Бога, будь уже акуратенъ, и я съ твоимъ братомъ спокойно будемъ ждать письма твоего черезъ срокъ, какой ты назначишь. Теперь же мы всегда въ ожиданіи, и всякую почту грусть удвоится, не получая писемъ. Но если ты назначишь срокъ, чрезъ сколько будешь писать къ намъ, то мы будемъ терпѣливо ожидать ту почту, которая навѣрно привезетъ намъ твое письмо, развѣ бы что-нибудь неожиданное тебя заставило пропустить срокъ назначенный. Ты такъ и насъ сдѣлаешь спокойнѣе, и для тебя ничего не значитъ писать, когда ты положишь, чрезъ сколько времени. Если тебѣ трудно каждыя двѣ недѣли, то пиши одинъ разъ въ мѣсяцъ, только акуратно. Братъ и я очень о семъ просимъ. Съ сею же почтою отправляю тебѣ подушку, шитую по канвѣ: на пунцовомъ полѣ синелью вышита собака. Прошу тебя еще разъ принять ее со всѣмъ снисхожденіемъ, какъ вещь, вышитую въ тюрьмѣ твоею сестрою и лучшимъ твоимъ другомъ. Не знаю, успѣю ли я написать Сонѣ съ сею почтою: я очень еще слаба, и мнѣ надо писать чужое письмо. Обними ее за меня. Всѣхъ моихъ разцѣлуй родныхъ. Прощай, душа моя. Марья Юшневская.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТДѢЛЪ IV.

БИБЛІОГРАФІЯ.



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

8.

Ор. Левицкаго: Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст. Изданіе редакціи журнала „Кіевская Старина“. К. 1902 года. Стр. II + 314.

Настоящій трудъ касается бытовой стороны народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. Онъ составленъ на основаніи матеріала, извлеченнаго изъ актовыхъ книгъ преимущественно Полтавскаго и отчасти другихъ козацкихъ судовъ. Такой матеріалъ отразился, конечно на характерѣ содержанія книги. Послѣдняя представляетъ рядъ „Очерковъ“, описывающихъ почти исключительно порочныхъ субъектовъ общества или же отрицательныя, мрачныя стороны жизни этого послѣдняго. Эта особенность „Очерковъ“ не такъ бросалась въ глаза въ то время, когда они печатались на страницахъ „Кіевской Старины“; но чтеніе ихъ въ особой книгѣ и особенно чтеніе непрерывное производитъ тяжелое впечатлѣніе на читателя, предъ которымъ проходятъ однѣ только тѣни и тѣни, слишкомъ рѣдко и при томъ весьма слабо озаряемыя свѣтомъ.

Но такое впечатлѣніе, думается намъ, книга можетъ производить на обыкновеннаго читателя, ищущаго „легкаго“

чтенія. Для историка, желающаго познакомиться съ народною жизнью всесторонне, проникнуть въ самые тайники ея, изучить самыя условія, лежавшія въ основаніи внѣшняго проявленія народной жизни, лучшаго матеріала, чѣмъ тотъ, какимъ пользуется авторъ „Очерковъ“, трудно придумать и отыскать, ибо нельзя не согласиться со словами автора, что „нерѣдко уголовные процессы вскрываютъ такіе тайники души народной или же такія глубоко скрытыя язвы въ общественномъ организмѣ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ жизни не поддаются наблюденію“ (стр. 2).

Къ тому же малороссійскіе судебные акты болѣе, чѣмъ какіе либо другіе, удобны для изображенія по нимъ народной жизни, такъ какъ они особенно ярко и полно отражаютъ въ себѣ жизнь народную. Такая особенность малороссійскихъ судебныхъ актовъ объясняется тѣмъ, что, во 1-хъ, судъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. былъ вполнѣ народнымъ, всесословнымъ, и, во 2-хъ, порядокъ и формы судоустройства и судопроизводства отличались простотою и патріархальностію: судебныя засѣданія бывали публичными: „публика“, присутствовавшая на нихъ, принимала дѣятельное участіе въ разысканіи истины и вообще въ отправленіи правосудія до участія въ совѣщаніяхъ при составленіи приговоровъ включительно; наконецъ, самые протоколы и рѣшенія суда излагались на живомъ, народномъ языкѣ, часто буквальными словами обвинителей, подсудимыхъ, свидѣтелей и т. д. „Въ общемъ“, говоритъ авторъ о протоколахъ малороссійскихъ судовъ второй половины XVII в., „это рядъ стенографическихъ отчетовъ, только болѣе короткихъ. Писарь не передаетъ своими словами содержанія жалобъ или свидѣтельскаго показанія, а буквально воспроизводитъ рѣчь участниковъ процесса, сохраняя всѣ характерныя особенности живого слова, съ разными подчасъ наивностями, записывая даже разнообразныя формы обращенія къ суду истца, отвѣтчика или свидѣтелей. Благодаря такому пріему изложенія, актовыя книги козацкихъ судовъ обладаютъ необыкновенною

силою увлекательности: ими положительно можно зачитываться, какъ реально-художественнымъ произведеніемъ. Передъ вами проходятъ словно живые люди XVII ст.; точно изъ фонографа, вы слышите ихъ подлинныя рѣчи, ощущаете какъ бы дыханіе давно минувшей старины. И кого только нѣтъ въ этой волшебной панорамѣ? Благодаря единству суда, предъ вами мелькаютъ тѣни изъ разныхъ слоевъ тогдашняго безсословнаго общества. Здѣсь вся малороссія Самойловича и Мазепы,—правда, преимущественно въ лицѣ порочныхъ своихъ гражданъ; но и самые ихъ пороки и преступленія нерѣдко такъ своеобразны, такъ рѣзко запечатлѣны характеромъ того оригинальнаго быта и вѣка!“ (стр. 7—8).

Все вообще содержаніе книги, кякъ характеризующее религіозно нравственное и просто нравственное состояніе малороссійскаго общества второй половины XVII в., представляетъ интересъ для церковнаго историка, каковой интересъ тѣмъ болѣе усиливается, что дѣло идетъ о предметѣ, почти совершенно не разработаномъ въ наукѣ.

Съ другой стороны, благодаря тому, что въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в. судъ былъ всесословный, къ которому если не для постановленія окончательнаго приговора, то, по крайней мѣрѣ, для предварительнаго изслѣдованія дѣла обращалось духовенство, равно какъ и лица, имѣвшія судебныя дѣла съ духовными лицами и церковными учрежденіями, въ книгѣ находится немало матеріаловъ, прямо относящихся къ области русской церковной исторіи. Въ книгѣ предъ читателемъ выступаютъ среди самой живой и разнообразной обстановки представители чернаго и бѣлаго малороссійскаго духовенства, церковныя учрежденія, оригинальные мѣстныя обычаи, практиковавшіеся въ церковной дисциплинѣ, богослуженія и въ церковно-домашней жизни.

Вотъ предъ нами, напр., монастырь (Самарскій близъ г. Новомосковска нынѣшней Екатиринославской губерніи), малочисленный, населенный только тремя иноками (остальные вмѣстѣ съ игуменомъ умерли отъ морового повѣтрія, напо-

минающій болѣе приходскую церковь (что—кстати сказать—имѣло мѣсто и въ отношеніи къ большинству тоговременныхъ южно-русскихъ и западно-русскихъ монастырей), часто совершенно оставляемый своимъ братствомъ, то сходившимся въ монастырѣ, то, по разнымъ причинамъ, разбѣгавшимся изъ него (стр. 9—17). А вотъ старинныя южно-русскія церковныя братства, съ ихъ братскими („братерскими") домами гдѣ происходили сходки братчиковъ для обсужденія братскихъ дѣлъ, хранилось братское имущество, совершался братскій и духовный судъ, гдѣ нерѣдко происходили и засѣданія полкового суда, если дѣло касалось духовныхъ лицъ и въ составѣ суда участвовало городское духовенство, гдѣ, въ дни великихъ праздниковъ, братчики совершали „канунъ" и варили медъ, при чемъ братскіе дома и даже дворы временно обращались какъ бы въ общедоступныя рестораны, куда и самые почтенныя лица не считали для себя зазорнымъ и самимъ зайти и пріятелей своихъ пригласить на „учту", такъ какъ выручка отъ продажи „канунныхъ" напитковъ составляла главный доходъ, на счетъ котораго братчики украшали свои храмы, содержали школы и „шпитали" и творили другія дѣла христіанскаго милосердія (стр. 101—102);—братства съ ихъ „канунными" пиршествами, во время которыхъ иногда происходили и соблазнительныя сцены и дѣянія, съ погребами въ которыхъ хранился братскій медъ, съ ихъ „кануннывами", спеціальными распорядителями по продажѣ „канунныхъ" напитковъ (стр. 157 и др.). Или вотъ предъ нами церковно-приходская школа малороссійская во второй половинѣ XVII в., помѣщавшаяся въ особомъ церковномъ домѣ, служившая пріютомъ для такъ наз. „мандрованныхъ дьяковъ", „волочащихся чернцовъ" и для „всякихъ странниковъ", съ своимъ „дидаскаломъ"—мѣстнымъ дьякомъ, „поддячимъ"—его помощникомъ, „выростками школними", или „молодыками", школа, представлявшая вольную артель особаго рода ремесленниковъ, владѣвшихъ кое-какими школьнымъ образованіемъ и промышлявшихъ дьячковствомъ и учитель-

ствомъ, еще не избравшихъ для себя опредѣленной профессіи молодыхъ людей, по обычаю того вѣка странствовавшихъ „для повиданія болѣе свѣта и ученія и людского обхожденія“, дѣлавшихся впослѣдствіи настоящими дьяками и священниками, или переходившихъ на писарскія должности, иногда становившихся торговцами, а иногда уходившихъ на Запорожье (стр. 281—282, 285—287). Появляется здѣсь предъ читателемъ и славная Кіевская Академія, хотя, вѣроятно, за компанію со всѣми другими малороссійскими учрежденіями второй половины XVII в., въ самомъ печальномъ видѣ, въ лицѣ своихъ студентовъ, которые допускали грубыя безчинства, вступали нерѣдко въ кровавыя столкновенія съ кіевскими мѣщанами, „многое воровство въ нижнемъ городѣ Кіевѣ дѣлали: мѣщанъ въ ночи и въ день имая по улицахъ изъ дворовъ беручи забивали смертно и платье съ нихъ снимали, а иныхъ мѣщанъ, поймавъ и приволокъ въ бурсу или въ школы, били розками, плетьми и кіями, и въ желѣза оковывали“.... даже „хватали стрѣльцовъ“, служилыхъ людей... били всѣхъ не милосердно; у извощиковъ, стоявшихъ на рынковой площади отнимали лошадей и уводили въ бурсу, а ихъ самихъ избивали.... громили лавки, били мѣщанъ-торговцевъ, и уничтожали товары“ (стр. 288—305). Предъ читателемъ книги, какъ живые, проходятъ представители,—все таки одни порочные,—самыхъ разнообразныхъ положеній и состояній малороссійскаго духовенства. Вотъ, напр. грѣшный игуменъ (Ѳеодосій Гугуревичъ, бывшій нѣкоторое время ректоромъ Кіевской Коллегіи), чловѣкъ необузданнаго нрава, не останавливавшійся ни передъ чемъ, если его воля или прихоть встрѣчала какое-либо препятствіе, безправно захватившій у козака Гриба его предковскую „сѣножать“ и дуброву съ бортнымъ деревомъ, убившій этого самаго Гриба единственно за то, что онъ осмѣлился защищать свое имущество, приказавшій взять тѣло его въ монастырь и похоронившій „проводомъ христіанскимъ“, жившій въ открытой связи съ крестьянскою дѣвушкою.... (стр. 171—180), священ-

никъ, заподозрѣнный въ убійствѣ Семена кравца (портного) въ корчмѣ чернецькой (стр. 39—52); честный отецъ Евтихій (положительный, добрый типъ), пресвитеръ села Ивашекъ, старающійся угасить грѣховную вражду между двумя своими прихожанами, бывшими „побратымами", побуждавшій къ тому же и наиболѣе вліятельныхъ Ивашковскихъ братчиковъ (стр. 192); Семенъ Поповичь, старинный типичный малороссійскій дьякъ, человѣкъ вольной профессіи, не принадлежавшій къ составу церковнаго клира, не подчиненный духовной власти, всецѣло зависѣвшій отъ приходскаго пастыря, у котораго нерѣдко исполнялъ обязанности батрака (работника), и отъ прихожанъ, которые нанимали его и за условленную, большею частію ничтожную, плату требовали отъ него лишь профессіональнаго званія, но мало или, правильнѣе, совершенно не интересовались его нравственными качествами и поведеніемъ, безсемейный и беззаботный горемыка, всегда готовый взять въ руки страннический посохъ, любившій въ компаніи выпить, повеселиться, половеласничать (стр. 180—182); пономарь Яцко Даценко, Явдоха пономарка и друг.

Наконецъ, въ „Очеркахъ" мы знакомимся съ цѣлымъ рядомъ обыкновеній, существовавшихъ въ церковно-домашней религіозно-нравственной жизни малороссовъ второй половины XVII вѣка, какъ-то: недопущеніемъ „шинкарокъ" до св. причастія (стр. 53), приковываніемъ убійцы къ тѣлу жертвы его и оставленіемъ его въ такомъ видѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, при чемъ преступникъ обязательно сопровождалъ погребальную процессію въ церковь и на кладбище прикованнымъ къ гробу; а такъ какъ покойника выносили въ церковь обыкновенно наканунѣ погребенія, то убійца долженъ былъ проводить мучительнѣйшую ночь въ запертомъ храмѣ наединѣ съ жертвою, а для того, чтобы онъ, метаясь въ безумномъ ужасѣ, не опрокинулъ гроба, его нерѣдко связывали веревками и клали на ночь подъ носилками, на которыхъ помѣщался гробъ (стр. 53—59), обычаемъ не хоронить убитаго раньше, чѣмъ совершится судъ надъ убійцею, преступнику

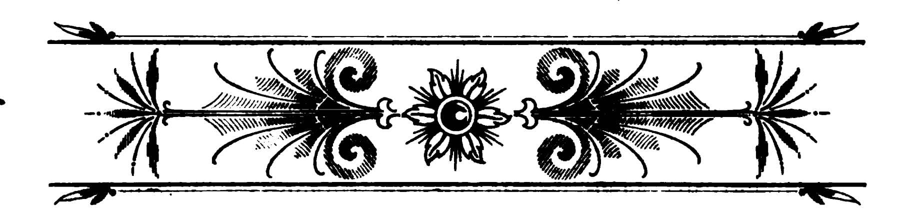
нанимать сорокоустъ за душу убитаго и вознаградить родителей и вообще родственниковъ (стр. 61), поступленіемъ старыхъ и слабыхъ въ приходскіе „шпитали", подъ условіемъ внесенія копы грошей (стр. 68), расторженіемъ брачнаго союза, вслѣдствіе порочной жизни одного изъ супруговъ (стр. 83). даже въ случаѣ непочтительнаго отношенія зятя къ тестю (стр. 104), при чемъ вообще руководились мѣстнымъ обычнымъ правомъ, по которому главнымъ факторомъ въ дѣлѣ расторженія брака признавались воля и согласіе самихъ супруговъ (стр. 79), а въ дѣлѣ возстановленія брачнаго союза разведенныхъ супруговъ—воля и желаніе невиновной стороны, при чемъ они обязывались предварительно заявить о томъ духовной власти и тому свѣтскому суду, по приговору котораго ихъ бракъ былъ расторгнутъ (стр. 80); любовью лицъ изъ мѣстной сельской интеллигенціи къ церковнымъ службамъ, хорошему „Кіевскому" пѣнію и бесѣдамъ съ духовными лицами о богословскихъ предметахъ (стр. 99), заключеніемъ прелюбодѣевъ и чужеложниковъ, по приговору духовнаго или братскаго суда, въ церковную „коморку" (стр. 129), обычаемъ (въ правобережной Малороссіи) четверобрачія и даже пятибрачія, не вызывавшимъ никакого протеста со стороны духовенства (стр. 139), признаніемъ незаконнорожденными (на основаніи, впрочемъ, закона, съ которымъ не всегда согласовалось обычное право) дѣтей, рожденныхъ отъ женщины, съ которою мужъ раньше явно́ „чужеложилъ или ее изнасиловалъ" (стр. 144), благочестивымъ обычаемъ ходить на поклоненіе „святымъ Кіево-Печерскимъ" (стр. 153), давать обѣты поступить въ монастырь, въ случаѣ выздоровленія отъ тяжкой болѣзни (стр. 170), закапывать прелюбодѣевъ живыми въ могилу на перекрестной дорогѣ (стр. 165), приковывать явныхъ прелюбодѣевъ къ наружной стѣнкѣ колокольни, или церкви, посредствомъ „куны", т. е. желѣзной скобки съ замкомъ, по приговору священника или братчиковъ (стр. 184), широкимъ распространеніемъ среди монастырскаго и приходскаго духовенства пасѣчнаго промысла (стр, 228), уваженіемъ

къ званію „ктитора“ (церковнаго старосты), которое (уваженіе) обязательно было даже для священниковъ (стр. 252), широкимъ распространеніемъ колдовства и сравнительно снисходительнымъ отношеніемъ судовъ и всего общества къ вѣдьмамъ и чародѣйкамъ (стр. 264—280).

Изъ сдѣланнаго нами обозрѣнія, надѣемся, можно ясно видѣть, какъ интересно содержаніе „Очерковъ народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII в.“.

Ѳ. Титовъ,

(Продолженіе слѣдуетъ).



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

9.

А. Грановскій. Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. Историко-статистическій опытъ. Выпускъ I. Полтава, 1901 г. Стр. IV+X+418.

Означенная книга состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ (стр. 1—113) содержится общій обзоръ гражданской и церковной исторіи края или территоріи, входящей въ составъ нынѣшней Полтавской епархіи; во второй (стр. 115—418)—историко-статистическій обзоръ церквей и монастырей по городамъ и селеніямъ слѣдующихъ уѣздовъ Полтавской губерніи: Полтавскаго, Зѣньковскаго, Гадячскаго и Лубенскаго.

Вторая часть имѣетъ, чтó и естественно, исключительно мѣстный интересъ. Мы не будемъ останавливаться на обзорѣ ея содержанія. Скажемъ только объ общемъ характерѣ и тѣхъ пріемахъ историко-статистическаго описанія монастырей и церквей, какіе употребляетъ авторъ. При описаніи монастыря или церкви, онъ обращаетъ главное, почти исключительное вниманіе на исторію церкви или монастыря, „достопримѣчательности" ихъ, топографическое положеніе прихода, личный составъ его, степень обезпеченности, состояніе просвѣщенія (перечисляются школы) и причтовой штатъ. Но такъ какъ авторъ, по собственному его выраженію, „обозрѣваетъ епархію изъ помѣщенія консисторскаго архива," то и самъ онъ не увѣренъ, а читатели его труда тѣмъ болѣе не

могутъ быть увѣрены въ томъ, что его описаніе церквей и монастырей Полтавской епархіи соотвѣтствуетъ дѣйствительности; эта неувѣренность становится еще большею, когда прочитаешь внимательно первую часть книги.

Право, мы даже не можемъ и подобрать имени для обозначенія того, что представляетъ собою первая часть книги г. Грановскаго. Не говоря уже о томъ, что, при крайней спутанности и бѣглости очерка, она не даетъ никакого представленія о ходѣ церковной жизни въ томъ краѣ, который обнимаетъ нынѣшняя Полтавская епархія, эта часть книги исполнена многихъ странныхъ и непростительныхъ ошибокъ,—такихъ ошибокъ, что если кто не желаетъ получить совершенно превратнаго понятія объ исторіи западнорусской церкви, Кіевской, Полтавской, Черниговской и Бѣлгородской епархій, тому мы совѣтуемъ совсѣмъ не читать книги г. Грановскаго.

Укажемъ только „шедевры" ложныхъ открытій, которыя преподноситъ авторъ читателямъ своей книги.

На стр. 50—51 г. Грановскій пишетъ слѣдующее: „послѣ него (т. е. митрополита Кіевскаго и всея Россіи св. Макарія, мученически скончавшагося 1 мая 1497 года) князь литовскій Александръ сталъ усердно пропагандировать унію: католическіе монахи съ виленскимъ епископомъ Альбертомъ Таборомъ и православнымъ епископомъ смоленскимъ Іосифомъ Солтаномъ ѣздили изъ пригорода въ городъ склонять населеніе къ уніи. За приверженность къ уніи былъ возведенъ въ митрополиты Іосифъ II Солтанъ и оставался до 1516 г. Но ревностные къ православію были непоколебимы".

Откуда авторъ взялъ такое открытіе? Какимъ образомъ м. Іосифъ II Солтанъ является у него не только сторонникомъ, но даже ревностнымъ распространителемъ уніи?

Если авторъ незнакомъ съ спеціальными изслѣдованіями объ этой достойной и извѣстной, отмѣченной въ учебникѣ, даже въ семинарской программѣ, личности, то пусть бы онъ справился объ этомъ у м. Макарія, трудъ котораго онъ называетъ въ числѣ своихъ пособій и который весьма

подробно говоритъ о м. Іосифѣ Солтанѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей исторіи; пусть бы онъ справился наконецъ у г. Чистовича, который въ своемъ „Очеркѣ исторіи западно русской церкви“ (ч. 1 стр. 139) короче м. Макарія, но тѣмъ не менѣе рельефно и симпатично говоритъ о м. Іосифѣ Солтанѣ. „Іосифъ Солтанъ“—совершенно согласно съ дѣйствительностью говоритъ г. Чистовичъ,—„былъ одинъ изъ самыхъ достойныхъ пастырей западно-русской церкви, соединявшій *ревность* съ образованіемъ и тонкимъ общественнымъ тактомъ. Дѣянія созваннаго и состоявшагося подъ его предсѣдательствомъ виленскаго собора 1509 года служатъ прекраснымъ памятникомъ его высокихъ пастырскихъ достоинствъ“. (ср. м. Макарія. Истор. рус. церк. т. IX стр. 164—190).

М. Іосифъ Солтанъ изъ *ревнителей православія* превратился у г. Грановскаго въ *ревнителя уніи* единственно потому, что г. Грановскій смѣшалъ его съ м. Іосифомъ Болгариновичемъ.

Фактовъ подобной путаницы, голословныхъ утвержденій, совершенно превратныхъ характеристикъ, неточныхъ выраженій и особенно хронологическихъ ошибокъ въ книгѣ г. Грановскаго весьма много. Исаія Копинскій остается митрополитомъ у него до *1634* г., Петръ Могила становится митрополитомъ *въ 1633* г. (стр. 52), а Іосифъ Солтанъ *въ 1497* г. (стр. 54), Авраамій остается митрополитомъ бѣлгородскимъ до *1692* г. (вмѣсто 1702 г. стр. 56), Бѣлгородская архіерейская каѳедра послѣ 1692 г. остается будто бы вакантною въ теченіе 13 лѣтъ (стр. 56), Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій назначается послѣднимъ гетманомъ Малороссіи при императрицѣ Екатеринѣ II и—главное—1750—1764 г. (стр. 59—60), Іоасафъ Кроковскій, будучи архимандритомъ Кіевской лавры въ то же время состоитъ и ректоромъ Академіи (стр. 85), Досиѳей Богдановичъ Любимскій отрѣшается отъ епархіи въ 1736 г. (вмѣсто 1733 г. стр. 90),—словомъ, всѣхъ ошибокъ, недоразумѣній и курьезовъ въ книгѣ г. Грановскаго—и не перечислишь.....

10.

А. С. Лебедева: Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (по архивнымъ документамъ). Съ портретами и автографами. Харьковъ. 1902 г. Стр. X+230.

Профессоръ А. С. Лебедевъ извѣстенъ въ русской церковно-исторической наукѣ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся и замѣчательныхъ изслѣдователей мѣстной церковной старины. Большинство произведеній его имѣютъ своимъ предметомъ различныя стороны, въ исторіи Бѣлгородской епархіи, которая обнимала Слободскую Украйну. Таковы: 1) *Къ вопросу о крѣпостномъ владѣніи приходскихъ церквей. М. 1879 г.;* 2) *Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ въ 3 выпускахъ. М. 1886 г.;* 3) *О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г.;* 4) *Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 г.* 5) *Къ исторіи низшихъ духовныхъ школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в. X. 1894 г.;* 6) *Ѳеоктистъ Мочульскій, архіепископъ Бѣлгородскій (1787—1799 г.) и Курскій (1799—1818) X. 1897 г.* и другія, разсѣянныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Отличительную особенность всѣхъ вообще трудовъ проф. Лебедева составляетъ именно то, что они писаны авторомъ преимущественно, даже почти исключительно, на основаніи архивнаго матеріала, собраннаго притомъ въ архивахъ мѣстныхъ, находящихся нерѣдко въ самомъ плачевномъ состояніи и мало доступныхъ для тружениковъ науки.

Любопытнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ архивахъ, въ которыхъ проф. Лебедеву пришлось поработать въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ самъ сообщаетъ въ особомъ сочиненіи, изданномъ въ 1902 году подъ заглавіемъ: „*Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архивахъ духовнаго вѣдомства въ губерніяхъ Курской и Харьковской* (стр. 99). Сочиненіе это представляетъ отчетъ о командировкѣ, которая дана была автору Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Об-

ществомъ въ 1900—1901 г.г. съ цѣлью ознакомленія съ архивами духовнаго вѣдомства, находящимися въ губерніяхъ Курской и Харьковской. Исполняя это порученіе, онъ осмотрѣлъ архивы: Коренной Рождественской пустыни Курскаго Троицкаго женскаго монастыря, Курскаго Знаменскаго монастыря, Курской духовной консисторіи, Путивльскаго монастыря, Глинской пустыни, Софроніевой пустыни, Сумской Преображенской церкви и Ахтырскаго соборнаго Покровскаго храма.

Архивъ Кореннаго Рождественскаго монастыря не имѣетъ особаго помѣщенія, *а хранится у игумена сего монастыря, въ его покояхъ* (стр. 2)... Въ архивѣ Курскаго Знаменскаго монастыря встрѣчается довольно дѣлъ, касающихся вообще разныхъ сторонъ епархіальнаго управленія, равно какъ и разныхъ бытовыхъ чертъ того времени (стр. 16)... Архивъ Курской духовной консисторіи остается въ томъ же *неописанномъ и неупорядоченномъ видѣ,* въ какомъ авторъ зналъ его 20 лѣтъ тому назадъ, во время своихъ занятій въ немъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XIX в. А между тѣмъ, сколько намъ извѣстно, одинъ изъ бывшихъ секретарей означенной консисторіи получилъ даже орденъ именно за приведеніе въ порядокъ и описаніе сего архива... (стр. 56 и др.) Архивъ Путивльскаго Молченскаго монастыря имѣетъ хорошее и удобное помѣщеніе, но доселѣ не приведенъ въ порядокъ (стр. 70). Архивъ Глинской пустыни (стр. 75) и Молченской Софроніевой пустыни (стр. 82 и слѣд.) располагаютъ удобными помѣщеніями и находятся въ сравнительномъ порядкѣ. Архивъ Рыльскаго Николаевскаго монастыря имѣетъ неудобное помѣщеніе и представляется мало интереснымъ (стр. 88). Архивные документы Сумской Преображенской церкви находятся въ безпорядкѣ (стр. 90 и слѣд.), наоборотъ архивъ Покровской соборной Ахтырской церкви, построенной знаменитымъ архитекторомъ Растрелли, и помѣщеніе занимаетъ хорошее, и въ порядкѣ находится (стр. 95 и слѣд.), причемъ особый интересъ представляютъ

въ немъ дѣла „Ахтырскаго библейскаго вспомогательнаго сотоварищества".

На основаніи многолѣтнихъ занятій и розысканій въ вышеозначенныхъ архивахъ, проф. Лебедевымъ составлена и послѣдняя его работа, подъ заглавіемъ: *„Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“*, посвященная авторомъ XII археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

Сочиненіе представляетъ рядъ историко-біографическихъ очерковъ (всего 17) дѣятельности 17 архипастырей, управлявшихъ Бѣлгородско-Курскою епархіею, а именно, митрополитовъ *Ѳеодосія* (1667—1671 г.), *Мисаила* (1672—1684 г.), *Авраамія* (1684—1702 г.), *Іустина Базилевича* (1702—1709 г.), и *Илларіона Властелинскаго* (1711—1720 г.), епископа *Епифанія Тихорскаго* (1722—7311 г.), архіеп. *Досиѳея Богдановича—Любимскаго* (1731—1733 г.), епископа *Арсенія Берла* (1735—1736 г.), архіеп. *Петра Смѣлича* (1736—1742 г.), митрополита *Антонія Черновскаго* (1742—1748 г.), епископовъ: *Іоасафа Горленка* (1748—1755 г.), *Луки Конашевича* (1755—1758 г.), *Іосифа II Миткевича* (1758 –1763 г.), *Порфирія Крайскаго* (1763—1768 г.), *Самуила Миславскаго* (1768—1771 г.), *Аггея Колосовскаго* (1774—1786 г.) и архіеп. *Ѳеоктиста Мочульскаго* (1787—1818 г.).

Собственно біографическія свѣдѣнія о Бѣлгородскихъ іерархахъ излагаются авторомъ кратко. Наибольшее вниманіе авторъ обращаетъ на ихъ дѣятельность въ связи съ тою обстановкою, посреди которой проходила эта ихъ дѣятельность. Съ особеннымъ сочувствіемъ авторъ оттѣняетъ просвѣтительныя заслуги Бѣлгородскихъ іерарховъ. Вотъ какъ самъ авторъ характеризуетъ эту сторону ихъ дѣятельности. „Кромѣ заботъ о религіозномъ воспитаніи своей паствы—въ духѣ строгой церковности“,—говоритъ онъ,—„къ чему обязывалъ ихъ прямой пастырскій долгъ, они ревностно заботились о поднятіи и умственной жизни въ окружающей средѣ. Ихъ заботами возженъ былъ среди непроглядной тьмы „ученья свѣтъ“, причемъ значительная часть этихъ іерар-

ховъ, радѣвшихъ о духовномъ просвѣщеніи своей паствы, были не просто ревнителями, но и дѣятелями просвѣщенія—сами стояли во главѣ учебнаго дѣла, которое развивалось по ихъ авторитетнымъ указаніямъ, подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. И ученье, установленное ими въ епархіи, служило источникомъ свѣта не только для духовенства, но и для всѣхъ другихъ сословій, притомъ не епархіальнаго только района, но и цѣлаго края. Въ Харьковскій коллегіумъ—это высокообразовательное, по тогдашнему времени, учрежденіе, имѣвшее значеніе университета для Слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета и въ значительной степени подготовившее почву для сего университета,—свободно поступали юноши всѣхъ званій и состояній и, окончивъ въ немъ образованіе, являлись полезными, иногда даже очень видными дѣятелями на разныхъ поприщахъ государственной службы во всей Россіи. Труды Бѣлгородскихъ архіереевъ по насажденію и распространенію образованія въ краѣ безспорно составляютъ важнѣйшую сторону ихъ архипастырской дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшую заслугу ихъ для края. Архипастыри, наиболѣе усердно и плодотворно потрудившіеся на этомъ поприщѣ, каковы, Епифаній Тихорскій, Петръ Смѣличъ, Самуилъ Миславскій, Ѳеоктистъ Мочульскій были не только святители, но и просвѣтители страны, и такою дѣятельностію оставили по себѣ славную память въ культурной исторіи края" (стр. 227—228).

Проф. Лебедевъ, какъ сказано, составлялъ послѣдній свой трудъ преимущественно, почти исключительно, на основаніи архивнаго матеріала, собраннаго имъ въ мѣстныхъ—Курскихъ и Харьковскихъ—архивахъ духовнаго вѣдомства, которыхъ онъ, впрочемъ, по собственнымъ словамъ его, не могъ использовать для своей цѣли вполнѣ; при архивномъ матеріалѣ, который лежитъ въ основѣ его работы, онъ не оставлялъ безъ вниманія и печатнаго матеріала—изданныхъ уже памятниковъ, а также и статей, относящихся къ его темѣ (стр. XIII). Въ заключеніе онъ все таки жалуется на

скудость собраннаго матеріала относительно епископскаго служенія Бѣлгородскихъ архіереевъ (стр. 287) и тѣмъ, очевидно, даетъ намъ право указать тѣ архивные и отчасти печатные матеріалы, которые относятся къ его темѣ и которыми онъ не воспользовался. Позволяемъ себѣ сдѣлать это отнюдь не для умаленія высокихъ достоинствъ труда почтеннаго историка, уже оцѣненныхъ нашею духовною (см. Христіанское Чтеніе 1903 г. кн. 1-я), и свѣтскою (см. Историческій Вѣстникъ 1902 г. кн. 11-я ноябрьская) литературою, но единственно въ видахъ возможно большаго и лучшаго освѣщенія предмета, интересующаго и насъ.

Прежде всего, мы должны сдѣлать общее замѣчаніе, что по предмету, которымъ занимается проф. Лебедевъ, есть и весьма немало цѣннаго матеріала въ архивахъ: Московскихъ и Петербургскихъ, отчасти и Кіевскихъ; матеріала этого настолько достаточно, что, кажется, мы не преувеличимъ, если скажемъ, что о Бѣлгородскихъ архіереяхъ и средѣ ихъ архипастырской дѣятельности, на основаніи этого матеріала, можно сказать еще столько же, сколько сказалъ объ этомъ авторъ въ своей прекрасной книгѣ. Правда, кое-что изъ этого матеріала будетъ касаться тѣхъ же самыхъ фактовъ и явленій, какіе затрагиваетъ и авторъ, но, во 1-хъ, далеко не все таково въ матеріалѣ, какой мы имѣемъ въ виду, и, во 2-хъ, даже и однородное часто даетъ новое освѣщеніе тому факту, какой сообщаетъ проф. Лебедевъ въ своей книгѣ. Кое-что новаго по тому же предмету можно найти и указать и въ печатной литературѣ.

Начнемъ свои замѣчанія т. ск. ab ovo. Проф. Лебедевъ начинаетъ свою книгу слѣдующими словами: „Бѣлгородская епархія, заключавшаяся въ предѣлахъ почти всей нынѣшней губерніи Харьковской и значительной части Курской (изъ послѣдней въ нее входили уѣзды: Бѣлгородскій, Обоянскій, Курскій, Судженскій, Корочанскій, Старо-Оскольскій и Ново-Оскольскій) *учреждена въ 1667 г., по постановленію Большаго Московскаго собора,* въ видахъ ближайшаго и болѣе успѣшнаго пастырскаго надзора за отдален-

ными окраинами Россiи, зависѣвшими дотолѣ по духовному управленiю частiю отъ Москвы, частiю отъ Кiева" (стр. XI).

Категорическое утвержденiе автора, что *Бѣлгородская епархiя была учреждена въ 1667 году*, по постановленiю Большаго Московскаго собора, необходимо требуетъ оговорки и объясненiя. Дѣло въ томъ, что епархiя эта впервые была учреждена соборомъ 1657 г вмѣстѣ съ епархiями Смоленскою и Вятскою, причемъ на соборѣ были опредѣлены границы вновь учрежденныхъ епархiй и даже назначены кандидаты для замѣщенiя въ нихъ епископскихъ каѳедръ („и указалъ государь и патрiархъ и бояре приговорили: *перевести въ Бѣлгородъ митрополита Крутицкаго Питирима"*). Извѣстно, что въ записяхъ патрiаршаго двора (напр., подъ 9 ноября 1687 г.) Питиримъ именовался *Бѣлгородскимъ митрополитомъ;* но потомъ онъ, вслѣдствiе наступившихъ въ Москвѣ смутъ, вызванныхъ борьбою между царемъ и п. Никономъ, не поѣхалъ въ свою епархiю и сталъ по прежнему именоваться Крутицкимъ. Послѣ того Бѣлгородская каѳедра въ теченiи 10 лѣтъ оставалась *незамѣщенною* (что, какъ извѣстно, имѣло мѣсто и въ исторiи другихъ нашихъ епархiй). Такимъ образомъ, Большой Московскiй соборъ, открывая Бѣлгородскую епархiю, дѣлалъ не что-либо новое, а лишь осуществлялъ прежде предположенное и даже рѣшенное; другими словами: замѣстилъ каѳедру, открытую соборомъ 1657 года. На это указываетъ и самая соборная грамота 1667 г., гдѣ говорится, что Бѣлгороду „отъ многихъ прежде временъ" рѣшено было дать своего архiерея, и только „безмѣрное царскихъ дѣлъ умноженiе и непостоянство времени, наипаче же частое варварское нашествiе нечестивыхъ татаръ" воспрепятствовали ему украситься „престоломъ архiерейскаго достоинства" (Исторiя учрежденiя и открытiя Бѣлгородской епархiи подробно и обстоятельно разсказана у прот. Николаевскаго въ его сочиненiи: „Патрiаршая область и русскiя епархiи въ XVII вѣкѣ" СПБ. 1888, стр. 23 и слѣд.; у И. Покровскаго: „Русскiя епархiи въ XVI—XIX в." т. I (XVI—XVII в.в.) Казань. 1897 г.

стр. 252—254 и 279 и слѣд. ср. Матеріалы для исторіи раскола, т. II).

Мы вполнѣ убѣждены, что исторія эта прекрасно и совершенно извѣстна автору, столько лѣтъ потрудившемуся надъ разработкою исторіи Бѣлгородской епархіи, и воспроизводимъ ее для читателей его книги, могущихъ неправильно понять его *общее выраженіе*.

О первомъ Бѣлгородскомъ митрополитѣ Ѳеодосіи проф. Лебедевъ сообщаетъ самыя краткія свѣдѣнія, заимствуемыя имъ изъ соборной грамоты объ учрежденіи Бѣлгородской митрополіи и окружнаго посланія м. Ѳеодосія къ своей паствѣ. Собственно это послѣднее и служитъ, по выраженію автора, *единственнымъ* памятникомъ его архипастырскаго служенія. Но самъ авторъ совершенно справедливо называетъ его *многословнымъ, обильнымъ общими мѣстами, вычурными образами и сравненіями, скуднымъ по содержанію, дающимъ понятіе о литературномъ, собственно риторическомъ, образованіи Ѳеодосія въ духѣ того времени, но ничего не дающимъ для характеристики его управленія* (стр. 2) Съ своей стороны, можемъ замѣтить по этому поводу слѣдующее. Посланія подобнаго рода, т. е. посланія, съ которыми архипастыри русскіе въ XVII в., равно какъ и въ болѣе раннее время, обращались къ своимъ „богданнымъ" паствамъ, при самомъ вступленіи въ управленіе епархіей, всегда имѣли такой же общій характеръ. Есть предположеніе, что такія посланія иногда писались не самими архіереями, а особыми искусными въ томъ лицами въ Москвѣ, за извѣстное вознагражденіе. Съ теченіемъ времени, постепенно выработалась стереотипная форма для составленія подобныхъ окружныхъ посланій, которою (формою) и пользовались обыкновенно наши архипастыри. По крайней мѣрѣ, въ Московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ намъ приходилось встрѣчать въ бумагахъ извѣстнаго Каріона Истомина, видимо, образцы подобныхъ окружныхъ посланій. Принимая во вниманіе сейчасъ сказанное о способѣ составленія окружныхъ посланій, мы не только вполнѣ соглаша-

емся съ авторомъ въ томъ, что окружное посланіе м. Ѳеодосія *ничего не даетъ для характеристики его управленія,* но даже склонны думать, что оно не можетъ служить и свидѣтельствомъ о литературномъ, собственно, риторическомъ образованіи м. Ѳеодосія въ духѣ того времени, такъ какъ особенно въ виду иностраннаго происхожденія этого іерарха, оно, вѣроятно, не имъ и писано было. А между тѣмъ, хотя и самыя общія, но, при отсутствіи другихъ, драгоцѣнныя свѣдѣнія о состояніи Бѣлгородской епархіи именно за время управленія ею м. Ѳеодосія находятся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ дѣлахъ Казеннаго Патріаршаго Приказа (напр., книги № 62, 87 и 97) Отсюда видно, что 1) въ городахъ, отходившихъ къ Бѣлгородской епархіи отъ патріаршей области, насчитывалось больше 300 церквей съ придѣлами и часовнями; 2) хотя, по соборной грамотѣ объ учрежденіи Бѣлгородской епархіи, церкви эти передавались митрополиту Ѳеодосію только по однимъ духовнымъ дѣламъ, а окладныя дани должны были идти съ нихъ въ патріаршую казну, но это опредѣленіе, вносившее двоевластіе, которое могло имѣть самыя прискорбныя послѣдствія, вѣроятно, не имѣло практическаго значенія; 3) къ тому же церкви Бѣлгородской епархіи были бѣдны, оброчныхъ статей, составлявшихъ наиболѣе доходную статью архіерейскихъ домовъ, было мало, и потому Бѣлгородская митрополія была бѣдна; это послѣднее обстоятельство весьма важно для правильнаго пониманія нѣкоторыхъ явленій въ послѣдующей исторіи Бѣлгородской епархіи (см. цит. соч. И. Покровскаго).

Въ рѣчахъ о двухъ слѣдующихъ митрополитахъ Бѣлгородскихъ: Мисаилѣ и Авраамiи, проф. Лебедевъ ограничивается только приведеніемъ выдержекъ изъ 1) окружнаго посланія м. Мисаила къ архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, поповскимъ старостамъ и попамъ, въ которомъ архипастырь обличаетъ недостатки и пороки, существовавшіе въ церковной и религіозно-нравственной жизни Бѣлгородской паствы (полностію оно было напечатано въ Вивліоѳ. Полевого М. 1834 г., стр. 27—31) и инструкціи м. Авраамія

поповскимъ старостамъ и протопопамъ, открытой и обнародованной самимъ авторомъ.

Не можемъ при этомъ не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу того, что авторъ, столько поработавшій надъ исторіею Бѣлгородской епархіи и собравшій много драгоцѣннаго матеріала для сего предмета, отказался, на основаніи этого матеріала, въ связи съ другими свѣдѣніями о той же эпохѣ, дать намъ болѣе или менѣе цѣльную и полную характеристику внутренняго состоянія Бѣлгородской епархіи въ концѣ XVII в. А это несомнѣнно была чрезвычайно важная эпоха въ исторіи епархіи,—эпоха перелома въ развитіи внутренней жизни ея, въ устроеніи администраціи, церковно-обрядовой дисциплины, отношеній высшаго духовенства къ низшему; однимъ словомъ, эпоха замѣны прежнихъ—Кіевскихъ, украинскихъ—порядковъ новыми, московскими порядками. Перемѣна эта тяжело доставалась духовенству Бѣлгородской епархіи и произвела сильнѣйшее, удручающее впечатлѣніе какъ на него, такъ даже и на духовенство сосѣднихъ епархій. Отголосокъ этого слышимъ въ одномъ документѣ, составленномъ въ Малороссіи и, безъ сомнѣнія, широко въ ней распространенномъ (напечатанъ въ Архивѣ Ю.-З. Россіи ч. 1 т. 5 стр. 59—61). Документъ этотъ, попавшій случайно въ руки м. Авраамія и сообщенный имъ 8 августа 1685 г. п. Іоакиму, представляетъ нѣчто въ родѣ прокламаціи къ южно-русскому духовенству, имѣвшей, очевидно, цѣлію возбудить его противъ подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху. Для того, чтобы показать, что можетъ ожидать Кіевскую митрополію въ томъ случаѣ, если она подчинится Московскому патріарху, составитель прокламаціи ссылается на примѣръ Бѣлгородской митрополіи, гдѣ прежніе—Кіевскіе—порядки замѣнены новыми—московскими, а именно: 1) столовыя деньги митрополиту духовенство платило прежде по примѣру Кіевской епархіи, на чтó имѣло и „грамоту крѣпкую отъ небощика (т. е. покойнаго) Ѳеодосія, митрополита своего Бѣлгородскаго“ (*фактъ любопытный для характеристики м. Ѳеодосія*), а теперь платитъ, по примѣру „иншихъ митрополитовъ Москов-

скихъ"; 2) по всѣмъ городамъ поставлены протопопы и десятилники, „съ чего драча пошла на священники і на мірскія люди непомѣрная" (каковая *драча* и описывается въ слѣдующихъ статьяхъ 3—8); 3) слуги архіерейскіе по попамъ съ перначами (вар. обушками) ѣздятъ, какъ дѣлалось за митрополита Бѣлгородскаго Мисаила (*любопытная черта для характеристики правленія м. Мисаила*), и бьютъ немилостиво духовный чинъ; 4) духовенство было подчинено свѣтскому суду, вмѣсто духовнаго, даже за малыя преступленія и стало вольно „попа жечь и повѣсить безъ всякаго разсмотрѣнія", какъ это случилось въ недавнее время въ Сумахъ; 5) запрещено приходскимъ священникамъ имѣть викаріевъ; 6) книги и церковное пѣніе кіевскія замѣнены московскими, а крещеніе младенцевъ черезъ обливаніе замѣнено крещеніемъ чрезъ погруженіе; 7) священниковъ и даже „вышняго чину духовнаго" людей стали бить за вину *„шелепами, рубаху снявши"* и т. д., и т. д.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами документа, есть еще и другіе матеріалы, касающіеся того же вопроса (напр., въ Московск. Архивѣ Минист. Юст.; см. проф. С. Т. Голубева Отзывъ о сочиненіи В. О. Эйнгорна: Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII. СПБ. 1902 г., стр. 13—14).

Не имѣя возможности и права въ библіографической замѣткѣ подвергать разсмотрѣнію очерки жизни и дѣятельности всѣхъ Бѣлгородскихъ архіереевъ, о которыхъ говоритъ авторъ, мы оставляемъ м. Іустина Базилевича, которому авторъ отводитъ въ своей книгѣ *только 11 строкъ*, упоминая его *только для общаго счета*, но отъ котораго мы имѣемъ рукописи, сохранившіяся въ музейной библіотекѣ Кіевской духовной Академіи (см. описаніе ихъ Н. И. Петрова, т. 1) и могущія служить къ разъясненію его характера, приведшаго его на покой въ Кіево-Печерскую лавру, и м. *Илларіона Властелинскаго,* для характеристики времени архіерействованія котораго въ Бѣлгородѣ богатый матеріалъ находится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, переходимъ прямо къ *Епифанію Тихорскому*, который былъ, по справедливости, однимъ

изъ самыхъ выдающихся и замѣчательныхъ Бѣлгородскихъ архіереевъ. Біографія и дѣятельность сего просвѣщеннаго архипастыря болѣе или менѣе разработана, ибо всякій (прот. Солнцевъ, свящ. Стеллецкій и др.), кто писалъ о Харьковскомъ коллегіумѣ, тотъ неминуемо долженъ былъ говорить и о его фундаторѣ, преосв. Епифаніи Тихорскомъ. Самъ проф. Лебедевъ тоже немало содѣйствовалъ разъясненію нашихъ свѣдѣній объ этой свѣтлой личности въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины“ М. 1886 г. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи проф. Лебедевъ отводитъ для Епифанія Тихорскаго 18 страницъ, на которыхъ сравнительно подробно изображаетъ дѣятельность его по управленію епархіей, причемъ пользуется матеріалами не только изъ мѣстныхъ архивовъ, но и изъ архива синодальнаго, впрочемъ за тѣ только годы, за которые имѣется печатное описаніе документовъ сего архива.

Но и здѣсь мы не можемъ не выразить глубокаго сожалѣнія по поводу того, что авторъ слишкомъ скупъ въ пользованіи свѣдѣніями о жизни о дѣятельности Епифанія Тихорскаго, находящимися въ документахъ синодальнаго архива, прежде всего, тѣхъ, какіе отмѣчены въ печатномъ описаніи сего архива, а затѣмъ и тѣхъ, какіе еще не описаны.

Такъ какъ автору извѣстно печатное описаніе синодальнаго архива, то можно было бы подумать, что онъ не пользуется имъ широко, въ видахъ болѣе краткаго изложенія свѣдѣній о Епифаніи Тихорскомъ. Но такому предположенію противорѣчитъ то, что, во 1-хъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, содержащіяся въ дѣлахъ синодальнаго архива (по печатному описанію ихъ) *безусловно важны*, и, во 2-хъ, при внимательномъ отношеніи къ документамъ синодальнаго архива, авторъ легко избѣжалъ бы тѣхъ крупныхъ и прискорбныхъ погрѣшностей, какія были допущены прежними учеными и какія вслѣдъ за ними повторяетъ и нашъ авторъ. Пояснимъ свои слова примѣрами.

Авторъ свою рѣчь о Епифаніи Тихорскомъ начинаетъ слѣдующими словами: „Епифаній Тихорскій—воспитанникъ

Кіевской Академіи; рукоположенъ въ епископы Бѣлгородской епархіи изъ архимандритовъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря—*9 іюля 1722 г.*" (нашъ курсивъ). Авторъ ссылается въ данномъ случаѣ на сочиненіе Аскоченскаго: Кіевъ съ древн. его училищемъ. Вѣроятно, вслѣдъ за Аскоченскимъ, и П. Строевъ въ своемъ сочиненіи: „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви" (СПБ. 1877 г.) на стр. 633 указываетъ ту же самую дату архіерейской хиротоніи Епифанія Тихорскаго, т. е. 9 іюля 1722 г. Но эта дата совершенно невѣрна. Точная дата архіерейской хиротоніи Епифанія Тихорскаго извѣстна намъ *изъ собственнаго свидѣтельства его самого:* 22 мая 1722 г. преосв. Епифаній просилъ св. синодъ объ опредѣленіи къ нему въ архіерейскій приказъ въ дьяки Никифора Гукова, а 13 іюня того же года—объ опредѣленіи къ нему въ архіерейскій домъ судіею инквизитора синодальнаго дома іером. Митрофана Шеинкова, причемъ въ обоихъ доношеніяхъ онъ пишетъ такъ: „въ нынѣшнемъ *722 году, апрѣля 19 дня,* хиротонисанъ я Бѣлогороцкой епархіи епископомъ"... (См. Описаніе докум. и дѣлъ, хран. въ арх. св. синода, т. II, ч. 1-я, стр. 926 и 1095). Не говоримъ уже о томъ, что, на основаніи того же „описанія" архива синодальнаго, т. I, стр. 101—102, стр. 741 и приложеній къ сему тому, стр. CCCCLX и слѣд., а также стр. CCCCLXXIII и слѣд., т. II, ч. 1-я, стр. 4, 568, 1024, 586, т. II, ч. 2, стр. 34,—гдѣ, между прочимъ, говорится, что *въ іюнѣ* 1722 г. Епифаній уже выѣхалъ архіереемъ въ Бѣлгородъ изъ Москвы съ Ростовскаго архіерейскаго подворья,—все дѣло о назначеніи Епифанія Тихорскаго на Бѣлгородскую архіерейскую каѳедру и о хиротоніи его можетъ быть воспроизведено *со всѣми мельчайшими подробностями.*

Изъ другихъ дѣлъ синодальнаго архива, имѣющихъ отношеніе къ Епифанію Тихорскому и означенныхъ въ печатномъ описаніи архива, отмѣтимъ здѣсь слѣдующія, какъ наиболѣе важныя, но неупоминаемыя въ сочиненіи проф. Лебедева: 1) т. II ч. 2-я № 807/583, стр. 39 и № 957/1245, стр. 206 (объ отношеніи Епифанія Тихорскаго къ гражданскому управ-

ленію и къ мѣстнымъ раскольникамъ); 2) т. VI, стр. 55, откуда видно, что въ 1725 г. Епифаній Тихорскій присутствовалъ въ св. синодѣ; 3) т. VII, стр. 105 д. № 95/246, гдѣ находится любопытное доношеніе Епифанія Тихорскаго св. синоду о томъ, что начальство квартировавшихъ въ городахъ Бѣлгородской провинціи полковъ требовало, чтобы православные священники хоронили умершихъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ католическаго, лютеранскаго и кальвинскаго исповѣданій около православныхъ церквей, съ отпѣваніемъ по обряду православной церкви. Священники, на основаніи церковныхъ правилъ, отказывались, и *Епифаній Тихорскій находилъ ихъ дѣйствія правыми; но, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе со стороны генералъ-фельдмаршала кн. Голицына,* спрашивалъ у синода, какъ ему поступить, „ежели таковые случаи показываться и впредь будутъ". Св. синодъ 14 марта 1727 г. рѣшилъ этотъ вопросъ, который, какъ извѣстно, былъ возбужденъ въ недавнее время и оживленно обсуждался въ нашей духовной и свѣтской литературѣ, такимъ образомъ: „лютерскаго, кальвинскаго и римскаго законовъ ежели впредь кто умретъ, священникомъ христіанскаго благочестія при церквахъ отпѣванія, по обычаю восточныя церкви, отнюдь не чинить, понеже то правиломъ святымъ противно; а ежели изъ римлянъ кто при животѣ своемъ будутъ требовать для исповѣди православныхъ священниковъ и, отринувъ свои противности, вѣрно обратятся во благочестіе, таковыхъ къ церкви святѣй принимать, также и о прочихъ иновѣрцахъ чинить, какъ правила повелѣваютъ, неотложно", 4) въ приложеніи къ тому же VII, т. на стр. CXXXV помѣщена краткая вѣдомость о словено-латинскихъ школахъ при Бѣлгородскомъ архіерейскомъ домѣ, которая, при всей своей краткости, бросаетъ извѣстный свѣтъ на первыя темныя страницы исторіи Харьковскаго коллегіума, учрежденнаго Епифаніемъ Тихорскимъ (замѣчательно, что вѣдомостью этою не пользуется даже послѣдній историкъ Харьковскаго коллегіума, священникъ Н. Стеллецкій, который ограничивается приведеніемъ только отдѣльныхъ выдержекъ изъ

нея по извѣстному труду Пекарскаго: „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В." (См. „Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году", свящ. Н. Стеллецкаго, Х., 1895 г., стр. 14. 52—53).

Но прискорбнѣе всего то, что проф. Лебедевъ не рѣшаетъ въ своей книгѣ одного темнаго и, какъ намъ кажется, любопытнаго вопроса въ біографіи Епифанія Тихорскаго. Разумѣемъ вопросъ о мѣстѣ погребенія этого послѣдняго.

Исторія этого вопроса такова. Въ нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ (напр., въ „Исторіи Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря", прот. Хойнацкаго, стр. 75; въ „Краткой исторіи того же монастыря", Чернова, стр. 53; въ „Бѣлгородъ съ его уѣздами", А. М. Дренякина, стр. 9 и др.) мѣсто погребенія Епифанія Тихорскаго, одного изъ славныхъ просвѣтителей Слободской Украины, указывается въ *Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ Срѣтенскомъ придѣлѣ, въ томъ самомъ склепѣ, гдѣ за десять лѣтъ предъ симъ былъ погребенъ епископъ греческій Михаилъ.*

Такая *тщательная подробность и точность въ обозначеніи мѣста послѣдняго упокоенія* Епифанія Тихорскаго, повидимому, должна бы исключать всякую возможность *сомнѣнія въ его истинности.* Но сомнѣніе тѣмъ не менѣе необходимо закрадывается въ душу. Дѣло въ томъ, что также *несомнѣнно* извѣстно и то, что Епифаній Тихорскій умеръ 2 іюля 1731 года *въ Бѣлгородѣ.* Слѣдовательно, самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ могло случиться, что Епифаній Тихорскій, умершій въ Бѣлгородѣ, былъ погребенъ въ Нѣжинѣ, за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣста смерти? Что могло послужить причиною этого: завѣщаніе ли самаго Епифанія Тихорскаго? просьба ли благоустроеннаго имъ Нѣжинскаго Благовѣщенскаго монастыря? опредѣленіе ли высшаго начальства? или еще что-либо другое?

Чтобы рѣшить наше недоумѣніе, мы, въ свое время, обращались въ Нѣжинъ и въ Бѣлгородъ за справками. Изъ перваго мѣста получился отвѣтъ, что Епифаній Тихорскій,

дѣйствительно, умеръ въ Бѣлгородѣ и, будто бы, по завѣщанію его, привезенъ былъ мертвымъ въ Нѣжинъ и погребенъ въ Срѣтенскомъ придѣлѣ Благовѣщенскаго монастыря; но „никакого надгробнаго памятника и никакихъ надписей, указывающихъ точно мѣсто и время погребенія, равно какъ и никакого вклада на поминовеніе души епископа Епифанія въ монастырѣ не имѣется". Есть только въ монастырѣ синодикъ, заведенный Епифаніемъ Тихорскимъ въ бытность его здѣсь архимандритомъ, при чемъ первою записью въ синодикѣ стоитъ родъ архимандрита Епифанія Тихорскаго, изъ которой (записи) можно догадываться, что отца его звали *Василіемъ*, а мать *Анастасіею*.

Изъ Бѣлгорода получился отвѣтъ, что мѣсто могилы Епифанія Тихорскаго въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ до 1830-хъ годовъ была каѳедра Бѣлгородскихъ (а потомъ Курскихъ) архіереевъ, не указано. „Но въ бывшемъ архіерейскомъ домѣ, въ пріемной, имѣются въ натуральную величину портреты Бѣлгородскихъ епископовъ до позднѣйшихъ временъ. Между ними есть и портретъ Епифанія съ такою надписью: „сей преосвященный, родомъ изъ Польши, бѣ прежде учитель Кіевской академіи, со временемъ намѣстникъ Кіево-Братскаго монастыря, откуду произведенъ во игумена въ Петропавловскій Глуховскій монастырь. Потомъ произведенъ во архимандрита въ Нѣжинскій Благовѣщенскій монастырь. А 1722 г. изъ архимандрита того монастыря хиротонисанъ во епископа въ Бѣлгородъ, *іюля 9 дня того же года взыйде на престолъ свой,* поживе на престолѣ 9 лѣтъ. Преставися 1731 г. іюля 2 дня. Тщательнымъ его раченіемъ и любовію къ училищу имъ учреждена и создана Харьковская коллегія, какъ вотчинами, такъ и грамотами снабдена".

Не найдя разрѣшенія своего недоумѣнія въ мѣстахъ предполагаемаго погребенія Епифанія Тихорскаго, мы обратились за поисками въ синодальный архивъ, съ мыслью, не найдется ли тамъ какихъ либо указаній на сей счетъ? И, дѣйствительно, тамъ мы скоро нашли цѣлое дѣло, на 189 листахъ, *„о погребеніи Епифанія епископа Бѣлогородскаго и остав-*

шемся его имѣніи, и о протчемъ" (за 1731 г. № 130). Дѣло это, заключая въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для біографіи Епифанія Тихорскаго, которыми мы не можемъ воспользоваться здѣсь, въ краткой библіографической замѣткѣ, вполнѣ и совершенно разрѣшаетъ недоумѣнный вопросъ о мѣстѣ погребенія Епифанія Тихорскаго.

2 іюля 1731 г. домовая Бѣлгородская архіерейская канцелярія доносила св. синоду слѣдующее: „сего июля 2 дня, соизволениемъ Всемогущаго Бога, преосвященный Епиѳаний, епископъ Бѣлогродскій и Обоянскій, въ вѣчный покой преставися, *а о погребѣніи тѣла своего завѣщание имѣлъ, дабы положить въ Бѣлоградской соборной церкви, гдѣ и прежде бывшие Бѣлоградские архіереи погребены,* но безъ дозволительного отъ вашего святѣйшества указу во оной соборной церкви и кому погребсти не смѣемъ" (л. 1).

9 іюля того же года св. синодъ послалъ управителямъ Бѣлгородскаго архіерейскаго дома указъ, коимъ, между прочимъ, повелѣлъ: „вышеупомяненнаго умершаго преосвященнаго Епифанія, епископа Бѣлоградскаго, тѣло, по церковному чиноположенію, погребсти *той же Бѣлоградской епархіи обрѣтающимся въ монастырѣхъ архимандритамъ и игуменамъ съ протчими священнослужителми во оной соборной церкви при прежнихъ преставлшихся братій ево Бѣлоградскихъ архіереевъ гробѣхъ"*... (л. 1 обор.).

Наконецъ, 30 іюля 1731 года управители Бѣлгородскаго архіерейскаго дома доносили св. синоду, что 21 іюля тѣло преосв. Епифанія было погребено *„въ Бѣлоградской соборной церкви"*.

Мы сказали, что дѣло синодальнаго архива за 1731 г. № 130 заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для біографіи Епифанія Тихорскаго. Не имѣя возможности здѣсь передавать ихъ подробно, перечислимъ только наиболѣе важные документы, находящіеся въ немъ: 1) предсмертное Епифанія Тихорскаго на имя св. синода прошеніе, въ которомъ онъ говоритъ, что все свое имущество онъ самолично распредѣлилъ, проситъ не оставить своимъ покровительствомъ

любимаго его дѣтища—Харьковскаго коллегіума, а для обезпеченія дальнѣйшаго процвѣтанія сего послѣдняго намѣчаетъ двухъ, наиболѣе способныхъ по его мнѣнію, кандидатовъ на Бѣлгородскую архіерейскую каѳедру; 2) доношеніе Бѣлгородскаго губернатора Ивана Бибикова св. синоду о томъ же; 3) письмо Епифанія Тихорскаго къ Ѳеофану Прокоповичу о томъ же предметѣ, свидѣтельствующее о близкихъ съ давняго времени отношеніяхъ между этими двумя іерархами; 4) перечень имущества, оставшагося послѣ Епифанія Тихорскаго, при чемъ особенно замѣчательнымъ представляется каталогъ его библіотеки; 5) нѣсколько донесеній преемника Епифанія Тихорскаго архіепископа Досиѳея Богдановича, характеризующихъ состояніе Бѣлгородской епархіи, архіерейской каѳедры и особенно Харьковскаго коллегіума въ годъ смерти Епифанія Тихорскаго.

Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности слѣдующаго Бѣлгородскаго архіерея-архіепископа Досиѳея Богдановича-Любимскаго, сообщаемыя проф. Лебедевымъ, могутъ быть частію исправлены, частію же значительно восполнены на основаніи, кромѣ вышеуказанныхъ, еще и слѣдующихъ дѣлъ синодальнаго архива: за 1732 годъ №№ 119 и 330 и за 1733 годъ № 116.

Проф. Лебедевъ полагаетъ, что „Досиѳей назначался епископомъ на Бѣлогородскую епархію, какъ ученая персона", отъ которой можно было ожидать полезныхъ трудовъ по содержанію заведенныхъ въ епархіи школъ въ добромъ порядкѣ" (стр. 39—40).

Такое предположеніе и такая характеристика Досиѳея, къ сожалѣнію, не оправдываются документами. То обстоятельство, что св. синодъ въ своемъ докладѣ императрицѣ въ числѣ кандидатовъ на Бѣлгородскую каѳедру ставитъ имя Досиѳея на послѣднемъ (третьемъ) мѣстѣ ясно говоритъ о томъ, что св. синодъ вносилъ его имя или только для соблюденія правила, требовавшаго представленія трехъ кандидатовъ, или же въ виду благоволенія двора къ этому кандидату. То обстоятельство, что Досиѳей получаетъ сразу титулъ

архіепископа, котораго (титула) не имѣлъ Епифаній Тихорскій, говоритъ въ пользу послѣдняго предположенія. Не говоримъ уже о томъ, что Епифаній Тихорскій, указывая въ извѣстномъ намъ прошеніи св. синоду на Ипатьевскаго архимандрита Платона Малиновскаго, какъ самаго желательнаго своего преемника, ни слова не упоминаетъ о Досиѳеѣ, котораго онъ, конечно, не могъ бы не знать, если бы онъ былъ, дѣйствительно, „ученою персоною".

А вотъ факты, краснорѣчиво говорящіе о томъ, что Досиѳей не особенно заботился о Харьковскомъ коллегіумѣ. Уже въ самыхъ первыхъ его донесеніяхъ, писанныхъ св. синоду вскорѣ по пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, звучатъ ноты явнаго недовольства на своего предшественника за то, что тотъ интересы Харьковскаго коллегіума предпочиталъ интересамъ архіерейскаго дома и каѳедры. Даже и то доношеніе Досиѳея св. синоду (отъ 29 октября 1732 г.), на которое ссылается проф. Лебедевъ, въ подтвержденіе своихъ словъ о томъ, что Досиѳей заботился о Харьковскомъ коллегіумѣ, но котораго, къ сожалѣнію, онъ, вѣроятно, не имѣлъ подъ руками въ полномъ видѣ, прямо и рѣшительно говоритъ противъ предположенія автора. „А мнѣ,—говоритъ Досиѳей вслѣдъ за словами, на которыхъ останавливается проф. Лебедевъ,— „келейнымъ доходомъ когда бы Богъ пособилъ домъ архиерейскій, отъ двадцати лѣтъ впустѣ стоячиі, елико мощно, поисправить; бо не точию людемъ моимъ, но и мнѣ самому жить нѣгдѣ; живу, якъ схимникъ, одна келейка да ковнатка деревянные, и то весма ветхие, всѣ згнили. Покойный Иустинъ Василевичъ устроилъ каменную ограду и та велми худо строена, вся валяется, А послѣ его въ домѣ архиерейскомъ никто не на полтину ничего не устроилъ, все обетшало, единъ срамъ тилко домъ архиерейской стоить.... и антецессоръ (*разумѣется Епифаній Тихорскій*) многими прошеніями во всей епархіи і въ господъ и въ священниковъ и денежно и прочими запасами на тое коллегиумъ собиралъ, а сверхъ того отчинки домовые, которыхъ самое малое число имѣется, всего тысяча душъ, ***вовсе разорилъ***, и которая сло-

бода Черкасъ, тые разошлись *для незносной коллегіумъ Харьковского работы*, о чемъ здесь всѣмъ обывателемъ извѣстно, а деньги *этакие под спудомъ держалъ невѣдомо для чего*". Это во всякомъ случаѣ слова не архипастыря, который „заботился *о поддержаніи заведенныхъ въ епархіи школъ*".

Впослѣдствіи же Досиѳей еще яснѣе выразилъ свое нерасположеніе къ Харьковскому коллегіуму, когда въ декабрѣ 1731 года, „по прошенію града Курска градскихъ и уѣздныхъ священницъ и всякаго чина мирскихъ людей, за далнимъ разстояніемъ отъ Харькова, учредилъ школы въ ономъ градѣ (т. е. Курскѣ) при монастырѣ", чѣмъ сильно подрывалось матеріальное благосостояніе Харьковскаго коллегіума, хотя, справедливость требуетъ сказать, значительно облегчалось положеніе Курскихъ священниковъ, которые обязаны были отправлять своихъ дѣтей въ далекій Харьковъ для обученія (чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія о Курскихъ школахъ, заведенныхъ Досиѳеемъ, о первыхъ учителяхъ и о томъ, какъ въ маѣ 1732 года эти школы были разгромлены Курскимъ воеводою Дохтуровымъ и его людьми см. въ арх. св. син. дѣло 1732 г. № 319).

Слѣдующимъ Бѣлгородскимъ архіереемъ былъ Арсеній Берло. Это былъ какой-то несчастный архипастырь. Въ 1728 году онъ былъ назначенъ нашимъ правительствомъ, безъ сношенія съ польскимъ, епископомъ въ Могилевъ. Но польскій король не выдалъ ему привилегіи на Могилевскую каѳедру. Поэтому, Арсеній Берло пріѣхалъ въ Могилевъ, посидѣлъ тамъ около 2—3 лѣтъ, претерпѣлъ массу непріятностей отъ католиковъ и даже отъ своихъ православныхъ и ни съ чѣмъ вынужденъ былъ возвратиться въ Россію (см. о немъ у А. Л. Берло. „Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Бориспольскій". Кіевъ, 1904 г.). О дѣятельности его по управленію Бѣлгородскою епархіею трудно прибавить что-либо къ тому, что сообщаетъ проф. Лебедевъ, такъ какъ Арсеній Берло и совсѣмъ не былъ въ Бѣлгородѣ.

О дѣятельности двухъ слѣдующихъ архіереевъ Бѣлгородской епархіи—Петра Смѣлича и м. Антонія Черновскаго—

особенно въ отношенiи къ духовнымъ школамъ епархiи свѣдѣнiя, содержащiяся въ разсматриваемой книгѣ, могутъ быть значительно восполнены, на основанiи дѣлъ арх. св. синода за 1737 г. № 380 (въ пяти громадныхъ томахъ) и за 1748 г. № 230.

Къ довольно обстоятельнымъ свѣдѣнiямъ, сообщаемымъ авторомъ о святителѣ Іоасафѣ Горленкѣ (стр. 79—115), съ своей стороны, *изъ рукописныхъ источниковъ*, можемъ присоединить еще слѣдующее: 1) при довольно неопредѣленныхъ и сбивчивыхъ представленiяхъ, существующихъ въ наличной литературѣ о времени обученiя сего святителя въ Кiевской академiи, имѣетъ важное значенiе, по нашему мнѣнiю, свидѣтельство, что по вѣдомости за 1727 г. онъ значится въ числѣ учениковъ философiи подъ № 27 (Опис. докум. и д. син. арх., т. VII, прил., стр. CVIII); 2) извѣстно намъ собственноручное письмо Іоасафа Горленка къ брату своему, писанное въ Петропавловкѣ (подъ Бѣлгородомъ) 25 мая 1753 года. Письмо это хранится въ собранiи рукописей В. В. Тарновскаго, бывшемъ въ Кiевскомъ художественномъ музеѣ, а затѣмъ переданномъ въ распоряженiе Черниговскаго земства. Письмо это очень интересно, свидѣтельствуя о добрыхъ отношенiяхъ Іоасафа Горленка къ своей матери и другимъ роднымъ и бросая свѣтъ на болѣзнь святителя, отъ которой онъ преждевременно и скончался; наконецъ, 3) портретъ Іоасафа Горленка, писанный масляными красками на холстѣ, хранящiйся въ Кiевскомъ церковно-Археологическомъ музеѣ. Портретъ этотъ особенный: въ центрѣ—изображенiе святителя въ архiерейскомъ облаченiи, а по сторонамъ рядъ символическихъ изображенiй съ латинскими подписями, имѣющими бiографическое значенiе.

Относительно преосв. Іоасафа II Миткевича, въ качествѣ дополненiя, можемъ указать на собственноручное письмо его которое раньше, по недоразумѣнiю, усвоялось Іоасафу Горленку и которое бросаетъ свѣтъ на iерархическiя воззрѣнiя архипастыря; оно хранится въ церковно-археологическомъ музеѣ Кiев. дух. академiи.

Послѣднимъ архипастыремъ Бѣлгородскимъ, о жизни и дѣятельности котораго говоритъ авторъ, былъ *Ѳеоктистъ Мочульскій*. Проф. Лебедевъ съ особенною подробностію (очеркъ о Ѳеоктистѣ Мочульскомъ занимаетъ 62 стран., т. е. почти $^1/_4$ часть всей книги) и любовію разсматриваетъ дѣятельность этого добраго, ревностнаго и науколюбиваго архіерея. Еще на школьной скамьѣ нами были собраны и въ 1894 году обнародованы свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Ѳеоктиста Мочульскаго, имѣвшіяся въ печатной литературѣ. Проф. Лебедевъ значительно восполнилъ эти свѣдѣнія, на основаніи архивныхъ данныхъ, и въ 1897 г. издалъ монографію о немъ, которая, съ небольшими измѣненіями, вошла и въ составъ разсматриваемой нами книги. Съ своей стороны, въ настоящее время, на основаніи *архивнаго же документа*, можемъ дополнить біографію достойнаго архипастыря сообщеніемъ свѣдѣній о происхожденіи и первоначальныхъ годахъ его жизни до постриженія въ монашество и опредѣленія на должность законоучителя Петербургскаго сухопутнаго кадетскаго корпуса. Въ старомъ архивѣ Кіевской духовной консисторіи сохранилось собственноручное прошеніе „слишателя священной богословіи“ Ѳеодора Мочульскаго на имя Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго отъ 23 декабря 1760 года слѣдующаго содержанія: „уроженецъ я, нижайшій, Полской области, повиту Перемиского, села Форосницы, синъ тамошняго священника церкви Свято-Покровской; отлучился отъ родителей моихъ въ Россію съ младихъ лѣтъ, и какъ прежде, такъ и нинѣ въ православномъ благочестіи состою. Дѣлами и долгами никакими необовязанъ; лѣтъ мнѣ отъ роду 30, съ 746 по сей 760 годъ въ академіи вашего ясне въ Богу преосвященства обучался. Нинѣ же я, нижайщій, твердое намѣреніе имѣю монашескій чинъ въ Кіево-Брацко-училищномъ монастырѣ воспріять. Того ради вашего ясне въ Богу преосвященства всенижайше прошу такъ о принятіи мене нижайшаго, въ тотъ Кіево-Брацко-училищный монастирь, яко и о сподобленіи мене, по моему искреннему желанію, оного монашеского чина, къ кому

надлежитъ, высокомилостивимъ архiпастирскимъ своимъ указомъ предложить. О бытiи же моемъ въ указнихъ присягахъ, такожъ и о состоянiи и обученiи, каковъ съ оной академiи вашего ясне въ Богу преосвященства аттестатъ данъ, оной при семъ подлѣннiй прилагаю".

Въ аттестатѣ, подписанномъ префектомъ и священной богословiи учителемъ Кiевской академiи iеромонахомъ Самуиломъ Миславскимъ, этотъ послѣднiй, послѣ свидѣтельства о томъ, что Θеодоръ Мочульскiй 22 декабря 1748 г. былъ приведенъ къ присягѣ въ Кiево-печерской Θеодосiевской церкви, писалъ слѣдующее: „въ бытность же свою онъ, Мочульскiй, при той академiи какъ въ нижщихъ классахъ латинского языка, такъ и въ священной богословiи, въ которой чрезъ четири года упражнялся, производилъ ученiе свое съ ревностнымъ прилѣжанiемъ и весьма знатнымъ успѣхомъ, а особливо въ еврейскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ превосходнымъ себе паче протчихъ оказалъ; при провожденiи же означенного своего ученiя добронравныя и богоугоднiя поступки найприлежнѣйше всегда наблюдалъ". Аттестатъ этотъ былъ выданъ Мочульскому 24 iюня 1760 г.

20 декабря 1760 года ректоръ Кiевской академiи архимандритъ Давидъ Нащинскiй и префектъ iеромонахъ Самуилъ Миславскiй представили м. Арсенiю Θеодора Мочульскаго, какъ удовлетворявшаго требованiямъ синодальнаго указа выслать въ сухопутный шляхетскiй кадетскiй корпусъ „ко исправленiю Божественнаго служенiя и прочихъ должностей изъ учителей Кiевской академiи iеродiакона житiя и состоянiя добраго и къ проповѣди слова Божiя достаточнаго, а при томъ чтобъ, сверхъ латинского, французскому или нѣмецкому языку (какъ того особливо требовалъ в. к. Петръ Θеодоровичъ) обученъ былъ". Такъ какъ среди учителей Кiевской академiи лица „таковыхъ качествъ, каковыхъ требовалось указомъ, не взискалось", то ректоръ и префектъ академiи указали именно на ученика богословiя Θеодора Мочульскаго, какъ „въ таковыхъ качествахъ, каковы въ указѣ изобра-

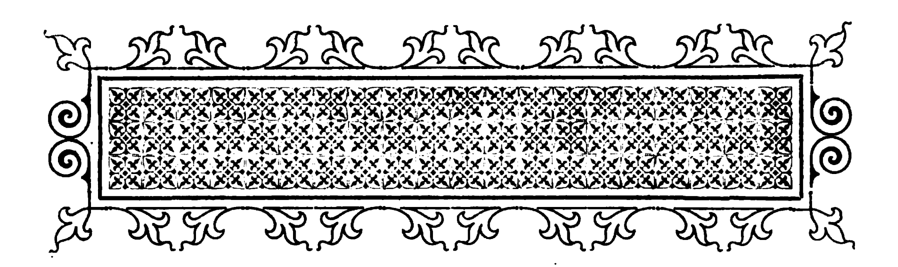
жены, достаточнаго". Въ январѣ 1761 г. Ѳеодоръ Мочульскій былъ постриженъ архим. Давидомъ въ монашество съ именемъ Ѳеоктиста, вскорѣ послѣ того былъ рукоположенъ м. Арсеніемъ въ іеродіакона и въ январѣ же 1761 года былъ отправленъ изъ Кіева на службу въ Петербургскій кадетскій корпусъ.

Въ томъ же архивѣ сохранилась переписка между Ѳеоктистомъ Мочульскимъ, епископомъ Бѣлгородскимъ, и Самуиломъ Миславскимъ, митрополитомъ Кіевскимъ, свидѣтельствующая о близкихъ отношеніяхъ, существовавшихъ между ними.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе и достоинство разсмотрѣннаго сочиненія.

Замѣтимъ въ заключеніе, что книга проф. А. С. Лебедева украшена превосходно исполненными фототипическими портретами Бѣлгородскихъ архіереевъ.

Ѳ. И. Титовъ.



Одинъ изъ сербскихъ источниковъ русской исторіи.

(*Л. Стојановић*. Стари српски записи и натписи. I, II, Беогр. 1902—3).

Въ 1902 г. Сербская академія въ Бѣлградѣ начала весьма важное изданіе: „Зборник за историју, језик и кньижевност српског народа“.

До сихъ поръ вышли первыя двѣ книги перваго отдѣленія, обнимающаго, по плану академіи, памятники на сербскомъ языкѣ (Споменици на српском језику), именно: кн. 1 и 2 „Старих српских записа и натписа“, собранныхъ и проредактированныхъ академикомъ Л. В. Стояновичемъ. Это крупное явленіе въ области славянской науки, конечно, не могло пройти незамѣченнымъ: появились рецензіи на это изданіе, пока, кажется, лишь на первый томъ: у насъ, въ „Кіев. Унив. Извѣстіяхъ“—Т. Д. Флоринскаго, въ „Извѣстіяхъ отд. рус. яз. и слов. И. А. Н“—А. И. Яцимирскаго, и за границей, напр., моя—въ Archiv'ѣ Ягича. По плану, принятому Л. Стояновичемъ, весь сборникъ долженъ обнять собою три тома и заключать въ

себѣ собраніе сербскихъ надписей и записей съ древнѣйшаго времени (вѣка XII-го) и кончая приблизительно 30-ми годами истекшаго столѣтія, при чемъ всѣ записи распадаются на двѣ крупныхъ категоріи: на датированныя точно и датированныя лишь приблизительно (сюда относятся и не датированныя надписи и записи, но опредѣляемыя по ихъ содержанію или времени письма). Въ настоящее время въ вышедшемъ второмъ томѣ закончено собраніе датированныхъ записей и надписей; въ тотъ же томъ вошла и значительная часть второй группы; въ будущій третій войдутъ остальныя надписи и записи, поправки и дополненія къ первымъ двумъ томамъ и наконецъ обширные указатели. По личному мнѣ сообщенію редактора, этотъ третій томъ, какъ весьма сложный по работѣ, а также въ зависимости отъ иныхъ обстоятельствъ, появится не скоро. Въ виду этого, а также въ виду законченности, въ нѣкоторомъ смыслѣ, изданія надписей и записей со вторымъ томомъ, полагаю возможнымъ уже теперь, не дожидаясь послѣдняго тома, попробовать оцѣнить это новое изданіе: основная часть его, притомъ часть наиболѣе цѣнная, уже передъ нами; ожидать чего либо, чтò значительно измѣнило бы нашу оцѣнку, кажется, трудно, тѣмъ болѣе, что послѣдняя не имѣетъ въ виду дать полную характеристику матеріаловъ г. Стояновича, а касается лишь одной стороны ихъ: именно, я намѣренъ въ настоящемъ случаѣ взглянуть на собранныя Стояновичемъ записи и надписи, какъ на матеріалъ, не безполезный для уясненія культурныхъ отношеній между сербами и русскими. Это съуживаетъ мою задачу, но за то дѣлаетъ её при данныхъ обстоятельствахъ болѣе исполнимой. Отчасти, по отношенію къ первому тому, намекъ на такое значеніе для насъ собранія Стояновича уже сдѣланъ, однимъ изъ рецензентовъ, А. И. Яцимирскимъ, перечислившимъ (Изв. отд. рус. яз., VIII, 1, стр. 414) тѣ страницы сборника Стояновича, гдѣ находятся записи и надписи, иллюстрирующія сербо-русскія отношенія, и отмѣтившимъ въ двухъ словахъ факты, содержащіеся въ этихъ надписяхъ и записяхъ. Те-

перь этотъ матеріалъ значительно дополняется вторымъ томомъ, охватывающимъ время XVIII и XIX в., а также часть недатированныхъ старшихъ текстовъ; кромѣ того, замѣтка А. И. Яцимирскаго слишкомъ коротка и обща. Это-то и позволяетъ мнѣ остановиться на освѣщеніи собраннаго матеріала, ограничиваясь пока лишь областью сербо-русскихъ отношеній. Выбранныя изъ громаднаго количества, почти 5000, надписи и записи, освѣщающія эти отношенія, дадутъ, полагаю, нѣкоторую возможность отчасти проконтролировать то, чтó намъ на основаніи другихъ источниковъ извѣстно о сербо-русскихъ отношеніяхъ, а отчасти и дополнить эти извѣстія; иначе сказать: точнѣе набросать картину сношеній Руси и сербовъ почти за 8 вѣковъ исторіи.

Въ количественномъ и хронологическомъ отношеніяхъ собранный Стояновичемъ матеріалъ, по сравненію со всѣмъ его объемомъ, для намѣченной нами цѣли даетъ не особенно много: изъ 4700 слишкомъ надписей и записей, вошедшихъ въ сборникъ, на долю тѣхъ, по которымъ мы можемъ судить о сербо-русскихъ отношеніяхъ, приходится лишь около 125; а по времени эти 125 надписей и записей охватываютъ лишь вѣка XVI—XIX (старѣйшая 1517 г., младшія 1835 и 1848 г.г.), не давая, такимъ образомъ, матеріала для XII—XV вѣковъ. Въ частности, подобранныя мною по сборнику записи по вѣкамъ распадаются такъ: къ XVI вѣку относится ихъ лишь 8, къ XVII—немного болѣе 30, къ XIX—6-7; остальныя, около 80,—къ XVIII-му. По мѣсту нахожденія громадное большинство этихъ записей и надписей—книжныя, т. е. на книгахъ, частью сербскихъ, частью русскихъ, попавшихъ въ свое время въ предѣлы сербскаго племени, частью рукописныхъ, частью печатныхъ. Вотъ всѣ внѣшнія данныя касательно интересующихъ насъ записей. По своему содержанію эти записи довольно разнообразны, съ одной стороны, и однообразны, съ другой. Значительный процентъ ихъ, какъ помѣщаемыхъ на чистыхъ мѣстахъ въ книгѣ, тѣсно связанъ съ книгой, т. е. характиризуетъ наши книжныя, литературныя отношенія съ сербами: это—записи о списываніи той или другой книги,

того или другого произведенія сербомъ съ русскаго оригинала (633, 775, 1036, 1090, 1248, 2101, 2148, 2253, 2277, 2696, 2986, 3470), записи о приносѣ, пріобрѣтеніи той или другой книги въ Россіи, подаркѣ книгъ изъ Россіи, (такихъ надписей большинство)[1]); рѣже попадаются въ записяхъ извѣстія о перенесеніи сербскихъ книгъ въ Россію (429, 1521): таковъ преобладающій характеръ записей. Съ другой стороны, меньшая часть, остальныя записи, отличаются большой пестротой: здѣсь находимъ извѣстія объ участіи и пособіи русскихъ въ церковныхъ нуждахъ сербовъ въ видѣ снабженія (продажи рѣже) изъ Россіи церковной утварью (601, 1279, 2459, 2732, 2733, 3581), въ видѣ исполненія русскими мастерами работъ для сербскихъ церквей (3216, 3611), подарковъ деньгами (1984). Большій интересъ представляютъ отзвуки политическихъ событій Россіи, въ особенности тѣхъ, которыя ближе касались самихъ юго-славянъ; сюда относятся главнымъ образомъ наши войны съ Турціей и татарами, за которыми сербы слѣдятъ довольно тщательно и съ совершенно понятной симпатіей къ русскимъ (1526, 1677, 2079, 2211, 2225, 2229, 2494, 2691, 2708, 2710, 2815, 2816, 3344, 3367, 3430, 3601, 3645, 3650); на тѣ же сербскія отношенія къ Россіи указываютъ записи съ датами по русскимъ государямъ (3884). Остальныя записи касаются непосредственныхъ сношеній сербовъ съ Россіей, упоминая о путешествіяхъ сербовъ на Русь (1267, 1494, 1547, 2443, 3185), участіи сербовъ въ русскихъ дѣлахъ (2817—2823, 4007), колонизаціи сербовъ въ Россіи (3024), денежныхъ дѣлъ (4584), русскихъ людей, вращавшихся среди сербовъ (2108, 2573, 3632, 3107, 3142), и т. п.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ записей. Въ частности же оно даетъ матеріялъ для отдѣльныхъ

[1]) Эта категорія, конечно, еще больше можетъ быть увеличена, какъ показатель перехода русской книги къ сербамъ, путемъ привлеченія сюда самыхъ книгъ русскихъ, хранившихся и хранящихся въ сербскихъ церквахъ и монастыряхъ. Исходя же изъ матеріаловъ Стояновича, сюда придется отнести цѣлый рядъ русскихъ книгъ съ записями, русско-сербскихъ отношеній не касающимися.

событій и лицъ довольно интересный. Укажу, слѣдуя порядку установленныхъ мною группъ, нѣсколько такихъ фактовъ. Пересматривая первую группу—литературныя и книжныя сношенія наши съ сербами—мы можемъ представить себѣ не только размѣръ этихъ сношеній, но и ихъ характеръ, т. е. отчасти намѣтить, какого рода книги интересовали сербовъ, какого рода книги старались они пріобрѣтать. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ, разумѣется, стремленіе пріобрѣсти то, что̀ вызывалось насущной потребностью у оскудѣвшаго подъ турецко-фанаріотскимъ игомъ юго-славянства, т. е. книги, необходимыя для церкви, церковной службы; почти исключительно и пріобрѣтаются эти книги въ XVI—XVII вѣкахъ сербами: это—евангелія (1020, 1965, 826, 1495 . . . .), книги ветхаго завѣта—рѣже (1416, 586), богослужебныя книги, пролога, псалтири, Лѣствица и тому подобныя обиходныя монашескія и церковно служебныя книги (1487, 622, 1497, 1545, 1674, 1815, 1998, 2101, 2173).

Позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, хотя продолжается пріобрѣтаніе тѣхъ же необходимыхъ книгъ, встрѣчаются уже указанія на то, что интересы сербскаго грамотнаго человѣка расширились, требуютъ уже бо̀льшаго, нѣкотораго рода роскоши, сравнительно съ предшествующимъ тяжелымъ временемъ: не ограничиваясь лишь церковной книгой въ тѣсномъ смыслѣ, онъ пріобрѣтаетъ, получаетъ изъ Россіи, такъ сказать, и литературное чтеніе, отчасти указывающее на подъемъ національнаго самосознанія: если уже въ XVII вѣкѣ изрѣдка находимъ указанія на пріобрѣтеніе Палеи (2011), житій святыхъ (2040), поученій (1036, 1090), то въ XVIII и отчасти въ XIX-мъ вѣкѣ уже больше разнообразія: это—„Хиротонія“ (2148), исторія всеобщая (2253, 2277), „Скрижаль“ (2283), творенія Григорія Назіанзена (2536) „Цароставникъ“ (2652), „Мечъ духовный“ (2696), „Кирилъ Транквилліонъ“ (2743), „Ѳеатронъ историческій“ (2814), лѣтопись Баронія (2951), „Камень вѣры“ (3107), „Исторія о Скендерѣ“ (3470), проповѣди, изданныя русскимъ синодомъ (3613), сочиненія митрополита Платона (3704) и т. д. Книги эти пріобрѣтаются изъ разныхъ мѣстъ Россіи:

главнымъ образомъ изъ Москвы (1111, 1674, 1435, 1815 и т. д.), позднѣе изъ Петербурга (2814), но также и изъ Кіева (2281, 3434 [1]), 3068) и даже изъ Нѣжина (2443). Въ XVII—XVI вв. книги идутъ и изъ Польши, т. е. изъ русскихъ мѣстностей, входившихъ въ составъ тогдашней Польши: Ковля (551), Володавы (Подляской, 622) Бара (1240), Львова (1998), и др. (ср. 1965), о чемъ свидѣтельствуетъ и западно-русскій языкъ иныхъ записей. Книги пріобрѣтаются путемъ покупки, при чемъ ихъ пріобрѣтаютъ не только въ отмѣченныхъ пунктахъ, но, повидимому, посредниками являются и русскіе торговцы, сами привозившіе и торговавшіе книгами въ сербскихъ краяхъ; такъ въ XVIII в. у „московитовъ" (такъ въ большинствѣ случаевъ называютъ русскихъ еще въ XVIII в. въ записяхъ: 2652, 2710, 3024, 3645), въ Осекѣ куплены въ 1735 г. Бесѣды апостольскія (2632, ср. 3107), Дѣянія ап. въ Земунѣ (3334). Чаще же получались книги въ даръ, при чемъ жертвователями являются иногда русскіе цари: Алексѣй Михайловичъ (1487), Петръ Великій (2173), Елизавета (1917, 3042) и даже Николай I (4140); еще чаще такими лицами являлись сербы, или побывавшіе въ Россіи, или устроившіеся на житье въ Россіи, но, ясно, не желавшіе порывать связи съ соотчичами, почему въ числѣ жертвователей встрѣчаемъ: Милорадовичей, вышедшихъ изъ Герцеговины (2253, 2277, 2443), графовъ Владиславовичей, также выходцевъ изъ сербскихъ краевъ (2432, 2314), Миланковича, серба, архимандрита московскаго Донскаго монастыря (3562, 3563), и др. Изъ Россіи эти книжныя сношенія, насколько можно судить по записямъ и мѣстонахожденію теперь книгъ, направляются въ разные пункты территоріи, заселенной сербами; между ними однако въ XVI—XVII в.в. чаще другихъ встрѣчаются: Аѳонскій Хиландарь (551, 586, 775, 826, 1020, 1240 и т. д.), затѣмъ Фрушкогорскіе монастыри и Карловцы (1090, 1465, 2011, 2101—2014, 2459 и др.)—преимущественно за XVII и XVIII вѣка: это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ лучше сохранились библіотеки, а также и тѣмъ,

[1]) Здѣсь Кіевъ названъ даже „царствующимъ" градомъ.

что Хиландарь и Фрушка-гора были главными очагами, гдѣ поддерживались и живѣе были славянская и сербская грамотность и наука въ это глухое на Балканскомъ полуостровѣ время. За этими центрами идутъ: мон. Житомисличь въ Герцеговинѣ (1495, 1497, 2173, 2732), Черногорія (преимущественно въ XVIII в., 2296, 2917, 3042), Далмація (3185) и др.

Собравши во едино всѣ замѣчанія о книжныхъ сношеніяхъ сербо-русскихъ, мы ясно увидимъ, что записи, цѣнныя, какъ непосредственныя свидѣтельства современниковъ, подтвердятъ намъ то, чтò мы знаемъ въ этомъ отношеніи изъ другихъ данныхъ: до XVI в. отношенія юго-славянъ къ русскимъ, въ частности сербовъ къ Московскому царству и Кіевскому княжеству, рисуются почти исключительно въ видѣ теченія съ юга на Русь; поэтому-то въ сербскихъ записяхъ нѣтъ свидѣтельствъ за XII—XV в.в. о фактахъ русскихъ въ сербской письменности, а сербскихъ фактовъ въ русской письменности надо искать въ этой русской письменности. Но съ XVI в. начинается, постепенно усиливаясь въ XVII и XVIII вѣкахъ, обратное теченіе русской литературы и культуры на югъ; въ связи съ этимъ стоитъ и усиленіе политическаго вліянія русскаго государства на славянскомъ югѣ. Это теченіе въ литературѣ приводитъ къ созданію даже литературнаго языка съ славяно-русской основой у сербовъ, причемъ упомянутыя Карловцы и Фрушка-гора играютъ роль наиболѣе оживленнаго центра этой русско-сербской литературы, которая завершается постепенно подготовившимся возрожденіемъ сербской литературы и народности; въ то же время непосредственное русское вліяніе, сдѣлавши свое дѣло, начинаетъ слабѣть и принимать иной характеръ. Эта общая картина нашла себѣ отраженіе въ нашихъ записяхъ: онѣ начинаютъ учащаться съ XVI вѣка, прогрессивно растутъ въ XVII-мъ, достигаютъ своего апогея въ XVIII-мъ и быстро идутъ подъ гору къ XIX-му. Содержаніе этихъ записей показываетъ также постепенное возрастаніе интереса къ русской литературѣ въ XVII и XVIII вв. и ослабленіе его въ XIX-мъ, когда культур-

ныя отношенія и условія жизни сербовъ измѣняются и направляются въ иную сторону.

То же мы будемъ наблюдать по отношенію и къ другимъ установленнымъ нами группамъ записей. Не вдаваясь въ подробности, укажу на одну характерную черту ихъ: церковныя отношенія по своему характеру за все время остаются неизмѣнными, измѣняется лишь количество свѣдѣній; въ политическихъ же сношеніяхъ мы наблюдаемъ тѣ же колебанія, чтó и въ литературныхъ: съ XVII в. начинаются замѣтки о войнахъ Россіи съ Турціей и данниками послѣдней татарами (1677); Петровскія войны со шведами и Прутскій походъ отмѣчаются уже подробнѣе (2211), при чемъ писавшій уже горячо желаетъ: „пособи, Господи, цару *нашему*“ (2225); также послѣдовательно отмѣчаются и русско-турецкія войны XVIII в.; рядомъ съ ними начинаютъ у австрійскихъ сербовъ чаще и чаще пробиваться извѣстія о русско-австрійскихъ и австрійско-турецкихъ отношеніяхъ (разыгрывавшихся главнымъ образомъ среди мѣстностей, заселенныхъ сербами). Такъ идетъ до начала XIX в., когда вдругъ замѣчается отсутствіе извѣстій о такихъ крупныхъ русскихъ событіяхъ, какъ наполеоновскія войны; но за то свои внутреннія сербскія событія наполняютъ записи: это—извѣстія о борьбѣ за освобожденіе при Кара-Георгіи: свои дѣла заслонили интересъ къ чужому, хотя и близкому прежде сосѣду: тѣ надежды, съ которыми слѣдили сербы за русско-турецкой борьбой, осуществляются дома.

Остальныя свѣдѣнія, иллюстрирующія сербо-русскія отношенія по записямъ, носятъ болѣе частный характеръ; поэтому на нихъ останавливаться не стану, укажу лишь на нѣкоторыя записи, показавшіяся мнѣ любопытными по тому или другому поводу; такова запись 1650 года (1458) о ссорѣ между греками и славянами на Аѳонѣ, когда греки („оле беда отъ лукаваго рода грьчскаго!“ восклицаетъ писецъ) не только нанесли безчестіе всѣмъ сербамъ и болгарамъ, но и попалили „книги московскіе“. Любопытны записи: 1704 г. (2141) о Борисѣ Михайловичѣ (несомнѣнно, русскомъ), бывшемъ ктиторомъ въ Раковцѣ; 1736 г. (2696)—о переводѣ на

на простой сербскій языкъ „Меча Духовнаго"; 1789 г. (3613)—объ отобраніи въ епископскую библіотеку русскихъ проповѣдей, какъ мало вразумительныхъ. Изъ другихъ записей отмѣчу: 3344 (1769—1770 г.)—современную запись о самозванцѣ Степанѣ Маломъ; 3153 (1760 г.)—съ датой по имп. Елизаветѣ, „побѣдителнія обладателницы пруссійскія".

Конечно, я только могъ намѣтить путь къ оцѣнкѣ труда Стояновича. Если онъ въ такой мало разработанной области, какъ исторія серборусскихъ отношеній, характеризуемыхъ лишь незначительной долей всего сборника, могъ дать, какъ видимъ, небезполезный свѣжій матеріалъ, то, понятно, значеніе этого труда для сербской исторіи и культуры еще гораздо болѣе важно: это значеніе вполнѣ оправдывается дѣйствительнымъ богатствомъ сборника.

Прилагаю перечень наиболѣе интересныхъ записей изъ области серборусскихъ сношеній.

г. 1517 (429). Старецъ Исаія приноситъ житіе Савы съ Аѳона великому князю.

г. 1549 (551). Ковельскій свящ. Кузьма Васильевичъ даетъ на поминъ души Палею толковую въ Хиландарь.

г. 1551 (586). Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ черезъ сербскихъ монаховъ Сильвестра и Прохора посылаетъ книгу 16 пророковъ въ Хиландарь.

г. 1559 (601). Іоаннъ Грозный посылаетъ чашу въ мон. Милешево.

г. 1561 (622). Псалтырь, писанная по заказу „пана Николы Сербина", въ Володавѣ въ землѣ Подляшской, посылается въ мон. сербскій Папратъ.

г. 1563 (633). Толковое евангеліе списывается „съ русскаго прѣвода" въ Москвѣ на сербскій, при І. Грозномъ, царицѣ Маріи, дѣтяхъ Ѳеодорѣ и Іоаннѣ и митр. Макаріи.

г. 1585 (775). Извѣстная запись о русскомъ изводѣ книги Іосифа Флавія о іудейской войнѣ, на Аѳонѣ въ Хиландарѣ.

г. 1592 (826). Евангеліе, писанное въ Москвѣ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, подарено Арсеніемъ Еласонскимъ Хиландарскому архимандриту Григорію.

г. 1615 (1020). Еванг. купл. въ Польшѣ (Волыни) въ Халандарь.

г. 1616 (1036). Златоустникъ, списанный съ русскаго.

г. 1620 (1090). Панегирикъ писанъ съ русскаго въ Гргетегъ.

г. 1621 (1111). Синаксарь пріобрѣтенъ въ Москвѣ.

г. 1632 (1240). Книга Апостолъ куплена въ „Лѣцкой" землѣ гор. Барѣ въ Хиландарь.

г. 1633 (1248). Палея Хиланд. списана съ русск. извода. (О ней у Истрина Ж. М. Н. П. 1896, 4).

г. 1634, 1643 (1267). Путешествія въ Москву.

г. 1636 (1279). Плащаница куплена во Львовѣ.

г. 1643 (1376). Книга Канонъ принесена изъ Малой Россіи въ м. Лепавину.

г. 1646 (1416). Рус. библія дана въ монастырь св. Николы.

г. 1650 (1458). Сожжены московскія книги на Аѳонѣ.

г. 1651 (1465). Ц. Алекс. Мих. жалуетъ книгу (Прологъ) въ Баньскій монастырь.

г. 1653 (1494). Михаилъ, митр. Кратовскій, у ц. Алек. Мих. въ Москвѣ.

г. 1653 (1495). Еванг. куплено изъ Москвы въ м. Житомисличъ.

г. 1653 (1497). Рус. Лѣствица принесена въ Житомисличъ

г. 1655 (1521). Шестодневъ посланъ сербами въ Москву.

г. 1656 (1526). Отмѣчена война Алек. Мих. съ поляками и татарами (въ Хиландарѣ).

г. 1657 (1545). Служебникъ московскій монахъ-сербъ Чудова мон. даритъ въ Милешево.

г. 1657 (1547). Путешествіе въ св. землю съ русскимъ дьякономъ.

г. 1672 (1674). Прологъ, принесенный изъ Москвы, украденъ.

г. 1672 (1672). Отмѣчена война Турціи съ Россіею.

г. 1687 (1875). Ирмологъ принесенъ изъ Москвы (купленъ).

г. 1692 (1965). Евангеліе принесено въ Врдникъ изъ Польши.

г. 1693—9 (1984). Жалованье деньгами изъ Москвы.

г. 1695 (1998). Тріодь изо Львова.

г. 1696 (2011). Палея Крушедольская.

г. 1697 (2040). Подарокъ отъ Іос. Кроковскаго въ Гргетегъ житій святыхъ.

г. 1699 (2079). О мирѣ Петра съ турками.

г. 1702 (2101). Синодикъ для Раковца пишется въ Москвѣ.

— (2102). Законникъ для Раковца покупаютъ въ Москвѣ.

— (2103). Прологъ для Раковца покупаютъ въ Москвѣ.

— (2104). Поученія недѣльныя для Раковца покупаются въ Москвѣ.

— (2108). Монахъ русинъ переплетаетъ въ Хиландарѣ книгу.

г. 1704 (2141). Ктиторъ Борисъ Михайловичъ въ Раковцѣ даритъ книгу.

— (2142). Русскія книги въ Раковцѣ, тоже 2143.

г. 1705 (2148). „Хиротонія“ писана въ Москвѣ въ крестовой палатѣ.

г. 1707 (2173). 9 книгъ пожалованы Петромъ I въ Житомисличъ.

г. 1710 (2211). Побѣда (подъ Полтавой?) Петра надъ шведами и Прутскій походъ.

г. 1711 (2225). Начало войны Петра съ турками („Пособи Господи цару нашему“).

— (2229). Начало войны Турціи противъ Россіи— изъ другой записи.

г. 1714 (2253). Списывается „Исторія“ въ Москвѣ, началъ Мих. Милорадовичъ.

г. 1715 (2277). Списана „Исторія“ въ Москвѣ, съ экз. Мих. Милорадовича; ср. выше.

г. 1715 (2283). Даніилъ, владыка Цѣтинскій, покупаетъ „Скрижаль“ въ Москвѣ.

— (2286). Служебникъ пріобрѣтенъ въ Кіевѣ.

— (2291). Пріобрѣтеніе миней 12 книгъ въ Москвѣ (большая запись).

г. 1716 (2296). Данило черногорскій даритъ русскую книгу.

г. 1724 (2436). Исаія Заслонскій изъ Сувимовскаго (?) мон. Сосницкаго даритъ книгу (русскую) въ Крушедолъ.—Запись западно-русская.

г. 1725 (2443). Гавр. Милорадовичъ въ Нѣжинѣ даритъ книгу въ Крушедолъ пришедшему архимандриту Величковичу.

— (2459). Свящ. сосуды изъ Москвы принесены въ Шишатовацъ.

г. 1726 или 1736 (2494). Турки выступили противъ „Москаловъ".

г. 1729 (2536). „Григорій Наз." купленъ въ Требинье за $1^1/_2$ цѣхина въ Москвѣ.

г. 1730 (2565). Петръ, архим. Невскій, даритъ книгу Моисею, митроп. Бѣлградскому.

г. 1731 (2573). Учитель русскій Максимъ Суворовъ даритъ Требникъ въ м. Хопово (св. муч. Ѳеод. Тирону).

г. 1732 (2596). Сава Владиславичъ (о немъ ниже) даритъ книгу въ Никшичи.

г. 1734 (2632). Бесѣды апостольскія куплены у Московитовъ въ Осекѣ.

г. 1735 (2652) „Цароставникъ" принесенъ изъ Московіи.

г. 1736 (2691). Пораженіе татаръ русскими.

г. 1736 (2696). О переводѣ на простой сербскій языкъ „Меча Духоваго".

г. 1737 (2707). Сава Владиславлевичъ завѣщеваетъ евангеліе въ Требинск. мон.

— (2708). Приходъ нѣмцевъ на Нишъ во время войны турокъ противъ Москаловъ.

— (2710). О великой нуждѣ во время войны турокъ противъ Москаловъ.

г. 1738 (2732). Дискосъ посланъ изъ Москвы графомъ Савой Владиславлевичемъ въ Житомисличъ.

— (2733). Чаша въ церкви с. Топла (Бока Кот.)—тоже.

— (2743). Жертвуется въ м. Ремету книга Кирилла Транквилліона.

г. 1737—1739—1740 (2814). Книга „Өеатронъ историческій" куплена Матвѣемъ Павловичемъ Владиславлевичемъ въ С.-Петербургѣ (1737).

— (2815). Начало войны Анны Іоанновны съ турками (1736—1739).

— (2816). Кончина Анны Іоанновны одновременно съ Карломъ (1740).

— (2817). Перечень сербовъ „одъ Иллирика" и „одъ Сербіе" въ русской странѣ. 1) Сава Владиславлевичъ (перечень его дѣяній).

— (2818).—2) Генералъ-майоръ Стояновъ.

— (2819).—3) Бригадиръ Стефанъ Витковичъ.

— (2820).—4) Графъ генералъ - лейтенантъ Емиль Владиславичъ.

— (2821).—5) Графъ Гавріилъ Владиславичъ.

— (2822).—6) Сербинъ Феодоръ Вишневскій (изъ с. Вишнице ок. Бѣлграда).

— (2823).—7) Моисей Владиславичъ.

г. 1745—1747 (2917). Елизавета Петровна даритъ евангеліе Савѣ Нѣгошу Петровичу.

— (2918) а онъ въ Подгорицу.

г. 1748 (2950). Служба Урошу поновлена въ Москвѣ посланными изъ Врдника.

— (2951) Ими же пріобрѣтена въ Москвѣ 2-я часть Баронія.

г. 1750 (2986). Въ Хиландарѣ списываютъ февр. минею съ московскаго изданія.

г. 1752 (3024). Запись очевидца о переселеніи сербовъ въ царство Московское.

г. 1753 (3042). Елизавета Петровна даритъ книгу черногорскому владыкѣ Василію Петровичу.

г. 1754 (3068) Покупка книги въ Кіевѣ для мон. Гомиря.

г. 1756 (3107). Москвичъ Игнатъ продалъ „Камень вѣры" сербу Макс. Іовановичу.

г. 1758 (3126). Иконостасъ въ с. Дреновцѣ (близь Ораховицы) законченъ малоруссомъ Василіемъ.

г. 1759 (3142). Пентикостарій купленъ у москвича Александра для Реметы.

г. 1760 (3153). Запись въ Студеницѣ „во дни Елизаветы побѣдительнія обладательницы пруссійскія".

г. 1761 (3185). Симеонъ, еп. Далматинскій, придя изъ Россіи, даритъ книгу.

г. 1762 (3203). Псалтирь куплена у москвича Игната въ Беочинѣ.

г. 1769 (3334). Дѣянія куплены у московскаго книгопродавца въ Земунѣ.

г. 1769—70 (3344). О Степанѣ Маломъ, самозванцѣ.

г. 1771 (3367). Война Россіи съ Турціей и бѣды отъ того сербамъ.

г. 1774 (3430). Заключеніе мира между Турціей и Московомъ.

г. 1759—1775 (3434). Принесена Псалтирь изъ „царьствующаго" града Кіева.

г. 1778 (3470). Списана съ русской рукописи, находящейся въ Хиландарѣ, исторія о Скендерѣ.

г. 1783 (3535) Приносъ книгъ изъ Москвы въ Крушедолъ.

— (3536). Архим. Аввакумъ Миланковичъ (Московскаго ставропигіальнаго монастыря) даритъ книги духовнику въ Крушедолъ.

г. 1785 (3562). Архим. Миланковичъ (Донского мон. въ Москвѣ) даритъ книгу въ Карловцы.

— (3563). Тотъ же даритъ книгу митроп. Моисею въ Карловцы.

г. 1786 (3581). Бывшіе запорожцы—вкладчики въ Сараевскую церковь.

г. 1788 (3597). Софроній Маленковичъ (Раваница)—привозитъ книги изъ Москвы.

— (3601). О войнѣ императрицы Московской съ турками.

г. 1789 (3611). Царскія двери въ мон. Крупа сдѣланы въ Кіевѣ.

— (3613). Покупка синодальныхъ проповѣдей, взятіе книги, какъ мало вразумительной, въ епископскую библіотеку.

г. 1787 (3645).—Рать нѣмцевъ и Москововъ съ турками.

— (3650).—Тоже (Императрица всероссиска).

г. 1795 (3704). Іеродьяконъ Аѳанасій Савичъ посвященъ во священники, даритъ 5 томовъ проповѣдей Платона, возвращается въ отечество—Кіевъ къ родителямъ Алексѣю и Агаѳіи въ селѣ Ираліевѣ фельдмаршала Нарышкина.

г. 1811 (3884).—Созданіе храма въ Тополѣ—дата по царству Александра I.

— (3889). Подарокъ (книга) Студеницѣ отъ импер. Александра I.

г. 1786—1812 (3891—93). Петръ Стефановичъ: надгробіе его съ біографіей и упоминаніемъ его поѣздокъ въ Россію.

г. 1814—1817 (3966). Надгробіе Георгія Чернаго.

г. 1810—1820 (4007). Надгробіе старицы Вишны, сынъ которой въ 1810 г. умеръ, будучи посланникомъ въ русской арміи въ Валахіи.

1835—1848 (4140). Минея подарена императ. Николаемъ Петру Нѣгошу, а имъ въ мон. Доволю.

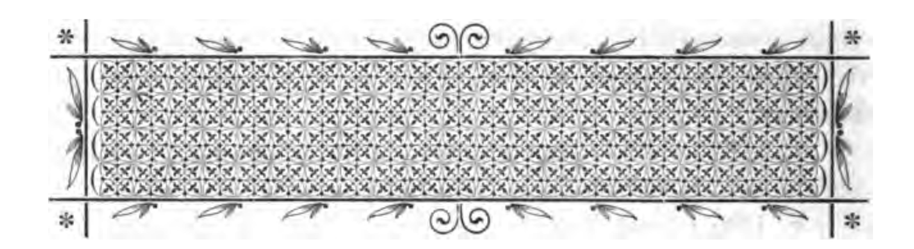
Послѣ 1735 г. (4417). Евангеліе подарено графомъ Савой Владиславлевичемъ въ мон. Пива.

— (4447).—Тоже (?) въ Плевле.

XVII в. (4454). Князь Иванъ Андреевичъ Полубенскій даетъ евангеліе въ Хиландарь.

XVII в. (4584). Игуменъ хиландарскій Іоакимъ занимаетъ деньги у діакона Іоанна русина.

XVII в. (4706). Утварь сдѣлана въ Москвѣ для мон. Савины (Далмаціи).



Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви.

(Продолженіе).

11.

В. Малинина. Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Историко-литературное изслѣдованіе. Кіевъ. 1901 г. стр. VIII+768+105+144.

Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей былъ типичнымъ московскимъ книжникомъ XVI в. Московскій книжникъ XVI в. во многихъ отношеніяхъ отличался отъ позднѣйшаго и современнаго намъ образованнаго писателя. Какъ вся древняя жизнь Москвы XVI в. была проникнута духомъ строжайшаго консерватизма, такъ и всякій писатель того времени былъ послѣдователемъ, носителемъ и выразителемъ духа консервативной старины. Какъ оригинальность и субъективизмъ составляютъ отличительныя особенности современныхъ писателей, такъ, наоборотъ, отсутствіе иниціативы и даже полное безличіе были таковыми же чертами міросозерцанія типичныхъ московскихъ книжниковъ.

Самое воззрѣніе на письменность, на книгу, какъ на нѣчто священное, неприкосновенное, такое, что слѣдуетъ благоговѣйно почитать и изучать, не измѣняя смысла и буквы, сильно содѣйствовано выработкѣ у насъ типичнаго книжника, который являлся выразителемъ болѣе духа всего общества, нежели своего собственнаго духа.

И чѣмъ даровитѣе, глубокомысленнѣе, проницательнѣе былъ таковой книжникъ, чѣмъ больше сношеній и общенія имѣлъ онъ съ различными слоями русскаго общества, тѣмъ болѣе онъ проникался идеями, господствовавшими въ обществѣ его времени, тѣмъ болѣе сглаживались особенности его индивидуальности, тѣмъ болѣе выразительнымъ и любопытнымъ носителемъ своего времени и своей этохи становился онъ. Изучая жизнь, дѣла и литерaратурныя произведенія такого книжника, мы изучаемъ не столько его самого, сколько то общество, ту эпоху, носителемъ идей которой онъ былъ. Но и, съ другой стороны, для того, чтобы вполнѣ понять и уяснить личность, заслуги и произведенія такого книжника, рѣшительно необходимо изучить среду, въ которой онъ выросъ и воспитался, идеи, которыми онъ жилъ, обстановку, посреди которой проходила его дѣятельность, сочиненія и источники, которыми онъ могъ пользоваться въ своей литературной дѣятельности.

Такимъ именно типичнымъ, замѣчательнымъ книжникомъ XVI в. былъ *старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей*, жизнь, дѣятельность и въ особенности литературные труды котораго составляютъ предметъ обширной монографіи проф. Малинина.

Это былъ, по характеристикѣ древняго неизвѣстнаго автора, „*старецъ*", „неисходно" прожившій въ монастырѣ, „добродѣтельнаго его ради житія и *премудрости словесъ*" знаемый *великому князю и вельможнымъ*, имѣвшій „дерзновеніе къ государю и моленія о людяхъ", обличавшій бояръ и намѣстниковъ Псковскихъ „о многой ихъ неправдѣ и насилованіи", не боясь даже смерти, которому князь и вельможи не рѣшались „ ничтоже зла сотворити" (стр. 79). Такимъ образомъ, и личный характеръ, и личныя обстоятельства дѣлали Филоѳея книжникомъ, который долженъ былъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ въ зеркалѣ, изобразить всѣ особенности, направленіе мысли и жизни той эпохи, когда онъ жилъ.

Потому, чтобы понять и уяснить подобную личность, необходимо было изучить жизнь и произведенія ея въ самой широкой исторической перспективѣ. Отсюда и явилась та задача, которую поставилъ себѣ авторъ разсматриваемаго сочиненія, и тотъ планъ, по которому написано это послѣднее.

„Задача настоящаго изслѣдованія", говоритъ авторъ,— „понять и объяснить личность Филоѳея и его литературную дѣятельность въ ихъ особенностяхъ и отношеніи къ современной эпохѣ и письменности. Въ лицѣ Филоѳея выступаетъ предъ нами инокъ—писатель, который, въ силу обстоятельствъ и по личному плану, обращается къ великимъ князьямъ московскимъ то съ печалованіемъ за опальныхъ, то по существеннымъ вопросамъ государственной и общественной жизни того времени. Явленіе это такъ своеобразно и такъ тѣсно связано съ литературною дѣятельностію нашего автора, что обойти его казалось намъ невозможнымъ. Еще существеннѣе было выяснить основы міровоззрѣнія Филоѳея въ его источникахъ и отношеніи къ эпохѣ, опредѣлить господствующую идею его произведеній, при посредствѣ которой уяснялись и истолковывались Филоѳеемъ явленія частной, общественной и государственной жизни, вызвавшія его на литературную дѣятельность". (стр. III).

Все обширное изслѣдованіе, соотвѣственно такой задачѣ написанное, состоитъ изъ 8 отдѣловъ, изъ коихъ въ *первомъ* (стр. 1—61) выясняются данныя біографіи Филоѳея, средства его образованія и самообразованія, во *второмъ* (стр. 62—78) содержится библіографія предмета, въ *третьемъ* (стр. 79—133) выясняются причины и условія возникновенія и развитія типа учительнаго инока въ древней Руси и судьба этого типа въ стѣнахъ Елеазарова монастыря, въ *четвертомъ* (стр. 134—157)—отличительныя особенности авторства и сочиненій Филоѳея, въ связи съ историческими условіями древне-русской литературы и образованности, въ *пятомъ* (стр. 158—238), *шестомъ* (стр. 239—368) и *седьмомъ* (стр. 369—687) изслѣдуются посланія старца Филоѳея, раздѣляемыя авто-

ромъ, по содержанію, на три отдѣльныхъ группы; наконецъ, *восьмой* отдѣлъ (стр. 688—750) посвященъ спеціально изложенію взгляда Филоѳея на печалованіе, какъ на форму отношенія церкви къ государству.

Изложить хотя бы даже въ самомъ краткомъ видѣ содержаніе обширной книги не представляется здѣсь никакой возможности. Поэтому, мы скажемъ только о способѣ, какимъ авторъ разсматриваетъ обыкновенно различные вопросы своей темы.

Какъ сказано выше, онъ изслѣдуетъ предметъ въ самой широкой историко-литературной перспективѣ. Онъ старается не оставить невыясненною—и притомъ вполнѣ и всесторонне—ни одной исторической и литературной подробности и детали. Поэтому, сочиненіе его полно различныхъ отступленій въ сторону, историческихъ, библіологическихъ, археологическихъ, палеографическихъ и литературныхъ экскурсовъ, имѣющихъ цѣлію уясненіе предмета со всѣхъ сторонъ.

Укажемъ нѣкоторые, наиболѣе замѣчательные, изъ этихъ экскурсовъ. Такъ, напр., охарактеризовавъ старца Филоѳея, какъ выдающагося подвижника и въ то же время умнаго и отзывчиваго человѣка, умъ и сердце котораго были одинаково открыты какъ для молитвы и высокихъ аскетическихъ подвиговъ, такъ и для проникновеннаго созерцанія историческихъ судебъ отечества, для пониманія, оцѣнки и посильнаго рѣшенія вопросовъ, занимавшихъ современное общество, авторъ задается вопросомъ о томъ, какимъ образомъ могло совершиться такое превращеніе „безъисходнаго" инока въ общественнаго дѣятеля, причемъ подробно выясняетъ историческія условія, при которыхъ у насъ это было обычнымъ явленіемъ и въ другое время, что̀ у него превосходно иллюстрируется примѣрами великихъ русскихъ подвижниковъ и вмѣстѣ общественныхъ дѣятелей: Ѳеодосія Печерскаго, Авраамія Смоленскаго, Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго, Савватія и Зосимы Соловецкихъ, Паф-

нутія Боровскаго, Іосифа Волоколамскаго и Нила Сорскаго (стр. 82—113).

Или: характеризуя литературную дѣятельность Филоѳея, авторъ ставитъ её въ связь съ русскою письменностію эпохи Филоѳея и предшествующаго времени, причемъ подробно и обстоятельно выясняетъ особенныя условія и причины (литературныя и политическія), опредѣлившія религіозно-нравственное направленіе русской письменности.

Интересна и краткая характеристика міровоззрѣнія старца Филоѳея, дѣлаемая авторомъ на основаніи изученія его произведеній. „Міровоззрѣніе старца Филоѳея", говоритъ авторъ, „не отличается разносторонностью, но въ немъ нельзя отрицать глубины и тѣмъ болѣе опредѣленности. Это своего рода религіозно-философская система, которой части органически связаны съ цѣлымъ, находятъ въ немъ объясненіе и, въ свою очередь, объясняютъ его..... Господствующая идея, лежащая въ основѣ сочиненій и роззрѣній старца Филоѳея, есть идея провиденціализма, въ силу которой все, что ни совершается въ мірѣ, совершается волею Всемогущаго Бога, Творца и Промыслителя всего сущаго, и потому неизмѣнно направлено ко благу человѣка"... (стр. 145—147). Для того, чтобы ничто не осталось въ сочиненіяхъ Филоѳея непонятнымъ, или невыясненнымъ со стороны источниковъ, авторъ кратко излагаетъ библейское ученіе о Промыслѣ Божіемъ, не смотря на то, что оно болѣе или менѣе извѣстно всякому, знакомому съ Библіею; стоитъ только прочитать *пятый* отдѣлъ книги, чтобы убѣдиться, что это изложеніе не только не излишне, но даже рѣшительно необходимо для пониманія міровоззрѣнія Филоѳея.

Но особенно богатъ экскурсами, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, *седьмой* отдѣлъ книги. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ анализируетъ посланія старца Филоѳея къ великому кн. Василію Ивановичу и къ царю и вел. кн. Ивану Васильевичу. Въ посланіяхъ этихъ излагается церковно-политическое ученіе

старца Филоѳея. Никто изъ древне-русскихъ писателей не выражалъ этого ученія съ такою ясностію и пластическою рельефностію, какъ именно старецъ Филоѳей. Сущность этого ученія извѣстна. Москва есть третій Римъ, наслѣдница и преемница Византіи, центръ и основа православія; такая миссія всемірно-историческаго призванія и значенія указана Россіи Самимъ Богомъ; самое внутреннее устройство Московскаго царства должно соотвѣтствовать такому великому призванію Россіи—Москвы.

Сочиненіе снабжено приложеніями, въ качествѣ которыхъ напечатаны слѣдующіе памятники: 1) посланіе игумена Елеазарова монастыря Памфила о Купальской ночи въ двухъ параллельныхъ редакціяхъ; 2) посланія старца Филоѳея; 3) слово св. Ефрема Сирина о Промыслѣ Божіемъ; 4) сказанія о Флорентійской уніи: неизвѣстнаго суздальца, священноинока Симеона въ двухъ редакціяхъ и лѣтописное сказаніе, и 5) трактатъ преп. Іосифа Волоцкаго о неприкосновенности церковныхъ и монастырскихъ имуществъ.

12.

С. А. Бѣлокурова. Изъ духовной жизни Московскаго общества XVII в. 1. Сказаніе объ успеніи пресв. Богородицы, правленное царемъ Алексѣемъ. 2. Дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 года. 3. О записномъ приказѣ. 4. Юрій Крижаничъ въ Россіи. М. 1903 стр. 294 + 306.

Подъ такимъ заглавіемъ, авторомъ, извѣстнымъ въ русской церковно-исторической наукѣ многими капитальными и блестящими изслѣдованіями, привнесенъ новый вкладъ въ сокровищницу нашей науки, въ видѣ четырехъ новинокъ, одна другой интереснѣе и драгоцѣннѣе.

Въ первой части книги (стр. 1—28) помѣщено *сказаніе объ успеніи Пресв. Богородицы,* правленное рукою царя Алексѣя Михайловича. Рукопись, содержащая въ себѣ это сказаніе, найдена авторомъ въ дѣлахъ Тайнаго Приказа,

среди бумагъ царя Алексѣя Михайловича, хранящихся теперь въ Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ.

Тексту рукописи авторъ предпосылаетъ объяснительныя замѣчанія, касающіяся другихъ извѣстныхъ въ славянской литературѣ сказаній объ успеніи пресв. Богородицы (ап. Іоанна Богослова и Іоанна, архіепископа Солунскаго) и подробное описаніе найденнаго авторомъ сказанія о томъ же самомъ. Это послѣднее, по словамъ автора, есть особое литературное произведеніе, но не самостоятельное, а представляющее изъ себя дословную компиляцію изъ словъ ап. Іоанна Богослова и Іоанна, архіеп. Солунскаго, весьма сильно сокращающую ихъ (стр. 8). Наибольшее вниманіе авторъ сосредоточиваетъ на указаніи того, что въ найденномъ сказаніи исключено изъ прежнихъ, раньше существовавшихъ сказаній, тѣхъ исправленій, какія были сдѣланы рукою самого царя Алексѣя Михайловича, что подтверждается здѣсь нарочитыми соображеніями, и наконецъ, тѣхъ побужденій и обстоятельствъ, какія могли вызвать появленіе даннаго памятника. Въ заключеніе печатается и самый этотъ памятникъ.

Во второй части содержится „дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 года“ (стр. 29 — 52). Подлинникъ „дѣянія“ найденъ авторомъ тамъ же, гдѣ и сказаніе объ успеніи Пресв. Богородицы. Подлинникъ этотъ оказался сильно подмоченнымъ и вообще отъ времени пострадавшимъ. Благодаря этому, начало „дѣянія“ совсѣмъ потеряно и вся вообще первая половина его дошла до насъ въ неполномъ и сильно поврежденномъ видѣ. Въ настоящее время подлинникъ состоитъ изъ одного длиннаго столбца (18½ вершк.), на которомъ написанъ конецъ дѣянія (вторая половина его), и изъ трехъ небольшихъ отрывковъ.

Текстъ „дѣянія“ предваряется и сопровождается объяснительными примѣчаніями автора, въ которыхъ этотъ последній старается опредѣлить 1) величину недошедшей до насъ части дѣянія: 2) дату собора, которому принадлежало открытое „дѣяніе“; 3) членовъ собора; 4) предметъ соборныхъ совѣщаній и 5) рѣшеніе собора. Кромѣ того, авторъ подробно

говоритъ о важномъ значеніи найденнаго имъ отрывка „дѣянія Московскаго церковнаго собора 1649 года", которое даетъ возможность уяснить смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ фактовъ русской церковной исторіи половины XVII в.

Какъ видно изъ сохранившагося отрывка, поводомъ къ созванію собора 1649 г. было то, что *„на Москвѣ учинилась великая молва и всякихъ чиновъ православные люди отъ церквей Божіихъ учали отлучаться за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ"*. Предметомъ соборныхъ разсужденій служилъ вопросъ о т. н. единогласіи, или единогласномъ пѣніи. Вопросъ этотъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ древней Руси существовало обыкновеніе отправлять церковныя службы во всемъ по уставу, т. е. читать и пѣть все безъ всякихъ пропусковъ. Понятно, что служба тогда была очень продолжительна. Для того, чтобы, не нарушая устава, сократить время церковныхъ службъ, стали отправлять церковныя службы разомъ нѣсколькими голосами: одинъ говорилъ ектенію, другой—возгласы, одинъ читалъ, другой пѣлъ и т. д. Объ этомъ обычаѣ, вносившемъ, разумѣется, безпорядокъ въ богослуженіе, разсуждалъ еще Стоглавый соборъ, который осудилъ и запретилъ его. Но это постановленіе не соблюдалось. Многогласіе существовало и въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. Противъ этого обычая особенно энергично возстала церковная партія, образовавшаяся въ Москвѣ въ концѣ патріаршества Іосифа и задавшаяся цѣлію преобразовать церковную жизнь. Представители этой партіи, царскій духовникъ прот. С. Вонифатьевъ, архиман. (впослѣдствіи патріархъ) Никонъ и бояринъ Ртищевъ, стали бороться противъ многогласія не словомъ только, но и дѣломъ, стали постепенно заводить въ Москвѣ „единогласное и согласное пѣніе". А такъ какъ это нововведеніе было необходимо связано съ удлиненіемъ церковныхъ службъ, то оно вызвало противъ себя протесты. Нѣкоторые, „за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ", какъ говоритъ соборное дѣяніе 1649 г., стали „отлучаться отъ церквей Божіихъ". Во главѣ протестовавшихъ противъ нововведенія сталъ самъ патріархъ

Іосифъ. Возникли споры. Для прекращенія ихъ царь Алексѣй Михайловичъ, быть можетъ, по иниціативѣ самихъ сторонниковъ единогласія, повелѣлъ быть собору. Соборъ 1649 г. рѣшилъ вопросъ въ согласіи съ господствовавшимъ мнѣніемъ, *„уложилъ въ приходскихъ церквахъ службѣ быть по прежнему"*, т. е. съ многогласіемъ, *а вновь ничево не сочинати"*. Только уже новый соборъ 1651 г. рѣшилъ ввести въ церквахъ единогласное чтеніе и пѣніе.

Въ концѣ статьи приложены три таблицы съ фототипическимъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ „дѣянія".

Третья часть книги (стр. 55 — 84) посвящена рѣчи *„о записномъ приказѣ"*. Приказъ этотъ былъ учрежденъ царскимъ указомъ 3 ноября 1657 г. съ цѣлію „написать степени царственныя съ царя Ѳеодора Ивановича по 1657 г., т. е. составить продолженіе степенной книги". На основаніи подлинныхъ документовъ, найденныхъ въ Государственномъ Архивѣ, среди дѣлъ Тайнаго приказа, авторъ изглагаетъ несложную исторію кратковременнаго существованія „Записного Приказа" (1659—1659 г.), который почти ничего не сдѣлалъ для осуществленія той цѣли, съ какою онъ былъ учрежденъ.

Самая важная часть въ книгѣ, безспорно, четвертая (стр. 87—294+1—298). *Въ ней содержится цѣлое капитальное изслѣдованіе о Юріи Крижаничѣ.*

Оно написано по слѣдующему плану.

Въ предисловіи разсказываются обстоятельства, при которыхъ явился въ печати трудъ автора, работавшаго надъ нимъ болѣе 10 лѣтъ.

Еще въ 1890 году авторъ нашелъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ одинъ столбецъ, который, какъ оказалось по разборѣ его, содержалъ въ себѣ свѣдѣнія о пріѣздѣ Юрія Крижанича въ Москву въ 1659 г. и о пребываніи его въ ней, по возвращеніи изъ Сибири, въ 1676 и 1677 г.г.

Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ соображеніемъ, что въ нашей литературѣ имѣется слишкомъ мало свѣдѣній

о Юріи Крижаничѣ, побудило науколюбиваго автора, съ достойною удивленія настойчивостію, заняться разысканіемъ возможныхъ документовъ по тому же предмету. Въ теченіи 10 лѣтъ онъ производилъ разысканія въ русскихъ и заграничныхъ архивахъ, причемъ ему удалось достать весьма цѣнные матеріалы изъ архива конгрегаціи пропаганды вѣры въ Римѣ, сообщающіе много совершенно новыхъ и важныхъ данныхъ для біографіи Крижанича и для выясненія характера его дѣятельности въ Россіи.

На основаніи съ такимъ трудомъ добытыхъ источниковъ, авторъ и составилъ монографію о Юріи Крижаничѣ, состоящую изъ 6 главъ.

Въ первой главѣ дѣлается обзоръ литературы объ Юріи Крижаничѣ, *во второй*—излагаются свѣдѣнія о Крижаничѣ до его пріѣзда въ Москву въ 1659 г. (1618—1659 г.), *въ третьей*—о пребываніи Юрія Крижанича въ Москвѣ въ 1659—1661 г., *въ четвертой*—о пребываніи его въ Сибири въ 1661—1676 г., *въ пятой*—о вторичномъ пребываніи его въ Москвѣ въ 1676—1677 г.г. и *въ шестой* главѣ сообщаются свѣдѣнія о жизни Юрія Крижанича по выѣздѣ его изъ Россіи въ 1678—1683 г.

Мы не будемъ излагать подробно содержанія всѣхъ этихъ главъ, отсылая къ нимъ самихъ читателей, которые, мы увѣрены, найдутъ въ нихъ много, много весьма интереснаго для себя и новаго.

Мы скажемъ только нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ и общихъ особенностяхъ разсматриваемаго изслѣдованія.

Изслѣдованіе автора, какъ основанное на первоисточномъ, дотолѣ не бывшемъ извѣстнымъ наукѣ, матеріалѣ, и, съ другой стороны, на критической провѣркѣ прежде извѣстныхъ данныхъ, отличается *совершенною самостоятельностію* и *оригинальностію.*

Помимо частныхъ новыхъ біографическихъ свѣдѣній о Крижаничѣ, содержащихся въ сочиненіи, это послѣднее уста-

навливаетъ совершенно новый взглядъ на личность Крижанича, задачи и значеніе его путешествія въ Россію и дѣятельности его здѣсь. Въ то время, какъ прежніе ученые, занимавшіеся спеціально, или же только попутно касавшіеся въ своихъ трудахъ жизни и дѣятельности Крижанича, смотрѣли на этого послѣдняго, какъ на *„славянскаго патріота“* (С. М. Соловьевъ), интересовавшагося болѣе *„народнополитическими, чѣмъ религіозными вопросами“* (Ягичъ), явившагося въ Россію съ желаніемъ *„пробудить въ русскихъ народное самознаніе, сознаніе своей славянской народности, познакомить Россію съ единоплеменниками и указать ей ея великую задачу“* (А. Маркевичъ), авторъ разсматриваемой нами монографіи, на основаніи подлинныхъ, несомнѣнныхъ документовъ, на основаніи собственныхъ показаній самаго Ю. Крижанича, доказываетъ, что этотъ послѣдній былъ именно дѣятелемъ религіозной пропаганды, каковымъ и естественно было быть питомцу коллегіи пропаганды, что главною и даже единственною цѣлію его путешествія въ Россію была религіозная пропаганда, обращеніе русскихъ „схизматиковъ“ въ католичество, а вся остальная его дѣятельность, литературная и политическая, о которой мы только и знали доселѣ, была ширмою, завѣсою, которою ловкій пропагандистъ хотѣлъ закрыть дѣйствительныя свои намѣренія и истинныя цѣли своей миссіи. Истинныя цѣли своего путешествія въ Россію, иниціатива котораго исходила отъ конгрегацій пропаганды вѣры, подробно разъясняетъ самъ Крижаничъ въ своей запискѣ, поданной имъ въ 1641 г., на имя префекта конгрегацій пропаганды, кардинала Антоніо Барберини. Въ третьей части этой записки Крижаничъ подробно излагаетъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій въ Россіи.

Крижаничъ намѣривался какъ можно больше и дольше скрывать свое истинное званіе и дѣйствительныя цѣли своего пріѣзда въ Москву; въ то же самое время главное свое вниманіе онъ имѣлъ въ виду сосредоточить на томъ, чтобы пріобрѣсти возможно большее довѣріе и расположеніе у царя,

чрезъ котораго думалъ дѣйствовать на весь народъ русскій. Ю. Крижаничъ предполагалъ проникнуть въ Москву съ какимъ-либо посольствомъ; еще лучше, думалъ онъ, еслибы русскій царь самъ вызвалъ его къ себѣ; вызовъ этотъ онъ думалъ устроить, пославши русскому царю какой либо свой литературный трудъ историческаго характера, съ обѣщаніемъ доставить ему и другія свои работы, если онъ дозволитъ ему одному явиться и лично выразить ему свое глубокое почтеніе составленіемъ въ честь его предисловія къ книгамъ. Въ предисловіи онъ думалъ написать, что во всѣхъ славянскихъ народностяхъ онъ не могъ въ настоящее время найти никого, равнаго ему по величію... что онъ рѣшился не служить никому иному, „кромѣ достойнѣйшаго изъ нашихъ народныхъ князей и охотно отдалъ бы себя на служеніе ему, еслибы только былъ способенъ къ чему-либо, дарованіемъ ли или трудами", особенно по части знанія языковъ въ качествѣ переводчика, или посланника, или воспитанія его сыновей, или наставника въ какомъ нибудь свободномъ искусствѣ.

Проникнувъ такимъ способомъ въ Москву, Крижаничъ разсчитывалъ сдѣлаться совѣтникомъ царя преимущественно въ знаніяхъ государственныхъ, касающихся религіи, мира и войны.

Для того, чтобы еще болѣе укрѣпить свое положеніе при царскомъ дворѣ, Крижаничъ предполагалъ писать особыя похвалы современному и древнимъ Московскимъ царямъ въ прозѣ и въ стихахъ и даже на сценѣ представлять „нѣкоторые подвиги святыхъ и князей" русскихъ. Кромѣ того, онъ разсчитывалъ пріобрѣсти благоволеніе царя еще и тѣмъ, что думалъ давать ему совѣты касательно увеличенія государственныхъ доходовъ. Отъ всякихъ наградъ и отличій онъ предполагалъ лучше всего отказываться для того, чтобы не возбуждать зависти среди придворныхъ и, оставаясь приближеннымъ царя, сохранять нѣкоторое вліяніе на него. Но все это были только предварительныя, подготовительныя мѣры, за которыми уже должно было послѣдовать осуществленіе

главной, единственной, конечной цѣли путешествія Крижанича въ Россію. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Ю. Крижаничъ въ своей запискѣ.

„Наконецъ, послѣ столькихъ обходовъ и намековъ, которые могутъ растянуться на четыре или пять или даже болѣе лѣтъ, какъ будетъ угодно Господу, надо будетъ своевременно, съ Божіей помощью, раскрыть князю настоящее истинное намѣреніе. Начавши съ благодарности за оказанную благосклонность и съ прославленія его доблестей и воодушевивши его жаждою славы и еще большихъ подвиговъ, надо будетъ затѣмъ увѣщавать его начать войну противъ общихъ враговъ христіанъ, турокъ, и по этому поводу выставить на видъ, что пророчество объ одолѣніи оттомановъ не подходитъ ни къ кому другому болѣе, чѣмъ къ нему, и что ему исполнить это будетъ легче, нежели какому либо иному государю, лишь бы только ему благопріятствовали единовѣрные ему греки посредствомъ возмущеній противъ турокъ. Болгары же, сербы, босняки, волохи и богдановцы (bogdanesi) охотно поступятъ точно такъ же изъ любви къ государю одинаковаго съ ними нарѣчія и одинаковой народности; (этими) и другими доводами надо постараться пріохотить его къ такому дѣлу. И если онъ воспламенится мечтами о такой славѣ, слѣдуетъ затѣмъ намекнуть, что для этого недостаточно будетъ его подданныхъ безъ помощи западныхъ государей, такъ какъ московитяне не знаютъ военнаго дѣла въ томъ совершенствѣ, въ какомъ оно въ ходу у католиковъ. И потому, если онъ пожелаетъ, то пусть пошлетъ меня къ этимъ католическимъ государямъ, ибо отъ нихъ онъ навѣрное получитъ и мастеровъ дѣла, и помощь, и совѣты. Но для этого потребуется предварительно религіозная унія съ ними, и потому надо просить его разрѣшить пренія (объ этомъ) и разслѣдованіе истины для заключенія уніи, необходимой даже и въ томъ случаѣ, еслибы онъ и одолѣлъ турокъ, ибо ему никогда не достигнуть мира съ католическими государями, если онъ будетъ разной съ ними религіи.

Если же дѣло дойдетъ до этого пункта, до переговоровъ объ уніи, тода благоугодно будетъ Всемилостивѣйшему Господу привести все къ славѣ и чести своей "(См. прилож. стр. 125—126).

Замѣчательно, что впослѣдствіи, во время своего пребыванія въ Москвѣ (17 сент. 1659 г.—20 января 1661 г.), Ю. Крижаничъ дѣйствовалъ вполнѣ по той программѣ, какую онъ самъ себѣ составилъ еще въ 1641 г. и какую, вѣроятно, тогда же одобрила конгрегація пропаганды. Только главная цѣль его поѣздки въ Россію не была достигнута. Черезъ годъ и 4 мѣсяца послѣ пріѣзда въ Москву онъ, неизвѣстно за что, былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ оставался до 1676 г. 15-лѣтнее пребываніе въ Сибири, видимо, охладило рвеніе незваннаго миссіонера. По возвращеніи въ Москву, онъ совершенно пересталъ думать о пропагандѣ въ пользу соединенія церквей и просилъ только объ одномъ—поскорѣе отпустить его изъ Россіи.

Отпущенный изъ Россіи въ 1878 г., онъ прожилъ въ разныхъ мѣстахъ (Вильнѣ, Варшавѣ) до 1683 г., когда около 2 сентября въ Вѣнѣ умеръ, по одному извѣстію, павши въ сраженіи, при осадѣ Вѣны турками.

„Такъ," замѣчаетъ авторъ монографіи, „закончилъ свою" суетную и плачевную жизнь Юрій Крижаничъ. Воспитанникъ конгрегаціи пропаганды вѣры, онъ все время мечталъ только объ одномъ—объ обращеніи „схизматиковъ," распространеніи католичества и уніи восточной и западной церквей. Съ 22-лѣтняго возраста онъ начинаетъ толковать объ этомъ; годы не останавливаютъ его: и въ зрѣлый періодъ жизни его любимыя занятія—по обличенію „схизмы;" онъ всѣмъ жертвуетъ для своей мечты, кидаетъ родину, мать, общественное положеніе и идетъ въ далекую Московію съ единственною цѣлью привлечь въ котоличество русскихъ, или, по крайней мѣрѣ, подготовить почву къ этому. Пребываніе въ Сибири не заставило его перемѣнить свои убѣжденія. И выѣхавъ изъ Россіи, онъ продолжаетъ все твердитъ старое... Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, остававшійся

вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняетъ его сердце, не славянствомъ полна его душа... Всѣ его политико-экономическо-историческія и др. сочиненія имѣли одну цѣль, пріобрѣсти большее довѣріе, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать ad majorem Dei gloriam.., (стр. 291—292).

Монографія о Крижаничѣ снабжена обширными и весьма цѣнными приложеніями.

Ѳ. Титовъ.

Отдѣлъ V.

СМѢСЬ.

Изъ области народной поэзіи.

(Изъ лѣтнихъ замѣтокъ.)

Лѣто 1902 года я провелъ на границѣ Харьковской и Полтавской губерній, въ уѣздахъ Богодуховскомъ, Полтавскомъ и Зеньковскомъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Кіева въ Полтавщину я получилъ предложеніе отъ нашего предсѣдателя Н. П. Дашкевича разыскать интереснаго бандуриста, котораго можно было-бы пригласить въ Кіевъ, съ тѣмъ чтобы послушать изъ устъ его думы и пѣсни про козацкую старину. Это казалось тѣмъ болѣе исполнимо, что, по сообщенію г. Сластіонова, бандуристовъ еще довольно много, и вблизи одного Миргорода ихъ находится около двухъ десятковъ! Но такое обиліе въ дѣйствительности оказывается призрачнымъ; конечно, если подъ бандуристами разумѣть и такъ называемыхъ „лирниковъ", то ихъ можно набрать и больше (ихъ-то, вѣроятно, имѣлъ въ виду г. Сластіоновъ), а „бандуристовъ" въ настоящее время очень мало, какъ то видно было на Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Я обратился къ моему старому знакомому, жителю села Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, Максиму Ѳедоровичу Луценку, восьмидесятилѣтнему старику, за совѣтомъ, гдѣ и какъ можно разыскать бандуриста. Старикъ, самъ большой знатокъ старинныхъ преданій, извѣстный во всей округѣ „шептунъ"—знахарь, нашъ постоянный „бакшивникъ", мнѣ раз-

сказалъ, что если и можно ихъ гдѣ-нибудь встрѣтить, то на одной изъ большихъ ярмарокъ, хотя-бы вотъ на Опошнянской, которая будетъ на „десятой пятницѣ“ послѣ праздника Пасхи. Впрочемъ, замѣтилъ онъ, и въ Опошнѣ ярмарка небольшая: то ли дѣло подъ Лубнами, возлѣ Ольшанки! Вотъ гдѣ настоящій „ярмарокъ“—и чего только тамъ не наслушаешься, и чего не насмотришься!—И онъ разсказалъ мнѣ легенду о „Святой десятой пятницѣ“, въ честь которой подъ Лубнами установлено торжество и ярмарка.

Давно это было; выѣхалъ мужикъ до зари въ поле пахать и взялъ съ собою боченокъ воды, потому что въ степи нѣтъ ни ручейка, ни колодца; негдѣ ни самому напиться, ни скотину напоить. Тяжело было пахать: грунтъ тяжелый, да еще къ тому и мѣсто холмистое. Заморились волы, заморился и онъ, а солнце жгло немилосердно. И рѣшилъ онъ отдохнуть, да водицы попить. Подходитъ къ возу—ахъ ты горе! какая-то нечистая сила, а можетъ быть и волъ какъ-нибудь нечаянно ударилъ въ боченокъ,—„чопъ“ немножко выдвинулся, и вода потихоньку вылилась изъ боченка на сухую землю. И хоть бы тебѣ капля осталась—такъ нѣтъ же! Вотъ уже истинное несчастье! Почесалъ мужикъ затылокъ, посмотрѣлъ на воловъ, а они такъ и тянутся къ ведру, да облизываются. Жалко стало ему скотинки. „Ну и мѣсто чортово!“ сказалъ онъ: хоть бы тебѣ гдѣ-нибудь лужа, что-ли; такъ нѣтъ же; пойду-ка я въ долину, не найду ли тамъ воды, можетъ хотя дождевая найдется; такъ и дождя уже не было больше двухъ недѣль!“—И въ такихъ размышленіяхъ сошёлъ онъ въ долину. Воды нигдѣ ни капли! И видитъ онъ, на горбикѣ сидитъ дивчина и чешетъ косу. Удивился мужикъ. Чего бы ей здѣсь сидѣть: до села далеко, ни коровъ, ни коней не видно, а она одна, да еще и кóсу чешетъ. Не хотѣлъ онъ и подходить къ ней, какъ вдругъ она сама заговорила съ нимъ: „Чего ты ищешь, человиче?“—„Чего? воды ищу, такъ гдѣ ее тутъ найти; а тамъ скотина прямо помираетъ! И хоть бы какой чортъ тутъ колодезь выкопалъ, то я бы ему уже спасибо сказалъ!“—„Не поминай ты черта, а лучше поминай меня,

и другимъ закажи. Сегодня „десята пятница"—вотъ это-жъ я сама и есть, а вы меня не поважаете, да работаете, а какъ будете меня помнить, то и вода вамъ будетъ. А теперь прощай." Не успѣлъ мужикъ оглянуться, какъ дѣва исчезла, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла, изъ подъ горбочка, заблисталъ кристальный источникъ холодной воды! Мужикъ и самъ себѣ не вѣритъ; перекрестился и бросился жадно пить. А вода такая холодная, да сладкая! Не посмѣлъ онъ вести сюда воловъ, а сбѣгалъ за ведромъ, да набралъ воды и понесъ къ возу. По два ведра выпили волы и сами пошли къ плугу!

А на другой день къ чудесному колодцу собралось цѣлое село съ духовенствомъ и хоругвями; колодезь освятили, поставили срубъ и повѣсили кружку для доброхотныхъ жертвованій.

А какъ прошелъ годъ, да наступила „святая десятая пятница", такъ сюда собралось сила народу изъ окрестностей и даже изъ самой Полтавы, а можетъ быть и дальше: тутъ и паны, тутъ и мужики и цыгане—и пошли ярмарковать. И вотъ гдѣ ярмарка, такъ ярмарка! Людей, коней скотины—конца нѣтъ; нигдѣ, бывало, нельзя лучше купить или продать, какъ подъ Ольшаною; тутъ и кобзарей наслушаешься и бандуристовъ; какъ пріѣдетъ богатый панъ, да разстелетъ килимокъ, да посадитъ слѣпого кобзаря, накормитъ, напоитъ его и самъ выпьетъ—вотъ тутъ пойдетъ дѣло: слёзы ручьями льются и у пана, и у кобзаря, и у всѣхъ, кто вокругъ стоитъ. А какъ наступаетъ вечеръ, то расторговавшіеся паны накупятъ цѣлые возы медовыхъ пряниковъ и сластей и цѣлыми пригоршнями бросаютъ съ горы внизъ, въ народъ! Тутъ то бывало смѣху и горя! тотъ того давитъ, тотъ у того отнимаетъ. Всѣмъ доставалось, а дивчатамъ наибольше! „И я былъ тогда молодымъ," говоритъ Максимъ Өедоровичъ: „и мнѣ кое-что перепадало".

А какъ наступитъ ночь, тихая, тихая, да темная,—пѣсни смолкаютъ, люди понемногу засыпаютъ, и что за величественная и волшебная картина: на возахъ почти у всѣхъ, а

у нѣкоторыхъ воловъ на рогахъ, горятъ восковыя свѣчечки— это въ честь „святой десятой пятницы.“ И вся долина блеститъ огоньками среди темной ночи. Наконецъ всё смолкло; только кое-гдѣ „куняютъ“ въ непосильной борьбѣ со сномъ старухи, давшія обѣщаніе не спать всю ночь на „десятую пятницу.“ У той коровка заболѣла, да выздоровѣла; у той ребенокъ былъ у края могилы, да тоже выздоровѣлъ, а иную трясавица мучила цѣлую весну, и бабы дали тяжелый обѣтъ—не спать всю ночь на „десятую пятницу.“ Трудно имъ совладать съ бѣсомъ, который хочетъ ввести старуху въ грѣхъ и усыпить—но въ Петровку ночь коротка: еще не успѣла догорѣть заря на западѣ, какъ бѣлая полоска на востокѣ говоритъ, что ночь прошла и наступаетъ день.

Не даромъ и въ пѣснѣ поется:

Не довгая ничка Петривочка,
Не выспалася дивочка,
Не выспалась, не награлась,
И съ коваченькомъ не настоялась:
До череды йшла задримала,
На пеньки ноги позбывала.

Такъ закончилъ разсказъ свой Максимъ Өедоровичъ.

Мнѣ кажется, что приведенное выше преданіе должно быть включено въ циклъ легендъ о „пятницахъ“, обзоръ которыхъ мы находимъ у А. Н. Веселовскаго въ статьѣ: „Къ исторіи развитія христіанской легенды,“ помѣщенной въ 23 томѣ „Журнала Минист. Нар. Просвѣщенія“ [1]).

Я не имѣлъ возможности побывать подъ Лубнами на ярмаркѣ, да, быть можетъ, тамъ я ничего бы и не нашелъ въ настоящее время, но отправился въ Опошню, мѣстечко не безызвѣстное своимъ гончарнымъ производствомъ, Опошнянскими бубликами, сливами и... „дурнями“. Обиліе садовъ

[1]) Послѣ нашего доклада О. И. Левицкій сдѣлалъ разъясненіе, что эта ярмарка происходитъ не подъ Лубнами, а у такъ называемой „криныци“, и указалъ на многочисленные варіанты этой легенды. Кромѣ того, указано было многими членами, что культъ десятой пятницы существуетъ у великоросовъ и даже у южныхъ славянъ.

требуетъ сторожей, на роли которыхъ избираются старики, но еще охотнѣе „дурни". „Це розбере и Опишняньскій дурень, що сливы стереже!"—обычная фраза у мѣстныхъ жителей. Въ Опошнѣ я слыхалъ духовный стихъ объ императорѣ Александрѣ Второмъ, но о стихѣ скажу ниже, теперь же я приведу нѣкоторыя иныя данныя, позаимствованныя у Максима Өедоровича.

Въ высшей степени религіозный, но безграмотный, благочестивый и одаренный отъ природы старикъ, много видѣвшій и слышавшій, онъ представляетъ извѣстный интересъ для всякаго, кому дороги такіе живые носители старины.

Отъ нашего богатырскаго эпоса у него сохранились самыя смутныя воспоминанія; такъ, онъ помнитъ, что Илья Муромецъ,—это святой богатырь, который много сдѣлалъ добра крестьянамъ; это угодникъ Божій, который долго болѣлъ, какъ Іовъ многострадальный, а затѣмъ выздоровѣлъ и поступилъ въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ его святыя мощи почиваютъ рядомъ съ княземъ Владиміромъ [1]). О другихъ богатыряхъ онъ говоритъ, что слыхалъ разныя „выдумки", а только про одного Илью правду. Прислушиваясь къ его молитвѣ, я замѣтилъ что-то неладное; пользуясь его расположеніемъ, я упросилъ его однажды медленно прочитать всѣ молитвы, какія онъ читаетъ утромъ и вечеромъ, съ тѣмъ, чтобы записать, если найдется что-либо интересное.

Въ святой простотѣ, онъ, какъ и тысячи ему подобныхъ, повторяя затверженныя со словъ родителей слова молитвы, не знаетъ, что въ своемъ стремленіи къ аккомодаціи неизвѣстнаго къ извѣстному, произноситъ безсмыслицу, и часто еще худшее.

Я отмѣчалъ лишь рѣзкія особенности, которыя привожу ниже: „Согрѣшили передъ святыми „облоками" и передъ Тобою, Святый Боже, Святый Крѣпкій" и т. д.—Такъ началъ онъ и далѣе продолжалъ въ обычномъ церковномъ порядкѣ. Трисвятое: свиты, посвиты и засвиты немочи наши.... Отче

[1]) Это преданіе М. Ө—чъ слышалъ еще въ молодости, отъ своего дѣда; самъ же онъ не бывалъ въ Кіевѣ, хотя посѣтить Лавру—его завѣтная мечта.

у некоторыхъ воловъ на рогахъ, горятъ восковыя свѣчечки — это въ честь „святой десятой пятницы.“ И вся долина блеститъ огоньками среди темной ночи. Наконецъ всё смолкло, только кое-гдѣ „куняютъ“ въ непосильной борьбѣ со сномъ старухи, давшія обѣщаніе не спать всю ночь на „десятую пятницу.“ У той коровка заболѣла, да выздоровѣла; у той ребенокъ былъ у края могилы, да тоже выздоровѣлъ, а иную трясавица мучила цѣлую весну, и бабы дали тяжелый обѣтъ не спать всю ночь на „десятую пятницу.“ Трудно имъ совладать съ бѣсомъ, который хочетъ ввести старуху въ грѣхъ и усыпить — но въ Петровку ночь коротка: еще не успѣла догорѣть заря на западѣ, какъ бѣлая полоса на востокѣ говоритъ, что ночь прошла и наступаетъ день.

Не даромъ и въ пѣснѣ поется:

Не долгая ничка Петривочка,
Не выспалася дивочка,
Не выспалася, не награлася,
И съ козаченькомъ не настоялася:
[illegible]
[illegible]

Такъ закончилъ разсказъ свой Максимъ Өедоровичъ.

[illegible] преданіе должно [illegible] „пятницахъ“, обзоръ ко- [illegible]

[illegible]

требуетъ сторожей, на роли которыхъ избираются старики, но еще охотнѣе „дурни". „Це розбере и Опишняньскій дурень, що сливы стереже!"—обычная фраза у мѣстныхъ жителей. Въ Опошнѣ я слыхалъ духовный стихъ объ императорѣ Александрѣ Второмъ, но о стихѣ скажу ниже, теперь же я приведу нѣкоторыя иныя данныя, позаимствованныя у Максима Θедоровича.

...сшей степени религіозный, но безграмотный, бла...
...и одаренный отъ природы старикъ, много ви...
слышавшій, онъ представляетъ извѣстный интересъ
...то, кому дороги такіе живые носители старины
нашего богатырскаго эпоса у него сохранились
...тныя воспоминанія; такъ, онъ помнитъ, что Илья
...,—это святой богатырь, который много ...
...тьянамъ; это угодникъ Божій, который ...
Іовъ многострадальный, а затѣмъ ...
въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ ...
...ваютъ рядомъ съ княземъ Владиміромъ ... ...ь
...ряхъ онъ говоритъ, что слыхалъ ... ...мы-
...ро одного Илью правду. ... двухъ
замѣтилъ что-то неладное; ... ...тилъ его
я упросилъ его однажды ... ...къ Гайдѣ,
...кія онъ читаетъ утромъ ...
...ь, если найдется ... и только послѣ
чтобы... ...аемый стихъ; онъ
Въ святой простотѣ, он... ...азанію или запретятъ
повторяя затверженныя с... ...льный кантъ. Что ка-
знаетъ, что въ своем... ...ти не удалось, да едва ли
наго къ извѣстн... ...да научился у третьяго, гдѣ-
худшее. Важно только, что послѣ того
Я отмѣ... ...а каждой малорусской ярмаркѣ,
ниже: „Со... съ большимъ интересомъ, а между
бою, Свят... ...ть даже посредственнымъ по компо-
онъ и да... сейчасъ увидѣть:
Трисвято...

Подъ крыломъ усихъ державъ,
А злодіивъ прекращавъ.
Стали злодѣи судъ судыть,

1) ...
самъ ж...

нашъ... аже исы на небеси хлибъ нашъ насущный и намъ дасы... избавъ насъ одъ лукавого чоловіка... Далѣе шелъ „Символъ вѣры,“ гдѣ догматы искажались немилосерднымъ образомъ: „Вѣрую.... Бога Отца, Содержителя.... отъ свита и до свита, одъ Бога истинного и до Бога истинного.... сшедшаго съ небесъ и уплодывшагося у Духа свята и Маріи Дѣвы.... Достойно есть.... Молодычицю Богородыцю и т. п.

Нѣкоторыхъ искаженій я даже не рѣшаюсь приводить; да и это я привожу не на осмѣяніе, а съ чувствомъ глубокого сожалѣнія о темномъ братѣ. Не рѣшаюсь всю вину сложить на духовныхъ руководителей, которые, поглощенные заботами о суетѣ мірской, слишкомъ мало удѣляютъ времени бесѣдамъ съ народомъ, а отъ самого внимательнаго вслушиванія въ богослуженіе на славянскомъ языкѣ мало вынесешь, слыша, какъ діаконъ „выноситъ“ слова Евангельскія, надрывая свою грудь и поражая слушателей, а за нимъ также и псаломщикъ выкрикиваетъ „апостола“. И это въ деревнѣ съ двумя школами, двумя храмами, въ 30 верстахъ отъ Полтавы! И такъ живетъ народъ, представляя себѣ Божество въ видѣ Грознаго существа, карающаго немилосердно за самые незначительные поступки, трепеща передъ „Царемъ Градомъ“ [1]), который можетъ уничтожить весь хлѣбъ, если не умилостивить его, Паликопою—Пантелеймономъ, который „палитъ копы“ хлѣба у всякаго, кто-бы осмѣлился выѣхать въ этотъ день въ поле.

Максимъ Ѳедоровичъ знаетъ много заговоровъ и нашептываній отъ „бышихи“, зубной боли, лихорадки, порухи и др. болѣзней, но не рѣшался мнѣ пересказать ихъ, ибо думаетъ, что послѣ того онъ потеряетъ даръ исцѣленія, въ который самъ также слѣпо вѣритъ, какъ и его многочисленные паціэнты, съ которыхъ, впрочемъ, онъ ничего не беретъ. Но онъ не унесетъ своихъ знаній въ могилу, какъ не унесла ихъ и его мать, передъ смертью научившая всему своего сына. „Грѣхъ занести молитву въ могилу“, сказалъ онъ мнѣ.

[1]) Обновленіе Цареграда—народъ понимаетъ по своему, разбивая слово пополамъ и вѣря въ Градъ, пагубный для полей и хлѣбовъ, какъ въ какое-то грозное существо. Интересный фактъ „двоевѣрія“ въ XX вѣкѣ!

Въ Опошнѣ на ярмаркѣ я, конечно, не видѣлъ ни одного бандуриста, а лирниковъ было достаточно; возлѣ одного, еще молодого, собралась кучка людей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слушали монотонное и грустное пѣніе, сопровождаемое дребезжаньемъ полуразбитаго инструмента. Это былъ стихъ объ императорѣ Александрѣ Второмъ. Когда пѣвецъ окончилъ и собралъ подаяніе, я попросилъ проводника привести его ко мнѣ и авансомъ далъ серебряную монету. Черезъ нѣсколько минутъ я уже слушалъ его.

Я разсказалъ ему о своемъ намѣреніи разспросить его кое-о чемъ, и онъ далъ мнѣ отвѣтъ на всѣ предложенные вопросы. Родомъ онъ изъ Кирилановской волости, Паськового хутора, по имени Михайло Бейгулъ, 18 лѣтъ; ослѣпъ онъ уже около шести лѣтъ и съ тѣхъ поръ сталъ нищенствовать; затѣмъ онъ поступилъ въ ученье къ старому слѣпцу, Грыцьку Гайдѣ, который его обучалъ игрѣ и пѣнію духовныхъ стиховъ и кантовъ; за ученье полагалось отдавать учителю весь заработокъ, если можно такъ назвать этотъ особый промыселъ; при чемъ случалось за двѣ недѣли собирать болѣе двухъ рублей. Прослушавъ его стихъ и записавъ, я отпустилъ его съ Богомъ, а самъ, по пріѣздѣ домой, отправился къ Гайдѣ, жившему въ Рублевкѣ.

Старый Гайда не очень словоохотливъ и только послѣ долгихъ просьбъ согласился пропѣть желаемый стихъ; онъ боялся, что его за это подвергнутъ наказанію или запретятъ пѣть самый любимый и самый прибыльный кантъ. Что касается до автора стиха, то его найти не удалось, да едва ли это и возможно, потому что Гайда научился у третьяго, гдѣ-то подъ Харьковомъ и. т. д. Важно только, что послѣ того я этотъ стихъ слышалъ на каждой малорусской ярмаркѣ, и вездѣ онъ слушается съ большимъ интересомъ, а между тѣмъ нельзя его назвать даже посредственнымъ по композиціи, какъ это можно сейчасъ увидѣть:

Александеръ Второй царь
Онъ въ любовію радивъ, (2)
Дать свободу всимъ хотивъ;

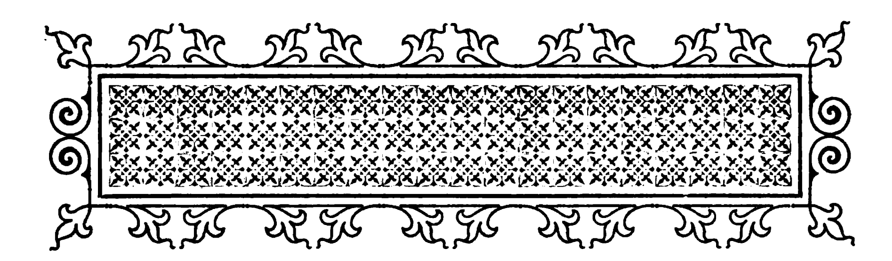
Подъ крыломъ усихъ державъ,
А злодіивъ прекращавъ.
Стали злодѣи судъ судыть,

Якъ бы царя истребыть, (2)
Много казны потребыть,
—Государя истребыть.
Веэдѣ мины подводилы
Государя не стребилы.
Далы въ руци имъ гранаты.
Воны одъ Бога прокляты,
Отчаянно гроши бралы
Довго въ вечера гулялы;
Калавури становылы
Государя сохранилы;
Ажъ до первого марта
Сохранивъ Господь царя.
Первый ударъ мынувавъ,
Государя не попавъ;
Второй ударъ большой бывъ,
Государя поранывъ.
Царь пораненый упавъ,
Слово жалобно сказавъ:
„Подымите меня дѣти
Не живу я теперь на свѣти!"
Къ ёму слугы подбигалы
Подъ билы руци держалы,
Внеслы его во дворецъ;
Ты намъ батюшка й отецъ,
Ты нашъ батюшка, нашъ богъ,
Вонъ лишився своихъ ногъ.
Чорный травуръ надивалы,
Уси плакалы, рыдалы;
Чорный хлакъ преподнялы,
Упокой души сказалы;
По соборамъ зазвонылы,
Панахиды одслужилы;
Одслужылы шесть недѣль,
Онъ здавався одынъ день;
Вознистылы на Кавказъ,
Полылыся слезы з глазъ;
Ударылы въ телеграмъ—
Затменіе сонцю намъ;
За то царь нашъ кровъ пролывъ,
Що усимъ добро творивъ..
Будымъ Господа молыть
Щобъ намъ сына умудрыть.
Аминь.

Вотъ каковъ этотъ стихъ; онъ не блещетъ глубиною поэзіи, въ немъ нѣтъ красотъ народнаго творчества; но, мнѣ кажется, важенъ самый фактъ, само то обстоятельство, что имя императора Александра II стало такъ близкимъ народу, и личность Царя-Освободителя находится въ ряду тѣхъ немногихъ, но дорогихъ личностей, которыхъ хранитъ въ своей сокровищницѣ народная память. Это послѣднее, какъ мнѣ кажется, историческое лицо, ставшее предметомъ народнаго творчества [1]).

В. Чаговецъ.

[1]) Впослѣдствіи мнѣ пришлось убѣдиться, что этотъ кантъ извѣстенъ уже давно; его можно слышать и въ Черниговской губерніи на деревенскихъ ярмаркахъ и храмовыхъ праздникахъ. (Свид. г. Мазараки и др.).



Библіографическая рѣдкость.

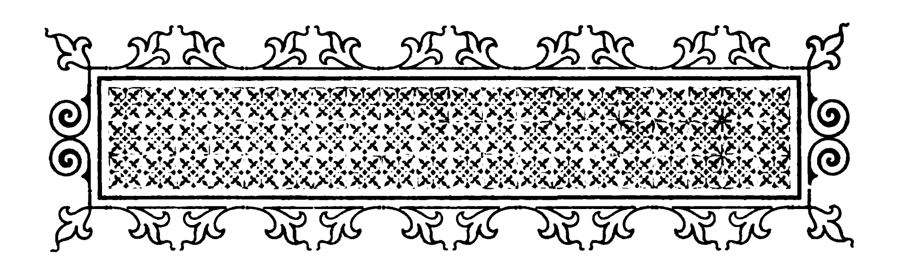
Эстрейхеръ въ своей „Библіографіи“, подъ 1676 годомъ, указываетъ двѣ книги Іоанникія Галятовскаго, напечатанныя въ Новгородѣ-Сѣверскомъ: 1) „Скарбница потребной Богоматери Елецкой“, 2) „Skarb pohcwały do Bogarodzicy Jeleckiej“. Проф. Сумцовъ въ своей монографіи объ Галятовскомъ упоминаетъ лишь первую книгу, и можно было думать, что мы имѣемъ дѣло съ одной изъ многочисленныхъ погрѣшностей Эстрейхера.

Но въ старомъ каталогѣ библіотеки Кіево-Печерской лавры (хранящемся въ Спб. Синодальномъ Архивѣ), въ отдѣлѣ польскихъ книгъ in 4°, мы нашли „Skarb“, съ именемъ Галятовскаго. Справка, любезно сдѣланная для насъ А. С. Крыловскимъ, показала, что библіотека Лавры дѣйствительно владѣетъ экземпляромъ польскаго изданія, къ сожалѣнію, дефектнымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ только страницы 1—2, 7—14 и приплетенъ къ экземпляру, тоже дефектному, извѣстнаго труда Л. Барановича „Nowa miara starej wiary.“ Заглавіе этой книжки таково: „Skarb pochwały z każdej nauki wyzwolonej do skarbnicy Naswietszey Bogarodźicy Jeleckiey od Archy-

mandryty Czernihowskiego Jeleckiego Joaniciusza Galatowskiego. Roku P. tyśiąc szećset siedmdźieśiąt szostego. Mieśiącá augustá dnia 11. W typographiey Nowogrodzkiey. Zebrany iest y przydány.

По всей вѣроятности, „Skarb“ представляетъ то же, что и „Скарбница,“ только на польскомъ языкѣ.

А. Соболевскій.



Начальные моменты введенія крестьянской реформы въ Полтавской губерніи [1]).

I.

9-го марта 1861 года на имя Полтавскаго губернатора получена была отъ министра Внутр. Дѣлъ (Ланского) телеграмма слѣдующаго содержанія: „Высочайше повелѣно, по прибытіи барона Котена, обнародовать манифестъ, не ожидая воскреснаго дня". 11-го марта въ 3 ч. дня пріѣхалъ въ Полтаву б. Котенъ, и на другой день манифестъ 19-го февр. былъ обнародованъ, а министръ извѣщенъ телеграмой: „Высочайшій манифестъ сегодня въ г. Полтавѣ обнародованъ, въ уѣзды безотлагательно посылается, все спокойно и благополучно" [2]).

Къ этому обнародованію „радостнаго", давно всѣми ожидаемаго, манифеста мѣстное начальство было достаточно подготовлено. Между губернаторомъ и министромъ Внут. Д. велась дѣятельная конфиденціальная переписка еще въ 1860 г.

---

[1]) По матеріаламъ, хранящимся въ архивѣ Полтав. Губ. Правленія. Вездѣ, гдѣ это зависѣло отъ насъ, имѣется точное обозначеніе источниковъ. Отсутствіе же его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошло по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, въ силу которыхъ нельзя было сдѣлать точныхъ указаній ни при составленіи рукописи, ни при выпускѣ ея въ печать.

[2]) Дѣло Полтав. Губ. Прис. 1861 г., № 132.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ланскому Полтавскій губернаторъ (Волковъ) довольно подробно указывалъ трудности введенія реформы, увеличивающіяся въ Полт. губерніи 1) огромною численностью крѣпостного населенія, 2) чрезвычайной мелкопомѣстностью, 3) безземельностью большинства крестьянъ, 4) совершенной неподготовленностью ихъ къ оброчному положенію и 5) исключительностью положенія дѣлъ вслѣдствіе того, что *не предполагается круговой общественной отвѣтственности* въ исправномъ отбываніи повинностей. „Ежедневно, прибавлялъ онъ, будутъ возникать вопросы, споры и дѣла всякаго рода, которыя неминуемо вызовутъ огромную переписку“ [1].... Его слова оказались пророческими. Въ Полтавскомъ Губерн. Присутствіи почти ежедневно въ теченіе 1861-го г. происходили „экстренныя“ засѣданія.

За недѣлю до обнародованія манифеста губернаторъ разослалъ „*весьма секретно*“ слѣдующее циркулярное распоряженіе земскимъ исправникамъ. „Въ самомъ непродолжительномъ времени ожидаются изъ С.-Петербурга для обнародованія и приведенія въ дѣйствіе Высочайшій манифестъ и Положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Извѣщая объ этомъ г.г. земскихъ исправниковъ, я требую, чтобъ они безъ всякой огласки приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы манифестъ и Положенія были обнародованы по цѣлому уѣзду немедленно, безъ нарушенія тишины и порядка. Дѣло это требуетъ полнаго вниманія, заботливости всей полиціи. Обычныя формальности и отписки, предосудительныя вездѣ, не могутъ быть допущены ни подъ какимъ предлогомъ въ настоящемъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спокойствіе страны и благополучный исходъ реформъ. Въ основаніяхъ реформы нѣтъ ни малѣйшаго повода къ безпокойствамъ. Крестьянамъ новое Положеніе даетъ личную свободу, обезпечивающую ихъ существованіе, облегчаетъ повинности. Необходимо только, чтобы крестьяне въ короткихъ, но ясныхъ словахъ были

[1] Дѣло Губ. Пр. 1861 г., № 141; л. 16—17.

вразумлены относительно того, что имъ дается, и что отъ нихъ требуется“ [1]).

Нужно сознаться, что такая предусмотрительность начальника губерніи не была излишня: она придала много энергіи всѣмъ чинамъ полиціи; но, увы, не секретъ и то, что благія желанія Волкова не осуществились, да и врядъ ли могли осуществиться. Не такъ-то легко было вразумлять нашихъ крестьянъ (не однихъ малороссовъ разумѣется!) да и реформа, вѣдь, не вполнѣ открывала крестьянамъ средства къ достиженію благосостоянія. Врядъ ли бы дѣло обстояло иначе, если бы даже оно велось въ томъ духѣ и объемѣ, какъ проектировалъ Унковскій..

Не прошло и мѣсяца послѣ обнародованія манифеста въ Полтавской губ., какъ начались по разнымъ мѣстамъ ея безпорядки и возмущенія крестьянъ. Одинъ изъ раннихъ и серьезныхъ бунтовъ имѣлъ мѣсто въ 3-хъ сосѣднихъ селахъ Гадячскаго уѣзда: Бобрикѣ, Веприкѣ и Константиновѣ, входившихъ въ составъ громаднаго имѣнія кн. Салтыкова-Головкина. Какъ только были объявлены здѣсь манифестъ и Положенія, крестьяне заявили, что „не пойдутъ на барщину и не хотятъ знать предлагаемой свободы, ибо это—не настоящая воля“ [2]).... Узнавъ объ этомъ, начальникъ губерніи послалъ надлежащія предписанія мѣстнымъ предводителямъ дворянства и исправникамъ, прося ихъ „принять на себя трудъ—посредствомъ личныхъ объясненій устранить ложное пониманіе объявленной Высочайшей воли“. Но ни исправники, ни предводители дворянства не могли исполнить этого предписанія; они вынуждены были придти къ печальному заключенію, что необходимо принять строгія мѣры по отношенію къ неблагомыслящимъ, посѣявшимъ ложныя убѣжденія и недоразумѣнія.. Вскорѣ затѣмъ состоялась вторичная командировка барона Котена въ Полт. губернію, и онъ съумѣлъ такъ повести дѣло, что крестьяне указанныхъ селъ

---

[1]) Дѣло Полт. Губ. Прис. 1861 г., № 89, л. 1.

[2]) Дѣло 1861 г., № 2.

принесли чистосердечное раскаяніе, за исключеніемъ 9-ти душъ, продолжавшихъ превратно толковать слова манифеста. Изъ нихъ 7 чел. были отправлены въ тюрьму (въ г. Гадячъ), а двое („зачинщики") наказаны розгами. Губернаторъ нашелъ нужнымъ сообщить объ этихъ волненіяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ начальникамъ сосѣднихъ губерній—Харьковской и Черниговской (кн. Голицыну и Ахматову). Оказалось, что и тамъ происходили почти одновременно подобные же безпорядки, но кончались они, если не совершенно мирно, то арестомъ главныхъ бунтовщиковъ, коихъ бывало 5—10 человѣкъ.

15-го августа того же года, черезъ Полтаву проѣзжалъ Государь Императоръ. Въ числѣ представлявшихся ему лицъ были старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, къ которымъ Его Величество обратился со слѣдующими словами: „Ко Мнѣ доходятъ слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую Я вамъ далъ. Исполняйте, чего требуютъ законъ и Положенія; трудитесь и будьте послушны властямъ и помѣщикамъ!"[1]). Эти слова отчасти успокоили благоразумныхъ; но, увы, такихъ было меньшинство. Большинство крестьянъ волновалось; начались подстрекательства. Насколько велики были различныя недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками въ періодъ постепеннаго введенія въ Полтавской губ. уставныхъ грамотъ,—видно изъ того, что дѣла объ этихъ печальныхъ фактахъ затягивались на 5, 10 и болѣе лѣтъ. Нужно сказать, что часто сами помѣщики давали поводъ къ волненіямъ и открытымъ бунтамъ крестьянъ; нерѣдко они вели тяжбы съ ними и изъ-за несвоевременнаго введенія уставныхъ грамотъ, т. е. по причинѣ своей же оплошности. Поселившіеся на надѣлахъ полтавскіе крестьяне большей частью изъявляли желаніе отбывать издѣльную повинность, но потомъ, если находились въ затруднительномъ положеніи, рѣшались смѣнить ее оброчною. Большинство помѣщиковъ

[1]) Дѣло 1861 г., № 3., л. 60.

не соглашались на такую смѣну, не внимали просьбамъ крестьянъ и вынуждали ихъ заводить тяжбы. Ходатаями за крестьянъ въ данномъ случаѣ являлись мировые посредники, высказывавшіеся иной разъ даже такъ, напр.: одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Лохвицкаго уѣзда говорилъ, что издѣльная повинность невозможна въ теперешнюю пору, что надобно слишкомъ много благонамѣренности, чтобы были справедливы требованія отъ крестьянъ урочнаго исполненія работъ (sic!),—что, однимъ словомъ, *при повсемѣстномъ лишь оброкѣ* можетъ спокойно окончиться реформа.

II.

Общее число составленныхъ и утвержденныхъ для временно-обязанныхъ крестьянъ уставныхъ грамотъ въ Полтав. губ. простиралось до 7120 (собственноручно подписано крестьянами болѣе 6000 грамотъ). Въ 519 имѣніяхъ крестьяне были оставлены на издѣльной повинности, а болѣе чѣмъ въ 3500 им. на оброкѣ [1]).

Болѣе 3000 грамотъ, какъ видно изъ дѣлъ Полтав. Губ. Присутствія и Правленія, были утверждены при содѣйствіи правительства, т. е. Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія [2]).

Число „выкупныхъ сдѣлокъ“ полтав. помѣщиковъ съ крестьянами было сравнительно незначительно (943). На одну душу приходилось среднимъ числомъ около 2,09 дес. выкупленной земли, что превышаетъ количество такой земли лишь въ Кіевской губ. (1,88 дес. на душу); тогда какъ въ другихъ малорос. губ. среднее количество выкупленой земли было болѣе (въ Черниговской, напр., 3,38 дес. на чел., въ Харьковской—2,65 д.).

Что касается т. наз. „урочнаго положенія“ (для опредѣленія размѣра дневной работы крестьянъ), то въ Полтав. губ.,

---

1) „Памятн. книги Полтав. губ. за 1865 г. Бодянскаго.

2) Предсѣдателемъ его былъ В. Кн. Константинъ Николаевичъ, а управляющимъ С. М. Жуковскій.

какъ и во многихъ другихъ, разрѣшено было ***примѣнять*** его до введенія уставныхъ грамотъ, по добровольному соглашенію (съ рабочими.) По введеніи же уставныхъ грамотъ, оно пріобрѣло обязательную силу.

Вотъ это положеніе по одной изъ копій, найденныхъ нами среди дѣлъ въ архивѣ Полтав. губ. правленія:

	Лѣт.	Зим.
А) *Обработка поля.*		
1. перевезти волами навозу на разст. 1/2 вер.—3 в.	Отъ 10-и до 5-и возовъ	Отъ 7-и до 3-хъ воз.
2. вспахать поле, (глубина—4 верш., ширина борозды—5 в.).	1/3 дес.—1/2 д.	1/2 дес.
3. заралить или заборонить.	тоже.	
В) *Уборка хлѣба:*		
1. скосить хлѣба (или травы), смотря по урожаю.	1/2 дес.—2/5 д.	—
2. связать въ снопы	4 копы.	—
3. положить хлѣбъ въ стогъ или въ скирду.	30 копъ	
4. смолотить ржи, пшеницы,	1 1/2 копы	
— друг. хлѣба	2 копы	
С) *Земляныя и др. работы.*		
1. рыть ровъ не глубже 1 1/4 арш.	24 куб. арш.	20—18 к. арш.
2. при большей глуб.	20 куб. арш.	16 куб. арш.
3. стричь овецъ	12 шт.	—

Смотря по времени года и дальности разстоянія мѣста жительства крестьянъ отъ мѣста работы, вычитается въ день отъ 30 до 200 кв. с., отъ 10 сноп. до 1 копны.

Немногіе изъ наиболѣе богатыхъ помѣщиковъ дарили своимъ крестьянамъ массу земли безъ всякаго надѣла и соглашенія. Другіе, заботясь нѣсколько объ улучшеніи быта крестьянъ, возбуждали тѣ или другіе вопросы касательно „об-

щаго положенія крестьянъ послѣ реформы". Напр., помѣщикъ Переяславскаго уѣзда князь Голицынъ предложилъ Губ. Присутствію для разрѣшенія вопросъ о составленіи уставныхъ грамотъ. Въ отвѣтъ онъ получилъ слѣдующія разъясненія: 1) Помѣщикъ можетъ оставить въ собственномъ распоряженіи усадьбы, занимаемыя дворовыми людьми, если онѣ составляютъ принадлежность его хозяйственныхъ заведеній; 2) выгонная земля, находящаяся внѣ черты селенія, облагается повинностью согласно съ 241—242 ст. мѣстнаго Положенія; 3) добровольныя соглашенія съ крестьянами о повинностяхъ можно дѣлать во всякое время и по введеніи уставной грамоты; 4) число дней, назначаемыхъ временно-обязаннымъ крестьянамъ для отбыванія издѣльной повинности, не м. б. увеличиваемо безъ соглашенія съ ними; 5) въ уставныхъ грамотахъ, составленныхъ по добровольному соглашенію съ крестьянами, надобно упоминать, какой оброкъ или повинность слѣдовала по положенію и какое измѣненіе сдѣлано; 6) участки полевой земли, бывшіе временно безъ хозяевъ, могутъ поступать въ распоряженіе помѣщика только въ томъ случаѣ, если не состояли въ общемъ пользованіи крестьян. общества; 7) наконецъ, участки усадебной земли м. б. въ пользованіи крестьян. общества, примѣнительно къ 30-й ст. мѣстнаго Уложенія, а если они будутъ заняты какими-либо сторонними лицами, то должны быть заключены особыя условія.

Въ концѣ 1861 г. помѣщики разныхъ уѣздовъ Полтавск. губ. возбудили важный вопросъ: допускается ли новыми Положеніями наказаніе лицъ женскаго пола, и, если допускается, то не слѣдуетъ ли установить случаи освобожденія отъ него. По разъясненію Мин. Вн. Дѣлъ (примѣнительно къ 102 и 104 ст. Общ. Полож.) изъ крестьянокъ не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію: а) достигшія 50 лѣтняго возраста, в) получившія образованіе, с) занимающія должности смотрительницъ больницъ, повивальныхъ бабокъ, etc. d) принадлежащія къ семействамъ должностныхъ лицъ (сельскаго или волостного правленія). Вообще же къ тѣлеснымъ нака-

заніямъ рекомендовалось прибѣгать въ рѣдкихъ, крайнихъ случаяхъ.

Почти одновременно съ вопросомъ о наказаніяхъ былъ поднятъ и другой не менѣе важный вопросъ, именно, о бракѣ крестьянъ и „дворовыхъ" людей. При выполненіи правилъ Общаго Положенія (3 и 4 ст. и Полож. о крест. 21 ст.) появились разнаго рода недоразумѣнія: священники часто вѣнчали крестьянъ безъ разрѣшенія со стороны помѣщиковъ; стали появляться жалобы по этому поводу, а равно донесенія епарх. архіерею; послѣдній долженъ былъ войти въ сношеніе съ разными лицами и съ начальникомъ губ. и, по его ходатайству, было получено изъ Главнаго Комитета слѣдующее разъясненіе: какъ дворовыя дѣвицы, такъ и вдовыя женщины (изъ временно-обязанныхъ крестьянъ) могутъ выходить замужъ *безъ разрѣшенія помѣщика за людей другого владѣльца;* въ этомъ случаѣ онѣ освобождаются и отъ взысканія оброка [1]). По всей вѣроятности, подобныя разъясненія ранѣе или позднѣе давались и въ другихъ губерніяхъ.

Наконецъ, были немаловажныя разъясненія по вопросу о смыслѣ издѣльной повинности и главныхъ условіяхъ отбыванія ея.

Весьма положительно и ясно о ней высказалось Полтав. Губ. Присутствіе. Принимая въ соображеніе, что издѣльная повинность—вознагражденіе помѣщиковъ за находящуюся въ пользованіи крестьянъ полевую землю или усадьбу, оно опредѣлило, что этой повинности не обязаны отбывать крестьяне, не получившіе надѣла. Изъ числа рабочихъ дней года, назначаемыхъ для отбыванія издѣльной повинности, исключались праздничные дни: двунадесятые праздники, по 3 дня на Святкахъ и Свѣтлой седмицѣ, день Св. Николая (6 дек.), день св. ап. Петра и Павла. Не отрабатывать этихъ дней (если они приходились въ числѣ рабочихъ по тому или другому сроку) разрѣшалось лишь до введенія уставныхъ грамотъ. Женщинамъ даны были извѣстныя льготы: изъ каждаго се-

---

[1]) Журн. дѣло Полт. Г. Прис. № 29.

мейства на барщину должна идти одна только (взрослая) дѣвица или замужняя и работать не болѣе 3-хъ дней въ недѣлю.

Изъ свѣдѣній (доходившихъ до Министерства Внутр. Дѣлъ) о недоразумѣніяхъ и волненіяхъ, возникавшихъ между крестьянами (разныхъ губ., въ томъ числѣ и Полтавской) по поводу отправленія издѣльной повинности, открывается, что большинство крестьянъ смотрѣло на неё, какъ на исключительную принадлежность крѣпостного состоянія. Этотъ взглядъ причинилъ немало вреда и самимъ крестьянамъ, и помѣщикамъ. Къ сожалѣнію, мы должны отмѣтить тотъ грустный фактъ, что многіе изъ мѣстныхъ начальниковъ, дѣлая внушенія крестьянамъ по поводу непониманія ими существа реформы, опирались лишь на формальныя требованія *закона*, не приводя и не разъясняя основаній, имѣвшихся въ виду при составленіи его. А между тѣмъ эти основанія ясно указаны въ Высочайшемъ манифестѣ 19-го февраля 1861 г., гдѣ положительно выражена и подчеркнута мысль, что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщика землею и не нести за это соотвѣтствующей повинности.

Что касается перехода крестьянъ Полтавской губ. съ издѣльной повинности на оброкъ, то по этому вопросу изъ Министерства Внутр. Дѣлъ были разсылаемы важныя разъясненія. Въ оффиціальномъ сообщеніи, полученномъ на имя Полтавскаго губернатора, читаемъ: „При составленіи новаго Положенія правительство имѣло въ виду всѣ неудобства и невыгоды обязательнаго труда, но, съ другой стороны, не могло не принять во вниманіе, что имѣются цѣлыя мѣстности, въ которыхъ, кромѣ земледѣлія, нѣтъ никакихъ промысловыхъ занятій, почему для крестьянъ денежные заработки весьма затруднительны. При такихъ обстоятельствахъ нельзя было не предвидѣть, что переходъ крестьянъ на оброкъ могъ во многихъ случаяхъ подвергнуть ихъ несостоятельности въ платежахъ и отобранію земли. По всей вѣроятности, это опасеніе составляетъ и доселѣ главную причину отказа крестьянъ отъ предложеній помѣщика переходить на

оброкъ. Со введеніемъ вольнонаемной обработки земли, которая въ земледѣльческихъ губерніяхъ замѣняетъ промысловые заработки, указанная причина отказа крестьянъ потеряетъ свою силу".

Начальникамъ губ., въ томъ числѣ и Полтавскому, Министерствомъ Внутр. Дѣлъ рекомендовалось вводить, гдѣ возможно, при посредствѣ Губернскаго Присутствія, оброкъ, съ непремѣннымъ условіемъ обезпеченія крестьянамъ способа заработка. Такъ было болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ,— по крайней мѣрѣ въ Полтавской губерніи.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ вышеприведеннаго циркуляра Министерства Внутр. Дѣлъ, многіе дворяне Полтавской губ. стали хлопотать о допущеніи обязательнаго перехода крестьянъ на оброкъ. Отъ имени дворянъ Золотоношскаго уѣзда было послано мѣстнымъ предводителемъ дворянства начальнику губ. „заявленіе", въ которомъ находимъ слѣдующее разсужденіе относительно оброка.

„Оброкъ, во всякомъ случаѣ, представляетъ меньше принудительности, чѣмъ издѣльная повинность, даетъ большую возможность крестьянамъ извлекать свои выгоды. При оброкѣ главную роль играетъ срочность взноса; издѣльная же повинность условливаетъ ежедневные разсчеты, приходящіе отъ времени въ безвыходную запутанность. Если дворяне ходатайствуютъ о допущеніи обязательнаго перехода крестьянъ на оброкъ, то въ этомъ видна добросовѣстность ихъ стремленій и вѣрнѣйшая гарантія всѣхъ возможныхъ гарантій" [1]).

Къ чему привели эти и подобныя разсужденія, мы пока опредѣленно сказать не можемъ. Знаемъ только, что оброчная повинность по мѣстамъ въ Полтавской губ. нерѣдко брала перевѣсъ надъ издѣльною.

---

[1]) Изъ дѣла за 1861 г., № 28.

III.

Изъ дѣлъ Полтав. Губ. Присутствія за 1862—65 г.г. видно, что недоразумѣнія и волненія, возникшія тотчасъ по приведеніи въ дѣйствіе манифеста и Положеній, продолжались недолго; но на смѣну имъ стали мало по малу возникать болѣе серьезныя недоразумѣнія, доставившія массу хлопотъ мѣстному начальству. Одни крестьяне „по неблагомыслію", другіе „по недомыслію" поднимали сплошь и рядомъ волненія изъ-за пустяковъ. Для вразумленія ихъ приходилось иногда обращаться и къ нравственнымъ мѣрамъ. Напр., было выписано „поучительное слово", печатавшееся съ разрѣшенія Св. Синода, для разсылки по губерніи (около 1000 экземпл.). Въ словѣ этомъ говорится о надлежащемъ пониманіи дарованной народу свободы и пользованіи ею.

Къ содержанію слова крестьяне разныхъ мѣстъ отнеслись различно. Не вразумило оно и ½ временно-обязанныхъ крестьянъ. Доказательство этого—безчисленные иски, съ помощью которыхъ очень многіе крестьяне требовали осуществленія своихъ притязаній.

Архивъ Полтав. Губ. Правленія изобилуетъ крестьянскими „исками". Есть здѣсь немало дѣлъ о законныхъ искахъ, рѣшавшихся, смотря по обстоятельствамъ, то въ пользу помѣщика, то въ пользу крестьянъ. Нѣкогда графъ Капнистъ (помѣщикъ Миргород. уѣзда), разсматривая крестьянскіе иски по существу, дѣлилъ ихъ на 3 категоріи: 1) заявленія крестьянъ, что земли, составлявшія ихъ собственность, зачислены (послѣ отмѣны крѣпостного права) въ счетъ надѣла, почему имъ приходится платить незаконно за собственныя участки; 2) домогательства крестьянъ окончательнаго укрѣпленія за ними участковъ земли, права на которые признаны властью, и 3) иски въ собственномъ смыслѣ слова, предъявляемые крестьянами по случаю отобранія у нихъ (нарочно или по ошибкѣ) земли помѣщиками.

Перваго рода заявленія оканчивались обыкновенно (насколько можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія большей части

ихъ) исключеніемъ изъ числа надѣловъ собственныхъ земель крестьянъ и вознагражденіемъ ихъ за незаконные взносы.

Дѣла второй категоріи сводились къ выполненію (по возможности быстрому) формальностей.

Но иски въ собственномъ смыслѣ очень рѣдко оканчивались быстро и мирно. Мы знаемъ дѣла, тянувшіяся отъ 10 до 30 лѣтъ. Причины медлительности суда заключались, съ одной стороны, въ самой запутанности дѣлъ, а, съ другой, въ различномъ отношеніи къ нимъ помѣщиковъ, и проч. Для примѣра укажемъ на дѣло по иску крестьянъ Муравьева-Апостола, тянувшееся съ 1865 по 1882 г. Послѣ смерти Муравьева, $^4/_5$ его имѣнія были куплены по частямъ нѣсколькими помѣщиками (Ковалевскимъ, кн. Мещерскимъ, гр. Капнистомъ) всего въ количествѣ 8150 дес; остальной кусокъ земли (2000 слишкомъ дес.) оставила за собой супруга покойнаго. Чуть только имѣніе перешло въ руки этихъ новыхъ владѣльцевъ, какъ къ нимъ начали предъявлять свои права на собственные участки бывшіе крѣпостные Муравьева [1]). Въ виду неясности иска ихъ, Капнистъ и Мещерскій должны были дать Губернскому Присутствію надлежащія заявленія, въ которыхъ между прочимъ говорилось: „Какъ бы широко ни толковалось право крестьянъ отыскивать земли независимо и отъ давности времени, и отъ того, въ чьихъ рукахъ находится отыскиваемая земля, во всякомъ случаѣ, отвѣтчикомъ не можетъ быть совершенно постороннее, не владѣющее искомыми участками лицо на томъ лишь основаніи, что оно купило часть земель, принадлежавшихъ когда-то помѣщику истцовъ“ [2]).

Далѣе Капнистъ и Мещерскій указывали [3]), что имѣніе Муравьева-Апостола распродано спустя болѣе 10-ти лѣтъ послѣ прекращенія крѣпостной зависимости, что на немъ не было никакихъ запрещеній, что по межевымъ планамъ не значится никакихъ спорныхъ пунктовъ, причемъ выражали

1) Предъ смертью его они предъявляли искъ къ нему самому.

2) См. дѣло Полт. Губ. Прис. за 1865 г, по описи № 8.

3) Ibid.

готовность „добровольно принять участіе въ удовлетвореніи крестьянскаго иска" [1]). Къ этому ихъ побуждало желаніе какъ можно скорѣе окончить запутанное дѣло, почему выставлялись и необходимыя условія, на которыхъ возможно было добровольное удовлетвореніе иска: 1) размѣръ участія въ этомъ удовлетвореніи долженъ соотвѣтствовать размѣру владѣнія помѣщика; 2) крестьяне должны понять смыслъ добровольныхъ дѣйствій помѣщиковъ и не видѣть въ этомъ легкаго способа наживы; 3) принеся однажды матеріальную жертву, добровольный жертвователь не долженъ подвергаться риску отвѣчать за неотносящіеся къ нему иски. Эти условія необходимы были въ виду того, что иски крестьянъ, не стѣсняемые ни давностью времени, ни безспорностью владѣнія другихъ лицъ, могли продолжаться до безконечности.

Аналогичный процессъ возникъ между бывшими крѣпостными князя Кочубея и его братомъ, взявшимъ въ свои руки громадное имѣніе послѣдняго. Когда крестьяне предъявили свой искъ на земли (около 30-ти дес.), Кочубей написалъ губернскому предводителю дворянства (кн. Долгорукому): „Имѣю честь объяснить, что права истцовъ на указываемыя ими въ моемъ имѣніи земли ничѣмъ не доказуемы, въ чемъ можно удостовѣриться и изъ плана земли моей".

Изъ дѣла, къ сожалѣнію, не видно, была ли со стороны крестьянъ ошибка или желаніе воспользоваться возможностью пріобрѣтенія лишняго куска земли. Дѣло затянулось, благодаря разнымъ формальностямъ, жалобамъ и проч., хотя мировой посредникъ и торопилъ Уѣздное Присутствіе, а послѣднее, въ свою очередь, было побуждаемо Губернскимъ. Какъ бы то ни было, окончилось дѣло не въ пользу крестьянъ, но мирно: они отказались отъ искомыхъ участковъ земли и заключили миролюбивое соглашеніе съ ея владѣльцемъ [2]).

Изъ разсмотрѣнія содержанія подобнаго рода дѣлъ видно, что крестьяне Полтавской губ. были гораздо чаще неправы,

---

1) Ibid.

2) Дѣло Губ. Прис. за 1865 г. по описи № 13.

нежели помѣщики. Сплошь и рядомъ они предъявляли неосновательные иски, не принимали земли, отведенной по уставн. грамотамъ, или не хотѣли удовлетвориться ею, и т. д.

Но, судя объ этихъ поступкахъ крестьянъ, не должны ли мы отнестись къ нимъ снисходительно, принимая во вниманіе, что положеніе ихъ послѣ отмѣны крѣпостничества долго еще было сравнительно незавиднымъ? Мы имѣемъ фактическія доказательства нерѣдко наносимыхъ имъ обидъ и помѣщиками, и мировыми посредниками.

Не секретъ, что многіе помѣщики въ той или иной степени игнорировали новый порядокъ вещей, какъ бы желая упорно отстаивать лишь свои выгоды и не взирая на то, что реформа была направлена къ благосостоянію крестьянъ. Имѣя въ виду эти факты, мы поймемъ и ту злобу, которая овладѣвала иной разъ цѣлыми массами крестьянъ [1]).

Иногда изъ-за клочка земли крестьянамъ приходилось „тягаться“ съ помѣщиками по 10—20 лѣтъ, тратить послѣдніе гроши съ цѣлью возвращенія собственной земли, а подчасъ даже лишаться ея.

Какъ иной разъ создавались и велись тогда земельныя дѣла, объ этомъ до извѣстной степени можно судить по одному весьма характерному письму молодого помѣщика (Лесевича). „На предложеніе Вашего Превосходительства, писалъ онъ губернскому предводителю дворянства, по дѣлу о присвоеніи моими временно-обязанными крестьянами принадлежащихъ мнѣ земель, имѣю честь отозваться, что, по смерти отца моего, имѣніе его долго было подъ управленіемъ постоянно смѣнявшихся опекуновъ, мало заботившихся о выгодѣ владѣльцевъ. Въ числѣ разнородныхъ упущеній самое главное то, что крестьяне завладѣли моими землями, гдѣ имъ было угодно. При заявленіи о своихъ правахъ на эти земли, они не представили никакихъ доказательствъ. Изъ дѣла, веденнаго моимъ уполномоченнымъ, Вы можете увидѣть, что посредники, хотя и руководствуются законами, но, желая

---

[1]) Не въ одной, разумѣется, Полтав. губ. дѣло обстояло такимъ образомъ.

болѣе удержать сторону крестьянъ [1]), измѣняютъ свои опредѣленія, не стѣсняясь. Я не считаю себя въ правѣ дѣлать крестьяиамъ какія-либо снисхожденія, а, напротивъ, буду просить Ваше Превосходительство вникнуть въ разборъ дѣла и возстановить нарушенныя права на земли, сданныя крестьянамъ на основаніи какихъ-то росписокъ и завѣщаній (быть можетъ, умопомѣшанныхъ завѣщателей), гдѣ точно не объяснено, какая именно земля отдается крестьянамъ. Подобныя дѣла въ настоящее время занимаютъ умы многихъ, и я надѣюсь, что мой интересъ (да и интересъ другихъ лицъ, ввѣренныхъ Вашему Пр—ству) будетъ огражденъ отъ алчущихъ дарового пріобрѣтенія земли" [2]). Въ данномъ случаѣ, какъ видимъ, помѣщикъ жалуется на нерадѣніе опекуновъ объ его выгодѣ. Но и крестьяне нерѣдко жаловались на нихъ, когда съ ихъ стороны были очень ужъ усердныя „радѣнія" о благѣ помѣщиковъ.

До Государя доходили многія прошенія крестьянъ Полтав. губ., жаловавшихся на то, что, по выходѣ ихъ изъ крѣпостной зависимости, клочки ихъ земель признаны собственностью того или другого помѣщика, что всѣ ихъ жалобы мѣстному начальству и прошенія не вели ни къ чему, даже не смотря на ходатайства мировыхъ посредниковъ и т. п. Вотъ, напр., грандіозное дѣло по иску крестьянъ м. Борисполя, Переяслав. у. (бывшихъ крѣпостныхъ Лукашевича). Отцы истцовъ владѣли спорными грунтами земли (около 20-ти дес.). Трудность доказательства права собственности на эти участки осложнялась передачей крестьянами изъ рукъ въ руки „партикулярныхъ документовъ" (росписокъ въ заключеніи договора, актовъ, разныхъ сдѣлокъ и проч.). Дѣло тянулось болѣе 10-ти лѣтъ (начиная съ 1870-го г.), пока Полтав. Губ. Присутствіе опредѣлило, наконецъ, удовлетворить почти всѣхъ истцовъ, хотя большинство представленныхъ документовъ и не было подтверждено свидѣтельскими показаніями.

---

[1]) Это заявленіе кажется намъ слишкомъ субъективнымъ.

[2]) Цит. по копіи письма, хранящагося у одного частнаго лица.

Дочь покойнаго владѣльца этихъ земель (бывшая замужемъ за Вишневскимъ и проживавшая въ Кіевѣ) признала такое рѣшеніе дѣла несправедливымъ и жаловалась Министру Внутр. Дѣлъ: „Рѣшеніе Губ. Присутствія не соотвѣтствуетъ не только требованіямъ закона, но и началамъ суда по совѣсти. Иски крестьянъ, очевидно, недобросовѣстны, размежеваніе земли производилось по настоящему безспорному владѣнію. Изъ 2997-ми дес. мнѣ отмежевано лишь 2100, а остальныя—крестьянамъ; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ добиваются еще правъ на куски земли, имъ непринадлежащей. Снисходя до нѣкоторой степени утопическимъ увлеченіямъ невѣжественной массы, нельзя относиться снисходительно къ тѣмъ, кому дана власть постановить рѣшеніе о правѣ на землю". Послѣ такого заявленія дѣло было передано въ Сенатъ, и рѣшеніе все-таки состоялось въ пользу большинства истцовъ. Послѣдніе, доказывая свою правоту, объясняли отсутствіе многихъ необходимыхъ документовъ тѣмъ, между прочимъ, что ихъ отбирали при покойномъ помѣщикѣ, чему нельзя было сопротивляться.

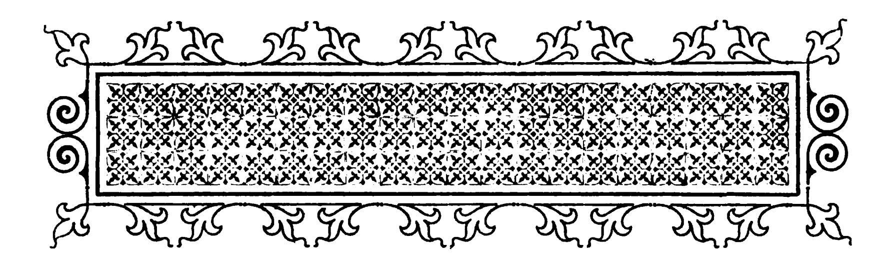
Изъ жалобъ на мировыхъ посредниковъ мы приведемъ одну, весьма интересную. Крестьянинъ (Рѣшетиловской волости, Полтав. губ.) Убей-Волка жаловался Губ. Присутствію, что дѣло о спорныхъ пунктахъ его земли въ теченіе 15-ти лѣтъ переходило отъ миров. посредниковъ въ Съѣздъ, затѣмъ съ планами землемѣра въ Чертежную Губ. Правленія, послѣ того опять въ Съѣздъ и т. д. „Утомленный 15-лѣтнимъ мытарствомъ, откровенно пишетъ Убей-Волка, я думалъ, что достигъ конца страданій, обратившись къ мировому посреднику съ покорнѣйшей просьбой дать дѣлу быстрый ходъ. Но онъ сначала обѣщалъ поскорѣе пріѣхать, не назначивъ срока, затѣмъ говорилъ, что вызоветъ мать-опекуншу несовершеннолѣтняго помѣщика (Попова), но и этого не сдѣлалъ, а сталъ совѣтовать дожидаться совершеннолѣтія помѣщика, который, будто бы, можетъ окончить дѣло миролюбно. Когда же стало извѣстно, что помѣщикъ Поповъ уже достигъ совершеннолѣтія и собирается продать все свое имѣніе, я снова обратился къ

посреднику, но онъ *не нашелъ другого повода къ проволочкѣ, какъ выпроводить крикомъ: не наскучайте!* Если медлительность не соотвѣтствуетъ желанію Августѣйшаго законодателя, назвавшаго учрежденный имъ новый порядокъ судопроизводства „судомъ скорымъ,"—то ее еще можно объяснить многократнымъ переходомъ дѣла отъ одного должностного лица къ другому, изъ одного присутственнаго мѣста въ другое. Но чѣмъ же объяснить бездѣйствіе посредника, который и самъ ничего не дѣлаетъ, и другимъ мѣшаетъ?! Отвѣтчикъ (г. Поповъ) можетъ успѣть продать всю землю и уѣдетъ, а я буду лишенъ возможности отыскивать удовлетвореніе".

Подобнаго рода жалобъ, авторами которыхъ большею частью были письмоводители, немало хранится въ Полтав. Губ. Архивѣ.

Нѣкоторыя дѣла Полтав. Губ. Присутствія за 70-е и 80-е года остались не оконченными; немногіе тянулись почти до конца прошлаго столѣтія. И доселѣ въ Присутствіе не перестаютъ поступать подобнаго рода запутанныя дѣла, главнымъ образомъ, по поводу выкупныхъ сдѣлокъ.

В. Леонтовскій.



Изъ Кіевской жизни XVII и XVIII в.в.

I.

Какъ извѣстно [1]), среди столбцовъ Сибирскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ М-ва Юстиціи, находится около 50 столбцовъ Малороссійскаго приказа, очень слабо использованныхъ въ исторической литературѣ. Кромѣ цѣнныхъ данныхъ для политической исторіи Малороссіи, эта группа столбцовъ содержитъ массу матеріаловъ бытового характера. Особенно богаты послѣдними столбцы, говорящіе о сношеніяхъ Москвы съ кіевскими воеводами [2]). Здѣсь находимъ множество разнообразныхъ свѣдѣній по внутренней исторіи Кіева въ концѣ XVII вѣка. Для примѣра привожу извлеченія изъ столбца № 738 [3]), относящіяся къ 1682 г. и взятыя изъ „отписокъ" кіевскихъ воеводъ, „грамотъ" къ нимъ, „челобитныхъ" кіевлянъ, „выписей" Малороссійскаго приказа, „памятей" его же и другихъ документовъ. Столбецъ № 738 не пагинированъ.

1) Кіевскіе лазутчики.

Въ іюньской отпискѣ въ Москву кіевскихъ воеводъ сообщается, что 29 мая 1682 г. вернулся „изъ Турской земли"

[1]) См. мое „Обозр. столбцовъ и книгъ Сибир. приказа", I, 273—276.

[2]) Столбцы №№ 738, 753, 925, 1587 и др.

[3]) Сюда не вошли извлеченія, уже напечатанныя въ моей статьѣ: „Бытовыя черты XVII в." въ „Рус. Старинѣ", 1892, №№ 6 и 10.

обратно въ Кіевъ „гречанинъ, Печерскаго мѣстечка житель“, Михаилъ Христофоровъ, доставившій отписку къ государямъ отъ русскаго посла въ Царьградѣ дьяка Прокопія Возницына. Отписка его тотчасъ послана въ Москву съ другимъ гонцомъ.

М. Христофоровъ ѣхалъ изъ Царьграда моремъ „въ кораблѣ“ до Дуная и Дунаемъ до Галаца, оттуда черезъ Яссы, Сороку, Цекиновку, Немировъ, Жорнища, Лѣнцы, Кальникъ, Каневъ и Переяславль.

Еще осенью предыдущаго года вернулись съ „вѣстями“ изъ Волошской земли кіевскіе мѣщане Иванъ Шелушинъ и Иванъ Ѳедоровъ, да казакъ города Борзны Иванъ Кишка. По ихъ вѣсти посланы туда же въ февралѣ 1682 г. Кіевскаго рейтарскаго полка рейтаръ Иванъ Черной, а въ маѣ — „житель“ Печерскаго мѣстечка Иванъ Трофимовъ. Оба они вернулись—Черной 31 мая, а Трофимовъ 9 іюня.

2) Кіевскія вѣсти.

Посланный съ воеводскими отписками въ Москву кіевскій стрѣлецъ „приказа“ Якова Лутохина Алексѣй Григорьевъ доѣхалъ туда на 8-й день; 14 іюля, въ „распросныхъ рѣчахъ“ въ Малороссійскомъ приказѣ, онъ, между прочимъ, показалъ: „а какъ онъ изъ Кіева посланъ—и въ Кіевѣ и около Кіева все, далъ Богъ, здорово и смирно, и про непріятельскихъ людей нигдѣ не слыхать“...

3) Польскіе шпіоны въ Кіевѣ.

Въ грамотѣ кіевскимъ воеводамъ, отъ 9 іюля, читаемъ: „государямъ вѣдомо учинилось, что многія знатныя польскія особы повседневно, будто для богомолья, въ Кіево-Печерской монастырь пріѣзжаютъ, а они чинятъ то, провѣдывая о нашихъ государскихъ ратныхъ людяхъ, и о всякихъ поведеніяхъ и осторожностяхъ. И вамъ бы (воеводамъ) впредь въ Кіевъ и въ Печерскій монастырь поляковъ никово... пускать ихъ не велѣть“... Кто же пріѣхалъ туда раньше этого

указа, о тѣхъ допытываться—для чего они пріѣхали, и немедленно отписывать о томъ царямъ.

4) Ссыльные москвичи въ Кіевѣ.

Въ февралѣ 1681 г. сосланъ въ Кіевъ Московской Бронной слободы „тяглецъ“ Савва Давыдовъ Квасникъ, съ женой и дѣтьми, „который пойманъ въ Москвѣ въ воровствѣ—въ церковной противности“... Кваснику велѣно служить въ кіевскихъ стрѣльцахъ (Изъ „памяти“ Малороссійскаго приказа въ приказъ Большой Казны).

5) Кабальные кіевскіе мѣщане.

„Память“ изъ „приказа Московской Надворной Пѣхоты“, отъ боярина кн. Ивана Андреевича Хованскаго съ товарищи, въ Посольскій приказъ къ боярину кн. Василію Васильевичу Голицыну, отъ 17 іюля 1682 г.:

Государи „указали въ Посольскомъ приказѣ выписать: которые кіевляне мѣщанскіе дѣти и черкашеня дадутъ кому на себя служилыя кабалы, и въ приказѣ Холопья Суда будутъ записаны, а послѣ того тѣ мѣщанскіе дѣти и черкашеня, не похотя служить въ кабальномъ холопствѣ, станутъ бить челомъ великимъ государямъ о свободѣ, и такихъ людей изъ холопства свобожать велѣно ли?..“

Къ сожалѣнію, выписи Посольскаго приказа по этому интересному вопросу не сохранилось, хотя на памяти стоитъ помѣта приказа—„выписать“.

6) Русскіе „гулящіе люди“ въ Кіевѣ.

Грамота кіевскимъ воеводамъ, отъ 19 іюля: если изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ „пріѣдутъ или придутъ въ Кіевъ рускіе гулящіе люди безъ проѣзжихъ нашихъ, великихъ государей, грамотъ“, такихъ людей призывать въ воеводскую съѣзжую избу и „роспрашивать — для чего они въ Кіевъ пришли или пріѣхали, и куда кто ѣдетъ, и какова

чину" люди. Разспросныя рѣчи ихъ присылать въ Москву, въ Приказъ Малыя Россіи, къ боярину кн. В. В. Голицыну съ товарищи. Самихъ „гулящихъ людей" до указа изъ Москвы держать въ кіевской тюрьмѣ и никого безъ проѣзжихъ грамотъ не пропускать изъ Кіева въ другіе малороссійскіе города.

7) Московскіе „пѣвчіе дьяки" изъ малороссовъ.

„Челобитная" московскихъ пѣвчихъ дьяковъ Гаврилы Лаврентьева, Ильи Дмитріева Гробовскаго и Матвѣя Кулика:

„Велите, государи, насъ отпустить въ Кіевъ на время— повидиться съ отцами, и съ матерми, и съ родичами, и дать" жалованье на дорогу и проѣзжую грамоту безъ пошлинъ.

„Помѣта" Малороссійскаго приказа, отъ 12 іюля: „дать проѣзжая грамота по указу, а Илью Гробовскаго пропустить къ Москвѣ, какъ поѣдетъ назадъ".

Очевидно, Г. Лаврентьевъ и М. Куликъ совсѣмъ увольнялись отъ службы, хотя о томъ и не просили.

„Челобитная" пѣвчихъ дьяковъ Семена Люблeнецкаго и Павла Юхновскаго:

По указу покойнаго царя Ѳедора Алексѣевича „взяты мы изъ малороссійскихъ городовъ", и „мнѣ, Пашкѣ, противъ моей братьи, прихожева платья, ни суконъ, ни годового денежного и хлѣбного жалованья ничего не выдано", а имъ обоимъ изъ „дворцовъ кормовъ никакихъ не даютъ, и по братѣ вашемъ государевѣ блаженной памяти по великомъ государѣ псалтырь читали, и за то намъ ничего не пожаловано"... Челобитчики просятъ: выдать жалованье и кормы, „или велите, государи, насъ отпустить въ молороссійскіе городы къ сродникамъ, чтобъ намъ, живучи здѣсь, на Москвѣ, не помереть голодною смертью"...

Помѣта приказа, отъ того же 12 іюля: „дать проѣзжая (грамота) по указу тотчасъ", т. е., и эти пѣвчіи дьяки отпускались на родину съ увольненіемъ отъ службы.

8) Выкупъ кіевляниномъ полоненника.

Кіевскому жителю гречанину Николаю Иванову, „что онъ выкупилъ изъ полону въ Турской землѣ“ пензенскаго попа Ивана Григорьева и доставилъ его изъ Царьграда въ Москву, дано „окупу“ и за привозъ попа собольми на 60 рублей.

9) Кіевскія цѣны на хлѣбъ.

Въ іюлѣ 1682 г. „осмачка“ ржи стоила въ Кіевѣ 9 алтынъ, а овса $1^{1}/_{2}$ гривны (изъ разспросныхъ рѣчей въ Москвѣ кіевскаго гонца Аггѣя Микитина, рядового надворной пѣхоты полка Петра Гордона; Микитинъ выѣхалъ изъ Кіева 19 іюля).

10) Кіевскія „торговыя бани“.

Изъ „грамоты“ кіевскимъ воеводамъ, отъ 28 іюля:

Билъ челомъ Трофимъ Микифоровъ, стрѣлецъ „приказа“ Петра Борисова: въ 1680 г. служилъ онъ въ Кіевѣ, въ стрѣлецкомъ „приказѣ“ Игната Логинова, „и въ Верхнемъ городѣ, у трубы, купилъ 2 торговыя бани у смоленскихъ стрѣльцовъ, со всякимъ строеніемъ, далъ за нихъ 60 рублевъ“. Когда онъ былъ отпущенъ съ кіевской службы въ Москву, кіевскій воевода думный дворянинъ Леонтій Романовичъ Неплюевъ „тѣхъ бань продать ему не далъ, и со всякимъ заводомъ велѣлъ запечатать“. А „заводу“ у него было въ баняхъ на 15 рублей 26 алтынъ 4 деньги, „да 6 колодезевъ“. „И нынѣ тѣ бани отдаютъ въ Кіевѣ изъ приказной избы на оброкъ“ (т. е. въ пользу государевой казны). Челобитчикъ проситъ, чтобы его „купленныя торговыя бани“ не были „безвинно отняты“ у него и чтобы заплатили ему изъ государевой казны стоимость бань и баннаго „завода“ (чаны, ведра и проч.), т. е. 75 р. 26 алт. 4 деньги.

Въ кіевскомъ „смѣтномъ спискѣ“ 1681 года написано: „взято оброчныхъ денегъ съ 2 бань, которыя въ Кіевѣ въ Верхнемъ городѣ во рву, противъ Кожемяцкой слободы, 15

рублевъ. А чьего строенья тѣ бани и съ какихъ доходовъ строены"—о томъ „смѣтной списокъ" не говоритъ.

Дьяки кіевской приказной избы Константинъ Михайловъ и Иванъ Казаковъ, подтвердили, что одна баня дѣйствительно была продана смоленскими стрѣльцами „стрѣльцамъ" приказа Игната Логинова, но кому именно—они „не вѣдаютъ". Баня стояла въ томъ мѣстѣ, гдѣ „черезъ ровъ валенъ валъ земляной". Полковники стрѣлецкихъ „приказовъ" совѣтовали воеводѣ Л. Р. Неплюеву уничтожить эту баню, такъ какъ „отъ той бани и отъ вешніе воды земляному валу чинится поруха". Воевода осмотрѣлъ мѣсто и рѣшилъ закрыть ту баню. Она „стояла пуста многое время". Когда стрѣльцы приказа Логинова ушли въ Москву, пришедшіе на ихъ смѣну стрѣльцы приказа Лаврентья Сухарева били челомъ объ отдачѣ имъ той бани „на оброкъ". Воевода отдалъ стрѣльцамъ баню въ оброчное пользованіе.

Грамота предписываетъ кіевскимъ воеводамъ, въ виду челобитья стрѣльца Трофима Микифорова и для разъясненія его правъ на кіевскія торговыя бани, „выписать" изъ документовъ приказной избы о времени и обстоятельствахъ построенія бань: строены-ли они на средства государевой казны или ратныхъ людей, и кого именно?—„Выписи" не сохранилось, и конецъ дѣла неизвѣстенъ.

11) Челобитье Михайловскаго монастыря о дачѣ лѣса на постройки.

Игуменъ Михайловскаго монастыря іеромонахъ Θеодосій Гугуревичъ съ братіей бьютъ челомъ:

Бывшіе на кіевской службѣ московскіе полковники разныхъ полковъ „выпустили (т. е. срубили) лѣсу всякого" изъ кіевскихъ лѣсовъ болѣе 50 тысячъ бревенъ, досокъ и проч., но воспользоваться имъ не успѣли, „и нынѣ тотъ лѣсъ лежитъ, ни во что его не употребляютъ. А у насъ въ обители братовъ больше 50 человѣкъ. „Кельи всѣ погнили и обвалились, а построить за скудостью нечѣмъ". . Просятъ—отпустить лѣсу на постройку 10 келій.

Изъ „выписи" Малороссійскаго приказа видно, что „мостовыхъ и городовыхъ лѣсныхъ всякихъ припасовъ" была заготовлена масса: 1224 бревна „разныхъ статей": брусы, тесницы, сосновыя доски и проч. Лѣсъ этотъ велѣно „беречь на городское дѣло", а на другіе расходы не употреблять, напр, не позволять полковникамъ и другимъ „начальнымъ людямъ" изъ того же лѣса „новые себѣ дворы строить и *хоромы продавать*".

Царскій приговоръ, отъ 12 іюля: „великіе государи, слушавъ сей выписки, пожаловали того монастыря игумена съ братіею — велѣли имъ на строеніе келей дать лѣсу что небольшое, по разсмотрѣнію, изъ тѣхъ лѣсныхъ припасовъ, которые готовлены на городовое дѣло и что готовили полковники на себя на продажу"... Весь этотъ лѣсъ — „и прежняго готовленья, и что велѣно у полковниковъ отписать,— переписать и беречь для городового и мостового дѣла... А безъ указу тѣхъ припасовъ никому и ни на какое дѣло, кромѣ города и мосту, и вновь лѣсу ронять и выгонять— отнюдь не давать и не велѣть"...

12) Кіевскіе лѣса.

Грамота (въ іюлѣ) кіевскимъ воеводамъ: разрѣшается „лѣсъ готовить для городового дѣла, и на городовыя всякія починки, и на строенье избъ" для ратныхъ людей, „а *заказныя деревья* и *бортей* отнюдь никому сѣчь и портить не велѣно, чтобъ оттого малороссійскихъ городовъ жителямъ обиды и утѣсненія не было. И нынѣ вѣдомо намъ, великимъ государямъ, учинилось, что *около Кіева* не въ указныхъ мѣстахъ *лѣса сѣкутъ* на продажу и на иные расходы, а не на городовое дѣло", чѣмъ заняты ратные люди по приказу полковниковъ и другихъ начальныхъ людей, „и оттого кіевскимъ монастырямъ и тамошнимъ жителямъ чинится великое утѣсненіе и убытки большіе". Грамота предписываетъ учинить „заказъ крѣпкій", чтобы лѣсъ рубился только на „городовое дѣло", т. е. на подѣлки и починки кіевскихъ укрѣпленій.

Грамота вызвана предыдущимъ дѣломъ по челобитью Михайловскаго монастыря.

13) Дезертиры изъ кіевскихъ полковъ.

Майская отписка кіевскихъ воеводъ говоритъ, что за 8 мѣсяцевъ (сентябрь 1681 г,—апрѣль 1682 г.) изъ расположенныхъ въ Кіевѣ московскихъ полковъ бѣжало солдатъ, стрѣльцовъ и пушкарей 33 человѣка.

14) Челобитье кіевскихъ стрѣльцовъ.

Бьютъ челомъ стрѣльцы „приказа“ Якова Лутохина— пятидесятники, десятники и рядовые, что они „на полковника работу всякую работаютъ, и въ бору для работы живутъ безпрестанно, нужу и бѣдность терпятъ“. Кто отказывается отъ работъ, тѣхъ Лутохинъ „бьетъ батоги безъ рубахъ, безо всякой пощады“... Отъ этихъ „великихъ работъ“ челобитчики „оскудали и одолжали“, нѣкоторые же сбѣжали со службы... Просятъ, чтобы Лутохинъ не заставлялъ ихъ „на себя и на друзей работать“...

Грамота, отъ 22 іюня, предписываетъ приказать „накрѣпко“ Лутохину, чтобы онъ не чинилъ стрѣльцамъ своего „приказа“ никакихъ „обидъ и налогъ“ и не заставлялъ ихъ работать „на себя и на друзей“, иначе быть ему „въ жестокомъ наказаньѣ и въ разореньѣ“. А „какія взятки“ онъ станетъ имать съ стрѣльцовъ и отъ послѣднихъ будутъ о томъ челобитья—и то на немъ „доправлено будетъ втрое“ въ пользу челобитчиковъ.

15) Корчемство въ Софійскомъ и Михайловскомъ монастыряхъ.

27 апрѣля капитанъ московскихъ стрѣльцовъ Василій Везевской, „которому приказана въ Кіевѣ корчемныхъ питей выемка“, подалъ воеводамъ такое „письмо“:

„Въ Кіевѣ, въ Верхнемъ городѣ, въ Софійскомъ и Михайловскомъ *монастыряхъ продаютъ врозь вино и медъ* всякихъ чиновъ людямъ"...

Это донесеніе Везевскаго о заведенной въ кіевскихъ монастыряхъ розничной продажѣ питей (вѣроятно и распивочно, и на выносъ) подтвердили голова кіевскаго кружечнаго двора Григорій Андреевъ и кружечные цѣловальники. Они подали воеводамъ „скаску", гдѣ заявляютъ, что монастырскіе вольные кабаки наносятъ немалый ущербъ государевой казнѣ: на кружечномъ дворѣ „въ сборѣ вашей, великихъ государей, денежной казнѣ чинится *недоборъ* оттого, что изъ Соѳѣйского и Михайловскаго монастырей питье продаютъ всякихъ чиновъ людямъ"...

Въ своей отпискѣ въ Малороссійскій приказъ воеводы спрашиваютъ: „великіе государи... что укажете?"

Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ отвѣтъ „великихъ государей". Странно, что на отпискѣ нѣтъ никакой „помѣты" (приговора) Малороссійскаго приказа. Вѣроятно, дѣло было передано въ Патріаршій приказъ.

16) Посылка въ Москву изъ Кіева самбуковаго цвѣта, волоскихъ орѣховъ и пр.

Грамотою изъ Малороссійскаго приказа велѣно кіевскимъ воеводамъ „въ Кіевѣ собрать и построить *цвѣту самбуковаго* сушеного полъ осмины, тогожъ цвѣту осолить безъ воды въ боченокъ 5 ведеръ и набить накрѣпко, и санбуковыхъ же *ягодъ*, выжавъ сокъ и сварить, чтобы былъ густъ— полведра, да изъ самбуковыхъ же ягодъ набравъ *зеренъ* и насушить 10 фунтовъ, да незрѣлыхъ *орѣховъ волоскихъ* положить въ боченокъ 10 ведръ въ уксусъ, да *коры* зеленой, что бываетъ около зрѣлыхъ орѣховъ волоскихъ — полпуда, коры жъ сушеной съ *коренья* деревъ волоскаго орѣха 10 фунтовъ". Все это прислать въ Москву.

Отвѣчая на эту грамоту, кіевскіе воеводы князь Петръ Семеновичъ Прозоровскій съ товарищи въ своей отпискѣ,

въ іюлѣ 1682 г., сообщаютъ, что они уже исполнили часть порученій, именно, послали въ Москву — самбуковый цвѣтъ, кору орѣховаго дерева, и незрѣлые волоскіе орѣхи. Все это отправлено 14 іюля съ кіевскимъ стрѣльцомъ Исаемъ Ивановымъ, который долженъ доставить посылку въ Малороссійскій приказъ, къ боярину кн. В. В. Голицыну съ товарищи.

Незрѣлыхъ волоскихъ орѣховъ куплено 3400 штукъ за 1 рубль 7 алтынъ 4 деньги. Орѣхи положены въ боченки, въ уксусѣ. За 8 ведеръ уксуса заплочено 1 рубль 6 алтынъ 4 деньги. Боченки (сколько именно — не сказано) обошлись въ 6 алтынъ 4 деньги.

Остальные припасы (сокъ и зерна самбуковыхъ ягодъ и зеленая кора зрѣлыхъ волоскихъ орѣховъ) воеводы пришлютъ, когда самбуковыя ягоды и волоскіе орѣхи поспѣютъ въ Кіевѣ.

Къ отпискѣ кіевскихъ воеводъ приложена „память“ изъ Аптекарскаго приказа въ Малороссійскій, отъ 3 августа, объ отправкѣ полученныхъ изъ Кіева припасовъ „на аптекарскій огородъ, что за Каменнымъ мостомъ“ (въ Москвѣ).

II.

Кіевская жизнь въ концѣ XVIII-го в. довольно ярко вырисовывается изъ излагаемаго ниже дѣла мѣщанки М. Квятковской, въ которой мы видимъ типичную кіевлянку своего времени, властную, рѣшительную, но не особенно разборчивую въ средствахъ представительницу торговаго класса Кіева. Кіевлянки испоконъ вѣка держали торговлю въ своихъ рукахъ; еще при первыхъ кіевскихъ князьяхъ между Десятинной церковью и княжескимъ теремомъ (теперь уголъ Большой Владимірской и Трехсвятительской улицъ) существовалъ „Бабинъ торжокъ“, спустившійся позже на Житній базаръ на Подолѣ. Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, описывая въ 1653 г. Кіевъ и широкое развитіе въ немъ торговли, отмѣчаетъ любопытную подробность, что торговля привозными товарами про-

иеводится въ прекрасныхъ лавкахъ и удивительныхъ магазинахъ и что для торговли избираются женщины; „онѣ проворно надѣваютъ на себя все спрашиваемое изъ шелковыхъ или соболиныхъ издѣлій, но никто не смотритъ на нихъ постыднымъ взоромъ". Торговля въ шинкахъ также производилась женщинами; имя одной изъ нихъ сохранилось даже въ народной думѣ, именно, „Насти Горовой (т. е. сидящей на „горѣ", подъ которой разумѣется кіевская гора съ расположеннымъ на ней литовскимъ замкомъ и развалинами княжескаго города), шинкарки молодой", ставшей впослѣдствіи, какъ нѣкоторые, не безъ основанія, думаютъ, женой гетмана Петра Сагайдачнаго. Такой же характеръ кіевскихъ женщинъ-шинкарокъ невысокой нравственности отмѣчаетъ и московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ, посѣтившій Кіевъ въ 1701 году. „Сердечная вѣра у нихъ велія къ Богу, пишетъ онъ, и къ нищимъ податливы вельми; да шинки ихъ въ конецъ разорили да к...ы; изъ того у нихъ сильно скаредно, и добрый человѣкъ худымъ будетъ". Къ этому же типу кіевлянокъ принадлежитъ и М. Квятковская. Слѣдуетъ имѣть однако въ виду, что вышеуказанный типъ кіевлянокъ служитъ, быть можетъ, лишь болѣе яркимъ выраженіемъ характера вообще южно-русской женщины, къ сожалѣнію мало до сихъ поръ изученнаго.

Дѣло Квятковской имѣетъ значеніе и для характеристики тогдашнихъ судебныхъ порядковъ.

Оно хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи подъ № 29, по 4-й описи дѣлъ бывшей Кіевской Уголовной Палаты (вязка 3-я).

Дѣло кіевской мѣщанки М. Квятковской (1788—1789 г.)

Въ іюнѣ 1788 г. Кіевскій нижній земскій судъ препроводилъ въ Городовой Магистратъ произведенное первымъ „слѣдствіе" по дѣлу кіевской мѣщанки Мароы Квятковской, подозрѣваемой въ утопленіи своего двоюроднаго брата губерн-

скаго регистратора Тимофея Лехнецкаго, служившаго приказчикомъ на арендуемомъ ею казенномъ винокуренномъ заводѣ при с. Жорновкѣ.

Нижній земскій судъ снялъ показанія съ казенныхъ крестьянъ с. Жорновки — съ войта Матвѣя Мельниченка, десятника Андрея Кириленка, крестьянъ Мартына Козла, Никифора Копыла, Максима Бортниченка и др. Сущность ихъ показаній въ слѣдующемъ:

При с. Жорновкѣ находился хуторъ Квятковской и казенный винокуренный заводъ, который она держала „по откупу", вмѣстѣ съ нѣсколькими „питейными домами" въ окрестностяхъ. Съ осени 1787 г. приказчикомъ завода состоялъ Лехнецкій. По общимъ отзывамъ, онъ велъ себя „добропорядочно", не пилъ и т. п.

Исчезъ онъ 27 апрѣля 1788 г. Около полудня видѣли его въ лодкѣ на „ставу" при „гребельной мельницѣ" хутора Квятковской, а затѣмъ онъ вдругъ исчезъ.... Когда хватились его, увидѣли пустую лодку, а въ ней „плащь и шляпу" Лехнецкаго; затѣмъ къ берегу прибило весло съ привязаннымъ къ нему шейнымъ платкомъ Лехнецкаго.

Собравшіеся крестьяне с. Жорновки и дворовые люди Квятковской („воловикъ" Осипъ Хмара и др.) порѣшили, что Лехнецкій бросился въ воду и утонулъ.... Крестьянинъ Игнатъ Халайменко объѣхалъ на лодкѣ весь ставъ, но Лехнецкаго не нашелъ. Прошли ставъ неводомъ и также ничего не нашли. На 3 день Квятковская распорядилась разодрать греблю и спустить ставъ, но и послѣ этого трупъ Лехнецкаго не обнаружился. Только черезъ недѣлю послѣ 27 апрѣля Халайменко нашелъ утопленника въ ямѣ, посреди става, откуда вода не могла сойти.

Трупъ Лехнецкаго весь заплылъ тиною и, когда ее счистили, увидѣли, что къ лѣвой ногѣ привязана веревкою желѣзная пудовая гиря.... Одѣтъ онъ былъ въ рубаху, штаны, „камзолъ" и „нѣмецкіе сапоги". Въ карманѣ найдено 7 ключей отъ погребовъ и амбаровъ.

Сначала трупъ лежалъ на берегу става, затѣмъ Квятковская велѣла внести его въ свой „дворецъ" (показаніе крестьянъ). При „опрятываніи" тѣла крестьянкою Маріей Штундихой присутствовали нѣкоторые крестьяне, не нашедшіе на тѣлѣ никакихъ „боевыхъ" знаковъ.

Священникъ с. Заборья о. Андрей Корнѣевъ похоронилъ Лехнецкаго „церковнымъ обыкновеніемъ", но не на кладбищѣ, а за оградою его.

Ходилъ слухъ, что Лехнецкій утопился вслѣдствіе того, что Квятковская держала его сутки „въ колодѣ" и до крови избила его по щекамъ.... Случилось же это послѣ того, какъ Лехнецкій на пасхальной недѣлѣ „бѣжалъ" отъ Квятковской, оставивши ей какую-то „бумагу", но на 3 день былъ пойманъ въ Кіевѣ и доставленъ на хуторъ Заборскимъ шинкаремъ Степаномъ Быбыкомъ и Кожуховскимъ крестьяниномъ Власомъ Ковалемъ. На хуторѣ Квятковская избила его, а на 4 день послѣ того онъ утонулъ....

Утромъ 28 апрѣля „воловикъ" Осипъ Хмара и „мѣрошникъ" Корнѣй Мельниченко видѣли Лехнецкаго на ставу въ лодкѣ и звали его для распоряженій по хозяйству, но онъ „махнулъ рукою" и сказалъ, что „заразъ будетъ".... Когда же его не дождались и бросились искать, то нашли уже пустую лодку. При первыхъ же поискахъ присутствовала и Квятковская.

Жорновскій войтъ не донесъ о происшествіи ни „земскому исправнику", ни „волостному старостѣ", полагая, что донесеніе пошлетъ сама Квятковская. Но и та промолчала.... Дѣло же возникло по слухамъ, дошедшимъ до властей.

Въ день избіенія Лехнецкаго Квятковскою онъ приходилъ къ крестьянину Михайлѣ Жарану, гдѣ засталъ другихъ крестьянъ и Заборскаго священника, пріѣхавшаго „на проводы". Всѣмъ онъ жаловался на Квятковскую, что она его „огорчила".... Затѣмъ схватилъ ножъ и хотѣлъ зарѣзаться, говоря: „пробилъ бы себя тѣмъ ножомъ за безчестье!.." Жаранъ вырвалъ у него ножъ.

Работнику на винокуренномъ заводѣ Ивану Литвину Лехнецкій признавался, что Квятковская ударила его 3 раза

по щекѣ и разбила до крови. Еще до своего бѣгства онъ говорилъ Литвину: „буде Квятковская не сыщетъ другаго прикащика, я уйду со двора въ Кіевъ и безъ ея позволенія.... Тамъ буду съ нею расчетъ имѣть!..“

19 апрѣля, когда сбѣжалъ съ хутора Лехнецкій, Квятковская призвала своего Заборскаго шинкаря Степана Остапенка (онъ же Быбыкъ) и узнавши, что Лехнецкій у него не былъ, бросилась искать его по другимъ мѣстамъ. Взявши съ собою Остапенка, она поѣхала „на дрожкахъ“ въ Онуфріевскую пустынь („пустынку“) на обѣдню, а оттуда въ дер. Кожуховку, между прочимъ, для покупки овса и для отобранія у крестьянина Власа Коваля лошади, проданной ему Лехнецкимъ безъ вѣдома хозяйки. Коваль признался, что купилъ лошадь за 5½ рублей и въ уплату отдалъ 1 р. Лехнецкому, пріѣзжавшему къ нему верхомъ незадолго передъ Квятковской. Изъ Кожуховки онъ поѣхалъ въ с. Глеваху.

Квятковская немедленно послала Остапенка и Коваля на своей лошади въ догонку за Лехнецкимъ, а сама на нанятой подводѣ вернулась въ Жорновку.

Посланные поѣхали въ Глеваху, но дорогою какіе-то люди сообщили, что Лехнецкій отправился въ Кіевъ. Они бросились туда же, на Подолъ, въ домъ Квятковской, находившійся на Набережно-Никольской улицѣ. Сынъ хозяйки поручикъ Семенъ Квятковскій взялъ двороваго человѣка матери и отправился въ бывшую квартиру Лехнецкаго, гдѣ онъ жилъ до отъѣзда въ Жорновку, въ домѣ мѣщанки Настасьи Боровички, около церкви Притиска-Николая. Поручикъ уговорилъ Лехнецкаго перейти въ домъ матери, а на другой день послѣдній якобы „добровольно“ поѣхалъ въ Жорновку съ Остапенкомъ и Ковалемъ.

Послѣдніе передали такой разговоръ Лехнецкаго съ Квятковскою, въ ея „горницѣ:“

— „Зачѣмъ ты отъ меня бѣжалъ и бросилъ препорученную тебѣ экономію?..“

— „Не хочу болѣе быть приказчикомъ.... У меня въ Кіевѣ есть надобность.... а здѣсь я *отдалъ свою душу дьяволу!..*"

Говорилъ онъ и другія „богопротивныя слова", схватилъ ножъ и хотѣлъ зарѣзаться, но Квятковская вырвала ножъ, била его по щекамъ до крови, сорвала плащъ и сюртукъ, наконецъ велѣла Остапенка вывести его на дворъ и тамъ забить его лѣвую ногу въ „неподвижную колодку". Въ такомъ положеніи Лехнецкій просидѣлъ на дворѣ цѣлыя сутки; впрочемъ, пищу ему давали.

Это происходило 22 апрѣля. На другой день Квятковская уѣхала въ Кіевъ, поручивъ Остапенку наблюдать за Лехнецкимъ, чтобы онъ снова не сбѣжалъ и „самъ себѣ смерть не причинилъ."

Когда Квятковская уѣхала, дочери ея Марина и Анна велѣли освободить Лехнецкаго изъ колодки, взяли его въ горницы, утѣшали, ѣздили съ нимъ въ полѣ кататься. Все время былъ съ нимъ и Остапенко.

24 апрѣля, въ день „проводовъ", Лехнецкій ходилъ съ Остапенкомъ къ крестьянину Жарану, гдѣ жаловался Заборскому священнику, что „находится подъ карауломъ.... Квятковская такъ его оскорбила, что явиться ему въ Кіевъ стыдно..."

25 апрѣля вернулась на хуторъ Квятковская и уговаривала Лехнецкаго остаться у нея. Тотъ, повидимому, согласился и снова принялъ экономію.

Въ послѣдніе дни передъ смертью Лехнецкій часто бывалъ пьянъ. Пьянымъ онъ былъ у Жарана, какъ покалъ Заборскій священникъ, пріѣзжавшій въ Жорновку „для отправленія на могилкахъ панихиды". Лехнецкій спалъ у Жарана, но проснулся, когда началось пѣніе, и сѣлъ на кровати. Послѣ отпуска онъ произнесъ вышеупомянутую жалобу на Квятковскую.

По словамъ Коваля, когда онъ съ Остапенкомъ доставилъ Лехнецкаго на хуторъ изъ Кіева, Квятковская воротила его и говорила сначала съ нимъ очень мирно и „снисходи-

тельнымъ образомъ", но затѣмъ разгорячилась, когда онъ сталъ отказываться жить и служить у ней.

Сама Квятковская показала слѣдующее: въ декабрѣ 1787 г. двоюродный братъ ея, губернскій регистраторъ Тимофей Лехнецкій, явился къ ней съ отпускнымъ билетомъ на 29 дней изъ Кіевскаго Уѣзднаго Суда и просилъ принять на должность приказчика, выражая желаніе совсѣмъ бросить казенную службу. Она согласилась. До весны 1788 г. онъ велъ себя на ея хуторѣ „добропорядочно", за что и она относилась къ нему „ласково и безобидно"...

19 апрѣля она пріѣхала ночью на хуторъ съ 3 дочерьми и съ гостями—стряпчимъ Губернскаго Магистрата титулярнымъ совѣтникомъ Романомъ Сладковскимъ и кіевскимъ купцомъ Ѳедоромъ Барановичемъ. Лехнецкій побылъ сначала съ ними въ горницахъ, потомъ ушелъ, а утромъ она узнала, что онъ ночью уѣхалъ куда-то верхомъ. Она искала его въ Онуфріевой пустынѣ и въ Кожуховкѣ. Черезъ день его привезли изъ Кіева. Онъ былъ „напилой" (пьяный) и говорилъ Квятковской, что „ѣздилъ въ Кіевъ погулять и не хочетъ больше жить прикащикомъ"... За какія-то „богопротивныя слова" она ударила его по губамъ, пошла кровь. Затѣмъ велѣла посадить его въ холодную... Уѣзжая въ Кіевъ, она приказала „малолѣтнимъ дѣтямъ" своимъ „выпустить" его изъ колодки. Вернувшись на хуторъ, уговорила Лехнецкаго остаться попрежнему прикащикомъ въ ея экономіи.

27 апрѣля, по ея просьбѣ, пріѣхалъ изъ Кіева купецъ Барановичъ, чтобы провѣрить счеты Лехнецкаго по книгамъ экономіи. Но послѣдній скрылся и, какъ потомъ оказалось, утонулъ.. Квятковская рѣшительно отвергаетъ, чтобы она была причиной смерти Лехнецкаго, но что именно заставило его покончить съ собою—она не знаетъ.

Тѣло его нашли 1 мая, съ пудовой гирей на ногахъ, взятой имъ изъ мучнаго амбара. Квятковская не доносила суду о смерти Лехнецкаго, полагая, что это сдѣлаетъ Жорновскій войтъ.

Показаніе Сладковскаго: въ вечеръ пріѣзда ихъ на хуторъ, Лехнецкій поговорилъ въ горницахъ съ Квятковской, затѣмъ съ нею вышелъ... на другой день его уже не было на хуторѣ. Онъ скрылся, оставивши какую-то записку Барановичу. Квятковская думала, что Лехнецкій уѣхалъ „къ состоящему на форпостѣ“ ротмистру Умянцеву, „для опредѣленія въ службу“. Она написала къ ротмистру, требуя вернуть къ ней Лехнецкаго. Но ротмистръ не далъ отвѣта. Между тѣмъ она узнала, что Лехнецкій въ Кожуховкѣ, куда и отправилась на другой день. Черезъ день Остапенко и Коваль „*насильно*“ захватили Лехнецкаго въ Кіевѣ и привезли на хуторъ.

Произошла извѣстная сцена избіенія Лехнецкаго Квятковскою. Когда тотъ былъ посаженъ въ колодку, Квятковская собиралась сѣчь Лехнецкаго; Сладковскій отговаривалъ, но она сильно бранила и божилась высѣчь брата... Сладковскій выходилъ къ избитому Лехнецкому, сидѣвшему безъ верхняго платья въ колодкѣ. Несчастный жаловался, что Квятковская его безвинно бьетъ и „мучитъ“...

Сладковскій сталъ уговаривать его, „чтобы онъ, какъ молодой человѣкъ, воздержался отъ шалостей“... Лехнецкій, „плачучи, клялся ему, что онъ ни въ чемъ не виновенъ и напрасно обговоренъ Квятковской якобы въ забратіи денегъ и другихъ проступкахъ“...

Лехницкій разсказывалъ тогда же Сладковскому, что „завезенъ Квятковской въ хуторъ и почти *обманнымъ* образомъ, не больше какъ на 3 дня для счета книгъ, кои посчитавши сколько ни просилъ ее объ отпускѣ въ Кіевъ къ должности, но она *не отправила*“... А теперь воспользовавшись случаемъ, тайно уѣхалъ въ Кіевъ по своимъ дѣламъ, но оттуда „насильно взятъ“ присланными мужиками и доставленъ на хуторъ „для истязаній“... „За сдѣланное поруганіе“ онъ чѣмъ-то грозилъ Квятковской—„дѣлалъ на ее *похвалки*“...

Вернувшись въ горницы, Сладковскій просилъ Квятковскую освободить Лехнецкаго, но она, „разсердившись“, снова

грозила „бить его розгами“... На другой день, уѣзжая съ Квятковской въ Кіевъ, Сладковскій просилъ дочь ея освободить по отъѣздѣ ихъ Лехнецкаго изъ колодки. Дорогой Квятковская просила его не разсказывать въ Кіевѣ о ея поступкѣ съ Лехнецкимъ...

Уѣзжая тайно съ хутора, Лехнецкій оставилъ Барановичу записку, что „оставляетъ ключи и всю экономію и что съ нимъ (Барановичемъ) развѣдается тамъ, гдѣ надлежитъ“... Возвращаясь въ Кіевъ, Барановичъ встрѣтилъ Лехнецкаго, везеннаго 2 мужиками, „подъ с. Заборьемъ, въ бору“. Наканунѣ этого отвоза на хуторъ, Лехнецкій ходилъ въ Кіевѣ куда-то „гулять“ съ сыномъ Квятковской Семеномъ.

Кіевскій уѣздный судъ, гдѣ служилъ Лехнецкій, доставилъ свѣдѣніе, что онъ не выдавалъ ему никакого увольнительнаго свидѣтельства на отлучку изъ Кіева, т. е., что его отлучка была самовольная.

Въ „повальномъ обыскѣ“ почти всѣ сосѣди Квятковской, по ея кіевскому дому, показали въ ея пользу. Одинъ отставной корнетъ Иванъ Мартосъ слѣлалъ враждебное Квятковской показаніе. Онъ рѣшительно заявилъ, что Квятковская—„непорядочнаго и непостояннаго поведенія“. Такъ, въ прошломъ году она „сожитіе имѣла непостоянное“ съ артиллерійскимъ капитаномъ Карломъ Герынкомъ. Грубо и жестоко обращалась съ своею прислугою: безъ пощады избила одну женщину, „ободрала до рубахи“ и велѣла слугамъ „выбить за ворота“... Съ сыномъ, поручикомъ Семеномъ Квятковскимъ, вѣчно ссорилась. Поручикъ однажды сказалъ Мартосу: „не дождется матушка, чтобы меня вбить и втопить, какъ *прикащика* въ хуторѣ *била и втопила*!“...

Нижній земскій судъ началъ слѣдствіе по указу Кіевскаго Намѣстническаго Правленія, куда поступило „представленіе“ о томъ губернскаго прокурора Краснокутскаго; послѣдній возбудилъ дѣло, не объясняя, откуда узналъ о немъ, онъ говорилъ только, что „дошло-де къ свѣдѣнію его“ извѣстіе о скоропостижной смерти Лехнецкаго и т. д.

Нижній Земскій судъ ѣздилъ съ уѣзднымъ стряпчимъ въ Жорновку, допрашивалъ работниковъ и сосѣдей Квятковской и другихъ лицъ, но вскрытія тѣла не сдѣлалъ...

Вообще замѣтно, что судебныя и административныя власти низшаго ранга, въ рукахъ которыхъ было слѣдствіе, видимо благоволили къ Квятковской и всячески старались выгородить ее... Несомнѣнно, имъ было чѣмъ поживиться около богатой вдовы...

Квятковская не была даже арестована, а только обязалась подпискою о невыѣздѣ изъ Кіева до рѣшенія дѣла

Изъ дополнительныхъ данныхъ, собранныхъ Нижнимъ земскимъ судомъ, слѣдуетъ еще отмѣтить нѣкоторыя: Квятковская очень волновалась, когда Лехнецкій исчезъ и его искали въ ставу... Неводъ былъ закинутъ два раза.

Заборскій священникъ заявилъ, что похоронилъ Лехнецкаго, какъ „нечаянно утопшаго".

Квятковская была грамотна и собственноручно подписала показаніе: „Марѳа Квятковска" (л. 52). Почеркъ ея правильный, твердый.

Лехнецкій опредѣленъ въ Кіевскій уѣздный судъ въ 1786 г. Въ 1787 г. онъ былъ прикомандированъ къ Кіевскому уѣздному землемѣру. Въ августѣ этого года судъ узналъ, что Лехнецкій неизвѣстно куда отлучался и „въ должности не бываетъ", о чемъ судъ увѣдомилъ Управу Благочинія, требуя разыскать исчезнувшаго чиновника. Въ октябрѣ Управа прислала Лехнецкаго въ Уѣздный судъ. Въ ноябрѣ Лехнецкій подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности, о чемъ судъ сообщилъ Намѣстническому Правленію; но резолюція послѣдняго еще не состоялась, а Уѣздный судъ не давалъ Лехнецкому временнаго увольнительнаго свидѣтельства.

Законченное Нижнимъ земскимъ судомъ слѣдствіе было передано въ 1788 г. въ Кіевскій Городовой Магистратъ (бургомистръ Павелъ Лобко). По его распоряженію, въ іюлѣ того года, Квятковская поручена ея приходскому священнику Крестовоздвиженской церкви о. Андрею Ярославскому „на духовное увѣщаніе, со истязаніемъ совѣсти"...

Священникъ доложилъ магистрату, что Квятковская не прибавила ничего новаго къ прежнимъ показаніямъ и не объяснила причины смерти Лехнецкаго.

При вторичномъ „духовномъ увѣщаніи", въ августѣ того же года, чрезъ священника Добро-Николаевской церкви о. Степана Кропивницкаго, Квятковская осталась при прежнихъ показаніяхъ.

„Большой повальный обыскъ", произведенный по распоряженію Городоваго Магистрата, не далъ ничего новаго. Большинство сосѣдей (купцы Семенъ Подольскій и Діонисій Колодка, мѣщане Иванъ Марченко, Василій Безбородченко и друг., отставной корнетъ Иванъ Мартосъ и проч.) распространялись, главнымъ образомъ, о ссорахъ Квятковской съ сыномъ.

31 августа Городовой Магистратъ постановилъ такое „мнѣніе": такъ какъ Квятковская держала у себя Лехнецкаго безъ всякаго письменнаго вида и при этомъ держала его въ должности приказчика „противу желанія" его, обращалась съ нимъ жестоко—била до крови, издѣвалась надъ нимъ, держала „въ неподвижной колодѣ", каковымъ обращеніемъ и особенно угрозами высѣчь Лехнецкій былъ „доведенъ до отчаянія" и „рѣшился прекратить свою жизнь, дабы не потерпѣть и вящшаго истязанія", то Квятковская является причиною смерти Лехнецкаго, а посему „надлежитъ, въ страхъ другимъ, а Квятковской впредь во исправленіе, содержать ее *въ смирительномъ домѣ* чрезъ *мѣсяцъ*", затѣмъ взять съ нея „подписку", что впредь она будетъ обращаться съ подчиненными ей людьми „кротко, человѣколюбно" и т. п.

Городовой Магистратъ замѣчаетъ, что съ Семена Квятковскаго показаніе не снято, какъ съ „подозрительнаго человѣка", состоящаго подъ судомъ „по уголовному преступленію".

Въ сентябрѣ 1788 г. дѣло Квятковской перешло въ Кіевскій Губернскій Магистратъ („предсѣдатель" Яковъ Давидовскій), который отмѣнилъ приговоръ Городоваго Магистрата и постановилъ такое рѣшеніе:

1) Взять съ Квятковской „*очистительную присягу*" (Воен. Устава гл. 5, пунктъ 4) въ томъ, что она, кромѣ признан-

наго ею нанесенія Лехнецкому одного удара по лицу, болѣе не била его, не грозила высѣчь его розгами и „ни малѣйшею причиною его утопленія не состоитъ"...

2) За держаніе Лехнецкаго безъ письменнаго вида и за недонесеніе о его смерти—„содержать" Квятковскую „на хлѣбѣ и водѣ при Управѣ Благочинія чрезъ недѣлю".

3) Обязать ее „подпискою", что не будетъ держать у себя людей безъ письменнаго вида.

Это рѣшеніе было передано „на ревизію" въ Кіевскую Палату Уголовнаго Суда, въ томъ же сентябрѣ.

Палата прежде всего обратила вниманіе на вышеупомянутыя слова отставнаго поручика Семена Квятковскаго и допросила его 5 октября. Поручикъ сдѣлалъ очень важное показаніе:

Во время одной ссоры съ матерью, послѣдняя сказала сыну:

— „Ежели попадешь на хуторъ, то *будешь и ты тамъ, гдѣ твой отецъ!..*"

— „Не дойду до того,—отвѣчалъ сынъ,—чтобы быть въ твоемъ хуторѣ!.. довольно-де будетъ и того, что *ты вбила и втопила* прикащика Лехнецкаго"...

Передавая этотъ разговоръ, Квятковскій прибавилъ, „что, дѣйствительно, вѣдаетъ, яко регистраторъ Лехнецкій пострадалъ утопленіемъ *отъ ее* (матери) *рукъ*, и можетъ то доказать своею присягою"...

Но на другомъ, дополнительномъ, показаніи Семенъ Квятковскій вдругъ самъ подорвалъ всякое значеніе перваго показанія... Онъ заявилъ, что „при утопленіи матерью" Лехнецкаго „онъ не былъ" и „былъ-ли кто при томъ изъ стороннихъ—не знаетъ", а вышеприведенныя оговорныя рѣчи на мать „показалъ по наущенію" Романа Сладковскаго...

Палата принялась собирать справки о личности „войсковаго товарища" Квятковскаго, который „именуется и поручикомъ". Оказалось, что въ 1786 г. производилось 2 дѣла о немъ:

1) по жалобѣ матери на непослушаніе сына, угрозы лишить ее жизни, „злословія" на нее, и проч.

2) о безчинствѣ, учиненномъ имъ въ Управѣ Благочинія, куда онъ ворвался ночью для свиданія съ „колодницей" Анной Колядовной.

Эти дѣла производились въ то время, когда Квятковскій еще состоялъ на службѣ въ Тверскомъ карабинерномъ полку, куда и переданы тѣ дѣла.

Позже, по выходѣ его въ отставку, возникъ цѣлый рядъ дѣлъ о Квятковскомъ, производившихся въ Кіевскомъ уѣздномъ судѣ, именно: 1) по жалобѣ матери на похищеніе имъ разныхъ ея вещей, 2) о причиненіи имъ побоевъ и увѣчья дядѣ по матери мѣщанину Василью Кисилевскому, 3) объ обманномъ взятіи имъ 1 рубля у другого мѣщанина, 4) о брани квартальнаго надзирателя, 5) о похищеніи шляпы у „студента" Новацкаго, 6) о причиненіи побоевъ одной мѣщанкѣ, 7) по жалобѣ матери на его побои, брань и похищеніе вещей, 8) о подговорѣ имъ своихъ работниковъ къ покражѣ денегъ въ „винопродажномъ погребѣ"...

По „повальному обыску" этотъ безпокойный человѣкъ „не одобренъ въ состояніи"...

Сладковскій рѣшительно опровергалъ взведенное на него Квятковскимъ обвиненіе въ вышеупомянутомъ „наущеніи" и прибавилъ, что онъ не разъ слышалъ, какъ Квятковскій „твердилъ", что „имѣетъ доказательства", что Лехнецкій утопленъ его матерью... Квятковскій сознавался Сладковскому, что „навѣты" на него сдѣлалъ „съ наущенія матушки"...

Въ присутствіи корнета Александра Курбатова Квятковскій настаивалъ предъ Сладковскимъ на квартирѣ послѣдняго, что Лехнецкаго утопила его мать, прибавляя, „что онъ знаетъ, якобы (такъ передаетъ Сладковскій рѣчи Квятковскаго) убитой Лехнецкій *жилъ блудно съ матерью его* и, дабы дального доказательства не было, (она) *велѣла его убить*"...

Но Квятковскій отказался отъ этихъ рѣчей, а Курбатовъ почему-то не былъ допрошенъ. Изъ нѣкоторыхъ дан-

ныхъ дѣла видно, что между Сладковскимъ и матерью Квятковскаго шли какіе-то нелады...

При родномъ братѣ Квятковской, „квартальномъ поручикѣ кіевскомъ купцѣ“ Иванѣ Кисилевскомъ, происходилъ однажды у матери съ сыномъ такой разговоръ. Семенъ Квятковскій просилъ мать, чтобы она постаралась освободить его изъ-подъ стражи (по его личнымъ дѣламъ).

— „Проси тѣхъ людей—сказала мать—кои тебя приводятъ къ худымъ дѣламъ“...

— „У меня такихъ людей нѣтъ“,—отвѣчалъ сынъ.

— „А твой пріятель Сладковскій?! Зачѣмъ ты его защищаешь и не говоришь на него того, что знаешь за нимъ?...“—продолжала Квятковская.

— „Семену плохо будетъ,—вставилъ Иванъ Кисилевскій—если онъ свои рѣчи поплутаетъ и не докажетъ“...

— „Скажи на Сладковскаго,—настаивала Квятковская,—что онъ тебя ко всему наставляетъ; тогда я постараюсь освободить тебя изъ подъ караула“...

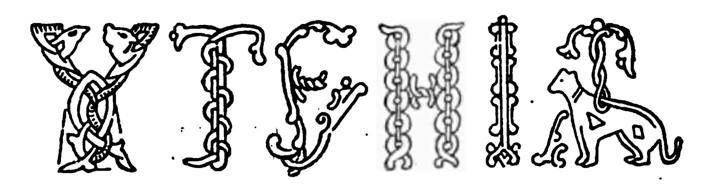
18 декабря 1788 г. *„рѣшительнымъ* Уголовной Палаты опредѣленіемъ положено“: такъ какъ явныхъ уликъ противъ Квятковской нѣтъ, а одни подозрѣнія, основанныя, главнымъ образомъ, на передаваемыхъ Сладковскимъ словахъ Семена Квятковскаго, отъ которыхъ послѣдній отказался, то утвердить приговоръ Губернскаго Магистрата относительно учиненія Квятковскою „очистительной присяги“, а затѣмъ „оставить“ обвиняемую „свободною и *предать сіе дѣло суду Божію“*... За держаніе же Лехнецкаго безъ письменнаго вида и за неувѣдомленіе о его смерти взыскать съ Квятковской „пени“ 10 рублей въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, также взять съ нея указанную Губернскимъ Магистратомъ „подписку“ о недержаніи людей безъ письменныхъ видовъ.

Въ январѣ 1789 г. родной братъ Квятковской мѣщанинъ Василій Кисилевскій просилъ отъ имени сестры выдать ей засвидѣтельствованную копію „рѣшительнаго приговора“ Уголовной Палаты, для „могущаго быть какого либо случая“.

Въ мартѣ того же года Мароа Квятковская принесла въ Городовомъ Магистратѣ „очистительную присягу“ и уплатила 10 рублей пени. Въ дѣлѣ нѣтъ подробнаго описанія этого судебнаго обряда.

Въ ноябрѣ Сладковскій просилъ выдать копіи своихъ показаній по дѣлу Квятковской и показаній Ивана Кисилевскаго, Ивана Мартоса и др. Эти документы понадобились ему для производившагося въ Городовомъ Магистратѣ дѣла по жалобѣ просителя на Квятковскую, которая называла Сладковскаго „кривоприсяжцемъ“ именно за его роль и показанія въ дѣлѣ о Лехнецкомъ... Дѣло между Сладковскимъ и Квятковскою производилось въ Городовомъ Магистратѣ въ 1790 году и неизвѣстно, чѣмъ закончился этотъ отголосокъ дѣла о Лехнецкомъ.

Н. Оглоблинъ.



въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

15

Книга восемнадцатая.

Выпускъ I.

Изданъ подъ редакціею
Н. П. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVIII, вып. 1-й.

Отдѣлъ I.

Сокращенное изложеніе сообщеній:

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

СТРАН.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Приложеніе.

Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й			книгъ	по	2 р.	50 к.
„	VI-й			„	„	3 „	50 „
„	II, VII, IX, XIII			„	„	3 „	
„	VIII, X, XI			„	„	2 „	
„	XII			„	„	4 „	
„	XIV,	вып.	1	„	„	1 „	25 „
„	—	„	2 и 3	„	„	1 „	40 „
„	XV,	„	1, 2, 3 и 4		„	1 „	50 „
„	XVI,	„	1—3 (Гог. сб.)			4 „	50 „
„	„	„	4	„	„	1 „	50 „
„	XVII	„	1		„	1 „	50 „
„	„	„	2, 3 и 4		„	1 „	25 „

каждая съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in 4°, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

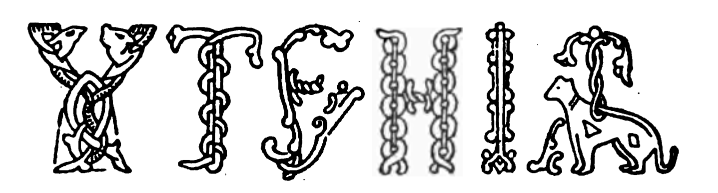
„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ томами въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.—Предсѣдатель Общества *Н. Дашкевичъ.*



въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Книга восемнадцатая.

Выпускъ II.

Изданъ подъ редакціею

А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVIII, вып. 2-й.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Приложеніе.

Цѣна 1 руб. 25 коп. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й книгъ		по	2 р.	50 к.	каждая, съ пересылкой.
„	VI-й		„ „	3 „	50 „	
„	II, VII, IX, XIII		„ „	3 „		
„	VIII, X, XI		„ „	2 „		
„	XII		„ „	4 „		
„	XIV, вып.	1	„ „	1 „	25 „	
„	— „	2 и 3	„ „	1 „	40 „	
„	XV, „	1, 2, 3 и 4	„	1 „	50 „	
„	XVI, „	1—3 (Гог. сб.)		4 „	50 „	
„	„ „	4	„ „	1 „	50 „	
„	XVII „	1	„	1 „	50 „	
„	„ „	2, 3 и 4	„	1 „	25 „	
„	XVIII „	1, 2	„	1 „	25 „	

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р. съ пересылкой.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in 4⁰, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.) съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

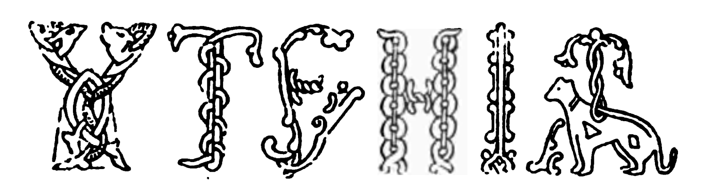
„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп. съ пересылкой.

„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ томами въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владиміра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца.—Предсѣдатель Общества *Ю. А. Кулаковскій.*



въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.

Книга восемнадцатая.

Выпуски III и IV.

Изданы подъ редакціею
А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Лито-Типографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская, 20.
1905

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Кн. XVIII, вып. 3-й и 4-й.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Отдѣлъ III.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Продажа I-й и III-й книгъ, оставшихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, прекращена.

Цѣна	IV-й и V-й книгъ	по	2 р.	50 к.
„	VI-й „	„	3 „	50 „
„	II, VII, IX, XIII „	„	3 „	
„	VIII, X, XI „	„	2 „	
„	XII „	„	4 „	
„	XIV, вып. 1 „	„	1 „	25 „
„	— „ 2 и 3 „	„	1 „	40 „
„	XV, „ 1, 2, 3 и 4	„	1 „	50 „
„	XVI, „ 1—3 (Гог. сб.)		4 „	50 „
„	„ „ 4 „	„	1 „	50 „
„	XVII „ 1	„	1 „	50 „
„	„ „ 2, 3 и 4	„	1 „	25 „
„	XVIII „ 1 и 2	„	1 „	25 „

каждая съ пересылкой.

„Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси“. Ц. 1 р., съ пересылкой.

„Труды III-го Археологическаго Съѣзда“, два тома in-4⁰, съ атласомъ и указателемъ выставки. Кіевъ, 1878 г. Цѣна 15 р. (вмѣсто 25 р.), съ пересылкой.

„Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева“ (съ рис.) К. 1897 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

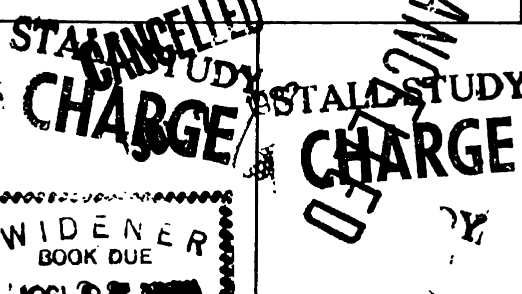
„25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца“ (Рѣчь и историческая записка Н. П. Дашкевича). К. 1899 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой.

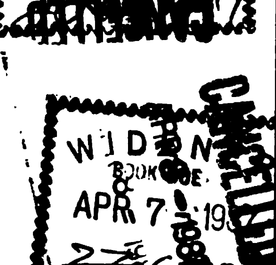
„Памяти Гоголя“, научно-литературный сборникъ. Кіевъ, 1902 г. Цѣна 4 р. 50 коп., съ пересылкой.

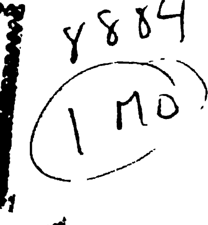
„Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“ выходятъ томами въ четырехъ выпускахъ, которые составляютъ одну книгу. Цѣна ей, при подпискѣ на всѣ 4 выпуска,—**4 руб.,** съ пересылкой.

Съ подпиской и письменными требованіями относительно этихъ изданій обращаться въ **Историческое Общество Нестора-лѣтописца при Университетѣ св. Владимра,** съ личными—къ библіотекарю Общества **И. М. Каманину** (Центральный Архивъ при Университетѣ св. Владиміра).

Печат. по постановленію Совѣта Истор. Общ. Нестора-лѣтописца.
Предсѣдатель Общества *Ю. А. Кулаковскій.*


STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED
STALL STUDY
CHARGE
CANCELLED


WIDENER
BOOK DUE


WIDENER
BOOK DUE
APR 7
CANCELLED